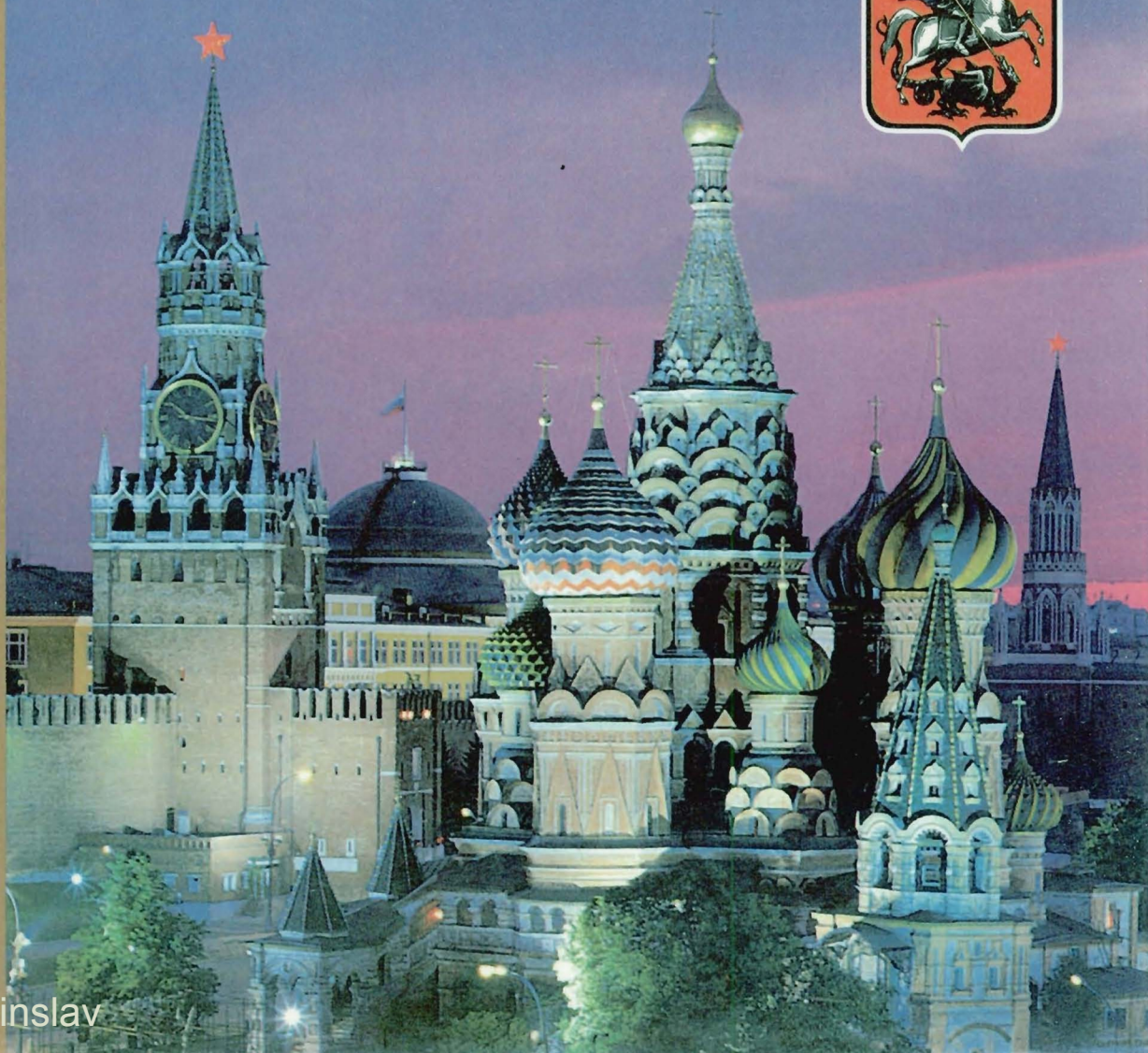

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

Издательская программа
Правительства Москвы

*Издание осуществлено при поддержке
Правительства Москвы
и посвящено 850 -летию города*

**БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЯ
МОСКВЫ**
С ДРЕВНЕШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

"НАУКА"

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1997 ГОД

Основан в 1957 году
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"

1997

ББК 63.2
А 87

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Москвы и КБ "Мост-банк"*

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:
*Ю.В. Андрушайтите, Н.А. Долдобанова (ответственный секретарь),
М.П. Ирошников, С.М. Кашианов, Б.Г. Литвак, Н.Н. Покровский,
В.А. Черных, С.В. Чирков*

Рецензент
академик Ю.А. Поляков

8(п)
А-87.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

90465

А 87 **Археографический** ежегодник за 1997 год. – М.: Наука, 1997. – 697 с.
ISBN 5-02-009748-9

Ежегодник посвящен 850-летию Москвы. Публикуемые в нем статьи и материалы характеризуют источники по истории города с древнейших времен до наших дней, развитие москвоведения в XIX и XX вв., деятельность московских архивов и музеев, труды выдающихся московских историков. Книга открывается статьями, посвященными 125-летию Исторического музея и 200-летию архивов Москвы. Вводятся в научный оборот новые архивные документы и воспоминания об исторических событиях, культуре, повседневной жизни Москвы с XV в.

Для историков, архивистов, филологов, краеведов.

А 0502000000-062
042(02)-97 Без объявления

ББК 63.2

ISBN 5-02-009748-9

© Коллектив авторов, 1997
© Издательство "Наука", художественное оформление, 1997
© Российская академия наук, 1997

ОТ РЕДАКТОРА

Выход "Археографического ежегодника за 1997 год" приурочен к празднованию 850-летия Москвы. Археографические ежегодники стали издаваться по почину академика М.Н. Тихомирова с 1957 г. Археографической комиссией Академии наук. Сейчас готовится к печати книга-указатель содержания всех ежегодников за 40 лет. В отличие от Археографических ежегодников за предыдущие годы, неизменно многотемных, АЕ за 1997 год посвящен только прошлому Москвы и истории его изучения. В нем значительно больше места, чем во всех ранее вышедших томах, отведено документальным публикациям – тем самым существенно обогатилась источниковая база самостоятельных занятий в сфере москвоведения.

В юбилейном "Московском" ежегоднике еще выделены в особые разделы материалы, относящиеся к юбилеям меньшего масштаба, но тоже московским, – 125-летию Исторического музея и 200-летию московских архивов. Статьи и сообщения о Москве с XV столетия до наших дней, обзоры и описания документальных материалов многих разновидностей (летописи и акты, сказания иностранцев и географические чертежи XVII в., делопроизводственная документация и статистика, дневники, переписка, воспоминания), данные о Москве эпохи Ивана Грозного и XVII в., времени Пушкина и декабристов, а также революционных событий 1917 г., периода Великой Отечественной войны, о московских монастырях и усадьбах, об учебных заведениях (высших и средних), книгоиздательствах и театрах, о строительстве метро, Политическом Красном Кресте послереволюционных лет и о каждодневном обиходе московской профессуры, особенно много материалов, посвященных московским хранилищам документов, деятельности научных обществ и отдельных ученых и краеведов – все это вмещают страницы настоящего ежегодника. Имеется подборка статей о новейших научных изданиях о Москве. В разделе "Публикации" – грамоты из архивов монастырей и сообщения англичан о России кануна Смутного времени, полное авторское оглавление многотомного дневника А.Я. Булгакова за вторую четверть XIX в., отражающего детально события в сфере придворно-политической жизни и культуры Москвы и Петербурга с приложением именного указателя, записи об учено-литературной Москве 1860-х годов, о коронации Александра III, воспоминания об организации экскурсий по

Москве в 1920-е годы и о Брюсовском институте, неопубликованные работы москвоведов, художественно-литературное наследие М.Н. Тихомирова. В книге собраны труды не только московских авторов, но и иногородних, и зарубежных.

Обычно рукопись "Археографического ежегодника" за определенный год передается в издательство "Наука" в конце года (указанного на корешке книги) с учетом хроники событий научной жизни за год, и он выходит в свет уже в последующее время. На этот раз подготовку ежегодника старались приурочить к юбилею Москвы, не дожидаясь даже выхода в свет "Археографического ежегодника за 1996 год" (в котором помещены материалы и к 40-летию Археографической комиссии).

Это издание оказалось возможным осуществить при содействии мэрии Москвы, прежде всего Министра Правительства Москвы, Префекта Центрального административного округа А.И. Музыкантского (данный ежегодник включен в число книг Библиотеки "История Москвы с древнейших времен до наших дней", символика которой помещена на контртителе), благодаря финансовой помощи КБ "Мост-банк" и его Президента Б.Г. Хаита. Глубокая им признательность.

С.О. Шмидт

И. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

125-летие ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

С.О. Шмидт

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И ЕГО СОТРУДНИКИ В НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИИ*

Знаменательно, что юбилей Государственного Исторического музея пришелся на юбилейный год Москвы. Музей — средоточие и исторической памяти России, и ценнейших материалов по истории Москвы и ее жителей. Музей и создан и развивается усилиями москвичей, расположен на главной площади и России и Москвы — Красной площади. Нам — историкам и хранителям памятников истории и культуры особенно приятно то, что первые по времени юбилейные торжества в Москве 1997 года это — праздники хранителей памяти о прошлом: Государственного Исторического музея, отмечающего свое 125-летие, и Московских архивов, которые на этой неделе будут отмечать 200-летие¹; и то что обеим научным конференциям, организованным в связи с этими событиями, придан международный статус. А осенью прошлого года схожим образом отмечалось и 100-летие Музея истории Москвы; и на той конференции мне тоже доверено было выступить с докладом "Роль музеев Москвы в сохранении и изучении историко-культурного наследия"², в котором особое внимание уделялось Историческому музею.

Известно, что в начале XVIII в. столицу волею Петра Великого перенесли в новопроектированный Петербург, и Москва — по образному определению Пушкина — стала "порфиросною вдовою". Но она оставалась сердцем России, средоточием ее историко-культурных традиций.

Венчание на царство императоров происходило по-прежнему в первопрестольной — в Успенском соборе Московского Кремля; при Екатерине II в Москве первоначально заседала Комиссия об Уложении — собрание сословных представителей; в Москве основали в 1755 г. первый в России университет с тремя факультетами (где первым московским музеем стал созданный в 1791 г. его Кабинет натуральной истории, преобразованный позднее в Зоологический музей). Близ Москвы расположена Троице-Сергиева лавра с главным учебным заведением для священнослужителей. В Москве хранились и основные документы о прошлом России и образовались первые исторические архивы.

Характеризуя особую роль Москвы, Н.М. Карамзин в "Записке о московских достопамятностях" 1817 г. отметил: "Говоря о Москве, забудет ли историограф

* В основе статьи доклад в день открытия Международной научной конференции "Государственный Исторический музей — сокровищница российской и мировой культуры". 24 февраля 1997 г.

¹ См. в наст. изд. подраздел "К 200-летию московских архивов".

² Печатается в кн.: Исторические музеи в системе культуры города: Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Музея и 850-летию Москвы.

то место, где собраны все наши государственные хартии пяти веков, от XIII до XVIII? Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе"³. И показательно, что именно в Москве составлялись фундаментальные обобщающего типа многотомные исторические сочинения о России — Татищева, Щербатова, Карамзина, Соловьева, Ключевского, Забелина.

Показательно и то, что заседание наше (правда, не преднамеренно, а — увы! — из-за затянувшегося ремонта здания Музея) происходит в красивом и знаменитом актовом зале старого здания Московского университета, так как в истории Музея и Университета теснейшие взаимосвязи: здание Музея построено на том месте, где вели занятия в открытом в 1755 г. университете. Музей основан в значительной мере благодаря почину профессоров Университета и его выпускников (как профессор К.Н. Бестужев-Рюмин). Политехническую выставку 1872 г., экспонаты которой стали первичной основой двух музеев — Исторического и Политехнического, организовали профессора Университета. Первые устроители научной работы Музея — выпускники Университета; в этом зале они получали диплом о его окончании. Окончившие Университет и позднее составляли основной костяк научных сотрудников Музея, а школа работы в Музее стала школой исследовательской деятельности многих преподавателей Университета; экспозиция Музея, хранимые там сокровища обогащали университетское преподавание истории и других гуманитарных наук.

Когда в первой половине 1980-х годов я выступал на научной конференции в Музее с докладом "Исторический музей и источниковедение истории СССР"⁴, специальных трудов по истории Музея и его коллекций было сравнительно немного, из работ обобщающего характера можно было опираться на статьи А.Б. Закс и А.М. Разгона. Теперь положение существенно изменилось: все большее внимание такой проблематике уделяется в статьях, публикуемых в Трудах Государственного Исторического музея, в диссертациях. Сейчас к юбилею получили подарок — книгу "И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма" (М., 1997). Это заметно обогащает источниковую базу работы по теме, объявленной в заголовке доклада (основанного в значительной мере на материалах двух ранее упомянутых докладов).

Организация в 1870 — 1880-е годы Исторического музея — важное и многое объясняющее явление не только научной, но и общественной жизни той эпохи. Понятие о своем прошлом на научной основе стало казаться необходимым и в системе образования и для воспитания общественного сознания. Если еще в 1810-е годы автор "Истории государства Российского" Н.М. Карамзин воспринимался как первооткрыватель — Колумб прошлого своего Отечества, то с распространением книг его "Истории" (и переложений их) тематика отечественной истории приобрела особую популярность в художественной (а также псевдохудожественной) литературе и искусстве. Формируется государственная система охраны памятников истории и культуры; внимание ученых и публицистов начинает привлекать памятникоохранительная проблематика. В результате достижений археографических экспедиций образовалась Археографическая комиссия, издававшая акты и летописи. Историческая тема заняла видное место в начавших выходить губернских и епархиальных ведомостях, в деятельности губернских статистических комитетов. Географическое общество выступило инициатором экспедиций (с участием виднейших писателей) по изучению современного быта и составления анкет, со сведениями и об историческом прошлом и его памятниках; Московское Археологическое общество созывало с 1869 г. всерос-

³ Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Наше наследие. 1991. № 6. С. 43; см.: также: Афиани В.Ю. "Кто был в Москве, знает Россию". Николай Михайлович Карамзин. 1766—1826 // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 7—25.

⁴ Проблемы экспозиционной и фондовой работы // ТГИМ. М., 1987. Вып. 65. С. 19—29.

сийские археологические съезды. Организуются кафедры отечественной истории, а затем в Петербурге и Археологический институт (главным образом для подготовки археографов). Утверждается практика составления церковно-приходских летописей; история пронизывает школьное преподавание "родиноведения".

И широкая общественность, и власть имущие уверились в том, что России необходим национальный Исторический музей и местом его следует избрать Москву. Именно с Москвой связано предшествовавшее появлению музеев создание коллекций памятников истории и культуры — Оружейная палата в Кремле и частные собрания (причем и вельможной знати, и коммерсантов, и профессоров Университета), которые все в большей мере становились доступными для обозрения и ученых занятий. Создавались описания этих коллекций, публиковались как сами памятники, так и сведения о них. В 1806 г. Оружейная палата была преобразована из ведомственного хранилища в музей (первое здание для которого построили в 1810 г.). Показательно, что первым научным обществом в России было возникшее при Московском университете Общество истории и древностей российских, основанное в 1804 г. для изучения и публикации документальных памятников. В 1861 г. в Москву перевезли богатства, собранные Н.П. Румянцевым, и образован был Публичный Румянцевский музей, ставший основой главной российской библиотеки. Музею предоставили красивейшее здание напротив Кремля.

Академик Л.Н. Майков на заседании памяти знаменитого коллекционера и ученого Д.А. Ровинского в 1896 г. заметил: "Забелин и Ровинский принадлежали к тем людям, молодость которых протекала в Москве, когда там высоко поднялась русская мысль, направленная преимущественно на изучение русской старины и народности"⁵. Живой интерес вызвала Этнографическая выставка, переданная затем в Румянцевский музей. Тома "Истории России с древнейших времен" С.М. Соловьева получают отклик в самых популярных общественно-политических журналах. Величайший памятник художественной литературы 1860-х годов "Война и мир" Л.Н. Толстого имеет собственно историческую основу. Драмы А.Н. Островского и других авторов, определявшие общественное значение репертуара Малого театра (называемого тогда вторым университетом Москвы), творчество передвижников и собирание современной живописи П.М. Третьяковым — все это в пореформенные годы характеризовало уровень общественного сознания и понимание роли Москвы в формировании исторических представлений о России.

Исторический музей призван был — согласно его Уставу — "служить наглядной историей" прошлого нашего Отечества и "содействовать распространению сведений" об этом, руководствуясь принципом "предметного показа" исторического прошлого. Конечно, концепция отображения прошлого во многом определялась формулой "православие, самодержавие, народность", близкой и организатору Музея графу А.С. Уварову (сыну проводника этой тенденции министра народного просвещения С.С. Уварова), и тем более его августейшим покровителям, но в программе практической деятельности музея акцент был сделан на последней части триады: притом обращалось внимание не только на быт народа, но и на его социальное сознание, в том числе проявления классовой ненависти к угнетателям.

Музей с самого начала, — по мысли его организаторов — должен был стать и хранилищем памятников истории и культуры, и просветительски-учебным учреждением, и средоточием научно-исследовательской работы.

Установили, что вход в Музей бесплатный: Забелин противодействовал

⁵ Цит. по: Сакович С.И. К истории формирования коллекции И.Е.Забелина // ТГИМ. М., 1992. Вып. 81. Ч. 1. С. 118.

введению платы, более того — искал призывные пути привлечения в залы простолюдинов. В Музее образовалась библиотека широкого профиля, читались публичные лекции (для чего выстроили особую аудиторию). За консультациями обращались и сам Лев Толстой и, конечно, менее известные лица, часто актеры, участвовавшие в спектаклях исторической тематики⁶.

В своей просветительской деятельности Музей много способствовал восприятию широкой публикой (и учащимися школ) современных научных представлений о прошлом, о памятниках истории России и методике их изучения. Ведь понятия о культурном наследии изменяются: с распространением интереса не только к государственно-политической истории, но и к социально-экономической, к истории материальной и духовной культуры внимание общественности притягивают уже не одни лишь высокие образцы художественного мастерства, драгоценные изделия ювелиров, монументальные памятники, но и орудия повседневного труда, остатки одежды, пищи. Существенно и то, что выдающиеся явления находят отражение отнюдь не только в памятниках выдающейся формы, объема: пример новейших десятилетий — великое открытие новгородской экспедицией МГУ сотен берестяных грамот в мусоре древних мостовых. Это совершенно изменило наши прежние представления о грамотности и быте, о культуре в целом жителей допетровской Руси. Теперь имеются свидетельства того, что подобные берестяные грамоты писали и в других городах Древней Руси, и в Москве, но почвы нашей столицы менее благоприятны для сохранения таких образцов культурного наследия.

Самоотверженная и целенаправленная работа сотрудников Музея, а также официальное покровительство ей со стороны высшей власти способствовали росту престижа Музея и притоку даров. Коллекционеры все в большей мере склонны были к передаче или завещанию своих коллекций этому хранилищу. Особо значителен был дар московского коммерсанта П.И. Шукина; именем его намерены (в связи со 125-летием) назвать один из залов Музея, а его воспоминания, вышедшие тиражом в 50 экземпляров, издаются сейчас с примечаниями и иллюстрациями, подготовленные к печати Н.В. Горбушиной с моим предисловием. Естественно, что в Музей перешли коллекции и его основателей А.С. Уварова и И.Е. Забелина.

Оружейная палата была музеем исторических редкостей, уникальных памятников; и это отвечало первоначальному представлению о задачах науки истории, обязанной сохранять память прежде всего об "избранных" явлениях — лицах и событиях, поражавших современников и уже тем самым поучительных и интересных потомству. Постепенно понятия об "исторически значимом" изменялись, что нашло отражение уже в источниковедческом введении к первому тому "Истории" Карамзина — как раз к той книге, которая в детстве еще — по словам самого Забелина, приохотила его к занятиям историей. В Историческом музее должно было сосредоточивать прежде всего памятники повседневной жизни, напоминающие о явлениях "несобытийной истории". А это преимущественно исторические источники массового распространения (при своем появлении обычно и массового употребления). Хотя собирали, конечно, и раритеты — более того, заказывали для экспозиции копии таких уникалов (каменная резьба Владимирских соборов, тронное кресло царя Ивана IV из кремлевского собора и др.) и картины и фрески, с изображением событий старины, опирающимся на данные рекомендованных учеными первоисточников. Забелин еще в 1871 г. предлагал "представить несколько комнат в том виде, как жили предки". То же предполагал сделать А.С. Уваров. Положение об особом значении письменных

⁶ Станкевич А.И. Музей. Из воспоминаний первого библиотекаря / подг. к печ. Н.Л. Зубова // И за строкой воспоминаний большая жизнь... М., 1997.

массовых источников Забелин сформулировал и того ранее — в 1860 г.: "Как важны, например, все акты, записи, называемые обычно юридическими или этнографическими, особенно все те бумаги, в которых записаны не правительственные действия и распоряжения, а живые дела народа. Сыскное уголовное дело, жалобная челобитная, домашний акт и записи духовные и рядные, частные письма, расходные книги и т.д., все это самые добрые родники для исследователя и испытателя древней жизни"⁷.

И Забелин старался привлечь таких научно-перспективных молодых "исследователей и испытателей" к музейной работе: и к выявлению, собиранию, научному описанию музейных материалов, и к исследованиям разнообразной тематики, основанным на изучении этих материалов и сопоставительном рассмотрении их с другими. В музее уже тогда формировалась атмосфера не просто трудолюбия и высокой профессиональной компетентности, а преданной любви именно к своему труду. На рубеже XIX и XX вв. в Музее работали археологи В.И. Сизов и В.А. Городцов, нумизмат А.В. Орешников, этнограф Н.Н. Харузин, знатоки памятников древней письменности В.Н. Щепкин и М.Н. Сперанский и другие будущие классики наших специальных гуманитарных наук. Вечерние беседы с Забелиным становились для них вторым университетом.

Любопытны в этом плане воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине: "...глубокий бытовой историк ...не будучи учителем по профессии или профессором на кафедре, И[ван] Е[горович] был для нас тем и другим при общении с ним в стенах Музея, где, благодаря ему, создалась и прочно держалась та научная атмосфера, без которой немыслима серьезная научная исследовательская работа, которая составляла насущную потребность, когда мы находились в стенах Музея. Этой ведь атмосферой определялся круг наших интересов, вращавшихся почти исключительно среди вопросов научного характера, чаще всего в связи с предметами, тогда в обилии поступавшими в Музей, либо служившими предметом изучения того или другого из нашей среды"⁸. Забелин прежде всего выделял работы, опирающиеся на изучение первоисточников (в этом плане показателем его отзыв о Д.И. Иловайском: "Мыльный пузырь, взмыленный рекламой приятелей... ловкий компилятор, никогда не работавший по первоисточникам"⁹).

В первые послереволюционные годы в работе Музея деятельно участвовали видные ученые, известные прежними исследованиями (М.М. Богословский, С.В. Бахрушин, А.С. Орлов, В.Ф. Ржигя и др.), и университетские ученики и их, и прежних сотрудников Музея (Г.А. Новицкий, многие археологи). Академик М.Н. Тихомиров — мой учитель, именем которого решено в связи со 125-летием назвать один из залов Музея, возродитель Археографической комиссии РАН и организатор кафедры источниковедения МГУ, был основателем в 1918 г. и одного из лучших подмосковных музеев в г. Дмитрове. Несомненно, что он воспринял уроки собирательской деятельности и экспозиции Исторического музея; а затем именно Музей во многом помог ему стать знаменитым ученым: во второй половине 1920-х годов, в период господства социолого-политической вульгаризации в высшей, и особенно в средней школе, М.Н. Тихомиров не склонен был преподавать обществоведение, предпочел преподавание географии; но он постоянно занимался в Отделе рукописей и старопечатных книг,

⁷ Забелин И.Е. Размышления о современных задачах русской истории и древностей // Отечественные записки. 1860. Т. 133, кн. 11. Отд. 1. С. 112. О И.Е. Забелине см.: И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29—31 октября 1990 года // ТГИМ. Вып. 81, ч. 1, 2. М., 1992.

⁸ Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине / подг. к печ. С.Б. Филимонов // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 274.

⁹ Цит. по: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 187.

безвозмездно описывал хранящиеся там памятники, потом приглашен был на работу штатным сотрудником, позже и заведующим отделом¹⁰. Там он накопил такое богатство знаний неизданных текстов, что в период, когда появилась возможность снова заняться гражданской историей и специальными историко-филологическими дисциплинами, с поразительной скоростью сумел подготовить к печати книги и статьи, первый учебник источниковедения отечественной истории до XIX в. со многими примерами из рукописей ГИМ.

Музей, его хранилища стали важной базой для дальнейшей работы многих археологов, этнографов, филологов, искусствоведов. Академик Б.А. Рыбаков говорил впоследствии: "Я вспоминаю с огромной благодарностью те 20 лет, которые я провел в стенах Исторического музея в Москве. Как много дали мне эти годы знакомства с фондами, знакомства с подвалами. Там хранятся такие сокровища, о которых знают лишь немногие. Это сокровища исключительной ценности — познавательной, научной, пропагандистской"¹¹. Профессор Н.Л. Рубинштейн, руководивший в 1943—1949 гг. научной работой Музея и изданием его трудов, в значительной мере в Музее сумел еще больше расширить круг своих многообразных знаний об источниках познания российской истории.

Музей всегда воспринимался как научное учреждение¹². И не потому только, что сотрудниками его были и остаются ученые, известные своими исследовательскими трудами — так сказать, традиционного типа (книги, статьи, публикации памятников). Но и потому, что выявление, атрибутирование, научное описание памятников тоже является высокого класса исследовательской работой. Более того, научные описания и публикации обычно в большей мере долгожители, чем исследования той или иной тематики, перекрываемые позднее новыми работами по той же теме.

Особое значение для развития науки имела деятельность музеев, и прежде всего Исторического музея, в годы насаждения вульгарно-политической социологии — в музеях сохранялось "ремесло" ученого, продолжали культивировать конкретно-исторический подход к остаткам прошлого, и, соответственно, совершенствовалась методика специальных исторических дисциплин. И, быть может, потому-то виднейшие ученые были уволены из Музея в зловеющий год "великого перелома", а некоторые пострадали по фальсифицированным "делам" академиков-историков, славистов и другим.

Очень заметна роль Музея в становлении и развитии культуры источниковедения, да и история самого Музея может рассматриваться как комплексный источник истории культуры, науки и просвещения в нашем Отечестве.

Историческим источником можно признать все то, что источает информацию, полезную для историка; возможности обнаружения и извлечения такой информации зависят от научного кругозора и методического мастерства историка. Круг исторических источников многообразен. И именно в музейной практике особенно ощутимы возможности комплексного, синтетического, сравнительного (компаративного) источниковедения, о чем все больше пишут и в России, и за рубежом, чему посвящаются конференции последних лет, организуемые кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ и АК¹³.

¹⁰ См. воспоминания М.Н. Тихомирова "Исторический музей" (наст. изд.).

¹¹ Рыбаков Б.А. О путях расширения пропаганды музейных реликвий // Музейное дело в СССР: Научные основы работы музеев исторического профиля [Сб. ст.]. М., 1980. С. 23—24.

¹² См. статью сборника "Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры" (ТГИМ. М., 1995. Вып. 87.).

¹³ Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. Сб. статей / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1969; Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996; Источниковедение и

Музей и развитие проблематики источниковедения — тема, заслуживающая всестороннего монографического исследования. В упоминавшемся выше постановочного характера статье 1987 г. я уже пытался наметить некоторые ее аспекты.

а) Музей как собрание, хранилище исторических источников; система выявления и собирания исторических источников в Музее и ее научные результаты; система хранения и описания исторических источников в Музее и их научно-методическое значение; система использования исторических источников Музея в экспозиции, в исследовательских трудах, в пропаганде исторических знаний и научно-методическое и общественное значение этой деятельности;

б) место исследовательского характера источниковедческой проблематики в деятельности Музея в целом и отдельных его научных сотрудников;

в) вклад Музея и ученых, работающих там, в развитие источниковедения; роль Музея в формировании общих представлений об исторических источниках и особенно об их типологии, о классификации и систематизации исторических источников, о разных уровнях источниковедения, в частности о прикладном источниковедении;

г) роль Музея в формировании представлений о музейном источниковедении: его предмете, истории, задачах¹⁴;

д) роль Музея и его ученых в формировании источниковой базы отечественной истории и общих представлений о такой источниковой базе и методах ее использования.

С Историческим музеем — и вообще с музеями — связаны традиции описания и публикации многих классов памятников истории и культуры — в виде печатных или рукописных (машинописных или на современной технической основе) трудов или экспозиций, которые тоже могут рассматриваться как форма публикации памятников истории и культуры.

В процессе дифференциации научных знаний и дисциплин формируются школы научного описания и изучения различных типов, видов и разновидностей таких памятников (изделий из камня, металла, дерева, керамики и стекла, тканей и костюма, оружия, мебели, монет, живописи, гравюр и рисунков, рукописей и старопечатных книг, географических карт и т.д.), опирающиеся на достижения отечественной дореволюционной и зарубежной науки, выводы современных исследований и опыт недавней музейной практики. Это нашло отражение и в выдающемся значении серийном издании "Памятники культуры", и в других изданиях, подготовленных в Музее (от массовых буклетов до книг подарочного типа). Существенно весом вклад А.А. Фомина, С.К. Просвиркиной, С.К. Жегаловой, А.Б. Салтыкова, Н.А. Ашариной, Н.Г. Левинсона, М.М. Постниковой-Лосевой, Т.Г. Гольдберг, М.М. Денисовой, М.Н. Левинсон-Нечаевой, Л.И. Якуниной, А.А. Сиверса, Н.Д. Мец, С.А. Яниной, А.И. Анисимова, Е.С. Овчинниковой, Т.Л. Вейнберг, М.Ю. Барановской, М.В. Щепкиной, Т.Н. Протасевой, М.Е. Фосс, А.Я. Брюсова, А.П. Смирнова, М.В. Фехнер и других ушедших уже от нас ветеранов Музея в развитие научных представлений о путях выявления и приемах описания, а также типологизации разнообразных памятников духовной и материальной культуры.

Это существенно обогатило и наши знания об информационном потенциале таких памятников для историка (или уже — археолога, этнографа, искусствоведа, языковеда и т.д.) и об их типологических особенностях. В это же время в условиях музейной работы, в процессе взаимной информации и взаимопроверки

компаративный метод в гуманитарном знании: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1996.

¹⁴ См.: Разгон А.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984.

научных соображений по "наглядно" наблюдаемым первоисточникам, происходило и расширение представлений о возможностях и методике источниковедческого синтеза (с использованием приемов, характерных для смежных отраслей знания и культуры) и об исторической базе различных сфер (или форм) деятельности историка (научно-исследовательской, учебной, популяризаторско-пропагандистской). Ведь именно в музеях особенно ощутима теснейшая взаимосвязь развития материальной и духовной культуры; и не случайно то, что выводы и наблюдения удостоенных очень высокой оценки книг по истории русской культуры XIII—XVIII вв., подготовленных на историческом факультете МГУ, основаны в значительной мере на материале, изученном и экспонируемом именно в Историческом музее.

Многообразный комплекс исторических источников и историко-сравнительная методика использованы уже Забелиным в его обобщающих трудах о быте русского народа и по истории Москвы. Это заметно в творчестве ученых Музея и последующих поколений. Так, В.А. Городцов, разрабатывавший типологические основы систематизации коллекционных археологических материалов, отнюдь не ограничивался в своих построениях и конкретных наблюдениях материалами раскопок, но привлекал и иные, подчас более поздние памятники материальной и духовной культуры; А.В. Орешников данные монет (т.е. собственно нумизматические) сопоставлял с данными письменных (в том числе эпиграфических), археологических памятников; В.Н. Щепкин (а позднее, вслед за ним, и М.В. Щепкина) особое внимание уделял изучению лицевых рукописей; М.Н. Сперанский — наряду с памятниками письменности — фольклору, и т.д. В первые же годы советской власти, с существенным обогащением тематики экспозиционной и исследовательской работы, увеличением штата научных сотрудников, эти традиции еще более утвердились. Для 1920-х годов это, пожалуй, особенно заметно в деятельности Ю.В. Готье — крупного исследователя истории XVI—XIX вв., написавшего обобщающие труды и о раннем периоде истории, основанные на изучении археологического материала, и ставшего одним из главных учителей целой плеяды выдающихся советских археологов. И археологи эти еще в годы работы в Музее стали, в свою очередь, специалистами в области и собственно археологии и истории, исследователями не только вещественных памятников, но и миниатюр лицевых рукописей, географических карт (А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков и др.).

Такой широкий сравнительно-типологический подход к историческим явлениям, к памятникам истории и культуры нашел, конечно, отражение и в самом процессе выявления и собирания памятников для коллекции Музея, в отборе их для экспозиции, в организации научных экспедиций, в выработке рекомендательной методики для других (прежде всего краеведческих) музеев.

Весьма значительна всероссийская роль Музея — помощь в организации музеев на местах, в реставрации памятников в других городах, участие в подготовке Всероссийских археологических съездов и т.д., при этом самое существенное то, что его экспозиции воспринимались как образец для "меньших братьев". И тогда, когда не были распространены понятия "головной музей" (институт), Исторический музей по существу всегда в представлении и музейных работников, и широкой общественности казался "головным" музеем, где можно и должно было учиться собиранию, изучению, экспонированию памятников истории и культуры.

Важно значение деятельности Музея в становлении и утверждении представлений об организации музейного дела (работы Г.Л. Малицкого и др.), о музейной экспозиции (работы А.Б. Закс, С.Л. Марголина, П.Г. Рындзюнского, Д.И. Тверской и др.). Разработка планов экспозиции, отбор материалов (памятников) и текстов для нее в Историческом музее — всегда значительного масштаба

научная работа; а научный уровень экспозиции всегда отражает и уровень развития науки и характерные черты общественно-политической жизни. И лишение возможности визуального приобщения к памятникам экспозиции и хранилищ Музея на протяжении времени ремонта несомненно нанесло ущерб не только в сфере просвещения и обучения молодежи, но и в сфере научной деятельности.

Научные работники Музея неизменно тесно связаны с научно-исследовательской работой и других учреждений, с преподаванием в высшей школе, а высшая школа их опыту во многом обязана выработке программ и методики преподавания археологии, палеографии, нумизматики и других специальных отраслей науки. При этом важно отметить, что приемы исследования и преподавания были основаны всегда на изучении первоисточников, и в первую очередь в собрании Музея.

Ученые Музея помогали и помогают в освоении источниковедческой методики, а их монографии и статьи, — в частности, напечатанные в серийном издании "Труды Государственного Исторического музея" (книги М.В. Фехнер, Д.И. Тверской и др.) — отличаются особой источниковедческой насыщенностью. Вряд ли случайно (если ограничиваться примерами работы с близкими моим научным интересам письменными источниками), что исследования именно памятников Музея стали основой учебных справочных пособий по палеографии В.Н. Щепкина и М.В. Щепкиной, а также М.Н. Тихомирова и что эти традиции успешно продолжают Т.В. Дианова и Л.М. Костюхина.

Приятно отметить постоянные творческие взаимосвязи в последние десятилетия Музея (особенно ОР и ОПИ) с Археографической комиссией РАН, участие сотрудников Музея в составлении Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, и Каталога личных фондов отечественных историков, в изданиях Археографической комиссии (Археографических ежегодников, трудов по филигранологии и др.). Ныне совместными усилиями с немецкими коллегами готовится издание Макарьевских Четых Миней¹⁵.

Важно указать и на просвещенное гостеприимство руководителей и сотрудников Музея. Музей — место открытых научных конференций и заседаний, в которых участвуют не только его сотрудники: особенно заметным явлением в общественной жизни были заседания общества "Старая Москва", душой которого был П.Н. Миллер¹⁶. Богатства Музея — это богатства для науки, открытые не только известным специалистам, но и начинающим исследователям. (Испытал это и на себе, в аспирантские годы, о чем вспоминаю с благодарностью.) И сами сотрудники Музея постоянно участвовали и участвуют в работе учреждений и научных советов Академии наук, связаны с вузами, другими хранилищами.

Музей был и остается школой обучения для студентов. Плодотворная связь его с высшей школой — славная страница нашей культуры. Это важно и для формирования источниковедческой образованности, "источниковедческой культуры" студентов, понимания ими характера предстоящей им краеведческой и учебной работы, создания представлений о корпусе (или возможном корпусе) источников по истории того или иного края, города, об общем и особенном в источниковой базе отечественной истории. Опытные профессора всегда побуждали студентов изучать материалы Музея, помогали им на примере подхода к этим материалам постигнуть искусство извлечения информации из разнотипных исторических источников, обучали их умению доносить эту информацию до

¹⁵ См. в наст. изд. статью Э. Вайера "Великие Миней Четых в кругу московских политических, идеологических и культурных традиций".

¹⁶ См.: *Филлимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива общества по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

слушателей, интерпретировать данные источников в историческом построении. Занятия в Музее были обязательными для учеников профессора П.П. Смирнова в МГИАИ даже в дни войны¹⁷; тесно связан с Музеем был исторический факультет МГУ. Нельзя не вспомнить, как много получили в Музее и как часто бывали там ученики академика М.Н. Тихомирова и тогда, когда он руководил отделом рукописей и проводил там занятия по палеографии, приобщая к подлинным памятникам письменности, и позднее.

В Музее много сделано для приобщения к работе в музеях, к работе с историческими источниками школьников. Музей был общепризнанным методическим центром деятельности по созданию соответствующих методических пособий (работы З.А. Огризко, А.И. Шкурко и др.). В этих пособиях особое внимание уделялось формированию первичных (но научных в своей основе) историко-ведческих навыков.

Потому-то в циклах телепередач 1970-х — 1980-х годов "Беседы об истории" и "Отечественная история до XIX в." я старался знакомить с богатствами Музея, а некоторые телезаписи были сделаны в экспозиционных залах Музея.

Увы, о многом приходится говорить в прошлом времени — столь долгий ремонт лишил старших возможности приобщения к тому, что стало их привычной потребностью, а молодежь и вовсе оказалась обкраденной в своих исторических знаниях. Филиалы — даже с новыми, умело подготовленными экспозициями — не могут заменить Музей в формировании целостных исторических представлений. Какой урон нанесен народному просвещению, патриотическому воспитанию!

Основное здание Музея уже много лет из-за затяжного ремонта недоступно для посетителей, хотя сотрудники отделов музея ведут неустанно научно-описательную и научно-исследовательскую работу, организуют выставки и в России и за рубежом и как Музей действуют филиалы: Новодевичий монастырь, Собор Василия Блаженного, Палаты бояр Романовых, церковь Троицы в Никитниках и другие. (Но, увы! — лишились Музея декабристов в городской усадьбе Муравьевых-Апостолов.)

В канун третьего тысячелетия очевидно замечен возрастающий во всем мире интерес к проблеме культурного наследия человечества. Этой тематике была посвящена и одна из дискуссий "круглый стол" XVII Международного конгресса историков в Мадриде в 1990 г., предваренная совместным докладом советских ученых академика С.Л. Тихвинского — председателя Национального комитета историков СССР и С.О. Шмидта "Историки и сохранение культурного наследия человечества"¹⁸. (Основные мои соображения были затем изложены в статье международного сборника 1992 года "Музеи мира"¹⁹.)

Для наших дней характерно то, что, рассуждая об "исторических", т.е. знаменитых в истории, современных столицах и городах, оценивают их "историческое" значение не только по памятным событиям и именам известных уроженцев и обитателей и числу выдающихся памятников истории и культуры, но и по тому, как сохраняется там историко-культурное наследие, как оно изучается и используется, какова его роль в развитии современного просвещения. Отношение к памятникам культуры прошлого — один из важнейших критериев оценки культуры современности.

В наши дни открытости отношения и к настоящему, и к прошлому России

¹⁷ Козлов В.Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П.П. Смирнова // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 246.

¹⁸ Тихвинский С.Л., Шмидт С.О. Историки и сохранение культурного наследия человечества // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 44—54.

¹⁹ Шмидт С.О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Музеи мира. М., 1991. С. 98—110. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997.

интерес к истории у наших соотечественников отнюдь не ослабевает. А для иностранцев, приезжающих в Россию не с "деловыми" целями, именно памятники истории и культуры особенно привлекательны. Ведь если прежде многие стремились в СССР, чтобы своими глазами посмотреть действие социалистического эксперимента, узнать новые для них социокультурные явления, то ныне наиболее любопытны для них сохраняющие свою ценность памятники культуры и реликты той повседневности, которая помогает понять признанные всем миром достижения гениев российской литературы и искусства — Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Чайковского, Шостаковича, Эйзенштейна... И жаль, что лица, заинтересованные в коммерческих доходах от приезда иностранных туристов, не осознают этого.

Хочется надеяться, что у правительства России и у правительства Москвы хватит разума и культуры, чтобы изыскать средства на возрождение национального Исторического музея, помогающего составить наглядное представление о прошлом России, о взаимосвязи времен, о вкладе россиян в мировую историю и о величии истории Москвы, ибо Москва — столица Российского государства — средоточие национального самосознания. И если не откроются скоро для посетителей все залы здания Музея, то откроется хотя бы экспозиция в тех залах, которые подготовлены уже к тому, где имеются новые витрины и современнейшие технические приспособления (так, как это было первоначально в Третьяковской галерее).

А у научных сотрудников Музея и их друзей из других учреждений хватит сил (даже при условии эвакуации музейных предметов в старое здание и организации новой экспозиции) на составление академического типа труда по истории Музея, о его многогранной деятельности, о творчестве и подвижничестве его сотрудников, не дожидаясь 150-летия Музея, а еще в нашем веке, в канун нового тысячелетия, чтобы в будущем могли широко знакомиться не только с залами Музея и его научными публикациями, но и со славной историей самого Музея.

90465

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР

А.А. Смирнов

СОБРАНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ОТДЕЛА — ОСНОВА ФОНДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 1872 г. Россия праздновала 200-летие со дня рождения императора Петра Великого. "Лучшее выражение памяти о царе-реформаторе едва ли было можно придумать, как устройство политехнической выставки, и более приличествующее место для этого торжества трудно было бы выбрать, кроме Москвы, где родился и преобразователь, где бьется пульс русской жизни", — писал современник событий¹. Идею организации выставки еще в 1868 г. выдвинуло Московское общество любителей естествознания, а один из его членов — историк профессор Н.А. Попов предложил приурочить ее открытие к 200-й годовщине рождения выдающегося российского монарха.

К середине 1870 г. специально созданный выставочный комитет в основном завершил разработку структуры выставки, включавшей около 20 отделов, и согласовал с властями ее размещение возле и внутри Кремля. Началось проектирование выставочных павильонов и других сооружений. В конце года к попечителю Политехнической выставки великому князю Алексею Александровичу обратилась председательница Александровского дамского комитета Общества попечения о раненых и больных войнах П.И. Чепелевская с предложением об организации на выставке самостоятельного отдела, "посвященного исключительно памяти Севастополя"². Предложение Чепелевской было поддержано великим князем, выразила свое согласие императрица³, а наследник принял "под свое покровительство устройство Севастопольского музея"⁴, как нередко именовался Севастопольский отдел Политехнической выставки.

21 марта 1871 г. выставочный комитет рассмотрел вопрос об организации Севастопольского отдела и рекомендовал председателю Общества попечения... генерал-адъютанту А.А. Зеленому сформировать и возглавить комиссию по созданию этого отдела. Через три месяца началось сооружение в Кремле на площади перед Николаевским дворцом павильона для размещения Севастопольского отдела, который не уступал по величине центральному морскому павильону⁵.

Комиссия А.А. Зеленого в 1871 г. опубликовала отдельным изданием Программу Севастопольского отдела. Изложив цель отдела — "представить, по возможности, полную картину славной обороны Севастополя как в боевом, так и в военно-санитарном отношении, и тем самым распространить в народе верное понимание той памятной эпохи"⁶ и виды его планируемой деятельности, устроители закончили программу обращением "ко всем лицам, располагающим художественными памятниками эпохи (рисунки, эскизы, картины, портреты) [...] доставить эти материалы и разрешить сделать с них фотографические снимки [...]

¹ *Ситовский П.* Краткий обзор Московской политехнической выставки 1872 года. Тифлис, 1873. С. 1.

² ЦИАМ. Ф. 227. Оп. 2. Д. 46^а. Л. 31.

³ Там же. Л. 36—36 об.

⁴ Там же. Л. 36 об.

⁵ Московская политехническая выставка с военной точки зрения. СПб., 1872. С. 5.

⁶ Программа Севастопольского отдела... М., 1871. С. 3.

а наиболее замечательные из них приобрести покупкой, если того пожелают владельцы этих предметов"⁷.

В декабре 1871 г. за полгода до открытия Политехнической выставки, "главный устроитель" Севастопольского отдела Н.И. Чепелевский представил цесаревичу доклад, в котором обосновывал идею создания Русского национального музея: "Повсеместное сочувствие к мысли почтить память о Севастополе дало возможность Севастопольскому отделу в самый короткий срок обогатиться значительными коллекциями и предметами и принять размеры гораздо больше тех, которые первоначально имелись в виду. Собрание обильных и драгоценных для исторической жизни России материалов [...] указали учредителям, что богатства, собранные их трудами и общим сочувствием, не могут быть предметом временной только выставки, а должны сохраняться навсегда и послужить основанием прочному учреждению. Для осуществления этого я [...], — писал Чепелевский, — предполагал устроить в Москве особый музей, который сделался бы не только хранителем собранных для выставки предметов, но постоянно направлял бы свою деятельность к разработке и собиранию материалов, относящихся до других событий, более отдаленных эпох. Этот храм, воздвигнутый во славу вековой жизни русского народа, должен собрать воедино со всех концов земли русской заветные святыни народа, памятники и документы всего русского государства, изобразить в образах и картинах имена великих подвижников и деятелей и замечательнейшие события — живым словом раскрыть перед народом славные страницы его истории"⁸.

Полной описи экспонатов пока отыскать не удалось. Нет сведений и о публикации каталога Севастопольского отдела, хотя известно, что некоторые другие отделы издавали свои "указатели коллекций". И все же из общего обозрения выставки⁹ можно составить представление о музейных предметах, экспонировавшихся в павильоне Севастопольского отдела. В "преддверии", как писал неизвестный автор, помещались модели "херсонесского храма", "пещерной церкви первых времен христианства" в натуральную величину и "одного из херсонесских языческих склепов". В центральном и главном зале, превосходно убранном цветами, флагами и драпировками, установлены "бюсты князя Меншикова, графа Лидерса, генерал-адъютанта Коцебу, графа Остен-Сакена, генералов и адмиралов: Нахимова и Корнилова, Тотлебена и князя Васильчикова, Новосильского и Истомина, Хрулева и Панфилова, Семякина и Керна, Пирогова и Бухмейера, Зарина и Павлова, Перелешина 1-го и Хрущева, Перелешина 2-го и Сабашинского, Голева и Мельникова. Стены увешаны сплошь фотографическими портретами в натуральную величину корпусных командиров, начальников дивизий, начальников дружин, командиров полков, начальников дистанций оборонительной линии, командиров батарей и других офицеров. Эти портреты выполнены в Москве фотографом Диаговченко по большей части с литографированных портретов [...] Колонны, поддерживающие галерею, драпированы знаменами полков, участвовавших в обороне" Севастополя. На тумбах стояли "образцы нашего огнестрельного оружия". На верхней части стен, по обеим сторонам зала были "помещены большие виды Севастополя, до и во время осады". Модель укрепления на Малаховом кургане "занимает заднюю часть зала, почти всю его ширину". Модель, выполненная капитаном Дегеном в масштабе 1:80, монтировалась на площади немногим более 40 квадратных метров. "Близ общей модели Малахова кургана помещена детальная модель одного из малаховских пороховых погребов, а по сторонам, на стенах, повешены рельефные

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Цит. по: Разгон А.М. Российский Исторический музей. История его основания и деятельности. 1872—1917 // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. II. С. 236.

⁹ См.: Московская политехническая выставка... С. 109—119.

планы сражений Альминского и Балаклавского, исполненные в мастерской Кобзева и Лимберга".

Во втором зале Севастопольского павильона размещались планы Севастополя 1773 (в копии), 1783, 1808, 1828 годов, а также "рельефный большой план Севастополя и рельефные карты сражений Инкерманского и на Черной [речке], работы мастерской Кобзева и Лимберга". В экспозиции зала были представлены фотографии Севастополя "времен осады и настоящих", выполненные в ателье Колпакчи. Здесь же были выставлены «картины [И.К.] Айвазовского, [А.И.] Шарлеманя, [Н.В.] Красовского и других, замечательное произведение [К.Н.] Филиппова "Перевозка раненых" и картина [С.Г.] Шукаева "Посещение государем императором Волоховой башни"». Небольшие картины маслом, "заказанные Прянишникову и Маковскому", отражали "простую ежедневную жизнь русского солдата в Севастополе".

В зале помещались модели памятников адмиралам М.П. Лазареву и А.С. Грейгу (в Николаеве), а также модели судов, ходивших по Черному морю в XVII—XIX столетиях. Наибольший интерес вызывали модели фрегата "Кулевча", участвовавшего в Синопском бою, фрегата "Императрица Мария", флагманского корабля П.С. Нахимова в Синопском сражении, парохода "Владимир", захватившего в 1853 г. турецкий пароход, и фрегата "Флора", отличившегося в бою с тремя турецкими пароходами. "Между моделями славных судов черноморского флота, в особой витрине, хранятся святыни севастопольцев: одежда Корнилова, бывшая на нем в тот день, когда он был смертельно ранен ядром, а также сабля и часть черепной кости Нахимова".

"За моделями кораблей стоит модель севастопольского моста, построенного во время осады через бухту между Михайловской и Николаевской батареями". Мост имел в длину почти 900 м, а на модели он в шесть раз меньше. Рядом с мостом "модель минной войны, превосходно исполненная в $\frac{1}{62}$ гвардейского саперного батальона штабс-капитаном Страдецким". Один из углов второго зала занят моделью "части бруствера севастопольского бастиона" в натуральную величину. Здесь же выставлены образцы и модели отечественных артиллерийских орудий, оборонявших Севастополь, — 68-фунтовая морская пушка (из чугуна), 5-пудовая мортира, 36-фунтовая пушка, 6-фунтовый полевой единорог и 6-фунтовый горный единорог, а рядом "три больших манекена в форме пехотных солдат и ополченцев". У входа в третий зал на стене помещен небольшой план Севастополя, на котором император Александр II, будучи еще наследником престола, в 1836 г. набросал вариант размещения севастопольских укреплений. Над входом в третий зал красовалась модель севастопольского памятника герою-черноморцу командиру брига "Меркурий" капитан-лейтенанту А.И. Казарскому.

В третьем зале, так называемом перевязочном пункте, устроенном "под непосредственным наблюдением одного из главных медицинских деятелей севастопольской обороны, профессора Гюббенета", находились "собрание поврежденных разными способами костей", извлеченные из человеческих тел ружейные и картечные пули, осколки бомб и гранат, перевязочные средства и материалы, "набор хирургических инструментов — единственный, который удалось спасти после отступления наших войск". Здесь можно было увидеть и санитарную карету крымской кампании, сконструированную Жарковым, и указатель "мест расположения врачебных заведений и путей, по которым были направлены внутрь страны транспорты с ранеными". То, что Севастопольский отдел организовывало Общество попечения..., отразилось в экспонировании в третьем зале современных выставке предметов ухода за лечющимися воинами.

Археологическая часть Севастопольского отдела включала "херсонесские древности". Раскопки Херсонеса в окрестностях Севастополя проводил граф А.С. Уваров, председатель Археологического общества, один из учредителей

Севастопольского отдела и Исторического музея, представивший для экспонирования "археологические памятники христианской эпохи, здесь же были собраны памятники языческой эпохи Херсонеса"¹⁰. Однако введение в состав Севастопольского отдела раздела "херсонесских древностей" рассматривалось многими современниками как отклонение от "военно-эпической роли" отдела¹¹.

Как видно из представленного обзора экспонатов Севастопольского отдела, волнения Н.И. Чепелевского об их судьбе были вполне обоснованны. 20 января 1872 г. председатель Севастопольского отдела А.А. Зеленый обратился к цесаревичу Александру Александровичу с докладом, в котором от имени учредителей поддержал идею Чепелевского о создании в Москве исторического музея на основе собрания этого отдела¹². 14 февраля гофмаршал Двора цесаревича Н.В. Зиновьев официально уведомил Зеленого, что император 9 февраля разрешил создать в Москве музей имени наследника российского престола¹³. Об этом Зеленый сообщил Чепелевскому, предлагая для составления устава музея образовать комитет¹⁴. В августе 1874 г. устав музея был утвержден с таким примечанием: "Собранные для Севастопольского отдела на бывшей Политехнической выставке коллекции и памятники иждивением коммерции советников И.А. Кононова и И.И. Зайченко поступают в музей и составляют часть эпохи настоящего царствования". Оба купца пожертвовали для организации музея 154 тыс. рублей¹⁵. Вскоре после закрытия Политехнической выставки, работавшей с 30 мая по 3 сентября 1872 г., началось поступление материалов Севастопольского отдела в созданный Исторический музей. Это были предметы, безвозмездно подаренные Севастопольскому отделу, заказанные организаторами для отдела на собранные деньги и выкупленные у владельцев после закрытия Политехнической выставки на пожертвованные новому музею средства. Они составили основу фондов Исторического музея.

Так как документов о передаче предметов обнаружить не удалось, об их составе можно судить сегодня только по записям, рассеянным по главным инвентарным книгам музея.

Первые записи 9 июля 1882 г. о поступивших в фонды музея предметах Севастопольского отдела помещены на листах 116—122 1-го тома главной инвентарной книги под номерами 9650-9865. Следующая запись вещей Севастопольского отдела в той же книге, сделанная в феврале 1890 г., охватывает инвентарные номера 18 951 — 19 034. Очередная запись о предметах Политехнической выставки сделана лишь 16 августа 1918 г. в 7-м томе главной инвентарной книги и разбросана по нескольким группам под номерами 51 559 — 51 588, 51 890 — 51 905 и 51 959 — 51 960. Последняя запись датирована 30 июня 1919 г.

Знакомство с кратким описанием вещей в главной инвентарной книге с достаточной убедительностью подтверждает все сказанное о богатстве собрания Севастопольского отдела Московской Политехнической выставки 1872 г. и бесспорной обоснованности убеждений его организаторов о необходимости создания

¹⁰ Журавская И.Л. К истории Политехнической выставки в Москве // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры (Забелинские научные чтения 1993). М., 1995. С. 17.

¹¹ Московская политехническая выставка... С. 108.

¹² РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 56. Л. 90—91 об.

¹³ Там же. Л. 95—95 об.

¹⁴ Разгон А.М. Указ. соч. С. 237.

¹⁵ Столова Н.Д. Формирование фонда изобразительных материалов по Крымской войне и обороне Севастополя (1853—1856) в Государственном Историческом музее // Ежегодник ГИМ 1961 год. М., 1962. С. 122.

на ее основе исторического музея в Москве. Представим лишь небольшую часть этих богатств.

Коллекция произведений изобразительного искусства включает: 18 рисунков маслом на бумаге В.Е. Маковского (9652-9669) и 13 рисунков маслом на бумаге И.М. Прянишникова (9670-9682), картину Микриевского "Вид Севастополя" (9691), гипсовую модель памятника адмиралу М.П. Лазареву (9693), портрет Екатерины II художника Лампи (9761), картины И.К. Айвазовского "Взятие Карса" (9820), "Переправа через Дунай императора Александра III" (9821) и "Волга" (9822), гипсовые бюсты П.С. Нахимова (18 951), В.А. Корнилова (18 952) и инженер-генерала Э.И. Тотлебена (18 953), статуэтки из гипса императора Петра I (18 954, 18 955), рисунок маслом на бумаге Г.Г. Мясоедова "Крестный ход в траншеях в Севастополе" (51 574), "Бульвар в Севастополе с памятником Казарского" (51 575), "Перенесение раненого" (51 576) и "В траншеях" (51 577), И.М. Прянишникова "Саперы" (51 578), "Причащение умирающего в госпитале" (51 579), "Приезд военных в экипажах с военным конвоем" (51 580), "Схватка русских с французами и турками" (51 581) и "Перенесение на плечах раненого" (51 582), В.Е. Маковского "Солдат, переносящий раненого" (51 583), "Перевязочный пункт" (51 584) и "Группа солдат" (51 585), пять альбомов с портретами защитников Севастополя (9684—9688), 73 гравированных портрета участников Крымской войны (9689), 18 рисунков с видами Севастополя и его окрестностей (9692, 9846, 51 562 — 51 573, 51 586), 12 бюстов военачальников из бронзы, чугуна и мрамора (9758, 19 033, 19 034), два групповых портрета военных (9762, 51 559^а), 10 картин батальных сцен на севастопольских бастионах (9852, 9857—9862), шесть картин с видами Черного моря (9853—9856, 51 587, 51 588), 76 рисунков с изображением хирургических операций (18 956, 18 978), четыре портрета неизвестных лиц (9763, 9768, 9832, 51 559^а), около 500 фото-портретов участников Крымской войны и обороны Севастополя (9651, 9690, 9767, 9826), а также отдельные рисунки и фотографии с различными сюжетами.

Вооружение состояло из разнообразных образцов холодного, огнестрельного, защитного оружия, боеприпасов и средств боевого обеспечения. К ним следует отнести железный арбалет с инкрустацией костью деревянного ложа (9824), пушку (18 968), крепостное ружье (18 973), три казачьи пики (18 971, 18 972, 19 004), три капсульных пехотных ружья (18 980—18 982), кавалерийский карабин (18 983), два штуцера (18 984, 18 986), мушкет (18 985), два кавалерийских кремневых ружья (18 987, 18 988), два пистолета (18 999, 19 000), офицерскую шашку (18 993), драгунскую шашку (18 994), кавалерийский палаш (18 995), четыре тесака — гвардейский (18 996), пехотный армейский (19 001) и два саперных (19 002, 19 003), два кортика к штуцерам — кремневому (18 997) и капсульному (18 998), четыре штыка (18 989—18 992), три кинжала (19 005—19 007), фитильный ночник (19 014), две запальные трубки (19 013), 12 ударников к морским орудиям (19 013), 12 прицелов (19 032), 12 мушек (19 031), четыре патронных сумы (19 008—19 011), а также чертежи материальной части артиллерии (9650, 9694, 51 560^а).

Значителен был *модельный фонд*, поступивший из Севастопольского отдела, включавший 14 моделей кораблей (18 957—18 965, 19 026—19 030), шесть моделей артиллерийских орудий (18 969, 19 016, 19 017, 19 021), модель Графской пристани в Севастополе (18 966), модель госпитальной палатки (18 967), две модели зарядных ящиков (19 015, 19 018), три модели госпитальных тележек (19 019), модель фурштатского фургона (19 021), две модели церквей (19 023, 19 024).

Особый интерес вызывают *реликвии, связанные с именами героев обороны Севастополя*. Это пальто из солдатского сукна с погонами, в котором был

смертельно ранен адмирал В.А. Корнилов, и его записная книжка (9695)¹⁶. Другие личные вещи адмирала (фуражка, сюртук, брюки, разбитая ядром кавказская шашка, два шелковых адмиральских флага, фрагмент кости ампутированной ноги), первоначально попавшие в Исторический музей, а в мае 1890 г. переданные мемориальной комнате-музеем в Севастополе, в которой скончался Корнилов. Не менее памятны и два деревянных футляра с хирургическими инструментами, применявшимися в осажденном Севастополе (18 976, 18 977), один из которых поврежден снарядом.

Собрание карт, планов, чертежей, таблиц всесторонне охватывало события Крымской войны и историю Севастополя. Достаточно перечислить лишь основные входившие в него материалы, чтобы убедиться в этом: план порта и города Севастополя (9838), две карты Ахтиарской¹⁷ гавани (9839, 9848), карта "от западного мыса Карантинной бухты до Аккермана, от коего до Константиновской батареи" (9844), генеральный план Севастополя (9845), два плана города Ахтиара (9847, 9849), план Симферополя (9812), чертеж Севастопольского благородного собрания (9814), чертеж Бахчисарайского дворца (9814), карта Южного берега Крыма (9815), карта госпиталей Крымской армии и путей сообщения (9816), чертежи вертикального разреза берегов Анатолии на 17 листах (9828), чертежи барачков Литовского пехотного полка на северной стороне Севастополя (9827, 9840), чертеж перевязочного пункта в каземате Николаевской батареи (9842), сравнительные таблицы боевых сил осадных батарей 1855 г. (9817, 9818), чертеж фасада Николаевской батареи (9834), 10 таблиц потерь при обороне Севастополя в 1854—1855 гг. (9833), таблицы потерь за время Крымской войны (9835, 9841), 63 карты и плана российских и иностранных городов (51 959), 73 чертежа зданий и кораблей, относящихся к Крымской войне (51 960).

Рукописные материалы, переданные из Севастопольского отдела в Исторический музей, не уступят богатством собранию карт. В него вошли: сочинение П. Бабенчикова "Севастополь, картины прошлого и настоящего в Севастополе" (51 891), "Воспоминания мои о Севастополе и Крымской кампании" доктора [М.С.] Неводовского (51 902), рукопись "Оборона Севастополя" неизвестного автора (51 903), рукописные бумаги семьи севастопольцев Кашкаровых (51 893—51 899), материалы для биографий участников Крымской войны (51 901), различные медицинские документы периода Крымской кампании (51 890, 51 902, 51 905) и письменные источники по военным вопросам того же периода (51 900, 51 904).

Однако, пожалуй, самой большой и дорогостоящей оказалась *нумизматическая коллекция*, поступившая из Севастопольского отдела. Одних только монет разного достоинства из золота, серебра и меди в ней оказалось 3522 (9698—9707, 9709, 9712, 9713, 9715—9718, 9723, 9725, 9726, 9728—9731, 9734, 9735, 9749, 9750), медалей и медальонов — 190 (9714, 9720, 9721, 9751—9756, 9769), а также ассигнации (9710, 9711), монетные штампы (9708) и жетоны (9722, 9724, 9732, 9757).

Изделия из металла объединили различные украшения (9764, 9766, 9779—9781), мелкие фигурки (9759, 9760, 9783), части изделий (9773, 9774, 9776, 9778, 9782), медные кресты (9733, 9786—9799), единичные вещи и даже серебряные слитки общей массой 1126 граммов (9736—9748).

Судьба вещей бывшего Севастопольского отдела после включения в фонды Российского исторического музея не была однозначной. Некоторые предметы были переданы другим музеям на "бессрочное хранение" и следы их потерялись в

¹⁶ Так записано в главной инвентарной книге. По утверждению Н.Д. Столовой, записная книжка принадлежала П.С. Нахимову (*Столова Н.Д. История одной записной книжки // Материалы и исследования по истории России периода капитализма (ТГИМ. М., 1988. Вып. 67). С. 148—162.*

¹⁷ Ахтиар — название татарского поселения, бывшего на месте Севастополя.

процессе музейных реорганизаций 1920—1930-х годов. Часть экспонатов погибла в составе выставок, которые не удалось вывезти с оккупированных врагом территорий в начале Великой Отечественной войны, а также при эвакуации коллекций Исторического музея. Это видно по результатам генеральной инвентаризации фондов Исторического музея, завершившейся в 1955 г. Некоторые собрания, первоначально зарегистрированные за одним номером, оказались утраченными частично, поэтому инвентаризационная комиссия признала целесообразным исключить такие собрания из фондов, а сохранившиеся предметы зарегистрировать снова. Проследить их путь теперь весьма затруднительно. И все же можно с достаточной уверенностью сказать, что более половины экспонатов Севастопольского отдела, переданных Историческому музею 125 лет назад, сохранены в его стенах и широко используются на многих выставках в России и за ее пределами.

ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ: ОТДЕЛУ РУКОПИСЕЙ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ ГИМ — 85 ЛЕТ

В 1997 г. Исторический музей отмечает сразу три юбилейные даты — 850 лет исполняется Москве, 125 лет — Историческому музею и 85 лет — Отделу рукописей и старопечатных книг. В 1912 г. Отдел рукописей, Архив и Отдел иконографии были выделены в самостоятельные подразделения, а до этого они составляли единый отдел.

К настоящему времени коллекции Отдела рукописей насчитывают около 30 тыс. памятников письменности и заслуженно пользуются мировой известностью. Собрание ОР ГИМ может быть поставлено в один ряд со знаменитыми рукописными собраниями России и других мировых книгохранилищ. В Отделе хранятся главным образом памятники русской и славянской письменности, но имеются и греческие рукописные книги, а также собрание грамот на бересте из Новгорода.

Книжное собрание считается особо выдающимся, если в нем имеются уникальные рукописные и печатные книги. В собрании Музея хранятся дошедшие до наших дней драгоценные рукописные книги от начального периода русской письменности. Это книги XI в. и среди них Изборник 1073 г., написанный для сына Ярослава Мудрого Святослава, а также знаменитое Евангелие, роскошно украшенное миниатюрами и орнаментом, с драгоценным окладом, написанное для сына Владимира Мономаха Мстислава, княжившего в Новгороде, и многие другие замечательные памятники истории. Не менее ценные рукописи имеются в коллекции греческих книг, которую можно сравнить с собраниями других европейских хранилищ. Это и знаменитая Псалтырь XI в. с миниатюрами, привлекающая внимание византинистов всего мира, и произведения античных авторов, и многие, многие другие драгоценные рукописные книги.

К собиранию книг в Историческом музее приступили с самого его основания. Этому содействовал И.Е. Забелин, занимавший пост товарища председателя Исторического музея (с 1885 по 1908 г.), руководивший его собирательской работой. Замечательный исследователь российской истории, ее быта сам собирал на свои небольшие средства рукописные книги, завещанные им Музею и переданные в 1909 г. в Музей. В Забелинский период научный авторитет Исторического музея был очень высок, его местоположение на Красной площади Москвы, патронаж царской семьи, частые посещения членов царской фамилии, работа в Музее ведущих профессоров Московского университета — все это поставило Исторический музей на особое место среди центров науки и культуры Москвы. В то время многие коллекционеры считали честью передать в дар или по завещанию свои собрания книг Музею¹. В Музей была пожертвована большая коллекция председателя ОИДР А.Д. Черткова, собрания рукописей члена Археологического общества И.А. Вахрамеева, известного коллекционера из московского купечества П.И. Щукина, почетного члена Московского университета князя А.И. Барятинского, московского фабриканта А.П. Бахрушина, издателя А.С. Суворина,

¹ Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровищница древней письменности и старой печати. 2-е изд. М., 1995.

собрание книг старой печати П.В. Шапова. В Забелинский период Музей располагал и значительными средствами: покупались и единичные книги, и целые коллекции. И позднее, в 1914 г., была куплена Музеем большая, более двух тысяч книг, коллекция известного археографа и этнографа Е.В. Барсова.

Еще в 1887 г. на должность хранителя рукописей по предложению И.Е. Забелина был приглашен В.Н. Щепкин. По его выбору приобретались рукописные и старопечатные книги, он же занимался их регистрацией и описанием. Основной его специальностью была история болгарского языка. Весь штат Музея в то время состоял из 10 человек, и всем массивом рукописных книг ведал В.Н. Щепкин. За годы работы в Московском университете и Историческом музее В.Н. Щепкин стал выдающимся лингвистом, славистом широкого профиля, занимающимся славянским и русским языкознанием, палеографией, изобразительным искусством. В университете В.Н. Щепкин читал курсы по истории южных славян, занимался словарем болгарского языка и написал учебник по этому предмету, специальную работу "Рассуждения о языке Саввиной книги" (СПб., 1901). Работа в Историческом музее обогатила научное творчество В.Н. Щепкина трудами по прикладному искусству и иконописи. Но главным делом его жизни было хранение и описание древних рукописных книг. Итогом этой огромной работы стал Учебник русской палеографии, вышедший в 1918 г.²

1912 год для В.Н. Щепкина был особым. В этом году он получил звание профессора в Московском университете, а в историческом Музее отмечался 25-летний юбилей его работы. В этом же году он возглавил Отдел рукописей и старопечатных книг. Коллекции ОР возросли уже до нескольких тысяч единиц хранения и возникла насущная необходимость создания специального помещения для их хранения и изучения. В.Н. Щепкин был человеком большой энергии и увлеченности любимым делом. Вместе с директором Исторического музея Н.С. Щербатовым В.Н. Щепкин принимал участие в проектировании хранилища для рукописей в стенах Музея. Проект был осуществлен архитектором И.Е. Бондаренко³. Для хранения рукописей были заказаны специальные дубовые и сейфовые шкафы с подвижными полками, на которых ставились книги в зависимости от их размера. Для читального зала и работы сотрудников также были заказаны столы и кресла. Помещение имело двусветное естественное освещение, а также проветривание, перегрева в летнее время не было, так как прямые лучи солнца в окна не попадали. В летнее и зимнее время температура в Отделе была оптимальной для хранения такого хрупкого материала как пергамен и бумага.

Вместе с В.Н. Щепкиным с 1913 г. в штате ОР работал М.Н. Сперанский. В Музей он пришел уже сложившимся крупным ученым литературоведом, славистом. Это были европейски образованные специалисты, имеющие широкие международные связи с коллегами из других стран. Как и Щепкин, Сперанский читал курсы на историко-филологическом факультете Московского университета по истории русской литературы, русской народной словесности. Список работ Сперанского, а их около 50, включает исследования как отдельных произведений древнерусской литературы — миней, житий, повестей, сказаний и других памятников, так и целых циклов литературных произведений русского средневековья⁴. Еще в начале своей научной деятельности Сперанский занимался описанием рукописей в

² Список трудов В.Н. Щепкина см.: *Бернштейн С.Б.* Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955. С. 33—40.

³ *Бондаренко И.Е.* Записки художника-архитектора // *И за строкой воспоминаний большая жизнь.* Сб. М., 1997. С. 73.

⁴ Список трудов М.Н. Сперанского см.: *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 226—255.

Твери и Нежине. Эта работа была продолжена в Историческом музее, где внимание ученого привлекли рукописи из собрания графа А.С. Уварова, И.Е. Забелина, Н.П. Вострякова и других собраний.

В значительной степени основной комплекс рукописных и старопечатных книг сформировался к 1925 г., когда по решению правительственных учреждений в Музей были переданы Синодальное собрание рукописей, Епархиальное, Востряковское, Единоверческое. В последующие годы пополнялись и продолжают пополняться покупками и дарами лишь два сформированных самим Музеем собрания: "Музейское" — рукописей, и "Меньшее" — старопечатных книг. Все остальные частные собрания, поступившие в Отдел, решено было сохранить в целостности.

Изучая коллекционные описи отдельных фондообразователей, можно не только понять пристрастие их владельцев к тем или иным произведениям, научной проблематике или хронологическим периодам, но и увидеть их материальные возможности в деле приобретения рукописей. Открыв шкаф с книгами Уваровского собрания, мы увидим изящные переплеты с тисненой золотом монограммой владельца и номером рукописи на кожаном корешке. И совсем скромно выглядят рукописи Е.В. Барсова или И.Е. Забелина, иные и без переплетов, словно их недавно купили у антиквара или на торгу.

Вместе с Синодальной библиотекой, которая прибыла в Исторический музей в 1920 г. со своими книгами и шкафами, в немногочисленный штат ОР влились и ученые хранители — Н.П. Попов, В.Ф. Ржига и А.Д. Седельников — и составили "отделение греко-славянских рукописей", которым заведовал Н.П. Попов. Все они были крупные специалисты по древнерусской литературе, у которых были и опыт работы с рукописными книгами, и научные труды: по истории Синодальной библиотеки, по художественным особенностям датированных рукописей, по еретическим движениям в русской церкви, публицистике XVI в. Хранители Синодальной библиотеки имели большой опыт в описании рукописных книг. Все эти ученые так же, как В.Н. Щепкин и М.Н. Сперанский, вели преподавательскую работу в институтах Москвы.

Рукописные и старопечатные книги Исторического музея привлекли внимание как ученых, так и широкой публики. Читальный зал посещали не только ученые, но и студенты, преподаватели, учащиеся, церковнослужители и даже крестьяне. Работа с посетителями Музея, самое внимательное отношение к ним, к их запросам — ставилось на первое место и Забелиным, и Щепкиным. При этом Щепкин внимательно следил за тем, как посетитель читального зала обращается с книгой, сам нередко переворачивал листы пергамента. Эту традицию особо трепетного отношения к древним памятникам восприняла его дочь М.В. Щелкина.

Для того чтобы посетители читального зала могли работать по широким научным проблемам русской литературы, языка, истории, искусства и при этом сохранить целостность коллекций отдельных собирателей, необходимо было разработать систему каталога, охватывающего весь фонд рукописных и, отдельно, старопечатных книг, так как не все частные коллекции имели научные описания. В Отделе рукописей в 1913—1914 гг. была выработана форма каталожной карточки на каждую рукопись, которая давала краткие необходимые и достаточно полные сведения о названии, времени написания, наличии миниатюр и украшений, языке, размере, переплете, некоторых записях. В каталоге карточки были расставлены в алфавитно-хронологическом порядке. Кроме того были созданы тематические каталоги по отдельным разделам палеографии: миниатюры, предметный каталог, водяных знаков датированных рукописей, палеографических примет, иноязычных рукописей. Составлен был также алфавитно-хронологический каталог на старопечатные книги с указанием количества экземпляров и

названия коллекции с тем или иным произведением. Эта грандиозная работа была завершена к 1929 г. в ней принимали участие не только все сотрудники Отдела, но также внештатные: М.Н. Тихомиров, Е.В. Зацепина, К.М. Асафов, занимавшийся старопечатными книгами. К описанию рукописей были в то время привлечены и работники Архива ГИМ.

И.Е. Забелин и В.Н. Щепкин придавали особое значение собиранию украшенных и лицевых рукописей. Для научного описания рукописей с миниатюрами В.Н. Щепкин специально пригласил в 1917 г. из Петрограда В.Д. Бубнову, которая окончила не только Академию художеств, но и Императорский Археологический институт, где преподавали наряду с другими предметами славяно-русскую палеографию, архивоведение и археографию. Именно такой специалист был необходим Щепкину. Из общего фонда были выделены все лицевые рукописи. Бубнова горячо взялась за работу по составлению каталога, описанию коллекций и их расстановке⁵. Условия работы тогда были очень трудные, в плохоотапливаемом Музее был постоянный холод. Сотрудникам приходилось приносить теплые вещи, чтобы не замерзнуть во время работы.

Бубнова была человеком огромной работоспособности и увлеченности древнерусским искусством. Эти качества в ней очень ценил Щепкин. За 5 лет работы в Отделе рукописей она устроила в Музее две выставки лицевых рукописей в 1918 и в 1920 гг., причем на последней — летней, посвященной книжной миниатюре XVIII в., было показано свыше 200 рукописей. В 1922 г. Бубнова уехала к сестре в Японию, и работа по описанию лицевых рукописей была продолжена М.В. Щепкиной, Е.В. Зацепиной и сотрудницей архива О.И. Поповой.

В 1920 г., простудившись в неотапливаемом Историческом музее, умер от крупозного воспаления легких В.Н. Щепкин. Заведовать Отделом стал М.Н. Сперанский, получивший в 1921 г. звание академика, тогда же в Отдел пришла на работу Марфа Вячеславна Щепкина.

В 20-е годы в ОР продолжалась работа по описанию рукописей для генерального каталога. Сперанский описал собрание рукописей Архангельского собора, участвовал в составлении дополнения к описанию Уварова и (вместе с В.Ф. Ржигой) — дополнения к описанию Щукина, а также участвовал в описании собрания Забелина. Собрание Вострякова описывали М.Н. Сперанский и М.Н. Тихомиров. Библиотеку Хлудова — Н.П. Попов. Тогда же ученые Отдела описывали наиболее сложные памятники: сборники Музейского, Барсовского и других собраний.

В эти же годы в Музее активно работало Общество истории литературы, председателем которого был М.Н. Сперанский, а секретарем — А.Д. Седельников. Его устав был утвержден еще в 1911 г. В обществе состояло более 70 отечественных и зарубежных ученых. До мая 1924 г. было проведено 151 заседание. Доклады членов Общества охватывали самый широкий период времени — от произведений, относящихся к древнерусской литературе, до памятников XIX в.

Но тучи над Отделом рукописей сгущались. По распоряжению Административного отдела Моссовета Общество истории литературы в 1926 г. прекратило свою деятельность⁶. В 1929 г. в Музее под видом реорганизации произошли массовые увольнения наиболее видных ученых из старой интеллигенции. В ОР были уволены академик М.Н. Сперанский и В.Ф. Ржига. С 1933 г. заведующим Группой рукописей ГИМ стал А.Д. Седельников, а уволенные ученые стали только читателями. В те годы в книге записей посетителей читального зала

⁵ Служебный архив ОР за 1920—1930 гг.

⁶ Там же.

можно встретить много имен известных ученых: А.В. Арциховского, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова, С.С. Дмитриева, П.К. Симони, О.А. Яковлевой, С.К. Шамбинаго и других. Но в конце 1933 — начале 1934 г. ОР был просто обескровлен, время работы в нем крупнейших славистов, лингвистов, филологов, представителей дореволюционной интеллигенции кончилось. Не помогли заверения Седельникова в отчете работы Отдела за 1933 г. об "ударности, как методе работы всего штатного состава группы", а весь штат к этому времени состоял из него самого, научного сотрудника М.В. Щепкиной и технической сотрудницы Е.Н. Осиповой, принятой на работу в 1918 г. еще В.Н. Щепкиным.

Сперанский, которому был уже 71 год, Ржига, Седельников, Попова были привлечены по делу так называемой Российской национальной партии. Последней, 36-й по списку привлеченных, была М.В. Щепкина. Н.П. Попов еще в 1920 г. побывал в ЧК. В вину ученым были поставлены антисоветская деятельность, еженедельные собрания коллег в доме М.Н. Сперанского (что было принято в научной среде) и даже кружковая и выставочная работа в Музее, во время которой, якобы, вербовались сторонники "партии"⁷.

Судьбы этих ученых сложились по-разному, но в Отдел рукописей вернулась только М.В. Щепкина, которая не была осуждена и смогла продолжать работать в Музее, оставаясь до 1939 г. единственным научным сотрудником. Вдвоем с Осиповой Щепкина обслуживала посетителей читального зала, вместе же они проводили в 1934—1937 гг. сверку всего фонда рукописей и книг библиотеки — всего около 40 тыс. томов. Работы М.В. Щепкиной, относящиеся к 20—30-м годам, посвященные отдельным рукописям Отдела, и даже большая работа о памятниках русской литературы XVII—XVIII вв. остались неопубликованными⁸.

В 1939 г. в ОР пришла Т.Н. Протасьева. На ее плечи легли чисто музейные виды работ: обслуживание читального зала, инвентаризация новых поступлений, составление каталогов и описание рукописных собраний. С этого времени М.В. Щепкина смогла уделять больше времени научной работе. В 1940 г. она начала работу над группой лицевых рукописей времени царя Федора Ивановича и Бориса Годунова, а в 1945 г. защитила ее как кандидатскую диссертацию.

В военные годы наиболее ценная часть коллекции Отдела была вывезена в Кустанай, но Музей продолжал жить и работать, выдавая рукописи на выставки, а главное, сберегая накопленные богатства.

С 1934 до 1945 г., когда к руководству Отделом пришел М.Н. Тихомиров, его возглавляли на короткий срок различные сотрудники Музея, не оставившие заметного следа. С приходом М.Н. Тихомирова, крупнейшего историка нашего времени по русскому средневековью, научное направление в работе Отдела стало иным, чем было при В.Н. Щепкине и М.Н. Сперанском. Интересы М.Н. Тихомирова в Отделе рукописей лежали в области изучения истории России, его внимание привлек широкий круг исторических источников: летописи, юридические памятники, рукописи, отражающие народные восстания, или материалы по истории русского книгопечатания. К участию в изучении памятников именно этого направления привлек М.Н. Тихомиров сотрудниц Отдела М.В. Щепкину, Т.Н. Протасьеву. По инициативе М.Н. Тихомирова возобновляется издание Полного собрания русских летописей. Готовятся к публикации Московский летописный свод конца XV в., Вологодско-Пермская летопись, отдельные законодательные и литературные памятники. Выходят работы

⁷ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994. С. 14—33, 78, 80—100.

⁸ Список научных трудов Щепкиной М.В. см.: ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXVII. С. 538—539.

М.В. Щепкиной и Т.Н. Протасевой, посвященные начальному периоду московского книгопечатания, и описание первопечатных русских книг.

Работа в ОР подсказала М.Н. Тихомирову необходимость создания путеводителя по Отделу. Он был подготовлен Щепкиной и Протасевой, и вышел в 1958 г. под редакцией М.Н. Тихомирова. Многолетние наблюдения над рукописями были обобщены Михаилом Николаевичем в учебнике для университета — "Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII в."⁹. И еще один учебник для студентов МГУ был составлен М.Н. Тихомировым и А.В. Муравьевым на основе наблюдений над рукописными книгами — учебник по русской палеографии (1966 г.), снабженный большим количеством иллюстрированного материала.

Музейная жизнь с ее постоянными "сверками" и "чисткой" фондов потребовала от маленького коллектива ОР большого напряжения — с 1949 по 1953 г. этой работой занимались Щепкина и Протасева. Академик М.Н. Тихомиров, как никто иной, понимал значение книжных богатств — свидетелей истории нашей страны. Он предложил грандиозную идею по описанию древних рукописей по всем книгохранилищам Советского Союза, по всем его республикам, для создания сводного каталога славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. Конечно, такой замысел можно было осуществить при руководстве единого центра. Им стала Археографическая комиссия, возглавляемая академиком М.Н. Тихомировым. Работа продолжается до сих пор под руководством С.О. Шмидта. Единые методики для описания рукописей были обсуждены и выработаны на всесоюзных конференциях ученых академических институтов и книгохранилищ и опубликованы в методических пособиях Археографической комиссией¹⁰. В ОР ГИМ часть этой программы была осуществлена коллективом сотрудниц: М.В. Щепкиной, Т.Н. Протасевой и пришедшими в 50-е годы Л.М. Костюхиной и В.С. Гольшенко, опубликованы I т. Сводного каталога рукописей¹¹. Эта работа продолжается до сих пор.

С 1955 до 1976 г. Отделом рукописей заведовала М.В. Щепкина, а с 1977 г. она перешла на должность консультанта и оставалась на этой должности до конца своей жизни.

После окончания Великой Отечественной войны деятельность Музея заметно оживилась, штат расширился. М.В. Щепкина продуманно и осторожно подбирала кадры хранителей, главным образом из тех, кто уже какое-то время работал в Музее. Это были выпускники исторических факультетов вузов Москвы, молодые историки.

В 60—70-е годы в залах Музея было очень многолюдно, экскурсионные группы шли одна за другой. По распоряжению дирекции все сотрудники фондовых отделов должны были водить экскурсии на экспозиции. Пожалуй, это была наша основная работа. В 1958 г. к IV международному съезду славистов (г. Москва) была подготовлена выставка "История книжности XI—XVIII вв.", ставшая постоянной, и по ней водили экскурсии сотрудники Отдела. Летом сотрудники ОР вместе с другими работниками ГИМ отправлялись в историко-бытовые экспедиции за новыми материалами для Музея.

⁹ Список печатных работ М.Н. Тихомирова см.: М.Н. Тихомиров (1893—1965). Биобиблиографический указатель / Составитель И.Е. Тамм. М., 1996.

¹⁰ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. (ротапринт); Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. I, II (ротапринт); Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3, ч. I, II (ротапринт).

¹¹ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

Марфа Вячеславна, следуя заветам В.Н. Щепкина, считала, что Отделу нужны хранители, не только умеющие описывать рукописи, но и специально разрабатывающие различные отделы палеографии. Научное направление в работе Л.М. Костюхиной — изучение полууставных почерков — М.В. Щепкина определила с одобрения М.Н. Тихомирова, а малоизученным скорописным письмом, его особенностями занялась Э.В. Шульгина, сербские, а также греческие рукописи были поручены М.М. Панковой. Выбор научной темы Ю.А. Грибова по изучению книжной миниатюры как особого исторического источника также подсказала М.В. Щепкина. Изучение водяных знаков бумаги также было в традиции Отдела. Еще М.Н. Сперанский передал в дар Отделу коллекцию филиграней XV—XVIII вв. архивариуса Н.И. Тихомирова, служившего в XIX в. в МАМЮ. Изучению водяных знаков бумаги большое значение придавал и В.Н. Щепкин, задумавший справочник по филиграням XVII в., но не успевший его осуществить. Эту работу М.В. Щепкина предложила Т.В. Диановой. В Отделе рукописей, имеющем десяти тысячный фонд старопечатных книг, не было отдельного специалиста, занимающегося только этим фондом. С приходом Ж.Н. Ивановой Марфа Вячеславна поручила ей описание и изучение этих книг, их приобретение и регистрацию.

Для того чтобы сотрудники выросли в настоящих специалистов, потребовались годы труда, древние книги не открывают своих тайн непосвященному, но если рукописи позволили внимательно историку проникнуть сквозь толщу веков, то это до конца жизни. Не случайно М.Н. Тихомиров вспоминал, что работа по описанию рукописей в Музее была самым счастливым временем его жизни¹². То же можем сказать и все мы, сотрудники Отдела, проработавшие в нем не один десяток лет.

Читальный зал Отдела рукописей стал особенно посещаемым в 60—70-е годы, и каждый из вновь принимаемых в Отдел сотрудников проходил школу работы по обслуживанию ученых в читальном зале. Научное общение очень обогащало молодых сотрудников. Нередко они становились первыми, с кем делились своими находками наши читатели. А иногда в Отделе рукописей ученые делали доклады о своих научных изысканиях или обсуждали проблемы издания рукописей, хранящихся в Отделе. Ученых всех континентов, даже далекой Австралии, привлекали и привлекают рукописи Музея. Фонды Отдела стали своеобразной научной лабораторией для ученых Академических институтов. Все сотрудники сектора древнерусской литературы ПД, руководимого Д.С. Лихачевым, трудились над литературными памятниками. Некоторые работы сотрудников ОР ГИМ и ПД становились совместными. То же можно сказать о работах сотрудников Института истории или Консерватории. Продолжая традиции наших предшественников, научные работники в ОР вели и ведут преподавательскую работу в МГУ, ПГУ, ИАИ РГГУ.

С приходом в Отдел молодежи М.В. Щепкина и Т.Н. Протасьева были освобождены от специфической постоянной хранительской работы по профилактике и учету фондов. Именно 50 — 70-е годы стали периодом интенсивной творческой работы М.В. Щепкиной: цикл статей по исследованию "Слова о полку Игореве", участие в переиздании учебника русской палеографии В.Н. Щепкина и другие. В эти же годы, продолжая традиции своего отца, она публикует две капитальные работы по изучению болгарской миниатюры XIV в. и миниатюры греческого кодекса IX в., включая в них неопубликованные работы В.Н. Щепкина. За исследование Псалтыри Томича XIV в. М.В. Щепкина была удостоена болгарским правительством ордена Кирилла и Мефодия I степени.

¹² См. наст. изд.: Тихомиров М.Н. Исторический музей. Воспоминания.

В ОР ГИМ всегда придавали большое значение выставочной работе, материалы Отдела представлялись на юбилейные выставки, конгрессы и конференции. Вот лишь некоторые из них: "Книжный орнамент" (1962 г.), "Русские летописи" (1967 г.), "Искусство Византии в собраниях СССР" (1977 г.) — это тематические выставки. Отмечались выставками юбилейные даты: 600-летие Куликовской битвы, 400-летие со дня смерти Ивана Федорова, 800-летие "Слова о полку Игореве", 1000-летие русской художественной культуры.

С 1974 г. Отдел рукописей был закрыт на два года для посетителей в связи с полной сверкой наличия основного фонда — что стало единственной работой хранителей. Лишь после ее завершения возобновилась обычная музейная жизнь небольшого коллектива, научные сотрудники которого стали специалистами в области источниковедения и палеографии. Начала выходить из печати серия трудов Отдела.

В 80-е годы здание Исторического музея было поставлено на капитальный ремонт, экспонаты возвращены в хранительские отделы, которые один за другим стали выезжать из здания на Красной площади. Но для Отдела рукописей было сделано исключение. При активном участии заведующего И.В. Левочкина и всех сотрудников ОР рукописи и книги были перевезены в освобождающиеся экспозиционные залы второго этажа, предполагался скорый возврат в старое помещение. С 1984 по 1988 г., когда ремонтировалось помещение Отдела и части музейного здания, думается, только выдержка, оптимизм и желание сохранить драгоценное наследие прошлых веков помогали сотрудникам работать в помещении, где в зимнее время температура не поднималась выше 11 градусов тепла, где не было электричества, да еще заниматься научным описанием фондов и продолжать разрабатывать отдельные направления русской и славянской палеографии¹³.

С 1987 г. заведующей ОР была назначена Е.И. Серебрякова. В 1988 г. фонды рукописей и книги были возвращены в отремонтированное помещение старого хранилища. Однако нормальную работу Отдела организовать не представлялось возможным. В Музее затянулся капитальный ремонт, и подходы к Отделу рукописей были закрыты. Условия работы оставались такими же, как и во временном помещении экспозиционных залов. Поэтому прием читателей был крайне ограничен, сотрудники и читатели работали в зимней одежде и только в течение светового дня, но даже в этих условиях не замирала научная жизнь Отдела. Продолжалось описание рукописей и старопечатных книг для сводных каталогов России, шли описания отдельных собраний по новейшим методикам, велась активная работа по изданию отдельных памятников, возобновилась работа по изданию справочников водяных знаков бумаги. Сотрудники Отдела принимали участие в российских и международных конференциях. В последнее десятилетие стали особенно интенсивными контакты с научными и музейными центрами Европы и Америки. Сотрудники Отдела участвуют в совместных проектах по описанию и изданию русских рукописных памятников.

Так, для Хиландарского центра библиотеки Университета штата Огайо было выполнено описание рукописей Иосифо-Волоколамской библиотеки. Совместно с Фрайбургским университетом, продолжая российскую традицию издания Великих Четых Миней XVI в., готовится к печати один из томов замечательного труда митрополита Макария¹⁴. Заметно активизировалась выставочная деятельность

¹³ Библиографию работ сотрудников ОР см.: Русская книжность XV—XIX вв. // ТГИМ. М., 1989. Вып. 71. С. 21—24.

¹⁴ Книга вышла: Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Успенский список. 1—11 марта / Weiher. Freiburg im Breisgau, 1997.

Отдела рукописей. В музеях Франции, Германии, Голландии, Швеции, США и других стран мира демонстрируются лучшие памятники IX—XIX вв.

Между тем продолжается капитальный ремонт здания Музея. И в этих условиях оказалось невозможным обеспечить безопасность и сохранность фондов. Тогда, по решению дирекции, материалы Отдела были переведены в здание бывшего Музея Ленина, где для книг были оборудованы специальные помещения со стеллажами и шкафами, обеспечены условия для нормальной работы хранителей и вновь открытого читального зала. Уникальное оборудование 1912—1914 гг., встроенное в интерьер Отдела, осталось в старом помещении ОР ГИМ и ждет возвращения памятников.

Главная задача последнего десятилетия, времени капитального ремонта Музея на Красной площади, выполнена хранителями — драгоценное наследие русской истории сохранено. Но иногда, по вечерам, когда из окон Отдела мы смотрим на темное безжизненное здание Исторического музея, а вокруг кипит стройка на Манежной площади, то задаем вопрос, когда же мы вернемся? Кто ответит?

А.Д. Яновский

ОТДЕЛ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГИМ 1987–1996

В феврале 1997 г. исполнилось 125 лет с того времени, когда император Александр II принял решение о создании в первопрестольной Музея его имени. На фоне этого бесспорно значимого и заметного в культурной жизни России юбилея гораздо скромнее выглядит другая дата — 85 лет организации в стенах Исторического музея Отдела архива историко-бытовых материалов¹. Родившийся в 1912 г. Отдел архива уже спустя 17 лет, в 1929 г., был слит вместе с Отделом рукописей в единую структуру музея — Отдел письменности. Однако по прохождении всего лишь 8 лет, в 1937 г., Отдел письменности вновь и на этот раз окончательно разделился на два самостоятельных подразделения: Архива и Рукописей, во главе каждого из которых стоял свой заведующий. С 1938 г. Отдел архива получил новое имя и стал называться Отделом письменных источников.

В настоящем небольшом очерке мы не ставили перед собой задачу проследить во всех деталях историю ОПИ ГИМ, тем более что это уже успешно и довольно подробно сделала в своей интересной и содержательной статье одна из старейших и опытнейших сотрудниц музея Ирина Сергеевна Калантырская, проработавшая в ОПИ 36 лет². Основное внимание нам бы хотелось уделить последнему десятилетию жизни отдела, которому судьба уготовила сложную роль: не только быть богатейшим и важным подразделением крупнейшего музея России, но и являться серьезным архивным центром, сокровищницей национального значения, без использования документов которой практически невозможно ни одно фундаментальное научное исследование по отечественной истории XVII — начала XX вв.

ОПИ ГИМ представляет собой своего рода "государство в государстве". И если в целом Исторический музей хранит на сегодняшний день 4 млн 500 тыс. музейных памятников, то в ОПИ сосредоточено около 12 млн листов документального материала. Хотя на языке строгой архивной статистики все это выглядит довольно скромно: 521 фонд и коллекция документов XVII—XX вв., содержащие чуть более 66 тыс. единиц хранения. Отдельные памятники относятся к более раннему периоду — XII—XVI вв. В свою очередь материалы, касающиеся истории после 1917 г., составляют примерно 17% и продолжают существенно пополняться за счет довольно активного комплектования фондов музея в последние годы документами современной бурной и разнообразной

¹ Отчет Российского Исторического музея за 1912 г. М., 1913. С. 6.

² Калантырская И.С. Вопросы культуры России в работах ОПИ ГИМ // ТГИМ. М., 1993. Вып. 84. С. 7—18. И.С. Калантырская все годы своей работы в ГИМ являлась одним из ведущих специалистов музея по истории движения декабристов. В 1975 г. в Москве вышел подготовленный ею объемистый том "Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому" включающий около 300 писем 11 декабристов. В начале 1990-х годов была закончена работа над вторым томом, содержащим более 300 писем (в настоящее время ГИМ из-за отсутствия средств не имеет возможности его издать). Калантырской же составлен подробнейший подокументальный указатель "Материалы по истории движения декабристов в ОПИ ГИМ" (пока существует только в рукописи).

разной политической и экономической жизни России и бывших советских республик.

В юбилейные годы обычно принято выводить на первый план свои достижения. Но, справедливости ради, следует, на наш взгляд, отметить некоторые недостатки и нерешенные проблемы. К сожалению, около 18% материалов ОПИ на данный момент еще не прошли научного описания и с немалым укором взирают на нас с многочисленных полок и стеллажей хранилищ. Поэтому нынешним студентам и выпускникам университетов и вузов исторического профиля не стоит отчаиваться, думая, что все уже переделано до них. Им работы тоже хватит.

Говоря о фондах ценнейших исторических документов, хранящихся в ОПИ ГИМ, нельзя не вспомнить хотя бы несколько имен тех замечательных людей, благодаря которым Исторический музей стал обладателем выдающихся архивных сокровищ. Еще полным ходом шли отделочные работы в уже возвышавшемся над Красной площадью здании, до открытия для посетителей 11 экспозиционных залов оставался почти год, а интереснейшая коллекция писем и автографов XVIII в., старательно подобранная молодым и талантливым ученым-нумизматом Алексеем Васильевичем Орешниковым и первым ученым секретарем музея Владимиром Ильичом Сизовым, уже влилась в состав музейных фондов. Так было положено начало комплектованию документальных материалов. В 1883—1887 гг. поступили богатейшие архивные собрания и библиотеки князя Александра Ивановича Бярятинского и семьи Чертковых. В 1890-е годы приток материалов в музей заметно увеличился в основном за счет даров частных лиц. К этому же времени относятся и первые довольно крупные закупки у букинистов-антикваров и на торгу. Подлинная документальная "Ниагара" обрушилась на Исторический музей в 1904—1916 гг., когда фонды пополнились личными архивами князей Волконских и барона Григория Владимировича Розена, фантастическими по своей ценности и богатству частными коллекциями известных ученых и библиофилов: Елпидифора Васильевича Барсова и Владимира Николаевича Рогожина, замечательного исследователя вопросов генеалогии русского дворянства Леонида Михайловича Савелова, бессменного на протяжении почти четверти века товарища председателя Исторического музея (а фактически его полноправного директора и организатора) Ивана Егоровича Забелина. Невозможно обойти стороной прославленного купцов-меценатов, представителей "цвета" русского торгово-промышленного сословия, выдающихся знатоков отечественной истории и культуры: Алексея Петровича Бахрушина, Ивана Александровича Вахрамеева, Петра Ивановича Щукина, безвозмездно передавших свои уникальные частные коллекции в РИМ в 1904—1912 гг. Так, например, после поступления богатейшего собрания П.И. Щукина фонды Исторического музея возросли сразу почти в два раза!

В Уставе Исторического музея, написанном и изданном в 1874 г. первым его руководителем, известным ученым-археологом Алексеем Сергеевичем Уваровым, значит: "Учрежденный в Москве Музей [...] имеет целью служить наглядною историею главных эпох русского государства и содействовать распространению сведений по отечественной истории. Эти памятники [...] расположенные в хронологической последовательности, должны представлять, по возможности, полную картину каждой эпохи с ее памятниками религии, законодательства, науки и литературы, с предметами искусств, ремесел, промыслов и, вообще, со всеми памятниками бытовой стороны русской жизни, а равно и с предметами военных и морских сил"³.

³ Устав музея имени Его Императорского Высочества. М., 1874. С. 3—4.

Из приведенного текста 1-й и 2-й основополагающих статей Устава становится совершенно ясно, что для максимально полной реализации поставленных задач требовалось постоянно и активно пополнять фонды музея новыми материалами по отечественной истории и культуре, что и происходило на протяжении всего XX в. Продолжается этот процесс и теперь, причем несколькими путями. Наряду с дарением тех или иных архивных комплексов частными лицами, поступлением документов от различных государственных учреждений и организаций, приобретением через закупочную комиссию научные сотрудники, проявляя личную инициативу и сообразуя свои действия с выставочными, экспозиционными и научными интересами музея, в соответствии с планом научного комплектования организовывали и участвовали во многих историко-бытовых экспедициях по сбору материалов практически во всех регионах страны. Столь серьезная и целенаправленная работа по комплектованию позволяла в среднем каждые два-три десятилетия увеличивать объем документальных памятников в собрании музея примерно на 25—30%.

Однако можно с уверенностью сказать, что вся эта собирательская работа мало чего стоила бы, не иди она рука об руку с другим важнейшим направлением деятельности ОПИ — учетом и хранением документальных материалов. Если в былые времена эта деятельность сводилась в основном к ведению инвентарной картотеки, регулярным записям в книге поступлений отдела, оформлению учетных дел фондов, составлению топографической картотеки, то сейчас стала активно применяться компьютерная техника. С помощью компьютера точно фиксируются все передвижения фондов: выдача документов на выставки, передача на реставрацию, приход в отдел новых поступлений. В ОПИ ГИМ старшим научным сотрудником М.М. Леренман подготовлено техническое задание для разработки программы научного описания письменных источников, ведется интереснейшая, не знающая пока аналогов работа по созданию "Определителя документов XV — первой четверти XVIII вв.", начато составление (совместно с А.В. Мастерковым) банка данных по материалам историко-бытовых экспедиций, многие из которых по сей день оставались почти не доступны широкому кругу исследователей.

Таким образом вопросы учета и хранения документальных памятников тесно увязываются с еще одним серьезнейшим направлением работы ОПИ — научным описанием и каталогизацией письменных источников. Только за последние 10 лет в отделе прошли научное описание 23 архивных фонда и несколько дополнений к ним⁴.

Среди описанных и введенных в научный оборот фондов выделяются своей значимостью и объемом ф. 402 (Коллекция документов из собрания Музея "Старая Москва"), ф. 418 (Коллекция материалов по истории стран Западной Европы из собрания П.И. Щукина), ф.132 (Коллекция документов по истории Москвы и С.-Петербурга из собрания П.И. Щукина), ф. 264 (Материалы по военной истории России XVII — начала XX в.), ф. 180 (Материалы династии Романовых), ф. 77 (Собрание восточных рукописей), ф. 133, 219 (календари, месяцесловы и альманахи), ф. 526 (Собрание документов архитектора-реставратора М.В. Дьяконова), ф. 532 (П.А. Зайончковский), ф. 546 (А.М. Разгон). Все фонды, прошедшие научную обработку, имеют опись, а материалы, содержащиеся в них, каталогизированы и разнесены по трем справочным картотекам ОПИ: именной, географической и тематической.

⁴ Работа по научному описанию фондов была существенно приторможена более чем на 3 года, которые ушли на упаковку, перемещение, распаковку и поединичную сверку материалов в 1986—1989 гг., когда отдел в связи с капитальным ремонтом главного здания ГИМ на Красной площади был переведен в филиал музея "Усадьба Измайлово".

Деятельность сотрудников ОПИ по научному описанию документальных фондов и коллекций не затихает ни на один день. В настоящее время в работе находятся 22 фонда и коллекции, среди которых особенно выделяются ф. 9 (Н.Я. Страхов), ф. 105 (Материалы по истории центрального и местного управления в России XVIII — XIX вв.), ф. 310 (Материалы по истории просвещения в России), ф. 92 (Коллекция мемуарных источников), ф. 96 (коллекция рукописных книг и сборников), ф. 473 (Д.Н.Эдинг), ф. 492 (Фортуназовы).

Комплектование фондов, учет и хранение, научное описание и каталогизация документальных памятников ОПИ — все это, естественно, должно иметь результатом научно-исследовательскую работу и большую публикаторскую деятельность по введению в научный оборот новых пластов и групп ранее не известного архивного материала. И в этой сфере сотрудниками отдела только за последние 7-8 лет сделано немало. Поистине грандиозен объем исследовательской работы ведущего научного сотрудника Ф.А. Петрова. Им выпущены в свет две монографии и заканчивается третья⁵. Наряду с монографическими исследованиями Ф.А. Петров подготовил и издал обзор одного из интереснейших и крупнейших фондов ОПИ, а также написал главу "Градостроительство России в эпоху капитализма (вторая половина XIX — начало XX века)" в учебнике для студентов архитектурных специальностей⁶. Наконец, совместно с заведующим ОПИ А.Д. Яновским Ф.А. Петров составил аннотированный каталог-указатель "Наполеон. Его семья". Его сподвижники", который содержит 2566 автографов самого Наполеона Бонапарта, членов его семьи, наиболее известных военных и государственных деятелей, писателей, поэтов, художников Республики и Первой империи из фондов ГИМ. К изданию будет приложен набор микрофильмов (почти 7000 кадров) и факсимильный том, включающий 220—250 наиболее ценных и редких документов⁷.

Фактически под руководством Петрова во второй половине 1980-х годов началась серьезная и фундаментальная публикаторская деятельность по изданию ценнейших документальных материалов по истории Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. Результатом этой интереснейшей и плодотворной работы явились две больше книги, вводящие в научный оборот широкий круг малоизвестных и совершенно не изученных источников и получившие положительную оценку многих исследователей⁸.

⁵ Петров Ф.А. М.П.Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995; *Он же*. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997; *Он же*. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования (готовится к печати в 1997 г.).

⁶ Петров Ф.А. Обзор фонда Музея "Старая Москва". Пособие для аспирантов. М., 1991; *Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А.* История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. М., 1989. С. 263—360.

⁷ В апреле 1994 г. дирекция ГИМ заключила договор с издательской корпорацией США "Norman Ross Publishing Inc.", которая взяла на себя обязательства по финансированию и выпуску в свет всех частей названного издания: тома аннотированного каталога-указателя (на русском и французском языках), набора микрофильмов (20 роликов) и тома факсимильных изображений документов. Более подробно об этом издании см.: АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 224—236; АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 246—269.

⁸ 1812 год: Воспоминания воинов русской армии (Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея). М., 1991; 1812—1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии (Из собрания Государственного Исторического музея). М., 1992. Над этими изданиями трудился большой авторский коллектив: Ф.А. Петров, А.К. Афанасьев, А.Д. Яновский, Л.И. Смирнова, Н.Б. Быстрова, Н.Л. Зубова, М.В. Фалалеева, иллюстрации подбирались сотрудниками Отдела изобразительных материалов ГИМ.

В 1993 г. произошло важное событие в жизни ОПИ: после 35-летнего перерыва вышел сборник обзорных статей "Письменные источники в собрании ГИМ. Материалы по истории культуры и науки в России", ответственным редактором которого выступил А.К. Афанасьев⁹. В том же году издательство "Московский центр искусство" выпустило книгу мемуаров князя Ф.Ф. Юсупова, вступление, комментарии и публикацию писем к которому подготовила Н.Б. Стрижова¹⁰.

Однако наиболее плодотворным и результативным в плане научной деятельности выдался 1994 г: увидели свет сразу три крупные научные работы, в которых самое активное и непосредственное участие принимали многие специалисты отдела М.М. Леренман, Н.В. Горбушина, Е.В. Неберекутина, Е.М. Юхименко. Все эти интереснейшие работы, несмотря на существенную разницу в своей проблематике, внесли немало нового в дело изучения русского феодализма, о чем свидетельствуют сами их названия¹¹.

Разумеется, картина исследовательской деятельности ОПИ ГИМ будет неполной, если мы не назовем еще одно крупное направление — публикацию трудов "отцов-основателей", "столпов" Исторического музея. Так, летом 1997 г. к 850-летию Москвы издательство "Вагриус" планирует выпустить обе части сочинения И.Е. Забелина "История города Москвы", подготовленное к печати М.В. Катагощиной и Н.Б. Быстровой¹².

Н.В. Горбушиной полностью закончен и сдан в редакционно-издательский отдел ГИМ откорректированный и уточненный текст "Воспоминаний П.И. Щукина", которые были опубликованы в 1912 г. мизерным даже по тем временам тиражом в 50 экземпляров и уже давно стали библиографической редкостью. Заканчивается огромная работа большого авторского коллектива (А.К. Афанасьев, Г.С. Марштупа, Е.С. Самонина, О.И. Самсонова) над никогда ранее не публиковавшимися объемнейшими "Мемуарами генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского", охватывающими 1730—1770-е годы.

Научно-исследовательская активность коллектива ОПИ ГИМ позволила его сотрудникам только в 1990-е годы выпустить более 150 научных и научно-популярных статей, публикаций и заметок в различных выпусках "Трудов ГИМ", сборниках, альманахах, журналах и газетах¹³. Существенную помощь по выявлению новых архивных материалов оказали специалисты ОПИ и при разработке трех уже вышедших в свет томов энциклопедического издания о русских писателях XIX — начала XX в.¹⁴ Немало статей об организаторах и сотрудниках Исторического музея разных времен подготовлено и для формирующейся вот уже почти 10 лет "Музейной энциклопедии".

⁹ ТГИМ. Вып. 84. Предыдущий сборник обзоров фондов ОПИ был выпущен вне общей нумерации выпусков "Трудов ГИМ" — Письменные источники в собрании Государственного Исторического музея. М., 1958. Ч.1. В настоящее время прошел редакционную подготовку и принят к печати третий сборник обзоров фондов — Письменные источники в собрании ГИМ. Материалы по военной истории России.

¹⁰ Юсупов Ф.Ф. Перед изгнанием. 1887—1919. М., 1993.

¹¹ Крестьянские челобитные XVII в. (Из собраний Государственного Исторического музея). М., 1994. Это издание готовилось почти 10 лет совместно со специалистами ИРИ РАН; От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. Коллективная монография / Под ред. чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1994; Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.): Сб. ст. Под. ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. В настоящее время подготовлен 2-й выпуск.

¹² Подробнее об этой работе см: АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 312.

¹³ Журналы — "Вопросы истории", "Отечественная история", "Отечественные архивы", "Московский журнал", "Мир музея", "Держава" и др.; альманахи — "Российский архив" (М., 1991—1996. Вып. 1—7), "Река времени" (М., 1995—1996. Кн. 1—5), "Ново-Басманная, 19" (М., 1990), "Пом Остроухова в Трубниках" (М., 1995. т. 1), "Летопись Историко-родословного общества в Москве" (М., 1993—1995. Вып. 1—3).

¹⁴ Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992—1994. Т. 1—3.

За последние годы Отдел письменных источников обновился почти на одну треть. Пришла хорошо образованная и способная молодежь, полная интересных творческих замыслов. На сегодняшний день средний возраст сотрудников ОПИ ГИМ едва перевалил за 35 лет. В отделе работает 6 кандидатов исторических наук, еще пять сотрудников готовят кандидатские диссертации. В 1997—1998 гг. Ф.А. Петров планирует представить свое фундаментальное исследование по истории российских университетов в первой половине XIX в. к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. И, хотя отечественная наука в целом и музейное дело в частности переживают сейчас нелегкие времена, нам все же хочется смотреть в будущее с искренней надеждой на лучшее.

М.В. Катагощина

**СУДЬБА НЕИЗДАННЫХ РУКОПИСЕЙ И.Е. ЗАБЕЛИНА
О МОСКВЕ
(1910–1990-е годы)**

"Как бы высоко, как бы полно ни ценили мы духовный подвиг Ивана Егоровича Забелина, мы не смеем утверждать, что обняли его весь нашей мыслью, нашим чувством... Не нам, а потомкам принадлежит подвести итог этой личности", – писал выдающийся палеограф, лингвист и историк искусства В.Н. Щепкин¹. Это пожелание, высказанное более 80 лет назад, так и осталось неисполненным. Лишь совсем недавно отечественная историография вступила на путь переосмысления творческого наследия И.Е. Забелина². В связи с этим особое значение приобретает "История города Москвы" – заветный труд ученого, итог многолетних научных изысканий. Задуманная Забелиным обширная программа по составлению истории древней столицы в известной мере воплотилась в 1-й части "Истории города Москвы", посвященной, главным образом, Кремлю и связанным с ним событиям московской истории. Эта книга издавалась дважды при жизни Забелина (1901, 1905 г.) и трижды в 1990-е годы³. 2-я часть "Истории города Москвы" осталась неоконченной, в виде "отрывков", по выражению Забелина, точнее – нескольких различных по объему рукописей.

До 1920 г., пока жива была дочь Забелина, Мария Ивановна, в Историческом музее велась работа по изданию его сочинений. В 1912–1918 гг. вышли в свет 2-я часть "Истории русской жизни", 2-я часть 1-го тома "Домашнего быта русских царей в XVI–XVII столетиях" и несколько других публикаций⁴. Готовилась к печати и 2-я часть "Истории города Москвы". Составляющие ее незавершенные фрагменты – "Наста быти княжение Московское", "Посад" и несколько других отрывков – были переписаны набело М.И. Забелиной и переданы для научного редактирования ученому секретарю ГИМ И.М. Тарабрину в 1915–1917 гг.⁵ Однако наступившие тяжелые времена революционных потрясений, а затем сложившаяся в довоенной советской историографии одиозная оценка творчества Забелина помешали изданию его последнего труда. Отголоском этой попытки можно считать доклад "Работы И.Е. Забелина по истории Москвы", прочитанный И.М. Тарабриным на Забелинском заседании секции "Старая Москва" 17 января 1929 г. Текст этого доклада, сам по себе достойный опубликования, обнаруживает глубокое знание предмета и, кроме того,

¹ Щепкин В.Н. Забелин как историк русского искусства // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма: К 125-летию Государственного Исторического Музея. М., 1997. С. 19, 22.

² Сахаров А.Н. "Светлый русский ум" // И.Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор и дворец: Историко-литературный архив. Исследования. Документы. М., 1990. С. 5–35.

³ Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990. Ч. 1. Репринт 2-го издания (М., 1905). То же. М., 1994; 3-е изд. М., 1996.

⁴ См.: Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М., 1988. С. 48.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1015. Л. 19, 316.

содержит характеристику материалов, относящихся ко 2-й части "Истории города Москвы"⁶.

Опираясь на завещание Забелина и свидетельства Марии Ивановны, Тарабрин указывал, что 2-я часть состоит из истории Посада и политической истории Москвы. "Первая из них дает массу новых сведений, не вошедших в другие работы Забелина, здесь между прочим он обильно пользуется изданными под его же редакцией материалами, а также ... крайне ценным сборником выписок, сделанных Николаем Павловичем Розановым из документов московской духовной консистории"⁷. "Начало политической истории Москвы", упомянутое в завещании Забелина как фрагмент 2-й части "Истории города Москвы", есть, по мнению Тарабрина, не что иное, как переработка известной статьи Забелина "Взгляд на развитие московского единодержавия", опубликованной в 1881 г. Необходимо отметить, что именно это утверждение стало отправной точкой для новейших исследований архива Забелина, в результате которых была осуществлена реконструкция 2-й части "Истории города Москвы"⁸.

Чрезвычайно любопытно упоминание Тарабрина о списке мелких статей, которые Забелин хотел включить в нее. Тарабрин утверждал, что такой список имеется в архиве ученого в Историческом музее, однако он здесь же отметил, что архив этот не до конца разобран и состав его не известен полностью⁹. Описание архивного фонда Забелина завершилось только в 1947 г. В этой описи, которой до сегодняшнего дня пользуются исследователи, не значились ни вышеупомянутый список, ни рукопись "Наста быти княжение Московское". Однако именно в те же, 40-е, годы возродилась идея издания 2-й части "Истории города Москвы".

1 августа 1944 г. сотрудница ОПИ ГИМ С.И. Сакович обнаружила в связке разнородных архивных материалов авторскую рукопись И.Е. Забелина "Посад". Это событие открыло одну из почти забытых в настоящее время страниц в судьбе творческого наследия Забелина и людей, его изучавших. Неизданная работа Забелина, посвященная складыванию городской среды в пределах Белого города в XII–XVII вв., привлекла внимание выдающегося советского историографа Н.Л. Рубинштейна¹⁰.

По всей видимости, Рубинштейн впервые обратился к творчеству Забелина в связи с разработкой курса русской историографии для студентов МИФЛИ в 1936–1941 гг. и написанием известной одноименной монографии¹⁰. В ней Забелин упоминался как незначительный представитель "археологического" направления дворянско-буржуазной исторической науки¹¹. В бытность свою заместителем директора ГИМ (с марта 1943 г.) историограф получил возможность более глубоко изучить научное наследие Забелина, проникнуть в его творческую лабораторию. Знакомство с рабочими записями, дневниками, письмами Забелина позволило Рубинштейну по-новому оценить его место в русской историографии. На юбилейном заседании Ученого совета ГИМ 28 ноября

⁶ Там же. Ф. 230. Д. 32. Л. 17–24.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ См.: Быстрова Н.Б., Катагощина М.В. К вопросу о неизданных трудах И.Е. Забелина // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: Материалы научных чтений ГИМ 29–31 октября 1990 г. (ТГИМ. М., 1992. Вып. 81, ч. 1). С. 53–57.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 230. Д. 32. Л. 21 об.

¹⁰ Археографическая комиссия и ГИМ планируют проведение в конце 1997 г. совместного заседания, посвященного 100-летию со дня рождения Н.Л. Рубинштейна, материалы которого будут опубликованы в "АЕ за 1998 год".

¹¹ Подробнее см.: Разгон А.М. О статье Н.Л. Рубинштейна "Иван Егорович Забелин – историк Москвы" // Ежегодник ГИМ за 1965–1966 г. М., 1970. С. 129.

¹¹ См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 358, 361, 419–420, 436, 439.

1945 г., посвященном 125-летию Забелина, он отмечает, что "в творчестве Забелина сказались напряженные творческие искания 40-х, 50-х и 60-х годов. Это видно не только из его печатных трудов, но и ценных дневников, отразивших остроту научных исканий его самого и его эпохи... он пытается найти собственный путь в решении вопроса об отношении частного к общему, личности – к народу, археологии – к истории"¹². Интерес к научному наследию Забелина прослеживается и в рабочих записях Н.Л. Рубинштейна¹³ и двух посмертно опубликованных статьях¹⁴. Забелин предстает в них не просто знатоком древнерусского быта, но глубоким, самобытно мыслящим ученым, стремившимся через внешние проявления народной и государственной жизни постичь глубинные исторические процессы. Именно Н.Л. Рубинштейном в конце 1940-х годов был сделан первый шаг к "реабилитации" Забелина как ученого, не завершившейся и до сегодняшнего дня.

Вероятно, отмечавшийся в 1947 г. юбилей столицы натолкнул сотрудников Исторического музея на мысль об издании "Посада". Ценность этой рукописи заключалась не только в богатом фактическом материале, на что указывал еще Тарабрин, но и в обоснованной Забелиным методике топографического изучения отдельных местностей – урочищ московского посада. Это научное достижение Забелина было отмечено Н.Л. Рубинштейном как одно из главных достоинств "Посада"¹⁵.

В ОПИ ГИМ донные хранятся машинописный текст и гранки этой забелинской работы, подготовленной к изданию Э.И. Бакстом под руководством Н.Л. Рубинштейна¹⁶. Согласно редакторской помете они были переданы составителям для вычитки 12 августа 1949 г.

Сравнение их с рукописью Забелина свидетельствует о бережном и в то же время строго научном подходе к передаче текста, изобилующего вставками, различными авторскими пометами и значками, сокращениями, подчас с трудом поддающимися расшифровке. Публикаторы стремились учесть все редакционные указания Забелина, одновременно оговаривая в подстрочных примечаниях содержание и характер его помет.

Текст публикации сопровождался вступительной статьей Рубинштейна и списком сокращенных ссылок на источники, встречающихся у Забелина. Здесь же предполагалось поместить статью С. Сакович, И. Коган и С. Григоровой "Материалы по истории Москвы в собрании И.Е. Забелина"¹⁷. В качестве иллюстраций были использованы фотографии Забелина начала 1900-х годов и снимок первой страницы рукописи "Посада".

Представляет интерес сравнение вступительной статьи Н.Л. Рубинштейна "И.Е. Забелин – историк Москвы" с его одноименной работой, которая была опубликована в "Ежегоднике ГИМ" за 1965–1966 гг. Тексты их в значительной степени совпадают. А.М. Разгон полагал, что именно статья из "Ежегодника ГИМ" предназначалась для издания "Посада"¹⁸. Однако в ней, с одной стороны, содержатся более резкие идеологические оценки творчества Забелина, с дру-

¹² Рубинштейн Н.Л. Научные конференции в Государственном Историческом музее // ВИ. 1946. № 7. С. 153.

¹³ Дмитриев С.С. К публикации статьи Н.Л. Рубинштейна об И.Е. Забелине // ИСССР. 1965. № 1. С. 53.

¹⁴ Рубинштейн Н.Л. Иван Егорович Забелин: Исторические воззрения и научная деятельность (1820–1908) // ИСССР. 1965. № 1. С. 54–74; Он же. Иван Егорович Забелин – историк Москвы // Ежегодник ГИМ за 1965–1966 гг. С. 131–149.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 254а.

¹⁶ Там же. Л. 1–256.

¹⁷ Там же. Л. 41–46.

¹⁸ Разгон А.М. Указ. соч. С. 130.

гой – подробно излагается и анализируется содержание "Посада" с привлечением обширных цитат. Это заставляет предположить, что она была написана позже, когда невозможность издания забелинской рукописи стала очевидной.

Не сохранилось никаких конкретных сведений о том, почему был рассыпан готовый набор "Посада". Тем не менее идеологические мотивы очевидны: о цензурных ограничениях эпохи "борьбы с космополитизмом" свидетельствуют вычеркнутые еще из машинописного экземпляра подготовленного к печати текста почти две страницы об участии иностранных мастеров в строительстве укреплений Земляного города в 20-х и 30-х годах XVII в.¹⁹

Нет никаких указаний на знакомство Н.Л. Рубинштейна с другими материалами 2-й части "Истории города Москвы", которые удалось выявить среди черновиков Забелина лишь в 1990 г.²⁰ Эта находка дала возможность реконструировать, с некоторыми утратами, 2-ю часть "Истории города Москвы" в том виде, как ее предполагал издать автор. По всей видимости, в нее входят две неоконченные рукописи – "Наста быти княжение Московское" и "Посад", а также две статьи Забелина – "Дом Московского Публичного и Румянцевского музеев (бывший Пашкова)" и "Опричный дворец царя Ивана Васильевича"²¹. Публикация вместе всех этих материалов важна не только в научном отношении, но и как дань памяти И.Е. Забелина и исследователей его творчества.

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 254а. Л. 138–139.

²⁰ Там же. Д. 238. Л. 1–224.

²¹ *Забелин И.Е.* Дом Московского Публичного и Румянцевского музеев (бывший Пашкова): Из второй части Истории города Москвы // РА. 1904. Кн. 6. С. 169–73; *Он же.* Опричный дворец царя Ивана Васильевича. М., 1893.

ВОСПОМИНАНИЯ

Личность Алексея Ивановича Станкевича – молчаливого, застенчивого, скромного библиотекаря Российского Исторического музея, скрытая в тени славы своих знаменитых дядьев – русских писателей Николая Владимировича и Александра Владимировича Станкевичей, – прочно забыта потомками. Однако среди современников А.И. Станкевич пользовался глубочайшим и заслуженным уважением.

А.И. Станкевич состоял в должности библиотекаря РИМ с 1887 по 1914 г., более четверти века занимался комплектованием музейной библиотеки, пополняя не только книжный фонд, но и фонды гравюр, портретов, литографий (еще будучи гимназистом, он начал собирать рукописи и портреты выдающихся людей России, но, став сотрудником музея, "рассудил, что гораздо лучше будет собирать для музея, а не для себя..."¹). С именем Алексея Ивановича связано начало научной организации библиотеки. Кроме того, все годы службы в музее он принимал читателей, консультировал и поддерживал их, подсказывал и помогал им. Его деятельность на посту библиотекаря, кропотливая, но не заметная незаинтересованному глазу, тем не менее принесла ему заслуженные награды: два ордена Св. Станислава, два ордена Св. Анны, орден Св. князя Владимира; после своей отставки А.И. Станкевич получил звание почетного члена РИМ. Его отзывчивость и душевное тепло породило ответную теплоту в отзывах о нем сослуживцев. Каков же он был, первый библиотекарь первого общероссийского музея?

А.И. Станкевич родился 4 апреля 1856 г. в семье Ивана Владимировича Станкевича (1820–1907). Его мать, Дарья Алексеевна Камышева, была дочерью одного из крепостных его деда, однако никто не чинил препятствий свадьбе его отца: Станкевичи не отличались барской спесью. Детство Алексея Ивановича прошло в имениях отца в Острогжском уезде Воронежской губернии (И.В. Станкевич принадлежал к числу наиболее богатых помещиков губернии). Под руководством домашних учителей и гувернера-немца Алексей вместе с братьями и сестрами получил прекрасное первоначальное образование. В 1869 г. А.И. Станкевич поступил в московскую гимназию Ф. Креймана, а по окончании гимназии – на историко-филологический факультет Московского университета.

В университете Станкевич учился у таких профессоров, как В.О. Ключевский, В.И. Герье, И.В. Цветаев, Ф.Е. Корш, Н.А. Попов, Н.И. Стороженко и др. Его однокурсниками были М.К. Любавский, П.Н. Милюков, курсом старше учился Р.Ю. Виппер, Ф.Д. Самарин. Университет А.И. Станкевич окончил в 1882 г. со степенью кандидата, а после окончания поступил на службу в Московский архив Министерства иностранных дел сотрудником сверх штата (т.е. без жалованья). Условием поступления в него была сдача экзамена по переводу с четырех иностранных языков (латинского, немецкого, английского, французского), с чем Алексей Иванович блестяще справился. В дальнейшем знание иностранных языков сослужило ему немалую службу в деле комплектования библиотеки РИМ и определило его основной научный интерес: изучение и

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 351 (А.И. Станкевич). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 90.

перевод сказаний иностранцев о России. Его учителя и наставники – В.О. Ключевский, А.Н. Пыпин и И.Е. Забелин – неоднократно подчеркивали, что труды А.И. Станкевича по переводу иностранных авторов имели очень важное значение для русской исторической науки.

Первая печатная работа А.И. Станкевича появилась в 1885 г., и с тех пор на протяжении всей жизни, несмотря на загруженность библиотечной работой, он не оставляет своих научных занятий. Его исследования можно найти в "Трудах" Археологических съездов, "Чтениях Общества истории и древностей российских", "Русском архиве", "Русской старине", научных сборниках РИМ и в других печатных изданиях. Кроме того, им были подготовлены к печати собрания сочинений А.В. и Н.В. Станкевичей.

А.И. Станкевич был прекрасным переводчиком, да и русским литературным языком владел в совершенстве, свидетельство тому – его "Воспоминания".

После своей официальной отставки А.И. Станкевич не порывал связи с музеем, с 1917 г. начал посещать музей для своих занятий, а 15 марта 1919 г. вновь поступил в РИМ в качестве сотрудника "по библиотеке" – описывать сказания иностранцев о России. Однако, не проработав и трех лет, 23 января 1922 г. А.И. Станкевич скончался, по словам И.М. Тарабрина, своего давнего сослуживца, "на почве полного истощения сил". До конца жизни он успел описать более 350 изданий сборников сказаний иностранцев о России с XII по XIX в.

Хранящиеся в ГИМ "Воспоминания"² представляют собой незаконченную черновую рукопись, написанную на стандартной бумаге в 1/2 листа, со многими исправлениями и добавлениями. Рукопись датирована А.И. Станкевичем 1917 годом.

Фрагмент "Воспоминаний", представленный настоящей публикацией, является продолжением предыдущей части рукописи, опубликованной в юбилейном сборнике ГИМ³. Этот небольшой фрагмент посвящен описанию культурной жизни Москвы рубежа XIX–XX вв. Стиль повествования А.И. Станкевича прост и непритязателен, язык иной раз, может быть, нарочито старомоден, характеристики в меру критичны и одновременно благожелательны, а сами записи пронизаны тем тонким, теплым, добродушным юмором, который в полной мере дает почувствовать обаяние личности автора.

Примечания А.И. Станкевича отмечены цифрой со звездочкой.

Н.Л. Зубова

[...]Когда в 1881 г. умер Ф.М. Достоевский, то вдова его, Анна Григорьевна¹, приняла энергические меры к тому, чтобы сохранить не только его рукописи, сочинения и письма, но и вещи, и решительно все, что так или иначе было связано с его именем: ленты от венков, возложенных на гроб его, газетные и журнальные статьи на всевозможных языках о нем и его сочинениях, портреты его самого, семьи, его родственников, друзей и врагов, переводы его сочинений и т.д. В короткое время она собрала таким образом большой и ценный музей и, встретившись где-то с В.И. Сизовым², высказала ему свое желание поместить это собрание в какое-либо ученое учреждение Москвы. Сизов посоветовал ей обратиться к Забелину³, причем сказал, что при библиотеке музея есть комната, пока ничем еще [не] занятая, не подойдет ли она для ее музея. Достоевская переговорила с Забелиным, который, конечно, пришел в восторг от ее собрания и ее мысли сделать его общественным достоянием, а Анне Григорьевне понравилась комната, предложенная ей, и мы все, служащие в музее, и дело

² Там же. Ед. хр. 25.

³ "И за строкой воспоминаний большая жизнь..." Мемуары, дневники, письма. М., 1997.

сладилась. Достоевская заказала витрины, перевезла свое собрание к нам и принялась усердно устраивать музей имени мужа, к памяти которого она относилась с замечательным уважением и любовью. Так как ею составлено и издано подробное описание ее музея⁴, то я не буду распространяться здесь о нем, а скажу несколько слов о самой А.Г. Достоевской. Это была женщина очень неглупая, начитанная, с мягким, добрым характером, очень добрая, совершенно без всяких претензий, ласковая и вежливая со всеми, скромная, горячо любящая своих детей и заботящаяся о них, хотя они оба – сын и дочь⁵ – уже были взрослые, и, как я сказал уже, относящаяся с каким-то особенным, глубоко-трогательным уважением и любовью, доходящими до благоговения, к памяти мужа. Я имел счастье скоро снискать ее расположение, и она много рассказывала мне о муже, о первых годах их совместной счастливой жизни, о их поездках за границу и т.д. История их брака, кажется, уже рассказана кем-то, поэтому я скажу лишь несколько слов по этому поводу. Ф.М. Достоевский запродавал один из своих больших романов А.А. Краевскому⁶ и обязался к определенному сроку представить его в рукописи, но почему-то, кажется по болезни, никак не мог написать его, хотя он вполне уже сложился в его голове. Краевский настойчиво требовал обещанного и запроданного, и вот друзья Достоевского посоветовали ему пригласить стенографистку и диктовать ей, причем указали на Анну Григорьевну Сниткину как на подходящую для этого дела работницу. Достоевский согласился, и Анна Григорьевна проводила целые дни и вечера у него, записывая под его диктовку. Во время перерывов для отдыха они беседовали друг с другом и сблизились до того, что когда роман был благополучно написан и сдан Краевскому, то Достоевский сделал своей помощнице предложение, и они поженились. Брак был в высшей степени счастлив: у Достоевского явился благоустроенный семейный угол, дети, которых он очень любил, заботливая жена, хозяйка. Впрочем не буду вдаваться в подробности, ибо благодетельное значение брака Достоевского со Сниткиной оценено по справедливости во всех биографиях нашего великого писателя. Анна Григорьевна с таким рвением собирала все касающееся Достоевского, что иногда приобретала ненужные и плохие вещи, но, конечно, ни я, ни кто-либо из других чиновников музея не имели духа сказать ей это, наоборот, мы все умилялись перед такой безграничной любовью. Раз она принесла масляный портрет, до того скверно написанный, что сама, как-то конфузясь, просила меня спрятать его подальше, чтобы никто не видал его. "Зачем же вы купили его, если находите, что он так плох?" – "Да, знаете, вчера я была на толкучке, у Сухаревой башни, и вижу – стоит мой Федор Михайлович на снегу, – мне стало так жаль его, что я и купила. Спрячьте, пожалуйста, подальше куда-нибудь!" Исполняя ее просьбу, я не мог удержаться и поцеловал у ней руку. Дочь и сын ее мало интересовались тем, на что мать их обратила все свои силы. Сын был охотник до рысаков, а дочь была слабое, нервное, истерическое существо и пробовала свои силы на разных художественных поприщах, но неудачно: она занималась и живописью, и беллетристикой, но ни то, ни другое не давалось ей. Капризна она была и труслива в высшей степени. Сын, напротив, цвел здоровьем и кончил курс на юридическом факультете, но что случилось с ним потом – не знаю, помню лишь одно – что он, будучи еще студентом, женился, вскоре развелся с женою и женился вторично. Впрочем я его видел мало – раза два-три, не более – и почти не говорил с ним, а про женитьбу и развод его мне сообщила Анна Григорьевна, которая была со мною очень откровенна и посвящала меня даже в некоторые семейные тайны.

Кроме большого музея Достоевского при библиотеке стали образовываться небольшие собрания, посвященные памяти разных выдающихся русских людей. Первым таким собранием явилось собрание М.С. Щепкина⁷. Вдова его сына,

А.В. Щепкина⁸, урожденная Станкевич, родная сестра Николая Владимировича⁹, с согласия ее сыновей передала в библиотеку музея разные бумаги, касающиеся М.С. Щепкина, подлинную рукопись его "Записок", где начало, как известно, написано Пушкиным¹⁰, горячо убеждавшим маститого артиста написать свои воспоминания, нескольких портретов его, в том числе превосходную пастель работы Тараса Шевченко, разные вещи, принадлежавшие ему, и т.п. Собрание это небольшое по количеству, но очень ценно по важности документов, в нем заключающихся. Между прочим в этом собрании находится палка, привезенная Щепкину в подарок с Кавказа моим дедом¹¹. Палка эта, из какого-то особенного тростника, очень толстая, приблизительно в руку взрослого человека, и обделана в серебро с чернью, но при этом чрезвычайно легка. На серебряном ободке над набалдашником вырезана надпись: "Михаилу Щепкину Владимир Станкевич". Вскоре после сего некто Шаломытов¹² подал великому князю Сергею Александровичу¹³, как Председателю музея, докладную записку о том, не соизволит ли он устроить при музее комнату имени А.С. Грибоедова. Все подробности по этому делу собраны в деле об устройстве комнаты имени А.С. Грибоедова, и мне рассказывать их здесь, стало быть, нечего, скажу только, что г. Шаломытов оказал на первых порах очень важные услуги новому музею, но потом как-то внезапно скрылся неизвестно куда, причем оказалось, что он не доставил в музей несколько очень ценных предметов, которые должен был передать от г. Смирнова¹⁴, известного исследователя о Грибоедове. Но г. Шаломытову же музей всецело обязан приобретением величайшей драгоценности, именно, подлинной рукописи "Горе от ума"¹⁵. Он узнал, что она принадлежит дочери приятеля Грибоедова, уже пожилой девице М.С. Бегичевой¹⁶, которая согласна ее продать. Начались переговоры. Бегичева запросила сначала 8000 руб., но потом пошла на уступки ввиду того, что рукопись приобретает для музея, становится чрез это национальным достоянием, и согласилась на 5000 руб. Но у музея и этой суммы не было. Тогда Шаломытов разыскал Н.А. Цветкова¹⁷, директора Купеческого банка и душеприказчика богатой купчихи А.К. Медведниковой¹⁸, оставившей после себя громадный капитал на разные благотворительные и просветительные цели. Узнав подробности дела, Цветков заявил Шаломытову, что он может, в исполнение воли Медведниковой, дать нужные деньги на покупку, и таким образом это важное приобретение состоялось. Кроме рукописи комедии Бегичева уступила музею еще десятка полтора или два писем Грибоедова к ее отцу. Кстати сообщу здесь одну небезынтересную подробность. Когда, несмотря на то, что мы решили хранить строжайшее молчание о драгоценной рукописи, дабы ее не перекупила у нас Публичная библиотека или Академия наук, по Москве пошел слух о переговорах музея с Бегичевой, то известный любитель-театрал, владелец богатого собранного им театрального музея А.А. Бахрушин¹⁹ очень хотел купить рукопись, но опасался, нет ли тут обмана, действительно ли она представляет собой автограф Грибоедова, можно ли, не рискуя попасть впросак, заплатить такие большие деньги? Я был знаком с Бахрушиным, и вот он все выпытывал у меня, как я смотрю на рукопись, просил показать ему снимки с нее и т.п. Я, пока шли переговоры, не говорил ему ничего определенного, как говорится, ни два, ни полтора, хотя уже убедился совершенно в подлинности рукописи и подал об этом доклад в совет музея, а говорил, что надо еще подумать, да посравнить и т.д. Когда же дело было окончательно слажено, и поверенный Бегичевой должен был сдать рукопись и получить деньги, то Бахрушин попытался перебить рукопись у музея, утром рано явился к поверенному и предложил ему большую цену, но тот сказал, что акт о продаже уже подписан и что он уже не может продать рукописи, сколько бы ему за нее не предложили. Не знаю, насколько это верно, но мне говорили потом, что даже Британский музей узнал о существовании этой

рукописи и предлагал владелице большие деньги, но Бегичева не соглашалась на то, чтобы рукопись ушла из России. Высокую цену, просимую ею, Бегичева объясняла тем, что она на эти деньги хочет основать у себя в деревне народную школу имени Грибоедова.

В 1... году²⁰ гр. С.А. Толстая²¹ явилась как-то неожиданно к Забелину с просьбою дать ей помещение для 12 ящиков с рукописями сочинений, письмами и иными бумагами ее мужа, до того времени находившихся в Румянцевском музее. Оказалось следующее: когда директором этого музея был М.А. Веневитинов²², то графиня, с его разрешения, поставила эти ящики в одной комнате близ рукописного отделения, и они стояли там довольно долго. Когда Веневитинов умер, и его место занял И.В. Цветаев²³, то, не помню почему именно, но эти ящики были перенесены без ведома графини в другое место. Явившись как-то в музей и не найдя своих ящиков там, где она их поставила, графиня в резкой форме потребовала от Цветаева объяснения, как это посмели без ее разрешения трогать ее ящики? Тот, при виде разгневанной графини, растерялся и сказал, что музею понадобилось это место для чего-то другого, "более ценного". Вероятно, он хотел сказать, "для чего-то другого, имеющего более изящный вид", какие-нибудь памятники искусства, ибо ящики гр[афини] Толстой были очень неказисты, а стояли между тем на видном месте, и, во всяком случае, не имел в виду умалить значение рукописей Толстого, но графиня поняла его именно так, что он рукописи Толстого не считает "ценными", страшно рассердилась, наговорила ему массу грубостей и решила отвезти ящики куда-нибудь в другое место, где им было бы оказано больше уважения. Забелин, надеясь, что графиня со временем пожертвует эти рукописи музею, любезно согласился на ее просьбу и велел поместить эти ящики в комнате, предназначавшейся было для Грибоедовского собрания. Графиня начала усердно свозить в эту комнату еще разные рукописи, портреты и вещи, так что в короткое время составилась очень порядочный, очень интересный музей. Мною была заведена особая шнуровая книга, куда вносилось все поступающее в этот музей. Графиня часто приезжала в музей и занималась разборкою всего этого материала. Вещи были помещены в большой витрине, и публика допускалась к их обозрению в те дни и часы, когда была открыта библиотека. По просьбе графини в дверь, ведущую в эту комнату, были врезаны новые английские замки, и я отпирал комнату, лишь когда приезжала графиня или когда кто-либо желал осмотреть ее, причем всегда лично присутствовал. Когда кончались занятия, то и комната запиралась на два замка, и ключи хранились у меня. Когда умер Толстой, то между графиней и ее дочерью²⁴ возник спор о рукописях, и пока этот спор тянулся, комната была заперта и недоступна не только для публики, но и для спорящих. Наконец сенат решил этот спор в пользу гр[афини] С.А. Толстой, и она увезла все собрание снова в Румянцевский музей, где был уже другой директор²⁵, страшно обидевшись на наш музей за то, что мы не соглашались отдать ей рукописи без решения суда. Когда она приехала за вещами и рукописями в музей, то меня, находившегося уже в отставке, попросили помочь при выдаче, и я явился²⁶. Графиня встретила меня дружелюбно и выразила сожаление по поводу моего ухода: "Если бы вы были по-прежнему библиотекарем, то этого не случилось бы". Чего "этого" — не знаю, ибо я был еще библиотекарем, когда начался их спор, и мне неоднократно приходилось указывать графине на те причины, почему музей не мог отдать ей собрания без решения суда. Ведь Александра Львовна предъявила завещание отца, а графиня Софья Андреевна ссылалась лишь на словесное распоряжение мужа. Перед началом сдачи собрания графиня, как мне по секрету сообщил И.М. Тарабрин²⁷, осыпала упреками всех служащих, начиная с кн. Щербатова²⁸, и разбушевдалась было до того, что выразилась о музее словами — "этот притон". —

"Что же вы ей на это ответили", – спросил я. – "Да ничего! Бог с нею!" – "Ну, нет, – сказал я, – я не согласен с вами; если она при мне позволит себе выразиться таким образом о музее, то я составлю протокол за подписью всех присутствующих". – "Не стоит заводить дела, Алексей Иванович! Бог с ней! Пусть забирает вещи и уезжает!" – "Да я и не намерен заводить дела, – сказал я, – я только составлю протокол, уговорю всех подписать его и передам на хранение в музей: пусть знает будущее поколение, как вела себя гр[афиня] С.А. Толстая". Но графиня, вероятно, по моему ультравежливому, но сухо официальному обращению догадалась, что я не так добродушно и снисходительно настроен, как другие чиновники, и поэтому рассыпалась все время в похвалах моему любезному с нею обращению, и все обошлось благополучно. Мне пришлось иметь с ней дело в течение нескольких лет, и я, действительно, был всегда с нею в высшей степени любезен, нередко приезжал в музей по праздникам, чтобы дать ей возможность работать над бумагами, заботился о всевозможных удобствах для нее, считая это своею обязанностью, а вовсе не как друг или поклонник ее мужа. Мое обращение было одинаковое со всеми клиентами музея. Я успел узнать графиню довольно хорошо и нахожу, что во многих отношениях она была человеком несимпатичным. Я не отрицаю ее заслуг перед Россией, что она много заботилась о муже, всячески охраняла и оберегала его, ухаживала за ним и сохранила нам его, что она была в семье единственный и большой труженик, заведующая всеми их денежными делами и т.д., но вместе с тем должен сказать, что она не обладала настоящей, искренней природной добротой, была очень высокого мнения о себе, для чего имела некоторое основание, ибо обладала несомненным талантом в скульптуре, живописи и даже литературе. Особенно же мне не нравились в ней ее жадность к деньгам и ее скупость. Помнится, петербургская городская дума, не знаю по какому случаю, задумала издать сборник произведений русских авторов для раздачи ученикам городских школ и обратилась к графине с просьбою разрешить напечатать в этом сборнике несколько мелких рассказов Толстого, конечно, безвозмездно. Графиня отказалась, и я прочел об этом довольно резкие, неодобрительные статьи в газетах и тоже немало был возмущен этим отказом. Через несколько времени графиня приехала в музей и стала, между прочим, жаловаться мне, что осталась одна, что лучшие друзья ее – Стасов, Пыпин, Спасович и другие²⁹ – умерли. "Надеюсь, графиня, – сказал я, – что вы нас не считаете своими врагами". – "Ах, нет, Алексей Иванович! Напротив: я так счастлива, что встретилась с вами; вы так добры, так внимательны; я считаю вас истинным другом", и т.п. Беседуя со мной, она упомянула о своем отказе петербургской думе. "Ведь, знаете, Лев Николаевич – один работник на всю семью нашу; не могу же я отдавать даром его трудов; с чем же мы останемся; нас – большая семья, а он уже по доброте так много отдал даром сам. Как вы думаете?" – «Я думаю, графиня, что для детского сборника, вероятно, требовались бы такие произведения Льва Николаевича, которые давно уже, так сказать, окупались, например, "Детство" и "Отрочество", "Казаки" и т.п., и поэтому считаю, что их можно было бы разрешить напечатать безвозмездно. Кроме того, вероятно, были бы напечатаны из них лишь отрывки, а прочитав их, я думаю, многие захотели бы прочесть еще что-нибудь из сочинений такого хорошего автора, может быть, даже купили бы полное собрание его сочинений». Графиня замолчала и стала усердно перебирать бумаги, а я ушел к себе. Прощаясь со мною, она довольно сухо сказала: "Прощайте, я приеду недели через две", – и только, тогда как обыкновенно она при прощании расспрашивала меня о моей семье, посылала поклон жене и т.д. Ясно было, что мой взгляд на ее поступок не понравился ей.

Я сказал уже выше, что в музей постоянно приходили и приезжали торговцы

старинными вещами, книгами, рукописями и т.д. С торговцами книгами и рукописями приходилось иметь дело мне, как библиотекарю, и особенно с тремя – С.Т. Большаковым, А.А. Астаповым и А.М. Старицыным³⁰. Большаков был типичным представителем букинистов старого времени и владел большой лавкой на Старой площади, где торговал старопечатными книгами, старинными иконами и разной церковной утварью. Он был старовер – по Рогожскому кладбищу³¹ – и пользовался большим авторитетом и популярностью среди своих единомышленников. Он был большой знаток всего относящегося до раскола, но был очень недалек, хотя и неглуп, а также и большой болтун и сплетник, любил сообщать разные анекдоты про богатых московских купцов-раскольников, не прочь был польстить, а когда начинался торг, то запрашивал чуть не втрое или вчетверо и, устав сам и утомив до крайности покупателя, уступал нередко книгу за очень недорогую цену. Несмотря на хорошее состояние, он постоянно ходил в поношенном, истертом по швам сюртуке, руки у него были постоянно сомнительной чистоты, ногти особенно бросались в глаза, до того они были грязны. Здороваясь и прощаясь, и во время разговора, когда он просил прибавить к цене, назначенной мною или Забелиным, он кланялся как-то особенно низко, буквально перегибаясь пополам, и глубоко вздыхал. Товар свой – книги, рукописи, иногда и вещи – он носил в простом холщовом мешке, закидывая его за спину. Беседовать с ним по разным вопросам по расколу было интересно, но торговаться приходилось с ним иной раз, как говорится, до седьмого пота. Он умер далеко не старым человеком, совершенно неожиданно, на улице, и труп его был доставлен в полицейский участок, куда случайно зашел один из служителей музея. Узнав его, он поспешил сообщить об этом кн. Щербатову, и тот уведомил семью Большакова, ничего еще не знавшую. Оказалось, что он ушел из дому, как это часто бывало, довольно рано по делам, и семья была уверена, что дела его задержали где-нибудь, и только когда наступил вечер, то жена и дети начали беспокоиться. Отпевали и хоронили Большакова на Рогожском кладбище, причем народу было очень много, и разнообразного: раскольники, торговцы-антиквары, профессора и ученые, которым Большаков поставлял книги и рукописи, представители от Исторического и Румянцевского музеев и т.п., а богослужение, очень парадное, совершал какой-то важный раскольный епископ. Мне было очень интересно послушать их пение, но, хотя хор был великолепный по составу голосов, но самое пение, особенно в некоторых местах, меня поразило крайне неприятно: какой-то вой, а не пение. С А.А. Астаповым я познакомился, еще будучи гимназистом, когда покупал у него, в его лавке в "Проломе"³², разные старинные книги, легшие в основу моей библиотеки. В 1874 году я купил у него полное собрание сочинений Сумарокова в издании Новикова³³, "Творения" Хераскова³⁴ в 11 томах и другие из библиотеки А.Н. Афанасьева³⁵, известного собирателя русских народных сказок, автора книги "Поэтические воззрения славян на природу" и других, умершего незадолго перед этим. Астапов был истинным библиофилом и торговал книгами не исключительно ради одной выгоды, а потому, что горячо любил и уважал книгу. Человек очень умный от природы, Астапов отличался своей искренней, глубокой религиозностью и нравственной чистотой. Я всегда любил его за выдающиеся качества, и он платил мне тем же. Личность и деятельность Астапова хорошо очерчены в брошюре, изданной одним из его друзей, тоже страстным библиофилом, Л.Э. Бухгеймом³⁶, в 1912 году, по поводу исполнившегося пятидесятилетия книгопродавческой деятельности Астапова. Что касается А.М. Старицына, то это было не столько торговец книгами и иной стариной, сколько любитель просвещения и страстный коллекционер, очень умный, очень добрый, вежливый, скромный и честный. Он не только не гнался никогда на большую наживую, но иногда уступал даже любителю в убыток

себе, а уж по "себестоимости" сплошь да рядом. Зачастую Старицын, разбирая партию вновь приобретенных книг и наткнувшись на что-нибудь интересное, тут же погружался в чтение до того, что если в это время к нему являлся покупатель и спрашивал что-нибудь, то Старицын, чтобы только отделаться от него и не прерывать чтение, говорил, что у него требуемого не имеется, хотя в действительности оно было. Торговля, конечно, ужасно страдала от этого, но Старицын не унывал и предпочитал учиться, а не наживаться. Он собрал громадную коллекцию книжных знаков, так называемых "Ex Libris", и долго ни за что не соглашался продавать ее, хотя ему предлагали очень большую сумму денег: по целым дням сидел он у себя в лавке и разглядывал этот альбом. Когда же он наконец решился расстаться с этой коллекцией, то цена на нее уже значительно понизилась. Он умер, к общему всех знавших его искреннему огорчению, молодым еще человеком и оставил семье своей только безупречную, кристаллически чистую репутацию да долги. К чести его кредиторов, таких же букинистов, надо сказать, что они отказались от своих прав и порвали векселя, как только узнали о смерти должника. Сын Старицына еще отцом был подготовлен к антикварному делу, также полюбил его и, насколько мне известно, продолжает торговлю не без успеха. Я очень любил Старицына и немало купил у него для музея и для себя лично редких книг и портретов. Приходилось мне, конечно, иметь дело и с другими антиквариями и между прочим и с знаменитым ныне П.П. Шибановым³⁷. Первые годы нашего знакомства он мне нравился – он тогда еще не вполне "оперился", – но чем больше я его узнавал, тем антипатичнее делался он мне. Он человек очень неглупый, хорошо знает свое дело, но уж чересчур жаден до денег и цены назначает совершенно произвольные и громадные. К тому же он высококомерен, и скуп, не помогает бедным, а, напротив, не задумается обобрать своего же брата торговца. Дела у него идут блестяще, магазин, я думаю, лучший во всей России, но книга для него – товар и только. Состояние у него, вероятно, громадное, но едва ли его будут вспоминать с такой любовью, как Астапова и Старицына. В начале своей деятельности и он делал ошибки. Так, например, он продал экземпляр трагедии "Василий Шуйский" сочинения Н.В. Станкевича за 75 коп., тогда как эта книжка свободно нашла бы себе покупателя и за 50 рублей. Это – юношеское произведение Станкевича, которое он уничтожил почти все, почему экземпляры его крайне редки. Эту брошюру купил у него мой двоюродный брат В.К. Вульферт³⁸, а после его смерти она поступила ко мне и сейчас находится в Историческом музее в моем архиве³⁹. Из петербургских антиквариив я хорошо знал В.И. Клочкова и В.Н. Соловьева⁴⁰, у которых очень много приобрел хороших и редких изданий. Из заграничных книготорговцев у меня постоянными поставщиками были К. Гирземан (K. Hiersemann) в Лейпциге, И. Бэр⁴¹ во Франкфурте и Ш. Вальтер (Welter) в Париже. Больше всего приходилось покупать у Гирземана, у которого книжный склад был поразительно громадный и разнообразный: у него были и книги на всевозможных языках, даже на церковнославянском, и рукописи, и карты, и портреты. Надо отдать справедливость – и цены были у них более правильные, нежели у русских антикваров, так что иногда было выгоднее выписать какую-нибудь книгу из-за границы, нежели из Петербурга, или даже купить в Москве. Все эти торговцы присылали мне свои каталоги, очень обстоятельно составленные, но иногда в них встречались забавные опечатки. Так, например, в одном каталоге портретов русских писателей фамилия "Добролюбов" была искажена в "Dobrojobow", а адрес, напечатанный частью по-немецки, частью по-русски, гласил: "Russland. Moscau. Rother Platz. Бородская Рубличная Чертовская библиотека", и по этому адресу исправно получались в течение нескольких лет. Наконец я как-то написал Гирземану, что если мол, перевести ваш адрес на немецкий язык, то выйдет "Bart-Rubel-Teufels-

Bibliothek", и тем самым поразил его, так как он любил щеголять знанием русского языка. Я все заказы писал ему по-немецки, а он неизменно отвечал мне всегда по-русски, только счета были всегда на немецком языке. У Бэра я купил, между прочим для себя лично, великолепный экземпляр сочинения Рейтенфельса о Московии⁴², книжку очень редкую, за недорогую цену, 45 марк^{1*}. Я переводил это важное для русской истории сочинение на русский язык и, ввиду редкости книги, опасаясь брать экземпляр Чертковской библиотеки на дом, а работать над нею в служебные дни и часы считал для себя не вправе, почему и занимался в музее в неприсутственные дни и часы, урывками, вследствие чего работа подвигалась очень медленно. В это время приехал Бэр в Москву и зашел в музей. Мы с ним разговорились, и он, узнав о моем желании иметь собственный экземпляр Рейтенфельса, сказал, что, кажется, у него в складе таковой имеется, и, действительно, вскорости прислал мне эту "величайшую редкость", как сказано в заметке П.И. Бартенева⁴³ на экземпляре Чертковской библиотеки.

Вскоре после поступления на службу в музей мне пришлось познакомиться лично с великим князем Сергеем Александровичем, состоявшим Председателем Исторического музея. Он проводил лето в подмосковном своем имении, селе Ильинском, и пожелал привести в порядок и каталогизировать небольшую библиотеку, находящуюся там. Через князя Щербатова эта работа была предложена мне, и я провел за ней около полутора месяцев, почти ежедневно выдавая с великим князем, который очень интересовался ходом работы и часто заходил ко мне в "обсерваторию", где помещалась эта библиотека. Вероятно, это здание когда-то служило действительно для астрономических наблюдений, потому что при нем была довольно высокая башня с платформой на крыше, но в то время никаких особых приспособлений там уже не было и удержалось только название. Мне было отведено помещение в павильоне "Миловид", который разделялся на две половины, из которых одну занимал я, а другую – художник Е.Е. Волков⁴⁴, гостивший в это лето у великого князя. Мое помещение состояло из трех комнат – кабинета, спальни и уборной, а одна комната, первая при входе, была общей и служила нам столовой. По воскресениям и праздникам все гостившие в Ильинском собирались в 10 часов на площадке перед дворцом, куда выходили сами хозяева, здоровались, и все шли в церковь к обедне, и по окончании ее во дворец завтракать. Кроме художника Волкова и меня, в Ильинском в это время гостили: великий князь Павел Александрович с женою и ее сестрою Марией и братом Андреем⁴⁵, адъютант его барон Шиллинг, бывший воспитатель великих князей, француз, уже пожилой, но очень еще живой и веселый, разговорчивый и любезный, доктор П.А. Форбрихер⁴⁶ и фрейлины – Васильчикова и княжна Лобанова-Ростовская⁴⁷. При великой княгине Елизавете Федоровне⁴⁸ состояла еще одна учительница русского языка⁴⁹, а при великом князе – заведующий двором его М.П. Степанов⁵⁰ и два адъютанта. Образ жизни хозяев был простой, деревенский: по утрам великий князь занимался личными делами с управляющим двором и именьями, после завтрака предпринимались прогулки пешком, в экипажах, на лодках или играли в крокет. Если погода была плоха, то собирались и занимались чтением, большею частью вслух, французских пьес, причем каждый читал отдельную роль. По субботам великий князь обязательно отправлялся в баню, которую очень любил, как мне говорил Мурашкин, один из служителей, помогавший мне при разборе книг и исполнявший обязанности банщика. Говорили главным образом по-русски, иногда лишь по-французски или по-английски. В карты совсем не играли. Отношения между великим князем и его супругой были хорошие, сердечные. Среди

^{1*} См.: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских за 1905 г.

разбираемых мною книг я нашел несколько подаренных великой княгиней своему супругу с надписями по-английски, из которых помню одну: "To my darling Serge from his Little Elza"². Это было написано на изящном иллюстрированном издании сочинений Шиллера. Когда я кончил работу, то великий князь, пригласив меня в кабинет, попросил расписаться у него в альбоме и, пока я писал, шутил с великой княгиней, дразнил ее собачку, так что получалось впечатление, что между ними полнейшее *entente cordiale*³. От какого бы то ни было вознаграждения за мой труд я отказался, попросив дать на память мне портрет великого князя с его подписью, что он и исполнил. Я работал ежедневно, кроме, конечно, праздников, утром от 9 до 12 1/2 час., в 1 час завтракал и отдыхал до 2-х, а с 2-х опять занимался до 6-ти, после чего шел обедать, а потом гулял, читал, писал письма и т.д. Утром, вместе с кофе, мне подавали газету, правда "Московские ведомости", но время было тихое, так что можно было довольствоваться и ими, засим, в 1 час дня, сервировался мне "фрыштик", а в 6 час. обед в общую нашу комнату: иногда и Волков обедал со мною, но редко: он много писал этюдов и уходил, и приходил в разное время. Из вин каждый раз подавалось по полбутылки красного вина и мaderas или портвейна удельного ведомства. Парк в Ильинском был громадный, и воздух в нем отличный. Во время моего пребывания в Ильинское был приглашен известный аэронавт Шарль Леру, который впоследствии трагически погиб во время полета. Леру поднялся на воздушном шаре на большую высоту и затем спускался оттуда на парашюте. Первые минуты две он летел вниз как камень, так что страшно было смотреть, но потом парашют распускался, и он медленно и вполне благополучно достигал земли. Погиб же он вследствие того, что, поднявшись на берегу где-то около Рижского, кажется, залива, был отнесен ветром далеко в море, куда за ним не поспела лодка, и он утонул.

Великий князь составил себе очень хорошее мнение обо мне и при всех последующих встречах обходился со мною крайне внимательно и ласково, очень ценил мое мнение по разным вопросам библиотековедения и библиографии. Когда умер В.И. Сизов, то Забелин, как я уже сказал выше, предложил место ученого секретаря и мне, и я, с большой неохотой, но ради того, чтобы не назначили нам одно лицо, нежелательное нам всем, согласился было принять это предложение, и об этом доложили великому князю, но тот заявил, что "не может себе представить библиотеки музея без Станкевича, и что он очень желает, чтобы я не покидал ее". Князь Щербатов объяснил ему, что должность секретаря считается в 6-м классе, а библиотекаря лишь в 8-м, но великий князь на это возразил, что он лично будет ходатайствовать перед Государем о повышении должности библиотекаря, лишь бы я остался. Я благодарил и остался, но, как известно, великий князь вскоре был убит, и я остался в прежнем положении, а на место Сизова, по общему нашему желанию, был определен мой милейший товарищ – И.М. Тарабрин.

Живо помню убийство великого князя Сергея Александровича. Я занимался, по обыкновению, в читальном зале, где находилось еще довольно много посетителей, как вдруг раздался оглушительный взрыв, и я почувствовал сильный толчок, как бы из недр земли, а стекла в окнах так задребезжали, что я подумал, что все они разбились. Все в страшном испуге вскочили со своих мест и спрашивали друг у друга: "Что такое случилось?" Кто-то из служащих объявил, что в Кремле, в арсенале, разорвало случайно снаряд, но все обошлось благополучно. Публика стала, однако, быстро расходиться, желая узнать подробности, да и было уже около 3-х часов, когда занятия кончались. Заперев библиотеку, мы

² Моему голубчику Сереже от его маленькой Лизы.

³ Сердечное согласие.

вышли на лестницу и тут узнали от старшего служителя всю истину. Красная площадь кишела народом, стремившимся в Кремль, но туда никого уже не пропускали, ворота были заперты и охранялись солдатами. Я поспешил домой, куда вскоре пришел наш знакомый офицер, которому удалось пройти к самому месту убийства и видеть, как подняли изорванное в клочки тело великого князя и понесли в Николаевский дворец. Подробности убийства в настоящее время^{4*} всем известны, и я останавливаться на них поэтому не буду, скажу только, что сила взрыва была громадна, так что тело было разметано на мелкие куски, которые пришлось собирать на всем пространстве между арсеналом, окружным судом и кремлевскими казармами. Части головы были найдены на крыше арсенала, в кучах снега находили пальцы, зубы, обломки шашки, нательного креста, орденов и т.п. Профессору Зернову⁵¹ было поручено собрать все эти части и сшить их, но как тщательно ни искали, все же многого не могли найти, так что не хватало обеих рук и ног и более половины головы⁵². Удивительно, что бросивший бомбу⁵³ уцелел совершенно и был только слегка контужен. Бомба была брошена в карету через раскрытое окно, и от нее остались, конечно, лишь мелкие щепки, лошади были убиты наповал, а кучер тяжело ранен в спину и грудь и, пролежав в больнице более месяца, умер⁵⁴. Из спины его доктора вынули массу мелких осколков от кареты, деревянных, металлических и стеклянных, обрывков обивки, ваты от подушек и т.п. Смерть великого князя была для музея большим горем: он живо интересовался русской стариной и, в особенности, археологией и много заботился о музее, но как человек и генерал-губернатор Москвы он не был любим. Кстати сообщу здесь остроумный ответ московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова⁵⁵, хорошо знавшего, что великий князь сильно желает переселиться в Москву и занять его пост, но император Александр III долго не решался уволить старика, любимого всей Москвой, в угоду своему брату. И вот, на каком-то рауте, Сергей Александрович разговорился с Долгоруковым о Москве и намекнул ему тонко о своем желании, сказав: "Moscou me plaît infiniment, je voudrais bien y vivre". – "Et moi, je voudrais y mourir", – ответил ему Долгоруков⁵⁶. В конце концов Долгорукова все-таки уволили, и этим, думается мне, значительно сократили его жизнь. Как генерал-губернатор, великий князь был совершенно не на месте: он не был подготовлен к этой роли, не любил ее, и большим счастьем для него и для Москвы было то, что правителем дел ему был назначен Истомин⁵⁶, человек умный, серьезный и деловитый. Особенно жестоко преследовал великий князь политических, как их называли тогда, преступников, и своим влиянием на императора Николая II крайне усугублял наказания, налагаемые на них, почему скоро стал им ненавистным, и было решено убить его. События на Ходынке подлили еще масла в огонь, ибо великий князь несомненно был виноват в них. Смертный приговор ему был вынесен революционной партией еще месяца за три или больше до исполнения, и великий князь был об этом извещен, почему и принимались всевозможные меры к его охранению: он переехал в Николаевский дворец в Кремле, ездил всегда в карете и чрезвычайно быстро, собирался, говорят, уехать за границу, но там, конечно, еще легче могли его подстеречь.

В 1887 году исполнилось 50 лет со смерти Пушкина и кончился срок литературной собственности на его сочинения. Появился целый ряд новых их изданий, но ни одно из них не имело такого громадного успеха, как дешевое издание Суворина⁵⁷, в 10 томах, стоившее полтора или два рубля. Оно было выпущено в количестве 20 000 экз. Действительно, это было очень хорошее

^{4*} В 1917 году.

^{5*} "Москва мне нравится беспредельно: я бы желал жить в ней". – "А я желал бы в ней умереть", то есть остаться в ней до смерти.

издание, напечатанное крупным, отчетливым шрифтом на хорошей бумаге, в очень удобном формате. Правда, в нем не было обширных комментариев, но текст был проверен очень тщательно, и все-таки самые необходимые примечания были. Для меня этот год памятен еще тем, что я познакомился с Обществом любителей российской словесности⁵⁸, в деятельности которого мне пришлось впоследствии принять немало участия. В 1889 г. я, по предложению председателя его профессора Тихонравова⁵⁹ и секретаря В.Е. Якушкина⁶⁰, был избран в члены его, а потом в секретари и исполнял эту должность в течение 3-х лет, с 1891 по 1894 г. Секретарские обязанности были не сложны и не утомительны, и я с удовольствием нес их, но немало хлопот и беспокойства доставляли мне публичные наши заседания, которые публика, особенно учащаяся молодежь, очень любила, а актовая зала Университета, где они происходили, могла вместить в себя лишь 400 человек, другими словами, лишь одну треть или даже одну четвертую часть желающих присутствовать на них. Большая часть входных билетов распределялась между членами общества, которые раздавали их другим, и очень немного, иногда билетов 10–15, оставалось на руках у меня, и я должен был раздавать их желающим, которые с раннего утра собирались близ помещения Общества в старом здании Университета, в 3-м этаже. Я приходил в 10 часов утра и уже заставал на лестнице длинный хвост ожидающих меня. Конечно, много было недовольных и жалующихся, что вот, мол, они долго ждали и не получили билета. Я докладывал об этом обществу, и было решено давать каждому члену по 5 билетов только, чтобы у секретаря оставалось больше для раздачи посторонним, но это постановление осталось на бумаге, а в действительности гг. члены выпрашивали у меня большее количество билетов, и приходилось по-прежнему многим отказывать и выслушивать жалобы, а иной раз и упреки. Особенно тяжелы были объяснения с дамами, которые на все мои доводы стояли упорно на своем: "Ну что вам стоит велеть поставить один лишний стульчик". – "Сударыня, ведь вы не одна, а ко мне уже многие обращались с такою же просьбою". – "Ну, велите поставить нам всем". – "Да ведь, сударыня, экзекутор говорит, что больше нельзя ставить, что пол не выдержит, провалится". – "Э, вздор, ну, будьте же любезны, дайте нам билетки". Приходили за билетами ко мне и на квартиру и так усердно и много звонили, что портился звонок, а раз одна дама явилась даже во втором часу ночи. Много хлопот было при устройстве юбилейных выставок, хотя тут работала целая комиссия, а не я один, но все-таки в качестве секретаря больше всех бывал занят. Эта работа была очень интересная, и мы все с увлечением занимались собиранием экспонатов. Таковы были выставки, посвященные памяти Белинского, Пушкина, Гоголя, Жуковского, Мочалова, Щепкина и других⁶¹. Насколько успешна была наша работа, можно судить по каталогам и альбомам этих выставок. Иногда приходилось довольно долго хлопотать и сноситься с разными лицами, пока не удавалось наконец получить рукопись, портрет или какую-нибудь вещь. Так, например, мне пришлось немало потрудиться при разыскании портрета П.А. Катенина⁶², известного приятеля Пушкина, автора "Андромахи", "Княжны Милуши", переводчика "Сиды", баллад Бюргера⁶³ и других пьес в ложноклассическом направлении. Его портрет до сих пор не известен и не издан⁶⁴. Так как после Катенина прямого потомства не осталось, то первое затруднение заключалось в том, чтобы узнать, кто жив из ближайших его родственников. Путем расспросов мне удалось узнать, что в с. Шаёве⁶⁵, бывшем имении Катенина, проживает сельский учитель Ширяев, человек очень образованный и интересующийся литературою⁶⁶. Я обратился к нему, и он мне сообщил, что родная племянница поэта⁶⁷ учится в Петербурге на медицинских курсах, но адрес ее ему не известен. Я послал запрос в петербургский адресный стол, откуда мне ответили, что г-жа Катенина в настоящее время выбыла в

Харьков, но жила раньше там-то. Я написал запрос в Харькове, откуда мне сообщили, что в Харькове г-жи Катениной нет. Я написал тогда ей письмо по прежнему петербургскому адресу и очень долго не получал ответа, но наконец месяца через полтора пришло подробное письмо от нее. Оказалось, что она уезжала к родственникам, потом была больна и не могла писать. О портрете же она сообщила мне следующее: портрет имеется, она его хорошо помнит, очень недурная акварель, и, насколько она помнит, хранится в господском доме в с. Шаёве, в одном из комодов; что она сама не может поехать туда и отыскать его, но напишет опекуну (так как она несовершеннолетняя) и попросит его достать портрет и прислать мне. При этом она советовала мне написать ее опекуну просьбу от имени Общества любителей российской словесности, дабы ускорить дело. Все это было исполнено, но опекун либо не нашел портрета, либо не пожелал потрудиться над розыском его, и портрета мы не получили. Таким образом, портрет Катенина имеется, но где-то скрывается. Быть может, кому-нибудь и удастся найти его, что было бы крайне желательно, так как Катенин сам по себе занимает видное место в истории русской литературы и критики, и имел большое значение для Пушкина, который очень ценил его художественный и критический талант и тонкий вкус^{6*}. Безуспешны были мои усердные поиски портрета знаменитой К.К. Павловой⁶⁸, урожденной Яниш, хотя Б.Н. Чичерин⁶⁹ уверял меня, что видел ее портрет у Погодина⁷⁰. Собрание Погодина, как известно, поступило частью в Императорскую Публичную библиотеку, частью же к А.Е. Носу⁷¹, много лет бывшему казначею Общества любителей российской словесности, но ни в Библиотеке, ни у Носа его нет. Где же он? В известном альбоме художника Эм. Мамонова⁷² есть ее портрет карандашом, но, к сожалению, не вполне оконченный и притом в профиль. Долгое время не находился портрет ее мужа, Н.Ф. Павлова, но наконец он случайно был приобретен П.А. Ефремовым⁷³ у книготорговца Гирземана в Лейпциге, о котором я уже говорил выше. У этого же Гирземана продавался тогда и портрет Михаила Александровича Бакунина⁷⁴, и Ефремов хотел его также приобрести, но Гирземан опасался посылать его, [предполагая], что цензура конфискует, так как под портретом была подпись: "Michel Bakunin, bekannte russischen Revolutionar"⁷⁵. Поэтому Ефремов прибег к такой уловке: он написал Гирземану, чтобы он подпись отрезал и прислал бы отдельно в закрытом письме, а портрет особо под бандеролью, с отметкой – "неизвестное лицо". Портрет и подпись благополучно приехали в Россию. Чтобы получить портреты Н.И. Кривцова⁷⁵ и К.Н. Батюшкова⁷⁶, я ездил к старушке С.Н. Батюшковой, вдове того П.Н. Батюшкова⁷⁷, по заказу которого я написал статью об Афанасии Филипповиче⁷⁸. С.Н. Батюшкова была родной дочерью Н.И. Кривцова, и у нее многое можно было бы узнать о декабристах, Пушкине, Батюшкове и других, но, к сожалению, она в это время была больна и так дряхла, что еле-еле говорила, хотя приняла меня очень любезно, тотчас же дала мне просимые портреты, но извинилась, что не в состоянии побеседовать со мной, и я пробыл у нее не более пяти минут. Она вскоре умерла, а наследники распродали все бывшие у ней портреты и вещи, и портрет К.Н. Батюшкова, чудная работа Кипренского⁷⁹, был куплен известным А.А. Бахрушиным; теперь он, со всем его театральным музеем, передан Академии наук⁸⁰. Выставки памяти Гоголя, Жуковского и Пушкина были устроены в залах музея, почему я, как библиотекарь музея и секретарь общества, должен был принимать экспонаты и хранить их, а по окончании выставок выдавать обратно владельцам. Скучны

^{6*} Ср. его отзыв о Борисе Годунове в сборнике "Помощь голодающим". (М., 1892) (публикация "отзыва" принадлежит А.И. Станкевичу. – Н.З.).

^{7*} Михаил Бакунин, известный русский революционер.

очень были постоянные посещения газетных репортеров, которые приходили осведомляться, что именно поступило для выставки, что ожидается, когда откроется и т.п. Все это были люди очень мало, или даже совсем не осведомленные по русской литературе, и поэтому они просили объяснить им, почему выставляется портрет того или другого лица, какое отношение он имеет к писателю, и т.д. Приходили они каждый отдельно, так что приходилось отрываться от занятий и шесть-семь раз показывать и объяснять одно и то же. Я наконец не вытерпел и заявил, что если они желают получать от меня сведения, то пусть в определенные дни и часы приходят все сразу, и я им всем буду сообщать о новых поступлениях. Много скучной возни было у меня и с желающими поместить что-нибудь на выставке, потому что зачастую приносили совершенно дрянную, не идущую, как говорится, ни к селу ни к городу. Какой-то субъект, помнится, принес какие-то дрянные часы. "На каком же основании желаете вы их выставить?" – "Помилуйте, вот, извольте взглянуть, вот здесь написано: Пушкин". – "Вижу, так что же из этого?" – "Как что? Значит – они принадлежали Александру Сергеевичу". Действительно, на задней стороне было каракулями это написано. Я отказал, и он ушел очень обиженный. Другой принес портрет совершенно незнакомого мне лица в военном мундире. "Кто же это такой?" – "Это-с Александр Сергеевич Пушкин". – "Да ведь, прежде всего, лицо совершенно не похоже, а потом Пушкин никогда военным не был". – "Так, может быть, это господин Лермонтов?" – "И на Лермонтова не похож; несите ваш портрет обратно". – "А может быть, это господин Марлинский?"⁸¹ – "Нет, и не Марлинский". – "Стало быть, не примете на выставку?" – "Не приму". – "А я думаю, что все же интересно было бы выставить. Будьте добры, примите!" – "Да как же я приму, когда ни вы, ни я не знаем, кто этой такой!" – "А, может быть, кто-нибудь из публики признает!" Сколько приносили разной рукописной дряни и уверяли, что это драгоценнейшие автографы или списки совершенно никому еще не известных произведений Пушкина, Лермонтова и других. Некий художник, Пирашков, пожелал выставить свои произведения – сцены из жизни Пушкина и иллюстрации к его сочинениям – и принес их так много и таких скверных, что я отвел ему место в сенях, перед входом на выставку. Он, вероятно, понял это так, что ему отведено *первое* место, потому что очень благодарил меня и развесил массу своих картин, одна другой хуже, причем и названия дал им необычайные. Так, например, под одной картиной у него значилось: "Предсмертный аппетит". Был изображен Пушкин, лежащий на диване с широко раскрытым ртом, а перед диваном стояла на коленях женщина и в одной руке держала блюдечко с чем-то красным, а другою рукой подносила ко рту Пушкина ложку, тоже с чем-то красным. Я поинтересовался, спросил у художника, что эта такое он изобразил? – "А как же-с, помните: Пушкин перед смертью пожелал скушать морошки и чтобы непременно его покормила бы жена, – так вот-с: Наталья Николевна исполняет последнюю волю мужа".

В музее я познакомился с графиней П.С. Уваровой⁸², принимавшей горячее участие в судьбе музея и всех его делах. Графиня очень приветливо обошлась со мной, расспрашивала, чем я специально интересуюсь, и высказала надежду видеть меня в числе членов Археологического общества⁸³. Я сказал, что не заслуживаю этой чести, так как ничего не знаю по археологии, не занимался ею пока, но с большим интересом посещаю заседания общества, старуюсь ознакомиться с этой наукой поближе. Через несколько времени кто-то прислал обществу в дар рукопись середины XVIII века, перевод известного в свое время романа "Азиатская Баниза"⁸⁴. Я попросил дать мне ее на просмотр, собрал порядочный материал, добыл немецкий подлинник и написал реферат, который прочел на Археологическом съезде 1890 года, в отделении древнерусских памят-

ников литературы и языка⁸⁵. После сего меня избрали в члены-соревнователи общества, причем определили в помощники библиотекарю общества, а когда он умер, то общество избрало меня библиотекарем, и вместе с сим, согласно устава общества, в действительные члены⁸⁶. Я усердно занялся приведением библиотеки в порядок и внимательно просматривал, если не прочитывал, все вновь поступающие в нее книги и набрался, таким образом, хороших сведений по археологии. Я не буду говорить здесь о заслугах графини Уваровой пред Археологическим обществом и наукой, так как они давно уже признаны всеми, но почитаю долгом отметить здесь ее постоянное внимание, теплое участие ко всем интересующимся наукой вообще, будь то знаменитый ученый или только что начинающий работать студент. Ко всем она относилась приветливо и всегда была готова помочь всеми зависящими от нее средствами. Богатое собрание древностей и рукописей было доступно всем одинаково. Это была меценатка в полном значении этого слова, и я вспоминаю об ней не иначе, как с чувством глубочайшего уважения и вместе с тем живейшей признательности. Около 1888 года я был избран, по предложению Забелина, в члены-соревнователи Общества истории и древностей российских⁸⁷, вместе с еще несколькими недавно окончившими курс по филологическому факультету молодыми людьми. Забелин имел в виду образовать из нас при обществе кадр филологов для подготовки к изданию тех библиографических материалов, которые были собраны незадолго до сего умершим А.Н. Поповым⁸⁸ и приобретены обществом у его вдовы. Надо было сверить копии с подлинными текстами, подвести к ним разночтения, снабдить их комментариями и т.д. Несколько №№ из этих материалов были подготовлены и напечатаны именно такими юными членами – М.Н. Сперанским, В.Н. Щепкиным, А.А. Шахматовым⁸⁹ и другими. Вследствие ухода Забелина из председателей общества дальнейшая работа над материалами Попова прекратилась. Место председателя занял Г.Д. Филимонов⁹⁰, хранитель Оружейной палаты, выдающийся ученый, знаток русских христианских древностей, и притом человек очень откровенный и прямой, ни перед кем не заискивающий и не стесняющийся в выражениях. Он, как говорится, резал правду-матку прямо в глаза всем одинаково – и простому служителю из отставных солдат, и какому-нибудь тайному советнику. Принимая участие в прениях на заседании Общества истории и древностей российских, он позволял себе иногда довольно резкие выражения, но ввиду его ученых заслуг и его честности, неподкупности и добродушия ему, конечно, все прощалось. Мне рассказывали такой случай: надо было избрать на какой-то археологический съезд представителя от общества, и Е.В. Барсов⁹¹ усердно домогался того, чтобы выбор пал на него. "Да, да, да, – возражал ему Филимонов, – как же это мы командидуем вас: ведь вы – не археолог". – "Не археолог, да, – горячился Барсов, – но я принимал участие в археологических экспедициях, присутствовал при раскопках и сам несколько раз копал!" – "Ну да, копал, копал! Мало ли кто копает! И свинья рылом тоже ведь копает", – невозмутимо спокойно возразил Филимонов, вызвав громкий хохот присутствовавших! Повторяю, что я сам этого разговора не слышал, но мне рассказывали это люди, которым можно верить, да и зная нрав Филимонова, его давнишнее знакомство с Барсовым и принимая во внимание, что этот разговор происходил на заседании общества, куда посторонние лица не допускались, – я считаю, что, весьма вероятно, дело происходило именно так. Да и то сказать: Филимонов вовсе не хотел обижать Барсова, а просто хотел пошутить, сказать острое словечко. Любимою поговоркою у Филимонова было протяжное "да, да, да", и он постоянно употреблял ее как в разговоре, так и во время доклада.

Скоро после открытия читального зала в музее для публики ко мне зашел

бывший в то время директором Императорской Публичной библиотеки А.Ф. Бычков⁹² и мы с ним провели более часа в оживленной беседе на разные библиографические темы. Он так живо говорил, с таким увлечением любовался и восторгался книжными редкостями, которые я ему показывал, что я совершенно забыл про его возраст и седины, и, встретив его, не узнал именно потому, что внешний вид его несколько не соответствовал его, так сказать, духовному облику: в теле маститого старика жила юношеская, восторженная душа. Я ему откровенно высказал это, и он согласился со мной, что, действительно, среди книг, рукописей и гравюр он забывает свои немалые годы. Впоследствии я ему оказывал неоднократно помощь, когда он редактировал собрание писем и других бумаг Петра Великого⁹³: я нашел среди рукописей Чертковской библиотеки несколько никому еще не известных писем этого государя и, кроме того, доставил текст указа, принадлежащего одному любителю-коллекционеру, который выставил его с другими старинными бумагами на выставке [...] года⁹⁴, но не позволял снять с него копию. Я прибег к хитрости: как будто рассматривая другие бумаги, я прочитывал и запоминал две-три строки указа, потом отходил от витрины и записывал их в книжку. Побродив несколько времени по выставке, я снова подходил к указу и опять запоминал и записывал следующие две-три строки и повторял этот маневр до тех пор, пока не записал весь текст и преподнес его Бычкову, который очень благодарил меня и прислал в подарок редактируемое им издание. В это же время я очень подружился с Л.Н. Майковым⁹⁵, который собирал материалы для полного собрания сочинений К.Н. Батюшкова и его биографии⁹⁶. Это превосходное во всех отношениях издание было по справедливости оценено публикой и быстро было раскуплено. Биография Батюшкова, приложенная к этому изданию, была выпущена, однако, отдельною книгою. Средства на это монументальное издание дал П.Н. Батюшков, о котором я уже говорил выше и который в благодарность подарил Майкову великолепный мраморный бюст поэта с высеченной надписью: "Моему биографу". Где находится сейчас этот бюст – не знаю. С Майковым была у меня большая переписка, так как я много доставлял ему разного рода материалов, между прочим несколько писем и стихотворений Пушкина. Отношения наши были очень дружеские, и я был очень огорчен его смертью. Помню, как я был поражен тем спокойствием, с которым он мне как-то сказал, что ему не придется увидеть вполне законченное академическое издание сочинений Пушкина⁹⁷, так как он рассчитывает еще только на семь-восемь лет жизни, не более. Сложения он был богатырского, голос имел громкий, басистый, так что я ожидал, что он проживет еще очень много лет, но у него оказался сильнейший диабет, осложненный еще какою-то другою болезнью, и доктора ничего не могли сделать, чтобы спасти ему жизнь.

На археологическом съезде 1890 года познакомился я с нашим знаменитым гравером И.П. Пожалостинным⁹⁸, тогда еще довольно бодрым и работоспособным. Пожалостин жил постоянно в Рязани и был занят гравированием картины Иванова "Явление Христа народу"⁹⁹. Материальное положение его было очень плохо, он кое-как перебивался, получая небольшую пенсию и продавая имеющиеся у него экземпляры своих работ. Я приобрел у него несколько отличных портретов и картины: "Птицелов" Перова, "Яна Усмовича", "Несение Креста" и другие¹⁰⁰. Зрение начинало, однако, уже изменять ему, и он сам говорил, что сильно натрудил свои глаза, гравирова маленький портрет-заметку П.Н. Батюшкова. Действительно, немудрено было испортить глаза на такой, так сказать, микроскопической работе. Очень грустно, что доска с "Явлением Христа" осталась недоконченною вследствие того, что в Москве не нашлось богатого человека, который пришел бы Пожалостину на помощь, дав

ему возможность прожить год, может быть, два, но никак не больше, в Москве. Это было необходимо для того, чтобы окончательно отделать гравюру, имея подлинную картину перед собой. Сумма нужна была небольшая, тысячи три, но ее никто не дал, и гравюра осталась недоконченной. Большой друг и поклонник Пожалостина известный владелец чудного собрания русских гравированных портретов и отличный знаток русского гравировального искусства, С.П. Виноградов¹⁰¹ написал обстоятельную книжку о работах Пожалостина и биографический очерк его^{8*}, но напечатал свой труд, к сожалению, в крайне ограниченном количестве экземпляров. По смерти Пожалостина семья продала несколько рисунков его Историческому музею, и в том числе превосходный портрет известной писательницы, славянофилки О.А. Новиковой, урожденной Киревой¹⁰².

В 1892 году познакомился я с нашим известным библиографом П.А. Ефремовым. Знакомство началось с переписки: собрав в 1890 году сочинения Н.В. Станкевича¹⁰³, я составил им список и послал его Ефремову при письме, где извинялся, что беспокою его, не будучи лично знакомым, и просил посмотреть список и пополнить, если я что-нибудь пропустил. Сделал я это, во-первых, потому, что полагал, что Ефремову, как библиографу, могут быть известны сочинения дяди, мне неизвестные, и, во-вторых, потому что я думал, что он – сын друга дяди А.П. Ефремова¹⁰⁴, что, может быть, у него имеются рукописи Станкевича. Ефремов очень любезно ответил мне, что я ошибаюсь, что он не сын Александра Павловича, а однофамилец, и очень одобрил мое намерение – издать сочинения Николая Владимировича. "Что же касается проверки и пополнения Вашего списка, – писал он, – то я, к сожалению, не могу быть Вам полезным. Дело в том, что я собираюсь переезжать в Москву и всю библиотеку свою уже уложил, но я показывал Ваш список Сайтову¹⁰⁵, и мы оба думаем, что при том плане собрания, которому Вы следовали, Вы, вероятно, ничего не пропустили". А мой план состоял в том, что я составил список журналов и альманахов, вышедших в России с 1828 по 1840 год, а затем просмотрел их все тщательно. Несколько указаний я нашел в книге П.В. Анненкова¹⁰⁶ и, кроме того, обратился с письмом к Я.М. Неверову¹⁰⁷, прося сообщить мне произведения дяди, если таковые у него найдутся. Неверов меня очень огорчил своим ответом: он написал мне, что у него действительно было много писем и других бумаг, как Н.В. Станкевича, так и прочих членов его кружка, и что он использовал их как материал для написания своей автобиографии, а затем уничтожил. Одно стихотворение, касающееся его, он, впрочем, сообщил мне по памяти^{9*}. Я был ошеломлен этим ответом, но несколько лет спустя был крайне

^{8*} С.П. Виноградов. Гравюры И.П. Пожалостина. М., 1912. Отпечатано 50 экземпляров. Мой – № 9.

^{9*} Привожу это письмо полностью. Подлинник его находится в моем архиве, в Историческом музее в Москве.

С. Петербург 25 Апреля 1890 г.

Милостивый государь Алексей Иванович

Я опоздал несколько ответом на любезное письмо Ваше от 18-го сего Апреля потому, что хотя и знал, что у меня нет не только стихотворений моего незабвенного друга Николая Владимировича, но даже и писем его потому, что, находясь в самых близких и дружественных отношениях, он сам мне читал все свои произведения, а письма его хотя и хранились у меня, но шесть лет тому назад я написал мою автобиографию, и затем уничтожил все сохранившиеся у меня письма моих приятелей. Но, получил письмо Ваше, я счел нужным пересмотреть все сохранившиеся у меня бумаги в ожидании, что, может быть, между ними сохранилось что-нибудь из переписки моей с покойным Вашим дядюшкой, – но, к сожалению, ничего не нашел. У меня сохранилось в памяти только одно стихотворение, которое было сообщено им мне по окончании курса в московском университете и по вступлении моем на службу в редакцию журнала Министерства народного просвещения. Вот это стихотворение, которое я всегда считал его произведением:

обрадован: все оказалось в целости. Неверов дал свою коллекцию писем дяди, переплетенную им, ради лучшей сохранности, в красивую книгу, на прочтение одному знакомому и забыл про нее. Не помню, каким именно образом, но в конце концов эта книга очутилась у Бакуниных и хранилась в их архиве, а в 1904 году, благодаря хлопотам Натальи Семеновны Бакуниной, она перешла ко мне вместе с письмами дяди к Бакуниным¹⁰⁹. Еще раньше, через нее же, я получил акварельный портрет Николая Владимировича, работы Л. Беккера, находившийся до того у Николая Александровича Бакунина¹¹⁰, который, умирая, велел передать портрет мне¹¹¹. С Бакуниной я познакомился через А.Г. Коваленскую¹¹², со всей семьей которой она была в самых дружных отношениях. Долгое время я вел лишь переписку с Бакуниной и ее мужем, Павлом Александровичем¹¹³, но потом мне удалось много раз видеть ее во время ее приездов в Москву. Она уговорила Бакуниных отдать все письма Николая Владимировича мне, и я ради этого ездил к ней на ее дачу Горная Щель близ Ялты. Ее мужа я не застал в живых. Но об этом скажу после, а теперь возвращаюсь к моему знакомству с Ефремовым. В первый раз мы с ним виделись, кажется, в 1891 году: он приехал в Москву и зашел в музей. В разговоре со мной он подтвердил свое желание провести остаток дней своих в Москве, и, действительно, в 1894 году он переехал и поселился в небольшом доме на Остоженке, в Савеловском переулке, где я часто навещал его и проводил целые дни и вечера в рассматривании его собрания портретов и беседах по самым разнообразным вопросам. Конечно, больше всего мы говорили о литературе, но немало часов уделяли мы обсуждению и других вопросов. Ефремов любил рассказывать из своего прошлого, вспоминать свои встречи с разными писателями и учеными. Говорил он чрезвычайно живо и образно, с большим юмором, который иногда переходил в едкие сатирические замечания. Я скоро приобрел его особенное расположение и доверие, хотя бывали порой у нас и размолвки, правда непродолжительные. Причина их заключалась главным образом, в болезни Ефремова: он страдал какою-то застарелой болезнью мочевого пузыря, причинявшей ему жесточайшие боли, и, понятно, он тогда становился придирчив и раздражителен, и малейшего повода было досаточно, чтобы он, как говорится, рвал и метал и не стеснялся в выражениях. Особенно помню один такой случай: я послал к нему служителя за портретами для выставки в память Пушкина¹¹⁴. Тот по дороге зашел в трактир, напился пьяным, и в таком виде явился к Ефремову, захватив с собой, в довершение всего, еще и никуда не годный упаковочный материал. Ефремов страшно рассердился, не дал ему портретов и прислал мне с ним резкое письмо: «В Ваши "пакостные" папки и в разбитые, расколотые доски я не могу верить своей коллекции. Разрушение и уродование началось бы теперь же, т.е. еще раньше, чем начнется "ожидаемое" мною уродование в музее и у Фишера^{10*} – при разборке, размещении и снимках.

Его зовут Январь,
Но смотрит он веселым маем,
За то мы песнь ему поем
И велегласно величаем.
Его пленяете не Вы,
Невы красавицы молодые,

Он верен прелестям Москвы
И Вам, студенты удалые.
.....
.....
Кто верен так друзьям, как он,
Хоть называется Неверов!

Вот что у меня осталось в памяти, но и то не вполне.

Глубоко сочувствуя Вашему предприятию и желая Вам наилучшего с ним успеха, остаюсь Вам искренне преданным Январий Неверов.

P.S. Моя автобиография составит довольно большой том, но она будет напечатана только по смерти моей, а потому я ничего не могу сообщить Вам из нее – да это не может иметь места в Вашем издании¹⁰⁸.

^{10*} Фотограф К.А. Фишер, издавший альбом выставки [Фишер Карл Андреевич – московский фотограф, владелец фотографической фирмы – Н.З.].

Ваш Ефремов 99 10/29. Поищу папок и досок. Если найду, то уложу, а иначе уж все оставлю у себя. Если б я знал, что будет такая "присылка", сам бы позаботился». Я тотчас взял две новешенькие папки, чисто выструганные доски и отправился к Ефремову. Он все еще был очень сердит, нервно шагал по саду и очень нелюбезно встретил, было, меня, но потом вид прекрасных папок и досок и мое объяснение смягчили его, и мы расстались друзьями. Ефремов охотно принимал всех интересующихся тем, что интересовало его, т.е. русской литературой и портретами – литографиями, гравированными, миньютюрами и т.п., помогал им в их разысканиях, щедро делился своими сокровищами. Но для этого необходимо было быть действительно любителем, потому что лиц, занимающихся собиранием чего бы то ни было из тщеславия, для того, чтобы только хвастаться своим собранием, он терпеть не мог, презрительно называл их "каллекторами" и подчас очень остроумно и зло высмеивал их, особенно если они становились жертвами ловких обманщиков. Помню, как много вытерпел от него А.П. Бахрушин¹¹⁵, который, питая до некоторой степени серьезную страсть к старине, вместе с тем – не в осуждение ему будь сказано – любил, во-первых, купить все подешевле, а во-вторых, ужасно жаждал известности, славы, что, вот мол, какое собрание у Бахрушина. На беду, он был совершенно не осведомлен ни в русской литературе, ни в истории, не сумел развить за долгие годы собирательства вкуса в себе, как это делали многие другие. Поэтому у него между очень хорошими и ценными вещами попадались, сплошь да рядом, дрянные, никуда не годные подделки. Бывало, покажет ему какой-нибудь ловкач подделку и уверяет, что это настоящая, редкостная вещь, и запросит дорогую цену. Бахрушин, не будучи в состоянии самостоятельно решить это, говорит ему: "Хорошо, я куплю, голько дай мне показать ее кому-нибудь из собирателей". – "Как можно! Помилуйте, если вы им покажете, то они у вас ее переберют!" И Бахрушин, поддаваясь на эту удочку, часто покупал и потом приносил Ефремову "редкостную вещь", которая оказывалась совершенной дрянью. Ефремов постоянно посещал воскресный торг у Сухаревой башни, Вербный базар и старьевщиков, населяющих Панкратьевский переулочек близ Сухаревой башни, и покупал много такого, что, на первый взгляд, никоим образом нельзя было использовать, а он находил применение и этому товару. Так, например, он как-то купил большую кипу гравированных видов разных зарубежных городов, сел, местностей и т.п. и поместил их потом в соответствующих местах в сочинениях и переписке русских авторов. Помню, я видел у него иллюстрированные таким образом сочинения Жуковского, Карамзина ("Письма русского путешественника") и другие. Кроме видов, он вpletал и портреты, и планы, словом, все, что могло пояснить или дополнить текст. Сбирал он также и журнальные и газетные статьи о писателях, отдельные их произведения, напечатанные там, и составлял из них толстые томы, заключающие в себе обильнейший биографический и библиографический материал, нужный ему для работы¹¹⁶. И как он умел беречь свои книги: несмотря на то, что он постоянно ими пользовался, они все были у него в блестящем виде. Несколько раз был я свидетелем, как он этими сборниками приводил в совершенное недоумение того же Бахрушина. Тот принесет какое-нибудь новое издание и говорит: "Петр Александрович! Вот новое полное собрание сочинений такого-то!" А Ефремов с иронической улыбкой отвечает: "Какое же это полное? Вот я покажу вам полное, да еще иллюстрированное!" – и кладет перед ним на стол вместо 2-х или 3-х томов одного только текста томов 5 или 6 с портретами, видами, иллюстрациями и т.п. Бахрушин хлопает глазами и не знает, что ему и подумать, а мы с Ефремовым еле-еле удерживаемся от смеха.

Ефремов предполагал остаток дней своих провести в Москве, и в беседах и письмах постоянно говорил, что желает умереть и быть похороненным в ней,

именно на Пятницком кладбище, где "Щепкин, Афанасьев, Грановский и еще кое-кто – не будет скучно"^{11*}, однако, не знаю почему, эти планы не осуществились, и в 1903 году он переехал снова в Петербург, где и умер^{12*}.

Не могу удержаться и скажу здесь, кстати, несколько слов о "каллекторах", как их называл Ефремов. Таких господ "псевдолюбителей" книжной и иной старины было в то время немало, и отличались они от нас, истинных любителей, прежде всего тем, что ими руководило, главным образом, не любовь к предметам собирания, а чувство тщеславия. Им хотелось отличиться, выдвинуться чрез свое собирание, «знай, мол, наших. Румянцев подарил отечеству "на благое просвещение" музей, Третьяковы – картинную галерею, а теперь и меня будут восхвалять на все лады». К несчастью, разница между Румянцевым, Третьяковыми и этими господами большая: те были люди просвещенные, искренно, горячо любили свои собрания, знали им цену и свободно разбирались в них, и не ждали денег, а гг. "каллекторы" хотели, как говорится, "и капитал приобрести, и невинность соблюсти", т.е. поменьше потратиться и побольше возвеличиться. А сами, между тем, либо ничего не понимали в том, что собирали, либо очень мало, и поэтому, прежде чем купить что-либо, старались разведать у настоящего, образованного любителя, стоит ли действительно вещь больших денег. Но при этом у них появлялось еще другое опасение – как бы любитель не перебил покупки. Положение их было очень затруднительное: они боялись того, что переплатят, что купят плохую, негодную вещь, и того, что упустят действительно редкую вещь. Поэтому они пускались на хитрости, старались узнать, что им было нужно не прямо, а окольными путями. Мы, конечно, понимали хорошо, в чем дело, и, смеха ради, тоже говорили им "не два и не полтора", когда они спрашивали наше мнение. Выше я говорил, как А.А. Бахрушин старался узнать мое мнение о рукописи Грибоедова, и как мне пришлось давать ему уклончивые ответы до тех пор, пока вопрос о покупке ее не был окончательно решен¹¹⁷...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достоевская Анна Григорьевна (1846–1918) – жена Ф.М. Достоевского, почетный член РИМ с 1906 г., собирательница автографов русских и иностранных деятелей культуры.

² Сизов Владимир Ильич (1840–1904) – археолог, помощник товарища председателя РИМ (с 1881 г.), первый ученый секретарь РИМ (с 1887 г.).

³ Забелин Иван Егорович (1820–1908) – историк, член Постоянной комиссии при Управлении РИМ с 1874 г., товарищ председателя Музея с 1886 г.

⁴ "Музей памяти Феодора Михайловича Достоевского в Императорском Российском Историческом музее имени императора Александра III в Москве. 1846–1903 гг. Сост. А. Достоевская. С портретами и видами". СПб., 1906.

⁵ Достоевский Федор Федорович (1871–1921), специалист по коннозаводству; Достоевская Любовь Федоровна (1869–1926).

⁶ Свой роман "Игрок" Ф.М. Достоевский продал не Краевскому, а издателю Ф.М. Стелловскому (1826–1875) (см.: *Достоевская А.Г. Воспоминания*. М., 1971. С. 58–60).

⁷ Щепкин Михаил Семенович (1788–1863) – актер Малого театра.

⁸ Щепкина Александра Владимировна (1824–1917), писательница, невестка М.С. Щепкина, жена Николая Михайловича Щепкина (1820–1886), русского издателя, книгопродавца, общественного деятеля.

⁹ Станкевич Николай Владимирович (1813–1840) – русский философ, поэт, общественный деятель.

¹⁰ А.С. Пушкиным написана первая фраза щепкинских "Записок": "Я родился в Курской губернии. Обоянского уезда в селе Красном, что на речке Пенке...". "Записки и письма" М.С. Щепкина были изданы в 1864 г. Н.М. Щепкиным. Подлинная рукопись "Записок" хранится ныне в ИРЛИ.

^{11*} См. издание Л.Э. Бухгейма: Письма [И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова, П.С. Билярского и др.] к библиографу С.И. Пономареву. М., 1915. С. 105.

^{12*} См. брошюру: Памяти Петра Александровича Ефремова. М., 1908 [Сообщения, сделанные на общем собрании [Русского библиографического общества при Московском Университете] 13 февраля 1908 г.].

- ¹¹ Станкевичем Владимиром Ивановичем (1786–1851).
- ¹² Шаломытов Н.В.
- ¹³ Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, сын императора Александра III, генерал-губернатор Москвы (с 1891 г.), председатель РИМ (с 1881 г.).
- ¹⁴ Смирнов Дмитрий Александрович (1819–1866) – дальний родственник А.С. Грибоедова, собиравший биографические материалы, памятные вещи, рукописи А.С. Грибоедова, рассказы современников о нем. В "Русском слове" (1859, № 4–5) им опубликована "Черновая рукопись А.С. Грибоедова".
- ¹⁵ Это знаменитый, так называемый Музейный автограф "Горя от ума". Его публикацию и описание см.: "Императорский Российский Исторический музей им. имп. Александра III. Описание памятников. Рукопись комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума". М., 1903. Вып. 3.
- ¹⁶ Бегичева Мария Степановна (1833–1918), дочь Бегичева Степана Никитича (1785–1859), декабриста. В доме С.Н. Бегичева в Москве бывали В.Ф. Одоевский, Д.В. Давыдов, В.К. Кюхельбекер, А.Н. Верстовский, А.С. Грибоедов.
- ¹⁷ Цветков Николай Алексеевич.
- ¹⁸ Медведникова Александра Ксенофонтовна (1815–1899). Капитал А.К. Медведниковой, превышавший 5млн рублей, был завещан ею на благотворительные дела; две трети капитала завещаны городу Москве. Часть капитала А.К. Медведниковой поступила в РИМ в 1902 г.
- ¹⁹ Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929) – коллекционер, создатель Театрального музея в Москве.
- ²⁰ Дата поступления в РИМ части архива Л.Н. Толстого в рукописи А.И. Станкевича пропущена. Отчет Музея за 1907 г. отмечает, что в 1904 г. был основан отдел имени графа Л.Н. Толстого, а при библиотеке была выделена комната для собирания материалов о его жизни и деятельности. С.А. Толстая пишет в "Дневнике" о своем решении перевезти рукописи Л.Н. Толстого в Исторический музей 18 января 1904 г. (*Толстая С.А. Дневники: В 2-х т. М., 1978. Т. 2. 1901–1910. С. 99–100*).
- ²¹ Толстая Софья Андреевна, ур. Берс (1844–1919) – графиня, жена Л.Н. Толстого.
- ²² Веневитинов Михаил Александрович (1844–1901). Был назначен директором Румянцевского музея в 1896 г.
- ²³ Цветаев Иван Владимирович (1847–1913). В 1882 г. – заведующий гравюрным отделением Румянцевского музея, с 1883 г. – хранитель отделения изящных искусств и классических древностей, в 1901–1910 – директор Румянцевского музея.
- ²⁴ Толстая Александра Львовна (1884–1979) – младшая дочь Л.Н. Толстого.
- ²⁵ Голицын Владимир Дмитриевич (1857–1926) – князь, директор Румянцевского музея с 1910 г.
- ²⁶ А.И. Станкевич находился в отставке с 1 января 1914 г. Рукописи Л.Н. Толстого были вновь перевезены в Румянцевский музей в начале 1915 г. Впоследствии рукописи были переданы в Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве.
- ²⁷ Тарабрин Иван Мемнонович (1876–1942) – архивист, историк древнерусской литературы, помощник библиотекаря РИМ с 1902 г., ученый секретарь РИМ (в 1905–1916, 1918–1920 гг.).
- ²⁸ Щербатов Николай Сергеевич (1853–1929) – князь, товарищ председателя строительной комиссии РИМ (с 1884 г.), чиновник особых поручений при председателе РИМ (с 1886 г.), товарищ председателя РИМ, затем директор (1909–1921).
- ²⁹ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – историк искусства, музыкальный и художественный критик; Пылин Александр Николаевич (1833–1904) – историк литературы, академик. Спасович Владимир Данилович (1829–1906) – юрист, литератор, публицист.
- ³⁰ Большаков Сергей Тихонович (1842–1906) – антиквар, книготорговец; Астапов Афанасий Афанасьевич (1840–1918) – антиквар, букинист; Старицын Александр Михайлович (1860–1913) – антиквар, букинист, коллекционер.
- ³¹ На Рогожском кладбище находилась резиденция главы российских старообрядцев-поповцев – Московского архиепископа.
- ³² На Никольской улице, у Церкви Троицы в Полях.
- ³³ Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – поэт, драматург, издатель журнала "Трудолюбивая пчела". Полное собрание сочинений Сумарокова в 10 частях было издано в 1781–1782 гг. Н.И. Новиковым.
- ³⁴ Херасков Михаил Матвеевич (1773–1807) – поэт, прозаик, драматург. "Творения" М. Хераскова вышли в Петербурге в 1801 г.
- ³⁵ Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871) – фольклорист, историк, литературовед. Фундаментальный труд "Поэтические воззрения славян на природу" (Т. 1–3) был издан в Москве в 1865–1869 гг.
- ³⁶ Бухгейм Лев Эдуардович (1880–1942) – библиограф, книговед, издатель.
- ³⁷ Шибанов Павел Петрович (1864–1935) – антиквар, букинист, владелец книжного магазина в Москве.

- ³⁸ Вульферт Владимир Карлович (1844–1906) – писатель, сотрудник газеты "Русский вестник".
- ³⁹ Трагедия Н.В. Станкевича "Василий Шуйский" издания 1830 г., принадлежавшая А.И. Станкевичу, находится ныне в ОПИ ГИМ. (Ф. 351. Ед. хр. 58).
- ⁴⁰ Ключков Василий Иванович (1860(?) – 1915) – антиквар, букинист, библиофил; В.Н. Соловьев – очевидно, Николай Васильевич Соловьев (1877–1915) – русский библиофил, библиограф, автор нескольких монографий, издатель журналов "Антиквар" и "Русский библиофил", имевший в Петербурге роскошный книжный магазин.
- ⁴¹ Карл В. Гирзман – антиквар и букинист; Иосиф Бэр и К^о – франкфуртская фирма антикварной книжной торговли, комиссионеры Петербургской Академии наук, Румянцевского музея.
- ⁴² Рейтенфельс Яков – уроженец Курляндии, в конце 1670-х годов жил при дворе Тосканского герцога. В 1670–1673 гг. жил в Москве, имел доступ ко двору. Автор произведения "Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии", изданного в Италии в 1680 г. Перевод с латинского А.И. Станкевича опубликован в 1905 г.
- ⁴³ Бартечев в 1859–1873 гг. заведовал библиотекой А.Д. Черткова, принесенной в 1870 г. в дар Москве и переданной, по постановлению Городской думы от 14 мая 1875 г., в библиотеку Исторического музея. До 1887 г. Чертковская библиотека хранилась в Румянцевском музее. После постройки здания РИМ поступила в музей и была открыта как публичная.
- ⁴⁴ Волков Ефим Ефимович (1843–1920) – художник-передвижник, пейзажист. Великий князь Сергей Александрович покровительствовал художникам, зачастую приглашая их в свое имение на этюды.
- ⁴⁵ Павел Александрович (1860–1919) – великий князь, младший сын императора Александра II; расстрелян в Петропавловской крепости. Его жена – Александра Георгиевна (Греческая) (1870–1891); ее сестра – Мария Георгиевна (1876–1940) – будущая жена великого князя Георгия Михайловича; ее брат Андрей (1882–1944) – принц Греческий.
- ⁴⁶ Доктор Форбрихер П.А. – при дворе великого князя Сергея Александровича состоял доктор Николай Александрович Форбрихер.
- ⁴⁷ Васильчикова Мария Александровна (1859–?); Лобанова-Ростовская Александра Николаевна, княжна.
- ⁴⁸ Елизавета Федоровна, великая княгиня (1864–1918) – жена великого князя Сергея Александровича, сестры императрицы Александры Федоровны, убита в Алапаевске.
- ⁴⁹ Шнейдер Екатерина Адольфовна (1856–1918) – впоследствии гофлектриса императрицы Александры Федоровны. Расстреляна на Урале.
- ⁵⁰ Степанов Михаил Петрович (1853–1917) – состоял при великом князе Сергее Александровиче с 1878 г., с 1905 г. состоял при великой княгине Елизавете Федоровне.
- ⁵¹ Зернов Дмитрий Николаевич (1843–1917) – профессор Московского университета, анатом.
- ⁵² Сведения А.И. Станкевича не совсем точны. Великий князь Константин Константинович, присутствовавший на панихиде в Чудовом монастыре, записывал в дневнике 7 февраля 1905 г.: "... на месте головы была положена вата, задернутая прозрачным покрывалом, и получалось впечатление, что голова есть, но только прикрыта. Сложенные накрест пониже груди руки, а также ноги были закрыты серебряным парчовым покрывалом..." (см.: *Великий князь Константин Константинович*. Из дневников // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 92).
- ⁵³ Каляев Иван Платонович (1877–1905), член боевой организации эсеров.
- ⁵⁴ Кучер великого князя Андрей Рудинкин умер 7 февраля 1905 г., через три дня после убийства Сергея Александровича, в Яузской больнице.
- ⁵⁵ Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891) – князь, московский генерал-губернатор (1865–1891).
- ⁵⁶ Истомин Владимир Константинович (1847–1914).
- ⁵⁷ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – русский издатель, журналист, библиофил, коллекционер.
- ⁵⁸ Общество любителей российской словесности (ОЛРС) основано 6 июня 1811 г. при Московском университете.
- ⁵⁹ Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) – историк литературы. Председатель ОЛРС в 1885–1893 гг.
- ⁶⁰ Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912) – историк литературы.
- ⁶¹ Выставки памяти А.С. Пушкина проходили в 1880 и 1899 г.; В.Г. Белинского и П.С. Мочалова – в 1898 г.; Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского – в 1902 г.; М.С. Щепкина – в 1888 г.
- ⁶² Катенин Павел Александрович (1792–1853) – поэт, переводчик, театральные деятель, почетный член Отделения русского языка и словесности Петербургской Академии наук (с 1841 г.).
- ⁶³ Трагедия "Андромаха" – крупнейшее драматическое произведение П.А. Катенина (1819 г.), поставлена в Петербурге в 1827 г.; "Княжна Милуша" – сказка в стихах (СПб., 1834). "Сид" – траге-

- дия П. Корнеля. Бюргер Готфрид Август (1747–1794) – немецкий поэт, создатель жанра современной немецкой баллады, автор "Леноры".
- ⁶⁴ См. портрет П.А. Катенина в биографическом словаре "Русские писатели. 1800–1917". М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 503.
- ⁶⁵ Село Шаёво Кологривского уезда Костромской губернии. Архив и библиотека Катенина в Шаёве погибли в 1918–1919 гг.
- ⁶⁶ Ширяев В., член Костромской губернской ученой архивной комиссии в Чухломе.
- ⁶⁷ Катенина Лидия Михайловна.
- ⁶⁸ Павлова Каролина Карловна (1807–1893) – поэтесса, жена писателя Н.Ф. Павлова (1803–1864).
- ⁶⁹ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – русский юрист, историк, философ.
- ⁷⁰ М.П. Погодин собрал уникальную коллекцию документов, изобразительных материалов и вещественных памятников. Его "Древлехранилище" было приобретено казной и в 1852 г. поступило в Публичную библиотеку.
- ⁷¹ Нос Андрей Евдокимович (1842–1910) – казначей ОЛРС в 1884–1904 гг.
- ⁷² Мамонов Эм. – очевидно, Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович (1823–1883), художник, близкий к славянофильским кругам. Рисовал портреты С.Т. Аксакова, И.В. Киреевского, Н.В. Гоголя и др.
- ⁷³ Ефремов Петр Александрович (1830–1907) – библиограф, библиофил, издатель, историк литературы.
- ⁷⁴ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества. В 1830-е годы – член кружка Н.В. Станкевича. Участник революции 1848–1849 гг.
- ⁷⁵ Кривцов Николай Иванович (1791–1843) – тульский (1823–1824), воронежский (1824–1826), нижегородский (1827) губернатор; брат декабриста Сергея Ивановича Кривцова.
- ⁷⁶ Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – русский поэт.
- ⁷⁷ Батюшкова Софья Николаевна (1821–1901), урожденная Кривцова; Батюшков Помпей Николаевич (1811–1892) – брат К.Н. Батюшкова, попечитель Виленского учебного округа, издатель "Памятников русской старины в Западных губерниях" (СПб., 1885–1887).
- ⁷⁸ Статья "Игумен Афанасий Филиппович и шляхтич Ян Луба", заказанная П.Н. Батюшковым для сборника "Холмская Русь", была первой печатной работой А.И. Станкевича (1885 г.).
- ⁷⁹ Кипренский Орест Адамович (1782–1836) – русский живописец, рисовальщик. Портрет К.Н. Батюшкова написан в 1815 г.
- ⁸⁰ Театральный музей А.А. Бахрушина был передан в ведение Академии наук в 1913 г.
- ⁸¹ Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797–1837) – декабрист, писатель.
- ⁸² Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) – урожденная княжна Щербатова, жена графа А.С. Уварова, археолог, коллекционер, председатель Московского Археологического общества (МАО) (с 1885 г.), почетный член РИМ (с 1889 г.).
- ⁸³ Имеется в виду МАО (1864–1923), основанное А.С. Уваровым.
- ⁸⁴ "Азиатская Баниза" – роман немецкого писателя Генриха Ансельма фон Циклера (1689 г.).
- ⁸⁵ Реферат А.И. Станкевича "Азиатская Баниза" остался неопубликованным. Упоминание о нем сохранилось в протоколах заседаний Славянской комиссии МАО (см.: Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. IV).
- ⁸⁶ Членом-корреспондентом МАО А.И. Станкевич стал 23 марта 1890 г., действительным членом – 15 марта 1891 г.; в 1893 г. отказался от должности библиотекаря Общества.
- ⁸⁷ ОИДР существовало в Москве в 1804 г. И.Е. Забелин был его председателем в 1879–1888 гг.
- ⁸⁸ Попов Александр Николаевич (1821–1877) – славянофил, историк; профессор Московского университета.
- ⁸⁹ Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) – историк литературы, славист, действительный член Российской Академии наук (с 1921 г.); Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920) – палеограф, славист, лингвист, внук М.С. Щепкина, двоюродный брат А.И. Станкевича; Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог, историк русского летописания, действительный член Петербургской Академии наук (с 1899 г.), член Археографической комиссии.
- ⁹⁰ Филимонов Георгий Дмитриевич (1828–1898) – археолог, историк, искусствовед, хранитель отделения Румянцевского музея. С середины 1850-х до 1893 г. служил в Оружейной палате.
- ⁹¹ Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917) – собиратель и исследователь произведений народного творчества и древней письменности, библиотекарь Румянцевского музея (с 1870 г.), секретарь МОИДР (1881–1907 гг.).
- ⁹² Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) – археограф, библиограф, академик Петербургской Академии наук (1869); хранитель Отделения рукописей и старопечатных книг Публичной библиотеки (1844–1881), директор этой библиотеки (1887–1900).
- ⁹³ А.Ф. Бычков был инициатором публикации "Писем и бумаг императора Петра Великого". Тома 1–4 вышли под его редакцией (1887–1900).

- ⁹⁴ Год в рукописи А.И. Станкевича пропущен.
- ⁹⁵ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) – историк литературы, библиограф, этиограф, академик Петербургской Академии наук (1891).
- ⁹⁶ К.Н. Батюшков. Соч. СПб., 1885–1887. Т. 1–3. Изданы его братом П.Н. Батюшковым, вступительная статья Л.Н. Майкова.
- ⁹⁷ Первый том академического собрания сочинений А.С. Пушкина под редакцией и с примечаниями Л.Н. Майкова вышел в 1899 г. (2-е изд. – 1900). После смерти Майкова вышли "Материалы для академического издания сочинений Пушкина" (СПб., 1902).
- ⁹⁸ Пожалостин Иван Петрович (1837–1909) – гравер на меди, академик Академии художеств.
- ⁹⁹ Гравюра "Явление Христа народу" была начата в 1880-х годах.
- ¹⁰⁰ Гравюра с картины В.Г. Перова (1833/1834–1882) "Птицелов" (1870) выполнена в 1876 г.; "Ян Усмович" – гравюра 1880 г., выполнена по картине художника Г.И. Угрюмова (1764–1823). Ян Усмович (Усмошвец, Усмарь) – древнерусский герой, сын киевского кожевника, победивший в 992 г. на р. Трубезж печенежского богатыря Редедю. "Несение Креста Спасителем" – гравюра с картины итальянского художника Лодовико Караччи, за которую в 1871 г. гравер получил звание академика.
- ¹⁰¹ Виноградов Сергей Петрович (1853–1918) – искусствовед, коллекционер.
- ¹⁰² Новикова Ольга Алексеевна (1840–1925) – родилась в семье, близкой к Хомяковым и Аксаковым. Известная писательница, публицистка, собирательница автографов западноевропейских писателей.
- ¹⁰³ Под редакцией А.И. Станкевича вышло издание: *Станкевич Н.В.* Стихотворения. Трагедия. Проза. М., 1890.
- ¹⁰⁴ Ефремов Александр Павлович (1815–1876) – друг Н.В. Станкевича по университету; впоследствии – профессор всеобщей географии в Московском университете.
- ¹⁰⁵ Саитов Владимир Иванович (1849–1938) – библиограф.
- ¹⁰⁶ Анненков Павел Васильевич (1812/1813–1887) – критик, мемуарист, писатель, историк литературы. А.И. Станкевич имеет в виду книгу П.В. Анненкова "Н.В. Станкевич: Биографический очерк". М., 1857.
- ¹⁰⁷ Неверов Януарий Михайлович, (1810–1893) – друг юности Н.В. Станкевича, впоследствии – член Совета министра народного просвещения, директор Черниговской, Ставропольской гимназий.
- ¹⁰⁸ Ныне настоящее письмо Я.М. Неверова хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 12). Автобиография Я.М. Неверова, о которой он упоминает в письме, также хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 372. Ед. хр. 1).
- ¹⁰⁹ Письма Н.В. Станкевича к Я.М. Неверову, переплетенные в отдельный переплет, хранятся в ОПИ ГИМ (Ф. 372. Ед. хр. 4).
- ¹¹⁰ Бакунин Николай Алексаидрович (1818–1900) – брат М.А. Бакунина.
- ¹¹¹ Ныне этот портрет находится в собрании ГИМ.
- ¹¹² Коваленская Александра Григорьевна (1829–1914) – детская писательница.
- ¹¹³ Бакунин Павел Александрович (1820–1900) – брат М.А. Бакунина. Его жена Наталья Семеновна Бакунина, урожденная Корсакова.
- ¹¹⁴ Имеется в виду юбилейная Пушкинская выставка 1899 г.
- ¹¹⁵ Бахрушин Алексей Петрович (1853–1904) – московский фабрикант, библиофил, коллекционер.
- ¹¹⁶ Речь идет о знаменитых "ефремовских конволютах", которые после его смерти были распроданы в розницу.
- ¹¹⁷ На этом текст "Воспоминаний" А.И. Станкевича обрывается.

М.Н. Тихомиров

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ. ВОСПОМИНАНИЯ

Публикуемый материал – названная самим автором глава воспоминаний академика М.Н. Тихомирова. Воспоминания он писал (а чаще диктовал) в 1960-е годы. Сведения и даже цитаты из этой главы использованы в книге Е.В. Чистяковой "Михаил Николаевич Тихомиров" (М., 1987), в статьях, в частности в моей вступительной статье к публикации Л.И. Шохина "М.Н. Тихомиров – член Общества истории и древностей российских"* . Фрагменты из других разделов воспоминаний опубликованы в разных изданиях – это отмечено в составленном И.Е. Тамм библиографическом указателе**, изданном Археографической комиссией и Российским государственным гуманитарным университетом. Позднее были опубликованы начальные разделы воспоминаний***. Текст воспоминаний хранится в АРАН, в фонде М.Н. Тихомирова (693).

М.Н. Тихомиров работал в ГИМ с середины 1920-х годов. В 1939–1945 гг. заведовал отделом рукописей. Он был и дарителем ГИМ.

С.О. Шмидт

В годы моей работы в разных учебных заведениях, после возвращения в Москву, самым важным для меня вопросом был вопрос о продолжении научной деятельности. Попытки мои устроиться в учреждения научного типа долгое время оставались безрезультатными. Попытался я устроиться и в Исторический музей, но здесь меня опередили другие люди, имевшие ту или иную протекцию, что было очень важно в те годы.

При этих условиях я временно поступил в Исторический музей на так называемую внештатную неоплачиваемую работу, причем попал вначале в библиотеку Исторического музея, где и проработал некоторое время над составлением карточного каталога.

Дело это, трудоемкое и в то же время дающее очень мало для научной работы, продолжалось сравнительно недолго. На открывшуюся вакансию зачислили другого кандидата, а я через некоторое время после этого поступил таким же сверхштатным сотрудником в рукописный отдел Исторического музея. На этот раз мне помог Владимир Николаевич Перетц¹. Впрочем, и здесь я продолжал работать по-прежнему на духовных началах.

Встретили меня в рукописном отделе довольно неприветливо. Заведующий отделом академик Михаил Нестерович Сперанский² с самого начала посмотрел на меня как на недоучку. Он посадил меня описывать вместе с ним неинтересное собрание рукописного отдела, Востряковское. Оно принадлежало раньше купцу Вострякову. Собрание было довольно значительным по количеству рукописей и совсем незначительное по научному значению.

* АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 313–314.

** Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1996.

*** Детские годы. Москва и Подмосковье // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 455–483 (Публ. С.О. Шмидта).

Михаил Нестерович вначале дал мне одну рукопись и потом проверил мое описание, составленное по общей инструкции для Рукописного отдела. Инструкция выработана была двумя крупными учеными: Вячеславом Николаевичем Щепкиным³ и самим Сперанским. Развернув начало рукописи и посмотрев мое описание, Михаил Нестерович возмущенно воскликнул: "Как, это рукопись XVI века?" Дело в том, что начало рукописи было приложено позже и написано было явным почерком XIX века. Тогда я молча развернул рукопись и показал основной почерк – полуустав XVI века. Михаил Нестерович тотчас же смягчился, но упрекнул меня в том, что я не написал так, как надо было написать по инструкции музея, вернее, по тому, как это делалось в музее, так как никакой письменной инструкции там не было. Но в моем положении надо было все претерпеть, и я претерпел это и продолжал работать. Постепенно с Михаилом Нестеровичем у меня установились хорошие отношения, а позже в некоторой степени дружественные, если только можно говорить о дружеских отношениях между старым академиком и молодым ученым, который к тому же в это время зарабатывал деньги в учебных заведениях и не числился ученым. Дело в том, что вскоре после пересмотра всех лиц, состоявших в тогдашнем ЦЕКУБУ (Центральная Комиссия по улучшению быта ученых), меня выкинули из нее потому, что я нигде в научных учреждениях не работал. Резолюция заверяла неприятно, что я исключен был из ЦЕКУБУ за отсутствие научной работы. Правда, это произошло уже значительно позже после того, когда я начал работать в музее.

В дальнейшем моя научная работа продолжалась по-прежнему много лет без всякой оплаты, но дни, проведенные мною в Историческом музее над рукописями, были, может быть, одними из самых лучших в моей жизни. Никто меня никуда не гнал в смысле выполнения плана, приходиться я мог в любые часы и в любой день, никто за это и ничего с меня не спрашивал, а читать рукописи, в особенности летописи, было большим удовольствием, тем более что порядки в музее в это время были гораздо лучше, чем теперь.

Теперь для занимающихся в Рукописном отделе часы сокращены, непрерывный стук машинки, громкие разговоры раздаются в большой комнате, где сидят и сотрудники, и посетители. Тогда же соблюдалась полная тишина, и сам Михаил Нестерович обычно разговаривал шепотом, если кто-нибудь занимался в зале. Да и вся зала, все окружающее было как-то чище, красивее, удобнее, чем в настоящее время (1962 год). Так резко сказались на порядках музея то, что от крупных ученых руководство перешло к хорошим людям, но людям, уже потерявшим вкус к прежним порядкам.

Михаил Нестерович Сперанский принадлежал к числу людей очень своеобразных. Это был коренастый, здоровый, лысый человек. Отличался он необыкновенной силой для своего времени, чем иногда и злоупотреблял. Так, он спокойно передвигал шкаф, наполненный книгами, что всегда вызывало у меня беспокойство за его здоровье. Сам я, как слабосильный, даже подумать не мог о том, чтобы такую тяжесть можно было передвинуть. Делал это Михаил Нестерович не без некоторого кокетства своей силой и с удовольствием, так как его сила всегда вызывала восхищение.

Он много трудился и работал не покладая рук над описанием рукописей, их изучением и проч. Люди, мало знающие его, обычно несколько его побаивались, иногда он и сам как бы срывался и невольно мог нанести человеку обиду. Самой большой обидой за время моего пребывания был такой случай. Я нашел замечательный памятник в одной рукописи – новый список Задонщины, да при том еще XVI века. Нашел в рукописи, которую раньше описывал Вячеслав Федорович Ржига⁴. Это Новгородская 4-я летопись (Муз. № 2060), где помещено было сказание о Куликовской битве, но обычного летописного типа.

Вячеслав Федорович прочел только начало этого сказания, а дальше не посмотрел. Дальше же вместо летописного сказания следовала самая настоящая Задонщина XVI века. Это открытие я сообщил Михаилу Нестеровичу, а тот внезапно обозлился, главным образом за то, что, занимаясь рукописями Исторического музея, что называется "прошляпил", и сказал мне такую фразу: «Ну что же такое, возьмет какой-нибудь мужик, да и найдет "Слово о полку Игореве", и прославится». Правда, я не был совсем мужиком в истории, а сознательно работал над летописями. Но так случилось, что через месяц пошли большие неприятности и для Михаила Нестеровича, и для меня.

Не к чести работников музея, что они не записали это открытие за мною, а преспокойно передали Задонщину одному чехословацкому ученому, который ее в первый раз и описал. Эта моя находка была зафиксирована только позже в Издании Повестей о Куликовской битве, да и то до сих пор никем не признана.

Постепенно произошло и мое сближение с Михаилом Нестеровичем. Поворот к этому сделала моя книжка "Город Дмитров до середины XIX века". Михаил Нестерович жил на платформе Влахернская, находившейся поблизости от Дмитрова, там стояла его дача. Дмитров ему был хорошо знаком, и он ценил довольно высоко эту мою книжку.

Михаил Нестерович попал в нехорошую историю вместе с другими историками литературы и лингвистами, к числу которых принадлежал и В.Н. Перетц. Все эти люди обвинены были чуть ли не в шпионаже и измене. Некоторые посажены в тюрьму, другие отосланы в ссылку. Сам Михаил Нестерович попал тоже в тюрьму, но был освобожден, насколько помню, по ходатайству брата Георгия Нестеровича Сперанского⁵, известного детского врача, принятого в "именитых" домах того времени. А известно, кому-кому откажут в просьбе, а уж детскому врачу, спасшему какого-нибудь Пусика или Фусеньку, отказать очень трудно!

Так вот, в последнее время я видел Михаила Нестеровича таким образом. Не зная о всех этих событиях и повальных арестах многих историков литературы и лингвистов, я как-то вечером позвонил в его квартиру. Мне необычно, ответили через цепочку: "Кто это?" И узнав, что это я, радостно пустили. Тут Михаил Нестерович, не рассказывая мне обо всех событиях, дал понять, что все они находятся в великом страхе. Они в это время, по-видимому, ожидали прихода незваных гостей, забыв о том, что я пришел в 7 часов, а незваные гости приходили обычно ночью.

Михаил Нестерович был не только крупным ученым, но и хорошим человеком. К сожалению, он принадлежал к числу московских профессоров, мало заботившихся о своих учениках. Такие профессора почему-то предполагали, что их ученики должны были вырастить себя сами, без какой-либо помощи, хотя бы при устройстве на работу, то, что прекрасно понимал В.Н. Перетц. Не понимал этого Михаил Нестерович, как и Сергей Владимирович Бахрушин⁶. Они палец о палец не ударили, чтобы помочь мне в эти годы как-нибудь устроиться в научное учреждение, даже в такое невыгодное учреждение, каким являлся Исторический музей.

Михаил Нестерович жил в одном из переулков на Плющихе в небольшом деревянном домике, занимая квартиру из четырех комнат и кухни, причем одна комната была темной. Жил он втроем, с ним жила его постоянная сожительница (употребляю это слово в качестве обозначения жизни в квартире), как говорили мне – акушерка. Второй была прислуга – старушка. У академика был небольшой кабинет в передней комнате, дальше шла комната-библиотека, потом спальня, потом еще маленькая комнатка, служившая столовой, где стоял токарный станок, на котором работал Михаил Нестерович.

Иногда в Рукописном отделе устраивались небольшие чаепития, устраивались

они обычно в задней комнате, так называемой греческой. Там читались различного рода сатирические стихи, а мне однажды был даже подарен целый небольшой сборничек, оставшийся в моей библиотеке, где меня всячески вышучивали как подьячего Мишку Тихомирова. Отношения между сотрудниками были хорошие.

Из сотрудников, кроме названных выше, мне запомнился один. Это был молодой человек Кирилл Михайлович Асафов, точно также взятый по знакомству в отдел, но работавший вяло. Человек этот был божественный и смиренный. Вместе с тем мы изучали записи в старопечатных книгах, изданные потом в "Археографическом ежегоднике"⁷.

Теперь смешно сказать, да и странно как-то, что я в те годы отличался необыкновенной гибкостью и подвижностью. Я мог придерживаться одной рукой и ногой за кончик шкафа, балансировать на самом верху и доставать книги, что никто другой в Отделе не в состоянии был сделать. В свое время в училище силачи любили меня поднимать на одной руке кверху и держать на ладони.

Асафов несколько смущался моим ироническим отношением к книгам, которые я любил, но которые, зная его божественные вкусы, называл смущающими терминами. Так, евангелие учительное, отличавшееся большими размерами, я называл евангелием мучительным, евангелие толковое называл евангелием бестолковым и пр. Впрочем, Кирилл Михайлович не сердился на меня. Это был поистине хороший человек, рано умерший и оставивший вдову и двух детей.

Музей был для него прибежищем, потому что таким людям служить и работать где-нибудь в других учреждениях трудно. В нем было что-то от древнерусского человека, вероятно, примерно таким же был и царь Федор Иванович, только царь поглупее.

В Историческом музее я занимался главным образом летописями, просматривая рукописи одну за другой; тогда-то и начало складываться то описание, которое я впоследствии выпустил под названием "Краткие сведения о летописцах"⁸. Сейчас можно пожалеть, что я делал это, не вполне ясно понимая, какую преследую цель, но летописцы это море. Их изучение требует громадной памяти, чтобы определить ту или иную летопись по ее содержанию, не говоря уже о затрачиваемом времени.

Но попытки издать что-либо о летописях долго оставались безрезультатными. Потерпел я аварию и с большой находкой, которая впоследствии была восполнена. Я нашел список Московского свода конца XV века и доказал его тождество с Эрмитажным списком XVIII века. Открытие было выдающимся, однако, моя статья была забракована в Археографической комиссии, так как я не знал какой-то статьи Шахматова. Виновником этого был академик А.Е. Пресняков⁹, а точнее не он, а управляющий делами А.И. Андреев¹⁰. Прошло много лет раньше, чем мною издан был 25-й том Полного Собрания Русских Летописей, который составил найденный мною Московский свод.

Должно быть во мне было заложено достаточно упорства, чтобы не потерять головы после неудач. Жаловаться же собственно было некуда. Ведь вскоре за обеими моими выходками последовал памятный 1930 год, когда состоялся "набор" людей по делу Платонова, окончившийся тюрьмой и ссылками для очень многих участников этого дела.

Самое интересное, что и меня привлекали по этому делу, хотя я не имел никакого отношения к тогдашним академическим кругам историков. Дело обо мне было прекращено, и это, может быть, помогло как свидетельство того, что я не занимался политикой¹¹.

Вторым человеком по положению в Музее был Вячеслав Федорович Ржига, в

эти годы мужчина средних лет. Отличался он необыкновенной вежливостью и приветливостью, причем это была не просто наигранная вежливость, а что-то лежащее в его характере. Вместе с тем он принадлежал к тем людям, с которыми нельзя было входить в какие-либо амикошонские отношения. По происхождению, насколько я знаю, он был чехом, эта строгая чешская манера, манера "славянских немцев" оставалась у него в крови.

Работал он, насколько мне известно, очень много. Его небольшая книжка о терминах, господствовавших в древней Руси в области одежды, кушаний и т.д., была напечатана Музеем¹². У Михаила Нестеровича Сперанского Вячеслав Федорович находился в большой чести и совершенно, конечно, справедливо.

Другой сотрудник Отдела Николай Петрович Попов¹³ был человеком совершенно другого типа. На нем ярко чувствовалось то духовное воспитание, которое он получил. Окончил ли он духовную академию, или только духовную семинарию, я это не знаю, но духовный элемент довлел на нем всячески.

Николай Петрович отличался глубоким знанием греческого языка, глубоким знанием русской литературы и палеографии, но работал он как-то медленно и притом работал таким образом, что писал свои труды только для немцев. Глубокие по содержанию, эти труды так и остались во многих случаях не напечатанными. Только впоследствии мне еле-еле удалось упротить напечатать один из трудов Николая Петровича Попова после его смерти в "Исторических записках"¹⁴, да и то пришлось этот труд несколько сократить и раскрыть выносные буквы и титлы, которые Николай Петрович Попов почему-то считал обязательным признаком учености. Эта манера сохранилась и до сих пор у некоторых иностранных издателей, хотя я не знаю ни одной работы, которая вносила бы что-либо новое от того, что человек точно подражал писцу средневекового времени. Нужно ли писать, например, слово "дожд" с выносным "з", или можно писать это же слово со строчным "з", в большинстве случаев безразлично. Но уговорить Николая Петровича сделать в этой области уступки, было невозможно. Наследство Николая Петровича Попова так и осталось, благодаря подобным требованиям, во многом пропавшим. У него была своя логика – логика человека старого времени, не желавшего расстаться со своими взглядами, приобретенными в более раннее время.

Рассказы его были очень интересны. Так, он рассказывал следующее. Во время коронации Николая II с гофмейстером, ведавшим всей церемонией, князем Голицыным, который был в это время уже старым, случился неприятный казус с желудком. В силу этого Голицына спас сторож Ивановской колокольни, снабдивший почтенного сановника бельевыми принадлежностями.

Многие сочли это как бы предзнаменованием будущего царствования, были даже сочинены стихи, начало которых я передать не могу:

"Когда наш царь короновался
Старик Голицын о....."

Однажды у меня произошел разговор с Николаем Петровичем о Победоносцеве. Николай Петрович взял книжку записей знаменитых посетителей Музея и показал мне запись:

"Изыде, радуясь. К. Победоносцев".

Это было написано после того, как Победоносцев посетил ризницу Успенского собора, где раньше сохранялась синодальная, или патриаршая библиотека. Для иезуитского характера Победоносцева запись очень любопытна, потому что ее можно понимать в двояком смысле: "изыде, радуясь", потому что в ризнице очень хорошо, "изыде, радуясь", потому что в ризнице очень плохо, и радостно уйти.

Тот же Николай Петрович рассказал о своей ссоре с большим синодальным

чиновником. Чиновник угнетал его разными придирками. Николай Петрович взял да написал чиновнику самое дерзкое письмо, где называл этого высокопоставленного человека различными титулами, вроде "негодяй, прохвост" и т.д. Я спросил Николая Петровича, как же он не побоялся так написать, на что он довольно резонно сказал: "А как он мог показать кому-либо такое письмо". И действительно, чиновник смирился и письмо не показал никому, так как это в первую очередь было бы направлено против него самого.

Из других рассказов Николая Петровича запомнился мне один рассказ об обер-прокуроре Синода Владимире Карловиче Саблере.

Саблер любил различного рода подлиз, как и многие чиновники царского времени. Был в Москве один священник, кажется, с Ваганьковского кладбища, и вот он отправился решать какое-то кляузное дело в Святейший синод. Прибегнул сей иерей к очень простому средству. Он приходил по утрам в Синод и дожидался, когда Саблер пройдет в свой кабинет. Когда Саблер проходил мимо, священник вставал и низко кланялся ему в пояс. На третий раз Саблер обратил внимание на почтенного священника и спросил кто-же это такой симпатичный иерей. Ему донесли, что священник пришел добиваться личной аудиенции у обер-прокурора. Саблер принял его и помог удовлетворить его ходатайство.

Николай Петрович Попов, впрочем, обладал и некоторыми своеобразными чертами, с которыми мне, откровенно говоря, было трудно примириться, несмотря на все мое хорошее, совершенно искреннее к нему почтение.

Близе всех ко мне был Александр Денисович Сидельников¹⁵, у которого я раза три-четыре был дома. Представьте себе человека небольшого роста, начинающего уже лысеть, но сохранившего благобразие. Жил он в двух комнатах поблизости от Исторического музея вместе со своей престарелой матерью. С матерью он очень дружил, но она же была в то же время тормозом в его matrimониальных попытках. Он был удручен своей холостой жизнью. Александр Денисович принадлежал к числу людей, для которых был только один интерес – научная работа.

В музее он высиживал досконально все часы, он описывал рукописи, находил интересные памятники, печатал их, причем все его статьи отмечены именно печатью высокого мастерства. В частности, он нашел уникальный памятник, который издал под названием: "Письмо от друга к другу". В письме рассказывалось о связи сановника Литовского великого княжества с московским купцом В. Ермолиным.

Александр Денисович целиком витал в своей области, главным образом в истории культурных связей и культурной жизни России XIV–XVI веков. Впоследствии он был сослан вместе с другими куда-то в дальнюю сторону и там безвестно погиб. Гибель его вполне понятна, потому что он был настоящим оранжерейным растением.

Интереснейшим человеком, работающим и до сих пор (1963 г.) в Историческом музее, была техническая, или как тогда говорили, "техничка" Екатерина Николаевна Осипова. Ее всегда почтительно называли Екатерина Николаевна, при этом она обязательно требовала, чтобы в письменных документах ее именовали Екатериной, хотя Катерина по-русски равняется Екатерине.

Она неустанно работала и работает в настоящее время, знает прекрасно все собрания Рукописного отдела и прекрасно понимает вкусы посетителей, различает их и относится очень благожелательно к настоящим работникам, но зато умеет при случае хорошо продрать словом какого-нибудь случайного нахала. При этом Катерина Николаевна отличается своеобразной фразеологией, о которой следует сказать несколько слов. Так, например, она называет свой

отдел не иначе как односложным выражением. Например, отвечая на телефонный запрос, она говорит просто "рукопись", слово отдел и проч. признаются ею не нужными. Она любит рассказывать о различных непорядках в музее и спорит с различными людьми, вплоть до тогдашнего директора А.С. Карповой, подвергая большой критике разные деяния начальства.

Об одном предприятии в Историческом музее Екатерина Николаевна всегда обычно говорила недовольно; ей не нравились популяризаторский отдел, в обязанность которого входила экскурсионная работа. Она называла этот отдел, совершенно впрочем серьезно, "пульверизаторским". И откровенно говоря, это весьма соответствовало задачам отдела, который как бы пульверизировал знания среди публики.

Что касается посетителей музея, то посетители эти были самого разнообразного свойства. В первые годы революции, а мое первое пребывание в Историческом музее относится к 1923–30 гг., посетителей там было немного. В это время господствовала, как известно, школа Покровского. Эта школа интересовалась главным образом документами в архивах, тогда как церковные книги мало привлекали внимание. В музее иногда появлялись фигуры любителей различного рода древностей, которых допускали в те времена в музей гораздо легче, чем это делается теперь и для настоящих ученых.

Мне запомнилось великолепное соседство трех фигур. Они сидели одно время рядышком в читальном зале музея. Первый из них был атеистический пропагандист; зачем он пришел в Рукописный отдел музея – я не знаю, но он ворошил какие-то книги и тщательно их рассматривал.

Рядом с ним, за тем же столом в великолепном синем подряснике сидел какой-то поморский наставник, человек средних лет, во всяком случае едва ли старше 40 лет. Называл он себя только наставником. Насколько я понял, принадлежал он к филипповскому согласию. Однажды я его спросил о некотором Корзинкине, товарище моего брата Бориса. Он обещал мне узнать и навел какие-то справки, после чего принес мне записку, которую таинственно положил на стол. В этой записочке содержался адрес Корзинкина, жившего где-то в провинции.

Наставник в синей рясе брал по преимуществу какие-то "пандоки" (т.е. "пандекты"), в них он изыскивал статьи, подлежащие поморскому изучению. Это были статьи о пагубном зелье табаке, о картофеле, завезенном из заморских стран и, кроме того, о потреблении вина, которое также изобретено было бесами. Впрочем, не скрою того, что некоторые черты наставника показывали, что он отнюдь не так далек от потребления того самого зелья, которое изобрел когда-то бес.

Третьей фигурой был раввин.

Среди посетителей читального зала находились, конечно, и отдельные ученые. В числе их я запомнил таких крупных людей, какими были академик Никольский¹⁶, Ляпунов¹⁷, Орлов¹⁸, и другие.

Самым же замечательным человеком был академик Алексей Иванович Соболевский¹⁹, проводивший в музее долгие часы. Это был невысокий старичок, надо сказать, очень любезный, в частности, и по отношению ко мне. Варвара Павловна Адрианова-Перетц²⁰ была ученицей Алексея Ивановича и, желая оказать мне некоторую протекцию, однажды послала из Петербурга, где я был по каким-то делам, посылку Алексею Ивановичу, состоящую из печенья, торта и проч.

Алексей Иванович жил в Конюшковском переулке, где находился его дом, окруженный большим садом. В те годы сад был уже разгорожен с обеих сторон и по нему ходили чужие люди, а раньше, по-видимому, это был очень приятный уголок.

С ним-то вместе я очень часто ходил домой, так как мой дом на улице Герцена (Большая Никитская) находился как раз наполовине пути в Конюшковский переулок, куда Алексей Иванович ходил обычно пешком.

Алексей Иванович смотрел на меня, как на человека своего рода рекомендованного, что, естественно, в какой-то мере соответствовало истине. Отличался он не только необыкновенной ученостью, но и особо острым умом.

Помню и другое. Одна из моих первых работ помещена была в Сборнике, вышедшем в честь 70-летия Алексея Ивановича²¹, а Соболевский был очень недоволен тем, что ему исполняется 70 лет и хотят отмечать эту дату. Он говорил мне несколько раз те вещи слова, которые, увы, исполняются теперь и для меня и которые он повторял довольно часто: "Вот отпраздную 70 лет и вскоре после этого я умру". Так оно и было, он умер очень вскоре после этого празднования. Но я свой юбилей не праздновал и поэтому надеюсь прожить дольше.

Среди посетителей были и иностранцы, причем одно дело окончилось бы для меня очень плохо по моей наивности, если бы не помог случай. Среди иностранцев был некий молодой немец, очень симпатичный, часто со мной беседовавший и сказавший, что он мне напишет письмо. А шут меня дернул спросить его адрес. Он дал мне адрес, я положил эту записку к себе в стол, и когда в 1930 году явились непрошенные гости и поинтересовались, что у меня содержится в ящике, то каким-то образом они не заметили этой записки, что конечно, освободило меня от довольно неприятных вопросов.

АРАН Ф. 693. Оп. 2. Д. 39. Л. 301–316.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перетц В.Н. (1870–1935) – филолог, академик с 1914 г. Фрагменты воспоминаний Тихомирова о Перетце напечатаны в АЕ за 1968 год. (М., 1970. С. 301–302), полностью – в кн.: *Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923 гг.)*. Самара, 1994. С. 63–64.

² Сперанский М.Н. (1863–1938) – академик с 1921 г. Фрагмент этих воспоминаний о Сперанском напечатан в АЕ за 1985 год (М., 1986. С. 314–315).

³ Щепкин В.Н. (1863–1920) – филолог, искусствовед, член-корреспондент Академии наук с 1913 г., первый заведующий отделом рукописей (с 1912 г.).

⁴ Ржига В.Ф. (1883–1960). Сведения о работе его в Историческом музее, как и о работе там других лиц, см. в кн.: *И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары. Дневники. Письма*. М., 1997 (см. Указатель имен).

⁵ Сперанский Г.Н. (1873–1969) – педиатр, впоследствии член-корреспондент АН СССР, академик Академии медицинских наук.

⁶ Бахрушин С.В. (1882–1950) – историк, член-корреспондент АН СССР с 1939 г. По словам самого М.Н. Тихомирова, Бахрушин – его "определяющий учитель" в Московском университете. Видимо, характеризуя так в данном тексте Бахрушина, М.Н. Тихомиров не во всем прав: его дипломное сочинение о Псковском восстании 1650 г. Бахрушин сумел опубликовать по своей инициативе, даже без ведома автора, тогда, когда тот выехал на несколько лет из Москвы.

⁷ Асафов К.М. скончался в 1930 г. О работе его по выявлению и сбору записей на книгах старой печати XVI–XVII вв. см.: АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 276.

⁸ См.: *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

⁹ Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – историк, член-корреспондент АН СССР. Автор либо ошибочно назвал его академиком, либо он имел в виду председателя Археографической комиссии академика Сергея Федоровича Платонова (что более вероятно, так как Пресняков долго и тяжело болел, и материалы для публикации в Летописях занятий Археографической комиссии отбирал С.Ф. Платонов и ученый секретарь комиссии А.И. Андреев).

¹⁰ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – историк.

¹¹ См.: *Панеях В.М.* М.Н. Тихомиров в "Академическом деле". 1930 г. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 36–39.

¹² См.: *Ржига В.Ф.* Очерки по истории быта домонгольской Руси // ТТИМ. М., 1929. Вып. 5.

- ¹³ Попов Н.П. (1864–?) был библиотекарем Патриаршей библиотеки; в ГИМ с 1920 г. заведовал отделением греко-славянских рукописей.
- ¹⁴ См.: *Попов Н.П.* Памятники литературы стригольников // ИЗ М., 1940. Т. 7. С. 34–58.
- ¹⁵ Об Александре Дионисьевиче Сидельникове (1888–1934) см.: *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* "Дело славистов", 30-е годы. М., 1994. Там же см. и о В.Ф. Ржиге.
- ¹⁶ Никольский Николай Константинович (1863–1936) – историк древнерусской литературы, академик с 1916 г.
- ¹⁷ Ляпунов Борис Михайлович (1862–1945) – языковед-славист, академик с 1923 г.
- ¹⁸ Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) – историк древнерусской литературы, академик с 1931 г.; в 1921–1930 гг. – научный сотрудник ГИМ.
- ¹⁹ Соболевский А.И. (1856/57–1929) – филолог, академик с 1900 г.
- ²⁰ Адрианова-Перетц В.П. (1888–1972) – историк древнерусской литературы, член-корреспондент АН СССР с 1943 г.
- ²¹ *Тихомиров М.Н.* К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 91–84; Перепечатано в кн.: *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 78–82.

200-ЛЕТИЕ АРХИВОВ МОСКВЫ

Ю.А.Поляков

АРХИВЫ — ЗОЛОТАЯ КЛАДОВАЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Уважаемые коллеги!

Нынче праздник московских архивистов. Поздравляя всех, кто идет по кремнистой архивной стезе, я хочу сказать, что этот юбилей — 200-летие московской архивной службы — знаменателен и праздничен для всей исторической науки, для работников Академии наук, преподавателей вузов, учителей. Мысль о том, что историческая наука основывается на фактах, аксиомальна. Говорят иногда, что факты — костяк исторических исследований. Это неточно. Костяк — сух и безжизнен. Костяк тогда действительно опора живого организма, когда с ним воедино мышцы, жилы, нервы, кровеносные сосуды. Факты одновременно и костяк, и живая плоть исторической науки.

Настоящее — великий растратчик. Оно сыплет фактами как из рога изобилия, с великой щедростью одаряя ими нас — современников. Но на завтра *сегодняшние* факты, осыпаясь как листва с октябрьских деревьев, становятся фактами *историческими*, входят в компетенцию истории. И большинство фактов пропало бы безвозвратно, навсегда, и история, как наука, не могла бы существовать, и Клио не стала бы серьезной дамой, а осталась пустой легкомысленной девицей, если человечество не догадалось бы создать архивы. И архивы — иероглифические, клинописные, на глиняных табличках, на мраморе, на сосудах — стали возникать с незапамятных времен, как только появилась письменность. Французский поэт Жан Кокто назвал архив "драконом, охраняющим наши сокровища". Эти слова стали девизом фестиваля "Белые столбы". Он проходил в январе 1997 г. и был посвящен 60-летию Госфильмофонда.

Название моего выступления — *"архивы — золотая кладовая исторической науки"*. Это определение мне кажется более интересным, чем у Кокто. Но все же и это название недостаточно. Архив не только *золотая кладовая*, но и *рабочая мастерская науки*. В архиве не только *хранятся* сокровища, позволяющие изучать прошлое, но здесь и *делается* историческая наука. И в этом смысле роль архивов огромна. Более того, я убежден, что за последние годы эта роль выросла и продолжает расти.

Мы все хорошо знаем, что российская историческая наука переживает непростые времена, проходит переходный период в переходном периоде, когда налицо разрушенность старого и несозданность нового. Сейчас идут споры о кризисе исторической науки, его характере, о том, кончился он или нет, если да, то когда. На мой взгляд время собирать камни наступило, свет в конце туннеля

* Текст выступления на научно-практической конференции "Москва в документах (к 200-летию московских архивов)". 27 февраля 1997 г.

уже виден, возрождение исторической науки идет. И особенность и знамение времени в том, что оно началось с документальных публикаций, с архивов. Если спросить, что действительно ценного сделали историки за последние, скажем, пять лет, где наука действительно продвинулась, ответ будет очевиден: в области документальных публикаций.

Новые возможности получения и печатания архивных материалов (хотя я вовсе не идеализирую степень открытости наших архивов) создали принципиально новую ситуацию в документально-публикаторском деле. И количественно и качественно документальные издания приобрели новый характер, возникло (по выражению В.П. Козлова) "*новое архивно-информационное пространство*". Сейчас появился термин "архивная революция". Термин мне представляется спорным, но сам факт его появления примечателен.

Многие публикации являются подлинными открытиями, коренным образом меняют наши представления о ряде узловых проблем отечественной истории; они стали настоящими сенсациями, позволяют сказать новое слово в науке. Можно смело утверждать, что в российской историографии никогда и не было такого архивно-публикаторского бума. Достаточно только перечислить названия не документальных сборников — это невозможно, им несть числа, — а более или менее регулярных изданий — журналов, серий, альманахов — от "Исторического архива" до "Неизвестной России", "Источника", "Книги исторических сенсаций". Наш предприимчивый кинематографический мэтр Никита Михалков, основав "студию ТРИТЭ", стал выпускать великолепно оформленную серию "Российский архив". Тираж первых томов был гигантский — 30 тыс.

Выросла публикаторская сторона в общеисторических журналах — в "Вопросах истории", "Новой и новейшей истории", "Отечественной истории". И неисторические журналы, газеты публикуют документы прошлого, мемуары. Кто из вас читает журнал "Современная драматургия"? Там с 1995 г. наш известный ученый Владлен Терентьевич Логинов публикует документы из Президентского архива. Никогда раньше этот журнал документов не публиковал.

Такой архивно-исторический взрыв не случаен. Он отражает назревшую потребность науки. Более того, назревшую *общественную* потребность. История в наши дни стала болевой точкой общественного сознания. Народ хочет знать правду истории. До правды истории надо *доработаться*. Что значит доработаться? Это значит идти в архивы, поднимать документальные пласты, изучать, проверять, сопоставлять и тысячи тонн архивной руды переплавлять в слитки добротного, благородного металла.

Есть еще одно обстоятельство, объясняющее особое значение архивов. У нас за долгие годы утрачено *общественное достоинство* историков, утрачено доверие к слову историка. Историки напичкали общество фальсификацией до тошноты. А сейчас, повернувшись на 180 градусов, продолжают пичкать новой фальсификацией.

Поэтому люди верят документу. Хотя документы бывают разные. Можно так осуществить подбор документов, можно так их подать, что получится очередной пирожок с несвежей начинкой. Но документ есть документ, и в большинстве случаев правду замаскировать или вырубить так же трудно, как спрятать ежа в кисею. Поэтому общественность надеется на архивы, надеется, что хрустальный терем со спящей царевной исторической правды находится именно в архивохранилищах. Поэтому так возрос интерес к архивным публикациям, поэтому так выросло не только научное, но и общественное значение архивов.

Новая ситуация принесла изменение форм публикаций. Чаще стали появляться документальные публикации, являющие нечто среднее между просто публикацией и исследованием. То есть документальный текст сопровождается исследовательским анализом, увеличивается не просто комментарий, который

был всегда, но и аналитическое наполнение. В качестве примера могу привести известную всем книгу: "Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР".

Тот поворот, который совершили архивы, не мог произойти и не произошел автоматически и легко от нажатия кнопки. Публикации, тем более на высоком научном уровне, требуют огромных усилий. Нужно было перестроить всю работу. Не всем это удалось. Тем более трудности материальные на каждом шагу подножки ставят. Я думаю, что Мосгорархив оказался флагманом для всей России. Он, выполняя по-прежнему обычные трудоемкие архивные функции, взвалил на плечи дополнительный груз. Руководство Мосгорархива оказалось на уровне новых требований и новых задач. Только в прошлом году вышло 25 публикаторских изданий, в этом году выходит около 30. А какие книги выпускаются! Вот два кита, на которых без третьего можно землю поставить, — великолепно сделанные, по-настоящему фундаментальные издания "Москва военная" и "Москва и судьбы русского флота". Жемчужинами я считаю "Усадебное ожерелье юго-запада Москвы", первый том хрестоматии истории Москвы. Сейчас появился новый альманах — "Московские архивы" — тоже на должном уровне.

Конечно, приближающийся юбилей Москвы дает дополнительные стимулы, но и создает огромное дополнительное напряжение.

Я заканчиваю, с полной уверенностью, что начавшаяся в эти годы новая полоса в истории архивов ознаменуется новыми крупными достижениями, обогатит наши представления о минувших днях. А свойство архивов таково — вечно делиться своими богатствами, не становясь беднее.

ОБЪЕДИНЕНИЕ "МОСГОРАРХИВ" К ЮБИЛЕЮ МОСКВЫ

Одним из признанных москвоведческих центров сегодня является объединение "Мосгорархив", в состав которого входят семь крупнейших городских архивов. Объединение – прямой преемник Московского губернского архива старых дел (МГАСД), первоначальная история которого началась ровно два столетия назад. Учитывая юбилейную дату, кратко остановимся на основных вехах сложной, драматической и вместе с тем счастливой истории архива¹.

По указу Правительствующего Сената от 26 февраля 1797 г. старые дела упраздненных московских учреждений велено было хранить при губернском архиве. Первые десятилетия архив не имел специального хранилища, а "решенные дела" московских губернских и городских учреждений сосредотачивались в зданиях присутственных мест.

В 1823 г. под Московский губернский архив старых дел по распоряжению генерал-губернатора князя Д.В. Голицына была выделена Никольская башня Кремля, и с этого года начинается история архива как самостоятельного учреждения. Но вскоре башня была переполнена документами, и московские власти постепенно передали под хранилище МГАСД Владимирскую и Ильинскую башни Китай-города, часть двухшатровых Воскресенских ворот и здание губернского правления на Красной площади, две башни китайгородской стены на Старой площади и против Воспитательного дома и, наконец, Арсенальную кремлевскую башню².

За мощными крепостными стенами хранилось более двух миллионов дел московских учреждений. Доступ к материалам был затруднен главным образом в связи с непригодностью помещений. Сырость, неустроенность в конце концов привели к гибели многих ценнейших источников по истории Москвы XVIII–XIX вв. После наводнения 1908 г., затопившего китайгородскую башню у Москвы-реки, положение с сохранностью документов стало совсем нетерпимым.

В марте 1909 г. старший советник губернского правления, архивист В.В. Шереметевский, писал московскому губернатору В.Ф. Джунковскому о гибели десятков тысяч дел, вызванной невероятной сыростью, отсутствием отопления и вентиляции. Документ произвел сильное впечатление на В.Ф. Джунковского, вскоре обратившегося в МВД с запиской о бедственном состоянии Губернского архива и о необходимости построения для него особого здания.

В 1911–1912 гг. был даже составлен проект нового трехэтажного архивного здания, которое предполагалось соорудить на Ходынском или Девичьем

¹ Более подробно история МГАСД изложена в юбилейном буклете, составленном В.Ф. Козловым и В.А. Манькиным: *Московские архивы. 200 лет.* [М.], [1997]. 25 с. Текст буклета перепечатан в "Вестнике архивиста" (М., 1997. № 1). С. 6–22.

² Дореволюционная история МГАСД, вопросы его организации, комплектования, разбора дел, сведения о выделении и ремонте помещений и т.д. отражены в документах ЦИАМ: Ф. 16. Оп. 4. Д. 27; Оп. 5. Д. 438; Оп. 10. Д. 7; Оп. 26. Д. 636; Оп. 29. Д. 179; Ф. 17. Оп. 38. Д. 19; Ф. 54. Оп. 132. Д. 23; Оп. 175. Д. 3525; Оп. 176. Д. 148, 272; Ф. 179. Оп. 66. Д. 23 и др.

поле³. Обсуждался и проект присоединения МГСД к МАМЮ, предложенный управляющим этого архива Д.В. Цветаевым.

Однако начавшаяся первая мировая война, а затем и революционные потрясения отодвинули вопрос об устройстве МГСД.

История губернского архива в советскую эпоху началась с варварского обстрела кремлевских Никольской и Арсенальной башен, что привело к гибели тысяч хранившихся в них дел.

После революции МГСД был наименован Московским губернским архивным фондом, который в 1922 г. преобразован в Московское губернское архивное бюро (МГАБ), перешедшее с 1924 г. в подчинение Президиума Моссовета. С созданием Московской области в марте 1929 г. бюро было переименовано в областное, а в сентябре 1931 г. – в Московское областное архивное управление (МОАУ).

В первые послереволюционные годы архивистам приходилось спасать и перевозить архивы многочисленных ликвидированных городских и губернских учреждений. С середины 1920-х годов под архивные хранилища были переданы закрытые храмы Ивановского, Новоспаского и Алексеевского монастырей, ряд приходских церквей.

Большие изменения произошли в управлении и структуре московских архивов в конце 1930-х годов. В 1937 г. были образованы три государственных архива: Московский областной исторический, Московский областной Октябрьской революции и Московский военно-окружной. Все они подчинялись Мособл-архуправлению. А через два года в связи с передачей архивов страны в систему НКВД МОАУ стало называться Архивным отделом УНКВД Московской области⁴.

Сравнительно благополучно архивы пережили Великую Отечественную войну, ни одно из хранилищ не пострадало от бомбардировок; некоторые фонды эвакуировали в Саратов, Шадринск и Барнаул.

Наиболее значительные изменения произошли в московских архивах лишь в начале 60-х годов. Наконец-то было построено первое специальное, хотя и небольшое, здание, в котором разместился архив Московской области.

В 1962 г. систему архивного управления вернули из ведения органов внутренних дел в подчинение городских властей, и был образован Архивный отдел Мосгорисполкома. Тогда же, в 1962–1963 гг., на основе Исторического архива Московской области был создан Центральный государственный архив г. Москвы – первый центральный государственный городской архив СССР⁵, а в Новых Черемушках приступили к строительству здания для ЦГА г. Москвы (сдано в эксплуатацию лишь в 1976 г.).

После переезда архива в новое здание Исполком Моссовета принял решение о разделении ЦГА г. Москвы на три архива: ЦГИА (ныне ЦИАМ), Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы (ныне ЦМАМ) и Центральный архив кинофотофонодокументов г. Москвы (ныне Центральный московский архив документов на

³ Там же. Ф. 54. Оп. 106. Д. 8 (О рассмотрении вопроса о построении нового здания Московского губернского архива старых дел. 1909–1915 гг.); Оп. 165. Д. 152 (О разработке проекта на построение архива на Ходынском поле в Москве. 1911–1912 гг.); *Козлов В.Ф.* История и судьбы московского архива // *Московский архив: историко-краеведческий альманах*. М., 1996. Вып. 1. С. 238–249.

⁴ *Дербина В., Абрамсон А.* Архивы Московской области за 20 лет // *Архивное дело*. М., 1938. № 3. С. 204–212; *Костомаров Г.* Архивное дело в Московской губернии // Там же. 1929. № 3. С. 68–70. Сведения о реорганизациях московской архивной системы в 1920–1930-е годы автору предоставил С.В. Пузырев.

⁵ Сведения о реформах в архивной системе города 60-х годов автору любезно предоставила И.Г. Тараканова ("Мосгорархив").

специальных носителях – ЦМАДСН). Все эти архивы и разместились в новом здании на ул. Профсоюзной, д. 80. В 1988 г. на их основе было создано Московское городское объединение архивов – "Мосгорархив".

Понимание руководством города значения архивов, а также энергичная деятельность нового начальника объединения А.С. Киселева и его заместителя В.А. Маныкина привели к качественным изменениям. В 1991 г. в состав "Мосгорархива" вошел Московский партархив (ныне Центральный архив общественных движений Москвы) на Международной улице. Вскоре городские власти передали объединению большой архив по градостроительству Москвы XIX – начала XX в., и на его основе был создан Центральный архив научно-технической документации Москвы. Седьмым архивом объединения стал созданный в 1993 г. Центральный архив литературы и искусства г. Москвы. Таким образом, "Мосгорархив" превратился в одно из крупнейших архивных учреждений страны, хранящее около 8,5 млн. дел.

Главный архив Москвы, сосредоточивший уникальные источники по всем отраслям жизни города с XVIII в., всегда был базой для москвоведов. Однако вплоть до второй половины 70-х годов широкое использование документальных богатств было затруднено, так как хранилища располагались в помещениях, не приспособленных для работы читателей и сотрудников самих архивов.

Особенно активизировалась деятельность по разнообразному использованию документов архивов с начала 90-х годов, когда "Мосгорархив" активно включился в подготовку 850-летия Москвы.

На базе небольшого издательского отдела был создан Центр научного использования и публикации архивного фонда (ЦНИИПАФ)⁶, задачами которого стала разнообразная деятельность, связанная с историей Москвы: издательская, выставочная, лекционная и др. Используя богатейшую источниковую базу архивов, новые организационные структуры, современные технические возможности, привлекая опытных специалистов, "Мосгорархив" в течение нескольких лет стал известным научно-исследовательским москвоведческим центром. Попробуем лишь обозначить отдельные направления этой многообразной деятельности.

В 1992 г. в "Мосгорархиве" был образован сектор истории Москвы⁷, развернувший активную москвоведческую работу, одной из сторон которой стала организация многочисленных выставок архивных документов и их копий.

Целая серия сменяемых выставок была развернута на находящихся недалеко от входа в здание "Мосгорархива" десяти стендах. Здесь были выставлены экспозиции копий документов, фотографий, посвященных истории московских памятников, юбилейным датам, достопримечательностям округа⁸.

Используя новейшую копировальную технику, сотрудники стали создавать тематические выставки, устраиваемые за пределами объединения. Первая такая выставка, посвященная московскому меценатству и благотворительности, состоялась в 1992–1993 гг. в Музее медицины. Начиная с 1993 г. серия выставок, рассказывающих о различных сторонах истории Москвы и городского благоустройства, была развернута в музейных витринах в здании мэрии на Тверской⁹.

⁶ В настоящее время директором ЦНИИПАФ является Л.Н. Селиверстова, ее заместителями О.В. Кузовлева и М.М. Горинев.

⁷ Первым заведующим сектором был В.Ф. Козлов.

⁸ За последние годы на уличных стендах были экспонированы выставки: "Юбилейные памятники Москвы", "Москва столетие назад", "Москва в Великой Отечественной войне", "Усадьбы Юго-Запада", "Москва многоликая", "Благотворительность в Москве".

⁹ Выставки по истории Тверской, Петровского парка, герба города, о деятельности Городской думы и ее комиссий, праздниках Москвы и др.

Большой практический интерес вызвала другая серия выставок, продемонстрированная в музее при воссоздаваемом храме Христа Спасителя на Волхонке¹⁰.

Постепенно приобретаемый опыт работы позволил сотрудникам ЦНИИПАФ создавать оперативные выставки каждые две-три недели. Временные документальные экспозиции историко-краеведческого характера были подготовлены для выставочного зала в Белых Палатах на Пречистенке (1996), в усадьбе "Узкое" (1995, 1996), в Польском посольстве (1995), Доме ученых (1997), ряде средних школ Юго-Западного округа.

Сотрудников с тематическими подборками копий документов стали приглашать и в другие города и даже страны. В 1995 г. на научную конференцию в г. Ногинск была отправлена большая выставка о московских купцах Морозовых, а в 1996 г. на Яснополянскую конференцию архивисты привезли множество копий документов о московском периоде жизни Л.Н. Толстого и его близких.

Документально-выставочная деятельность "Мосгорархива" стала известна в последние годы и в дальнем зарубежье. В апреле 1997 г. в европейских столицах была продемонстрирована выставка, посвященная 850-летию города, а в июне 1997 г. выставку "Москва-Сербии" (о связях Москвы и Сербии в XIX – начале XX в.) тепло принимала общественность Белграда.

Самые же масштабные и вызвавшие широкий резонанс выставки были посвящены юбилеям. Накануне 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, в апреле 1995 г. "Мосгорархивом" в Колонном зале Дворца Союзов на десятках витрин и стендов были показаны сотни подлинников и копий исторических документов. Выставка была приурочена к конференции "Роль Москвы в защите Отечества". Еще более крупной по объему и значению стала выставка "Москва сквозь века" в выставочном комплексе "Малый Манеж", посвященная 200-летию московских архивов (февраль–март 1997 г.)¹¹. В двух обширных залах были выставлены сотни подлинных документов по истории Москвы: о жизни и деятельности известных москвичей, о Городской Думе, архивах, учебных заведениях, строительстве и реконструкции советской эпохи и т.д.

Юбилейный характер носила выставка, посвященная 65-летию Историко-архивного института (1995), составленная в основном из документов фонда МГИАИ, находящегося в ЦМАМ¹².

Названные выше крупные выставки впервые показали возможность организации больших экспозиций, в основе которых лежат не вещественные, а документальные памятники.

Другим направлением деятельности "Мосгорархива" по разработке московско-ведческой тематики и подготовке к юбилею стало проведение регулярных научно-практических конференций. С начала 1990-х годов эта деятельность вышла далеко за рамки объединения и приняла общегородской, а зачастую и общероссийский характер. Историко-краеведческий характер носили организованные ЦНИИПАФ научные конференции, посвященные изучению отдельных памятников: храмов, усадеб, дворцов и т.д. В 1994–1995 гг. состоялись научно-практические конференции: "Исторический некрополь Москвы" (2 конференции), "Москва в 1812 г.", "Москва многонациональная" (2 конференции), "Источники по истории храма Христа Спасителя", "Московские императорские дворцы", "Усадьбы Юго-Запада". В организации и проведении всех этих конференций принимало участие и Московское краеведческое общество. Конференции

¹⁰ Основой для создания этих выставок явились фонды храма Христа Спасителя (ЦИАМ) и строительства Дворца Советов (ЦМАМ).

¹¹ На выставках в Колонном зале и Малом Манеже были представлены экспонаты (иллюстрации) и из РГАДА, РГВИА, ГАРФ, а также ряд вещественных памятников из Музея истории Москвы и некоторых общественных музеев.

¹² Выставка стала постоянной и находится в Актовом зале ИАИ РГГУ (ул. Никольская, 15).

проводились, как правило, в читальном зале "Мосгорархива" и сопровождались небольшими тематическими выставками.

Две архивные конференции носили общероссийский и международный характер. На научном форуме "Роль Москвы в защите Отечества" (апрель 1995 г., в Колонном зале) выступали мэр города Ю.М. Лужков, патриарх Всея Руси Алексей II, многие видные ученые (А.Н. Сахаров, акад. В.А. Золотарев и др.). Мэр Москвы послал приветствие конференции в Малом Манеже, посвященной 200-летию московских архивов и проходившей одновременно с упоминаемой выставкой. Эта конференция собрала также немало известных ученых и москвоведов, выступивших на ней. Первым докладчиком был Ю.А. Поляков¹³.

Уютный читальный зал объединения "Мосгорархив" на Профсоюзной хорошо известен московским краеведам-профессионалам и любителям. Ежедневно здесь изучают документы десятки архитекторов, реставраторов, музейных работников, литераторов. В преддверии большого московского юбилея "Мосгорархив" предложил москвоведом новую форму краеведческой работы – серию встреч в читальном зале "Мое открытие Москвы". Только в 1994 г. в рамках этого направления прошли встречи архивистов и общественности с известными учеными – знатоками города: Н.М. Молевой, С.О. Шмидтом, Ю.К. Ефремовым, Ю.Н. Александровым, А.Ф. Грушиной, М.Д. Артамоновым, Я.М. Белицким, В.Б. Муравьевым, Л.В. Ивановой, Ю.П. Марцевичем, Л.А. Ястржембским. Выступающие рассказывали о своем творчестве, встречах с другими москвоведом, планах на будущее¹⁴. Такие встречи чрезвычайно важны не только для присутствующих краеведов, но и для комплектования архивов, так как велась видеозапись, кассеты затем передавались на постоянное хранение в один из архивов объединения¹⁵.

Встречи серии "Мое открытие Москвы" архивисты проводили с Московским краеведческим обществом – отделением Союза краеведов России. Да и само общество не раз организовывало свои заседания в "Мосгорархиве".

Современное лицо объединения, его подготовку к юбилею столицы невозможно представить без научно-издательской деятельности. Буквально за три-четыре года главный московский архив стал ведущим издательским центром москвоведческой литературы. В объединении идет работа по нескольким десяткам издательских проектов, основанных на введении в научный оборот неопубликованных архивных источников, прежде всего из городских архивов. Составители книг и сборников, авторы большинства статей – сотрудники различных подразделений объединения, что свидетельствует о высоком научном уровне работы "Мосгорархива".

Только за 1995–1996 гг. из печати вышло 16 книг, имеющих непосредственное отношение к истории города. Ряд из них приурочен к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне и 300-летию флота России и посвящен вкладу Москвы в становление отечественного флота и участию города в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹⁶

Несколько москвоведческих изданий имеют ценный справочный характер и во многом отражают тематику и широту научных конференций, встреч с

¹³ См.: Московским архивам 200 лет // ОА. 1997. № 3. С. 20–39.

¹⁴ Предполагается публикация сборника материалов этих встреч.

¹⁵ Записи встреч обеспечиваются сотрудниками Центра комплектования (директор Т.В. Аверьянова). Ими же в лаборатории на ул. Международной создаются документальные фильмы о старой Москве, храме Христа Спасителя, усадьбах и т.д.

¹⁶ Г.К. Жуков в битве под Москвой. М., 1995. 214 с.; Москва военная, 1941–1945 гг. / Сост. М.М. Горнинов, А.Н. Пономарев, К.И. Буков. М., 1995. 744 с.; Москва и судьбы российского флота / Сост. А.Н. Давыдов, А.А. Киличенко. М., 1996. 450 с.

москвоведцами, проводимых ранее выставок, работу по составлению справочников¹⁷.

Особо пристальное внимание научные сотрудники "Мосгорархива" уделяли истории резиденции генерал-губернаторов на Тверской и личностям самих губернаторов. Изданные по этой теме книги написаны по заказу московского правительства, хорошо иллюстрированы и имеют прекрасное полиграфическое исполнение¹⁸.

Особо стоит отметить солидный по объему иллюстрированный альманах "Московский архив"¹⁹, уже получивший высокие отзывы ученых и общественности. В занимательной форме на обширном, чаще всего малоизвестном архивном материале показана история строительства и благоустройства Москвы с XVII в. по середину XX в. Там опубликованы воспоминания академика М.Н. Тихомирова о своем московском детстве. Среди авторов статей и публикаций известные москвоведы С.О. Шмидт, Е.И. Кириченко, Ю.Н. Александров, А.Г. Векслер, а также архивисты, архитекторы, музейные работники.

Известно давнее сотрудничество объединения и со школами города и округа, особенно в постановке преподавания истории края. Архивисты уже много лет ведут уроки в школах округа, оказывают методическую помощь учителям. Именно поэтому закономерным стала подготовка в объединении фундаментальной четырехтомной хрестоматии для старшеклассников и студентов "История Москвы". По общему признанию, изданные три тома являются одним из лучших учебных пособий по москвоведению²⁰.

Значительное число работ, касающихся истории Москвы, находится в печати или предполагается к изданию в 1998 г. Среди них готовящиеся совместно с ИРИ РАН трехтомник "История Москвы с древнейших времен до наших дней", "Московский архив" (вып. II), хрестоматия "История Москвы" (т. IV), экспериментальный учебник по истории Юго-Западного округа и другие²¹.

В беглом обзоре трудно полно осветить все стороны многообразной москвоведческой деятельности "Мосгорархива", которая обеспечивается работой всех сотрудников и подразделений объединения.

Сегодня вполне очевидно, что становлению Главного архива Москвы как одного из ведущих москвоведческих центров способствовали и дальновидная политика московского правительства, не жалевшего средств для финансирования этой важнейшей городской отрасли культуры, и энергичная деятельность руководства "Мосгорархива", привлекающего к сотрудничеству известных ученых-историков и москвоведов, и, конечно же, дружный коллектив всех семи городских архивов объединения.

Итого такого взаимопонимания – функционирование архива не только как хранилища ценных источников, но и как самостоятельного музейно-выставочного, издательского и просветительского учреждения.

В принципе такими должны быть и другие центральные архивы.

¹⁷ Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Биобиблиографический справочник / Сост. Л.В. Иванова. М., 1996. 222 с.; Москвоведы: Справочник о краеведах, общественных и научных учреждениях / Сост. Т.Н. Никольская; отв. ред. В.Ф. Козлов. М., 1996. 174 с.; Московский некрополь: История, археология, искусство. Материалы научно-практической конференции 31 марта – 1 апреля 1994 г. М., 1996. 167 с.; Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы / Сост. Л.В. Иванова. М., 1996. 186 с.; Центральный Московский архив документов на специальных носителях: Путеводитель-тель / Сост. С.К. Кушнарев, Л.И. Смирнова. М., 1996. 208 с.

¹⁸ От губернатора до мэра: Главы московской власти. 1708–1995. Портретная галерея. М., 1996. 272 с.; Тверская, 13: Резиденция московских властей. М., 1997. 72 с.

¹⁹ Московский архив: Историко-краеведческий альманах. / Сост. В.Ф. Козлов. М., 1996. Вып. 1. 544 с.

²⁰ История Москвы. Хрестоматия. / Сост. М.М. Горинов. М., 1995–1997. Т. I–III.

²¹ Среди готовящихся к изданию также "Царские и императорские дворцы Москвы" (материалы конференции), "Москва в начале XX века" (сборник статей), путеводитель по фондам московских архивов (сост. И.Г. Тараканова) и др.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ МОСКВЫ —
ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ АРХИВ ДОКУМЕНТОВ
ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Документы личного происхождения — неотъемлемая часть Архивного фонда Российской Федерации. В соответствии с Положением об Архивном фонде Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 17 марта 1994 г. №552, в состав государственной его части входят и "...архивные фонды и архивные документы юридических и физических лиц, поступившие на законном основании в собственность государства, в том числе из-за рубежа"; в состав негосударственной части, в частности, входят "...архивные фонды и архивные документы, находящиеся в собственности физических лиц (документы личного происхождения, фамильные архивы, коллекции документов и другие)". Документы личных архивных фондов, образовавшиеся в процессе жизни и деятельности отдельного лица, семьи, рода,¹ — одна из интереснейших и весьма специфических групп исторических источников. Как отмечал в свое время С.С. Дмитриев, "... эти источники дополняют и исправляют, порою крайне существенно, то, что может быть изучено на основе массовых письменных источников иного, не личного происхождения"².

Центральный архив документальных коллекций Москвы (ЦАДКМ) образован согласно распоряжению мэра Москвы №556-РМ от 14 декабря 1992 г. Целью создания нового архива было сконцентрировать в одном государственном хранилище уже имеющиеся и поступающие в объединение "Мосгорархив" документальные комплексы личного происхождения³.

На момент создания ЦАДКМ в рамках объединения "Мосгорархив" сложилось два основных комплекса фондов и документальных коллекций личного происхождения: в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) и в Центральном муниципальном архиве Москвы (ЦМАМ).

Основу собрания личных фондов ЦИАМ составили дворянские, купеческие семейные и родовые фонды, личные фонды ученых, педагогов, публицистов, юристов, государственных, военных и общественных деятелей дооктябрьской эпохи, сосредоточенные ранее в Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО), существовавшем до 1963 г. Значительная их часть была передана в ГИАМО в порядке уточнения профиля из других архивов и рукописных собраний: бывш. ЦГИА в Москве, ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ), ЦГЛА (впоследствии ЦГАЛИ, ныне РГАЛИ), ЦГАДА (ныне РГАДА), ОПИ ГИМ, ГЛМ и др. После поглощения ГИАМО Центральным государственным архивом (ЦГА) Москвы, последующего разукрупнения ЦГА Москвы в 1976 г. и создания на его базе трех новых архивов — ЦГАОРСС Москвы (ныне ЦМАМ), ЦГИА

¹ Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. Вып. 1. С. 23.

² Дмитриев С.С. Личные архивные фонды: Виды и значение их исторических источников// ВА. 1965. № 3. С. 48

³ Речь идет о документальных комплексах преимущественно на бумажных носителях. Фонды и документальные коллекции личного происхождения, основу которых составляют кинофотофоно- и видеоматериалы, и далее будут концентрироваться в Центральном московском архиве документов на спецносителях (ЦМАДСН).

Москвы (ныне ЦИАМ), ЦГАКФФД Москвы (ныне ЦМАДСН) — вышеназванные фонды, как и фонды московских учреждений, организаций и предприятий, частных фирм и т.д. дореволюционного периода были включены в состав ЦГИА Москвы. Одновременно продолжалась передача личных фондов из других государственных хранилищ, переработка и упорядочение необработанных массивов документов личного происхождения, а также в небольшом количестве приходили и новые поступления. Всего на 1 января 1997 г. в ЦИАМ числится по учетным документам 138 личных архивных фондов.

В данном документальном собрании пристального внимания заслуживают, в частности, фонды дворянских родов Бахметевых (Ф.1845) и Глебовых-Стрешневых (Ф.1614), фабрикантов и купцов Морозовых (Ф.357), Кожевниковых (Ф.1860), Котовых (Ф.2076), губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (Ф.864), видного государственного деятеля, юриста и историка искусства Д.А. Ровинского (Ф.1650), общественной деятельницы, члена правления Московского музея прикладных знаний А.А. Адлер (Ф.1331), гласного Московской городской думы Н.П. Вишнякова (Ф.1334), ректора Московской духовной академии С.К. Смирнова (Ф.1869), митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) (Ф.1878), профессоров Московского университета — экономиста и общественного деятеля А.И. Чупрова (Ф.2244), историка литературы М.С. Корелина (Ф. 2202), историка С.В. Бахрушина (Ф.2263), философа и юриста П.И. Новгородцева (Ф.1346); статистика, агронома и педагога А.Ф. Фортунатова (Ф.642), видных педагогов В.И. Чарнолуцкого (Ф.1330), Н.В. и М.А. Чеховых (Ф.2252, 2251), революционера-народовольца М.П. Шебалина (Ф.2241) и др.

Основная часть документов личных фондов ЦИАМ относится к XVIII—XIX вв., в ряде фондов отложились материалы, отражающие жизнь и деятельность фондообразователей в советскую эпоху. В части фондов дворянских родов (Глебовых-Стрешневых, Полтевых, Тургеневых, Чаплиных-Тухачевских и др.) имеются актовые и другие материалы, относящиеся к XVII в., — выписи из писцовых книг, челобитные, копии родословных росписей и т.д.

Одним из направлений деятельности ЦГАОРСС г. Москвы (название ЦМАМ до 1994 г.) с момента его основания в 1976 г. было собирание личных фондов советского периода (в соответствии с профилем архива): государственных и общественных деятелей, организаторов производства, работников народного образования, здравоохранения, представителей науки, литературы и искусства, ветеранов вооруженных сил и т.д., а также участников революционного движения, деятельность которых тем или иным образом связана с Москвой. Среди материалов, поступивших за годы существования архива, можно выделить, например, фонды командующего Дальневосточным фронтом в годы Великой Отечественной войны генерала армии И.Р. Апанасенко (Ф.4)⁴, зам. председателя Моссовета в 1922—1924 гг. М.С. Богуславского (Ф.16), прозаика Н.И. Кочина (Ф.85), музыкального педагога С.Д. Рудневой (Ф.140), историка К.Н. Тарновского (Ф.157)⁵, историков-архивистов И.Л. Маяковского (Ф.110) и М.С. Вишневого (Ф.24), видных деятелей РСДРП В.М. Шулятикова (Ф.168) и В.К. Икова (Ф.68) и др.

По содержанию личные фонды ЦМАМ — это, прежде всего, документы советской и постсоветской эпох (1917 — 1990-е годы). Но в ряде случаев в них отложились материалы из семейных архивов фондообразователей, их документальные коллекции (например коллекция документов о жизни и творчестве Айседоры Дункан, собранная С.Д. Рудневой) и другие, датируемые второй половиной XIX — началом XX в. Самый ранний по времени создания документ — составленная

⁴ Указываются новые номера, присвоенные личным фондам ЦМАМ после их передачи в 1996 г. в ЦАДКМ.

⁵ Для АЕ за 1998 год автором подготовлен обзор фонда К.Н. Тарновского.

анонимным автором в 1826 г. записка “О преобразовании училищ в России по системе австрийской”⁶, отложившаяся среди материалов, собранных И.Л. Маяковским при написании им исследования по истории народного образования в России.

Помимо двух вышеназванных документальных комплексов, следует упомянуть о коллекции документов личного происхождения участников общественно-политических движений и революционных событий в конце XIX — начале XX века, хранящейся в Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ. Ф. 8654). Ее основу составляют оригиналы и копии личных и служебных документов государственных и общественных деятелей, участников революционного движения в Москве и Московской губернии и материалы об их жизни и деятельности: автобиографии, анкеты, мемуары и рукописи литературных произведений, удостоверения, мандаты, документы служебной деятельности С.И. Аралова, В.В. Адоратского, А.Я. Аросева, Н.К. Крупской, Е.Д. Стасовой, Е.М. Маленкова, В.А. Радус-Зеньковича и др.; а также коллекция листовок и периодических изданий партии “Народная воля” и РСДРП (1881 — 1917), материалы мемориального характера и т.д. Коллекция собиралась в 1947—1985 гг. по инициативе Института истории партии МГК и МК КПСС в целях изучения истории революционного движения в Москве и Московской области и пополнялась в последующие годы. После расформирования института и передачи бывшего архива МГК и МК КПСС в состав объединения “Мосгорархив” в 1991 г. и преобразования его в ЦАОДМ коллекция поступила на хранение в этот архив. В результате научно-технической обработки из нее был сформирован архивный фонд, в котором насчитывается 1355 ед.хр. за 1877—1992 гг.

В настоящий момент из вышеназванных документальных комплексов личного происхождения в ЦАДКМ передано только собрание личных фондов ЦМАМ (178 фондов). В то же время поступают материалы непосредственно в новый архив — личные фонды педагога М.В. Давыдовой, внучатой племянницы Дениса Давыдова (Ф.178); композитора М.Я. Магиденко (Ф.179); семейный фонд художника Ю.М. Ракши (Теребилова) и его жены — писательницы И.Е. Ракша (Ф.180). Кроме того, ведется работа по выявлению владельцев личных и семейных архивов, уникальных документальных коллекций, что является одним из перспективных направлений в деятельности Центра комплектования объединения “Мосгорархив”. Среди фондообразователей и фондосдатчиков, передающих свои документы в ЦАДКМ, — искусствовед и москвовед Н.М. Молева, наследники руководителя Краснознаменного ансамбля песни и пляски Российской армии Б.А. Александрова и др.

Информационно-справочное обеспечение исследователей — одно из важнейших направлений деятельности архивов. До последнего времени лишь собрание личных фондов ЦИАМ было отражено в архивных справочниках⁷, но эти сведения уже устарели — в путеводителе по ГИАМО были проаннотированы только 18 личных фондов, а в ЦИАМ их сейчас 138 (материалам личных фондов, ранее находившимся в ЦМАМ, было посвящено диссертационное исследование)⁸. Сейчас в объединении “Мосгорархив” готовится путеводитель по фондам центральных государственных архивов Москвы, в котором фондам и документальным коллекциям личного происхождения посвящен отдельный выпуск. В нем предполагается дать аннотации к 268 личным фондам и документальным коллекциям. Справочник поможет восполнить существующий информационный пробел.

⁶ ЦАДКМ. Ф.110. Оп.1. Д.3. Л.169—188.

⁷ См.: Путеводитель по фондам Государственного исторического архива Московской области. М., 1962. С.271—274, 325—326; Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. М., 1962—1963, 1980. Т.1—3.

⁸ См.: Кац А.А. Фонды личного происхождения ЦГАОРСС г. Москвы (комплектование, состав, научное использование). Авт. реф. дис. ...канд. ист. наук (науч. рук. С.О. Шмидт). М., 1992.

З.П. Иноземцева

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ МОСКВЫ – ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Центральный архив общественных движений Москвы (далее: ЦАОДМ) образован на базе бывшего Центра научной и политической истории Москвы и состоявшего при нем партийного архива (МПА) в ноябре 1991 г. после приостановления деятельности КПСС. ЦАОДМ вошел и ныне функционирует в системе Московского городского объединения архивов "Мосгорархив". Среди региональных архивов ЦАОДМ – крупнейшее архивохранилище. Хранит более 3,5 млн дел, 7 тыс. фондов. Здесь сосредоточены документы партийных органов и партийных организаций Москвы и Московской области с момента перехода на легальное положение (апрель 1917 г.) и по настоящее время.

Уникальны по содержанию фонды партийных органов Московского губкома РКП (б) за 1917–1920 гг., областного и городского комитетов партии, 44 райкомов и производственно-отраслевых парткомов, волостных и уездных комитетов ВКП(б), 92 политотделов (1930–1991 гг.), 33 фракций ВКП(б), фондов партийных и комсомольских организаций, учреждений и предприятий, расположенных на территории Москвы и области, коллекции документов Героев Советского Союза, современных общественных движений, писем граждан (20 тыс.) в средства массовой информации (1991–1997 гг.) и др.

Документы архива до августа 1991 г. входили в состав Архивного фонда КПСС и относились к материалам закрытого доступа. Их использование требовало санкций Центрального или городского комитетов партии. В последние пять лет по распоряжению мэра Москвы осуществляется интенсивная работа по переводу на открытый доступ архивных материалов, не содержащих государственную тайну. Комиссия архива уже рассмотрела документы 450 тыс. дел за 1917–1946 гг. и приняла решение об их использовании на общих основаниях. Сегодня ЦАОДМ широко открыл двери отечественным и зарубежным исследователям.

Однако интенсивность обращения и изучения источниковой базы архива по-прежнему не отвечает информационному потенциалу фондов и современным потребностям общества. Причин этому немало. Одна из них заключается в том, что проведение исследований по архивным источникам вообще, а бывшего партийного фонда в особенности требует от исследователя владения мастерством источниковедческого анализа. Но есть и еще причины. Например, содержание многих документов формировалось под влиянием известных идеологических установок, факты интерпретировались и оценивались в соответствии с господствовавшими тогда партийными нормами. Кроме того, нередко информация ныне ставших доступными источников ставит отечественных исследователей перед необходимостью пересматривать собственные недавние выводы и трактовки.

Информативность сосредоточенного в ЦАОДМ комплекса фондов и документов уникальна. Прежде всего, по масштабу охвата всей совокупности важнейших фактов, событий, явлений в области социально-экономической,

научной, идеологической и культурной сфер жизни общества не только Москвы и Московской области, но и бывшего СССР. Это обусловлено той руководящей ролью, которую играли партийные органы на всех этапах советской истории, центральным местом столичной партийной организации, а также той всеобъемлющей информацией, которая сосредоточивалась в фондах партийных организаций Москвы и области. Исследователи отмечают и особо ценят то, что ЦАОДМ – единственный архив, в том числе среди федеральных, где представлены через систему архивных фондов партийных организаций все функционировавшие на территории Москвы и области учреждения и организации – источники комплектования архивов, независимо от их подчиненности и отраслевой принадлежности. Архивные же фонды самих этих учреждений рассредоточены, согласно профилю, между различными государственными хранилищами.

Уникальность источников, хранящихся в архиве, проявляется и в высоком, по сравнению с другими, уровне достоверности освещения фактов, событий, явлений в определенных, строго закрытых ранее группах материалов особой важности: информациях, отчетах, аналитических справках, других документах, циркулирующих "сверху вниз" и "снизу вверх" между руководством партийных органов (МГК–МК–ЦК), которому полагалось знать истинное положение дел на местах во всех сферах жизни и в настроении масс.

ЦАОДМ является тем богатейшим хранилищем исторических источников, исследование которых может приоткрыть многие явления в жизни народа и государства. Все чаще предметом изучения по документам архива становятся проблемы общественного сознания и общественных движений в XX в. Исследователи все настойчивее обращаются к теме "человек–общество–государство". Новый этап осмысления социально-политической истории России XX в., как справедливо отмечают исследователи российского парламентаризма, связан с необходимостью восполнения известных лагун в потоке публикаций посредством обращения к историческим архивным источникам, характеризующим политическое поведение электората, общественные политические настроения, историю формирования и состав законодательной элиты российского общества и др.¹

С момента создания в 1921 г. в качестве московского отделения Истпарта архив формировался как центр собирания воспоминаний, листовок, прокламаций, документов партийных организаций, в том числе различных фракций и групп, не согласных с "линией" большевиков, т.е. по существу в архиве сконцентрировалась значительная информация по истории инакомыслия, общественных движений в Москве и Московской области. Настроения народа – вопрос, стоявший всегда в центре внимания партийных органов и требовавший целенаправленной и хорошо отлаженной системы сбора соответствующей информации. Такая система была создана и действовала безукоризненно, благодаря чему историки имеют объективную документированную информацию, характеризующую отношение людей к событиям и изменения в настроении масс. Справки, анализы, доклады с мест, оперативные сводки о ходе установления советской власти, крестьянских волнениях в губернии, забастовках на предприятиях, об отношении москвичей к общественно-политическим преобразованиям и событиям, деятельности запрещенных партий (анархистов, левых эсеров, диссидентских организаций) и многое другое представляют ценнейший пласт уникальной исторической информации.

Научно-историческая ценность источниковой базы архива имеет особое

¹ Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996 С. 9–10.

значение, поскольку практически не введена в научный оборот в части фактов и событий, в особенности тех, которые характеризуют историю общественного сознания масс в советский период. Более того, информативность фондов ранее с этих позиций не рассматривалась, ибо сама проблема изучения настроения масс во всем спектре ее противоречивости являлась строго негласной. ОГПУ, например, регулярно информировало МК партии об эпизодах недовольства и забастовках в Москве, политических настроениях, экономическом положении рабочих, крестьян, интеллигенции. Органы милиции, суда, прокуратуры передавали сводки о правоохранительной обстановке в Москве и области. Советы по делам религии представляли квартальные отчеты об отношении населения к религии, церкви и ее конфессиям.

Важный комплекс источников – письма коммунистов-москвичей в партийные органы с изложением своего отношения к деятельности партии и положению в стране. Многое раскрывает сама проблематика этих писем. Так, в письмах 1918–1920 гг. – крики о помощи голодающим и безработным, в период НЭПа – недоумения по поводу новой экономической политики, приведшей к увольнению бывших красноармейцев, просьбы и требования приструнить произвол мелких хозяйчиков. В 30-е годы – в основном коллективные (!!!) письма о врагах народа и мудрости вождей. В 40-е годы звучит неподдельная гордость за свою страну и народ, самоотверженные предложения помощи во имя быстрой победы, восстановления разрушенной экономики и решения острых бытовых проблем. Начиная с 50-х годов и вплоть до 1991 г. созданный при МГК – МК отдел писем тщательно разбирал переписку, группировал по темам и составлял ежемесячно аналитические записки о положении на предприятиях, о мнениях избирателей на выборах, об общем настроении москвичей и др.

Совершенно уникальны документы 1989–1991 гг., сохранившиеся благодаря самоотверженности работников архива в дни августа 1991 г. Письма рядовых коммунистов, предупреждавших "верхи" партии о роковых последствиях совершаемой ими политики, многое проясняют в освещении общественного сознания эпохи "перестройки".

В последние пять лет архив систематически комплектуется письмами граждан в средства массовой информации. Этот уникальный комплекс составляет ныне 20 тыс. ед. хр. и может быть предоставлен исследователям. 12 тыс. единиц хранения из этого комплекса описаны средствами компьютерной технологии методом рубрицирования. Последние достижения в области исторической информатики вселяют надежду, что вскоре будет найден ключ к извлечению наиболее полной информации из этого массива².

²Иноземцева З.П. Письма граждан в средства массовой информации – источник личного происхождения: сравнительный исторический метод исследования. Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва. 29–31 января 1996 г. М., 1996. С. 310–312.

В.Б. Перхавко

**ЕРМОЛИНЫ–ДМИТРИЕВЫ
И РУКОПИСЬ "ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ"
АФАНАСИЯ НИКИТИНА**

Без малого два столетия назад Н.М. Карамзин впервые обнаружил и ввел в научный оборот сочинение, прославившее имя небогатого тверского купца XV в. Афанасия Никитина¹. С тех пор этот интереснейший памятник средневековой русской литературы не раз становится предметом внимания как отечественных, так и зарубежных историков, лингвистов и литературоведов².

Текст "Хождения за три моря", протограф которого, к сожалению, не сохранился, дошел до нас в семи более поздних списках XVI–XVII вв., принадлежащих к трем изводам: Летописному (Архивный список Софийской II летописи первой трети XVI в.; Эттеров список Львовской летописи середины XVI в.; Воскресенский список середины XVI в.); Троицкому (рукопись конца XV в. или начала XVI в. из сборника Троице-Сергиева монастыря, содержащего также Ермолинскую летопись, "Пчелу" и ряд сочинений церковного характера; фрагменты "Хождения" в сборнике конца XV в. – РГБ. Ф. 178. № 3271); Сухановскому (сборник с хронографом середины XVII в., принадлежавший А. Суханову; сборная рукопись середины XVII в. из собрания Ундольского)³. Одни исследователи считают более близким к протографу "Хождения" Летописный извод, особенно относящийся к нему Эттеров список Львовской летописи. Другие отдают предпочтение Троицкому (Ермолинскому) изводу, в котором хорошо заметна литературная правка его редактора, но вместе с тем сохранилась важная информация, отсутствующая в Летописном изводе⁴.

Чем же объясняется такой парадокс и каким образом рукопись Афанасия Никитина оказалась в Троице-Сергиевом монастыре? Что же связывает тверского купца, совершившего беспрецедентное путешествие в Индию, и богатый московский купеческий род Ермолиных, чей представитель заказал Ермолинскую летопись, переплетенную в одной книге с "Хожением" и включающую независимый Северорусский (ростовский, либо кирилло-белозерский, по другой версии) свод начала 70-х годов XV в. с дополнениями о строительной деятельности Ермолина в 1462–1472 гг.? Особый интерес в этой связи вызывает фигура одного из самых культурных русских людей третьей четверти XV в., человека разносторонних интересов, крупнейшего строительного подрядчика, первого известного по имени зодчего Москвы, организатора скульптурных работ, наконец, книжника Василия Дмитриевича Ермолина. Из "Послания от друга к другу", адресованного Якову (Якубу), секретарю польско-ли-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. VI. С. 344–346. Примеч. 629.

² См. наиболее полную библиографию изданий текста и исследований: "Хождение за три моря" Афанасия Никитина / Изд. подг. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. Л., 1986. С. 186–195; Лурье Я.С. Афанасий Никитин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Ч. 1. А–К. С. 87–88.

³ См.: Лурье Я.С. Археографический обзор // "Хождение за три моря"... С. 107–124.

⁴ Сухановский извод XVII в. тесно связан с более ранней Троицкой редакцией памятника.

товского короля, известно об увлечении В.Д. Ермолина переписыванием книг⁵.

Предпринятый сравнительно недавно пересмотр хронологии странствий Афанасия Никитина помог установить, какое же отношение имели к нему Ермолины. В авторском тексте "Хождения" нет ни одной абсолютной календарной даты, поэтому при установлении хронологии приходится ориентироваться на косвенные сведения (в частности на упоминание о четырехлетнем пребывании путешественника в Индии и о посольстве Василия Папина, впоследствии погибшего во время одного из походов на Казань в 1467, 1468 или 1469 гг.), а также на приписку составителя летописного свода, к которому в 1475 г. попала рукопись Афанасия Никитина, ранее переданная после его смерти купцами дьяку великого князя Василию Мамыреву.

Еще в прошлом столетии на основе ряда данных И.И. Срезневский предложил датировать беспримерное путешествие тверского купца 1466–1472 гг., что и укоренилось на долгие годы в литературе, хотя и не объясняло все обстоятельства⁶. Его хронология с помощью скрупулезного анализа восточных источников и учета русских материалов была убедительно пересмотрена в 1978 г. Л.С. Семеновым, определившим путем сопоставления исторических и календарных данных, что гость из Твери находился в Индии в 1471–1474 гг., а отправился в путь в 1468 г.⁷

Эта новейшая точка зрения находит все больше сторонников среди исследователей, хотя некоторые, по-прежнему придерживаясь старой датировки И.И. Срезневского, отвергают ее, но без достаточно обоснованной аргументации⁸.

Л.С. Семенов вполне логично предположил, что "тетрати" Афанасия Никитина, умершего под Смоленском, входившим тогда в состав Литвы, могли передать в Москву великокняжескому дьяку Василию Мамыреву гости Гридка (Григорий) Жук и Степан Васильев, которые находились в Каффе в 1474 г. в момент прибытия туда из дальних странствий тверского купца и, по-видимому, вместе выехали из Крыма на Русь⁹.

Богатый московский гость—сурожанин Степан Васильевич Дмитриев (Степан Васильев) – неоднократно упоминается в русских дипломатических источниках (статейных списках посольств в Крым и Турцию) с 1474 по 1550 гг. иногда в качестве "головного" купеческих караванов¹⁰.

Занимаясь изучением биографии В.Д. Ермолина, автор этих строк обратил внимание на совпадение его имени и отчества с именной фамилией указанного

⁵ О В.Д. Ермолине писали в XX в. многие историки, лингвисты, искусствоведы (А.А. Шахматов, И.Е. Забелин, Н.Н. Соболев, А.Д. Седелников, Н.Н. Воронин, М.Н. Тихомиров, Я.С. Лурье, А.М. Викторов, В.П. Выголов и др.). См. обзор источников и литературы о нем: *Перхавко В.Б.* Зодчий и книжник Василий Ермолин. М., 1997.

⁶ *Срезневский И.И.* Хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб., 1857. С. 36–38.

⁷ *Семенов Л.С.* О датировке путешествия Афанасия Никитина // ВИД. Л., 1978. Т. IX. С. 134–148; *Он же.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980. С. 26–28, 52, 71–73, 124, 130; *Он же.* Хронология путешествия Афанасия Никитина // "Хождение за три моря"... С. 88–107.

⁸ См.: *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. 5-е изд. М., 1984. С. 185–186; *Лурье Я.С.* Афанасий Никитин. С. 81; *Глухов А.Г.* Русские книжники. М., 1987. С. 161; *Громов М.Н., Козлов Н.С.* Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990. С. 155–156; *Коган М.А.* [Рецензия] // Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1981. Т. 113. Вып. 3. С. 282–283 – Рец. на кн.: *Семенов Л.С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980; *Кудрявцев М.К.* [Рецензия] // ВИ. 1982. № 6. С. 140–142 – Рец. на ту же кн.; ср.: *Ленхофф Г.Д., Мартин Дж.Б.* Торгово-хозяйственный и культурный контекст "Хождения за три моря" Афанасия Никитина // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 95.

⁹ *Семенов Л.С.* Путешествие. С. 130.

¹⁰ См.: Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 11–12; Т. 41. СПб., 1884. С. 8–12, 79, 235–236, 297, 304–305, 411; *Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 92, 102–103.

выше купца, являющегося, по всей видимости, сыном зодчего. Последний, как и гость Степан, дважды именован в Ермолинской летописи Дмитриевым: при описании восстановления Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1471 г. и начала строительства Успенского собора в Московском Кремле в 1472 г.¹¹ Гипотеза о близком родстве В.Д. Ермолина и С.В. Дмитриева кажется мне достаточно правдоподобной. Она позволяет объяснить ряд особенностей Троицкого (Ермолинского) извода, отличающих его от Летописной редакции.

Только кто-то из купцов, спутников и свидетелей последних часов жизни Афанасия, слышал и сохранил в памяти имя его отца – Никита, упомянутое в лишь Троицком (Ермолинском) изводе "Хожения" ("раба своего грешного Афанасия Микитина сына) и в связанном с ним Сухановском изводе XVII в. ("некто именем Афонасей Никитин сын тверитин")¹². Вместе с тем оно отсутствует в Летописном изводе "Хожения".

Изложенная выше цепочка предположений представляется вполне логичной. Она позволяет уточнить судьбу "Хожения за три моря", оказавшуюся в надежных руках представителя купеческого рода Ермолиных–Дмитриевых, обычно в старости принимавших постриг в Троице-Сергиевом монастыре, где скончался в 1490 г. в монашеском чине и Василий Мамырев, которому гости передали подлинник рукописи¹³. Путевые заметки тверского купца, по счастью, попали к собратьям по профессии, представлявшим ее ценность по рассказам Афанасия о далекой и сказочной Индии. А любовь к книгам С.В. Дмитриев явно унаследовал от своего отца В.Д. Ермолина (Дмитриева). Он же впоследствии, взяв на время рукопись "Хожения за три моря" (автограф ее, к сожалению, не сохранился) у дьяка Василия Мамырева, очевидно, заказал сделать для себя с нее список на бумаге с филигранями конца XV в. (1481 и 1497 гг.) и переплести вместе с отцовской Ермолинской летописью, предварительно отредактировав и убрав простонародные обороты.

Впрочем, к редактированию "Хожения" мог быть причастен и сам В.Д. Ермолин, скончавшийся, судя по перерыву в записях Ермолинской летописи, между 1481 и 1485 г.¹⁴ Ведь сохранившейся рукописи конца XV в. из сборника Троице-Сергиева монастыря явно предшествовал более ранний, промежуточный список – точная копия протографа "Хожения" с добавлениями и исправлениями, внесенными лично заказчиком и редактором в одном лице либо под его диктовку писцом. Но дошедший до нас Троицкий список сделан одним почерком явно уже после смерти именитого московского зодчего, а точнее – не ранее 1497 г.

Благодаря Ермолиным – Дмитриевым только в Троицкой редакции можно также узнать, что тверскому купцу в Индии приходилось порой в целях безопасности выдавать себя за мусульманина под именем Юсуфа Хоросани: "...а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя Хозя Исуф Хоросани"¹⁵. Но эта интересная информация – не редакторское дополнение, а восходящая к протографу часть авторского текста, которая не сохранилась в рукописях Летописного извода. Значит, несмотря на хорошо заметную литературную правку, Троицкая редакция местами ближе к оригиналу, чем Летописная. В частности, только в Троицком списке упоминается о поездке Афанасия Никитина с жалобой из Дер-

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 159–160.

¹² "Хожение"... С. 18, 32, 121–133. Правда, Я.С. Лурье полагал, что эта первая фраза из Троицкой редакции полностью отражает первоначальный авторский текст. (См.: Лурье Я.С. Археографический обзор. С. 114), но как тогда объяснить ее отсутствие в Летописном изводе и приписке летописца. Ср.: Ленхофф Г.Д., Мартин Дж.Б. Указ. соч. С. 96–98.

¹³ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 280. См. также: Кучкин В.А. Судьба "Хожения за три моря" Афанасия Никитина в древнерусской письменности // ВИ. 1969. № 5. С. 69–71.

¹⁴ См.: Соболев Н.Н. Русский зодчий XV века Василий Дмитриевич Ермолин // Старая Москва. М., 1914. Вып. 2. С. 23.

¹⁵ "Хожение..." С. 22 (Троицкий извод). См. также Сухановский извод (С. 35).

бента в ставку Фаррух Ясара, о его пребывании в Баку ("где огонь горит неугасимы" и "сильно вар", т.е. жарко) и Персии, о продолжительности четырех времен года¹⁶.

Более адекватно протографу в нем описываются, как отмечалось уже исследователями, некоторые детали ограбления купеческого каравана под Астраханью¹⁷. Вместе с тем в ряде других мест текст из сборника Троице-Сергиева монастыря искажен при переписывании, а протограф "Хожения" лучше отразился в Летописном изводе¹⁸. Обе эти наиболее ранние из сохранившихся редакций сочинения Афанасия Никитина, взаимно дополняя одна другую, помогают воссоздать авторский оригинал.

Но в связи с характеристикой деятельности Ермолиных–Дмитриевых перво-степенный интерес представляет литературная правка, внесенная ими в список, сделанный с протографа. Вот лишь несколько из примеров их редактирования авторского текста "Хожения": "Радуница" (девятый день после Пасхи) Летописного извода, сохранившего авторский термин, исправлена в Троицкой редакции на "Фомину неделю" (вторая неделя после Пасхи); "Оспожин день" – на "Успение Богородицы"; "Христос – на "Бог"; "Индийские корабли" – на "Индийской земле корабли"; "фота на гузне" – на "фота на бедрах" (правда, не во всех местах); "однова" – на "единожды"; индийские "мужики и жонки" – на "мужи и жены"; "сосцы голы" – на "груды голы"¹⁹.

Как видно уже из приведенного выше краткого перечня, Ермолины–Дмитриевы заменили целый ряд разговорных выражений бытового характера на книжные термины. Кроме того, в их редакционной правке отчетливо прослеживается антитверская направленность; возможно, она была проделана уже после присоединения Твери к Москве в 1485 г.

В процессе дальнейших исследований представляется весьма интересным и перспективным сравнение лексики исправленного редактором текста Троицкого извода "Хожения", Ермолинской летописи (особенно текста за 1462–1472 гг.) и "Послания от друга к другу" В.Д. Ермолина, а также синхронного им "Хожения гостя Василия в Египет и Палестину" (1465–1466 гг.). Это позволит глубже понять духовный мир, интересы и политические настроения Ермолиных–Дмитриевых, видных представителей московского купечества XV в.

¹⁶ "Хожение..." С. 19, 27, 141, 150; Семенов Л.С. Путешествие... С. 46, 51 и др.

¹⁷ "Хожение..." С. 18–19, 139.

¹⁸ "Хожение..." С. 159; Семенов Л.С. Путешествие... С. 47.

¹⁹ "Хожение..." С. 6, 10, 19–20, 33, 155; Уханов Г.П. Синтаксис "Хожения Афанасия Никитина за три моря": Автореф. дис... канд. филолог. наук. Калинин, 1952. С. 6–8; Ажалиев Р.Х. Лингвистические принципы реконструкции текста (на материале "Хожения за три моря" Афанасия Никитина): Автореф. дис... канд. филолог. наук. М., 1984. С. 5–15; Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / Сост., подг. текста, пер. и коммент. Н.И. Прокофьева. М., 1984. С. 421; Лурье Я.С. Археографический обзор... С. 114–117.

Э. Вайер

ВЕЛИКИЕ МИНЕИ ЧЕТЬИ В КРУГУ МОСКОВСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Се ꙗ смѣренныи и грѣшныи макаріе мѣтрополи
всѣа рѣси, да есми сію стѣю великѣю книгѣ
минѣю чѣю ... и в тѣ чѣть минѣа всѣ книги
чен събрамы¹

В XVI в. Московское государство становится сильным и расширяет свои границы. Как светская, так и церковная политика этого времени направлена на возвышение его центра – Москвы, на придание наибольшего авторитета как в политическом, так и в идеологическом смысле. С этим связано создание крупных памятников, претендующих на место образцов в культуре. Среди них особое место занимают Великие Миней Четьи, собранные митрополитом Макарием².

Митрополит Макарий (1482–1563) – несомненно, одно из самых значительных лиц в истории русской церкви. Будучи архиепископом Новгородским (с 1526 г.), а позднее "митрополитом Московским и Всея Руси" (с 1542 г.), он имел большое влияние на решение государственных и церковно-политических вопросов своего времени. Более того, его собственная инициатива играла в их постановке немаловажную роль³.

Сую самодержавной власти с православной церковью при доминировании последней стоял в центре политической деятельности московского митрополита.

Среди мероприятий, проведенных Макарием, одним из наиболее важных является организация церемонии венчания на царство Ивана IV (1547 г.) по византийскому образцу. Макарий долгое время был лицом, оказывавшим существенное влияние на молодого царя.

По своим взглядам Макарий примыкал к так называемому иосифлянскому направлению в церкви⁴, т.е. стоял за экономически и политически сильную церковную власть, и в том хотел получить признание от самодержавия, что требовало определенных компромиссов с обеих сторон.

¹ Великие Миней Четьи, март. Летописец, ГИМ. Син. № 992. Л. 1.

² Далее: ВМЧ.

³ О политической деятельности митрополита Макария см.: *Šmidt S.O.* Die Regierungstätigkeit des Metropoliten Makarij // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Beiträge zur 7. Internationalen Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Moskauer Reiches. Berlin; Wiesbaden, 1995. S. 329–336; см. также: *Šmidt S.O.* Россия времени Ивана Грозного. СПб., 1994; *Он же.* Московский митрополит Макарий и государственные преобразования России в середине XVI века (Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция "Богословие и духовность". Москва, май 1987). М., 1989. С. 289–292; *Miller D.B.* The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii and the Origins of Russian National Consciousness // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1979. Bd. 26. P. 263–382.

⁴ Макарий был не только последовательным сторонником Иосифа Волоцкого, но и, вероятно, его родственником. См.: *Макарий, архим.* Митрополит Макарий и преподобный Иосиф Волоцкий // Церковь и время. М., 1992. № 3. С. 66–71; *Он же.* Святитель Макарий, митрополит Московский и Всея Руси // Макарьевские чтения (материалы II Российской научной конференции 8–10 июня 1994 года, посвященной памяти Святителя Макария). Можайск, 1994. Вып. II. Ч. 1. С. 8–9; *Он же.* Луницкий архимандрит Макарий // Там же. С. 86–91.

Особое значение для истории русской церкви имела проведенная по инициативе Макария канонизация местночтимых святых как общерусских, принятая на церковных соборах 1547 и 1549 гг. Он немало способствовал принятию решений на знаменитом Стоглавом соборе 1551 г., которые привели к упорядочению общественно-церковной жизни Московского государства, способствовали централизации его церковного управления.

В ряду этих мероприятий особое значение придавалось идеологическому обоснованию роли Москвы как столицы великой империи, нового центра православия, которое претворялось в жизнь через памятники архитектуры, искусства и литературы. Этот период в истории Русского государства знаменуется созданием монументальных, обобщающих по своему характеру памятников книжности, охватывающих различные области общественной, политической и частной жизни православного христианина: Владычный свод митрополита Макария, Великий миротворный круг, Степенная книга, Стоглав, Домострой, Великие Минеи Четьи.

Одним из самых значительных литературных мероприятий Макария явились Великие Минеи Четьи. Их подготовка была начата Макарием еще в Новгороде, а затем продолжена в Москве, где они получили новое общерусское звучание. Деятельность Макария как новгородского и московского владыки символично отразила перенос духовных ценностей в столицу Российского государства из Новгорода – крупного культурного и церковного центра с древнейших времен, который в московский период был уничтожен, разорен и раздавлен Москвой. ВМЧ, во-первых, выбрали в себя большую часть памятников древнерусской книжности предшествующего периода, что привело в конечном счете к появлению книги нового типа. Во-вторых, в них вошли новые, специально для них написанные, литературные сочинения – жития "новых русских чудотворцев". И, главное, в них нашли отражение общественно-политические тенденции того периода.

Отбор, составление особых редакций многих сочинений и их включение в свод подчинялись, как считают исследователи, определенной системе взглядов, соответствующих мировоззрению митрополита Макария.

Как показывает Давид Миллер⁵, Макария интересовала история развития и гибели мировых царств и переход избраннической миссии от одного народа к другому, из одного царства в другое.

Включение в свод сочинений, затрагивающих идею царств или империй, таких, как "Слово о законе и благодати" Иллариона⁶, Христианская топография Козьмы Индикоплова⁷, Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского⁸, Шестоднев византийского автора VII в. Георгия Писиды (в переводе Дмитрия Зографа)⁹, Иудейская война Иосифа Флавия¹⁰, показывает интерес митрополита Макария к истории возвышения и падения царств, в ряду которых ему видится и Москов-

⁵ Miller D.B. Op. cit. P. 263–382.

⁶ ГИМ. Син. № 996. Л. 170 об. – 177 об.; Син. № 182. Л. 228–236 об.; РНБ. Соф. 1323. Л. 120–124 об. Изд. по Успенскому списку см.: Молдаван А.М. "Слово о законе и благодати" Иллариона. Киев, 1984. С. 158–196.

⁷ ГИМ. Син. № 997. Л. 1180–1319. Д. Миллер ошибается, когда пишет, что это сочинение было новым для Успенского комплекта по сравнению с Софийским (см.: Miller D.B. Op. cit. P. 270). Лицевой Индикоплов включен в состав августовского тома Софийского комплекта (РГАДА. Ф. 201. Оп. 1. № 161), который был приобретен М.Н. Оболенским в 1850 г. в Москве и издан факсимильно Обществом любителей древней письменности (см.: Книга глаголемая Козьмы Индикоплова. Из рукописи Московского Главного архива министерства иностранных дел Минеи Четьи митрополита Макария... СПб., 1886).

⁸ ГИМ. Син. № 996. Л. 637–726.

⁹ Там же. Син. № 995. Л. 982–994 об.; РНБ. Соф. № 1322. Л. 380–389 об.

¹⁰ Там же. Син. № 991. Л. 776–871 об.

ское государство. Эта идея особенно усилена при составлении московских комплектов ВМЧ – Успенского и Царского – через включение в них новых сочинений.

Идея, красной нитью проходящая через монументальный свод, – ведущее значение Московского царства для всего православного христианского мира. Это особенное значение Москвы как центра "Slavia Orthodoxa" дано на широком фоне всемирной истории. Многие тексты, включенные Макарием в ВМЧ, показывают Москву как центр христианского мира, последнюю в ряду пророчески предугаданных богоданных империй. История русского православия является логическим продолжением всеобщей истории, начавшейся с момента создания мира. Ранняя история была историей Ветхого завета, Иерусалим был первым центром мира, и иудеи – первым богоизбранным народом, но как для "нового вина" нужны "новые мехи", так для нового учения нужны новые народы, к их числу принадлежит Русь, которая имеет право на равенство среди других христианских народов, право на свою церковную и культурную самостоятельность. Так писал Илларион, первый митрополит "русин", в "Слове о законе и благодати" – первом известном нам памятнике древнерусского торжественного красноречия¹¹. Эта мысль об особой роли Русского государства в истории православных народов, о необходимости автокефальности русской церкви была созвучна духовным устремлениям и политическим взглядам Макария.

Тесным образом с представлениями о Русском государстве как центре православного мира связана идея царской власти. Она показана в ВМЧ на примере таких сочинений, как "Сказание о князьях Владимирских"¹², "Послание Филофея к Мисюрю Мунехину"¹³, "История о Варлааме и Иоасафе"¹⁴, "Послание Вассиана Рыло Ивану III на Угру"¹⁵, "Просветитель" Иосифа Волоцкого¹⁶, и др. В московский комплект включены многие важные сочинения, которые определяют и прославляют светские и религиозные обязанности правителей царств.

Но автократическая власть бывает оправдана только в том случае, если она освящена церковью. Вся вышеозначенная литература также говорит о духовной власти церкви над Русью. Общность судьбы и постоянное взаимодействие государства и церкви подчеркнута в ВМЧ через такие сочинения, как жития руководителей русской православной церкви – первого московского епископа и первого московского святого Петра митрополита (ум. в 1326 г.)¹⁷, которое в редакции митрополита Киприана вошло в minei под 21 декабря¹⁸, "Житие"

¹¹ Miller D.B. Op. cit. P. 263–382.

¹² ВМЧ. Сентябрь 14–24. СПб., 1869. Стб. 1318–1319. См. также: Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 204–216; Дмитриева Р.П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Там же. С. 217–230.

¹³ ГИМ. Син. № 997. Л. 1564–1567.

¹⁴ ВМЧ. Ноябрь 16–22. М., 1914. Стб. 2704–2891.

¹⁵ ГИМ. Син. № 997. Л. 1567 об. – 1568 об.

¹⁶ Известны четыре списка "Просветителя", связанные с именем новгородского архиепископа, а затем московского митрополита Макария. Это ГБЛ. Рум. 204, начала 30-х годов XVI в., вложенный Макарием в Пафнутиев Боровский монастырь, и три августовских тома Великих Minei: Софийского комплекта – РНБ. Соф. 1323, 1538 г., Успенского – ГИМ. Син. № 996. Л. 477–586 и Царского комплекта – Син. № 182. Л. 663–803. "Просветитель" вошел в ВМЧ во второй редакции, основной признак которой – устранение всех выпадов против митрополита Зосимы. Интересно отметить, что в тех редакциях житий митрополита Петра, Пафнутия Боровского и др., которые вошли в ВМЧ, также сняты все рассказы о ссорах между руководителями церкви и государства.

¹⁷ ВМЧ. Декабрь, дни 18–23. М., 1907. Стб. 1620–1646; Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1912. Т. 21, 1-я пол. С. 321–322.

¹⁸ ВМЧ. Декабрь. Стб. 1620–1646.

митрополита Алексея (в редакциях епископа пермского Питирима и Пахомия Логофета) – под 12 февраля¹⁹, жития основателей монастырей – Сергия Радонежского²⁰, Пафнутия Боровского²¹, Иосифа Волоцкого²². Эта же мысль проводится и через древнейшие документы русского происхождения – Уставную грамоту князя Владимира, "Статут" Ярослава Мудрого²³ и др. В них также подчеркивается, что с самого начала светская власть сознавала свой долг перед церковью.

Тема всегда сложных для Руси взаимоотношений с мусульманским миром в лице татарских завоевателей широко и многопланово представлена в ВМЧ, поскольку Россия имела непосредственные с ним контакты. Уже в Софийском комплекте миней сочинения, посвященные татарскому периоду, содержат героические образы правителей – русских князей (жития Михаила Черниговского и боярина его Федора, Михаила Ярославича Тверского)²⁴. В этих житиях Русь представлена как земля, окруженная врагами, потерявшая за свои прегрешения Господню благодать²⁵, бывшую на ней со времен крещения князем Владимиром. Автор Слова похвального Дмитрию Прилуцкому²⁶ имел предвидение будущего. Описывая атаку Казани Иваном IV, приведшую к признанию суверенитета Руси, он высказывает излюбленную мысль Макария, которой тот вдохновлял Ивана IV на крестовый поход против мусульман с целью доказать, что Царство Русское снова без греха, что благодать Божья возвратилась на Русь.

Что же представляют собой ВМЧ – этот монументальный компендиум, вобравший в себя разнообразные по жанру и стилю сочинения, и что из созданного более трех столетий назад имеет в руках современный исследователь и читатель?

В основе ВМЧ лежит объединение двух типов книг – Миней, в которой содержались расположенные по месяцам и дням церковного года краткие жития святых и мучеников, читавшиеся во время церковной службы, и Менология, в который вошли их более полные варианты, предназначенные для внелитургического чтения. Эта основа, частично уже дополненная отдельными проповедями и другими текстами, была значительно расширена Макарием за счет произведений патристической литературы, целых сборников проповедей, догматических сочинений, назидательных историй, поучений и т.п.

Для своего огромного литературного проекта Макарий организовал сбор материалов по всей стране, их многократное копирование и редактирование²⁷. К

¹⁹ ГИМ. Син. № 991. Л. 417 об. – 425 об.; РНБ. Соф. 1320. Л. 285–291 об.

²⁰ ВМЧ. Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1868. Стб. 1405–1563.

²¹ Там же. Сентябрь, дни 1–13. Стб. 20–27.

²² Там же. Стб. 453–492.

²³ ГИМ. Син. № 996. Л. 1052–1053. Оба текста – в составе "Златой Чепи".

²⁴ ВМЧ. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1868. Стб. 1298–1305; Ноябрь, дни 16–22. Стб. 3092–3103.

²⁵ "Егда бо Господь Титру предать Иерусалим, не Тита любя, но Иерусалим казня. И паки, егда Фоце преда Царьград, не Фоцу любя, но Царьград казня за людские прегрешения. Еже и си нас дела бысть за наши согрешения", – пишет автор Жития Михаила Тверского (см.: *Охотникова В.И.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // *Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома.* Л., 1985. С. 19).

²⁶ ГИМ. Син. № 991. Л. 121–126 об.; Син. № 179. Л. 143; РНБ. Соф. 1320. Л. 78–88 об.

²⁷ Задача собрать "все святые книги, которые в русской земле обретаются" привела к возникновению в Москве книжного собрания, которое явилось той основой, на которой с течением времени выросла "митрополичья казенная", а затем Патриаршая библиотека (см.: *Попов Н.П.* О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки // *Сборник статей к сорокалетию научной деятельности академика А.С. Орлова.* Л., 1934. С. 29–38; *Макарий, архим.* Просветительская деятельность Митрополита Макария // *Макарьевские чтения (материалы II Российской научной конференции.* Вып. II. Ч. 1. С. 55–6). Н.П. Попов ошибается, когда пишет, что весь греческий фонд Патриаршей библиотеки был вывезен в 1654 г. Арсеннем Сухановым, и, следовательно, речь может идти только "о древностях славяно-русского фонда". Одна из немногих

написанию житий "новых русских чудотворцев" им были привлечены известные русские и иноземные писатели. Тома составлялись по отдельным месяцам года. В целом за 25 лет было изготовлено три полных годовых комплекта.

1. Самая ранняя редакция создавалась с 1529 по 1541 г. в Новгороде, где Макарий занимал архиепископский престол с 4 марта 1526 г. Она была вложена им в новгородский кафедральный собор св. Софии, от чего она получила название "Софийский список". В настоящее время из двенадцати томов сохранились лишь девять; семь из них – тома на месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь, февраль, май, июнь и июль – хранятся в РНБ²⁸, том на август – в РГАДА²⁹. Еще один том – мартовский – был недавно вновь обнаружен Е.И. Серебряковой в собрании рукописей А.С. Уварова³⁰. Местонахождение томов за декабрь, январь и апрель в настоящее время неизвестно.

Два других комплекта миней были созданы после избрания Макария митрополитом всея Руси (1542 г.).

2. Завершенный в 1552–1553 гг. список миней был дан вкладом в библиотеку московского кремлевского собора Успения Богородицы – кафедрального собора русской митрополии – почему список и называется "Успенским". Сохранились все двенадцать томов этого комплекта. Сейчас они находятся в составе Синодального собрания ГИМ³¹. Именно этим списком начинается предпринимаемое нами новое издание ВМЧ.

3. Третий список, изготовленный в 1554 г., создавался специально для царской библиотеки, поэтому он называется "Царский список". Из двенадцати томов сегодня сохранились только десять, они также находятся в ГИМ³². Местонахождение томов за март и апрель неизвестно.

Великим Минеям Четым посвящена большая исследовательская литература. Их изучение началось еще в конце XVII в. с описания их состава справщиком Московского Печатного Дома иноком Чудовского монастыря Евфимием и продолжается с разной степенью интенсивности до настоящего времени.

Первое издание "Великих Миней Четых", осуществленное Археографической комиссией Императорской Академии наук в 1868–1916 гг., охватывает, однако, лишь часть их, к тому же меньшую.

Полностью были опубликованы тексты миней за сентябрь и октябрь. В ноябре недостает 106 из 1284 листов, в декабре изданы 353 из 1157 листов, в январе – 769 из 1345, в апреле – 544 из 979. Тексты за февраль, март, май, июнь

греческих рукописей бывшей митрополичьей библиотеки – Триодь постная и цветная митрополита Фотия (ГИМ. Греч. 284 (462) – сохранила вкладные записи почерком митрополита Макария (см.: *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М., 1977. С. 17). Другие греческие рукописи, принадлежавшие ранее митрополичьей казне со времен митрополита Фотия, были вывезены из Москвы, вероятно, митрополитом Исидором в 1437 г.: Vat. gr. 394, Vat. gr. 717 (см.: Там же. С. 12–13).

²⁸ РНБ. № 1317–1323. См.: *Абрамович Д.И.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной Академии. Софийская библиотека. Вып. 2. Четьи Миней. Прологи. Патерики. СПб., 1907. С. 1–154.

²⁹ РГАДА. Ф. 201. Оп. 1. № 161. См. также: Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1946. Ч. 1. С. 142.

³⁰ ГИМ. Собр. Уварова. № 201. См.: *Серебрякова Е.И.* О новонайденном московском томе Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария (предварительные наблюдения) // *Anzeiger für slavische Philologie*. Graz, 1995. Bd. XXIII. S. 113–128.

³¹ ГИМ. № 986–997. См.: *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. № 557–819. С. 170–190; тома за март и апрель см. также: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание Великих Четых-Миней Макария митрополита всероссийского, с предисловием и дополнениями Е.В. Барсова // *ЧОИДР*. М., 1886. Вып. 1. С. 141–166.

³² ГИМ. Син. 174–183. См.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Указ. соч. 1884. Вып. 1. С. 1–64; 1886. Вып. 1. С. 65–141, 166–184; см. также: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). С. 191–207.

июль и август не публиковались. В целом из 13 617 листов Успенской рукописи изданы только 4495, т.е. меньше трети.

Принципы воспроизведения текста ВМЧ неоднократно менялись на протяжении почти полувековой истории этого издания³³. Сейчас это интересно для нас тем, что отражает состояние и уровень камеральной археографии того времени, общие тенденции и историю развития публикаторской деятельности, выработку методик и подходов к изданию памятников различного типа, правил передачи текстов и др.

Мысль о необходимости создания если не совершенно нового, то по крайней мере продолженного старого издания Великих Миней-Четьих, не раз высказывалась в литературе. Бесспорным является их огромное значение для исследования как истории церковнославянского языка, так литературы и истории в целом. Все три рукописных списка Великих Миней Четьих (Софийский, Успенский и Царский) в течение последних десятилетий были мало доступны исследователям. Принимая во внимание то центральное положение, которое занимает это монументальное произведение в истории культуры, языка и литературы "Slavia Orthodoxa", доступ к полному и в научном смысле надежному изданию текстов Великих Миней Четьих уже давно является насущной потребностью исследователей.

После первого прерванного проекта XIX – начала XX в., несмотря на усилия некоторых ученых, продолжить издание Великих Миней Четьих в России долгое время не удавалось. В конце 80-х годов мною (Славянский семинар университета г. Фрайбурга, ФРГ) была предпринята еще одна попытка издать эти тексты. Эти усилия были поддержаны русскими исследователями из ГИМ (прежде всего коллективом сотрудников отдела рукописей: Т.В. Диановой, Л.М. Костюхиной, Е.И. Серебряковой, Э.В. Шульгиной), из Археографической комиссии (Н.А. Кобяк) и из ИРИ РАН (А.И. Плигузовым). С самого начала успешной реализации проекта способствовала глубокая заинтересованность и помощь Председателя Археографической комиссии РАН, академика РАО С.О. Шмидта, а также руководителя Центра по исследованию и изданию источников Института российской истории члена-корреспондента Российской академии наук В.И. Буганова, заместителя директора ГИМ по международным связям Т.Г. Игумновой.

В 1991 г. между названными московскими организациями, Славянским семинаром Фрайбургского университета и Фрайбургским издательством был подписан договор о совместной работе над изданием "Великих Миней Четьих". Одновременно с этим была создана международная группа исследователей, первой задачей которой являлась подготовка к изданию текстов минеи за март месяц. Первый том этого нового издания вышел из печати в начале 1997 г., в год юбилея столицы Русского государства Москвы³⁴. Не случайно только на переплете этого тома, в отличие от других томов серии "Monumenta linguae slavicae dialecti veteris", появляется стилизованное изображение св. Георгия – покровителя как Москвы, так и Фрайбурга. При этом на лицевой стороне помещено

³³ Подробно об истории первого издания ВМЧ см.: Кобяк Н.А. К истории первого издания Великих Миней Четьих митрополита Макария // *Abhandlungen zu den "Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij"*. Bd. 1. Freiburg (в печати).

³⁴ 22 мая 1997 г. в Государственном Историческом музее состоялась презентация первого тома ВМЧ (Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Успенский список. 1–11 марта / Weiher. Freiburg im Breisgau, 1997), на которой выступили издатели тома: директор Славянского семинара Фрайбургского университета Экхард Вайер, директор ГИМ А.И. Шкурко, председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт; от рабочей группы по подготовке текста несколько слов сказала заведующая Отделом рукописей ГИМ Е.И. Серебрякова, от научной общественности – заведующий кафедрой истории России периода феодализма Л.В. Милов, проректор Московской духовной академии архимандрит Макарий (Веретенников). На презентации присутствовал также посол Германии в России господин фон Штудниц.

изображение св. Георгия на Швабских воротах во Фрайбурге (на Швабентор), знакомое русским в первую очередь из стихотворения Марины Цветаевой:

От песенок твоих в восторге –
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда во мне свят святой Георгий
Во Фрайбурге, на Швабентор.

На обратной стороне помещена стилизация одной русской иконы св. Георгия. При этом сознательно была выбрана икона новгородская по происхождению: тем самым мы хотели обратить внимание на первоначальное поле деятельности митрополита Макария.

Необходимую финансовую поддержку оказало вначале Министерство науки и исследований земли Баден-Вюртемберг, а затем Немецкое научно-исследовательское общество.

Вновь начатое издание "Великих Миней Четых" предназначено в первую очередь для лингвистов и литературоведов, которые занимаются историей славянских языков и древней литературы. Оно даст исследователям возможность анализировать тексты так, как если бы в их распоряжении была оригинальная рукопись³⁵. Предлагаемое издание не является историко-критическим, но дает основу для дальнейших историко-критических изданий и исследований. Главная цель издания – наиболее точная передача текста замечательной древнерусской рукописи середины XVI столетия.

³⁵ Некоторое исключение составит анализ акцентологии, который по-прежнему будет возможен лишь на основе оригинала.

Дж. Д'Амато

ГОРОД МОСКВА В ВОСПРИЯТИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЧИТАТЕЛЯ XV—XVI ВЕКОВ

"Город Москва по своему положению в самой середине страны, по удобству водяных сообщений, по своему многолюдству и, наконец, по крепости стен своих, есть лучший и знатнейший город в целом государстве"¹. Так начинается рассказ известного итальянского писателя Паоло Джовио (основанный преимущественно на сведениях, полученных в Италии от русских) о столице далекой страны, которую западноевропейцы вновь посетили после распада Золотой Орды. Москва заменяет Киев в качестве главного центра восточнославянской цивилизации, и иностранцы постепенно его открывают. Описание Москвы не случайно занимает достаточно важное место почти во всех иностранных записках о Московии XV—XVI вв. Эти произведения часто являются полезными историческими источниками, дают свой взгляд на русскую реальность и подчеркивают некоторые изменения в жизни Москвы на протяжении столетий.

Автор данной статьи хотел бы рассмотреть наиболее интересные страницы записок о Московии XV—XVI вв. итальянских писателей, а также некоторых других иностранцев (Маттео Меховиты, Сигизмунда фон Герберштейна и Альберто Кампензе). Часть работ была переведена на итальянский язык², но все образованные итальянцы тех времен владели латынью, на которой эти труды написаны.

В начале XV в. Московия вошла в сферу интересов морских республик — Венеции и Генуи. В Крыму генуэзские колонии Кафа, Солдайя и венецианская Тана играли непосредственную роль в торговых связях Запада и Востока. Со второй половины XV в. осуществлялся процесс централизации Московского государства, и в 1493 г. Иван III обрел титул государя всея Руси. Кроме того, после брака Ивана III с Зоей Палеолог Москва стала для Запада преемницей Византии. Однако в XV в. иностранцам было важно понять, где находится столица этого государства и насколько она большая. Карты совсем не помогали путешественникам, и географии этих далеких земель никто не знал. Уже по произведению Барбаро понятно, что в работах Геродота и Плиния были

¹ *Иовий Павел Новокомский [Паоло Джовио, Иовио из Комо]*. Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, великим князем Московским... // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. СПб., 1836. Т. 1. С. 33; *Libellus de legatione Basilii magni Principis Moschoviae ad Clementem VII pont. Romae, 1525*; *Relazione dell'Ambasciata spedita da Basilio Gran Duca di Moscovia al Papa Clemente VII. Venezia, 1545*.

² *Матвей Меховский [Маттео Меховита, Матвей из Мехова]*. Трактат о двух Сарматиях. М.: Л., 1936; *Mechowita M. Tractatus de duabus Sarmatiis: Asiana et Europea et de contentis in eis*. Cracova, 1517; *Mechowita M. Historia delle due Sarmatie di Mattheo di Mechov, dottor fisico, et canonico cracoviense*. Venetia, 1561; *Герберштейн С. фон*. Записки о Московии. М., 1988; *Rerum Moscovitarum commentarii*. Vienna, 1549; *Comentari della Moscovia e parimenti della Russia...* Venetia, 1550; *Commentari di Sigismondo di Herberstain sulla Moscovia e sulla Russia* // Ramusio G.B. *Delle Navigazioni e viaggi*. Torino, 1980. P. 697-913; *Кампензе А. (Альберт Кампенский, Albertus Pighius Campensis)*. О делах Московии // *Россия и Италия*. М., 1996. С. 180-223; *De Moscovia ad Clementem VII pont. max. Venetiis, 1543*; *Lettera di Alberto Campense* // *Ramusio G.B. Delle Navigazioni e viaggi*. Op.-cit. P. 643—666.

некоторые ошибки³. Первым географом, порвавшим с классической географической традицией, был Маттео Меховита из Кракова (20-е годы XVI в.).

Альберто Кампензе пишет: "Страна московитов, находящаяся от нас на огромном расстоянии по направлению к северо-востоку, востоку и северу, очень длинна и обширна: она простирается с запада на восток более чем на 600 немецких миль, то есть — на 3000 итальянских, так что двигаясь из Новгорода на восток к городу Московии, нужно проделать путь в пятьсот итальянских миль, или в 100 немецких. Таким образом от Лапландии, которая расположена выше Новгорода, расстояние до самого города Московии намного больше. От Московии до Вологды насчитываются другие 100 итальянских миль"⁴. Некоторые из этих данных Кампензе заимствовал у Маттео Меховиты, который отмечает, что Москва в 2 раза больше Флоренции в Тоскане и Праги в Богемии. Герберштейн говорит, что в 20-х годах XVI в. в городе было более 41 000 построек, то есть Москва могла быть поставлена в ряд с крупнейшими европейскими городами — Неаполем, Парижем и др. По мнению английского посла Джильса Флетчера, прибывшего в город в 80-х годах XVII в., она превышала по размерам Лондон. Историки считают, что в конце века московское население не достигало 100 000 жителей. Дживиньо раскрывает расстояние между Римом и Москвой — кратчайшим путем до 2600 итальянских миль.

В некоторых записках отсутствуют четкие описания жизни народа. Иностраный путешественник, в большинстве случаев посол, жил далеко от московитов и предпочитал тщательно писать о дворе государя. Не надо забывать к тому же, что часто существовал и лингвистический барьер.

Флорентийский торговец Раффаэлло Барберини говорит о прибытии послов: "Когда они придут в эту землю, насколько дней задерживают их областные правители (*governatori*), пока не дадут о том знать двору и не получат оттуда разрешения. Потом, когда получают ответ, что можно их представить, прилагаются им для конвоя разные бояре, которые их везут туда, не дозволяя, впрочем, говорить им ни с кем дорогою. По прибытии в Москву отводится им особый дом, куда приставляется стража, дабы никто из них, даже последний их служитель, не мог оттуда выйти, и не дозволяется им ничего покупать для их удобства, кроме необходимого для жизни. К тому же, не только им самим не дозволяется выходить за покупками, но даже запрещено, чтобы никто и из тамошних жителей не смел к ним приходиться на дом что-нибудь продавать, разве только оскорблять их и делать им всякие неприятности"⁵.

На наш взгляд, описание Москвы Паоло Дживиньо представляет наиболее типичный пример того, как итальянские авторы писали о столице России. "Город, — пишет Дживиньо, — выстроен по берегу реки Москвы на протяжении пяти миль, и дома в нем вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишком низки, и внутри довольно просторны; каждый из них обыкновенно делится на три комнаты: гостиную, спальню и кухню. Бревна привозятся из Герцинского леса; их отесывают по шнуру, кладут одно на другое, скрепляют на концах, и таким образом стены строятся чрезвычайно крепко, дешево и скоро. При каждом почти доме есть свой сад, служащий для удовольствия хозяев и вместе с тем доставляющий им нужное количество овощей; от сего город кажется необыкновенно обширным. В каждом почти квартале есть своя церковь; на самом же возвышенном месте стоит храм Богоматери, славный по своей архитектуре и величине; его построил 16 лет тому назад Аристотель Болонский, знаменитый

³ Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини в России. Л., 1971. С. 123.

⁴ Кампензе А. Указ. соч. С. 188—189.

⁵ Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843. С. 25; *Relatione di Moscovia scritta da Raffaello Barberini. Viaggio di Moscovia degli anni 1633, 34 e 36.* Viterbo, 1658.

художник и механик. В самом городе впадает в реку Москву речка Неглинная, приводящая в движение множество мельниц. При впадении своем она образует полуостров, на конце коего стоит весьма красивый замок с башнями и бойницами, построенный итальянскими архитекторами"⁶.

На реки и на Кремль обратили внимание все писатели. Контарини помнит, что на реках много мостов, по которым люди переходят с одного берега на другой. Эти мосты, свидетельствует Кампани, сделаны из грубого неотесанного дерева. А Контарини подчеркивает, что уже в конце октября реки замерзают: "...страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по 9 месяцев в году подряд сидят в домах; однако зимой приходится запастись продовольствие на лето: ввиду больших снегов люди себе делают сани, которые легко тащит одна лошадь, перевоза таким образом любые грузы. Летом же — ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же крайне трудно ездить по громадным лесам, где невозможно проложить хорошие дороги"⁷. Барберини уточняет, что в доме все спят, где находится печь, но не придет им в голову провести дымовую трубу, а это дает распространяться дыму по дому, выпускают его только через двери и окна. По мнению Меховиты, крепость, построенная из кирпича, по величине, как Буда в Венгрии, имеет 17 больших башен, покрытых черепицей. В этом замке, передает поляк, 16 церквей. Из них 3 каменных: св. Марии, св. Михаила и св. Николая, остальные из дерева. Княжеский дворец каменный, выстроен по итальянскому образцу. Герберштейн добавляет, что государь вызвал итальянских мастеров за большие деньги. Кроме того, Барберини удивился множеству церквей в городе и малых, и больших, так что нет улицы, где бы их не было. Караульную стражу несет московское население. "Все городские улицы, — пишет Джовио, — запираются или воротами, или рогатками, и ходить ночью позволено только по самой крайней необходимости, и то не иначе как с фонарем"⁸.

Среди московских районов Гваньино описывает Хербат (Арбат), где Иван IV построил большой двор в 1565 г. и поселил стрельцов и опричнину, и дает сведения о Китай-городе, где существуют каменные дома.

Все писатели согласны между собой, что торговля — главное занятие москвичей. Контарини записывает: "Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров"⁹. Барбаро добавляет, что москвичи продают мясо не на вес, а просто на глаз. Фруктов там нет, за исключением яблок и орехов. Почти вся торговля идет по обмену. "Русские, — рассказывает Барберини, — большие мастера на обман и подделку товаров... они поступают хуже, чем цыгане"¹⁰. До середины XVI в. иностранные купцы, которые приезжали в Москву, были в большинстве литовцы и поляки. Поссевино, наоборот, отмечает низкий уровень русской торговли в 1581—1582 гг.: по его оценке, в одной венецианской лавке товаров больше, чем на целой московской площади. Но надо учитывать, что в 1571 г. Москва была сожжена татарами и большая часть жителей погибла при пожаре. О мастерах имеется немало сведений. Например, Тьеполо пишет, что некоторые делают даже аркебузы в большом количестве. Но Кампани говорит, что в Москве нет ни врачей, ни аптекарей.

По словам Контарини, ежедневное времяпрепровождение народа строится

⁶ Иовий П. Указ. соч. С. 33—34.

⁷ Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини в России. С. 228; Questo e el viazo de mesier Ambrosio Contarin ambador de la ilustrissima Signoria de Venesia al signor Uxuncassan Re di Persia. Venetia, 1487.

⁸ Иовий П. Указ. соч. С. 55.

⁹ Контарини А. Указ. соч. С. 228.

¹⁰ Барберини Р. Указ. соч. С. 33; Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России конца XV—XVI веков. М., 1995. С. 107.

таким образом: утром москвичи стоят на базарах до полудня, потом отправляются в таверны, чтобы есть и пить. Все путешественники согласны в том, что пища у русских скудна, проста и постоянно одинакова. У них на столе постоянно лук и капуста. Иностранцы не умалчивают и о такой черте москвичей, как пьянство. "Они, — вспоминает Контарини, — величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих"¹¹. Русские пьют не вина, а напитки, которые они сами готовят. Контарини кратко аттестует русских как людей красивых, но слишком грубых.

Таковы основные черты, по которым образованный итальянец XV—XVI вв. мог представить столицу далекой России — Москву. Давно оцененные в качестве источников о жизни средневековой Московии, записки иностранцев чрезвычайно интересны и как материал о восприятии людьми того времени разных частей населенного мира.

¹¹ Контарини А. Указ. соч. С. 228.

НА ПУТЯХ К МОСКВЕ

(по запискам англичан середины XVI века)*

Прибытие Ричарда Ченслера в устье Северной Двины 24 августа 1553 г.¹ открыло начало систематическим сношениям России и Англии. Вторую экспедицию Ченслер совершил в 1555-1556 гг., но погиб в ноябре 1556 г. на обратном пути при кораблекрушении недалеко от берегов Англии². Третья экспедиция англичан состоялась в 1557-1558 гг. под командованием Энтони Дженкинсона. Записки Ченслера о первом его путешествии в Россию, а также записки Дженкинсона и некоторых других участников этих и более поздних экспедиций увидели свет в конце XVI в. в издании Ричарда Гаклюйта.

В своих записках английские путешественники так или иначе касались вопроса о передвижении по России от места высадки из судов до столицы Русского государства. Если Ченслер не называет исходный пункт этого движения, то Дженкинсон его упоминает. 12 июля 1557 г. английские корабли, которыми командовал Дженкинсон, бросили якорь на рейде св. Николая ("at the road of Saint Nicholas in the land of Russia")³. Местоположение "рейда святого Николая" уточняет сэр Томас Рандольф, прибывший сюда 23 июля 1568 г. Он говорит, что тут находится монастырь, построенный целиком из дерева, и в нем около 20 монахов⁴. Речь идет о Николаевском Корельском монастыре⁵.

По описанию еп. Макария, "Корельский Николаевский монастырь от губернского города Архангельска отстоит в 34 верстах на северо-запад, под 65 град. северной широты, на Корельском берегу, на левой стороне Пудожемского устья реки Двины, и не далее как в двух верстах от самого Белого моря, на берегу залива из оногo"⁶. В.В. Зверинский указывает, что Николаевский Корельский монастырь расположен в 35 в. к западу от Архангельска, в юго-восточной части Двинской губы, против острова Нижнего Ягры, от которого отделяется проливом, имеющим 1,5 в. ширины⁷. Во времена Дженкинсона и Рандольфа Архангельска еще не существовало. Его основание относится к 1584 г.⁸

* В основу данной статьи положен доклад, прочитанный 3 февраля 1997 г. на конференции, посвященной памяти А.И.Андреева и В.К.Яцуцкого (см.: Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 3—5 февраля 1997 г. Конференция посвящена памяти А.И.Андреева и В.К.Яцуцкого. М., 1997. С. 69—83).

¹ ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 150, 168.

² Rude and Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers / Ed. by Lloyd E. Berry and Robert O. Crumme. Madison, Milwaukee, and London, 1968. P.4.

³ Ibid. P.51; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с английского Ю.В.Готье. М., 1937. С. 74.

⁴ Rude and Barbarous Kingdom. P. 66; [Середонин С.М.] Известия англичан о России во второй половине XVI века // Чтения ОИДР. М., 1884. Кн. IV. Отд. III. С. 91—92.

⁵ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII веков. Л., 1977. С. 32—33.

⁶ Макарий, еп. Архангельский и Холмогорский. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря. М., 1879. С.3.

⁷ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1892. [Т.] 2. С. 228—229. № 987.

⁸ ПСРЛ. Т. 33. С. 146, 150, 169; СИЭ. М., 1961. Т. I. СПб. 801—803.

Длину морского пути от Лондона до "рейда святого Николая" Дженкинсон определяет в 750 лиг (leagues)⁹. Сухопутная лига равна 4,83 км, морская — 5,56 км. Дженкинсон имел в виду, скорее всего, морскую лигу. 750 морских лиг составляют 4170 км или 3861 в. (1 в. = 1,080 км). В России XVII в. путь из Лондона "на архангельской город" считали равным 3800 в.¹⁰ 3861 и 3800 — числа довольно близкие. Разница в 61 в. не слишком значительна, учитывая огромность расстояния и возможность вариаций в маршрутах судов. К тому же места расположения Николаевского Корельского монастыря и г. Архангельска не вполне совпадают.

По современным данным, от Лондона до Мурманска 3098 км, от Мурманска до Архангельска 804 км¹¹, всего, следовательно, от Лондона до Архангельска 3902 км. В переводе на версты это составляет 3612 в., что на 248 в. меньше расстояния, вычисленного по данным Дженкинсона, и на 187 в. меньше величины, приведенной в справочнике XVII в. Разница объясняется, может быть, некоторым "выпрямлением" пути в XX в. сравнительно с XVI и XVII вв.

Из "бухты святого Николая" ("Bay of S. Nicholas"), под которой подразумевалось как Белое море в целом¹², так, вероятно, и Двинская губа, в частности, путь англичан шел сначала на юго-восток по р. Двине. Первый крупный город на этом пути — Холмогоры. И дженкинсон, и Рандольф указывают, что Холмогоры отстоят от бухты св. Николая на 100 в. Дженкинсон отмечает далее устье р. Пинеги, впадающей в Двину в 15 в. от Холмогор, и г. Емец (ныне Емецк) в 100 в. от Холмогор. Следующий пункт, описанный Дженкинсоном, — Великий Устюг, откуда путешественник двинулся по Сухоне на юго-запад — в Тотьму и оттуда в Вологду. Расстояние от Устюга и Тотьмы до Холмогор или до Вологды Дженкинсон не указывает. Он говорит только, что от Вологды до Холмогор — 1000 в.

Из Вологды до Москвы ехали уже не по воде, а по суше на перекладных. Расстояние от Вологды до Москвы и Дженкинсон, и Рандольф определяют в 500 в.¹³ Правда, при этом Рандольф говорит о больших верстах, равных английской миле ("being 500 versts great, which are equal with our miles"), что представляется маловероятным. Английская миля равна 1609 м. В XVI—XVII вв. на Руси различались две версты — путевая, равная 1080 м, и межевая, равная 2160 м¹⁴. Ни одна из них не равнялась английской миле. Сам Рандольф в другом месте своих записок утверждает, что русская верста составляет 3/4 английской мили¹⁵. Автор имел в виду, конечно, путевую версту, но несколько преувеличил ее размеры, ибо 3/4 английской мили — это 1206,75 м. Л. Берри и Р. Крамми признают версту равной 0,68 английской мили¹⁶. При таком соотношении верста равна 1094,12 м. Полученная цифра хотя и близка к величине путевой версты (1080 м), однако не полностью совпадает с ней. Более точно соотношение версты и мили выражается коэффициентом 0,6712.

Дженкинсон, помимо общей протяженности пути от Вологды до Москвы,

⁹ Rude and Barbarous Kingdom. P. 51.

¹⁰ Петров В.А. Географические справочники XVII в. "Поверстная книга" и "Описание расстоянию столиц, нарочитых градов и славных государств и земель... от града Москвы" // Исторический архив. М.; Л., 1950. V. С. 155.

¹¹ Атлас офицера. М., 1947. С. 76—77.

¹² Rude and Barbarous Kingdom. P. 50. Note 18.

¹³ The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation... / By Richard Hakluyt. Glasgow, 1903. Vol.2. P.420; Vol.3. P.104; Rude and Barbarous Kingdom. P.53, 67; Английские путешественники... С. 76; [Середонин С.М.] Известия англичан... С.93.

¹⁴ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1965. С. 75—78.

¹⁵ The Principal Navigations... Vol. 3. P. 103; Rude and Barbarous Kingdom. P. 66; [Середонин С.М.] Известия англичан... С. 92.

¹⁶ Rude and Barbarous Kingdom. P. 67. Note 4.

указывает еще расстояния между конкретными пунктами на этом пути. Сумма отмеченных им расстояний (27 + 25 + 20 + 30 + 30 + 30 + 50 + 30 + 10 + 30 + 30 + 30 + 25) составляет 367 в., т.е. на 133 в. меньше, чем общая величина, приводимая Дженкинсоном и Рандольфом (500 в.). В "Поверстной книге" XVII в. расстояние от Москвы до Вологды определено в 420 в., в СНМ Волог. середины XIX в. — в 434 в.¹⁷ Следовательно, указанное англичанами общее расстояние от Вологды до Москвы преувеличено по сравнению с действительным, будучи округлено до 500 в. В то же время сумма мелких расстояний, упомянутых Дженкинсоном, явно не дотягивает до действительной величины пути между Вологдой и Москвой.

В "Поверстной книге" XVII в. расстояние от Москвы до Архангельска признано равным 1500 в.¹⁸, по Дженкинсону же получается, что от Белого моря до Москвы либо 1467, либо 1600 в. (100 в. от моря до Холмогор, 1000 в. от Холмогор до Вологды и 367 или 500 в. от Вологды до Москвы).

На основании данных, приведенных Дженкинсоном, можно заключить, что весь путь от Лондона до Москвы составлял либо 5328, либо 5461 в. (3861 в. по морю и 1467 или 1600 в. по территории Русского государства).

Уникальной и до сих пор не вполне расшифрованной является информация Дженкинсона о ямских станциях между Вологдой и Москвой. Автор записок отмечает, что на этом пути имеется 14 станций, называемых "ямы" ("Yannes" в оригинале¹⁹, "iamy" в издании Берри и Крамми²⁰). Данному сообщению предшествует перечень конкретных пунктов, где были ямские станции. Их действительно насчитывается 14, если включать сюда, помимо промежуточных станций, также Вологду и Москву. Выше мы приводили указанные Дженкинсоном расстояния между ямами по дороге из Вологды в Москву. Теперь следует рассмотреть, какие именно перегоны имеет в виду английский путешественник.

Первый перегон — от Вологды до Commelski, 27 в. Commelski остался загадкой для издателей записок Дженкинсона. Ни Ю.В. Готье²¹, ни Берри и Крамми²² не сочли возможным идентифицировать этот пункт. Между тем на карте Грязовецкого у. Вологодской губ. XIX в. (без точной даты) мы находим Комельскую слободу, расположенную на дороге из Вологды в Грязовец. Чуть южнее Комельской показана Охотничья слобода²³. Последнее название прямо намекает на то, что тут был ям, слобода "ямских охотников", как именовали в XVI—XVIII вв. ямщиков, взявшихся добровольно, "по охоте" нести ямскую службу. Комельская слобода, судя по карте, находилась в 8,8 в. к северу от Грязовца.

От Комельской слободы до северной границы Грязовецкого у. по той же карте 22,4 в. для установления длины пути от Вологды до Комельской слободы обратимся к атласу Вологодского наместничества конца XVIII в. Здесь на карте Грязовецкой округи показана только "Охотничья"²⁴, но, поскольку известно, что она была расположена рядом с Комельской, можно взять Охотничью за точку отсчета. От нее до северной границы Грязовецкой округи 23,86 в., т.е. примерно столько же, сколько и на упоминавшейся выше более поздней карте Грязовецкого у., где обозначена Комельская слобода.

На карте Вологодской округи, помещенной в атласе XVIII в., северная

¹⁷ Петров В.А. Географические справочники... С. 106; Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866 (далее — СНМ Волог.). № 1.

¹⁸ Петров В.А. Географические справочники... С. 110.

¹⁹ The Principal Navigations... Vol. 2. P. 420.

²⁰ Rude and Barbarous Kingdom. P. 53.

²¹ Английские путешественники... С. 76. Прим.**.

²² Rude and Barbarous Kingdom. P. 52—53. Note 28.

²³ РГБ. Отдел картографии (далее — ОК). № Ко 15/VII- 47.

²⁴ Слово "слобода" на карте отсутствует. См.: РГБ. ОК. № Ко 6/VI-2. Л. А/1. 1/5.

граница Грязовецкой округи пересекает дорогу в грязовец в 10 в. к югу от Вологды²⁵. Таким образом, расстояние между Вологодой и Комельской — Охотничьей слободой оказывается при подсчете равным 32,4 — 33,86 в. (22,4 + 10 или 23,86 + 10). В СНМ Волог. Комельская и Охотничья слободы объединены в одну: "Слобода Комельская (Охотничья)". Она характеризуется как владельческое село при рчч. Мяснике и Ильмовке, в 1-м стане (далее — ст.) Грязовецкого у. Вологодской губ., в 9 в. от г. Грязовца, на Московском тракте через Грязовец²⁶. Согласно СНМ Волог. Грязовец отстоит от Вологды на 42,5 в.²⁷ Следовательно, Комельская — Охотничья слобода, расположенная в 9 в. к северу от Грязовца, находилась в 33,5 в. к югу от Вологды. Примерно такое же расстояние (32,4 или 33,86 в.) было вычислено нами по картам XVIII — XIX вв.

На картах Ярославской обл. 1991 и 1993 гг. фигурирует пункт Слобода в 9 км севернее Грязовца на дороге из Вологды в Грязовец. На карте Вологодской обл. 1969 г. также показана Слобода на пути из Вологды в Грязовец. Она располагается в 31,2 км (=28,88 в.) к югу от Вологды, в 8,4 км (=7,77 в.) к югу от того места, где дорога пересекает р. Комелу, и в 10,2 км (=9,44 в.) к северу от Грязовца²⁸. "Слобода" современных карт — это, безусловно, бывшая Комельская — Охотничья слобода.

Видимо, нет особых оснований сомневаться в том, что под Commelski Дженкинсон подразумевал место, известное позднее как Комельская слобода. Расстояние от Вологды до Комельского яма, указанное Дженкинсоном (27 в.), меньше действительного. Судя по карте 1969 г., разница составляет 1,88 в. Однако мы предпочитаем вычислять разницу, исходя из показаний карты Грязовецкого у. XIX в., помещающей Комельскую слободу севернее Охотничьей. По этой карте получается, что Комельская слобода находилась в 32,4 в. к югу от Вологды. Значит, Дженкинсон уменьшил расстояние между Вологодой и Commelski, по крайней мере, на 5,4 в. Если же следовать максимальным показателям отстояния Комельской — Охотничьей слободы от Вологды (33,5 в. по СНМ Волог. или 33,86 в. по атласу XVIII в.), разница увеличится до 6,5—6,8 в.

Следующий пункт, фигурирующий в итинерарии Дженкинсона, — Olmog, в 25 в. от Комельского. Готье отнес Olmog к числу неидентифицируемых, но Берри и Крампи справедливо усмотрели в нем название "Обнора". В "Поверстной книге" XVII в. упоминается "Обнорский ям" в 360 в. от Москвы и в 60 в. от Вологды²⁹. На карте Грязовецкой округи Вологодского наместничества XVIII в. Обнорский ям помещен в 26,13 в. южнее Охотничьей слободы и в 17 в. южнее Грязовца³⁰. На карте Грязовецкого у. XIX в. Обнорский ям показан на Московском тракте через Грязовец, который расположен здесь в 14,7 в. к северу от Обнорского яма и в 8,8 в. к югу от Комельской слободы. Сам город Грязовец занимает в длину с севера на юг 1 в.³¹ Таким образом, расстояние между Комельской слободой и Обнорским ямом по этой карте равно 24,5 в. (14,7+8,8+1), что почти совпадает с цифрой Дженкинсона.

В СНМ Волог. указана Обнорская слобода, которая определяется как казенная деревня при р. Обноре в 1-м ст. Грязовецкого у. Вологодской губ., на Московском тракте через Грязовец, в 17 в. от г. Грязовца³². Если от Комельской — Охотничьей слободы до Грязовца числилось по СНМ Волог. 9 в., значит отрезок

²⁵ Там же. Л. А/1. 1/3.

²⁶ СНМ Волог. № 2662.

²⁷ Там же. № 3.

²⁸ РГБ. ОК. № Ко 92/VI-9.

²⁹ Петров В.А. Географические справочники... С. 105-106.

³⁰ РГБ. ОК. № Ко 6/VI-2. Л. А/1. 1/5.

³¹ Там же. № Ко 15/VII-47.

³² СНМ Волог. № 2648.

пути между Комельской — Охотничьей и Обнорской слободами составлял 26 в. Это совпадает с результатом нашего подсчета расстояния между Охотничьей слободой и Обнорским ямом по карте Грязовецкой округи XVIII в. и несколько больше той цифры, которую дают аналогичные измерения по карте Грязовецкого у. XIX в.

На карте Ярославской обл. 1993 г. Обнорская слобода показана в 16,6 км (=15,37 в.) к югу от Грязовца и в 27 км (=25 в.) к югу от Слободы, отождествляемой, как было установлено выше, с Комельской — Охотничьей слободой.

Итак, все говорит об относительной точности указанного Дженкинсоном расстояния между Комельским и Обнорским ямами. Оно действительно составляло 25—26 в. Но расстояние от Обнорского яма до Вологды у Дженкинсона получается равным 52 в. (27 в. от Вологды до Комельского яма и 25 в. от Комельского яма до Обнорского). В то же время "Поверстная книга" определяет это расстояние в 60 в. Выше было показано, что Дженкинсон преуменьшил расстояние между Вологдой и Комельским ямом. Оно достигало почти 34 в., а Дженкинсон указывал 27 в. В этом мы и видим причину несоответствия между данными "Поверстной книги" и Дженкинсона.

Согласно Дженкинсону в 20 в. от Olmog находится пункт под названием Teloyske. Горье, Берри и Крамми справедливо отождествляют его с Теляцким ямом "Поверстной книги", в которой сказано: "От Любима... до села Даниловского 30, до Ярославля 90, до Теляцкого яму 20"³³. В середине XIX в. существовала казенная и владельческая деревня Телячий Ям в 1-м ст. Любимского у. Ярославской губ., в 25 в. (к северо-западу) от г. Любима, по почтовому тракту из г. Данилова в г. Грязовец³⁴. Телячий ям отсутствует на картах Ярославской обл. 1991 и 1993 гг., но показан на дореволюционной карте Ярославской губ. инженер-капитана Каменского в 2 в. южнее Холма, расположенного на том же почтовом тракте³⁵. По карте 1993 г. от Холма до Обнорской слободы 21,2 км, т.е. 19,63 в. Если к этому прибавить 2 в., отделяющие Холм от Телячьего яма, общее расстояние между Обнорской слободой и Телячьим ямом будет равно 21,63 в., что весьма близко к цифре, приводимой Дженкинсоном (20 в.).

После Teloyske, в 30 в. от него, Дженкинсон указывает Uge. Никем из комментаторов Дженкинсона Uge не был отождествлен. Нам представляется, что Uge расшифровывается как "Ухра", и за этим названием скрывается Ухорский ям, расположенный, согласно "Поверстной книге", в 60 в. от Обнорского яма, в 60 в. от Ярославля и в 300 в. от Москвы³⁶. На карте Ярославской губ. Каменского "Угорский ям" показан в 26 в. южнее Телячьего яма и в 9 в. севернее Данилова на дороге из Грязовца в Данилов³⁷. В СНМ Яросл. фигурирует "Ухорская слобода", казенная деревня при р. лунке, во 2-м ст. Даниловского у. Ярославской губ., в 10,5 в. (к северу) от г. Данилова, по почтовому тракту из Данилова в Грязовец³⁸. Ее название и местоположение говорят о том, что эта слобода идентична Ухорскому, или Угорскому яму. На картах Ярославской обл. 1991 и 1993 гг. находим пункт "Слобода" на левом берегу р. лунки, в 8,05 км (=7,45 в.) к северу от г. Данилова. По своему расположению эта Слобода

³³ Петров В.А. Географические справочники... С. 108.

³⁴ Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1865 (далее — СНМ Яросл.). № 2256.

³⁵ РГБ. ОК. № Ко 12/VIII-1.

³⁶ Петров В.А. Географические справочники... С. 104-105; ср. С. 107, где определяется расстояние от Москвы до Ухорского яма при поездке через Любим, лежащий восточнее дороги из Грязовца в Ярославль: "От Москвы до Любима на Кострому 370, а на Ярославль и на Ухорской ям 330".

³⁷ РГБ. ОК. № Ко 12/VIII-1.

³⁸ СНМ Яросл. № 1602.

тождественна прежней Ухорской слободе, или Ухорскому яму. Последний был назван, вероятно, по р. Ухре, протекавшей в 12 в. к юго-западу от него.

Нас не должно удивлять, что некоторые ямы, такие, как, например, Комельской или Ухорский, находились в известном отдалении от рек, давших им название. Большая река считалась, видимо, хорошим ориентиром при наименовании даже тех станций, которые не стояли непосредственно на ее берегах.

Расстояние между Обнорским и Ухорским ямами по Дженкинсону получается равным 50 в. (от Обнорского до Теляцкого яма 20 в., от Теляцкого до Ухорского — 30 в.), т.е. на 10 в. меньше, чем указано в "Поверстной книге" (60 в.). Наши промеры расстояния по картам приводят к подтверждению данных Дженкинсона, а не "Поверстной книги" (21,63 в. от Обнорской слободы до Телячьего яма и 26 в. от Телячьего до Угорского яма = 47,63 в.).

Судя по карте Каменского, от Угорского яма до Ярославля насчитывалось 65,7 в. Это на 5,7 в. больше того расстояния, которое указано в "Поверстной книге" (60 в.). Следовательно, "Поверстная книга", с одной стороны, преувеличивает расстояние между Обнорским и Ухорским ямами, а, с другой стороны, преуменьшает расстояние между Ухорским ямом и Ярославлем, округляя число верст в обоих случаях до 60.

В 30 в. от Уге (Ухорского яма) Дженкинсон помещает Voshansko³⁹. Это название у Готье искажено — "Vosnansko" (буква "h" передана как "n"). Случайная ошибка послужила основанием для совершенно неверной интерпретации: "Вознесенское". Впрочем, изобретенное им "Вознесенское" Готье ни с каким реальным пунктом не отождествил. Берри и Крамми, давая правильное чтение "Voshansko", тем не менее тоже отказываются от попыток идентификации пункта, скрывающегося за этим названием.

Нам представляется, что у Дженкинсона речь идет о Вокшарском (Вокшерском) яме, который упоминается в ряде источников XVI-XIX вв. Так, он фигурирует в нескольких грамотах Ивана IV, касающихся отбывания ямской повинности крестьянами Ярославского Спасского монастыря⁴⁰. Чтение "Вокшарский" находим в грамоте Ивана IV 1545 г.⁴¹ В грамотах 70-х годов XVI в. говорится "Вокшерский"⁴². Так же и в более поздних источниках. Voshansko ближе к чтению "Вокшарский". Поэтому можно думать, что в 50-е годы XVI в., когда через этот ям проезжал Дженкинсон, он назывался еще Вокшарским. В середине XIX в. Вокшерский Ям — владельческая деревня при рч. Сутомолке в 1-м ст. Романово-Борисоглебского у. Ярославской губ., в 24 в. (к северо-востоку) от г. Романовоборисоглебска (ныне — Тутаев), на почтовом тракте из Ярославля в Данилов⁴³. На карте Ярославской губ. Каменского Вокшерский ям показан на почтовом тракте в 27,4 в. к югу от Данилова и в 35,8 в. к югу от Угорского яма⁴⁴. На картах Ярославской обл. 1991 и 1993 гг. Вокшерскому яму соответствует поселение Ям на дороге из Ярославля в Данилов в 31,5 км (=29,16 в.) к югу от Данилова и в 41,4 км (=38,33 в.) к югу от Слободы, отождествляемой с Ухорской слободой.

Ориентируясь на карту Каменского, можно утверждать, что Дженкинсон преуменьшил расстояние между Ухорским и Вокшерским ямами на 5,8 в. (30 в. вместо 35,8). Этим он как бы компенсировал допущенное им преувеличение

³⁹ The Principal Navigations... Vol. 2. P. 420.

⁴⁰ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изданы И.А.Вахрамеевым. М., 1896. Т. 1. С. 13—14, 49—50, 53, 56—59; ср.: Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 89—90, 96, 145.

⁴¹ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т.1. С. 13—14. № 13.

⁴² Там же. С. 49—50, 53, 56—59. № 39, 43, 48—50.

⁴³ СНМ Яросл. № 5805.

⁴⁴ РГБ. ОК. № Ко 12/VIII-1.

расстояния между Теляцким и Ухорским ямами (30 в. вместо 26). В итоге протяженность двух перегонов (Теляцкий ям — Ухорский ям; Ухорский ям — Вокшерский ям) по Дженкинсону и по картам оказывается примерно одинаковой (60 и 61,8 в.).

Из грамот Ивана IV узнаем, на каком расстоянии от Вокшарского (Вокшерского) яма находились некоторые села Ярославского Спасского монастыря. Так, в грамоте марта 1545 г. сообщается, что от сц. Борисоглебского и сц. Ильинского до Вокшарского яма "больше двадцати верст, а до Романова деи от них семь верст". Оба сельца находились в Романовском уезде в Ильинском стану, "да и в Молахове слободке"⁴⁵.

Сц. Борисоглебское идентифицируется с позднейшим владельческим с. Борисоглебским при колодцах, в 1-м ст. Романово-Борисоглебского у. Ярославской губ., в 12 в. от г. Романовоборисоглебска, по правую сторону тракта от Романовоборисоглебска в Данилов⁴⁶. На карте Каменского оно показано в 8,6 в. к северо-востоку от Романовоборисоглебска и в 16,7 в. к северо-западу от Вокшерского яма. На картах 1991 и 1993 г. Борисоглеб расположен в 9 км (=8,33 в.) к северо-востоку от Тутаева и в 19 км (=17,6 в.) к северо-западу от Яма.

Сц. Ильинское можно отождествить с известным в середине XIX в. казенным с. Ильинским при безымянном ручье и колодце, в 1-м ст. Романово-Борисоглебского у. Ярославской губ., в 18 в. от г. Романовоборисоглебска, по левую сторону почтового тракта из Ярославля в Данилов⁴⁷. На карте Каменского оно изображено в 11,8 в. к юго-востоку от Романовоборисоглебска и в 13,8 в. к юго-западу от Вокшерского яма. Правильность предложенной идентификации сц. Ильинского подтверждается близостью к с. Ильинскому погоста Малахова, упоминающего своим названием слободку Молахову, упомянутую в грамоте марта 1545 г. В середине XIX в. Малахово — погост при безымянном протоке, в 1-м ст. Романово-Борисоглебского у. Ярославской губ., в 17 в. от г. Романовоборисоглебска, по левую сторону почтового тракта из Ярославля в Данилов⁴⁸. На карте Каменского мы находим погост Малахов в 14,6 в. к юго-востоку от Романовоборисоглебска и в 10,8 в. к юго-западу от Вокшерского яма. Карта 1993 г. помещает Ильинское в 13 км. (=12,03 в.), Малахово — в 15,8 км (=14,62 в.) к юго-востоку от Тутаева. От Яма они удалены соответственно на 15,8 км (=14,62 в.) и 12,2 км (=11,3 в.) в сторону юго-запада. На карте Каменского Ильинское расположено в 3,1 в. к юго-западу от Малахова и в 8,9 в. к юго-востоку от Борисоглебского. В СНМ Яросл. отмечено наличие православной церкви в каждом из трех рассматриваемых пунктов, что служит одним из признаков их древности.

Судя по картам, в грамоте 1545 г. завышено расстояние от селец Борисоглебского и Ильинского до Вокшарского яма и занижена степень удаленности их от Романова. Текст грамоты отражает, по-видимому, монастырское челобитье, в котором монастырские власти, стремясь доказать неправомочность приписки селец Борисоглебского и Ильинского к Вокшарскому яму, намеренно преувеличивали расстояние, отделявшее эти владения от указанного яма.

В марте 1574 г. была отправлена грамота Ивана IV на Вокшерский ям, запрещающая брать лишнюю подмогу и деньги с сц. Захарьина Ярославского Спас-

⁴⁵ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т.1. № 13. С. 13—14; *Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть третья // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 224. № 1-247; ср.: *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С. 89.

⁴⁶ СНМ Яросл. № 6047.

⁴⁷ Там же. № 5909.

⁴⁸ Там же. № 5903.

ского монастыря⁴⁹. Как видно из текста грамоты, монастырь не оспаривал законность приписки сц. Захарьина к Вокшерскому яму, но жаловался на злоупотребления местных властей. В грамоте не указано расстояние от Захарьина до Вокшерского яма. Обращаясь к карте Ярославской губ. Каменского, находим восточнее Вокшерского яма пункты с названиями Захарова (в 14,2 в.), Захарьин (в 16,2 в.) и Захарьина (в 15,8 в.). На карте Ярославской обл. 1993 г. к северо-востоку от Яма показаны Захарово (в 15,2 км = 14,07 в.) и Захарьино (в 16 км = 14,8 в.). Расстояние между ними с севера на юг — 2,4 км (= 2,2 в.). Примерно такое же расстояние отделяет Захарову от Захарьина (2,5 в.) и Захарьиной (2,4 в.) на карте Каменского. Вместе с тем расстояние между Захарьиной и Захарьиным составляет там всего 0,5-0,6 в.

Следовательно, можно думать, что теперешнее Захарьино — это либо прежняя Захарьина, либо пункт, объединивший в себе Захарьину и Захарьина. Древнейшим поселением был, вероятно, Захарьин. Он имел даже второе название — Богослов, отмеченное в СНМ Яросл. Согласно этому источнику, "Богослов (Захарьино)" — погост при колодцах, в 1-м ст. Даниловского у. Ярославской губ., в 31 в. (к юго-востоку) от г. Данилова, по правую сторону проселочного торгового тракта из с. Вятского в г. Данилов⁵⁰. Захарьина фигурирует в СНМ Яросл. как Захарьино, казенная деревня при колодцах, в 1-м ст. Даниловского у. Ярославской губ., в 30 в. (к юго-востоку) от г. Данилова, по проселочному торговому тракту из с. Вятского в г. Данилов⁵¹. Наиболее северный из трех рассматриваемых пунктов — Захарово, казенная деревня при колодцах, в 1-м ст. Даниловского у., Ярославской губ., в 28 в. (к юго-востоку) от г. Данилова, по левую сторону проселочного торгового тракта из с. Вятского в г. Данилов⁵².

В СНМ Яросл. указаны еще две деревни Захарово в Даниловском у.⁵³, но они расположены слишком далеко к северу от Вокшерского яма и не могут быть отождествлены с сц. Захарьином грамоты 1574 г. С ними идентифицируется либо д. Захарьина (Захарьино) в 14,8—15 в. от Вокшерского яма, либо погост Захарьин (Захарьино, Богослов) в 16,2 в. от того же яма. Таким образом, удаленность села на 15—16 в. от яма не была основанием для обжалования приписки села к яму. Вот почему в 1545 г. монастырские власти, чтобы обосновать невозможность приписки селец Борисоглебского и Ильинского к Вокшарскому яму, говорили об удаленности их от этого яма на расстояние более 20 в., хотя в действительности оно составляло в случае с Борисоглебским 17—18, в случае с Ильинским — 14—15 в.

В грамоте Ивана IV ноября 1578 г. запрещалось притягивать "на Вокшерской ям" крестьян монастырского сц. Левашова, отстоящего от указанного яма на 50 в. Согласно упоминаемому в грамоте челобитью монастырских властей, сц. Левашово, расположенное в 30 в. от Ярославля, было приписано "ямскою стряпнею и дворовою поделкою" к Малосольскому яму, от которого оно находилось всего в 2 в.⁵⁴ Сц. Левашово, фигурирующее в грамоте 1578 г., отождествляется с селом Левашевом при рч. Княгине, в 3-м ст. Костромского у. Костромской губ., в 27 в. (к юго-западу) от г. Костромы, на Ярославском нагорном тракте, от

⁴⁹ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т.1 № 43. С. 53; *Каштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть вторая// АЕ за 1960 год. М., 1962. (далее — *Каштанов С.М.* Хронологический перечень... Ч.2).С. 177. № 964.

⁵⁰ СНМ Яросл. № 1308.

⁵¹ Там же. № 1277.

⁵² Там же. № 1359.

⁵³ Там же. № 1629, 1922.

⁵⁴ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т.1. № 48. С. 57—58; *Каштанов С.М.* Хронологический перечень... Ч. 2. С. 189. № 1054.

слобод г. Костромы⁵⁵. Малосольский ям локализуется в районе позднейшего села Соли Малые (Соль Малая) при рч. Солонице, в 3-м ст. Костромского у. Костромской губ., в 35 в. (к юго-западу) от г. Костромы, на Ярославском нагорном тракте, от слобод г. Костромы⁵⁶. В настоящее время Левашево и Соли малые находятся в составе Ярославской обл.

На карте Ярославской обл. 1991 г. видим Малые Соли на р. Солонице в 26,25 км (=24,3 в.) к востоку от Ярославля. В 8,75 км (=8,1 в.) к востоку от Малые Соли расположено Левашево, в 35 км (=32,4 в.) от Ярославля. От Левашева до Яма (= Вокшерского яма) — 42,35 км (=39,2 в.) на северо-запад. По карте Ярославской обл. 1993 г. от Ярославля до Малые Соли — 26,2 км (=24,2 в.) на восток; от Малые Соли до Левашева — 8,6 км (=7,96 в.) на восток; от Левашева до Яма (= Вокшерского яма) — 43 км (=39,8 в.) на северо-запад. На карте 1993 г. показан еще пансионат Левашево в 9 км к юго-западу от с. Левашева. Он расположен в 4 км к юго-востоку от Малые Соли и в 28 км (=25,92 в.) к востоку от Ярославля. От пансионата Левашева до Яма (=Вокшерского яма) — 44,4 км (=41 в.) на северо-запад. Пансионат Левашево, не значащийся в СНМ Костром., является, очевидно, поселением новейшего времени. Его мы можем не учитывать, отождествляя сц. Левашово грамоты 1578 г. только с с. Левашевом СНМ Костром.

Сравнивая расстояния, вычисленные по картам, с теми, которые указаны в грамоте 1578 г., надо отметить, что грамота и карты дают более или менее совпадающие сведения об отстоянии сц. Левашова от г. Ярославля (30 в. в грамоте, 32 в. по картам). В то же время расстояние между Левашовом и Малой Солью в грамоте уменьшено более чем в 4 раза (2 в. вместо 8,6-8,75 по картам), расстояние между Левашовом и Вокшерским ямом увеличено на 10 в. (50 в. в грамоте вместо 40 по картам). Мы здесь снова сталкиваемся с тенденционным искажением действительности монастырскими властями, которые, пытаясь доказать неправомочность приписки села к отдаленному яму, преувеличивали степень этой отдаленности и вместе с тем преувеличивали степень близости села к более близкому яму.

Вырисовывающиеся из грамот 1545 и 1578 гг. факты приписки к Вокшерскому яму крестьян сравнительно далеких от него сел свидетельствуют о важном значении этого яма и нехватке на нем лошадей и ямщиков для исправного обеспечения проездов многочисленных гонцов по дороге из Вологды в Ярославль и в Москву.

Расстояние от Voshansko до Ярославля Дженкинсон определяет в 30 в. По карте Каменского от Вокшерского яма до Ярославля — 29,9 в. По карте 1991 г., от Яма, отождествляемого с Вокшерским ямом, до Ярославля — 31,5 км (=29,16 в.). В данном случае мы наблюдаем практически полное совпадение информации Дженкинсона с тем, что показывают промеры по картам. Это подтверждает вероятность отождествления Voshansko с Вокшерским ямом.

Два перегона, от Ure до Voshansko и от Voshansko до Ярославля, составляют, по Дженкинсону, 60 в. Такое же расстояние указано в "Поверстной книге" между Ухорским ямом ("Ure" Дженкинсона) и Ярославлем⁵⁷. Однако, судя по картам, от Ухорского яма до Вокшерского было 35,8 в. (об этом см. выше), следовательно, от Ухорского яма до Ярославля насчитывалось 65,8 в.

Между Ярославлем и Ростовом никаких промежуточных станций Дженкинсон не называет. Расстояние между этими городами он признает равным 50 в. В

⁵⁵ Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870—1872 годов. СПб., 1877 (далее — СНМ Костром.). № 1125.

⁵⁶ Там же. № 1127; ср.: АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 620.

⁵⁷ Петров В.А. Географические справочники... С. 104.

середине XIX в. считалось, что Ростов отстоит от Ярославля на 52,5 в.⁵⁸ В настоящее время между южной оконечностью Ярославля и северной границей Ростова 48 км (=44,44 в.), но если измерять расстояние между их центрами, получится 56,35 км (=52,17 в.). Таким образом, цифра, приводимая Дженкинсоном, весьма близка к действительной.

Далее Дженкинсон указывает Rogarin в 30 в. от Ростова. Никто из комментаторов не решился идентифицировать этот пункт. От него до Переславля Залесского (Peraslave)⁵⁹ Дженкинсон насчитывает 10 в. В результате расстояние между Ростовом и Переславлем оказывается равным 40 в., что не соответствует действительности. В "Поверстной книге" сказано: "От Переславля Залесского... до Ростова 60..."⁶⁰ По картам Ярославской обл. 1991 и 1993 от Ростова до Переславля около 63 км (=58,33 в.).

Какой же пункт на пути из Ростова в Переславль, достаточно удаленный от Ростова и более или менее близкий к Переславлю, имеет название, похожее на Rogarin? Скорее всего, это Рагозино, или Рогозинино. В середине XIX в. Рогозинино — владельческое село при пруде, во 2-м ст. Переяславского у. Владимирской губ., в 15 в. от Переславля, по левую сторону Ярославского шоссе, от границы Александровского у. к Ростовскому⁶¹. На карте Владимирской губ. оно названо "Рагозино" и расстояние от него до Переславля составляет 16 в.⁶² На карте Ярославской обл. 1993 г. тот же пункт называется, как в СМ Влад., "Рогозинино": его удаленность от Ростова — 47,2 км (=43,7 в.), от Переславля — 16 км (=14,8 в.). Несмотря на то, что протяженность обеих частей дороги существенно отличается от указанной Дженкинсоном, соотношение частей по Дженкинсону и по картам совпадает: первая часть пути втрое больше второй. Может быть, Дженкинсон измерял тут путь не русскими верстами, а английскими милями? При переводе верст в мили расстояние от Ростова до Рогозинина составит 29,33, от Рогозинина до Переславля — 9,93, от Ростова до Переславля — 39,15 мили. Небольшое округление этих величин дает соответственно числа 30, 10 и 40, из которых первые два приведены Дженкинсоном, а третье как бы подразумевается им, будучи равно сумме первых двух.

И все же, поскольку Дженкинсон говорит о верстах, а не о милях, мы вправе констатировать, что он преуменьшил реальное расстояние между Ростовом и Рагозином (Рогозинином) на 13,7 в., между Рагозином и Переславлем — на 4,8 в., а весь путь от Ростова до Переславля — на 18,5 в.

После Переславля, в 30 в. от него, Дженкинсон указывает Dowbnaу⁶³. Это название Готье, Берри и Крамми правильно расшифровывают как "Дубна". Путешественник имел в виду, вероятно, не р. Дубну, а расположенный на ее берегах населенный пункт. В середине XIX в. существовало владельческое сц. Дубки (Дубна) при р. Дубне, во 2-м ст. Александровского у. Владимирской губ., в 25 в. (к северо-западу) от г. Александрова, по правую сторону Ярославского шоссе от границы Дмитровского у. к Переяславскому⁶⁴. На дореволюционной карте Владимирской губ. сц. Дубна показано в 38,4 в. от Переславля-Залесского

⁵⁸ СМ Яросл. № 8.

⁵⁹ Так в оригинале (The Principal Navigations... Vol. 2. P. 420); Берри и Крамми изменяют "Peraslav" на "Pereiaslavl" (Rude and Barbarous Kingdom. P. 52). Однако чтение "Peraslav" ближе к русскому народному выговору ("Переслав").

⁶⁰ Петров В.А. Географические справочники... С. 104.

⁶¹ Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863 (далее — СМ Влад.). № 4045.

⁶² РГБ. ОК. № Ко 12/VI-38.

⁶³ Так в оригинале (The Principal Navigations... Vol. 2. P. 420); по Берри и Крамми, "Dowbnaу" (Rude and Barbarous Kingdom. P. 52).

⁶⁴ СМ Влад. № 1055.

на правой стороне дороги из Сергиева Посада в Переславль⁶⁵. Согласно карте Владимирской обл. 1990 г. населенный пункт Дубна находится в 18 км (=16,66 в.) к северо-западу от Александрова и в 21 км (=19,44 в.) к северо-востоку от Загорска (Сергиева Посада). Кратчайшее расстояние, отделяющее село Дубну от проходящей мимо него дороги из Сергиева Посада в Переславль, составляет 2 км (=1,85 в.).

По современным картам Владимирской и Ярославской областей от Дубны до Переславля-Залесского — 37—38 км (=34,25—35,18 в.). Таким образом, Дженкинсон преуменьшил расстояние между Переславлем и Дубной, судя по карте Владимирской губ., на 8,4 в., судя по новейшим картам, — на 4,25—5,18 в. При довольно заметном расхождении показаний разных карт сам факт преуменьшения Дженкинсоном длины пути от Переславля до Дубны сомнений не вызывает.

Следующий пункт в итинерарии Дженкинсона — Godoroke, в 30 в. от Downay. В переводе Готье значит: "...до Городка (Gorodocke)". Замена "Godoroke" на "Gorodocke" привела к искажению английского текста, но вместе с тем дала, по-видимому, правильное чтение русского названия. У Дженкинсона или при подготовке к изданию его рукописи порядок слогов "ро" и "до" в слове "Городок" был нарушен и вместо русского "Городок" получилось непонятное "Godoroke", похожее разве что на норвежское "Gardarike" (староскандинавское название Новгородской земли). В примечании к тексту Дженкинсона Готье пишет: "Городок — бывший город Радонеж, ныне село между г. Загорском (б. Сергиевым) и ст. Хотьковом Ярославской железной дороги"⁶⁶. Берри и Крами, придерживаясь английского чтения "Godoroke", считают невозможным отождествить этот пункт⁶⁷ и проходят мимо идентификации, предложенной Готье. Вместе с тем его гипотеза представляется убедительной.

Городок показан на многих картах Московской губ. XVIII—XIX вв. в 9—11 в. к юго-западу от Сергиева посада⁶⁸. В середине XIX в. Городок — казенное село при р. Паже (приток Вори), в 1-м ст. Дмитровского у. Московской губ., в 40 в. (к юго-востоку) от г. Дмитрова, по правую сторону Московско-Ярославского шоссе (из Ярославля в Москву)⁶⁹. Если "Городок" хорошо отождествляется по СНМ Моск., то названий, начинающихся с "Годоро...", в нем нет.

В наше время Городку было возвращено старинное название Радонеж. На карте Московской обл. 1994 г. на месте Городка видим Радонеж, к юго-востоку от Хотькова, в 10 км (=9,25 в.) к юго-западу от Троице-Сергиевой лавры. О существовании яма в "городке на Радонеже" узнаем из указной грамоты Ивана IV от 2 декабря 1564 г. "на городок на Радонеж да на Пердобожской ям приказщиком Ушачку Ракову да Юшку Кобелеву, или кто учнет на те ямы по нашему наказу с сох с подводами наряжати"⁷⁰.

⁶⁵ РГБ. ОК. № Ко 12/VI-38.

⁶⁶ Английские путешественники... С. 76. Прим. **.

⁶⁷ Rude and Barbarous Kingdom. P. 52—53. Note 28.

⁶⁸ См., например: РГБ. ОК. № Ко 111/IX-14 (от Городка до Троице-Сергиевой лавры — 8,96 в.); №Ко 5/VI-45 (между Городком и Тр.-Серг. лаврой 11,38 в.); №Ко 5/VI-47 (между Городком и Лаврой — 11,11 в.); №Ко 12/IX-7 (от Городка до Сергиевского посада 9,8 в.); ср. карту Владимирской губ., где от Городка до Сергиева посада 10,8 в. (Там же. № Ко 12/VI-38).

⁶⁹ Московская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862 (далее — СНМ Моск.). № 2090.

⁷⁰ РГБ. Отдел рукописей. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры). Кн. 527—529. № 323; *Капитанов С.М.* Хронологический перечень... Ч. 2. С. 161. № 847. О Городецком яме см. также: *Гурьянд И.Я.* Указ. соч. С. 61. Пердобожский ям был расположен на рч. Пердобожке юго-западнее г. Александрова между селениями Стругино на северо-западе и Карабаново на юго-востоке (см. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 177. Этот источник нам любезно указал В.А.Ткаченко, которому выражаем искреннюю признательность).

По карте Владимирской губ. устанавливается, что Городок находился в 34 в. к юго-западу от Дубны⁷¹. Следовательно, Дженкинсон преуменьшил расстояние между этими станциями, указав 30 в. вместо 34.

Последний пункт перед Москвой, который отмечает Дженкинсон, — Owchay, в 30 в. от предыдущего. Комментаторы записок Дженкинсона справедливо усмотрели в слове Owchay название "Уча". Готье даже уточняет возможное местонахождение яма, говоря, что р. Уча пересекается дорогой из Москвы в Ярославль у с. Пушкина, в 30 км от столицы. В середине XIX в. Пушкино — удельное село при р. Уче (притоке Клязьмы), во 2-м ст. Московского у. Московской губ., в 25 в. (к северо-востоку) от Москвы, на Ярославском шоссе (из Москвы)⁷². Очень вероятно, что на месте пересечения дороги и р. Учи в XVI в. действительно находился ям.

Пушкино расположено юго-западнее Городка. Расстояние между ними составляет по карте Владимирской губ. 25,6 в.⁷³, по разным картам Московской губ. — 21—24,44 в.⁷⁴ Судя по современной карте Московской обл., от Радонежа до Пушкина около 26 км (=24,07 в.). Очевидно, что Дженкинсон преувеличил (по меньшей мере на 5 в.) расстояние от Городка до Учи.

Последний отрезок пути, от Учи до Москвы, Дженкинсон определяет в 25 в. Это полностью соответствует данным СНМ Моск. о расстоянии от Пушкина до Москвы. Измерения по картам дают незначительные отклонения от указанной цифры. Так, по карте Владимирской губ., искомое расстояние составляет 24,8 в.⁷⁵, по картам Московской губ. XVIII в. — 23,04 в.⁷⁶, 23,6 в.⁷⁷, 22,44 в.⁷⁸, по карте Московской губ. 1866 г. — 21 в.⁷⁹ Думается, что если Дженкинсон и преувеличил расстояние между Учей и Москвой, то не более чем на 0,2-0,4 в.

Представим результаты нашего исследования в виде таблицы, в которой длина каждого перегона на пути из Вологды в Москву дается отдельно по Дженкинсону и по картам (см. табл.). В специальных графах указывается минимальная и максимальная разница длины этих перегонов, получаемая в результате сравнения данных Дженкинсона, с одной стороны, и карт, с другой. В тех случаях, когда цифра, выведенная из расчетов по картам, меньше цифры Дженкинсона, число, выражающее разницу, приводится со знаком минус.

В начале настоящей статьи было отмечено, что сложение длины всех перегонов от Вологды до Москвы, указанных Дженкинсоном, дает 367 в. — величину, явно заниженную по сравнению с действительной протяженностью пути. Прибавив к 367 сумму всех разниц, характеризующих преуменьшение Дженкинсоном длины того или иного перегона (53,36 в.), получаем 420,36 в. В "Поверстной книге" XVII в. расстояние от Москвы до Вологды определяется, как мы помним, в 420 в. Удовлетвориться совпадением нашего числа (420,36) с указанным в "Поверстной книге" все же нельзя, ибо надо учесть еще и сумму разниц, отражающих преувеличение Дженкинсоном длины некоторых перегонов. Эта сумма невелика (8,7 в.), но ее необходимо вычесть из 53,36. Тогда вся разница, характеризующая преуменьшение Дженкинсоном длины пути от Вологды до Москвы, будет равняться 44,66 в. Сложив 367 и 44,66, получим 411,66 в. — число, которое хотя и не совпадает с приведенными в "Поверстной книге" (420)

⁷¹ РГБ. ОК. № 12/VI-38.

⁷² СНМ Моск. № 110.

⁷³ РГБ. ОК. № Ко 12/VI-38.

⁷⁴ Там же. № Ко 5/VI-45, 5/VI-47, 111/IX-14, 12/IX-7.

⁷⁵ Там же. № Ко 12/VI-38.

⁷⁶ Там же. № Ко 111/IX-14.

⁷⁷ Там же. № Ко 5/VI-47.

⁷⁸ Там же. № Ко 5/VI-45.

⁷⁹ Там же. № Ко 12/IX-7.

Таблица

Длина перегонов на пути из Вологды в Москву (в верстах)

№ п/п	Перегоны	Длина перегона		Разница	
		по Дженкин-сону	по картам	мини-мальная	макси-мальная
1	Вологда – Комельский ям	27	32,4–33,86	5,4	6,8
2	Комельский ям – Обнорский ям	25	25–27	0	2
3	Обнорский ям – Теляцкий ям	20	21,63	?	1,63
4	Теляцкий ям – Ухорский ям	30	26	?	–4
5	Ухорский ям – Вокшерский ям	30	35,8–38,33	5,8	8,33
6	Вокшерский ям – Ярославль	30	29,16–29,9	–0,84	–0,1
7	Ярославль – Ростов	50	52,17–52,5	2,17	2,5
8	Ростов – Рогозинино	30	43,7	?	13,7
9	Рогозинино – Переславль	10	14,8–16	4,8	6
10	Переславль – Дубна	30	34,25–38,4	4,25	8,4
11	Дубна – Городок	30	34	?	4
12	Городок – Уча	30	21–25,6	–9	–4,4
13	Уча – Москва	25	21–24,8	–0,2	–4

и тем более в СНМ Волог. (434), однако приближается к ним. Вычисляя расстояние между Вологдой и Москвой по "Атласу автомобильных дорог СССР", мы находим его равным примерно 430 км⁸⁰, что соответствует 398 в. Число 411,66 занимает промежуточное положение между минимальным (398) и максимальным (434) показателями протяженности пути от Москвы до Вологды, установленными по картам или зафиксированными в официальных справочниках.

Давнюю традицию имело, по-видимому, определение числа верст от Вологды до Москвы как 420. Это число указывал еще в 1567 г. англичанин Артур Эдвардс⁸¹.

Оттого, какую из предложенных величин мы примем, зависит установление скорости движения Дженкинсона. Он выехал из Вологды 1 декабря 1557 г. и прибыл в Москву 6 декабря. Будем считать, что весь путь занял у него 6 дней. При расстоянии в 411,66 в. скорость получается равной 68,61 в., или 74,09 км в день. При расстоянии в 420 в. она несколько увеличится — 70 в., или 75,6 км в день⁸². Таким образом, скорость русской ямской гоньбы на санях была значительно меньше максимальной скорости езды в Англии XVI в. (около 112,65 км в день) или рекордной скорости передвижения в средневековой Франции (86,9 — 90,12 км), хотя обычная быстрота езды во Франции в средние века колебалась между 32,18 и 53,1 км в день⁸³.

⁸⁰ Атлас автомобильных дорог СССР. 2-е изд. М., 1960. С. 38—39.

⁸¹ Подробнее см.: *Alef G. The Origin and Early Development of the Muscovite Postal Service // Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. Variorum Reprints. L., 1983. VIII. P. 7. Note 37.*

⁸² Ср.: *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С. 258.

⁸³ Подробнее см.: *Alef G. Op. cit. P. 1-2.*

В.С. Кусов

ТРИ НОВЫХ РУССКИХ ЧЕРТЕЖА МОСКОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ XVII ВЕКА

Летом 1996 г. хранитель фонда Поместного приказа Российского государственного архива древних актов (Ф. 1209) В.Ю. Беликов указал на наличие не описанных трех русских географических чертежей в трех московских столбцах-папках, находящихся "в россыпи" (столбцы по Москве. № 32818, 32822, 32879). Благодаря этому доброжелательному сообщению удалось изучить эти документы и мы можем ввести в научный оборот три новых памятника отечественной картографии. В сводном каталоге русских географических чертежей¹ было описано 1040 памятников: теперь их становится 1043 единицы.

Если бы удалось когда-либо переиздать эту работу, то обнаруженным в 1996 г. чертежам в этой книге следовало бы присвоить номер 79а (Стб. 32879), 79б (Стб. 32818) и 393а (Стб. 32822). В составленном по географическому принципу сводном каталоге первые 200 номеров отданы тем документам, которые отображают земли Москвы, как уже застроенные в XVII столетии, так и те, которые в то время были ближайшим Подмосковьем и стали территорией столицы совсем недавно – в 1960 г. и в 1984 г. Под номером 79 в каталоге помещен "Чертеж земель разных владельцев у села Зюзина"; отметим, что этот документ принадлежит тому же самому столбцовому делопроизводству, что и вновь обнаруженные чертежи (Ф. 1209. Стб. Москва. № 32954. Л. 249). В то же время этот документ (чертеж № 79) является практически единственным картографическим изображением XVII в. земель той части территории современного города, которую тогда называли Зарецкой половиной подмосковных станов, а сегодня часто называют Черемушками или Юго-Западом. Поэтому обнаружение двух новых географических чертежей на данные земли является своего рода подарком всем московедам к 850-летию великого города. Одновременно мы впервые получаем весьма крупномасштабное картографическое изображение XVII столетия сразу нескольких московских объектов, в том числе таких значительных святынь, как Андреевский, Данилов и Донской монастыри. Приведем описания обнаруженных чертежей с предложением их названий по схеме, одобренной на одном из заседаний Археографической комиссии².

№ 79а "Чертеж земель от Земляного города до речки Раменки"

(РГАДА. Ф. 1209, Стб. Москва, № 32879)

61 × 74 см, раскрашен, исполнен каллиграфически, с трудом просматриваемая филигрань наиболее близка гербу № 864 альбома-указателя³. *Условные знаки*: населенные пункты (село, сельцо, деревня, монастырь), дорога, река,

¹ Кусов В.С. Чертежи Земли Русской XVI–XVII вв. М., 1993.

² Турилов А.А. Деятельность Археографической комиссии в 1980 г. // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 343–344.

³ Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. № 864.

лесная растительность, овраг, межевая граница. *Надписи с топонимами*: "река Москва, Земляной город, Андреевской мнтрь, Данилов мнтрь, Донской мнтрь, село Воробьево, село Зюзино, сельцо Шаболово, сельцо Никольское, деревни – Воронцово, Матвеевская, Посевьево, речка Раменка, враг Крутой, пустоши – Балухино, Поныркино, старое Кадашево, Петрушино, дороги – Боровская, Каменка, Калужская, Шаболовская".

Для некоторых угодий приведены их владельцы: патриарх, боярин Князь Борис Иванович Прозоровской, боярин князь Иван Борисович Репнин, стольник князь Федор Богданов сын Долгоруков.

Автор чертежа подьячий Леонтий Антипин.

Дата составления чертежа 1692 г.

№ 796 "Чертеж земель от Колужских и Серпуховских ворот до села Воробьева"

(РГАДА. Ф. 1209. Стб. Москва. № 32818)

75 × 62 см, раскрашен, исполнен графически аккуратно, филигрань шут типа № 457 альбома-указателя⁴. *Условные знаки*: населенные пункты (село, монастырь), стены, башни, дорога, река, овраг, сарай кирпичный, яма глиняная, часовня, кладбище, лесная растительность, межевая граница. *Надписи с топонимами*: "Андреевской мнтрь, Даниловской мнтрь, Донской мнтрь, ворота Серпуховские, ворота Колужские, село Воробьево, Семеновское Донского мнтра, дороги – Колуская, Серпуховская, Шаболовская, речка Вздеришка, бояраки – Крутой, Кодашевской, от Колуской дороги до Крымского лугу выгонная земля взята у ямщиков, земли Донского мнтра пустоши Балухиной, земли Донского мнтра пустоши Старого Кадашева". Надписи размеров угодий в сажнях и десятинах.

Автор чертежа подьячий Василий Мануйлов.

Дата составления чертежа 1683 г.

Имена авторов чертежей, даты и причины их составления удалось выяснить по разрозненным текстам двух московских столбцов-папок: № 32818 – чертеж 796, № 32879 – 79а. Поводом для составления в 1692 г. "Чертежа земель от Земляного города до речки Раменки" (№ 79а) явился спор между властями Донского монастыря и братьями князьями Одоевскими – Михаилом, Василием и Алексеем Юрьевичами о принадлежности двух пустошей – Петрушино и Поляны, общей площадью около 200 десятин, якобы пожалованных их отцу – князю Юрию Михайловичу Одоевскому.

Чертеж № 79а (см. рис. 1) ориентирован на восток, сохранена манера графики основных объектов – рек, дорог, оврагов, населенных пунктов, оставлены только надписи топонимов в современной орфографии. Участок спорных земель на прориси обозначен надписью "пустошь" (примерно на середине отрезка, соединяющего Донской монастырь и сельцо Семеновское). Спорное дело завершилось решением царей Иоанна и Петра "по розыску и чертежу 1692 года быть той земле за Донским монастырем в вотчине по прежнему" (лист без номера внутри папки-столбца № 32879).

Появление второго документа – "Чертеж земель от Колужских и Серпуховских ворот до села Воробьева" (№ 79б) (см. рис. 2) также связано с властями Донского монастыря. Однако в настоящем случае – в 1683 г. – никакого земельного спора не существовало, ничто не грозило сокращением владений Донского монастыря. На этот раз руководство монастыря обращается к великим государям с просьбой о пожаловании земель под расширение и застройку собственной примонастырской слободы. Интересно отметить, что ситуация 1692 г., грозившая

⁴ Там же. № 457.

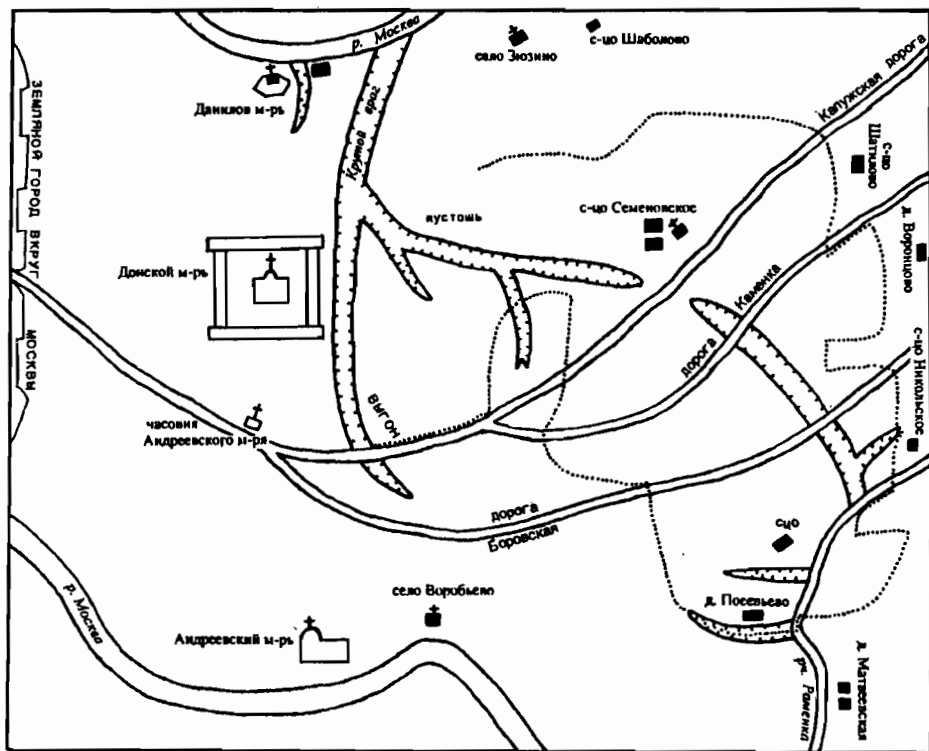

Рис. 1. "Чертеж земель от Земляного города до реки Раменки".
Прорись

потерей 200 десятин земли, совершенно не привлекла внимание исследователей истории землевладений Донского монастыря, однако о событиях 1683 г., когда решалась судьба всего лишь 20 десятин, упоминают многие авторы⁵. Прошение о неперменной необходимости земли для монастыря объясняется весьма аргументированно – первоначальному ее наличию в собственности монастыря до 1649 г., когда согласно "Соборному Уложению" большая часть была изъята в собственность московского выгона.

В целях подготовки и принятия решения о просьбе монастыря и был составлен в июне 1683 г. "Чертеж земель от Колужских и Серпуховских ворот до села Воробьева". Его прорись приведена на рис. 2. Несмотря на значительное уменьшение на прориси – в 3 раза (что приводит к заметной потере графической информации при попытке сохранения большей части надписей, они даны в современной графике), картографическое своеобразие чертежа налицо.

При общей южной ориентировке основной – левой широкой части изображения, от ворот Земляного города до населенного пункта Семеновское Донского монастыря, его меньшая правая часть – узкая полоса вдоль западной рамки чертежа с изображением Воробьевых круч – повернута на восток. Причем вся эта правая, или западная часть-полоса отображает местность не плано-ортогонально, а так, как она видится наблюдателю с лодки на реке Москве. Этот

⁵ Забелин И.Е. Описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1893; Чекунова А.Е. Владения Донского монастыря в конце XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 308–311; Налетов А.Г. Слобода Донского монастыря во второй половине XVII в. – первой четверти XVIII в. // ВМУ. История. 1981. № 1. С. 51–63.

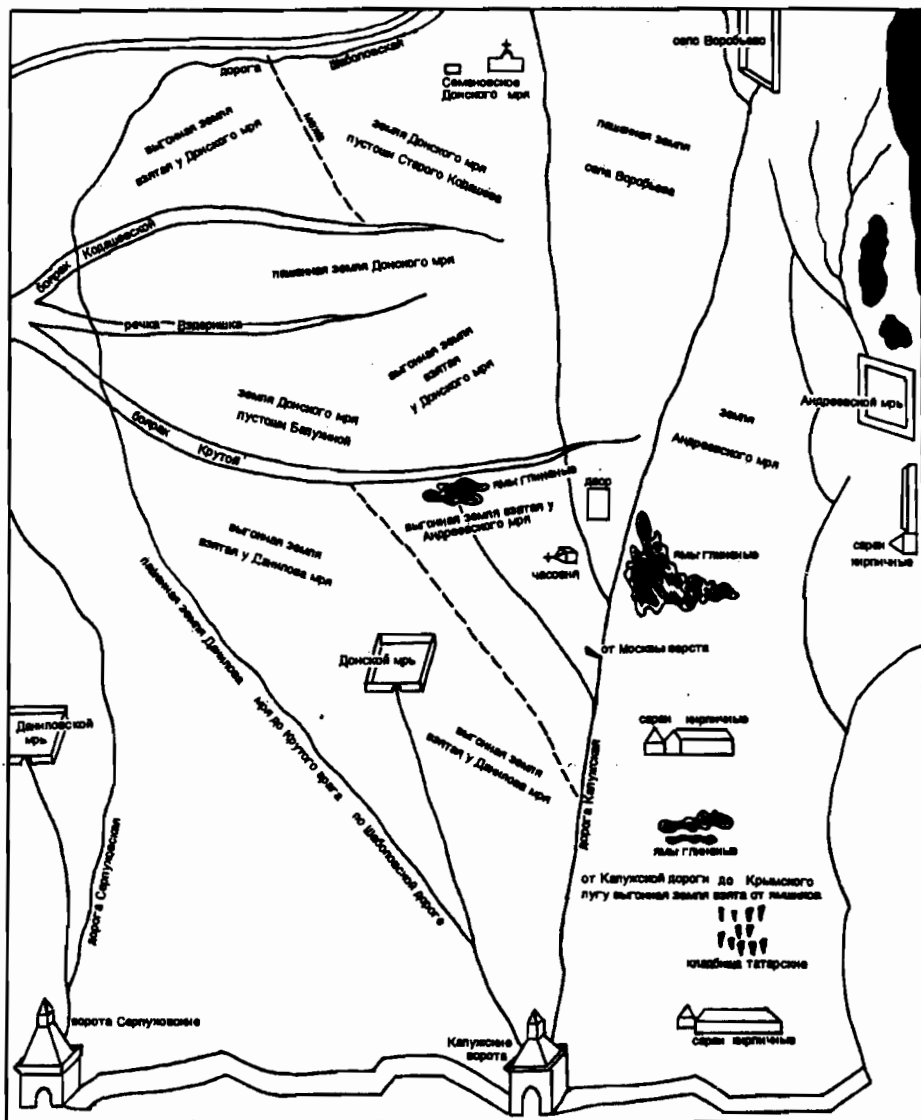

Рис. 2. "Чертеж земель от Колужских и Серпуховских ворот до села Воробьева".
Прорись

необычный картографический прием является прототипом будущих отечественных морских карт конца XVIII в., на которых реализовывался принцип совмещения двух изображений береговой черты – планового картографического и примыкающего к нему перспективного профиля, видимого наблюдателем с корабля.

В 1683 г., как и в 1692 г., судьба была благосклонной к Донскому монастырю. Сравнительно немного времени, лишь несколько месяцев, понадобилось для того, чтобы "великие государи указали и бояре приговорили к Донскому монастырю на селитьбу всяких чинов людей отмерить и отмежевать" участок земли в 20 десятин. Но если в 1692 г. для положительного решения земельного спора в пользу Донского монастыря, кроме чертежа подьячего Л. Антипина,

понадобились еще свидетельские, юридически заверенные показания нескольких десятков окольных людей (Стб. Москва. № 32879), то решение 1683 г. в пользу Донского монастыря базируется исключительно на данных чертежа подьячего В. Мануйлова. Позволительно предположить, что уверенный тон жалованной грамоты от 16 августа 1683 г., в которой, в частности, говорится: "...в нынешнем во 191 году по милостивому призрению к Донскому монастырю и по прошению сестры нашей великой государыни благородной царевны и великой княжны Екатерины Алексеевны пожаловали мы, великие государи Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, в дом Пречистые Богородицы Донского монастыря к прежней их монастырской земле в прибавку из выгонной московской земли с московской стороны против монастыря от Колужских ворот и та земля им отмерена и отмежевана...", обосновывается на надежных данных чертежа Мануйлова.

Очевидно, что монаршие милости не должны приводить к нежелательным коллизиям. Пожаловать землей без будущих осложнений можно, только выделив их весьма тщательно, аккуратно. Поэтому-то на чертеже Антипина 1692 г. нет ни единой надписи с числовыми характеристиками длин или площадей угодий, чертеж же Мануйлова 1683 г. ими, можно сказать, насыщен до отказа. Отображаемая чертежами местность одна и та же, оба автора в равном звании служат в одном учреждении, оба подьячие Поместного приказа, манера графики у них почти одинакова, но по картографическому содержанию эти два документа весьма различны.

Отметим, что в фундаментальном справочнике академика С.Б. Веселовского имени обоих авторов чертежей присутствуют⁶. Об их достаточной опытности говорит, например, факт составления Л. Антипиным четырех географических чертежей в окрестностях Алексина, Муром, Углича⁷ и поручение В. Мануйлову ответственных работ по межеванию-разметке жалуемых земель Донскому монастырю, что нашло отражение в писцовой книге № 687⁸. Тем не менее, несмотря на очевидную опытность обоих авторов, к их работам можно сделать и несколько "редакционных" замечаний критического порядка. Так, на чертеже № 79а Антипин допускает оплошность: изображения двух населенных пунктов – селца Шатилова и деревни Воронцовой – "поменялись местами" относительно их действительного местоположения. Странная ситуация наблюдается с изображением населенного пункта Семеновское. Антипин применяет здесь условный значок села (изображение церкви) и наносит дополнительно надпись – "село". В то же время в 3–4 см по разные стороны от значка населенного пункта нанесено несколько надписей о принадлежности угодий, и там всякий раз следует запись "...селца Семеновского"(?). Мануйлов на своем чертеже лишь у единственного населенного пункта – Семеновского (?) – не приводит надписи его типа. Похоже поступает и Антипин, поместив рядом с деревней Посеьево надпись и значок "селцо монастырское", но без топонима. И все же чертеж Мануйлова 1683 г. настолько информативен в геометрическом отношении, что его часть между Донским монастырем и стеной Земляного города может быть охарактеризована достаточно стабильной величиной масштаба (1 : 400) и он позволяет наметить, без ущемления интересов владельцев-соседей, нужный участок в 20 десятин для пожалования.

Хотелось бы подчеркнуть еще один строго математический элемент чертежа Мануйлова. Осенью 1996 г. несколько севернее восстановленных Воскресенских ворот, в брусчатке перед Иверской часовней был укреплен странный металлический знак с надписью "нулевой километр". Нисколько не сомневаясь в худо-

⁶ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 27, 317.

⁷ Кусов В.С. Указ. соч. № 305, 306, 527, 576.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Писцовая книга № 687. Л. 403.

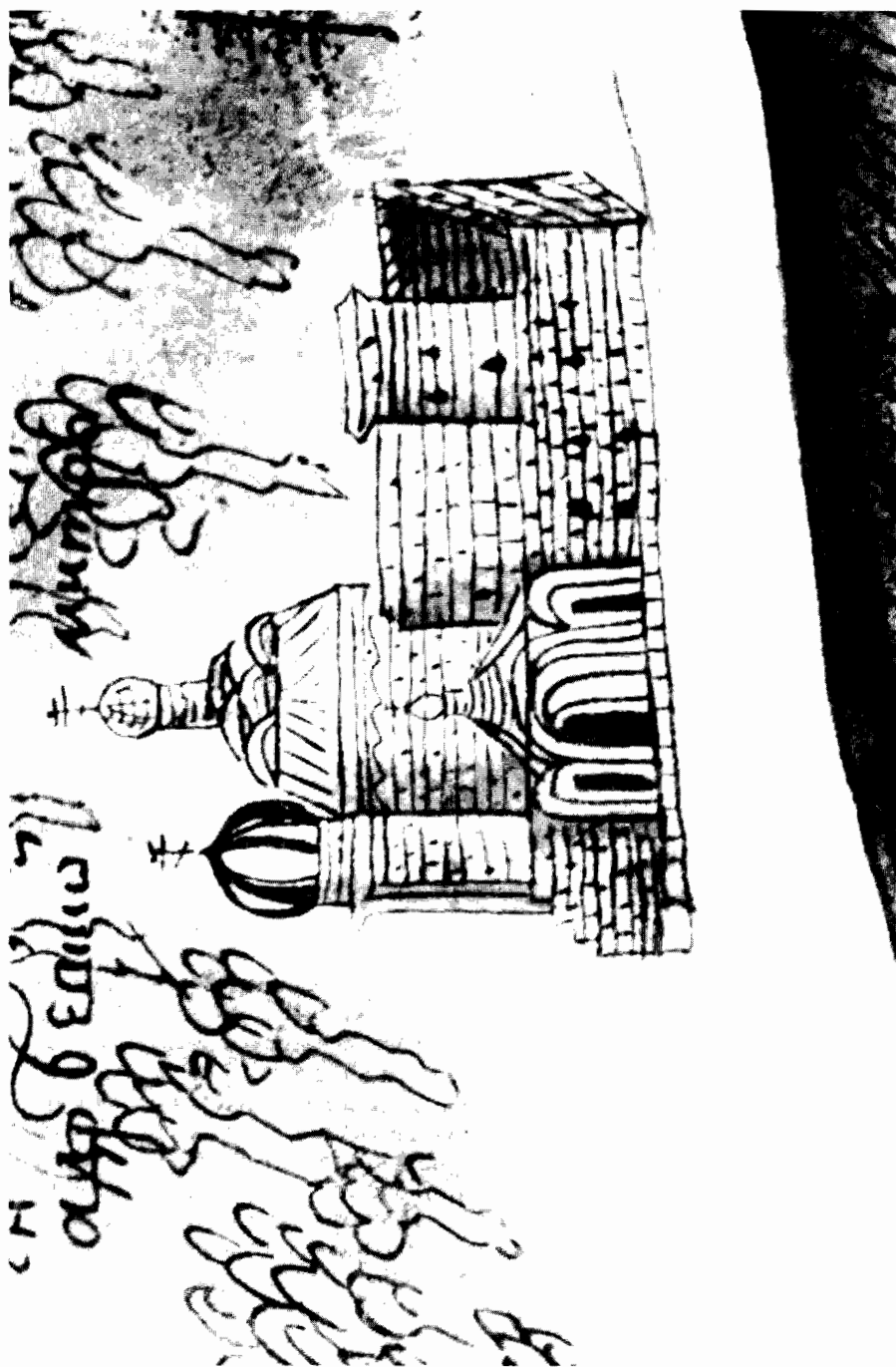

Рис. 3. Л. Антипин. Фрагмент "Чертежа земель от Земляного города до речки Раменки"
с изображением Андреевского монастыря (увеличено в 2 раза)

Рис. 4. В. Мануйлов.
Фрагмент
"Чертежа земель
от Колужских
и Серпуховских ворот
до села Воробьева"
с изображением
Серпуховских ворот
(в размере оригинала)

жественных достоинствах растительно-животного орнамента этого сооружения, все же укажем на его геодезическо-историческую несостоятельность. Именно чертеж Мануйлова 1683 г. на этом "настаивает".

Посмотрим на рис. 2: двигаясь от Земляного города на юг по Калужской дороге и поравнявшись по широте примерно с Донским монастырем, мы наталкиваемся на скромную стрелку-метку с надписью "от Москвы верста"(!). Так будем же бережнее относиться к нашим памятникам и русскому языку. Метка – это всегда штрих, точка, отсчет – обозначается в русском языке именем числительным (от такой-то метки до такой-то столько-то единиц протяженности). Порядковые числительные (пятая верста, четвертый километр), обозначают некую непрерывность, интервал, "нулевой километр" и в данном случае не существует. Протяженность пути по дорогам Руси исстари отсчитывали не от формально геометрического центра какой-либо торговой площади, а от реальной черты – границы города, по каждой дороге от своих ворот. По московским дорогам поставлены верстовые столбы в тот период, когда границей был Земляной город, от его стен и начинался отсчет верст, командировочных или прогонных денег. Было бы весьма уместно в год 850-летия Москвы восстановить на Калужской дороге документально известный древнейший верстовой столб.

Третий, обнаруженный с помощью В.Ю. Беликова, чертеж составлен в 1688 г. на земельный участок в пределах нынешней Московской области, он примыкает с востока к городу Истра. Отметим, что найденный чертеж ориенти-

рован на север и графически весьма близок изображению, которое будет составлено на эту же местность через столетие⁹. Площадь этого участка, хотя и довольно значительна (более 10 кв км), все же является примерно четвертью огромного землевладения Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, окружавшего с севера и востока непосредственно сам монастырь. Поэтому предлагаемое название обнаруженного памятника упоминает владельца.

**№ 393а "Чертеж земель Воскресенского монастыря
по Волоцкой дороге и речке Доренке"**

(РГАДА. Ф. 1209. Стб., Москва. № 32822)

85 × 120 см, раскрашен, исполнен графически аккуратно, филигрань не видна. *Условные знаки*: населенные пункты (село, сельцо, деревня), пустошь, река, дорога, лесная растительность. *Надписи с топонимами*: "речки Песочня и Доренка, Волоцкая дорога, деревни – Рычкова, Кашина, Полева, село Олексино, сельца – Дорна, Салтаново, Ивановское, пустоши – Высокая, Ряпкино Малое, Ряпкино Большое, Дедово, Репино, Седельниково, Подывки, Сафатово, Гулидово, Подселово, Розрониха Большая, Розрониха Малая, Серково, Солошино, Головково, Федосово, Голицыно, Сакулово, Остратово, Борисова Гора". Для некоторых угодий указаны их владельцы: Воскресенский монастырь, Роман Боборыкин, Иван Павлович Матюшкин, Федор Чоботов, Богдан Полев, стольник Иван Яковлевич Еварлаков.

Дата составления чертежа 1688 г.

Автор не установлен.

⁹ РГАДА. Ф. 1354. Воскресенский уезд. Н-24 красн., план (1 : 8400).

М.П.Мохначева

**АВТОГРАФЫ ПРОГРАММ ПУБЛИЧНЫХ ЛЕКЦИЙ
УЧЕНЫХ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1840—1860-е годы)**

Архивный фонд (№ 735) Канцелярии министра народного просвещения (1825—1862), хранящийся в РГИА, насчитывает 3429 дел за 1807—1865 гг., среди которых значительное место занимает переписка министра с попечителями учебных округов, министерствами и ведомствами, научными и научно-просветительными организациями; здесь же разного рода прошения (автографы) частных лиц из всех городов и всей России¹.

Среди документов официального делопроизводства, включая писарские заверенные копии и перлюстрации документов личного происхождения, отложилось немало автографов российских ученых, в разные годы преподававших в Московском университете, а также приезжавших в университет для совершенствования научных знаний и педагогической практики, подготовки и защиты магистерских и докторских диссертаций. Это прошения и письма на имя попечителя учебного округа, либо самого министра; рукописи лекций и программ лекционных курсов; отзывы, рецензии, коллективные "мнения"² о преподавании учебных дисциплин в университетах и гимназиях, готовившихся к изданию и уже опубликованных учебниках и различных сочинениях; планы и отчеты о работе в отечественных и зарубежных библиотеках, архивах и музеях; документы о научных стажировках преподавателей Московского университета в европейских научных центрах.

Известно, что официальное разрешение читать публичные лекции впервые было дано Академии наук России 24 января 1726 г.³ Без малого через тридцать лет, 31 октября 1756 г. Московский университет получил право введения "публичных речей" профессоров перед вступлением их в должность. Можно сказать, что инициировал это "дозволение" М.В. Ломоносов. В августе 1755 г. по его представлению во втором томе журнала Академии наук "Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие" была опубликована "вступительная" лекция Н.Н. Поповского "Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете"⁴. Одной из первых вступительных лекций была лекция проф. А.А. Барсова "О употреблении красноречия в Российской империи". Она состоялась 31 января 1761 г.⁵ Через три года, 23 января 1764 г., в № 7 "Московских ведомостей" появилось сообщение об открытии в университете публичного класса для изучения "лучших авторов французских во всех родах...

¹ Фонды Российского государственного исторического архива. СПб., 1994. С. 47.

² В декабре 1765 г. по указу Екатерины II была составлена первая записка: "Мнение об учреждении и содержании университета и гимназии в Москве". В ее подготовке участвовали профессора: И.Х.Керштенс, А.А.Барсов, И.Н.Рост, И.Г.Рейхель, И.М.Шаден, К.Г.Лангер, И.Ф.Эразмус, см.: *Летопись Московского университета, 1755—1979*. М., 1979. С. 25.

³ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 169.

⁴ В июне 1755 г. Н.Н.Поповскому было разрешено читать лекции по философии, что явилось фактическим началом занятий студентов в Московском университете, см.: *Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в.* М., 1960. Т. 1. С. 367.

⁵ *Сухомятинов М.И.* История Российской Академии. СПб., 1878. Вып. IV. С. 194, 219.

переводов, находящихся на сем языке хороших сочинений, прославивших Англию, Германию, Италию".

Во второй половине XVIII в. помимо "вступительных лекций", стали проводиться торжественные собрания и годовые торжественные акты преподавателей и питомцев университета. Так, 22 апреля 1768 г. в торжественном собрании университета доктор юриспруденции И.А. Третьяков произнес "Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях", в котором директор университета М.М. Жерасков (с ноября 1762 г. он занимал также должность цензора университетской типографии), усмотрел "многие сумнительства", в связи с чем впредь была введена предварительная цензура речей профессоров⁶. 30 июня 1768 г. на годовом акте университета проф. С.Е. Десницкий произнес "Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции". Отметим также речи, произнесенные на годовых публичных собраниях университета проф. П.А. Страховым "Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие" (1788) и проф. П.А. Сохацким "Слово о главной цели воспитания" (1793). Последний с января 1790 г. вместе с проф. М.Г. Гавриловым издавал и редактировал ежемесячный "Политический журнал, с показанием ученых и других вещей", основу которого составляли переводные материалы из немецкого журнала, издававшегося в Гамбурге Обществом ученых мужей⁷.

Любопытное описание годовых публичных собраний в Московском университете на рубеже XVIII—XIX вв. содержится в рукописи «Жизнеописание Михаила Антоновского, сочинителя периодического издания "Беседующий гражданин", заключающего в себе план или начертание написанию Российской древней и новейшей истории, написанное неразлучным его Другом»⁸.

"Дней Александровых прекрасное начало" привнесло в практику публичных собраний в Московском университете новшества принципиального значения: с сентября 1803 г. началось чтение лекций по естественнонаучному и гуманитарному "разрядам" знаний с демонстрацией опытов и экспонатов, собранных к тому времени в кабинетах и библиотеке университета. В сборнике Главного правления училищ "Периодическое сочинение об успехах народного просвещения" (СПб., 1803. № 5. С.287-288.) сообщалось, что к чтению публичных лекций приступили профессора: Ф.Г. Политковский (естественная история), П.И. Страхов (опытная физика), И.А. Гейм (систематическое обозрение торговли), Х.А. Шлецер (история европейских государств — на нем. яз.).

В конце марта 1804 г. по приглашению попечителя М.Н. Муравьева в университете начали работать профессора Геттингенского университета Ф.Ф.Рейсс, Г.И. Фишер фон Вальдгейм, Ф.Х. Рейнгард, Г.Ф. Гофман. 23 ноября 1804 г. "Московские ведомости" оповестили москвичей о начале нового цикла публичных лекций с участием этих профессоров. Г.И. Фишер фон Вальдгейм читал натуральную историю (на фр. яз.), Ф.Ф.Рейсс — химическую философию с опытами (на фр. яз.), П.И. Страхов — опытную физику. Лекции по гуманитарному "разряду" читали профессора: Ф.Х. Рейнгард — историю философии (на фр. яз.), И.А. Гейм — начала коммерческой науки, П.А. Сохацкий — эстетику с разбором сочинений русских и иностранных писателей. Однако на этих двух "опытах"

⁶ В сентябре 1760 г. выпускники университета С.Е.Десницкий и И.А.Третьяков были посланы в университет Глазго, где в 1767 г. защитили диссертации на звание докторов права. 17 августа 1767 г. Третьяков начал чтение лекций на юридическом факультете по истории права, "сперва естественного, а затем римского с древностями". С.Е.Десницкий читал курс "римского права по институтам с применением к русскому праву отдельных знаков", см.: Летопись Московского университета. С. 23, 24, 27.

⁷ В 1799-1801 гг. П.А.Сохацкий редактировал журнал "Иппокрена, или Утехи любословия", выходивший в качестве приложения к "Московским ведомостям". В 1802-1803 гг. Сохацкий возглавлял редакцию журнала — преемника "Новости русской литературы".

⁸ ОР РНБ. Ф. 18 (В.Г.Анастасевич). № 321. 19 л. (автограф).

публичных лекций "прекрасное начало" Александрова "просвещенного абсолютизма" было приостановлено практически на второй половине 30-х годов. Правда, в январе 1812 г. проф. А.Ф. Мерзлякову было дозволено прочитать курс лекций по русской словесности, но не в университете, а в доме кн. Б.В. Голицына на Старой Басманной улице⁹. Другой курс, подготовленный членом Вольного общества любителей российской словесности И.Чернявским как публичный для чтения в Петербурге той же зимой, дозволен не был. Сохранилась "вступительная" "Речь о пользе вообще слова и свойствах русского языка"¹⁰. В 1819—1823 гг. были изданы четыре тома "Речей, произнесенных в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями"¹¹.

Чтение лекций в Москве возобновилось в 1836 г., проф. Р.Г. Гейман получил дозволение прочесть бесплатные публичные лекции по технической химии для московских фабрикантов¹². Тогда же Канцелярия министра народного просвещения выделила в специальное делопроизводство дела "о публичном чтении лекций разными лицами". В начале 60-х годов в связи с увеличением документооборота и преобразованиями в структуре министерства делопроизводство о публичных лекциях было передано в VIII разряд общих дел Департамента народного просвещения¹³. Начиная с 80-х гг. XIX в. в делопроизводстве департамента отдельно формировались также дела "о порядке разрешения публичных лекций и чтений в столицах"¹⁴.

Обычно на обложки таких дел перед их сдачей в архив секретарь Канцелярии министра (позже Департамента народного просвещения) выносил фамилии тех, кто "испрашивал дозволения читать публичные лекции". Такая практика позволяла оперативно готовить годовые сводки и справки о статистике публичных лекций и чтений по учебным округам России. В одном из первых дел (оно было заведено 13 сентября 1840 г. и окончено 16 декабря 1845 г.) на обложку вынесены 29 фамилий¹⁵. Это ученые Московского, Петербургского и Казанского университетов, зарубежные ученые, приезжавшие в Россию работать по контракту в одном из университетов, учителя частных учебных заведений¹⁶, а также председатель Рижского литературного общества. На обложку дела "О дозволении читать публичные лекции в 1861 г." были вынесены уже 56 фамилий¹⁷, а в деле "О порядке разрешения публичных лекций и чтений в столицах" в 1888/89 уч. г. хранится переписка попечителя Московского учебного округа гр.

⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855. Ч. II. С. 61.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 18. № 327. 16 л. (авторизованная писарская копия).

¹¹ В 1762 г. в типографии университета впервые было издано "Слово... говоренное в публичном собрании имп. Московского университета... г." Этот тип изданий выходил по 1905 г. включительно под разными названиями: "Рассуждение...", "Похвальное слово...", "Слово предложенное..." С 1804 г. издавались: "Вступительное слово..." и "Речь в торжественном собрании..."

¹² Материалы для истории развития химии в России. М., 1901. С. 64. В 1807 г. Х.А.Чеботарев издал "Публичные лекции для фабрикантов по технологии белильного и красильного искусства". Годом ранее И.А.Двигубский прочитал, а в 1807 г. издал "Начальные основания технологии, или Краткое показание работ, на заводах и фабриках производимых".

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 182, 412, 595 и др.

¹⁴ Там же. Оп. 194. Д. 774 и др.

¹⁵ Там же. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196.

¹⁶ 5 мая 1757 г. Московский университет наряду с Академией наук, получил право аттестации иностранных учителей согласно императорскому указу "О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определяться в частные дома для обучения детей" (ПСЗ. Т. XIV. № 10724). В делопроизводстве Канцелярии министра народного просвещения хранятся немало именных свидетельств, выдававшихся преподавателям-иностранцам, работавшим в частных школах Москвы, Петербурга, других городов империи.

¹⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 6. Д. 106.

П.А. Капниста, московского генерал-губернатора кн. А.А. Долгорукова с директором Департамента народного просвещения Н.М. Аничковым и непосредственно министром народного просвещения И.Д. Деляновым о дозволении чтения курсов публичных лекций (до десяти лекций каждый) по гуманитарному циклу следующим преподавателям Московского университета: акад. архитектуры К.М. Быковскому, проф. А.Н. Веселовскому, э. о. проф. П.Г. Виноградову, проф. В.И. Герье, проф. Н.Я. Гроту, проф. В.О. Ключевскому, приват-доц. Л.М. Лопатину, проф. Н.И. Стороженко, проф. А.И. Чупрову¹⁸. Для сравнения: в 1906-1914 гг. силами только историков Московского университета, членом Московского общества народных университетов в год в среднем читалось до 90 публичных лекций¹⁹.

Выделение в специальные дела делопроизводства о публичных лекциях и чтениях в Москве и Петербурге было обусловлено изначально различным процедурным порядком "дозволения" подобного рода публичных собраний в столицах и губернских центрах России. "Общий устав имп. Российских университетов" (1835) подтвердил зафиксированное в уставе Московского университета (1804) в качестве "особенного достоинства" право создавать ученые общества по русской и древней словесности, "по распространению наук опытных и точных", печатать научные труды и периодические издания "за свой счет" установленным порядком цензурования. Все вопросы, связанные с проведением публичных актов в университете (годовых, торжественных собраний, публичных диспутов во время защиты диссертаций), должен был санкционировать попечитель учебного округа по представлению ректора университета. В отношении иных публичных собраний действовало специальное "Положение о публичных лекциях в столицах" и разработанная к нему инструкция министра народного просвещения о порядке документального оформления дозволения публичных лекций и чтений. Ст. 2 Положения предписывала "принимать меры, чтобы публичные лекции, по какой бы то ни было отрасли познаний, были читаемы единственно лицами, имеющими нужные для того качества и заслуживающими доверия". В ст. 4 определялся круг таких лиц: "Лица эти могут быть трех родов : а) занимающие кафедру какой-либо науки в одном из высших учебных заведений в России или принадлежащие к высшему ученому сословию; б) лица..., имеющие одну из ученых степеней магистра или доктора; в) лица, не принадлежащие ни к первому, ни ко второму разрядам". Последние по ст. 11 должны были "предварительно выдержать в университете строгий экзамен в той науке, по коей они намерены читать публичные лекции", представить подробную программу курса лекций и провести "пробную лекцию" в присутствии университетских ученых, "как облеченных уже правительством в звание высших наставников", и чиновника особых поручений Министерства народного просвещения. В случае успешной сдачи такого экзамена лицам "третьего разряда" выдавалось "предварительное удостоверение" установленного образца²⁰.

¹⁸ Там же. Ф. 733. Оп. 194. Д. 774. Л. 56—71: Копии программ публичных лекций, заверенные правителем канцелярии попечителя Московского учебного округа Н.В. Высотским, акад. Быковским — "О происхождении романского стиля, храмах, римском стиле, монастырях романской эпохи, замках, скульптуре, живописи", профессоров: Веселовского — "История русской литературы XVIII века", Виноградова — "Условия образования государств на Западе", Герье "Культура и мировоззрение средних веков", Грота — "О психологии", Ключевского — "Россия в XVII веке (пред эпохою преобразования)", Стороженко — "История средневековой французской литературы", Чупрова — "Очерк народного хозяйства и экономических воззрений в конце средних веков", приват-доцента Лопатина — "О нравственной философии".

¹⁹ Демина Л.И., Мохначева М.П. К вопросу о научно-просветительской деятельности историков Московского университета в 1906-1914 гг. // Российские университеты в XIX — начале XX века: Сб. науч. ст. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 71, 73—74.

²⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 21—21 об., 70—70 об.

Всем трем категориям лиц, ходатайствовавших о праве читать публичные лекции (одну или несколько) в Москве и Петербурге, инструкцией министра предписывалось представить авторскую программу лекций попечителю учебного округа, который должен был рассмотреть ее лично и представить с сопроводительным письмом-ходатайством в министерство, после чего министр обязан был согласовать вопрос о дозволении чтения лекций по каждой поступившей в министерство программе публичных лекций с министром внутренних дел и только затем довести "мнение по взаимному соглашению" двух министров до градоначальника, в обязанности которого входило оповестить автора программы о судьбе его прошения, а также наблюдать за ходом лекций, представив по окончании свое "мнение" или справку о содержании каждой лекции и реакции слушателей. Таким образом создавался тройной цензурный контроль за публичными лекциями и чтениями в Москве и Петербурге: научный (в виде отзыва или рецензии Ученого совета университета, либо декана, либо и чаще всего специально назначаемого для этого рецензента из числа профессуры), административный (переписка попечителя учебного округа с министром народного просвещения) и полицейский (обязательная виза МВД, либо III отделения с.е.и.в.к. о "дозволении чтений"). В губернских городах чтение публичных лекций дозволялось попечителем учебного округа по предварительному согласованию вопроса с губернатором²¹.

Так, в архив Канцелярии министра народного просвещения попадали рукописи, программы публичных лекций ученых Московского университета, — автографы, авторизованные и заверенные писарские копии. Большинство этих документов исследователям не известны.

Переписка министра народного просвещения с МВД и III отделением свидетельствует о том, что ходатайства о дозволении чтения публичных лекций по естественным наукам лицами "первого и второго разрядов" удовлетворялись без особых препятствий и проволочек. Так, в октябре 1841 г. было удовлетворено прошение проф. Московского университета М.Ф. Спасского "читать в наступающем 1842 г. в университетском доме по вторникам и четвергам от 6 до 7 часов по полудни" курс публичных лекций по физике. Программа курса (автограф) состояла из 35 лекций²². В 1842 г. "обычным порядком" были разрешены для чтения в Петербурге и Москве курс публичных лекций по геологии и палеонтологии (на нем. яз.) акад. Медико-хирургической академии Э.И. Эйхвальда и "публичные чтения по неорганической химии" акад. Академии наук, проф. Артиллерийского училища Г.Г. Гесса²³. Гораздо сложнее обстояло дело с разрешением публичных лекций по гуманитарным наукам, особенно по истории, литературе и философии.

13 сентября 1840 г. за личной подписью А.Х. Бенкендорфа министру народного просвещения гр. С.С. Уварову было направлено письмо №4620 III отделения, в котором сообщалось: "...Литератор Николай Полевой изъявил мне желание читать публично лекции о Российской словесности; просил исходатайствовать ему на сие дозволение..., покорнейше прошу Вас, милостивый государь, прежде чем изволите дать г. Полевому по просьбе его какое-либо разрешение, почтить меня на счет оной словесным объяснением". В ответном письме №1286

²¹ Высочайше учрежденные 10 марта 1862 г. "Правила для литературных чтений в Санкт-Петербурге" рескриптом министра народного просвещения были распространены на Московский учебный округ. Сложившийся к началу 60-х годов XIX века порядок "дозволения" научных и литературных публичных лекций и чтений в столицах и губерниях России был узаконен в статье 387 "Уставлений учен. учр. и учебн. заведений Министерства народного просвещения", см.: ПСЗ. СПб., 1893 г. Т. XI, ч. I.

²² РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 8—9.

²³ Там же. Л. 18—20, 22, 23—24.

от 15 ноября 1840 г. Уваров писал: "...Едва ли удобно дозволить ныне г. Полевому чтение публичных лекций, и в особенности о русской словесности, должствующих привлечь значительное число слушателей, без полного убеждения в совершенной благонадежности его образа мыслей". При этом Уваров ссылался не на представленную Полевым программу лекций, а на то, что тот «известен по изданию в прошедшем десятилетии журнала "Телеграф", на неблагонамеренное направление коего обращено было особое внимание»²⁴. 20 ноября А.Х. Бенкендорф удовлетворенно констатировал: "Я согласен с Вашим мнением, полагаю, что литератору Полевому неудобно дозволить читать публичные лекции о Российской Словесности"²⁵.

Не только благонадежному Н.А.Полевому, но и титулованным именитым ученым и литераторам нередко отказывали в чтении публичных лекций в столицах.

В течение трех месяцев с 16 сентября по 18 декабря 1843 г. решался вопрос о дозволении чтения в Казани и Москве первого в истории публичных чтений курса лекций о Петре Великом о. проф. русской истории Казанского университета Н.А. Иванова²⁶.

Зимой 1839/40 уч. года Н.А. Иванов успешно прочитал в Казани свой первый курс публичных лекций по русской истории. Осенью 1842 г. до лета 1843 г. он был командирован попечителем Казанского учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным в Петербург и Москву для работы в библиотеках и архивах²⁷. Конечно же, Н.А. Иванов бывал на лекциях Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева по всеобщей истории в Московском университете. Для него это было профессионально необходимо и интересно, ведь и Грановский, и Иванов начали читать этот курс в одно и то же время, в 1839 г.

Вполне возможно, что первый курс публичных лекций Грановского по истории средних веков (он читал его с 23 ноября 1843 г. до 22 апреля 1844 г.) и курс публичных лекций Иванова о Петре Великом были задуманы ими совместно как антитеза теории "официальной народности", проводившейся И.И. Давыдовым, М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым и рядом других профессоров Московского университета. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что Грановский и Иванов подали свои прошения о дозволении читать курс публичных лекций одновременно.

Сопроводительные документы к автографу "Программы публичных лекций об истории средних веков" Т.Н. Грановского (см. Приложение 1) содержат интересные сведения об условиях, на которых было разрешено чтение этого курса: " по два часа в неделю с платою по пятидесяти рублей ассигнациями от каждого слушателя за полный курс средней истории", начиная " с ноября сего года... в одной из аудиторий университета" в зависимости от числа слушателей²⁸.

²⁴ Там же. Л. 2—2 об. По результатам работы специально созданной комиссии по рассмотрению содержания журналов "Телеграф" и "Московский телеграф" министр народного просвещения объявил 27 марта 1837 г. о введении нового цензурного установления — "рассмотрении повременных изданий в одно время двумя лицами", т. е. двумя специально назначаемыми цензорами (ОР РНБ. Ф. 831. № 5. Л. 2—2 об.; № 2. Л. 22—25 об.)

²⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 1—2 об., 5.

²⁶ Там же. Л. 45—47 (автограф программы, состоящей из 14 лекций. Цель курса, писал Иванов, ответить на вопрос: "Творил ли Петр Великий, или только преобразовывал и воссоздавал существовавшие уже элементы? Действительно ли так внезапно, так круто и резко древняя Россия отделилась от России Петрова века, как полагают некоторые?" Оплата за полный курс составляла "по 3 руб. серебром для посторонних слушателей", "для студентов своекоштных по 5 руб. ассигнациями, а для казенных еще меньше по усмотрению инспектора студентов". Полученные средства предназначались для устройства детского приюта в Казани).

²⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского ун-та (1804—1904): В 2 ч. Казань, 1904. Ч. 1. С. 88.

²⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 37—38 об.

Автограф программы первого курса публичных лекций Грановского, по сути основной и единственный сохранившийся историографический источник, главное свидетельство того, что, по выражению А.И. Герцена, вызывало "магнетическую связь" между лектором и его слушателями, приводило аудиторию в "безумный, буйный восторг". При сравнении этого текста со структурой изданных фрагментов и полных студенческих записей учебных лекционных курсов Грановского по истории средневековья нетрудно заметить существенные различия в организации материала в каждом²⁹. Готовя к публикации фрагменты "в студенческой записи", сделанной М.М. Латышевым, учебного лекционного курса Грановского, прочитанного им в 1845/46 уч. году, П.Н. Милоков обратил внимание на письма историка к друзьям, в одном из которых тот самокритично писал: "Только теперь начинаю понимать историю в связи... вижу все недостатки, — и чувствую решительную невозможность читать *в этом году* иначе. Здесь речь идет не о способе изложения, а о расположении частей предмета. Между ними нет соразмерности — многое прочтешь слишком подробно, другое кратко — сам не знаешь, как быть". В другом письме Грановский сетовал: "Я сам недоволен "моими лекциями, и ни за что не согласился бы прочесть еще раз то, что читал, но не могу не заметить успеха... Еще года два и я буду хозяином предмета; теперь он владеет мною, не я им"³⁰.

30 октября 1845 г. попечитель Московского учебного округа направил в Канцелярию министра народного просвещения запрос о дозволении "прочесть в нынешнем году" э.о.проф. Грановскому новый курс публичных лекций "Сравнительная история Франции и Англии до 1625 г.". Любопытно, что автограф программы Т.Н. Грановского (без подписи), приложенный к запросу, имеет иное название: "Программа курса сравнительной истории Французского и Английского народа" (см. Приложение 2).

Публичные лекции 1845/46 уч. года сыграли решающую роль в совершенствовании лекторского мастерства Т.Н. Грановского. Он сам ощутил это в феврале 1846 г.: "Публичные мои лекции идут хорошо... Летом... займусь приготовлением к печати моих лекций. Хочется издать "Курс сравнительной истории Франции и Англии до XVII века"³¹.

А.В. Станкевич, биограф и издатель переписки Грановского, свидетельствовал, что единственная известная ему, сделанная "одним из друзей" Грановского, полная запись его второго публичного лекционного курса, которую историк намеревался "обработать и дополнить", после его смерти была передана вдовой П.Н. Кудрявцеву, чтобы он исполнил волю историка и издал этот курс. Однако Кудрявцеву не удалось это сделать. После смерти Кудрявцева "в его бумагах этот курс не нашли". Таким образом, автограф "Программы курса сравнительной истории Французского и Английского народа" имеет исключительно важное значение и научную ценность. Обе программы совокупно с другими ранее изданными публичными лекциями и учебными курсами Грановского позволяют предметно исследовать методику лекционной работы историка, проследить его теоретико-методологические взгляды, поиск форм исторического письма.

Вторжение чиновников Министерства народного просвещения в контекст авторского названия второй программы далеко не единственный случай такого рода. Редакторским изменениям подвергались не только названия курсов публич-

²⁹ См.: Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1961; Он же. Лекции по истории позднего средневековья. М., 1971; Он же. Лекции по истории средневековья. М., 1987.

³⁰ Цит. по: Милоков П.Н. Университетский курс Грановского // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: Литературно-научный сборник... 2-е изд. М., 1898. С. 13—15 (письмо к Н.В. Станкевичу. Москва, октябрь или ноябрь 1839 г.).

³¹ Грановский Т.Н. и его переписка : В 2-х т. М., 1897. Т. II. С. 422 (письмо к Фроловым. Москва, февраль 1846 г.).

ных лекций, но и тексты программ. Нередки случаи изъятия из них целых разделов. Примером может служить "Подробная записка публичного курса русских и болгарских древностей, объясняемых всеславянскими и общеевропейскими". Ее автор Н.В. Савельев-Ростиславич, писатель, преподававший историю в Пажеском и Павловском кадетских корпусах, член-соревнователь Московского общества истории и древностей Российских. Цель курса, писал Савельев-Ростиславич, "познакомить любителей отечественных древностей с периодом бытия Русского народа и походами его до времени Рюрика". Курс был разрешен 24 сентября 1844 г. под названием "О русской истории с III-го века до половины IX-го"³² как "дополняющий" прочитанный С.П. Шевыревым в 1844/45 уч. году курс публичных лекций "Об истории русской словесности в связи с историей русского образования вообще".

Автограф программы курса (см. Приложение 3), кстати, также имеющий иное авторское название, интересен как историографический источник, фиксирующий "момент истины", отправную точку в создании полного текста "Истории русской словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции Степана Шевырева, о.профессора Московского университета" (М., 1846—1860. Т. 1—2.). Научная значимость данной программы в плане источниковедения историографии еще более очевидна в связи с помещенным М.П. Погодиным в примечаниях к его "Воспоминанию о Степане Шевыреве" (СПб., 1869) объявлением "Программа бесед профессора Шевырева об истории Русской словесности". Объявление было напечатано на русском языке в Париже 1861 г. в императорской типографии. Шевырев послал его Погодину в одном из писем в начале марта 1862 г., когда уже состоялись первые четыре из 12 запланированных лекций этого последнего в жизни ученого курса публичных лекций.

Неоднократно перedelывал по замечаниям цензоров текст программы публичных лекций "Об истории и литературе славян" о.профессор славянских наречий В.И. Григорович³³. В конце октября 1848 г. до 12 декабря 1849 г. он был командирован из Казанского университета в Москву. Здесь Григорович блестяще выступил в торжественном собрании ОЛРС с речью "О значении церковно-славянского языка" (1848)³⁴. В Москве им был задуман курс публичных лекций по "истории и литературе славянства". Спустя десять лет он будет дозволен к чтению в Казани.

Интересные сведения о процедуре дозволения чтения в январе—мае 1851 г. публичных лекций "в пользу недостающих студентов" Московского университета, а затем публикации книги "Публичные лекции проф. Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева, читаны в имп.Московском университете в 1851 г." (М., 1852) хранятся в фондах Департамента народного просвещения (Ф. 733) и Главного управления цензуры (Ф. 772) в РГИА.

Довольно придирчиво в Министерстве народного просвещения рецензировалась программа "Жизнеописание Карамзина. Публичные чтения академика Погодина" (1865) (см. Приложение 4). История подготовки М.П. Погодиным текста программы публичных чтений о Карамзине отражена в ряде дел личного архивного фонда К.С. Сербиновича³⁵. Наибольший интерес представляет запись Сербиновича ответов кн. П.А. Вяземского на вопросы анкеты М.П. Погодина "О механизме работы М.Н. Карамзина. Как он вел ее?" (Д. 162, 165), а также автографы писем Погодина Сербиновичу (Д. 176. Л. 1—218), в которых Погодин

³² РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 100, 101—104 об.

³³ Там же. Оп. 6. Д. 106. Л. 54—57 (писарская копия утвержденной в феврале 1861 г. "программы трех публичных чтений").

³⁴ В 1851 г. В.И.Григорович вторично произнес эту речь в Казани, см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского ун-та. Ч. 1. С. 72.

³⁵ РГИА Ф. 1661. Оп. 1. Д. 144, 158, 160—165, 176.

сообщает о работе над книгой о Карамзине и об общественном мнении, о первых прочитанных им публичных лекциях о великом историографе.

Выявленные в архиве Канцелярии министра народного просвещения автографы, авторизованные рукописи, заверенные писарские копии программ публичных лекций, разрешенных и запрещенных, могли бы составить целый сборник. Издание такого сборника окажет неоценимую помощь исследователям.

Хранящиеся в фондах Министерства народного просвещения в РГИА программы публичных лекций ученых Московского университета, других высших учебных заведений России пореформенной эпохи лишь частично отражены в каталоге архива. Работа по выявлению этих историографических жемчужин еще впереди.

Помещенные в приложениях 1—4 тексты программ публичных лекций Т.Н. Грановского, С.П. Шевырева и М.П. Погодина публикуются согласно правилам издания документов XIX в. с сохранением архаики написания имен собственных и топонимов в текстах Т.Н. Грановского.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

Т.Н. Грановский. Программа публичных лекций об истории средних веков

Лекции:

- 1-я Значение истории вообще и для нашего времени в особенности. Развитие исторической науки.
- 2-я Развитие исторической науки. Исторический процесс и его цель.
- 3-я Значение среднего или переходного века. Древний мир от Августа до падения Западной империи. Замирание древних форм жизни.
- 4-я Продолжение. Начало христианства и борьба его с языческими обществами.
- 5-я Германцы. География и этнография Германского мира. Внутренний быт народа.
- 6-я Германцы на Римской почве. Результат столкновений.
- 7-я Франки до Карла Великого.
- 8-я Карл Великий.
- 9-я Византия до арабов. Магомет и ...*
- 10-я Борьба Халифата с Византией и завоевание его.
- 11-я Скандинавский полуостров. Религия и быт.
- 12-я Норманы и англо-саксы до 1066 года.
- 13-я Разложение каролингского государства. Новые династии и народы.
- 14-я Феодализм и иерархия церковная.
- 15-я Развитие императорской и папской власти до Генриха IV и Григория VII.
- 16-я Начало борьбы. Вормский конкордат. Италия.
- 17-я Франция и Англия до исхода XI-го века.
- 18-я Пиренейский полуостров — общины — новый элемент в европейской жизни.
- 19-я Крестовые походы до взятия Иерусалима. Иерусалимское королевство.
- 20-е Императоры и папы. Фридрих Барбаросса. Италиянские общины.
- 21-я Крестовые походы в 12 и 13 веках.
- 22-я Последние Хогенштауфены^{2*}. Торжество и падение папы. Развитие средневековой жизни.
- 23-я Италия и Германия до начала 15-го века.
- 24-я Франция и Англия до начала 15-го века.
- 25-я Продолжение.
- 26-я Скандинавский и Пиренейский полуострова.
- 27-я Соборы в Пизе, Базеле и Констанце. Предверие реформации.

* Слово неразборчиво.

^{2*} Гогенштауфены, династия германских королей и императоров "Священной Римской империи" (1138—1254).

28-я Падение политических форм среднего века. Феодализм и общины

29-я Литературное движение.

30-я Общий вывод. Колумб и Лютер.

Преподаватель Т. Грановский

РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 38-38 об. Автограф

2

Т.Н. Грановский. Программа курса сравнительной истории французского и английского народа

Сходство и различие между развитием французской и английской народности. Географические и этнографические условия этого развития. Значение кельтического элемента. Пришествие германских племен. Римское и Германское начало. Христианство. Франки и англосаксы. Карл Великий и Алфред. Норманы. Феодалное государство во Франции и в Англии. Генрих VI и Фридрих Август. Magna carta.

Франция северная и Франция южная. Албигойцы. Лудовик IX. Филипп Красивый и его сыновья. Переход к новым формам. Столкновение с Англией. Англия до Эдуарда III. Бароны. Новый парламент. Ирландия. Галлия. Истландия. Науки и литература XIV века.

Войны Франции и Англии. Падение рыцарства. Дева Орлеанская. Влияние этих войн на дальнейшую судьбу обоих народов.

Алая и белая розы. Герцогство бургундское. Генрих VII и Лудовик XI. Королевская власть и феодализм. Италиянские войны. Эпоха возрождения. Франц I и Генрих VIII. Реформация. Религиозные войны. Екатерина Медичи, Мария Стюарт и Елизавета. Гизы и Валуа. Генрих Наварский и Лига. Сатира...^{3*} Успокоение Франции при Генрихе IV. Век Елизаветы. Яков I-й. Умственная деятельность в XVI столетии.

Заключение.

Предлагаемый курс должен состоять из 25 или 30 лекций. Чтение лекций имеет происходить дважды в неделю по средам и субботам от половины третьего до половины четвертаго. Плата за курс полагается 15 рублей серебром.

РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 115-115 об. Автограф без подписи.

3

С.П. Шевырев. Программа публичного курса истории русской словесности

Введение

Объем Истории русской словесности — Материалы — Разделение на периоды — Общее обозрение — Мысль науки, состоящая в правильном определении отношений Руси древней к Руси новой — О начале языка устного — Словенская стихия — Скандинавская и другая — О начале языка письменного — Перевод Священного Писания — Отношение словено-церковного языка к русскому.

1-й период

1-е Отделение 1-го периода

Южное средоточие

IX, X, XI и XII столетия

Введение и распространение Христианства — Влияние его на народ, видимое в древних духовных песнях народа — Письменные памятники сих столетий — Иларий, Феодосий, Нестор летописец в XI веке — Подробное изучение памятников Русской словесности в XII веке.

2-е Отделение 1-го периода

Северное средоточие

XIII столетие — переход от юга к северу.

XIV столетие — состояние просвещения — деятельность Митрополита Киприана — Памятники словесности — Путешествие в Царьград — Слово о Мамаевом побоище — Послание о стригольниках — Кирилл Белозерский — Его послание.

^{3*} Слово неразборчиво.

Отзывы Монгольского периода в исторических народных песнях — Было ли влияние татарское на язык?

XV век — Состояние образования — Писатели — Памятники — Послания — Иосиф Волоцкий.

3-е Отделение 1-го периода

XVI век — Состояние образования

Северное средоточие

Даниил Митрополит — Максим Грек — Труды Митрополита Макария — Сочинение инока Зиновия против ереси Феодосия Косого — Курбский — Иоанн Грозный.

Южное средоточие

Деятельность Константина Острожского — Первое начало киевских школ

XVII век — Памятники словесности, относящиеся к царствованию Бориса Годунова и междуцарствие — Состояние просвещения России при Романовых от Михаила Феодоровича до единодержавия Петра.

Южное средоточие — История Киевской коллегии — Петр Могила и другие представители юго-западной России.

Северное средоточие — Памятники словесности русской во времена патриархов.

Отношение северного средоточия к южному. Труды св. Димитрия Ростовского, переходящего в новый период.

Значение древне-русской словесности в отношении к новому ее периоду.

№. Дух, в каком я буду излагать всю Историю отечественной словесности в древние ее периоды уже известен моему начальству и всем русским читателям из тех пяти чтений, которые были напечатаны в Москвитяине 1844 года.

2-й период

Изучение исторических песен русского народа, в которых слышны отзывы разных эпох древней нашей жизни.

Изучение народных песен, распеваемых теперь русским народом.

Время Петра Великого — Характеристика Петра в отношении к просвещению и словесности — Деятельность Стефана Яворского и Феофана Прокоповича

Время переходное — Кантемир — Тредьяковский

Четыре отделения нового периода, имеющее своих представителей в пяти писателях русских.

1 Ломоносов как русский представитель науки, образователь языка и поэт

2 Державин, как выразитель идеи правды и представитель времени Екатерины — Другие писатели того же времени

3 а) Карамзин как выразитель западных гуманических идей эпохи Александра; б) Жуковский как первый поэт-художник и представитель идеи душевной красоты в поэзии русской. Другие писатели, им современные

4 Пушкин — как выразитель идеи изящной и народной в русской словесности — Разбор подробный Бориса Годунова

Новый период русской словесности будет изложен не столь подробно, и преимущественно в отношении к тому, как через его влияния проходит мысль древнего периода

О[рдинарный] Профессор (подпись: С.Шевырев)

РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 196. Л. 79-80 об. Автограф.

4

Жизнеописание Карамзина.

Публичные чтения академика Погодина

В нынешнем 1865 г. исполняется столетие рождению Карамзина. Академик Погодин намерен прочесть полное его жизнеописание по сочинениям его, письмам, отзывам современников и прочим документам, от наследников полученным. Чтений

предполагается от 6 до 8. Сбор за оные предназначается преимущественно на основание Карамзинского капитала для пособия нуждающимся ученым и литераторам и их семействам в Москве.

Содержание чтений: Происхождение и детство Карамзина. Первоначальное воспитание в Симбирске и Москве.

Вступление в службу, отставка, жизнь в Симбирске. Вступление в Новиковский круг. Занятия. Знакомства с Кантом, Гердером, Виландом, Лафатером, Боннетом, Бартеlemi и проч.

Возвращение. Московский журнал. Первые сочинения. "Письма Русского путешественника", "Бедная Лиза", "Наталья боярская дочь". Отношение к Дмитриеву, Державину, Хераскову.

Внезапное прекращение журнала. Розыски. "Аглая". Новые опыты. Светская жизнь. Переводы. "Аониды". Доносы. Кончина императора Павла.

Оды Александру I-му. Похвальное слово Екатерине. "Вестник Европы". Политические статьи. "Марфа Посадница".

Мысль писать историю. Ее следы. Назначение историографом. Приготовления, работы. Отношения к в[ел] к[н] Екатерине Павловне. "Записка о древней и новой России". Чтение истории в Твери императору Александру. Разговоры. Нашествие французов. Окончание осьми томов. Путешествие в Петербург. Затруднения. Визит к графу Аракчееву. Прием. Дружеская связь с императором Александром. Записка о Польше. Издание 9, 10 и 11-го томов. Ходатайство о Пушкине.

Кончина императора Александра. Происшествия 14-го декабря. Болезнь. Письмо к друзьям. Кончина.

РГИА. Ф. 733. Оп. 19. Д. 182. Л. 46-46 об. Писарская копия.

В сопроводительном письме от 6 марта 1865 г. попечителя учебного округа И.Д.Деянова на имя министра народного просвещения говорилось: "Академик Погодин просит о разрешении ему в течение пятой и шестой недели поста прочесть публично сочиненное им жизнеописание Карамзина, по прилагаемой при сем программе" (Там же. Л. 45). 10 марта 1865 г. чтение лекций было дозволено.

В.Г. Бухерт

О ПРОЕКТЕ СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО АТЛАСА МОСКВЫ (1879–1880)

Инициатива создания исторического атласа Москвы исходила от председателя Императорских Русских географического и археологического обществ, великого князя Константина Николаевича, который, находясь проездом в Москве 15 мая 1879 г., предложил директору МГАМИД барону Федору Андреевичу Бюлеру составить "хронологические планы", по которым бы "видно было постепенное развитие и расширение древнего первопрестольного града"¹.

Бюлер заручился поддержкой московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова. К обсуждению вопроса о подготовке атласа директору МГАМИД удалось привлечь известных ученых: председателя ОИДР И.Е. Забелина, библиотекаря этого общества и помощника директора Московской Оружейной палаты Г.Д. Филимонова, председателя МАО графа А.С. Уварова, секретаря МАО В.Е. Румянцова, Д.И. Иловайского, а также председателя образованной при Московской городской думе "Комиссии для исторического описания Москвы" Н.А. Найденова, члена этой комиссии и редактора "Известий Московской городской думы" М.П. Щепкина, известного писателя П.И. Мельникова, "основательно знающего историю Москвы и ее окрестностей, особенно по отношению к расколу" (Л. 86 об), секретаря Московской духовной консистории Н.П. Розанова, который, как отмечалось, "отлично знает" все о московских церквях и монастырях (Л. 11 об), члена Комиссии по разборке архива Московской городской думы Н.П. Бочарова, архитектора А.А. Мартынова, председателя Межевой канцелярии В.И. Ахшарумова, межевого инженера Д.П. Рашкова. Предполагалось воспользоваться в первую очередь планами и видами Москвы и Кремля, хранящимися в библиотеке МГАМИД, которой заведовал И.Ф. Токмаков.

Дальнейшее участие великого князя выразилось в его рескрипте от 18 октября 1879 г. на имя председателя РИО А.А. Половцова, в котором было предложено обсудить, признает ли РИО возможным "оказать свое ученое содействие" начинанию. Великий князь выражал мнение, что "для пользы дела желательно бы поставить" создание исторического атласа Москвы "в ближайшую связь" с трудами РИО (Л. 68).

РИО, так же как и Русское археологическое общество, выразило готовность оказать Бюлеру "ученое содействие" (Л. 106–106 об.). Об этом же заявила и Академия наук, поручив поиск планов Москвы в своей библиотеке и музеях академику А.А. Кунику². Вопрос о подготовке атласа обсуждался на совещаниях, проходивших в сентябре 1879 – марте 1880 г. под председательством Бюлера на его квартире.

На первом из них, состоявшемся 25 сентября, Румянцов предложил "сделать

¹ РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 8. Д. 3010. Ч. 1. Л. 11. Далее ссылки на это дело даются в тексте статьи.

² Там же. Д. 3011. Л. 27–27 об.

выборку из летописей", а также "составить *алфавитный указатель* всех заключающихся в них упоминаний о Москве" (Л. 47). Бюлер полагал привлечь к этому служащих МГАМИД. Работа эта, считал Забелин, "заслуживает особого внимания", и предлагал распространить ее на архивные источники (планы, описания измерений улиц и т.п.) (Л. 125–125 об).

Иловайский предложил сначала "точнейшим образом разграничить периоды исторического роста Москвы", а потом уже приступать к составлению "хронологических планов" города. Он выразил мнение, что собственно "исторический" план Москвы можно составить на период не ранее XIV в. (Л. 45 об, 46 об). Еще более определенно высказывался Мельников, заявивший: "От X века можно нанести на план одни кладбища" (Л. 95 об). Мнение же Забелина состояло в том, что "значительные изменения в очертании Москвы" определяют периоды, на которые делится ее история (Л. 258 об.), таким образом выяснится, сколько и каких планов понадобится составить. Филимонов предложил для начала составить "фундаментальную, т.е. физическую, орографическую и гидрографическую карту" для последующего "нанесения всех исторических и топографических видоизменений по эпохам", и отклонил предложение Найденова взять за основу план Москвы, составленный И.Ф. Мичуриним в 1739 г. (Л. 45–46 об.). По мнению Филимонова следовало сверить все старинные печатные планы с их рукописными оригиналами, хранящимися в разных архивах и библиотеках, а также обратиться к владельцам рукописных планов Москвы с просьбой предоставить их для снятия копий (Л. 45, 47). Последнее предложение Бюлер счел неподходящим, ссылаясь на частный характер деятельности по подготовке атласа. Она все же приобрела некоторый официальный характер, когда в здании МГАМИД была устроена выставка планов Москвы и 1 апреля 1880 г. ее посетил великий князь Константин Николаевич³.

По решению участников совещаний у Бюлера, наводились справки о планах Москвы в архивах Главного военно-инженерного управления, Морского министерства, Межевой канцелярии, Строительного отделения Московской городской думы, в МАМЮ и Государственном архиве МИД.

За основу для составления атласа был взят план в 50-саженном масштабе, изготовленный Д.П. Рашковым в 1878 г. для Московской городской управы. Рашков снял с него копию. Забелин полагал, что это "почти готовый уже план *доисторический*, ибо он обрисовывает самую фигуру Московской местности", и, "присоединив к нему скрытые потоки Неглинной и других речек, как равно разных мокрых мест, дебрей и болот и больших скоплений воды, теперь уже не существующих, и указав всполя и боры, получим на самом деле точный план *доисторический*" (Л. 124). Поскольку вслед за составлением первого "исторического" плана XIV в. предполагалось издать план С. Герберштейна, Забелин высказал мнение, что последний, "по-видимому, делан наобум", планы же А. Олеария и А. Мейерберга, "хотя и не геометрические, но по всем вероятностям суть копии с русской работы и потому заслуживают полного внимания и могут быть очень полезны при исследованиях" (Л. 125). Касаясь порядка составления атласа Москвы, Забелин высказал мнение, что главное – определить "линии первоначального города", каковыми являются его главные улицы – в сущности "проезжие дороги в древнейшую Москву", составлявшие "остов города". Линии будут служить "самою существенною точкою опоры", другим ориентиром являются церкви, служившие "центральными точками древних поселений" (Л. 250, 251).

Филимонову было поручено составить "доисторический" план Москвы, который решили назвать "Местность Москвы до XII века". Составление же "истори-

³ Подробнее об этом см.: Рашков Д.П. Исторический атлас города Москвы // Землемерное дело. 1908. № 15/16. С. 50–51.

ческих" планов Забелин предложил поручить Румянцову. Забелина без преувеличения можно назвать душой начинания, хотя формально он не был его инициатором и присутствовал лишь на двух из пяти совещаний. Предложения Забелина давали твердую опору практическим шагам по созданию исторического атласа Москвы. У Забелина, очевидно, существовало намерение связать работу по составлению атласа с подготовкой исторического труда о Москве, порученного ему Московской городской думой. Попытка МГАМИД составить исторический атлас Москвы должна была казаться ему привлекательной. Бюлер в первую очередь, очевидно, имел в виду именно Забелина, когда писал члену Совета РИО К.П. Победоносцеву: "Наилучшие мои сотрудники убедительно просят меня не выпускать это дело из рук и примкнуть его к *Архиву*"⁴. Однако осуществление столь масштабного издательского проекта оказалось МГАМИД не по силам.

Еще в начале работы Бюлер высказал мнение, что ее в конце концов придется передать Московской городской думе, обладающей "техническими и, вообще говоря, материальными средствами" (Л. 53 об.). Великий князь Константин Николаевич видел выход в преобразовании проходивших у Бюлера совещаний в Московский отдел РИО, который, "не ограничиваясь составлением планов Москвы, мог бы заняться и другими исследованиями"⁵. Это совпадало и с намерениями Бюлера, стремившегося к расширению издательской деятельности МГАМИД. На рубеже 1880-х годов МГАМИД предпринимает ряд шагов в этом направлении (участие в издании дипломатической переписки Екатерины II, подготовка первого выпуска "Сборника МГАМИД"). В поддержку предложения о создании Московского отдела РИО высказались все участники последнего совещания на квартире Бюлера, проходившего 30 марта 1880 г., за исключением Забелина, для которого отход от первоначального замысла – заняться в первую очередь созданием исторического атласа Москвы – оказался неприемлемым. Он заявил, что "желает участвовать лишь в совещаниях научных"⁶. Предложение об учреждении Московского отдела не было принято РИО. В упомянутом письме Победоносцеву Бюлер сообщал, что РИО устраняется от участия в издании атласа⁷.

Результаты работы по подготовке исторического атласа Москвы выразились, таким образом, кроме проведения выставки, в составлении И.Ф. Токмаковым, который был допущен в архив генерал-губернаторского управления, "Указателя материалов для изучения истории, археологии и статистики Москвы"⁸.

Для Забелина же участие в обсуждении вопроса об атласе дало возможность расширить представление о наличии картографических источников по истории Москвы в архивах, где ученый еще не работал. По-видимому, тогда он впервые обратил внимание и на Архив Межевой канцелярии (о содержании этого, малоизвестного исследователям архива рассказал Ахшарумов на одном из совещаний у Бюлера). В письме Ахшарумову 21 октября 1886 г. Забелин писал: "В Архиве Межевой канцелярии хранятся многие планы и межевые книги земель, областных и городских, бывшего Генерального межевания и другие подобные бумаги, которые по определению Сената еще в 1835 году признаны, как юридические документы, недействительными и назначены к уничтожению. Утратив, таким образом, свое официальное значение, сии бумаги, однако, вполне

⁴ РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГА МИД). Оп. 8. Д. 3011. Л. 281 (Письмо от 25 января 1881 г.).

⁵ Там же. Л. 3 об – 4.

⁶ Там же. Л. 125 об.

⁷ Там же. Л. 281.

⁸ См.: Токмаков И.Ф. Указатель материалов для изучения истории, археологии и статистики Москвы с ее достопримечательностями. М., 1880. Вып. 1–8.

сохраняют историко-археологический научный интерес, как драгоценный материал для выяснения многих задач и вопросов, касающихся исторической географии Русской земли и точного определения и обозначения, в иных случаях очень важных, хотя и доселе еще не известных исторических местностей и в областях, и в городах". Забелин просил передать документы в собственность Императорского Российского исторического музея "как хранилища, где должны сосредоточиться разнородные памятники исторического бытия Русской земли, равно как материалы и пособия для всестороннего изучения и разъяснения русской истории и древностей"⁹.

Документами, о передаче которых просил Забелин, за десять лет до того интересовалась Московская городская управа, рассчитывая получить их для своего архива. По свидетельству директора Писцового архива¹⁰ А.А. Беляева, они были помещены "с давнего времени" в холодном и темном подвале, где в зимнее время не было возможности долго заниматься. "Между тем, – отмечал Беляев, – число их должно быть очень значительно"¹¹. 2 октября 1887 г. управляющий Межевой частью И.И. Шамшин разрешил передачу документов, но до этого их предстояло описать, что невозможно было осуществить в краткий срок, так как служащие Писцового архива смогли заниматься этим только "в свободное от текущих занятий время и только в летние месяцы"¹². По завершении описания, в мае–июне 1895 г. около 16,5 тыс. планов и межевых книг 13 губерний на земельные участки, отведенные в пределах городских земель под дворы и огороды, были переданы в Российский исторический музей. Благодаря Забелину были сохранены картографические источники, представляющие интерес для краеведения; ими можно воспользоваться при составлении исторических атласов городов России.

⁹ РГАДА. Ф. 1294. (Межевая канцелярия). Оп. 5. Д. 15613. Л. 1–2.

¹⁰ Архив Межевой канцелярии состоял из Писцового и Чертежного архивов.

¹¹ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 5. Д. 15613. Л. 7 об.

¹² Там же. Д. 15870. Л. 1 об.

К ИСТОРИИ "КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА ПИСАТЕЛЕЙ В МОСКВЕ"

Идея организации писателей в товарищество с целью книгоиздательства впервые родилась в Петербурге, где в 1911 г. было создано "Издательское товарищество писателей", которое просуществовало до 1914 г.¹ Одним из наиболее активных приверженцев этой идеи был литературный критик Н.С. Ангарский (настоящая фамилия Клестов, 1873 — 1943), принявший самое деятельное участие в организации книгоиздательств в Петербурге и Москве. Объединение писателей в Петербурге послужило толчком к консолидации писательских сил в Москве. Новое книгоиздательство было образовано группой литераторов, большинство которой составляли участники московского литературного кружка "Среда". Среди них были И.А. Белоусов, братья И.А. и Ю.А. Бунины, В.В. Вересаев, Б.К. Зайцев, С.С. Мамонтов, С.Д. Махалов, Н.Д. Телешов, Н.Г. Шкляр, И.С. Шмелев и др.

Первое собрание, положившее начало организации "Книгоиздательства писателей в Москве", состоялось 22 марта 1912 г. в помещении Литературно-художественного кружка на Большой Дмитровке. На нем присутствовали: И.А. Белоусов, Ю.А. Бунин, Н.С. Ангарский, В.В. Вересаев, С.С. Мамонтов, С.Д. Махалов, Н.Д. Телешов, А.К. Энгельмейер, пришедший к концу собрания С.С. Юшкевич и юрисконсульт А.С. Лызлов. Забегая вперед, необходимо сказать, что это начинание московских писателей имело самые положительные результаты в отличие от предприятия их петербургских коллег.

Судьба документального наследия "Книгоиздательства писателей в Москве" сложилась более счастливо по сравнению с другими российскими издательствами, от которых после Октября 1917 г. не осталось никаких следов. Значительный комплекс документов из архива издательства удалось сохранить Н.С. Ангарскому, с которым уже в 30-е годы В.Д. Бонч-Бруевич, возглавлявший в то время Гослитмузей, вел переписку о передаче его архива на государственное хранение. "Как будет прекрасно, — писал Бонч-Бруевич в феврале 1933 г., — когда, наконец, в наше хранилище поступит тот богатейший архив эпистолярной литературы, который хранится у Вас"². Н.С. Ангарский, ссылаясь на занятость (в 30-е годы он работал торгпредом в Греции), не торопился с передачей документов. Только в ноябре 1937 г. в Гослитмузей была передана часть личного архива Ангарского. В 1941 г. его фонд вместе с другими фондами поступил в ЦГЛА СССР. В настоящее время этот фонд (Ф. 24) хранится в РГАЛИ и насчитывает 96 единиц хранения. В его составе находятся письма писателей, сотрудничавших с книгоиздательством в разные годы. Другая часть архива, по неизвестным нам причинам, была передана Ангарским в 1939 г. в отдел рукописей ГБЛ (ныне Российская государственная библиотека). Этот комплекс документов (Ф. 9) насчитывает 219 единиц хранения за 1898-1939 гг. и содержит, в основном, материалы, связанные с деятельностью "Книгоиздательства писателей в Москве". Наиболее значительную группу документов, как по содержанию, так

¹ Голубева О.Д. Издательское товарищество писателей// Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С.410.

² ОР РГБ. Ф. 369. К. 124. Д. 32. Л. 1.

и по объему, составляет переписка Ангарского с писателями. Документы, отражающие правовое, финансовое и хозяйственное положение издательства, сохранились в меньшей степени и охватывают период с 1919 г по 1923 г.³

Если документы из фондов Ангарского давно вошли в научный оборот, ряд источников, имеющих непосредственное отношение к деятельности издательства, долгое время оставался вне поля зрения исследователей. Значительный комплекс документов нами был обнаружен в фонде члена ревизионной комиссии издательства писателя И.А. Данилина (РГАЛИ, Ф. 1440). Здесь хранятся: договор об организации книгоиздательского товарищества, проект устава книгоиздательского товарищества на паях, докладные записки заведующего конторой к отчетам за 1912—1915 гг., докладные записки и заключения ревизионной комиссии издательства по отчетам за 1913—1917 гг., сметы расходов издательства на 1916—1917 гг., списки пайщиков, списки книг, выпущенных издательством за 1913—1917 гг., список оборудования типографии издательства, счета типографии, протокол заседания ликвидационной комиссии 1924 г.

Отдельные документы были выявлены в фондах других участников книгоиздательского товарищества: И.А. Белоусова (РГАЛИ, Ф. 66), И.А. Бунина (РГАЛИ, Ф. 44), Н.Д. Телешова (РГАЛИ, Ф. 499; ОР ИМЛИ, Ф. 1), К.А. Тренева (РГАЛИ, Ф. 1398), Е.П. Пешковой (Архив А.М. Горького). К ним относятся: договор об организации книгоиздательского товарищества, переписка писателей, финансовая документация, проект инструкции о составе, правах и обязанностях членов правления, повестки общих собраний членов книгоиздательского товарищества.

Наиболее разрабатываемой группой источников по истории отечественного книгоиздательства является переписка издателей и редакторов с писателями. Это объясняется, на наш взгляд, не только плохой сохранностью других групп документов, но и некоторой недооценкой их информационного потенциала. Между тем, игнорирование делопроизводственной документации или недостаточная ее изученность приводит, подчас, к фактологическим неточностям, а порой к неправильным выводам при освещении истории того или иного издательства.⁴

Привлечение ранее неизвестных источников и изучение их в сопоставлении с уже известными позволяет уточнить некоторые обстоятельства и факты, связанные с историей возникновения и ликвидации издательства, его организационным устройством, а также устранить существенные неточности и прояснить ряд противоречий, которые нами обнаружены в немногочисленных мемуарах и публикациях, посвященных издательству.

Прежде всего, поражает "разноголосица", существующая в вопросе о времени учреждения "Книгоиздательства писателей в Москве". Писатели, стоявшие у истоков организации издательства и оставившие свои воспоминания, называют разные даты. В.В. Вересаев относит учреждение издательства к осени 1911 г.⁵, И.А. Белоусов — к 1909 г.⁶, Н.Д. Телешов указывает сразу две даты 1910 г. и 1912 г.⁷ В последнем случае, скорее всего, мы имеем дело с недосмотром редактора. Е.П. Пешкова в комментариях к письмам А.М. Горького

³ Иванова Л.М. Архив Н.С. Ангарского // ЗОР ГБЛ. М., 1966. Вып. 28. С. 4—32.

⁴ Показательна в этом плане статья С.В. Люблинского, который пришел к заключению, что издательство "Знание" (1898-1918 гг.) действовало на правах товарищества на паях, что в организационном и правовом отношении соответствовало акционерному предприятию. См.: Люблинский С.Б. К истории возникновения товарищества "Знание" // Русская литература. 1972. С. 188—190. На самом деле "Знание" действовало на правах товарищества на вере, о чем свидетельствует договор от 15 мая 1898 г. см.: Архив А.М. Горького при ИМЛИ. "Знание". Док. 3-8-1.

⁵ Вересаев В.В. Книгоиздательство писателей в Москве // Собр. соч. М., 1961. Т. 5. С. 447.

⁶ Белоусов И.А. Литературная Среда. М., 1928. С. 241.

⁷ Телешов Н.Д. Записки писателя. Саратов, 1987. С. 64.

считает, что издательство начало свою деятельность в 1911 г.⁸ Автор единственной статьи, посвященной истории издательства, О.Д. Голубева, использовавшая неопубликованные воспоминания Н.С. Ангарского, днем учреждения издательства считает 22 марта 1912 г.⁹ В этот день действительно состоялось собрание будущих учредителей, но оно явилось лишь важным шагом на пути организации нового книгоиздательства. Учредительное собрание состоялось 27 апреля 1912 г., что зафиксировано в договоре, копия которого хранится в фонде И.А. Данилина. В 4-м пункте договора читаем: "... днем основания товарищества полагаем считать 10-е мая сего 1912 г"¹⁰.

Другой существенный вопрос, требующий разъяснений, связан с формой организационного устройства "Книгоиздательства писателей в Москве". Обычно вопросам, касающимся организационной структуры дореволюционных издательств, не уделяют должного внимания ни мемуаристы, ни исследователи. Между тем, они очень важны для изучения самых разных сторон деятельности издательств. Для выяснения этих вопросов необходимо, хотя бы в самом обобщенном виде, рассмотреть разрешительную систему учреждения издательств, а также определить типы издательств, существовавшие в то время.

Исходя из того, что законы Российской империи, регулировавшие организацию и деятельность торгово-промышленных предприятий, распространялись и на частные издательства, можно сказать, что разрешительная система предусматривала три типа издательств: 1) единоличное предприятие (например, издательство С.А. Полякова "Скорпион"), 2) товарищество полное или на вере (издательство "Знание"), 3) товарищество на паях, или равнозначное ему в юридическом отношении акционерное общество¹¹ ("Товарищество А.Ф. Маркса"). Для учреждения издательства одним лицом необходимо было подать заявление в Купеческую управу и выкупить промысловое свидетельство (торговые права). При этом лицо, получившее такое свидетельство, могло не переходить в купеческое сословие. Организационная структура издательства такого типа зависела от воли его владельца. Товарищество учреждалось на соединенные капиталы двумя или большим количеством участников. Оно могло быть двух видов: полное товарищество и товарищество на вере. В полном товариществе его учредители, в случае несостоятельности фирмы, отвечали перед законом не только своими вкладами, но и всем своим имуществом. В товариществе на вере его учредители делились на полных товарищей и вкладчиков. В соответствии с законодательством делами такого товарищества управляли полные товарищи, но в реальной жизни могли быть самые различные варианты. Вкладчики участвовали в деле денежными вкладами и, в случае неуспешности предприятия, отвечали, в отличие от полных товарищей, только своими вкладами. Между товарищами заключался договор, который заверялся у нотариуса. В Купеческую управу подавалось прошение о регистрации товарищества и выписка из договора об его учреждении. На основании полученных документов просителям выдавалась бумага, удостоверяющая учреждение товарищества. Структура издательства и принципы его хозяйственной деятельности определялись общим собранием товарищей и находили отражение в договоре об учреждении товарищества.

Организация и деятельность товарищества на паях была более жестко регламентирована. Юридической основой для его учреждения служило "Положение

⁸ Архив А.М.Горького. М., 1966. Т. IX. С. 340.

⁹ Голубева О.Д. Книгоиздательство писателей в Москве//Книга. Исследования и материалы. М., 1965. Вып. 10. С.192.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 336. Л.1.

¹¹ Просьбин С.А. Торгово-промышленный сборник. Свод действующих в империи узаконений и правил о торговле и промышленности. СПб., 1904.

о компаниях на акциях", утвержденное в 1836 г.¹², которое затем вошло в Свод законов под названием "О товариществах по участкам или компаниях на акциях". В "Положении ...", в частности, оговаривалось, что ни одно товарищество на паях не может быть учреждено без особого разрешения правительства, выражающегося в утверждении устава. С созданием в 1905 г. Министерства торговли и промышленности все дела товариществ и акционерных обществ были сосредоточены в отделе торговли. Устав товарищества непременно согласовывался с Министерством внутренних дел¹³ и Главным управлением по делам печати. Согласованный проект устава с заключением министра торговли и промышленности поступал в Комитет (с 1905 г. — Совет) министров. Затем устав "Высочайше" утверждался Императором и приобретал силу законодательного акта.

Хотя закон не устанавливал формуляра устава, в практике учредительства издательских товариществ такого типа сложилась его единая форма. Нередко при составлении уставов вновь учреждаемых товариществ уставы уже действующих брались за образец, о чем учредители заявляли в своих прошениях, посылаемых в соответствующее ведомство¹⁴.

Мы не случайно остановились столь подробно на истории учредительства товарищества на паях. В начале XX в. в России появился ряд книгоиздательств, организованных на таких принципах. Тем не менее, до сих пор не нашли должного освещения вопросы организационного устройства и хозяйственного механизма таких издательств. Более того, в работах исследователей встречаются досадные ошибки, которые свидетельствуют о непонимании принципиальной разницы между издательскими товариществами на паях и товариществами иного типа (полного и на вере). Характерной в этом отношении является ошибка О.Д. Голубевой. В уже упомянутой статье она пишет: «До революции у "Книгоиздательства писателей", считавшегося торговым домом, не было специального зарегистрированного устава. Существовал только проспект издательства¹⁵; члены товарищества пользовались уставом прекратившего свое существование "Издательского товарищества писателей"»¹⁶.

Действительно у "Книгоиздательства писателей в Москве" при его учреждении не было устава. Но дело в том, что устава у издательства и не должно было быть, т.к. оно действовало на правах товарищества на вере. Договор об учреждении товарищества на вере под фирмой "Торговый дом Книгоиздательства писателей в Москве Д. Голубев, С. Махалов и К^о", подписанный его участниками 27 апреля 1912 г., был 12 мая зарегистрирован в конторе московского нотариуса Е.Д. Полонского, которая располагалась в Тверской части по Спасскому

¹² ПСЗ-II. Т. XI. № 9763.

¹³ В том случае, если учредители признавались политически неблагонадежными, дело об утверждении устава прекращалось. Так в 1897 г. известной издательнице О.Н.Поповой было отказано в учреждении товарищества на паях. Причина отказа изложена в письме управляющего делами Министерства внутренних дел барона Икскуль фон Гиндельбрандта от 11 сентября 1897 г. министру финансов: «...имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что учредители означенного товарищества О.Н.Попова и А.Н.Попов, как бывшие издатели журнала "Новое слово" и разного рода книг заявили себя сторонниками социалистических учений, а потому основание ими издательского товарищества, имеющее целью привлечь в их распоряжение новые денежные средства, может лишь способствовать распространению книг такого направления, которое признается вредным». (РГИА. Ф. 776. Оп. 21, Ч. 1. Д. 216. Л. 6).

¹⁴ Учредитель товарищества "Огни" Е.А.Ляцкий в прошении от 2 апреля 1915 г. указывает: «Представляемый проект устава товарищества "Огни" составлен вполне точно по образцу Высочайше утвержденного 24 января с.г. устава "Задруга" в г. Москве» (РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 1221. Л. 1).

¹⁵ Имеется в виду рекламный проспект издательства, который не мог являться юридическим документом.

¹⁶ Голубева О.Д. Книгоиздательство писателей в Москве// Книга. Исследования и материалы. М., 1964. Вып. 10. С.215. Устав "Издательского товарищества писателей в Петербурге" был утвержден в июне 1912 г.

переулку. В числе поставивших подписи под договором значатся И.А. Бунин, Ю.А. Бунин, И.А. Белоусов, Д.Я. Голубев, Б.К. Зайцев, А.А. Карзинкин, Н.А. Крашенинников, С.С. Мамонтов, С.Д. Махалов, В.В. Вересаев, Н.Д. Телешов, Н.Г. Шкляр. И.С. Шмелев, А.К. Энгельмейер¹⁷.

Стать пайщиком товарищества, в соответствии с принятым договором, мог любой литератор. Для этого необходимо было получить согласие большинства его членов и внести денежный вклад в размере 200 руб.

Проспект книгоиздательства, уведомявший литераторов об его открытии, содержал условия издания книг и формулировал цель создания товарищества: "Ближайшая цель товарищества "Книгоиздательства писателей" — прийти на помощь авторам в издании их книг и избавить их от необходимости значительную часть дохода с издания отдавать издателям. Товарищество не имеет в виду коммерческих для себя выгод, но в то же время не считает возможным придавать своей деятельности характер благотворительности"¹⁸.

Предварительно просчитав расходы на производство и складирование тиража (55—57 % от номинала книги) учредители решили удерживать в пользу издательства только 15 %. Остальные 28—30 % должны были приходиться на авторский гонорар. На таких выгодных условиях писателей еще никто не издавал. "Когда об этом сообщили опытнейшему книжнику И.Д. Сытину, — вспоминает В.В. Вересаев, — он рассмеялся и сказал, что это полнейший вздор, что ни одно издательство такого гонорара писателям не выдержит; обычный гонорар писателям составлял 10-13 % с номинала, а то и меньше"¹⁹ Конечно же, если бы издательство преследовало исключительно коммерческие цели, предсказание Сытина непременно бы сбылось. Но к чести учредителей товарищества надо сказать, что не будучи профессионалами в издательском деле, они смогли найти оптимальное соотношение в распределении средств, которое позволило не только сводить концы с концами, но и расширить в дальнейшем масштабы их деятельности.

Для руководства делами издательства в сентябре 1912 г. был избран коллегиальный орган — Наблюдательный комитет. В его состав вошли Н.С. Ангарский, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, Н.Д. Телешов, И.С. Шмелев. Редактором издательства был избран В.В.Вересаев. Имевший опыт в издательских делах Н.С. Ангарский был назначен заведующим конторой издательства, которая располагалась в доме № 6 по Никитскому бульвару. На первых порах дела издательства складывались не лучшим образом. "Кое-что не клеится. — Писал в 1912 г. С.Д. Махалов И.А. Белоусову. — Приходится налаживать, отписываться и т.д., но все же три книги в полном ходу: И. Бунина, И.С. Шмелева и И. Новикова"²⁰. Ощущался острый недостаток в средствах, что мешало развернуть дело должным образом.

Тщетными оказались попытки И.А. Бунина и В.В. Вересаева привлечь в пайщики товарищества М. Горького, что могло бы способствовать росту популярности издательства. Впоследствии Вересаев утверждал, что причиной отказа Горького послужили интриги Бунина. "Из опубликованных уже в тридцатых годах писем Бунина к Горькому можно видеть, как Бунин восстанавливал против нас Горького"²¹. Говоря о письмах Бунина, Вересаев подразумевает письмо от 1 декабря 1914 г., в котором Бунин сообщает о своем намерении выйти из состава Наблюдательного комитета и о причинах, побудивших его к этому. Надо

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 336. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 340. Л. 3.

¹⁹ Вересаев В.В. Книгоиздательство писателей в Москве// Собр. соч. М., 1961. Т. 5. С. 445.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 784. Л. 19 об. В письме упоминаются книги, вышедшие в издательстве в 1912 г.: Бунин И. Суходол. Повести и рассказы. 1911—1912; Новиков И. Рассказы. 1905—1912; Шмелев И. Человек из ресторана. Патока.

²¹ Вересаев В.В. Книгоиздательство писателей в Москве// Собр. соч. М., 1961. Т. 5. С. 448.

заметить, что письмо И.А. Бунина было написано спустя почти два года после того, как Горький в августе 1912 г. в письме к Вересаеву вежливо отказался от предложения стать пайщиком товарищества. В этом случае В.В. Вересаев, относившийся всегда к Бунину без особых симпатий, явно искажает истину.

Напротив, письма Бунина за 1912 г. свидетельствуют об искреннем его желании привлечь Горького к участию в делах товарищества. Именно он убедил Горького в 1912 г. отдать "Сказки" в "Книгоиздательство писателей в Москве", где они и вышли в том же году. Что касается самого М. Горького, то он в отношении нового книгоиздательства занимал выжидательную позицию, так как не очень верил в способность собратьев по перу сделать что-либо стоящее. Но основная причина, на наш взгляд, заключалась в ином. М. Горький хотел иметь свое дело, где бы он чувствовал себя хозяином положения. Об этом красноречиво свидетельствует письмо М.Ф. Андреевой, написанное в сентябре-октябре 1913 г., которая была хорошо информирована о положении дел писателя и о его планах: "С Бончем²², конечно, книгоиздательство было бы тебе легче строить по твоему желанию, и не с кем бы тебе считаться, некого убеждать — они просто бы слушали"²³. Тем не менее, М. Горький в декабре 1914 г. вступил в товарищество, пайщиком которого он являлся до момента его ликвидации, однако ни разу не присутствовал на его собраниях. А свое право голоса он передал первой жене Е.П. Пешковой, которая раньше мужа стала членом товарищества.

Жаркие споры велись в товариществе по поводу издания литературных сборников "Книгоиздательства писателей в Москве". Выпуск сборников позволил бы новому издательству громко заявить о себе, послужил бы хорошей рекламой и способствовал привлечению новых литературных сил. Сама идея импонировала всем участникам товарищества, но своевременность издания сборников в самом начале существования издательства оспаривалась частью учредителей. В.В. Вересаев был одним из тех, кто вполне резонно считал их выпуск преждевременным. В письме Н.С. Ангарскому от 22 июня 1912 г. он так обосновывал свою позицию: «Не могу сказать, чтоб меня особенно обрадовало решение Вашего собрания приступить к изданию сборника.²⁴ Весною, сколько мне помнится, большинство склонялось к тому, что с изданием сборников не следует спешить, что сначала нужно наладить дело и испробовать свои силы на деле более легком, — издания книг, и лишь потом, окрепнув и опытом и капиталом, приступить к сборникам ... Какие основания заставляют нас так торопиться с сборником? Я их не вижу. А против можно сказать многое. Прежде всего, — и я не устану повторять это, — главная наша сила должна заключаться в солидности и прочности наших предприятий. Предлагать же автору выплату гонорара "по мере распродажи книги" — это значит показать, что мы идем по стопам обычных в последнее время издателей, с сотнею рублей в кармане берущихся за тысячное предприятие, молотящих рожь на обухе. Этот вопрос для меня, как приглашающего авторов, важен наисущественнейше, как я Вам когда-то уже изъяснял. Иметь дело с авторами, приглашать их и принимать к печатанию я могу исключительно под тем условием, чтоб мне был вполне гарантирован расчет с ними, — гарантирован не указанием на проблематическую выручку от продажи сборника, а на нечто реальное, имеющееся в наличности. Я бы считал нужным предварительно выработать сообща идейную сторону сборников, программу, и уже с этой программой обратиться к авторам, предложив им присылать то, что к этой программе подойдет. Но тогда, может быть, и Бунин пришлет нам не

²² Речь идет о В.Д. Бонч-Бруевиче и его издательстве "Жизнь и Знание".

²³ В другом письме от 28 августа 1913 г. М.Ф. Андреева писала не менее откровенно: "Пока, без должного руководителя, это дело без руля и без ветрил ... Отчего бы не попробовать взять это дело в свои руки" (*Андреева М.Ф. Переписка. Статьи. Документы. Воспоминания. М., 1961. С.250—261*).

²⁴ В то время В.В. Вересаева в Москве не было.

каждую свою вещь ("Ночного разговора" я бы не принял), не каждую вещь придет и Борис Зайцев, и Толстой, и Брюсов и др. Решено платить журнальный гонорар. Почему же Ценскому назначено 400, хотя известно, что он столько не получает? В награду за беззащитность его?»²⁵

Разумные и веские доводы В.В. Вересаева не смогли переубедить его оппонентов, среди которых главную роль играли И.А. Бунин и С.Н. Сергеев-Ценский. Они стояли за быстрейшее издание сборников, полагая, что их выпуск поможет издательству утвердить свое положение. В отличие от Вересаева, ограничивать участников сборников какой-либо определенной программой они не считали необходимым. Довольно рискованный план скорейшего издания сборников был поддержан большинством писателей. В.В. Вересаев, раздраженный этим обстоятельством, в одном из писем к Н.С. Ангарскому не упустил возможности язвительно заметить в адрес И.А. Бунина: «Очень недоумеваю по поводу аванса, взятого Буниным под повесть, еще не представленную, — наблюдательный комитет постановил в последнем своем собрании совершенно определенно выдавать деньги лишь по утверждении рукописи. Относительно Бунина меня это крайне удивило еще потому, что в "Праге" он говорил мне и Д.Я. Голубеву, что просит не стеснять его размером повести, а он зато будет ждать с гонораром, когда сборник окупится. Да и вообще он все время заявлял, что согласен ждать с гонораром. А тут дошло до дела... Помяните мое слово: этот человек погубит книгоиздательство. В жизнь мою не встречал такого противообщественного, мелкоэгоистичного человека. Вот связались на мою погибель»²⁶. Как часто бывает, жизнь опровергла не только здравые соображения практичного и осторожного Вересаева в отношении сборников, но и его мрачное пророчество относительно Бунина.

Только на третий год существования издательству удалось улучшить свое материальное положение. Постепенно книги, выходявшие под маркой издательства, приобрели популярность среди читателей. "Наше издательство — процветает! Это очень хорошо... — Пишет популярный драматург С.А. Найденов в письме от 26 февраля 1916 г. И.А. Белоусову. — Синани²⁷ говорит, что покупатели все чаще спрашивают книги нашего издательства, говорят хорошее издательство — доверять можно"²⁸. Стремясь упрочить положение и расширить деятельность издательства, его руководство в 1915 г. предприняло шаги к преобразованию издательства в товарищество на паях. Об этом свидетельствуют повестки общих собраний, хранящиеся в фонде Е.П. Пешковой (Архив А.М. Горького), из которых видно, что проект устава неоднократно обсуждался на общих собраниях членов товарищества в апреле и мае 1915 г. Устав, отпечатанный типографским способом, имеет в верхнем правом углу первого листа следующий текст: "На подлинном написано: Государь Император устав сей рассмотреть и Высочайше утвердить соизволил, в Царском Селе, в 17 день января 1916 г." Этот устав был нами обнаружен в фонде К.А. Тренева (РГАЛИ, Ф. 1398). В личных фондах участников товарищества И.А. Данилина, Н.С. Ангарского, Е.П. Пешковой хранятся уставы с идентичным текстом, но они не имеют грифа утверждения. По-видимому, мы имеем дело с проектом устава, который обсуждался на общих собраниях в 1915 г. Эта находка вписывает новую страницу в историю издательства и делает несостоятельным утверждение О.Д. Голубевой относительно того, что до революции у издательства не было своего устава²⁹.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 9. Оп. 1. К. 33. Д. 6. Л. 8.

²⁶ Там же. Ф. 9. К. 1. Д. 34. Л. 1.

²⁷ Синани — владелец книжного магазина в Ялте.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 811. Л. 54.

²⁹ Голубева О.Д. Книгоиздательство писателей в Москве.// Книга. Исследования и материалы. М., 1964, Вып. 10. С.215.

Учредителями товарищества в уставе названы потомственный дворянин И.А. Бунин, московский почетный гражданин И.А. Белоусов и почетный гражданин Н.Д. Телешов. Цель организации товарищества на паях определялась следующим образом: "Товарищество учреждается в г. Москве для: а) издания и распространения сочинений оригинальных и переводных разного содержания и репродукций художественных произведений, в сборниках и отдельных книгах; б) выпуска, с соблюдением установленных законоположений и правил, периодических изданий, газет и журналов; в) устройства типографий, литографий, торговых помещений и складов для продажи печатных произведений, изыскания мер к улучшению и удешевлению изданий, устройства выставок литературно-художественных изданий членов товарищества." Включенные в устав 59 параграфов распределены по следующим разделам: 1. цель учреждения товарищества, его права, обязанности и ответственность, 2. состав товарищества, права и обязанности его членов, 3. средства товарищества, 4. управление делами товарищества, 5. отчетность по делам товарищества, распределение и выдача прибыли, 6. закрытие товарищества и ликвидация дел.

Как видно из первого раздела устава, права издательства, а, следовательно, и его возможности значительно возросли по сравнению с теми, которые оно имело, действуя на правах товарищества на вере. Издательство могло теперь не только печатать и продавать книги, но и издавать периодические издания, иметь собственную типографию. Общее собрание пайщиков определяло жизнь товарищества: его издательскую и имущественно-хозяйственную деятельность. Оно созывалось ежегодно для рассмотрения и утверждения отчета и баланса за операционный год, сметы расходов и плана действий на следующий год. Его ведению подлежали также вопросы: о приобретении недвижимого имущества, заключения займов, расходовании капитала, об исключении его членов, об изменении устава, закрытии товарищества. Руководство делами товарищества между общими собраниями осуществляло правление, которое состояло из шести человек, избираемых из числа членов товарищества сроком на два года. Контора издательства, возглавляемая по-прежнему Н.С. Ангарским, переехала в дом 8 по Скатертному переулку. Она повседневно координировала деятельность издательства по производству и распространению книг, вела учетную документацию, поддерживала связь с авторами, типографиями, другими издательствами и редакциями периодических изданий. В последующие семь лет организационная структура товарищества не претерпела существенных изменений.

Ответственность за составление отчетов возлагалась на руководство издательства. Баланс издательства дает представление о его финансовом состоянии на определенное число каждого года. При этом "актив" в балансе означает совокупность всех средств, которыми располагает издательство, а "пассив" — источник средств, откуда они получены. На основе данных, извлеченных из балансов издательства за 1912 — 1918 гг., нами составлена таблица, которая позволяет увидеть соотношение основных статей баланса за этот отрезок времени и изменения в количественном составе пайщиков.

Год	Количество пайщиков	Паяевой капитал в руб.	Убыток в руб.	Прибыль в руб.
1912-1913	17	3400	1392	-
1914	26	7400	1929	-
1915	34	9200	-	1131
1916	40	29200	-	13995
1917	40	89200	-	15172
1918	83	105700	-	22358

С 1915 г. операции "Книгоиздательства писателей в Москве" стали неуклонно приносить прибыль. Конечно, по сравнению с фирмой "Товарищество

И.Д. Сытин и Ко", капитал писательского товарищества представляется незначительным, но его постоянный рост свидетельствует об успехе и стабильности предприятия. Обладая небольшим капиталом, издательство внимательно следило за конъюнктурой книжного рынка и очень осторожно относилось к формированию издательского портфеля. При этом необходимо учитывать, что почти весь период активной деятельности издательства пришлось на годы первой мировой войны. В письме к Ангарскому Сергеев-Ценский писал в июле 1915 г.: «Каким-то образом "Книгоиздательство писателей" издает книги, когда от этой скверной привычки война отучила уже все издательства»³⁰. Опасения многих писателей, что война пошатнет финансовое положение издательства, не оправдались. Более того, издательство расширило свою деятельность. В 1914 г. в свет вышли книжки "Народно-школьной библиотеки". В 1916 г. издательство приступило к выпуску книг отдела "Дешевой библиотеки". В том же году издательство приобрело типографию, стоимость которой по оценке на 1918 г. составила 64 тыс. руб. На 1918 г. приходится пик деятельности писательского товарищества — было выпущено 111 книг.

Однако писатели отдавали себе отчет в том, что это благополучие относительно, и события Октября 1917 г. приведут к неизбежному концу. «Вполне согласен с тобой, что теперь назначать собрания в 7 вечера нельзя, — писал Н.Д. Телешов 26 ноября 1917 г. И.А. Белоусову, — потому что с 8 вечера на улицах начинают грабить. Нашим большевикам Клестову и Серафимовичу ничего, их не ограбишь. Они сами — "с усами". Судя по тому, как складывается дело, надо помышлять о ликвидации издательства, а не о развитии»³¹. С каждым днем все острее ощущалось идеологическое давление новой власти, что создавало новые трудности писателям и издателям. «Ты очень верно подметил, — читаем в письме А.Е. Грузинского, написанном в 1919 г. И.А. Белоусову, — что критические псы сейчас спущены на мемуары и беллетристику, и правильно учи- тываешь, что от книжки в первую главу требуется идеология; оно и не худо собственно, но скучно одно — что "правильная" идеология теперь признается одна, единственная, как, бывало, в 40-х гг. казенные здания можно было красить только охрой и больше ничем, так теперь идеологию можно красить только суриком. Прежде было веселее»³².

Большинство издательств Москвы и Петрограда были закрыты уже в первый послереволюционный год. "Московское книгоиздательство писателей" было одним из немногих, которое продолжало работать. Неудивительно, что к 1920 г. число его членов достигло 124 человек. Под одной крышей собрались писатели, которые в недавнем прошлом шли совершенно разными литературными путями. Вряд ли учредители товарищества могли себе представить несколько лет назад, что их членами станут М.П. Арцыбашев, Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, Андрей Белый, А.А. Блок, М.О. Гершензон, Л.Я. Гуревич, В.И. Иванов, Б.А. Пильняк, С.А. Поляков, А.М. Ремизов, В.М. Фриче, В.Ф. Ходасевич и др.

Такая терпимость к "иноверцам" имеет свое объяснение. У издательства была типография, там использовалась наемная рабочая сила. Согласно вновь принятому в 1919 г. уставу, который переводил товарищество на пах в кооперативное товарищество, книгоиздательство могло иметь наемных служащих не более 20 % от числа пайщиков. Увеличив число пайщиков, издательство могло сохранить необходимое количество рабочих, которое обеспечивало работу типографии. "Пайщиков нам сейчас нужно иметь много, — сетует в письме к Бело-

³⁰ ОР ГПБ. Ф. 9. К. 2. Д. 89. Л. 19.

³¹ РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 958. Л. 32.

³² Там же. Д. 604. Л. 128 об.

ову член правления Грузинский, — по новому уставу мы можем иметь наемных служащих не более 20 % числа пайщиков, а так как у нас типография, то ясно, что нам надо иметь пайщиков человек 150"³³. Писателей, в свою очередь, забыть о прежних литературных боях и объединиться вокруг издательства заставили суровые обстоятельства.

Приход новых членов в товарищество неизбежно повлек за собой новую расстановку сил в издательстве. На что, вполне естественно, болезненно реагировали старые члены-учредители. "Очевидно кашу варить будут Клестов и Грузинский, — пишет Телешов Белоусову в марте 1917 г., — а все остальные ее расхлебывать. Это еще не беда. А беда, боюсь в том, что начнут издавать такие книги, которые ни с беллетристикой, ни с нами со всеми ничего общего не будут иметь. Будем мы, члены-создатели, щелкать зубами, а члены-чужаки сливочки и пеночки слизывать. Как теперь вообще все делается. У меня такое впечатление, что пора бежать оттуда. Все равно, не будет того, что было. Дело пойдет в руки тех, кто близко живет и не отделен десятками верст пешеходом, да еще тех, кто зубаст и не стесняется. А такие найдутся. Новых набрали много и будут набирать еще. Мобилизация, а не издательство"³⁴.

Этому письму созвучно письмо другого старого учредителя товарищества Белоусова Грузинскому, написанное им в мае того же года. «Ну, и собрание! Ну, и типы! Впрочем, я, ведь, родился и вырос в Зарядье: — "Знакомые все лица!" Клестов стал еще отвратительнее. Хорош и "знакомый человек" Гершензон! Все удивлялся и сюсюкал насчет партийности, а сам то что делал? Проводил свою партию... А то не угодно ли, — он предложил в редакторы какого-то не то гермафродита, не то ацтека и мы должны его выбрать... Нет, надо махнуть рукой на эту "Кооперацию»"³⁵. Хорошо налаженное дело продолжало еще некоторое время действовать по инерции, но это была уже агония. Судьба издательства и тех, кто его создал и кто в него пришел позже, была предрешена. Пророческими оказались слова Н.Д. Телешова, написанные в мрачный февральский день 1919 г. и адресованные его старому другу И.А. Белоусову: "Очень печальная перспектива. Голод, холод, болезни, нищета, гонения, оскорбления и дурь — беспросветная, такая дурь, что задохнуться от нее можно, — вот наше будущее. И никакой надежды на просвет, на сознание, на работу, на свободу, на человеческий облик. Право, иной раз кажется, что спишь, и что все это только во сне. Уж и поблагодарят же нас, дураков, за все это наши внуки и правнуки"³⁶.

Ни приток новых сил, ни переход издательства в кооперативное предприятие, ни обращения к здравому смыслу власть придержащих, ничто уже не могло спасти издательство. 20 апреля 1920 г. были национализированы книги на всех складах у всех частных и кооперативных издательств. В июне 1922 г. издательство выселили из занимаемой им квартиры. В январе 1923 г. была национализировала типография. Общее собрание пайщиков, состоявшееся 29 ноября 1923 г., постановило ликвидировать товарищество. "Книгоиздательство писателей в Москве", созданное как свободный союз творческой интеллигенции, прекратило свое существование.

³³ Там же. Л. 60.

³⁴ Там же. Д. 958. Л. 34.

³⁵ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 111. Л. 175.

³⁶ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 958. Л. 34.

В.Ю. Коровайников

"АНКЕТА УЧАСТНИКА ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА" КАК ЗЕРКАЛО ТРЕТЬЕЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОСКВЕ

В 1927 г. Истпарт ЦК ВКП(б) предпринял грандиозный проект: он предложил "видным участникам Октябрьского переворота в столичных центрах и провинции" заполнить составленную к 10-летию Октября специальную анкету. Она представляла собой брошюру на 10 листах форматом 22 × 35 см и состояла из предисловия-обращения, титульного листа, четырех основных и одного дополнительного разделов. Анкета была отпечатана в 1-й Образцовой типографии Госиздата тиражом 1500 экземпляров¹.

Необычность "Анкеты участника октябрьского переворота" нашла отражение и в ее форме, и в содержании: характер предложенных вопросов предусматривал не односложные ответы, а развернутые *воспоминания*, сориентированные определенным образом. Почему же центральный Истпарт для "вызывания:" воспоминаний избрал форму анкеты? Вероятно, чтобы облегчить получение нужного материала и дальнейшую его обработку. Вопросы должны были акцентировать внимание на освещении тех сторон событий, которые представляли наибольший интерес для Истпарта, а линейно-графическая структура служила "расфасовочной" формой.

Рассылка анкеты происходила с 9 сентября по 5 ноября 1927 г.² (исходящий номер и дата отправления проставлены на первом листе анкеты – предисловии). Одновременно рассылавшиеся экземпляры имеют одинаковый исходящий номер.

В правом верхнем углу титульного листа есть еще один номер. Сопоставление его с датой отправления позволило установить следующую закономерность: чем позднее высылался экземпляр анкеты, тем больше номер, и наоборот. Например, анкеты с исходящим № 54771 от 9 сентября имеют порядковые номера с 4-го по 234-й. На анкетах, рассылавшихся 12 сентября (исх. № 55020) проставлены номера с 244-го по 499-й. Анкеты с исходящим № 55194 от 14 сентября занумерованы с 500-го по 658-й номер и т.д. до № 1398 (исх. № 57397 от 13 октября). Более поздние отправления не пронумерованы.

Если существовал общий список анкетуемых (без него трудно представить процесс рассылки анкеты), то номера на титульных листах не что иное, как порядковые номера фамилий в списке. Косвенно это предположение подкрепляется следующим фактом: 9 сентября 1927 г. Истпарт запросил у бюро Общества старых большевиков адреса всех его членов для рассылки им "специ-

¹ В настоящее время анкеты находятся в РЦХИДНИ (Ф. 70. Оп. 4. Д. 192–199, 376–387). Об анкетах см.: *Тихонова З.Н.* Анкеты участников Великой Октябрьской социалистической революции – исторический источник // *Вопр. истории КПСС.* 1964. № 11. С. 99–103; *Кошелева Л.П.* Анкеты участников Великой Октябрьской социалистической революции как исторический источник // Архивный фонд КПСС – источник изучения истории Великого Октября, революционных свершений партии и народа. М., 1978. С. 113–122; *Коровайников В.Ю.* "Анкеты" как источник по истории Октябрьского переворота // *Мир источниковедения.* М., Пенза, 1994. С. 167–170.

² Здесь и далее все подсчеты, обобщения, сопоставления сделаны автором.

альной анкеты участников октябрьской революции"³. Можно утверждать, что Истпарт разослал более 1400 анкет.

Известно, что анкета распространялась среди бывших членов ЦК РСДРП (б), Петроградского ВРК, большевистской фракции ВЦИК Советов 1-го созыва, делегатов II Всероссийского съезда Советов, членов Всесоюзного общества старых большевиков⁴. Это дает возможность реконструировать общий список.

Обращение Истпарта нашло отклик менее чем у 25% анкетлируемых: только 348 человек прислали свои воспоминания. Полученные материалы (заполненные и незаполненные экземпляры анкеты, приложенные к ним воспоминания, документы за 1917–1920 гг., сопроводительные письма) Истпарт расположил в алфавитном порядке фамилий авторов. Предваряет их машинописный "Список товарищей, приславших анкеты участников Октябрьского переворота"⁵. Список не датирован, однако некоторые особенности оформления позволяют установить время его создания. Отпечатан он на бумаге того же формата, что и анкета, и включает 351 фамилию, расположенную в алфавитном порядке. Кроме того, 11 фамилий вписаны разными почерками карандашом и чернилами. Четверо анкетлируемых из последних 11-ти датировали свои воспоминания: П.Т. Кочетов заполнил анкету 15 декабря 1927 г., А.Н. Широков – 30 декабря того же года, А.Л. Банквицер и А.Д. Авдеев – 4 и 12 января 1928 г.⁶ Анкета, заполненная В.А. Миллером, согласно регистрационному штампу Института Ленина поступила 23 января 1929 г.⁷ Можно допустить, что 6 недатированных анкет также возвратились с опозданием. Получается, что основная (машинописная) часть списка была составлена не позднее конца декабря 1927 г., а рукописные дополнения вносились в него по мере поступления "просроченных" анкет. По всей видимости, указанный документ появился в связи с решением коллегии Истпарта от 4 ноября 1927 г. опубликовать "список приславших анкету" в журнале "Пролетарская революция"⁸.

Сравнительный анализ списка, составленного в 1927 г. и имеющихся в настоящее время анкет показал, что все они, за исключением двух, сохранились. Причины отсутствия анкет В.А. Дегтя и Т.Е. Шельдяева установить не удалось. Неизвестно также были ли они заполнены: список 1927 г. содержит (без каких-либо оговорок) и фамилии тех лиц, кто вернул незаполненный экземпляр анкеты. В то же время в списке отсутствуют фамилии С.С. Данилова, М.А. Иванова и М.А. Ларина (двое последних представили незаполненные анкеты⁹). Недатированная анкета С.С. Данилова, вероятно, пришла с опозданием: ее листы имеют литературную нумерацию¹⁰.

Результаты проведенного анализа, а также наличие анкет Г.Н. Мельничанского, Г.Я. Сокольниковой, М.П. Томского, А.Г. Шляпникова и других "врагов народа" свидетельствуют о том, что данный комплекс сохранился полностью, изъятый из него в период массовых репрессий не было.

Необычна судьба анкеты, направленной Л.Д. Троцкому. Заполнять ее он не стал, а написал подробнейшее исследование – памфлет под красноречивым заглавием "О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и

³ РЦХИДНИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 126. Л. 20.

⁴ См.: От Истпарта // Пролет. революция. 1927. № 11(70). С. 264.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 192. Л. 3–17.

⁶ Там же. Д. 380. Л. 149 об.; Д. 387. Л. 102; Д. 194. Л. 51; Д. 192. Л. 18.

⁷ Там же. Д. 382. Л. 111.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.

⁹ Там же. Оп. 4. Д. 381. Л. 30, 86.

¹⁰ Там же. Д. 378. Л. 8а–8д.

истории партии"¹¹. 21 октября 1927 г. этот документ был направлен в Истпарт, а уже на следующий (!) день заведующий Истпартотделом ЦК ВКП(б) М.А. Савельев подписал письмо следующего содержания: «Товарищу Л.Д. Троцкому. В ответ на разосланную Истпартом ЦК анкету... Вами прислан в Истпарт неслыханный по своим клеветническим измышлениям на отдельных товарищей, на Истпарт и ЦК нашей партии пасквиль. В присланном Вами документе не только нет ни тени ответа на поставленные анкетой вопросы, но весь он проникнут грубейшими фракционными выходками против партии. В связи с этим Истпарт не считает возможным принять эту "анкету" и возвращает ее Вам обратно»¹².

Таким образом, в настоящее время исследуемый документальный комплекс включает 348 заполненных анкет или заменяющих их воспоминаний, а также 15 незаполненных анкет. К последним в большинстве случаев приложены сопроводительные письма. Анализ их содержания в какой-то мере поможет понять, почему же свыше тысячи анкетуемых не ответили на обращение Истпарта. Многие авторы объяснили причины незаполнения анкеты тем, что не имеют оснований "причислять себя к разряду видных товарищей в период Октября", что играли в революции "небольшую роль", "непосредственного участия в октябрьском перевороте" не принимали, находясь на окраине России или за ее пределами (на Дальнем Востоке, юго-западном фронте, в Латвии, германском плену, Англии, США и т.д.)¹³. Сколь странен мир! Порой малозначительные (на первый взгляд) вещи приобретают решающее значение: кто теперь определит, как много рядовых участников революции отложили полученный экземпляр анкеты в сторону только потому, что Истпарт обращался к "видным" революционерам.

Сложность структуры, большой объем анкеты, установленный Истпартом семидневный срок ее заполнения также сыграли свою негативную роль.

49 участников революции поделились воспоминаниями об октябрьских днях в Москве. Это – И.Г. Батышев, Р.П. Баузе, Д.П. Боголепов, И.П. Бондаренко, А.В. Веселов, А.Г. Герасимов, К.К. Герман, И.В. Дрожжин, Н.Н. Зимин, К.И. Касаткин, Б.Г. Козелев, М.М. Костеловская, К.К. Крипайтис, Ю.А. Левандовский, Ф.Д. Лисенков, А. Ломов (Г.И. Оппоков), В.Н. Максимовский, С.А. Мамулия, А.В. Мандельштам, Г.Н. Мельничанский, Н.Л. Мещеряков, М.С. Мовшович, З.Я. Новиков, М.С. Ольминский, Ф.А. Орешин, Я.Я. Пече, Л.П. Пиндрик, А.И. Подгорный, В.Е. Розенфельд, С.В. Савин, Л.А. Саврасов, Н.А. Семашко, И.И. Скворцов-Степанов, П.Г. Смидович, Г.Я. Сокольников, В.И. Соловьев, А.А. Ставрович, А.Н. Телешев, М.П. Томский, А.Я. Фектер, С.И. Филлер, П.П. Щельмин, И.В. Цивцивадзе, А.А. Чугунов, А.Г. Шлихтер, Е.С. Шлихтер, Е.Е. Штейнман, С.Я. Эдельман, Ю.Ю. Янель¹⁴.

Бывший председатель Сушевско-Марьинской думы И.Г. Батышев писал: "Переход власти к Советам в Сушевско-Марьинском районе произошел фактически до Октябрьской революции. Районная дума и управа возглавлялись большевиками, исполком Сушевско-Марьинского Совета также состоял в большинстве своем из большевиков"¹⁵.

Иначе обстояло дело в других районах города. Член ВРК Городского района С.И. Филлер вспоминал: "Бои в Городском районе происходили главным образом у телефонной станции, почты и телеграфа и на Тверском бульваре у Никитских ворот, где повсюду засели юнкера... Были и такие моменты, когда

¹¹ См.: *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 13–100.

¹² РЦХИДНИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 119. Л. 288.

¹³ Там же. Оп. 4. Д. 378. Л. 32, 126, 153; Д. 379. Л. 127; Д. 380. Л. 165; Д. 381. Л. 86; Д. 382. Л. 67; Д. 384. Л. 133; Д. 387. Л. 187.

¹⁴ Там же. Д. 194–196, 198, 199, 376–387.

¹⁵ От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 47.

после победы над юнкерами в некоторых местах (на Сретенке, Лубянской площади и др.) начался грабеж магазинов и нам пришлось вести с этим борьбу – арестовывать и отбирать награбленное"¹⁶.

Воспоминания А.И. Подгорного, возглавлявшего ревком 22-й автороты в дни вооруженного выступления, передают настроения того времени: "Солдаты, узнав о решении Моссовета (начать восстание. – В.К.), притихли, ходили с какими-то особенными лицами (я никогда больше не встречал таких лиц): смесь решительности и мучительной тревоги, мужества и страха. И все как-то лихорадочно и с абсолютной точностью исполняли всякие мои указания... Тревога чувствовалась и на заседании Моссовета. Рассказывали о том, что Рябцев арестовал какую-то нашу делегацию, что юнкера захватили Кремль – словом, что нужно переходить к военным действиям. Какой-то товарищ рассказал, что меньшевики и эсеры покинули здание Совета и со всеми своими архивами перебрались, кажется, в городскую думу"¹⁷.

М.М. Костеловская, член Московского областного бюро ЦК РСДРП(б), секретарь Краснопресненского РК РСДРП(б) отметила такой момент: "С самого же начала в Совет начали приводить огромное количество арестованных. Это были частью белые, которых мы сажали под замок тут же по комнатам, частью обыватели. Когда этих обывателей мы отпускали, они не могли никак уйти из кольца Совета, ибо их снова арестовывали и вели в Совет"¹⁸. Критически оценила М.М. Костеловская деятельность Московского ВРК, осудив нерешительность и "интеллигентскую мягкотелость" отдельных его членов: "Здесь (в Моссовете. – В.К.) централизованного руководства ни со стороны революционного комитета, ни со стороны штаба не было. Действовали каждый по своему разумению. Вл. Смирнов и Аросев совершенно размокли"¹⁹. И далее: «Двинцы требовали стрелять по Кремлю, по белым, и выручать наших пленных. Аросев хватался за голову и стонал: "Кремль, нет, не могу". Один из двинцев в негодовании и отчаянии с размаху бросился на пол и завопил не своим голосом... Очень нудили всех бесконечные "перемирия" и "переговоры", которые вел Смидович. Двинцы ругались, районные ребята негодовали. Чем дальше, тем обстановка становилась более нервной»²⁰.

Резкость и категоричность утверждений М.М. Костеловской привели ее к необходимости сделать следующую запись: "Товарищи из Истпарта! Некоторые моменты здесь даны очень откровенно. Это, разумеется, не для печати"²¹.

Бывший член Московского ВРК А. Ломов (Г.И. Оппок) вспоминал: "Очень тяжелым являлся день наступления юнкеров на Моссовет. Последний был расположен в буржуазном центральном районе, вдали от рабочих окраин, которые только что поднимались. Совет уже был обстрелян с броневиков, подходивших почти вплотную... Очень многие товарищи считали нужным уход из Совета. Ночью около 12–2 часов у меня был разговор с председателем Совета Ногиным, который решительно стоял за уход из Совета и ушел из него. Многие товарищи говорили в эти минуты о том, что кольцо юнкеров сжимается и надо или уходить, или придется погибать в Совете"²².

А вот как описывает этот драматический эпизод М.М. Костеловская: «Внизу шла суматоха. Многие уходят. Выносят ящики с винтовками. Я поднимаюсь по лестнице. Навстречу быстро спускается вниз Ногин. Он до крайности

¹⁶ Там же. С. 356.

¹⁷ Там же. С. 298.

¹⁸ *Коровайников В.Ю.* Они делали революцию // Дружба народов. 1987. № 11. С. 214.

¹⁹ РГХИДНИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 380. Л. 112.

²⁰ Там же. Л. 113.

²¹ Там же. Л. 117. Приведенные фрагменты анкеты ранее не публиковались.

²² От Февраля к Октябрю. С. 233.

взволнован и кричит: "Уходите, все пропало". Мы держимся за руки. Он тянет вниз, а я – вверх. Я пытаюсь его успокоить: "Да что вы, куда вы, ведь ничего не случилось". Он вырывает руку и быстро сбегает вниз к выходу. Я – в штаб. Там только дежурный. – "Где Аросев?" Он указал на соседнюю комнату – ревком. Я – в ревком. Там Усиевич. "В чем дело? Почему вывозят оружие?" – дергаю я его. Он взволнован и негодующе: "Да вот сейчас ревком постановил уйти из Совета"... У меня все поплыло в глазах. Я помню, что я стучала кулаком по столу и вопила, требуя переголосовать вопрос об уходе из Совета. Товарищи потом рассказывали мне, что я ругалась всякими скверными словами и закончила примерно так: "Есть ли тут такой мерзавец, который будет голосовать за оставление Совета, пусть поднимет руку". Конечно, никто руки не поднимал. – "Значит остаемся, надо вернуть оружие". Усиевич горячо поддерживает: "Конечно, остаемся, товарищи. Ведь ничего не случилось". И, не дожидаясь ответа, мы бросаемся отдавать приказания, чтобы вернули оружие, чтобы никто не уходил и т.д. ... Эта ночь была странная, какая-то пустая, как дыра. Из штаба и ревкома, кроме Усиевича, никого в Совете не осталось... Но вот рассвело. Ночь прошла. Колесо снова завертелось, и все пошло своим чередом: снова заухали пушки, затрещали по крышам пулеметы, и поменьше люди вернулись на свои места"²³. Назвать объективными эти воспоминания нельзя: слишком велико желание автора поставить себя во главе событий и принизить роль остальных.

Надо сказать, что мнение М.М. Костеловской относительно работы Московского ВРК разделяли далеко не все участники Октябрьского переворота. Р.П. Баузе, бывший член ЦК и секретарь Российского бюро ЦК Социал-демократии Латышского края, прямо заявлял: «В литературе отмечена нерешительность Московского военно-революционного комитета и его соглашательная политика по отношению к побежденным контрреволюционерам. Среди латышских рабочих и особенно среди участников вооруженной борьбы это вызвало большое возмущение и протесты. В "Социал-демократе" был опубликован протест латышских красноварцевцев»²⁴.

Октябрьский переворот, свершившийся 80 лет тому назад и круто изменивший ход российской истории, до сих пор не изучен всесторонне и непредвзято. Сделать это можно лишь на основе объективного анализа всех имеющихся документов, в том числе такого непростого источника, каким являются воспоминания его непосредственных участников. Изучение материалов "Анкеты участника Октябрьского переворота", насыщенных динамикой событий, передающих атмосферу тех далеких дней, несомненно помогут в воссоздании истории третьей российской революции.

²³ РЦХИДНИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 380. Л. 115–116.

²⁴ От Февраля к Октябрю. С. 55.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В МОСКВЕ: ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

За последние годы история деятельности общественных "краснокрестных" организаций несколько раз становилась предметом специальных исследований и публикаций. Однако комплексный источниковедческий анализ по данной проблематике ни российскими, ни зарубежными историками пока еще не проводился¹.

В период между 1918 и 1938 г. в Москве функционировали неправительственные правозащитные организации, известные по мемуарам и устным воспоминаниям узников ГУЛАГа и их родственников под общим названием Политический Красный Крест. Необходимо уточнить, что в указанный период существовала не одна, а две родственные организации: в 1918-1922 гг. правозащитники работали в структуре Московского общества Красного Креста для помощи политическим заключенным, а с конца 1922 г. — в рамках Помощи политическим заключенным.

Первая организация действительно именовалась также Политический Красный Крест (далее: ПКК). Поскольку Помощь политическим заключенным (сокращенном Помполит) в юридическом отношении фактически стала преемницей ПКК, то в воспоминаниях современников и в комментариях историков, как правило, не проводилось различия между ними. Тем более, что зачастую в устной речи Помполит по традиции продолжали называть Политический Красный Крест. Примеров подобной аберрации можно привести довольно много².

Небезынтересно отметить, что 100-летие спустя советские диссиденты, участвовавшие в правозащитном движении, повторили их опыт, апеллируя к Хельсинкским соглашениям 1975 г.

В годы первой революции правозащитные организации в России и за рубежом сложились в более или менее оформленную сеть. Они имели широкие международные связи, постоянных корреспондентов; с ними взаимодействовали лучшие отечественные адвокаты и многие западные интеллектуалы³. В этот

* Настоящая статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Московским отделением Российского научного фонда при содействии Фонда Форда (США).

¹ В числе первых появившихся в печати работ; см.: Незапечатанный труд: Из архива В.Н.Фигнер / Публ. Я.В.Леонтьева, К.С.Юрьева // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб, 1992. Вып. 2. С. 424-488; Материалы к истории Большого Пасьянса / Публ. Я.В.Леонтьева, И.И.Осиповой // Мемориал-аспект: Информ. бюл. об-ва "Мемориал". 1994. № 7/8; Угримова Т. Первозащитники: Красный Крест против красного террора // Сегодня. 1995. 26 авг.; Голотик С. Первые правозащитные организации в Советской России // Воля. 1995. № 4/5; Горчева А.Ю. Списки Пешковой // Звезда. 1996. № 3; Леонтьев Я. Политический Красный Крест в стране серпа и молота // Общая газета. 1996. № 42.

² Ограничимся указанием на воспоминания бывшего меньшевика Д.М.Бацера "Еще раз о Политическом Красном Кресте" (Память: Ист. сб. Париж, 1980. Вып. 3); гражданской жены адмирала Колчака А.В. Книпер-Тимиревой: "Екатерина Павловна Пешкова" (Минувшее: Ист. альманах. М., 1990. Вып. 1); "Записки уцелевшего" С.М.Голицына; "Воспоминания" Н.Я.Мандельштам; "Архипелаг ГУЛАГ" А.И.Солженицына и "Непридуманное" Л.И.Разгона.

³ См.: Фигнер В. После Шлиссельбурга // Фигнер В.Н. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 3. Гл. XLVIII-LVIII.

период наибольшую известность получили такие организации, как Парижский комитет помощи политическим каторжанам (Комитет Фигнер); Лондонский комитет помощи административноссыльным, возглавлявшийся женой П.А. Кропоткина С.Г. Кропоткиной; Парижский комитет помощи ссыльно-поселенцам, руководимый вдовой основателя партии эсеров М.Р. Гоца В.С. Гоц; Краковский Союз помощи политическим заключенным, созданный социал-демократами и включавший 10 правозащитных организаций; Парижский Фонд помощи, политическим ссыльным и заключенным России. Организации помощи репрессированным русским революционерам были созданы в большинстве европейских столиц, городах Северо-Американских Соединенных Штатов и даже в Австралии. Все эти связи пригодились в будущем, в 1920-е годы.

В самой России политические правозащитные организации действовали в ряде мест. Наибольшей известностью пользовались Петербургский и Московский Политические Красные Кресты, Харьковский революционный Красный Крест, Шлиссельбургский комитет и некоторые другие. Практически все они работали нелегально. После Февральской революции участники "краснокрестного" движения провозгласили создание единой организации под названием "Общество помощи освобожденным политическим — Политический Красный Крест". Председателем общества была избрана В.Н. Фигнер, одним из ее заместителей — супруга А.Ф. Керенского О.Л. Керенская. Во главе Московского бюро этой организации встала Е.П. Пешкова. Впоследствии персональный состав деятелей дореволюционного "краснокрестного" движения и Общества помощи освобожденным политическим во многом повторился в постреволюционном ПКК и Помполите⁴. За счет собранных в 1917 г. пожертвований ПКК смог вновь достаточно быстро вновь развернуть свою работу.

Уже в декабре 1917 г. в оппозиционных большевикам газетах от имени ПКК появились обращения о том, что «теперь, после "революции" 25 октября, комитет "Красного Креста" видит себя вынужденным возобновить свою деятельность помощи политическим заключенным»⁵. Возобновление работы ПКК в Петрограде было связано с именем доктора медицины И.И. Манухина, в Москве — с именем присяжного поверенного Н.К. Муравьева (оба в прошлом примыкали к социал-демократам).

В Москве ПКК возродился в январе 1918 г. Весной через газеты было объявлено о начале сбора средств в его пользу. Председателем Московского Комитета ПКК был избран Николай Константинович Муравьев (1870–1936). Позже председателем Совета стала Вера Николаевна Фигнер (1852–1942), а почетным председателем был избран В.Г. Короленко.

Среди учредителей и деятелей ПКК в Москве мы встречаем целый ряд крупных политических деятелей, таких как кадеты Н.И. Астров и Н.В. Тисленко, народные социалисты С.П. Мельгунов и А.И. Перес, правые эсеры О.С. Минор и С.А. Студенецкий, теоретики анархизма-коммунизма П.А. Кропоткин и А.А. Карелин, жена видного кадета Л.Н. Хрущева, вдова известного эсера С.Н. Слётва М.Ф. Семюк, знаменитые общественные деятельницы С.В. Панина и Е.Д. Кускова, писатели В.В. Вересаев и И.В. Жилкин, брат И. Бунина Ю.А. Бунин, медики А.В. Мартынов, В.К. Хорошко, П.П. Кащенко, И.М. Чупров, адвокаты В.Н. Малайтович, А.С. Тагер, Л.Л. Розенталь, А.Б. Левинсон, дочь Л. Толстого А.Л. Толстая и др.

⁴ См.: Фигнер В.Н. Общество помощи освобожденным политическим: Доклад членам этого Общества (март-апрель 1917 г.) // Девятый вал: К 10-летию освобождения из царской каторги и ссылки. М., 1927; Список членов Московского общества Красного Креста... по состоянию на 1918 год // Воля. 1995. № 4/5; Леонтьев Я.В. "Красный Крест" политический // Отечественная история: Энциклопедия Т. 3. (в печати).

⁵ См.: Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 140.

15 июля 1918 г. Н.К. Муравьев получил право на беспрепятственный проход во все тюрьмы Москвы. Таким образом, ПКК обрел легальный статус и приступил к работе. Его дальнейшая деятельность базировалась на следующих основополагающих принципах: соблюдение принципа беспартийности при оказании помощи заключенным; нахождение "над схваткой" в разворачивающейся политической борьбе; общественная самостоятельность и независимость от власти; недопустимость финансирования за счет власти.

Устав Московского общества Красного Креста для помощи политическим заключенным (Политический Красный Крест) подчеркивал, что оно "действует в согласии с принципами Международного Красного Креста". Члены ПКК утверждали, что "Россия представляет ту особенность, что она переживает весьма напряженный момент гражданской войны... Как на войне между государствами идея Красного Креста приходит на помощь раненым и больным воинам, так и в новейшей гражданской войне под тем же традиционным знаком та же идея идет на помощь страдающим в войне гражданским"⁶.

Практическая работа ПКК осуществлялась рядом комиссий: финансовой (во главе Н.К. Муравьев), хозяйственной (Е.И. Муравьева), статистической (В.И. Фролов), медицинской (А.А. Бах), библиотечной (М.И. Хорошко), театрально-концертной (И.С. Кальмеер). Заместителем председателя Московского Комитета ПКК стала Е.П. Пешкова. Она отвечала за посещение тюрем, Л.Е. Елипер — за посещение концентрационных лагерей. В состав юридической комиссии вошли видные адвокаты И.С. Кальмеер, Я.Н. Либсон, П.Н. Малянтович, Л.Л. Розенталь, Б.Е. Ратнер и др. Секретарем Московского ПКК являлся Я.Н. Либсон, казначеем — бывший народовец и эсер Е.П. Ростовский. Наряду с Московским в годы гражданской войны и в начале 20-х годов продолжали свою деятельность Петроградский, Полтавский и Харьковский Красные Кресты.

Московский ПКК просуществовал до сентября 1922 г. Обстоятельства его ликвидации еще предстоит уточнить. Причины же закрытия — очевидны. Н.К. Муравьев, будучи защитником на процессе эсеров летом 1922 г., в знак протеста против давления на суд путем специально организованных демонстраций и нападок в прессе, отказался вести защиту. Он и несколько его коллег подверглись краткосрочному аресту и высылке из Москвы. В сентябре 1922 г. из Советской России была выслана группа ученых и общественных деятелей, в числе которых оказались члены Совета Московского ПКК — Е.Д. Кускова, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин и др. Одновременно произошла ликвидация и Петроградского ПКК.

Впрочем работники и сотрудники ПКК подвергались арестам и ранее, например, в связи с ликвидацией Всероссийского общественного комитета помощи голодающим. Историю деятельности ПКК вообще необходимо рассматривать в контексте постреволюционной истории других общественных объединений интеллигенции. Одним из источников его финансирования и, вероятно, главным источником получения литературы библиотечной комиссией было, например, издательство "Задруга", пайщиками которого состояли многие деятели ПКК (Н.К. Муравьев, Я.Н. Либсон, Е.П. Ростовский и др.)⁷ Заключительный момент существования ПКК совпадает по времени с периодом массовых репрессий против "буржуазной" интеллигенции.

Следующий этап правозащитного движения был связан в первую очередь с именем Екатерины Павловны Пешковой (1877–1965). Всю жизнь она занималась общественной работой: в дореволюционный период состояла

⁶ Устав Московского общества Красного Креста... М., 1919 (ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–28).

⁷ См. издат. буклет: Кооперативное издательство "Задруга". М., 1919. С. 20–31.

членом партии эсеров, работала в кассе по организации материальной помощи русским политэмигрантам (Париж), сотрудничала с Комитетом Фигнер. Во время первой мировой войны в структуре общества "Помощь жертвам войны" заведовала комиссией помощи детям. После окончания советско-польской войны, с осени 1920 г. являлась делегатом Польского Красного Креста на территории Советской России, занимаясь репатриацией военнопленных. Впоследствии, во время Великой Отечественной войны, организовывала помощь детям, эвакуированным в Среднюю Азию.

Возобновление деятельности правозащитников поздней осенью 1922 г. нужно связывать с фактом знакомства Пешковой с Держинским и другим высокопоставленным чекистом польского происхождения — бывшим председателем Центральной коллегии по делам беженцев и пленных И.С. Уншлихтом. 11 ноября за подписью последнего Пешковой было выдано удостоверение о переходе помещения Московского ПКК (Кузнецкий мост, д. 16) и всего его имущества в ее личное ведение. Вслед за этим было создано новое учреждение, официально названное "Помощь политическим заключенным" (далее: ППЗ). В другом документе, выданном Уншлихтом, регламентировались взаимоотношения ГПУ с ППЗ. Пешковой разрешалось оказывать помощь политзаключенным и их семьям одеждой, лекарствами, продовольствием и деньгами, возбуждать разных ходатайства перед ГПУ; передачи от ППЗ и родственников она могла посылать непосредственно в места заключения.

В отличие от прежнего ПКК новая организация не являлась общественной в буквальном смысле. Ее можно квалифицировать, как неправительственную организацию с особым статусом учреждения, где работники получали зарплату, но не введенную в сеть подведомственных госучреждений. Заместителем Пешковой по Помполиту стал инженер-технолог, бывший социал-демократ Михаил Львович Винавер, заведующей хозяйством являлась В.Г. Ман; делопроизводителем и секретарем ППЗ служила Н.А. Перес, родители которой с давних пор принимали участие в правозащитном движении (обе работали в ППЗ с 1924 г.). Экспедицией и картотекой с 1930 г. заведовала Е.В. Линденфельд. Также в ППЗ постоянно или временно работали Т.А. Альфер, Д.К. Градская, О.В. Добросовестная, Е.Н. Королева, И.Л. Юделевич и др. Общий штат не превышал 10-15 человек. В то же время с ППЗ тесным образом сотрудничали общественные кружки, такие как Кружок народовольцев при Обществе бывших политкаторжан, Толстовское общество, Кружок работников политической защиты во главе с Н.К. Муравьевым. Деятельность правозащитников долгое время поддерживали своим моральным авторитетом старые революционеры, такие как В.Н. Фигнер, супруги Сажины, Прибылевы, Шебалины, М.В. Новорусский, А.Н. Бах и др., а также А.М. Горький. На начальном этапе работы Е.П. Пешковой, лично знакомой с И.В. Сталиным и Г.Г. Ягодой, действительно удавалось оказывать материальную помощь политзаключенным, но постепенно основные функции Помполита были сведены к информационно-справочной работе.

В июне 1938 г. поступило директивное указание из НКВД о ликвидации ППЗ. Пешковой предписывалось подготовить документацию и делопроизводство к сдаче в Центрархив. Разборкой огромного архива занималась работница ППЗ Е.Н. Королева. В 1947 г. была произведена повторная опись архива. После проверки наличия дел в 1968 г. фондам ПКК и ППЗ была присвоена II категория секретности. Рассекретили их лишь в 1990-1991 гг.

В настоящий момент в ГАРФ находятся на хранении ф. 8419 (Политический Красный Крест), насчитывающий 390 ед. хр. и Ф. 8409 (Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным) — 1731 ед. хр. Оба фонда полностью доступны исследователям, хотя нормальной работе с ними мешает отсутствие какого-либо научно-справочного аппарата. Составлением его в настоящее время занята

группа сотрудников ГАРФ и Научно-исследовательского просветительского центра "Мемориал".

Фонд ПКК состоит главным образом из анкет ("опросных листов") политзаключенных московских тюрем за период 1919–1922 гг. и небольшого количества вспомогательных документов делопроизводственного характера. Анкеты содержат пункты с вопросами биографического (возраст, национальность, подданство, образование, семейное и профессиональное положение, место жительства) и социально-политического (партийная принадлежность, выборные должности и пр.) характера. Также имеются сведения о материальном положении, состоянии здоровья, о предыдущих репрессиях (до и после революции), дате и месте ареста, ордере на арест, поводе к аресту, поделщиках, ходе следствия и фамилии следователя. Наиболее подробно в ряде случаев заполнялся пункт о сущности дела и характере допросов, обязательно указывались место содержания под стражей и дата заполнения анкеты. На многих из них имеются резолюции или справочные пометки ПКК. Любопытно отметить, что опросные листы были отпечатаны в типографии упоминавшегося выше издательства "Задруга".

В качестве историко-статистического источника этот вид документов представляет превосходный материал, легко поддающийся обработке математическими методами. В будущем он может быть использован не только историками политических партий и репрессий, но и социологами, изучающими период гражданской войны. В числе заполнителей анкет были лидеры и рядовые участники большинства существовавших тогда партий: кадетов, РСДРП (меньшевиков), правых и левых эсеров, анархистов, максималистов. Есть также анкеты лиц, обвинявшихся в шпионаже, участии в повстанческом движении (например, в Тамбовском восстании) и т.д.

Документы фонда Е.П. Пешковой (ППЗ) можно разделить на четыре основные группы: 1) алфавитные книги и списки политзаключенных; 2) заявления и письма заключенных и их родственников; 3) переписка по делам заключенных с ОГПУ-НКВД; 4) делопроизводственная документация.

В составе первой группы выделяются "Алфавиты" за период с 1925 по 1935 г., насчитывающие 20 ед. хр. В увесистые "гроссбухи" заносились не только фамилии заключенных, но и статья, срок и место заключения. По некоторым категориям заключенных алфавитные книги велись с особой тщательностью. В отношении служителей культа, например, дополнительно фиксировалось последнее место служения, члены семьи, количество детей. Имеются также списки политзаключенных по отдельным тюрьмам — Бутырской, Таганской, Суздальскому политизолятору. Есть список бывших заключенных и ссыльных, уехавших в Палестину (1930).

Во второй группе содержатся заявления и письма разнообразного жанра. Это самая многочисленная группа документов. В некоторых единицах хранения находится по сто и более писем. Особенно часто встречаются следующие документы: запросы родственников о месте нахождения заключенных, характере обвинения, приговоре; заявления заключенных и ссыльных о денежной, вещевой, медицинской помощи; просьбы о присылке книг; уведомления о режиме в местах заключения и ссылки, взаимоотношения с администрацией, формах протеста (голодовках), нарушениях прав (избиениях, наказаниях, невозможности устроиться на работу, вернуться на родину). Достаточно большое количество писем носят благодарственный характер.

Особую ценность представляют подробные корреспонденции с мест. В числе постоянных корреспондентов ППЗ можно назвать, например, бывшего товарища председателя Московской городской думы эсера С.А. Студенецкого и известную эсерку Ю. Зубелевич (Дашу Кронштадтскую). В их письмах приво-

дятся списки "колоний" ссыльных, даются характеристики отдельных лиц. Создается впечатление, что у этих корреспондентов существовала предварительная договоренность с Пешковой об информировании ППЗ.

Из числа иногородних правозащитников наиболее частыми корреспондентами были Л.Б. Сандомирская и С.П. Швецов (соответственно — Харьковский и Петроградский Политический Красные Кресты). Письма Сергея Порфирьевича Швецова — старого революционера, народника и эсера — представляют собой ответы на запросы Е.П. Пешковой относительно репрессий в Петрограде и ходатайства Петроградского ПКК. В числе других ходатаев ППЗ были свояченица В.Г. Короленко народоволка П.С. Ивановская, А.А. Ахматова, М.А. Волошин и др.

Заслуживают интереса встречающиеся среди писем и заявлений обращения к Е.П. Пешковой деятелей партийных Красных Крестов. В качестве примера можно привести просьбу секретаря Черного Креста А.А.Карелина (1923) о помощи ссыльным анархистам. Аполлон Андреевич Карелин также принадлежал к старым революционерам и был членом Секретариата легально существовавшей Всероссийской Федерации анархистов-коммунистов. После его смерти в 1926 г. помощь анархистам оказывалась через других работников Черного Креста — А.О. Солонович (Москва), Л.К. Чуковскую (Ленинград). Другой пример можно привести в связи с обращением представительницы Левонароднического ПКК Л.А. Головиной о денежной помощи М.А. Спиридоновой и другим лидерам левых эсеров (1923). Связь с партийным ПКК правых эсеров, скорее всего, поддерживалась через доктора А.Ю. Фейта и того же С.П. Швецова.

В третьей группе документов, помимо переписки с официальными инстанциями, имеется еще несколько единиц хранения, содержащих переписку ППЗ с Международным Красным Крестом о заключенных-иностранцах.

В четвертой группе содержится переписка с различными учреждениями (Всероссийским союзом промысловой кооперации, текстильным и табачным синдикатами и пр.) об оказании поддержки. Сотни накладных, расписок, ордеров, счетов, извещений наглядно свидетельствуют о большой интенсивности усилий ППЗ в направлении обеспечения политзаключенных предметами первой необходимости. Переписка с издательствами содержит внушительные списки книг, заказываемых для тюремных библиотек и по индивидуальным запросам.

Особо следует сказать о документах финансового характера. Они позволяют определить источники финансирования ППЗ. С этой целью организовывались благотворительные концерты, спектакли, лекции, литературные чтения, лотереи и распродажи. В пользу политзаключенных выступали знаменитые актеры и музыканты (О. Книппер-Чехова, А. Сумбатов-Южин, В. Лужский, А. Нежданова, М. Чехова, В. Качалов, К. Станиславский, А. Гольденвейзер и др.), читали свои произведения В. Вересаев, Б. Пильняк, П. Щеголев и т.д. Немалые средства поступали из-за границы, где существовали эмигрантские и иностранные комитеты помощи заключенным и ссыльным в России. Подробные организации работали в Париже, Лондоне и других европейских городах. Особую активность проявляли Международный комитет помощи политзаключенным в России (Нью-Йорк), Объединенный комитет защиты заключенных революционеров в России (Берлин). Содействие им оказывали западные левые интеллектуалы, рабочие организации Аргентины, Испании, скандинавских стран. Определенную помощь оказывал Помполиту и А.М. Горький, живший в Италии.

Помимо имевших статус политзаключенных (до 1937 г.) социалистов и анархистов, ППЗ оказывала помощь репрессированным религиозным деятелям и "казрам" (осужденным за "контрреволюционные преступления" участникам

белого и "зеленого" движений, восстания в Кронштадте, махновцам, басмачам, представителям аристократии, вплоть до хивинского хана Сейд Абдуллы). Наряду с православным духовенством ППЗ опекала восточных католиков. Оказывалась помощь участникам религиозных кружков и течений — теософам, антропософам, толстовцам; членам национальных партий — грузинским меньшевикам, армянским дашнакам, азербайджанским мусаватистам, членам других тюркских организаций, сионистам. Среди подопечных ППЗ мы встречаем имена жены А. Белого, К.Н. Бугаевой, мужа А.И. Цветаевой поэта Б.М. Зубакина, епископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого), настоятеля храма Христа Спасителя протоиерея И.В. Арсеньева, гражданской жены А.В. Колчака А.В. Книпер-Тимиревой, критика Р.В. Иванова-Разумника, философа А.А. Мейера и его жены К.А. Половцовой, переводчика М.Л. Лозинского, дочери К.Э. Циолковского Л.К. Циолковской, П.А. Флоренского, Д.С. Лихачева и многих других.

Для полноты реконструкции истории и механизма работы ППК-ППЗ необходимо дополнительное привлечение материалов из других фондов ГАРФ (например, фонда ВЦИК, где отложились ходатайства о помиловании и пересмотре дел) и иных архивов. К примеру, кое-какие материалы ППЗ находятся в личном фонде В.Н. Фигнер (Ф. 1185) в РГАЛИ. После смерти Фигнер в 1942 г. ее архив, перевезенный к Пешковой, спустя десять лет был передан последней в Центральный государственный литературный архив. В фонде Моссовета (ЦГАМО) обнаружена переписка Московского Комитета ППК с Л.Б. Каменевым за 1919-1920 гг. В бывшем Центральном партархиве (ныне РЦХИДНИ) найдены устав "Левонароднического Политического Красно-го Креста помощи ссыльным и заключенным левонародникам", список его членов, протоколы нескольких общих собраний (1923).

Более пристальное внимание следует обратить и на личные собрания — в первую очередь на архив семьи Пешковых, хранящийся в ИМЛИ и частично у внучек Екатерины Павловны — Дарьи Максимовны и Марфы Максимовны Пешковых. Из других собраний можно назвать группу архивных фондов старых революционеров, хранящихся в Доме Плеханова — филиале РНБ. Здесь, в частности, находится личный фонд одного из руководителей Петроградского ППК С.П.Швецова (Ф. 1263).

Однако написание всесторонней истории правозащитного движения, разумеется, невозможно без привлечения архивного фонда ФСБ. Хотя часть документов из архивов бывшего КГБ в настоящее время уже передана на государственное хранение, но процесс рассекречивания всех судебно-следственных и надзорных дел еще далек от завершения. В 1996 г. Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ закончила сплошную реабилитацию членов социалистических партий и анархистов. Тем не менее рука историка к этим материалам практически не прикасалась. Не представляется возможным до конца понять неформальные взаимоотношения Е.П. Пешковой с властью предрежащей без изучения документов Сталина, находящихся в Архиве президента РФ, и Ягоды (как известно нереабилитированного), а также документов Берии (замужем за его сыном была внучка Е.П. Пешковой, М.М. Пешкова). Эта работа ждет еще исследователей.

С.В. Журавлев

ДНЕВНИКИ МОСКОВСКИХ МЕТРОСТРОЕВЦЕВ 1930-х ГОДОВ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Отечественная и зарубежная мемуаристика знает немало примеров ведения дневниковых записей разного рода. Однако массовое организованное ведение дневников рабочими столичного Метростроя в 1934–1935 гг. в связи с подготовкой “Истории метро” стало поистине уникальным, не знающим аналогов историко-культурным явлением.

Как же возник этот феномен и в чем именно заключается его уникальность? Нет сомнения, что он мог появиться только в совершенно особых условиях, которые вкратце можно охарактеризовать тремя главными факторами: атмосфера культурного подъема середины 30-х годов в советском обществе, и в рабочей среде в особенности; специфическая социокультурная среда Метростроя (строили не просто функциональную подземку, а “дворец под землей”- символ социализма); призыв М. Горького написать “Историю фабрик и заводов” – историю труда и борьбы рабочего класса, с которым он выступил в конце 1931 г. и в котором “Истории метро” отводилась особая роль*.

Известно, что книги по “Истории фабрик и заводов” подготавливались, как правило, на основе привлечения архивных документов и воспоминаний. И только в “Истории метро”, в силу специфики создания рукописей, видное место заняли дневники как прямая запись метростроевцев о людях и делах стройки.

“История московского метро”, строительство первой очереди которого велось как раз в 1933–1935 гг., то есть параллельно с подготовкой книги, не могла быть историей в полном смысле этого слова. Это была, скорее, живая летопись строительства. Но на основании каких источников писать книгу не о прошлом, а фактически о настоящем? Сотрудниками специально организованной редакции “История метро” было выбрано две главные формы: стенографирование бесед с рабочими и инициирование массового дневникового движения на Метрострое.

Главным пропагандистом и организатором дневникового движения выступил молодой писатель Григорий Александрович Медынский (Покровский)¹. Приступив 7 февраля 1934 г. к работе в редакции “История метро”, он быстро понял огромную важность дневников как источников написания будущей “Истории” и необходимость организационно-методического обеспечения этого начинания. Нужно сказать, что до февраля 1934 г. отдельные метростроевцы- рабкоры и литкружковцы уже вели собственные дневники, рассматривая их как одну из наиболее доступных форм литературного творчества. В связи с началом работы над книгой о строительстве метро встала задача организовать массовое ведение

* Подробнее об этом см.: Журавлев С.В. Феномен “Истории фабрик и заводов”: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997; и другие работы автора.

¹ Медынский (Покровский) Григорий Александрович (1899–1987). В 1919–1929 гг. – на педагогической работе, затем профессиональный литератор, автор ряда романов, лауреат Государственной премии СССР (1949). Подробнее см.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т.4. С.72; Русские советские писатели-прозаики: Библиогр. указатель. Л., 1964. Т. 3. С.80–85.

дневников рабочими как один из главных способов получения фактологической основы для будущей книги. Ничего подобного историография не знала. Необходимо было не только вовлечь и убедить метростроевцев в необходимости ведения дневниковых записей и помощи таким образом работе над книгой (здесь сотрудникам редакции "История метро" оказали содействие общественные организации и многотиражка "Ударник Метростроя", организовавшие пропагандистскую кампанию за ведение дневников). Нужно было разработать и в доступной форме изложить методику ведения дневниковых записей.

Уже 16 февраля 1934 г. Г.А. Медынский подготовил "Методические указания о ведении рабочих дневников". 19 марта они были распечатаны на Метрострое на ротаторе, став доступными всем желающим, а в мае 1934 г. — опубликованы в бюллетене Главной редакции "История фабрик и заводов" под названием "История заводов", перешагнув тем самым рамки Метростроя². С обоснованием своих взглядов на значение дневников он также выступил на совещании редакции "История метро" 4 марта 1934 г., призвав широко развернуть на Метрострое работу по написанию дневников³.

Г.А. Медынский считал дневники метростроевцев главными источниками для будущей "Истории метро". Исходя из специфики строительства, отмечал он, «дневниковые записи должны составить значительную часть материала, на основе которого будет создаваться "История метро"». Ведь "легче и целесообразней ловить современность, чем восстанавливать ее как историю"⁴. Основными требованиями, предъявляемыми в методических указаниях к дневникам, являлись: максимальная правдивость, достоверность сообщаемых сведений, систематичность и полнота записей, обязательная их датировка. "Лакировка, украшивание действительности, преувеличение, раздувание тех или иных моментов не могут быть терпимы в дневниках", — подчеркнул Г.А. Медынский. В центре внимания авторов дневников "должны быть прежде всего люди и факты, — отмечал он. — Изучение событий через человека и человека через события — вот сложный и кропотливый труд, обязательный для авторов дневников в целях всестороннего изучения жизни"⁵.

Освещение событий должно вестись "на основе собственных наблюдений, бесед и документальных данных (журнал горных работ, многотиражка)". Автор "Методических указаний..." обращал внимание на то, чтобы записи были сделаны как можно быстрее, пока свежи в памяти все детали. Он рекомендовал следующую методику ведения дневников: на месте делать в записной книжке краткие наброски о замеченном событии или явлении, а дома переносить их в дневник в развернутой форме. В методической разработке определялись также примерные темы, которые должны найти отражение в дневниках, в соответствии с предполагаемой тематикой будущей книги: роль партии и комсомола в строительстве метро, политическая и трудовая жизнь стройки, культура, быт и т.д. Подготовленное Г.А. Медынским пособие заслуживает самой положительной оценки с точки зрения достижений источниковедения 1930-х годов. Несомненно, оно сыграло важную роль для развертывания организованного дневникового движения на Метрострое.

С этой же точки зрения следует рассматривать слет рабочих — активистов "Истории метро" и литкружковцев, состоявшийся 30–31 марта 1934 г. Проходив-

² См.: [Медынский Г.А.]. В помощь активу "Истории метро" (методическая разработка о ведении дневников). // История заводов. Вып. 3-4 (11-12). М., 1934. С. 149–151; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 7. Д. 416, 446; Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-изд 27-56-1.

³ Медынский Г.А. Ступени жизни. М., 1981. С. 149–151; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 7. Д. 248. Л. 12–20, 22–25.

⁴ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 7. Д. 416. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 104. Л. 139.

ший в плане подготовки к I Всесоюзному съезду писателей, слет был призван помочь рабочим-авторам в написании книги по истории метро. Как уже отмечалось, дневниковое движение на Метрострое опиралось на прочную литкружковую и рабкоровскую основу. Сотни метростроевцев увлекались разными формами литературного творчества, писали стихи, сотрудничали в газетах и журналах. Инструктором литмассового движения на метро являлся известный поэт Д.И.Морской (Малышев), а лучшие самодельные авторы посещали еще и занятия литературного актива при многотиражке “Ударник Метростроя”, которыми руководил И.А.Батрак (Козловский).

На слете своим творческим опытом делились с литкружковцами молодые, но уже известные писатели и поэты Л.Н. Сейфуллина, В.П. Катаев, А.И. Безыменский и А.А. Сурков. Анализ сохранившихся списков метростроевцев — участников слета — позволяет сделать любопытные выводы⁶. Во-первых, абсолютное большинство из них составляли рабочие (119 из 143 чел.). Во-вторых, при разнообразии творческих интересов литкружковцев (среди них были писавшие стихи и фельетоны, рассказы и очерки, сценарии и даже либретто) большинство (51 человек) отдавало предпочтение дневникам, рассматривая их ведение в том числе как важную форму литературной учебы. Не случайно, судя по стенограмме слета⁷, методика написания дневников оказалась в центре внимания его участников. Рабочие авторы буквально засыпали профессиональных литераторов вопросами, касающимися их опыта работы с дневниками (как лучше вести дневник, что и как записывать, нужно ли потом обрабатывать первоначальные записи и т.д.). В связи с этими вопросами Сейфуллина охарактеризовала дневники как важный источник, содержащий фактический материал, идеи, наброски, образы для литературных произведений. “Из дневника можно использовать речь людей, диалоги, образы, типы, — отмечала она. — Многие из дневника отпадают ненужного. Это не страшно. Может быть, пройдет четыре-пять лет, вы найдете новый сюжет, и дневник пригодится”⁸. “Дневниковые записи — очень ценный материал”, — поддержал ее Катаев. Он справедливо замечал, что “не так интересны такие записи, как количество отработанных часов, но интересно, что каждый человек думает”⁹.

С докладом “Дневники метростроевцев как исторический источник и общекультурное явление”¹⁰ на слете выступил и Г.А. Медынский. Отмечая, что *написание дневников рабочими является важным фактором роста социалистической культуры, явно выходящим как за рамки Метростроя, так и всего горьковского начинания* (курсив авт. — С.Ж.), он предложил рассматривать значение ведения дневников как минимум с трех точек зрения. Во-первых, в дневниках содержится ценный фактический материал для авторов будущей книги о метро. Во-вторых, они важны для самих рабочих как средство самопроверки, самовоспитания, ежедневного самоотчета. В-третьих, говорил Медынский, необходимо “сохранить этот аромат жизни в виде массовых дневниковых записей”¹¹ для будущих поколений. Не считая дневники самостоятельным литературным жанром, как некоторые рабочие авторы, он в то же время отмечал, что они “тесно связаны с ростом советской литературы” и допускал появление рабочих дневников, представляющих самостоятельный литературный интерес. «Принци-

⁶ Там же. Оп. 7. Д.239. Л.169–183.

⁷ Там же. Л. 76–168.

⁸ Там же. Л.128–129.

⁹ Там же. Л.94.

¹⁰ Там же. Д.416. Л.13–40; Д.239. Л.144–162.

¹¹ Там же. Д.416. Л.49.

пиальное значение “Истории метро” в том, – отмечал Медынский, – что она вызвала к жизни эту форму литературной работы и сделала в этом направлении первые шаги»¹². В докладе он впервые проанализировал поступившие к этому времени отрывки дневников (они передавались в редакцию “История метро” частями, через определенный промежуток времени). Г.А. Медынский обратил внимание авторов на общие недостатки: протокольность записей, слабый анализ событий, неумение отделить главное от мелочей; увлечение производственной тематикой в ущерб культурно-бытовой.

В целом сказывался низкий культурно-образовательный уровень рабочих-авторов дневников. У многих энтузиастов просто не хватало времени на регулярные записи — после рабочей смены молодые метростроевцы, как правило, учились. К тому же писать всю правду в дневниках, а тем более высказывать собственные оценки негативным явлениям и недостаткам было уже небезопасно. Нет ничего удивительного в том, что дневниковые записи оказались в большинстве своем насыщенными фактами, но лишенными анализа и личностных авторских оценок: зная, что дневники будут открыто читаться, обсуждаться, их авторы вольно или невольно включали механизмы самооценки.

Одним из главных результатов слета рабочих авторов Метростроя стало привлечение десятков новых рабочих к дневниковому движению. Характерно, что проходчик шахты № 19-20 Ф.Иванчин впоследствии отмечал в предисловии к дневнику: “Началом ведения моего дневника был слет рабочих писателей. На слете я получил определенную зарядку, минимум знаний, как надо вести дневник...”¹³.

Согласно имеющимся спискам, в 1934 г. на Метрострое писали дневники около 100 чел.¹⁴, но среди материалов архива редакции “История метро” до нас дошли лишь записи 36 авторов¹⁵. Нет сомнения, что среди них были очень разные люди, как по культурно-образовательному уровню, так и по отношению к ведению дневников. Хотя никакого явного принуждения вести дневники редакция не допускала, очевидно, что для части метростроевцев, откликнувшихся на призыв Горького из пролетарской сознательности, дневниковые записи оказались своеобразным “внутренним принуждением”. Окончание работы по “Истории метро” в 1935 г. было встречено ими со вздохом облегчения, и о дневниках было навсегда забыто. Некоторые авторы “сошли с дистанции” на полпути. Но для многих метростроевцев, мечтавших о литературном творчестве, ведение дневников оказалось хорошей “пробой пера”. Они стали вести дневники как бы в двух вариантах: для себя и для редакции “История метро”. Известно и то, что для некоторых рабочих Метростроя дневники из обычного “фактологического сырья для книги о метро” превратились в нечто большее – в жизненную потребность. Многие дневники оказались по разным причинам утерянными или вовсе не были сданы в редакцию их авторами. Так, впоследствии известный советский поэт Евгений Долматовский, трудившийся в то время на шахте № 12 Метростроя и участвовавший в написании истории метро, опубликовал отрывки из своего дневника, начатого в 30-е годы, лишь много лет спустя¹⁶.

По частично сохранившимся в архиве учетным карточкам можно составить примерный собирательный портрет авторов дневников. Они были в большинстве

¹² Там же.

¹³ Там же. Д.450. Л.35.

¹⁴ Там же. Д.226. Л.24–26.

¹⁵ Там же. Д.447–457.

¹⁶ *Долматовский Евгений*. Было: Записки поэта. М., 1979; Дни и годы Метростроя. Сб. М., 1981. С.118–130.

своим молодыми рабочими- ударниками 18–28 лет, имеющими среднее образование (7 кл.)¹⁷.

Написанные ими и сданные в редакцию “История метро” дневники не равнозначны в информативном плане, разнообразны по форме и содержанию, хронологическому охвату событий: от 3-дневных записей до 4-месячных. На основании имеющихся материалов не представляется возможным определить, в течение какого периода продолжалось ведение дневников теми или иными авторами, так как, по-видимому, в архив редакции к лету 1934 г. поступили лишь первые части записей (более поздние записи отсутствуют). Другая часть дневниковых записей, использовавшихся профессиональными литераторами в качестве фактологического сырья для написания рукописей так и не изданной книги по истории метро, видимо, утеряна навсегда. К счастью, некоторую обобщенную информацию о поступивших в редакцию дневниковых записях можно почерпнуть из статьи Г.А. Медынского “Дневники строителей метро”¹⁸, не говоря уже о дневниках, хранящихся в архиве¹⁹.

Написанные в ряде случаев карандашом, на плохой бумаге и второпях, сохранившиеся в архиве рукописи дневниковых записей трудночитаемы. В некоторых случаях они были перепечатаны сотрудниками редакции “История метро” и тогда в фонде наряду с оригиналом имеется его машинописная копия.

Насыщенные богатым фактическим материалом, дошедшие до нас дневниковые записи являются ценными источниками о соцсоревновании и ударничестве на Метрострое в 1933-1934 гг., о борьбе за трудовую дисциплину и овладение техникой. Они дают представление об отношении метростроевцев к труду, условиях их быта и досуга, взаимоотношениях, интересах, что важно при изучении особенностей психологии рабочего класса 1930-х годов. Да и каждый дневник, безусловно, является прежде всего источником о его авторе. Любопытно, что авторами дневников были в основном лучшие рабочие- ударники. Есть и дневники, освещающие события от имени одного лица, а еще сохранился совершенно необычный дневник о жизни целой бригады Кириллова (они вместе работали и жили в одном бараке), этот дневник вел один из членов этой бригады. Еще более своеобразную летописно-дневниковую форму имеет отрывок из дневника завода №2 Метростроя, повествующий о важнейших событиях на этом предприятии.

Интересно, что никакого единообразия в содержании дневниковых записей не наблюдалось: некоторые авторы освещали в дневниках одну-две “подсказанные” Медынским темы (например, о комсомоле на метро); другие же писали обо всем подряд. Так, К. Сапожников рассказывал в своем дневнике в основном о работе сменной газеты “Комсомольский огонек”, редактором которой он являлся; рабочий Акимов главной темой дневника выбрал будни комсомольской организации шахты, а Кальвари – деятельность бригады по освоению передовых методов проходки. Большинство сохранившихся дневников написано сухим языком и ограничивается простой регистрацией событий и фактов (записи Носатенко, Трушина, Сигова). Присутствие оценочных моментов, характеристик, аналитической информации, отношения автора к описываемым событиям, как, например, в дневниках М.Т. Бондарева, В. Петрова, К. Сапожникова, было, скорее, исключением из правил.

Документы свидетельствуют, что сотрудники редакции “История метро” уделяли много внимания работе с авторами дневников, большинство из которых

¹⁷ ГАРФ. Ф.7952. Оп.7. Д.229.

¹⁸ История заводов. М., 1934. Вып. 3/4 (11/12). С.128–140.

¹⁹ ГАРФ. Ф.7952. Оп.7. Д.447–457.

нуждалось в помощи. Кроме систематических консультаций, под руководством Г.А. Медынского был организован семинар, в котором рабочие, пишущие дневники, обсуждали отрывки из них, обменивались опытом, получали советы по методическим вопросам²⁰.

К сожалению, работа над книгой по истории московского метро так и не была завершена в 30-е годы. Вышли только сборники “Рассказы строителей метро” (М.,1935) и “Как мы строили метро” (М.,1935), основанные на стенограммах бесед с метростроевцами. Основная же работа по подготовке главной книги о московском метро, как и уникальное в своем роде массовое дневниковое движение на Метрострое, оказались незаслуженно забытыми страницами отечественной истории.

²⁰ Архив А.М.Горького при ИМЛИ. КГ-изд 27-56-1.

МОСКВОВЕДЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В преддверии большого московского юбилея появилось много работ о жизни и деятельности многих старых москвоведов¹. В то же время недостаточное внимание уделяется истории научной организации изучения Москвы. Настоящая статья посвящена определению места москвоведения в деятельности ряда обществ и учреждений в начале XX в., в первую очередь Московского археологического института (МАИ), где был накоплен значительный опыт изучения и популяризации исторических знаний о Москве.

Начало нового столетия ознаменовалось интересом научной общественности к прошлому Москвы. Наметился переход от изучения города отдельными историками и краеведами к организации учреждений и научных подразделений москвоведческого профиля. Эти качественные изменения были во многом подготовлены публикаторской деятельностью возникших в 1860-е годы Московского археологического общества (МАО) и Общества любителей духовного просвещения (ОЛДПр). При последнем в 1900 г. путем объединения двух отделов был открыт церковно-археологический отдел (ЦАО), в задачи которого входило изучение истории монастырей, храмов, иконографии, т.е. проблем, составляющих содержание понятия "церковная археология". Наиболее активными сотрудниками отдела были Н.П. Виноградов, Н.Д. Извеков, Н.А. Скворцов, А.И. Успенский и др. На проводимых регулярно заседаниях зачитывались рефераты и доклады по проблемам московской старины. Лучшие из них публиковались в изданиях общества: газете "Московские церковные ведомости", журнале "Чтение Общества любителей духовного просвещения". По инициативе членов церковно-археологического отдела в 1902 г. была образована Комиссия по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, результатом деятельности которой стало издание в 1904–1911 гг. четырех томных томов под общим названием "Московская церковная старина"².

Наличие детальной комплексной программы изучения церковной старины, широкая разработка архивных источников, коллективное обсуждение докладов и рефератов обеспечивали отделу серьезный научный характер и завидный авторитет.

Значительно активизировало свою деятельность по изучению города Московское археологическое общество, издавшее в 1907–1915 гг. шесть больших томов – трудов Комиссии по сохранению древних памятников. Опубликованные протоколы Комиссии с профессионально выполненными описаниями памятников, их атрибуцией, фотографиями стали заметным явлением в научном москвоведении того времени. В 1909 г. в недрах Московского археологического общества родилась и особая Комиссия по изучению старой Москвы, позже выросшая в известнейшее общество "Старая Москва" (существовало до 1930 г.).

¹ Краеведы Москвы. М., 1991, 1995. Вып. 1, 2/Сост. Л.В. Иванова и С.О. Шмидт; Историки и краеведы Москвы: Некрополь. Библиогр. справочник/Сост. Л.В. Иванова. М., 1996; и др.

² Козлов В.Ф. Из истории составления документального описания церквей и монастырей г. Москвы (XIX–XX вв.) // Историческое краеведение: По материалам II Всесоюз. конф. по ист. краеведению. Пенза, 1993. С. 225–237.

Наряду с началом освоения прошлого Москвы обществами исторического характера, значительную роль в изучении города продолжали играть отдельные историки, прежде всего И.Е. Забелин, издавший в 1905 г. первый том своего капитального труда. С именем этого "патриарха москвоведения" связана первоначальная идея создания кафедры археологии и топографии Москвы – интереснейшего научно-учебного москвоведческого центра при МАИ.

МАИ, созданный в 1907 г. по инициативе историка церковного искусства, первого председателя ЦАО ОЛДПр А.И. Успенского, представлял собой уникальное учебное заведение, где читались лекции по целому ряду вспомогательных исторических дисциплин, музееведению, библиотековедению, археографии, истории учреждений и т.д. Оно готовило специалистов в области охраны и изучения историко-культурного наследия: археологов, архивистов, музейных и библиотечных работников. В МАИ были организованы архив старых документов и музей древностей им. И.Е. Забелина³.

Сам Иван Егорович приветствовал создание МАИ: "Хорошее гнездо у вас завелось в Москве... Хороший в нем дух... Берегите его..." Но 31 декабря 1908 г. 88-летний ученый умер. 4 января 1909 г. в день отпевания И.Е. Забелина, известный историк, профессор МАИ Н.Н. Ардашев⁴ призвал к созданию в институте особой кафедры археологии и топографии Москвы им. И.Е. Забелина. По его словам, это стало бы лучшим увековечиванием памяти историка Москвы, а кроме того, могло бы начатую им работу "сделать преемственной, непрерывною, независимую от существования одного человека".

Идея создания москвоведческой кафедры была немедленно поддержана представителями городских властей, а 15 января 1909 г. Н.Н. Ардашевым была составлена вскоре опубликованная "Краткая пояснительная записка к предположению о кафедре им. И.Е. Забелина при Московском археологическом институте"⁵.

Записка на 14 страницах, состоящая из десяти разделов, представляет собой по сути дела развернутую концепцию кафедры, целью работы которой "является полная, всесторонняя история Москвы от основания города до начала XX века". Москву Ардашев понимал в широком смысле, заключая в границы исследования и весь Московский край. На кафедре предпринималась разработка всех видов источников: "печатных, письменных (архивных) и вещественных".

В качестве основных дисциплин кафедры намечались библиография, археология, история и топография Москвы.

Существенное значение придавалось не только научно-педагогической деятельности, но и практическому применению сделанных на кафедре работ. Как важнейшая была поставлена задача "собирания материала и составление истории городского управления и... различных отраслей городского благоустройства". "Выполнение такой работы за истекшее XIX столетие, – указывал Ардашев, – представляет живейший интерес и огромное практическое значение... для действующих московских учреждений и прежде всего для городского управления". Потенциальной источниковой базой этой работы предлагался Губернский архив старых дел.

По мысли устроителя кафедра "должна послужить примерным образцом для

³ Историю организации и деятельности МАИ подробно см. в дипломной работе: *Работкевич И.А.* Московский археологический институт, 1907–1922: К истории ансамбля Миусской площади. (Защищена в РГГУ, 1993).

⁴ Ардашев Н.Н. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии: В 12 т. М., 1991. Т. 1. С. 410; *Шохин Л.* Николай Николаевич Ардашев – исследователь и издатель писцовых книг // Исследования по источниковедению истории СССР: Докт. п-од. М., 1991. С. 219–225.

⁵ *Ардашев Н.Н.* Кафедра археологии и топографии Москвы памяти И.Е. Забелина при Московском археологическом институте. М., 1909.

научной разработки вообще местной археологии и истории", т.е. носить и характер общероссийского научно-методического краеведческого центра. "Как известно, – развивал эту тему Ардашев, – работы местных историков и археологов часто не соответствуют научным требованиям. Местные деятели иногда даже не знают на что и как лучше всего направить им свою работу. Поучившийся около кафедры Москвы будет избавлен от таких затруднений и обережется от неправильных, непроизводительных и даже вредных шагов на этом поприще"⁶.

Важнейшим вопросом деятельности кафедры было привлечение студентов института к научной работе, обучение их приемам и методам исследовательского труда. Первой их ступенькой в научном росте должны были стать отдельные рефераты или коллективные работы, на третьем же курсе – "диссертации" или коллективные работы по истории Москвы. Лучшие из них должны выдвигаться на медаль или специально учрежденные премии.

Создание кафедры по мысли Ардашева должно было явиться лишь первым шагом по фундаментальному изучению Москвы. Для эффективной учебно-научной деятельности при кафедре намечалось создание целого ряда научно-вспомогательных учреждений: библиотеки по Москве; архива, составленного из отобранных для уничтожения документов XVIII–XIX вв. Губернского архива старых дел; а также организация "музея всевозможных местных бытовых предметов".

Прошло лишь три недели со времени объявления идеи кафедры москвоведения, и 26 января 1909 г. на заседании Совета МАИ был заслушан доклад Н.Н. Ардашева. Основные положения концепции были поддержаны В.Г. Глазовым, Р.Ф. Брандтом, Ю.В. Арсеньевым, Н.А. Марксом, Д.В. Цветаевым и Совет постановил "признать желательным учреждение при МАИ кафедры археологии и топографии Москвы им. Е.И. Забелина"⁷.

Предложенная Н.Н. Ардашевым масштабная программа москвоведческого центра с рядом вспомогательных учреждений была немедленным откликом на кончину И.Е. Забелина и явно опережала возможности недавно возникшего МАИ. По различным причинам кафедра археологии и топографии Москвы была организована только в 1912 г., т.е. через три года после появления записки и решения Совета МАИ. Тем не менее с первых лет существования МАИ, москвоведческая тематика занимала в деятельности института вполне достойное место. Еще в первый набор 1907 г. слушателями были зачислены (в будущем они стали известными исследователями московских памятников) архитектор-художник В.М. Борин, иконописец А.А. Глазунов, кандидат богословия Б.С. Пушкин, коллекционер и деятель старообрядчества С.П. Рябушинский, священник А. Речменский и др. В октябре 1910 г. в числе слушателей МАИ оказался П.А. Бурыйкин – будущий автор известных мемуаров "Москва купеческая".

После трех лет обучения слушатели МАИ защищали диссертации, в том числе и по москвоведческой тематике. Кроме перечисленных выше выпускников, заметными фигурами в москвоведении стали выпускники: В.К. Клейн (диссертация "Памятники древности в дворцовом селе Тайнинском"), священник собора Василия Блаженного И. Кузнецов (диссертация "Монументальная история Московского Покровского собора за XVIII век..."), диакон В.С. Соколов (диссертация "Историческое описание Московской Троицкой на Капельках в Мещанской слободе церкви и ее прихода в XVII–XVIII вв.") М.Ф. Степанов (диссертация "Упраздненное Московское Крутицкое подворье епископов Сарских и Подонских"), А.В. Успенский (диссертация "Московская Грузинская Божией Матери церковь и ее сокровища"), священник Цветков и др.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ ЦИАМ. Ф. 376. Московский археологический ин-т). Оп. 2. Д. 14, Л. 32–33.

Важным событием в историографии московведения был организованный в мае 1913 г. Археологический съезд членов МАИ в память 300 летия Дома Романовых. Одну из секций съезда – "Секцию истории искусства" – можно смело назвать московведческой. На ее заседаниях были сделаны доклады М.И. Кияновского "Усыпальница боярина Матвеева", Н.Н. Никитина "О сводах церкви Св. Спиридона в Москве". А.П. Филиппова "Реставрация Крутицкого терема", А.И. Речменского и В.И. Троицкого по иконографии и декоративно-прикладному искусству Москвы и др.⁸

Предвоенные годы – наиболее плодотворные для изучения истории Москвы в стенах МАИ. Одной из наиболее видных работ в этой области стала защищенная 13 декабря 1909 г. священником Николаем Алексеевичем Скворцовым, диссертация "Князе-Куракинская церковь"⁹. По всем предметам он «обнаружил отличные познания и после отличной защиты ему было присвоено звание "учебного археолога"»¹⁰. К тому времени Н.А. Скворцов был хорошо известен своими исследованиями по истории уничтоженных храмов Москвы и Московской епархии. В 1908 г. отец Николай избирается председателем уже упоминавшегося ЦАО ОЛДП, где неоднократно выступает с рефератами, посвященными Московской старине. В 1910-х годах он является и секретарем Московской церковной комиссии по чествованию исторических событий XVII–XIX вв.¹¹ Сотрудничество в этих научно-общественных учреждениях помогло Скворцову освоить научные приемы и методы исследования, познакомиться с кругом современных историков Москвы.

В начале 1912 г. в МАИ открывается кафедра археологии и топографии Москвы, Николаю Алексеевичу доверяют там основной кафедральный курс. 17 января 1912 г. на собрании Совета и в присутствии слушателей он прочитал вступительную лекцию "Важность изучения истории и археологии г. Москвы". Вторая лекция "Начало и рост г. Москвы" состоялась 26 января 1912 г., и Совет МАИ принимает решение назначать лекции по возможности раз в неделю¹².

Результатом преподавательской деятельности Н.А. Скворцова в МАИ стал изданный в 1913 г. в виде книги объемный курс лекций "Археология и топография Москвы". Это был первый опыт оформления в виде учебника цикла лекций по московведению. Труд интересен тем, что специальные разделы в нем посвящены обзору и анализу источников по истории Москвы.

В 1910-х годах МАИ превращался в авторитетный центр по изучению Москвы и местной истории. В новом, специально построенном здании на Миусской площади в 1912–1913 гг., существовала не только кафедра археологии и топографии Москвы, но и Археологический музей им. И.Е. Забелина, учебный архив, Московское общество по исследованию памятников древности. Местная история изучалась в открывшихся провинциальных отделениях МАИ в Смоленске, Калуге, Нижнем Новгороде, Ярославле и других городах.

Как видно, многие идеи Н.Н. Ардашева об изучении Москвы и местной истории воплощались в жизнь, хотя и вне структуры кафедры археологии и топографии Москвы.

Первая мировая война затормозила развитие институтских научно-учебных структур историко-краеведческого направления. А в ночь с 14 на 15 июня 1917 г.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 14. Л. 7–8.

⁹ Опубл. в кн.: Восемнадцатый век по бумагам фамильного архива кн. Ф.А. Куракина: Сборник М., 1905.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 14. Л. 61.

¹¹ *Авшаров Е.Г.* Материалы по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н.А. Скворцова и М.И. Александровского // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 294–295.

¹² ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 20. Текст лекции хранится в личном фонде Н.А. Скворцова в ОР РГБ (Ф. 275. К. 14. Д. 3).

отец Николая Скворцов был убит грабителями в своем священническом доме у Святодуховской церкви на Лазаревском кладбище. После октября 1917 г. с изменением ориентиров общества Московский археологический институт, как впрочем и многие другие учебные заведения, стал быстро угасать и в 1922 г. был ликвидирован (отдельные его подразделения слиты с Московским университетом). В первые послереволюционные годы прекратили свое существования Общество любителей духовного просвещения, Московское археологическое общество, к тому времени признанные центры изучения Москвы.

На протяжении многих десятилетий москovedение стало достоянием в основном краеведов-любителей, издаваемые же работы по истории города были в значительной степени идеологизированы. Научные традиции и опыт авторитетных москovedческих центров МАО, ОЛДП и МАИ были накрепко забыты. Начавшееся с конца 1980-х годов возрождение краеведения коснулось и москovedения. В последние годы издано значительное число книг по истории Москвы, проводится много научных конференций, москovedение как обязательный предмет введено в городских школах, организованы и действуют общества, научные и учебные центры, в том числе центр исторического краеведения и москovedения и кафедра региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ. В этой связи изучение опыта и наследия старых москovedов, особенно обществ, научно-учебных центров конца XIX – начала XX в. имеет громадное практическое значение, тем более что в архивах и отделах рукописей библиотек хранятся фонды этих учреждений и организаций.

ЧТОБЫ НЕ ПРЕРЫВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

(ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ
В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ)

Мир русской усадьбы — особое, многообразное и значительное явление отечественной культуры. Однако еще в конце XIX века российское общество и не представляло, какие огромные художественные ценности хранят "дворянские гнезда". О памятниках культуры многих старых усадеб не знали даже историки искусства. И это неудивительно: в XVIII и XIX вв. сведений об усадьбах¹ публиковалось мало, поскольку владельцев, как правило, не интересовала популяризация их имений. Интерес к прошлому дворянской усадьбы возник лишь в начале XX в.

Журналу "Старые годы" (1907 — 1916) принадлежит честь первых публикаций о художественных ценностях "дворянских гнезд", а "Помещичья Россия" Н.Н. Врангеля, опубликованная в нем в 1910 г. (июль-сентябрь. С.5–79), явилась первым серьезным исследованием этой темы. Всего же за десять лет своей деятельности журнал опубликовал сведения о более чем 130 усадьбах, расположенных в различных губерниях России, в том числе о тридцати подмосковных (в дореволюционных границах).

Популяризации русской усадьбы способствовали и "Подмосковные" Ю.И. Шамурина, изданные московским товариществом "Образование" в известной серии "Культурные сокровища России": первая книга (вып.3) — в 1912 г. (2-е изд. — в 1914), вторая (вып.9) — в 1914 г. По шамуринским "Подмосковным" широкая публика узнала о ряде замечательных памятников усадебной культуры, заинтересовалась ими. И хотя книги эти не имели серьезного научного значения, они пробудили в обществе поэтическое восприятие усадеб.

Значительный фотографический материал и заметки о "дворянских гнездах", их прошлом и настоящем регулярно публиковал журнал "Столица и усадьба" (1913–1917). На его страницах были "зарегистрированы" более 120 хорошо иллюстрированных кратких описаний имений, расположенных преимущественно в центральных губерниях Европейской России и Украины, около пятнадцати из них о подмосковных.

Среди тех, кто исследовал историю усадеб в 1900–1910-х годах, помимо упомянутых уже Н.Н. Врангеля и Ю.И. Шамурина, следует назвать И.Е. Бондаренко, П.П. Вейнера, И.Э. Грабаря, В.К. и Г.К. Лукомских, С.К. Маковского, А.А. Ростиславова, С.Д. и П.С. Шереметевых. "В результате изучения усадеб, — писал Ю.И. Шамурин, — мы стали богаче: открылась новая полоса русской культуры, интересная и важная не только совершенством своих материальных созданий, но и своими мыслями, своей поэзией и философией, своими верованиями и вкусами"².

Однако дореволюционные публикации об усадьбах были в основном описательными, выдержанными в восторженно-лирических тонах. В этих работах, как

¹ Злочевский Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий // Памятники Отечества. М., 1992. № 25. С.77–87.

² Шамурин Ю.И. Подмосковные. М., 1912. С.5.

правило, отсутствовал комплексный анализ усадебной культуры. И все же это, хотя и в основном бессистемное изучение позволило многое зарегистрировать, в том числе ряд художественных ценностей, впоследствии утраченных.

Октябрь 1917 г. и последовавшая за ним гражданская война отбросили в прошлое целый мир, значительной и своеобразной составляющей которого были усадьбы. Очевидец трагических событий тех лет писал: "Три года красное зарево пожарами пылало над старыми усадьбами. Рушились колонны, с глухим стоном падали подсеченные топором липы. Выломанные, развороченные, изнасилованные дворцы зияли, как черепа, черными провалами окон и мрачной пустотой ободранных залов"³.

По обгоревшим следам разрушений и утрат известный московский педагог-краевед А.Ф. Родин (1890–1963) писал в 1917 г.: "Жаль не быта дворян-помещиков; но быт оставил нам такие памятники искусства, равных которым больше не создают; и их мы должны хранить от посягательства времени и людей."⁴ Так понимала свои задачи передовая художественная интеллигенция, наблюдавшая, как памятники усадебной культуры "пропадают ежедневно по всей поверхности старой России"⁵. Необходимо было зафиксировать все значительное, что сохранилось в усадьбах, и приступить к изучению их памятников. Однако разоренная страна не могла вести работу в требуемом объеме на государственном уровне. И за дело взялись краеведы, общественные организации.

Наиболее значительную страницу в усадебоведение вписало Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), созданное 22 декабря 1922 г. Члены-учредители наметили меры по его оформлению и план ближайших работ. На следующем заседании 29 декабря избрали временное правление: В.В. Згура (председатель), И.В. Евдокимов (зам. председателя), А.Н. Греч (ученый секретарь), С.А. Торопов (хранитель научных материалов). Правление и члены-учредители сразу приступили к сбору иконографического материала по усадьбам, созданию библиотеки, составлению картотеки усадеб. Немногочисленные заседания членов общества проходили один раз в неделю в квартире председателя.

24 апреля 1923 г. Наркомат внутренних дел утвердил ОИРУ. В связи с этим временное правление сложило полномочия, и 7 июня состоялись выборы нового правления, в состав которого вошли: В.В. Згура (председатель), И.В. Евдокимов (зам. председателя), Б.П. Денике (ученый секретарь), А.Н. Тришевский (казначей), Ю.А. Бахрушин, А.Н. Греч, И.М. Картавцов, С.А. Торопов.

В 1923 г. в журнале "Архитектура" (№ 3–5. С. 69–71), издававшемся Московским архитектурным обществом, был опубликован важный документ, подписанный Згурой, по сути программа деятельности ОИРУ. В том же году эта программа была напечатана в виде оттиска из упомянутого журнала (500 экз.).

В качестве главной задачи выдвигалось изучение истории русской архитектуры XVIII — первой половины XIX веков в памятниках усадебного строительства. ОИРУ квалифицировало усадебоведение "как одну из самостоятельных отраслей историко-художественной науки". Признавая основным методом исследования "собственно усадебоведение", то есть "изучение элементов и композиций, а также органических образований усадебного целого на фоне историко-бытовой перспективы, как воздействующего фактора", ОИРУ считало необходимым и усадебное описание, "как исчерпывающее изучение всего художественного материала, находящегося на усадебной территории, не считаясь с его усадебным или внеусадебным образованием и смыслом"⁶. В соответствии с такими представ-

³ Греч А.Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. М., 1994. Вып. 32. С.9.

⁴ Родин А.Ф. Конспект подмосковных образовательных экскурсий. М., 1917. С.10.

⁵ Гревс Ив. Новое для изучения окрестностей столиц // Краеведение. 1929. Т.3. № 3. С.186–191.

⁶ Згура В.В. Общество изучения русской усадьбы [Программа]. // Вестник Российского международного фонда культуры. М., 1992. Апр. Спец. вып.: Возрождение русской усадьбы. С.33–34.

лениями работа общества была направлена на изучение архитектуры, усадебных интерьеров, садов, парков, театра, истории и быта усадеб, живописи, скульптуры и прикладного искусства. Большое внимание уделялось теоретическим вопросам. Предполагалось изучение внегородского архитектурного пейзажа, крестьянского искусства, искусства крепостных мастеров и других проблем.

Одна из важнейших сторон деятельности ОИРУ — создание и постоянное пополнение научного аппарата: составление усадебной картотеки (алфавитной и топографической) и карты, иконографической картотеки (усадебная живопись, графика, памятники прикладного искусства), указателя источников (архивных и литературных материалов — дневников, записок, воспоминаний, переписки, описаний усадеб), библиографического указателя. Для фиксации материала была разработана специальная анкета, состоявшая из пятнадцати пунктов.

Деятельность общества условно можно поделить на две части: обследование усадеб и обработка полученных материалов. Обследование, описание и фотографирование памятников культуры в усадьбах ОИРУ намечало проводить в течение летних месяцев. Учитывая наибольшую художественную ценность старинных "дворянских гнезд" Подмосковья, ОИРУ планировало уделить изучению их самое пристальное внимание и приступило к этой работе в первую очередь. Кроме того, программа общества предусматривала проведение экскурсионно-популяризаторской работы — лекции и экскурсии в усадьбы для всех желающих.

Серьезное внимание ОИРУ уделяло фотографированию памятников усадебной культуры, поискам фотографий уже не существующих памятников, осуществлению обмеров наиболее значительных архитектурных сооружений, постоянно пополняя фотографический и чертежный архив, "который вместе с карточными каталогами должен был стать важнейшим научным капиталом общества"⁷. ОИРУ предполагало публиковать результаты исследований в намечавшемся "Усадебном сборнике".

Таким образом, программа общества была направлена на решение чрезвычайно важных для истории отечественной культуры задач, хотя опытом подобной работы оно не располагало. Систематическим и комплексным изучением русской усадьбы как историко-культурного явления ОИРУ занялось впервые в нашей стране, да, очевидно, и в мировой практике.

Немалый интерес вызывали общедоступные экскурсии в наиболее известные подмосковные усадьбы, организованные правлением ОИРУ. В каждой такой поездке в качестве экскурсоводов участвовали несколько членов общества — искусствоведов разного профиля, что позволяло проводить экскурсии очень квалифицированно. По образному выражению М.А. Ильина, экскурсии эти являлись "школой первой ступени" в освоении художественной культуры русской усадьбы. Заседания ОИРУ проходили на более высоком уровне и становились "второй ступенью" на пути углубления знаний в данной области.

Интерес к ОИРУ возрастал, и с 25 октября 1923 г. в здании Московского архитектурного общества в Ермолаевском переулке, 17 стали проводиться его открытые заседания.

Деятельность общества расширялась; были созданы три комиссии: экскурсионная, библиографическая, картографическая. В портфеле ОИРУ накапливались готовые материалы с новыми сведениями об усадьбах. Так, членами общества было установлено авторство М.Ф. Казакова в постройках Петровского Демидовых (усадебный дом, 1776–1780) и Рай-Семеновского (церковь, 1765–1783), Д.И. Жилярди в Отраде (мавзолей, 1832–1835). В 1920-х годах, когда в стране

⁷ Там же. С.38.

активизировались краеведение и культурно-просветительская работа, члены общества считали своим долгом и делали все, от них зависящее, чтобы оградить людей, "ищущих знаний", от низкопробной литературы и рекомендовать книги достойные и полезные. Поэтому члены ОИРУ не только участвовали в подготовке добротных по содержанию краеведческих книг об усадьбах (список трудов членов общества по усадебной тематике за 1923—1930 гг. нами опубликован⁸), но и активно выступали в жанре художественной критики в основном в журнале "Печать и революция", публиковали статьи в журналах "Архитектура", "Среди коллекционеров", в других периодических изданиях.

Государственные издательства неоднократно заказывали ОИРУ книги о подмосковных усадьбах. Результатом подобного сотрудничества явилось издание серии путеводителей "Подмосковные музеи" (М.; Л., 1925) под редакцией Ив. Лазаревского и В.Згуры в шести книгах. В путеводители включены описания тринадцати наиболее значительных подмосковных усадеб и бывшей Троице-Сергиевой лавры, ставшей крупным музеем архитектуры, живописи и декоративно-прикладного искусства. По выпускам материал расположен следующим образом: 1. "Кусково" (В. Згура), "Останкино" (Г. Жидков), "Театр в Останкине" (Вас. Сахновский); 2. "Архангельское" (А. Греч), "Никольское-Урюпино" (С. Торопов), "Покровское-Стрешнево" (А. Греч); 3. "Остафьево" (А. Греч), "Мураново" (Г. Чулков, Н. Тютчев), "Абрамцево" (М. Урениус); 4. "Ольгово" (Ю. Анисимов), "Дубровицы" (А. Греч); 5. "Сергиевский историко-художественный музей: Б. Троицкая лавра. Корбуха. Вифания" (А. Свирин); 6. "Царицыно" (В. Згура), "Кузьминки" (А. Греч), "Суханово" (В. Згура).

Осенью 1926 г. при ОИРУ открылись двухгодичные Историко-художественные курсы (первые курсы подобного профиля при общественной организации), утвержденные Губполитпросветом, на которых лучшие искусствоведы читали циклы лекций по истории русского искусства XVII — XIX вв.

С 1927 г. ОИРУ начало регулярно издавать "Сборник Общества изучения русской усадьбы", приоритет в котором отдавался публикациям о ранее неизвестных науке произведениях искусства, новым материалам по истории усадеб, сообщениям о наиболее важных событиях в деятельности общества, темам, которые оно разрабатывало. Всего увидели свет шестнадцать выпусков: в 1927 г. — восемь, в 1928 — шесть, а последний (7-8) — в 1929 г.

Правление ОИРУ уделяло большое внимание обследованию и фиксации памятников культуры в усадьбах не только Московской, но и ряда смежных с ней губерний: Калужской, Смоленской, Тверской и других, считая эту работу наиболее актуальной и дающий богатые научные материалы.

Творческие контакты связывали ОИРУ с Управлением музеями-усадьбами и музеями-монастырями (в дальнейшем — Управление) главнауки Наркомпроса. Сотрудники Управления участвовали в подготовке выпуска 4-5 "Сборника Общества изучения русской усадьбы" за 1927 г., который имел подзаголовок "Старое Кусково". По постановлению ученого совета Управления была опубликована часть большого труда члена ОИРУ И.М.Картавцова — "Усадьбы Московской губернии: Опыт библиографического указателя" (М., 1927), содержащего ценные материалы, относящиеся к усадьбам Московской губернии в границах 1917 г. В 1927 и в начале 1928 г. Управление выпустило серию очерков-путеводителей по наиболее известным музеям-усадьбам Подмосковья. Три из них написаны членами ОИРУ. 17 июля 1927 г. в помещении кусковского грота Управление открыло выставку садово-паркового искусства, в подготовке которой ОИРУ приняло активное участие.

⁸ *Злочевский Г.Д.* Не праздное чудачество (Общество изучения русской усадьбы) // Библиография. 1996. № 3. С. 108—112.

Сотрудничало ОИРУ и с Обществом изучения Московской губернии — ОИМГ (с 1929 г. — Общество изучения Московской области — ОИМО), в том числе с его секцией "Старая Москва". К 130-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина организации подготовили совместно сборник трудов, посвященных ярополецким усадьбам Гончаровых и Чернышевых. Он издан как тематический выпуск (№ 8) трудов ОИМО под названием "Ярополец" (М., 1930). К сожалению, сборник явился последним изданием для обоих обществ.

ОИРУ принимало участие в конференциях по краеведению. Так, на выставке, организованной ОИМГ к III Всероссийской конференции по краеведению, состоявшейся в Москве с 11 по 14 декабря 1927 г., достойное место заняли издания ОИРУ и представленные обществом фотографии памятников усадебной культуры.

Осенью 1927 г. в Москву пришла печальная весть: 17 сентября в море близ Феодосии утонул В.В.Згура. Общество понесло тяжелую утрату. Обязанности председателя правления временно возложили на Греча.

Весной 1928 г. на общем собрании избрали новый состав правления: А.Н. Греч (председатель), Г.В. Жидков (зам. председателя), В.М. Лобанов (ученый секретарь), Г.А. Новицкий (казначей), А.В. Григорьев (зав. научно-популярной частью), Н.И. Брунов, С.А. Торопов.

Осенью при ОИРУ создается комиссия по изучению памятников усадебной архитектуры московских городских окраин. В 1928 г. вышел из печати первый труд Картографической комиссии — "Памятники усадебного искусства: 1: Московский уезд", в котором кратко описаны 163 усадьбы. Работа уникальная: члены комиссии всего за два года, а по сути, за два летних сезона, обследовали все без исключения памятники в усадьбах Московского уезда в границах, административного деления 1924 г. Книга и поныне представляет научный интерес, так как содержит сведения, отыскать которые в других источниках подчас очень сложно, а иногда и невозможно. Например, Н.Я. Тихомиров в фундаментальном исследовании "Архитектура подмосковных усадеб" (М., 1955) сообщает, что ко времени, когда он его писал, архивы многих "дворянских гнезд" были утрачены. Поэтому в списке усадеб, упомянутых в книге, перечень бывших владельцев не полон. Пропусков было бы значительно больше, если бы не труды ОИРУ, в первую очередь, — "Памятники усадебного искусства..."

Открытая успехом первого выпуска, картографическая комиссия ОИРУ подготовила к изданию второй выпуск, посвященный усадьбам Звенигородского уезда. Вышел очередной план летних экскурсий на 1929 г. Члены общества писали статьи для своего "Сборника..." и готовили серии небольших книг об отдельных усадьбах, которые ОИРУ начало издавать с 1928 г. Но все это так и не было опубликовано. Остались нереализованными и другие проекты общества. Началась "реорганизация ряда общественных и культурных учреждений", как деликатно тогда назывался этот варварский процесс в печати.

Лишенное возможности публиковать результаты своей деятельности, ОИРУ все же продолжало существовать еще некоторое время. Последние опубликованные сведения о структуре общества и его руководящем составе содержит "Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1930 год" (М., 1930. С. 136), в которой имеется информация по состоянию на конец 1929 г. и куда, возможно, внесены изменения, произошедшие до февраля 1930 г. Итак, состав правления ОИРУ: А.Н. Греч (председатель), Г.В. Жидков (зам. председателя), В.М. Лобанов (ученый секретарь), А.А. Устинов (казначей), В.П. Денике, С.А. Торопов. Отмечено, что структура общества включала также экспедиционно-экскурсионную часть, которую возглавлял А.В. Григорьев, и две комиссии — картографическую (ученый секретарь А.А. Устинов) и фотографическую (ученый секретарь Ю.Б. Шмаров). Из письма Греча, опубликованного в альманахе "Памятники

Отечества" (М., 1994. №32. С.3) ясно, что в марте 1930 г. он уже не был председателем ОИРУ (предположительно, сдал дела А.В. Григорьеву). Во "Всей Москве... на 1931 год" (М., 1931), в которой приведена информация, поступившая в редакцию до апреля-мая того же года, никаких сведений об обществе уже нет.

Начиная с 1930 г. по различным, но явно сфабрикованным делам были репрессированы многие члены ОИРУ. Среди них: А.Н. Греч, А.В. Григорьев, М.А. Ильин, И.М. Картавцов, В.К. Клейн, В.М. Колобов, В.А. Мамуровский, Н.И. Милонова, А.И. Некрасов, О.И. Пенчко, Б.С. Тришевский, Г.А. Тюрк, А.А. Устинов, Ю.Б. Шмаров⁹ и др. Не все из них дожили до освобождения.

Греча арестовали первым. Он был осужден на 10 лет и в 1931 г. отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Здесь Алексей Николаевич в 1932 г. начал писать свой последний труд "Венок усадьбам", оставшийся не завершенным. Досрочно освободившийся через пять лет, больной туберкулезом, Греч тем не менее не без основания опасался новых репрессий, которые повсеместно усиливались. В связи с этим он, вероятно, лично или через доверенное лицо передал рукопись в Государственный исторический музей (ГИМ). Если это так, то по вполне понятным причинам ее поступление работники музея не зарегистрировали.

Более полувека пролежал "Венок усадьбам" в музее и был обнаружен сотрудниками ГИМ А.Ф. Писарьковой и М.А. Афанасьевой, которые подготовили рукопись к печати, снабдив ее примечаниями. Этот труд Греча издан в виде специального выпуска альманаха "Памятники Отечества" (М., 1994. №32).

Книга содержит 48 очерков, посвященных в основном "подмосковным", а также некоторым усадьбам Тверской губернии, ряду древних городов: Старице, Торжку, Угличу, Касимову, Мурому и др. Греч спешил осмыслить все, что успел изучить в старых "дворянских гнездах", в архивах, библиотеках, и зафиксировать на бумаге "тот аромат старины, который, как у цветов, увядающих и поблекших, наиболее силен перед смертью"¹⁰. В его книге немало прекрасных лирических строк, раскрывающих романтическую натуру автора, бесконечно влюбленного в огромный пласт национальной культуры, который сформировался в русских усадьбах.

Но "Венок усадьбам" — это не только и не столько гирианда изящных эссе: книга содержит и немало научной информации. Большинство очерков — комплексное описание усадеб, план которого разработан ОИРУ и успешно реализован в лучших публикациях членов общества в 1920-х годах. Это позволило автору зафиксировать в своем исследовании многие из тех культурных ценностей, которые в послереволюционные годы попали из усадеб в различные музеи, библиотеки, были расхищены, либо погибли.

Греч знал о позорных тайных распродажах произведений искусства, в том числе вывезенных из многочисленных имений. В "Венке усадьбам" он писал, что "после первого периода собирательства, накопленная старина оказалась — валютой. И для иностранцев русские музеи, книгохранилища, фонды стали не чем иным, как гигантской антикварной лавкой, где по сходной цене можно купить любую вещь". Заметим, что автор не побоялся сообщить об этом в середине 1930-х годов, находясь в неволе, когда даже за пределами лагеря в то время символом жизни стала, как он сам писал, "фигура античного божества Молчания — фигура, приложившая к своим каменным устам палец", а омытую слезами Владимирку заслонили другие страшные места — "символы горя и страдания — Вишера, Печора, Соловки"¹¹.

⁹ Иванова Л.В. Трагические судьбы членов Общества изучения русской усадьбы // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. М., 1996. № 2 (18). С.323.

¹⁰ Греч А.Н. Венок усадьбам. С.9.

¹¹ Там же. С.98, 144, 162.

"Венок усадьбам" — труд, в отечественной культуре уникальный. Греч дал ему очень точное название. Помещенные в книге очерки напоминают, по образному выражению самого автора, "венки сплетенных воспоминаний"¹². "Венок усадьбам" как бы завершает деятельность ОИРУ.

Более 50 лет, прошедших со времени трагических событий, дела, труды, имена ряда членов общества были окутаны молчанием в отечественной литературе. Поэтому далеко не каждый специалист, а тем более любитель истории и искусства русской усадьбы мог знать об этой организации: ведь печатные источники, в которых отражена работа ОИРУ, выходили в 1920-х годах ничтожными тиражами. Они не переиздавались и, естественно, были малодоступны. К сожалению, архив общества до сих пор полностью не обнаружен. После прекращения деятельности ОИРУ он был разделен на части, которые хранились у нескольких членов общества¹³. Некоторые фрагменты архива конфисковали при арестах. Так, часть усадебной картотеки ОИРУ забрали при аресте Ю.Б. Шмарова¹⁴. Сохранились лишь отдельные карточки, заполненные А.Н. Гречем, которые Юрий Борисович передал в Государственный музей А.С. Пушкина в Москве с частью своего архива. Автор данной статьи лично ознакомился с их содержанием в музее. С "пачкой" таких усадебных карточек, заполненных Гречем, Згурой и, вероятно, другими членами ОИРУ, довелось работать Н.М. Молевой. Она сообщает, что фотограф общества Н.И. Милонова сберегла и целиком передала негативный фонд ОИРУ в Московский городской исторический научно-технический архив при Глав АПУ (ныне Центральный архив научно-технической документации Москвы)¹⁵.

Имеется косвенная информация о том, что какие-то части архива общества периодически предлагались на сохранение различным учреждениям¹⁶. Точно известно, что часть архива В.В. Згуры сберег и передал в Российский Государственный архив литературы и искусства в 1959 г. И.М. Картавцов — библиограф ОИРУ¹⁷. Некоторые автографы Згуры находятся в Центральном историческом архиве Москвы¹⁸.

Демократические перемены, наметившиеся в российском обществе к началу 1990-х годов, позволили реализовать идею о возрождении ОИРУ. С этой целью в октябре 1991 г. было решено создать научно-общественный Совет по программе "Возрождение русской усадьбы" при Российском международном фонде культуры (РМФК). 29 декабря 1991 г. президиум РМФК поддержал, одобрил эту инициативу и утвердил состав нового Совета, в который вошли представители Российской академии наук, РМФК, ведущих музеев, научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, издательства, Московского краеведческого общества, Управления государственного контроля и использования памятников истории и культуры г. Москвы — всего 20 человек¹⁹. Возглавила Совет Людмила Васильевна Иванова, доктор — исторических на-

¹² Там же. С.98.

¹³ Молева Н. Земля и годы: Из исторической хроники Москвы и Подмосковья. М., 1990. С.235—236.

¹⁴ Иванова Л.В. Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. М.; Рыбинск. 1994. Вып. 1 (17). С.6.

¹⁵ Молева Н. Указ. соч. С.236—238.

¹⁶ Иванова Л.В. Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения. С.6.

¹⁷ Кончин Е. "Сим удостоверяется..." // Куранты Историко-краеведческий альманах. М., 1989. Вып. III. С. 248.

¹⁸ Александров Ю., Кашкина Э., Кузовлева О. и др. Музыка в камне: Архитектурные сокровища Москвы. М., 1981. С.301.

¹⁹ Список членов научно-общественного Совета по программе РМФК "Возрождение русской усадьбы" // Вестник Российского международного фонда культуры. М., 1992. Апр. Спец. вып.: Возрождение русской усадьбы. Апрель. С.15—16.

ук. Дирекцией программ РМФК определены главные направления в научной, популяризаторской, издательской деятельности Совета, намечено участие его в охране и рациональном использовании усадеб²⁰.

В соответствии с программой 20—22 апреля 1992 г. состоялась научно-практическая конференция "Русская усадьба XVII — начала XX в.: Проблемы изучения и возрождения", в работе которой приняли участие более 250 специалистов из Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Костромы, Ростова Ярославского, Смоленской области и других регионов центральной России. Открытие и первый день работы конференции проходили в выставочном центре РМФК (ул. Старая Басманная, 15а) среди экспонатов выставки "Русские дворянские усадьбы в живописи и графике XVIII — XX вв.", приуроченной к форуму. Два следующих дня заседания проходили в помещении РМФК на Гоголевском бульваре, 6, где была развернута выставка, посвященная деятельности ОИРУ (книги, фотографии, документы). Конференция подтвердила давно назревшую необходимость объединения разрозненных сил специалистов и энтузиастов в этой области. Результатом такого единодушного решения явилось воссоздание ОИРУ 22 апреля 1992 г.

В число учредителей вошли ведущие столичные научно-исследовательские институты, ведущие исследования в области искусства, истории, культуры, музеи-усадьбы, высшие учебные заведения, более 50 персональных членов. Был принят устав возрожденной общественной организации, подтверждающий преемственность целей и основных форм деятельности ОИРУ 1920-х годов; сохранена эмблема общества (гравюра А.И. Кравченко; на ней изображены руинные римские ворота в Архангельском, разобранные в начале 1930-х гг.), избрано правление, в состав которого вошли: В.А. Агальцова, Ю.А. Веденин, А.П. Вергунов, А.Т. Годлевская, Л.В. Желобова, Л.В. Иванова, Е.И. Кириченко, О.Г. Ласунский, К.В. Лимонова, В.С. Турчин, Л.В. Тыдман, Е.П. Щукина, В.Ю. Афиани, В.К. Катков, В.М. Рудченко, В.С. Кусов, Л.А. Траскунов. Правление общества возглавил доктор искусствоведения Всеволод Петрович Выголов (1929 — 1995). Были образованы комиссии: методологии изучения усадеб (В.С. Турчин), архитектурная (Е.И. Кириченко), ландшафтная (Л.А. Траскунов), историко-библиографическая (В.Ю. Афиани), редакторская (Л.В. Иванова), экскурсионная (А.П. Вергунов), паспортизации усадеб (В.М. Рудченко), усадебного некрополя (В.К. Катков).

Одно из приоритетных направлений деятельности общества — это регулярное проведение научных и научно-практических конференций по усадебной тематике. Первая, посвященная теме: "Усадьба и современность", состоялась 25—26 января 1993 г. На ней были заслушаны и обсуждены около 30 докладов. Внимание собравшихся было сосредоточено на обсуждении проблем первичного обследования и охраны усадеб, их судеб, на изучении роли архитектуры и природных ландшафтов, а также на экономических проблемах, связанных с их сохранением и рациональным использованием в нынешних условиях. Темой следующей, отчетной, конференции, проходившей 23—24 января 1995 г., явилась "культура русской усадьбы".

Ее продолжением стала научная конференция "История и культура подмосковных усадеб. Проблемы создания музея истории русской усадьбы", организованная ОИРУ совместно с Музеем-усадьбой Остафьево "Русский Парнас". Она состоялась 22 марта 1995 г.²¹ Важное место в ее работе занял "круглый стол", за

²⁰ Основные направления деятельности научно-общественного Совета РМФК по программе "Возрождение русской усадьбы" // Там же. С.9—14.

²¹ См.: Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 2(18); Тезисы докладов научной конференции "История и культура подмосковных усадеб: Проблемы создания Музея истории русской усадьбы" // Остафьевский сборник. М., 1995. Вып. 3.

которым впервые обсуждалась проблема создания музея истории русской усадьбы²².

"Московская городская усадьба" — тема очередной конференции ОИРУ, состоявшейся 14-15 февраля 1996 г. На ней были заслушаны и обсуждены более 30 докладов, авторы которых не только сообщили много нового о столичных городских усадьбах, но осветили проблемы их реставрации и рационального использования.

Конференции ОИРУ привлекли внимание научной общественности к деятельности организации. Они позволили за сравнительно короткий срок выявить и обобщить задачи, связанные с изучением, реставрацией, охраной, использованием усадебных комплексов на современном этапе, консолидировать силы специалистов различных профилей, чья деятельность имеет отношение к усадебной тематике. Летом 1993 г. была возрождена одна из важных традиций ОИРУ 1920-х годов: члены общества возобновили экскурсии по подмосковным усадьбам, которые с тех пор проводятся ежегодно (с мая по сентябрь) и дают сведения о современном состоянии усадеб.

Возобновлен выпуск периодического сборника "Русская усадьба", который публикует материалы конференций и хронику деятельности организации. Изданы: выпуск 1 (17) в 1994 г., выпуск 2 (18) в 1996 г., выпуск 3(19) в 1997 г. В отличие от скромных брошюр 20-х годов, как правило, без обложек (исключением являются вып. 4-5 и 6-8 за 1927 г.), нынешний сборник — издание солидное и со вкусом оформленное. Однако вторые номера этих выпусков — 17—19, указанные в скобках, свидетельствуют о преемственности традиции, заложенной предшественниками.

При участии членов ОИРУ, в первую очередь его председателя Л.В. Ивановой (избрана в 1995 г.), за последние четыре года вышел и целый ряд других значительных изданий, посвященных усадебной тематике²³.

Члены ОИРУ уделяют внимание поискам материалов, позволяющих восстановить судьбы своих предшественников²⁴. Это долг памяти. К сожалению, работа затруднена распыленностью информации, скудностью обнаруженных архивных материалов и опубликованных воспоминаний о деятельности ОИРУ. До начала 1990-х годов были известны лишь мемуары М.А. Ильина, в которых имелись некоторые сведения об обществе, приведена краткая информация об отдельных его членах²⁵. Несомненную ценность в этом отношении представляют недавние публикации М.Ю. Меленевской — единственного здравствующего члена ОИРУ 20-х годов и почетного члена нынешнего общества²⁶.

Увидели свет биографические очерки о наиболее одаренных и активных представителях прежнего ОИРУ (В.В. Згуре, А.Н. Грече, А.И. Некрасове) и новая информация о судьбе ряда репрессированных членов общества²⁷. К этой

²² *Иванова Л.В.* "Круглый стол" в Остафьеве: Музей истории русской усадьбы // Там же. С. 22—27.

²³ Среди них: Памятники Отечества: Мир русской усадьбы. М., 1992. № 25; *Аурова Н.Н., Лотарева Д.Д.* Русская усадьба на страницах журналов "Старые годы" и "Столица и усадьба." 1-е и 2-е испр. изд. М., 1994; Мир русской усадьбы: Очерки. М., 1995; Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы. М., 1996.

²⁴ *Иванова Л.В., Злочевский Г.Д.* Действительные члены Общества изучения русской усадьбы (1922 — 1931) // Вестник Российского международного фонда культуры. М., 1992. Апр. Спец. вып. Возрождение русской усадьбы. С.41—44.

²⁵ *Ильин М.А.* Пути и поиски историка искусства. М., 1970.

²⁶ *Меленевская М.Ю.* Воспоминания семьдесят лет спустя // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. 1994. Вып. 1 (17). С.11—18; *Она же.* О тех, кого уже нет... // Там же. 1996. Вып. 2 (18). С.328—330.

²⁷ *Иванова Л.В.* "Такой талантливый и так много обещавший человек..." // Краеведы Москвы. М., 1991. [Вып.1]. С.167—188; *Она же.* Трагические судьбы... С.324—326. *Злочевский Г.Д.* Пути и поиски историка искусства; Со вкусом и горячей любовью к истинным культурным ценностям" // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М., 1995. С.197—218, 241—259.

благородной работе подключились не только члены ОИРУ. Так, результатом изучения материалов Центрального и Санкт-Петербургского архивов Федеральной службы контрразведки (ФСК) явилась книга, содержащая новые сведения об А.В. Григорьеве, Н.И. Милоновой, Г.А. Тюрке, А.А. Устинове²⁸. Судьбы искусствоведов — членов ОИРУ 20-х годов по материалам Центрального архива ФСК исследует И.Л. Кызласова. На научной конференции, организованной в честь 75-летия Государственной Академии художественных наук (состоялась 19—21 ноября 1996 г.), ею сделан доклад "Судьбы сотрудников ГАХН: Г.В. Жидков и А.Н. Греч", содержащий не известную ранее информацию.

В отличие от периодических изданий 1920-х годов, нынешняя пресса уделяет освещению работы общества значительное внимание²⁹.

В деятельности ОИРУ достойное место занимает участие его членов в спасении усадеб. Защищая усадьбы, общество работает подчас как пожарная команда, оперативно откликаясь на сигналы о помощи, поступающие в организацию. При этом используются различные формы воздействия. ОИРУ была развернута кампания в защиту городской усадьбы М.С. Щепкина в Москве, бывших имений Н.А. Дурасова в Люблино, Л.А. Тамбурер в поселке Удельная Казанской железной дороги, связанного с именами М.И. и А.И. Цветаевых, Н.А. Обуховой, М.А. Булгакова, рядом артистов Большого театра и МХАТ. Оперативно выступило ОИРУ на защиту и таких известных провинциальных усадеб, как Премухино Бакуниных (Тверская область), Зубриловка (Пензенская область) и других. А участники конференции "Культура русской усадьбы", организованной обществом, обратились в руководящие органы с тревожными письмами о недопустимом состоянии, в котором находятся подмосковное Архангельское и усадьба Борщевка в Ивановской области. Следуя традициям своих предшественников, ОИРУ придает большое значение учету памятников усадебного искусства. Так, 22 февраля 1995 г. на кафедре музейного дела Российского гуманитарного университета состоялась научно-практическая конференция, на которой обсуждались проблемы создания каталога "Подмосковные усадьбы" специалистами ОИРУ, рядом других заинтересованных организаций и студентами. Работа по подготовке такого научно-справочного пособия началась³⁰. В каталог предполагается включать все объекты, имеющие непосредственное отношение к каждой конкретной усадьбе, независимо от степени сохранности. Будут зафиксированы также "дворянские гнезда", которые не дошли до наших дней. Инвентаризацию усадеб планируется провести на территории Московской области в ее нынешних границах. Кроме того, намечено собрать и систематизировать информацию об усадьбах, не стоящих на государственной охране, обсудить проблемы, связанные с дальнейшей судьбой этих усадеб и усадеб, находящихся на охране, но содержащихся в неудовлетворительном состоянии, с целью защиты их от разрушения и гибели. Планируется также проведение научной конференции, посвященной "подмосковным", издание соответствующего по теме выпуска сборника ОИРУ "Русская усадьба", а также карты усадеб Московской области.

Долгосрочная программа деятельности ОИРУ предусматривает участие общества во всех общероссийских мероприятиях, связанных с проблемами русской усадьбы, в том числе выполнение постоянной экспедиционной работы с целью дальнейшего выявления не стоящих на охране усадеб, проведение научной экспертизы и консультаций, контроль за правильной охраной и использованием

²⁸ Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело славянистов: 30-е годы. М., 1994.

²⁹ Злочевский Г.Д. Не праздное чудачество... С.112.

³⁰ Фролов А.И. Проблемы составления каталога "Подмосковные усадьбы": Цели. Структура. Результаты работы // Остафьевский сборник. М., 1995. Вып.4. С.58—64.

усадебных памятников и территорий, создание единого банка данных по усадьбам России. Результатом такой работы должна стать подготовка и издание аннотированного списка усадеб (выпуск каталога "подмосковных" явится первым этапом столь масштабного труда). Планы предусматривают продолжение учета культурных усадебных ценностей (коллекций, архивов, библиотек), составление каталога изобразительных материалов по усадьбам, хранящихся как в государственных учреждениях, так и у частных лиц. Общество намерено содействовать реализации своей инициативы по части создания Музея истории русской усадьбы, в котором деятельность ОИРУ 20-х годов и возрожденной организации, несомненно, должна быть отражена.

Программа предусматривает дальнейшее расширение культурно-просветительской работы и пропаганды знаний по истории и культуре русской усадьбы с использованием различных средств массовой информации — периодической печати, радио, телевидения. В планах ОИРУ — активизация деятельности по привлечению молодежи к осуществлению намеченных перспективных разработок общества. Одно из важных звеньев в реализации этой задачи — участие в создании учебных программ и подготовке кадров по усадебной проблематике в высших учебных заведениях, что позволит сохранить преемственность в изучении и сбережении усадеб.

Таким образом, общество стремится делать все, от него зависящее, чтобы не прерывалась связь времен, чтобы надежнее стал мост, соединяющий прошлое и будущее отечественной культуры. Ведь не зря же народная пословица гласит: "Не роняй старь, она новизну держит"!

В.А. Любартович

ЗАБЫТЫЙ ИСТОРИК БАСМАННОЙ СЛОБОДЫ СВЯЩЕННИК В.Д. ЦВЕТКОВ

В ОПИ ГИМ хранится толстая "общая" тетрадь в клеенчатом темном переплете, все 400 страниц которой заполнены текстом, написанным черными чернилами убогим, но легко читаемым почерком. На титульном листе помещено заглавие "Старая Басманная слобода в Москве с историческим и археологическим описанием приходского (Никитского) храма. Вольнослушателя Императорского Археологического института имени Императора Николая II священника Виктора Дмитриевича Цветкова. Москва, 1916 г." Рукопись, находящаяся в фонде МАО, является диссертацией В.Д. Цветкова, подготовленной для защиты в Императорском Московском археологическом институте (ИМАИ)¹.

Названный труд по истории Басманной слободы до сих пор почти не привлекал внимания исследователей. В листе использования имеются пометки о том, что в 1954 г. работу читал автор "Истории русского искусства" академик И.Э. Грабарь. Позднее, в 1978 г., с тетрадью работала искусствовед и реставратор К.С. Полунина, готовившая "Историческую записку" о храме Никиты мученика к проекту его восстановления в 1982 г. Есть ссылки на данную рукопись и в официальном документе – охранном паспорте на памятник архитектуры "Никитский храм на Старой Басманной ул.", составленном архитектором В.И. Шередегой². Но автор фундаментальной работы по истории планировки и застройки Старой Басманной улицы историк Т.А. Корюкина, собравшая в 1991 г. подробную библиографию и свод архивных источников по этому району Москвы, об исследовании В.Д. Цветкова упоминает лишь вскользь, в связи с уточнением времени перестройки того же Никитского храма в XVIII в.³

Однако первый монографический труд о районе Старой Басманной улицы, написанный на основе архивных документов и публикаций, доступных к 1916 г., заслуживает того, чтобы к нему отнестись с полным вниманием и должным интересом. Имя его автора – священника, педагога и историка о. Виктора Цветкова, думается, достойно упоминания среди плеяды краеведов предреволюционных лет – энтузиастов и подвижников изучения истории Москвы.

Фамилия Цветковых была очень распространенной в среде российского православного духовенства. Так, в 1910-х годах среди 73 москвичей-мужчин, носивший эту фамилию, было 20 лиц духовного звания: священников, диаконов, псаломщиков⁴. В 1907 г. в справочнике "Вся Москва" появилось упоминание о свя-

Автор выражает сердечную благодарность за консультации и помощь в отыскании архивных сведений Владимиру Фотиевичу Козлову, Владимиру Брониславовичу Муравьеву и Елене Михайловне Юхименко.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–201.

² Центр научной документации НИМЦ УГКОИП Москвы. Паспорт на памятник архитектуры № 152: Церковь Никиты Мученика Л. 11. Рукопись.

³ Там же. Д. 2258/91: История планировки и застройки Старой Басманной (ул. К. Маркса). Том II. История формирования отдельных домовладений / Отв. исп. Т.А. Корюкина. 1991. С. 113–116. Рукопись.

⁴ Вся Москва: Адресно-справочная книга на 1912 г. М., 1912. С. 564.

щеннике Викторе Дмитриевиче Цветкове – настоятеле домового храма во имя Святого Александра Невского при Александровском коммерческом училище на Старой Басманной, д. 21.

Поиск биографических данных о священниках всегда сопряжен с трудностями и зачастую не дает результатов. Историки-архивисты знают, что документы из ризниц многих московских церквей рассеяны в томах стотысячного фонда № 203 (Московской духовной консистории) ЦИАМ, большинство единиц хранения которого не имеют подробного описания. Комплексы архивов домовых храмов почти во всех случаях просто отсутствуют. Поэтому следует считать большой удачей то, что удалось обнаружить личное дело о Виктора Цветкова в архиве ИМАИ⁵. Краткие биографические сведения о В.Д. Цветкове содержатся в его послужном списке за 1912 г., заверенном настоятелем храма Никиты мученика на Старой Басманной о. И.Г. Соколовым. Документ был приложен к прошению на имя директора ИМАИ А.И. Успенского о зачислении о. В. Цветкова вольнослушателем по археологическому отделению. В этом же деле хранится его экзаменационная книжка. А в архиве Московской духовной семинарии отыскался еще один документ – свидетельство об окончании Виктором Цветковым этого учебного заведения⁶.

Виктор Дмитриевич Цветков родился 17 января 1868 г. в семье диакона Преображенской церкви села Савино Богородского уезда Московской губернии Дмитрия Николаевича Цветкова. После смерти отца он жил в селе Анискино того же уезда, в семье священника местной церкви о. Георгия Поспелова. В возрасте 14 лет, после окончания Заиконоспасского духовного училища в Москве, был определен в Московскую духовную семинарию. После окончания ее в июле 1888 г. по второму разряду о. Виктор был рукоположен 16 октября того же года священником Троицкой церкви села Троицкого Московского уезда. В 1897 г. иерей В. Цветков перемещен в Христорождественский храм села Черкизова, находившийся в имении известного археолога и почетного члена Академии наук А.С. Уварова. Одновременно он состоял законоучителем при Сухаревском земском училище, с 1897 г. – в Черкизовском, а с 1901 г. – в Новодмитровском земских училищах⁷. Село Троицкое (ныне Троице-Сельцо) и деревня Сухарево были расположены на Дмитровской дороге, вблизи железнодорожной платформы "Катуар" Савеловской линии Северной ж.д.⁸ Село Черкизово вместе с деревней Новодмитровской находятся между 20 и 28 км шоссе Москва – Санкт-Петербург⁹.

Следующий этап жизни о. В. Цветкова связан с Александровским коммерческим училищем. Указ Синода о сооружении при этом среднем учебном заведении домового храма последовал еще 23 апреля 1892 г. Устройство церкви, присоединенной к величественному актовому залу на втором этаже здания училища, осуществилось довольно быстро, но проведение электрического освещения и пополнение ризницы необходимой утварью, книгами и облачениями затянулись до 1906 г. В тот год Московское купеческое общество внесло в кассу учебного заведения неприкосновенный капитал в 10 тыс. рублей, с тем чтобы годовые проценты в сумме 400 рублей отчислялись на содержание священника при храме. Резолюцией митрополита Московского и Коломенского Владимира от 5 апреля 1906 г. иерей Виктор Цветков был допущен совершать в воскресные и

⁵ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 4302. Л. 1–4.

⁶ Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 1976. Л. 32.

⁷ Ильин Г.В. Черкизово. Новодмитровка // Северный округ Москвы. М., 1995. С. 313–320, 348–354.

⁸ Дачи и окрестности Москвы: Путеводитель. М., 1930. С. 52, 66–67.

⁹ Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1898. С. 400, 413.

праздничные дни богослужения в храме училища, приписанном к церкви Никиты мученика¹⁰.

Освящение храма состоялось 22 апреля 1906 г. епископом Дмитровским Трифоном (Туркестановым)¹¹. С этого времени о. Виктор ревностно заботился о благоукрашении храма, благолепии храмового пения. При нем из воспитанников училища был организован превосходный хор, руководимый преподавателем пения Н.Е. Петропавловским. В настоятельство о. В.Д. Цветкова члены попечительского совета училища, потомственные почетные граждане В.Г. Сапожников и А.Н. Найденов пожертвовали в ризницу богатые парчовые облачения для священнослужителей, а староста храма крестьянин Е.А. Цветков – плащаницу и комплект богослужебных книг.

Став настоятелем училищного храма, о. Виктор начал также преподавать Закон Божий в младших классах, но его общение с учащимися не ограничивалось стенами аудиторий или церкви. Цветков был активным организатором экскурсий учащихся по Москве и Подмосковию, сопровождал их в посещениях художественных выставок, знакомил с памятниками старины. Только в апреле–мае 1907 г. ученики II–III классов осмотрели под его руководством Кремлевский дворец, выставку картин художника В.Д. Поленова и Румянцевский музей, ездили в Троице-Сергиеву лавру и Вифанский скит. Каждый учебный год о. Виктор заканчивал паломничеством со своими питомцами в один из подмосковных монастырей. Так, в 1907 г. все ученики – певчие хора вместе со своим духовным наставником пели литургию в одном из храмов Воскресенского Новоерусалимского монастыря¹².

В те же годы о. Виктор Цветков, кроме Александровского коммерческого училища, состоял законоучителем в Торговой школе для мальчиков имени Александра III в Бабушкинском переулке и в женском торговом училище имени Николая II на Новой Басманной улице. Он вместе с супругой Екатериной Ивановной жил вблизи своего храма, на территории сада училища (Старая Басманная ул., д. 21/4), в небольшом деревянном доме, фасад которого был скрыт за массивной кирпичной оградой.

Видимо, страстное увлечение московскими древностями привело о. Виктора уже в солидном возрасте, 45 лет, на студенческую скамью ИМАИ. Статус вольнослушателя позволял изучать учебные дисциплины по собственному выбору, без сдачи обязательных итоговых экзаменов, но, как следует из его экзаменационной книжки, В.Д. Цветков прошел полный курс обучения (четыре семестра) и внес плату – 80 рублей и за пятый–шестой семестры, но всех экзаменов не сдавал¹³. Педагоги ИМАИ, среди которых были крупные и авторитетные историки, искусствоведы, архитекторы и филологи России, оценили уровень знаний В.Д. Цветкова только отличными отметками. Лишь однажды директор института А.И. Успенский отставил ему удовлетворительную оценку по одному из юридических предметов, хотя до этого экзамена по остальным дисциплинам учебного плана отметил уровень знаний Виктора Дмитриевича оценкой "отлично". В экзаменационной книжке есть запись о том, что диссертация на звание ученого археолога должна была называться "Старая Басманная слобода в Москве с историческим и археологическим описанием приходского (Никитского) храма". Но никаких сведений о ее защите в личном деле вольнослушателя Цветкова нет, хотя как следует из записи на последнем листе рукописи, работа

¹⁰ Двадцатипятилетие Александровского коммерческого училища, основанного Московским биржевым обществом. М., 1911. С. 268–270.

¹¹ Обзор состояния и деятельности Александровского коммерческого училища, основанного Московским биржевым обществом на 1905/06 уч. год. М., 1906. С. 23.

¹² Двадцатипятилетие... С. 244–246.

¹³ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 4302. Л. 6–16.

закончена соискателем 10 августа 1916 г.¹⁴ На титульном листе имеются подписи директора института А.И. Успенского и преподавателей: В.Ф. Баллода, А.П. Калитинского, В.К. Клейна, о. Н.А. Скворцова, А.А. Чернова, свидетельствующие об их знакомстве с этой работой.

Можно предположить, что политические потрясения 1917 г. сделали невозможным завершение о. Виктором курса обучения в ИМАИ и получение искомого звания. Во исполнение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января (2 февраля) 1918 г. был закрыт домовый храм Александровского коммерческого училища, превращенного в 1918–1920 гг. в "конгломерат" различных образовательных учреждений: Промышленно-экономический институт и техникум, школы I и II ступени Басманного района¹⁵. В 1921 г. был razорен и Александро-Невский домовый храм, его иконы и утварь переданы общине верующих храма Трех Святителей у Красных ворот¹⁶.

Последнее по времени документальное упоминание о Цветкове удалось разыскать в протоколах заседаний ученой комиссии "Старая Москва" при ГИМ¹⁷. Здесь 8 июня 1926 г., почти через 10 лет после завершения своего исследования, Цветков читал доклад о Старой Басманной слободе. Судя по протокольной записи, доклад, включавший основные положения диссертации, не был прочитан до конца, "за болезненным состоянием" автора. В ходе обмена мнениями по поводу этого выступления председательствующий на заседании П.Н. Миллер сообщил, что в 1920 г. Цветков передал в "Старую Москву" собранные им планы отдельных домовладений, а приложение (свою работу по Басманной слободе) через Главмузей передал на просмотр Н.А. Гейнике, у которого этот труд и сохранялся в то время. Переезд "Старой Москвы" из Юсуповского дома в Исторический музей сделал невозможным, по словам Миллера, показ этих планов: "ко времени доклада планов достать было нельзя". Докладчик ответил на вопросы М.И. Александровского, А.М. Васнецова, Л.А. Виноградова, Н.Д. Виноградова, Г.Ф. Малявкина, П.В. Сытина, И.Н. Шишова и участвовал в непродолжительной дискуссии, завершившейся выражением ему благодарности, высказанной от имени всех участников заседания П.Н. Миллером.

В 1995–1996 гг. мне удалось записать воспоминания старожила Старой Басманной улицы доцента В.И. Мазуркевича, частично им опубликованные¹⁸. Владимир Иванович рассказал, что с 1930 г. он со своими родителями и другими служащими техникума жил в доме священника храма бывшего Александровского коммерческого училища. Тогда среди жильцов Цветковых уже не было, но на чердаке в беспорядке лежали бесхозные документы, старые книги и газеты за 1917 г., оставшиеся, как предполагает Мазуркевич, от прежнего владельца дома. В течение последующих десяти лет архив исчез, жильцы дома неоднократно менялись, до тех пор пока здесь не разместилась одна из учебных лабораторий Института химического машиностроения (МИХМ, ныне МГАХМ). Пишущий эти строки, будучи студентом МИХМ, в 1961–1963 гг. выполнял лабораторный практикум на оборудовании, размещенном в бывшем доме о. Виктора Цветкова. В 1985 г. этот дом в связи с новым строительством был снесен.

На сороковом километре Дмитровского шоссе, на пригорке у самой дороги, одиноко и скорбно стоят руины некогда богатейшего храма Святой Троицы в селе Троице-Сельцо, в котором о. Виктор Цветков начинал свое служение. Выстроенный в 1849 г. в архитектурных формах позднего классицизма на месте

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 6. Л. 200 об.

¹⁵ ЦАНТД. Ф. Басманной части. Д. 513/361. Ед. хр. 13. Л. 1–13.

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 86. Оп. 18. Д. 90.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 5. Л. 81–83.

¹⁸ Мазуркевич В.И. Двор, в котором я жил // Аудитория: Многотиражная газета МГАХМ. 1995. Май. С. 2.

старого, деревянного, перевезенного в 1726 г. из Кудринской слободы в Москве, Троицкий храм был закрыт в 1938 г. Здание сильно пострадало в годы войны, так как линия фронта в 1941 г. проходила в полутора километрах от него. В послевоенные годы разорение завершилось устройством в храме зернохранилища. Возрожденная в 1994 г. община храма самоотверженно восстанавливает поруганную и полуразрушенную святыню. Храм Рождества Христова в с. Черкизове (ныне вошедшем в границы Москвы), в котором о. Виктор служил в 1897–1906 гг., во время коллективизации был закрыт. В нем устроили мельницу, мастерские, а позже переоборудовали под клуб и кинотеатр. Этот памятник архитектуры, построенный в 1790 г., был изуродован до неузнаваемости: разрушены монументальный восьмерик и венчающий его граненый купол с главкой, снесена до первого яруса колокольня. Лишь в 1992 г. православный приход в с. Черкизове возродил свою деятельность, в Христорождественском храме начаты богослужения. В краснокирпичном здании бывшей школы, уцелевшем до нашего времени, ныне открыта воскресная школа¹⁹.

Диссертация В.Д. Цветкова состоит из двух неравных по объему частей. В первой, наиболее обширной и занимающей 266 страниц, излагается история возникновения и формирования Старой Басманной слободы, развития всех ее домовладений на протяжении XVII – начала XX в. Вторая часть работы посвящена описанию строительства, внутреннего убранства и содержания ризницы Никитского храма на Старой Басманной улице.

Историко-краеведческий труд о. Цветкова ценен прежде всего привлечением значительного количества источников, использованных в диссертации для "реставрации" топографии, застройки и социального состава жителей Басманной слободы. Кроме основополагающих работ С.М. Соловьева, И.Е. Забелина и А.А. Мартынова, изданий русских летописей – Никоновской, Софийской, Воскресенской, – автором проанализированы и многие опубликованные ко времени подготовки диссертации монографии и своды архивных документов²⁰. В работе имеются ссылки на алфавитные указатели к планам города Москвы, справочники, адрес-календари, списки частных и казенных зданий²¹.

Характерное отличие работы, делающей ее предшественницей фундаментальных исследований П.В. Сытина по истории планировки и застройки Москвы²², введение в научный обиход архивных, письменных и графических документов и дел: Патриаршего казенного приказа (РГАДА. Ф. 235), Каменного приказа (Там же. Ф. 292), Московской управы благочиния (ЦИАМ, Ф. 105), Московской духовной консистории (Там же. Ф. 203), ризницы Никитской церкви на Старой Басманной.

Работа начинается с изложения различных точек зрения на происхождение названия местности за Покровскими воротами Земляного городка, до конца XVIII в. именовавшейся Басманной слободой. Анализируя возможность возникно-

¹⁹ Дубинин Д. Храм Святой Троицы в Троице-Сельце // Московский журнал. 1994. N 12. С. 55; Ильин Г.В. Указ. соч. С. 320–321.

²⁰ Москва: Актовые книги XVIII столетия. М., 1892–1900. Т. 1–12; Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896; Переписная книга города Москвы 1683 года. М., 1881; Росписной список города Москвы 1638 года / Под ред. И.С. Беляева. М., 1911 (Труды Московского отд. Императорского русского военно-ист. об-ва. Т. 1); Дела Тайного приказа. М., 1907. Кн. 1.; Акты, собранные в библиотеке и архиве Российской императорской археографической экспедиции. СПб., 1845. Т. IV.

²¹ Хотев А. Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы... М., 1852–1853; Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы... М., 1818; Соколов В. Указатель жилищ и зданий в Москве... М., 1826; Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по 1 и 2 гильдиям по г. Москве. М., 1869; Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1873 году. М., 1873.

²² Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования. М., 1950. Т. 1; 1954. Т. 2; 1972. Т. 3.

вения названия слободы от фамилии сподвижников Ивана Грозного Алексея и Федора Басмановых, от якобы преимущественно населявших эту территорию ремесленников "басменного дела", или дворцовых пекарей, выпекавших казенный хлеб "басман", автор не находит объективного подтверждения ни одной из этих версий, подчеркивая несостоятельность выделения из социального состава жителей какой-либо группы, определявшей в XVI–XVII вв. приоритет одного из профессиональных занятий слобожан²³.

Цветков ограничивает территорию слободы местностью вокруг Никитского приходского храма, представляющей собой совокупность переулков, проездов и тупиков вдоль отрезка Покровской дороги, названного в конце XVIII в. Старой Басманной улицей. В разделах "Старая Басманная слобода в XVIII столетия" и "Старая Басманная в 1743 г." он реконструирует по "Актовым книгам" и другим письменным источникам социальный состав жителей, приводя статистические сведения по количеству проживавших здесь знатных лиц (дворян), духовенства, военных, чиновников, ремесленников, придворных служащих, крестьян, иноземцев и людей различных профессий. Переписные книги 1737–1745 гг. дали возможность привести в работе описания 168 домовладений Старой Басманной слободы (с указанием их размеров) и дополнить его аналогичными сведениями за 1793 г.²⁴

Несомненное достоинство труда – выявление архивных планов отдельных домовладений, разысканных им в книгах Каменного приказа и фондах Управы благочиния Москвы. Сами планы, по всей видимости, были приложением к работе, так как в рукописи содержатся лишь их подробные экспликации. Всего в разделе "Старая Басманная слобода по планам Каменного приказа, Управы благочиния и др. за разные годы XVIII столетия" представлено 19 экспликаций, содержащих сведения о размерах участков и строений на них, о принадлежности соседних домовладений, о материалах для построек (камень, дерево) и кровли (дерево, черепица, железо), а иногда и о составе жилых покоев в 1781–1796 гг. Особо ценным документом является план домовладения купца И.С. Палагина, снятый после 1758 г. и полученный В.Д. Цветковым в ризнице Никитской церкви. Тщательно выверено автором описание застройки 1791 г. по плану № 3 усадьбы кригс-комиссара П.И. Демидова (в которой, спустя почти два столетия, поселился и сам о. Виктор, став священником расположившегося в этом владении Александровского коммерческого училища). Обращает внимание и экспликация к плану № 9 на домовладение выдающегося русского живописца Ф.С. Рокотова²⁵.

Раздел "Старая Басманная за XIX–XX века" насыщен большим количеством сведений об изменении, на протяжении всего XIX столетия, численности и социального состава жителей Старой Басманной улицы, Земляного вала, Доброй слободки (Доброслободской улицы), Разгуляя и начала Елоховской улицы, Горохового поля (Гороховских улицы и переулка), Токмакова, Разумовского, Демидовского, Денисовского, Бабушкина переулков, Хомутовского (Хлудовского) тупика и Чечерского проезда; о смене домовладельцев по каждому владению вплоть до начала XX в. В описании домовладений введена их параллельная нумерация, установленная в Москве в 1782, 1818 и 1901 гг., и указаны их размеры.

Рукопись содержит и некоторые курьезные сведения и занимательные факты, приводимые автором без указания их источника. Например, в разделе, относящемся к XIX в., есть такой рассказ: "Дом Демидова в Гороховском переулке в 1840 г. попал в руки богача-раскольника Быкова, который распорядился с этим

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

²⁴ Там же. Л. 5–14 об.; 14–77 об.

²⁵ Там же. Л. 77–101 об.; 8–88 об.; 84–87; 82 об. – 93.

домом так: запер его на ключ, который положил в свой карман, а сам поместился в воротах, где и проживал долгие годы совершенным пустынноиком, выходя на свет Божий только для прогулки в лавочку, да и для того, чтобы собственноручно подмести двор и обширный роскошный сад Демидовского дворца. И только раз в году, в Светлое Воскресение после обедни, устраивал он сам себе редкое угощение: брал ключ, отпирал парадные комнаты, поднимался по мраморной лестнице, молча обходил анфилады роскошных, богато убранных зал и, кончив обход, запирает их снова до будущего года"²⁶.

Переходя к анализу второй части рукописи, названной "Описание Никитского в Старой Басманной храма", необходимо обратить внимание на привлечение автором в первом разделе "История храма"²⁷ многочисленных летописных сведений об его основании, связанном с принесением в Москву для обновления в 1519 г. Владимирской иконы Богоматери, о почитании храма во времена царей Ивана Грозного, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, о традиционных крестных ходах в Никитин день к этому храму, в котором особо почитался придел святого Никиты мученика²⁸. В диссертации же содержится подробная информация о составе клира, полученная на основе изучения клировых ведомостей церкви Никиты на Старой Басманной за два с половиной столетия ее существования, о многочисленных ремонтах здания, поновлениях росписей и икон, зафиксированных Цветковым по окладным и писцовым книгам, делам Патриаршего приказа и Московской духовной консистории.

Архитектурный очерк о Владимирском (Никитском) храме содержит описание наружного вида здания, стилистических особенностей его убранства, выявляющих мастерство опытного зодчего, которым автор, вслед за И.Э. Грабарем, осторожно считает одного из учеников великого Растрелли²⁹. Особый раздел посвящен внутреннему убранству храма: иконостасам с иконами "фряжского пошиба" не старше XVIII в., сюжетам стенных росписей XIX в. (автор отмечает, что "по своему выполнению она (роспись – В.Л.) ниже средней и не соответствует художественной архитектуре храма"³⁰).

Особо ценные данные содержит раздел "Утварь Владимирского храма", посвященный описанию ризницы, ныне полностью утраченной³¹. В храме бережно сохранялись девять напрестольных Евангелий 1694–1896 гг., в высокохудожественных переплетах старинной работы, напрестольных вызолоченных крестов с украшениями драгоценными камнями (один из них – "мошевик" – вклад вдовы служителя храма Ф.А. Ульяновой 1730 г.), богослужебные сосуды первой половины XVIII в., дарохранильница из серебра весом более 3 фунтов – вклад старосты храма И.Д. Афанасьева в 1861 г. и т.д. Здесь же рассказывается о несохранившихся колоколах храмовой звонницы и о восхищавшей москвичей кованой оgrade на каменных столбах (уничтоженная после закрытия храма в 1933 г., эта уникальная ограда ныне полностью восстановлена).

Резкую полемическую ноту внесло в размеренное изложение материала диссертации посвящение читателя в суть острого конфликта, возникшего в 1915 г. между общиной храма и Комиссией по сохранению древних памятников при Археологическом обществе. Дело в том, что во время очередного ремонта на южной стороне цоколя трапезной части, под слоями известковой штукатурки, были обнаружены две белокаменные надгробные плиты XVIII в. с плохо сохра-

²⁶ Там же. Л. 102–102 об.

²⁷ Там же. Л. 135–151 об.

²⁸ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... собранные В.И. и Г.И. Холмогоровыми при руководстве И.Е. Забелина. М., 1884. Ч. 1.

²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Ол. 1. Д. 6. Л. 152–159 об.

³⁰ Там же. Л. 159 об. – 171.

³¹ Там же. Л. 171–176 об.

нившимися надписями. После фотофиксации плит их поверхность была вновь заштукатурена и окрашена. Однако комиссия, в лице ее члена архитектора П.П. Покрышкина, выразила духовной консистории протест по поводу проведенной реставрации стен храма, ибо по правилам "пачкать и красить надписи на камнях" не дозволялось. Комиссия настояла на прекращении всех работ, что принесло храму значительные убытки. По свежим впечатлениям конфликта Цветков доказывает, что штукатурка уже в XVIII столетии скрыла плохо читаемые надписи и их утрата не связана с ремонтными работами 1915 г. Кроме того, видимо, в полемическом запале, он высказывает предположение о "клязуе" и "низменных страстях" неких названных "лиц", которые, в сложных условиях военного времени, мешают окончанию ремонта и реставрации храма. Трудно было бы предположить существование у автора негативного отношения к полезной деятельности комиссии, и, наверное, только страстное желание видеть "свой" храм во всей красе заставило отца Виктора излить горькие чувства на страницах научного трактата³².

На листах рукописи имеются немногочисленные карандашные пометки уточняющего и редакционного характера, сделанные, очевидно, при просмотре диссертации преподавателями ИМАИ, но об их отношении к труду ученого пастыря мы можем только догадываться. Однако приглашение Цветкова выступить с докладом по материалам диссертации на заседании комиссии "Старая Москва" в 1926 г. свидетельствует о признании ее автора видным краеведом-исследователем. Особую ценность этот уникальный, но ныне почти забытый труд, написанный ровно 80 лет назад, представляет для реставраторов и художников, воссоздающих сегодня архитектурный облик, интерьеры и убранство Никитского храма на Старой Басманной улице, стоящего в той местности древней российской столицы, первым историком которой был скромный священник, пытливым исследователь-архивист Виктор Дмитриевич Цветков.

³² Там же. Л. 180–181 об, 184–185 об.

Н.Н.Розанова

"ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН КУЛИС..."

(Г.О. ВИНОКУР — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО
СЦЕНИЧЕСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ)

28 ноября 1996 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося русского филолога, одного из блестящих представителей Московской (Фортуна-товской) лингвистической школы Григория Осиповича Винокура, круг научных интересов которого был необычайно широк. Хорошо известны его замечательные труды по общему языкознанию, стилистике, словообразованию, лексикологии, истории русского литературного языка, стиховедению, пушкинистике. Он был одним из авторов-составителей знаменитого четырехтомного "Толкового словаря современного русского языка", вышедшего с 1935 по 1940 г. под редакцией профессора Д.Н. Ушакова. Научное наследие Винокура необычайно богато. Многие труды ученого, написанные в 20-30-е годы, не утратили своей научной значимости, некоторые же из них приобретают особую актуальность в наши дни¹.

К таким работам можно отнести небольшую книгу Г.О. Винокура "Русское сценическое произношение", вышедшую уже после его смерти, в 1948 г. Он посвятил ее памяти своего учителя Дмитрия Николаевича Ушакова, выдающегося ученого, блестящего педагога, "человека редкой душевной красоты и цельности", который считался одним из самых авторитетных специалистов в области русского произношения. Вспоминая об отце, Наталья Дмитриевна Ушакова рассказывала, что к Дмитрию Николаевичу часто обращались за консультацией ведущие деятели театра и что его мнение по вопросам орфоэпии было непререкаемым. Много внимания уделял Дмитрий Николаевич проблеме разработки норм современного литературного произношения. Писал он произносительные рекомендации и для "Толкового словаря современного русского языка". Вполне естественно, что интерес к этому разделу современной русистики от учителя передался ученику.

Еще в 20-е годы Г.О.Винокур составил план учебника по русской орфоэпии. В этот период создание такого учебника являлось задачей более чем актуальной. Глубокие социальные изменения, произошедшие в России в начале XX в., не могли не отразиться и на языке. Расширилась социальная база интеллигенции, резко возросло число людей, стремящихся овладеть правильной литературной речью. Однако если раньше литературные нормы (прежде всего произношения) усваивались в семье, то в послереволюционные годы главным (а нередко и единственным) источником усвоения речевой литературной традиции стала книга. Подобная ситуация способствовала расшатыванию *произносительной нормы*. Это не могло не беспокоить Винокура, для которого язык являлся важнейшей частью национальной культуры.

¹ Обзор научной деятельности Г.О.Винокура и список его трудов см.: *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур. М., 1965. Необходимо с сожалением заметить, что очень многие труды ученого до сих пор не изданы. Его рукописи (среди которых есть и готовые к публикации) хранятся в РГАЛИ (Ф. 2164. Оп. I—III). Ссылки на рукописные труды (Ед. хр. 88) даются в тексте статьи с указанием только номеров листов.

В то время Григорий Осипович много внимания уделял популяризации филологических знаний. В 1925 г. выходит в свет его замечательная книга "Культура языка: Очерки лингвистической технологии", обращенная не только к специалистам, но и к самому широкому кругу читателей-непрофессионалов. В ней Винокур стремился осмыслить происходившие на его глазах языковые процессы и дать им профессиональную оценку. Чтобы понять актуальность этой книги, достаточно просто перечислить некоторые вопросы, обсуждавшиеся на ее страницах: об изменении языкового сознания в современный период, о языке нэпа, о переименованиях улиц и городов, о сокращениях, о речевых штампах в языке газеты и др. (Книга эта вызвала такой большой интерес и оказалась столь своевременной, что в 1929 г. вышло в свет ее 2-е издание). Наблюдая языковую жизнь современного общества, Винокур пришел к важному выводу: язык устойчив по отношению к различным социальным сдвигам². Однако это не освобождает ученых-филологов от необходимости решать многие насущные проблемы языковых реалий. Одной из главных задач русистики, по мнению Винокура, была задача сохранения национальных языковых ценностей. Особенно остро стоял вопрос об упорядочении норм образцового русского литературного произношения. 12 августа 1942 г. во Всероссийском театральном обществе (ВТО) Г.О. Винокур прочел доклад "Принципы и задачи орфоэпии (К вопросу о русском образцовом произношении)". Цель своего доклада он формулирует так: "Отдать себе отчет в содержании той работы, которую мы предлагаем осуществить здесь совместно силами ВТО и АН. Это задача практическая — собрать и прояснить материал для установления общерусской произносительной нормы" (Л. 21). Разработка орфоэпических правил, целенаправленная нормализаторская работа должны устранить "практический разнобой" в произношении. Где же взять норму? На этот вопрос Винокур отвечает следующим образом: "Нельзя действовать так, будто никакой нормы нет вообще. Есть традиции, из них и нужно исходить, а не строить на пустом месте" (Л. 22). Для Винокура живым источником таких традиций является сценическое произношение.

Сценическая речь занимает особое место в национальной речевой культуре, так как ее назначение — быть эталоном, образцом для подражания. На протяжении XIX в. хранителем норм правильного литературного произношения являлся Малый театр. С начала XX в. наряду с Малым эту традицию развивал Московский Художественный театр. Широко известны имена его великих актеров: Станиславский, Качалов, Москвин, Книппер-Чехова... Особенно возросла культурно-просветительская роль театра с распространением радио. Появилась возможность записывать и транслировать на всю страну лучшие театральные спектакли. Без преувеличения можно сказать, что несколько поколений россиян овладевали нормами образцового литературного произношения, слушая речь любимых актеров. Ведь не случайно Д.Н. Ушаков в одной из своих работ заметил, что грамматическим нормам литературного языка можно научиться по книгам, читая и усваивая правильное употребление слов в нужном значении. Однако *литературным произношением* можно овладеть, лишь *непосредственно слушая* и воспринимая образцы литературной речи³.

Однако может возникнуть сомнение: а нужно ли вообще единое образцовое произношение? Пусть на сцене, как и в жизни, каждый говорит так, как он хочет, в соответствии с собственным речевым навыком. Доказывая ошибочность подобного взгляда, Винокур выдвигает ряд причин, по которым единые орфоэпические нормы необходимы.

² Винокур Г.О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М., 1925. С. 55—56.

³ Ушаков Д.Н. Русская орфоэпия и ее задачи// Русская речь. Л., 1928.

Первая из них связана с *опасностью непонимания* собеседниками друг друга, если один из них говорит не по правилам. Но в театре подобная ситуация просто недопустима. «Тут, — замечает Винокур, — нарушения правил орфоэпии превращаются в действительно серьезную помеху не просто "понимания", а понимания художественного». Именно это обстоятельство объясняет, почему в театре всегда была особенно сильна орфоэпическая традиция.

Вторая причина связана с *этической нормой* публичного поведения (включая и речевое), принятого в обществе. Правильная нормативная речь — это, как считает Винокур, предьявляемый говорящим "патент на благородство", сигнал принадлежности к грамотной среде.

И, наконец, третья причина обусловлена эстетической и национально-психологической потребностью следовать *культурной традиции*. В лекции 1942 г. Винокур констатировал: "Русский язык для нас — не просто исторически сложившееся средство общения, но также язык Пушкина, Тургенева, Чехова, Островского, Садовских, Яблочкиной и т.д. И нам неприятно и больно, когда мы наблюдаем нарушение этой нормы, воспринимаемое как порча национального сокровища, как нарушение известной красоты" (Там же).

По мнению Винокура, именно театр должен явиться хранителем и распространителем образцовой литературной речи. Не случайно поэтому он уделял так много внимания разработке вопросов русского сценического произношения. Его деятельность в этом направлении особенно активизируется в 40-е годы. Он читает лекции актерам разных театров. В РГАЛИ хранятся конспекты двух его выступлений: перед актерами театра им. Моссовета 14.04.44 (Л. 86) и перед актерами Малого театра 30.05.44 (Л. 87-88). Он регулярно консультирует актеров МХАТ по вопросам истории русского языка и русского литературного произношения. Татьяна Григорьевна Винокур, дочь Григория Осиповича, рассказывала, что ее отец часто присутствовал на спектаклях Художественного (для него даже было специально забронировано место в одной из лож); он обожал театр, но во время спектакля не просто наслаждался искусством, а заносил в имевшийся у него всегда блокнот наиболее интересные особенности произношения актеров.

Результатом напряженной исследовательской работы Винокура явился его замечательный труд "Русское сценическое произношение". Этой книгой Г.О. Винокура и начинается собственно лингвистическое изучение сценической речи. Во "Введении" к ней Винокур писал: "Упорядочение всех вопросов, связанных с русским образцовым произношением, — одна из очередных задач нашей культуры. Но при всех условиях такая нормализация произношения должна исходить из наличной произносительной традиции, лучше всего сохраняющейся в опыте русского театра". До сих пор эта орфоэпическая традиция передавалась непосредственно от одного поколения актеров к другому "путем слепого подражания, а не сознательного его изучения". В то же время для достижения произносительного единства на сцене необходимо планомерное и сознательное обучение молодых актеров законам и правилам русского произношения. Причем "изучение русской произносительной традиции и практическое овладение ею должны покоиться на прочном научном основании"⁴. В своей фундаментальной работе Винокур выдвигает очень важное теоретическое положение, во многом определившее направление дальнейших исследований в области сценической орфоэпии. Это его идея о разграничении двух функций сценического произношения — общей и художественной. Наиболее существенной является первая из этих функций. Она заключается в организации общего произносительного фона спектакля. Вторая же, художественная, изобразительная функция определяется

⁴ Винокур Г.О. Русское сценическое произношение. М., 1948. С. 26, 27.

тем, что произношение наряду с другими средствами актерской игры (жестом, голосом, гримом, костюмом) используется как *материал* для создания образа. "Правда и непосредственная доступность образа — упираются в орфоэпию", — записал Винокур в конспекте одной из своих лекций (Там же). При таком подходе становится ясным, почему основной речевой фон спектакля должен быть нейтральным, немаркированным, должен ориентироваться на образцовую орфоэпическую норму. Ведь именно тогда и будет заметно дополнительное художественное задание, любая характерологическая произносительная краска.

Таким образом, особые условия существования сценической речи, ее художественная специфика делают совершенно необходимым произносительное единообразие на сцене. Здесь, например, недопустимы даже небольшие диалектные отступления, сплошь и рядом встречающиеся в повседневной жизни. (Если, конечно, эти отступления не заданы речевым рисунком роли). По меткому замечанию Винокура, "чокающий" Чацкий или "якающий" Ромео в театре не возможны. Единый произносительный фон спектакля — это та идеальная ситуация, к которой необходимо стремиться.

Что же такое "образцовое" произношение? Выступая перед актерами Малого театра, Винокур говорил об относительности данного понятия: "От природы его нет — [это] факт социальный". Он предлагает своим слушателям «отрешиться от наивной веры в спрятанную где-то тайну "правила". Уже одна наличность споров о том, что правильно и что неправильно — доказывает это» (Л. 87). "Образцовое" литературное произношение вариативно. Его вариативность обусловлена некоторыми сдвигами в произношении разных поколений носителей литературной нормы. Известно, что "отцы" говорят не так, как "дети". Каждое следующее поколение привносит свои произносительные "новшества". Это обстоятельство и определяет вариативность литературной нормы, ее динамику. Каждый период времени отмечен своим набором произносительных вариантов. Лингвисты всегда стремились фиксировать эту смену норм на разных временных срезах языковой жизни общества. Наблюдения Винокура, относящиеся к 40-м годам, являются ценнейшим материалом для изучения истории русского литературного произношения. Ученый отмечает "слабые звенья" орфоэпической системы, т.е. случаи, где наиболее часто встречаются колебания в произношении. Так, старшее поколение ("отцы") в эти годы говорило еще: *тихий, сердешный, скушно, дефьки, верх, церьков, жыра*. А младшее ("дети") уже выбирает новый вариант (ближе к орфографическому облику слова): *тихий, сердечный, скучно, дефки, верх, церковь, жара*.

Какой из вариантов предпочтительнее на сцене? По мнению Винокура, театр должен ориентироваться на более традиционную произносительную норму. Но не замечать новых тенденций нельзя, за ними будущее языка. Тем не менее сам Винокур чрезвычайно сдержан в своих рекомендациях, предлагая там, где это возможно, сохранять в театре "старшую" произносительную норму. Особенно это касается случаев смягчения (ассимиляции) твердых согласных перед мягкими. Он пишет: "Круг действия указанной ассимиляции на наших глазах заметно сужается, так что в ряде случаев мягкость согласного в положении перед мягким, обязательная в речи носителей русской произносительной традиции несколько десятилетий тому назад, или исчезает вовсе, или становится факультативной. Вот почему самый закон о смягчении твердых перед мягкими приходится в наше время формулировать с некоторой сдержанностью: это смягчение может наступать, но в ряде случаев оно практически не осуществляется. Так, в речи одного и того же лица нередко можно подметить расхождения вроде [сп'ина-с'п'ина, Лю[дм']ила-Лю[д'м']ила и т.д."⁵ Отметим,

⁵ Там же. С. 63.

что в наше время, спустя пятьдесят лет после написания этой работы, в некоторых случаях колебание произношения устранено, так как окончательно победила более молодая норма.

Тем не менее осторожность Винокура в отношении произносительных рекомендаций вполне оправдана. Ведь театр для него является живым источником культурной традиции, это нить, связующая поколения. Не случайно поэтому как одну из важнейших исследовательских задач Винокур рассматривал задачу изучения произношения корифеев сцены. Он считал необходимым сначала тщательно изучить звуковые особенности речи разных поколений актеров и лишь после этого приступать к выработке окончательного "кодекса правил русской орфоэпии". В таком подходе нашла отражение важнейшая особенность винокуровского научного метода: через всестороннее и глубокое проникновение в материал, через пристальное изучение языковой действительности — к теоретическому обобщению.

В 40-е годы Г.О. Винокур занимался изучением произношения ведущих актеров МХАТ. В его архиве сохранилась богатая картотека — около 500 карточек, на которых зафиксированы произносительные особенности Книппер-Чеховой, Тарханова, Яншина, Кедрова, Тарасовой, Прудкина, Еланской, Массальского и др. Эти материалы представляют как чисто научную, так и историко-культурную ценность. В них отражена реальная "жизнь" литературной нормы в 40-е годы, борьба старых и новых произносительных вариантов на сцене. Винокуровская картотека представляет интерес и в связи с проблемой соотношения общего и индивидуального в речи вообще и в речи художественной в частности. Пристальное внимание к этим вопросам всегда было свойственно ученому. Сценическая речь, с одной стороны, рассматривается как идеальное, образцовое воплощение общенациональной литературной традиции. Но, с другой стороны, речь подлинных мастеров сцены несет на себе яркий отпечаток собственной, не похожей ни на кого манеры. Винокур всегда ценил неповторимость и своеобразие индивидуального речевого стиля. Одно из его любимых выражений — "человек — это стиль".

Если обратиться непосредственно к материалам картотеки, то вызывает восхищение тонкость слухового наблюдения и большой объем собранного материала. Ведь звукозаписывающая аппаратура была в те годы еще не совершенна, и звучащую со сцены речь приходилось буквально "хватать налету". Рассматривая эти карточки, убеждаешься, что общий речевой "фон" мхатовских спектаклей тех лет был ориентирован на произносительную традицию. Большинство актеров (как старшего, так и среднего поколения) произносят по старомосковской норме: *жыра, жындарм, шыги; Вронский (или Вронскэй)*⁶, *жестокэй; выходют, носятя; х-кому; съвежий* и т.п. Особенно последовательно в употреблении традиционных вариантов, конечно же, старшее поколение. Такими, скажем, все примеры, записанные за Книппер-Чеховой, Тархановым. Но интересно, что и в речи более молодого поколения (Тарасовой, Орлова, Прудкина, Кедрова, Еланской и др.) чаще встречаются "старшие" произносительные варианты. Однако здесь вероятнее колебания в речи одного актера (даже при произнесении несколько раз одного и того же слова). Так, Массальский в роли Тузенбаха ("Три сестры") дважды произносит слово *шарах* и оба раза по-разному: *шэрах* (по "старшей" норме) и *шарах* (по "младшей" норме).

Интересна группа карточек, на которых зафиксированы особенности реализации форм глагола *целовать*. Ученый отмечает здесь довольно большой разницей в произношении. Встречается как старомосковский вариант *цалую, поцалуй*

⁶ Символом "э" Г.О. Винокур обозначает сильно редуцированный звук неопределенного тембра (например, похожий на первый гласный в слове молоко).

(Орлов, Ливанов), так и более современный *поцылуйтесь, цылуй, цылую* (Тарасова, Зуева, Ершов, Добронравов).

Неоднородно и произношение безударных "е" ("старшая" норма) или "и" ("младшая" норма). Винокур отмечает здесь много случаев "еканья": *на досуге* (Ершов), *в доме* (Ливанов), *такие* (Кедров). Но еще чаще встречается "иканье": *в одном доме* (Тарасова), *на совети* (Георгиевская), *седьш* (Болдуман), *мертвыш* (Тарханов).

Материалы Винокура позволяют воссоздать живое произношение "корифеев русской сцены", тот реальный произносительный "фон" мхатовских спектаклей, на котором особенно ярко и выразительно проявлялись различные речевые характерологические краски.

Картотека произношения актеров МХАТ — это уникальный документ эпохи. Искусство театра летуче и неповторимо. Столь же летуче, эфемерно и сценическое произношение, один из основных художественных инструментов драматического театра. Собранный картотека — героическая попытка выдающегося ученого методами научной транскрипции зафиксировать и сохранить для потомков эту неповторимость, остановить пленительные мгновения вдохновенного творчества великих мастеров сцены.

Н.И. Харькова (Савкова)

ЕГО ЗВАЛИ ИГОРЬ САВКОВ

Он был моим отцом, которого я никогда не видела. А отец знал только, что мама носит под сердцем их ребенка.

Отец пропал без вести в октябре 1941 г., за два месяца до моего рождения. Об этом мне рассказывала мама, и в детстве я видела справку, в которой сообщалось, что рядовой Игорь Владимирович Савков пропал без вести. Какого-либо документа об этом, к сожалению, у нас не сохранилось.

История моих родителей, хотя и трагична, но достаточно банальна для семей, состоявшихся незадолго до Великой Отечественной войны. Однако неординарная личность отца, ее привлекательность сохранились в памяти знавших и любивших его друзей. Удивительна история обретения знания о судьбе отца с октября 1941 по 1 июня 1942 г. Примечательны также люди, сохранившие память о нем и вернувшие из небытия его имя.

Отец родился в 1919 г. в семье московских интеллигентов, Владимира Мокиевича и Раисы Ивановны Савковых. Дед был выпускником медицинского факультета Московского университета и всю жизнь, до 1949 г., проработал врачом-хирургом. Обучение он совмещал с революционной деятельностью. Будучи членом РСДРП, входил в 1905 г. в состав ее Московского комитета, имел подпольную кличку Тимофей, был ответственным организатором в Замоскворецком районе Москвы и принимал неоднократное участие в различных революционных предприятиях. Впоследствии дед отошел от партии, был немногословен, суров и скептичен¹. Об этом упоминала в своих рассказах и моя мать, а также один из друзей И.В. Савкова по университету, бывавший в доме, позже известный историк, к сожалению, ныне покойный, М.Я. Гефтер².

Мать Игоря, Раиса Ивановна, происходила из семьи священнослужителя, получила образование в Сорбонне. Ушла из жизни рано, за несколько лет до начала войны. Родители в соответствии с традициями интеллигентных семей дореволюционного времени старались дать сыну широкое образование. Начиная с 5–6 лет он постоянно общался с немкой-гувернанткой, что позволило ему в совершенстве овладеть немецким языком. Хуже, но достаточно свободно мог изъясняться по-французски. Классическое образование, полученное родителями, дало возможность научить Игоря древнегреческому, на котором он свободно читал. Позже к этим знаниям добавилась способность читать на древнеславянском и турецком языках.

В 1936 г. отец с отличием закончил 7-ю образцовую среднюю школу Ленинского района Москвы и получил аттестат с правом поступления в вуз без экзаменов. В этом же году стал студентом математического, а в следующем — исторического факультета МГУ.

¹ *Васильев-Южин М.* В огне первой революции: Воспоминания. М., 1934. С. 84.

² Голоса из мира, которого уже нет. Выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях/ Сост., вводные тексты М.Я. Гефтера. М., 1995. С. 148. Эссе М.Я. Гефтера и часть писем с краткими автобиографическими справками, в том числе письмо И. Савкова от 22 сентября 1941 г., опубликованы в АЕ за 1991 год (С. 305–318); см.: также: Аутсайдер – человек вопроса // Век XX и мир. М., 1996. № 1 (в гл. 2. "Атлантида" М.Я. Гефтера, с. 56–80 – фрагменты материалов сборника "Голоса из мира..." Об И. Савкове – с. 60, 74–78, имеется и его фотография).

Началась студенческая жизнь. В ней было все, присущее жизни активной молодежи того времени: отличная учеба, участие в самодеятельности, комсомольская и научная работа.

Я с детства помню рассказы моей мамы о том, что папой была написана студенческая работа о курганах в Черемушках, основанная на результатах археологических раскопок, проведенных во время летней практики 1939 г.³ По ее воспоминаниям, эта работа получила высокую оценку А.В. Арциховского и С.В. Бахрушина, бывшего в доме отца и с уважением относившегося к подающему надежды студенту.

В 90-х годах маму разыскал незнакомый ей Владимир Викторович Равдин, сын историка Тамары Владимировны Равдиной. Разбирая после ее смерти бумаги, он нашел рукопись, в которой упоминалось об этом студенческом труде. В ней Т.В. Равдина писала: "Я в своей 40-летней археологической деятельности изучила сотни отчетов, статей, книг по древнерусским курганам, сама писала на эту тему отчеты, статьи, диссертацию книги. Поэтому с полной уверенностью могу сказать, что статья 20-летнего Игоря Савкова лучшая из статей о курганах – без скидок на возраст и на 50-летнюю давность этой работы".

Сын Т.В. Равдиной не только позвонил, но и навестил нас, передав эту работу. Проявив как при этой встрече, так и при последующих контактах удивительную сердечность, помог оформить и переплести сборник фронтовых писем погибших студентов-историков, в том числе отца.

Из небольшого очерка М.Я. Гефтера, посвященного папе, я узнала также, что зимой 1940 г. ими была совместно написана глава в "Очерках истории МГУ", а работали они над ней "в уютном замоскворецком обиталище Савковых"⁴.

В 1984 г. С.О. Шмидт опубликовал отрывок из письма С.В. Бахрушина М.Н. Тихомирову 1942 г., в котором ученый печалился: "Расстраивают меня очень известия о нашей университетской молодежи: [Р.В.] Жданов серьезно болен, [И.В.] Савков пропал без вести, а это мои любимые ученики последних лет"⁵. В сноске к письму дана ссылка на интересные тезисы работы студента V курса И. Савкова, рекомендованные С.В. Бахрушиным для напечатания в издании "Третья научная студенческая конференция Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова 18–23 апреля 1941 г." (изд. МГУ, 1941). Перепечатаваем тезисы со с. 31–32 этого малотиражного издания.

И. Савков
(5 курс)

МОСКВА И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В 50–70-Х ГОДАХ XVI ВЕКА

1. XVI в. московско-крымские отношения имеют характер неустойчивого равновесия. Известное однообразие их определялось в основном двумя факторами: со стороны Крыма – необходимостью получения ценностей для обмена, со стороны Москвы – невозможностью наступления против ханства.

2. В период боярского правления (1537–1549), в связи с общим ослаблением Русского государства, учащаются крымские набеги на московские окраины и растет влияние Крымского ханства в Поволжье.

3. Активизация московской политики в первый период правления Избранной Рады (до 1555 г.) не коснулась непосредственно Крыма, хотя московская экспансия в

³ Савков И. Курганы с. Черемушки // История: Сб. научных студенческих работ МГУ. М., 1940. Вып. XI.

⁴ Голоса из мира, которого уже нет. С. 148.

⁵ Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (по архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 70, 74.

Поволжье уничтожала влияние Крыма в татарских государствах. Крым не входил в колониальную программу дворянства, лежавшую в основе внешней политики Избранной Рады в первой половине 50-х годов (Пересветов).

4. Требования дворянства в 50-х годах XVI в в области крымской политики ограничивались созданием централизованной, правительственной системы обороны на южной границе государства.

5. Расхождение внешней политики Избранной Рады с интересами дворянства обнаружилось после завоевания Казани, т.е. когда была решена задача, общая интересам обеих группировок господствующего класса. С 1955 г. правительство Избранной Рады проводит в отношении Крыма активную политику наступления. Конечной целью этой компании было полное завоевание Крыма.

6. Новая политика Избранной Рады в отношении Крыма встретила сопротивление Ивана IV, так как шла вразрез с его планами в отношении Ливонии, отражавшими стремления дворянства. Вследствие столкновения точек зрения царя и его "советников" крымская политика Москвы в конце 50-х годов XVI в испытывала сильные колебания и отличалась непоследовательностью.

7. Обострение противоречий по внешнеполитическим вопросам между Грозным и Избранной Радой в 1559 г. вызвало разрыв между ними.

8. В 1560–1563 гг. разрыв с политикой Избранной Рады мало сказался на отношениях с Крымом. Положение дел на ливонско-литовском фронте позволяло Крыму занимать старую позицию.

9. В период 1563–1568 гг. в московско-крымских отношениях восстанавливается традиционное для XVI в. равновесие сил. Москва, стремясь развязать себе руки на западе, идет на значительные уступки в вопросе о "поминках". Крым, опасаясь возросшей силы Москвы и одновременно пользуясь ее уступчивостью, предпочитает выторговывание "поминков" военным набегам.

10. Набеги крымцев на московские окраины в 1564 и 1565 гг. не были результатом определенной политической линии, а были следствием конъюнктурных обстоятельств.

11. Требование о передаче Крыму Казани и Астрахани было выдвинуто сначала с целью добиться от Москвы согласия на уплату "Магмет-Гиреевых поминков", а затем в результате выступления против Астрахани султана Селима. Астраханский поход 1569 г. всецело связан с выступлением Турции и с ее стороны был случайной авантюрой, не имевший никаких предпосылок в прошлом московско-турецких отношений. Астраханский исход сильно ухудшил внешнеполитическое положение Девлет-Гирея и сделал для него невозможной политику дипломатических переговоров с Москвой.

12. Набег Девлет-Гирея в 1571 г. на Москву не выходил в начале за рамки обычного окраинного набега и, лишь благодаря московским изменникам, осведомившим хана о тяжелом внутреннем положении государства, вырос до размеров грандиозной катастрофы.

13. Набеги не отразились сколько-нибудь значительно на международном положении Московского государства. Внутреннее положение государства в конце 60-х – начале 70-х годов характеризуется тяжелым кризисом (экономическое разорение, голод, мор, народное недовольство, боярские измены), который был доведен татарскими набегами до высшей степени напряженности.

14. Смягчение режима дворянской диктатуры, – уничтожение опричнины, с одной стороны, и завершение системы централизованной обороны южной границы – с другой, были непосредственными результатами набегов 1571–72 гг. После набегов 1571–72 гг. московско-крымские отношения возвращаются к обычному для XVI в. состоянию.

Дипломную работу И. Савкова М.Я. Гефтер оценил как "незаурядное исследование, в котором он посмотрел на опричнину с немодной для того времени стороны, показав точным документированным анализом разрушительные последствия ее для защиты Московского государства от крымских набегов"⁶.

Параллельно, еще до университетской жизни, протекала другая жизнь моего

⁶Голоса из мира, которого уже нет. С. 58.

будущего отца, связанная с начавшимся в 1935 г. романом с моей будущей мамой, Риммой Алексеевной, Римушечкой, Римуленькой. До сих пор я не касалась внешности и некоторых черт личности отца. Роста он был выше среднего, волосы русые, худощав, строен. Люди, знавшие и помнившие его, отмечали эрудицию, не свойственную молодежи того времени, острый ум, ироничный взгляд на вещи, подчеркнутую корректность в отношениях.

Мама моя совершенно не походила на девушек-комсомолок тех лет. Помимо очень привлекательной внешности, что-то в ней было от нежного, одухотворенного эльфа. Постоянная внутренняя потребность, сохраненная до последних дней жизни, – сострадать и помогать людям, даже незнакомым, удивительная доброжелательность, живость и романтический склад характера в соединении с твердостью, эмоциональность – все это привлекало к ней многих молодых людей. Отсюда метания, поиски и разочарования. Очевидно поэтому, этот долгий роман не раз прерывался.

Игорь Савков, 1939 г.

Поначалу случались и размолвки и объяснения, что видно из их переписки:

21 марта 1935 г.:

К сожалению, не смог во время своего последнего визита сказать того, что ты прочтешь ниже.

Я отвечаю на все старые вопросы. Почему до 6-го числа я вел себя по отношению к тебе иначе, чем обычно.

К моему счастью или несчастью у меня есть самолюбие. И если я замечаю, что у *любимого** мною человека я не могу и не смогу найти ответного чувства, – я считаю лучшим не быть с ним знакомым, чтобы не играть смешной роли.

Я чрезвычайно капризен, не так ли?

Но я не смог выдержать своего удаления. Это ты знаешь. Я смалодушничал и сейчас стыжусь этого. Но никогда не поздно исправить свою ошибку, особенно *если ничего* не изменилось. И исправляя ее, имею честь оставить тебя при убеждении о величайшей моей капризности и наглости.

И. Савков

А вот ответ:

Называя себя капризным, ты даешь мне основания сказать: то, что сейчас с тобой, есть минутный каприз, который надеюсь скоро пройдет. Из-за этого каприза, Игорь, я не хочу, чтобы что-нибудь изменилось, разве только то, чтобы мы стали друзьями? Этого я бы хотела.

Проходит два года. Письма отца в период их разлуки – это любовная тоска и нежность. Читая их, можно понять, что со стороны мамы такая категория, как "дружба", уходит, превращаясь в чувство близости.

27 июня 1937 г.:

*Здесь и далее выделены слова, подчеркнутые автором.

И. Савков с женой, 1941 г.

Римма, милая, дорогая Мое предчувствие не обмануло меня. Все летние яркие краски действительно тускнеют для меня в твоём отсутствии, а роскошные южные вечера вызывают во мне тоску. Я прекрасно знаю, что это *глупо и малодушно*, но перебороть себя не могу... Что с тобой? Откуда такие мрачные настроения? Их можно объяснить не иначе, как скукой твоего пребывания в этом городишке (Углич. – *Н.Х.*) Тебе с твоим характером тяжело жить? Да откуда ты взяла, что у тебя неуживчивый характер? Эти слова твои, как они не искренны, звучат, мягко говоря, как малоостроумный анекдот. Как! Веселая, жизнерадостная, кокетливая Римма заявляет, что у нее неуживчивый характер. Ну, на что это похоже? Быть может, под неуживчивостью ты подразумеваешь

прямоту и некоторую резкость твоего характера? Но ведь это качества, которым можно позавидовать. И людям они внушают только уважение. Скуке твоей и тоске я вполне сочувствую, ибо тоже болею этой навязчивой и тяжелой болезнью, вызванной одиночеством.

Теперь с нетерпением жду от тебя письма. Надеюсь, что оно будет не такое мрачное. Как могут туманиться твои прекрасные лучистые глаза?

Твой Игорь

Из письма от 22 июля 1937 г.:

Каюсь, что не писал тебе так долго. Ах, Римма, как хочется, как безумно хочется поговорить с тобой, заглянуть в твои чистые, светлые глаза. Теперь остался всего месяц, даже меньше месяца, но, чем ближе срок, тем медленнее тянется время. Кажется, что резиновое. 1–3 августа я перебираюсь в Саратов, откуда уже и подамся в Москву. Но когда оттуда поеду – не знаю. Это будет зависеть только от того, когда вернешься ты. Иначе мне в Москве делать нечего.

Из того же письма:

Римма, Римма, милая! ... Сейчас я потерял то, чем я всегда в душе очень гордился, – власть над собой, над своим настроением и пр.

Зная себя я не мог предположить, как больно отзовется на мне твое отсутствие. Только сейчас мне стало ясно, какое место ты занимаешь в моей жизни.

Я так привык все мои поступки сочетать с мыслью о тебе, что сейчас, когда тебя нет со мной, вокруг меня образовалась какая-то пустота, из которой я не могу выйти, как из заколдованного круга.

Можешь себе представить, как я был рад твоему письму, принесшему с собой частичку тебя самое. Единственные вещи, к которым сейчас прикованы мои мысли, – это твое следующее письмо и один из августовских дней, когда я вновь смогу видеть тебя.

Игорь

С детства отец страдал затаенным, коварным недугом, но никогда не поддавался ему, живя полноценной, полнокровной жизнью. Он не поступился этим принципом и тогда, когда пошел добровольцем на финскую войну. Читая его карандашные записки из-под Серпухова, где он находился в учебном лагере, видишь, как при нахождении в армии исчезает романтическое представление о

ней, а затем приходят горькие мысли о возможном исходе этой военной кампании.

21–22 января 1940 г. он писал моей матери:

Наиболее неприятная сторона теперешней моей жизни это то, что чувствуешь совершенно обесцененным все, что считал важным до сих пор и что придавало тебе ценность в собственных и чужих глазах. Ненужными считаются все мои общие знания, образованность, известная интеллектуальная изощренность. Против такого обесценения восстает все мое интеллигентское существо. Исход, конечно, один и он избирается автоматически: отбрасываешь все, что "ценности" (долго колебался писать в кавычках или без них) и приобретаешь новые: умение обуться так, чтобы нигде не жало, умение съесть за обедом много хлеба, умение греться на морозе.

... "Долг" – как я смеялся несколько дней – буквально дней – тому назад вместе со своими скептическими друзьями над этим словом. Я даже назвал бы его "словечком" и процитировал бы слова Толстого, что понятие "долг" есть обычное средство для оправдания людьми ограниченными своих поступков. По возвращении я, несомненно, так поступлю, а теперь мешает элементарное чувство самосохранения.

Еще в письме от 18 января 1940 г. он писал, что вернется невредимым:

После всего, что с нами будет, как хорошо будет снова встретиться! Во всяком случае *ранен* я не буду. Об этом нам говорят сразу.

А всего десять дней спустя, в письме от 27 января:

Что касается перспектив, то не имей на этот счет никаких иллюзий. Милая, я знаю, что ты мужественна, и поэтому пишу тебе только одной об этом. То назначение, по которому мы будем использованы, неизбежно приведет к дилемме – или или. Середины быть не может. Наблюдения за организацией всего этого дела приводят меня к убеждению, что дело кончится плохо. Никто ничего не знает, совершенно неопытны, командиры – не в лучшем положении, чем остальные. Не подумай, что я впадаю в панику. Настроение у меня вполне бодрое, но уж если суждено пасть жертвой глупости (чужой), то сознание того, что отдаешь ясный отчет в происходящем, дает большое самоудовлетворение.

Отцу не суждено было испытать до конца чашу этой войны. Нагрузки, которые ему приходилось выдерживать в связи с подготовкой к лыжному переходу с пулеметными вьюками за плечами к границе с Финляндией, привели к обострению затаившейся болезни, и он был комиссован из армии с "белым билетом". По воспоминаниям М.Я. Гефтера, отец переносил это "как неудачу, как поражение, заставлявшее его усомниться в полноценности своего существования"⁷.

Однако 1940-й – не только год горечи и переживаний. В этом году мои родители соединились и были настолько счастливы, что, по рассказам мамы, считали юридическое оформление их отношений чем-то второстепенным, с чем можно и не торопиться. Бесконечные молодежные посиделки, театры, концерты. Безмятежная, не отягощенная бытом жизнь.

Жили они в доме отца Игоря, а их ангелом-хранителем была бабушка Игоря Ольга Ивановна. Она говоривала маме: "Не думайте ни о чем. Кто знает, как сложится жизнь дальше, поэтому позвольте мне заботиться о Вас".

20 февраля 1941 г., проходя мимо ЗАГСа Москворецкого района отец предложил маме: "Зайдем сюда на минутку", что и было сделано.

К июню 1941 г. мама перешла на 3-курс Института прокуратуры СССР, а папа, блестяще закончив Университет (он был Сталинским стипендиатом), столь же блестяще сдал экзамены в Высшую дипломатическую школу. К этому

⁷Голоса из мира, которого уже нет. С. 148.

времени в проекте был и третий член семьи. Мама вспоминала, что отец очень хотел девочку, повторял: "Роди мне девку – Наташку".

22 июня 1941 г. – конец безмятежного счастья: прочь "белый билет", блестящее будущее. Даже ожидание желанного ребенка не останавливает его от решения уйти добровольцем на фронт. Отец, как и многие его друзья – выпускники исторического факультета, преподаватели, профессора, в июле 1941 г. вступил в Московское народное ополчение, из которого была сформирована 8-я Краснопресненская дивизия, его прикомандировали в качестве наводчика к 716-му артдивизиону.

И, очевидно, вновь дала знать о себе болезнь. В письме от 20 августа 1941 г. Игорь сообщил, что медицинская комиссия признала его негодным к строевой службе:

Сегодня я был на комиссии и увы! Решение вышло самое плохое: перевести на нестроевую службу. Это хуже всего: драться с оружием в руках я хочу сам, если бы заставили обстоятельства. Свидание с тобой было бы драгоценным вознаграждением за мою отставку. Протирать же штаны в штабе, причем вдали от ребят, – гнуснее этого трудно себе [что-либо] представить.

4 сентября 1941 г. он с горечью писал:

Родная моя Римуленька!

Как видишь, пишу тебе чернилами. Это означает, что я заделался канцелярской крысой. 31 августа меня перевели в штаб, где мне пришлось стать писарем (что за отвратительное слово!) в отделе вещевого снабжения нашего полка. Как я ни упирался – в строю остаться не удалось. Правда, положительные стороны этого уже сказываются. Наступили холода, уже несколько дней подряд идут дожди, и жизнь в лесу стала, вероятно, совсем невыносимой. А ведь спят ребята, должно быть, на земле, сена не всегда можно достать. Я застал всего 3–4 дня ненастья, и это было очень скверно. Теперь же я живу в теплом доме, сплю мягко (на сене), раздеваюсь, каждый день умываюсь, бреюсь у полкового парикмахера. Но этот "комфорт", неоценимый в боевых условиях, достался мне ценой не то чтобы неэквивалентной, но чрезвычайно пакостной. Я вынужден теперь 10–12 часов переписывать ведомости на доставку брюк и гимнастеров, составлять отчеты сходящего содержания, просто графить бумагу. Какое занятие для без 5-ти минут дипломата, для без полчаса историка. Конечно, не за этим шел я в армию, но раз так сложились обстоятельства, то приходится делать то, что укажут. Пока я ко всему этому отношусь иронически, и с моим мировоззрением этого, надеюсь, хватит надолго, но страшно подумать, что моя писарская карьера может продлиться 2–3 года. Здесь уже не до иронии. Перспектива постепенного отупения меня нисколько не прельщает. Если бы даже мне было бы безразлично мое собственное будущее, то со страхом думаю, что ты можешь не узнать во мне своего Игрушку после возвращения. Если бы я стал вдруг глупым для тебя, это была бы для меня самая большая трагедия. Такая идиллия встречи после войны, которая описывается во "Вражде" Олдингтона, может быть и заманчива, но менее всего правдоподобна.

В канцелярии нашей несколько человек. Большинство – старые бухгалтеры и счетоводы, поседевшие и навившие геморрой на писанине. Непосредственный начальник – старый понытчик, с любезными ухватками, слащавым голосом и надоедливими и педантичными манерами. Я хотя являюсь и белой вороной, но все же сумел себя поставить, и хотя еще не вполне исправно мараю бумагу, но держусь независимо и "начальство" обходится уважительно. В ином положении Оська Розенберг, мой товарищ по несчастью, которого я, собственно, заменил на должности писаря вещевого снабжения. Он своей беспорядочностью, неуживчивостью и слабостью характера сумел составить себе плохую репутацию, и в результате им все помыкают, употребляют для посылок и проч. Не завидую!

Подумать только, что обо всем об этом приходится писать, когда только 5 дней отделяют меня от годовщины нашей женитьбы. Восхитительные воспоминания, подлая действительность. Кисуля, хотя я думаю о тебе каждую минуту, то впервые увидел тебя во сне я лишь неделю назад. Теперь ты снишься мне каждый день, причем

более и более отчетливо. Но я совсем не представляю себе твоей фигуры теперь. И никогда не увижу! Как знать, сколько будет лет нашему крошке, когда впервые его увижу. Люблю, люблю тебя беспрестаннее, все сильнее, все безнадежнее.

За последние дни я получил все твои открытки за август. Письма отца и денег еще не получал. Но, где ты находишься теперь, я не представляю. Уехала ли ты, достала ли билет, не изменила ли решения в последний момент – все это мне неизвестно, хотя я надеюсь, что это письмо ты получишь уже в Саратове.

Если же, к несчастью, ты еще в Москве, то вышли мне посылку: перчатки простые и шерстяные, свитер, пару трикотажного белья, теплые кальсоны. Если тебя уже нет, то все вышлет папа, которому я пишу одновременно – все эти вещи есть у нас в доме.

Письмо это придет с оказией, так что ответ я надеюсь получить скоро. В адресе мое небольшое изменение: вместо артдивизион нужно писать теперь "артполк, хозчасть".

Вот уже пора кончать: "уже" 11 час., а мы привыкли на батарее ложиться в 9 час. Впрочем, в канцелярии записываешься и до часу ночи.

Крепко тебя целую, нежно целую твои глазаньки, моя любимая, единственная. Жду, жду писем.

4/IX

Твой Игрушенька

P.S. – На днях мы снова переехали, и теперь день и ночь слышен гул орудий.

Все время военной жизни от июля до 22 сентября 1941 г., даты последнего письма, отец пишет моей маме, Римме Алексеевне, каждые 3–5 дней, а то и чаще, переправляя письма при любой возможности, с неожиданной оказией, полевой почтой. В большей части из них – тоска по оставленной любимой, воспоминания о счастливом довоенном прошлом.

Из писем от 7–8 августа 1941 г.:

Кисуля, милая, скучаю по тебе страшно, со страхом жду того дня в сентябре, когда мы с тобой в разных местах вспомним, что сегодня год нашего супружества. Как жаль, как обидно, что в этот день мы будем врозь. Ну, до это не самая тяжелая неприятность войны.

Родная, Римулечка! ... Чем больше свободного времени, тем чаще думаю о тебе. Как я по тебе родная, соскучился, как не хватает мне твоего присутствия. Люблю тебя, люблю. Лишь бы после войны наша общая жизнь была такой же, какой она была счастливые месяцы

10 сентября 1941 г.:

Кисуленька, с тобой связано все лучшее в моем прошлом, твой образ – символ будущего, в которое я еще верю. Может быть, настанет такое время, когда я смогу думать только о настоящем. Это будет настоящим счастьем. Но твое незримое присутствие ощущается мною слишком сильно, чтобы это могло случиться. Сегодня я видел тебя во сне. Мы катались с тобой на катке. Наверное это было лет пять назад. Я помню, как я робко пытался обнять тебя за талию: ты была в зеленом свитере и в папиных брючках. Обнял ли я тебя на самом деле – не знаю, но память сохранила мне ощущение робкого желания. Робость была и от юности и от всегданнего моего перед тобой благоговения. И вот это ощущение, это воспоминание я снова видел сегодня во сне – день годовщины нашей женитьбы. Кисуля, за это время ты не стала для меня "обыкновеннее". Ты все такая же единственная, необыкновенная, желанная. Воплощение женщины – это ты. Я буду стремиться к тебе так же, как раньше стремился в течение 6 лет. Наша встреча будет нашей второй свадьбой: мы сильно изменимся за время нашей разлуки. Но пусть мы будем все такими же нежными и "понимающими" друзьями и любовниками.

Крепко, крепко тебя целую. *Твой Игрушка*

Отец пытался подбодрить маму в ее одиноком ожидании ребенка под бомбежками в Москве.

Из письма от 20 августа 1941 г.:

Кисуля, увидеть тебя, ободрить – моя заветнейшая мечта. Но не утешай себя, что увидимся к ноябрьским праздникам: война вряд ли позволит нам свидеться в ближайшее время. Не обманывай себя на этот счет. Возможно, пройдет немало времени, прежде чем я узнаю, кто же у нас родился, как зовут нашего маленького...

Неделю спустя он пишет:

Кисуленька! Тяжелее всего для меня сознание, что ты в одиночестве, что напрасно без любви проходят лучшие твои годы. Моя нежная, ласковая Римуленька, слабенькая, так любящая чувствовать на себе внимание и заботу, осталась совершенно одна и еще в тот момент, когда она должна стать матерью. Кисуленька, тебе немедленно нужно уехать в Саратов. Оставаться дальше на месте рискованно. Но если даже все и обойдется благополучно, то тебе все равно надо быть в таком месте, где ты сможешь быть спокойной, где найдешь внимание и заботу со стороны тети Мани⁸. Я ей отправил открытку, где сообщаю о твоём намерении выехать.

Но вот наступает временное успокоение: мама вместе с бабушкой Игоря к середине сентября 1941 г. эвакуировалась в Саратов.

Из письма от 10 сентября 1941 г.:

Родная моя Кисуленька! Наконец-то из открытки Марии Афанасьевны я узнал, где ты находишься. Радость моя безмерна знать, что ты, бабушка и маленькая находятся теперь в безопасности – это все, что мне нужно...

Примерно две недели спустя он пишет последнее письмо, в котором сообщает, что намечается возможность его откомандирования в штаб дивизии в качестве переводчика, что он не сидит "сложно" и его знания еще могут пригодиться. К этому времени отец понял, что "война будет длительной" и "все более принимает облик войны 1914–1918 гг., а она продлилась с 4 с третью года! Увы!" (из последних писем от 22, 25 сентября 1941 г.)⁹.

После этого лишь отрывочные сведения об окружении 33-й армии, в которую входил 975-артполк – (последнее место службы отца), дислоцировавшейся в районе Ельни, свидетельство дальней родственницы, видевшей его в колонне военнопленных, которых гнали через этот город, а также однокашника отца по университету Ильи Ольшанского о встрече с ним в лагере для военнопленных ночью в октябре 1941 г. По голосу человека, переводившего распоряжения немецкого офицера, Ольшанский узнал отца. Встретившись с ним, Ольшанский предложил совершить побег, но отец отказался. Это обстоятельство стало известно друзьям отца – истфаковцам, однако никто из них, в том числе и профессор С.В. Бахрушин, не допускали мысли относительно его возможного предательства. Впоследствии, при обновлении к 40-летию Победы памятной доски с именами погибших на фронте истфаковцев, Совет ветеранов МГУ (с учетом информации Ольшанского) усомнился в необходимости сохранения фамилии отца, и лишь усилиями И. Ольшанского, М.Я. Гефтера, Р.С. Горелик, Я.С. Драбкина, М.Ф. Юрьева она все же была сохранена. К этой Доске мы с мамой, а затем и с моей дочерью Машей ежегодно, накануне Дня Победы, приходили, чтобы отдать дань памяти отцу и его товарищам, павшим на войне. Теперь, когда не стало мамы, сюда будут приходять вместе со мной моя дочь с сыном Алешей (ему 8 лет), он из наших рассказов знает о своем прадеде.

В надежде найти хотя бы какие-то следы пропавшего без вести мужа, мама в течение многих лет обращалась в различные военные организации, Централь-

⁸Тетка отца по матери – Мария Ивановна Мельникова.

⁹В сборнике "Голоса из мира, которого уже нет" частично опубликовано письмо от 4 сентября и полностью письма от 18, 22, 25 сентября.

Offentliche Bekanntmachung

Wegen Sabotage und Spionage wurden heute der ehemalige Rotarmist

Jgar Ssawkow, aus Moskau,
Eduard Solowjow, aus Rshew,
Nikolai Loschakow, aus Rshew,
Wassili Schidikow, aus Rshew

erschossen. Die Hingerichteten sind durch ihr Geständnis und durch Dokumente, die bei ihnen vorgefunden wurden, überführt.

Durch die Vernichtung dieser im Entstehen begriffenen Bande konnte die Stadt und Bevölkerung von Rshew vor schwerem Schaden bewahrt werden.

Der Befehlshaber der
deutschen Wehrmacht

den 1. Juni 1942.

Объявление!

Уличенные в саботаже и шпионаже бывший красноармеец

Игорь Савков из Москвы
и его соучастники:

Эдуард Соловьев из Ржева,
Николай Ложаков из Ржева,
Василий Жидиков из Ржева

сегодня расстреляны.

Вина казненных доказана найденными при них документами, а равно и их собственными признаниями.

Истреблением этой банды гор. Ржеву и его населению отвергнута большая опасность

Командующий германскими
войсками

1 июня 1942 г.

ный военный архив в г. Подольске, в Международный Красный Крест в Женеве, к канцлеру Германии Г. Колю. Но все безуспешно: либо сообщали, что не располагают никакой информацией, либо просто отмахивались.

И вдруг, как гром среди ясного неба, в марте 1990 г. телефонный звонок из Дзержинского отдела КГБ Москвы: "Римма Алексеевна, что Вам известно об Игоре Савкове? Когда имели от него последние вести?" Пригласили к себе на беседу, просили принести фотографию отца. Трудно передать потрясение мамы от этой беседы! Ей сказали, что о Савкове им ничего неизвестно, некие "товарищи" (какие именно, не сказали) просили их побеседовать с мамой и оставить его фотографию. Лишь после моего письменного обращения к председателю КГБ СССР, через месяц, в том же Дзержинском отделе КГБ мне сообщили, что материалы об И. Савкове находятся в облуправлении КГБ г. Калинин и при этом добавили: "Не волнуйтесь, Ваш отец – честный человек".

На следующий же день мама была в Калинин, в областном управлении КГБ. Однако здесь ее далее порога не пустили, выразили изумление, что по такому поводу она, 72-летняя женщина, ехала из Москвы, предложили оставить письменное заявление по интересующему ее вопросу и сказали: "Ждите ответа".

Ответа они так и не прислали. После этих встреч с органами стало ясно, что в одиночку эту стену не одолеть.

По советам друзей и рекомендации писательницы Е.М. Ржевской мама обратилась к спецкору газеты "Известия" Э.М. Максимовой. В мае 1990 г. она выехала в Калинин, в областное управление КГБ. В беседе с Максимовой, которой она добилась с большим трудом, ответственный сотрудник управления

сообщил, что никакого дела на Игоря Савкова у них не заводилось и что по этому вопросу ей следует обратиться к Евгению Степановичу Федорову. Именно он, пенсионер, в прошлом следователь Калининского управления, оказался держателем информации об отце. В 50-е годы Евгений Степанович "разрабатывал" ржевское подполье по долгу службы. Выявляя доносчиков, провокаторов, отыскивая преступников, обнаружил героев. Выйдя на пенсию, взялся за доброе дело как следует. Скучных средств, выделенных Советом ветеранов для проведения Федоровым изысканий, не хватало. И он, не считаясь со скромностью доходов, тратил свои деньги на поездки по району, в другие города для встреч, необходимых для розыска людей. В числе тех, данные о чьей судьбе он мечтал восстановить, Альбрехт Мейер, сотрудник тайной полевой полиции оккупантов (ГФП), работавший у немцев в качестве переводчика.

Только благодаря упорству, настойчивости и профессионализму Е.С. Федорову по каналам КГБ удалось получить из германского военного архива, хранящегося в Национальном музее Вашингтона (США), отчет комиссара полевой полиции Грамша от 2 июня 1942 г. с грифом "секретно" и объявление командующего немецкими войсками от 1 июня 1942 г. Евгений Степанович не владеет немецким языком, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить руководство местного КГБ помочь с переводом отчета. На это ушло почти два года¹⁰. Эти материалы пролили свет на судьбу отца с момента пленения и до его гибели. Об этом мне и маме рассказал при нашей встрече в Калинин в начале июня 1990 г. Евгений Степанович.

Лишь очень 1993 г. после многочисленных хлопот маме удалось получить через Архивное управление КГБ ксерокопии этих документов с переводом отчета на русский язык, исполненном в Калининском управлении КГБ.

Вот отрывок из этого документа:

Тайная полевая полиция.

Группа 580

Полевая почта № 17604

Дневник № 166/42, секретно

Касается отчета о деятельности части в мае 1942 г.

IV. Важные к/р мероприятия

.... 22 мая 1942 г. старший аптекарь Райбибелинг из АСП 550 во Ржеве сообщил в местную ГФП – наружная служба, что он узнал от работающей у него бывшей русской агентессы, что ее знакомые вынашивают намерение перейти на сторону Красной Армии и захватить с собой при этой возможности какие-то зарисовки и записки, которые им передал какой-то переводчик. По совету Райбибелинга девушке удалось заполучить копии этих записок и, кроме того, пистолет, владельцем которого был один из перебежчиков. На основании этих данных были арестованы 5 человек. Уже в этот же день был установлен исполнитель этих записок – бывший русский военнопленный, работавший переводчиком в наружной службе, Савков Игорь, 18.03.1919 года рождения, уроженец г. Москвы. Савков передал записки двум арестованным, которые намеревались вместе с другими арестованными перейти к русским. В результате первого ареста Савков увидел, что дело было предано. Он бежал из-под ареста, после чего извлек из своего тайника пистолет. В результате обширных поисковых мероприятий на следующий день он был задержан недалеко от линии фронта.

Савков в октябре 1941 г. попал в германский плен. В силу прекрасного

¹⁰Максимова Э.В. "Вопросы здесь задаем мы..." // Известия. 1990. 9 июня.

знания немецкого языка он был направлен в качестве переводчика в роту по снабжению. С этой частью в феврале с.г. он через Ржев–Муравьево попал в Ладыгино. Из-за близости русского фронта в начале марта он бежал, чтобы возвратиться назад к русским. При этом он заблудился и был снова схвачен для допроса. Затем он выдал себя за поволжского немца, присвоил себе имя Альбрехт Мейер и выразил готовность работать на благо интересов германского вермахта. Через 1 "У" он был сначала передан подразделению полевой жандармерии, а в начале апреля – ГФП – наружной службе. По имеющимся до сего времени данным можно достоверно предположить, что Савков был кем-то ошеломлен (так в тексте. – Н.Х.) уже при первой попытке передачи разведывательной информации. До настоящего времени он, предположительно, не смог нанести ущерба"¹¹.

Информация о финале жизни отца – в объявлении командующего германскими войсками от 1 июня 1941 г.

Почему отец на допросах назвал свое подлинное имя? Возможно, он надеялся, что когда-нибудь станет известно о его судьбе.

И это свершилось, это воспринималось как чудо. Чудом было и то, что в июне 1990 г., когда нам стало известно об истории гибели отца, неожиданно расцвел обычно скупой на цветы наш домашний листоподобный кактус – он одновременно выбросил на своих листьях 23 прекрасных цветка.

1 июня 1942 г., в день казни, отцу было 23 года.

1–2 июня 1993 г. мы с мамой побывали во Ржеве, чтобы поклониться земле, на которой погиб за Родину, за нас Игорь Савков. Но нет могилы, некуда положить цветы и горстку московской земли.

Вместо могилы – Доска памяти погибшим фронтовикам-истфаковцам и среди них – фамилия отца, да еще его фотография на стенде в Комнате боевой славы истфака МГУ. Душа и хранитель этой Комнаты – Серафима Ивановна Антонова. Она сама ушла на фронт, не сдав госэкзамены, воевала, была неоднократно ранена. После последнего ранения, выйдя из госпиталя, сдала экзамены и долгие годы была преподавателем, а затем доцентом истфака. Большой вклад внесен ею (наряду с Т.В. Равдиной и Л.Н. Раstopчиной, Р.С. Горелик, Л.В. Макаковой, Е.С. Пестковской) в сбор писем погибших фронтовиков, опубликованных в 1995 г. в книге "Голоса из мира, которого уже нет".

Наш земной поклон Евгению Степановичу Федорову из Твери, вернувшему из небытия имя Игоря Савкова. Он как будто бы воскресил, приблизил его к нам. Огромный бескорыстный труд Федорова поднял какие-то неведомые пласты Памяти, хранящиеся в душах людей, вплоть до чудес: через 50 лет я услышала живой голос отца! Он зазвучал с крошечной пластинки (так называемое "Говорящее письмо"), на которой в 1940 г. он и его друг Лев Сечан, погибший в начале войны, поздравляли сокурсника Михаила Юрьева с днем рождения. Эта пластиночка была найдена и передана маме вдовой М. Юрьева – Марией Вениаминовной, с которой она не была знакома. В одном из московских архивов, куда мама обратилась за помощью, помогли эту запись восстановить.

Итогом трудов Е.С. Федорова стала книга "Правда о военном Ржеве" (Ржев, 1995). Он послал ее в Германию бывшему оберлейтенанту Аренсу, начальнику "Абвера" 6-й пехотной дивизии. Книга уже наполовину переведена и должна выйти в свет в Германии¹².

Письмо Е.С. Федорова об этом маму уже не застало, она скончалась 23 декабря 1995 г. Не суждено ей также узнать, что с помощью Евгения Степановича, возможно, будет осуществлено ее желание: имя отца занесут в список

¹¹Отрывки из отчета и объявление опубликованы, см.: Голоса из мира, которого уже нет. С. 150–153.

¹²Из письма Е.С. Федорова Р.А. Савковой от 27 декабря 1995 г. (Хранится в семейном архиве).

военнослужащих, погибших при защите Родины. 9 февраля 1996 г. Управление ФСБ Тверской области сообщило: "...на основании имеющихся в нашем архиве материалов нами направлено отношение в отдел учета потерь рядового и сержантского состава Центрального архива Министерства обороны РФ, где Савков И.В. значится пропавшим без вести. В нашем письме мы указали, что Ваш муж был расстрелян немцами в Ржеве и попросили выслать Вам об этом соответствующую справку. Надеемся, что после того, как будут произведены изменения в учетах в отношении Савкова И.В., Вам будет выслана из ЦАМО справка..."

А мы уже не надеемся...

Н.В. Александрова

**А.А. ДЕМСКАЯ – АРХЕОГРАФ И ИСТОРИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ**

Целостная картина интеллектуальной жизни Москвы складывается из множества дел, поступков и работ таких скромных тружеников науки, как Александра Андреевна Демская (1917–1994). Эта статья об архивисте, археографе, историке крупнейшего культурного центра столицы – Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ).

А.А. Демская родилась в Туапсе в семье инженера-геолога. В 1940 г. окончила Московский государственный историко-архивный институт. Профессиональные знания, тонкое и точное понимание задач архивиста – вот что всегда отличало А.А. Демскую. Первый опыт самостоятельной работы (сразу после получения диплома) – директор Государственного архива Кабардино-Балкарской АССР в Нальчике. В годы войны эта волевая и самоотверженная женщина спасала и сохраняла документы ведомственных архивов, работала в госпитале, затем попала в партизанский отряд – горький и тяжелый период жизни.

В августе 1951 г. Демская стала научным сотрудником ГМИИ. С этого момента ее судьба связана с музейным архивом (отделом рукописей). Его первая заведующая Н.Н. Клейн (вдова академика Р.И. Клейна, автора проекта здания Музея) начала организовывать подлинно научный отдел. Благодаря своей профессиональной увлеченности и неутомимой деятельности Демская внесла исключительный вклад в формирование фондов и их изучение. Архив этот несет печать ее восприятия архивоведения как симфонии, диалога людей прошлого и настоящего, их взаимосвязи через звено исторического источника. Сказанное относится к комплектованию, составлению описей, аннотированию и описанию рукописей. Александра Андреевна понимала сложность отражения факта в письменном источнике и делала все для того, чтобы сберечь те материалы, которые, как правило, мало сохраняются в государственных хранилищах. Прежде всего это документы личного происхождения. Фонды и коллекции основателей и старейших сотрудников Музея, крупнейших искусствоведов, художников и коллекционеров составляют гордость данного архива. Поддерживая дружеские отношения с семьями Цветаева, Клейна, Демская осуществляла живую связь времен, способствовала передаче в хранилище рукописей, мемориальных вещей.

Ряд коллекций отражает личные научные интересы историка, тонкое понимание "правды прошлого". Еще в начале 60-х годов Демская стала изучать судьбы российских меценатов и коллекционеров. Постепенно накапливался материал к истории собраний Щукиных, Морозовых, жизни и деятельности Ю.С. Нечаева-Мальцова. Эти документы сегодня активно используются учеными.

В архиве хранят не только собственно документы личного происхождения, но и те вещи, которые помогают лучше понять характер их владельцев: детали интерьеров, мебель, портреты, картины, книги, и другие предметы¹. К источнику

¹ Основную часть личного фонда А.А. Демской в ОР ГМИИ составляют научные материалы, в том числе неопубликованные.

в архиве относятся не как к казенной "единице хранения", а как к памятнику эпохи.

Внимание к детали – отличительная черта Демской-архивиста. Она придавала большое значение нюансу в анализе исторической информации и сделала многое для того, чтобы сохранить богатство красок в картине прошлого. Например, фонд ГМИИ (Ф. 5), состоящий из делопроизводственной документации, значительно дополнен коллекцией пригласительных билетов на выставки, концерты, научные заседания.

В архиве всегда стремились собирать максимально полную информацию о просветительской деятельности Музея. Отметим, что в период, заслуженно связанный с именем И.А. Антоновой, директора ГМИИ с 1961 г., Музей получил мировое признание, занял одно из ключевых мест в культурной жизни Москвы.

С.О. Шмидт как-то сказал, что архивист – профессия футуристическая. Результаты кропотливого повседневного труда работают на будущее. Усилия, затраченные А.А. Демской по созданию отдела рукописей, послужили последующим поколениям ученых.

Подлинный архивист не может не быть археографом. Серию публикаций документов "Из архива ГМИИ", предпринятую под общей редакцией И.Е. Даниловой, открыл двухтомник, рассказывающий о воплощении идеи Музея изящных искусств в Москве². Это издание – первый шаг к создающейся документальной истории Музея. Сборник является характерным примером научной жизни 70-х годов, когда предпринимались попытки написать более объективную историю русской культуры конца XIX–начала XX в. Отметим, однако, такую деталь: составители были вынуждены отточием заменять императорские имена и титулы в текстах.

В 80-х годах последовали две фундаментальные публикации документов В.С. Голиничева и П.Д. Эттингера³. Последней большой работой стал сборник документов о рождении Музея⁴.

Главными научными темами Демской были создание музея и его история⁵. В будущем наблюдения исследователя-первооткрывателя могут быть существенно дополнены. Однако разработки историка важны как первая путеводная нить по прошлому Музея. В архиве сохранена широкая источниковая база по различным аспектам проблемы.

Специально изучалось происхождение художественной коллекции Музея⁶. Кроме того, А.А. Демская разрабатывала историю собирательского дела в России задолго до того, как это стало модной темой 90-х. С середины 60-х годов ею опубликованы статьи, посвященные деятельности П.Д. Эттингера, С.И. Щуки-

² История создания музея в переписке И.В. Цветаева с Р.И. Клейном и других документах (1896–1912): Их архива ГМИИ им. А.С. Пушкина / Авторы-сост. А.А. Демская, Л.М. Смирнова. М., 1977. Т. 1–2. При подготовке статьи была использована библиография трудов А.А. Демской, составленная М.Б. Аксененко (ОР ГМИИ. Ф. 66. В настоящее время еще не обработан.)

³ Выдающийся русский востоковед В.С. Голиничев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912): Из архива ГМИИ. М., 1987. Вып. 3. (А.А. Демская – член кол. сост. и авт. примеч., в соавт. с М.Б. Аксененко подготовлены биограф. сведения, указ. имен); П.Д. Эттингер. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников / Сост. А.А. Демская, Н.Ю. Семенова. М., 1989.

⁴ И.В. Цветаев создает музей: Сборник архивных материалов по истории Музея изящных искусств в Москве / Сост. и коммент. А.А. Демская, Л.М. Смирнова, М., 1995.

⁵ Демская А.А. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1979; 2-е изд. 1983.

⁶ Демская А.А. Из истории собрания картинной галереи ГМИИ (1924–1934) // Тезисы докладов научной конференции, посвященной итогам работы ГМИИ, 1967. М., 1968. С. 3. (Далее: ТДНК); История коллекций по архивным документам / Сост. А.А. Демская // Музей 3: 70 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина, М., 1982. С. 196–215.

на, И.А. Морозова, И.С. Остроухова, кн. Голицыных, Ю.С. Нечаева-Мальцова⁷. Была написана важная страница истории русской культуры, возвращены из незаслуженного забвения забытые имена. Демскую всегда отличало внимание к личности деятелей культуры, искусства и к событию "второго плана", которые для объективного понимания прошлого, не менее важны, чем яркие события. Для Демской самостоятельное значение имело изучение "судеб" зданий Музея, его окрестностей⁸. Московское краеведение было для нее логическим продолжением работы по изучению судьбы Музея.

А.А. Демская видела одну из главных своих задач в распространении знаний, культуры. "Чувство собственности" на открытие, информацию было не свойственно архивисту. Александра Андреевна доброжелательно делилась полученными сведениями с сотрудниками Музея, журналистами, авторитетными специалистами-историками, со студентами, со школьниками-практикантами, заслуженно пользуясь авторитетом знатока архива музея, опубликованных и неизданных источников по истории русской культуры XIX–XX вв.⁹ Она была человеком твердых нравственных убеждений и большой душевной отзывчивости.

Архив – это не только собрание рукописей, это ум и душа работавших над тем, чтобы хранилище бумаг стало живым научным организмом. Жизнь и деятельность А.А. Демской – высокий образец исполненного профессионального долга.

⁷ Демская А.А. Собрание Эттингера в ГМИИ // ТДНК ГМИИ, 1965. М., 1996. С. 6–7; Она же. С.И. Щукин и история его собрания // Там же, 1971. М., 1971. С. 20; Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... М., 1993; Демская А.А. К истории собирательской деятельности И.А. Морозова // ТДНК, ГМИИ, 1973. М., 1973. С. 18–19; Она же. Остроухов И.С. – собиратель западноевропейского искусства // Там же, 1976. М., 1977. С. 17; Она же. Новые сведения о благотворительной деятельности кн. Голицыных // Там же, 1979. М., 1980. С. 24–25; Она же. Москва обязана ему музеем // Огонек. 1992. № 20/21. С. 31–33 (в рубрике: Российские меценаты).

⁸ Демская А.А. Историческое прошлое дома графики ГМИИ // ТДНК ГМИИ, 1975. М., 1976. С. 23–24; Демская А., Смирнова Л. Музей на Волхонке. М., 1982; Демская А.А. Здание дома графики // Музей 3. С. 214–244; Демская А.А., Смирнова Л.М. Вокруг Колымажного двора // Куранты: Историко-краеведческий альманах. М., 1983. С. 268–273.

⁹ См.: Кончин Е.В. Былого ищут следы... М., 1984. С. 20; Александров А.А. Из истории архива ГМИИ им. А.С. Пушкина // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 5–11. Некролог А.А. Демской см.: Вечерняя Москва. 1994. 31 янв.

И.В. Барышева

АНДРЕЙ ЧЕСЛАВОВИЧ КОЗАРЖЕВСКИЙ – МОСКВОВЕД

А.Ч. Козаржевский родился в Москве 19 августа 1918 г. в семье служащих. Жили они рядом с церковью Ильи Обыденного и были ее прихожанами. Лет с пяти маленький Андрюша помогал в церкви сначала как служка, потом, научившись читать, как чтец. Детство его проходит около храма Христа Спасителя, где он, играя со сверстниками и стал свидетелем его варварского разрушения. Детские впечатления сохранились на всю жизнь и определили во многом его судьбу.

В начале 90-х годов мне очень интересно было с ним ходить на выставки работ Павла Корина: персонажи картин представляли для него не только исторических личностей, как для большинства из нас, но и живых людей, которых он знал: "этому я помогал на службе", "эту парчовую ризу я видел и держал в руках", "этого протодиакона я слышал много раз", "эта монашка – знакомая нашей семьи" и т.д.

В 1941 г. А.Ч. с отличием закончил отделение классической филологии Московского Института философии, литературы, истории, получив рекомендацию в аспирантуру. Через пять дней началась война. Он записался добровольцем в ополчение, но из-за туберкулеза легких на фронт его не взяли. Наркомпрос направил его преподавать русский язык и литературу в среднюю школу Красноярского края. После войны, в 1947 г., он, окончив аспирантуру филологического факультета МГУ, работал в городском Педагогическом институте им. Потемкина, а с 1953 г. и до конца своих дней – на кафедре древних языков исторического факультета МГУ, которой стал руководить с 1967 г. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «"Киропедия" Ксенофонта Афинского как историко-литературный памятник IV в. до н.э.». В 1961 г. получил ученое звание доцента, а в 1985 г. – профессора.

А.Ч. был человеком широко образованным, многогранные интересы которого проявились в его научной и педагогической деятельности (преподавание латинского и древнегреческого языков, античное ораторское искусство, спецкурсы по Новому завету, лекции по мастерству устной речи, кстати, у него самого, коренного москвича, было великолепное московское произношение, аудио-визуальные лекции по памятникам мировой и отечественной истории и культуры).

Никто никогда не поручал ему готовить тот или иной курс лекций. Инициатива всегда исходила от него. А.Ч. занимался только тем, что его кровно интересовало, что он любил, что считал важным. Подготовив цикл занятий, лекций по какой-либо теме, он предлагал его в качестве факультативного. Но успех, которым пользовались его лекции, мог превратить их в обязательные, что и случилось с курсами "Памятники отечества" и "Мастерство устной речи" на историческом факультете. А.Ч. не мог не делиться своими знаниями, а порой и эмоциями, он должен был обязательно выплеснуть их на занятиях, лекциях, в выступлениях на различных отечественных и зарубежных конференциях, на Ломоносовских и Сергиевских чтениях. Все занятия и лекции несли на себе субъективный и эмоциональный отпечаток его незаурядной натуры. Он был человеком страстным, сеявшим "разумное, доброе, вечное".

А.Ч. читал лекции не только в родном МГУ, но и в других вузах и учреждениях Москвы (вплоть до аппарата председателя президиума Верховного Совета СССР и КГБ), а также во многих городах Сибири, Дальнего Востока, Грузии, Литвы, Латвии, Западной Украины.

Во всех областях, которыми занимался А.Ч., он оставил заметный след: это учебники латинского и древнегреческого языков, очень популярные в нашей стране, выдержавшие несколько изданий, монография "Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы" (М., 1985), "Московский православный месяцеслов" (М., 1995), "Мастерство устной речи лектора" (М., 1983) и др. Будучи скорее из златоустов, а не из пишущих кабинетных ученых, память о себе он оставил в основном как лектор или, вернее, как Учитель. Он так и говорил о себе: "Я учитель". Был награжден многими почетными грамотами и дипломами, медалями (в основном юбилейными), но предметом его гордости стал Диплом лауреата Ломоносовской премии "за блестящее лекторское мастерство".

Прекрасный знаток Москвы, Подмосковья, древнерусских городов, где он бывал не один раз, А.Ч. много ходил, ездил, один, со мной, с друзьями, со студентами. И все время фотографировал, фотографировал. Черно-белые фотографии со временем сменились цветными диапозитивами. Почему не цветными фотографиями? Но ведь их можно показать на большом экране, в большой аудитории! А.Ч. не раз говорил, что, когда он замечает нечто прекрасное, прежде всего сожалеет о том, что этого не видят другие.

А.Ч. рассказывал слушателям только о том, что видел собственными глазами и заснял своим аппаратом. Так родились его лекции по Литве, Латвии, Эстонии, Болгарии, Греции, Польше, Чехословакии, Дании и, конечно, по Москве и древнерусским городам. В его архиве сохраняются многие сотни диапозитивов, которыми пользуются сейчас.

В последние годы А.Ч. руководил университетским бюро ВООПИК и был членом Экспертно-консультативного совета при Главном архитектурном управлении Москвы. Еще в 60-е годы в МГУ был создан кружок по изучению Москвы и Подмосковья, формально приписанный к Дому культуры на ул. Герцена. За счет университета студенты и сотрудники могли совершать автобусные экскурсии не только по Москве и Подмосковью, но и в города за пределами Московской области.

Вся Москва территориально и исторически была поделена на 11 (если не ошибаюсь) экскурсий, к каждой из которых А.Ч. тщательно готовился, вплоть до того, что намечал рациональный маршрут для автобуса, указывал даже правый и левый повороты, отмечал улицы с односторонним движением, места остановок и т.д. (за что университетские шоферы были ему очень благодарны, любили с ним ездить и с интересом слушали его объяснения по ходу экскурсии). За годы работы кружка была составлена фототека многих неучтенных памятников архитектуры, выявлено и зафиксировано их состояние, что помогало взятию их под охрану и дальнейшей их реставрации.

До последнего времени, пока держали ноги, А.Ч. с фотоаппаратом объезжал вновь открывающиеся церкви и вносил их в свой реестр. Уже находясь в больнице, он правил гранки "Московского православного месяцеслова", выход в свет которого ему не довелось увидеть.

Лекции о Москве, читанные А.Ч. в МГУ, в знаменитой 6-й аудитории 1-го гуманитарного корпуса, формально были предназначены для студентов 1-го курса исторического факультета. Но послушать его приходили студенты других факультетов, сотрудники и преподаватели университета, даже люди, не имеющие никакого отношения к МГУ (Об этом я узнала в трагическое время, придя в поликлинику Олимпийской деревни за лекарствами для умирающего А.Ч. "Как?! Тот самый А.Ч., на лекции которого в 6-ю аудиторию сбегалась вся Москва?!

Мы тоже ходили на его лекции", – горестно воскликнула врач.) Свободных мест не было, сидели на ступеньках амфитеатра, на окнах, стояли вдоль стен. Каждая лекция кончалась громом аплодисментов. И А.Ч. был в эти минуты необыкновенно счастлив, видя перед собой неравнодушные, радостные лица.

В течение нескольких лет Политехнический музей выпускал абонементы лекций А.Ч. об архитектурных и исторических памятниках Москвы ("Москва златоглавая") и Подмосковья. Трудно перечислить места, где он выступал с лекциями и воспоминаниями о Москве: Дом ученых, Погодинская изба, общество "Старая Москва" при Исторической библиотеке и др. Фирма "Диафильм" заинтересовалась работой А.Ч. и выпустила с ним три серии диапозитивов с сопровождающим текстом.

А.Ч. продуманно выстраивал свои лекции: нужно было органично сочетать визуальную часть – цветные диапозитивы – с многослойной аудитивной частью – объяснения, попутные комментарии, личные воспоминания, лирические отступления, чтение стихов и т.д. Но было немало импровизационного, так сказать, пришедшегося "к слову". И музыка. Музыка (в записи на кассетах) сопровождала почти все его лекции о памятниках истории и культуры. Сам он, не умея играть на музыкальных инструментах, о чем сожалел всю жизнь, обладал очень тонким музыкальным слухом и прекрасной музыкальной памятью. А.Ч. хорошо знал русскую и зарубежную классическую музыку, современных композиторов, музыкантов и дирижеров. Еще учась в ИФЛИ, он посещал до 30 симфонических концертов в год. Подробно о музыкальной жизни Москвы в 30–40-е годы А.Ч. рассказал в своих воспоминаниях, которые были опубликованы в "Московском журнале". Прекрасно знал он и русскую духовную музыку, слушал лучшие хоры под управлением лучших регентов. И все свои знания, все свои впечатления от прекрасного – архитектуры, поэзии, литературы, музыки – стремился донести до слушателей. Будучи сам духовно богатым человеком, он щедро делился с ними своим богатством.

Очень хорошо А.Ч. помнил детали московского довоенного быта. Живо, с массой интереснейших подробностей, сейчас уже ушедших из нашей жизни, он рассказывал о звуковом фоне Москвы 20–30-х годов. Стук колес по булыжной мостовой, цоканье лошадиных копыт, скрежет трамваев и их пронзительные звонки, звуки клаксонов "линкольнов", "бьюиков", "паккардов", стрекотанье самолетов-бипланов в небе, неповторимый гомон у Иверских ворот и Казанского собора во времена нэпа: торговцы, перекрикивая друг друга, предлагают свой товар. (Именно там Маяковский услышал знаменитые "бюстгальтеры на меху", которые вставил в своего "Клопа"). Трещат китайские трещотки, пицчат "уйди-уйди", кричат мальчишки-продавцы газет, старьевщики – "старье берем", мастера – "точить ножи-ножницы". Звуки шарманки, скрипки бродячего музыканта. Пионерские отряды, маршируя, поют "Взвейтесь кострами, синие ночи" или скандируют: "Раз-два, Ленин с нами. Раз-два, Ленин жив". Приведу цитату: "В звуковой фон по утрам вплетались фабричные и заводские гудки, которые, как ни странно, не угнетали. Живя у храма Христа Спасителя, я различал их по тону: вот гудит Бутиковская фабрика, вот заголосил Эйнем (в народе долго держались дореволюционные названия). Своеобразные звуки раздавались у Арбатской площади: во дворе бывшего Александровского военного училища производилась учебная стрельба; об этом писала Надежда Павлович в стихотворении, посвященном андреевскому памятнику Гоголю"¹.

И не забудем, что до 1930 г. еще звонили колокола храма Христа Спасителя и других церквей...

Поскольку А.Ч. не писал монографий о Москве, а скорее рассказывал о ней

¹ Моск. журнал. 1995. № 10. С. 24.

и показывал ее достопримечательности, его статьи похожи на экскурсии, посвященные какой-либо одной теме.

Очень энергичный, А.Ч. жил интенсивной жизнью до последних месяцев отпущенного ему судьбой срока. В общении с людьми он был мягким, доброжелательным, но становился вспыльчивым, резким, упрямым, видя грубость, хамство или халтурную работу. Его хорошо знали в Москве и за ее пределами. Звонили ему по разным вопросам даже незнакомые люди, и он терпеливо беседовал с ними. Этот шквал телефонных звонков по вечерам удручал меня, и я сердито говорила: "Можно подумать, что номер нашего телефона висит на каждом столбе". Но он, хоть и уставал, был доволен, что нужен людям.

Один из слушателей А.Ч., доцент-химик, посетивший лекции по памятникам истории и культуры, оставил такую запись: "Нежно-саркастичный, галантный и изумительный Андрей Чеславович своей непостижимой верой в людей, тонкостью восприятия мира, располагающей незащищенностью, духовностью высшего порядка, неустанным стремлением к укреплению утончающейся связующей нити времен пробуждает в нас веру в Добро, надежду на Исцеление и любовь к Красоте. Низкий поклон за это"².

Его любимое выражение: "Время бытия течет, почто все мятемся?" (Великий покаянный канон Андрея Критского). Но последнее, думаю, к нему не относилось...

26 марта 1995 г. А.Ч. Козаржевского не стало.

ТРУДЫ А.Ч. КОЗАРЖЕВСКОГО О МОСКВЕ

Пропаганда памятников культуры на историческом факультете Московского университета // ВМУ. 1985. № 4.

Ленинский район – центр истории, культуры, архитектуры // Моск. ун-т. 1987. 1 мая.

Я вас люблю, столица [Интервью] // Там же. 1987. 8 сент.

Социально-исторические основы топонимики московских культовых сооружений // ВМУ. 1988. № 4.

А.И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Там же. 1989. № 1.

Знаем ли мы столицу? // Моск. ун-т. 1989. 16 янв.

По улице просвещения (Никольская) // Там же. 1989. 27 апр.

По бывше Варварке // Там же. 1989. 3 нояб.

Ожерелье центральных площадей // Там же. 1990. № 9.

Художественно-историческая ценность интерьеров действующих московских храмов // ВМУ. 1991. № 1.

По древнему Остожью // Моск. ун-т. 1991. № 8.

Как это сказать по-московски? [Интервью] // Моск. комсомолец. 1991. 1 авг.

Храм Ильи Обывденного в 1920–1930-е годы // Моск. журнал. 1992. № 5.

Заметки о церковно-приходской жизни в 1920–1930-е годы // Журнал Московской патриархии. 1992. № 11–12.

Улица-музей (Пречистенка) // Моск. ун-т. 1993. № 3.

Вези меня, извозчик, на Арбат... // Там же. № 7.

Интервью с А.Ч. Козаржевским // Татьяна день. 1995. № 1.

Звуковой фон Москвы 20-х–30-х годов // Моск. журнал. 1995. № 10.

Московский православный месяцеслов. М., 1995.

Воспоминания о храме Христа Спасителя // Моск. журнал. 1996. № 1.

О музыкальной жизни Москвы в 1930–1940-е годы // Там же. 1996. № 5.

Из воспоминаний об ИФЛИ // Там же. 1997. № 1.

² Цит. по: Федорова Е.В. Андрей Чеславович Козаржевский // ВМУ. Сер. 8: Ист. 1996. № 2. С. 65.

К этому списку надо добавить три серии диапозитивов с брошюрами: Памятники зодчества старой Москвы. М., 1987; Что таят московские дворы. М., 1988; Возрожденные памятники московского зодчества. М., 1990.

РАБОТЫ О А.Ч. КОЗАРЖЕВСКОМ

Историки и краеведы Москвы: Некрополь. М., 1996. С. 86–87.

Московеды: Справочник. М., 1996. С. 65.

Майорова Н.Г. Слово об учителе // ВМУ. 1966. № 2. С. 66–67.

Федорова Е.В. Андрей Чеславович Козаржевский // Там же. С. 60–66.

Волчков В. Дух истины и дух лжи // Радонеж. 1996. № 8. С. 5.

Махнач В. Просветитель "милостью Божией" // Там же. 1995. № 1. С. 6.

Бородина Л.В. Рец. на кн.: А.Ч. Козаржевский. Московский православный месяцеслов // Журнал Московской патриархии. 1995. № 6–8. С. 71.

Памяти Андрея Чеславовича Козаржевского // Татьянин день. 1995. № 3. С. 4–7, 10–13.

Оратор на все времена [Интервью] // Поиск. Еженед. междунар. газ. 1993. № 4.

Войтович Т. Последний из могикаи? // Моск. ун-т. 1992. № 6.

В.В. Леонидов

АЛЕКСАНДР ЦВЕТКОВ (ВАДИМОВ) И ЕГО КНИГА О Н.А. БЕРДЯЕВЕ

"Александр Вадимов (Александр Вадимович Цветков) родился в 1965 г. Окончил Библиотечный факультет Московского государственного института культуры, учился в Московской духовной семинарии. На основе своей коллекции, собираемой с 1984 г., создал Музей Н.А. Бердяева, хранителем которого является в настоящее время. Печатается в периодических изданиях. Женат, имеет дочь. Живет в Москве", – читаем на суперобложке книги Вадимова "Жизнь Бердяева. Россия"¹.

Это блестящее биографическое исследование жизни Бердяева до эмиграции, написанное на уникальных материалах из собраний частных и государственных архивов, издана тиражом 300 экземпляров. Саша Цветков взял ее в руки за две недели до смерти, последовавшей от рака лимфатических узлов 28 августа 1993 г.

А музей?

"Да благословит Бог Ваше чудесное начинание, которое будет (и уже есть) важнейшей вехой в возрождении духа в нашей стране". Такую запись оставил в книге посетителей домашнего музея Николая Бердяева отец Александр Мень. Музей, как уже можно легко догадаться, располагался на квартире Цветкова, его первого и последнего директора.

Сам Цветков любил рассказывать, что идея создать музей возникла у него во время службы в армии, в Карелии. Сидел, подкидывал уголь в огненную пасть кочегарки и подумал: а не создать ли музей Бердяева? Напомним, что до перестройки было еще далеко, и имя автора "Истоков русского коммунизма" было, мягко говоря, не в чести, тем более для человека в погонах. Но Саша, как-будто забыв о времени, в котором жил, стал с ходу реализовывать свою идею. Один из его сослуживцев оказался внучатым племянником Петра Струве (1870–1944), в ту пору проклятого на всех курсах истории КПСС, и экспозиция музея началась с ложки, некогда бывшей в семье Петра Бернгардовича. Затем последовали книги, автографы, даже пианино, на котором играл Скрябин.

Как рассказать о Саше Цветкове, музее Бердяева и книге "Жизнь Бердяева. Россия"? С чего начать? Может, с его экскурсий "Бердяев в Москве"?

Он начинал их в центре, как правило, с разных мест. Высокий, кудрявый, курил папироску и ждал, пока все соберутся. А дальше были часы незабываемого общения с ним и Москвой начала века. Первая квартира философа в доходном доме Минкина на углу Армянского и Кривоколенного переулков, знаменитый особняк Маргариты Кирилловны Морозовой, в котором проходили религиозно-философские собрания, здание на пересечении Знаменки и Ваганьковского переулка – там была редакция журнала "Путь". Последняя квартира Бердяева на Большом Власьевском, где зарождалась Вольная академия Духовной культуры. Маршруты каждый раз немного менялись: Саша не любил повторяться. Леонтьевский переулок, а затем Большая Никитская, куда переехала

¹ Вадимов А. Жизнь Бердяева. Россия // Berkley Slavic Literatur (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts). Berkley, 1993. Vol. 29. 289 p.

Московская лавка писателей, воспетая Михаилом Осоргиным и Борисом Зайцевым. Между Поварской и Мерзляковским переулкам помещение Высших женских курсов, где гремели речи участников Вольной академии, Российская академия художественных наук в здании Поливановской гимназии на Пречистенке – там выступал Бердяев.

...1976 или 1977 год. Стройный, чем-то напоминавший лицеиста Пушкина мальчик вошел в Московские мемориальные комнаты Гоголя и строго спросил у сотрудников, почему обстановка не совпадает со свидетельствами современников. Сотрудники чуть не попадали от изумления – остались же еще такие дети! Потом он стал там родным и всерьез решил реконструировать несохранившуюся библиотеку автора "Мертвых душ". Собирал гравюры, книги, часть из которых впоследствии безвозмездно передал в мемориал Гоголя на Суворовском бульваре. Затеял переписку с замечательным исследователем творчества Гоголя Игорем Золотусским. Согласитесь, не самое обычное времяпрепровождение для московского мальчика, родившегося в Химках.

Еще до окончания школы, в 1981 г. произошло событие, во многом определившее его жизнь. Он посетил Оптиную пустынь. Это сейчас никто не удивится, что человек, решивший посвятить жизнь творчеству Гоголя отправился в "Оптину завязь". А ведь тогда было время спецхранов и запретных тем, куда почти полностью входила и русская религиозная философия, которой Саша "заболел" навсегда.

От Гоголя совсем чуть-чуть до Достоевского, до Киреевских, Леонтьева. Побывав в Оптиной, Цветков совершенно серьезно вознамерился создать Литературный мемориал, посвященный пребыванию там русских писателей. Его "наивность" обескураживала, не то чтобы предвидел перемены, он просто не сомневался в их необходимости.

Тем же летом Саша крестился, естественно тайно.

Затем он поступил в Московский государственный институт культуры, со второго курса которого его призвали в армию. Но еще до этого он успел прочесть ходивший среди студентов ксерокопированный текст ныне почти хрестоматийной статьи Бердяева "Духи русской революции", вошедшей в свое время в знаменитый сборник "Из глубины". Потрясение от прочитанного было огромным. Во всяком случае, "бердяевский период" Саша отсчитывал именно с этого запретного чтения.

Из армии он писал своему другу, ныне известному журналисту и историку Ярославу Леонтьеву: "Знаю только, что для людей мыслящих и чувствующих – армия действительно лишение. Лишение всего. Любимого дела, привычной обстановки, друзей, книг и т.д., и т.п., даже ход мыслей меняется – ибо диаметрально противоположна (нелогична, иррациональна, эфемерна) пища для ума и души... Жизнь везде есть жизнь, и надо остаться человеком среди людей. Это Достоевский. Жить, оказывается, можно везде. Я разумею интеллектуальную, внутреннюю жизнь. Остальное наворачивается"².

Уволившись в запас в конце 1985 г., он восстановился на дневном отделении Института. Первые ветры свободы подстегнули его, и началась фантастическая работа по созданию музея.

Уже потом, когда его не стало, выступая на вечере памяти Саши в Московском доме ученых, режиссер Андрей Смирнов говорил: "Понимаете, ну кругом эта поганая жизнь, и никто ни во что не верит, а приходит этот мальчик и говорит о музее Бердяева. И глаза горят, и такой он светлый, чистый".

Цветков перевелся на заочное, постоянно посещал букинистические магазины,

² Леонтьев Я.В. Короткий, но плодотворный путь: Памяти А.В. Цветкова, 1965–1993 // Библиография. 1994. № 2. С. 121; Плутник А. Сигнал // Известия. 1997. 24 апр.

собирал и собирал материалы. Работая старшим методистом в научно-методическом отделе Педагогической библиотеки им. К.Д. Ушинского, одновременно проходил клиросное послушание в Успенском храме Новодевичьего монастыря. Огромную роль в его научных изысканиях сыграла переписка с ярославским протоиереем Борисом Старком, до войны служившим в церкви на русском кладбище Сен-Женевьев дю Буа под Парижем, и Николаем Полторацким, профессором Университета в Питтсбурге, еще в 1954 г. защитившим в Сорбонне диссертацию "Бердяев и Россия". К годовщине ухода Бердяева из жизни Саша выпустил буклет "Н.А. Бердяев: к 40-летию со дня смерти", а через несколько дней, в марте 1988 г., состоялось открытие домашнего музея Бердяева, сопровождавшаяся показом слайдфильма "Бердяев в Москве".

Впоследствии он не раз разворачивал свою коллекцию в различных музеях и библиотеках. Пользуясь затертым музейно-историческим штампом, ее можно было бы назвать "Бердяев и его эпоха". Автографы философа были представлены на ней вместе с открытками начала XX в., портретами людей, окружавших мыслителя. Семейные реликвии, письма жены и брата Бердяева, книга "Духовный кризис интеллигенции" с автографом Николая Александровича В.Ф. Эрну.

1988 год вообще очень много значил в его жизни. Он поступил в Московскую Духовную семинарию, увидели свет первые публикации в "Книжном обозрении" и "Нашем наследии"³. Александр уже был женат, и почти одновременно с рождением дочери в марте 1989 г. пришлось оставить Семинарию.

Знакомство с Александром Менем обернулось для Саши не только обретением духовного отца: священник пригласил его в редсовет газеты "Совершенно секретно". Тогда же Саша принял помощь Юлиана Семенова (как спонсора) в создании будущего музея и возвращении наследия Бердяева. Заручившись обещанием непременно выпустить его "Самопознание", Саша приступил к работе в ЦГАЛИ, где хранится архив философа. Тщательно вычитывалась и сверялась рукопись, так как готовилось наиболее полное издание. Одновременно с этим он работал над новым, как сейчас говорят, проектом-ежегодником "Прологомены".

«Буквальный перевод этого греческого слова – "введение", "приготовительный курс" – в данном контексте приобретает как бы два смысловых оттенка. Прологоменами в широком смысле слова можно поименовать практически все исследования по истории русской идеалистической мысли, проводимые сейчас в нашей стране... Озаглавливая ежегодник таким образом, мы еще раз подчеркиваем абсолютную неокончателность суждений, высказываемых авторами публикуемых материалов... Мы надеемся, что подборка материалов первого выпуска покажется Вам интересной. В дальнейшем мы предполагаем продолжить печатание писем Бердяева, неизвестных откликов на его книги и других архивных документов, а также представить вниманию читателей публикации, освещающие историю рода Бердяевых и судьбы отдельных его представителей, материалы мемуарного характера, библиографические списки и рецензии»⁴. Замысел, как видим, был очень хорош. И первый сборник почти собран. Почти...

Александр очень много внимания уделял архивам, им было сделано немало блестящих находок. Например, в фонде В.В. Водовозова он обнаружил неизвестную статью Н.А. Бердяева "О религиозном значении Льва Толстого"⁵. Философ написал статью по просьбе Комитета Всероссийского съезда журна-

³ Бердяев Н.А. Русский культурный ренессанс начала XX века / Предисл. и подготовка текста А. Вадимова // Книжное обозрение 1988. № 52; Он же. Самопознание: (Фрагменты книги) / Вступ. ст. публ. и примеч. А. Вадимова // Наше наследие. 1988. № 6.

⁴ См.: Леонтьев Я.В. Указ. соч. С. 124.

⁵ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2727. Л. 1–10.

листов, готовившихся к 80-летию юбилею великого писателя. Цветкову удалось опубликовать эту уникальную находку⁶. В июне 1989 г. он продемонстрировал свою коллекцию уже перед телезрителями московского канала. Тогда эта программа называлась "Добрый вечер, Москва". Большое впечатление на участников советско-американской конференции на тему "Человеческое достоинство в еврейской и христианской традиции" произвел доклад Саши "Анти-семитизм против христианской совести. Интерпретация Н.А. Бердяева". Там же он снова показал свою коллекцию. Этой теме Александр посвятил публикацию в газете⁷.

1990 год был, наверное, его самым "звездным" годом, у него словно выросли крылья. Казалось, все шло так хорошо и так хорошо получалось. Только сужался срок до начала этой страшной болезни. Может, она уже была в нем, но кто, общаясь с этим обаятельным парнем, пробывавшим свои фантастические идеи, мог даже подумать о чем-нибудь подобном?

В 1990 г. в издательстве ДЭМ увидело свет "Самопознание". Саша считал появление этой книги на российских книжных прилавках важным этапом в нашей истории и очень гордился, что смог ее подготовить к печати. Изданию книги предшествовала тончайшая текстологическая работа. Основой, как уже говорилось, послужила рукопись, хранящаяся в РГАЛИ⁸. Однако с подготовкой ее все было не так просто.

Впервые "Самопознание" было издано в Париже в 1949 г. вскоре после смерти Бердяева. При этом частично по указаниям самого автора, частично по усмотрению первого редактора книги, свояченицы Николая Александровича Евгении Рапп, из рукописи были изъяты некоторые довольно значительные фрагменты. При этом Евгения Юдифовна, многолетний друг и член семьи Бердяевых, возможно, чтобы совсем уже возвеличить покойного философа, вставила ряд текстов, взятых ею то ли из других произведений, то ли вообще из личных бесед. В 1983 г. парижское издательство ИМКА-ПРЕСС выпустило "Самопознание", восстановив некоторые изъятые Рапп куски, дав их в приложении. "Самопознание", подготовленное Цветковым, – первое наиболее полное воспроизведение авторского текста.

Весной 1990 г. в Центральной городской публичной библиотеке им. Некрасова Цветков открыл выставку "Николай Александрович Бердяев. Страницы жизни". Собралось много народа, выступил отец Александр Мень. Саша становился все более известен, на встречи приезжали люди из других городов, писали письма. Вскоре он поехал со своей выставкой на родину мыслителя, в Киев. Новые выступления, подарки музею. К нему обратились со Свердловской кинохроники с просьбой проконсультировать фильм "Николай Бердяев". 28 августа 1990 г. он последний раз встретился с Менем в Новой деревне. До гибели священника оставалось несколько дней, до Сашиного ухода – ровно три года.

В начале 1991 г. в издательстве "Книга" с предисловием и комментариями А. Цветкова вышло еще одно "Самопознание". Александр все чаще задумывался над изданием собрания сочинений, но пока была возможность для экспозиций, он посвящал себя им. Сначала в библиотеке им. Пушкина, что возле Елоховского собора, открылась выставка "Я стал философом, чтобы освободиться от невыразимой тоски жизни (Творческая судьба Николая Бердяева)", затем была выставка в Саратове, а в мае 1991 г. он открыл в той же библиотеке им. Пушкина первую религиозно-философскую читальню. Цветков придавал

⁶ Бердяев Н.А. О религиозном значении Льва Толстого / Вступ. заметка и публ. А. Вадимова // Вопр. литературы. 1989. № 4.

⁷ Бердяев Н. О русском национальном сознании: Черная анархия / Предисл. и подготовка текста А. Вадимова // Совершенно секретно. 1989. № 3.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 36.

этому огромное значение и очень рассчитывал, что в Москве будет новый духовный центр.

Тем временем началось: Саша катастрофически терял в весе, через какое-то время он уже не мог самостоятельно ездить по городу. Он шутил, смеялся, но окружающие понимали, что дело плохо. Однако он пока не придавал особого значения болезни. В декабре 1991 г. в доме Остроухова в Трубниковском переулке, ныне более известном как филиал Государственного Литературного музея состоялся вернисаж еще одной выставки "Н.А. Бердяев" из цикла "Серебряный век русской культуры".

Какая это была выставка! В нескольких залах, на первом и втором этажах, Саша и горячо его любившие сотрудники Литературного музея разместили экспозицию, представившую все основные периоды и события жизни Николая Бердяева, в излюбленной Сашиной манере: автографы и портреты, непосредственно касающиеся жизни философа на фоне эпохи. Например, в первом, "Киевском зале" семейный альбом с фотографиями родителей Николая Александровича был представлен в окружении старых киевских открыток; свидетельство об окончании Бердяевым Киевского кадетского корпуса – среди книг, которые читал будущий "философ свободы" в юности. Особенно богат был раздел, посвященный непосредственно парнасцам Серебряного века: картины из частных собраний, книги и автографы Гиппиус, Мережковского, Розанова. Наверное, эта выставка во многом "подогрела" Сашино решение писать биографию Бердяева.

А болезнь брала свое, только он никак не желал это признавать.

31 августа 1992 г. День памяти Цветаевой. Толпа людей растянулась от церкви Вознесения у Никитских ворот к Дому Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке. Впервые была отслужена панихида. По самоубийцам, как известно, панихид не служат, но было получено специальное разрешение. Саша, очень любивший Анастасию Ивановну Цветаеву, не мог не прийти сюда в этот день. И именно здесь он познакомился с профессором Калифорнийского института Жоржем Шероном. Шерон предложил Саше подготовить книгу о Бердяеве для серии, посвященной русской культуре, выпускавшейся Университетом в Беркли.

К тому времени уже не было религиозной читальни, открытие музея – хоть где-нибудь – явно затягивалось, а сам Цветков слабел с каждым днем.

Итак, он приступил. Собственно материала у него хватало, насколько вообще может его хватать на такую книгу – все объять трудно. Поначалу он хотел написать только о периоде в России. Для описания эмигрантского периода источников явно не хватало. Хотя, наверное, для кого-нибудь из многочисленных авторов скорых статей, пишущих в последнее время на исторические и философские темы, его фантастические знания хватило бы и на двадцать книг. Он начал, ходил к друзьям набирать книгу на компьютере, все чаще – в перерывах между больницами. В больничных боксах читал, делал выписки, работал, работал, работал... Рассуждал об открытии музея. А сам становился все прозрачней.

В предисловии к книге, понимая, что неизбежны вопросы о целесообразности такого труда, когда уже издано "Самопознание", Саша писал: «Работа написала на основе большого количества источников, зачастую содержащих противоречивые и даже взаимоисключающие сведения. Естественно, мной предпринимались попытки их критического осмысления и проверки. Однако в большинстве случаев приходилось принимать на веру рассказанное авторами писем, воспоминаний или книги "Самопознание", оставляя на их совести возможные ошибки и неточности. Этими соображениями, а также тем обстоятельством, что многие документы впервые вводятся в научный оборот, объясняется обилие цитат в тексте»⁹.

⁹ Вадимов А. Указ. соч. С. 7.

Итак, первая научная биография Бердяева, написанная на архивных источниках, увидела свет. Прежде всего был использован фонд Бердяева в РГАЛИ (№ 1496). Пожалуй, самые интересные документы были найдены Цветковым в нынешнем Госархиве Российской Федерации, особенно в бумагах Департамента полиции. Это донесения о поведении и встречах сосланного в Вологду "бывшего студента Киевского университета Николая Александровича Бердяева", отчеты о проведении за ним наружного наблюдения, переписка в связи с болезнью философа и просьбой отца о возвращении сына в Киев. Здесь же, например, сообщение о том, что ссыльный провожает на поезд "барыньку лет 19, шикарно одетую", ходатайство самого Бердяева к министру внутренних дел о разрешении жить в Петербурге. Естественно, Цветков привлек и многочисленные мемуарные свидетельства великих писателей и поэтов Серебряного века, очень много внимания уделил полемике на страницах религиозных изданий того времени. Целая глава посвящена жизни Бердяева в Москве накануне высылки и его работе в знаменитой лавке писателей вместе с Б.К. Зайцевым и М.А. Осоргиным.

В марте 1993 г., когда всем уже было ясно, что ему недолго осталось жить, хотя никто в этом себе не признавался, макет книги был завершен и дискета отправлена в США. В начале июля того же года "жизнь Бердяева" увидела свет.

Нельзя лишний раз не поклониться американскому слависту Жоржу Шерону, обеспечившему этот молниеносный выпуск. Саша успел взять книгу в руки. Долго листал, составил список, кому ее надо отправить. Говорил о презентации. А потом было 28 августа. Черная цифра. Ведь до своего 28-го дня рождения он не дотянул пару недель. Саша очень любил Галича, но когда думаешь о нем, на ум приходит фраза Высоцкого из баллады "Памяти Василия Шукшина":

Смерть самых лучших намечает,
И дергает по одному...

УНИКАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МОСКВИЧА В.И. КРЫЛОВА

В отличие от персонажа повести Андрея Платонова "Котлован", подбиравшего и прятавшего в тайное отделение своего мешка "всякие предметы несчастья и безвестности", Виленин Иванович Крылов¹ сберегал от безвестности и забвения имена людей, живших на территории бывшей Российской империи после 1870 г. и территории бывшего СССР, но родившихся не позднее 31 декабря 1917 г., оставивших хотя бы небольшой след в отечественной истории.

При подготовке сборника документов и материалов "II Всероссийский съезд Советов (25-26 октября 1917 г.)" возникла необходимость уточнить список делегатов съезда, гостей и вообще всех присутствовавших на нем, их инициалы, даты рождения и смерти, социальное происхождение, образование, профессии: здесь много неточностей, ошибок и, как принято говорить, "белых пятен". Мой коллега В.М.Лавров, изучавший персоналии всероссийских крестьянских съездов Советов и уже обращавшийся за помощью к Крылову, посоветовал съездить к нему. Крылов сразу же пригласил меня к себе в Строгино.

«Не повезло мне с именем, — пошутил Виленин Иванович при встрече, — даже арабы каламбурили в МГУ, обращаясь ко мне: "Ви Ленин? Нет, ви не Ленин..."». В однокомнатной квартирке прихожая и "тамбур", ведущий к соседям, были до потолка заняты стеллажами, уставленными закрытыми коробками, весом до 4 кг каждая. Последняя деталь особенно запомнилась: пришлось поработать много дней, каждый раз по несколько часов, и хозяин сам многократно приносил и относил коробки, наотрез отказавшись от моей помощи.

Общение с Крыловым приносило не только большую практическую пользу, но и радость от сознания, что имеешь дело с человеком незаурядным, энциклопедически образованным, нестандартно мыслящим, беззаветно и бескорыстно преданным своему делу. Не могу не рассказать о нем еще раз.

В.И. Крылов родился 22 августа 1925 г. в семье военного, ответственного организатора (оторга) I Особой кавалерийской бригады им. Сталина, квартировавшей в Москве, на Ходынке. Семья много разъезжала по Союзу. Отец, уйдя из армии в 1926 г., работал в Агитпропе ЦК ВКП(б), был начальником политотдела МТС в с. Сростки, на Алтае (родина В.М. Шукшина), руководил политотделом Рязано-Уральской железной дороги (Саратов). Всю войну провел на фронте и закончил ее в Берлине, возглавляя политотдел 76-го корпуса 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Его сын, 14-летний Виля, в 1939—1942 гг. окончил 8-ю Саратовскую спецшколу ВВС, весной 1942 г. был направлен во 2-ю Вольскую авиашколу, а с февраля 1943 г. находился на Сталинградском фронте. После первого ранения — контузии (ему тогда еще не исполнилось 18 лет) был комиссован, но остался в армии, перевелся в пехоту. Служил в разведке (помощник командира, затем командир отдельного взвода). Как и отец, дошел до Берлина, а закончил войну на Дальнем Востоке. Был награжден орденами и медалями.

¹ Впервые я рассказал о В.И.Крылове в статье "Спасая от забвения..." (Кентавр. 1994. № 5. С. 134-138).

После войны — учеба в Институте международных отношений по специальности — историк-международник, изучение немецкого и польского языков. Работал в МГУ, в ряде информационных издательств. По-настоящему он обрел себя, поступив в декабре 1970 г. в издательство "Энциклопедия", в справочно-информационную группу БСЭ (3-е изд.). В то время готовился 3-й том БСЭ, издавалась СИЭ. Однако, организация справочной службы по персоналиям была не на высоте.

В 1920—1930-е годы, просвещал меня Крылов, при акционерном обществе "БСЭ" существовал Биобиблиографический институт. По инициативе известных ученых С.Ф. Ольденбурга, А.С. Лаппо-Данилевского и других, еще в 1916 г. была создана комиссия по изданию справочника о научных работниках; в 1924 г. она была названа Комиссией по созданию справочника "Наука и ее работники в пределах СССР". Ею было издано несколько томов справочника по Москве, Ленинграду, по стране в целом, содержащих наиболее полную информацию о научных кадрах в 20 — 30-е годы. В журнале "Научные работники" (впоследствии — "Вестник Академии наук") существовал специальный раздел "Personalii", в которых фигурировали в основном ученые, умершие после Октябрьской революции, в период гражданской войны. Издавались тома серии "Деятели революционного движения в России" (до 1934 г.), сборники и журналы обществ — старых большевиков, политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Позже вся работа по персоналиям надолго прекратилась, по крайней мере для нужд исторической науки. Сведения о людях исчезали, как и сами люди.

И даже после XX съезда КПСС в исторической литературе долго еще фигурировали в основном фамилии руководителей-большевиков, причем главным образом не запятнавших себя какой-нибудь антипартийной ересью. Понятно, что работа по персоналиям при подготовке новых изданий была делом ответственным, хлопотным и трудоемким.

В.И.Крылов во многом пошел наперекор сложившейся традиции. «Я поставил целью, — рассказывал он, — создать себе, для себя, для своей совести картотеку, используя максимально возможное количество источников, причем самых разнообразных по своему происхождению. Постоянно пасся в букинистических магазинах, приобретал необходимую литературу, справочники, адрес-календари, энциклопедии, "Некрополи" и т.д. — за свой счет, разумеется. В дело шли и сверки текущих изданий, в том числе и "зарезанных" по прихоти верховного начальства. Такова, например, была судьба сверки 4-го тома Сибирской советской энциклопедии, которая должна была выйти в 1931–1932 гг. Книга "Советский Союз. Краткая энциклопедия" (1965 г.) хранилась на правах рукописи в количестве 400 экз. Часто приходилось пользоваться уже изданной книгой, обреченной идти "под нож". Мне приходили на помощь, особенно с ксерокопированием (иногда подпольным) нужных изданий».

В картотеке Крылова *свой* порядок расстановки карточек, посвященных одному лицу: сначала идут карточки с данными, взятыми из официального советского издания (например, БСЭ), затем из других изданий и источников. Возникает объемная картина с возможностью сопоставления, критической проверки данных. Особенно тщательно в картотеке подобраны сведения о военных и гражданских чиновниках до 1917 г.: даются фактически их послужные списки со сведениями о должностях, чинах и наградах. О губернаторах России можно узнать буквально все — вплоть до жалования, вероисповедания и семейного положения. Подробны сведения о членах Государственного совета, Сената, Государственных дум I–IV созывов и т.д.

В картотеке часто встречаются конверты, в них машинописные и ксерокопированные тексты отдельных биографий, иногда с ксерокопиями фотографий. О своих "подопечных" Вяленин Иванович был готов беседовать

подолгу; вдруг вспоминал что-то, спешил к полке, доставал одно редкое издание, другое. Тут и списки окончивших Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы — в разные годы по разным отделениям, и Отчет за 1891 год Санкт-Петербургского городского арестного дома, и Списки чинов различных министерств, и Справочная книга о купцах г. Петербурга, и Приказы Реввоенсовета Республики о награжденных орденом Красного Знамени, и т.д.

В.И. Крылов регулярно просматривал около двух десятков республиканских газет, поступающих в редакцию БСЭ. В конце года он получал их в полное владение. Со временем ему были отданы все газеты, сохранившиеся в библиотеке БСЭ, начиная с 1934 г., а также все ведомости Верховного Совета СССР. "У меня не было ни суббот, ни воскресений, ни отпусков, — рассказывал он. — Сотни карточек в день. Разрезка, наклейка... Предполагалось выпустить 16-й, справочный, том СИЭ, но его зарубили в ЦК. Весь собранный для тома материал, над которым работали два года, был использован для пополнения моей картотеки". Такая же судьба, говорил Крылов, постигла в 1957 г. и книгу, подготовленную редакцией "История СССР" (издательства БСЭ) под условным названием "Борцы за власть Советов". В ней были собраны около 3 тыс. фамилий: биографии, основанные на архивных материалах, а также автобиографии участников революции и гражданской войны. Потом весь этот материал перешел в картотеку и в папки к Крылову. Вообще весь архив редакции "История СССР", со всеми опубликованными и неопубликованными персоналиями, предназначавшийся к ликвидации за неимением места хранения, перекочевал к нему домой.

В распоряжении Крылова находились некрологи, издававшиеся во всех центральных и республиканских газетах и журналах с 1934 г., а по отдельным изданиям и того раньше.

Картотека, которая вначале была необходима Крылову для облегчения его текущей, плановой контрольно-справочной, проверочной работы, уже давно и надежно выполняла свою функцию. Если в первые месяцы и годы ему приходилось затрачивать определенные усилия и время на поиски какого-нибудь факта жизни исторического лица, то впоследствии эта часть его деятельности упростилась. И все остававшееся у него свободное время он посвятил дальнейшему пополнению картотеки. К нему поступало много запросов от научных организаций, исследователей и просто отдельных граждан, и он с охотой и неизменной доброжелательностью откликался на них. "Для меня, — говорил он, — отличное средство, чтобы почувствовать себя лучше и физически и морально, — это моя работа с карточками". Редкий пример того, когда постоянный труд перерастает в хобби и сливается с ним!

В.И. Крылов с уважением относился к создателям картотек, посвященным иным темам и периодам: к Андрею Жукову (персоналии по линии ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ); Константину Залесскому (картотека о генералитете русской и иностранных армий периода первой мировой войны); Александру Кавтарадзе (картотека об офицерах и генералах русской армии, а также о военных специалистах, перешедших на службу в Красную Армию); Дмитрию Юрасову (картотека по "Мемориалу").

В.И. Крылов был не только редактором, но и автором многих работ, в частности статей о губерниях и военно-революционных комитетах в энциклопедии "Великая Октябрьская социалистическая революция" (М., 1987); первой энциклопедической статьи "Союз трудового крестьянства (СТК)" — о политико-идеологических и организационных основах "Антоновщины", а также более 30 заметок по персоналиям в энциклопедии "Гражданская война и иностранная интервенция в СССР" (М., 1987). Им написан раздел "Деятели Октябрьской

революции" в книге "Великий Октябрь. Краткий историко-революционный справочник" (М., 1987) и др.

В 1993 г. вышел в свет ценный энциклопедический словарь "Политические деятели России, 1917". При составлении указателя, уточнении данных на более чем 3 тыс. лиц использовались и материалы картотеки Крылова. В подготовленной к изданию четырехтомной энциклопедии "Отечественная история" во всех томах есть его статьи по персоналиям.

В последние годы жизни Виленина Ивановича перед ним часто вставал мучительный вопрос о дальнейшей судьбе картотеки. Итог колоссального труда одного человека — систематизированные сведения о жизни и деятельности свыше полумиллиона исторических личностей (в том числе, о тысячах москвичей) за более чем вековой период новой и новейшей истории России. В 1992 г. специальная комиссия экспертов в издательстве БСЭ высоко оценила картотеку Крылова. Но оказалось, что средств для ее приобретения и помещения нет. К счастью, весной 1995 г. удалось договориться с руководством РЦХИДНИ о приобретении картотеки Крылова. Она была передана научной общественности на безвозмездной основе.

Виленин Иванович надеялся продолжать бескорыстную, подвижническую деятельность по пополнению своей картотеки, но болезни не давали ему возможности осуществлять задуманное. 28 декабря 1996 г. он скончался от инфаркта.

Но уникальная картотека персоналий, созданная замечательным москвичом, человеком большой души, всесторонних знаний, продолжает служить людям.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1997 ГОДА "АРХИВЫ МОСКВЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ"

С.О.Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тихомировские чтения, проводимые ежегодно Археографической комиссией с 1968 г., традиционно посвящены либо жизни и творчеству первого председателя комиссии академика М.Н. Тихомирова, либо актуальным широкого общественного звучания проблемам археографии и смежных с ней научных дисциплин. Естественно, что чтения 1997 г. посвящаются юбилею Москвы. Прошлому Москве и истории его изучения, документальной базе москвоведения целиком посвящен и "Археографический ежегодник за 1997 год". Это можно рассматривать и как практическое осуществление собственно тихомировских традиций. Ибо М.Н. Тихомиров — и уроженец Москвы, преданно любивший свой город, и неутомимый исследователь прошлого Москвы, и непревзойденный знаток материалов московских хранилищ. Он очень много сделал не только для выявления, описания, использования документальных богатств московских музеев и архивов, но и для охраны недвижимых московских памятников истории и культуры.

Общепризнана великая роль Москвы в культуре России. Это заметно и при изучении культуры архивного дела и истории развития археографии, архивоведения и смежных областей научного знания и практической деятельности. В Москве составлены самые ранние из известных нам описей архивных документов (описи Царского архива второй половины XVI в. и архивов Посольского и других приказов XVII в.), в Москве имела значительный опыт использования таких документов при составлении летописей, посольских книг, делопроизводственной документации Разрядного, Поместного и других приказов, сочинений исторической тематики. Московский архив Коллегии иностранных дел в XVIII в. ставил перед собою уже научные задачи; и во главе находился образованнейший историк и археограф той поры академик Г.Ф. Миллер. Из московских архивов черпали материалы издатели "Древней Российской вивлиофики" и авторы первых сводного характера обобщающих сочинений по истории России с древнейших времен — особенно великий писатель и историограф Н.М. Карамзин, который счел необходимым, подготовив уже к печати первые восемь томов своей "Истории государства Российского", отметить в "Записке о московских достопамятностях": «Говоря о Москве, забудет ли историограф то место, где собраны все наши государственные хартии пяти веков, от XIII до XVIII: Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе. Его начальники, от незабвенного Миллера до А.Ф. Малиновского, с величайшею ревностью, с неописанным трудом привели все бумаги в наилучший порядок, коему удивлялся император Иосиф, сказав: "Я прислал бы сюда наших венских архивистов". Там любопытные читают древнейшие грамоты новгородские и московские, хартию

Максимьяну, в которой уже отец Иоанна Грозного назван императором, письма славной английской королевы Елизаветы и проч. Там же можно видеть и портреты наших первых царей».

С этим архивом связано явление, очень интересное для понимания общественных представлений времени Карамзина. Реформы Петра Великого создали такую общественную атмосферу, что занятия наукой не казались не достойными даже вельмож. В области исторических наук показательные примеры — Татищев, "птенец Петров" и родственник императрицы Анны Иоанновны, во второй половине XVIII в. — Рюрикovich князь Щербатов, видный придворный Елагин; интересующиеся историей группировались вокруг меценатов-коллекционеров графов Мусина-Пушкина и Румянцева. Этим объясняется и новое социокультурное явление начала XIX в.: образованная аристократическая молодежь Москвы отнюдь не считала зазорным для себя службу в Московском архиве Коллегии иностранных дел, т.е. работу с историческими документами. "Архивные юноши" были тогда в чести не менее чем гвардейские офицеры времен Екатерины II. Отражение того находим и в литературе тех лет — прежде всего у Пушкина. Некоторые "архивные юноши" оставили позднее немалый след в истории литературы, науки, просвещения. (Подробнее об этом рассуждения в моей статье 1992 г. "Русские литераторы и российская дипломатия", опубликованной в журнале "Международная жизнь".)

Оказавшая огромное воздействие на умы первых читателей и определившая на долгое время основной комплекс представлений не только об отечественной истории допетровской эпохи, но и о характере исторических знаний вообще, "История" Карамзина поражала богатством и многообразием примечаний и существенно способствовала формированию понятий о научном аппарате исторических сочинений, о роли архивных документов в работе историка. Первые девять томов "История" Карамзиным созданы в Москве (или в подмосковном Остафьеве), последующие три, хотя и в Петербурге (или в Царском Селе), но в основном на фундаменте московских архивных материалов.

Документы московских архивов еще в XVIII в. начали публиковать в научных изданиях (конечно, на уровне научного опыта тех лет). Они стали основой и издания "Собрания государственных грамот и договоров" в начале XIX в., а затем и многообразного актового материала и нарративных памятников российской истории допетровского периода. Издание их — школа становления отечественной археографии, причем и эдиционной и описательной (еще со времени работы в Архиве Коллегии иностранных дел Миллера и Н.Н. Бантыш-Каменского). В Москве образовался в середине XIX в. и Московский архив Министерства юстиции, ставший источниковой базой изучения социально-экономической (а в значительной мере также и государственно-политической) истории России.

Тем самым, определяются направления нынешних собственно историко-архивоведческих исследований: архивы Москвы (в целом и отдельные архивохранилища) и развитие исторической науки; Архивы Москвы и развитие архивоведческой и археографической культуры, и как особая тема — роль сотрудников архивов в развитии этих обоих направлений (Иногда эта роль была очень значительна и плодотворна, как у Н.В. Калачова.) В последние годы в этом плане проводятся интенсивные исследования сотрудниками РГАДА Л.И. Шохиным (о МАМЮ), В.Г. Бухертом (о Межевом архиве, а теперь уже и о МГАМИД) и другими историками. Научно перспективная работа велась и в хранилищах иного типа — в Оружейной палате (еще И.Е. Забелиным в середине XIX в.), в Румянцевском музее, в Историческом музее — там особенно много было сделано для описания, изучения и издания документальных памятников, имеющих и литературно-художественное значение, а также материалов личных

фондов. При этом творчески воспринимался опыт и петербургских хранилищ — Публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук.

Вехой в развитии архивного дела и взаимосвязей его с "большой наукой" стали события революционных лет — образование Союза российских архивных деятелей и после октября 1917 г. образование Управления архивным делом во главе с Д.Б. Рязановым, которому мы в наибольшей степени обязаны привлечению к практической архивной деятельности виднейших ученых и их учеников и подготовке с их помощью декретов об архивах.

С начала 1920-х годов за Москвой укрепляется положение ведущего для всей страны центра архивно-организационной и архивно-методической деятельности, а с образованием в Москве Историко-архивного института — и учебно-научной деятельности. И именно в Москве предопределялись и достоинства и недостатки в основных сферах такой деятельности. В Москве устанавливалась и возможная степень вовлечения в такую работу крупных ученых из других городов: так по инициативе московских научно-партийных учреждений в 1920-е годы был привлечен для консультации выдающийся ленинградский археограф С.Н. Валк (воспринимаемый ныне как классик археографии и источниковедения), ему предложил М.Н. Тихомиров возглавить уже в 1960-е годы первое из Отделений Археографической комиссии — Ленинградское, но и из Москвы шла инициатива недостойной критики Валка в годы массовой борьбы с так называемыми космополитами и, — увы! — и позднее.

Об истории архивов Москвы в прошлые века, об организации архивного дела и развитии археографии в Москве, о деятельности главных московских архивов и архивного ведомства в целом, о Московском историко-архивном институте и московских ученых-архивистах и особенно о документальных богатствах хранилищ Москвы в Археографическом ежегоднике напечатано очень много материалов. Этому посвящались и Тихомировские чтения и другие научные конференции, организуемые Археографической комиссией (и зачастую совместные с архивными учреждениями). Потому сочли целесообразным не повторять ранее напечатанного и сказанного, а ограничиться напоминанием об этом в обзорном сообщении ученого секретаря Комиссии В.А. Черных; тем более, что, как известно, материалы Тихомировских чтений публикуются всегда в специальном разделе Археографического ежегодника под таким названием, а нынешние являются своего рода юбилейными — 30-ми.

На нынешних чтениях основное внимание уделяется ранее слабо освещенным на страницах Ежегодника начальным периодам работы главных архивов дореволюционной Москвы МГАМИД и МАМЮ. И, так как ведущим Центральным государственным архивам, находящимся в Москве, также как и Архиву Академии наук, хранилищам Исторического музея и Государственной Российской библиотеки уже посвящались специальные доклады и статьи, полагали целесообразным уделить особое внимание Мосгорархиву — и его истории и сегодняшнему дню. Это объясняется и тем, что именно в Мосгорархиве особенно много сделано в связи с подготовкой к юбилею Москвы.

С.В. Чирков

ЛЕТОПИСИ АРХИВА В КОЛПАЧНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Почти целое столетие (1770–1873) "дедушка русских архивов" – Московский архив Коллегии (затем Министерства) иностранных дел помещался в старинных палатах думного дьяка Е.И. Украинцева на перекрестке Хохловского и Колпачного переулков. (Въезд на большой двор архива был через ворота, выходящие в Колпачный переулок, отсюда и старый его адрес, теперь палаты Украинцева числятся в Хохловском переулке, 9.) Именно в стенах "сега старинного каменного шкапа с железными дверьми, ставнями и кровлею", как нельзя более приличного для хранения древних хартий, книг и трактатов¹, МАКИД стал первым в России научным архивным учреждением, начав научную разработку и использование своих документальных материалов². В то же время архив стал заметным историко-культурным центром Москвы, в котором собирались исследователи русского прошлого, куда шло паломничество любителей исторических "достопамятностей" со всего света³⁻⁴.

Жизнь архива за столетие отразилась во многих источниках, как опубликованных, так и сохраняющихся в составе нескольких архивных фондов РГАДА и АВПРИ. В последние годы такие документальные материалы активно привлекались к изучению судеб отечественного архивного дела⁵. Помимо официальных бумаг и мемуарных свидетельств, о внутренней жизни Коллежского архива повествуют записи, носящие повременной характер. Части этих записей их авторы дали наименование летописца.

Среди документов канцелярии МГАМИД сохраняются так называемые "нетные листы", или "листы нетчикам", представляющие собою таблицы посещения службы чиновниками архива. На оборотах этих листов за 1780–1790-е годы имеются записи одним и тем же почерком. Из текста записей явствует, что сделаны они одним из членов коллегии, управлявшей МАКИД после смерти Г.Ф. Миллера – М.Н. Соколовским.

Забытый сотоварищ Н.Н. Бантыш-Каменского по управлению Коллежским архивом Мартын Никифорович Соколовский (1737–1799) был "родом малороссиянин слобочких полков"⁶ и числился "мещанским сыном"⁷; тем не менее, он получил образование и начал службу в качестве учителя французского языка в гимназии Московского университета в 1757 г.⁸ В архив он поступил "переводчиком порутческого ранга" с начала 1763 г. и "должность свою порядочно отправлял", успешно продвигаясь по службе: в 1772 г. он "принимал трактаты и секретные дела после смерти секретаря Петра Щукина", умершего

¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892. Т. 1. С. 160.

² Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 178–184.

³⁻⁴ Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 34.

⁵ Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII–начало XX в.). М., 1990. С. 14, 15.

⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 3. Д. 49. Л. 150 об.

⁷ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский // Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 184.

⁸ Шевырев С.П. История имп. Московского университета. М., 1855. С. 43.

со всей семьей от чумы⁹, а в 1780 г. он уже и сам секретарь, коллежский ассессор¹⁰; ко времени смерти Миллера в 1783 г. Соколовский, как и Бантыш-Каменский, надворный советник¹¹. Помимо исполнения обязанностей хранителя важнейших дипломатических и секретных документов Соколовский наравне с Бантыш-Каменским и И.Г. Стриттером участвовал в составлении описей, реестров, алфавитов к материалам архива, выявлял источники для исторических исследований и публикаций¹². Миллер не мог отдать предпочтения Бантыш-Каменскому или Соколовскому и писал за две недели до смерти вице-канцлеру И.А. Остерману: "...Я по моей совести для блага архива и для награждения искусства и прилежности обоих сих господ не могу подать другаго совета, как чтобы по моей смерти мой чин и жалованье с равным уполномочием был разделен между ими"¹³. Однако в последующие годы, очевидно, сказалась разница в дарованиях: если Бантыш-Каменский сосредоточился на научной работе и достиг в ней выдающихся результатов, то Соколовский ушел в мелкие служебные и административные дела архива, оставив сравнительно небольшое рукописное наследие. Его писания, в отличие от бумаг Бантыш-Каменского или Малиновского, не были выделены в особый комплекс и оказались разбросанными по разным архивным фондам.

Среди писаний Соколовского, помимо архивных справочников, преобладали сочинения о Посольском приказе и Коллежском архиве. Отчасти его авторству принадлежат "Черные выписки о Посольском приказе, о дьяках, хранителях государственной печати и канцлерах, тем приказом управлявших"¹⁴. На основе этих выписок появилось "Известие о Посольском приказе, что ныне Государственная коллегия иностранных дел, сочиненное надворным советником Мартыном Соколовским 1781 года"¹⁵. По-видимому, он же написал и записку о смерти Миллера, подписанную тремя управляющими архивом в ноябре 1783 г.¹⁶ Любопытно, что и этим работам придана архаическая форма, внешне воспроизводящая летописную. Так, в "Известии о Посольском приказе, сначала говорится, что "по запискам Коллегии иностранных дел архива, наименование Посольского приказа не прежде упоминается, как с 1584-го года, т.е. со времени государственования царя Федора Ивановича", причем дается примечание: "Подлинного указа или другого какого определения о учреждении Посольского приказа в архивских делах по сие время не оказалось", а затем, в противоречие со сказанным, приводится список "бывших в Посольском приказе дьяков", построенный в виде "летописного" изложения: "Лета 1556. Дьяк Иван Михайлов Висковатого... Лета 1664. Думной дьяк Алмаз Иванов..."¹⁷. О последних днях, кончине и судьбе наследства Миллера повествует "Журнал, или всенедневная записка с 11 октября 1783 года", более типичная по жанру для сочинений XVIII в.

"Всенедневные записки" вел Соколовский на протяжении двух десятилетий и на оборотах "нетных листов". Темы его записей – служебная деятельность и бытовая жизнь архива, нередко с самыми мелкими подробностями: "1788, генваря 5. Полы мыли"¹⁸. Тщательно записаны кадровые перемены: опреде-

⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 3. Д. 49. Л. 1, 151; Д. 46. Л. 3.

¹⁰ Там же. Ф. 199. П. 389. Ч. 1. Д. 2. Л. 112.

¹¹ Там же. Ф. 180. Оп. 6. Д. 15. Л. 4.

¹² Милковский И.Л. Указ. соч. С. 180.

¹³ РГАДА. Ф. 199. П. 389. Ч. 1. Д. 2. Л. 198 об.

¹⁴ Там же. Ф. 180. Оп. 3. Д. 90.

¹⁵ Там же. Оп. 6. Д. 14.

¹⁶ Там же. Оп. 16. Д. 313.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 14. Л. 2–3 об.

¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 26. Л. 24 об.

ление новых чиновников, увольнение и смерть старых, производство в новые должности. Отмечены сроки начала и окончания этапов описательной работы и фамилии исполнителей, случаи выдачи из архива наиболее важных дел, получения пакетов из коллегии и т.п. Старательно записаны посещения архива знатными особами и иностранными "вояжерами", весьма участвовавшие на протяжении двух десятилетий. Однако наиболее привлекавшей хроникера темой были нередкие дисциплинарные проступки служащих архива. Записи о них отличаются сравнительной подробностью и живописными деталями. Например, в 1783 г. "с 1 Мая канцел[ярист] Болшаков пропал 6 дней, о чем сообщение и в Управу благочиния послано было, но чрез 3 часа по том нашолся, и потому сообщение удержано"¹⁹. 10 июня 1786 г. канцелярист Тархов "бежал из-под стражи и пришел пьян, о чем комисар скрыл, а Тархов на другой день сказался болен животом, но в 11-м часу посажен писать выписку"²⁰. Этот Тархов – тот самый "худощавый безобразный человек с отвислою, распухшею нижнею губою в нарывах", который наделял работой Ф.Ф. Вигеля в первый день его службы в архиве²¹; в 1812 г., уже дослужившись до должности комиссара, он попал "в плен" к французам и провел несколько дней в заточении в качестве заложника²².

Некоторые их архивных служащих выступают постоянными персонажами записей Соколовского. Так, 15 января 1789 г. "просил Петр Большаков на протоколиста Софонова, что он... пришед в архив пополудни в 4-м часу, быв несколько весел, придирался его, Большакова, бить и грозился все кости переломать, однако ж он, Большаков, от него, Софонова, ушел для объявления о сем и испрошения удовольствия себе и защищения. – Но оказался Большаков виновным"²³. В 1793 г. "24-го сентября Николай Николаевич [Бантыш-Каменский] велел сержанту Хохлову позвать в верх регистратора Петра Большакова, который отозвался так: скажи, что меня нет дома. Сержант отвечал, что, видя его дома, сделать сего не смеет. Потом вторично звал в верх, говоря, что непристойно будет, если с солдатами велят ему прийти и насильно его взять, как Ник[олай] Ник[олаевич] и приказывал. За сии слова Большаков сержанту разбил нос до крови, щоку сделал распухлою, а волосы дыбом. Потом я посылал за ним отца, также и Ник[олай] Ник[олаевич] посылал два раза, но Большаков не послушал и напоследок ушел с двора. При всем том пьян не был"²⁴. Последнее обстоятельство явно отмечено как редкое. В 1794 г. "Петр Большаков 3 дни пил, а 2-го декабря насильно и с криком приведен; Н.Н. велел держать его под караулом"²⁵. С годами записи Соколовского о непотребном поведении служащих делаются более подробными, видимо, накапливается старческая раздражительность. Проскальзывают ноты недовольства мягкостью Бантыш-Каменского: "Страхов на своей недели [дежурства] четыре дни пьянствовал, и 1-го июля [1791 г.] положено штрафовать его, однако 2-го июля Н.Н. оставил сие шуткою; також поступлено и с Петром Щученковым, сказавшим, что он у приятеля гулял"²⁶.

В годы службы Вигеля, на рубеже XVIII и XIX вв., в архиве подвизались "благородные юноши" из знатнейших московских семейств²⁷, и мемуарист

¹⁹ Там же. Д. 21. Л. 20 об.

²⁰ Там же. Д. 24. Л. 19 об.

²¹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 170.

²² Белокуров С.А. Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г. М., 1913. С. 39.

²³ РГАДА. Ф. 180. Оп. 5. Д. 27. Л. 24 об.

²⁴ Там же. Д. 31. Л. 16 об.

²⁵ Там же. Д. 32. Л. 13 об.

²⁶ Там же. Д. 29. Л. 18 об.

²⁷ См. о них: Шмидт С.О. Русские литераторы и российская дипломатия // Международная жизнь. 1992. № 10.

поражался контрасту: "манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вместе с Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались в руку"²⁸. В предшествующую эпоху состав служителей был более однородным. Помимо немногих переводчиков в ведении Соколовского находилось "несколько несчастных, довольно знающих грамоту, чтобы читать и переписывать, из скудного жалования, без всякой надежды на повышение", которые "старились в машинальных трудах"²⁹. Подробности их быта и зафиксированы Соколовским, что определяет важность его писаний не только в качестве источника истории архивного дела, но и ценного материала для изучения "повседневности" конца XVIII столетия.

Особого внимания заслуживает еще одна особенность записей Соколовского. В некоторых из них автор выходит за границы тесного архивного мирка и фиксирует городские события. Первостепенное значение он придает приездам в Москву высочайших особ, например, 23 и 27 июня 1787 г. ради торжественности по-французски описан приезд Екатерины II³⁰. Встречаются, однако, и записи о стихийных бедствиях: "2-го мая [1783 г.] упали с Каменного мосту лавки"³¹, и о необычных природных явлениях: "15 числа [сентября 1789 г.] шол дождь с самого утра во весь день. 16 тож. 17 дождь шол до половины дня, а с половина дня начали разбирать кровлю"³². А одна из записей 1787 г. кажется списанной с листа древней рукописи: "[Июля] с 23 на 24-е пополуночи в 2 часа загорелось в мучной лавке на Балчуге, и был великой пожар, на Пятниц[кой] до церкви Климента погорели дома по обе стороны и в Овчинниках. Продолжался часов с 11"³³. Такие черты дневника Соколовского заставляют вспомнить типичные особенности городского летописания и позволяют рассматривать почтенного архивиста как одного из последних московских летописцев.

Не обнаруживается никаких данных о том, чтобы Соколовский намеревался использовать свои записи для продолжения истории архива, темы, затронутой им в "Известии о Посольском приказе". Повременные записи в архиве прекратились с его смертью. Но уже в 1800 г. А.Ф. Малиновским была сочинена "Выписка о установлениях бывшего Посольского приказа, переименованного потом Коллегиею иностранных дел, о чиновниках, с учреждения того приказа управлявших иностранными делами, о делах, хранящихся ныне в Московском архиве, и о высочайших именных указах, частно до архива касающихся, с известием о ежегодных упражнениях оного"³⁴. Не ясно, использовал ли Малиновский записки Соколовского, либо только заимствовал материал из "Известия о Посольском приказе". Четвертая часть "Выписки" имела погодное изложение и была озаглавлена: "Известия по годам расположенные о высочайших именных повелениях, о указах из Правительствующего Сената и из Государственной коллегии иностранных дел касательно Московского ее архива состоявшихся, также и о упражнениях архивских с 1779-го года сверх непрерывно случающихся коллежских запросов и справок из разных присутственных мест". Начинается она известием об указе Михаила Федоровича 16 ноября 1614 г. о переписи посольских дел³⁵. Позднее Малиновский дополнял эти "известия": в 1817 г. он "занимался сочинением записки под названием: взгляд на Московский

²⁸ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 163.

²⁹ Там же. С. 162.

³⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 5. Д. 25. Л. 19 об.

³¹ Там же. Д. 21. Л. 20 об.

³² Там же. Д. 27. Л. 16 об.

³³ Там же. Д. 25. Л. 18 об.

³⁴ Там же. Оп. 6. Д. 94. Л. 16 об.

³⁵ Там же. Л. 3.

Государственной коллегии иностранных дел архив"³⁶. Но его изложение гораздо более одномерно сравнительно с записями Соколовского, оно сводится к отчету, что делал в данном году тот или иной архивист. Источниками для "известий" Малиновского могли быть отчеты архива, представляемые в Коллегию.

При всем том Малиновский не был чужд "летописных" интересов. Сохранились сведения, что в 1811 г. он "занимался сочинением Российской летописи XVIII столетия из бумаг, в архиве хранящихся"³⁷. Может быть, в фонде историка еще обнаружатся следы этой летописи. Предпочтение летописной формы было в данном случае вполне сознательным. Отличие летописи от истории было вполне понятно тогдашним архивистам. Даже среди вопросов по истории, ставившихся на экзаменах юнкерам архива, был вопрос: "Каким образом история различается от летописи?" – с примерным ответом: "Летопись показывает только, в котором году что случилось; история же, повествуя о делах, представляет вместе, с каким намерением и каким образом они произведены были"³⁸. Летописное повествование все более воспринималось как архаическое. Имеются следы попыток изложить и историю Московского коллежского архива в более современной форме. К началу 1830-х годов относится реестр дел по истории МГАМИД, где дела разбиты на тематические рубрики: "Должности, архиву предписываемые", "Оклады, штаты и мундир", "Описи и реестры архивских дел", "Разделение архивских дел", "Архивских чиновников труды", "Домы, строение и починка архива", "Библиотека архивская" и т.д.³⁹

Однако новый опыт повествования об архиве воплотился снова в летописной форме, даже с признаками нарочитой архаизации. В 1851 г. был составлен "Летописец МГАМИД". Не возникает сомнения в том, что инициатором появления этого труда был управляющий архивом князь М.А. Оболенский⁴⁰. Коллекционер и любитель старины, проникшийся ее романтикой, Оболенский был склонен к стилизаторским увлечениям, о чем наглядно свидетельствуют, скажем, заказанные им для хранения документов Государственного древлехранителя хартий и рукописей "ковчеги"⁴¹ или портрет князя в боярской одежде, написанный К.П. Брюлловым⁴². Оболенский не мог не знать о взглядах современной ему науки на разные виды летописей: в издании, где он регулярно печатал свои публикации, именно в 1850 г. появилась специальная работа⁴³. Тем не менее, князь предпочел продолжать "летописную традицию", сложившуюся в архиве.

Составление "Летописца МГАМИД" было поручено правителю дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров Сергею Сергеевичу Иванову. По отзыву современника, "это был милый, прекрасно воспитанный молодой человек... усердный и полезный труженик архива. Хотя он не принадлежал к цветку московской молодежи, но часто посещал высшее общество и был всеми любим и уважаем"⁴⁴. В архиве его служба не затянулась, он продолжал служить по ведомству внутренних дел, стал орловским гражданским губернатором, а затем помощником попечителя Московского учебного округа. Работа над "Летописцем" не стала для него сколько-нибудь заметной вехой

³⁶ Там же. Л. 26.

³⁷ Там же. Л. 24 об.

³⁸ Там же. Д. 119. Л. 5.

³⁹ Там же. Оп. 6. Д. 15. Л. 2–21.

⁴⁰ Бухерт В.Г. Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 160.

⁴¹ Автократова М.И., Буганов В.И. Указ. соч. С. 43, 44.

⁴² ГТГ: Каталог живописи XVIII–начала XX в. (до 1917 г.). М., 1984. С. 68.

⁴³ Беляев И.Д. О разных видах русских летописей // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 5. Отд. 1.

⁴⁴ Загоскин С.М. Воспоминания // Ист. вестник. 1900. № 2. С. 501.

жизни и не запомнилась: когда впоследствии Ф.А. Бюлер запросил его о возможности публикации его "записки", Иванов писал: "Признаюсь, я совершенно забыл содержание этой записки, а потому без прочтения ее не решусь сказать, считаю ли удобным напечатать ее"⁴⁵.

В составление "Летописца" Иванов внес крайне мало личных усилий. Он написал краткое предисловие, где указал "цель настоящего летописца – указать на главные события, принадлежащие к истории Московского главного архива, и таким образом удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной истории" и распространился о значении архива как "главного хранилища драгоценных и любопытнейших материалов по отечественной истории"⁴⁶. Затем Иванов попросту вложил в папку с "Летописцем" писарскую копию "Известий по годам расположенных..." Малиновского с дополнениями до 1817 г. Сделаны были также выписки из записей Соколовского на оборотах "нетных листов" и журналов, зафиксировавших посещения архива важными персонами. Но попыток ввести эти материалы в погодное изложение не предпринималось. Заканчивается "Летописец" черновыми записями за 1850–1852 гг., повествующими о занятиях чиновников архива в эти годы. Значения самостоятельного источника "Летописец" не имеет и любопытен только как своеобразное историографическое явление. Скоро на смену "летописям" пришли более серьезные работы по истории МГАМИД⁴⁷.

Рассмотренные материалы дополняют представления о поздних этапах эволюции летописного жанра в отечественной историографии и вносят характерные черты в историю значительного культурного центра, каким был для Москвы XVIII–XIX вв. Московский архив Коллегии иностранных дел.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 179. Оп. 1. Д. 68. Л. 6 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 180. Оп. 6. Д. 94. Л. 2–2 об.

⁴⁷ См., например: Очерки деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при МГАМИД. М., 1877.

АРХИВ НА ВОЗДВИЖЕНКЕ

Примечательным событием жизни Москвы 70-х годов XIX в. был переезд МГАМИД из занимаемого им более 100 лет дома в Колпачном переулке (бывшие палаты дьяка Е.И. Украинцева) во вновь перестроенное для архива здание, расположенное на углу Воздвиженки и Моховой. М.П. Погодин ставил "устройство" МГАМИД на новом месте в один ряд с такими явлениями культурной жизни России того времени, как академическое издание сочинений Г.Р. Державина и московский памятник А.С. Пушкину¹.

Проблему нехватки помещений, приспособленных для хранения документов, первоначально предполагалось разрешить путем благоустройства старого здания. В докладной записке государственному канцлеру князю А.М. Горчакову от 24 августа 1858 г. директор МГАМИД князь М.А. Оболенский предлагал, по случаю намеченной передачи документов из С.-Петербургского главного архива МИД, пристроить к зданию МГАМИД "трехэтажный боковой корпус", а в "холодных палатах" установить "амосовские печи", которые "вполне безопасны от пожара"². На встрече министров иностранных дел и финансов князя А.М. Горчакова и М.Х. Рейтерна 26 сентября 1865 г. обсуждалось новое предложение Оболенского: приобрести для МГАМИД дом на Воздвиженке, который занимало упраздненное Московское горное правление, а затем Московская пробирная палатка. Оболенского привлекало местоположение: близость от Кремля, соседство с Московским университетом, Румянцевским музеем, а также то обстоятельство, что здание составляло историческую достопримечательность Москвы. В виде трехэтажного флигеля к главному корпусу примыкали бывшие палаты боярина К.П. Нарышкина, сохранились остатки церкви св. великомученицы Ирины. Рейтерн вел переговоры с московским купечеством о продаже дома на Воздвиженке для сооружения "колоссального дворца промышленности под постоянные выставки"³, однако затем, 13 ноября 1867 г., он объявил Горчакову, что "вполне готов подарить" дом Министерству иностранных дел⁴. 12 января 1868 г. решением императора Александра II дом был передан МГАМИД⁵. Попытка М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева добиться передачи его Лицею, учрежденному в память цесаревича Николая, была отклонена. Первоначальный проект перестройки здания составил архитектор МГАМИД А.А. Мартынов, но из-за разногласий с Оболенским (князь желал видеть все здание перестроенным в "древнем русском стиле", по образцу сохранившихся палат боярина К.П. Нарышкина, и опасался, что архитектор составил иной проект и потому отказывается представлять пояснительную записку к смете расходов) Мартынов в марте 1870 г. уволился из архива и пришлось подыскивать нового архитектора. 8 декабря 1870 г. дом на Воздвиженке был принят

¹ Погодин М.П. Несколько слов о Московском архиве министерства иностранных дел // Моск. ведомости, 1875. 26 июня.

² РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 8. Д. 2826. Л. 1–2.

³ Там же. Оп. 7. Д. 2729. Л. 1–1об.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 16–16об.

Здание МГАМИД (вид с ул. Моховой), 1898

от Московской пробирной палатки комиссией специально учрежденной под председательством служащего МГАМИД И.Ф. Аммона⁶, и 20 августа 1871 г. передан в распоряжение архитектора Я.И. Реймерса⁷, известного своей помощью К.А. Тону в возведении храма Христа Спасителя. Подрядчиком работ по перестройке стал московский купец А.А. Пороховщиков, занимавшийся впоследствии и перевозкой архива на Воздвиженку. Оболенскому так и не довелось увидеть завершенным начатое по его инициативе дело. После его смерти директором МГАМИД был назначен 18 января 1873 г. барон Федор Андреевич Бюлер. Эта должность была предоставлена ему как "ветерану" МИД, "заявившему себя притом историческими исследованиями"⁸. В МГАМИД Бюлер прибыл 22 января 1873 г. и был представлен служащим⁹. 22 июля 1874 г. состоялось освящение нового здания архива. Среди приглашенных на торжество был С.М. Соловьев¹⁰. Документы архива перевозились на Воздвиженку с 24 июля по 16 августа 1874 г. в 458 "шкафиках" и 260 сундуках, затем туда же доставили и библиотеку¹¹. 22 августа 1874 г. МГАМИД посетил император

⁶ Там же. Д. 2731. Л. 59.

⁷ Там же. Д. 2730. Л. 138–138об.

⁸ *Семевский М.И.* Знакомые. СПб., 1888. С. 288.

⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 6. Д. 99. Л. 28; Ф. 186 (Ф.А. Бюлер). Оп. 1. Д. 66. Л. 1–28.

¹⁰ *Гамбургер А.Ф.* Московский главный архив Министерства иностранных дел во время управления Министерством князя А.М. Горчакова. СПб., 1884. С. 19.

¹¹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 8. Д. 2849. Л. 61.

Александр II, а 12 марта 1875 г. – великий князь Константин Николаевич, внимание которого привлекла опись Посольского приказа 1614 г.¹²

Новоселье, однако, вскоре было омрачено. При осмотре здания 4 ноября 1874 г. была обнаружена плесень, как снаружи его, так и внутри, и отмечено, что "воздух в комнатах удушлив, смраден и вреден для здоровья пребывающих" в архиве", а "значительная сырость может иметь губительное влияние" и на хранящиеся в архиве документы¹³. Вскоре на верхнем этаже здания было замечено "нечто вроде тумана"¹⁴.

22 ноября 1874 г. П.И. Бартенева писал графу С.Д. Шереметеву: «В то время, как частные люди стали у нас заниматься своими старинными бумагами, – государственное наше архивное богатство – Московский главный архив Министерства иностранных дел, в новом своем великолепном помещении на Воздвиженке, подвергается страшной опасности, именно гниению. Там уже не только сырость, но в помещении рукописей туман от сырости. Обои уже сгнили. Соловьев острит, утверждая, что последний том его "Историй" никак не может быть сух, так как он работал над ним в Архиве (сказать мимоходом, это один из самых замечательных томов). Мне доставлена статья обо всем этом. Просто беда!»¹⁵

После переустройства вентиляции, лишь спустя три года здание оказалось "совершенно удовлетворительно просушенным"¹⁶. Новая проблема возникла в 1878 г., когда вблизи МГАМИД в Ваганьковском (ныне Староваганьковский) переулке началось строительство торговых бань – не подходящего из-за своей пожароопасности соседа архива. Благодаря настойчивости Бюлера, добившегося рассмотрения дела в Сенате, строительство было запрещено. При переустройстве здания была восстановлена домовая церковь святой великомученицы Ирины, в которую были перенесены три иконы, доставленные из церкви Знамения Пресвятой Богородицы в с. Кунцево – подмосковного имения Нарышкиных¹⁷. Старый дом в Колпачном переулке был передан 15 января 1875 г., в присутствии Бюлера, Московской казенной палате¹⁸.

Еще Оболенский выражал уверенность, что после переезда МГАМИД обновится "не по одному только внешнему его виду, но что обновится его внутренняя жизнь и деятельность"¹⁹. Прямым следствием переезда в новое здание была развернувшаяся деятельность по комплектованию МГАМИД, в которой Бюлер опирался на сотрудничество с известными учеными.

25 февраля 1875 г. профессор Московского университета Н.А. Попов предложил Бюлеру обратиться с ходатайством о передаче в МГАМИД документов XVIII в. из губернского архива г. Архангельска²⁰. Текущие дела помешали Бюлеру немедленно обратиться с таким ходатайством, однако, заручившись поддержкой С.М. Соловьева и Е.В. Барсова, он составил докладную записку на имя управляющего Департаментом личного состава и хозяйственных дел МИД А.Ф. Гамбургера, в которой обосновывал необходимость передачи "Архан-

¹² Там же. Оп. 7. Д. 2949. Л. 28.

¹³ Там же. Д. 2977. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 74. Л. 21–21об.

¹⁶ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2977. Л. 80.

¹⁷ Там же. Д. 2971. Л. 4–4об. Освящение церкви святой великомученицы Ирины состоялось 29 мая 1882 г. (Токмаков И.Ф. Сведения о домовой церкви при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1882. С. 11).

¹⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2963. Л. 43об.–44об.

¹⁹ Там же. Д. 2729. Л. 10.

²⁰ Там же. Д. 2992. Л. 21–22.

гельского архива" в МГАМИД²¹. Добиться этого не удалось, возможно, по причине отъезда за границу Гамбургера, на помощь которого Бюлер рассчитывал.

23 марта 1875 г. было составлено заявление на имя Бюлера, которое подписали М.П. Погодин, А.С. Уваров, Н.А. Попов, Д.И. Иловайский, Е.В. Барсов, И.Е. Забелин, В.О. Ключевский, В.Б. Антонович, призвавшие директора МГАМИД сделать все возможное, чтобы добиться перемещения части Польской и Литовской метрик, хранящихся в С.-Петербургском сенатском архиве, в Москву, которая сама "есть большой всероссийский Архив", и поместить ее именно в МГАМИД, что было бы "всего целесообразнее, всего желательнее для ученых, для исследователей"²². Обращение последовало вслед за обсуждением вопроса о Польской и Литовской метриках в общем собрании Государственного Совета и в связи с предложением образовать при Императорской публичной библиотеке "Метрический архив". Сам председатель Государственного Совета великий князь Константин Николаевич склонялся к передаче Польской и Литовской метрик в Москву²³, однако в МГАМИД часть их поступила лишь 13 лет спустя.

3 мая 1877 г. МГАМИД принял 58 ящиков с архивом Константинопольского посольства²⁴. В связи с возникшим предположением отправить их обратно Бюлер писал в Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД: «После Крымской кампании нам за хранение Константинопольских архивов подарили дела с 1792 по 1812 гг. Отчего же теперь не дать нам "на водку", за труды, дела, например с 1812 по 1829 г. Место у нас для них есть...»²⁵. В МГАМИД было оставлено 32 ящика с делами за 1812–1852 гг., а остальные отправлены в Одессу²⁶. Отправка архива первоначально планировалась накануне праздничных дней, в связи с чем Бюлер писал: "Для меня давно уже не существует праздников и мои чиновники мне помогут. Но все престонородие будет пьяно: артельщики, рабочие, кондукторы, машинисты... Около Москвы и летом, в праздник, целые деревни бывают огульно пьяны и горе дачнику, который бы вздумал переезжать в праздничный день"²⁷.

В связи с закрытием Московского славянского благотворительного общества его документы, наряду с документами Славянского благотворительного комитета, в июле 1878 г. поступили на хранение в МГАМИД²⁸. Документы оказались в "величайшем беспорядке" и были разобраны с участием И.Ф. Токмакова.

Кроме дел, касающихся деятельности собственно Общества и Комитета, были сформированы дела по "Тимоко-Моравской армии"²⁹, развернутой на территории Сербии в 1876 г. и включавшей в свой состав дивизию добровольцев из России.

В здании на Воздвиженке возобновилась работа Комиссии печатания государственных грамот и договоров, фактически бездействовавшей в течение предыдущих 11 лет³⁰. Стали регулярно (по нескольку раз в год) проводиться ее

²¹ Там же. Л. 76–80об.

²² Там же. Д. 3062. Л. 100. О предполагаемой передаче Польской и Литовской метрик в Императорскую Публичную библиотеку авторы заявления узнали из "Московских ведомостей" от 22 марта 1875 г.

²³ РГАДА. Ф. 180. Оп.7. Д. 3062. Л. 114.

²⁴ Там же. Д. 3119. Л. 49–49об.

²⁵ Там же. Л. 74.

²⁶ Там же. Л. 144–145об.

²⁷ Там же. Л. 73об.–74.

²⁸ Там же. Д. 3242. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 19–20об.

³⁰ Очерк деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1877. С. XI.

заседания. На одном из них, 10 февраля 1875 г., был утвержден перспективный план, в соответствии с которым предполагалось издать: "полный список русских посланников в чужих краях с начала XVI столетия", описи архива "за прошлые столетия", древние летописцы и хронографы, 5-й том "Собрания государственных грамот и договоров", "сборник печатей"³¹.

Оживлению деятельности Комиссии печатания государственных грамот и договоров способствовало начало работы по копированию документов для профессора Ф.Ф. Мартенса, работавшего над "Собранием трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами"³².

Едва ли не основным показателем качественного изменения деятельности МГАМИД стал многократный рост числа исследователей уже в первые годы пребывания архива на Воздвиженке³³, позволивший барону Ф.Р. Остен-Сакену сделать вывод, что именно с этого времени МГАМИД "стал действительно доступен для всесторонних ученых изысканий"³⁴. Подобного мнения придерживался и известный писатель П.И. Мельников-Печерский³⁵.

14 марта 1875 г. при библиотеке МГАМИД была открыта читальня, что делало библиотеку, по выражению Бюлера, "в некоторой мере публичною", особенно для студентов Московского университета, которых директор МГАМИД намеревался привлечь к описанию столбцов и, таким образом, положить начало учебному центру, подобному французской Школе хартий³⁶. Над "делами разных приказов" и "боярскими книгами 1604 г." в МГАМИД работал в 1874–1876 гг. В.О. Ключевский³⁷. Бюлер, ознакомившись с опубликованной в журнале "Русский вестник" статьей М.П. Погодина "Как установилось единодержавие Петра", сообщил ему о хранящейся в МГАМИД копии дела о казни Ф. Шакловитого и его сообщников. В результате появилась статья Погодина с сообщением ранее неизвестных сведений о деле Ф. Шакловитого, в которой впервые было высказано мнение о необходимости издания труда А.Ф. Малиновского "Обозрение Москвы"³⁸.

С 1879 г. документами МГАМИД стал пользоваться митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), работавший над "Историей русской церкви" и имевший специальное разрешение получать документы на дом³⁹.

7 мая 1879 г. был последним днем работы в МГАМИД С.М. Соловьева, который занимался "выписками из дел 1780 г." В связи с его смертью МГАМИД лишился "самого постоянного своего посетителя"⁴⁰. В архиве надолго запомнили, что знаменитый историк после потери в 1868 г. "им еще не читанных 10 дел" МГАМИД добровольно отказался от права брать документы на дом⁴¹ и с тех пор посещал МГАМИД "почти ежедневно"⁴².

В декабре 1879 г. разрешение изучать документы МГАМИД "по истории

³¹ РГАДА. Ф. 179 (Комиссия печатания государственных грамот и договоров). Оп. 1. Д. 183. Л. 6об.

³² Подробнее см.: *Чиркова Е.А.* Издательская деятельность Министерства иностранных дел России и русская печать в 60–70-х годах XIX в. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 143–146.

³³ Если в 1873 г. их было 9, то в 1879 г. – уже 94.

³⁴ РГАДА Ф. 179. Оп. 1. Д. 55. Л. 164–164об.

³⁵ Из письма к А.С. Гацискому 1877 г. (см.: *Гациский А.С.* Нижегородский летописец. Н.-Новгород, 1886. С. 169).

³⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3071. Л. 10–11.

³⁷ Там же. Д. 2994. Л. 14об.; Д. 3061. Л. 7–8; Д. 3137. Л. 0–13. Вновь Ключевский работал в МГАМИД в 1888 г. и занимался "разрядными книгами XVI в.", а затем, в 1896 г. (РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3929. Л. 16об. Д. 4526. Л. 10).

³⁸ *Погодин М.П.* Указ. соч.

³⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3288. Л. 40–40об.

⁴⁰ Там же. Д. 3319. Л. 7об.–8.

⁴¹ Там же. Д. 4961. Л. 18об.

⁴² Там же. Ф. 184. (С.А. Белокуров) Оп. 1. Д. 79. Л. 1–1об.

Пугачевского возмущения" получил Н.Ф. Дубровин. Бюлер сообщил ему о донесениях главнокомандующего Москвы князя М.Н. Волконского императрице Екатерине II, некоторые из которых были опубликованы⁴³. 10 апреля 1880 г. Дубровин просил Бюлера разрешить изготовить копии неопубликованных и опубликованных с пропусками донесений, а также письма княжны Таракановой великому визирю, найденные в МГАМИД, и писал: "Я напал на след, из которого просвечивает, что дело Таракановой имеет большую связь с Пугачевским бунтом. Удастся ли мне собрать достаточно материалов для подтверждения этого предположения, не знаю, но я ищу их тщательно"⁴⁴.

Повышению авторитета МГАМИД как центра научных исследований способствовало участие в археологических съездах. Архив дебютировал на IV археологическом съезде в Казани в июле-августе 1877 г. На неофициальном собрании участников съезда, представлявший МГАМИД А.С. Норман высказал мнение, что формами участия архивов в подобных съездах могли бы быть присылка архивных изданий и документов на выставку, разработка тематических каталогов на документы, наконец, личное участие. Подготовка рефератов архивистами, полагал Норман, "может составить только счастливое исключение", а истинной целью участия является "группировка данных для ученых исследований и наблюдения за научными потребностями ученых"⁴⁵. К съезду И.Ф. Токмаковым был подготовлен и впоследствии издан "Сборник и указатель документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии"⁴⁶. Оценивая "многостороннее участие" МГАМИД в съезде, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс писал 3 сентября 1877 г. Бюлеру, что оно вполне соответствует "истинному назначению подобных учреждений"⁴⁷.

20 марта 1881 г. Н.К. Гирс обратился к Бюлеру с просьбой в случае нахождения в МГАМИД "каких-либо бумаг, могущих пополнить первоначальную политическую историю Соединенных Штатов", приказать изготовить с них копии и прислать для передачи американскому посланнику Д. Фостеру, который уведомил Гирса, что, "по случаю происходящих в Соединенных Штатах приготовлений к празднованию столетия мира", заключенного с Великобританией, американскому правительству желательно получить копии с еще не опубликованных материалов относительно переговоров, "последствием коих был трактат 3 сентября 1783 г."⁴⁸ Копии выявленных документов были переданы американской стороне. Их предполагалось опубликовать в сборнике, подготавливаемом американским правительством к 100-летию упомянутого мирного договора.

27 октября 1882 г. в МГАМИД были доставлены из С.-Петербурга в 45 ящиках документы Коллегии иностранных дел за 1801–1830 гг. Их присылка, объяснявшаяся тем, что в Государственном и С.-Петербургском главном архивах МИД "не осталось никакого пространства для помещения вновь поступающих дел"⁴⁹, застала Бюлера "совершенно врасплох"⁵⁰. Разборкой документов и размещением их были заняты служащие МГАМИД М.П. Пуцилло и А.В. Протопопов.

⁴³ См.: *Бартенев П.И.* Оснащенный век. М., 1868. Кн. 1. С. 52–162.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3301. Л. 17об.

⁴⁵ Там же. Д. 3127. Л. 113об.–114.

⁴⁶ См.: *Токмаков И.Ф.* Сборник и указатель документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и его библиотеке. Казань, 1890.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3127. Л. 123.

⁴⁸ Там же. Д. 3376. Л. 1–1об.

⁴⁹ Там же. Д. 3491. Л. 1–1об.

⁵⁰ Там же. Л. 7.

6 ноября 1882 г. в здание на Воздвиженке из кремлевского Теремного дворца было перевезено Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Находившееся как "отделение" Московской Оружейной палаты, под "главным начальством" президента Московской дворцовой конторы, оно, по повелению императора Александра III, было включено в состав МГАМИД, поступив, таким образом, "не только в непосредственное, как прежде, но в единоличное и вполне самостоятельное заведывание" директора МГАМИД⁵¹. 10 ноября 1882 г. в МГАМИД были доставлены старопечатные славянские книги из палат бояр Романовых. Заведование "древностями", оставленными в комнатах Теремного дворца и палатах бояр Романовых для сохранения их внутреннего вида, было возложено на директора Московской Оружейной палаты⁵².

МГАМИД был приглашен участвовать в Рижской исторической выставке, намеченной на июнь 1883 г. Бюлер не решился отослать в Ригу "подлинные привилегии", полагая, что "такого рода акты и без того часто истолковываются высшим классом остзейского населения во вред русскому правительству", кроме того, считал директор МГАМИД, "старинные приходно-расходные книги г. Риги могут до того понравиться, что их почти невозможно будет получить обратно"⁵³. Заручившись согласием директора Департамента внутренних сношений МИД барона Ф.Р. Остен-Сакена "касательно размеров участия" в выставке⁵⁴, Бюлер ограничился высылкой в Ригу указанных документов, изданных Комиссией печатания государственных грамот и договоров.

9 сентября 1885 г. "земледелец Выборгской губернии" (как он сам себя представлял) Кесарь Филиппович Ордин обратился к товарищу министра иностранных дел А.Г. Влангали с просьбой о допуске для изучения документов, "относящихся к присоединению Финляндии и к событиям оное сопровождавшим". Присоединение Финляндии, писал он, некоторыми финскими историками и публицистами "истолковывается как результат некоторого особого соглашения, состоявшегося между императором Александром I и представителями Финляндии, собранными в 1809 г. в Борго. Есть серьезные доводы полагать, – считал Ордин, – что это последнее толкование не точно; но вопрос может быть достаточно разъяснен лишь при ближайшем изучении документов, относящихся к этому событию"⁵⁵.

Министр иностранных дел Н.К. Гирс, представляя в Гатчине 12 октября 1885 г. императору Александру III всеподданнейший доклад, отмечал в нем, что "цель г. Ордина – найти доказательства ошибочности мнения финских историков и публицистов о том, что присоединение Финляндии совершилось не на основании Фридрихсгамского мира со Швецией 5 сентября 1809 г., а вследствие особого соглашения..." Распространение такого толкования, отмечал Гирс, "отзывается весьма вредно на установлении добрых и искренних отношений Финляндии к России"⁵⁶.

Получив допуск к документам архивов МИД, Ордин 30 октября 1885 г. изложил Бюлеру причины, побудившие его предпринять историческое исследование: "Недоразумения, издавна и часто возникавшие между Россией и Финляндией, особенно усилились в последние годы и приняли хронический и вредный характер. Финляндцы заявляют ныне права на совершенно независимое от России существование, опираясь на конституцию страны и на договор, по которому Финляндия добровольно якобы присоединилась к России.

⁵¹ Там же. Ф. 1239 (Дворцовый отдел.). Оп. 3. Д. 24223. Л. 25–26об.

⁵² Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3548. Л. 15–17. Оп. 10. Д. 54. Л. 88–89об., 151–151об.

⁵³ Там же. Оп. 7. Д. 3480. Л. 6об.

⁵⁴ Там же. Л. 12.

⁵⁵ Там же. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 456. Л. 1об.–2.

⁵⁶ Там же. Л. 5–5об.

Будучи многие годы землевладельцем в Выборгской губернии, которая с Петра Великого и до Александра I была русскою губернией, и ближе видя и испытывая всю ненормальность существующих между обоими сторонами отношений, я задался подробным исследованием, по историческим документам, присоединения Финляндии к России"⁵⁷. С ноября 1885 г. из МГАМИД в Государственный архив МИД для Ордина высылались документы о взаимоотношениях России и Швеции в XVIII в., в том числе о войне 1788–1790 гг., о заговоре И.М. Спренгпортена и др. Оппонентом Ордина выступил И.Р. Даниельсон-Кальмари, задавший вопрос, "не является ли г. Ордин простым орудием в чужих руках", ибо "сравнительно важные элементы русского общества желают уничтожения законов и учреждений" Финляндии"⁵⁸.

При Бюлере МГАМИД вступил в едва ли не лучшие времена в своей истории, самого же Федора Андреевича занимаемое служебное положение не вполне устраивало, и он, подумывая о дипломатической службе, просил министра иностранных дел Н.К. Гирса о назначении в Брюссель, где открылась вакансия посланника (пост этот долгие годы занимал сын известного государственного деятеля А.Д. Блудов). "Как жаль, – писал Остен-Сакен Бюлеру 19 марта 1886 г., – что Николай Карлович (Гирс. – В.Б.) так равнодушно относится к архивному делу. Если бы Вам дать влияние и власть над Петербургским архивом, то там наверное удалось бы ввести совершенно иные порядки. Несчастная судьба здешнего архива... Нет там даже никаких добрых традиций"⁵⁹.

При обсуждении нового штата МАМЮ вновь возник вопрос о месте хранения Польской и Литовской метрик. 29 ноября 1886 г. Бюлер представил свое замечание товарищу министра иностранных дел А.Г. Влангали. Оно основывалось на записке В.А. Уляницкого "О документах политических и международных, находящихся в Сенатской метрике"⁶⁰, в которой поддерживалось мнение о необходимости передать Польскую и Литовскую метрики в МАМЮ, с тем чтобы документы, имеющие значение "государственное, историческое и политическое", поступили в МГАМИД. На основе решения Государственного Совета документы Польской и Литовской метрик, "не имеющие юридического значения" (среди них акт Люблинской унии 1589 г. и грамоты литовских великих князей) были переданы в Государственное древлехранилище хартий и рукописей⁶¹.

В VII археологическом съезде, состоявшемся в Ярославле в августе 1887 г., приняли участие молодые служащие архива В.К. Трутовский и С.А. Белокуров, выступивший с рефератом "О времени открытия Греко-латинской школы Арсения грека в Москве в XVIII в."⁶² МГАМИД направил документы на выставку, а также подготовил к изданию составленный И.Ф. Токмаковым "Сборник материалов"⁶³.

31 октября 1889 г. Н.К. Гирс запросил из МГАМИД сведения "по делам третейских судов, в которых участвовали русские государи", в связи с намечавшимся участием императора Александра III в третейском суде по спору между Нидерландами и Францией "насчет границы обоюдных их владений в Гвиане"⁶⁴. МГАМИД выслал подготовленную Уляницким записку "О третейском суде

⁵⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3707. Л. 6–6об.

⁵⁸ Даниельсон И.Р. Соединение Финляндии с Российской державою: По поводу соч. К. Ордина "Покорение Финляндии". Гельсингфорс, 1890. С. 3.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3507. Л. 48–48об.

⁶⁰ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 205. Л. 109–114.

⁶¹ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3063. Л. 82–83.

⁶² Там же. Д. 3714. Л. 238–244об.

⁶³ См.: Сборник материалов для VII археологического съезда в Ярославле, 1886–1888. Вып. I–IV.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3996. Л. 1–1об.

императрицы Екатерины II по поводу спора между Австриею и Пруссиею о разграничении"⁶⁵ 1796 г., приведшую Остен-Сакена "в положительный восторг своею подробностью и документальными приложениями"⁶⁶ и заслужившую одобрение Гирса, прочитавшего ее с "особенным интересом"⁶⁷.

Во время VIII археологического съезда (январь 1890 г., Москва) в здании МГАМИД была устроена выставка "древнеписьменных памятников". На заключительном общем собрании съезда Бюлер выступил с речью, вызвавшей резкую реакцию финляндской печати, которую возмутили следующие слова директора МГАМИД: "Только что изданное исследование К.Ф. Ордина⁶⁸, наполненное ссылками на Московский главный архив, доказывает, как много он нашел в нем данных относительно существенного факта покорения Финляндии и сколько на этом основании мог привести достоверных доводов противу сепаратистов, которые должны были бы считать за великое счастье принадлежать к могущественной и обширной Империи!"⁶⁹ Бюлеру, по-видимому, удалось выразить настроение части руководства МИД. Остен-Сакен писал Бюлеру, что "с большим наслаждением" прочел его речь и вполне разделяет его мнение⁷⁰.

В марте 1891 г. в МГАМИД был допущен профессор Страсбургского университета доктор Э. Тремер, занимавшийся "изысканиями по части Омировой литературы"⁷¹. В архив Тремера привели поиски не новых списков произведений Гомера, а следов библиотеки Ивана Грозного. Результаты поисков, равно как и свои предположения, Тремер изложил в статье, опубликованной в "Московских ведомостях"⁷². Ожидания его найти в МГАМИД остатки царской библиотеки не оправдались. Тем не менее инициатива Тремера дала толчок дискуссии о судьбе библиотеки, в результате появилось известное исследование Белокурова⁷³, в связи с которым Остен-Сакен писал автору "Нужно же было приехать профессору из Германии, чтобы поднять у нас все это замечательное дело!"⁷⁴

9 мая 1896 г. Бюлер скоропостижно скончался и был похоронен на кладбище Донского монастыря (его могила сохранилась поныне). Директором МГАМИД был назначен 11 июля 1896 г. князь Павел Алексеевич Голицын, впрочем, каких-либо заметных перемен в деятельности архива это не вызвало.

На выставку, организованную X археологическим съездом (август 1896 г., Рига), МГАМИД направил подлинники документов Литовской метрики, доставленные Белокуровым⁷⁵, который сделал на съезде два доклада: "О библиотеке московских государей в XVI веке" и "О новых документах касающихся Крижанича"⁷⁶.

На Первом международном конгрессе по дипломатической истории (20–24 августа 1898 г., Гаага), МГАМИД представлял князь Н.В. Голицын, сделавший доклад "Первые русские студенты на Западе", другой доклад – "Петр Великий и остров Мадагаскар"⁷⁷ прислал В.К. Трутовский, который не смог приехать в Гаагу. Доцент С.-Петербургского университета Э.К. Симсон, высту-

⁶⁵ Там же. Л. 8–23.

⁶⁶ Там же. Л. 24.

⁶⁷ Там же. Л. 29.

⁶⁸ См.: Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. СПб., 1889.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3829. Л. 117–118.

⁷⁰ Там же. Л. 123.

⁷¹ Там же. Д. 4124. Л. 1–10б.

⁷² Тремер Э. Библиотека Ивана Грозного // Моск. ведомости. 1891. 14 нояб., 3 дек.

⁷³ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 721. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 4259. Л. 20.

⁷⁶ Труды Десятого археологического съезда в Риге 1896. М., 1900. Т. 3. С. 74, 112.

⁷⁷ См.: Трутовский В.К. Флибустьеры XVIII века // Рус. вестник. 1892. № 8. С. 3–20.

пая на конгрессе, "сделал подробную характеристику деятельности" МИД России и его архивов "по изданию исторических материалов и ученых трудов"⁷⁸. На конгрессе был поднят вопрос об учреждении Международного бюро для издания дипломатических актов, проект которого, считали в МГАМИД, "в общем удачно решает задачу организации нового учреждения", но "недостаточно разработан"⁷⁹. Министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев дал принципиальное согласие на принятие проекта⁸⁰.

В XI археологическом съезде (август 1899 г., Киев) приняли участие С.К. Богоявленский, доставивший на выставку картографические материалы из МГАМИД и сделавший доклад "О Судебнике царя Федора Иоанновича"⁸¹, и Н.В. Рождественский. На съезде обсуждался проект архивной реформы Д.Я. Самоквасова. В его первоначальном варианте МГАМИД упоминался как единственный вполне "благоустроенный" архив, поэтому его фонды не подлежали включению в единый центральный государственный архив для хранения документов высших и центральных учреждений, который предполагалось образовать. Давая разъяснения по проекту, Самоквасов (кстати, не считавший благоустроенным архивом, например, МАМЮ), говорил, что признаками благоустроенности являются "не внутренний порядок в размещении всех дел архива, который не может быть осуществлен еще долгое время, но обладание специально приспособленными для хранения документов и достаточно обширными помещениями, определенным составом служащих, публичность архива и т.п."⁸²

Как бы то ни было, но создавалось впечатление, выраженное, в частности, Богоявленским, что грядущая архивная реформа не коснется МГАМИД непосредственно⁸³. Можно было ожидать, полагал Рождественский, что очередному археологическому съезду "придется, по-видимому, уделить вопросам архивного дела не меньше, если не больше внимания, так как вопрос об архивной реформе, несомненно, далеко будет подвинут в своей разработке и будет, весьма возможно, уже близок к своему разрешению"⁸⁴.

На Втором международном конгрессе по сравнительной истории (10–16 июля 1900 г., Париж)⁸⁵ МГАМИД представлял князь Н.В. Голицын, выступивший с сообщением "по вопросу об освобождении крепостных крестьян при императрице Екатерине II" и с докладом "О первом опыте воздухоплавания", основанном на хранящихся в МГАМИД донесениях 1783–1784 гг. посланника в Париже князя И.С. Барятинского Екатерине II. В ходе заграничной поездки Голицын осмотрел в Париже архив Министерства иностранных дел Франции, а в Берлине – Государственный тайный архив⁸⁶ и пришел, в частности, к выводу, что, "какие бы удобства для ученых ни представляла архивная централизация, ими можно пожертвовать в пользу большей безопасности архивов, конечно, при условии, чтобы эти архивы охранялись местной администрацией и чтобы местные жители дорожили и интересовались ими"⁸⁷.

В начале 1899 г. в МГАМИД поступила библиотека потомственного почет-

⁷⁸ Голицын Н.В. Первый международный конгресс по дипломатической истории // Рус. ведомости. 1898. 20 окт.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 4670. Л. 2.

⁸⁰ Там же. Л. 1–10б.

⁸¹ Там же. Д. 4494. Л. 39–40.

⁸² Там же. Л. 43.

⁸³ Там же. Л. 40.

⁸⁴ Там же. Л. 44.

⁸⁵ Первый конгресс состоялся, как упомянуто выше, в 1898 г. в Гааге. Расширив свою программу, конгресс изменил название.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 4745. Л. 33–48.

⁸⁷ Там же. Л. 48.

ного гражданина Федора Федоровича Мазурина (рукописи, книги, карты, планы, рисунки, гравюры, литографии), доводившегося племянником А.А. Оболенской – жены прежнего директора МГАМИД князя М.А. Оболенского. Мазурин умер, не оставив завещания, и в том, что его собрание попало по назначению, большую роль сыграл опекун Василий Алексеевич Бахрушин, выполнявший устное пожелание Мазурина. В Мазуринском собрании, оцениваемом в 100 тыс. руб., насчитывалось более 7 тыс. книг и 700 рукописей, начиная с XIII в., в том числе таких редких, как Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г.

7 мая 1899 г. Уляницкий был фактически отстранен от должности, уличенный в растрате казенных денег, а также в связи с тем, что обнаружилось "около 1000" книг и рукописей библиотеки Ф.Ф. Мазурина, спрятанных в тех помещениях архива, ключ от которых находился у Уляницкого⁸⁸. Очевидно, что на него пало подозрение в намерении похитить их. Дело, однако, решили не предавать огласке, принимая во внимание былую репутацию провинившегося. "Очень жаль", – писал товарищ министра иностранных дел князь В.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий директору МГАМИД 9 мая 1899 г., – что господин Уляницкий, который до сих пор считался таким примерным и знающим архивистом, так кончает службу в нашем ведомстве"⁸⁹. На должность уволенного Уляницкого был назначен Белокуров.

К тому времени Уляницким было подготовлено к изданию шесть томов политической переписки Екатерины II, однако затем, по свидетельству Белокурова, РИО "что-то неохотно стало соглашаться на это издание", и потому для седьмого тома "никаких подготовительных работ не было сделано и никаких материалов для него не осталось"⁹⁰. Обращаясь к секретарю РИО Г.Ф. Штендману, Белокуров предложил приступить к изданию документов, хранящегося в МГАМИД архива Константинопольского посольства⁹¹, разборкой которого занимался Н.В. Голицын. РИО "будет иметь ввиду это издание", – отвечал Штендман, – но "теперь оно на первую очередь ставит окончание переписки императрицы Екатерины II"⁹². Продолжить подготовку издания предстояло князю Н.В. Голицыну⁹³, его кандидатура, как знающего "весьма хорошо" французский, немецкий и английский языки, была предложена Белокуровым Остен-Сакену.

Инцидент с пропажей документов в МГАМИД имел продолжение поначалу в виде слухов об отставке П.А. Голицына. 28 января 1900 г. С.Ф. Платонов писал Белокурову: "Правда ли, что вместо Вашего князя Вам назначают барона Таубе?"⁹⁴ И куда денется князь? Если верно, очень жалею князя: он очень мил и вежлив"⁹⁵.

9 марта 1900 г. Токмаков был отстранен от работы в библиотеке Архива, после того как была обнаружена недостача некоторых рукописей и книг, а 9 января 1902 г. он был уволен по болезни⁹⁶. Если ранее ему вменялось в виду "небрежное отношение к своим обязанностям"⁹⁷, то впоследствии на него пало

⁸⁸ Там же. Оп. 16. Д. 13. Л. 5.

⁸⁹ Там же. Л. 30.

⁹⁰ Там же. Ф. 1385 (Ф.Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 1401. Л. 2.

⁹¹ По утверждению Белокурова, это было, "кажется, осенью" 1900 г.

⁹² РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1401. Л. 2об.

⁹³ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1121. Л. 18–18об.

⁹⁴ Таубе/ Михаил Алексеевич (род. 1869 г.) – доктор международного права, приват-доцент С.-Петербургского университета, товарищ министра народного просвещения в 1911–1915 гг., один из учредителей Русского генеалогического общества.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 759. Л. 5.

⁹⁶ Там же. Ф. 180. Оп. 9. Д. 22. Л. 337–338.

⁹⁷ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3930. Л. 59.

подозрение в краже документов. 2 апреля 1902 г. Оболенский-Нелединский-Мелецкий сообщал директору МГАМИД о слухе, имеющем хождение "среди литераторов, занимающихся изучением и собиранием сведений и документов, касающихся русской старины", что подобные документы можно приобрести у Токмакова. Голицыну было предложено "проверить основательность" слуха⁹⁸, что и было сделано с помощью специально подосланного "покупателя", однако уличить Токмакова в краже и сбыте архивных документов не удалось.

Вскоре МГАМИД лишился своего директора, умершего 14 мая 1902 г.⁹⁹ Несмотря на инцидент с Уляницким и Токмаковым, у сослуживцев Голицына остались о нем теплые воспоминания. 21 мая 1902 г. Белокуров писал служившему в Государственном архиве МИД Н.П. Павлову-Сильванскому: "Поздравляю с новым директором¹⁰⁰, так как говорят, что человек хороший. Дай Бог, чтобы и на нашу долю пришелся хороший. Такого доброго, скорее отца, чем начальника, каким был князь Голицын, нам не дожидаться; а все-таки хотелось бы, чтобы новый похож был на него. Если узнаете о верном кандидате, – сообщите, кто и что за человек. Говорят, не дай Бог, барон Таубе"¹⁰¹.

30 мая 1902 г. новым директором МГАМИД был назначен генеральный консул в Будапеште князь Владимир Евгеньевич Львов – брат известного политического деятеля. Фактическое же руководство "всеми работами" по архиву осталось в руках Белокурова¹⁰².

С уходом Токмакова и Уляницкого, подводившим черту под "бюлеровским" периодом истории МГАМИД, произошло изменение форм научной деятельности архива. Было прекращено издание "Сборника МГАМИД". Свое участие в XII археологическом съезде (август 1902 г., Харьков) архив ограничил посылкой на выставку карт Екатеринославской, Полтавской, Слободско-Украинской и Черниговской губерний¹⁰³. Их привез Рождественский, которому вместо Токмакова было поручено заведовать библиотекой архива. В последующих съездах МГАМИД участия не принимал.

Судьба замечательного памятника Москвы – дома МГАМИД – сложилась трагично: он был снесен, и на этом месте летом 1930 г. началось возведение здания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Теперь о доме на Воздвиженке напоминает лишь альбом фотографий, который архив успел издать. Старое же здание МГАМИД в Колпачном переулке уцелело. В 1875 г. оно было продано Московскому отделению Императорского Русского музыкального общества, а в 1882 г. перешло в собственность одного из его директоров, московского купца и известного издателя нот П.И. Юргенсона.

Основанная П.И. Юргенсоном издательская и торговая фирма была национализирована декретом СНК РСФСР от 19 декабря 1918 г.¹⁰⁴ Дальнейшая судьба дома в Колпачном переулке связана с историей государственного издательства "Музыка".

⁹⁸ Там же. Л. 42–42об.

⁹⁹ Там же. Д. 4568. Л. 1.

¹⁰⁰ 18 мая 1902 г. директором Государственного и С.-Петербургского главного архивов МИД был назначен С.М. Горяинов.

¹⁰¹ АВГРИ. Ф. 340. (Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД). Оп. 850. Д. 2. Л. 14–14об.

¹⁰² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 6340. Л. 1.

¹⁰³ Там же. Д. 4705. Л. 49–50об.

¹⁰⁴ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 238–239.

АРХИВ НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ

Московский архив Министерства юстиции (ныне находится в составе РГАДА) – крупнейший исторический архив в Москве, образованный в 1852 г. в результате слияния трех Московских сенатских архивов, размещавшихся с конца XVIII в. в здании Сената в Кремле, где для них специально было отведено место. Однако судебная реформа 1864 г. привела к передаче части кремлевских архивных помещений новосозданным судебным учреждениям; одновременно происходили большие поступления документов в архив из упраздненных старых местных судебных учреждений. Назначенный в 1865 г. управляющим МАМЮ Н.В. Калачов мечтал о выделении архиву отдельного здания, где он мог бы шире развернуть свою деятельность. В связи с освобождением здания Константиновского межевого института на Старой Басманной улице архив перевели туда, в главном корпусе расположились хранилище документов, а в боковом флигеле – рабочие комнаты. Но уже через несколько лет стало ясно, что это ветшающее строение не отвечает требованиям обеспечения сохранности документов. К тому же по соседству находились табачная фабрика, медный завод и другие пожароопасные объекты.

В 1877 г. под председательством Калачова учредили комиссию об устройстве МАМЮ. По расчетам, на реконструкцию старого здания потребовалось бы свыше 450 тыс. руб. На такие средства можно было бы построить новое современное здание, спроектированное специально для архива. Объявили конкурс на лучший проект. Калачов из собственных средств назначил премии: за I место – 1,8 тыс. руб., за II – 900 руб., за III – 500 руб.¹ Министерство юстиции дало указание искать место под строительство. Н.В. Калачов написал письмо городскому голове С.М. Третьякову с предложением продать за 15 тыс. руб. участок земли на Девичьем поле между Варваринским и Безыменным переулками (теперь – Хользунов и Архивный переулки) площадью 4,5 тыс. квадратных сажен. Эту свободную землю отводили под заселение, но на отдаленной окраине Москвы никто не хотел покупать участки и строить дома. Городская дума уступила архиву землю бесплатно, но при условии – принять на хранение документы органов Московского городского управления, хотя это не вполне соответствовало профилю МАМЮ².

В 1881 г. утвердили проект архитектора А.И. Тихобразова и по получении сметы приступили к строительству: огородили участок забором, соорудили сторожку, контору, начали завозить строительные материалы³. Лицевую часть строящегося здания занимал административный корпус, выходящий фасадом на Зубовский проезд (позднее – Большая Царицынская улица, дом 15, а ныне –

¹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 385.

² *Автократова М.И., Буганов В.И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 68–70; *Автократова М.И., Долгова С.Р.* Большая Пироговская улица, 17. М., 1988. С. 29–40 (Биография московского дома).

³ *Шереметевский В.В.* История Московских сенатских архивов и Архива Министерства юстиции с 1843 г. по 1888 г. // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1890. Кн. 7 С. 78–80; РГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 470. Л. 4–4 об.; Д. 482. Л. 4 об.–5 об.; Д. 515. Л. 6 об.; Д. 526. Л. 6 об.–7; Д. 537. Л. 5 об. – 6; Д. 549. Л. 43 об.

Большая Пироговская, 17). В этом двухэтажном здании было спроектировано 20 комнат, что обеспечивало прекрасные условия для работы, принимая во внимание штат архива, насчитывавший тогда 28 сотрудников. Поскольку архив переехал из чужого здания в Кремле в свое собственное здание, потребовалось еще около 10 человек вольнонаемного обслуживающего персонала: дворников, сторожей, швейцаров, курьеров, истопников ("архивная прислуга" или "архивные служители", как тогда говорили); появилось также несколько переписчиц, занимавшихся копированием документов для нужд МАМЮ и для исследователей; в читальном зале, как правило, находилось 10–15 посетителей.

Калачов собирался одновременно с открытием нового здания начать занятия в Московском археологическом (точнее археографическом) институте при МАМЮ, для чтения лекций в котором предназначался один из двух больших залов, занятый впоследствии Описательным отделением архива. Другие архивы, например, МГАМИД, давно имели отдельные здания в центре Москвы, поблизости от Румянцевского музея и библиотеки, что создавало дополнительные удобства ученым (Межевой архив оставался до 20-х годов XX в. в Сенатском здании в Кремле, Московский дворцовый архив – в Кремлевской Троицкой башне), но Качалов придавал большое значение удаленности МАМЮ от городского шума и тому, что для него впервые в России построили специальное архивное здание с учетом достижений современной строительной техники. В 1883 г. оно было подведено под крышу, а в 1884 г. работы в основном закончены. Переезд и перевозку документов завершили в сентябре 1886 г., уже после смерти Калачова, протрудившегося на сквозняке при осмотре строительства в октябре 1885 г. и преждевременно ушедшего из жизни⁴.

Архивариус Н.И. Тихомиров сочинил стихи по поводу открытия нового архивного здания:

"Средь Девичья в Москве поля,
На широком всем раздолье
Стоит здание большое,
А за ним обширный двор,
А вокруг него забор...

Долго строилось оно,
Много денег унесло,
И скончался сам строитель.
Но зато наша Архива
Вышла чудо всем на диво⁵.

При переезде документы каждого "архивного отдела" (так называли тогда фонды) во избежание путаницы подбирались в кипы, из которых делались вязки по два пуда с соответствующими ярлыками. Столбцы и грамоты связывали десятками и зашивали в кули. Ввиду того что основную массу дел (2 млн.) надо было перевести в кратчайший срок – с середины февраля по май 1886 г. – отправлялись по 20–30 подвод в день (свыше 15 тонн документов). Упаковка производилась ежедневно с раннего утра до позднего вечера. Разгружая подводы, рабочие неизбежно смешивали вязки разных "отделов". Затем чиновники архива разбирали документы в порядке номеров и устанавливали на выделенные места в хранилище, сразу же закрывая их для защиты от пыли картонами (с полагающимися надписями). Для облегчения нахождения нужных "отделов" боковые стороны шкафов заставлялись также картонами, на которых наклеивались печатными буквами названия отделов. Начальники отделений архива: Разрядно-Сенатского (И.Н. Николаев) и Поместно-Вотчинного (В.И. Холмогоров), – составили топографические ведомости размещения документов с обозначением зала в хранилище, яруса, шкафа, полки и даже ряда. Одновременно отмечалось, какой учетно-справочный аппарат имелся к документам или не

⁴ См.: *Шохин Л.И.* Н.В. Калачов во главе МАМЮ (по неопубликованным документам) // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 141–142.

⁵ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6289. Л. 15.

имелся вообще, показывалось соотношение документов до XVIII в. и более позднего периода. В помещении было холодно, так как система отопления еще не функционировала, и в то же время варка асфальта для покрытия пола сопровождалась скоплением пыли и чада. Для таких старых сотрудников, как И.Н. Николаев и А.Н. Зерцалов, переезд 1886 г. явился повторением в большем масштабе того, что им ранее пришлось делать на Старой Басманной. Архивист А.И. Ковалевский заболел в 1886 г. хронической пневмонией, оставшейся на всю жизнь (умер после 1917 г.)⁶.

В новом здании архива выделялись отдельные комнаты под переплетную и "разборную для сортировки присылаемых документов". Часть хранилища осталась незанятой, специально зарезервированной с учетом поступления новых дел. С 1888 г. проводилось комплектование МАМЮ документами Московской городской управы. Прежде на протяжении нескольких лет сотрудники архива по очереди командировались в учреждения Московского городского управления приводить эти дела в порядок перед сдачей на постоянное хранение⁷, так что это – не нововведение советского времени, как принято было утверждать в вузовском курсе "Ведомственные архивы".

Между тем состояние хранилища продолжало внушать беспокойство И.Н. Николаеву и В.И. Холмогорову, докладывавшим новому управляющему Н.А. Попову, что асфальт положен только в проходах, но не под самими шкафами. Нижние полки устроены на самой насыпи, откуда проходит сырость, отчего и стена зимой становится влажной и плесневелой. На нижних полках и близко к стенам опасно ставить документы, они сыреют даже на второй полке и покрываются зеленью. Несмотря на большие окна, вентиляция зимой неудовлетворительна. Проветривались лишь те проходы, против которых расположены форточки, а у стен застаивался гнилой воздух⁸. При переезде не всегда удалось оптимально разместить "отделы документов", порой в хранилище возникала путаница. Так, сенатские книги и вязки попали на разные ярусы вперемежку с книгами других отделов; герольдмейстерские книги смешались с книгами Печатной конторы и т.д. Документы расставили на полках излишне плотно, в два ряда. При переезде настелили временные дощатые полы, но потом их сняли и передвигались по рельсам на тележках (дрезинах). Такая конструкция архивохранилища (пять ярусов без пола), по мысли архитектора, должна была обеспечить циркуляцию воздуха, но это затрудняло приведение в окончательный порядок архивных "отделов" и проведение проверки наличия документов. А.Н. Зерцалов уверял, что для него одинаково удобны как движущиеся дрезины, так и железные ажурные полы. Однако архивист А.А. Гоздаво-Голомбиевский указывал, что дрезины не годятся для нервных и больных людей. «Я бы ни за что не решился совершать такие прогулки, – признался редактор журнала "Русская старина" М.И. Семевский, посетивший архив в 1888 г., – но все дело привычки, и обязательные подвижки этого хранилища юридических и исторических актов беспрестанно передвигаются на этих платформах за теми или другими делами»⁹.

В архивном дворе находились два небольших каменных флигеля с казенными квартирами для шести сотрудников, отвечавших за обеспечение сохранности документов; в конторе и сторожке поселились дворники и сторожа. В административном корпусе, на втором этаже остались пустующие комнаты, так как Археологический институт, задуманный Калачовым при архиве для под-

⁶ Там же. Д. 551. Л. 10 об.–12; Д. 1352. Л. 10–11 об.; Д. 6776. Л. 37, 44; Д. 6780. Л. 194; Д. 9693. Л. 8–8 об.

⁷ Там же. Д. 549. Л. 44; Д. 565. Л. 22; Д. 580. Л. 42 об.; Д. 9449. Л. 1–2.

⁸ Там же. Д. 1625. Л. 18–20 об.

⁹ Семевский М.И. Поездка по России в 1888 г.: Москва // Русская старина. 1889. № 4. С. 235.

готовки научных кадров, не был создан из-за нехватки средств. Предназначенное для института помещение частично заняли под квартиру управляющего архивом. Сначала там жил Н.А. Попов со своей семьей, затем – сменившие его Д.Я. Самоквасов и Д.В. Цветаев. Большинство архивных чиновников снимали меблированные комнаты на близлежащих улицах: Плющихе, Смоленском и Зубовском бульварах. Арбат считался отдаленным местом, хотя к нему по Плющихе в конце XIX в. провели трамвайную линию. Архив долгое время жил довольно изолированно от внешнего мира, даже водопроводная сеть в эти края подошла из центра города далеко не сразу. На свои средства МАМЮ устроил асфальтированную площадку перед входом, заботился о благоустройстве прилегающих улиц. В ответ на неоднократные требования полиции заменить старый обветшавший забор дирекция архива запросила в Министерстве юстиции средства на сооружение железной решетки. Деревянный забор не гармонировал с монументальным характером здания и, кроме того, являлся пожароопасным. Смета была выделена, и в 1890 г. соорудили новую ограду, но не решетчатую, а сплошную каменную, придавшую архиву вид законченного целого. Кроме того, построили новую каменную дворницкую сторожку¹⁰.

Постепенно красивое здание архива теряло вид, а выделение средств на его ремонт не предусматривалось. Во время отделки в 1886 г. даже не могли покрасить стены и полы; деревянные рамы через несколько лет рассохлись, образовались большие щели. Здание несколько осело, появились трещины в стенах, кое-где обвалилась штукатурка. Зимой в хранилище полопались отопительные трубы, в которых замерзла вода; их пытались заделать подручными средствами – паклей и замазкой. Строительная комиссия не была закрыта после 1886 г., но, исчерпав смету, фактически бездействовала. Д.Я. Самоквасов обеспокоенно рапортовал в Министерство юстиции, что вследствие задержки ремонта придется потом затратить десятки тысяч на восстановление здания. На железной крыше обнаружили до 150 мелких отверстий, которые Самоквасов велел замазать, хотя нужно было менять всю кровлю. Техник И.Г. Кондратенко, присланный по его просьбе Московским губернским правлением, подтвердил, что необходим капитальный ремонт. К такому же выводу пришел и присланный из Министерства юстиции архитектор Е.В. Пруссаков. Самоквасов считал необходимым, ради обеспечения сохранности документов, устроить двери в 10 лестничных проходах (по 2 на каждом ярусе), хотя бы решетчатые, предусмотренные в первоначальном проекте, но не сделанные за недостатком денег. Чтобы тщательнее закрыть документы от пыли, купили парусину. Наиболее ценные из них поместили в специально изготовленные дубовые шкафы и запирающиеся витрины. Не было, впрочем, реализовано предложение Самоквасова заделать наглухо лишние окна, через которые зимой дуло, а летом проникала угольная пыль от отопления архива и выстроенных на Девичьем поле университетских клиник. Архивариусы давно добивались установки 4 дефлекторов для собирания сажи на трубах в самом архиве. Когда удалось получить субсидию, в хранилище устроили значительное количество форточек и целых раскрывающихся окон с железными решетками, дающих возможность проветривать летом. Ремонт и строительные работы, проводившиеся под руководством И.Г. Кондратенко, в основном закончили в 1894 г. Между ярусами в архивохранилище поставили железные винтовые лестницы. Здание МАМЮ подключили к системе водопровода и канализации клиник Московского университета, благодаря чему появилась возможность установить повсюду пожарные краны. Канализация принесла значительные удобства, так как раньше от выгребных ям разносился гнилой

¹⁰ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 599. Л. 87 об.

воздух, отчего иногда приходилось временно приостанавливать занятия исследователей в архиве¹¹.

В 1894 г. изготовили первые образцы решетчатого пола. В докладной записке архивариуса Н.И. Тихомирова говорилось, что с дрезины неудобно брать более двух книг или столбцов, а при наличии полов выемкой и подкладкой смогут одновременно заниматься несколько человек. "От ветхих столбцов при падении с V яруса могут остаться одни только лоскутки, – говорилось в докладной записке И.С. Беляева. – Проектируемые полы весьма красивы, особенно если их выкрасить в один цвет с шкадрами (шкафами. – Л.Ш.) серо-голубой краской"¹². В 1896 г. такие решетки настелили по всем ярусам, а в проходах около стен хранилища вместо старых деревянных полов положили рифленое железо¹³. С западной стороны к архивному городку пристроили еще одну сторожку. Самоквасов хотел построить целый жилой дом, но не получил на это денег¹⁴. (Аналогичные проекты возродились в 1930-х годах, когда рядом со старым зданием МАМЮ сооружались архивохранилища для новых архивов – Октябрьской революции и Красной Армии.) Самоквасов, будучи профессором Московского университета и членом Строительного комитета по возведению и перестройке университетских зданий, добился в 1898 г. проведения в архив электричества от тех же университетских клиник, что позволило зажечь в административном корпусе 60 электрических лампочек и разрешить вечерние занятия в читальном зале с 18 до 21 час. Раньше находиться в архиве при освещении не полагалось, рабочий день длился всего 4 часа в светлое время суток: с 11 до 15 час.¹⁵ В архивохранилище электрическое освещение провели в 30-х годах, когда пришлось делать новый капитальный ремонт, менять отопительную систему в связи с подключением к центральному отоплению и т.п. В конце XIX в. в МАМЮ появилась пишущая машинка и почти 100 лет оставалась единственным видом множительной техники в архиве; в 1896 г. установили телефон. Архивисты, проживавшие на территории МАМЮ (А.А. Востоков и др.) Завели здесь сад и цветник, расширению которых придавал большое значение Самоквасов. Не получив особой сметы, он тем не менее постоянно отлучал на это небольшие суммы из хозяйственных средств архива. В 1892–1893 гг. у Петровской земледельческой академии закупили деревья для посадки; тогда и был заложен нынешний архивный сквер. В 1899 г. проложили мощеную булыжником проезжую дорогу и асфальтированные пешеходные дорожки. Чтобы облагородить внешний вид архива, поставили новые железные ворота с калиткой, повесили несколько фонарей и новый козырек над парадной дверью¹⁶.

В таком виде здание МАМЮ не только дошло до начала XX в., но и в основном существует до настоящего времени. Второй капитальный ремонт, произведенный в 1913 г. управляющим Д.В. Цветаевым, не изменил облик архива. Тогда фотограф Гусев, делавший фотокопии архивных документов, оставил несколько фотоснимков здания на Девичьем поле¹⁷. Архитектор А.И. Тихобразов очень гордился своим творением, которое нередко ставили в

¹¹ Чулков Н.П. Памяти Д.Я. Самоквасова // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1912. Кн. 17. С. XIV–XV; РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 631. Л. 63–67; Д. 643. Л. 75 об.; Д. 658. Л. 67, 71–71 об.; Д. 695. Л. 72–72 об.

¹² РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1562. Л. 83–84.

¹³ Там же. Д. 617. Л. 68 об., 77–78; Д. 658. Л. 68–69 об.; Д. 666. Л. 71–71 об.; Д. 674. Л. 51 об.–53; Д. 1625. Л. 48, 61; Д. 9508. Л. 1–1 об.

¹⁴ Там же. Д. 549. Л. 44 об.

¹⁵ Там же. Д. 1084. Л. 100.

¹⁶ Там же. Д. 617. Л. 70; Д. 631. Л. 90; Д. 643. Л. 72; Д. 658. Л. 69 об.; Д. 666. Л. 74; Д. 706. Л. 69–70.

¹⁷ Там же. Д. 827. Л. 67 об.

образец при сооружении новых зданий для архивов и библиотек, хотя, кроме заслуженной известности, это не принесло ему никаких официальных наград. В здании архива, признанном одним из архитектурных достопримечательностей Москвы, со времени его открытия начали проводить экскурсии (к примеру, такие просьбы поступали от делегатов съездов врачей – на всероссийском и даже международном уровне, от делегатов съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию)¹⁸.

Улучшение условий хранения должно было способствовать последовательному претворению в жизнь всех требований учета документов, гарантирующих их сохранность, а в этом отношении не все обстояло благополучно. В 1892 г. А.А. Гоздаво-Голомбиевский сверил акты из собрания бывшего сотрудника МАМЮ И.Д. Беляева (впоследствии – профессор Московского университета) в Румянцевском музее с описью "Грамот Коллегии экономии", составленной в МАМЮ, и убедился, что все названное собрание в 3 тыс. единиц хранения является малой частью "Грамот Коллегии экономии", насчитывавших 30 тыс. единиц – одного из ценнейших фондов МАМЮ. В № 221 "Правительственного вестника" за 1885 г. издана поступившая в Румянцевскую библиотеку жалованная грамота Кузьме Минину с указанием отметок на ней, по которым можно предположить, что она принадлежала МАМЮ. Директор Публичной библиотеки в Петербурге признал, что ему неоднократно предлагали для покупки "Грамоты Коллегии экономии". Занимавшийся изучением документов Малороссийского приказа В.О. Эйнгорн обратил внимание, что в архиве не оказалось древнейшей, 1-й книги этого учреждения XVII в. Как выяснилось, ее 20 лет назад выслали в Археографическую комиссию, Н.И. Костомарову. После долгих поисков книгу нашли в библиотеке Д.Л. Мордовцева, друга покойного Костомарова, и вернули в архив. После смерти историка Г.Ф. Карпова в его квартире тоже нашли документы МАМЮ. Столбцы Малороссийского приказа, использовавшиеся для подготовки издания "Акты Юго-Западной России", возвращались из Археографической комиссии в истрепанном и неполном виде. Вместе с ними присылали документы, отправленные туда свыше 50 лет назад из московских сенатских архивов, еще до образования МАМЮ, а также книги и столбцы, о которых совсем не известно, кому и куда они были направлены. А.А. Голицынский, изучавший делопроизводство Комиссии об имуществе тайной советницы Брискорн, просмотрел 9 вязок с делами и потребовал 10-ю, но ее пришлось долго искать среди документов, утративших ярлыки при перевозке на Девичье поле; потом искали и 19-ю вязку, тоже хранившуюся не на своем месте¹⁹.

Вступив в должность архивариуса, И.Н. Николаев принял по "перечневой ведомости" от своего предшественника Д.В. Крестьянского подлинные высочайшие жалованные грамоты, указы, повеления и другие акты, "поступившие из разных присутственных мест", но они так и не составили отдельного фонда и не были присоединены к другим фондам. После скоростижной смерти Николаева в 1888 г. на V ярусе остались две полки, где были в беспорядке, без ярлыков грудой свалены особо ценные документы из разных "отделов": 28 жалованных грамот, украшенных орнаментом; книги указов, подписанных Екатериной II, адресованных Московскому казначейству, Банковской конторе, Коллегии экономии, Судному приказу и пр.; 5 вязок дел Коллегии экономии; вязки с делами Ямской конторы, части столбцов Московского стола Разрядного приказа. Такие же документы без ярлыков не на своих местах были свалены на полках за наружными рядами книг на I ярусе: указы Екатерины II Московской сенатской конторе по Тайной экспедиции; именные указы 1770–1774 гг. Москов-

¹⁸ Там же. Д. 553. Л. 44, 46; Д. 667. Л. 74–74 об.; Д. 683. Л. 17–17 об.; Осмотр Архива Министерства Юстиции членами общества по исследованию памятников древности // ИВ. 1917. № 5. С. 851–852.

¹⁹ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 587. Л. 92, 187; Д. 631. Л. 29 об.; Д. 644. Л. 45 об.–47 об.

ским департаментам Сената; "роспись животов" Ф. Шакловитого и князей В.В. и А.В. Голицыных, распроданных в 1690 г. Приказом Розыскных дел, и т.д.²⁰ По предположению Самоквасова, беспорядочное хранение документов и низкое качество описей (из столбцов можно было легко вынуть любое дело, кроме первого и последнего, описанных в описи) позволяли пополнять частные собрания И.Д. Беляева, П.Ф. Карабанова и др.

Даже оппозиционно настроенные по отношению к Д.Я. Самоквасову архивисты, вроде Н.Н. Оглоблина, придерживались тех же взглядов на принципиальную важность обеспечения сохранности документов, видя в этом свой профессиональный долг. Касаясь истории с увольнением сотрудника МАМЮ А.И. Юшкова, взявшего на время домой для частной работы документы из архива, Оглоблин написал руководителю Московского общества истории и древностей российских С.А. Белокурову, что такого человека не стоит рекомендовать в члены общества, несмотря на научные заслуги: "Как ни толкуй его последний скандал с документами Архива Юстиции, Юшков вышел из него сильно замаранный"²¹.

Чтобы свести к минимуму возможность присвоения документов самими архивистами, при Самоквасове никого, в том числе и служащих архива, не допускали в хранилище без архивариуса или его помощника. Раньше такое правило существовало только на бумаге, но фактически не выполнялось. Завели "записные книги выдачи документов" сотрудникам и две книги "выдачи документов особой важности" – сотрудникам и исследователям. Однако Самоквасов признавал, что полистно проверять все выдаваемые документы совершенно невозможно, а постоянный надзор за исследователями затруднителен: "Недобросовестное лицо, занимающееся на своем столе, закрытое лежащими перед ним документами и книгами, при всяком контроле имеет возможность вырвать или вырезать листы из книги или столбца или вязки и вынести в кармане"²².

Выдачей документов их хранилища обычно занимался курьер, но подкладка как более ответственное дело проверялась архивариусом или его помощником, причем все документы, вынесенные за день, перед уходом сдавались обратно в хранилище по особому списку. После смерти Самоквасова введенный порядок был нарушен из-за возросшей загруженности сотрудников научно-издательской работой. Особенно легко путались при подкладке дела из вязок с документами местных судебных учреждений, хранившиеся в Поместно-Вотчинном отделении. С книгами и столбцами ориентироваться было несколько проще, так как они, по выражению Н.Н. Ардашева (сменившего в 1902 г. умершего архивариуса В.И. Холмогорова), имели "сравнительно выразительную физиономию". На вязках же все обозначение заключалось в восьмушке бумаги (даже не картона) с названием учреждения, номерами описи и вязки, вроде "вязка 3 по оп. 5" или "вязка 5 по оп. 3". Дело из одной вязки легко можно было положить в другую. Кусочек бумаги, подсунутый под веревку, обрывался по частям, со временем исчезал²³. Вязки некоторых "архивных отделов", чтобы защитить от пыли и облегчить нахождение, заворачивали в разноцветную бумагу, например, по Камер-конторе – синию, по Цалмейстерской – розовую²⁴. Но этот опыт не стал повседневной практикой.

Н.П. Чулков, назначенный в 1912 г. архивариусом Разрядно-Сенатского

²⁰ Там же. Д. 6792. Л. 26.

²¹ Там же. Ф. 184. (С.А. Белокуров). Оп. 1. Д. 708. Л. 18 об.; См.: *Шохин Л.И.* План описания столбцов Поместного приказа в МАМЮ // *Историография и источниковедение архивного дела в СССР*. М., 1984. С. 23.

²² РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 631. Л. 63–63 об.; Д. 736. Л. 2–3 об.; 14 об.–15 об.

²³ ГАРФ. Р-5325 (Главархив). Оп. 9. Д. 179. Л. 47; Д. 398. Л. 5.

²⁴ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6768. Л. 93 об.

отделения вместо покойного Н.И. Тихомирова, с самого начала видел необходимость составить новый подробный топографический указатель, без чего невозможно разыскать многие дела, в особенности мелких фондов. На ярлыках к тому времени отдельные надписи стерлись или стали неразборчивыми. Но для работы над указателем нехватало времени. К тому же старые сотрудники отделения – помощник архивариуса И.С. Беляев и курьер И. Привалов – хорошо знали расположение документов в хранилище, их опыт компенсировал недостатки учетно-справочного аппарата. В 1918 г. они оба умерли, и Чулков немедленно приступил к указателю, продолжая то, что Николаев начал делать еще в 1886 г., не доведя до конца (к тому же с тех пор внутри хранилища производились кое-какие перемещения, поступали новые документы)²⁵.

Издание "инвентарной описи" столбцов и книг Разрядного приказа дало возможность высылать во временное пользование и выдавать в читальный зал не целые столбцы, а нужные листы из них. По мнению Н.Я. Советова, который 20 лет заведовал читальным залом архива, это позволяло "избавиться от прямо-таки непосильной и двойной проверки целого столбца"²⁶.

Последнему управляющему МАМЮ Д.В. Цветаеву, назначенному после смерти Д.Я. Самоквасова в 1911 г., тоже пришлось начать свое управление с капитального ремонта. Особенно тревожным по-прежнему оставалось состояние отопительной системы; еще в 1907 г. котлы и трубы изнашивались и требовали замены. Выход из строя котлов, от которых обогревался административный корпус с рабочими комнатами сотрудников, привел к необходимости отключить котлы хранилища, вовсе оставив его без тепла. Но и при непрерывной топке день и ночь хранилище прогрелось всего до 6–7°²⁷.

Кроме проведения ремонта, интересны появившиеся тогда проекты реконструкции и переоборудования архивных помещений. "В целях абсолютно безопасного хранения архивных сокровищ следовало бы существующие деревянные окна заменить железными, – предлагал Д.В. Цветаев министру юстиции И.Г. Щегловитову. – Но эта замена потребовала бы слишком больших средств и сложной работы, могущей вредно отразиться, хотя и временно, на общей деятельности архива"²⁸. Оконные рамы до сих пор никто менять не собирается, а деревянные полки в архивохранилище заменили железным лишь в конце 80-х годов XX в.

Цветаев поставил вопрос об оптимизации состава МАМЮ. После 1888 г. свободного места в хранилище почти не осталось, "хотя его здание построено так, что со временем должно быть продолжено по готовой для того земле, – указывал он, имея ввиду форму архивного здания в виде буквы П, позволяющую пристроить новые помещения вглубину от Большой Царицынской улицы, – но об ассигновании значительных средств на сооружение едва ли возможно говорить даже в ближайшем будущем". Оставив в МАМЮ писцовые книги, ревизские сказки и другие документы, имеющие значение для отечественной истории в целом, а не только относительно той или иной местности, Цветаев допускал возможную передачу прочих документальных материалов местных судебных учреждений, поступивших главным образом при Калачове, в создававшиеся при губернских ученых архивных комиссиях исторические архивы²⁹. Таким образом, намечалось превращение МАМЮ из комплектуемого в архив с постоянным составом документов.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 375. Л. 4–5 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9721. Л. 18 об.

²⁷ Там же. Д. 758. Л. 78–78 об.; Д. 779. Л. 89.

²⁸ Там же. Д. 9688. Л. 9 об.

²⁹ *Цветаев Д.В.* МАМЮ и губернские ученые архивные комиссии // Русский архив. 1916. № 4. С. 411–412.

После 1917 г. бывший МАМЮ стал основой ЦГАДА (ныне РГАДА) и постепенно его состав стабилизировался в нынешнем виде, последние крупные передачи документов были в 50-е годы. Фонды местных судебных учреждений в основном передали в областные государственные архивы, но выделенные из них документы XVII в. оставили в ЦГАДА. Фонды Московской городской управы и других органов городского управления отдали в Исторический архив Москвы. Архив древних актов жил своими проблемами, но его судьба неотделима от истории нашего города Москвы. В предвоенный и последующий периоды многое пришлось делать практически заново, поэтому преобразование архивохранилища до более или менее приемлемого состояния закончилось сравнительно недавно.

МАМЮ справедливо считался одним из лучших архивов в России³⁰, но, как видно из всего вышеизложенного, обеспечение сохранности документов в нем было далеко от идеала. Главная причина, тормозившая прогресс в архивном деле, заключалась в том, что правительство всегда экономило на этом. Обстоятельства после 1917 г. мало способствовали упорядочению архива. Часть помещений в административном корпусе захватил Хамовнический совет рабочих и солдатских депутатов³¹, а затем – Главное управление архивным делом. В 1986 г. отмечали 100-летие построенного Калачовым архива. На юбилейном заседании Научного совета ЦГАДА вспомнили о варварском проекте уничтожить уникальное здание (возможно, оставив позadi архивохранилище), чтобы соорудить на Большой Пироговской улице приемную Главархива СССР. Хорошо, что в настоящее время об этом речи быть не может. РГАДА одним из первых архивов получил статус национального культурного достояния, и Роскомархив уделяет внимание поддержанию в порядке интерьера в этом архивном здании. Но достойно сожаления, что не все помещения до сих пор вернули законному владельцу – РГАДА как наследнику МАМЮ; плохо сочетается с потребностями архива выстроенный во дворе архивного городка гараж, превратившийся в настоящую автобазу под окнами бывшего МАМЮ.

³⁰ *Шохин Л.И.* Систематизация, описание и изучение материалов по генеалогии в МАМЮ во второй половине XIX – начале XX вв. // ВИД. Л., 1991. Вып. 22. С. 52–64; *Он же.* Обработка, описание и реставрация приказных столбцов и книг, хранившихся в МАМЮ // ОА. 1992. № 5. С. 26–30; Записка Н.Н. Ардашева о методике составления архивных справок 1893 г. / Публ. Л.И. Шохина // ОА. 1994. № 2. С. 80–84; *Козлов В.Ф.* История и судьба Московского архива // Московский архив: историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 238–249.

³¹ См. о первом вторжении в архив во время ноябрьских боев 1917 г.: *Шохин Л.И.* Впечатления архивистов МАМЮ о Первой мировой войне // ОА. 1994. № 4. С. 104–105.

В.А. Черных

**ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ АРХИВОВ
И РУКОПИСНЫХ ХРАНИЛИЩ МОСКВЫ
НА СТРАНИЦАХ "АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЕЖЕГОДНИКОВ"**

Археографическая комиссия РАН продолжает и развивает традиции академиков П.М. Строева, Н.В. Калачова, А.А. Шахматова, С.Ф. Платонова, М.Н. Тихомирова, олицетворявших неразрывную связь между академической историко-филологической наукой и хранилищами рукописей и документов. На протяжении 40 лет своего существования Комиссия неизменно сотрудничает с архивами и рукописными отделами музеев и библиотек в деле выявления, описания и введения в научный обиход письменных памятников истории и культуры. Стремясь взаимодействовать с рукописными хранилищами всей России, сопредельных и удаленных стран, Археографическая комиссия наиболее тесно сотрудничает с архивами, библиотеками и музеями Москвы. Определяется это не только местопребыванием комиссии в столице Российского государства, но и неисчерпаемым богатством московских хранилищ.

Хотя, по словам Пушкина, после петровских преобразований "Перед младшею столицей / Померкла старая Москва", в московские частные и общественные собрания на протяжении трех столетий продолжали стекаться ценнейшие документы и манускрипты, легшие в основу рукописных фондов ГИМ, РГБ, РГАЛИ и ряда других хранилищ. А в послереволюционные годы московские архивы пополнились ценнейшими фондами из хранилищ Петербурга и многих других городов и областей России. Напомню хотя бы о том, что многие фонды центральных учреждений "петербургского периода" российской истории, таких как Министерство иностранных дел, III Отделение Императорской канцелярии, Департамент полиции, библиотека Зимнего дворца, а также личные архивы членов императорской фамилии за весь XIX и начало XX в., были перемещены из Петрограда в Москву и продолжают храниться в московских архивах. Неудивительно поэтому, что история московских архивов и других рукописных хранилищ, их современное состояние и деятельность, состав и содержание собираемых в них архивных фондов и коллекций, проблемы их сохранности и научного использования, подготовки квалифицированных кадров "рукописников" и архивистов постоянно были и продолжают оставаться приоритетными темами в трудах Археографической комиссии.

Основным изданием, на страницах которого регулярно публикуются результаты научных исследований в этой области, является "Археографический ежегодник". По сути дела, все его материалы, традиционно распределяемые между четырьмя основными рубриками — Статьи и сообщения; Обзоры, описания, библиография; Публикации; Хроника — так или иначе посвящены письменным памятникам, рукописям, архивным документам, заботе о них и работе с ними. Настоящий обзор посвящен статьям и материалам, характеризующим преимущественно историю и деятельность архивов и рукописных хранилищ Москвы, а не состав и научное значение хранящихся в них фондов, отдельных рукописей и документов.

Ряд статей, помещенных в разные годы в "Археографическом ежегоднике", специально посвящен деятельности крупнейших государственных, академических и бывших партийных архивов — таких как ЦГАДА (ныне РГАДА)¹, ЦГАОР СССР (входящий ныне в состав ГАРФ)², Архив АН СССР (ныне — Архив РАН)³, ЦГАНХ СССР (ныне РГАЭ)⁴, ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ)⁵, Истпарт и ЦПА⁶ (ныне их фонды вошли в состав РЦХИДНИ); крупнейших музеев — таких, как ГИМ⁷, ГЛМ⁸, Музей Революции⁹, Музей Вооруженных сил¹⁰, а также и менее известных и недолго существовавших хранилищ, как, например, Хранилище частных архивов, действовавшее в Москве в годы гражданской войны¹¹.

В настоящем томе "Археографического ежегодника" значительное место уделено двум "малым юбилеям" — 200-летию архивов Москвы и 125-летию Государственного исторического музея, совпавшим с "большим юбилеем" — 850-летию Москвы, чьи документы они бережно хранят и внимательно изучают.

Помимо материалов, специально посвященных отдельным московским архивам и другим рукописным хранилищам, важные сведения по их истории и современной деятельности содержатся также в статьях общего характера, освещающих работу хранилищ документальных памятников всей страны¹², и, в частности, их публикационную и информационную деятельность.¹³

¹ Шмидт С.О. К истории составления описей Царского архива XVI века (АЕ за 1958 год); Тихомиров М.Н. Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки (АЕ за 1965 год); Автократова М.И., Душинов С.М. Научно-издательская деятельность ЦГАДА за 60 лет (АЕ за 1978 год); Шохин Л.И. Н.В.Калачов во главе Московского архива Министерства юстиции (АЕ за 1987 год).

² Добровская А.В., Плеваков С.Т. ЦГАОР СССР как научное учреждение (АЕ за 1977 год); Зелов Н.С., Плеваков С.Т. В.В.Максаков и создание Архива Октябрьской революции (АЕ за 1978 год); Зелов Н.С. ЦГАОР СССР в годы Великой Отечественной войны (АЕ за 1981 год); Он же. Комплектование ЦГАОР СССР в 1975–1986 гг. документами участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за Советскую власть (АЕ за 1987 год); Добровская А.В., Горбунов И.Ю., Мироненко С.В. Государственный архив Российской Федерации: История формирования и комплектования (1920–1995) (АЕ за 1995 год).

³ Блинова Л.И. Работа Архива Академии наук СССР над материалами по истории науки (АЕ за 1974 год); Левшин Б.В. Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны (АЕ за 1975 год); Он же. М.Н.Тихомиров и Архив Академии наук СССР (АЕ за 1990 год).

⁴ Цаплин В.В. Вклад ЦГАНХ СССР в развитие советского архивного дела (АЕ за 1987 год).

⁵ Волкова Н.Б. Издание документов по истории советской культуры: (Из опыта ЦГАЛИ СССР). (АЕ за 1976 год).

⁶ Пересветов В.А. Работа Истпарта по собиранию документов по истории Октябрьской революции в 1920–1923 гг. (АЕ за 1969 год); Любишева В.А. К истории научной обработки архива Председателя Совнаркома В.И.Ленина в Центральном партийном архиве (Там же).

⁷ Закс А.Б. Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным историческим музеем в 1941–1944 гг. (АЕ за 1975 год); Она же. Н.Л.Рубинштейн во главе научной работы Государственного исторического музея (1943–1949 гг.) (АЕ за 1989 год); Костюхина Л.М. М.Н.Тихомиров в рукописном отделе Исторического музея (АЕ за 1993 год).

⁸ Черных В.А. В.Д.Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры (АЕ за 1973 год); Межова К.Г. Протоколы заседаний Фондовой комиссии как источник по истории комплектования рукописных фондов Государственного литературного музея в Москве (там же).

⁹ Лупало И.Г. По следам войны. (Собирание материалов Музеем Революции СССР) (АЕ за 1975 год).

¹⁰ Кожин С.В. Комплектование документального фонда Центрального музея Вооруженных сил СССР материалами по истории Великой Отечественной войны (АЕ за 1989 год).

¹¹ Быкова Л.А. Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве (АЕ за 1993 год).

¹² Белов Г.А. О работе архивных учреждений по формированию источниковой базы советской исторической науки и введению ее в научный оборот (АЕ за 1971 год); Шкурко А.И. Документальные памятники в музеях РСФСР: Охрана и использование (АЕ за 1982 год); Пихоя Р.Г. Размышления об архивной реформе (АЕ за 1994 год)

¹³ Тальман Е.М. Археографическая деятельность Центрархива в 1920–30-х годах (АЕ за 1960 год);

Особо нужно отметить помещенные в "Археографическом ежегоднике" материалы о выдающихся архивных, библиотечных и музейных работниках Москвы, особенно тем из них, кто успешно сочетал административную и храни- тельскую работу с научной деятельностью по описанию и публикации докумен- тальных памятников истории и культуры. Специальные статьи, обзоры и другие материалы посвящены, в частности, деятельности основателя Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича (АЕ за 1973 год), руководителей архивного дела в годы его послереволюционной перестройки — Д.Б. Рязанова (АЕ за 1995 год), М.Н.Покровского (АЕ за 1968 год), В.В. Максакова (АЕ за 1978 год), многолет- него руководителя Отдела рукописей ГБЛ С.В. Житомирской (АЕ за 1996 год — в печати).

В ежегоднике напечатаны также некрологи и списки научных трудов ушедших от нас московских архивистов, библиотечных и музейных работников, тесно и плодотворно сотрудничавших с Археографической комиссией — Д.И. Тверской, много лет проработавшей в ГИМ (АЕ за 1975 год), М.В. Щепкиной, более 30 лет заведовавшей Отделом рукописей ГИМ (АЕ за 1984 год), многолетнего сотрудника Отдела рукописей ГБЛ В.Б. Кобринина (АЕ за 1990 год), видного теоретика архивного дела В.Н. Автокротова (АЕ за 1992 год), главного научного сотрудника Отдела рукописей РГБ Л.П. Жуковской (АЕ за 1994 год).

Уже этот краткий обзор свидетельствует о том, что научное сотрудничество Археографической комиссии РАН с архивами и другими рукописными храни- лищами, имеющее прочные традиции, продолжает успешно развиваться и при- носит значительные плоды. Вместе с тем, материалы, напечатанные в "Архео- графическом ежегоднике" и в других изданиях Археографической комиссии, могут рассматриваться и как существенная часть источниковой базы по истории отечественного архивного дела и архивоведения.

Эпштейн Д.М. Археографическая деятельность государственных архивов во время Великой Отечественной войны (Там же); *Ивницкая Т.В.* Археографическая деятельность архивных органов и государственных архивов в предвоенные годы (АЕ за 1961 год); *Черных В.А., Житомирская С.В., Мыльников А.С., Левшин Б.В.* Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства (АЕ за 1972 год).

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А.В. Работкевич

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО СТРАСТНОГО МОНАСТЫРЯ

Московский женский Страстной монастырь был полностью уничтожен в 1937 г., став последней жертвой политики государственного атеизма 30-х годов нашего столетия, отмеченных варварским уничтожением православных святынь Москвы. И сейчас уже не каждый москвич, рожденный после войны, проходя от памятника Пушкину к кинотеатру “Россия”, знает о том, что идет по земле, на которой в течение почти трех веков стоял монастырь, от которого здесь осталось лишь его имя в названии бульвара, проходившего вдоль южных стен девичьей обители.

Но несмотря на уничтожение монастыря, разграбление его церковного имущества, сохранились некоторые его реликвии — местночтимый деревянный, в человеческий рост, Животворящий Крест-распятие и главная святыня — чудотворная Страстная икона Божией Матери, пережившая все черные дни обители — и пожар 1773 г., испепеливший монастырь, и нашествие наполеоновских войск, и разрушение монастыря. Эта икона дала название сначала церкви, заложенной повелением Михаила Федоровича в 1641 г. на месте ее встречи у древних Тверских ворот Белого города, а затем и монастырю, основанному в 1654 г. у этой церкви.

С первых же лет своего существования монастырь играл важную роль в духовной жизни первопрестольной, о чем свидетельствуют неоднократные посещения монастыря царями Алексеем Михайловичем и Феодором Алексеевичем, Натальей Кирилловной Нарышкиной. Да и в дальнейшем, хотя по штатам 1764 г. монастырь и был отнесен к третьему классу, обитель не была обойдена вниманием к своим нуждам со стороны царствующего дома. Через несколько лет после страшного пожара 1773 г. монастырь был возобновлен именным указом Екатерины II, пожертвовавшей на его восстановление крупную сумму.

Монастырь нашел свое место и в бурной городской жизни Москвы конца XIX — начала XX в., когда открыл первую в Москве бесплатную церковно-приходскую школу для девочек и стал активно заниматься благотворительной деятельностью.

Монастырь занимал видное место и в градостроительном облике старой Москвы. В формировании облика монастыря принимали участие такие известные архитекторы, как Иван Мичурин, Дмитрий Ухтомский, Иван Яковлев, Михаил Быковский, что сделало Страстной монастырь архитектурной достопримечательностью, определяющей облик Тверской улицы, а также прилегающих к ней бульваров — Страстного и Тверского.

Церковь во имя иконы Страстной Божией Матери была построена к 1646 г. и пользовалась достаточной популярностью. Уже в первом крестном ходе в ок-

тябре 1646 г. участвовал царь Алексей Михайлович, а 5 апреля 1652 г. произошло еще одно знаменательное событие в жизни Страстного храма – встреча мощей первого русского патриарха Иова, которые по принесении в Москву были поставлены в храме. Мощи встречали царь Алексей Михайлович и патриарх Иосиф¹.

В 1653 г. Алексей Михайлович еще раз принял участие в крестном ходе у храма², а еще через год, в 1654 г., повелел устроить у храма девичий монастырь во имя Страстной Божией Матери³.

О первоначальном внешнем виде и внутреннем убранстве обители повествует опись монастыря, составленная в 1702 г. стольником князем Алексеем Юрьевичем Мещерским. Из нее видно, что монастырь имел тогда деревянные стены со святыми воротами, над которыми была каменная церковь с шестью окнами, а над церковью — колокольня с пятью колоколами весом в 150 пудов, на колокольне глава была каменная, обитая зеленой черепицей, на главе находился железный позолоченный крест.

В 54 келиях, крытых дранью, жили монахини, кроме них в монастыре жили 28 вкладчиц и монахинь, среди которых были: княгиня Анна Волконская, вдова князя Дмитрия Волконского, княгиня Наталья Щетинина, вдова князя Михаила Щетинина, княжна Прасковья Щербатова, дочь князя Алексея Щербатова, княжна Марья Мещерская, дочь князя Петра Мещерского, вдовы Марья Языкова, Варвара Камышина, Евфимия Шешкова, Матрена Вельяминова, Степанида Остафьева, Анна Борятинская, Домна Монастырева. При них состояли 33 келейницы⁴.

До середины XVIII в. все кельи в монастыре были деревянные, и лишь в ходе ремонтных работ под руководством Ивана Яковлева в 1761 г.⁵ для игуменьи Сапфиры была выстроена каменная келья, опись которой дает представление о бытовых условиях жизни в монастыре. В описи говорилось, что в келье игуменьи Сапфиры “каменные палаты крыты тесом, тес прибит гвоздми, в палатах четыре пояса, в них потолки деревянные и помазаны алебастром, штукатурные работы гладкия во всех покоях, три печи изращатыя, из них две галанские с железными заслонками, а третья простая с железным же заслоном”⁶.

Из другой описи монашеской кельи, несколько более бедной, чем игуменская, видно, что деревянная келья была из двух ветхих горниц, соединенных ветхими сенями, в одной из горниц была изразчатая печь, стекла в окнах были разбиты, в этой горнице находились три деревянные лавки и еловый шкаф со стеклянными дверями, в котором стояли две битые тарелки, три фарфоровых блюдечка и одна белая чашечка, на стене висели три образа — положения во гроб, распятия и умиления Пресвятой Богородицы; в другой горнице была кирпичная печь и деревянная лавка. В келье имелась медная посуда — “таз, рукомойник, чашка с ручкой, три подсвечника, черпалка; оловянная посуда: десять блюдец, восемь тарелок, два судка с крышками — один продолговатый, другой круглый; платья: шуба отласная на заячьем меху ветхая, рубаха одна холстяная ветхая, два платья дранья, два остатка холста, шесть рубах холстяных старых; две скатерти, две наволочки, еще наволочка холстяная, салфетка с заплатой, остаток холста

¹ Дворцовые разряды: В 3-х т. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 305.

² Строев П.М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев с 1632 по 1682 год. М., 1844. С. 296.

³ ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 7. Д. 61. Л. 118.

⁴ Опись Московского Страстного девичьего монастыря, составленная князем А.Ю. Мещерским // Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Стб. 697—710.

⁵ РГАДА. Ф. 390. Оп.1, ч. 3. Д. 24118. Л. 1.

⁶ ЦИАМ. Ф. 1185. Оп.1. Д. 2. Л. 15.

аршина три, ряса камчатая старая холодная, опушена бобром; баул, обит кожей и железом, в нем перинка ветхая, войлок старый, три горшка чугуныя, воронка жестяная”⁷.

Страстной монастырь по штатам 1764 г. был отнесен к третьему классу, и в нем по штату полагалось иметь 17 монахинь⁸ (в начале XVIII в. по описи Мещерского их было 163). Позднее Павел I в 1797 г. увеличил оклады монастырям, а также по распоряжению гражданского начальства монастырям Московской епархии были отведены огородные и сенокосные земли, места для рыбной ловли и другие угодия, что поправило дела в монастырском хозяйстве.

Во время Отечественной войны 1812 года монастырь сильно пострадал, все монастырское имущество было разграблено, но все же, после освобождения Москвы от французов, Страстной монастырь стал первым, в котором было совершено праздничное богослужение и возобновился колокольный звон в Москве⁹.

В это время в монастыре находилось, согласно ведомости о монашествующих за 1818 г.¹⁰, 12 грамотных монахинь, из которых пятеро умели писать, другие занимались в основном шитьем, плетением и вязанием. За каждой монахиней было закреплено свое послушание, т. е. ее ежедневное поручение — помимо игуменьи и казначеи, одна из монахинь пекла просфоры, семь — исполняли церковническую должность, были церковницами, четверо состояли при церковном чтении, двое — при крылосном (клиросном) хоре и еще одна монахиня состояла при свечной продаже.

Возраст монахинь был самым различным — самой старшей монахине, Маведонии, было 74 года, самой молодой — Евпраксии 36 лет, остальным в среднем по 40–60 лет. Происходили они из разных сословий — больше всего было монахинь из крестьянства — девять, по двое — из приказных и из дворовых, по одной — из цеховых, военных, духовных и купечества. Большинство приняли постриг в Страстном монастыре — 13, двое в Ивановском, одна в Георгиевском монастырях, а игуменья Тавифа — в Вознесенском.

Среди белиц грамотных было меньше — девять, из них умеющих писать — пять. Они также исполняли различные послушания — пятеро были церковницами, столько же — трапезницами, четверо состояли при хоре, двое — при свечной продаже, одна из белиц по болезни не несла никакого послушания. Самой младшей из белиц было 24 года, самой старшей — 80 лет. Трое белиц были из дворян, одна белица была генеральской дочерью, двое из мещан и трое из купечества, остальные — из приказных, крестьян, военных и вольноотпущенных.

Всего же в монастыре числилось по 17 монахинь и белиц (сколько и положено было по штату), а вообще численность насельниц монастыря постоянно менялась и составляла (выборочно) по ведомостям монастыря: в 1826 г. — 139 человек (119 женщин и 20 мужчин), из них дворян — 13 женщин, господских людей — 9 мужчин, 18 женщин, купеческих — 7 женщин, мещан — 10 женщин, крестьян — 3 мужчины, 60 женщин, церковнослужителей — 8 мужчин, 11 женщин; в 1856 г. — монахинь — 28, послушниц — 60, штатных служителей — 5 мужчин, 5 женщин, статских — 3 мужчины, 11 женщин, господских людей — 12 мужчин, 19 женщин; в 1858 г. — монахинь — 28, послушниц — 66, штатных — 2 мужчины, 3 женщины, статских — 1 мужчина, 3 женщины, господских людей — 2 мужчины, 3 женщины; в 1867 г. — монахинь — 25, послушниц — 120, штатных слу-

⁷ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 247. Д. 30. Л. 5-6.

⁸ *Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии: В 6-ти т. М., 1810. Т. 2. С. ХСVIII.*

⁹ ЧОИДР. М., 1858. Т. 4, ч. 2. С. 48.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 751. Д. 2420.

жителей — 2 мужчины, 1 женщина; в 1873 году — монахинь — 83, послушниц — 106; в 1889 г. — монахинь — 33, послушниц — 185¹¹.

К 1900 г. в монастыре проживало 48 монахинь и 3 послушницы¹² (по штату при этом положено было иметь 44), а по ведомости мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. в монастыре находилось уже 55 монахинь и 26 послушниц¹³, еще 28 послушниц жили на монастырской лесной даче в дер. Коськово Дмитровского уезда¹⁴. В 1906 г. число послушниц по неизвестным причинам резко увеличилось — их стало 285 при 56 монахинях¹⁵.

К началу XX в. монастырь уже сильно изменил свой облик — в 1850 — 1855 гг. по проекту М.Д.Быковского была построена новая колокольня, ставшая важной архитектурной доминантой района Тверского и Страстного бульваров.

Заключение, санкционировавшее снос существующей и строительство новой колокольни по составленному в 1849 г. проекту Быковского, было дано архитектором Н.И.Козловским. В нем отмечалось, что “существующая в Страстном монастыре колокольня и боковые при ней корпуса оказались ветхими, не благонадежными и требующими неминуемой перестройки, а к памятникам древности они принадлежать не могут; боковые же пристройки не имеют даже соотношения ни к середине здания, ни между собою. Правление IV Округа [Главного управления путей сообщения и публичных зданий], рассмотрев составленный архитектором Быковским проект, нашла оный весьма благовидным...”¹⁶

Не все однозначно восприняли появление нового сооружения на одной из центральных площадей Москвы: снос старой колокольни и строительство новой некоторые считали неоспоримым благом, некоторые — варварством. Так, Алексей Константинович Толстой в 1860 г. писал Александру II: “На моих глазах, Ваше величество, лет шесть тому назад в Москве снесли древнюю колокольню Страстного монастыря, и она рухнула на мостовую, как поваленное дерево, так что не отломился ни один кирпич, а на ее месте соорудили новую псевдорусскую колокольню”. Этими строчками Толстой иллюстрировал основную мысль своего письма в защиту древних архитектурных памятников о том, что “именно духовенство отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников”¹⁷.

Кроме собственно монастырского строительства, в начале XX в. активно строились новые монастырские владения, находившиеся за его пределами. Так, в 1913 г. на Страстном бульваре была построена четырехэтажная кирпичная монастырская гостиница, сохранившаяся до наших дней.

После отделения церкви от государства декретом от 18 января 1918 г. монастырское имущество было национализировано, после чего в Страстном монастыре был размещен военный комиссариат, а также некоторые советские учреждения¹⁸. Но и после этого во многих монастырях, в том числе и в Страстном, монашеская жизнь полностью не прекращалась. По данным жилищного отдела Моссовета, на июнь 1924 г. в Страстном монастыре проживали 204 монахини и студенты Коммунистического университета трудящихся¹⁹.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 322. Ведомости о монашествующих Страстного монастыря.

¹² *Любинецкий Н.А.* Землевладение церковей и монастырей Российской империи: В 4-х ч. СПб., 1900. Ч. 4. С. 15.

¹³ Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 год. СПб., 1902. С. 56-57.

¹⁴ *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 510.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 322.

¹⁶ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1265. Л. 3.

¹⁷ *Толстой А.К.* Собр. соч: В 4-х т. М., 1969. Т. 4. С. 295-296.

¹⁸ *Козлов В.Ф.* У истоков // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 7. С. 15.

¹⁹ *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России. М., 1975. С. 75.

Но жизнь монахинь уже нельзя было назвать спокойной. То с одной, то с другой стороны на них сыпались угрозы, проклятия, оскорбления, причем не только со стороны новых хозяев первопрестольной. Нападкам монастырь подвергался и со стороны интеллигенции, о чем свидетельствует варварская акция, проведенная против Страстной обители в мае 1920 г. “Орденом имажинистов” — группой из восьми поэтов — Сергея Есенина, Рюрика Ивнева, Александра Кушкова, Ивана Грузинова, Матвея Ройзмана, Вадима Шершеневича, Анатолия Мариенгофа, Николая Эрдмана²⁰.

Осуществление этой акции, в ходе которой монастырские стены были расписаны похабными стишками, наглядно показывает достижения антирелигиозной пропаганды всего за два с небольшим года Советской власти, а с образованием Союза воинствующих безбожников эта пропаганда стала нарастать с невероятной быстротой. С каждым годом, а то и месяцем, все чаще и чаще на страницах печати стали появляться требования о закрытии церквей, снятии с них колоколов, отдаче церквей под культурно-просветительные учреждения, на местах организовывались антирелигиозные музеи. В 1926 г. антирелигиозное совещание при ЦК ВКП(б) вынесло решение о необходимости организации в Москве Центрального антирелигиозного музея (ЦАМ). Был составлен проект музея, согласно которому ЦАМ должен был “прежде всего служить целям антирелигиозной пропаганды. Вторая сторона деятельности может заключаться в исследовательской работе. Третья... будет заключаться в сборе ценных материалов. Наконец, четвертая сторона — в руководстве деятельностью местных антирелигиозных музеев, в их инструктировании, помощи им, в снабжении их экспонатами, в лучшей постановке их деятельности”²¹.

Созданный в 1927 г. Центральный антирелигиозный музей разместился в Страстном монастыре сразу после упразднения обители в 1928 г. Последствия этого для монастыря были неоднозначны. С одной стороны, антирелигиозная направленность музея не могла не сказаться отрицательно на монастырском ансамбле, поскольку необходимость расширения музея привела к сносу некоторых построек. С другой стороны, исследовательская деятельность сотрудников музея была направлена на сохранение монастырских реликвий, в результате чего были сохранены некоторые из них, в том числе чудотворная Страстная икона Божией Матери, находящаяся сейчас в Воскресенском храме в Сокольниках, которая могла бы быть безвозвратно потеряна при разрушении монастыря в 1937 г.

В архивах имеется несколько документальных комплексов, имеющих непосредственное отношение к истории монастыря. Это фонды самого Страстного монастыря, Московской духовной консистории (ЦИАМ), фонды канцелярий Святейшего Правительствующего Синода и обер-прокурора Синода, хозяйственного управления при Синоде, коллекции строительных планов и фотографий Синода и рукописей Синода, фонд департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий (РГИА), а также фонды, хранящиеся в РГАДА: Монастырского приказа, Коллегии экономии, канцелярии синодального экономического правления, Московской конторы Синода.

Кроме того, отдельные документы, касающиеся монастыря, находятся в фонде Московского археологического общества и фонде Н. Тихомирова (ЦИАМ), иллюстративном фонде РГАДА (фотоальбом Страстного монастыря), личном фонде В.М.Ундольского (ОР РГБ). В хранящихся в РГАДА фондах патриарших приказов — дворцового, казенного, разрядного, судного — имеются документы, косвенно затрагивающие историю Страстного монастыря. Отдельные документы об использовании монастырского комплекса после 1917 г. хранятся в фондах

²⁰ Ройзман М.Д. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 54-56.

²¹ Кандидов Б.П. К вопросу об организации Центрального антирелигиозного музея // Антирелигиозник. 1926. № 12. С. 46-52.

Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦММ), редакции газеты “Безбожник” (ГАРФ), Моссовета (ЦГАМО).

Фонд Страстного монастыря (ЦИАМ. Ф. 1185) содержит документы за 1765 — 1917 гг. и насчитывает по единственной описи 327 дел, из которых на хранении находится 312 дел. Многие дела этого фонда требуют переплета и реставрации, что значительно осложняет возможность работы с фондом. Большую часть фонда составляют хозяйственные документы: приходо-расходные книги (Д. 50-243, 325, 327), счета и материальные книги (Д. 244-249), а также домовые книги (Д. 265-304) и исповедные ведомости (Д. 305-321). Другая часть фонда представляет больший интерес, так как содержит документы, характеризующие повседневную жизнь монастыря, — описи строений и имущества, переписку по вопросам монастырской жизни с Московской духовной консисторией и другими церковными учреждениями, а также документы о пострижении в монашество (Д. 2-8, 14-16, 25-28, 42), ведомости, содержащие сведения о численности монахинь, послушниц и штатных служителей монастыря (Д. 322), дела о владениях обители (Д. 1, 37-41, 43, 44), о постройках и ремонте монастырских сооружений (Д. 45, 46), планы строений монастыря (Д. 48).

Фонд Страстного монастыря тесно связан еще с одним фондом, хранящимся в ЦИАМ, — фондом Московской духовной консистории (Ф. 203), который в нынешнем виде представляет собой огромный массив документов за 1726 — 1918 гг. и насчитывает около 100 тыс. дел. В фонде имеется отдельная опись 247 на документы Страстного монастыря за 1744 — 1812 гг., насчитывающая 179 дел, из которых в настоящее время хранится 155. Среди них документы о выдаче антиминсов (церковная ткань, необходимый элемент освящения храма) в монастырские церкви (Д. 120, 149), об освидетельствовании утвари, оставшейся после пожара 1773 г. (Д. 114), о ремонте монастырских строений (Д. 87, 103, 112, 175), об определении в монастырь игуменьи (Д. 78), описи имущества монахинь (Д. 30), о недостойном поведении монахинь (Д. 15, 19, 43), о пострижении в монашество и другие дела. Из документов XIX в., систематизированных по столам и экспедициям, представляют интерес дела о постройке Покровской церкви на монастырской лесной даче в дер. Косково Дмитровского уезда (Оп. 389. Д. 3), об окончании возобновления храма Михаила Архангела в Страстном монастыре (Оп. 766. Д. 130), а также ведомости о монашествующих и белицах Страстной обители (Оп. 751. Д. 2420; Оп. 752. Д. 2099).

Документы по истории Страстного монастыря в ЦИАМ, помимо этих двух комплексов, сосредоточены в небольшом личном фонде Н.Тихомирова (Ф.2134), насчитывающем 40 дел за 1873 — 1917 гг., который содержит различные архивные выписки и копии чертежей, касающиеся истории храмов и монастырей. В д. 11 этого фонда собраны выписки из архивных документов о Страстном монастыре и копии чертежей монастырских построек.

Еще один фонд ЦИАМ — фонд Московского археологического общества (Ф. 454) содержит описание Страстного монастыря, составленное в 1887 г. священником монастыря протоиереем Нилом Михайловичем Воронцовым и направленное в Московское археологическое общество в ответ на его отношение о необходимости сбора исторических сведений о церковных памятниках (Оп. 3. Д. 61).

Документальные комплексы учреждений патриаршего и Московского синодального управлений хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Фонд Монастырского приказа (Ф. 237) представляет собой комплекс документов за 1701 — 1725 гг. В нем находятся переписные книги монастырей, в том числе Страстного монастыря, составленная в 1702 г. А.Ю.Мещерским, архиерейских домов, соборных церквей и их вотчин. В фонде Коллегии экономии (Ф. 280) представлены описи владений Страстной обители (Оп. 3. Д. 572), дело о ремонт-

ных работах в монастыре в 1741 г. (Оп. 5. Д. 111), приходо-расходная книга штатных денег Страстного монастыря за 1770 г. (Оп. 7. Д. 287), дела о возобновлении Страстного монастыря после пожара 1773 г. (Оп. 14. Д. 334. Оп. 15. Д. 232. Оп. 20. Д. 1376, 1595). Дела о ремонте и исправлении ветхостей в Страстном монастыре, работах в обители архитекторов Мичурина, Ухтомского и Яковлева находятся в фонде канцелярии синодального экономического правления (Ф. 390. Оп. 1/1. Д. 1951, 3406, 6453, 4566. Оп. 1/2. Д. 7428. Оп. 1/3. Д. 13804, 20838, 24118).

В фонде Московской синодальной конторы (Ф. 1183) находятся документы о пожаре 1773 г. в Страстном и Георгиевском монастырях, описи сгоревшего имущества (Оп. 1/19. Д. 556). В иллюстративном фонде РГАДА хранится фотоальбом Страстного монастыря (Ед.хр. 2908), содержащий 48 снимков, выполненных в 1897 г. московской фотографией Эйхенвальда. В РГИА хранится фонд департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий (Ф. 218), в котором находятся документы о перестройке Страстного монастыря в середине XIX в., об устройстве в монастыре придела святой великомученицы Анастасии Узорешительницы при нижней церкви Михаила Архангела (Оп. 3. Д. 1843) и дело о рассмотрении проекта новой колокольни Страстного монастыря, составленного архитектором Михаилом Дормидонтовичем Быковским, включающее в себя два чертежа руки Быковского общего плана монастыря с указанием планирующихся переделок и фасада старой колокольни (Оп. 3. Д. 1265).

Документы Святейшего Правительствующего Синода также хранятся в РГИА, в нескольких фондах, крупнейшим из которых является фонд канцелярии Синода. В нем содержатся дела о мероприятиях по охране памятников церковной архитектуры и живописи и их реставрации, об установлении новых штатов для архиерейских домов и монастырей (Оп. 45. Д. 392), о возобновлении сгоревших строений Страстного монастыря (Оп. 121. Д. 1851/2247). В ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода) находятся дело об утверждении постройки колокольни и келий в Страстном монастыре архитектором Быковским (Оп. 20. Д. 44648) и дело об устройстве придела святой Анастасии Узорешительницы (Оп. 13. Д. 32209). В фонде хозяйственного управления при Синоде (Ф. 799) находятся документы за 1827 — 1918 гг. Этот фонд включает в себя весьма интересные документы — страховые оценки строений Страстного монастыря (Оп. 33. Д. 917), произведенные в начале XX в.

Среди фондов Синода имеются также две коллекции. Одна из них — коллекция рукописей Святейшего Синода (Ф. 834) — содержит описания церквей и монастырей, в том числе Главную опись церковных и ризничных вещей Московского Страстного монастыря, составленную в 1853 — 1859 гг. (Оп. 3. Ед.хр. 2807). В другой коллекции собраны строительные планы и фотографии (Ф. 835). Коллекция состоит из строительных планов и чертежей церквей, монастырей, консисторий, фотоснимков церквей, монастырей, в том числе Страстного (Оп. 2. Ед.хр. 95), церковной росписи, древних рукописных книг.

Отдельные документы, касающиеся истории Страстного монастыря в последние 20 лет его существования, представляют собой дела о передаче монастыря Союзу воинствующих безбожников СССР и об устройстве в монастыре Центрального антирелигиозного музея (ЦГАМО. Ф. 66 (Моссовет). Оп. 18. Д. 723), о деятельности этого музея (ГАРФ. Ф. 5407 (Союз воинствующих безбожников СССР). Оп. 2. Д. 70, 402), а также паспорт на документальные и фактические данные о памятнике материальной культуры — соборе Страстного монастыря (ЦМАМ. Ф. Р-1 (Центральные государственные реставрационные мастерские). Оп. 1. Д. 131). Кроме документов, хранящихся в архивах, к истории Страстного монастыря относятся две рукописи (одна — XVII, другая — XVIII в.), сохранившие сведения о первых явлениях чудотворной Страстной иконы Божией Мате-

ри, находящиеся в отделе рукописей РГБ, в собрании древних рукописей Вукола Михайловича Ундольского (Ф. 310. Ед. хр. 398, 405).

Документы всех этих фондов составляют широкую источниковую базу для проведения комплексного изучения истории монастыря. Большинство документов не были ранее затребованы исследователями, многие хранятся в непригодном для использования состоянии — требуют реставрации и переплета (в особенности дела, хранящиеся в фонде Страстного монастыря). Многие фонды имеют старые трудночитаемые описи, внутренние описи дел почти везде отсутствуют. Систематическая обработка и исследование материалов по церковной истории Москвы в целом и по отдельным ее памятникам и ансамблям должны стать объектом внимания как историков-источниковедов, так и архивистов.

А.А. Четкин

МАТЕРИАЛЫ ФОНДА МОСКОВСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ (1861—1917)

Мужской Чудов монастырь был одним из самых известных монастырей России и имеет яркую и вместе с тем трагическую историю, основные вехи которой довольно подробно освещены в отечественной исторической, преимущественно дореволюционной, литературе.

Монастырь был основан в 1365 г.¹ (по другим данным в 1363² или в 1357 г.³) святителем Алексием, митрополитом Московским (предположительно 1300—12 февраля 1378 г.) в память чудесного исцеления им от слепоты жены хана Джанибека Тайдулы, на месте, подаренном ему в благодарность за исцеление. Место это находилось на территории Кремля, там, где ранее располагался ханский двор⁴. Монастырь просуществовал до 1918 г., когда из него были выселены все монахи. В 1919 г. в нем разместился кооператив “Коммунист”. В декабре 1929 г. Чудов монастырь был взорван⁵.

Несмотря на бедствия, причиненные пожарами и Смутным временем, монастырь в XVI—XVII вв. достигает высшего процветания и получает название Великой Лавры. В 1744 г. императрицей Елизаветой Петровной при монастыре была учреждена кафедра московских архиереев⁶. С изданием в 1764 г. монастырских штатов его экономическая база была существенно подорвана, и Чудов монастырь постепенно утратил свое былое значение в политической жизни России⁷, особенно в пореформенный период.

История московского кафедрального Чудова монастыря оказалась наименее изученной именно в рамках периода второй половины XIX—начала XX в.

¹ Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов / В 4 т. / Сост. П.Г. Паламарчук. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992. С. 109, 110.

² Там же. С. 110.

³ Мелитонян А. Московский Чудов монастырь // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 8. С. 14.

⁴ Забелин И.Е. История города Москвы (Репринт издания 1905 г.). М., 1990. С.284.

⁵ Сорок сороков... Т.1. С. 114.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Зверинский В.В. Монастыри в Российской Империи // Статистический временник Российской Империи. Серия III. Вып. 18. СПб., 1887. С. 6.

Советских историков и палеографов (М.Н. Тихомиров, М.В. Щепкина, Л.М. Костюхина, Т.Н. Протасьева) в первую очередь интересовало древнее рукописное наследие, собиравшееся и создававшееся Чудовым монастырем на протяжении многих столетий.

Между тем сохранился довольно обширный архив Чудова монастыря (РГАДА. Ф. 1207), в котором отложились документы за 1861-1917 гг., что позволило проследить деятельность монастыря за рассматриваемый период прежде всего с позиции источниковедческого анализа.

Можно выделить четыре основных комплекса документов: документы, отражающие деятельность Чудова монастыря в сферах общественно-благотворительной и милосердия; деятельность монастыря как цельного культурно-хозяйственного объекта; внутримонастырскую жизнь, с церковно-бытовой точки зрения, а также богослужебную и духовно-просветительную деятельность монастыря; наконец, характеризующие хозяйственно-финансовую его деятельность.

Первый комплекс включает в себя следующие довольно значительные группы документов: дела по Комитету для принятия и хранения приношений на создание в Москве храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в память освобождения крестьян от крепостной зависимости (май 1861—май 1918 г.); по Комитету для принятия пожертвований на храмы, вновь устраиваемые в Сибирском крае (1896 г. предположительно вторая половина 1911 г.); по Комитету для приема пожертвований в пользу голодающих индусов (6 ноября 1896—17 июля 1898 г.); по Комитету по сбору пожертвований в пользу Российского общества Красного Креста (21 июля 1900—11 августа 1903 г.); “О пожертвованиях в разные места”; о Черкизовской богадельне. Основные виды документов здесь журналы, доклады, записки, письма, ведомости.

Необходимо сразу отметить, что документы, отложившиеся в процессе деятельности различных благотворительных комитетов, созданных при Чудовом монастыре, характеризуют ее именно как деятельность по сбору средств, поступавших из разных мест России (в том числе из Московской епархии) на те или иные благотворительные цели, и все, что к ней относится, но в то же время не отражает прямого участия монастыря как непосредственного благотворителя в осуществлявшихся мероприятиях. Напротив, дела о пожертвованиях в разные места, о Черкизовской богадельне свидетельствуют о его активной роли на поприще благотворительной деятельности. В целом же это позволяет характеризовать деятельность монастыря как общественно-благотворительную.

Определенный интерес с точки зрения истории архитектуры и краеведения представляют документы (доклады и записки), где зафиксированы сведения о выборе места для строительства храма во имя св. благоверного князя Александра Невского, и проекты его архитектурного оформления. К 1917 г. строительство храма в основном было окончено, но после Октябрьской революции он был разрушен⁸.

Одной из задач Комитета для принятия и хранения приношений на создание храма (основан при Чудовом монастыре) была “изыскать для будущего храма место, на котором бы он преимущественно был виден народу, как памятник, и с тем вместе соответствовал религиозным потребностям” (Д. 1210. 5 Л. 1об.). Места предлагались самые разные: 1) “за Никольскими воротами, где... так называемый Яблочный двор. Место это обширное, высокое, свободное для подъезда к нему со всех сторон; ниже этого места лежит Варварская площадь, на которую сходится, особенно в летнее время, множество крестьян со всех концов России

⁸ Сорок сороков... Т.1. С.113; Т.3: Москва в границах 1917 г. М., 1989. С. 405.

для найма в различные работы” (московский купец И.Н. Ремизов, 1861 г.) (Д. 1213. Л. 52, 52 об.); 2) против станции Николаевской ж. д. (1861 г.) (Д. 1213. Л. 60-64); 3) в Кремле (1862 г.) (Д. 1215. Л. 56 об.); 4) на площади у Старых Триумфальных ворот, на площади у Ильинских ворот, где находился сквер и памятник в честь воинов, павших под Плевной (1895 г.) (Д. 1225. Л. 25 об.). Однако как окончательный вариант места строительства была выбрана Миусская площадь. В “Докладе № 119 Комиссии о пользах и нуждах общественных по ходатайству Московской духовной консистории об отводе места для построения храма...” от 25 марта 1895 г. об этом сказано так:

“Комиссия полагает..., что Городское Управление должно в данном случае отступить от принципа, в силу которого оно бережет незначительные по числу городские площади, оставшиеся незастроенными. Ввиду этого Комиссия снеслась с Городскою Управою по вопросу о том, на которой из городских площадей было бы целесообразнее всего отвести место под храм, и, руководясь мнением Городской Управы, предлагает для этого участок Миусской площади в количестве от 2000 до 3000 кв. сажен.

Городская Управа при указании этого места руководилась между прочим соображением, что местность около Миусс в настоящее время крайне нуждается в приходской церкви. Комиссия признает это соображение весьма веским тем более, что, как сказано в Высочайшем указе 1861 г., воздвигаемый храм должен служить “памятником и, с тем вместе, соответствовать религиозной потребности”. А затем Миусская площадь находится в близком расстоянии от одной из местностей, намеченных в прошении, площади у Старых Триумфальных ворот, и храм будет видно с Тверской” (Д. 1225а. Л. 4 об.-5).

Крестный ход на Миусскую площадь для освящения места, на котором должен был стоять храм, состоялся 19 сентября 1904 г. (Д. 1227. Л. 254). 22 сентября 1913 г. была отслужена литургия в храме св. Василия Кесарийского на Тверской по случаю торжественной закладки храма, а затем состоялся крестный ход из Успенского собора на место закладки (Д. 1231. Л. 74). Строительные работы проводились под руководством архитектора А.Н. Померанцева (Д. 1227. Л. 255) по проекту В.М. Васнецова⁹. Храм располагался на западной стороне Миусской площади. Примечательно, что там же с 1909 по 1912 г. строилось здание для Московского городского Народного университета имени А.Л. Шанявского¹⁰.

Материалы фонда Чудова монастыря фиксируют и такой интересный факт, как вхождение в состав Комитета для принятия пожертвований на храмы, вновь устраиваемые в Сибирском крае, настоятеля Покровского собора протоиерея К.И. Богоявленского, отца известного историка С.К. Богоявленского (Д. 1232. Л. 54 об.; Д. 1238. Л. 47-49 об.).

Чудов монастырь был жертвователем таких православных общественно-религиозных организаций, как: Православное миссионерское общество, Императорское российское общество спасения на водах, Православное Палестинское общество; Братство святителя Николая, Кирилло-Мефодиевское братство, Братство Царицы Небесной, Братство равноапостольной Марии Магдалины, Московское епархиальное братство призрения и воспитания нравственно покинутых детей им. святителя Алексия; Попечительство о слепых, учрежденное императрицей Марией Александровной, Московское городское попечительство о бедных; Тобольская противомусульманская миссия и т.д. (Д. 1187-1203, 1237-1245).

⁹ Сорок сороков... Т.3: Москва в границах 1917 г. С. 405.

¹⁰ *Сперанский Н.В.* Возникновение Московского городского Народного университета имени А.Л. Шанявского. М., 1913. С. 4.

При некоторых подписных листах от религиозных организаций и храмов имеются воззвания с историей их возникновения и характеристикой того положения, в котором они находились (Д. 1669).

Чудов монастырь участвовал в содержании общей больницы для монашествующих при Даниловом монастыре, а также в строительстве Романовской больницы при Покровской общине сестер милосердия (Д. 730. Л. 36-37).

Второй комплекс документов включает: дела, касающиеся различных вещей, а также недвижимого имущества Чудова монастыря, в том числе дела об иконах; дела о его книгах и рукописях; о восстановлении, ремонте, реставрации, сооружении объектов, принадлежавших Чудову монастырю. В 1905 г. монастырь отправил два портрета — митрополита Алексия и патриарха Филарета (Романова) — во дворец великого князя Михаила Николаевича на историко-художественную выставку русских портретов (Д. 938. Л. 48-51).

Особый интерес для истории музейного дела и археографии представляют дела о книгах и рукописях библиотеки Чудова монастыря (Д. 857, 857а, 860-867). В деле 860 (1878-1895 гг.) содержатся документы, связанные с использованием древних книг монастыря различными лицами и религиозными, научными и культурно-просветительными учреждениями. В 1878—1880 гг. по этому вопросу возникли трения между монастырем и Румянцевским музеем, который хотел получить в свое пользование ряд книг из Чудовского собрания. В 1895 г. на некоторые из них претендовал директор Московского Синодального хора С.В. Смоленский.

В делах под общим названием “О высылке рукописей из библиотеки Чудова монастыря” зафиксированы факты выдачи рукописей различным учреждениям и отдельным исследователям. В 1896 г. рукописи выдавались в Археографическую комиссию для издания древнейшего списка жития Стефана Пермского (Д. 863. Л. 1-7). Рукописное наследие монастыря использовали в целях опубликования или издания научных трудов такие ученые, как А.И. Соболевский — “География Помпония Мелы, конец XVII в., скоропись разных рук, 96 лл. Перевод с латинского” (Д.863. Л. 12-16); Иоанн Кузнецов, священник Покровского собора (Храма Василия Блаженного) — “Минеи Четьи за май—август 1600 г.”, “Сборник житий XVI в.”, “Сборник служб праздникам и преимущественно русским святым, первая четверть XVI в.” и др. (Д. 863. Л. 20-24); С.А. Белокуров — “Толкование на 16 пророков”, “Беседы Иоанна Златоустого на Евангелия Матфея и Иоанна”, “Творения Иоанна Дамаскина”, “О таинстве Евхаристии” (Д. 864. Л. 13-20 об., 25), а также “Степенную книгу митрополита Афанасия XVI в.” и “Минею Четью за август месяц” для нужд Комиссии по печатанию государственных грамот и договоров (Д. 865. Л. 10); профессор Варшавского университета Е.Ф. Карский — «“Диоптра” инока Филиппа, 1388 г.» (Д. 865. Л. 9) и экстраординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. Никольский — “Хронограф или Летописец Еллинский и Римский” (Д.867. Л. 6, 9), который по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук составлял “Повременный список русских авторов и их сочинений” (Д. 867. Л. 18).

В 1899 г. состоялась передача всех древних рукописей из библиотеки Чудова монастыря в Синодальную библиотеку без отчуждения их из собственности монастыря. 11 июня 1899 г. вышел соответствующий указ Московского духовной консистории за № 4033. 6 июля был составлен акт приема-передачи. Всего в Синодальную библиотеку из Чудова монастыря поступило 362 рукописи (Д. 866. Л. 9-10).

В Д. 1322 о возобновлении патриарших палат в Николо-Перервинском монастыре (1895-1896 гг.) документы раскрывают взаимоотношения Чудова монастыря с Московским археологическим обществом, между настоятелями трех монастырей — Чудова, Николо-Перервинского и Николо-Угрешского, а также, что очень важно, касаются культурного аспекта: при реставрации были обнару-

жены старинные надписи и изображения. Археологическое общество дало специальные рекомендации о характере реставрационного процесса.

А вот один факт из истории реставрационных работ в Чудовом монастыре. В конце 1893 - начале 1894 г. реставрацию икон в иконостасе Архангельской церкви и в митрополичьих покоях безвозмездно осуществлял мастер Я.Е. Епанишников. В мае 1894 г. реставратор получил о своей работе положительный отзыв от почетного члена Археологического общества И.Е. Забелина и от действующего члена общества В.И. Сизова (Д. 871. Л. 1-4, 6-7 об., 16, 17, 22, 22 об.).

К этому же комплексу документов можно отнести детальные чертежи галереи Андреевской богадельни (Д. 1625).

В третьем комплексе наибольший интерес для исследователя представляют: инструкция благочинному и уставнику монастыря; правила и требования, предъявлявшиеся к приему послушников и к их поведению (Д. 958. Л. 1-1об.; Д. 1023. Л. 4-5); инструкции церковникам, молебщикам, свечникам, заведующему кухней и трапезной, швейцарам, дворникам и пр., временная инструкция для храма-усыпальницы вел. кн. Сергея Александровича во имя преподобного Сергия Радонежского, перечень мер по охране церквей от похищений и ограблений (Д. 1023а); инструкции смотрителю церкви и трапезнику (Д. 1713); журналы Духовного собора Чудова монастыря за 1914-1916 гг. (Д. 1315-1317), который решал "различные вопросы, касающиеся монастыря; вопросы, касающиеся поведения братии, их образа жизни, послушания, подчинения правилам монастырским, а также разные вопросы экономические и хозяйственные"; доклады епископа Серпуховского Арсения (Жадановского) и приходно-расходные книги редакции журнала "Голос Церкви", при котором издавались и народные религиозно-просветительные и миссионерские брошюры под общим названием "Лепта обители святителя Алексия" (Д. 1530-1537); послужные списки и перечневые ведомости личного состава братии Чудова монастыря, бельцов и монашествующих Московского архиерейского дома; переписка о послушниках и братии, в которой можно встретить отдельные любопытные факты из жизни монастыря.

Не лишены интереса документы обществ и братств, образованных при Чудовом монастыре и отложившихся в Деле 1269. Эти материалы в разной степени характеризуют деятельность Братства Воскресения Христова за 1912-1914 гг., Чудовского благотворительного общества при Московском хоре чудовских певчих за 1908 г., Общества хоругвеносцев за 1907-1910, 1912 и 1915 годы. При монастыре существовало Братство святителя Алексия, в котором на сентябрь 1912 г. состояло 1530 человек (Д. 1270).

В Чудовом монастыре так же, как и в других церквях и монастырях Москвы, проводились внебогослужбные собеседования с прихожанами. Материалы о проведении таких собеседований (бесед) за 1903-1906 гг. отложились в Д. 1668. На них прихожанам раздавалась разнообразная духовная литература. Материалы о проведении внебогослужбных собеседований в московских церквях за 1916-1917 гг. содержатся также в Д. 1559 (отчеты настоятелей храмов и донесения благочинных разных сороков Москвы епископу Серпуховскому Арсению).

С 1898 или 1899 г. вплоть до 1914 г. при Чудовом монастыре функционировало училище для указных и неуказных послушников монастыря (Д. 1151-1164).

К четвертому комплексу документов относятся дела: 1) указы (где помимо них сосредоточилось значительное количество хозяйственно-финансовой и гораздо меньше прочей документации; Д. 27-64); 2) о землях, принадлежавших Чудову монастырю, и об отдаче монастырских владений в аренду (Д. 65-234); 3) об отчуждении земли Чудова монастыря под различные начинания и мероприятия (Д. 235-240); 4) судебные дела (с крестьянами с. Черкизова о пруде и с крестьянами деревни Медвежьи Озера Богородского уезда (Д. 241-243; 245-251); 5) о приходе и расходе штатной суммы по Чудову монастырю (Д. 280-334); 6) о приходе и расходе не-

окладной суммы по Чудову монастырю (Д. 413-524); 7) о приходе и расходе богаделенной суммы по Чудову монастырю (Д. 536-590); 8) приходно-расходная Чудова монастыря (Д. 592-630, 653-662, 664-707); 9) финансовая отчетность Чудова монастыря (Д. 708-731); 10) о ежемесячной денежной отчетности (Д. 732-757) и пр.

Чудов монастырь страховал принадлежавшую ему недвижимость, ежегодно вносил определенную сумму за содержание мостовой, платил городские повинности и имел сношения с Московской городской оценочной комиссией (Д. 814, 817, 825).

Чудов монастырь принял активное участие в подготовке коронационных торжеств, состоявшихся в Москве в мае 1896 г. В его обязанности входили прием, размещение и обеспечение всем необходимым гостей из духовного ведомства и представителей вселенских патриархов (Д. 1323).

Материалы в целом достаточно информативны, но трудно судить, насколько конкретно и полно они отражают различные аспекты деятельности монастыря как духовного и юридического лица в системе церковно-государственного организма. Однако можно констатировать тот факт, что информационный потенциал документов, с точки зрения значимости для исследователя и разнообразия информации, относительно невысок. Ясно одно, что с 1890-х годов материалы по всем комплексам содержат наиболее обширную информацию, которая в документах последнего десятилетия XIX—первого десятилетия XX в. представляет и наибольший исторический интерес.

На основании исследования можно сделать вывод о том, что источниковых данных вполне достаточно, чтобы составить довольно подробную и достоверную историческую картину жизни Чудова монастыря.

Изучение материалов Чудова монастыря за указанный период показало, что монастырь в значительной степени утратил свое былое влияние в общественно-религиозной жизни России, хотя и обладал статусом кафедрального. В основном его общественная роль сводилась к функционированию при нем Чудовского архиерейского хора и различных благотворительных комитетов, его попечению о Черкизовской богадельне, а также оказанию посильной материальной помощи и духовному окормлению ряда православных обществ, попечительств, братств и миссий, изданию при монастыре журнала “Голос Церкви”, проведению им внебогослужебных собеседований. Данные материалы могут быть использованы для изучения истории Кремля и города Москвы.

А.И. Еремин

ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОГО ГИМНАЗИСТА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (письма в провинцию)

В личном фонде орловского помещика С.А. Цурикова¹ (ГАОО. Ф. 689. 17 дел) хранятся несколько сотен писем к нему от близких родственников. Цуриковы состояли в родстве с известными дворянскими фамилиями Нарышкиных,

¹ Цуриков Сергей Александрович (1845–?) был старшим по возрасту в роду Цуриковых, служил на различных должностях дворянского самоуправления: кандидат в Орловские уездные предводители дворянства, член губернской и уездной землеустроительных комиссий, член уездного училищного совета. Имел обширные интересы, был знаком с Л.Н. Толстым, В.О. Ключевским и другими выдающимися современниками. Придерживался консервативных взглядов, баллотировался в III Государственную думу. У С.А. Цурикова было два брата и четыре сестры, одна из них писательница Варвара Цурикова (1851–?).

Пуцных, Кашкиных, активно участвовали в жизни страны. Большая часть писем относится к началу XX в. В них затрагивается широкий круг вопросов дворянского быта от хозяйственных и финансовых дел до религиозно-нравственных размышлений и оценок общественно-политических событий. Около двадцати писем от племянника С.А. Цурикова – московского гимназиста, а затем студента Юрия Цурикова. Первое из них датировано 1907 г., последнее – 1915 г. Для настоящего обзора отобраны письма за 1907–1908 гг., когда шла наиболее интенсивная переписка². Ее большую часть составляют карточки “открытого письма”. Желая рассказать о чем-то подробнее, Ю. Цуриков писал письма на трех-пяти страницах. Главными темами, затрагивавшимися в письмах, были семейные отношения в русской дворянской среде и повседневные житейские заботы молодого человека. Письма из Москвы и Чернского уезда Тульской губернии приходили в Орловскую губернию на следующий день после отправления.

Непосредственной причиной начала переписки стало приобретение С.А. Цуриковым велосипеда для племянника (Д. 6. Л. 29). Юрий выбрал велосипед “от Н.А. Коробанова”, имевшего склад и магазин на Арбате в доме Чулкова. По желанию заказчика велосипед был доставлен на станцию Скуратово, неподалеку от которой, в имении Отичное Чернского уезда Тульской губернии, проводил летние каникулы Ю. Цуриков. Покупка была сделана в кредит под дядино поручительство. Ю. Цуриков дал расписку с обязательством выплачивать за взятую вещь по сорок рублей через каждые четыре месяца. Точно по истечении указанного срока из магазина последовало напоминание внести оговоренную сумму, но старший Цуриков платить не спешил. Повторные бумаги из магазина не заставляли себя ждать. От вежливого тона коммерсант перешел к угрозам “принять более крутые меры”, указав Ю. Цурикову на злоупотребление доверием, так как ему “было сделано исключение – отпущен велосипед за поручительство лица, который не состоит в числе постоянных жителей г. Москвы” (Д. 6. Л. 47). Для юного Цурикова нотации преуспевавшего торговца были весьма неприятны, и он слал письма дяде с риторическим вопросом: “как поступать с Коробановым?” История взаимных пререканий между Цуриковыми и Коробановым завершилась только 18 сентября 1908 г. (а покупка была получена 21 июня 1907 г.) тем, что окончательно в счет платы был отдан старый дядин велосипед. Подобный эпизод едва ли заслуживал бы внимания, если бы не составлял характерную черту тогдашней русской жизни. Такое нежелание платить не было из ряда выходящим случаем. За ним проступает барское высокомерие бедневших помещиков по отношению к “третьему элементу”. Но несмотря на некоторые моральные издержки, понесенные Ю. Цуриковым во всей этой истории, покупка доставила ему несомненное удовольствие. “Благодаря новому велосипеду я смог совершить две интереснейшие поездки в конце августа и в начале сентября. 28, 29, 30 августа, мы, шестеро гимназистов, ездили в Троице-Сергеевскую лавру (70 верст), а 7, 8, 9 сентября – в Новый Иерусалим (56 верст). Поездки были очень веселые, со всевозможными приключениями...” (Д. 6. Л. 38). В связи с началом занятий в выпускном VIII классе поездки на велосипеде пришлось почти прекратить (Д. 6. Л. 31). Но после выпускных экзаменов “несколько наших гимназистов решили ехать в Крым на велосипедах. В Крым я поеду вряд ли, но до Орла доеду во всяком случае” (Д. 6. Л. 56).

Столь же популярным видом семейных увлечений были занятия фотографией. Этой теме Ю. Цуриков посвятил несколько писем. В одном, отвечая на дядин запрос, он пространно рассказал об известных ему моделях фотокамер. По-видимому, рынок фотоаппаратов наполнялся достаточно быстро, потому что Юрий вынужден был оговориться: “за новыми изобретениями теперь не слежу и силь-

² ГАОО. Ф. 689. Оп. 1. Д. 6, 7. Далее ссылки на эти дела даются в тексте.

но отстал, так как гимназические занятия поглощают массу времени. В фотографии новостей я не знаю” (Д. б. Л. 53). Событием, удостоившимся внимания семейной переписки, стала проходившая в Москве фотовыставка (апрель 1908 г.). Различные международные и региональные выставки – художественные, промышленные, сельскохозяйственные, народного образования – были характернейшей приметой того времени. Они пользовались широкой популярностью и являлись действенным средством непосредственного общения и обмена информацией. Ю. Цуриков отправил письмо-приглашение родственникам в Орловскую губернию посетить эту выставку сразу после ее открытия. «В Москве сейчас открылась фотографическая выставка международная, масса интересного и мне страшно хочется, чтобы ты побывал на ней, она пробудет весь апрель до первого мая. Много русских фотографов-любителей прислало чудные снимки, профессионалов мало. Немцы не хуже, пожалуй даже лучше (портреты, а не жанр). Французы неизмерно хуже, а англичан почти совсем нет. Есть снимки, присланные из Южной Африки (Капштадт). Присылали целыми обществами: Мюнхенская школа фотографии, Киевское общество “Дагерр”, Парижский фотоклуб. Я отмечал по каталогу выдающиеся фотографии, результаты следующие: русских штук 75, немецких штук 40, французских – 5–10, Капштадт – 1. Фабрика NPG (Новое фотографическое общество) прислала много цветных фотографий, снятых по способу, этой фабрикой изобретенному. Есть превосходные, но некоторые краски не естественные... За неимением денег не пошел вечером посмотреть на той же выставке демонстрацию новейших кинематографов» (Д. б. Л. 54). Выставка проходила в самый канун выпускных экзаменов, но Ю. Цуриков нашел время не только на повторные посещения, но и для еще одного развернутого письма в Орел. «В воскресенье закрылась фотографическая выставка. За недостатком времени я был на ней только три раза. Выставка была очень интересной, но были серьезные недостатки. Эта выставка сильно гналась за художественностью снимков и пренебрегла техникой. Ни одна заграничная фирма кроме “Gomol” не выставила своих аппаратов. Моментальных снимков было страшно мало. Кинематографических не было тоже, кроме нескольких, выставленных эту же фирмой “Gomol” лент, очень глухих представлений трагических и комических, которые можно видеть во всяком обыкновенном кинематографе. Зато художественных снимков была масса и на них обращалось особенное внимание... Награды раздавались страшно щедро и все мало-мальски хорошее было награждено. Если бы Лаврик [двоюродный брат – А.Е.] выставил свою витрину, которая была у него на прошлой выставке, то несомненно получил бы медаль» (Д. б. Л. 56).

Переписка Цуриковых интересна прежде всего тем, что ее авторами являлись представители русского поместного дворянства в пору угасания этого сословия. Семья Ю. Цурикова жила преимущественно на жалование отца³. Несмотря на совершенно очевидные стесненные материальные обстоятельства, в письмах Юрия нет проявления подавленности настроения; в них чувствуется интерес к жизни, радость, уважение в семье. Возможно, эту психологическую устойчивость создавало осознание своей принадлежности к древнему дворянскому роду.

Цуриковы почтительно относились к своему генеалогическому древу⁴, интересовались русской стариной. Сергей Александрович был членом Орловской

³ Цуриков Александр Александрович (1849–1912) – юрист, общественный деятель, помещик Чернского уезда Тульской губернии, член Тульского окружного суда. С 1899 г. в Москве, член Московской судебной палаты, попечитель Сретенского II городского мужского училища. Общался с Л.Н. Толстым и членами его семьи, оставил воспоминания о председателе I Государственной думы С.А. Муромцеве, с которым учился в университете.

⁴ Род Цуриковых владел вотчинами с конца XVI в. и был записан в VI часть родословной книги губерний Орловской, Курской, Воронежской. Герб внесен во II часть Гербовника.

ученой архивной комиссии, в родовом имении Егорьевское имел библиотеку, насчитывавшую, по разным источникам, от 1000 до 10000 томов по философии, богословию, истории, географии. В этом же имении хранились семейные документы, которые Юрий считал “нашим архивом” (Д. 6. Л. 51). Идентификация себя со столбовым русским дворянством, чувство причастности к истории государства зародили в Ю. Цурикове деятельный интерес. Когда В.И. Чернопятав⁵, работавший над составлением родословной книги тульского дворянства, обратился к А.А. Цурикову за сведениями об их роде, то за исполнение просьбы взялся Юрий. «Я предоставил поколенную роспись и записку Егора Лаврентьевича [Цурикова] “Доказательство на благородство рода моего”. Но этих сведений для него [Чернопятава] оказалось мало и он задал мне несколько вопросов, на которые я не мог ответить» (Д. 7. Л. 109), – писал Юрий Сергею Александровичу в надежде на его помощь. “Если тебе трудно выбрать подходящие сведения, то, может быть, ты пришлешь самые нужные документы, а я уже сам сделаю выборку нужных сведений. Не бойся прислать мне документы, они будут целы, так как я отношусь к ним с большим уважением” (Д. 7. Л. 109). Примечательно: автор не допускает мысли, что документы могли быть потеряны при пересылке!

Генеалогические разыскания развили увлечение Ю. Цурикова историей настолько, что он колебался – на какой факультет поступать: “на естественный или на филологический. Я стал ходить к Ф.И. Маслову⁶ читать с ним старые рукописи (у него ведь громадный архив). Дело идет хорошо и хотя у нас было только два урока, но я уже довольно порядочно читаю хорошие почерки. Чтобы всегда иметь возможность поступить на филологический факультет, я занимаюсь греческим языком и весной должен буду держать экзамен. Таким образом, даже если я поступлю на естественный факультет, у меня всегда будет возможность перейти оттуда на филологический, на секцию русской истории” (Д. 6. Л. 50). Вместо ожидаемой исторической справки, Сергей Александрович направил Юрия для консультации к известному нумизмату, хранителю Исторического музея А.В. Орешникову. Но на визит Юрий не решился. “К Орешникову я еще не ходил и не потому что забыл, а действительно по недостатку времени. После третьего мая, когда немножко освобожусь, непременно пойду, так как это меня самого страшно интересует” (Д. 6. Л. 56). Даже к концу выпускного класса, уже вполне определившись с выбором будущей специальности, Юрий сообщал: “Уроки чтения старых рукописей продолжают, хотя редко и нерегулярно. Я возлагаю большие надежды на лето в смысле чтения родовых бумаг и охоты в твоём обществе” (Д. 6. Л. 54).

В письмах гимназиста нет ни одного слова об учителях. Возможно, здесь сказалось характерное для русской классической гимназии начала XX в. отчуждение педагогов и учеников. Отдельные элементы программы средней школы ему нравились: «как настоящий “классик” люблю латинские цитаты» (Д. 6. Л. 44). Но в целом отношение к учебным предметам довольно скептическое. “Пока что в ожидании лучших дней я занимаюсь вычислением никому не нужных и бесполезных сложных процентов и мечтаю о том времени, когда мне можно будет приехать к вам и походить с тобою на охоту” (Д. 6. Л. 50). Желание поступить в университет было столь велико, что Ю. Цуриков нанял репетитора: “Помимо гимназических занятий – химия и два раза в неделю греческий язык” (Д. 6. Л. 44).

Политизация русской общественной жизни преломилась в суждениях о действиях высшего учебного начальства. Не утруждая себя изложением каких-либо

⁵ Чернопятав Виктор Ильич (1857–1935) – историк, генеалог, библиограф, профессор Археологического института. В 1904–1914 гг. изучал историю тульского дворянства.

⁶ Маслов Федор Иванович (1840–1915) – юрист, член Московской судебной палаты, чиновник Министерства юстиции.

аргументов, Ю. Цуриков крайне резко высказывался в адрес министра народного просвещения А.Н. Шварца. Характеристики одиозного министра являлись в большей степени отражением общественного мнения, чем непосредственной реакцией на условия гимназической жизни. «С назначением Шварца к нам стали жестоко придираются, завалили ненужными формальностями и можно ждать каждую минуту какой-нибудь подлости... Я несказно рад, что кончаю и что не придется мне учиться при этом мерзавце» (Д. 6. Л. 58). Захваченный общим настроением, Ю. Цуриков не принимает любые действия, исходящие от презируемого министра. «Слава Богу московские гимназии упростили Шварца назначить экзамены на 1 мая, отменив глупейший циркуляр, назначавший каникулярного времени гимназистов. Этот критический настрой Ю. Цурикова поощрял и его отец, например и тем, что увозил детей в тульское имение несколько ранее положенного срока.

В представлениях Ю. Цурикова весь смысл пребывания в гимназии заключался в получении аттестата, а не в самом процессе обучения. Экзамены становились ареной противоборства ученического братства и противостоящего ему казенного безразличия учителей. Проявлением лучших человеческих качеств выглядит искреннее беспокойство Юрия о том, как сдавали экзамены его товарищи. «Первого мая был русский экзамен. Писали сочинение “Дореформенный быт по произведениям Тургенева и Гончарова”. Писали пять часов, написали плоховато. Все-таки написали, а больше ничего и не требуется. Вчера первого мая писали алгебраическую задачу. Задача была трудная, дается три часа. Нужно решить, переписать и объяснить. Я решал в час...» (Д. 6. Л. 62). Написав шпаргалки, Ю. Цуриков перебрал их троем товарищам, положение которых, как ему казалось, было наиболее затруднительным, и этим им “сильно помог”. “В этих опасных занятиях прошло больше часа и осталось мало времени для себя. Объяснил кратко, больше четырех не получу. Сегодня не так хорошо сошло. Пока решал, прошло два часа. Спрашивал об ответе у Трубецкого и Денисова, первых учеников, у них совершенно не так и разно между собой. Я подумал, что где-нибудь наврал и никому не помог, чтобы хуже не сбить. Оказалось, что у меня совершенно правильно, а они оба наврала. Сегодня почти никто не решил задачи. Все первые ученики упустили свои медали. Ну ничего, поправятся на устном” (Д. 6. Л. 62).

Преодолев экзамены, Ю. Цуриков стал студентом естественного факультета Московского университета. “Я с головой ушел в занятия и нигде не бываю. До Рождества окончу несколько обязательных курсов и думаю держать два или три экзамена... Чтобы не слишком перезаниматься, думаю записаться в гимнастическое общество и начать заниматься спортом” (Д. 6. Л. 69). Первоначальное академическое усердие уступило место интересу к общественной жизни студенчества, о которой в старшем классе гимназии Юрий был весьма невысокого мнения. Тогда он не без иронии писал: “Коля⁷ увлекается университетом и университетской политикой, ходит на сходки и каждый раз аккуратно возвращается домой без калош или в дырявых. Ему это надоело и он решил не покупать больше совсем калош. Некоторые студенты запирают шинели на замок (петля с петлей), так как и шинели иногда пропадают. “O tempora, o mores!”⁸ (Д. 6. Л. 44). О новых интересах Ю. Цурикова стало известно Сергею Александровичу, и он их не одобрил. Юрий стал оправдываться, но тон переписки изменился. Племянник как бы подчеркивал свое новое “взрослое” положение. “Дорогой дядя Сережа [вместо обычного “милый дядя”]. – А.Е.], у тебя совершенно превратное представление о

⁷ Цуриков Николай Александрович (1886, Орел – 1957). В 1908 г. студент юридического факультета Московского университета, учитель внука Л.Н. Толстого С.С. Толстого, делегат славянского студенческого съезда в Праге. По окончании университета служил мировым судьей в Москве. В 1920 г. покинул страну, осел в Праге. Автор работ по филологии, о А.П. Кутепове, Л.Г. Корнилове и др.

⁸ О времена, о нравы! (лат.)

моих занятиях. Лоботрясничать мне совершенно некогда. Коля и я заседаем в совете студенческих представителей и страшно заняты. Необычайно жалко, что Союз Русского Народа в Петербургском университете битьем стекол и скандалом на сходке помешал кадетам остановить забастовку. Этим они и нам сильно помешали в нашей борьбе с забастовкой” (Д. 6. Л. 70).

Университетская жизнь принесла Ю. Цурикову новые заботы и переписка остановилась. В 1915 г. Юрий напомнил о себе С.А. Цурикову просьбой прислать военнопленных для использования их на работах в Чернском имении, владельцем которого он стал после смерти родителей.

С.А. Четкин

МАТЕРИАЛЫ О ПРЕПОДАВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ КЛАССИЧЕСКИХ ГИМНАЗИЯХ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Школьное историческое образование всегда являлось важнейшим фактором формирования мировоззрения личности. В то же время среди школьных предметов гуманитарного цикла наиболее важные образовательные, воспитательные и развивающие функции выполняет отечественная история.

В начале XX в. в российской классической гимназии ведомства просвещения содержание курса отечественной истории отличалось сложным построением и служило эталоном для других видов средних учебных заведений. Наиболее передовыми в деле постановки преподавания истории считались гимназии Московского учебного округа¹, что объясняется непосредственным влиянием Москвы. Во-первых, Москва являлась крупнейшим историко-культурным, научным и педагогическим центром России. Во-вторых, активная деятельность Отделения преподавателей истории Педагогического общества при Московском университете в 1898-1904 гг. способствовала внедрению в учебный процесс новых методических руководств, наглядных средств обучения и опыта проведения отдельных уроков и экскурсий в музеи столицы. В-третьих, в Московском университете в то время сосредоточились передовые научные кадры, выступавшие за радикальную перестройку школьного курса истории и осуществлявшие качественную подготовку новых поколений историков, часть которых шла на преподавательскую работу в школы МУО.

О том, что проблеме преподавания отечественной истории в гимназиях с каждым годом все больше уделялось внимания со стороны окружного начальства, свидетельствуют документальные материалы, хранящиеся в ЦИАМ в Ф. 247 (Восьмая московская гимназия им. И.Л. и А.К. Медведниковых), Ф. 371 (Первая московская мужская гимназия), Ф. 459 (Канцелярия попечителя МУО), Ф. 670 (Павлово-Посадская женская гимназия).

Наибольший интерес для исследователя, на наш взгляд, представляют комплексы документов, отложившиеся в Ф. 459 (Оп.3. Т.1): 1) отчеты директоров гимназий о ходе учебно-воспитательной работы за 1909 и 1913 годы (Д.5389, 6645); 2) отчеты директоров, учителей и учащихся гимназий о проведенных историко-образовательных экскурсиях (Д.4226, 5430, 5997); 3) отчеты директоров

¹ В МУО входили губернии: Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская.

о внеклассных, внеурочных занятиях по истории за 1913-1914 и 1914-1915 годы (Д.7448, 7449); 4) отчеты директоров, программы с приложенными к ним брошюрами, освещающие празднование гимназиями юбилеев выдающихся событий в жизни России (Д.5387, 6288, 6293, 7112).

Материалы фондов гимназий представляют собой в основном протоколы заседаний педагогических советов. Они содержат: сведения о выполнении преподавательским составом циркулярных распоряжений попечителя МУО; предложения, ход обсуждения и принятые решения по кругу проблем, связанных с организационно-методической стороной постановки преподавания истории; информацию о выборе и перемене учебников по русской истории.

Важнейшим источником, характеризующим работу преподавателей в классе, являются подробные отчеты директоров гимназий о ходе учебно-воспитательной работы. В них внимание окружного начальства обращается на то, как преподаватель держится в классе, влияет на поведение учеников, относится к ним, работает с ними и оценивает их познания; как работают и ведут себя учащиеся. Такие элементы содержания отчетов, как отношение и подготовка учителя к занятиям; манера ведения урока, приемы и способы преподавания; характеристика учителя как педагога и воспитателя, отражают опосредованно процесс взаимодействия учителя с учащимися, успехи и просчеты в преподавании предмета.

В большинстве отчетов качества молодых преподавателей как воспитателей подвергаются критике, ведь большинство учителей не имело специального педагогического образования, что затрудняло их воспитательную работу в классе.

В отчетах встречаются характеристики известных педагогов-историков, будущих краеведов И.Н. Бороздина (московская гимназия им. И.Л. и А.К. Медведниковых)², Н.З. Керова (коломенская мужская гимназия)³, Н.Г. Тарасова (Пятая московская мужская гимназия)⁴.

В начале XX в. педагогической общественностью осознается огромное воспитательное и образовательное значение школьной исторической экскурсии как одной из форм выражения метода наглядного обучения. Московская старина становилась объектом внимательного изучения со стороны не только столичных, но и провинциальных гимназий. Большинство из них привлекали достопримечательности Кремля, музеев и монастырей.

Женские гимназии, уделявшие большое внимание эстетическому воспитанию и изучению истории культуры, организовывали специальные экскурсии в картинные галереи и Музей гипсовых слепков им. Александра III. Сохранился отчет директрисы Павлово-Посадской гимназии Е.А. Шишко, в котором она описывала посещение ученицами VI и VII классов Третьяковской галереи в 1913 г. Юным экскурсанткам было подробно рассказано о новгородской, строгановской и московской школах русской иконописи; о роли И.Н. Крамского в истории русского искусства; о товариществе “Передвижных выставок”⁵.

Отчеты директоров гимназий о внеклассных, внеурочных занятиях по отечественной истории отражают творческий характер разнообразных форм организации этих занятий: исторических чтений, лекций, бесед, написания и обсуждения учащимися рефератов и сочинений (под руководством учителя), собирания и изучения старинных русских монет. Многие темы ученических рефератов были так или иначе связаны с Москвой (“Старая Москва”, “Старина Русской земли”, “Иван Грозный”, “Смутное время”, “Царь Михаил Феодорович”, “День царя Алексея”, “Детство и юность Петра Великого” и др.)⁶.

² ЦИАМ. Ф.459. Оп.3. Т.1. Д.5389. Л.195, 195об.

³ Там же. Л.80б., 9.

⁴ Там же. Л.94 об.

⁵ Там же. Ф.670. Оп.1. Д.70. Л.3-4.

⁶ Там же. Ф.459. Оп.3. Т.1. Д.7448. Л.7; Д.7449. Л.75 об.

В начале XX в. в жизнь гимназий вошла новая традиция — празднование юбилеев знаменательных событий в жизни России. Наиболее торжественно гимназиями праздновались 200-летие Полтавской битвы (27 июня 1909 г.), 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости (19 февраля 1911 г.), 100-летие победы в Отечественной войне 1812 г., 300-летие царствования династии Романовых (14 марта 1913 г.). Окружное начальство снабжало гимназии юбилейными брошюрами, памятными книжками, портретами и другими материалами.

В Ф. 371 сохранился интересный доклад директора А.А. Грунау (от 20 марта 1913 г.) об организации классных и домашних чтений, посвященных событиям начала XVII в. и воцарению на российский престол Михаила Романова. Из содержания доклада следует, что в старших, средних и младших классах в доступной для возраста учащихся форме сообщалось о причинах и ходе событий Смутного времени, наиболее видных политических деятелях той эпохи, обстоятельствах, связанных с восшествием на престол М.Ф. Романова. На память о юбилейном празднике ученикам были розданы портреты царя Михаила и брошюры с его биографией⁷.

В целом, содержание рассмотренных материалов дает широкое представление о различных сторонах преподавания в процессе обучения истории в российских государственных гимназиях в начале XX в., открывает еще одну маленькую, но важную страничку в культурной истории Москвы и Московского региона.

⁷ Там же. Ф. 371. Оп. 1. Д. 937. Л. 25, 25 об., 26 об., 27.

. О.Г. Простаков

ХОЗЯЙКА МОСКОВСКОГО САЛОНА

(О воспоминаниях Н.А. Гольцевой “Забывтое прошлое”)*

В ОР РГБ (Ф. 77. Гольцевы) хранятся воспоминания Натальи Алексеевны Гольцевой “Забывтое прошлое” (1929). Ее муж Виктор Александрович Гольцев (1850–1906) – известный публицист и редактор журнала “Русская мысль” – был человеком широкого кругозора и прирожденного дара слова. В нем отсутствовали та нетерпимость и узость, которые были порой присущи даже лучшим критикам и публицистам его времени. При жизни он успел оставить небольшие воспоминания о своем детстве и университетской юности¹.

Гольцевы были одной из самых радушных и гостеприимных семей Москвы. Их хлебосольство было широко известно. Многим были памятны их литературные вторники, или “журфиксы”, как тогда говорили. “Здесь присутствовала почти вся интеллигентная Москва, – вспоминала Наталья Алексеевна, – литературный, профессорский и артистический мир, а также земские деятели, педагоги и университетская молодежь и др.”². Дом Гольцевых был многим дорог своей атмосферой и уютом, возможностью высказаться и быть услышанным в глухие годы царствования Александра III.

К сожалению, о самой Наталье Алексеевне Гольцевой (урожденной Оппель) нам мало что известно. Ее дед, немецкий доктор Христиан Федорович Оппель,

* Фрагмент воспоминаний Н.А. Гольцевой предполагается напечатать в альманахе “Арбатский архив”.

¹ Гольцев В.А. Из воспоминаний и переписки // Русская мысль. 1905. № 4; 1906. № 10, 11.

² ОР РГБ. Ф. 77. К. 19. Ед. хр. 2. С. 1.

основал Мариинскую больницу, первую в Москве. В 1812 г. “он оставался единственным врачом в своей больнице, – рассказывала Наталья Алексеевна, – в то время, когда все остальные врачи покинули ее. Наполеон предложил нашему деду перейти к нему на службу, на что получил гордый отказ и ответ, что не покинет Россию и останется на своем посту”³.

Н.А. Гольцева тоже не была чужда общественной деятельности. Ее никогда не удовлетворяла роль тени своего известного мужа или замкнутой на семье домохозяйки. Еще при жизни В.А. Гольцева она организовала Пречистенские вечерние классы для рабочих с широкой образовательной программой, написала в популярном виде биографии: “Труды и подвиги Миклухо-Маклая” (1903) и “Н.И. Пирогов” (1916).

Но, может быть, наибольший интерес в ее наследии представляют воспоминания “Забытое прошлое”, остающиеся пока неопубликованными. В ОР РГБ сохранились два машинописных варианта мемуаров. Структура их одинакова и состоит из двух частей: воспоминания о самом В.А. Гольцеве и рассказы о встречах с замечательными людьми, которые окружали Наталью Алексеевну и ее мужа. Сразу бросается в глаза, что объем и полнота двух текстов мемуаров сильно отличаются: в одном варианте – 65 страниц⁴, в другом – 101⁵. Это объясняется, прежде всего, разным составом очерков о писателях, ученых и общественных деятелях, которые входят в заключительную часть воспоминаний. В расширенном варианте их насчитывается 15 (3 очерка в рукописи), а в кратком – только 7. Тем не менее расширенный вариант включает в себя все очерки краткого Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.С. Соловьев – вот только некоторые сразу бросающиеся в глаза имена героев этих примечательных очерков. Взглянем теперь на те страницы воспоминаний, которые связаны с Москвой. После окончания Московского университета Гольцев был послан за границу в научную командировку (1875–1877), во время которой он собирал материалы для магистерской диссертации “Государственное хозяйство во Франции 17 века”.

За границей Гольцевых ждало немало встреч с их московскими друзьями и знакомыми. В Париже и немецких городах В.А. Гольцев сошелся близко со своими товарищами по университету: А.А. Шаховым, С.А. Муромцевым, Н.П. Боголеповым, Н.Д. Сергиевским. Тогда все они казались единомышленниками, вспоминала Наталья Алексеевна, и трудно было поверить, что спустя считанные годы судьба разведет их по разным лагерям и партиям. О каждом из тогдашних знакомых мужа она оставила небольшие, но живые записи. Особенно подробными и интересными получились рассказы о рано умершем историке западноевропейской литературы А.А. Шахове и будущем министре народного образования Н.П. Боголепове, “блестящая карьера” которого развертывалась у нее на глазах.

Вернувшись из ухоженной Европы, Гольцевы были до некоторой степени шокированы видом русской столицы. “Тяжелое впечатление произвела на нас Москва своей грязью и некультурностью после Запада, – признается мемуаристка. – Эти грязные дома с облупленной штукатуркой, провалившиеся тротуары и масса пьяных и оборванных людей, лежащих на них, наводили ужас на нас”⁶. В ее воспоминаниях есть маленькая глава, которая так и называется “Условия московской жизни”. В конце 1870-х годов молодая семья с ребенком первое время смогла найти приют только в доме кн. Сергея Матвеевича Кропоткина. В 1883 г. семья Гольцевых переехала в свой собственный “небольшой особнячок, близ церкви Успенья на Могильцах” в одном из арбатских переулков. Прожив там 14 лет, они перебрались на “Пречистенку в другой особняк”.

³ Там же. К. 23. Ед. хр. 1. С. 35.

⁴ Там же. К. 19. Ед. хр. 1.

⁵ Там же. К. 23. Ед. хр. 1.

⁶ Там же. С. 20.

Но бытовые трудности мало омрачали ту интересную и бурную жизнь, в которую Гольцевы окунулись по возвращении в Москву. Вот что вспоминала об этом Наталья Алексеевна: «Масса лиц начинает окружать В[иктора] А[лександровича], все желают познакомиться с ним как с интересным молодым ученым и нас приглашают на все существующие тогда “журфиксы”. То мы были приглашены к Легонину, декану Московского университета, то проф. Дювернуа, то проф. Дроздовскому, то к Муромцевым (к матери С.А. Муромцева), то к Лепешкину (устроителю студенческого общежития), то к Хрущевой (другу Е.С. Некрасовой и В.О. Ключевского), то В.О. Ключевскому, то к издателю газеты “Курьер” Ланину и т.д. Нас принимали приветливо и радушно. Мы были молоды и увлечены общественными идеалами. В.А. очаровывал всех своим умом и речью, поэтому мы были желанными гостями на журфиксах. Все эти фиксы были сами по себе мало интересны. Только в некоторых домах были интересные беседы и завязывались живые споры (как, например, у Хрущевой, Ключевского, Муромцева), а в других – велись вялые и скучные разговоры или играли в карты»⁷.

На это время, когда сверкнула последняя вспышка александровского либерализма, приходится интересный эпизод из истории земского движения в России, с которым оказалась тесно переплетена судьба В.А. Гольцева. Наталья Алексеевна описывает “тайный съезд земцев”, состоявшийся в Москве. “В конце марта 1879 года, – рассказывает она, – в квартире [С.М.] Кропоткина собрался первый земский съезд, в котором принимали участие представители многих губерний, в том числе Павел Александрович и Александр Александрович Бакунины как представители Тверской губ[ернии], И.И. Петрункевич и А.Д. Линдфорс как представители Черниговской губернии]. Вик[тор] Ал[ександрович] Гольцев, к которому обратился Петрункевич с просьбой найти помещение для съезда, выхлопотал у Кропоткина право собраться у них в доме (на углу Трубниковского пер., близ Новинского бульвара), так как в предназначенной раньше квартире не удалось устроить заседание.

Жена Кропоткина Е.А. пригласила меня в этот вечер к себе, и мы во время заседания съезда сидели в соседней комнате. Я слышала эти горячие речи, этот общий призыв бороться за конституционный порядок в России”⁸.

Здесь можно добавить, что в 1892 г. Гольцев был выбран в Московскую думу, но ультиматум московского губернатора “отказаться от работы в Думе или быть высланным из Москвы” преградил ему всякую дорогу туда.

В.А. Гольцев был на редкость тонким ценителем культуры. Он отдавал должное не любимому радикальными критиками А. Фету, защищал поэзию А. Пушкина от нападок Д. Писарева, восхищался А. Чеховым. “В 1880 году состоялось открытие памятника Пушкину, – писала Н.А. Гольцева, – и В.А. принимал самое деятельное участие в организации этого торжества. С каким восторгом он говорил о речах Тургенева и Достоевского. Передавал, что Достоевский был увенчан венком и что вся публика плакала во время его речи”⁹.

В 1878 г. В.А. Гольцев с успехом защитил магистерскую диссертацию, но ожидавшейся университетской кафедры он так и не получил. И только однажды, в 1881–1882 гг., ему было разрешено читать свой курс “Учение об управлении” в Московском университете. Но заступивший вскоре после убийства Александра II на пост министра внутренних дел Д. Толстой вынудил Гольцева навсегда покинуть стены университета.

Дальнейшая судьба Гольцева оказалась связанной с журналом “Русская мысль”. В 1885 г. он становится главным редактором ежемесячника, в котором много работал с момента его основания в 1880 г. “Русская мысль” превратилась

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же.

в главное дело его жизни, заменив для него и университетскую кафедру и парламентскую трибуну. Но не менее ревностно, чем университеты, власти опекали печать. Журнал Гольцева был постоянной мишенью для цензурных репрессий, которые, по замечанию В.Г. Короленко, отличались наиболее свирепым характером в Москве. Наталья Алексеевна рассказывает не только о методах цензурного воздействия на “Русскую мысль”. В главе “Шпионаж” она рисует яркую картину того, что на бюрократическом языке называлось “состоять под гласным надзором”. Слежка за Гольцевым распространялась как на Москву и редакцию журнала, так и на дачу в Старой Рузе. Наталья Алексеевна приводит интересный эпизод с В. Зубатовым, “карьериста” которого началась, в частности, с наблюдения за ее мужем. В 1886 г., как осведомитель московской охранки, он пытался выяснить, какие запрещенные книги имелись в библиотеке Гольцева и его друзей, но был вскоре разоблачен своими товарищами-студентами.

Но несмотря на все аресты и преследования, которым Гольцев подвергался как обозреватель и редактор своего журнала, именно благодаря “Русской мысли” он стал играть видную роль в общественной и культурной жизни Москвы. При нем “Русская мысль” была одним из самых отзывчивых и терпимых журналов, который не боялся предоставлять свои страницы для различных точек зрения. «В.А. был объединяющим центром для многих выдающихся деятелей литературы, науки и общественности, – вспоминает Н.А. Гольцева, – не только как редактор “Русской мысли”, но как литератор, который касался целого ряда животрепещущих вопросов. Я помню, как часто заходил Л.Н. Толстой к В.А., когда последний писал об искусстве, много беседовал по этому поводу с ним; нередко Л[ев] Н[иколаевич] заносил гранки [к] В.А. со своими примечаниями»¹⁰.

Еще более интересна и неожиданна вторая часть “Забывтого прошлого”, которую Наталья Алексеевна посвятила воспоминаниям о встречах с известными людьми. По ним можно судить, насколько был широк круг общения Гольцевых. С одной стороны, это деятели культуры, литературы, искусства: Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.С. Соловьев, В.Г. Короленко, Н.С. Лесков, Г.И. Успенский, Н.М. Михайловский, Н.В. Шелгунов, Г.А. Мачтет, пианист А.Г. Рубинштейн, актриса Г.Н. Федотова. С другой стороны, это профессора и ученые Московского университета: А.И. Чупров, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский. В небольших рассказах об этих замечательных людях подкупает искренность и непосредственность, с которыми она передает впечатления о них.

Не случайно, что Н.А. Гольцева уделила большое внимание профессорам Московского университета. Хотя В.А. Гольцев и не стал академическим ученым, он всегда был тесно связан с научным миром. Многие крупные работы В.О. Ключевского впервые появились именно на страницах “Русской мысли”, а самого историка мемуаристка называет в числе близких к Гольцеву людей. Наиболее обстоятельные очерки Наталья Алексеевна посвятила двум выдающимся профессорам Московского университета: экономисту А.И. Чупрову и юристу С.А. Муромцеву. Судьбы этих ученых оказались особенно тесно связаны с Москвой.

Мемуаристка описывает 25-летний юбилей профессорской и общественной деятельности А.И. Чупрова, который собрал вокруг себя всю московскую интеллигенцию. Александр Иванович не только “пользовался большой популярностью благодаря прекрасному изложению своего предмета”, но и был широко известен как человек редкой доброты и отзывчивости.

Ярким и разносторонним вышел у Натальи Алексеевны портрет С.А. Муромцева, председателя 1-й Государственной думы и Юридического общества, одного из основателей конституционно-демократической партии. Мемуаристка пишет о нем не только как об авторитетном общественном деятеле, но и как о че-

¹⁰ Там же. С. 4.

ловеке в его повседневной семейной жизни. В этом очерке она делится также впечатлениями от знакомства с П.И. Чайковским.

К сожалению, “Забытое прошлое” не было закончено. Мемуары остались весьма отрывочными и конспективными, и их сохранившиеся варианты носят, по-видимому, черновой характер. Но и в таком виде они представляют большой интерес для историков, литературоведов и ценителей русской культуры. Наталья Алексеевна Гольцева была чутким свидетелем своего времени и умела чувствовать личность и талант в окружавших ее людях.

А.В. Антощенко

МОСКОВСКИЙ УЧЕНЫЙ ЗА РУБЕЖОМ: ГАРВАРДСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА АКАДЕМИКА П.Г. ВИНОГРАДОВА

Жизнь историка-медиевиста Павла Гавриловича Виноградова (1854-1925) оказалась как бы разделенной надвое: до 1902 г., когда шло становление его личности, обретение опыта исследовательской и преподавательской работы, протекавшие преимущественно в Москве и стенах Московского университета, и с 1902 г., когда вдали от родины, в “гостеприимной Англии”, к профессору уже Оксфордского университета пришло мировое признание его научных заслуг. Подобно жизни оказался разделенным надвое и архив историка: часть материалов — в архиве Московского университета, другая — в 1993 г. была приобретена библиотекой школы права Гарвардского университета у наследников Виноградова¹.

Архив Виноградова в Гарварде содержит несколько тысяч страниц рукописных и машинописных текстов, черновые наброски и типографские отгиски статей, газетные, журнальные вырезки и другие материалы. Документы классифицированы по формальному признаку, разделены на 11 серий, в ряде которых выделены подсерии, и хранятся в 227 папках, помещенных в 27 коробок. Серия 1 представлена дневником Виноградова за 1920 г.; серия 2 — переписка; серия 3 — лекции, заметки и планы, в которых выделены: подсерия А — собственно лекции, подсерия В — планы и наброски, заметки и цитаты; серия 4 — книги, статьи и другие сочинения с выделением подсерии А — статьи в рукописи, наброски и заметки, подсерии В — типографские отгиски статей, подсерии С — “Очерки исторического правоведения”; серия 5 — материалы по русской истории и политике; серия 6 — конференции, конгрессы, симпозиумы; серия 7 — заметки к лекциям, заметки о судебных разбирательствах, цитаты; серия 8 — записные книжки; серия 9 — газеты; серия 10 — работы других авторов; серия 11 — разрозненные материалы. В рамках серий документы располагаются, как правило, в хронологическом порядке.

¹ Архив МГУ. Ф. 213; ОР РГБ (См.: Из писем П.Г. Виноградова / Публик. и прим. К.А. Майковой // СВ. 1962. Вып. XXII. С. 267); *Baker J.H. Migrations of Manuscripts // Legal History. 1994. Vol. 15. N. 2. P. 175.* Автор обзора благодарен профессору истории и права Калифорнийского университета в Беркли Томасу Барнесу, указавшему на это приобретение, библиотекарю специальных коллекций Гарвардской школы права Дэвиду Варрингтону, помогавшему в работе с материалами Виноградова, и куратору рукописей Дэвиду де Лоренцо, любезно предоставившему право на их публикацию.

Формальный подход к группировке материалов рождает ряд несообразностей. Непонятно, например, почему статьи о П.Н. Милюкове, А.Ф. Керенском, А.И. Гучкове, А.В. Колчаке, А.И. Деникине и других политических деятелях России оказались в серии 4 (подсерия В), а не в серии 5, а вырезки из газет о России из последней серии не перенесены в серию 9 и т.п. Поэтому при описании материалов представляется более удобным пользоваться хронологическим принципом, связывая документы с этапами жизни и творчества Виноградова. Это позволит обратить внимание на наиболее важные из документов (поскольку полное описание не представляется возможным) и подробнее осветить годы “добровольного изгнания” Виноградова, которые еще далеко недостаточно известны отечественному читателю.

Виноградов покинул Россию в декабре 1901 г. Поводом к отставке из университета и последующему за этим отъезду за границу послужило его столкновение с министром народного просвещения генералом П.С. Ванновским². Косвенно суть конфликта отразилась в трех афишах “От комиссии по руководству курсовыми совещаниями”³. Они свидетельствуют о разрешении студентам проводить курсовые совещания и создании комиссии (председатель — П.Г. Виноградов) для руководства ими. Усилиями комиссии удалось предотвратить резкие эксцессы со стороны студентов, которые могли бы вызвать повторение памятного погрома университета в 1899 г.

Приехавший из столицы новый министр не только не одобрил деятельность комиссии, но и высказал недоумение по поводу того, что она возглавлялась не ректором университета (последняя афиша была выпущена уже за подписью “Ректор А. Тихомиров”, субординация была восстановлена). Это задело Виноградова. Однако не столько оскорбленное самолюбие, сколько понимание того, что от нового министра не приходится ждать положительных изменений, было побудительным мотивом отставки. Конфликт с Ванновским стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Виноградова, активно включившегося в либеральное земское движение еще в 90-е годы и повсеместно сталкивавшегося с бюрократическими препонами. (О его деятельности на посту председателя училищной комиссии Московской городской думы в 1897-1901 гг. говорят многочисленные оттиски докладов этой комиссии — В. 13. Ф. 1-2.) Поэтому вслед за отставкой последовало решение покинуть Россию.

После кратковременного отдыха в Каннах, путешествия по Европе Виноградов оказался в Кембридже, где летом 1902 г. прочел две лекции о реформах 1860-х годов в России и дал критическую оценку ее современному состоянию⁴, объяснив тем самым причины своего отъезда из страны.

В связи с уходом в отставку профессора-юриста Ф. Поллока для Виноградова открылась возможность замещения вакансии на кафедре правоведения в Корпус Кристи колледже Оксфордского университета. 22 декабря 1903 г. тайным голосованием он был избран профессором этой кафедры, специально созданной для Генри Мэна. Именно ему посвятил свою инаугуральную лекцию Павел Гаврилович⁵, назвав английского историка-правоведа одним из наиболее влиятельных своих учителей. Знаком признательности стало возвращение к теме творче-

² См. об этом: *Херасков И.* Из истории студенческого движения в Московском университете // Московский университет, 1755-1930. Юбилейный сб. Париж, 1930. С. 438-439; *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 92.

³ Harvard Law School Library. Vinogradoff's Papers. Box 25. Folder 8. Далее в тексте в скобках указываются номера коробок (В) и номера папок (Ф).

⁴ *Vinogradoff P.* The Reforming Work of the Tzar Alexander II; The Meaning of the Present Development in Russia // *Lectures on the History of the Nineteenth Century.* Cambridge, 1902. P. 237-276.

⁵ Оттиск русского перевода лекции (Научное слово. М., 1904. Кн. VII) сохранился в архиве вместе с оттисками других работ на русском языке — “Накануне нового столетия”, “Феодализм в Италии”, “Римское право в средневековой Европе” и т.д. (В. 10. Ф. 5).

ства Г.Мэна в 1919/20 уч. году, о чем свидетельствуют планы лекций, составленные Виноградовым (В. 6. Ф. 6).

Со времен Мэна установилось, что от профессора этой кафедры требовалось чтение лекций и консультация студентов по вопросам истории права и сравнительного правоведения различных народов, а также, при желании, рассмотрение общих принципов права. Виноградов имел и желание, и способность такой постановки лекционных курсов. В архиве отложились тексты лекций, читанных в разные годы в Оксфорде, среди которых — “Право и государство”, “Введение в правоведение”, “Принципы правоведения”, “Современное правоведение”, “Социальная и политическая организация”, “Конституционное право”, “Публичное право”, “Корпорации и союзы” и многие другие (В. 1. Ф. 8-9; В. 2. Ф. 1, 2, 3, 4; В. 3. Ф. 3, 4, 7; В. 4. Ф. 3-5, 6; В. 5. Ф. 1-2, 3). Значительная часть лекций не датирована.

В 1907 г. Виноградов впервые ездил в США для чтения лекций в Гарварде и Медисоне (Висконсин). Текст гарвардских лекций “Древнее право” сохранился (В. 1. Ф. 6-7), как и тексты некоторых лекций, с которыми он выступал в Америке в 1923-1924 гг. Среди них — лекция “Право как субъект обязанностей”, произнесенная перед студентами Института политики в Вильямстауне (Массачусетс) (В. 2. Ф. 5), лекции “Право как предмет социальной науки” в университетах Мичигана и Калифорнии (В. 2. Ф. 7) и некоторые другие. Из “европейских” лекций сохранились “Шведская земля” (1924?), “Возрождение естественного права” — лекция в университете г.Упсала (В. 3. Ф. 2), “Обычай и право” — в Институте сравнительного изучения культуры в Осло (В. 3. Ф. 5-6). Большинство лекций, читанных Виноградовым в 20-е годы в американских и европейских университетах, были опубликованы⁶.

Факт преподавания Виноградовым в Московском университете в 1908-1910 гг. в качестве сверхштатного профессора хорошо известен. Однако текстов лекций, прочитанных в стенах родного университета в эти годы, в Гарвардской коллекции Виноградова нет. Может быть, Павел Гаврилович не счел нужным увозить их в Англию в надежде вернуться на родину? Правда, сохранился текст лекции о правовом государстве (В. 22. Ф. 6). Однако она не отмечена в списке публичных лекций Виноградова, приложенном ко второму тому его “Собрания сочинений”. Упоминание о том, что лекция читалась в связи с подготовкой к Учредительному собранию, позволяет предположить, что это было время последнего пребывания историка в России, наблюдавшего события февраля 1917 г. в Петрограде⁷.

Архив хранит также большой подготовительный материал к лекциям: наброски, черновики, планы, списки литературы. Часть лекций написана от руки, часть — отпечатана на машинке, некоторые представляют собой своеобразную рабочую комбинацию рукописного и машинописного текста.

Особо следует выделить французский текст лекции “Некоторые проблемы истории англо-нормандского права”, написанный рукой Виноградова, а затем перепечатанный на машинке (В. 8. Ф. 4)⁸. Ее текст готовился для выступления Виноградова в клубе истории права в Париже на торжествах по случаю присуждения ему звания профессора Сорбонны *honoris causa* в ноябре 1925 г. Но из-за болезни Павла Гавриловича она была зачитана профессором П.Коллине. Содержание лекции лишней раз продемонстрировало, что ее автор давно заслуживал этого высо-

⁶ См.: *Public Lectures Given in England and Foreign Countries // Collected Papers of Paul Vinogradoff* (Далее — *Col. Pap.*). Oxford, 1928. Vol. 2. P.499.

⁷ См. об этом: *Vinogradoff P. Some Impression of the Russian Revolution // Contemporary Review*. 1917. Vol. CXI. N 115. P. 553-561.

⁸ Лекция опубликована: *Vinogradoff P. Quelques Problèmes d'Histoire du Droit Anglo-Normand // Revue historique de droit français et étranger*. April-June 1926; *Col. Pap.* Vol. 2. P. 423-437.

кого звания. В ней Виноградов указал на значение обычного права, применяемого местными судами феодалов, для становления общего права, заставив тем самым потесниться королей норманнской и анжуйской династий, которые с легкой руки его друга и коллеги Мэтланда занимали главное место в этом процессе⁹.

Лекционные материалы архива свидетельствуют, что к ним вполне применима та оценка, которую сам Виноградов незадолго до отъезда из Москвы дал лекционным курсам своих московских коллег. “В общем, русским профессорам, — писал он, — не приходится стыдиться своих курсов ни перед кем, они вкладывали в них лучшее достояние своего знания и труда, делали для них даже больше, чем для специальных исследований или печатных изданий”¹⁰.

Новинкой для Корпус Кристи колледжа было введение приехавшим из России профессором семинаров. Впервые с опытом организации работы семинара Виноградов познакомился в Германии, посещая *Das Seminar* знаменитого Т.Моммзена. В нем тогда еще только начинающий исследователь открыл тот принцип, который станет затем основой его собственных “семинариев”. “Вот тут я увидел, — писал он своему учителю В.И.Герье, — что для таких людей, как Моммзен, не существует слишком специальных и мелких вопросов. Всякий осколок прошедшего есть, если можно так выразиться, исторический микрокосм, в котором отражаются и соединяются великие всемирно-исторические силы. Все дело в том, что слишком немногим известно чудотворное “Сезам, отворись!” Не знаю, что я сумею извлечь из специальных занятий под руководством Моммзена, но вижу, что *можно* воспользоваться весьма многим. Во всяком случае попробовать и поработать стоит”¹¹. Результаты пробы в Московском университете оказались блестящими. Вспоминая занятия в виноградовском семинаре, В.А.Маклаков писал: “Виноградов умел заставить студентов работать перед собой; вызывал возражения, старался отыскать в каждой сказанной глупости или наивности зерно правильной мысли; принимался развивать чужую идею, показывая, куда она приводила и где были ошибки. При этом он все освещал такой массой примеров и аналогий, не исключая и современной нам жизни, что логика исторических фактов сама собой обнаруживалась, а современные события получали новое объективное освещение”¹². Хорошо известны высокие оценки семинаров Виноградова теми, кто впоследствии достиг высот отечественной исторической науки¹³.

Большой опыт, приобретенный Виноградовым в качестве участника семинаров в Германии, а затем обогащенный в России уже в новом качестве — преподавателя, обеспечил успех начинания в Оксфорде. Правда, хранящиеся в Гарвардском архиве “Протоколы семинаров” (В. 24. F. 8), составленные в 1909/10 уч. году мисс Шипшенкс (*Sheepshanks*), более деловиты и сухи по сравнению с восторженными и обобщающими оценками семинаров русскими учениками Виноградова, но они позволяют сделать вывод, что выработанные в Московском университете принципы остались неизменны. В центре внимания учителя по-прежнему оставались источники, которые тщательно отбирались, отпечатывались и раздавались студентам. В данном случае это были “Избранные дела для иллюстрации истории английского земельного права”, извлеченные из годовых книг (*year books*), составленных в период правления Эдуарда II¹⁴. На их основе студен-

⁹ См.: Barnes Th. Notes from the Editors for the Collected Papers of Paul Vinogradoff. Derlan, New Jersey, 1995. P. 18-19.

¹⁰ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // ВЕ. 1901. № 10. С. 570.

¹¹ Из писем П.Г.Виноградова С. 269.

¹² Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 193-194.

¹³ См.: Богословский М.М. Указ. соч. С. 72-74; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 70; Милюков П.Г. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 114-115.

¹⁴ Тематику виноградовских семинаров в Оксфорде см.: Subjects treated in seminars // Coll. Pap. Vol. 2. P. 495-496.

ты делали доклады, которые затем обсуждались участниками семинара. Течение его по-прежнему определялось широкой эрудицией “профессора” (так постоянно называет Виноградова автор протоколов), который своими замечаниями, дополнениями и обобщениями помогал студентам не только детально проанализировать и выявить незаметные на первый взгляд нюансы рассматриваемых дел, но и показать их связь с развитием правовой мысли в Англии с учетом своеобразия рецепции английскими правоведами (в данном случае Г.Брактоном) римского права и особенностей эволюции общего права в сравнении с континентальной системой.

Об успехе семинаров Виноградова свидетельствует список публикаций в Оксфордской серии социальной и правовой истории, подготовленных их выпускниками¹⁵.

Быть впереди своих студентов и коллег Виноградову позволяла обширнейшая эрудиция¹⁶, являвшаяся результатом неустанной работы по приобретению новых знаний. Ее отражают 56 тетрадей и записных книжек, в которых содержатся конспекты прочитанных книг и статей, архивные выписки, сделанные на русском, английском, немецком, французском, итальянском, греческом, латинском, англо-норманнском языках. Некоторые из тетрадей пронумерованы, на обложках многих из них сохранились указания места составления записей (Лондон, Оксфорд, Медисон, Рим, Берлин, Калькутта и родное — Покровское-Стрешнево), практически все они датированы. Это позволяет определить круг исследований, находившихся в поле зрения историка в тот или иной период его творчества. Невозможно даже перечислить в небольшом обзоре только названия работ, с которыми знакомился Виноградов.

Откроем наугад одну из папок, в которой хранятся две тетради, заполнявшиеся в 1916-1917 гг. в Лондоне (В. 24. Ф. 8). В центре внимания Виноградова — работы по психологии и морали. Он конспектировал “Введение в социальную психологию” В.Макдоугала, “Методы этики” Г.Сиджуика (на английском), “Мораль и общество в XX веке” Ф.Берольцхаймера (на немецком) с параллельными заметками на противоположной стороне листа о схожих положениях у Г.Спенсера и Сиджуика. Затем следуют выписки из работы О.Паскёнига “О психологии Вильгельма Вундта”. Далее составлена краткая библиография английских работ по психологии, завершающаяся указанием на перевод книги французского исследователя Т.Рибо “Немецкая психология сегодня”. Об интересе Виноградова к неокантианским веяниям в философии и истории свидетельствует перемежающийся конспект работ Риккерта и Виндельбанда. Именно здесь, как представляется, лежат истоки одной из немногих неопубликованных работ Виноградова, хранящихся в архиве. Написанная по-английски статья “Об истории” (В. 9. Ф. 6) посвящена критическому разбору положений Риккерта и Виндельбанда. Не соглашаясь с противопоставлением методов естественных и гуманитарных наук, автор в то же время проявил симпатии к указанию немецких философов на целеполагающий характер деятельности людей и значение идеалов и ценностей в жизни общества. Хотя текст не подписан, но общая направленность работы весьма близка к пожеланиям, высказанным им позже в другой статье “Перспективы исторического правоведения”¹⁷, что позволяет предположить ее принадлежность Виноградо-

¹⁵ Oxford studies in social and legal history // Ibid. P. 497.

¹⁶ Хорошо известна фраза, подмеченная Отто фон Гирке на международном конгрессе в Лондоне в 1913 г. и характеризующая широкий кругозор Виноградова: “Кто этот человек, который знает все законы и говорит на всех языках?” См.: *De Zulueta F. Paul Vinogradoff. 1854-1925 // The Law Quarterly Review. 1926. N CLXVI. P. 209.*

¹⁷ *Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения // Современные записки. Париж, 1921. Т. 7. С. 154-161.*

ву¹⁸. Тем самым статья является звеном в эволюции методологических взглядов Виноградова, приведшей его к “Очеркам исторического правоведения” и незамеченной до настоящего времени и в отечественной историографии¹⁹. Таких цепочек развития идеи от конспекта к лекции, статье или книге можно проследить сколь угодно много.

Характеризуя манеру конспектирования Виноградова, следует прежде всего отметить краткость записей. Обладая отличной памятью, Виноградов отмечал лишь наиболее важное. Зачастую он обращал внимание на подстрочный материал в исследованиях, выписывая цитируемые источники. Если конспект источника делался на греческом, латыни или англо-норманнском языках, то он дополнялся параллельным переводом на английский. Рабочие пометы весьма скупы. Как правило, они указывают на возможность использования источника: “женитьба на чужеземке”, “город и социальные группы горожан” и т.п. Иногда они выражают отношение к изложенному: “свержкритицизм” или, напротив, выписки из Сократа: “Толпа персов — рабы. Их начальники добывают себе славу, растапывая другие народы”, на полях приведена помета — “Россия!”²⁰. При повторной работе с конспектом Виноградов подчеркивал ключевые слова, как бы составляя конспект в конспекте.

Почти не известна деятельность Виноградова в годы первой мировой войны. Непосредственным откликом историка на известие о ее начале стала статья “Россия: психология нации”²¹. Она призвана была помочь преодолеть предубеждение в отношении к России — союзнице Великобритании по коалиции — как к малокультурной стране, в которой господствует деспотизм, — предубеждение, разделявшееся частью английского либерального общества. В ходе войны Виноградов неоднократно выступал со статьями в английской прессе и с лекциями, которые знакомили англичан с либеральной традицией общественной мысли и земским движением в России второй половины XIX — начала XX в. В то же время на страницах русских газет появлялись его очерки о вкладе народов Великобритании в борьбу с общим противником. Ежегодно приезжая в Россию, Виноградов участвовал в проводимых русско-английским обществом собраниях и лекциях, а с 1916 г. стал председателем его исполнительного комитета, заменив на этом посту ушедшего из жизни бывшего коллегу по Московскому университету и друга М.М.Ковалевского. Именно к этому времени относится текст неопубликованной статьи Виноградова “Россия и Европа” (В. 8. F. 6). В ней автор выражает уверенность, что на его родине утвердятся право и гуманность, которые являются достижением мировой культуры, и что средством их утверждения должно быть просвещение.

Деятельная натура Павла Гавриловича не могла ограничиться только пропагандистской работой, поэтому, когда в августе 1915 г. в Лондоне был создан Комитет помощи русским узникам войны, он с готовностью откликнулся на предложение стать его почетным секретарем. На него легли организационные обя-

¹⁸ Такая осторожность не является излишней, поскольку среди бумаг Виноградова имеются конспекты и машинописные работы других авторов и не все они отнесены к серии 10 “Работы различных авторов”. Так, например, среди материалов серии 4 (подсерия А) рядом с работами Виноградова находится написанная по-русски статья “Украинский вопрос”, которая, как выяснено нами, принадлежит И.В. Шкловскому. Ее перевод был опубликован в редактированном П.Г.Виноградовым сборнике “Восстановление России”. — См.: *Shklovsky I.V. (Dioneo) The Ukrainian Question // The Reconstruction of Russia. Oxford, 1919. P. 52-68.*

¹⁹ Ср.: *Моисеенкова Л.С.* Об исследовательских принципах русского медиевиста П.Г.Виноградова // *История и историки.* 1981. М., 1985. С. 204-218; *Стоянова Н.И.* Объект исторического познания у П.Г.Виноградова // *Актуальные проблемы социального познания.* М., 1982. С. 66-75.

²⁰ Приводится в переводе с английского. — *Vinogradoff's Papers. Box 22. Folder 2. P. 62.*

²¹ *Vinogradoff P. Russia. The Psychology of a Nation // The Times.* 1914. 14 September. Статья была перепечатана в серии “Оксфордские памфлеты” с переводом на ряд европейских языков.

занности по координации деятельности с бернским и гаагским комитетами помощи военнопленным, о чем свидетельствует имеющаяся в архиве переписка (В. 1. F. 2). В ней много писем из лагерей от комитетов военнопленных, солдат и офицеров, основным лейтмотивом которых была просьба прислать “чего-нибудь съестного”, и отчетов о пересылке различных продуктов, одежды и, конечно же, табака.

Не хлебом единым жив человек — эту библейскую истину Виноградов глубоко понимал, поэтому много сил и энергии он направлял на создание условий для образовательной работы среди русских военнопленных. В 1916 г. при его участии были закуплены книги и специально изданная “Азбука военнопленного” для посылки в лагерь. Среди писем сохранился экземпляр “Азбуки”, оттиск статьи П.Харитоновой о деятельности лондонского комитета помощи²².

Революционные события в России вызвали у Виноградова, наблюдавшего их начало своими глазами, противоречивые чувства. С одной стороны, они вселяли надежду на переустройство России, с другой — тревогу в связи с нарастанием социальной напряженности, усиливаемой резким политическим размежеванием и ожесточенной межпартийной борьбой. Такое отношение отразилось в статьях и интервью Виноградова в английской прессе, машинописные тексты которых имеются в архиве (В. 7. F. 5, 6, 7).

Захват власти большевиками был незаконен и вел к полному разрушению государства, а значит и гибели России, считал Виноградов. Выступая на годовичном собрании исторической ассоциации 11 января 1918 г., он сравнивал современные события у себя на родине со смутным временем начала XVII в., указывая при этом, что нынешняя ситуация намного опаснее для страны, поскольку Германия более сильный противник, нежели польские интервенты и, что значительно важнее, российское общество утратило моральные ориентиры, которые обеспечивались ранее Церковью. Текст выступления сохранился²³ (В. 7. F. 9).

В это же время Виноградов сблизился с обществом “Народоправство”, созданным в Лондоне русскими эмигрантами вскоре после прихода к власти в России большевиков. Воззвание о его образовании было подписано профессорами С.П.Тюриным и С.И.Гавриловым, литератором И.В.Шкловским (псевдоним — Дионео), А.М.Кругляковым, А.Р.Багатурянцем и другими. Целью “Народоправства” провозглашалось объединение тех русских, кто отвергал большевистское правление как ведущее к распаду русской государственности и угрожающее независимости народов России, поддерживал Учредительное собрание как единственного выразителя свободной воли всего народа, рассматривал республику как надежную гарантию мирного и свободного развития России, кто полагал, что только в тесном единстве с союзниками возможно восстановление ее могущества и преодоление германского засилья, которому подчинились новые правители, подписав мир в Брест-Литовске²⁴. На одном из заседаний общества Виноградов прочел лекцию о том, каким ему видится выход из создавшегося положения. “Для него было ясно уже в начале 1918 г. — писал об этом выступлении хорошо знавший Виноградова в эти годы Шкловский, — что из коммунизма ничего не выйдет, и что Россия, когда она так или иначе избавится от большевиков, будет федеративной республикой”²⁵. Видимо, текст именно этого выступления под на-

²² Kharitonoff P. Eating the Bitter Bread of Banishment // The Graphic. 1916. 23 September.

²³ Его публикация упоминается в библиографии работ Виноградова (Trouble Times in Russian History // History: Historical Association. N.Y., 1918. P. 1-9). Сравнение послеоктябрьского периода со смутным временем, близкое по смыслу к тексту выступления, встречается также в статьях Виноградова “The Outlook in Russia” (Welsh Outlook. New Town, 1918. January. P. 18) и “Rusland ved korsveien” (Atlantis. Oslo, 1919. Nr. 2).

²⁴ См.: The Union “Russian Commonwealth” (“Narodopravstvo”) // Russian Commonwealth. 1918. Vol. 1. N 2. P. 24).

²⁵ Дионео. П.Г.Виноградов и революция // Голос минувшего. 1926. № 2. С. 246.

званием “За и против республики” хранится в архиве (В. 8. Ф. 6). В нем Виноградов решительно высказывается против восстановления монархии и возвращается к изложенным им еще в 1905 г. в “Политических письмах” предложениям создать двухпалатный парламент с представительством от земств в одной из палат. Правда, из контекста следует, что выступление относится к лету, а не к началу 1918 г. В журнале “Народоправство” была опубликована статья Виноградова о Лиге наций²⁶. К этой теме он возвратился еще раз, о чем свидетельствует машинописный текст письма “Созыв Лиги наций” (В. 7. Ф. 10), направленного в “Таймс”²⁷.

Обращаясь к личному архиву, всегда надеешься на то, что он приоткроет завесу тайны внутренней духовной жизни оставившего его человека. Гарвардская коллекция оправдывает эту надежду лишь отчасти. В ней нет личных писем Виноградова, но сохранился дневник за 1920 год. Правда, открывающего его может сразу постигнуть разочарование: в своей начальной части он скорее напоминает одну из многих записных книжек, содержащую планы лекций и занятий, конспекты, наброски статей. Однако тем ценнее те немногие заметки, которые приобретают более или менее систематический вид с августа месяца.

Весьма лаконичные записи раскрывают отношение Виноградова к политическим событиям в России и в Англии, отражают надежды в связи с вестями о ненависти простых красноармейцев к комиссарам и их крушение вместе с поражением белой армии. “Крушение Врангеля. *Vae, victis!*”²⁸ Гарвин радуется,” — записано 15 ноября.

Столь же немногословен он при характеристике своих взаимоотношений с близкими и коллегами. Если в отношениях к родным он мягок до сентиментальности (“Проникновение нового волнения в голос: страшно и дорого. Я предлагаю отложить операцию”. — Запись 18 сентября), то характеристики английских коллег, с которыми он встречался на торжественных ужинах, порой весьма саркастичны. Одна из записей завершается обобщением, выражающим его давнее недовольство господствовавшей в Оксфорде системой натаскивания студентов к экзаменам: “Противная атмосфера за обедом в *Corpus*. Тьюторские разговоры и интервью”.

Часы досуга, как свидетельствуют записи, посвящались любимым занятиям — игре в шахматы, музыке и чтению. “Наконец получил книги *Chess match v[ersus] Surrey*. Упорная партия против *Maas*^o. *Draw*. Устал. Очевидно нехорошо для кровообращения, нервов и зрения” (9 октября).

В оценках концертов проявляется тонкое понимание музыки, которое с детства прививала мать²⁹. 12 ноября: “Концерт *Corlat*. Удивительный пианист. Колоссальная техника, чувство *de la valeur du son*³⁰, сила тона. Соната Листа, этюды Шопена, Карнавал Шумана”. И 16 ноября — в раздражении по-английски: “*Borwick's concert in the Mus[ical] Club: harsh and mechanical. Utterly spoiled The Schumann Fantasia. Left before the end*”³¹.

Заметки о прочитанном выявляют в читателе историка.

29 ноября: «“Сон” Тургенева — слабая вещь, навеянная западной беллетристикой. “Старые портреты” — одна из ужасных картинок крепостного быта — кучерок Иван. А рядом идиллия Алексея Сергеевича и его глупой жены. Покло-

²⁶ *Vinogradoff P. The Legal and Political Aspects of the League of Nations // The Russian Commonwealth. 1918. Vol. 1. N. 1. P. 5-9.*

²⁷ *Vinogradoff P. The Covenant of the League // The Times. 1919. 28 March.*

²⁸ Горе побежденным (лат.).

²⁹ См.: *Fisher H.A.L. A Memoir // Col. Pap. Vol. 1. P. 7.*

³⁰ Долготы звучания ноты (фр.).

³¹ Концерт Борвика в музыкальном клубе: резкий и механический. Совершенно испорченная “Фантазия” Шумана. Ушли, не дождавшись конца (англ.).

нение Екатерине, Орлову, Потемкину. “Отчаянный” Тургенева — самоистребление».

3 декабря: «“Бесы” Достоевского: almost precise (?) prophesy of Bolshevism»³².

4 декабря: “Бесы: 20 о чем говорили в Пет[ербурге] в начале 60 годов. 49 Липутин [...]”³³ всемирно-человеческий язык революции. 107 Кириллов: Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет, а так Бога не будет”.

8 декабря: «Продолжал читать “Бесы”. 373 Ш. Переделка 9/10 человечества в стадо. Лучше бы всего перерезать 100 млн. За сто лет правительства погубили бы 500 млн. П.С. Верховенский: нужны смерть и [...] для полного разврата. Равенство в рабстве. Иван-Царевич или папа. Послушание [...]»³⁴.

9 декабря: «Дочитал “Бесы”: невыносимая бойня, но какова теперешняя действительность? Петр Степанович едва ли реален; все вообще преувеличено до карикатурности, но карикатура гениальная».

На первый взгляд, цитаты выбраны случайно. Однако для Виноградова, укавшего в дневнике даже страницы издания, они подтверждали два важных положения: о доктринерстве социалистических систем, базирующихся на умозрительном рационализме, и об утрате просвещенной частью общества христианского идеала. Так русская классическая литература оказывалась сопряженной с научными исследованиями историка, в последние годы жизни доказывавшего необходимость соединения принципа личной свободы с идеалами общественной справедливости³⁵.

Основное место в дневнике занимают записи, связанные с преподавательской и исследовательской работой. Так, 10 сентября записано: “Предлож[ени]е Enciclop[ædia] Britan[nica] £ 200 за 50 стр[аниц] или меньше, уплата за особые издержки”. С этого времени начинается интенсивная работа над статьями для Британской энциклопедии по истории России конца XIX - начала XX в. Кстати, сказать, многие из начальных несистематических записей в дневнике относятся к данной проблеме. Важным подспорьем в работе стали газетные материалы: вырезки статей о России из английской прессы, которые в течение ряда лет делались для Виноградова фирмами “Durrant’s press cuttings” и “Woolgar and Robert’s press cutting” практически из всех ведущих газет и журналов, издававшихся в Англии (В. 13. Ф. 3), материалы русской дореволюционной прессы, которые собирал сам Виноградов, публикации эмигрантских парижских газет “Последние новости” и “Общее дело” (В. 25. Ф. 1-10). Не были обойдены вниманием и “важнейшие большевистские издания”, подробные рукописные и машинописные конспекты которых были составлены Виноградовым. Причем он обращался в первую очередь к важнейшим источникам: материалам съездов Советов, статьям лидеров большевистской партии и членов Советского правительства (В. 13. Ф. 4-6). Наброски самой большой статьи “Россия”³⁶ делались по-русски (там же), а биографические статьи писались сразу же на английском языке. Среди бумаг сохранились рукописные тексты опубликованных очерков о П.Н.Милюкове, А.В.Колчаке, Л.Г.Корнилове и неопубликованный машинописный текст с дополнением в несколько строк от руки о Ф.Э.Дзержинском (В. 11. Ф. 1).

Однако вернемся к дневнику. 1 декабря записано: “Стукнуло 66 лет! Чередование учеников: Dennes, Тройнин, Rees, Miss Clarke [?]”. Если ученики пришли со

³² Почти точное пророчество большевизма (англ.).

³³ Слово неразобрано. Рукописи Виноградова последних лет жизни трудночитаемы, поскольку из-за сильно ухудшившегося зрения его почерк стал неразборчивее. См. об этом: *Дионео*. Указ. соч. С. 250.

³⁴ Слова неразборчивы.

³⁵ Ср.: *Vinogradoff P. The Russian Revolution. Its Religious Aspect // Land and Water. 1917. 2 August; Idem. Western and Eastern Ideals in Russia // Fortnightly Review. 1919. N DCXXIX. P. 670-677; Idem. The Spirit of Russia // Observer. 1919. 13 July.*

³⁶ См.: *Vinogradoff P. Russia // Enciclopedia Britannica. 12th edition. 1922. Vol. XXXII. P. 309-340.*

словами признательности, то публикацию обзора первого тома виноградских “Очерков исторического правоведения”, написанного для “Таймс” Дж. Макдонеллом, никак нельзя было отнести к числу подарков. Непонимание замысла работы, проявившееся в статье, вызвало резкую запись 2 декабря: “Услышать суд глупца? В данном случае не глупца, а завистника. Просмотрел существенное и обрушился на Введение, в кот[ором] вопросы не разрешены, а поставлены”. Виноградов был совершенно прав в своем негодовании. Хотя “Введение” оказалось слишком непривычным для воспитанных на “островной” традиции английских правоведов³⁷, оно получило достойную оценку в виде повторного отдельного издания в этом же, 1920 г.³⁸ К сожалению, последняя работа Виноградова до сих пор не привлекала должного внимания исследователей на родине историка, да и за рубежом³⁹.

“Очерки исторического правоведения” должны были стать, по замыслу автора, итогом многолетних исследований, в которых воплощалась его давняя мечта применить сравнительный метод к изучению всеобщей истории. Правда, теперь исследуемый предмет сужался до одной сферы — истории права, но анализ его осуществлялся на широком социальном фоне. В планы ученого входило проследить последовательную смену пяти стадий эволюции юриспруденции: племенного, гражданского, феодального, индивидуального и нарождающегося социалистического права⁴⁰.

Виноградов успел осуществить только часть задуманного. Первый и второй тома “Очерков” наряду с теоретическим введением, в котором рассматривалось соотношение правоведения с другими дисциплинами — логикой, психологией, социологией и политической теорией, а также вклад основных школ правоведения, содержали характеристику правоведения на первых двух стадиях — господства племенной организации общества и в греческих городах-полисах. Подготовительные материалы к этим двум томам имеются в архиве (В. 9 Ф. 7-8; В. 11. Ф. 3).

Однако много важнее материалы к третьему тому. Два раздела, написанные Виноградовым для этого тома — “Церковь” и “Источники права”, были опубликованы (В. 11. Ф. 4)⁴¹. В архиве содержатся также черновики общего плана тома, заметки и наброски к нему и незавершенные рукописный и машинописный варианты двух глав: первой — “Элементы социальной организации” и пятой — “Публичная власть” (В. 11. Ф. 4, 5, 6-11; В. 12. Ф. 1-7)⁴². Из них видно, что Виноградов отходит от той схемы изложения материала, которая использовалась им в главе “Феодализм”, написанной для Кембриджской средневековой истории⁴³. Если в последней системообразующим элементом феодализма было юридическое понятие “контракт”, вокруг которого строился нарратив (повествование), то в “Очерках” под влиянием Мэтланда и Отто фон Гирке Виноградов заменил его понятием “товарищество” (fellowship), определяющим социальный институт, возникший в условиях становления феодального общества. Именно этот институт был, по мысли Виноградова, интегрированным выражением социальных связей в средневековье, подобно трибе у индоевропейских племен, заполонивших Европу в результате переселения народов, и полису у древних греков. Как ни парадоксально, но в неопубликованных главах “Очерков” Виноградов был менее юридичен,

³⁷ Holdsworth W.S. Professor Sir Paul Vinogradoff. 1854-1925. London, [1926?]. P. 10.

³⁸ Vinogradoff P. Introduction to Historical Jurisprudence. London, 1920.

³⁹ Исключение составляет краткий обзор П.Стейна. См.: Stein P. Legal Evolution: the Story of an Idea. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1979. P. 115-119.

⁴⁰ Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. 1. Oxford, 1920. P. 158.

⁴¹ Vinogradoff P. The Church; *Idem*. Sources of Law. Right and Law // Col. Pap. Vol. 2. P. 438-478.

⁴² Список недостающих страниц рукописи, а также характер исправлений в этих двух главах говорит за то, что они также готовились к изданию в “Собрании сочинений” П.Г.Виноградова.

⁴³ См.: Vinogradoff P. Feudalism // Cambridge Medieval History. Vol. 3. Cambridge, 1922. P. 458-484.

если так можно выразиться, в объяснении особенностей феодализма, чем в главе Кембриджской средневековой истории. Введение понятия “товарищество” потребовало от исследователя рассмотрения исторических предпосылок складывания этого социального института, среди которых важная роль отводилась натуральному хозяйству, проявлением господства которого были порча монеты, перемещение ремесла в сельскую местность и занятие горожан сельскохозяйственным производством, господство продуктовой ренты.

Пятая глава “Публичная власть” должна была открываться рассмотрением понятия “мир” (rease). В анализе его содержания Виноградов следовал подходу, намеченному в главе об источниках средневекового права. Его интересовали не столько юридические доктрины и характеристика этого понятия в трактатах профессиональных юристов, сколько его реальное содержание, проявляющееся в повседневной практике, т.е. его обыденное понимание. Материалы к третьему тому “Очерков” позволяют судить о том направлении, в котором пошло бы исследование Виноградова, если бы не роковая простуда в Париже.

В завершение обзора материалов архива П.Г.Виноградова в библиотеке школы права Гарвардского университета хочется отметить, что они не только освещают многие слабо изученные и даже неизвестные стороны жизни и творчества этого выдающегося историка и общественного деятеля, но и ставят вопросы, на которые предстоит еще дать ответ.

Ю.М. Зыбалов

ПИСЬМА Б.К. ЗАЙЦЕВА К Г.И. ЧУЛКОВУ

Эпистолярное наследие писателя Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) велико и разнообразно. Значительное количество писем хранится в Москве в ОР РГБ и РГАЛИ. Среди многочисленных друзей писателя Георгий Иванович Чулков (1879–1936) занимает особое место. Переписка с Чулковым отражает период жизни Б.К. Зайцева с января 1903 г. по октябрь 1922 г. Сохранилось 57 писем Зайцева к Чулкову. 53 письма находятся в ОР РГБ (Ф. 371) и 4 – в РГАЛИ (Ф. 548).

Письма написаны на сложенной пополам бумаге, открытках черными чернилами, нередко с приписками жены Зайцева, Веры Алексеевны, урожд. Орешниковой, которые начинаются словами: “Дорогие Зоря и Надя” с постоянными приглашениями в гости и обидами за нечастые письма. Вера Алексеевна была знакома с четой Чулковых и, видимо, через нее и произошло знакомство с ними Бориса Константиновича. На “ты” Зайцев с Чулковым перешел только в 1914 г. В письме от 22 июня 1914 года он пишет: “мы знакомы с тобой более 10 лет, когда жив еще был Чехов!”¹.

Сохранилось январское письмо за 1903 г., 4 письма (апрель–декабрь) 1904 г., 4 письма (январь–сентябрь) 1905 г., 9 писем (февраль–декабрь) 1906 г., 6 писем (январь–декабрь) 1907 г., 4 письма (январь–сентябрь) 1908 г., 5 писем (октябрь–декабрь) 1909 г., 2 письма (март–апрель) 1910 г., 2 письма (июнь, декабрь) 1914 г. За 1912, 1915–17, 1920–21 сохранилось по одному письму. 2 письма (апрель) 1919 г. За 1911, 1913, 1918 гг. письма отсутствуют. 11 писем – без указания даты написания.

¹ ОР РГБ. Ф. 371 (Чулков). К. 3. Ед. хр. 40. Л. 49.

Такое неравномерное распределение писем по годам объясняется, с одной стороны, тем, что Зайцев бывал в Петербурге, останавливаясь в доме Чулкова. Чулков бывал в Москве, встречался с Зайцевым. “Начинается сезон, мы перебрались в Москву, и как-то кажется, что вот-вот Георгий Чулков ввалится со своим клетчатый саквояжем и яростностью (не распространяюсь, как будем рады), Очень бы хотел Вас повидать; поговорили бы, притянули бы к нам Андрея Белого”².

Писателей связывали глубокая дружба и уважение, которые не померкли с годами. «[...] Верьте – я люблю и ценю Вас не меньше. Еще недавно, среди всяких здешних литературных дрязг и вздоров впоминали мы с Верой Вас и “Вопросы жизни”: видно, печать благородства – штука прирожденная, и та атмосфера, которая вокруг Вас, дается немногим», – писал Зайцев³.

Нельзя с уверенностью сказать, что письма сохранились все. После революции Чулковы перехали в Москву и поселились на Смоленском бульваре, дом 8, недалеко от Кривоарбатского переулка, где жили Зайцевы.

Письма Г. Чулкова к Б. Зайцеву не выявлены*. Сохранился черновой вариант письма Чулкова к Зайцеву без указания даты⁴.

Письма Зайцева привлекли к себе внимание исследователей жизни и творчества писателя, которые в своих работах используют отрывки из них (А. Романенко, Е. Воропаева)⁵. Перепиסקа посвящена, главным образом, издательским делам. Писатели обменивались своими произведениями. Зайцев устраивал публикации произведений Чулкова в Москве. Чулков публиковал работы Зайцева в Петербурге. В письмах обсуждались вопросы: где лучше опубликовать свои произведения, деятельность издательств, выплаты авансов и гонораров. Заметное место в переписке занимает московская тематика. Зайцев делится впечатлениями о прочитанных книгах и их авторах: “Я тут вычитал у Сологуба много интересного, и даже чувствую значительную близость к некоторым его переживаниям”⁶. Зайцев пишет о близости с Мережковским в том, что “приятно быть в меньшинстве. Огромная в этом радость”⁷. В письме от 4 декабря 1904 года он пишет: «А есть еще Волинский: я начал недавно его “Леонардо да Винчи”, как это захватывает, сколько скитаний, одиноких бродяжничеств по захолустьям Италии, одиноких ночей над пергаментами в этом. И сколько самого Леонардо! Большая это вещь – на свой страх и риск по пруту складывать *свой* муравейник, такой, как устроил этот рыженький, талантливый (и затравленный) еврейчик»⁸. Речь идет об Акиме Львовиче Волинском (1863–1926), известном историке искусств, философе, написавшем фундаментальный труд “Леонардо да Винчи” в 1900 г., за что был удостоен звания почетного гражданина Милана.

В эссе “О себе”, вспоминая литературную жизнь и литературные пристрастия начала века, Зайцев пишет: “Очень ценили у нас Бодлэра, Верлэна, Метерлинка, Верхарна: мне лично нравился тогда Роденбах”⁹. Письма подтверждают это высказывание. Выражая восторг после чтения Верлэна, Зайцев пишет: «Талантище 196-й пробы, при этом после Анд[рея] Бел[ого], Блока и молодых наших “взъяренно-взъярительных” кажется почти классиком»¹⁰.

² Там же. Л. 9. Письмо от 15 августа 1905 г.

³ Там же. Л. 25. Письмо от 3 декабря 1906 г.

* По некоторым сведениям, письма Чулкова находятся у потомков Зайцева в Париже.

⁴ Там же. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 1.

⁵ Романенко А. Земные странствия Бориса Зайцева // Зайцев Б.К. Голубая звезда. М., 1989. С. 24; Воропаева Е. Жизнь и творчество Бориса Зайцева // Зайцев Б.К. Соч. В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 17, 18, 21.

⁶ РГАЛИ. Ф. 548 (Чулков). Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 2. Письмо от 26 апреля 1904 г.

⁷ ОР РГБ. Ф. 371. К. 3. Ед. хр. 40. Л. 6. Письмо от 4 декабря 1904 г.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Зайцев Б.К. Соч. Т. 1. С. 49.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 7.

О Верхарне Зайцев писал: “Вот читаю теперь Верхарна [...] – это сдвигает с позиции гораздо непоправимее глубже. Страшная сила такие поэты, как он”¹¹. Делится Зайцев и своими творческими планами. «Хочу перевести “Искушение Св. Антония” Флобера. Возьмете ли. Переводить собираюсь под редакцией Е.А. Бальмонт (жены К[онстантина] Д[митриевича]), она отлично знает язык и хорошо переводит [...]. Переводить буду долго и скрупулезно, ибо вещь велико-лепная»¹². Зайцев долго работал над переводом. “Рою бумагу пером, всовывая Флобера в разлапый и шершавый (Ваше слово) русский язык. Работа строгая, но Флобер писал эту книгу 25 лет”¹³.

Иногда, крайне нуждаясь в деньгах, Зайцев мог писать на заказ или сам предлагал темы. «Я собираюсь писать небольшую статейку о Чехове – главным образом, о его языке, стиле и том трудно рассказуемом ядре, какое мне чувствуется в его писанине (опять-таки значительно – в ритмах его прозы [...]). Может быть, у Вас есть какая-ниб[удь] работа, дело в том, что с Сабл[иным] мы разошлись, и в финансах я сижу на бобах. Например, рецензия? О “Возврате” Андр[ея] Белого у вас еще не писали. Если найдут нужным писать о нем, то дайте мне (буду хвалить). Или, может, Вам корреспондировать о чем-ниб[удь] из Москвы (по части искусства, театра, публ[ичных] лекц[ий], худож[ественных] круж[ков] и т.п.»¹⁴.

Звучит в переписке и театральная тема, ибо оба писателя пробовали и не безуспешно свои силы в драматургии. Упоминается пьеса Зайцева “Любовь” и пьеса Чулкова “Тайга”. Сохранился черновой вариант письма Чулкова Зайцеву с отзывом о пьесе “Любовь” без указания даты. «Ее (пьесу. – Ю.З.) надо поставить на сцене: это какая-то необычайная и странная вещь и – быть может – самая оригинальная из всего, что Вы писали. Это вещь – “без рода, без племени” не могу найти для нее литературного “генезиса”. Вещь какая-то залетная, как птица: как будто *из-за моря* прилетела птица и пропела о любви *заморской*, о любви золоторыжей. [...] Странная вещь! Как будто тончайший культурный – быть может – декадент открыл внутри себя варварское начало и, застоявшись, взлелеял свою варварскую любовь»¹⁵.

Зайцев внимательно читает и строго оценивает произведения Чулкова. Первое письмо, положившее начало переписке, это оценка вышедшего в Москве сборника рассказов и стихов Чулкова “Кремнистый путь” 1904 г. Высказав мнение о рассказах автора, Зайцев пишет о его поэзии. «Стихи Ваши доставили мне мало удовольствия. Впрочем, вся книжка написана не для удовольствия, весь главный ее мотив до того благодарен, что кто рассматривает по-гурмански “просмотреть” ее и “побаловать” себя приятными стихиками, тот будет строго наказан. По нашим временам есть много “музыкальных” стихов, музыкальных той музыкальностью, которая становится приторной на третьем, четвертом стихотворении и изобличает в авторе Маковского или Штенберга. Ваша задача в тысячу раз благородней и в 20 тыс[яч] раз трудней. Результаты получаются приблизительно такие: отголоски Вашего кошмарного, темного и хитро-устроенного духа получается, поскольку этот бледноват, лишен той мощи и грандиозности замыслов, которые как-то привык сочетать с таким духом. Или, может, я не очень люблю стихи, но в Ваших стихах меня раздражает иногда грохот слов – случайно-страшных слов. Обилие “я” действует удручающе, и вместо этого вдруг хочется временами “Падение дома Эшерри” По. В общем мне сборник нравится тем, что он запечатлел в себе большое

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² ОР РГБ. Ф. 371. К. 3. Ед. хр. 40. Л. 71. Письмо от 19 мая [1905 г.].

¹³ Там же. Л. 10 об. Письмо от 15 августа 1905 г.

¹⁴ Там же. Л. 8–9. Письмо от 9 января 1905 г. Саблин В.М. (1872–1916) – русский издатель.

¹⁵ Там же. К. 2. Ед. хр. 14. Л. 1.

и большое сердце, а не нравится обложкой, некоторым излишним грохотом [...]»¹⁶.

Позже Чулков сожалел «о появлении на свет этого литературного младенца»¹⁷. Это была книга «из которой я не перелечитал бы теперь ни одного стихотворения», – писал он в воспоминаниях¹⁸.

Увлечение Чулкова идеей «мистического анархизма» и написанная с этой позиции статья «Поэзия Владимира Соловьева», где освещалась судьба «исторического христианства», вызвала немало толков и задела многих. На статью отозвались А.А. Блок, С.М. Соловьев, С.Н. Булгаков. Последний напечатал «обстоятельную и принципиальную статью» в защиту «исторического христианства»¹⁹.

В. Соловьев оказал большое влияние на Зайцева: «тут не литература, а открытие нового в философии и религии». «Соловьев первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере. Все это вместе взятое – и литература, и философия – возбуждало и толкало»²⁰. С «мистическим анархизмом» Зайцев был вполне согласен. «Статья тоже, по-моему, хороша, – писал он Чулкову, – и то, что Булгаков Вам возражает – не сильно. *Нюхом* Вы угадали Соловьева лучше, чем он ходом мысли»²¹.

В 1905 г. Чулков начинает издавать альманах «Факелы». 1 апреля 1905 г. Зайцев пишет: «"Факелов" еще не читал, но впечатление они на меня произвели превосходное; изящество и высота вкуса сквозит буквально в каждой запятой»²². В первом номере альманаха «Факелы» приняли участие Вяч. Иванов, Л. Зиновьева-Аннибал, А. Блок, Ф. Сологуб, Л. Андреев, И. Бунин. «Этот литературный эклектизм должен был, по моей мысли, подчеркнуть, что "Факелы" представляют вовсе не какую-нибудь новую поэтическую школу, а объединяют ревнителей разных школ на одной идейной теме. "Факелы" должны были ознаменовать не литературный, а идейный и психологический кризис»²³.

По поводу «Факелов» в дальнейшем между писателями возникают разногласия. 4 мая 1906 г. Зайцев писал: «Я понимал Ваше "непрятие мира", как непрятие той внешней шелухи, за которой таятся как раз зерна будущего просветленного существования. Если же отрицать сейчас все, то из чего же может возникнуть будущее? И при чем тогда Ваша любовь, например, к Гамсуну? Разве он говорит не о душе любви, леса, "Норвегии" (т.е. Зеркале) и т.д. Истинный реалист, по моей мысли, и должен говорить как раз о душе явлений, в ближайшем случае о духе спокойно-народных действий, чего "Факелы" касаются еще довольно слабо, они слишком художеств[енно]-молоды – им надо учиться, работать, это придет»²⁴.

Было издано только 3 выпуска альманаха «Факелы».

В воспоминаниях о П.М. Ярцеве (1871–1930), театральном критике, режиссере и драматурге, Зайцев описывает скандальный эпизод, случившийся на премьере в Киевском театре Соловцова²⁵. Актеры отказались играть, пока Ярцев не покинет театр. Ярцев ушел. За Ярцевым, в знак протеста, ушла вся киевская пресса. Премьера оказалась без рецензентов. Эта история Зайцева глубоко задела. «Ярцев это тот, которого знаем мы с Вами и который честнее Петербурга,

¹⁶ Там же. Л. 2. Письмо от 13/15 января 1903 г. Маковский С.К. (1877–1962) – редактор журнала «Аполлон», поэт, мемуарист.

¹⁷ Чулков Г.И. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 79.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Зайцев Б.К. Соч. Т. 1. С. 49–50.

²¹ ОР РГБ. Ф. 371. К. 3. Ед. хр. 40. Л. 10. Письмо от 15 августа 1905 г.

²² Там же. Л. 16.

²³ Чулков Г.И. Указ. соч. С. 87.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 371. К. 3. Ед. хр. 40. Л. 19. Письмо от 4 мая 1905 г.

²⁵ Зайцев Б.К. Соч. Т. 1. С. 417.

Москвы и Киева вместе взятых”²⁶. В двух письмах за 1908 г., одно из которых написано из Флоренции, Зайцев требовал немедленного резкого ответа в газетах и публичного осуждения киевского театра. “Нам, литературному сословию, наносится в его лице *подлое* оскорбление, т.к. нам затыкают рот, прибегая к приемам, которые практикуются по отношению к рецензентам-бутербродникам. Полагаю, что если даже выбросить все мотивы корпоративные, все равно останется несокрушимый вопрос справедливости и возмездия”²⁷.

Первая мировая война застала Зайцевых в Притыкине. В Москве они бывали только наездами. 11 декабря 1914 г. Зайцев писал: «Думаю, у всех нас одно чувство – чтобы кончилась в нем (в новом году. – Ю.З.) эта ужасная бойня или, если хотите, великое испытание, посланное людям за то, что они много нагрешили и “забыли Бога”. Не знаю, как ты, Георгий, а я это ясно чувствую, и даже чувствую, что *все без исключения* ответственные за эту войну. Я тоже ответственный. Мне это тоже напоминание о несправедливой жизни. Но, конечно, главная тяжесть ответственности на тех, кто идеей своей жизни сделал “маммону”, – и слава Богу – не русский народ, и не русская культура утверждала эту идею. Слава Богу, даже, она русским совершенно чужда. Мне пришлось два дня жить в лазарете здесь, верстах в 12. Я видел несколько десятков людей, бывших там, стрелявших, убивавших, коловших штыками. Это очень интересные люди. О многом, от чего мы холодеем, они рассказывают со смехом. Но на них есть такой отпечаток: они побывали в необыкновенном месте, и видели необыкновенное. Иногда даже казалось, что они продолжают видеть это необыкновенное. Некоторых преследовали временами страшные воспоминания. Я не видел, чтобы так *серьезно молились*, как тут. Вообще много удивительного. Между прочим, когда я переписывал их – меня поразило, как колоссальна Россия! Просто – сколько губерний, уездов, полков, племен. Но из тридцати против фамилий 17 я записал: “хлебопашец”. И вот эти-то хлебопашцы все и вынесут»²⁸.

С 1917 по 1922 г. сохранилось 3 письма. 7 апреля 1919 г. Зайцев пишет из Притыкина: “Напиши мне о себе, о Москве, о жизни в городе. Я стал совсем уже деревенщиной. Устраиваем артель в 5 чел., берем 7 1/2 дес[ятин] земли и будем частными цинциннатами. Коммуна в деревне теперь провалилась, выдумали другое слово – *style russe* – артель. Вероятно, придется и самому несколько работать в городе, в поле (впрочем, еще не известно, утвердят ли нашу артель)”²⁹. После революционную жизнь в своем имении Притыкино Зайцев подробно описал в воспоминаниях. Оторванность от литературной среды, от родной Москвы, от друзей Зайцев остро переживал. «Жив ли профессион[альный] союз? Обедаете ли? Много ли водки выпито без меня? Я без Вас, увы, – ни капли. Перечитываю прозу Лермонтова, Мериме и Тургенева. Сам написал новеллу “Рафаэль”. В остальное время либо курю, либо раскладываю пасьянс. Или же пью чай. Все-таки, Москва мила. Вспоминаю о ней часто»³⁰.

В письме от 30 апреля 1919 г. Зайцев пишет: “Письмо рад был получить, как дружескую весточку из страны, где есть еще литература, книги, несколько порядочных людей и т.п. Я очень мало получаю сейчас писем, точно и нет никого на белом свете”³¹.

Последнее из датированных писем, написано в Берлине 18 октября 1922 г. Зайцев посылает Чулкову и его жене визу. “Здесь жить легче, – пишет он, – да,

²⁶ ОР РГБ. Ф. 371. К. 3. Ед. хр. 40. Л. 38. Письмо от 28 сентября 1908 г.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же: Л. 50–51.

²⁹ Там же. Л. 56–57. Цинциннат (V в. до н.э.) – римский государственный деятель, вернувшийся после консульства к занятиям хлебопашеством.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 58. Письмо от 30 апреля 1919 г.

может быть, и выберешься куда-ниб[удь] в более любопытные края”³². Чулковы визой не воспользовались, остались в России. В воспоминаниях Зайцев упоминает Чулкова в связи с литературной жизнью России начала века. Благодаря Чулкову состоялись его знакомства с А. Блоком и Вяч. Ивановым.

В мемуарах, изданных в 1930 г., Чулков пишет о Зайцеве, не побоявшись гонений за упоминания и связь с эмигрантом. Он отмечает в “милом Борисе Зайцеве” “настоящее чутье культуры”, “лирное сердце”, “поиски каких-то больших встреч – то с Гете, то с Данте, то с Италией великого Возрождения”³³. “Теперь он эмигрант, и мы друг для друга не существуем. Я не имею теперь понятия о том, что он делает. Но того старого друга, Бориса Зайцева, который никогда никакой политикой не занимался и понимал в ней столько же, сколько я в китайской грамоте, я, конечно, забыть не могу и люблю по-прежнему. Связывала нас с ним не политика”³⁴. Чулков надеялся, что Зайцев вернется на родину, “бросив чужой мир, едва ли исполненный гармонии”³⁵.

Зайцев прожил в эмиграции 50 лет. Чулков ушел из жизни в 1936 г.

Остались письма. Письма, ценные прежде всего как первоисточник жизни и творчества двух писателей и как свидетельство о русской литературе Серебряного века.

³² Там же. Л. 59.

³³ Чулков Г.И. Указ. соч. С. 266.

³⁴ Там же. С. 265.

³⁵ Там же. С. 266.

М.А. Реформатская

С.С. ПРОКОФЬЕВ В ВОСПРИЯТИИ МОСКВИЧЕЙ-МЕЛОМАНОВ

Разбирая домашний архив, я обнаружила многие свидетельства приверженности моих родителей – Надежды Васильевны и Александра Александровича Реформатских¹ – творчеству Сергея Сергеевича Прокофьева. Москвичи, ровесники века, учившиеся в интеллигентских гимназиях (женской Алферовской и мужской Флеровской), филологи по роду профессиональных занятий, они были страстными любителями музыки, посетителями концертов и имели обыкновенные фиксировать свои впечатления в записных книжках и дневниках², переписывая туда программы музыкальных вечеров с пометками об исполнителях.

Во время триумфальных гастролей в СССР в январе–марте 1927 г. Прокофьев в каждом концерте в Москве и Ленинграде выступал как пианист: «Он был в боевом расцвете своего дарования, – вспоминает отец, – мы в его изумительном исполнении услышали его фортепьянные концерты, сонаты, танцы, токкату, “Сарказмы”, “Сказки старой бабушки”... Все это было ослепительно! Самым глубоким впечатлением стал Третий фортепьянный концерт». В Прокофьеве родители нашли “своего композитора” и шире – художника своего поколения, пришедшего на смену тем, властителем дум которых был Скрябин.

Своеобразным символом их вкусов стал портрет Прокофьева, всегда висев-

¹ Реформатская Н.В. (1901–1985) – специалист по русской литературе XX в. Реформатский А.А. (1900–1978) – известный языковед, преподаватель московских вузов, автор классического учебника “Введение в языковедение” (М., 1947) и других работ.

² Хранятся в семейном архиве Реформатских.

ший у нас дома над клавиатурой рояля. Это был оттиск знаменитой автолитографии Г.С. Верейского, сделанной как раз во время гастролей. Соотношение портрета с клавиатурой никогда не менялось на стене, как бы ни переставлялся инструмент. Прокофьев сидит за фортепьяно, взятый в ракурсе снизу, как его можно было видеть из первых рядов концертного зала. Под рисунком – нотные линии с мелодией из Третьего концерта, а ниже – энергичная подпись композитора, состоящая из одних согласных: СПРКФВ.

В 1927 г. родители были уже хорошо подготовлены к восприятию прокофьевской музыки – с концертов Персимфанса³, с циклов Ассоциации современной музыки (АСМ), с выступлений К.Н. Игумнова, А.К. Боровского, С.Е. Фейнберга, скрипачей Д.М. Цыганова, Лео Сирота, дирижеров Фрица Штидри и Пьера Монте. Об исполнении И. Сигетти Первого скрипичного концерта 13 октября 1925 г. отец записал: “Сигетти чужд Прокофьеву, но мастерство, четкость, виртуозность дали ему возможность завоевать концерт: он звучит чарующе и остро”.

Московским любителям музыки были знакомы многие произведения Прокофьева, которые наигрывались и напевались. В середине 1920-х годов модной пьесой стал марш из оперы “Любовь к трем апельсинам”. Говоря о достижениях современной оперной музыки, отец всегда называл эту оперу, а также “Нос” Д. Шостаковича. В своих оценках он опирался и на восторженные отзывы о Прокофьеве критика В.Г. Каратыгина, почитавшегося им за авторитетного музыкального арбитра.

Не без влияния Каратыгина А.А. Реформатский предпринял собственную попытку обзора музыкальной жизни Москвы за 1925–1926 гг., где Прокофьеву принадлежало немалое место. Обзор помещался на страницах машинописного литературно-философского журнала “Дружина”, выпущенного в 1926 г. группой друзей-филологов⁴. Сезону придавалось там большое значение: он “сдвинул Москву с мертвой точки – новые программы, новые музыканты. Приезд иностранных гастролеров (дирижеров, пианистов, скрипачей, виолончелистов) стал для Москвы не редким случаем, а нормальным явлением. И сами москвичи оживились. Появились не только интересные свежие программы, но и целые циклы, как, например, цикл АСМ в театре Революции... В этом сезоне появились даже абонементы (два – Российской филармонии, два – Персимфанса). Такой роскоши Москва не видела с 1919 года (последний абонемент С.А. Кусевидского)”. “Мы могли наслаждаться и классикой в несравненном исполнении Феликса Вейнгартнера, и новинками Онеггера, Стравинского, Казеллы, Прокофьева”. Особую окраску художественной атмосфере тех лет придавала немецкая музыкальная традиция, которая после перерыва во время войны вновь стала проникать в Москву в формах наиболее значительного художественного течения современности – экспрессионизма.

Творчество Прокофьева рассматривалось Реформатским в довольно разнообразном и внушительном музыкальном контексте. Он затрагивает в основном две темы, видимо, широко обсуждавшиеся в слушательских кругах: “взаимоотношения нового и классического” и “использование национальной тематики”.

“Классицизм у Прокофьева – глубокое внутреннее тяготение сознания, преодолевшего и преодолевшего экспрессионизм”, – полемизирует автор с теми,

³ Персимфанс (Первый симфонический ансамбль Моссовета, 1922–1932 гг.) – оркестр, программно выступавший без дирижера.

⁴ Участники: А.А. Реформатский (ред.), А.В. Чичерин, Н.М. Гайденков, П.И. Глушаков, С.И. Дмитриев, В.В. Чешихина, Н.В. Богословский, Н. Райский. Состав – теория, художественная литература, обзоры культурной жизни, отзывы и рецензии. Вышел один номер журнала объемом в 264 с. в пяти экземплярах. Журнал был характерен для культурной жизни 1920-х годов. См.: *Поливанов К.М.* Машинописные альманахи “Гиперборей” и “Мнемозина” // *De visu. М., 1993. № 6 (7).* С. 46–47.

кто называл обращение Прокофьева к классической традиции внешней “скорлупой”, и поясняет: «Это тот же путь, по которому идет, например, бывший футурист Пастернак, пишущий своего “Спекторского” в манере “Онегина”, или покойный Есенин, бывший иманжинист (одна из разновидностей литературного экспрессионизма), искавший в последний период своего творчества опоры в Пушкине [...] свежая тематика Прокофьева чужда стилизации. Ведь стилизация есть всегда некоторый расчет со старым, в нем нет пафоса нового творчества. Стилизация лишь ироническая расчистка пути».

У Прокофьева отмечалась и «его безусловная склонность к “русской национальной тематике” (например, вторая тема второй части Четвертой сонаты, лирическая тема Третьей сонаты, основная – к тому же минорная – тема “Шута”, “Сказки старой бабушки”, целый ряд мест в Третьем фортепьянном концерте и др.). Прокофьев не заимствует темы готовыми и не шлифует их в духе “style russe”, чем грешил, например, безвкусно Чайковский и со вкусом, но все же грешил, Стравинский и даже Римский-Корсаков. Его “русские обороты” – не условные клише, а скорее постижение какой-то внутренней формы русского музыкального самосознания[...] это путь, идущий, безусловно, от Мусоргского[...] Так написаны Прокофьевым прелестные “Сказки старой бабушки” (ор. 31) и особенно гениальный Третий фортепьянный концерт – высочайшее достижение русского самопознания в музыке».

Приезд Прокофьева в 1927 г. пал на хорошо подготовленную почву. Вновь прозвучавшие тогда в авторском исполнении “дозаграничные” вещи и привезенные в подарок совсем свежие произведения (Пятая соната, услышанная дважды – 30 января и 7 марта, Квintет, ор. 39, Увертюра для камерного оркестра, ор. 42) позволили моим родителям сказать: «Это был “наш” композитор! Он делал то, что нам было нужно и о чем мы мечтали».

Все последующие приезды Прокофьева ожидалось с нетерпением и расценивались как главное событие культурной жизни. “Завтра – Прокофьев!” – записывает мама 25 ноября 1932 г., накануне знакомства с Пятым фортепьянным концертом в исполнении автора (и с симфонической сюитой из оперы “Игрок” под управлением Н.С. Голованова). Через прокофьевскую музыку отец и мать открывали и новые исполнительские имена. Возвращаясь в 1940 г. с весенней тяги, они по репродуктору на железнодорожной станции слышали Шестую сонату и обратили внимание на игру молодого пианиста С.Т. Рихтера. Вскоре, 9 марта 1941 г., они смогли увидеть его на эстраде за исполнением Пятого концерта под управлением самого Прокофьева. А потом признали в нем лучшего интерпретатора прокофьевского искусства, на которого, как в свое время на Прокофьева, было распространено определение: “Наш музыкант!”

Музыка к балету “Ромео и Джульетта” была встречена восторженно. Поначалу она пришла в Москву в виде оркестровых сюит и цикла фортепьянных пьес. 24 ноября 1936 г. Голованов⁵ –единственный, как выразилась мама, “настоящий ценитель у нас Прокофьева”, дирижировал Первой сюитой. После этого концерта появилась пространная запись в дневнике мамы: «Прокофьев, конечно, самая крупная сейчас фигура в искусстве. Ни в живописи, ни в литературе ничего подобного нет. Он и Маяковский – два близких друг другу гениальных художника XX века. И он, и Маяковский – художники подлинно мирового масштаба. Новаторская роль их идет по одному пути, и по одному пути идет отношение к ним (непонимающей публики. – М.Р.): Прокофьев – не музыка, Маяковский – не поэзия. “Скифская сюита” (она тоже входила в программу этого концерта. – М.Р.) – это тоже вызов старым канонам, вызов старому звуку. Прокофьев вышел из

⁵ В литературе указана фамилия дирижера Г. Себастьяна. См.: С.С. Прокофьев: Нотографический справочник. М., 1962. С. 63.

7 июня 1941

Во велики смут огно
ценно.

Уважающий Вас
С.С. Прокофьев

Уважаемая тов. Реформатская

Примите мою запозда-
ную благодарность за
подаренные и за „палки“.
Самшит – хорошее дерево
и шахматы – отличная игра,
но как из одного сделать
другое – это надо подум-
ать. Ваше внимание

Факсимиле письма С.С. Прокофьева

футуризма в музыке, в 1918 году они выступали вместе с Маяковским. У Прокофьева, как и у Маяковского, глубочайший лиризм в сочетании с тем, что на обывательском языке называют “грубостью”, а в музыке – “какофонией”, “дикими звуками”».

Второй сьюттой “Ромео и Джульетта (20 ноября 1937 г.) дирижировал сам автор и тогда же он аккомпанировал певице Л.И. Любера, певшей “Гадкого утенка”. «Это был замечательный день – событие пока за все полугодие. Наполненность от концерта – огромная. Когда-нибудь рыба–дура–публика поймет, что зевает современника – “Гадкого утенка”», – читаем в дневнике мамы.

Пылко любя Прокофьева, родители отнюдь не стремились к личному знакомству с ним, хотя сознание, что их кумир окончательно поселился в Москве и стал творить совсем рядом, вселяло в них радость.

Композитор пользовался славой прекрасного шахматиста: на всю страну прогремел его матч с другим сильным шахматистом из музыкантов Д.Ф. Ойстрахом⁶. В 1941 г. моим родителям пришла в голову идея поздравить Прокофьева с его пятидесятилетием и преподнести ему самшитовые палки (достали в одном из путешествий), ибо прослышали, что самшит – исключительно пригодный материал для вырезания шахматных фигурок. В ответ от Сергея Сергеевича пришло благодарственное письмо, помеченное 7 июня 1941 г., – за две недели до начала войны: «Уважаемая тов. Реформатская[.] Примите мою запоздалую благодарность за поздравления и за “палки”. Самшит – хорошее дерево, и ш[а]хм[а]ты – отличная игра, но как из одного сделать другое – это надо подумать. Ваше внимание во всяком случае ценно. Уважающий В[а]с СПРКФВ».

⁶ Матч состоялся в клубе работников искусств в ноябре 1937 г.

Так в доме появился второй, но уже подлинный автограф Прокофьева.

И все-таки личное знакомство состоялось, хотя время для него было мало подходящее – печально памятная весна 1948 г., когда велось широкое наступление на интеллигенцию. Тревожным оно было для всех. Газеты ежедневно вываливали на читателя погромные статьи, полные демагогии и клеветы, обвиняющие и филологов, и музыкантов в приверженности к буржуазным идеям, в космополитизме, формализме и оторванности от народа.

Обо всем этом следует сказать, чтобы правильно представить себе характер бесед между Прокофьевым и моей мамой. Она обратилась к Сергею Сергеевичу как сотрудник музея Маяковского с целью расспросить его о Маяковском, об общении с ним в 1918 г. и встречах в 1920-е годы за границей. Прокофьев рассказал о своем знакомстве с поэтом, а также о том, что у него есть автограф Маяковского на странице его альбома на тему: “Что Вы думаете о солнце?” Фотографию с него он обещал передать для музея.

Слова Прокофьева об этом альбоме вполне отвечали тому, что думали мои родители о “классической” “солнечной” стороне его творчества: “Я его собирал в течение пяти лет с 1916 года (мне самому тогда было 25–29 лет). Это карманного формата альбом в деревянной обложке. Я хотел противопоставить его теме и содержанию нарочито простую внешнюю форму – оттого и деревянная обложка. В альбом я собирал высказывания о солнце самых разных лиц. Там – Стравинский, Каратыгин, Шаляпин, Бальмонт, много иностранцев”. Маяковский написал туда строфу из “Облака в штанах”, свои автографы оставили также Каменский и Бурлюк, бывшие вместе с ним (22 марта 1918 г.) в “Кафе поэтов”⁷.

В срок, определенный для следующего звонка, разразилось известное постановление о музыке, где был трижды критически упомянут Прокофьев⁸, и мама сочла за благо переждать остроту момента, позвонив Сергею Сергеевичу только 30 марта. Эту паузу Прокофьев, привыкший к пунктуальности, воспринял с нескрываемым неудовольствием. Возможно, он решил, что его корреспондент после выхода постановления потерял интерес к “подмоченному” композитору. Выяснилось, что обещанная фотография готова, но из-за того, что о ней никто не справился, увезена обратно на дачу. А оттуда Сергей Сергеевич возвратится не скоро, так как ожидается половодье, и мост через Москва-реку будет разобран.

Передача фотографии произошла только 21 апреля (как помечает мама), на третий день всесоюзного совещания композиторов. Прокофьев “отворил дверь сам, в роскошном синем халате, провел в столовую, где на попире стояла нотная рукопись. Был деловит, прост”. В ходе беседы мама забеспокоилась: “Не задерживает ли она Сергея Сергеевича. Совещание...” – “Нет. Я уже там был и сегодня уезжаю в деревню”.

В завершение визита мама показала Прокофьеву текст, содержащий историю автографа Маяковского, составленный ею на основе предыдущего телефонного разговора. Прокофьев внимательно прочел и попросил прислать ему копию. А показанный ему экземпляр подписал – СПРКФВ. После этого состоялся диалог, начатый мамой:

“Этот автограф мне знаком”. – “Откуда?” – “На портрете Верейского”. – “А Вы его знаете?” – “Его репродукция висит у нас над роялем”. – “Вы, значит, не народ?” – с явным удовольствием иронически заметил Прокофьев.

В те годы гнетущего страха и немоты музыка оставалась единственным культурным прибежищем, и посещение концертов значило очень много. Про-

⁷ Подробнее см.: *Реформатская Н.В.* Беседа с С.С. Прокофьевым – 1948 / Предисл. и публ. М.А. Реформатской // Литературное обозрение. 1993. № 9/10. С. 45–47. Альбом находится в РГАЛИ. Ф. 1929. Оп. 1. Ед. хр. 1050. Л. 9.

⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» // Правда. 1948. 10 февр.

кофьевские концерты превращались в молчаливое чествование композитора теми, на кого распространялось понятие “не народ”. В год 60-летия Прокофьева 16 декабря 1951 г. в Малом зале Московской консерватории состоялся замечательный концерт. Звучала Увертюра на еврейские темы, М.Л. Ростропович исполнял Виолончельную сонату, Н.Л. Дорлиак – песни, а С.Т. Рихтер – посвященную ему Девятую сонату. Последний раз родители видели Прокофьева 18 февраля 1952 г. на премьере его Симфонии-концерта для виолончели, исполненной Ростроповичем под управлением Рихтера в Большом зале консерватории. “Это был триумф и автора, и виолончелиста, и дирижера”, – говорили после концерта родители. А через год и две недели они отдали своему любимому музыканту и современнику последний поклон.

Г.С. Баранкова

МАТЕРИАЛЫ МОСКОВСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

Московский лингвистический кружок (МЛК) сыграл большую роль в истории отечественного языкознания. Созданный по инициативе студентов-лингвистов Московского университета в 1915 г. и просуществовавший до 1924 г., он стал “центром формирования новых взглядов в языкознании, которые пришли на смену сравнительно-историческому, младограмматическому в своих основных чертах, направлению, господствовавшему в Московском университете и вообще в лингвистике конца XIX – начала XX в.”¹. Новаторство молодых ученых выразилось в поиске новых методов лингвистических исследований, собирании и расширении привлекаемого для исследований материала. Особый интерес вызывало у кружковцев изучение живых современных языковых явлений. Большое внимание уделялось поискам и записям диалектологического и этнографического материала. По отзывам кружковцев, “линия поведения обозначилась вполне определенно как курс на революцию в области методологии филологических дисциплин”. Основной формой проведения заседаний были доклады или сообщения по той или иной проблематике (лингвистике, этнографии, фольклору), которые горячо обсуждались. В ходе этих дискуссий и вырабатывалась коллективная точка зрения, не всегда, впрочем, всеми разделяемая. Не отвергалось сотрудничество Кружка с другими научными организациями, которые активно действовали в 20-е годы, в их числе Московская диалектологическая комиссия, Лингвистическое общество при Московском университете, Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) и др. МЛК выполнял также отдельные задания Научного отдела Наркомпроса. Многие молодые члены МЛК стали впоследствии гордостью отечественной филологической науки. В заседаниях Кружка принимали участие и видные ученые, являвшиеся его почетными членами. Научное наследие МЛК оказало сильное воздействие на Пражский лингвистический кружок.

Заседания МЛК проходили в Лубянском проезде (д. 3, кв. 10). В том же доме (кв. 12) жил В.В. Маяковский, а в соседнем подъезде – Г.О. Винокур.

Членами-учредителями МЛК, которые подписали проект Устава МЛК, представленный акад. Ф.Е. Коршем в конце 1914 г., были Ф.Н. Афремов,

¹ Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур. М., 1965. С. 17.

П.Г. Богатырев, А.А. Буслаев, С.С. Рогозин, П.П. Свешников, Р.О. Якобсон и Н.Ф. Яковлев. Избрание Ф.Е. Корша почетным председателем МЛК не могло состояться в связи с тем, что разрешение 2-го Отделения Академии наук на деятельность Кружка было получено Д.Н. Ушаковым в день смерти Ф.Е. Корша (16 февраля 1915 г.). Первоначально (с 1 марта 1915 по 1 марта 1919 г.) Кружок состоял при Московской диалектологической комиссии Академии наук.

В состав Кружка входили действительные члены, избираемые закрытым голосованием. Они пользовались правом решающего голоса на общих собраниях МЛК и были обязаны принимать участие в научной работе Кружка, а также платить установленные членские взносы. Действительными членами МЛК могли быть избраны лица, зарекомендовавшие себя как специалисты в области науки о языке и смежных с ней дисциплин. Почетные члены МЛК избирались в знак уважения к их научным заслугам. Для руководства деятельностью Кружка из его среды выбирали 5 человек: председателя, в обязанности которого входило общее руководство, а также созыв общих собраний и председательствование на них; товарища председателя, помогавшего ему в работе, редактировании трудов и материалов, а также заменявшего председателя во время его отсутствия; казначея – для хранения денежных сумм и ведения финансовой отчетности; секретаря, который вел протоколы заседаний и делопроизводство, разрабатывал научный архив; библиотекаря, который хранил книжные собрания, составлял каталог библиотеки и заботился о ее пополнении. Указанные лица составляли президиум Кружка, который имел распорядительные функции.

Действительными членами МЛК с 1915 по 1923 г. были известные деятели науки и литературы: Д.Д. Благой, С.И. Бернштейн, С.М. Бонди, П.Г. Богатырев, А.А. Буслаев, Ф.М. Вермель, Г.О. Винокур, Б.В. Горнунг, Н.И. Жинкин, В.М. Жирмунский, Е.Д. Поливанов, В.В. Кенигсберг, С.Я. Мазз, М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский, А.И. Ромм, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, Влад. Б. и Викт. Б. Шкловские, Р.О. Шор, Г.Г. Шпет, Р.О. Якобсон, Б.И. Ярхо и др. Почетными членами МЛК были выбраны Н.Н. Дурново, В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков. Участвовали в работе кружка и поэты: В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, О.Э. Мандельштам, Н.Н. Асеев. Маяковский прочитал здесь впервые свою поэму “150000000”.

Должность председателя МЛК занимали с марта 1915 по январь 1920 г. – Р.О. Якобсон, с января по сентябрь 1920 г. – М.Н. Петерсон, с сентября 1920 по март 1922 г. – А.А. Буслаев, с октября 1922 по март 1923 г. – Г.О. Винокур, с марта 1923 по май 1924 г. – Н.Ф. Яковлев.

В Уставе МЛК 1919 г. отмечалось, что “Кружок имеет своей задачей всестороннее изучение вопросов лингвистики и этнографии. Данная область филологической науки Кружком понимается в самом широком смысле: сюда входят и исторические проблемы, и проблемы современного языка и быта, а также вопросы поэтического языка и приемов художественного творчества. Особое внимание Кружок обращает на живые современные явления, относящиеся к указанным областям науки”. В новой редакции Устава 1922 г. задачи были сформулированы более кратко: “Кружок с первых шагов своей деятельности поставил своей целью разработку как общетеоретических, так и специальных вопросов науки о языке и смежных с ней дисциплин”. Одну из своих главных задач кружковцы видели в широкой популяризации научных знаний и выработке новых методов. Занимались они и практической деятельностью: участвовали в перестройке преподавания русского языка в советской школе, а также в проведении орфографической реформы 1918 г. Активно боролись за чистоту и культуру речи.

Г.О. Винокур в своей статье 1922 г. отмечал, что члены МЛК видели в лингвистике науку “как о практическом, так и о поэтическом языке”², а Р.О. Якоб-

² Винокур Г.О. Московский лингвистический кружок // Научные изв. (академического центра Наркомпроса). Сб. 2. Философия. Литература. Искусство. М., 1922. С. 290.

сон и П.Г. Богатырев указывали на расхождения, имеющиеся у филологов, группирующихся вокруг Петроградского общества изучения поэтического языка и МЛК, стоящих на новаторских позициях “строго формального анализа”: “В то время как Московский лингвистический кружок исходит из того положения, что поэзия есть язык в его эстетической функции, петроградцы утверждают, что поэтический мотив далеко не всегда является развертыванием языкового материала. Далее, в то время, как один доказывает необходимость социологического обоснования истории развития художественных форм, другие настаивают на полной автономии последней”³.

В связи с тем что Кружок испытывал трудности с публикациями, многие его материалы остались неизданными, а архив оказался разрознен и находится в разных хранилищах: в РГАЛИ и РО ИРЯ РАН.

В РО ИРЯ материалы Московского лингвистического кружка (Ф. 20. 18 ед. хр. свыше 400 л.)⁴ поступили в марте 1972 г. от Б.В. Горнунга, бывшего в разные годы библиотекарем и хранителем материалов МЛК, а также секретарем, казначеем и товарищем председателя. В большинстве своем это рукописные материалы, написанные на листах большого формата (35,5 × 22 см). В основном они представляют собой протоколы заседаний МЛК за 1919–1923 гг., Устав в редакции 1919, 1922 гг. и материалы к нему, отчеты о деятельности МЛК за 1918–1923 гг. и другие документы, относящиеся к его работе: черновые заметки о текущих делах, заявления, докладные записки, поданные в президиум МЛК, тезисы и программы докладов членов. В связи с тем что первоначально Кружок состоял при Московской диалектологической комиссии, среди материалов МЛК, хранящихся в РО ИРЯ, имеется также два протокола ее заседаний, посвященных обсуждению работы С.О. Карцевского “Система русского глагола”.

Рукописные материалы МЛК различаются по внешнему виду: от хорошо сохранившихся протоколов, написанных четким почерком и темными чернилами, до угасающих машинописных текстов и черновиков протоколов, написанных карандашом. Протоколы содержат перечень присутствующих, фамилии председателя и секретаря, повестку дня заседания и запись обсуждения докладов и сообщений. Тексты самих докладов первоначально прилагались к протоколам, но в настоящее время в материалах отсутствуют. Отчеты о деятельности МЛК составлялись довольно кратко и содержат в основном перечень прочитанных за год докладов и сообщений, позволяющий тем не менее судить о продуктивности работы Кружка.

Так, за академический 1918–1919 год в Кружке было сделано и обсуждено 17 докладов, с конца февраля 1919 по конец февраля 1920 г. – 32, с начала марта 1920 по 1 марта 1921 г. – 23, с 1 марта 1921 по 1 марта 1922 г. – 35, с 1 марта 1922 по 1 марта 1923 г. – 16, с 1 марта по 27 сентября 1923 г. – 5 докладов.

Протоколы можно условно разделить на две большие группы: содержащие обсуждение докладов и отражающие научно-организационную деятельность Кружка.

Проблематика докладов была разнообразна. Большое число заседаний посвящено лингвистическим вопросам: лексике, грамматике, синтаксису и особенно поэтике. Здесь выделяется обсуждение “Курса общей лингвистики” женеvского лингвиста Ф. де Соссюра, под влиянием идей которого формировались взгляды членов Кружка, а также докладов М.Н. Петерсона “Паратаксис и гипотаксис”, “О синтаксисе [И.В.] Ягича”, “Синтаксические взгляды [Ф.Е.] Корша”.

³ *Якобсон Р., Богатырев П.* Славянская филология в России за годы войны и революции. [Берлин], 1923. С. 31.

⁴ Далее в ссылках указываются лишь № ед. хр. и листы.

А.А. Буслаева “Из синтаксической методологии”, С.Я. Мазэ “Некоторые этимологии из профессионального языка еврейских музыкантов”, Е.Д. Поливанова “Мелодические явления, используемые для семасиологических целей в дальневосточных языках”, Г.Г. Шпета “Эстетические моменты в структуре слова”.

Большое внимание Кружок уделял современным языковым процессам и новым элементам в русском языке, а также исследовал влияние революции на язык. Он занимался изучением неологизмов, сокращенных слов, ставил и решал задачи упорядочения и усовершенствования новой терминологии (доклады В.О. Кушнера “Современные слова, составленные из сокращений”, С.Б. Гурвиц-Гурского “О сокращенной заводской терминологии”).

В июне 1921 г. Академический центр Наркомпроса обратился к Кружку с приглашением принять участие в организации Словаря русского литературного языка. В этой работе приняли участие А.А. Буслаев, Б.В. Горнунг, М.М. Кенигсберг, Е.Н. Коншина, С.Я. Мазэ, А.И. Ромм, П.П. Свешников, Р.О. Шор, Д.Д. Благой.

Значительный интерес представляет обсуждение докладов, связанных с языковой политикой. Эту сторону своей деятельности кружковцы считали очень важной. В связи с обращением к членам МЛК Научного отдела Наркомпроса о предполагаемой реформе русского алфавита был прочитан доклад М.Н. Петерсона “Вопрос о введении латинского алфавита”. Б.О. Кушнер выступил с докладом “О языках малых народностей и языковой политике”, В.К. Поржезинский – “Очередные задачи языкознания в России”. Экспедиция 1921–1922 г. под руководством Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова и Е.М. Шиллинга занималась изучением северокавказского языкового ареала и дала богатый материал для работ Н.Ф. Яковлева по бесписьменным кавказским языкам. В 1921–1922 гг. он сделал следующие доклады на эту тему: “О фонетике ингушского языка”, “Ингушский алфавит Мальсагова”, “Фонетика ингушского языка в связи с кабардинским, чеченским и тушским”, “Родовой быт ингушей”, “Опыт описательной фонетики кабардинского языка”. Члены Кружка участвовали в таком важном деле, как создание письменности для народов, ранее ее не имевших. Осенью 1922 г. для работы в Подразряде изучения северокавказских языков при Московском институте востоковедения были привлечены Н.Ф. Яковлев, Г.О. Винокур, Л.И. Жирков, М.М. Кенигсберг, А.И. Ромм.

Протоколы заседаний МЛК содержат обсуждения таких понятий, как “поэтика”, “явления стиля”, “соотношения сюжета и слова”. Вопросы поэтического языка (его функции, структуры) затронуты в прениях по докладу О.М. Брика “О поэтическом эпитете”, Б.В. Томашевского “Наукообразие в изучении ритма поэтической речи”, А.И. Ромма “Возможен ли критерий, отличающий поэтическую речь от непоэтической”, Р.О. Яacobсона “О поэтическом языке произведений Хлебникова” и др. Вопросам теории стиха были посвящены заседания с докладами Б.В. Томашевского “Пятистопный ямб Пушкина”, О.М. Брика “О стихотворном ритме” и “Четырехстопный хорей с дактилическими окончаниями” и др.

Проблемы истории и теории литературы и ее связи с лингвистикой нашли свое отражение в обсуждении таких докладов, как “Тристам Шенди” В.Б. Шкловского, «К сюжетосложению “Идиота” Достоевского» А.А. Буслаева, “О ритме пушкинской прозы” Б.В. Томашевского, “О формальных особенностях гоголевских комедий” П.Г. Богатырева, «Заметки к композиции “Принцессы Брамбиллы” Э. Гофмана» М.М. Кенигсберга, “Валерий Брюсов и наследие Пушкина” В.М. Жирмунского, “Проблема пролетарской поэзии” О.М. Брика, а также в совместном новаторском докладе П.Г. Богатырева, Г.О. Винокура, Р.О. Яacobсона, А.А. Буслаева, О.М. Брика «Опыт формального анализа повести “Нос”».

Особенно плодотворно прошло обсуждение доклада Е.Н. Коншиной «История литературы как наука (по поводу книги [А.С.] Архангельского [“Введение в историю русской литературы”])», на котором были определены позиции членов Кружка по ряду теоретических положений. В прениях выступили О.М. Брик, Ю.М. Соколов, Г.О. Винокур, А.А. Буслаев, М.М. Кенигсберг, М.Н. Петерсон, П.Г. Богатырев, Г.Г. Шпет. В ходе дискуссии были поставлены следующие вопросы: соотношение истории литературы и исторической поэтики, что есть предмет истории литературы и его методы, можно ли рассматривать поэтическое произведение статически.

Г.О. Винокур высказал по этому поводу следующие соображения: “Основная ошибка докладчика [Коншиной] заключается в том, что он не установил предмета истории литературы. Формально исключая из понятия истории литературы изучение всех тех сторон, которые по существу не имеют отношения к литературе, как-то: идеи, быт, духовная жизнь народа, докладчик вместе с тем как будто оставляет данные явления в поле зрения историка литературы, причем в одну группу наук относит статическое изучение их, а на долю истории литературы оставляет сводку тех данных, которые добыты предыдущим исследованием. Если бы был точно определен предмет истории литературы, то не было бы нужды говорить об истории литературы как о конгломерате наук” (Ед. хр. III. 8. Л. 90 об.).

Винокур поставил вопрос: “...что делает литературу литературой, каков тот признак, который отличает ее от других явлений?” И ответил так: “Предметом истории литературы является художественное слово во всей сложности его жизни, методы же будут лингвистическими” (Там же. Л. 90).

О.М. Брик возразил Г.О. Винокуру: “Нельзя отождествить слово с предметом истории литературы. Вся литература не сводится к языку. Так, сюжет нельзя рассматривать как словесный факт” (Там же. Л. 91). Далее он отметил, что может рассказать в двух словах сюжет гоголевского “Ревизора”: “В уездный город приезжает чиновник, которого все принимают за ревизора. Каким образом здесь сюжет выражен в слове? Где здесь словесные факты?” (Там же. Л. 91 об.).

На это Винокур ответил, что «в подобной интерпретации это уже не сюжет гоголевского “Ревизора” и не заключает в себе признаков художественного произведения, так как вырван из атмосферы гоголевского *выражения*» (Там же). Винокур заметил, что он не сводит литературу как явление к слову, а сводит лишь историю литературы как науку к изучению слова.

Широко обсуждались на заседаниях МЛК проблемы фольклористики, этнографии и истории культуры. Об этом свидетельствует проблематика представленных докладов, среди которых “Вера в магическую силу слова и имени в мировоззрении древних египтян” В.И. Авдиева, “Опыт изучения заговоров (Повторения в заговорах)” и “О народных анекдотах” П.Г. Богатырева, “Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек” Б.И. Ярхо, “Русская историческая лирика XVI–XVII вв.” Н.Ф. Яковлева, “Сюжетосложение в кинематографическом искусстве” В.Б. Шкловского.

Большой интерес вызвало сообщение Ю.М. Соколова “О народных легендах, связанных с текущими событиями”, которое обсуждалось на двух заседаниях (17 мая и 25 мая 1919 г.). Оно касалось характеристики легенд, связанных с войной и царскими кругами, и легенд, выражающих отношение к новой власти, по большей части оппозиционных, что, по мнению Соколова, объясняется тем, что собраны они были не в рабочей среде, а среди мелких торговцев и мещанского люда. Легенды были записаны любителем народного творчества Барановым на улицах Москвы, в очередях и т.п. В обсуждении доклада были затронуты следующие вопросы: подлинны ли записанные легенды или кем-то сфабрикованы, пути распространения легенд и их стиль. Выступивший в прениях Р.О. Якоб-

сон разделил все прочитанные легенды на две группы. Первая группа – легенды о дореволюционных событиях, в них главная цель – не осмысление события, а занимательность сюжета. Эти легенды своего рода авантурные новеллы, где активными действующими лицами являются царица, Распутин, Николай II, великий князь Николай Николаевич. «Николай II изображается почти всегда очень ограниченным человек[ом], но с очень доброй и мягкой душой. Он отмечен Рокком и уже с детства обречен на погибель. Так, в одной из легенд под заглавием “Цветочки Николая II” Николай, еще мальчик, гуляет по саду и рвет цветы. Но здесь ему является старец и говорит: “Не все тебе цветочки срывать; придет время и уже нельзя будет тебе рвать цветы”; и, действительно, впоследствии, когда разразилась революция, Николай обращается к страже пустить его сорвать цветок, но стража отвечает: “Не приказано, В.И.В.!” Тогда Николай просит кого-нибудь из стражи самого сорвать цветок и принести ему, но и здесь его просьба не удовлетворена. Всем конечно, ясен здесь отголосок имевшей в свое время место фразы Николая II о том, что он хочет уехать в Ливадию, что он любит цветы, которая послужила предметом многих острот и насмешек в интеллигентном мире в то время... Александра изображается умной, хитрой и злой женщиной, неверной женой, имеющей дружка Распутина, а Николай Николаевич справедливым и строгим судьей» (Ед. хр. II. 6. Л. 28).

Вторая группа – легенды о современных революционных событиях, “здесь эстетический момент отходит на второй план. Главная цель здесь – осмысление событий. Мы видим здесь тенденцию к упрощению. Мотивировка, при отсутствии политической идеологии, двоякого рода: 1) эсхатологическая и 2) бытовая. Эсхатологическая мотивировка постоянно связана с контрреволюционным настроением. Но любопытен обратный пример: в Серпухове один рабочий, большевик, агитатор, выступает с эсхатологическими речами, где проводит аналогию между современными событиями и 2-ым пришествием (Ленин). Его речи производят сильное впечатление, особенно на женщин” (Ед. хр. II. 8. Л. 48–49).

О.М. Брик предположил, что легенды второго рода производят впечатление “заранее заготовленных и пущенных в народ”. А.А. Буслаев признал, что Брик в известной степени прав, и отметил, что “некоторые легенды определенно раньше являются в Москве, чем в деревне. Ср. с этим происходившие в майские дни в разных городах собрания, причем ходили легенды, очень возможно, что и искусственного происхождения” (Там же. Л. 29). С ними не согласны М.Н. Петерсон и П.Г. Богатырев (последний допускает фабрикацию легенд лишь в отдельных случаях). В.И. Нейштадт отмечает, что в провинции часто можно наблюдать, что “рассказывая о каком-либо событии, ссылаются на то, что слышали из Москвы”, однако Богатырев считает это типичным художественным приемом. Якобсон указывает, что ему приходилось наблюдать фабрикацию легенд и слухов уже после февральской революции и выражает уверенность, что фабрикация имеет место и сейчас. В качестве примера он ссылается на слухи в связи с реквизицией Иверской часовни, которые распространились в один и тот же день в разных церквях. Якобсон говорит также, что среди легенд, записанных Барановым, отсутствуют легенды бытового, исторического характера. Затем он приводит одну такую легенду “со слов Богатырева о Ленине-мешочнике. Ленин является здесь эпическим типом, противопоставляется своим единомышленникам. Понемногу к нему переходят функции Николая: его заставляют делать неприемлемое для народа” (Ед. хр. II. 8. Л. 49).

Согласившись с тем, что для исследователя небезразлично, где была записана легенда, участники обсуждения пришли к выводу, что целый ряд рассказов “исходил из центра, из специфической полуобразованной среды”.

Интерес членов МЛК к устному народному творчеству подкреплялся их участием в летних экспедициях, в ходе которых собирался как диалектологический,

так и фольклорный материал (сказки, былины, песни, заговоры, духовные стихи, народные анекдоты, частушки). Затем на основании этих записей делались доклады и сообщения, вырабатывались новые методы в изучении фольклорных текстов. На заседания Кружка приглашались и сами сказители. Так, 29 мая 1921 г. перед его участниками выступили исполнители народных песен Д.А. Земцова и А.Ф. Земьскова; 20 марта 1921 г. – исполнитель народных песен Петр Глебович Ярков, который ответил на вопросы кружковцев. Вопросы преимущественно касались биографии самого Яркова, а также роли Москвы и шире – городского центра – в процессе песенного творчества. А.И. Ромм предлагал выяснить: “в чем же, собственно, заключается роль городского центра: в том ли, что город снабжает новым песенным материалом, или в том, что под городским влиянием старые песни начинают исполняться иначе” (Ед. хр. IV. 6. Л. 135). Ярков отрицал какие бы то ни было изменения в песнях, происходящие вследствие городских влияний на деревню, и приводил в пример пословицу “Во Гжель ездил за дудками, в Москву – за песнями”, находя в ней подтверждение тому, что “почти все песни различных областей и губерний, даже различных эпох, могут быть – при желании искать – найдены в Москве” (Там же. Л. 135).

Он отметил, что старые, забывшиеся песни могут через много лет снова войти в обиход. Так, песни, которые можно найти в Чулковском сборнике, т.е. песни, записанные 150 лет назад, исполнялись в Москве и Московской губернии как совсем новые около 30 лет назад. Протокол этого заседания воссоздает традиции песенного творчества в московской среде, куда Ярков прибыл тринадцатилетним подростком (род. в 1875 г.). Будучи семилетним ребенком, он познакомился с исполнителем народных песен, занимавшимся отхожим промыслом, преимущественно в Москве. Бывая часто в гостях у этого человека, Ярков выучился у него большому количеству песен, а также умению варьировать напевы. По свидетельству Яркова, в Москве обстановка была также благоприятная: мастера в столярном заведении на Пименовской улице, куда попал в обучение Петр Глебович, во время работы пели много песен. Вечерами после работы во дворах пение продолжалось, а в праздники оно занимало почти весь день. К мужьям присоединялись приезжавшие из деревень жены. «В то время (в начале 90-х годов) в Москве еще исполнялись песни, называемые “круговыми” (“хоровод” – *къравот* – название более позднее). П.Г. знает до 30 “круговых” песен, что является довольно редким явлением. Можно отметить исполнение “круговых песен” под Москвою, в с. Преображенском еще в конце 90-х годов (1898–1899). Пели фабричные рабочие, со стороны полиции всегда замечалось желанье подавить в народе стремление к песенному творчеству, духовенство же, пользуясь этим, убеждало, почти заставляло петь церковные песни» (Там же. Л. 135 об.).

По материалам этого заседания можно судить о том, какие песни исполнялись москвичами в 90-е годы: “Зачем ты, безумная, губишь?”, “Потеряла я колечко”, “Чудный месяц плывет над рекою”, “Коробейники” (последняя песня, по свидетельству Яркова, распространялась чрезвычайно медленно). Ярков отмечал, что «одни песни имели успех только у молодежи, старики их не принимали, другие – как раз наоборот. Песня “Потеряла я колечко” имела большую популярность: ее выучили и все старики-песенники. Иногда появлялась песня, которая была в моде лет 20–30 назад и которую старики еще не забыли, хотя ими она уже пелась, и песня прививается вновь. Так было с песней “Снеги белые пушистые”» (Там же. Л. 136). Ярков рассказывал, что «в последнее время в деревнях, например Бронницкого уезда, стали возобновляться старые “круговые песни”, чему старики сильно способствуют». “Лучшей песенной школой” назвал исполнитель свадьбы, на которых “молодые выучиваются незнакомым песням от старших поколений; на свадьбах же вспоминаются старые забытые песни, которые, благодаря этому, снова могут войти в обиход” (Там же). На заседании воп-

рос коснулся судьбы частушек, которые Ярков называл “прибаутками”. Песенник указал на большое их распространение в последнее время в Москве и отметил первое появление “прибауток” в городе приблизительно с 1895 г., а также добавил, что “современные тенденциозные частушки с общественно-политическим содержанием почти всегда переделываются, часто получая совершенно обратный смысл” (Там же. Л. 136 об.).

В отчете МЛК с 1 марта 1921 по 1 марта 1922 г. указывается, что в этом академическом году состоялось 23 заседания Кружка, посвященных записи фольклорного материала на русском языке от Д.А. Земцовой, А.Ф. Земьсковой, П.Г. Яркова, Ф.Г. Гузякина, М.Д. Кривополенова, на мордовском языке – от Устинкина. Интересовали кружковцев и вопросы отражения фольклора в русской литературе (например, 17 апреля 1921 г. состоялся доклад Н.Ф. Яковлева “Элементы фольклора у Лермонтова”).

Как уже говорилось выше, первоначально МЛК состоял при Московской диалектологической комиссии. В связи с этим понятен особый интерес кружковцев к диалектологии и этнографии Московской губернии и самой Москвы. Кружком был составлен проект программы для собирания особенностей московского говора. В течение 1915 и 1916 гг. МЛК организовал ряд поездок по Московской губернии (в Верейский, Дмитровский, Звенигородский, Серпуховской уезды) с целью сбора материалов, а затем опубликовал отчеты о своей деятельности в Этнографическом обозрении и Отчетах Академии наук. Предметы материальной культуры, собранные в этих поездках, были переданы Румянцевскому музею.

Известный интерес для истории МЛК представляют протоколы, отражающие его научно-организационную деятельность: это обсуждение вопросов о финансовом положении, о наведении порядка в библиотеке, о создании при Кружке бюро труда по распределению филологической работы между членами Кружка, вопроса об организации архива, заведование которым решено было поручить Г.О. Винокуру. Предполагалось, что архив должен был включать следующие отделы: 1) материалы по языку малых народностей и языковой политике; 2) материалы по языковой педагогике; 3) новые явления в области русского языка; 4) городской фольклор. Рассматривались также вопросы социального обеспечения студентов-лингвистов, их отсрочки от призыва в армию. Обращает на себя внимание сообщение Н.Н. Дурново 29 мая 1921 г. о бедственном положении провинциальных университетских центров, остро нуждающихся в книгах по филологии. Большой интерес представляет “Объяснительная записка к смете Московского лингвистического кружка”, в которой обобщаются результаты его деятельности и содержится просьба к Научному отделу Наркомпроса “принять Кружок в число своих учреждений и не отказать ему в том скромном содержании, которое испрашивается сметой Кружка”. Руководство МЛК, отмечая его заслуги, указывает, что “Кружок быстро приобретает популярность в московских ученых кругах... Но Кружку дорога своя революционная физиономия, ему необходимо ее удержать. ...Государство должно придти на помощь молодым силам, работающим для него. Оно должно обеспечить хоть сколько-нибудь свою ученую молодежь, на которую должно возлагать свои чаяния и надежды” (Ед. хр. XIII. 1. Л. 342).

Каждую свою годовщину Кружок отмечал специальным заседанием, на котором подводились итоги деятельности, а его члены делились воспоминаниями о Ф.Е. Корше. Так, 29 февраля 1920 г. состоялось юбилейное заседание, посвященное пятилетию МЛК и пятилетней годовщине смерти Ф.Е. Корша. Выступивший с воспоминаниями о первых днях деятельности Кружка А.А. Буслаев отметил, что главная задача Кружка – “методологическая революция”. Д.Н. Ушаков, произнесший приветственную речь, отметил “своего рода провиденциальную звезду, ведущую Кружок на его научном поприще: основание Кружка в день смерти

Корша, первое присутствие членов Кружка в Московской диалектологической комиссии на заседании, посвященном памяти Фортунатова” (Ед. хр. III. 4. Л. 81). На этом заседании Б.М. Соколов произнес приветственное слово от саратовских научных учреждений, а В.Б. Шкловский – от имени Петроградского ОПО-ЯЗ, отметив “связь деятельности Кружка с деятельностью футуристов в искусстве”. М.Н. Петерсон сделал доклад “Синтаксические взгляды [Ф.Е.] Корша”.

На заседаниях Кружка обсуждались вопросы, связанные с деятельностью издательства “Задруга” (6 февраля 1921 г.). 4 мая 1923 г. рассматривалось предложение О.Э. Мандельштама и Б.Л. Пастернака войти в контакт с МЛК для совместной работы в области поэтики, а также предложение Московского Союза поэтов с просьбой к членам МЛК принять участие в его заседаниях. Были приняты следующие постановления: “Выделить для переговоров с поэтами [Мандельштамом и Пастернаком] и организации совместно с ними соответствующих занятий комиссию в составе Б.И. Горнунга, В.И. Нейштадта и А.И. Ромма. Будущую работу с поэтами Президиум представляет себе в виде: а) участия поэтов в заседаниях Кружка и обсуждении читаемых докладов; б) устройства совместно с ними особых заседаний, в которых принимал бы участие не весь Кружок, а лишь желающие его члены (в случае возникновения вопросов, выходящих за пределы науки о языке и формальной поэтики); в) заслушания и обсуждения в Кружке докладов поэтов; г) заслушания и, возможно, обсуждения их стихов. Помимо того, признано целесообразным привлечь к работе и других поэтов, причем просить О.Э. Мандельштама и Б.Л. Пастернака, а также избранных в находящемся заседании членов Комиссии взять это привлечение на себя” (Ед. хр. VI. 4. Л. 255–255 об.).

Что же касается просьбы Московского Союза поэтов принять участие в его заседаниях путем чтения докладов и участия в обсуждении стихов, постановили: “предложение, обращенное к Кружку как цельной организации, отклонить, но поставить о нем в известность отдельных членов Кружка”.

В 1922 г. ряд заседаний был посвящен научно-организационным вопросам. Так, 21 марта А.А. Буслаев выступил с докладом о работе нового президиума МЛК.

Жаркие споры разгорелись по плану работы издательства Кружка. Предполагалось организовать работу издательства по сериям, что не вызвало в принципе возражений. Однако из отдельных серий возражения вызвали серия II (наука о литературе), серия III (стих), серия V (фонетика) и серия VI (искусственные языки). Оживленно дискутировался и вопрос о приглашении в редакцию специалиста-философа. Обосновывая необходимость работы философа в издательстве, Буслаев указывал, что “путь, на который выходит Кружок, путь теоретического пересмотра основ лингвистики, требует от нас большой осторожности в вопросах теории и методологии. В области традиционной эмпирической лингвистики Кружок имеет довольно удовлетворительно подготовленных работников, но он не имеет их в области философии и общей методологии” (Ед. хр. V. 8. Л. 174 об.).

Возражая против привлечения специалиста-философа в редакцию Трудов Кружка, С.Я. Мазэ, А.И. Ромм и Н.Ф. Яковлев указывали, что “учиться философскому знанию путем приглашения философа в редакцию изданий Кружка невысказано. Кружок должен эти знания приобретать сам, чтобы теоретические проблемы лингвистики разрешались лингвистами же. ...Не возражая персонально против кандидатуры Г.Г. Шпета, С.Я. Мазэ, А.И. Ромм, Н.Ф. Яковлев и П.П. Свешников полагают, однако, при современном уровне философской подготовки Кружка, более осторожным не связывать редакции его трудов ни с каким философским направлением” (Там же. Л. 175).

В последний период деятельности МЛК нарастали противоречия между его

членами в вопросах о месте семантики и фонетики в науке о языке, о критериях разграничения поэтического языка и иных форм словесного выражения, о связях литературоведения с другими научными дисциплинами. В 1924 г. Кружок прекратил свое существование, оставив заметный след в истории лингвистики.

Творческое наследие МЛК, несмотря на его большую научную значимость, недостаточно изучено. Отдельные протоколы были опубликованы и исследованы⁵, протоколы МЛК из РО ИРЯ использованы в комментариях к сборнику трудов Г.О. Винокура⁶, однако основная масса документов по истории Московского лингвистического кружка не изучена и не издана, а его история в полном объеме еще не написана.

Б.А. Томан

МОСКВА В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

О Москве в годы Великой Отечественной войны написано немало. Это и понятно. В битве за Москву начался коренной перелом в войне — Великой Отечественной и второй мировой. Здесь впервые враг был остановлен и отброшен, развеян миф о непобедимости немецко-фашистской военной машины. Москва была стратегической целью германского блицкрига, поскольку она являлась столицей СССР, крупнейшим индустриальным центром и транспортным узлом. В ней находились ЦК ВКП(б), Совнарком, Президиум Верховного Совета СССР, союзные и республиканские наркоматы. Сюда сходились все нити управления огромным государством.

В Москве в военное время действовал Государственный Комитет Обороны (ГКО), в руках которого была сосредоточена вся полнота власти в стране. Постановления ГКО имели силу законов военного времени и были обязательны для всех государственных, партийных, хозяйственных органов, общественных организаций. ГКО был образован 30 июня 1941 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б), оформленным в виде совместного постановления Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а упразднен в связи с окончанием войны 4 сентября 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Председателем ГКО стал И.В. Сталин, который одновременно был генеральным секретарем ЦК ВКП(б), председателем СНК СССР, Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами, наркомом обороны. В состав ГКО вошли лица из его ближайшего окружения: первый заместитель председателя СНК и нарком иностранных дел В.М. Молотов, нарком внутренних дел Л.П. Берия, заместитель председателя СНК К.Е. Ворошилов, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Фактически это был узкий состав Политбюро ЦК ВКП(б). Из 14 его членов и кандидатов в ГКО вошли пятеро. В 1942 г. ГКО пополнился за-

⁵ См., например: *Тоддес Е.А., Чудакова М.О.* Первый русский перевод “Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 229–249; *Шанир М.И.* Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х – начало 1920-х годов) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50, № 1. С. 43–57 (опубликован протокол заседания МЛК от 11 мая 1919 г. с обсуждением доклада Р.О. Якобсона “О поэтическом языке произведений Хлебникова”).

⁶ См.: *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990.

местителями председателя СНК Н.А. Вознесенским, Л.М. Кагановичем, А.И. Микояном, а в 1944 г. К.Е. Ворошилова заменил Н.А. Булганин.

Деятельность ГКО — один из ключевых вопросов истории Великой Отечественной войны. Между тем, по прошествии более полувека приходится констатировать, что его роль в управлении государством (как, впрочем, и других органов власти) еще далеко не раскрыта. Во многом это объясняется узостью источниковой базы. В научный оборот введена лишь небольшая часть документов, которые до недавнего времени были закрыты для исследователей.

Доступ к архивам за последние годы то расширялся, то снова ограничивался, но научному использованию архивных материалов препятствует также неупорядоченность источниковой базы и, в частности, отсутствие автоматизированной информационной системы, которая могла бы облегчить поиск нужных документов в безбрежном архивном море. Берега этого моря ныне лишь приблизительно обозначаются описями. Вот почему столь актуальной является задача создания баз данных с возможностью автоматизированного поиска документов по самым разнообразным признакам.

Исходя из этого во ВНИИДАД разработана и осуществляется программа создания баз данных (БД) “Директивные документы высших органов власти СССР в годы Великой Отечественной войны”. Первой частью этой программы явилась БД по постановлениям и распоряжениям ГКО, хранящимся в РЦХИДНИ (Ф. 644. Оп. 1. Д. 1-463). Этой работе предшествовало изучение всего комплекса документов ГКО, что позволило составить общее представление и уточнить многие детали, касающиеся стиля работы, функций, основных направлений деятельности этого чрезвычайного органа власти, механизма принятия его решений и организации их выполнения.

Всего за годы войны был принят 9971 директивный документ ГКО, в том числе постановления, распоряжения и мандаты. Оформление их происходило практически ежедневно, по 5-10, а то и 20 документов в день. ГКО не имел своего секретариата, делопроизводство осуществлялось Особым сектором ЦК ВКП(б). Сталин подписывал все постановления, касавшиеся назначения руководящих кадров, военного строительства, материально-технического обеспечения армии, работы транспорта и т.п. Распоряжения по частным вопросам функционирования народного хозяйства направлялись подписями Молотова, Берии, реже Микояна. Принятые решения рассылались непосредственным исполнителям: наркомам, первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов (если им давались конкретные задания), уполномоченным ГКО. Выносились на ГКО вопросы, тщательно подготовленные в ведомствах, которые определяли степень их необходимости и возможности материального обеспечения.

Каждое постановление и распоряжение было нацелено на конечный результат, давало конкретное задание, порой до мельчайшей детализации, особенно в приложениях, в которых перечислялось все вплоть до лопат и гвоздей.

Основные направления и характер деятельности ГКО определились не сразу. Катастрофическое начало войны перечеркнуло предвоенные планы и представления. Первоначально конкретные заявки Наркомата обороны, фронтов, армий диктовали содержание работы ГКО. Но тактические вопросы нередко становились отправными точками военно-экономической стратегии.

На протяжении всей войны основное место в деятельности ГКО занимала мобилизация народного хозяйства на нужды фронта и военного производство. Этому соответствовало распределение обязанностей между его членами. Связующим звеном ГКО с отраслями военной экономики и важнейшими предприятиями стали уполномоченные, назначавшиеся обычно из партийных и хозяйственных руководителей.

ГКО увязывал потребности фронта с предельными возможностями эконо-

мики, налаживал распределение и перевозки всех видов продукции для фронта. Составлялись помесячные планы выпуска боевой техники, отдельных видов вооружения и боеприпасов. Нередко решались вопросы производства на отдельных важнейших предприятиях, причем им устанавливались детальные графики выпуска продукции. Определялись количественные показатели поставок, их сроки и все мероприятия по обеспечению выполнения планов поставки топлива, электроэнергии, сырья, полуфабрикатов, оборудования, обеспечение рабочей силой, продовольственное снабжение и т.д.

Особое внимание было обращено на отрасли военной промышленности. Наряду с этим ГКО контролировал производство металла, топлива, электроэнергии, налаживал и регулировал работу транспорта. Он оперативно руководил эвакуацией промышленных предприятий, а затем — реэвакуацией и восстановлением производства. Военно-стратегическими вопросами занималась, как известно, Ставка, но ГКО решал вопросы формирования частей и соединений, снабжения армии продовольствием и обмундированием.

Необходимо пояснить методику подготовки и принципы функционирования базы данных по документам ГКО. Для составления БД было проведено описание материалов на карточках предмашиного формата, на которых кроме необходимой информации о содержании документа, указывались номер постановления, дата, архивный шифр, справка об опубликованности документа. Значительную сложность представляло составление классификатора к предметно-тематическому указателю, в котором необходимо было учесть все вопросы, затронутые в постановлениях. С этой целью был выработан оригинальный функционально-структурный принцип построения классификатора, в котором первую двузначную колонку шифра образуют цифры систематизированного перечня функций (например, организация структур управления, назначение кадров, эвакуация, строительство, материально-техническое снабжение и т.д.), вторую — структурный перечень (рода войск, государственные органы, общественные организации, отрасли промышленности, коммунальное хозяйство, образование, наука и др.), а третий, также двузначный, ряд играет вспомогательную роль по отношению ко второй, структурной части шифра. Шифры классификатора проставлены на карточке, введенной в базу данных. Разработка программы обслуживания и обеспечения техническими средствами проводилась параллельно с описанием документов и подготовкой классификатора. Для функционирования БД используется компьютер типа IBM PC AT-386 с объемом оперативной памяти не менее 640 Кб, винчестером и стандартной периферией, обеспечивающей вывод на печать. В БД введены также именной и географический указатели, работающие по принципу ключевых слов, и список сокращений. 4 ноября 1994 г. БД была принята в эксплуатацию.

Автоматизированная система поиска базы данных ГКО позволяет оперативно выявить документы, относящиеся к Москве. Роль и значение Москвы как столицы, стратегического и индустриального центра определяют ее место в постановлениях ГКО. Крайне сложно точно установить общее число постановлений по кадровым, военным, экономическим и другим вопросам, в которых в той или иной связи упоминается и Москва. Таковых примерно 4-5 тыс. Я поставил своей целью выявить и обобщенно рассмотреть только те документы ГКО, основное содержание которых непосредственно относится к Москве. Всего этих постановлений 205. В основном они до настоящего времени не введены в научный оборот, а опубликовано всего 15, т.е. 7%, в том числе 8 — в журнале “Известия ЦК КПСС”, а 4 — в сборнике “Москва военная, 1941-1945. Мемуары и архивные документы” (М., 1995)*, изданном к 50-летию Победы. 109 постановлений подписал Сталин, 75 — Молотов, остальные — Берия.

* Рецензию на эту книгу см. наст. изд.

Выявленные документы разнообразны по содержанию. Хронологически их можно разделить на две численно неравные группы: в первую входят постановления, принятые в начале войны и период битвы под Москвой (65), а во вторую — остальные 140 документов, относящихся ко времени, когда непосредственная опасность для Москвы миновала, т.е. к 1942-1945 гг.

Следует заметить, что интерес историков и москововедов всегда был обращен именно к первому полугодю войны, а внимание к последующим трем с половиной годам заметно слабее. Например, в монографии К.И.Букова “Все мы были солдатами”¹, посвященной деятельности Московской партийной организации в военное время, к первому полугодю относятся почти две трети всего материала, а в сборнике “Москва военная” — даже свыше 90% текста. Эта неравномерность особенно видна в публикациях источников. Например, из выявленных нами 205 постановлений ГКО 13 опубликованных относятся к 1941 г. и только 2 — к 1942-1945 гг. Такое положение вряд ли можно признать естественным, поскольку изучение жизни столицы за все военное время важно для истории.

Нужно иметь в виду, что нижеприведенные постановления ГКО отнюдь не исчерпывают комплекс мер, непосредственно касающихся обороны и жизни Москвы. Принятые руководством страны решения оформлялись в зависимости от специфики вопроса как постановления ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б), Указы Президиума Верховного Совета.

В начальный период войны фронт был еще далеко от Москвы, но стремительно к ней приближался. В связи с возрастанием угрозы для столицы 4 июля ГКО принял постановление “О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения” (постановление № 10; далее в круглых скобках указаны только номера постановлений). Как известно, с инициативой создания ополчения еще 27 июня выступили ленинградцы, в Москве его формирование началось 2 июля, но, учитывая роль столицы, ГКО поддержал почин именно москвичей. К 7 июля в Москве были созданы 12 дивизий общей численностью свыше 100 тыс. человек.

Со второго дня войны началось формирование истребительных батальонов. Постановлением ГКО от 9 июля “О мероприятиях по борьбе с десантами и диверсантами противника в Москве и прилегающих районах” (76) на них была возложена также задача борьбы “с возможными контрреволюционными выступлениями”. Подготовка к отражению налетов вражеской авиации на столицу началась также с первых дней войны. В постановлении от 3 июля говорилось об усилении противопожарной обороны Москвы (3), 5 июля последовало постановление “О реорганизации МПВО г. Москвы” (26), 9 июля — о светомаскировке столицы (73) и в тот же день — об усилении противовоздушной обороны Москвы (77). За ним последовали постановления о мерах противопожарной безопасности, о порядке объявления воздушной тревоги, защите важнейших объектов и другие (125, 127, 167, 174, 195, 210). На другой день после первого налета на Москву, 23 июля ГКО принял постановление о материальной помощи семьям москвичей, пострадавших во время пожаров (250).

Эвакуация населения Москвы, главным образом детей, началась 24 июня. С середины июля, после падения Смоленска, усилился вывоз на Урал, в Поволжье и Сибирь оборудования промышленных предприятий, рабочих и служащих с семьями. В начале августа были приняты постановления ГКО об эвакуации заводов “Серп и молот”, “Электросталь” и других (368, 424), 10 сентября — “О дополнительной эвакуации детей из г. Москвы” (655).

Промышленные предприятия Москвы, которые до войны давали свыше 20%

¹ Буков К.И. Все мы были солдатами: Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М., 1972.

всей продукции страны, перестраивались на военный лад, 19 августа на ряд заводов были направлены уполномоченные ГКО (517).

Свыше трех месяцев, с 30 сентября 1941 г. по 7 января 1942 г. длилась великая битва под Москвой. Октябрь оказался самым драматичным и напряженным месяцем для Москвы за все время войны. Неудивительно поэтому, что из 35 постановлений ГКО, принятых за время битвы, 26 относятся к октябрю.

Строительство укреплений на дальних подступах к Москве началось еще в середине июля, когда были приняты постановления ГКО о Можайской линии обороны, на которую были выдвинуты дивизии народного ополчения (172, 183, 565). Продвижение врага вынудило возводить оборонительные рубежи в непосредственной близости к столице. 12 октября были приняты два постановления — “Об охране Московской зоны” и “О строительстве 3-й линии обороны гор. Москвы” (765, 768), а 16 октября — о дополнительной мобилизации призывников старше 45 и моложе 19 лет по Москве и Московской области (807).

Значительная часть постановлений ГКО в октябре 1941 г. предусматривала срочную эвакуацию промышленных предприятий, государственных учреждений, театров; с 8 по 15 октября, всего за неделю последовало 9 постановлений (741, 750, 752, 759, 761, 776, 778, 780, 788), которые определяли вывоз из Москвы и области на восток предприятий авиационной, танковой и текстильной промышленности, боеприпасов, заводов ЗИС, “Серп и молот”, “Электросталь”, оборудования канала Москва-Волга, Большого, Малого и Художественного театров, театра имени Вахтангова.

15 октября, на другой день после падения Можайска, известное постановление “Об эвакуации столицы СССР г. Москвы” (801) приказывало срочно эвакуировать в Куйбышев иностранные миссии и правительственные учреждения (см. также 802), а “в случае появления противника у ворот Москвы” произвести взрыв заранее заминированных (740, 805) предприятий и учреждений. Таким образом, не исключалась сдача Москвы. Постановление было совершенно секретным особой важности, но, как говорится, “шила в мешке не утаить”, и на следующий день возникла паника.

Однако уже 19 октября на заседании ГКО было твердо решено Москву не сдавать. В тот же день последовало качественно новое постановление — о введении в Москве осадного положения (813). Оборона Москвы на дальних подступах была поручена командующему Западным фронтом генералу Г.К. Жукову, а на ближних — начальнику гарнизона Москвы генерал-лейтенанту П.А. Артемьеву, в городе вводился строгий режим. “Правда”, где на другой день было опубликовано это постановление, призвала: “На защиту родной Москвы!”. Постановление сыграло большую роль в укреплении дисциплины, наведении порядка в городе и стабилизации положения.

Этому способствовали и последующие меры. В части реактивной артиллерии (“Катюш”) уполномоченным ГКО был направлен член Военного совета Московского округа К.Ф. Телегин (819), в действующую армию из Москвы и области были мобилизованы гусеничные трактора (840), постановлением 30 октября была фактически прекращена продажа водки и коммерческая торговля продовольствием и промтоварами, распределение производилось только по карточкам (856).

Наряду с эвакуацией, ГКО во время битвы под Москвой держал под контролем выпуск военной техники на тех предприятиях, которые оставались в Москве: производство танков (759), боеприпасов (803, 841), минометов (896, 1028), автоматов (946), самолетов (1050).

14 декабря, когда стал очевидным успех контрнаступления Красной Армии, ГКО распорядился разминировать в Москве объекты, подготовленные ранее к взрыву (1025). С 27 декабря ГКО принимает меры по началу реэвакуации в Мо-

скву некоторых предприятий и учреждений (1072, 1109, 1115). 6 января 1942 г. принято постановление ГКО “О восстановлении производства грузовых машин на автозаводе им. Сталина” (1113) — за день до победного завершения Московской битвы.

Ликвидация непосредственной опасности, угрожавшей столице, сразу же отразилась на общем количестве и содержании постановлений ГКО, относящихся к Москве. В 1942 г. их было принято 28, причем только два в начале апреля касались укрепления безопасности Москвы в связи с угрозой весеннего наступления противника: “Об усилении ПВО Москвы” (1541) и “Об обеспечении строительства дополнительной линии укреплений вокруг Москвы” (1566). С осени и до конца 1942 г. внимание ГКО было приковано к Сталинграду, и за четыре месяца нами не обнаружено постановлений по Москве. Немного их было и в 1943 г. — 37. До Курской битвы немецкая авиация еще представляла серьезную угрозу, о чем говорят постановления ГКО в июне 1943 г., направленные на усиление ПВО и мер противоударной безопасности (3588, 3655), но вскоре фронт еще дальше отодвинулся на запад. В сентябре было разрешено использовать жителям Москвы для освещения лампы мощностью до 25 ватт (4066), а с декабря уличное освещение включалось с 5 час. утра (4833). В 1944 г. постановлений ГКО было столько же, сколько за два предыдущих года, что показывает возрастание внимания к жизни столицы в условиях, когда обстановка на фронте улучшалась. В 1945 г. было принято 19 постановлений.

Резэвакуация предприятий и населения затянулась надолго. Постановлением от 10 января 1942 г. предписывалось возвращать эвакуированные предприятия только по решению ГКО, не разрешалось привлекать рабочих на московские предприятия из других мест без согласования с МК ВКП(б), семьи рабочих и служащих оставались на местах эвакуации (1121). Постепенно такой порядок смягчался. Специальным постановлением от 30 мая 1944 г. были определены правила возвращения из эвакуации и установлены права москвичей на жилплощадь (5971).

Наибольшее внимание ГКО уделял работе московских оборонных заводов, а среди них — авиационной промышленности. По ней было принято 21 постановление: об организации производства самолетов Як-3, Як-7 и Як-9, ДБ-ЗФ, ЛаГТ-3, Ту-2 (1285, 1400, 1444, 1789, 2169, 2281, 3447, 3754, 4429, 4594), авиационных моторов (1866, 3063, 5202, 5227, 5398, 5525), об обеспечении заводов рабочей силой, снабжении горючим и т.д. (1542, 1631, 1931, 4490, 4979). Производство деталей для автоматов ППШ организовывалось на заводе счетно-аналитических машин (1448). Ряд постановлений касался производства боеприпасов (1947, 5152, 7076), вооружения (5491), работы предприятий черной металлургии, химической и резиновой промышленности и др. (1348, 1947, 5031, 5470, 5581, 6037, 6328, 7032).

Новым в деятельности ГКО после Московской битвы стала непосредственная организация обеспечения столицы продовольствием, топливом, электроэнергией, работы городского коммунального хозяйства и транспорта. По этим вопросам в 1942-1945 гг. было принято свыше половины всех постановлений, причем почти все они (кроме шести) относятся к 1943-1945 гг., когда появились реальные возможности уделять им больше внимания.

Постановлением ГКО от 11 августа 1943 г. была утверждена правительственная комиссия, которой было поручено организовывать завоз в Москву картофеля и овощей — основного вида продовольствия в военное время (3910). Меры по снабжению Москвы картофелем, зерном, мукой, крупами предусматривались рядом других постановлений (4747, 4874, 4901, 4966, 5111, 6498).

Не менее важной задачей было обеспечение предприятий и населения Москвы топливом и электроэнергией (5025, 7181). ГКО принимал особые меры по ор-

гаанизации заготовок дров, утверждал квартальные и сезонные графики вывоза их по железным дорогам и водным путем (2792, 3073, 4318, 4969, 5900, 6418, 6420), мобилизовывал на заготовки москвичей, гужевой и автотранспорт (4650, 5710, 6200, 6908, 7577, 7804). В один только день, 22 августа 1944 г., были назначены 6 уполномоченных ГКО по отгрузке дров из соседних областей (6441-6446), а 1 декабря 1944 г. уполномоченными ГКО с этой целью назначались председатели исполкомов этих областей (7041). Современному читателю может быть непонятным такое внимание ГКО к заводу дров в Москву — 19 постановлений, но нужно учитывать, что в то время большинство домов в столице обогревались печным отоплением.

Ряд постановлений ГКО был направлен на обеспечение углем промышленных предприятий, жилищно-коммунального и городского хозяйства (2201, 4025, 6425, 6749, 7532, 7790). Уголь поступал в Москву в основном из Подмосковского угольного бассейна. Там строились новые шахты, туда направляли рабочую силу и технику, принимались меры материального и морального поощрения. Интересно, что постановлением от 26 сентября 1943 г. (4230) ГКО предложил организовать шахтерский ансамбль песни и пляски, выделяя на него 100 тыс. рублей ежемесячно.

Также под контролем ГКО находилось снабжение Москвы электроэнергией, причем особое внимание обращалось на ее экономное расходование (4601, 5289, 6732, 7798). Постановлением от 26 ноября 1943 г. учреждались дополнительные премии для промышленных предприятий Москвы и области, участвовавших в социалистическом соревновании по экономии электроэнергии (4669). При этом не разрешалось отключать жилые дома от энергоснабжения на срок более 2-3 часов (2754), конечно, на деле это правило нередко нарушалось.

Уже в суровое военное время были приняты меры и изысканы средства для снабжения столицы новым видом топлива, коренным образом изменившим в послевоенные годы ее образ жизни, — газом. 3 сентября 1944 г. было принято развернутое постановление “О строительстве газопровода Саратов — Москва” с детальным приложением (6499). Строительство газопровода находилось под постоянным контролем ГКО. В декабре 1944 г. были намечены меры по ускорению его строительства и выделению оборудования и труб (7051, 7103, см. также 9312), а 3 марта 1945 г. было дано указание о строительстве газовых сетей в Москве (7628, см. также 8360, 9868). Подчеркивалось, что газ направляется главным образом на бытовое потребление.

ГКО занимался и другими вопросами жилищно-коммунального хозяйства. Средств на капитальное и дорожное строительство в военное время выделялось мало, и все же некоторые меры можно проследить по постановлениям ГКО 1944-1945 гг. (5305, 5644, 5835, 7817). Это относится и к телефонной сети Москвы (5108, 7285, 7760).

Большое внимание ГКО на протяжении всей войны уделял вопросам столичного транспорта — 23 постановления за 1942-1945 гг. В 1942 г. еще проводилась мобилизация легковых автомашин из таксомоторных парков и автохозяйств Москвы на нужды армии (1873, 2299), но в 1943-1945 гг. на повестке дня стояли другие вопросы и среди них улучшение транспорта на электрической энергии — трамваев и троллейбусов, электрификация пригородного железнодорожного транспорта (4211, 4826, 5251, 6039, 6567).

Среди транспортных проблем столицы, которыми занимался ГКО, главное внимание было обращено на строительство метро — 16 постановлений (ни одно из них еще не опубликовано). Ничего не говорится об этом и в книге “Москва военная”, как, впрочем, и о начале работ по снабжению столицы саратовским газом, а ведь выделение огромных средств на коммунально-бытовые нужды в чрезвычайных условиях войны — факт, достойный внимания.

Два первых постановления ГКО о московском метро в мае 1942 г. касались обыденных вопросов — установления новой оплаты за проезд и времени его работы (1766, 1767). Однако вслед за тем, 25 мая, последовало развернутое постановление об окончании строительства Замоскворецкого радиуса третьей очереди московского метрополитена (1822). Напряженное положение на фронте в последующее время, видимо, не давало возможности уделять внимание этому вопросу, но 20 марта 1943 г. было принято новое, тоже развернутое постановление “Об окончании строительства III очереди Московского метрополитена” (3059. См. также 3445, 4335). Предусматривалось завершить работы по станциям “Новокузнецкая” и “Павелецкая” в июле 1943 г., по основным сооружениям Покровского радиуса — в октябре, а строительство переходов между станциями “Охотный ряд” и “Площадь Свердлова” — в первом квартале 1944 г. Строительство было завершено в срок: постановлением ГКО от 13 января 1944 г. была назначена правительственная комиссия по приемке в эксплуатацию Покровского радиуса. Комиссию возглавил председатель Моссовета В.П. Пронин, в ее состав были включены, в частности, академик Б.Е. Веденеев, профессор Б.Н. Веденисов, архитектор Д.Н. Чечулин (4944). Строителям Метростроя была объявлена благодарность (5988).

Еще до окончания работ по третьей очереди метро постановлением от ГКО от 21 ноября 1943 г. было начато строительство четвертой очереди — “Большого кольца”. Окончание работ первоначально было намечено на декабрь 1947 г. (4629). Сроки строительства уточнялись в июле 1944 г., причем подчеркивалось оборонное значение строительства (6247). Последующие постановления были направлены на обеспечение строительства материалами и рабочей силой (6783, 6895, 7094, 7635, 9193, 9404).

Государственный Комитет Обороны работал с высокой эффективностью. Принятые решения за редким исключением воплощались в жизнь. Это обеспечивалось четкой и скрупулезной организацией контроля за выполнением планов. Ежедневно наркоматы представляли сведения не только по отрасли в целом, но и по отдельным крупным предприятиям. Никакие оправдания в срыве графиков, как правило, не принимались. Существовала персональная ответственность за порученные участки от членов ГКО до директоров заводов и секретарей обкомов. Виновные сурово наказывались. Жесткая исполнительская дисциплина во всех звеньях народнохозяйственного и партийного механизма все подчиняла единой цели — изысканию материальных средств для обеспечения фронта.

Однако только суровая военная дисциплина и карательные меры не могли бы обеспечить выполнение принятых решений. Оно достигалось тяжелым самоотверженным трудом народа, в частности москвичей — женщин, стариков и детей не только на своем рабочем месте, но и на непривычных для них работах по строительству оборонительных рубежей, заготовках дров, сельхозработах. Они трудились в суровых условиях военного времени при постоянной нехватке продовольствия, тепла и света. Трудились во имя Победы и достигли ее.

В заключение следует еще раз подчеркнуть следующее. Конкретная работа высших органов власти СССР по руководству всеми сторонами жизни страны в военное время изучена еще недостаточно. Особенно это относится к вопросам повседневной жизни народа.

Этой статьей я хотел бы обратить внимание исследователей на одну из сторон деятельности ГКО, касающуюся труда и жизни Москвы в годы войны. Статья, разумеется, и не может претендовать на полноту раскрытия всех затронутых вопросов — она лишь обозначает их круг. Более подробно ознакомиться с деятельностью ГКО дает возможность созданная во ВНИИДАД база данных по его постановлениям, о которой уже сказано выше.

МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИК М.И. СМИРНОВА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Историк Переславского края Михаил Иванович Смирнов (1868-1949) — выдающийся представитель отечественной краеведческой науки времени ее “золотого десятилетия” 1920-х годов¹. Его архивное наследие, далеко еще не востребованное и не изученное, содержит массу интересных и важных материалов как общественного, так и личного характера, позволяющих всесторонне раскрыть деятельность историка, его сложную человеческую судьбу и не менее тернистый путь в науке, отразивший на себе судьбы сотен других местных деятелей, преданных патриотов своей малой родины, репрессированных в начале 1930-х годов за краеведение².

Отбыв в 1931-1934 гг. ссылку в далеком сибирском Тогуре, М.И. Смирнов уже никогда не смог вернуться в свой родной Переславль-Залесский, где остался созданный им еще в 1918 г. историко-художественный и краеведческий музей, где были его друзья и соратники по основанному им же научно-просветительному обществу. Впрочем, оставались здесь и его откровенные завистники, облеченные административной властью и не чуждые научного поприща, к слову сказать, сполна перед судом истории продемонстрировавшие свою в нем несостоятельность. Именно они, к сожалению, и стали главным препятствием возвращения М.И. Смирнова на родину. Вся последующая его жизнь оказалась связанной с Подмосковьем.

На протяжении ряда лет М.И. Смирнов был сотрудником музеев в Коломенском, Загорске, работал в Музее П.А. Кропоткина. Оставив в начале 1940-х годов уже в преклонном возрасте активную трудовую деятельность, он продолжал много времени уделять своему исследовательскому и писательскому творчеству историка, в котором неизменно находил источник вдохновения и жизни. Этому устоявшемуся жизненному ритму помешала война.

О нелегкой этой поре жизни М.И. Смирнова свидетельствует его дневник — удивительно яркий и пронзительный человеческий документ, дающий образец емкого восприятия личностью своего времени. Несмотря на то что дневниковые записи Смирнова носят характер глубоко личных впечатлений и переживаний, в них уместилась вся трагедия народа, вызванная, с одной стороны, жестокой войной захватчиков, а с другой — гнетущим бесправием этого народа, “на каждом шагу” притесняемого “советскими бюрократишками-шкурниками”. Цель настоящей публикации — дать краткую характеристику и обзор содержания этого интересного источника, важного для воссоздания не только полной биографии ученого, но и подлинной, идеологически не приукрашенной картины жизни народа в военном тылу, в прифронтовой Москве.

Дневник сохранился в личном фонде М.И. Смирнова в Государственном архиве Ярославской области³. Записи в нем охватывают период с мая 1941 по ко-

¹ См., например: *Шмидт С.О.* Смирнов М.И. // СИЭ. М., 1971. Т. 13. С. 79; *Филимонов С.Б.* М.И. Смирнов — переславский собиратель земли // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 74-81.

² Личный архив М.И.Смирнова исторически оказался разделен на два больших массива, один из которых хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 191), а другой — в ГАЯО (Ф. Р-913). См.: *Филимонов С.Б.* Обзор архива М.И.Смирнова // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 318-324.

³ См.: ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-29 об.; Д. 15. Л. 1-50 об.; Д. 16. Л. 1-25. Все дальнейшие сноски на источник приводятся в тексте статьи.

нец октября 1942 г. Однако начало ведения дневника, очевидно, следует отнести к 23 июня, т.е. второму дню войны, когда записи начинают носить систематический характер, следуя изо дня в день. Предшествующая им страничка заметок с кратким указанием на события мая и июня (до 22 числа), скорее всего, появилась уже в первые дни войны. Это обстоятельство с очевидностью указывает и на характер самого дневника Смирнова, задавшегося целью фиксировать как свидетель (и, конечно же, как историк) в документе современную ему действительность, взорванную новыми экстремальными условиями военной поры.

Дневник состоит из трех отдельных тетрадей, содержащих хронологически последовательные записи. Интересно, что одна из этих тетрадей частью представляет собой школьный ученический дневник, чистыми листами которого воспользовался Смирнов, занося на них записи простым карандашом. Все это — приметы и невольные свидетели тяжелого в материальном достатке времени. К счастью, архивные материалы дневника хорошо сохранились, а благодаря реставрации (впрочем, внесшей, некоторую путаницу в последовательность листов), получили вторую жизнь.

К началу войны Михаил Иванович с женой Натальей Викторовной постоянно проживали в Егоровском дачном поселке под Москвой (в августе 1941 г. они переехали в подмосковную Малаховку). Уже первые записи в дневнике свидетельствуют о каждодневном присутствии признаков приближающейся грозы. В мае «начались затемнения — пробные, прошли плохо. Студент 1 МГУ заявил, что ему нужно заниматься и затемняться не будет. Много было таких. С 16/V угрожаемое положение. Распоряжение об устройстве “щелей», т.е. укрытий (Д. 14, Л. 1).

Еще перед войной М.И. Смирнов был связан работой с академическим издательством, вел исследовательскую работу в ЦГАДА. С началом войны все эти занятия ему вынужденно пришлось оставить. «23/VI-41 г. Митинг в архиве. Речь начальника архива (“да здравствует война”, — вернее “победа”) и др. На другой день прекращение занятий в архиве, их свертывание» (Д. 14, Л. 1 об.). Попытка предложить в Государственном антирелигиозном издательстве (ГАИЗ) тему брошюры “Война и церковная легенда” не увенчалась успехом. Уже 26 июня Смирнов делает в дневнике помету о запрещении въезда в Москву: “ГАИЗ нужной справки мне не дал. Так я и прекратил свои поездки и сидел дома, лишившись московских библиотек” (Д. 14, Л. 2).

Вообще следует отметить, что тема административных запретов, порой трудно объяснимых, и жестких действий в этом направлении властей, отсутствие зачастую правдивой информации о реальном положении дел в тылу и на фронте, неизбежно порождавшие у населения самые разные слухи и домыслы, — одна из постоянно присутствующих на страницах дневника. 28 июня состоялось изъятие радиоприемников у их владельцев: “Остались без трансляции и ежедневных привычных сообщений” (Там же). Особенно это сказывалось в сложные для обороны Москвы октябрьские дни. “Нет почтовой связи с М[осквой] — без газет, — живем слухами” (17 окт.; Д. 14, Л. 4). “Не доставила почта газет. В полном неведении, что делается” (26 окт.; Там же. Л. 7). Любопытно, что цензуре подвергались даже обычные информационные сводки о погоде, что красноречиво засвидетельствовал дневник. “Привычка лгать наших всяких редакторов неискоренима и до смешного напориста. Несмотря на то, что с месяц стояли здесь морозы в среднем 20-25°C, иногда 27°C, Информбюро ничтоже сумняшеся объявило, что не было морозов свыше 3-5°C. Не стыдно врать так нахально. Все смеются и осуждают. Это очень показательно. Вот и верь Информбюро. В этом пункте насчет метеорологии можно проверить и сказать — было дикое вранье. Как же можно верить в остальном? Неудивительно, что заметно сильное недоверие даже в таких слоях, как рабочие и крестьяне. Пожалуй, интеллигенция более доверчива” (15 дек. 1941 г.; Д. 15, Л. 7 об.-8).

Еще об одном “стратегическом” запрещении Смирнов узнал, когда попытался уже в марте 1942 г. в Москве для небольшой выручки денег сдать букинисту свои старые книги по искусству: “Какое же было мое удивление: запрещено начальством брать издания о городах, чтобы не скупили их немецкие шпионы и не использовали в целях войны. Поистине премудро, как будто немцы не знают наших городов...” (26-27 марта 1942 г.; Там же. Л. 36 об.).

Слухи в условиях войны неизбежно порождали панику. Дневник Смирнова рисует сложную морально-психологическую ситуацию в Москве середины октября 1941 г., связанную с массовой эвакуацией населения, когда гитлеровцы приступили к реализации своей наступательной операции “Тайфун”. Приводимые в дневнике свидетельства дополняют уже известные об этих событиях документальные факты⁴. “Рассказ И.М. Фисенкова о действиях рабочих на Балашихе — избивание рабочими администрации, осмотре и остановке автомобилей беженцев из М[осквы], — замнаркома, — листовки учеников” (18 окт.; Д. 14. Л. 4 об.). “Осадное положение. [...] Разрушение заводов. Позорное поведение большевиков-администраторов: их бегство. Поведение рабочих” (20 окт.; Там же. Л. 5 об.). “Рассказы о злоключениях беженцев: одни бегут даже пешком, других высаживают на разных станциях, не довезя до места, — и пр.” (4 нояб.; Там же Л. 20). “Подробности о панике 16/X: мужья бросали на произвол судьбы жен с детьми, писатель Франк — отца с матерью обманул, тайно от них сел в вагон, — толкотня и нахальство сильных мужчин, с бою занимавших места в поезде. Воровство и пропажа чемоданов...” (20 дек.; Д. 15. Л. 11-11 об.).

Свое отношение к возможности собственной эвакуации Михаил Иванович предельно четко обозначил одной фразой: “Продолжаем держаться прежней линии — не бежать, а ждать до конца” (4 нояб.; Д. 14, Л. 20). Дело патриотизма для него было прежде всего вопросом долга и чести. “Возвращаясь к себе, на платформе 42 км. слушали рассказ неизвестного рабочего о налете на близлежащий аэродром. Немец сбросил на пустую площадку его (ни одного самолета не было) 6 фуг[асных] бомб, из них 2 громадной силы. Он же говорил о вчерашней бомбежке Сортиров[очной] станции в М[оскве] и Люберецкой. Как ни странно, верит в непобедимость немца и думает, что тот окопался на зиму, будет нас бомбить, дож[д]ется тепла и снова начнет громить Москву. Неужели так думает масса рабочих? Никаких признаков патриотизма. На фронте этого нет. Там верят в победу и дадут ее. Пусть сгинут трусы и малодушные” (18 нояб.; Там же. Л. 27 об.).

Очень интересны в этой связи наблюдения Смирнова о произошедших переменах в официальной пропаганде, принявшей тональность знаменитой сталинской “патриотической” сентенции — “братья и сестры”, и отношение его к этому как историка: “Теперь очень любят вспоминать великих рус[ских] патриотов, и между ними Минина и Пожарского. Славословят их в газетах всюду. А посмотрите на деле. Прах Минина, находившийся в усыпальнице Нижегородского собора, осквернен. Разрушив собор, построили на его месте дом Советов и, мо[жет] б[ыть], на могиле Минина устроена уборная. Что теперь с могилой Пожарского, неизвестно. Она под семью замками в б[ывшем] Спасо-Е[в]фимьевском м[онасты]ре г. Суздаля. Цела ли?

Болтать и при случае пофорсить предками, строившими великую Русь, можем, но реально и вещественно выразить чувство уважения и действительного преклонения не можем по своей некультурности. Любопытно, что также поступают с револ[юционными] памятниками (дом Ганшина в Переславских Горках и др.). Какие кладбища в забросе и поругании! Не пора ли заняться некрополями,

⁴ См. подробнее: Москва военная. 1941 год... (Новые источники из секретных архивных фондов) / Публ. подгот. Р.Г. Григорьев // ИСССР. 1991. № 6. С. 101-122.

а не надругаться над ними? В них строители Рус[ской] земли” (8 дек. 1941 г.; Д. 15. Л. 4-5).

Смирнов мог быть и предельно беспощадным к власти, откровенно равнодушной к человеку и отгородившейся от него стеной непреодолимой бюрократии. Подробно описав в дневнике все свои злоключения в попытке получить разрешение для проезда в Москву в начале января 1942 г. (к тому времени — уже реальная возможность), он в сердцах заключает: “Итак, паршивые советские бюрократишки-шкурники отравляют жизнь, затрудняя ее на каждом шагу. Нет ни просвета, ни отдыха. Как вши на немецком фронте, точат и точат они нашу и без того постылую жизнь. Некуда от них деваться” (5 янв. 1942 г.; Там же. Л. 18 об.-19).

Одна из постоянно тревожащих Смирнова проблем, пронизывающая все содержание дневника, — голод — “сухий великий пост”, как он его однажды окрестил. «Две обычных темы наших разговоров: война и питание. Относительно первой настроены оптимистически, а по второму вопросу неисправимо пессимистически. Едим много, хлеба не хватает, постоянное ощущение голода. Ни жиров, ни сладкого. Нет давно табаку и спичек. За последние платим по 3-10 р. за 1 коробку. Часто разговариваем про прежнее питание в духе чеховской “сирены”. Ждем худшего. Душат очереди, да при таком морозе (- 22°C)» (6 дек. 1942 г.; Там же. Л. 3). “Утром Н[аталья] В[икторовна] в 9 1/2 ч. записалась в очереди (на ладони) под № 1032. Я получил хлеб в 4-м часу вечера. Помешала тревога. После получения б[ыли] новые тревоги. Одна застала меня в дороге. А около булочной стояла толпа еще в тысячу человек” (14 нояб. 1941 г.; Д. 14. Л. 24-24 об.). “Настроение поганое: все хочется есть. Чувствую, как слабеют силы и старость завладевает мною не шутя. За мороженую жратву приходится отдавать последние сбережения. Все должно окончиться очень печально: медленным умиранием, т.е. худшим видом смерти” (20-21 февр. 1942 г.; Д. 15. Л. 29 об.-30). “Так большая часть дня уходит на бесплодные усилия прокормить себя. И больше никакой думы. В полном разгаре мешочничество, как это переживали мы в 1918-19 гг. Но тогда было легче: у нас были вещи и в деревне были зажиточные.

Что-то дальше будет? Стоит ли жить и переносить навязанные страдания?” (17 марта 1942 г.; Там же. Л. 35 об.).

Пытаясь с отчаянием отыскать ответ на вопрос, волновавший многих, в чем же причина такой неорганизованности и бедственного положения на продовольственном фронте, Смирнов констатировал: “Безобразная постанова с получением продуктов вошла в быт задолго до войны. Госторговля удобна для фиска, слов нет. Безо всякого согласия законодат[ельных] органов кто-то повышает цены, т.е. взимаются дополнительные налоги. С этим люди мирятся. Но необычайно удручает всех безалаберщина и недисциплинированность постановки дела. Население измучено, страдает из-за его чудовищно дикой постановки. Все время уходит на стояние в очередях и рыскание по магазинам. Сколько непроизводительной затраты сил на самое элементарное дело, о чем при прежнем способе торговли никто ничего подобного не испытывал. Не пора ли снять с населения эту тяжесть и найти более пригодный способ снабжения. Всем надоело, все ждут перемены” (18 дек. 1941 г.; Там же. Л. 9 об. — 10). И еще: «Безбедно живут люди, причастные [к] торговле и пищевой промышленности. Тащат не только себе, но и знакомым. В ходу поговорка: “Не ищи брата, а ищи брата”» (27 дек. 1941 г.; Там же. Л. 15).

Тяжелым горем в душе Михаила Ивановича и Натальи Викторовны отозвалась болезнь и преждевременная смерть их единственного сына — Всеволода. После безвременной скончавшейся в 1933 г. дочери Софии он оставался единственной опорой их старческой жизни. Жестокая болезнь, постигшая Всеволода с конца августа 1941 г., постоянно прогрессировала. Почти ежедневные, в суровые морозы, поездки полуголодных стариков-родителей к нему, находившемуся на

излечении в московской больнице, стали своего рода их негромким подвигом. “Н.В. была у Севы. Новая беда — у него двустороннее воспаление легких. Бедный страдает. Послал ему свои заслуженные валяные сапоги, ездившие со мной от Переславля до Тогура, и обратно...” (30 окт. 1941 г.; Д. 14. Л. 8). “Навещал Севу. Ужаснулся, увидя его с опухшим лицом. [...] Бедный мой, неужели его участь как Сонечки моей. Что же это? Почему мои дети такие хрупкие? Ни я, ни Н.В. не больные, а долговечные люди. М[ожет] б[ыть], несчастный Сева несет на себе последствия той эксплуатации, какая выпала теперь на долю всей молодежи. Его образ преследует меня” (5 нояб. 1941 г.; Там же. Л. 20 об.). 17 ноября 1941 г. Всеволода не стало. “Страшная весть. Н.В. возвратилась во 2-м часу и, заплакав, склонилась на мое плечо со словами невыразимой утраты: милый Сева умер сегодня в 8 ч. утра на ее руках. Она продежурила у него всю ночь и приняла последний его вздох. Бедный мой мальчик. Помер 31 г. Талантливый работник, любимец товарищей и начальников умер так рано, не видав в сущности жизни. Он был единственной опорой нашей жизни. Зачем живем теперь мы, старики, осиротелые, бездетные и никому не нужные?! Зажились. Долголетие тоже наказание, как ясно из нашего примера” (Там же. Л. 26-26 об.).

Всеволод по профессии был инженер-конструктор и в ней подавал выдающиеся надежды, однако, как отмечал Михаил Иванович, по присущей ему скромности никогда не рассказывал о своих успехах и достижениях. О многих из них отец впервые узнал только в день похорон сына от его коллег по работе. А потом с горечью записал в дневнике: “Оборвалась высококвалифицированная сила. Угробили его условия современной работы. Вечно напряжение чрез силу, до изнурения и истощения. Отказ от курортов и домов отдыха. [...]”

Милый мой, ты один из действительных героев, работавших с честью на своем посту. Ты прожил только 1/2 жизни и умер, не успев сформироваться в крупную величину. Но твое дело не пропало, оно будет служить Родине и после тебя” (20 нояб. 1941 г.; Там же. Л. 9).

Смерть любимого сына, так потрясшая Михаила Ивановича, не раз потом наводила его на мысли о превратности своей собственной судьбы, ничемности дальнейшей жизни. “Моя жизнь, как предсказала когда-то питерская хиромантка, д[олжна] окончиться печально. Действительно, до 30-го года я был счастлив своей работой в Переслав[ском] музее и своими прекрасными детьми. С 1930 г. я потерпел за счастливые 12 л[ет] в Переславле ссылкой, после же, в промежуток с 1938 г. по 1941 г., я безвозвратно потерял дочь и сына, единственных моих детей. Соня — в Новодевичьем кладбище, Сева — в Раменском... Какую кару готовит мне еще судьба?” (18 нояб. 1941 г.; Там же. Л. 26 об.-27).

Увы, еще одной тяжелой утратой для Михаила Ивановича стала неожиданная смерть его родного брата — Василия Ивановича Смирнова, известного деятеля костромского и архангелогородского краеведения⁵. “Потрясающее известие: получил письмо от Л.С. Китицыной⁶, что умер (21/X) от разрыва сердца мой любимый брат В.И. Невознаградимая потеря. Сколько моих планов уничтожила эта смерть. В память его подберу его письма, напишу комментарии и сброшюрую для Литер[атурного] музея. Помогу Л.С. ликвидировать [так!] его научное наследство” (6 нояб. 1941 г.; Там же. Л. 21 об.). Михаил Иванович был на 14 лет старше своего брата, и это давало ему надежду, что именно тот сможет позаботиться о его собственном научном архиве. Но вышло совершенно иначе. “Несколько дней как привожу в порядок письма брата В.И., сшил, комментирую, намереваясь потом поместить их в Литературном музее” (16 нояб. 1941 г. Там же. Л. 25 об.).

⁵ См. о нем: Китицына Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // Сов археология. 1968. № 4. С. 239-243; Сизинцева Л. Василий Иванович Смирнов (1882-1941) // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1992. Вып. 3. С. 263-276.

⁶ Лидия Сергеевна Китицына — жена В.И. Смирнова.

Спустя некоторое время, 28 января 1942 г., Михаил Иванович посетил музей с целью выяснить в нем возможность принятия на хранение архива брата и его собственных рукописей. Однако здесь его ждала “неожиданность”. “[В.Д.] Бонч-Бруевича давно отставили от директорства и весь рукописный материал забран Центрархивом, даже взяты из б[иблиоте]ки книги с надписями авторов. Никаких покупок у авторов, как это было раньше, музей не производит. Ударило это меня в двух направлениях. Нельзя пристроить рукописи и письма Вас[илия] Иван[овича], а потом мои. Я надеялся, что все неизданное будет после моей смерти продано сюда и все будет цело, все со временем использовано для науки.

Советуют с этим делом обождать и ничего не предпринимать. Самое бы лучшее — хранить дома. Но у меня ни кола, ни двора и нет наследников, способных хранить мои рукописи. Возможно, что суждено пропасть всему... Нужно узнать, не оставлены ли архивы библиотекам и Историческому музею?” (Д. 15. Л. 24-24 об.).

Выражение тревоги и беспокойства за судьбу архива брата, его семьи — одно из самых эмоционально напряженных мест на страницах дневника. «По возвращении домой получил ужасное письмо из Архангельска от Лидии Сергеевны. Называет его “последним письмом”, так как с голода настолько расстроила свое некрепкое здоровье, что нажила декомпенсированный порок сердца, опухла, — и пишет об этом с эпическим спокойствием, как покорная индусская вдова. Ни капельки протеста и возмущения. Удивляюсь ей, — ведь у ней две заботы: на руках 7-ми летняя Таня и литературное наследство брата. Куда все это попадет и какова будет судьба той и другого? Бедный Вася: на нем только все держалось и с ним вместе померет. Кровью обливается сердце при таких вестях, и как скованный не можешь шевельнуть рукой, чтобы помочь им. Море страданий в тылу, в дали от фронта...» (24 апр. 1942 г.; Там же. Л. 30 об.).

Письмам В.И. Смирнова, о которых проявил трогательную заботу Михаил Иванович, так и не суждено было стать достоянием рукописного хранилища Литературного музея. К счастью, они уцелели и хранятся в фонде М.И. Смирнова в ГАЯО, составив отдельное архивное дело⁷. Эта переписка представляет собой тщательно подобранные, систематизированные по хронологии и прокомментированные М.И.Смирновым письма к нему от Василия Ивановича за 1938-1941 гг. (всего 54). Сюда же подшиты и некоторые письма Л.С. Китицыной, упоминаемые Михаилом Ивановичем в дневнике. Данная подборка писем последнего периода жизни В.И. Смирнова является важным и неотъемлемым дополнением его широко известного эпистолярного архива, хранящегося в ГИМ⁸.

М.И. Смирнов был знаком со многими видными представителями отечественной исторической науки, его дневник запечатлел некоторые эпизоды из жизни научной элиты в суровую пору войны: “Получил известие о наших историках: С.В. Бахрушин и Ю.В. Готье уехали в Ташкент, С.Б. Веселовский, [В.Д.] Греков, [Д.М.] Петрушевский и др. — в Казань. Отсюда все направляются в Ташкент, где будет весь Институт истории АН.

Умерли от рака А.И. Заозерский в Ярослав[ской] области, Е.А. Мороховец — в Боровске.

С.Б.Веселовский бросил на произвол судьбы свои рукописи в Н. Гиреев и теперь шлет мольбы спасти их. Но что можно сделать? Зря струсил, не ожидал” (27 нояб. 1941 г.; Д. 14. Л. 12).

Интересен эпизод посещения Смирновым в с. Коломенском И.Ф. Барщевского, старейшего русского фотографа и исследователя древней архитектуры. “Навестил прежде всего Барщевских. Оказалось — старики живы и здоровы.

⁷ См.: ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 28.

⁸ См.: Филимонов С.Б. Эпистолярный архив В.И.Смирнова // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 315-323; Сизинцева Л.И. Переписка В.И.Смирнова как источник по истории “уездного краеведения” 1920-х гг. // Мир источниковедения (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М; Пенза, 1994. С. 336-340.

Ему 91-й год, а пилит дровишки и мастерит. Оба обрадовались мне и заплакали, когда я рассказал о своих горестях. Она угостила меня чаем с яблочным вареньем и ломтиками черного хлеба” (26 февр. 1942 г.; Д. 15. Л. 32).

Наиболее тесными и дружескими отношения у Смирнова были с Алексеем Ивановичем Яковлевым, членом-корреспондентом Академии наук, крупным исследователем социально-экономической истории средневековой России. «Письмо от А.И. Яковлева от 23/ХП. Шло от Москвы 9 дней. Кроме сердечного сочувствия по поводу смерти Севы — дружеское предложение заработка путем участия в сборнике “Великие предки”. Сердечно этому рад...» (1 янв. 1942 г.; Там же. Л. 17). Действительно, Михаил Иванович очень живо откликнулся на это предложение научной работы, ибо для него она всегда была не только “заработком”, но и способом интеллектуального существования. И даже не добившись от “органов” необходимой справки на проезд в Москву (о чем говорилось выше), он *незаконно*, но все же попадает в столицу. «Яковлевы встретили сердечно, по родственному. Много расспрашивали о Севе. А.Ив., переходя к делу, о котором писал, предупредил меня, что я в сущности опоздал, — все роздано ГИЗом. Сам он, как единственный акад[емик] историк, состоит редактором серии “Великие предки”. Но все дело зависит от Льва Израил[евича] Лазаревского...» (7 янв. 1942 г.; Там же. Л. 19 об.). Лазаревский, с которым в этот же день в издательстве произошла встреча, предложил Смирнову составить план брошюр об Иване Сусанине и генерале М.Д. Скобелеве. “Вечер и ночь у Яковлевых. Штудировал биографич[еский] словарь и составил план брошюр. [...] Утром окончательно отредактировал и, получив одобрение А.И., отправился в ГИЗ” (7, 6 янв.; Там же. Л. 20).

С этих пор приезды Смирнова в Москву становятся регулярными. Любопытен его рассказ о посещении “Исторички”. “Направился первым делом в Гос[ударственную] Ист[орическую] Библиотеку, возобновив входной билет и, по случаю отсутствия контроля на месте, прошел прямо в читальный зал СССР. Заказал книги о Сусанине и Скобелеве. О первом что-то нашлось, а о втором из фонда оказалось упакованным и, как мне разъяснили, будет распаковано только по восстановлении мирного времени. Значит, работать еще нельзя.

А на другой день обнаружилось еще важное качество: контролериха, проверявшая пропуски, потребовала у меня паспорт и командировку. Выходит, ловушка для неосторожных.

Пришлось поскорее отрясти прах от ног своих и забыть думать, что можно что-то сейчас работать литературно. Требуется совсем другое поприще” (28 янв.; Там же. Л. 23 об.-24).

Смирнов, часто бывая в доме Яковлевых, оставил в своем дневнике интересные, характеризующие время, заметки о жизни ученого и его семье. “К вечеру поехал я к А.И. Яковлеву. Попал на его именины. В обычно гостеприимном доме, где никогда не скупилась убогость, на этот раз угостили меня чайком без сахара с маленьким ломтиком хлеба. О.А. привезла при мне обед из дома ученых, ибо у себя готовить не из чего. К обеду, понятно, меня не пригласили, как делали это раньше. Явное оскудение. Дом не топят. Электрич[еского] освещения нет. Принимали на кухне, как самой теплой комнате, где подтапливают плиту. В ответ на мои рассказы о Л[идии] Сер[геевне] узнал о множестве смертей от голода в Ленинграде, о мучениях знакомой русской, вышедшей замуж за немца Поволжья и т.д. [...]

С А. Ив. в этот день был обычный приступ его болезни. Но затем прошел, и он пригласил меня к себе, чтобы порадовать о своей победе над Лазаревским. Убежден, что мой план о Скобелеве будет принят и мне дадут 1 — 1 1/2 листа для статьи о нем. Удивительная энергия у человека, редкая и счастливая способность. Без него пропало бы дело. Особенно рад он, что протащил в Москву [Л.В.] Черепнина. Сообщил мне о смерти Ник. Влад. Голицына, скончавшегося от голодухи. В последнее время [он] выпрашивал у Яковлевых по кусочку хлеба.

Так-то кончил дни б[ывший] директор госуд[арственного] архива” (25 февр.; Там же. Л. 31-31 об.).

Невеселые предчувствия М.И. Смирнова относительно требуемого тогда “другого поприща”, к сожалению, полностью оправдались. 10-11 марта он записал в дневнике: “А.И. Яковлев, старавшийся протащить статью о Скобелеве, в конце концов получил отказ. Так моя работа в ОГИЗе и рухнула окончательно” (Там же. Л. 34 об.).

Однако и позднее Михаил Иванович стремился не прекращать “работать литературно”. В августе 1942 г. он предложил в Гослитиздат две свои рукописи, над которыми работал еще до войны: “Сергий Радонежский в жизни и легендах” и “Колыбель Москвы”⁹ — “обе темы, — как он замечал, — актуальны”. Через месяц Смирнов в издательстве получил отрицательный ответ. «Ни о Сергии, ни о Москве мои работы в Гослитиздате не прошли. Какой-то цензор встретил их в штыки. Об оригинальности работ, их положительных сторонах ни слова. “Тяжел слог”. “Непатриотично о Сергии”, — за то, что я снижаю его роль в Куликовской битве, основываясь на изучении источников¹⁰. Раньше за Сергия в Загорске взяли [бы] за вороток и выкинули вон. В ГАИЗе стучали краски его отрицательных сторон. А теперь бранят за это. Так tem[pora] mutantur¹¹. Любопытно это...» (22 сент. 1942 г.; Д. 16, Л. 19).

Это было “любопытство” все видящего и все понимающего в происходящей действительности, умудренного жизненным опытом человека. Спустя всего несколько дней, в день рождения Михаила Ивановича, в его дневнике появятся строчки, которые нельзя без волнения читать. Наполненные трагизмом и горькой печалью, — в них слышен итог его жизненному поприщу. “28.IX. День моего рождения. Пошел 75-ый, м[ожет] б[ыть], последний год. По горло сыт жизнью. Все видел: и радость, и бездну горя. Был молод и не лишен энергии. Сейчас — слабеющий с каждым мигом старик, утративший всякий интерес к жизни. Чувствую одну лишь тяжесть ее. Надоело жить и жду смерти-избавительницы. Часто думаю о самоуничтожении. До омерзения тошно и противно тянуть изо дня в день унылую и беспросветную привычку и потребность к еде, заботу чисто зоологическую. Сколько суеты, хлопот и усилий требуется ежедневно, чтобы изготовить кушанья, чай, получить хлеб и пр., а в результате полуголодное существование. Из-за чего жить? Проклятие, а не жизнь.

Тоскливее всего вечером. Сижусь с ночником. Ни читать, ни писать” (Там же. Л. 20 об.).

Дневник М.И. Смирнова — это прежде всего человеческий, личный документ. В нем запечатлена судьба русского интеллигента, ученого, преданного патриота своей малой родины, беззаветно любящего Родину большую — Россию. Боль и страдания Отечества — это боль, постоянно щемящая в его сердце. В дневнике сквозь призму личных восприятий дан целый срез “неофициальной” жизни советского общества в суровую годину Великой Отечественной войны, стирающий многие штампы и мифы о нашей тогдашней действительности. Как исторический источник дневник М.И. Смирнова позволяет пробиться сквозь эту толщу идеологических напластований, увидеть реальную повседневную жизнь народа, услышать его мысли, понять чаяния простых людей.

Предпринятый краткий обзор дневника М.И. Смирнова убеждает в необходимости дальнейшего его изучения и публикации, впрочем, как того заслуживает и все научное наследие выдающегося провинциального историка.

⁹ Рукописи хранятся в ГАЯО: Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 4 (“Радонежские легенды и были XIV-XV вв.”); Д. 12 (“Родина Москвы”).

¹⁰ Этот анонимный отзыв см.: Там же. Д. 17. Л. 14-15.

¹¹ Меняются времена (лат.).

АРХИВ МОСКВОВЕДА П.Н. МИЛЛЕРА В ОПИ ГИМ

Мы его ценили при жизни, но вполне почувствовали его значение только после смерти...

С.К. Богоявленский

Значение деятельности Петра Николаевича Миллера для краеведения Москвы, обаяние личности этого человека очевидны как для людей, знавших его при жизни, так и для тех, кто знакомится с ним по научным трудам и архивным документам полвека спустя после его смерти. И чем дальше уходит от нас эпоха, в которую выпало на долю жить, любить и изучать Москву Петру Николаевичу, тем большее внимание привлекает и его биография, и его творческое наследие: о нем почти не писали, когда отмечали 800-летний юбилей Москвы, но в канун 850-летия это имя с глубокой признательностью упоминается все чаще. Одной из первых стала публикация группы материалов, помещенных в сборнике “Краеведы Москвы”¹. В них рассказано в общих чертах о биографии П.Н. Миллера и о его заслугах перед москвоведением, названы темы докладов, зафиксированных в протоколах заседаний “Старой Москвы”.

Теперь уже ясно, что в краеведении Москвы 1920–1930-х гг., когда, собственно, и были подготовлены основные научные достижения в изучении истории Москвы, П.Н. Миллер был, по выражению М.Г. Рабиновича, закоперщиком каждого дела, каждого направления москвоведения – от изучения исторической подосновы города и создания многотомной истории Москвы до работы со школьниками. С краеведением Москвы связан каждый день его жизни в течение тридцати одного года: впервые он пришел на заседание “Старой Москвы” 14 января 1912 г.², а умер в начале января 1943 г., почти день в день. 9 января 1943 г. его рукой была сделана последняя запись³ – распоряжение о перечислении сбережений и пенсии на строительство авиасоединения. Почти все, что он написал между этими двумя датами, – научные труды, тексты докладов и статей, письма, дневники и многое другое – хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 134). Эти материалы неизбежно привлекут внимание исследователей любой москвоведческой тематики, будь то составление научных биографий москвоведов (не только самого П.Н. Миллера), изучение застройки Москвы и ее памятников, истории краеведения и т.д., окажут практическую помощь, например, в составлении маршрутов экскурсий по Москве.

Биографические документы, отложившиеся в фонде, бесценны уже тем, что по ним сквозь призму жизни такого талантливого и энергичного человека, каким был П.Н. Миллер, можно проследить бурную порой трагическую, порой героическую, историю нашей страны, потому что сам Петр Николаевич был всегда в гуще событий. Он участвовал в революции 1905 г. и был политическим заключенным Бутырской тюрьмы; в 1917 г. – первым избранным, а не назначенным, директором московского почтамта; чуть не умер от голода в гражданскую войну; приговорен к высылке как “социально опасный” элемент в 1935 г. и чудом высылки избежал; был летописцем Москвы в страшном 1941 г. – и все это на фоне каждодневного научного труда, не прекращавшегося даже в одиночной

¹ Краеведы Москвы (историки и знатоки Москвы). М., 1995. Вып. 2. С. 100–119.

² ОПИ ГИМ. Ф. 134. Д. 184. Л. 176.

³ Там же. Д. 177. Л. 29.

тюремной камере, даже на больничной койке (о чем свидетельствует его дневник). Несомненно, что более широкое использование документов фонда откроет не только их познавательные, но и воспитательные возможности – мало найдется людей, которые так любили и знали Москву, как П.Н. Миллер, умели так работать. “Мы вовсе не должны ждать каких-то предложений. Не будет беды, если мы в своих работах не все и не всегда будем выполнять безошибочно, ошибки всегда можно исправить. Главное – надо делать, не болтать, не жаловаться, а приступить к работе. Надо поспевать за жизнью, а не отставать от нее”, – писал он⁴.

Фонд невелик, в нем всего 411 ед.хр., и 121 из них – это творческие материалы самого Петра Николаевича, которые можно систематизировать по нескольким разделам. Первый раздел составляют исследования, связанные с историей Москвы, ее памятниками. Открывается он рукописью доклада на заседании “Старой Москвы” от 3 июня 1919 г. (чернила, листы из школьной тетради) – “Церковь св. великомученика Георгия, что в Лучниках, в Москве”⁵. Поводом к нему стала дискуссия на одном из предыдущих заседаний о названии местности – “Лужники (Лушки)”, или “Лучники”. Поразительна и поучительна обстоятельность доклада, хотя сам Петр Николаевич пишет, что цель у него была узкая – “собрать сведения о происхождении названия”. За разъяснениями он обращался к “о[тцу] диакону Н.П. Виноградову, знатоку московских церквей”, организовал обследование самой церкви москвоведом, а главное – изучил множество материалов, в которых и нашел необходимые сведения: “1) В приходных данных окладных книг Патриаршего казенного приказа за 7136 г. (т.е. 1628 г.) значится церковь святой Егорей в Лучниках; 2) в Строельной книге церковных земель 7165 г. (т.е. 1657 г.) – церковь Георгия Стратотерпца, что в Лучниках; 3) в книге по сбору мостовых денег – церковь великомученика Георгия, что в Лучниках; 4) так же названа церковь в именной подушной книге (переписная духовенства) за 1722–1726 гг.”⁶ Это же название обнаружил П.Н. Миллер в материалах Н.А. Скворцова, в книгах П.В. Хавского, М.И. Александровского, в “Путеводителе архимандрита Иосифа” 1882 г. и др. Далее приведены еще 8 названий церкви, которые встречаются в каком-либо одном источнике, дан подробный анализ документа “О первоначальном образовании прихода”, хранящегося в самой церкви, и только после этого обоснован вывод о происхождении названия урочища “от поселения воинов, вооруженных луками, коих слободы составляли приход. Вероятно, лучники были не только прихожанами, но и основателями церкви”. Вторая часть доклада посвящена сведениям, которые имеются в летописи церкви – о времени ее постройки (“определить, в каком году и даже в каком столетии построена церковь, – трудно, но за трехсотлетие каменного существования ручаться можно”); о строениях церкви, ее облике, перестройках, иконах и стенной росписи. Очень интересны сведения о количестве церковной земли в разное время, о том, кто жил в приходе. П.Н. Миллер в росписях и исповедальных книгах обнаружил, что в приходе жили известные люди, например, Л.Ф. Магницкий или Бахрушины, выяснил, что фамилии владельцев дворов в приходе быстро менялись, в частности, в перечнях дворовладельцев 1620, 1638 и 1716 гг. неизменно встречается только одна фамилия – Змеев (думный дворянин, окольный, некоторое время состоял на службе у князя Черкасского). Скрупулезное изучение исповедальных книг позволило докладчику сделать вывод о том, что “наблюдая жизнь на таком маленьком пространстве огромного города, мы тем не менее видим одну и ту же картину: дома постепенно переходят к купечеству. Купечество, торговые люди заселяют эту местность”⁷.

⁴ Миллер П.Н. Наш первый долг // ОР РГБ. Ф. 177. К. 46. Д. 20. Л. 1.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 134. Д. 1. Л. 1–15.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 14.

Так же тщательно и подробно, но с более “практическим” уклоном, исследует П.Н. Миллер историю другого известного памятника – Сухаревой башни, что, кстати, вызвало некоторую полемику с П.В. Сытиным⁸. Поводом к исследованию, как указано в докладе, стало “столетие эпизода из жизни Сухаревой башни. Этот эпизод – решение воспользоваться башней для водоснабжения Москвы. Кратко и ясно он изложен в поступившем на днях от А.А. Бахрушина в “Старую Москву” документе – копии с “Выписки из журналов Комитета министров 1 и 22 июня 1826 г.”⁹. Доклад не только об истории Сухаревой башни, но и о местности вокруг нее, был сделан 26 января 1926 г. на заседании Архивно-библиотечной комиссии при Московском коммунальном музее. В 1933 г. Петр Николаевич предложил план издания книги “Москва с Сухаревой башни”. Он писал: “Если посмотреть на план Москвы в современных ее границах, мы увидим, что центр ее приходится как раз на Сухареву башню, почему панорама Москвы, развертывающаяся из 8 окон верхнего ее этажа, охватывает весь город со всеми ближайшими окрестностями одинаково во все стороны. Поэтому и возникло предложение использовать вышку-шпиль Сухаревой башни, который представляет из себя восьмиугольную комнату со столкими же громадными окнами, начинающимися прямо от пола¹⁰”, для описания Москвы по восьми секторам. Это совершенно уникальная работа: на каждый сектор выполнен план с нанесенными на него ориентировочными точками – высокими сооружениями, массивами отдельных построек, купами зелени и так далее; дано подробное описание секторов с перечислением входящих в них административных районов вместе с улицами и переулками, слобод и урочищ, отдельных сооружений. Этот “план”, по сути дела, уже и есть описание Москвы 1933 г. Интересно, какой могла бы стать книга “Москва с Сухаревой башни”, если бы башню не сломали в 1934 г.?

Так же исчерпывающе, но не топографически (по секторам), а как бы тематически П.Н. Миллер описал Москву 1939 г. в рукописи, состоящей из трех толстых общих тетрадей, под названием “Москва. Описание для архитектора”¹¹. О полноте сведений, приведенных в рукописи, говорит уже оглавление: хозяин столицы (о московской власти); население; статистические сведения о современной Москве; организация планировки и строительства; строительная промышленность; городское хозяйство; здравоохранение; электрификация и теплофикация; газификация; телефон; мостовые; мосты и набережные; освещение; пожарная охрана; транспорт; наше метро; канал Москва–Волга; железнодорожный узел; зеленое строительство; парк культуры и отдыха; детские парки; жилищное строительство; школы, клубы, театры, кино, планетарий; стадионы; фабрики-кухни и хлебозаводы. Эти описания Москвы, безусловно, ценнейший источник для изучения истории города 1930-х гг.

Петр Николаевич в совершенстве владел сведениями о каждом московском районе, улице, вероятно, и о каждом доме. В фонде хранится рукопись и машинописный вариант описаний Москвы по районам¹². Представлены Бауманский, Замоскворецкий, Краснопресненский, Пролетарский, Сокольнический, Хамовнический районы. О каждом из них приведены следующие данные: состояние экономики (как на территории района существуют предприятия, как они работают и что выпускают), история урочищ, происхождение их названий, происхождение названий улиц и переулков, владельцы домов до конца XIX века. Две единицы хранения, в 166 и 203 листа¹³, содержат списки домов Москвы с указанием

⁸ Там же. Д. 9. Л. 61.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 53.

¹¹ Там же. Д. 24.

¹² Там же. Д. 17–22.

¹³ Там же.

приходов и домовладельцев. Исследовал он также историю Глазной больницы, Бутырской тюрьмы, других памятников, причем обязательно подробно рассматривал не только историю самого сооружения, но и историю окружающей местности.

Большую ценность для исследователей представляют картотеки, составленные П.Н. Миллером. Это каталог карточек на снимки Москвы по изданиям Н.А. Найденова, сделанный в 1919 г.¹⁴; 284 карточки московских улиц, расположенные по алфавиту, с указанием домов, в которых жили известные люди¹⁵; много полезных сведений содержат 639 расположенных по алфавиту карточек церквей и монастырей, в которых указаны название церкви, ее местоположение, когда и кем построена, какие имеет приделы, в некоторых случаях даже имена служителей¹⁶; возможно, специалистов заинтересует обширная картотека промышленных предприятий и полезных ископаемых Москвы и Подмосковья¹⁷.

Много лет жизни отдал Петр Николаевич работе над капитальным трудом по истории Москвы. В соответствии с требованиями тогдашнего времени, книга планировалась состоящей из трех частей: Москва феодальная, Москва капиталистическая, Москва социалистическая. Работа над первой частью книги началась еще в Бутырской тюрьме. 202 страницы рукописи на листах, исписанных с двух сторон, со вставками и исправлениями, сшиты в тетрадь с черной клеенчатой обложкой, на этикетке написано: “Московская центральная пересыльная тюрьма. Мужская одиночная камера 109. П.Н. Миллер”¹⁸. Уже название первой части “Основание Москвы-поселка и Москвы-города” необычно, т.к до этого мало кто искал разницу в понятиях поселок и город. Детально, обстоятельно рассмотрены легенды об основании Москвы, и не только общеизвестные, а и о Вуколе, Олеге и т.д. Любопытно объяснение Петром Николаевичем происхождения имени города: «Название, данное князем Юрием своей усадьбе в 1147 г. в приглашении князю Святославу, “Москва” можно объяснить тем, что по завладении ею, вероятнее всего насильственным, он не захотел называть ее “Кучково”»¹⁹. Далее он подробно пишет о рельефе местности, географическом положении, почвах, растительности, животном мире, этнографии древней Москвы. Рукопись скреплена сургучной печатью и подписью начальника тюрьмы.

Тема истории Москвы получила продолжение в 1930 г., когда были написаны объемные работы “Москва дворянская” (история города за XIV–XVIII вв.) и “Буржуазная Москва” (XIX – начало XX века)²⁰. Последняя работа идеологически выдержана в духе времени, большая ее часть отведена описанию тяжелой жизни московского пролетариата, но в то же время систематизированы сведения по истории здравоохранения, образования, транспорта, освещения и т.д. в Москве. Замечательно написан, например, раздел “От линейки к трамваю”. Очевидно, уже упоминавшуюся рукопись “Москва. Описание для архитектора” можно рассматривать как заключительную часть труда по истории Москвы “Москва социалистическая”.

П.Н. Миллер неоднократно возвращался к работе над темой “Москва в 1812 г.”. Им было написано “Введение к сборнику материалов о борьбе русского народа с Наполеоном” (в фонде хранится и рукопись, и машинописный вариант)²¹, где имеется много интересных сведений о московском пожаре, по-

¹⁴ Там же. Д. 115.

¹⁵ Там же. Д. 117.

¹⁶ Там же. Д. 119–120.

¹⁷ Там же. Д. 121.

¹⁸ Там же. Д. 15.

¹⁹ Там же. Д. 26.

²⁰ Там же. Д. 16.

²¹ Там же. Д. 28.

ведении французов в Москве и т.д. В том же ключе написана рукопись статьи “Москва в представлении французов, посетивших ее в 1790–1792 гг.”²², анализирующая в основном мемуарные источники. Петр Николаевич отмечает, что мемуаристы мало писали о московских достопамятностях, но зато в деталях освещали быт и общественные отношения, этим-то их мемуары и интересны.

Отложившиеся в фонде материалы показывают многообразие научных интересов П.Н. Миллера. Так, у него есть работы о московских медалях, картинной галерее Е.Д. Тюриня, иконографии Малого театра. Привлекает внимание указатель усадеб Московского уезда, составленный им в 1925 г., где по алфавиту перечислены 535 усадеб и их владельцы в XVIII–XIX вв.²³ Большинство миллеровских работ не опубликовано.

Следующий раздел материалов фонда – работы П.Н. Миллера по картографии, где “он применил плодотворный метод наложения планов”²⁴. Петр Николаевич составил список всех известных планов и чертежей Москвы с рубриками: год, наименование, кто составил, когда, где и кем издан, что указано (вся Москва, ее части, отдельные строения) и даже кто из москвоведов и в каких изданиях на эти планы ссылается²⁵. Он скопировал и подробно описал планы и чертежи Москвы с 1606 г. Эти документы составили с 39 по 44 ед.хр., а в дд. 47 и 48 собраны карты и планы Москвы, изготовленные самим Петром Николаевичем в 1929 году. В качестве примера можно привести план Кропоткинской улицы (Пречистенка), составленный 28 октября 1929 г., который сравнивается с планом 1849–1850 гг. На большом листе плотной бумаги вычерчены планы всех владений на улице и в прилегающих переулках (с указанием точных размеров, масштаба). Кроме того, приведена история названия улицы, указаны прежние владельцы домов, современные учреждения, этажность зданий, наличие садов, количество жильцов, торговые предприятия – государственные, кооперативные, частные. Иногда трудно поверить, что такие подробные сведения о московских улицах и домах, ставшие ценным источником по истории Москвы 1920-х гг., собраны одним человеком.

В 1930-е годы, когда “Старую Москву” разогнали, а Московское областное бюро краеведения занималось чем угодно, но только не историей Москвы, начался новый период и в творчестве П.Н. Миллера. Один из разделов материалов фонда – экскурсии, составленные Петром Николаевичем. Их в свою очередь тоже можно разделить на несколько типов. Во-первых, это маршруты по историческому центру Москвы, во-вторых, по новым районам и, в-третьих, “по промышленным гигантам”. Основная работа по обоснованию и составлению маршрутов экскурсий была проведена в 1929–1931 гг., их тематика отражена в д. 212, а тексты экскурсий собраны в дд. 214–225. Они написаны очень увлекательно и легко читаются. В них приводится история местности, по которой проходит маршрут, обоснование маршрута, описание и история всех сколько-нибудь примечательных памятников. Особой ценностью для нас стали описания тех памятников, которые не сохранились до нашего времени. В своих утверждениях, касающихся московской истории или топонимики, Петр Николаевич часто был ближе к сегодняшним специалистам, чем к своим современникам: так, он решительно пишет о Китайгородской стене, что “название ее никакого отношения ни к китайцам, ни к Китаю не имеет”²⁶, тогда как П.В. Сытин примерно в то же время производил это название от монгольского “средний”, вслед за традицией XIX в. Ес-

²² Там же. Д. 12.

²³ Там же. Д. 6.

²⁴ Рабинович М.Г. Неутомимый москвовед // Краеведы Москвы (историки и знатоки Москвы). С. 100.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 134. Д. 45.

²⁶ Там же. Д. 214. Л. 3.

ли экскурсии проводились в какие-либо торжественные дни, то в текстах это отражено, например, экскурсия по Сокольникам 4 мая 1931 г. имеет эпиграф “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и в текст включен рассказ о первомайских праздниках²⁷. Экскурсии могли быть не только пешими, но и автобусными, а также Петр Николаевич разработал тематику и методику проведения экскурсий по Окружной железной дороге, которые имели большой успех²⁸.

В связи с пушкинским юбилеем он начал разрабатывать экскурсии и готовить путеводитель “По пушкинской Москве”. В 1936 г. Петр Николаевич писал: “Мест, где жил Пушкин в Москве, известно 15, где бывал – 97, всего 112. Сохранилось 58 и не сохранилось 54”²⁹. (Сколько сохранилось этих мест сейчас, через 60 лет?) Он подготовил большую трехчасовую кольцевую автобусную экскурсию по пушкинским местам (рукопись в 7 общих тетрадях, чернила, листы исписаны с двух сторон, с поправками и вставками). Маршрутов пешеходных экскурсий несколько: ул. Метростроевская–Кропоткинская (Остоженка–Пречистенка); ул. Фрунзе (Знаменка) – Арбат; ул. Герцена (Большая Никитская) – Красная Пресня; ул. Горького (Тверская) – Грузины; Дмитровка и Петровка; Кузнецкий Мост; Самотека; Мещанские улицы; ул. Кирова (Мясницкая) и Покровка; ул. Бауманская и Басманная. Вот как обосновывает один из этих маршрутов Петр Николаевич: «Ул. Фрунзе–Арбат. Маршрут включает в себя 3 места, где жил А.С. Пушкин, и 13, где он бывал. Хронологически посещение этих мест относится ко всему тому десятилетию, в течение которого Пушкин вообще бывал в Москве, то есть с 1826 г. по 1836 г. Ни с Дорогомиловым в целом, ни с урочищами “Пески” и “Щепы”, расположенными между бывшим Смоленским рынком и рекой Москвой, имя Пушкина не связано. [...] Пройдет маршрут по Кречетниковскому переулку, Собачьей площадке, ул. Фрунзе, Волхонке, Гагаринскому и Калошину переулкам и Арбату с заходом в соседние переулки»³⁰. А так строился рассказ о доме на Собачьей площадке, которой уж нет теперь: “Трудно, конечно, поверить, чтобы стоящая перед нами развалина д. 12 по Собачьей площадке, или 2 по Борисоглебскому переулку, в которой в настоящее время находится нефтелавка, была похожа на какое-то дворянское пристанище, а между тем в 1826 г., когда впервые в этом домике появился Пушкин, он принадлежал дворянке Ренкевичевой, статской советнице, и жил в нем друг и приятель поэта С.А. Соболевский”³¹. Говоря об этом доме, Петр Николаевич приводит и переписку С.А. Соболевского с М.П. Погодиным, и пушкинские стихи, и рассказ о том, как он выглядит на картине А.М. Васнецова и многое другое. Так же интересно, с запоминающимися подробностями, рассказывает он и об остальных пушкинских местах. Причем о тех домах, в которых жил или бывал Пушкин, приведены и чисто краеведческие сведения: когда построен, когда кому принадлежал и т.д. Много сведений о друзьях, знакомых поэта, их родственниках. Заканчивается путь на Арбате, д. 53. Идея создания музея в этом доме, где была квартира Пушкина, принадлежит, вероятно, тоже П.Н. Миллеру. Он писал, что самым “подходящим помещением для дома-музея Пушкина является вышеуказанный дом на Арбате (д. 53), тем более, что при предстоящей планировке Москвы (очевидно, речь идет о Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г. – Т.Р.) он остается вне новой красной линии, которая пройдет по противоположной стороне улицы”³².

²⁷ Там же. Д. 215. Л. 148.

²⁸ Там же. Л. 176.

²⁹ Там же. Д. 214. Л. 236.

³⁰ Там же. Д. 65 Л. 22.

³¹ Там же. Л. 27.

³² Там же. Д. 241. Л. 12.

Через несколько лет, в 1940 г., Петр Николаевич разработал путеводитель “Подмосковье” с описаниями 26 маршрутов экскурсий. Это рукопись в 8 толстых общих тетрадах в клеенчатых переплетах, текст написан чернилами, убористо, с двух сторон³³. В этих текстах, как и в экскурсиях по Москве, приведены все необходимые сведения: история местности, топонимика, описание сохранившихся и исчезнувших памятников и, конечно, обстоятельное обоснование маршрута (одна из тетрадей, например, посвящена А.И. Герцену).

По методике и тематике к экскурсионным работам и путеводителям примыкают миллеровские материалы о жизни и деятельности замечательных людей в Москве, собранные в фонде с 62 до 79 ед.хр. Это доклады в “Старой Москве” и статьи о многих деятелях. Материалы в описи фонда расположены в хронологическом порядке с 1919 по 1941 г. Как правило, в них приводится история жизни человека, значение его деятельности для Москвы, московской культуры, истории домов и местности, с этим человеком связанных. Работы не очень большие по объему, выделяется среди них статья, вернее очерк, о Т.Н. Грановском, написанный по заказу ГИМ в 1938 г. к сборнику его памяти – 168 машинописных страниц.

Так же, как идея создания капитального труда по истории Москвы, через всю “московведческую” жизнь Петра Николаевича проходит тема изучения исторической подосновы города. Совместной работе в этом направлении посвящена часть уже упоминавшейся статьи М.Г. Рабиновича. Велико и творческое наследие П.Н. Миллера, связанное с археологией Москвы. В фонде в особую группу выделены документы за 1933–1938 гг., связанные со строительством метро. Это план работ строительства метро Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), 2 договора с П.Н. Миллером о составлении описаний участков трассы: Покровского радиуса, Каланчевско-Сокольнического, “в районе станции метро Курский вокзал”. Петр Николаевич с присущей ему тщательностью выполнил договорные обязательства, а кроме того составил описания Семеновского, Измайлова, Черкизова. Все 6 томов описаний составлены по определенному плану: история местности, рельеф, природные условия, население, значение для экономики Москвы, подробное описание застройки с указаниями на ценность тех или иных памятников; каждое описание сопровождается многочисленными фотографиями, копиями планов и чертежей. И обоснованием необходимости археологических наблюдений при строительстве метро.

О значении для археологии и истории Москвы “наблюдений” и находок 1934–1939 гг. Петр Николаевич написал ряд статей и докладов (всего 132 машинописные страницы). Он считал, что “благодаря метро археология и история Москвы за 10 месяцев совместной работы получили больше, чем за все прошедшие десятилетия”³⁴. На 8-й *дистанции* метро, в конце Остоженки, важные находки были обнаружены на глубине всего трех метров; точно определили, где было село Семчинское, Красное село, Опричный двор Ивана Грозного: «... следуя указаниям Штадена (ввиду сырости все было засыпано белым песком на локоть в высоту, части света он определял по восходу и закату, а расстояние по ружейному выстрелу), заложили шурфы и нашли прослойку белого мелкозернистого песка толщиной от 10 до 30 см, на расстоянии от современной поверхности 4,5 м, под фундаментом “Калининского дома”»³⁵. Вскрыли подошвенные бой (одноярусные подземные камеры) в Китайгородской стене, до этого они были известны только в псковских башнях. Удалось выяснить глубину и ширину, точное направление рвов Белого и Земляного города. Петр Николаевич отмечал,

³³ Там же. Д. 36.

³⁴ Там же. Д. 56. Л. 11.

³⁵ Миллер П.Н. Наука и метро // Там же. Л. 37.

что “особенно важны находки колодцев тем, что в них хорошо сохранились на дне случайно упавшие предметы. Для науки такие находки новы, т.к. московская Русь представлена в музеях до сих пор только предметами роскоши или обломками, или частями вещей. Предметы обихода до сих пор не были найдены, и в этом отношении можно сказать, что старая Москва была известна менее, чем другие крупные города”³⁶.

Петр Николаевич первым обратил внимание на важность и ценность для науки предметов, которые находили во время многочисленных земляных и строительных работ в Москве. Такие находки в 1920–1930-е гг. были единственным вещественным материалом для историков и археологов при изучении жизни города, ведь планомерные археологические раскопки в Москве начались только в 1946 г.! За два десятилетия до этого Петр Николаевич не только организовал археологические наблюдения силами “Старой Москвы”, но и создал богатую коллекцию из найденных предметов, метко и парадоксально названную им “Московский мусор”, написал ряд статей с таким же названием, помещенных в альманахе “Московский краевед”³⁷. Обосновывая необходимость организации систематических археологических раскопок в Москве и продолжения научно-исследовательской работы при строительстве метрополитена, он писал в Моссове: «...”Московский мусор” я считаю своим главным произведением и своей главной жизненной трагедией. Постройка метро блестяще доказала значение и возможности для изучения истории города “московского мусора”. Им надо серьезно заниматься. Еще раз прошу Вас – помогите исторической и археологической науке, помогите изучению истории города Москвы»³⁸.

В то время достижение научных результатов едва ли не целиком зависело от энтузиазма и упорства ученых, о чем убедительно свидетельствуют дневники П.Н. Миллера, находящиеся в ОПИ Музея истории г. Москвы (Ф. 8169. Оп. 1. Д. 1–6). Любопытны два письма М.Г. Рабиновича от 5 и 19 августа 1940 г., отправленные Петру Николаевичу из Хосты: “...Я очень обрадовался, что работы на строительстве ведут вручную, а не экскаватором. Это – единственный случай, когда мы можем выяснить стратиграфию находок и точное залегание слоев. Я согласен с Вами, что главное не собрать вещи, а выяснить слои, к которым вещи относятся, и датировать эти слои. Робкие попытки этого есть в моем отчете. Так как вещей особо характерных нет, то разграничивать нужно по керамике (у меня там есть категории) и по изразцам, если удастся. Особенно важно проследить слой XVII века и деревянные сооружения в нем (если таковые окажутся). Необходимо также выяснить, есть ли здесь слои древнее”³⁹.

Самостоятельное научное значение имеют многочисленные коллекции книг, документов и других материалов о Москве, собранные Петром Николаевичем в разные годы. Самая обширная и знаменитая из них, несомненно, “Музей старой Москвы” (ОПИ ГИМ. Ф. 402). Многие коллекции он подарил музеям и библиотекам, например, Воскресенскому музею – собрание Н.А. Скворцова, Музею Революции – 158 книг, “являющихся весьма ценными для музея”, Румянцевскому музею (РГБ) – собрание карикатур “на Особ Императорской фамилии”, вырезанных из иностранных газет и журналов в бытность службы на почте (см. благодарности, собранные в д. 173). Но часть коллекций отложилась в исследуемом нами фонде. Это, в частности, коллекция газетных и журнальных статей о строительстве метро, подобранных в хронологическом порядке за 1934–1938 гг.

³⁶ Там же. Д. 56. Л. 38.

³⁷ Московский краевед. М., 1928. Вып. 3.

³⁸ Там же. Д. 56. Л. 75.

³⁹ Там же. Д. 277. Л. 5.

(д. 58); коллекция видов Москвы и интерьеров московских зданий, также систематизированная по годам (д. 335–338).

Таковы, в общих чертах, творческие материалы П.Н. Миллера, представленные в фонде. Поражают масштабы и “всеохватность” его научной деятельности, несовместимые с нашими представлениями о работе одного человека. С.Б. Филимонов по протоколам заседаний “Старой Москвы” установил тематику 89 докладов и сообщений Петра Николаевича за 20 лет⁴⁰.

Ниже мы приводим список тех его 53 работ, которые он сам считал наиболее важными (см. Приложение 3). И это только часть его труда – в многочисленных материалах ОР РГБ (ф. 177), ОПИ Музея истории г. Москвы (ф. 8169 (15)) Петр Николаевич предстает перед нами в качестве многолетнего руководителя “Старой Москвы”, инициатора и организатора работ по выявлению и учету памятников Москвы, по переименованию одноименных улиц, по подготовке к изданию многотомной “Истории Москвы”, в которой, как справедливо отметил М.Г. Рабинович, он даже не упомянут.

Значительную часть документов фонда составляют биографические материалы и материалы, касающиеся семьи Петра Николаевича (документы родителей, письма жены и пр.). Наиболее интересные материалы отложились за 1919–1943 гг., то есть за время его самой активной москвоведческой деятельности. В фонде выявлены: автобиография, листки по учету кадров (см. Приложение 1 и 2), удостоверения различных организаций, в которых работал Петр Николаевич, многочисленные грамоты и благодарности, объяснительные записки и другие материалы, связанные с его обвинением по печально знаменитой статье 58 УК РСФСР, дневниковые записи, справки о работе, выписка из протокола заседаний Ученого совета Института истории АН СССР о присуждении звания старшего научного сотрудника, письма-адреса с поздравлениями по случаю 75-летнего юбилея от различных организаций, подробно характеризующие деятельность Петра Николаевича. Они сконцентрированы в д. 171–181 и по ним можно полностью реконструировать биографию этого удивительного человека.

Мы же закончим наш обзор необычными документами – четверостишиями-экспромтами В.А. Гиляровского, написанными в 1910 г. на проводах П.Н. Миллера перед отсидкой в крепости по приговору военного суда. Написаны они на обороте счета ресторана “Прага”⁴¹:

Скажу при всем честном народе
Вот вопиющая нелепость:
Наш добрый Миллер сядет в крепость,
А Стессель ходит на свободе.

Сила есть в тебе и крепость
Есть в тебе. Попавши в крепость
Так как Стессель поступи:
Крепость сдай и к нам лупи.

Приложение 1

АВТОБИОГРАФИЯ П.Н. МИЛЛЕРА

Родился 16(29) ноября 1867 г. в г. Саратове в интеллигентной семье. Отец был мировым посредником первого набора. Образование получил в Москве во 2-м кадетском корпусе (окончил в 1886 г.) и Александровском военном училище, выйдя в 1888 г. офицером в Осовецкую артиллерию. Таким образом, действительно государственную службу начал в 1886 г. Отбыв обязательные

⁴⁰ Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и московского края. М., 1989.

⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 134. Д. 305. Л. 24.

три года, вышел в запас, а затем в отставку и поступил в июле 1891 г. в Московский почтамт чиновником 5-го разряда и назначен в иностранную экспедицию. В 1903 г. получил экспедитора и принял городскую почту (5-ю экспедицию).

В феврале 1905 г. уполномочен товарищами для передачи почтдиректору петиции об улучшении материального положения служащих. Во второй половине октября избран председателем Московского комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза и как председатель комитета вошел во Временное центр. бюро союза. Для заседаний комитета мною была предоставлена моя квартира, где заседания и происходили (здание почтамта на Мясницкой). 14 ноября избран делегатом на 1 съезд Всероссийского почтового союза. В ночь на 21 ноября арестован в своей квартире. За октябрь и ноябрь месяцы мне приходилось исполнять самые разные поручения ЦБ, например, председательствовать на митингах, собраниях, заседаниях, быть уполномоченным в Центральном стачечном комитете, вести переговоры и т.п. с различного рода начальством, учреждениями и отдельными лицами.

Высочайшим приказом от 26 ноября 1905 г. я был уволен со службы, согласно 788 ст. Устава служащих по третьему пункту с 11 ноября.

Содержался в Бутырской тюрьме до конца мая 1906 г., был выпущен на поруки почти одновременно с другими, и немедленно нами было организовано вновь, но уже нелегально, конспиративное ЦБ Всероссийского почтового союза. В Бутырской тюрьме в феврале 1906 г. я был избран товарищами старостой камеры 6 (около 100 чел.). Снятая мною после выпуска из тюрьмы в Сокольниках дача служила центральным пунктом для ЦБ, местом для раздачи пособий уволенным, квартирой для многих из выпущенных из тюрьмы почтовых работников. В июле 1906 г. я был командирован ЦБ на съезд железнодорожного союза. В ночь с 7 на 8 ноября я был вновь арестован и водворен в Таганскую тюрьму.

В том же месяце я был избран центральным старостой всей политической части тюрьмы. В Таганке пробыл до апреля 1907 г., когда выпущен снова на поруки до суда. В промежутке между тюремными сидениями занимался газетной работой, составив и поместив во всевозможных московских и петербургских изданиях множество заметок и статей по союзному и почтовому делу. В 1910 г. Московским военно-окружным судом был приговорен к 2 годам крепости (наивысшее наказание), каковое и отбывал в Бутырской тюрьме в одиночке.

В промежуток между 1912 и 1917 годами служил счетоводом на фирме “Рогинский и сыновья” в Москве, а затем заведующим экспедицией газеты “Русское слово”. С первых же дней революции 1917 года принял самое деятельное участие в восстановлении Всероссийского почтового союза, в первую очередь в Московском почтамте, организовал Союз и в экспедициях “Русского слова” (более 300 служащих), но должен был покинуть экспедицию, так как в начале марта был избран товарищами Московским почтдиректором. По должности не имел возможности принимать на себя какие-либо поручения Союза, но всегда участвовал в заседаниях и пр. Тотчас по водворении на квартире почтдиректора в почтамте все прежние парадные комнаты были мною отданы под заседания и для размещения Союза служащих почтамта.

Московским почтдиректором я оставался до июля 1918 г., когда в управление почтамтом вступил коллектив, в который я войти не мог. В июле 1918 г. получил командировку от Наркомпочтеля на Украину для отвода 2-х пульмановских вагонов и участия в особой комиссии по выработке условий соглашения по почтово-телеграфным сношениям между обеими странами. В начале сентября я был назначен заведующим секцией отдела почтовых сношений Народного ко-

миссариата почт и телеграфов. В декабре 1918 г. от истощения я слег в больницу и выбыл из строя до апреля 1919 г. Затем был назначен членом нескольких комиссий, например, по введению метрической системы, по организации воздушной почты и т.д. В то же время мною было предложено ЦК союза связи организовать Музей почтово-телеграфного союза, куда мною частью пожертвованы, частью переданы имевшиеся у меня собрания. Мое предложение претворилось в жизнь и Музей был основан – первый и единственный профессиональный музей в РСФСР. Заведующим музеем я состоял до декабря 1920 г., когда был уволен вследствие сокращения штатов и, таким образом, должен был покинуть ведомство. Но состоял с 1922 г. членом комиссии по истории Союза связи. При подготовке материалов по истории Союза наша группа так и называлась “Группа активных участников движения 1905 года”, имевшая постоянные заседания. Таких заседаний было больше 70, причем большинство из них проходило на моей квартире.

Вне почтово-телеграфного ведомства моя работа проходила как в учреждениях, так и в различных общественных организациях. В 1919–1920 гг. я был привлечен к работе в комиссиях Отдела по охране исторических памятников при МСР и КД [Моссовет – Т.Р.]. В июле 1919 г. был назначен заведующим музеем “Старой Москвы” Наркомпроса. С 1921 г. состоял членом нескольких научных комиссий по реорганизации Московского коммунального музея. Входил в состав особой комиссии по переименованию улиц при МКХ (Отдел коммунального хозяйства Моссовета), где состоял председателем, а потом и членом. В январе 1923 г. приглашен в научные сотрудники Московского коммунального музея, каковым состоял по 1 февраля 1927 г., откуда уволен по сокращению штатов (я работал по совместительству).

По работе в общественных организациях состоял: 1) Зам. председателя Общества изучения Московской губернии с октября 1926 г. (членом с основания общества). 2) Председателем отделения общества “Старая Москва” (бывшая Комиссия по изучению старой Москвы Московского археологического общества) с 1923 г., секретарем ее с 1919 г., действительным членом с 1912 г. 3) Председателем ревизионной комиссии Русского общества друзей книги, членом со дня основания общества в 1920 г. 4) Членом ревизионной комиссии Русского библиографического общества при 1-м МГУ с 1926 г., членом с 1921 г. 5) Членом других обществ, как, например, Общества имени А.Н. Островского, А.П. Чехова и его эпохи и др. Состою внештатным консультантом по истории Москвы в издательствах: Детгиздате и “Московский рабочий”. В 1937 г. консультировал в Партиздате две работы и в журнале “Новый мир” одну. В 1936–1937 гг. участвовал в устройстве Всесоюзной Пушкинской выставки и состою внештатным консультантом Государственного музея А.С. Пушкина. В 1937–1938 гг. выполнял специальное задание Комитета по делам искусств, по научному описанию церквей и уличной скульптуры г. Москвы.

30 июня 1938 г.

Петр Миллер⁴²

⁴² Там же. Д. 172. Л. 2–12.

Приложение 2

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК ПО УЧЕТУ КАДРОВ

Миллер, Петр Николаевич, 1867 г. рождения, русский, сын чиновника. Основная профессия краевед-историк. Трудовик, народный социалист с марта по октябрь 1917 г. Отец – дворянин, член Маргеланского суда.

Вступл.	Уход.	Должность	Место работы
1886	1887	юнкер рядового звания	Москва
1888	1891	подпоручик	ОсовецГрод[ненской] губ[ернии]
1891	1905	чиновник 5 разряда, переводчик с нем., фр., англ.	Московский почтамт
1905	1917	В промежутках между сиденьем в моск. тюрьмах работал в разл. учрежд[ениях]	Москва
1917	1918	Избран моск. почтдирект[ором]	Наркомпочтель
1918	1919	Зав. секцией почт. снош[ений]	Наркомпочтель
1919	1926	Зав. музеем "Ст[арой] Москвы"	Главмузей
1919	1921	Зав. музеем связи	Наркомпочтель
1920	1922	Пред. ком[иссии] по переим. улиц	МКХ Моссовета
1923	1927	Научн. сотр. Моск. ком[мунального] музея	Моссовет
1926	1929	Хран[итель] отд. "Старая Москва"	ГИМ
1929	1930	Зав. экскурсионным бюро	ОИМО
1930	1936	Зав. отд[елом] рекон[струкции] Москвы	"Всекохудожник"
1936	1937	Зав. Пушкинской ком[иссии]	
1937	1938	Научный сотрудник	Пушкинская выст.
1938	1939	Консультант, автор	ДГИ, Моск. раб.
1939	1940	Секретарь гр[уппы] ист[ории] Москвы	И-т истории АН
1939	1940	Бригадир историко-археол. бригады стройки на Швивой горке, в Зарядье, пл. Держжинского и др.	Стройотдел НКВД

7 сентября 1940 г.

Петр Миллер⁴³

Приложение 3

ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ НАУЧНОГО РАБОТНИКА МИЛЛЕРА П.Н.

(приложение к листку по учету кадров в АН СССР)

1. Сравнительная таблица букв русской и немецкой азбуки	1904 г.
2. План Москвы 1606 г. Исаака Массы	1912 г.
3. Указатели к бумагам, относящимся до Отечественной войны 1812 г., собранным и изданным П.И. Щукиным	1912 г.
4. Памяти Петра Ивановича Щукина	1912 г.
5. Топографо-историческое исследование Мясницкой части	1913 г.
6. Кулишки	1914 г.
7. План Москвы 1824 г.	1914 г.
8. Исследователь старой Москвы П.В. Хавский	1916 г.
9. Труды П.В. Хавского и их современная оценка	1916 г.
10. План Москвы 1843 г.	1916 г.
11. Сооружения ц. Георгия в Старых Лучниках и ее приход	1918 г.
12. К.Я. Тромонин и его достопамятности Москвы	1919 г.
13. Картинная галерея Е.Д. Тюриня	1920 г.
14. Медали по Москве и их собрание в "Старой Москве"	1920 г.
15. Геодезическая планография Москвы	1921 г.

⁴³ Там же. Л. 11, 18.

16. Баронский гонор	1921 г.
17. Русская уника (рукопись конца XVIII в.)	1921 г.
18. С.Б. Алмазов и его собрание по "Старой Москве"	1921 г.
19. Библиография Москвы (по Музею старой Москвы)	1921 г.
20. Рукописный атлас Московской губернии	1922 г.
21. Характер местности между Тверской и Неглинной улицами	1922 г.
22. Пять картин Ф.Я. Алексеева по старой Москве	1922 г.
23. Д.Н. Никифоров – писатель о Москве	1922 г.
24. Памяти москвича, собирателя и писателя П.И. Щукина (к 10-летию со дня смерти)	1922 г.
25. Труды и исследования по старой Москве Н.А. Скворцова	1922 г.
26. Уникальная книга – иллюстрированная рукопись конца XVIII века	1922 г.
27. Опыт топовбиблиографии (систематизация библиографии Москвы)	1923 г.
28. А.Н. Островский – москвич	1923 г.
29. Первая публичная библиотека в Москве (1713 г.)	1924 г.
30. Иконография московского Малого театра	1924 г.
31. Массонское гнездо в Москве	1925 г.
32. 1905 год на Московской почте	1925 г.
33. Усадьбы Московской губернии	1925 г.
34. Жизнь книги в России по запискам иностранцев	1925 г.
35. Сельский пейзаж Московской губернии в конце XVIII века	1925 г.
36. Внешний вид московских улиц в старину и теперь	1925 г.
37. Два архивных документа о Сухаревой башне	1926 г.
38. Красные ворота в прежней и современной оценке	1926 г.
39. Указатели Москвы Лекоенна де Лаво 1824 и 1835 г.	1926 г.
40. К 100-летию Московской глазной больницы	1927 г.
41. Народные выступления в Москве на протяжении веков	1927 г.
42. Французы в Москве в 1790–1792 гг.	1927 г.
43. Духонинские раскопки стекольных заводов	1927 г.
44. Московский "мусор"	1927 г.
45. Бутырская тюрьма, ее история и быт	1927 г.
46. Из новых данных по материальной культуре старой Москвы (аптека Саульского)	1928 г.
47. Москва в истории ВКП(б)	1933 г.
48. В.И. Ленин в Москве	1933 г.
49. Сухарева башня	1934 г.
50. Описание Пушкинской выставки в Москве	1937 г.
51. "Шиши" – партизаны начала XVII в.	1941 г.
52. "Мы победим!" Очерк иноземных интервенций за 600 лет	1941 г.
53. Хроника Москвы за период Великой Отечественной войны	1941 г. ⁴⁴

⁴⁴ Там же. Л. 21–26.

С.Б. Филимонов

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ МОСКОВСКИХ КРАЕВЕДОВ 1920—1930-х ГОДОВ

Мощное краеведческое движение, развернувшееся в нашей стране в 1917—1929 гг., в 1929 — 1931 гг. было разгромлено¹. Ведущие краеведы были приговорены по печально знаменитой статье 58-10 УК РСФСР к лагерям и ссылке. "Ра-

¹ См.: *Лексин Ю.* Первый перелом (Беседа с С.О.Шмидтом, В.Ф.Козловым, С.Б.Филимоновым) // *Знание — сила.* 1988. № 11. С. 66—75; *Шмидт С.О.* "Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено" // *Памятники Отечества.* М., 1989. № 1(19). С. 12—18; *Он же.* "Золотое десятилетие" советского краеведения // *Отечество: Краеведческий альманах.* М., 1990. Вып. 1. С. 11—27; *Он же.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 27—68.

зоблачению” старых краеведов были посвящены сборники с характерными для тех лет названиями “За большевистскую партийность в краеведении” (М., 1931), “Против вредительства в краеведческой литературе” (Иваново-Вознесенск, 1931), ряд статей, опубликованных в журнале “Советское краеведение” (этот издававшийся в 1930—1936 гг. журнал заменил вышедшие в 1920-е гг. журналы “Краеведение” и “Известия Центрального бюро краеведения”), а также книга С.П.Толстова “Введение в советское краеведение” (М.; Л., 1932). Краеведы изобличались в многочисленных “грехах”: в дворянстве, буржуазности, монархизме, идеализме, академизме, поповщине, контрреволюционности, реакционности, национализме, сепаратизме, великодержавном шовинизме, аполитизации и децентрализации науки, мракобесии, шпионаже, вредительстве. Историко-культурное краеведение, как “гробокопательско-архивное”, было ликвидировано. “Во главу угла” краеведческой работы было поставлено изучение производительных сил. Развернулась работа по “созданию новых классово преданных кадров краеведов”. Добровольные краеведческие общества были заменены бюрократическими бюро краеведения. Предписывалось неуклонное возрастание количества краеведов — рабочих и колхозников: в 1931 г. их должно было быть не менее 20%, в 1932 г. — не менее 30%, в 1933 г. — не менее 50%. Вся выпущенная до 1931 г. краеведческая литература подлежала тщательному пересмотру на предмет изъятия “политически вредных изданий”. В историческом краеведении (точнее, в том, что от него осталось) утвердился вульгарный социологизм.

С тех пор история добровольных краеведческих обществ в СССР надолго прерывается. Одновременно начинается длительный период их полного историко-графического забвения. До недавнего времени богатейшие архивные фонды краеведческих организаций и отдельных краеведов нередко пребывали в неизвестности², многочисленные краеведческие издания 1917 — 1930-х гг., а также опубликованные на их страницах труды видных ученых зачастую не включались в библиографические справочники³. Думается, что активным участникам краеведческого движения 20-х годов, пережившим ужасы репрессий 30-х годов, вспоминать о своем краеведческом прошлом было попросту страшно, а лицам, причастным к разгрому краеведения, стыдно...

Одной из крупнейших краеведческих организаций страны (как по численности, так и по персональному составу — к 1930 г. она насчитывала 595 человек, 35% которых составляли профессора) было Общество изучения Московской губернии. Организованное 1 апреля 1925 г. в целях объединения научной работы всех краеведов губернии, Общество состояло из следующих секций: Естественно-исторической, Культурно-исторической (внутри секции действовали еще и комиссии: декабристская, историко-географическая, историко-революционная, историко-статистическая, по аграрной истории, по истории промышленности и фабрично-заводского пролетариата, по истории торговли и транспорта), Музейной, секции “Старая Москва” (внутри которой действовали комиссии: библиографическая, журнально-газетная, изобразительных искусств, кладбищенская, комиссия Ф.М.Достоевского, мемориальная, мемуарная, по осмотрам архи-

² См.: Филимонов С.Б. Обзор архива М.И.Смирнова // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 318—324; Он же. Эпистолярный архив В.И.Смирнова // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 315—323; Историко-краеведческие материалы Общества изучения Московской губернии (области) / Сост. С.Б.Филимонов. М., 1976; То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980; Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

³ См.: Филимонов С.Б. Об использовании краеведческих изданий 1917 г. — 1930-х гг. при составлении персональных указателей трудов видных ученых СССР // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 289—293; Он же. Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.). М., 1989. С. 32—34, 38, 125, 126, 128, 140, 142—143; Он же. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917—1929 гг.). М., 1991. С. 7, 8, 10, 30, 35—40, 47, 75—78, 102, 106, 114, 123, 127, 128, 132, 133, 148—150, 168, 170, 176, 186, 198, 199 (Все вышеуказанные книги — под ред. С.О.Шмидта).

тектурных памятников, по составлению исторического атласа г. Москвы, по составлению словаря московских краеведов, протокольная, пушкинская, экскурсионная, эпиграфическая, а также особый комитет по увековечению памяти А.С.Грибоедова), секции “Новая Москва” (объединившейся в феврале 1930 г. со “Старой Москвой” в единую секцию по изучению города Москвы), экономической, этнологической (выделившейся в марте 1929 г. из культурно-исторической секции с задачами исследования губернии в этнологическом, палеоэтнологическом, антропологическом и лингвистическом отношениях), секции школьного краеведения. Кроме того, в Обществе имелись межсекционные комиссии: библиографическая, издательская, картографическая, по изучению колхозов, по изучению промышленности, по монографическому обследованию деревни, по составлению географического словаря, а также другие структурные подразделения — Кабинет краеведения, комитет по массовой работе, Комитет по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и Московской губернии.

В октябре 1929 г., в связи с административно-территориальной реформой, Общество перешло на областной масштаб деятельности. А в октябре 1930 г. оно было реорганизовано в Московское областное бюро краеведения.

Председателем Общества изучения Московской губернии был экономист и историк Б.Б.Веселовский, членами: археолог и источниковед А.В.Арциховский (Культурно-историческая секция (далее КИС) и Этнологическая секция (далее ЭС)), археолог О.Н.Бадер (КИС), историк К.В.Базилевич (“Старая Москва” (далее СМ)), историк Н.А.Бакланова (КИС), реставратор П.Д.Барановский (СМ), основатель Театрального музея А.А.Бахрушин (СМ), историк и источниковед С.В.Бахрушин (КИС, одно время — ее председатель), поэт И.А.Белоусов (СМ), историк академик М.М.Богословский (КИС), историк и археолог С.К.Богоявленский (КИС), физико-географ и геоморфолог А.А.Борзов (член Естественно-исторической секции), историк и источниковед В.Н.Бочкарев (КИС, одно время — ее председатель), антрополог В.В.Бунак (КИС), художник-историк А.М.Васнецов (СМ, в 1919 — 1923 гг. ее председатель, с 1923 г. — почетный председатель), историк и источниковед С.Б.Веселовский (КИС), архитектор Н.Д.Виноградов (СМ), писатель В.А.Гиляровский (СМ), археолог В.А.Городцов (КИС), историк и археолог Ю.В.Готье (КИС), историк, фольклорист и этнограф М.В.Довнар-Запольский (СМ), археолог и этнограф Б.С.Жуков (председатель ЭС), историк Е.И.Заозерская (КИС), историк Е.А.Звягинцев (КИС), историк культуры В.В.Згура (СМ), библиограф Н.В.Здобнов (председатель межсекционной библиографической комиссии), историк искусства М.А.Ильин (СМ), историк и источниковед Б.Б.Кафенгауз (КИС, одно время — ее секретарь, председатель ее комиссий по истории промышленности и фабрично-заводского пролетариата и по истории торговли и транспорта), археолог и этнограф Б.А.Куфтин (КИС), историк М.К.Любавский (КИС), историк и археолог П.Н.Миллер (в 1923—1930 гг. — председатель СМ), нумизмат А.В.Орешников (СМ), историк и источниковед И.И.Полосин (КИС, одно время — ее председатель, председатель ее комиссии по аграрной истории), историк и источниковед К.В.Сивков (КИС, председатель ее историко-статистической комиссии, заместитель председателя межсекционной Библиографической комиссии), искусствовед А.А.Сидоров (СМ), историк П.В.Сытин (СМ), историк, источниковед и археограф М.Н.Тихомиров (КИС, одно время — ее секретарь, председатель ее историко-географической комиссии), этнограф, археолог и историк-востоковед С.П.Толстов (заместитель председателя ЭС), литературовед М.А.Цявловский (СМ), экономист А.В.Чаянов (СМ), историк и источниковед Л.В.Черепнин (КИС) и др.⁴

⁴ Подробно о структуре, основных направлениях деятельности Общества, составе и содержании документальных материалов его архива и их значении для истории исторической науки и москвеведения см.: *Филлимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива... Помимо упомянутых в

Статьи, заметки, тезисы докладов московских краеведов публиковались на страницах “Трудов” Общества⁵ (имеющих характер тематических сборников статей), бюллетеня “Московский краевед”⁶ (материалы которого группировались по трем основным разделам: статьи научно-исследовательского характера; хроника; библиография), в других краеведческих изданиях.

В этих изданиях нами были выявлены перечисляемые ниже работы С.В.Бахрушина, В.В.Бунака, В.А.Городцова, Ю.В.Готье, Б.С.Жукова, Б.Б.Кафенгауза, Б.А.Куфтина, И.И.Полосина, К.В.Сивкова, С.П.Толстова, не включенные в указанные списки, причем не только основных печатных трудов, но и в такие, неполнота которых не оговаривалась составителями.

Настоящую работу автор рассматривает как продолжение вышеупомянутой своей статьи “Об использовании краеведческих изданий...” (АЕ за 1985 год). Поэтому здесь помещены сведения лишь о тех дополнительных выявленных нами малоизвестных печатных трудах С.В.Бахрушина, В.В.Бунака, Б.А.Куфтина, И.И.Полосина, К.В.Сивкова, информация о которых в АЕ за 1985 год отсутствует.

Публикуемый ниже список малоизвестных печатных трудов московских краеведов существенно дополняет бытующие представления о творческой биографии и научном наследии их авторов (в том числе и о тех ученых, биографические очерки и библиографические списки московских работ которых содержатся в недавно изданных трех выпусках сборника “Краеведы Москвы”), об истории отечественной науки, об истории москвоведения.

Список малоизвестных печатных трудов московских краеведов⁷

Бахрушин С.В. [Рецензия] // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 476—477. Рец. на кн.: Огородников В.И. Очерк истории Сибири. Иркутск, 1920. Ч. 1; *Он же.* От редакции // Труды общества изучения Московской губернии. М., 1928. Вып. 1. С. 3—4 (*Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 9—20; Т. 3. Ч. 2. С. 273—276; *Он же.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1987. С. 199—201; Краеведы Москвы: Историки и знатоки Москвы. М., 1995. С. 179—180); *Бунак В.В.* О необходимости антропологического изучения человека как производительной силы ЦПО // Областная конференция по изучению естественно-производительных сил Центрально-промышленной области, 2—11 февраля 1924 г.: Тез. докл. М., 1924. Вып. 4. С. 44—45 (Современная антропология. М., 1964. С. 14—18); *Городцов В.А.* Охрана археологических памятников [Изложение доклада] // Вопросы областного музейного дела по данным 1-й конференции музейных работников Центрально-промышленной области / Под ред. А.И.Фесенко и С.Д.Яхонтова. Рязань, 1925. С. 113—114 (Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 9—20; Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. 5. С. 83—84); *Готье Ю.В.* [Отзыв о трудах переславль-залесского краеведа М.И.Смирнова] // Доклады Переславль-Залес-

этой книге статей, обзоров и публикаций о С.В.Бахрушине, А.М.Васнецове, Ю.В.Готье, М.Н.Тихомирове и др., основанных на материалах архива Общества, см. также: *Филимонов С.Б.* Москвоведение 1920—1980-х годов // Краеведение Москвы: Научно-методические материалы в помощь краеведам / Под ред. Л.В.Ивановой и С.О.Шмидта. М., 1990. С. 28—30; *Он же.* “Старая Москва” // Вся Москва. 1990/91: Информационно-рекламный ежегодник. М., 1990. С. 143—144; *Он же.* Почетный председатель общества “Старая Москва”: Аполлинарий Михайлович Васнецов, 1856—1933 // Краеведы Москвы. М., 1991. [Вып. 1]. С. 111—120; *Он же.* Доклад М.М.Богословского о В.О.Ключевском на заседании общества “Старая Москва” // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 304—305; *Он же.* Материалы о В.О.Ключевском в архиве “Старой Москвы” // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 277—281.

⁵ Труды Общества изучения Московской губернии (области). М., 1928—1930. Вып. 1—8.

⁶ Московский краевед. М., 1927—1930. Вып. 1—5 (13).

⁷ Издания, в которых помещены персональные указатели трудов ученых, обозначены в скобках после библиографических ссылок на краеведческие труды.

ского научно-просветительного общества. Переславль-Залесский, 1925. Вып. 13. С. 49 (Юрий Владимирович Готье: Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Сер. истории. М., 1941. Вып. 1); Жуков Б.С. (Б.Ж.) Антропологический научно-исследовательский институт при I Московском государственном университете // Этнография. 1926. № 1—2. С. 270—271; Он же (Б.Ж.) Нижегородский историко-бытовой музей // Там же. С. 287; Он же. О комплексном изучении негородского населения: Тез. докл. // Бюл. оргкомитета 2-й Всесоюзной конференции по изучению производительных сил СССР, февраль 1927 г. М., 1927. № 3—4 (6—7). С. 85—88; Он же. О пополнении кадра антропологов: Тез. докл. // Там же. С. 83—85; Он же. Полевые этнографические работы Антропологического научно-исследовательского института при I Московском государственном университете в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 201—202; Он же. [Рецензия] // Там же. С. 246—249. Рец. на кн.: Материалы по этнографии Этнографического отдела Государственного русского музея. Л., 1926—1927. Т. 3. Вып. 1—2; Он же. [Рецензия] // Моск. краевед. М., 1930. Вып. 5 (13). С. 106. Рец. на кн.: Виноградов К. Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. М., 1929 (Сов. археология. 1968. № 4. С. 237—238); Кафенгауз Б.Б. Комиссия по истории промышленности и фабрично-заводского пролетариата // Моск. краевед. М., 1929. Вып. 2 (10). С. 62 (Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б.Кафенгауза. М., 1964. С. 508—518); Куфтин Б.А. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения [Тез.] // Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края. М., 1921. № 2. С. 22—23; Он же. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова: (Материалы и вопросы). М., 1925; Он же. Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губернии: (Краткая инструкция). Рязань, 1925; Он же. Задачи, методы и достижения в изучении костюма Центрально-промышленной области // Вопросы этнологии Центрально-промышленной области при Государственном музее ЦПО, 29—30 марта 1926 г. / Под ред. В.В.Богданова и С.П.Толстова. М., 1927. С. 33—36; Он же. О методе изучения преемственности погребенных и современных племенных культур: (Автореферат вступительного слова к обсуждению вопроса) // Материалы к доистории Центрально-промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центрально-промышленной области, созванное Государственным музеем Центрально-промышленной области 27—29 мая 1926 г. / Под ред. Б.С.Жукова и О.Н.Бадера. М., 1927. С. 19—23; Он же. Письмо в редакцию // Этнография. 1927. № 1. С. 255—259; Он же. Изба “пряха” и “непряха” Московского края // Моск. краевед. М., 1928. Вып. 4. С. 9—13; Он же. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии: (Сравнительный очерк промыслов по наблюдениям в 1924 г.) // Моск. краевед. М., 1928. Вып. 5. С. 9—30 (Совм. с А.М.Россовой); Он же. Задачи и методы полевой этнологии: Тез. докл. // Этнография. 1929. № 2. С. 125—129; Он же. Татары касимовские и татары-мишари Центрально-промышленной области: К вопросу выяснения областных типов и составных элементов волго-татарской этнической культуры: (Этническое наименование и элементы жилища) // Культура и быт населения Центрально-промышленной области: (Этнологические исследования и материалы); 2-е совещание этнологов ЦПО, 7—10 декабря 1927 г. М., 1929. С. 135—148; Он же. Типы и элементы жилища. М., 1929 (Вестн. древней истории. 1954. № 2. С. 180); Полосин И.И. В аграрно-экономической комиссии // Моск. краевед. М., 1929. Вып. 2 (10). С. 62; Он же. Вопросы аграрно-экономической истории Московского края [Изложение доклада на общем собрании Общества изучения Московской губернии 14 апреля 1929 г.] // Там же. Вып. 3 (11). С. 73; Он же. Окружная краеведческая конференция в Твери // Краевед-массовик Московской области. М., 1930. № 2.

С. 12—13 (Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 380—382); Сивков К.В. Где краеведу искать материалов для своей работы // Вестн. просвещения. 1925. № 6. С. 67—72; Он же (К.С.). Краеведение и школа: (Опыт и библиография) // Там же. С. 136—142; Он же. Новая краеведческая литература о Московской губернии // Там же. № 7. С. 131—134; Он же. Новости краеведческой литературы // Там же. № 10. С. 121—125; Он же. Общество изучения Московской губернии // Там же. № 4. С. 164—165; Он же. Школа и юбилей 14 декабря 1825 года // Там же. № 11. С. 74—82; Он же. [Рецензия] // Там же. № 6. С. 142—143. Рец. на кн.: Тихомиров М.Н. Город Дмитров: От основания города до половины XIX в.: С планами, картами и диаграммами. Дмитров, 1925; Он же. (К.С.). Общество изучения Московской губернии // Там же. 1926. № 1. С. 132—133; Он же. “Старая и новая Москва”: (Опыт драматизации краеведческой темы) // Там же. № 7—8. С. 86—92; Он же. [Рецензия] // Там же. № 2. С. 136—137. Рец. на кн.: Феноменов М.Я. Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни (Деревня Гладыши Валдайского уезда Новгородской губернии). Л.; М., 1925. Ч. 1: Производительные силы деревни; Он же. Общество изучения Московской губернии // Там же. 1927. № 4. С. 105—106; Он же. [Рецензия] // Там же. № 6. С. 128—130. Рец. на книги: Введенский Д.И. Город Сергиев Московской губернии: Мелкие промыслы. М., 1927 и Введенский Д.И. У сергиевского игрушечника. М., 1926; Он же. Годовое собрание Общества изучения Московской губернии // Там же. 1928. № 3. С. 132—133; Он же. “Кустарные промыслы нашей деревни”: (3-я тема 3-го года обучения) // Там же. № 10. С. 187—200; Он же. Материалы к темам: “Как работает и что производит население города Москвы” и “В каких условиях живет население города Москвы и что делается для оздоровления его жизни”: (2-я и 3-я темы 3-го года обучения школы I ступени г. Москвы) // Там же. № 11—12. С. 201—214; Он же. Материалы к теме “Как собирают и обрабатывают урожай в нашей деревне”: (1-я тема 3-й группы сельской школы I ступени) // Там же. № 7—8. С. 231—243; Он же. Новые местные издания о Московской губернии // Там же. № 7—8. С. 215—218; Он же. Роль и значение географической карты при проработке комплексной программы 3-го и 4-го годов обучения // Там же. № 9. С. 168—174; Он же. [Рецензия] // Там же. № 1. С. 201—202. Рец. на кн.: Моск. краевед. М., 1927. Вып. 2; Он же. [Рецензия] // Там же. С. 202—203. Рец. на кн.: Селинов В.И. Культуроведение в краеведческой работе: (История, археология, музейное дело). Л., 1928; Он же. [Рецензия] // Там же. № 2. С. 147—148. Рец. на кн.: Иоаннисиани А.З. Методы изучения Октябрьской революции в школе. М., 1928; Он же. [Рецензия] // Там же. С. 148—149. Рец. на кн.: Хамовнический район в Октябре 1917 года: Пособие для школ по изучению Хамовнического района. М., 1927; Он же [Рецензия] // Там же. № 11—12. С. 195—196. Рец. на кн.: Московский краевед. М., 1928. Вып. 3—5; Он же. В историко-статистической комиссии // Моск. краевед. М., 1929. Вып. 2 (10). С. 63; Он же. В историко-статистической комиссии // Там же. Вып. 4 (12). С. 69; Он же. В Обществе изучения Московской губернии // Вестн. просвещения. 1929. № 5. С. 107—108; Он же. Индия // Там же. № 1. С. 196—200; Он же. К статье “Хрустальный завод в Архангельском”: (к примеч. на стр. 46) // Моск. краевед. М., 1929. Вып. 4 (12). С. 92; Он же. Китай // Вестн. просвещения. 1929. № 1. С. 201—205; Он же [Рецензия] // Там же. № 5. С. 127—128. Рец. на книги: Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд. М., 1928; Картавцов И.М. Усадьба Московской губернии: Опыт библиографического указателя. М., 1927; Он же. [Рецензия] // Моск. краевед. М., 1929. Вып. 4 (12). С. 90. Рец. на ст.: Смирнов П. Московские ткачи XVII в. и их привилегии: Жалованные грамоты Кадашевской и Хамовной слобод 1623 г. и 1648 г. (Труды Среднеазиатск. гос. университета. Сер. III. История. Вып. 1. Ташкент, 1928); Он же. [Изложение доклада в Обществе по изучению Тульско-го края о деятельности Общества изучения Московской области по разработке

истории промышленности от 29 января 1930 г.] // Тульский край. 1930. № 1 (16). С. 40 (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Т. 4. С. 515—522; Краеведы Москвы. М., 1995. С. 195—196; Толстов С.П. Государственный музей Центрально-промышленной области // Этнография. 1927. № 1. С. 212; *Он же*. Государственный Нижегородский областной музей // Там же. С. 223—224; *Он же*. Музей Центрально-промышленной области // Там же. № 2. С. 138—140; *Он же*. Русские крестьянские постройки: Критический обзор новейшей литературы // Там же. № 1. С. 175—184; № 2. С. 359—366; *Он же*. Итоги работ 2-го совещания этнологов Центрально-промышленной области при музее ЦПО // Изв. Центрального бюро краеведения (далее — Изв. ЦБК). 1928. № 1. С. 24—26; *Он же*. К истории терюханской народной культуры: Предварительное сообщение // Этнография. 1928. № 2. С. 104—123 (Совм. с М.Т. Маркеловым); *Он же*. Крестьянские постройки Ветлужского края [Изложение доклада] // Второй год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края. 1926. Нижний Новгород. 1928. С. 24—25; *Он же*. В этнологической секции // Моск. краевед. М., 1929. Вып. 4 (12). С. 66—68 (Совм. с Г. Масло-вой); [Толстов С.П.] Комсомол и краеведение [Тез.]* // Первая Московская общегородская студенческая конференция по краеведению, 9—10 марта 1929 г.: Положение, тезисы докладов и резолюции. [М., 1929]. С. 11—12; *Он же*. Первая Московская общегородская студенческая конференция по краеведению // Изв. ЦБК. 1929. № 5. С. 10—12 (Совм. с Т. Трофимовой); *Он же*. Предисловие // Культура и быт населения Центрально-промышленной области: Этнологические исследования и материалы: 2-е совещание этнологов ЦПО, 7—10 декабря 1927 г. М., 1929. С. 5—6; *Он же*. Студенчество и краеведение // Первая Московская общегородская студенческая конференция по краеведению... С. 5—6; *Он же*. Вопросы организационной структуры в краеведческом движении // Сов. краеведение. 1930. № 10. С. 8—10; *Он же*. [Рецензия] // Там же. № 7—8. С. 47—49. Рец. на кн.: Сибирская живая старина. Иркутск, 1927—1929. Вып. 7, 8—9; *Он же*. [Рецензия] // Там же. № 11—12. С. 49—50. Рец. на кн.: Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь: Язычество — ислам — православие — сектантство. М., 1929; *Он же*. [Рецензия] // Там же. 1931. № 7—8. С. 107—108. Рец. на кн.: Урсынович С. Религия туземных народностей Сибири. М., 1930; *Он же*. Краеведческий музей национальных республик и областей // Сов. музей. 1935. № 3. С. 10—18 (Общественные науки в Узбекистане. 1977. № 2. С. 75—79).

* Атрибутировать эти анонимные тезисы позволила резолюция, принятая, как отмечено в материалах конференции, по докладу именно С.П.Толстова "Комсомол и краеведение"; см.: Первая Московская общегородская студенческая конференция по краеведению. С. 15.

А.В. Мельников

НЕИЗДАННАЯ РАБОТА А.Н. СПЕРАНСКОГО ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Профессор Александр Николаевич Сперанский (1891—1943), выдающийся историк, педагог, организатор науки, первый заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, специалист в области истории государственных учреждений, вспомогательных исторических дисциплин, социаль-

но-экономической и политической истории России XVII века¹, оставил после себя значительное документальное наследство.

Фонд Сперанского, обзор которого опубликован в “Археографическом ежегоднике за 1969 год”, хранился в МГИАИ и насчитывал свыше 500 ед. хр.², но к 1988 году, когда фонд был передан в архив РАН, более половины документов оказалось утрачено. В настоящее время документы фонда включены в одну опись и составляют 129 дел³. Отметим, что полностью пропали 10 писем С.Н. Валка, письма В.Н. Бенешевича, А.А. Введенского, М.В. Нечкиной, 6 из 20 писем Н.С. Чаева, письма самого А.Н. Сперанского С.Н. Валку, М.Е. Сергиенко, А.В. Трипольскому, почти абсолютно все труды других авторов, входившие в состав фонда, и много иных материалов, сведения о которых встречаются в обзоре.

Среди материалов фонда находится черновая рукопись одной из неопубликованных работ ученого, очерк “Историческая наука в Московском университете (1755–1917 гг.)”⁴. Данная работа интересна тем, что отражает малоизвестную сторону научных интересов Сперанского и позволяет конкретизировать наши современные представления о теоретическом уровне историографических исследований середины 30-х годов, являясь при этом, пожалуй, одним из первых в советской историографии опытов изучения развития исторической науки за такой длительный период.

В автобиографии Сперанский отмечал, что работа была принята к печати, но не напечатана, так как издание не вышло⁵. Несостоявшееся издание – сборник “История Московского университета”, выпустить который предполагалось в связи с 180-летием МГУ⁶.

Программа юбилея 1935 года, судя по публикациям в университетской газете, была весьма обширной и предусматривала, помимо издания сборника, выпуск альбома, кинофильма, проведение выставки, чтение докладов. Была создана рабочая комиссия по подготовке юбилея, намечен коллектив авторов сборника, заключены с ними договоры, составлены сметы и т.д.⁷ Но юбилей не состоялся: в числе членов рабочей комиссии был М.И. Лурье (Эмель), расстрелянный по делу так называемого “Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра”⁸. Об этом предпочитали хранить молчание и не вспоминать и впоследствии; даже в тех изданиях, в которых история МГУ излагалась наиболее под-

¹ О А.Н. Сперанском см.: *Рабинович М.Д.* Выдающиеся ученые-архивисты (А.А. Покровский, М.С. Вишняковский, А.Н. Сперанский) // ВА. 1963. № 3. С. 41–49; *Булгаков М.Б.* Обзор фонда А.Н. Сперанского // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 284–289; *Каменцева Е.И.* История вспомогательных исторических дисциплин. М., 1979; *Она же.* Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. Ученые и их труды. М., 1988. С. 77–79; *Середа В.Н.* Материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин в фонде А.Н. Сперанского // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 236–243; *Демидова Н.Ф.* Предисловие // История форм труда в Русском государстве первой половины XVII века. Вып. I. М., 1988. С. 3–9; *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990; *Калистратова Т.И.* Институт историн ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929). Нижний Новгород, 1992; *Каменцева Е.И., Простоволосова Л.Н.* Основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин Александр Николаевич Сперанский (1891–1943) // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 157–169; *Новодевичий мемориал / Автор и составитель С.Е. Кипнис.* М., 1995. С. 146.

² *Булгаков М.Б.* Указ. соч. С. 284.

³ АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Далее ссылки на материалы фонда в тексте.

⁴ У *М.Б. Булгакова* (Указ. соч. С. 287) – “Исторические науки в Московском университете (1755–1917 гг.)”.

⁵ Сперанский А.Н. Автобиография // Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 42.

⁶ *Вдовин А.И.* Издательская деятельность Московского университета (1917–1941) // ВМУ. Серия 8. История. 1981. № 4. С. 25.

⁷ За пролетарские кадры. 7 марта 1935. № 11. С. 3.

⁸ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 17.

робно, мы не встретим сведений о подготовке юбилея 1935 года⁹. Тем самым работа Сперанского приобретает значение источника и по истории университета 30-х годов.

Очерк предназначался для юбилейного сборника, это подтверждает заглавие библиографии – “Историческая наука в Московском университете за 180 лет (1755–1935) (Д. 6. Л. 83). Кроме того, в соответствии с планом, предусматривавшим обеспечение авторов архивным материалом, от Юбилейной комиссии историку были переданы документы из архива университета для работы над очерком (Л. 147). К работе над сборником считали необходимым привлечь “широкий круг лиц, как сейчас, так и в прошлом непосредственно связанных с Московским университетом”¹⁰. Сперанский преподавал в МГУ в 1928/29 и 1930/31 гг.¹¹, возможно, это объясняет, почему, являясь сотрудником Историко-архивного института, он принял участие в подготовке сборника. Очерк, готовившийся в течение лета 1935 года (Там же. Л. 145, 147) в объеме 5 п.л., был представлен на истфак Университета (Д. 51. Л. 45). В фонде не сохранился вариант, принятый к печати, поэтому о работе можно составить впечатление только на основании черновой рукописи и подготовительных материалов.

Подготовительные материалы, представленные в виде библиографий, таблиц, выписок и т.п., характеризуют источниковую базу исследования (Д. 6. Л. 66–216). В числе источников – воспоминания об университете, официальные издания университета и исторических обществ при нем, историографические работы, труды самих историков и т.п., а также архивные документы.

Из подготовительных материалов интерес представляют именные списки оставленных при Московском университете за 1878–1909 гг. (Там же. Л. 142–142 об., 149–149 об., 151–152). Содержание списков дает представление о круге лиц, интересовавших Сперанского как исследователя. Примечательно, что из всех студентов, оставленных за эти годы при университете, Сперанский целенаправленно выделяет, подчеркивая фамилии, тех его питомцев, будущих ученых, чьи имена составляют гордость не только исторической науки Московского университета, но и России (М.К. Любавский, П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, А.Н. Савин и др.). Данные материалы, наряду с многочисленными выписками из источников, перечнями архивных дел, таблицами и др., говорят как об интересах автора, так и о целях, которые он преследовал в своей работе: показать историю развития исторической науки в университете, преподавания исторических дисциплин, представить университет как центр науки, образования, культуры в истории России, передать в целом те факты, “которые правдиво и широко отражают историю развития университета и с возможной полнотой показывают его большие дела и его больших и знатных людей”¹².

Сто двадцать страниц убогистого текста рукописи (Д. 6) представляют собой черновой автограф чернилами фиолетового и синего цветов, в нескрепленных линованных тетрадях большого формата (35 × 22 см) с полями в 1/4 страницы. В тексте много авторской правки: вставки над строкой отдельных слов и предложений, пометы на полях, вклейки цитат из источников, зачеркнутые слова и абзацы. Некоторые страницы полностью перечеркнуты (Л.3) или обрываются на полуслове (Л. 36). Существовал машинописный вариант работы, поскольку сохранилось несколько разрезанных страниц такого текста (Л. 153–162). Имеются следы различных редакций: вступительной части об исторической науке в

⁹ Летопись Московского университета 1755–1979. М., 1979.

¹⁰ *Огородников И.Т.* Дела и люди за 180 лет (О подготовке юбилейного сборника) // За пролетарские кадры. 7 марта 1935. № 11. С. 3.

¹¹ *Булгаков М.Б.* Указ. соч. С. 285.

¹² *Огородников И.Т.* Указ. соч. С. 3.

XVIII веке (Л. 66–67 об., 69), три схожих по смыслу варианта об исторической концепции В.О. Ключевского (Л. 53 об. – 55; 55 об. – 57; 57 об. – 63), а также отдельный, не связанный с основным текстом, набросок об А.А. Кизеветтере (Л. 68). Изложение доведено до 1906 г., включая избрание заведующим кафедрой всеобщей истории Д.М. Петрушевского (Л. 53), и обрывается на характеристике исторической концепции М.К. Любавского (Л. 65 об.).

Текст разбит на пять частей (выделены римскими цифрами), не имеющих глав и отражающих состояние исторической науки в различные периоды существования Университета.

В первой части (Л. 1–12 об.) рассмотрены вопросы формирования и развития исторической науки в Московском университете с момента его основания до 1804 г., когда был введен новый университетский устав. В эти годы складывается план преподавания отдельных наук, при этом “место отдельных предметов в этой учебной системе определялось той основной целью, для которой и создан был университет: он должен был подготовить патриотически настроенных и практически подготовленных чиновников гражданской службы” (Л. 70). Таким образом, в течение всего XVIII века “истории – как дисциплины с какими-то самостоятельными целями – на первых порах не существует” (Л. 70, 11). История, в первую очередь, служила воспитательным функциям. Первые десятилетия существования университета связаны с деятельностью иностранных профессоров, создавших и первые учебные пособия (Л. 70 об.).

Вторая часть очерка (Л. 13–25 об.) посвящена исторической науке на рубеже веков и в первой четверти XIX в., во время господства “скептической” школы М.Т. Каченовского. При этом Сперанский выходит за границы собственно университетской науки, отмечая: “Чтобы понять значение деятельности Каченовского, необходимо рассмотреть то, что им могло быть использовано в качестве материала для построения своих воззрений” (Л. 15 об.). Таким материалом послужил фундамент, заложенный работами Г.-З. Байера, Г.-Ф. Миллера, А.-Л. Шлецера, Н.М. Карамзина (Л. 15 об. – 18 об.).

Третья часть (Л. 25 об. – 43) объединяет временной отрезок с 1830-х гг. до отмены крепостного права. Это был период “самостоятельной научной университетской жизни, которая в 30-х и особенно с 40-х годов создала Московскому университету особое место в деле развития исторической науки в России” (Л. 13). Долгое время исторической науке приходилось существовать в условиях господства теории “официальной народности”, в частности, кафедру русской истории возглавлял М.П. Погодин, считавший, что основная цель истории – быть “охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия” (Л. 30). В такой ситуации развитие науки происходило преимущественно в области изучения западноевропейской истории и было связано с именем Т.Н. Грановского и его учеников (Л. 27 об. – 28), а также с формированием юридической школы русской истории и научно-педагогической деятельностью К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и их последователей. К этому кругу историков примыкал и С.М. Соловьев, сменивший на кафедре русской истории М.П. Погодина. Его «колоссальное богатство литературного наследия...», – отмечает Сперанский, – послужило исходным пунктом едва ли не для большинства последующих исторических работ не только его непосредственных учеников, но и его научных “внуков”, если позволительно будет так выразиться” (Л. 33). “Продуманная концепция Соловьева встречалась студентами как единственно возможная концепция русской истории” (Л. 33 об.). Работа над “Историей России с древнейших времен” потребовала от Соловьева изучения архивного материала, который еще не был затронут исследователями (Л. 53 об.). Сперанский подчеркивает, что “значение его труда было, конечно, огромно”, но делает вывод, что это не было значение “нового углубления в сущность исторического процесса России” (Л. 54).

Четвертая часть охватывает период 1861–1906 гг. (Л. 43 об. – 53 об.). В ней рассмотрена проблема формирования и развития школы всеобщей истории Московского университета, включившей В.И. Герье и его непосредственных учеников: Н.И. Кареева, Р.Ю. Виппера, М.С. Корелина, И.И. Иванова, С.А. Котляревского и, наиболее яркого из них, П.Г. Виноградова, чьи работы “сразу выдвинули его в разряд крупнейших ученых европейского значения” (Л. 48 об.). В очерке отмечена роль П.Г. Виноградова как педагога, создавшего в университете, вслед за В.И. Герье, собственную научную школу, одними из представителей которой были А.Н. Савин и Д.Н. Егоров (Л. 51 об.).

В последней, пятой, части рассмотрен важный этап развития исторической науки в университете, связанный с именем В.О. Ключевского и его школой (Л. 53 об. – 69 об.). Сперанский указывает на связь Ключевского “самым тесным образом с той научной концепцией, которая была выработана Кавелиным, Соловьевым, Чичериным”. Эту концепцию он развивает в своих основных трудах, “но при такой тесной связи со своими предшественниками Ключевский внес и много нового в свои воззрения, что позволяет провести отчетливую линию, отделяющую его взгляды от тех, которые господствовали в 40–60-х годах”. Новое, что принес Ключевский, это была разработка источников, которые до него были “предметом изучения преимущественно не историков, а историков литературы”, а также то, что он “ставит и монографически обрабатывает такие темы, которые не ставились и не разрабатывались монографически его учителями” (Л. 54 об. – 55).

“Одновременно с В.О. Ключевским вели работу и многие его ученики, причем среди них, как и среди учеников В.И. Герье, оформилось две группы”. Одни, те, кто следовал в своей научной работе методике и методологии Ключевского, были М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье, П.Н. Милоков, В.Е. Якушкин. Ученики другой группы (В.И. Сторожев, Н.А. Рожков, М.Н. Покровский, Н.М. Никольский) “последовательно отходят от методов своего учителя и приходят, через определенные этапы, и не без борьбы, к марксистскому пониманию исторического процесса и начинают прокладывать новые пути исторической науки” (Л. 63 об.).

Сперанский в характеристике научных взглядов М.К. Любавского отмечает влияние учителя на ученика, при этом указывая, что “научные интересы Любавского были связаны с теми темами, которые намечались в лекциях Ключевского, но не являлись ни для него, ни для его предшественников предметом специального изучения”. Методы исследования Любавского были теми же, что у Ключевского (Л. 64 об.).

Таковы в самых общих чертах структура и содержание очерка. Внешне работа выдержана в строгих рамках “марксистского понимания исторического процесса”. Показательна дважды повторенная Сперанским характеристика Т.Н. Грановского и Н.И. Кареева как неревolucionеров, несмотря на их прогрессивные научные и общественно-политические взгляды (Л. 27 об., 47). В ряде случаев критерием оценки исторических концепций выступает социальное происхождение ученых или определенный уровень социально-экономического развития общества (Л. 42 об. – 43, 64). Наличие такого рода клише следует рассматривать на фоне состояния исторической науки первой половины 30-х гг. Работа была написана в то время, когда еще попросту опасно было обличать методы вульгарно-социологической школы, не приемлющей комплексного подхода к предмету историографии и определявшей место историка и его вклад в развитие исторической мысли, по сути, только лишь его социальным происхождением и политической ориентацией. Существенным могло оказаться и то, что Сперанский был близок к ленинградским историкам, осужденным по сфабрикованному ОГПУ Академическому делу. Академик С.Ф. Платонов собирался в

Москву незадолго до ареста и хотел остановиться у Сперанского (М. Бронная, д. 10, кв 31)¹³. А.И. Андреев был частым гостем у Сперанских и до, и после ссылки¹⁴. Террор против исторической науки в значительной мере мог оказывать влияние и на стиль, и на концепцию ученого.

Но даже в таких условиях Сперанский выразил в своей работе ряд важных идей, отличных от догматического взгляда на историографию как научную дисциплину, хотя он и не дает здесь специально определения историографии и историографических источников.

Идеи Сперанского, с нашей точки зрения, имеют ряд общих черт с концепцией широкого понимания предмета историографии. Согласно данной концепции, предметом историографии является и история накопления и развития исторического знания и методов исследования, и общественно-политические условия возникновения труда историка, и влияние работ историка на общественное сознание, история научных учреждений и методика преподавания и т.п. Такой подход требует изучения всего комплекса научных трудов историка, включая неопубликованные, изучения научного наследия малоизвестных историков и т.д.¹⁵

В отношении взглядов Сперанского важны характеристики, какие даны в очерке В.И. Герье и П.Г. Виноградову. Значение В.И. Герье как профессора Университета было не в его “историко-философских рассуждениях” и “историко-публицистических выступлениях”, а в том, что “он самый первый в России начал разрабатывать темы западноевропейской истории на архивном материале и на этот путь наставлял своих учеников. Кроме того, его заслуги в том, что он один из первых начал применять и широко культивировать метод семинарских занятий с студентами, вводя их в непосредственное соприкосновение с источниками по вопросам истории Великой французской революции, культурной истории средневековья, истории Рима и пр. Здесь выработались у студентов первичные навыки работы с источниками, приобретался интерес к научно-исследовательской работе и определялись научные интересы” (Л. 46 об. – 47). “В университете П.Г. Виноградов играл крупную роль и как преподаватель, и как общественный деятель. Его курсы привлекали внимание всех студентов и не только историков. А его семинары скоро приобрели широкую известность, причем участниками их были не только состоявшие студентами в то время, а и окончившие университет, приват-доценты, и историки, и юристы” (Л. 49). Таким образом, Сперанский отметил не только значение исторических идей ученых, но и существенный вклад их в разработку методики научного исследования и способов распространения исторического знания через семинары, публичные лекции, общественную деятельность.

Новаторские идеи Сперанского об историографии основывались на глубоком знании источников, свидетельствующем о высокой степени подготовки к работе такой тематики. Примером этому может служить критический отзыв Сперанского на рукопись книги О.И. Шведовой “Материалы для библиографии трудов русских историков (Библиография библиографии)”¹⁶, написанный год спустя после очерка “Историческая наука...” (19–21. X. 1936 (Д. 44. Л. 29–38)). В отзыве Сперанский высказывает важную идею о необходимости изучения научного наследия и творческого пути “рядовых историков” (Л. 29).

¹³ Письмо С.Ф. Платонова 16 сент. 1929 г. // АЕ за 1996 год (в печати).

¹⁴ АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 77 (Письма А.И. Андреева А.Н. Сперанскому). Л. 2–2 об., 16–16 об., 28. Также см.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 15.

¹⁵ *Шмидт С.О.* Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205.

¹⁶ *Булгаков М.Б.* Указ. соч. С. 287. Книга опубликована: *Шведова О.И.* Историки СССР. Указатель печатных списков их трудов. М. 1941.

В критических замечаниях на труд О.И. Шведовой нашли отражение интересы Сперанского в области изучения историографических источников. «Список источников тов. Шведовой, – пишет Сперанский, – дан в количестве около 50 названий. Сопоставление этого списка с регистрационными записями в самой работе показывает: 1) не все вошедшие в список издания в одинаковой мере использованы автором; 2) некоторые из источников, сведения из которых (по-видимому, не непосредственно, а из “вторых рук”) вошли в указатель, в списке отсутствуют. Напр., не полностью использован журнал “Исторический Вестник”, стоящий в списке источников. Неполно использован “Богословский Вестник”. В списке отсутствуют: всякие указания на издания губернских архивных комиссий, хотя указания на них в тексте работы имеются... Состав вошедших в список источников не позволяет установить, какой принцип был положен автором в основание их выбора. Напр., почему в качестве источника взят журнал “Архивное дело”, но не взят точно такой же источник по Украине “Радянський архів”. Взят словарь местных деятелей по Рязанской губ., Ярославской, но не взят такой же словарь по Вологодской губ. (Дилакторского). Взят первый том “Русской истор[ической] литер[атуры] в классовом освещении”, но не взят второй том того же издания. Взят “Чтения в общ[естве] истории и древностей” (Моск.), но не взяты все издания этого общества, предшествовавшие “Чтениям”, как не взяты все журналы такого же рода других ученых обществ (“Чтения” Одесск[ого] общ[ества] истории и древностей, Киевского общ[ества] Нестора и др.). При составлении списка, основани[я] отбора источников должны были быть установлены и оговорены в предисловии к печатному труду. На наш взгляд, (если отказываться от работы по библиографическим первоисточникам – имею в виду гос. библиографию), то необходимо включить в список и дополнительно обработать: 1) не вошедшие в список периодические официальные издания всех университетов, имевших в своем составе историко-филологические и юридические факультеты (всякого рода “Известия”, “Записки”, “Труды” и пр.); 2) отчеты университетов и др. высших учебных заведений, в учебный план которых входили исторические дисциплины (напр., эконом. отделение Петербургского политехникума), так как в них часто (напр., в отчетах Моск. ун-та) помещаются некрологи профессоров; 3) отчеты и периодические (или продолжающиеся) издания высших гуманитарных учебных заведений, возникших после Социалистической революции; 4) периодические (или продолж.) издания ученых исторических обществ (в том числе всех губ. и областных архивных комиссий, а в последующее время обществ краеведения); 5) периодические (и продолж.) издания Академий наук (СССР, УССР, БССР) по гуманитарным отделам; 6) исторические журналы (все или наиболее значительные), не связанные с деятельностью ученых и учебных заведений; 7) специальные исторические, историко-литературные и местные словари... В дополнение к такому списку источников необходимо указать и те историографические работы, в которых характеристика исторических работ дана “по авторам” и которые, следовательно, неизбежно содержат более или менее полные указания на работы отдельных историков» (Л. 29–31).

Столь обширная цитата обусловлена тем, что она отчетливо свидетельствует, насколько всеобъемлющи были представления Сперанского об источниках по истории исторической науки.

Это же подтверждает и опыт работы Сперанского в области библиографии, в том числе, опыт составления разнообразных указателей и примечаний к изданиям, что, безусловно, требовало знания об источниках не только опубликованных, но и хранящихся в архиве¹⁷. В частности, в фонде имеются подготовленные Сперанским обширные предметный, именной указатели и примечания к изда-

¹⁷ Булгаков М.Б. Указ. соч. с. 285–286.

нию “Аграрная политика в решениях съездов и конференций РКП(б) за 1925–1933 гг.” (Д. 5).

Таким образом, изучение рассматриваемых нами материалов позволяет дополнить идею исследователя о том, что, “пожалуй, только в довоенных работах С.Н. Валка и Н.Л. Рубинштейна продолжались традиции расширительного понимания предмета историографии и привлекались разнообразные, в том числе и архивные, источники”¹⁸. Мы видим, что и для А.Н. Сперанского был характерен комплексный подход к предмету историографии, воплотившийся в его неопубликованных трудах.

¹⁸ Чирков С.В. Об источниковедении историографии // Мир источниковедения. М., Пенза. 1994. С. 404.

С.О. Шмидт

ПЕРЕПИСКА Н.П. КОНЧАЛОВСКОЙ И М.Н. ТИХОМИРОВА

В Археографической комиссии немало сделано для ознакомления с научным наследием академика Михаила Николаевича Тихомирова и увековечения его памяти. Жизнь и творчество М.Н. Тихомирова — одна из сквозных тем едва ли не всех Археографических ежегодников, вышедших после кончины первого председателя нашей Комиссии в 1965 г. Информация об этом сведена в библиографическом указателе “Михаил Николаевич Тихомиров”, в основной своей части подготовленном еще покойной И.Е. Тамм и затем пополненном¹. Однако, в архивах таятся еще не вошедшие в научный обиход данные, небезынтересные для изучения творческого наследия М.Н. Тихомирова и общественного сознания его времени. К такого рода документации относится и переписка историка с московской писательницей Натальей Петровной Кончаловской (1903—1988).

Н.П. Кончаловская по рождению принадлежала к московской интеллигентской элите предреволюционного времени (дед ее по матери — великий художник В.И. Суриков, дед по отцу — известный издатель, отец — видный живописец Петр Петрович Кончаловский, дядя Максим Петрович, — выдающийся терапевт, другой дядя Дмитрий, — историк, переводчик “Двенадцати цезарей” Светония, эмигрировавший в 1941 г. и выпустивший за рубежом мемуары), а в годы переписки — к высшей советской литературной элите (жена Сергея Владимировича Михалкова, мать Андрона Михалкова-Кончаловского и Никиты Михалкова); и взгляды ее тем самым, в определенной мере отражают воззрения и этой среды.

Выявлена пока только та часть переписки, которая находится в фонде М.Н. Тихомирова в РАН — это, видимо, все письма Кончаловской (Ф. 693. Оп. 4. Д. 298), и лишь одно письмо Тихомирова (Оп. 4. Д. 24а) и отзыв Кончаловской об историко-художественном очерке Тихомирова “Соломонида” (Оп. 2. Д. 335)².

Основной повод, да, пожалуй, и основная тема переписки — прошлое Москвы в творчестве и мироощущении корреспондентов. 10 июня 1948 г. Кончаловская, закончив вторую часть книги “Наша древняя столица”, посвященную XVI — началу XVII в., обратилась к Тихомирову “как крупнейшему специалисту по этому разделу истории” с письмом (автограф), где просила “посмотреть... мою работу и дать, хотя бы в самой краткой форме... указания”. Заканчивается пись-

¹ Книга издана Научной библиотекой РГУ и АК в 1996 г. К сожалению, Д.Н.Бакун при подготовке оригинал-макета опустил указание на годы 1933, 1934, 1957 (С. 16, 31).

² В книге “Рукописное наследие академика М.Н.Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание” (сост. И.П.Староверова. М., 1974) документы эти описаны под № 712, 1132, 1511.

мо словами: "... буду Вам крайне признательна, т.к. буду спокойна за историческую правду". Писательница преподнесла ученому изданную первую часть книги, "для того, чтобы была яснее цель" ее труда — "исторические картины для детей — картины прошлого в стихах" (Оп. 4. Д. 298. Л. 2—3).

О письменном отзыве Тихомирова на вторую часть книги пока нет точных свидетельств, но на часть, посвященную XVII в., несомненно, имелся его письменный отзыв. Причем отзыв достаточно детальный, поскольку Кончаловская в благодарственном письме от 17 марта 1952 г. (машинопись) сообщает: «Получив Ваш отзыв о третьей части "Наша древняя столица", я незамедлительно взялась за правку книги по Вашим указаниям, с которыми во многих случаях я согласна», — и далее конкретизирует содержание этих замечаний. Они касались и стихосложения, в частности, видимо, обращения "к народной напевности", и потому Кончаловская сочла необходимым отметить: "Ведь поэзия у меня не менее важное дело, что и история. А иногда, должна Вам признаться, одно идет за счет другого".

При этом Кончаловская оспаривает суждение Тихомирова, рассматривавшего ее стихи "на фоне стихов" Маршака и Михалкова: "...с такими корифеями детской литературы никак не иду в сравнение. Но должна Вам сказать, что ни тот ни другой и никто из детских поэтов, пожалуй, не возьмется за такую труднейшую, серьезнейшую тему как история родной земли. Тему, требующую тщательного изучения материала многие годы. Тему, которую надо кровно любить и отдавать ей все свои силы, все свое время, все свои помыслы. Ведь мною написано уже семь тысяч строк! Трудно написать такое количество абсолютно хороших строк, гораздо проще написать книгу коротких детских стихов, которые легче придумываются, легче пишутся и начисто отделяются. А ведь я взяла на себя огромный труд, за который пока еще никто не брался, и если у меня есть хоть капелька исторического видения, то думается, что я получила ее в наследство от деда моего художника В.И. Сурикова, преданно любившего русскую историю и постоянно рассказывавшего мне всякие сказки из истории Руси, когда я была еще совсем маленькой девочкой. И для меня эта работа не случайна. Я уверена, что если бы предложили эту работу Маршаку или Михалкову то ни тот, ни другой не взялись бы за нее, потому что это надо так любить, как научил меня мой дед. Но в конце концов каждому — свое!" (Л. 4—4 об.).

Тихомиров почти сразу ответил на письмо. И это вызвало быструю реакцию корреспондента. Письмо Кончаловской (машинопись) датированное 26 марта 1952 г., много дающее для представления об отношении писателей и ученых к ее замыслу и — главное — о различии их подхода к художественным произведениям исторической тематики и к историко-познавательным задачам детского воспитания, приводится полностью: «Ваше письмо заставило меня немедленно сесть за машинку и написать Вам все, что вдруг очень взволновало и обеспокоило меня.

Я Вам крайне признательна за Ваш обстоятельный, убедительный и довольно острый ответ. Ничего нет полезнее и интереснее для писателя, чем такая хорошая, открытая беседа в письме. Сейчас я не могу удержаться, чтобы немедленно не выложить Вам свои мысли. Вы пишете, что Вы первым приветствовали мою первую книгу, дали более прохладный отзыв о второй и почти холодный о третьей. Вот теперь мне хочется объяснить Вам, почему у меня сейчас так тревожно и смутно на душе. Дело в том, что мне приходится сталкиваться с нашими писателями, с большими поэтами и интересными критиками. И вот уже шесть лет я слышу одно и то же мнение и у Маршака, и у Твардовского (которого я очень ценю, как поэта, очень!). И у Суркова, и у Тихонова. Все эти поэты утверждают, что нельзя писать целую книгу стихов одним размером, одним стилем, одной запевкой, как я делаю это в первой книге. Я всю книгу писала размером

пушкинских сказок или размером «Конька-Горбунка» Ершова. Если бы Вы знали сколько порицания мне пришлось выслушать от наших поэтов. Как они меня за это преследовали! Они утверждали, что это — риторика, что это механическая рифмовка, что это бессмысленное рифмование, невзирая на разные эпизоды, разные времена, разные стили, разные эпохи. Что нельзя Мамаево побоище описывать в той же интонации как и взятие Казани, а взятие Казани, как Ливонские походы Грозного. И вторую книгу мне пришлось, а вернее, не пришлось, а захотелось, делать в разных интонациях и в разных размерах. Все литераторы убеждали меня, что не только эта, но и все книги, так как они будут посвящены разным эпохам, должны быть разнообразными и не повторяться из одной в другую. И я с этим согласилась и страшно радовалась, что нашла в себе много новых возможностей менять форму, интонацию, рифму, голос, краски. И только то, что касается внешних описаний Москвы, Кремля, Китай-города, бытовых сценок рынка, бытовых картинок это уже остается в неизменном четырехстопном хорее, привычном традиционном ритме сказки. Мне даже предложено при переиздании непременно первую книгу переделать на разные размеры, чтобы сойти с этого, как бы всем приевшегося и набившего оскомину хорю.

И вот представьте себе, что историки — Греков, Тарле, с которыми мне довелось беседовать о моих книгах, и вот теперь Вы, Михаил Николаевич, — все историки в один голос утверждают, что лучшая — это первая книга, а писатели просто презирают мою первую книгу и требуют непременно переработки. Вот теперь представьте себе, как мне трудно решить, кого же мне слушаться? А слово “риторика” — страшное слово, лучше совсем ничего не писать, чем заниматься риторикой.

Еще интересная подробность: я просила поэтов и опытных “поэтических” редакторов подчеркнуть мне, по их мнению, неудачные строчки синим карандашом, а удачные — красным. И оказалось, что все, что историки считают удачным, литераторы считают неудачным, а все, что у историков считается плохими строчками, литераторы приветствуют. Далее, часто бывает так, что литераторы против исторических фактов, как раз тех, которые необходимы, по мнению историков. Барто мне заявила, читая третью книгу: “Кому интересно знать про этот ваш Соляной бунт? Или про “Медный бунт”? Это же все одно и то же! Все это скучно, нудно!”

А по мне, самое дорогое это то, что ребята могут пойти в село Коломенское и увидеть эти богатейшие памятники русской древней культуры. И может быть, кто-нибудь из них полюбит это дивное русское искусство! Мне кажется, что теперь Вы представите себе, до чего ж трудное мое положение, и, может быть, где-нибудь пойдете мне навстречу. Одно только я поняла и глубоко удовлетворена, искреннее Ваше отношение, настоящее, доставляет мне большую радость. Благодарная Вам до глубины души, Ваша Наталья Кончаловская».

Допустимо предположить, что письма, содержание которых могло оказаться полезным для ее дальнейшей работы, Кончаловская печатала на машинке, оставляя себе копии. Письмо же от 11 декабря 1962 г. снова написано от руки. Перед тем Тихомиров прислал ей только что вышедшую монографию свою “Россия в XVI столетии”³, а возможно, и письмо, в котором писал о своей художественно-исторической повести (вероятнее всего, о “Соломониде”, так как в архиве академике сохранился отзыв Кончаловской об этом сочинении).

Письмо имеет значительный самостоятельный интерес и приводится целиком. Небезлюбопытно, что появляется обращение “Дорогой Михаил Николае-

³ В том же 1962 году все три части сочинения Кончаловской изданы отдельной книгой “Наша древняя столица: картины из прошлого Москвы” в серии “Школьная библиотека” стотысячным тиражом.

вич” (раньше у обоих было обращение “глубокоуважаемый”). Можно думать, обращение “дорогой” было уже в авторской надписи ученого на его книге.

«Получила Ваш подарок. Спасибо Вам большое. Открыла я книгу сразу на 78 странице и налетела на Василия Блаженного и вдруг сразу попала воображением в гуцул москвичей, смеющихся над голым юродивым, и так это было по-суриковски здорово, кратко и ярко. Просто радостно читать было! Я мечтаю познакомиться с Вашей повестью, конечно лучше “глазами” — дайте мне рукопись. Почту за честь и доверие, если Вы мне покажете ее.

Я сейчас буду в Москве.

А как Вам нравится сообщенице о том, что следует восстановить памятник “Свобода” на Советской площади, которое было на днях в “Правде”.

А ведь у Аджубея* моя статья «Князь “Долгие руки”». Аджубей говорил, как только в ЦК будет постановлено перенести “князя” поближе к Кремлю, так мою статью напечатают: вот будет для меня радость. Должна Вам сказать, что у меня к этому конопатому узурпатору чисто личная неприязнь. Когда я хожу мимо этого памятника, я каждый раз ему говорю: “Погоди ты у меня, слетишь ты с этого поста, как пить дать! Будешь под Боровицкой башней стоять в садочке!” Я его просто не переносу. Он все-таки наверно, как человек был препротивный, ну вот через века чувствую! Из своей книги я его выбросила. Жду Вашей рукописи. Ваша Наталья Кончаловская».

В приписке Кончаловская сообщает, что ей очень хочется показать Тихомирову оперу Верди “Фальстаф” в Большом театре, к которой написала русский текст либретто (“Я работала над ним с упоением”) (Л. 7—8)).

После того Кончаловская получила возможность ознакомиться с повестью Тихомирова “Соломонида”⁴ и написала отзыв о ней, датированный 5 мая 1963 г. К повести этой она подошла как литератор к сочинению другого литератора, предназначенному для литературно-художественного издания. Ответом на него было письмо ученого (машинопись) от 17 июля 1963 г. Письмо это — не только образец эпистолярного стиля историка, но и чрезвычайно интересно рассуждениями о сочинениях исторического содержания, предназначенных для самого широкого читателя, и о своих творческих задачах в этом плане⁵. Письмо приводится целиком: “Дорогая Наталья Петровна. Отвечаю на Ваше хорошее письмо с большим опозданием, потому что долгое время был в отъезде, спасаясь от юбилея⁶. К тому же никакой спешности в моем деле нет. Скажу откровенно: Ваш отзыв больше меня удивил, чем огорчил. Основное мое желание заключалось в том, чтобы попытаться создать краткие повести по истории, а вовсе не делаться писателем. Быть ученым — это не меньше, чем быть писателем, все зависит от масштабов. Но вот использовать некоторое умение писать по истории со знанием дела, но доходчиво — это не совсем просто. И здесь напрасны презрительные ссылки на научно-популярную литературу по сравнению с писательством. Несчастье наших исторических романистов и заключается в том, что у них нет романов и недостоверная история. А во Франции давно господствуют со-

* Он был тогда главным редактором газеты “Известия”.

⁴ Повесть “Соломонида” печатается в наст. изд.

⁵ Цитаты из того письма уже использовались в трудах о Тихомирове (Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н.Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 18. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1977. С. 356—357).

⁶ 1 июня 1963 г. академику М.Н.Тихомирову исполнилось семьдесят лет. Он был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина (награждение званием Героя Социалистического Труда ученых-гуманитариев в ту пору еще не вошло в обычай). Но, не желая праздновать свой юбилей, уехал из Москвы. Однако событие это было отмечено статьями в научных изданиях, и в честь ученого издали несколько сборников статей — единственный пример в нашей историографии! (См.: Михаил Николаевич Тихомиров. Библиографический указатель. С. 60—61.)

чинения среднего типа; это не роман и не история, а среднее — история, написанная для читателей. Примером такой литературы являются, например, сочинения Кабаниса и т.д.

Их, эти сочинения, читают с интересом, а многие наши исторические романы только переплетают для книжных полок. Не думайте, что я пишу Вам в качестве обиженого, нет. В 70 лет писателем не делаются, а автором очерков быть возможно. Так я и буду делать по силе возможности. Кстати говоря, мне вспомнился один случай из времен моей молодости. В Самаре⁷ в начале революции был ЛИТО, где выступали поэты. Вышли два поэта. Один написал гладко, но был осужден за то, что небо у него бросало свет на домны. Стихи другого были признаны лучшими, несмотря на нескладность рифмы, потому что в них домны бросали свет на небеса, то бишь, их завоевывали. Счастливый поэт стал выступать с рифмами, но однажды я его увидел на площади перед ЛИТО. Он грозил кулаком. Я и мой спутник спросили его: В чем дело. Непризнанный гений сказал, показывая на ЛИТО: Вот они, не признали, таланта нет. От самарского Горация сильно пахло вином. Так и я, заканчивая это письмо, могу сказать: Не признали, таланта нет. Увы, выпить я не могу и посему кулаком не угрожаю, а шлю Вам самые лучшие пожелания. Говоря старым языком, всегда готов к Вашим услугам” (Д. 24а).

20 июля 1963 г., “только что получив письмо”, Кончаловская спешит ответить Тихомирову и объясняет, что лишь сейчас поняла, что хочется автору и какую цель он преследует. Во многих планах интересны наблюдения в конечной части письма-автографа: «...Между прочим Вы зря отрекаетесь от “писательства”. Я с этим в корне не согласна. Историк должен уметь красиво и хорошо писать — завлекательно! В этом и есть залог тяготения читателя к истории. Моей учительницей по истории в гимназии Потоцкой была Елена Алексеевна Ефимова. Эта крошечная седая женщина, сухими лапками перебирившая цепочку от часов на своей белой английской блузе, иногда рассказывала так вдохновенно, что я в 60 лет помню эти уроки, а иногда она говорила так, что только бы скорее звонок! Но то, что она рассказывала с вдохновением, я помню до сих пор!

Очень интересен пример с домнами и с поэтами. В данном случае Вы подходите к поэтам как историк, а я — как поэт! И здесь тоже один критерий, который зависит от того, как к этому подходить — искусство важно или не искусство решает, а политика? Может быть рифмы-то здесь не играют роли. Мне хочется привести Вам пример из жизни Сурикова. В “Переходе Суворова через Альпы” много исторических неточностей, на которые ополчились Верещагин и даже Толстой Л.Н. Когда Сурикова попросили это переделать, он сказал: “Ни за что! Почему? Потому что так красиво!” Вот прошло уже 75 лет с тех пор. Много картин было написано на Суворова в Альпах. И там уже так точно было все сделано — комар носу не подточит! А Вы не знаете, пожалуй, ни одной из них, а знаете только Сурикова. Только потому, что это — искусство, и оно живет и сохраняется народом, и о “Переходе Суворова” народ знает именно по его картине. Вот ведь, что такое искусство. Сердечно благодарю Вас за письмо. Ваша Наталья Кончаловская» (Л. 10—10 об.).

Хочется думать, что в не поступившем еще на государственное хранение личном архиве Н.П. Кончаловской сохранились письма М.Н. Тихомирова — там наверняка имеются наблюдения, существенные для изучения прошлого Москвы и его восприятия историками и писателями во второй половине нашего столетия.

⁷ Самарский период жизни запечатлен в его воспоминаниях 1960-х гг.: См.: *Тихомиров М.Н.* Самара в моей жизни (1919—1923 гг.). Самара. 1994 (Серия “История Самарского края в документах, материалах и воспоминаниях”).

СБОРНИК “МОСКВА ВОЕННАЯ”¹

Книга выпущена издательством объединения “Мосгорархив” к 50-летию Победы. Она необычна даже на фоне огромного массива опубликованных изданий исследовательского, мемуарного характера, публицистики, документальных сборников о войне. Формально — это сборник смешанного состава. Но фактически — нечто иное. “Мы стремились воссоздать (разумеется на фоне основных событий военной истории) общую панораму жизни города Москвы с начала войны по май 1942 г. — время завершения Московской битвы”, — объясняют публикаторы свой замысел (С. 14). Намерение показать *жизнь* Москвы в разнообразных ее проявлениях осуществлено очень последовательно. Об этом свидетельствует, прежде всего, структура книги. Доминирует тематический принцип. Три большие части (каждая со своей внутренней нумерацией): “Вставай, страна огромная”, “Все для фронта, все для победы”, “Будни осажденного города” — делятся на несколько разделов: “Первые месяцы войны”, “Октябрьская трагедия”, “Парад 41-го года”, “Контрнаступление”, “Московские руководители...” (ч. I); “Добровольческие народные формирования”, “Строительство оборонительных рубежей”, “Эвакуация. Военная экономика”, “ПВО и МПВО против люфтваффе” (ч. II); “Проза жизни”, “Музы против пушек”, “Дети военной Москвы”, “Русская женщина” (ч. III). Кроме того в книгу включены “Пролог” и “Эпилог”. Имеются предисловие от составителей, примечания, список сокращений и именной указатель.

При передаче текста, вынужденные, видимо, огромным объемом книги, составители многие документы личного происхождения представили фрагментами, имеющими прямое отношение к Москве военного времени, другие же расчленили, поместив в разные разделы.

Само понятие “Жизнь” всеобъемлюще. Каково конкретное содержание его в сборнике? Может быть, как-то раскрыть его поможет понятие “повседневность”. Тут — невольная ассоциация с позицией французской школы “Анналов”². Конечно, задачи авторов очень разные. Для “Анналов” она в том, чтобы выявить долгодействующие в рамках *эпохи* материальные возможности, традиции и факторы. В “Москве военной” речь, вроде бы, только об одном годе. Однако этот год — особый, исключительный, военный, соединил в себе событийное, индивидуальное и присущие советскому обществу этого времени свойства.

Коллективный автор, работавший над книгой, в отличие от других сборников был как бы един в реализации замысла. В самом деле, Москва в месяцы сражения, как и вся *война*, с точки зрения *повседневности*, обнаруживала системы, органы, механизмы... И реакции народных масс.

Авторы “Анналов” ограничивали себя долговременными структурами материальных возможностей, мышления, ценностей и потребностей. Они стремились к обобщающему рассмотрению прошлого, и что очень важно, разделяя нынешние и прежние представления и оценки. Те же, кто предпочитал индивидуализирующий подход “позитивистов”, объявляли о своей задаче “констатации достоверно доказанных фактов” и строили на их основе конструкции более высокого уровня.

¹ Москва военная, 1941–1945: Мемуары и архивные документы / Ред. совет: Предс. И.Д.Ковальченко. М., 1995. 743 с. Тираж 60 тыс. экз.

² См., например: *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. Характеристика главных принципов этой школы дана во вступительной статье Ю.Н.Афанасьева.

Авторский коллектив книги реконструирует жизнь всеенной Москвы, не от себя, а от прямых участников и свидетелей. Часто — активных деятелей, иногда — представителей той огромной “массы” москвичей, которая, кажется аморфной. Но только при очень поверхностном взгляде на нее. В действительности эта “масса” представлена в книге не *толпой*, а *личностями*, по-разному видящими, осмысливающими, оценивающими то, что происходит. Такой подход сам уже заслуживает чрезвычайного внимания. Спектр реакций и действий, поступков, показанных в книге, очень широк: от абсолютно преобладающего стремления “Вставай на смертный бой” до противоположного. От “Мы перенесем любые трудности, будем помогать нашей Красной Армии...” — до “Войну с Германией мы проиграем — это ясно...” Или “Советская власть не избрана волей народа, и он скажет сейчас свое слово”. Даже: “Если в 1919—1920 гг. народ шел за свободой, за свои права, то теперь ему не за кого умирать. Советская власть довела народ до крайнего озлобления”. Или еще: “Крестьяне с радостью встретят весть о войне, так как она освободит их от ненавистных им большевиков и колхозов” (С. 51—52). К некоторым из подобных высказываний примечание, относящееся к 24 июня: “арестован”.

Самая массовая реакция на войну: очереди у магазинов и сберкасс. Примечательно, что уже 22 июня “зав. магазином гастронома № 21 (Дом правительства) в беседе заявил, что почин в усиленной закупке продуктов сделали жильцы дома правительства. Они же забирают свои вклады в сберкассах” (С. 42).

Наконец, противоположные реакции на войну: множество сообщений об очередях в призывные участки, райвоенкоматы с требованием “о досрочном зачислении в Красную Армию”. Но и “отрицательные случаи”, вплоть до самоубийства призванных (24 июня. С. 53). Но если в первом проявлении выявили себя многие тысячи, то в ином поименованные единицы.

Когда показываются самые первые дни войны, их восприятие, — не толпой, а людьми, — важно следующее: авторы книги не просто *констатируют*, мол “было такое и не такое”. Они *реконструируют* посредством документальных, не отделенных от событий сообщений и свидетельств прошлую *действительность*. Во всей ее неоднозначности.

Такая “установка” (а точнее трудно определить), может быть, по А.С. Лаппо-Данилевскому, “единство сознания”, видима и во всех разделах книги. Взрыв патриотических чувств и умонастроений, выражающихся в *поступках*, реакциях, в повседневном восприятии и поведении.

В следующих частях и разделах представлена дальнейшая жизнь Москвы и москвичей.

Дальнейшая — это когда война стала повседневностью. Постепенно стали привычной проблемы “отоваривания” карточек, топлива, бомбежки, разлуки с близкими. Кажется, личностные горести, ущемленности, но и маленькие радости: “сыта, выпалась, известие получила...” Или другое: “Получил приказ, доношу об исполнении... Результаты...” Вот здесь еще одна важная особенность книги: ее авторы органично соединяют три взаимодействия: намерение (приказ) власти, его исполнение (последующие распоряжения и доклады об исполнении) и, наконец, как все это реализовалось и ощущалось на личностном уровне, как влияло *на жизнь* людей. Среди них добывание дров и еды, запись в добровольческие полки, организация окопных работ, которая часто оказывалась плохой, недостаточной, эвакуация, ПВО...

Вот в этом разностороннем отображении документами жизни военной Москвы — особенность книги. Главное: объемное *отображение*, как бы голограмма жизни воюющей Москвы. Самоценны “портреты” или “автопортреты” их руководителей.

Раньше говорилось об особенностях содержания книги. Но необходимо ска-

зять о составе включенных в нее текстов. Лишь небольшую часть из них составляют уже широко известные фрагменты мемуаров Г.К. Жукова и других авторов. Они представляют как бы общеисторическую перспективу, фон московской жизни. Из опубликованных прежде, кажется, повторены только материалы, касающиеся патриотической позиции церкви, взятые из сборника “Правда о религии в России” (М., 1942), т.е. синхронные событиям. И еще некоторые газетные публикации того времени, главным образом, официального характера (например, тексты выступлений В.М. Молотова 22 июня и И.В. Сталина 3 июля). Последние сопровождаются документами об откликах людей, что само по себе придает им новую содержательность.

Основной массив публикуемых источников включил в себя две их категории. Первая — служебные документы, вторая — документы личного происхождения. Служебные материалы прежде никому, кроме адресатов (и архивистов), не были известны. Они до последнего времени и не могли стать достоянием открытой информации. Система секретностей разного уровня была (а отчасти и осталась) неотъемлемой частью самой природы социалистического (в том числе и “развитого”) строя. Под грифом “не публиковать”, “для служебного пользования”, “секретно”, “строго секретно”, “особая папка” с регламентами “допусков” скрывалось не только настоящее, но и прошлое.

Вопрос о секретности чрезвычайно важен для оценки документов и сборника в целом. В принципе закрытость той или иной части информации обычна, даже неизбежна для любого государства и его структур. Однако в тоталитарных государствах она приобретает всеобъемлющий и принципиальный характер. Даже по прошествии многих лет после окончания войны издавалась масса указаний, инструкций и других документов, касающихся или определявших режим секретности, перечни соответствующих документов, сюжетов и тем, порядок работы архивов. Так, в 1972 г. Советом Министров СССР была утверждена “Инструкция по обеспечению сохранения государственной тайны и режима секретности проводимых работ в учреждениях и на предприятиях СССР” (М., 1972). Ею утверждалось, что “проявление высокой политической бдительности и обеспечение сохранения в тайне государственных секретов — обязанность каждого советского человека, которому эти секреты доверены или стали известны по службе или работе” (§2. С. 3). Были детально разработаны градация степеней секретности, условия и процедуры допуска и санкции за нарушения.

Не только материалы НКВД, оборонных и других ведомств, но и почти вся деловая информация о деятельности партийных органов относилась к “закрытой”, в лучшем случае “для служебного пользования”³.

Нет нужды доказывать очевидное: в годы войны понятия “тайна”, “секретность” приобрели гораздо большую значимость, чем раньше и позднее. Сказан-

³ См., например, “Правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии, институтов истории партии — филиалов ИМЛ при ЦК КПСС”. М., 1980. К работе с партийными фондами допускались только члены КПСС с разрешения “инстанций”, а часто “директивных органов” (С. 64). При этом выписки из них строго контролировались. Конечно, даже при этих условиях не обходилось без “утечек”. Например, изданная за рубежом книга В.Н. Рапопорта и Ю.А. Геллера (Ю. Алексеева) “Измена Родине” (опубликованная у нас только в 1995 г.), посвященная истории разгрома Красной Армии в 1937 г., была написана во многом благодаря тому, что Ю.А. Геллер, будучи сотрудником ЦГАСА, понятно — негласно — использовал множество документов этого архива (конечно, без сылок). Невольная ассоциация с другим тоталитарным государством: “...был доведен до совершенства один из основных принципов деятельности гестапо, распространявшийся впоследствии на работу всех официальных германских органов, — принцип секретности. Разведывательные службы и, в несколько меньшей степени, службы полицейские по достоинству оценивают значение секретности в своей работе. Однако никогда еще забота о секретности не заходила так далеко, как в гитлеровских службах, где принятые предосторожности и установленные запреты доходили иногда до смешного” (Деларю Ж. История гестапо. Пер. с фр. М., 1993. С. 188).

ным, кажется, оправдывается известная экстраполяция принципов одного времени на иное.

В течение всего советского периода действовали процедуры, связанные с присвоением работникам того или иного уровня права допуска к секретным материалам, режима хранения, использования и т.п. Специальные разделы и пункты нормативных документов посвящены вопросам, связанным с ответственностью за различные нарушения (включая уголовную ответственность), утрату, разглашение секретов. Самая активная роль во всех процедурах отводилась КГБ. Секретность, однако, не только лишала общество объективной информации. Она же способствовала фиксации и сохранению более или менее отвечающих действительности сведений. И об этом свидетельствуют многие тексты, напечатанные в “Москве военной”. Я имею в виду, прежде всего, служебные документы партии, НКВД, других государственных органов.

Можно согласиться с директором Центрального архива общественных движений Москвы З.П. Иноземцевой: “При подготовке решений часто проводилась большая аналитическая работа, готовились справки, изучалось общественное мнение. К слову сказать, вопреки расхожему мнению, партийные документы отличаются особой достоверностью... Не все, конечно... Но зато, к примеру, информация бюро ГК партии в ЦК — это источник, максимально приближенный к достоверному положению дел, так как тут за каждую цифру, за каждое слово приходилось головой отвечать” (газ. “Тверская, 13”. 1997. № 9). Конечно, неправильно утверждение об абсолютной достоверности служебных, в том числе и партийных документов. Теперь более или менее раскрыты методы следственных органов, физического и морального давления ради добывания “признательных показаний”. Трудно сказать, сколь редки были и факты очковтирательства.

Однако многократно дублированная система контроля и надзора в сочетании с жестокой репрессивной практикой делала подобное поведение весьма опасным.

Сказанное об информации в партийной системе в основном относится и к таким “отраслям” государства, как НКВД (ГБ) и иным. Их документация, освещающая устроения населения, действия (или недействия), по крайней мере, местных властей, более или менее адекватна реальности. А среди опубликованных в книге и директивные документы высших властей — ЦК, ГКО, ГК Москвы — это те, что направляли действия подчиненных инстанций. И распорядительные, которые издавались сверху вниз по подчиненности. И ответные, документы оперативной отчетности, об исполнении указаний. Но, может быть, особенно примечательны первичные, с самого “низу” сообщения. Это сводки выдержек из писем, представленные военной цензурой, сообщения секретных сотрудников ВД, информаторов райкомов партии... В них отражены очень неодинаковые суждения и поступки людей, их поведение.

Особенно важны они именно в критические дни начала войны. И, может быть, в документах о середине октября. Паника в Москве, эвакуация, бегство в общем-то не были тайной. Упоминания об этих фактах, обычно в общей форме и лаконичные встречаются в литературе. Но столь “панорамно”, конкретно, часто именно и документированно они представлены кажется, только в этой книге.

В этой связи одно замечание: взятые в совокупности документы и другие источники, вошедшие в книгу, демонстрируют в совершенно конкретных проявлениях ценностные системы, влиявшие на решения властей и поведение как руководителей, так и “рядовых” москвичей. Четкие и жесткие критерии оценок, “+” или “-”, “черное” — “белое”, проявили себя в военное время чрезвычайно остро. Для той ситуации они были, кажется, естественны. Но ведь они, хотя и иначе, “работали” и до войны. Феномен Сталина теперь объясняется тем, что он не давал потухнуть пламени перманентной гражданской войны. Это состояние было

характерно для всего общества. Доведенное до предела войной черно-белое мироощущение сохраняло силу еще после нее, многие десятилетия. Собственно и теперь оно достаточно активно.

Большую часть опубликованных в “Москве военной” документов составляют источники личного происхождения. Среди них воспоминания, записи устных воспоминаний, дневники. Последние, естественно, заполнялись в ходе событий. Что же касается собственно мемуарных документов, тут сложнее.

Комиссией по истории Великой Отечественной войны (а она первоначально создавалась как комиссия по истории обороны Москвы) воспоминания записывались (стенографировались) до 1947 г. Они широко представлены в “Москве военной”. Частью воспоминания писались специально для сборника. Между тем, основной “корпус” мемуаров публиковался во второй половине 50-х — конце 80-х годов. Такая датировка очень важна. Дело в том, что мемуары выходили сериями в разных издательствах: Воениздат выпускал серию “Военные мемуары”, “Наука” — серию “Вторая мировая война в документах, мемуарах, исследованиях” и т.д.⁴ Каждая из серий имела свои отличительные черты. Однако все они подчинялись определенным, в том числе цензурным, правилам. Между тем авторам собранных или записанных в годы войны или сразу после нее воспоминаний Комиссия гарантировала секретное хранение их текстов. Да и жесткие требования к содержанию еще не оформились, не сформировались. Война еще шла. И с ней были связаны не только многие миллионы жертв, но определенная духовная раскованность. Люди не хотели кривить душой. Тем более, что респондентов убеждали в необходимости их свидетельств именно для исторической науки.

Такая же откровенность, может быть, даже большая критичность присуща воспоминаниям, написанным в конце 80-х — начале 90-х годов.

Знакомство с книгой вызывает глубокое уважение к авторам и составителям. К лозунгу, которым они руководствовались: “О войне — правду, всю правду, ничего кроме правды”. Таким подходом, “единством сознания” и объясняется то, что я называю “Москву военную” не сборником, а именно книгой.

⁴ Подробнее см.: Курносоев А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Организация и методика собирания) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 118—132; Он же. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941—1945) // АЕ за 1975 год. М., 1976; Он же. То же (1945—1955) // АЕ за 1978 год. М., 1979; Он же. То же (1955—1975) // АЕ за 1979 год. М., 1981.

С.Ю. Шокарев

КНИГА О СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАДГРОБИЯХ МОСКВЫ¹

Надгробия являются уникальным историческим источником, сочетающим в себе свойства источников письменных и вещественных, дающим материал для изучения истории, генеалогии, исторической топографии и краеведения, языка, литературы, архитектуры и декоративного искусства. Важно изучение надгробных надписей с точки зрения палеографии (особенно памятников конца XV — первой половины XVI в.) в сравнении с палеографией берестяных грамот. Большое значение имеет исследование художественных закономерностей размещения текста и орнамента на плитах и сопоставление их с приемами украшения сре-

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996. 563 с. Илл. Тираж 1000 экз.

двенековых рукописей (так, в надгробных надписях XVII в. встречается сужение текста треугольником книзу до двух-трех букв).

Первые публикации надгробных надписей были предприняты в XVIII в. А.П. Сумароковым и Н.И. Новиковым. В дальнейшем описания памятников некрополя и публикация надгробных надписей становятся неотъемлемой частью любого путеводителя или исторического описания города, обители, церкви. В 1896 г. А.А. Мартынов опубликовал два свода эпитафических памятников “Надгробная летопись Москвы” и “Московские колокола”. Этот труд Мартынова, включающий 453 надписи XVI—XVIII вв. со стен и некрополей 94 московских церквей и до сих пор остающийся непревзойденным по полноте, вошел вместе с неопубликованными материалами в состав капитального издания “Московский некрополь”² — ценнейший справочник по генеалогии и просопографии. О значении издания надгробных надписей для генеалогических исследований писал издатель “Московского некрополя” великий князь Николай Михайлович, говорили в своих лекциях генеалоги Л.М. Савелов и Ю.В. Арсеньев.

К изучению самих надгробных плит обратился в начале XX в. В.Н. Щепкин, давший первую периодизацию надгробий по декоративным признакам³. В 1936 г. А.В. Арциховский посвятил статью плитам, найденным во время работ на трассе первой очереди московского метрополитена. Арциховский исследовал плиты как полифункциональный источник, рассматривая в целом и эпитафию, и формы памятника⁴.

О необходимости охраны надгробных памятников путем учета, фотофиксации и описания писал в 1956 г. академик М.Н. Тихомиров. По его словам, “надгробные надписи имеют значение крупнейшего исторического источника по истории культуры и, в частности, Москвы как величайшего культурного центра нашей страны”⁵.

К концу 1950-х гг. археологией был накоплен богатейший материал, который дал возможность провести некоторые обобщения и опубликовать значительное количество надписей. Работы В.Б. Гиршберга (свод 269 эпитафических памятников XV — первой половины XVII в. Москвы и Подмосковья) и Т.В. Николаевой (публикация материалов некрополя Троице-Сергиева монастыря)⁶ являются основополагающими для дальнейшего изучения русского средневекового надгробия. В этих работах дается истолкование семантики орнаментов, уточняются вопросы периодизации, исследуется история изготовления надгробных плит. Гиршбергом и Николаевой привлекались самые разнообразные письменные источники, археологические материалы, архитектурные памятники.

В 1970-1980-х гг. исследование средневековых надгробий было продолжено публикациями Ю.М. Золотова, Д.А. Дрбоглава и других эпитафистов⁷. Изуче-

² Московский некрополь. М., 1907. Т. 1. М., 1908. Т. 2, 3.

³ Щепкин В.Н. Описание надгробий (собрание 1-е) // Отчет Исторического музея за 1906 г. М., 1907. Приложение; То же (Собрание 2-е) // Отчет Исторического музея за 1911 г. М., 1913. Приложение.

⁴ Арциховский А.В. Надписи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича. Л., 1936. С. 160—165.

⁵ Записка М.Н. Тихомирова 1956 г. о составлении “Московского некрополя” (подг. С.О. Шмидт). // АЕ за 1989 год. М. 1990. С. 306.

⁶ Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. XIV—XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV—XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика (далее — НЭ). Вып. 1. М., 1960. С. 3—77; То же. Ч. 2. Надписи первой половины XVII в. // НЭ. Вып. 3. М., 1962. С. 212—287; Николаева Т.В. Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // НЭ. Вып. 4. М., 1966. С. 207—255.

⁷ Золотов Ю.М. Надгробия московских ремесленников. XVII век // Сов. археология. 1961. № 1. С. 241—244; Он же. Две надписи московских немцев // Сов. археология. 1966. № 3. С. 249—252; Он же. Три памятника старомосковской эпиграфики // Сов. археология. 1984. № 2. С. 246—250; Он же. Надписи XVI в. из Волоколамска // Сов. археология. 1966. № 3. С. 190—194; Дрбоглав Д.А. Камни называют... М., 1988 и др.

ние надгробных плит как произведений искусства продолжилось работой В.В. Ермонской, показавшей место средневековых памятников в истории русской мемориальной скульптуры⁸. Накопление эпиграфических материалов, с одной стороны, и возрождение генеалогии и развитие москвоведения и некрополеведения, с другой, обусловили необходимость создания новых сводов надгробных надписей. Об этом в 1989 г. говорил В.Б. Кобрин⁹.

Фундаментальная работа доктора исторических наук, заведующего сектором археологии Москвы Института археологии РАН Л.А. Беляева не только успешно продолжает труды В.Б. Гиришберга и Т.В. Николаевой, но и подводит итоги почти столетнему изучению русского средневекового надгробия. Беляева, руководившего раскопками многих памятников на территории древней Москвы, отличает интерес к материалам некрополя. В работе “Древние монастыри Москвы (конец XIII — начало XV в.) по данным археологии” (1994) Л.А. Беляев сообщает сведения о топографии средневековых некрополей и элементах средневекового погребального обряда, служащие, в свою очередь, источниками по ранней истории московских монастырей.

Новая книга Л.А. Беляева отражает результаты многолетних археологических изысканий относительно истории русского средневекового надгробия на некрополях Москвы. Книга состоит из вводной части (историография, письменные источники об изготовлении и бытовании надгробий, методические аспекты — типология, атрибуция и датировка), трех основных разделов и указателя. В первой части Беляев рассматривает генезис и развитие форм орнамента белокаменного надгробия. По широте постановки проблемы и охвату материала такое исследование производится впервые. Беляев исследует русское средневековое надгробие на культурно-историческом фоне всей Европы с античности до развитого средневековья. В ходе исследования автор отвергает некоторые традиционные представления о семантике орнаментов, например, о “языческих” истоках изображения солярного знака, аргументированно доказывая связь этого элемента с раннехристианской символикой. Общий вывод автора — история русского средневекового надгробия является одной из составляющих процесса развития форм монументальных памятников Европы. Беляев определяет “стадиальную синхронность” и “общую художественную и семантическую близость” русского надгробия к памятникам Византии и Европы эпохи романского и готического искусства.

В некоторой степени продолжением первой части является вторая, содержащая пять специальных экскурсов: элементы романского искусства в древнерусских изображениях Гроба Господня; два экскурса по вопросу об изображении креста на надгробиях (в опровержение историографического мифа о “запрете” изображения креста на могильных плитах); рассказ о судьбе одного из приближенных Ивана Грозного Каспара фон Эльферфельдта, надгробие которого было обнаружено в районе Шаболовки; происхождение и развитие формуляра эпитафии и ее функции. Последний экскурс представляет особый интерес как попытка семантического рассмотрения средневековых эпитафий, показывающая все разнообразие информации, которое несет этот источник¹⁰.

Третья часть исследования — каталог надгробий, найденных при археологических работах 1970—1980-х гг., включающий около 150 плит с некрополей Данилова, Богоявленского, Высоко-Петровского монастырей, церковью Сергия в Старых Серебряниках, Сергия в Рогожской слободе и других. Важным отличии-

⁸ Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура XI — начала XX в. М., 1978.

⁹ Кобрин В.Б. Перспективы развития генеалогических исследований // Генеалогические исследования: Сб. науч. трудов. М. 1994. С. 27.

¹⁰ Любопытно сравнить наблюдения Л.А.Беляева с исследованием, посвященным эпитафиям более позднего периода (Мурьянов М.Ф. Пушкинские эпитафии. М. 1995).

ем от подобных сводов Гиршберга и Николаевой является то, что в описание включаются плиты и фрагменты без надписей, несущие только декоративную информацию. Каталог разделен по некрополям, причем, публикации предшествует характеристика этих некрополей, вопросы сохранности и хранения находок. Среди тех, чьи имена встречаются на плитах, и представители знаменитых дворянских фамилий — Аксаковы, Беззубцевы, Воронцовы-Вельяминовы, князья Дашковы и Ухтомские, Колтовские, Милославские, Челищевы и безвестные иноки, ремесленники (житник, садовник), младенцы. Есть и эпитафии иноземцев — на латинском и немецком языках. Каталог сопровождается прекрасными иллюстрациями — фотографиями памятников *in situ* и извлеченных из земли.

Огромную ценность представляет сводный именной указатель ко всем археологическим публикациям надгробных плит, включающий 44 работы, в том числе и классические труды В.Н. Щепкина, А.В. Арциховского, В.Б. Гиршберга, Т.В. Николаевой.

Труд Л.А. Беляева, помимо содержащегося в нем фактического материала, ценен тем, что закладывает основательный фундамент для дальнейшего изучения русского средневекового надгробия. Блестящее знание материала, широчайшая эрудиция, умение верно поставить проблему и обобщить огромную массу фактов позволили Л.А. Беляеву понять и отразить сущность русского средневекового надгробия как особого художественно-исторического явления. В замыслах автора — выпуск серии под титулом “Русское средневековое надгробие”, издание которой важно для дальнейшего развития науки.

М.А. Полякова

СБОРНИК СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ МОСКОВСКИМ УСАДЬБАМ¹

С началом деятельности в 1992 г. Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ)² наблюдается всплеск в усадьбоведении, озаменованный продолжением и углублением традиционных историко-культурных исследований отдельных усадеб — как царских дворцов и загородных резиденций крупных сановников, так и среднеломестных дворянских и купеческих усадеб, а также разработкой более основательных культурологических проблем, прежде всего таких, как “усадьба — модель, картина мира”. Яркое тому свидетельство — проведенная ОИРУ в феврале 1996 г. четвертая научная конференция, посвященная московской усадьбе, материалы которой составили рецензируемую книгу.

Проблема развития усадьбы как основного элемента городской застройки Москвы затрагивалась во многих научных исследованиях³. Значительное место

¹ Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1997. Вып. 3 (19). 390 с. / Отв. ред. Л.В. Иванова. Тираж 1000 экз.

² Подробнее о деятельности этого Общества см. статью Г.Д. Злочевского в наст. изд.

³ *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969; *Классическая Москва*. М., 1975; *Кириченко Е.И.* Москва. Памятники архитектуры, 1830–1920 гг. М., 1977; *Борисова Е.А.* Некоторые вопросы изучения русской архитектуры второй половины XIX — начала XX в. // Из истории русского искусства второй половины XIX — начала XX в. М., 1978; *Русская художественная культура конца XIX — начала XX в. М., 1968–1980. Кн. 1–4; Евангулова О.С.* Город и усадьба второй половины XVIII в. в сознании современников // *Русский город*. М., 1984. Вып. 7; *Типология русского реализма второй половины XIX в. М., 1990; Русская художественная культура второй половины XIX века: Картина мира*. М., 1991; *Русский классицизм второй половины XVIII — начала XIX в. М., 1994* и др.

уделено усадьбе и в многочисленной москвоведческой литературе. Достаточно назвать продолжающееся фундаментальное исследование по Москве “Памятники архитектуры Москвы”.

Вместе с тем многие аспекты этой проблемы еще не стали предметом обобщающих работ. Именно им было уделено основное внимание на конференции, где было заслушано 30 докладов, часть которых носила проблемный, теоретико-методологический характер. Первый раздел сборника так и озаглавлен “Вопросы истории и методологии изучения городских усадеб”.

Он открывается статьей Е.Г. Никулиной (“Развитие понятия о городской усадьбе как определяющем типе застройки Москвы”). В ней рассматривается важная проблема взаимовлияния города и усадьбы. Несмотря на то, что усадебная форма застройки была достаточно устойчивой и на долгое время определила тип городского пространства Москвы, она прошла своеобразный путь эволюции: от XV–XVII вв., когда ее композиционная структура была индифферентна по отношению к городу, к XVIII – началу XIX в. – периоду классицизма – времени ее расцвета. Именно классицизм создал универсальную модель усадьбы, ставшую неким каноном. Во второй половине XIX в. усадьба как тип застройки перестала соответствовать стилю жизни и стала разрушаться, появляются многочисленные доходные дома с периметральным типом домовладения. В начале XX в. создается идеальный образ городской усадьбы, идет процесс ее мифологизации, что выразилось в возникновении интереса к усадьбе как национальному достоянию, а также в попытке возрождения ее в неоклассическом варианте.

Ту же важную проблему эволюции усадьбы как основного элемента застройки Москвы рассматривает Е.И. Кириченко (“Усадьба в застройке Москвы середины XIX – начала XX в.”). Автор, подчеркивая достаточную устойчивость усадьбы как типа городского строения, в то же время подробно останавливается на ее многофункциональности, что связано с появлением застройки усадебного типа, где приоритетную роль может играть уже не жилой дом, а общественное, административное или торговое здание.

Московским особнякам 1900–1910 гг. посвящена статья М.В. Нащокиной (“Неоклассические усадьбы Москвы”). Обращаясь к этимологии слова “усадьба”, автор делает вывод об оправданности его применения к неоклассическим особнякам Москвы. В начале XX в. к городской усадьбе было приковано внимание архитекторов, искусствоведов, усадебная культура была окружена некой ностальгической дымкой. Все это стало основой для “усадебного Ренессанса” в предвоенные годы. Автором выделены характерные стилистические и образные особенности особняков этого периода на примере уникальных московских памятников.

Второй раздел сборника, включающий 18 статей, носит название “Московские усадьбы XVII – начала XX в. по новым материалам”. Это результат историко-архивных и натурных исследований, который отчетливо демонстрирует комплексный метод изучения такого феномена, как городская усадьба. Среди авторов статей – архитекторы, реставраторы, искусствоведы и историки (Г.Н. Неменов, Е.Г. Одинец, Л.А. Перфильева, А.Б. Пушина, Е.В. Степанова, Г.Н. Холманских и др.).

Читателю представлен большой многоплановый материал как по достаточно известным памятникам (Лефортовский дворцово-парковый ансамбль, городская усадьба Брюсов, усадьба Разумовских на Воздвиженке, дом кн. С.Н. Щербатова на Новинском бульваре), так и по малоизученным объектам (например, дом Н.Я. Аршеневского на Таганской ул., дом Охотникова на Пречистенке). Все уникальные московские городские владения, которым посвящены статьи, прошли своеобразную документальную атрибуцию. Результатом ее стало прочтение неизвестных страниц их истории, уточнение датировок строительства усадебных

домов, подтверждение авторства выдающихся зодчих (статья Н. Датиевой о доме Черткова на Мясницкой ул., Л.А. Перфильевой о палатах Титовых в Замоскворечье).

Большинство статей раздела содержат конкретные рекомендации по реставрации и перспективному использованию усадеб, что придает всему рецензируемому материалу отчетливую практическую направленность (статья С.С. Попадюка о доме Охотниковых на Пречистенке).

В третьем разделе сборника по традиции содержится информация о работе ОИРУ (хроника, программа деятельности). Он подготовлен председателем Общества Л.В. Ивановой.

Выход в свет сборника “Русская усадьба” (вып. 3) знаменует собой шаг вперед в разработке целого спектра малоизученных и неизученных проблем по “усадьбоведению”, относящихся к городской усадьбе. Заметим, что сборник изящно оформлен в духе изданий начала XX в. М.В. Нащокиной. Нельзя не отметить как положительный фактор появление в нем иллюстративного материала, что, по сравнению с двумя предыдущими сборниками, значительно облегчит знакомство читателей с его материалами, хотя по ряду статей качество иллюстраций оставляет желать лучшего. Хотелось бы видеть в таком издании со множеством имен и топонимов и вспомогательный справочный аппарат (хотя бы именной указатель). Но эти пожелания для будущих сборников ОИРУ никак не умаляют самоценности настоящего издания. Без сомнения, его можно считать событием в научной жизни и подарком к 850-летию Москвы.

А.Л. Гришунин

КНИГА О МОСКОВСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ АРХИВАХ¹

В отличие от жизни в степенном, чинном Петербурге, жизнь в Москве всегда была динамичной, бурной. Соответственно московскому темпераменту, накапливались и бумаги, отражавшие эту жизнь. Московские библиотеки и архивохранилища, славные на весь мир, привлекают к себе отовсюду заинтересованных людей разной степени способности и учености.

Традиции архивного дела в Москве уходят в глубокую древность. Московскими “архивными юношами” были Соболевский и Веневитинов; Грибоедов и Пушкин собирали здесь нужный им материал из истории отечества. Москва немыслима без своих светских и церковно-консисторских архивов, которые и сейчас снабжают нас сведениями о многом насущном.

Книга М.А. Айвазяна “Московские литературные архивы”, изданная Советом по изучению и охране культурного и природного наследия, представляет собой популярный рассказ о государственных и частных архивах, об их значении, истории и задачах, об их функции и характере деятельности, об их историческом развитии, в частности, в Москве. Четырём основным московским хранилищам литературных материалов М.А. Айвазян отвел специальные описания — каждому по главе. Это ОР РГБ, РГАЛИ, ГЛМ и ОР ИМЛИ. Последним в настоящее время руководит автор книги Михаил Арамисович Айвазян.

Каждое из указанных архивных учреждений имеет свою специфику, оправданную характером деятельности. Так, Литературный музей, ведущий не только

¹ Айвазян М.А. Московские литературные архивы: Краткий очерк. М., 1996. 60 с. Тираж. 1000 экз.

интенсивную исследовательскую, но и культурно-просветительскую работу, значительное внимание уделяет организации выставок, вечеров, конференций. ОР ИМЛИ, кроме всего прочего, обслуживает научных сотрудников института, текстологические рабочие группы, осуществляющие академические издания сочинений Гоголя, Писарева, Бунина, Л. Андреева, Блока, Есенина, Маяковского, Ахматовой и других классиков отечественной литературы.

Развитие московских архивов М.А. Айвазян связывает с русским культурным взлетом в начале XX в. Характер века потребовал обильного исторического, документально-фактического материала. Внимание автора проявлено и к наступающему XXI в., в котором, как предполагается, демократический процесс получит дальнейшее развитие и вместе с тем мощный импульс получат гуманитарные знания.

Архив представлен как национальное достояние, культурное богатство народа. Книга и оформлена со вкусом — в национальном духе: стилизованный орнамент обложки (художник В.С. Шишкин), каждая страница — в рамке, инициалы — в начале глав...

Книга откровенно лирична: не просто информативное — вдохновенное слово об архивах и документах, убежденная пропаганда мемуарных, дневниковых и прочих рукописей, писем, их собирания, хранения и использования. В этом существенное достоинство книги. Ее пафос направлен против уродливых форм архивной работы в режиме жесткой централизации и монополии тоталитарного государства, органов полицейского сыска и преследования инакомыслия, неусыпного контроля за настроением и поведением каждого. Это насущная тема и новый разговор, которого до сих пор слышать не приходилось. Главная задача архивов — сохранение и защита культурного наследия — должна осуществляться при уважительном отношении к правам и свободам человека.

С этой точки зрения в качестве позитивного опыта новейшего времени и непрерывных программных требований отмечаются: отказ от губительной централизации архивного дела, ослабление государственного диктата, проработка относящихся к деятельности архивов юридических норм. Выход материалов из специальных фондов “закрытого” хранения также относятся к позитивным явлениям новейшего времени. Ученый, свободно пользующийся всем богатством архивных собраний, перестает быть зависимым от произвола чиновников и обретает новый, современный менталитет.

Москве к празднованию ее 850-летнего юбилея книга М.А. Айвазяна — вполне своевременный и уместный подарок. Однако стоит сказать, что ощущается потребность и в более пристальном — углубленном и расширенном — обсуждении затронутых в этой книге тем и проблем.

М.Б. Горнунг, С.В. Зверев

НЕКРОПОЛЬ ИСТОРИКОВ И КРАЕВЕДОВ МОСКВЫ

Идея создания биографического справочника, посвященного тем, кто внес заметную лепту в изучение древней российской столицы, восходит к началу нашего столетия. Такой справочник всегда мыслился в той или иной форме как часть большого Московского Некрополя, остающегося и сегодня неосуществленной мечтой историков. В подготовке подобных материалов наиболее продви-

нулось, еще в первые послереволюционные годы, общество “Старая Москва”, но его закрытие в 1930 г. надолго оборвало начатую работу. Некоторые попытки вернуться к этой теме в последующие десятилетия не имели успеха.

Условия, позволившие основательно заняться подготовкой такого справочника, стали складываться только к началу 90-х годов: положительные сдвиги в открытом использовании архивных материалов (особенно последних десятилетий) и, главное, возможность наконец более правдиво говорить о людях и событиях прошлого. Именно в эти годы появились первые выпуски сборников “Краеведы Москвы” с подробными биографиями выдающихся москвоведов. Возродилась и стала регулярной деятельность “Старой Москвы”, многие заседания которой посвящены памяти не только знаменитых, но и полузабытых исследователей и даже просто знатоков Москвы.

Особенно заметным событием в преддверии 850-летия Москвы стал выход в свет биобиблиографического справочника, посвященного этому событию, – некрополя исследователей и знатоков нашей столицы¹. Книга подготовлена Институтом российской истории РАН совместно с Московским городским объединением архивов. В создании справочника приняли участие сорок авторов, очень разных по роду своих профессиональных занятий и интересов, но объединенных стремлением отдать долг памяти тем известным, малоизвестным или незаслуженно забытым нашим предшественникам и современникам, чьими трудами, как пишет инициатор и редактор-составитель книги доктор исторических наук Л.В. Иванова, “ткалось полотно московской истории”.

Книга восстанавливает в нашей памяти имена почти двухсот человек, внесших (с XVIII в. и до последних лет) в той или иной мере весомую лепту в изучение Москвы. В небольшой, изящно написанной вводной статье – “Наш долг” – Л.В. Иванова подробно останавливается на основных этапах становления москвоведения и стремится дать достаточно ясное и в то же время широкое толкование понятия “москвовед”. Оно трактуется не как синоним “историка Москвы”, а как определение краеведов, которые занимаются не только историей нашей столицы, но и особенностями природы ее большой территории, демографии и экологии Москвы, ее инфраструктурой, архитектурой и т.п. Именно поэтому среди биографических очерков в справочнике представляются вполне уместными, например, статьи о выдающемся геологе академике А.П. Павлове, “Геологический очерк окрестностей Москвы” которого относится к лучшим природоведческим работам о нашем городе (к тому же в середине века павловские “окрестности” Москвы оказались в современной городской черте), или статьи о геоморфологах А.А. Борзове и Н.А. Солнцева, без учета исследований которых невозможно правильное понимание сложного рельефа города, оказавшего и оказывающего значительное влияние на особенности застройки столицы.

Особо хочется отметить и внимание, уделенное кропотливому сбору разрозненных сведений о москвоводах, безвинно погибших в годы сталинского террора (В.А. Адольф, А.В. Григорьев, А.А. Устинов, А.В. Чайнов и др.). В их числе и расстрелянный талантливый искусствовед А.Н. Греч, написавший в Соловецком концлагере труд “Венок усадьбам” о почти 50 московских и подмосковных архитектурных ансамблях, часть из которых сохранилась в полном виде до наших дней лишь на страницах чудом уцелевшей рукописи москвовода, само имя которого на полвека было как бы вычеркнуто из истории.

Статьи о москвоводах при своем, казалось бы, очень малом объеме удивительно емки и насыщены фактическим материалом, отражающим основные вехи жизни, научной, литературной или общественной деятельности каждого мо-

¹ Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Биобиблиографический справочник / Сост. Л.В. Иванова. М., 1996. 222 с. Тираж 1000 экз.

сквовед. Кроме того, в статьях приводится библиография важнейших публикаций данного автора, связанных с историей Москвы, литература о нем, сведения о местонахождении его архивов, а также о месте последнего успокоения, что объясняет подзаголовок справочника – “Некрополь”. Приведенный перечень сведений, собранных в статьях, позволяет считать книгу даже не биобиблиографическим, а, по существу, энциклопедическим справочником, не имеющим аналогов в москвоведении.

Опыт подготовки рецензируемого справочника ценен еще и в методическом плане. В этом отношении он как бы прокладывает путь к созданию аналогичных работ по самым разным срезам “московской” науки и культуры. Этот опыт уже используется, например, в ходе подготовки “Некрополя” московских нумизматов.

Каждый, кто хоть в малой степени сталкивается с необходимостью сбора материалов для подобных биобиблиографических работ, знает, насколько сложен этот труд. Л.В. Иванова сама подчеркивает, что данное, первое издание Некрополя москвоведов заведомо неполно. Во-первых, для ряда иногда даже достаточно известных москвоведов пока не удалось собрать “хотя бы минимум биографических данных”, необходимых для полноценной статьи. Во-вторых, несмотря на то, что в справочнике отражена жизнь подавляющего числа известных москвоведов, вне книги все же остается ряд имен, вполне заслуживающих быть включенными именно в эту книгу. Л.В. Иванова справедливо полагает, что решение проблемы видится не только в дальнейших архивно-литературных поисках, но и в прямой помощи пользователей данного биобиблиографического справочника.

Как бы откликаясь на этот призыв, можно сразу обратить внимание на то, что в справочнике, думается, недостаточно места уделено авторам даже важнейших для XVIII–XIX вв. путеводителей по Москве. Хотя в книге помещена интересная статья о В.Г. Рубане (1742–1795), но также хотелось бы видеть статью и об авторе другого подобного издания – Л.М. Максимовиче, создавшем в 1792–1793 гг. четырехтомный “Путеводитель по древностям и достопамяностям московским”. Безусловно, нужна и статья о незаурядном старинном москвоведо Иване Гурьянове (1791–1854) – авторе выдающегося многотомного труда, сокращенное название которого “Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского” (части 1 и 2 – 1827 г., части 3 и 4 – 1831 г.). Путеводитель этот, как и труд Максимовича, был издан анонимно, и установление авторства Гурьянова стало большим достижением московских историков и архивистов. Перу Гурьянова принадлежат также “Изъяснения к плану города Москвы, изданному в 1825 году”, и заметка о Люблине в “Отечественных записках” за 1825 г.

К числу москвоведов, заслуживающих, на наш взгляд, включения в справочник, стоило бы отнести авторов серьезных московских путеводителей XIX в.: И. Милютину (“Описание Москвы”, 1850 г.), М.И. Захарова (его путеводители неоднократно переиздавались в 1851–1868 гг.), Н. Иванова (“Историческое описание Москвы”, 1872 г.), А.И. Левитова (двухтомник “Москва и ея окрестности”, 1865 и 1873 гг.), А.М. Плечко (“Москва. Исторический очерк”, 1873 г.) и др.

Столь сложный труд, как рецензируемый биобиблиографический справочник со многими авторами, к тому же созданный в сжатые сроки, неизбежно содержит те или иные неточности и другие погрешности. Все они в данном случае имеют преимущественно частный характер и поэтому вряд ли на всех них стоило бы останавливаться в рецензии, нацеленной на общую оценку новой книги. Но чтобы представить характер наших критических замечаний, приведем для примера некоторые из них, наиболее близкие нашим интересам и занятиям.

Так, в очерке о А.Д. Черткове совершенно неверно утверждение, что именно он “составил первый труд по русской нумизматике” (с. 176). В действительно-

сти первые труды по русской нумизматике восходят еще к XVIII в., и этот вопрос обстоятельно освещен в литературе². Избежать подобного критического замечания нельзя, но оно отнюдь не умаляет ни личности Черткова, ни его действительно большого вклада в отечественную нумизматику, ни даже общего положительного впечатления от статьи о нем в рецензируемом сборнике.

Есть небольшие неточности в статье о В.К. Трутовском, которые легко устранишь в дальнейшем, в частности на основании новых работ о нем³. Складывается впечатление, что при подготовке справочника не вполне достаточно внимания было уделено московедам-музейщикам. Публикации их о Москве и сведения о них самих разбросаны в часто малотиражных трудах и других изданиях московских музеев в прошлом и теперь. Из подобных изданий, например, музеев Московского Кремля, можно было бы почерпнуть сведения, существенно дополняющие статью о Е.С. Сизове (с. 139), позволяющие включить в справочник статью о Д.И. Успенском (1868–1939) и, возможно, о других малоизвестных, но авторитетных московедах⁴.

Изложенные в рецензии замечания и пожелания направлены к тому, чтобы работа над некрополем москovedов не остановилась на его первом издании. Однако идея о желательности переиздания рецензируемой книги возникает вовсе не потому, что круг включенных в нее москovedов может быть несколько расширен, а некоторые из статей дополнены или уточнены. Эта идея прежде всего отражает то, что авторам книги уже удалось впервые в литературе создать полноценный, по существу, энциклопедический справочник-некрополь москovedов. При этом книга, отвечая научным требованиям, нужна самому широкому кругу людей, вообще интересующихся историей российской столицы. Удовлетворить же такой законный интерес при мизерном тираже данного издания совершенно невозможно.

Подготовка второго, дополненного, издания этой полезной книги, безусловно, под силу коллективу ее авторов под руководством Л.В. Ивановой с ее эрудицией и присущим ей энтузиазмом. Не вызывает сомнения, что такая работа была бы выполнена скоро и споро, как при подготовке рецензируемого издания.

То же, что зависит только от авторов, они сделали уже сейчас: справочник – достойный подарок Москве к ее 850-летию.

² Спасский И.Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. 1; Северова М.Б. Нумизматическая литература XVIII века. Общий обзор. Аннотированная библиография 1710–1800. Л., 1982.

³ Зверев С.В. В.К. Трутовский. История жизни и творчества // Монета. Международный нумизматический альманах. М., 1995. Вып. 2.

⁴ Памяти Е.С. Сизова (1930–1979) // Материалы и исследования. Гос. музей Московского Кремля. М., 1984. Т. IV; Павлович М.К. Фонд Д.И. Успенского в отделе рукописных, печатных и графических фондов музеев Кремля // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992. Вып. 1.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ С.О. ШМИДТА

ЗА 1993–1997 гг.*

Начало списка см.: АЕ за 1992 год (М., 1994. С. 282–307). При его составлении использованы материалы изданий: Список печатных трудов С.О. Шмидта, 1993–1994 гг. // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Отговича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 366–373. В кн. соерж. сб., подгот. к печати, список отзывов на дис. ... канд. и д-ра наук, список автореф. дис. ... канд. ист. наук, написанных под науч. рук. С.О. Шмидта, перечень дипл. раб., подгот. в ИАИ под рук. С.О. Шмидта; Библиогр. указ. тр. преподавателей и сотрудников РГГУ за 1993 год / Сост. Л.Н. Простоволосова, А.С. Сенин; РГГУ. М., 1994. С. 98–100; Библиогр. указ. тр. преподавателей и сотрудников РГГУ за 1994 год / Сост. Р.Б. Казаков, Л.Н. Простоволосова, А.С. Сенин; Отв. ред. Л.Н. Простоволосова; РГГУ. М., 1996. С. 117–118; Кто есть кто в РГГУ: Крат. биограф. справ. / Сост. С.И. Голотик, С.М. Пчеляная, А.С. Сенин; РГГУ. М., 1993. С. 280–281.

1993

Изучение культуры российской провинции (XVIII–начало XX в.) и задачи краеведения // Русская провинция: Культура (XVIII–XX вв. [Сб. ст. по материалам Первой респ. конф. по изучению провинциальной культуры] / РАН. АК, Рос. ин-т культуролог., Союз краеведов России. М., С. 7–14.

Отв. ред. этой книги. 133 с.

К столетию со дня рождения М.Н. Тихомирова // ОА. № 3. С. 35–47.

Краеведам России // Вестн. детско-юношеского туризма в России. [М.] № 5/6. С. 3–5.

Неутомимый труженик науки: К столетию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова // Вестн. РАН. № 8. С. 747–753. Совм. с Н.Н. Покровским.

То же на англ. яз. // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 63. № 8. P. 620–626.

О Любви Новохатской и этой книге // Любовь / АН Украины. Ин-т укр. археографии. Киев. С. 225–228.

Рец.: Бондарева Т.И. // ОА. 1994. № 3. С. 118.

Общественное самосознание noblesse russe в XVI–первой трети XIX в. // Cahiers de Monde russe et soviétique. № XXXIV (1–2). P. 11–31.

Письма В.П. Адриановой-Перетц М.Н. Тихомирову // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 472–485.

Предисловие // Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России (конец XV–XVI в.): Ист.-библиогр. обзор / РГГУ. ИАИ. М. С. 1–2.

Россия // История Европы. М. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV–первая половина XVII в.), Ч. II. Политические структуры и абсолютизм. Гл. 10. С. 246–258.

Чл. редкол. этой книги. 653 с.: ил.

От редактора // Историческое краеведение: По материалам II Всесоюз. конф. по ист. краеведению / РАН. АК. Ин-т рос. ист.; Союз краеведов России; Пензен. обл. администрация. Департамент культуры. Пенза. С. 3–6.

Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Там же. С. 201–224.

Отв. ред. этой книги. 328 с.

Рец.: Калантаров П. Высокая степень духовности // Доброе утро. Пенза, 1993. 17–19 сент.; Сергеев И. История в твердом переплете // Пензенские вести. 1993. 22 окт.; Ладин В. Да светит свет наш // Пензенская правда. 1993. 17 нояб.

Арбат в культуре российского зарубежья // Междунар. науч. конф. "Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940 гг.": Тез. М. С. 164–165.

То же // Дом Марины Цветаевой Москве и Арбату. Улица Арбат: Поэты, писатели, артисты, художники, философы, музыканты: [Буклет]. М. Вып. 1.

Два Арбата Марины Цветаевой // Творческий путь Марины Цветаевой: Первая междунар. науч.-темат. конф. (7–10 сент. 1993 г.): Тез. докл. М. С. 7–8.

М.Н. Тихомиров и сфера источниковедения // Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 28–30 янв. 1993 г. / РГГУ. ИАИ. М. С. 90–91.

[Выступления на заседаниях Ученого совета РГГУ] // Ученый совет РГГУ (январь–июнь 1993 г.): Сб. док. / РГГУ. М. С. 24–26, 132, 311–312.

[О выступл. на презентации кн. Д.С. Лихачева "Русское искусство от древности до аван-

* © Составитель Р.Б. Казаков

гарда" (М., 1992), 25 марта 1993 г.] // Известия. 1993. 26 марта.
Рец.: О труде М.И. Смирнова "Переславль-Залесский: Исторический очерк" // ОА. № 2. С. 122–123.
Ред.: Дополнения к "Предварительному списку славянорусских рукописных книг XV века, хранящихся в СССР" (М., 1986). М. 154 с.

1994

Арбат в культуре российского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. М. С. 470–478.
Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 г. М. С. 39–76.
К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // Там же. С. 267–278.
Александр Михайлович Самсонов (1908–1992) // Там же. С. 353–354.
Архивы и историческая наука в современном мире // Вест. архивиста. М. № 1/2. С. 92–100. Об этом докладе: Там же. С. 88–89.
Вовлекая в творчество // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта // РГГУ. ИАИ. Пензен. обл. администрация. Департамент культуры. М.; Пенза. С. 467–471. Перепеч.
К семидесятилетию со дня рождения К.Н. Тарновского // АЕ за 1991 год. М. С. 160–167.
Юрий Яковлевич Рыбаков (1935–1991) // Там же. С. 338–340. Совм. с Б.Г. Литваком.
Евгений Алексеевич Луцкий (1907–1991) // Там же. С. 341–342. Совм. с О.М. Медушевской, Л.Н. Простоволосовой.
Отв. ред. этой книги. 348 с.
"Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь!" // Авторская песня. М. № 2: "Несколько слов любви... Булату Окуджаве": Спецвыпуск. С. 13–14: ил.
От редактора // Издания губернских ученых архивных комиссий, 1884–1923 / Сост. Л.Ф. Писарькова. N.Y. Вып. I. С. XV–XVI.
Отв. ред. этого изд.: Вып. I. XIX, 139 с. Вып. II. [6], 133 с.
От составителей // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М. Вып. 2. С. 3. Совм. с Л.В. Ивановой.
Послесловие [к ст. С.К. Богоявленского "Памяти П.Н. Миллера"] // Там же. С. 116–119.
Сост. этой книги. Совм. с Л.В. Ивановой. 304 с.
Рец.: Кизельштейн Г.Б. Об историках и знатоках // Библиография. 1996. № 4. С. 109–111; Козлов В.Ф. Подвижники москвоведения // Градские вести. 1995; Хохлов Р.Ф. // ОА. 1996. № 2. С. 118–119.
Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирни-на) // ОА. № 6. С. 117–120.
Послесловие [к ст.: Смирнов В.И. Черт родился / Публ. Л.И. Сизинцевой] // Отечество: Краевед. альм. М. С. 258–259.
Предисловие [к публ. В.В. Крылова: "В Языково с надеждой": Отчет М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии

при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых. 1921 г.] // Ист. архив. № 2. С. 205–206.

Предисловие [к ст.: Середа В.Н. У истоков тверского краеведения (Истор.-краевед. деятельность в Твери в 70-х годах XVIII в. по литературе и документам ГАТО): Анализ. обзор] // Тверская старина. Тверь. Вып. 1/2. С. 57–58.
Усадьбоведение и краеведение // Русская усадьба: Сб. О-ва изуч. рус. усадьбы. М.; Рыбинск. Вып. 1(17). С. 68–82.

Якоб Голосовкер // Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М. С. 328–330.

Рец.: Юзефович Л. Профессор или дикарь? // Лит. газ. 16 нояб. С. 4.

Die Regierungstätigkeit des Metropolitan Makarij // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin. V. 50. S. 329–336.

Алкивиад: Первый печатный труд С.О. Шмидта (II курс) // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта / РГГУ. ИАИ; Пензен. обл. администрация. Департамент культуры. М.; Пенза. С. 466. Перепеч.

[Выступления на заседании Ученого совета РГГУ] // Ученый Совет РГГУ, сент.-дек. 1994 г.; Сб. док. М. Вып. 5. С. 65–67, 124–128.

[Излож. докл. С.О. Шмидта на I Всерос. конф. по проблемам школ. краеведения. Калуга, 25 окт. 1994 г.] Кирюхина И. Во что поверят наши дети? // Вест. 1994. 26 окт.

[О докл. "А.И. Мусин-Пушкин и развитие культуры России" на междунар. конф. "А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблемы сохранения рода". Рыбинск, 25 июля 1994 г.] Крамаренко Л. Время собирать камни // Культура. 20 авг.

[О докл. "Губернские ученые архивные комиссии в культуре России" на науч. конф., посвящ. 110-летию Губернских ученых архивных комиссий и 75-летию Государственной архивной службы Тверской обл. Тверь, 19 окт. 1994 г.] Мангазеев И. Конференция архивов: Культура провинции // Новая газ. Тверь. 22 окт.

[О выступл. на собр. учредителей фонда "500-летие Арбата"] Шугайкина А. Крона будет в порядке, если корни сберечь, или Что вы думаете о программе "Московский дворик"? // Веч. Москва. 1994. 2 авг. С. 8.

Рец.: Новое издание труда Н.П. Лихачева "Палеографическое значение бумажных водяных знаков" (Likhachev's watermarks. An English-Language Version. Amsterdam, 1994. Vol. 1/2) // ОА. № 6. С. 111–112.

1995

Архивный документ как историографический источник // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступл. на Всесоюз. конф., 20–24 дек. 1994 г. / ВНИИДАД. М. С. 50–76.

Воспоминания академика М.Н. Тихомирова о Самаре 1919–1923 гг. // Тихомиров М.Н. Са-

- мара в моей жизни (1919–1923). Самара, 1995. С. 6–13.
- Вступ. ст. [к публ. С.Н. Богатырева: “Писанные законы России”: Английское описание Московского государства конца XVI века] // Ист. архив. № 3. С. 183–186.
- Вступ. слово // Д’Амато Дж. Социниения итальянцев о России конца XV–XVI веков: Ист.-библиогр. очерк. 2-е изд., испр. и доп. М. С. 5–7.
- Единое европейское государство // Родина. № 9. С. 68–72.
- К читателю // Ключевский: Сб. материалов / РАН. АК; Департамент Культуры Пензен. обл. Пенза. Вып. 1. С. 3–5.
- Ключевский и культура России // Там же. С. 323–335.
- Отв. ред. этой книги.* 391 с., 1 л. портр.
- Николай Иванович Костомаров // Историки России XVIII–XX веков. М. Вып. 1. С. 107–115.
- Переписка М.Н. Тихомирова с Н.А. и А.М. Земскими // АЕ за 1993 год. М. С. 45–52.
- С.Ф. Платонов об историках: приветствие А.Я. Ефименко (1910), отзыв о научной работе М.И. Смирнова (1929) // Там же. С. 339–341.
- Программа лекций С.Н. Валка по источниковедению отечественной истории XVIII–XIX вв. (1923) // Там же. С. 341–343.
- [О докл. “Тихомировское наследие. Тихомировские традиции” на Тихомировских чтениях 1993 г.] Евдокимова Е.М. Хроника заседания // Там же. С. 4–5.
- Отв. ред. этой книги.* 368 с.: ил.
- [Предисловие] // Кипнис С.Е. Новодевичий мемуарал: Некрополь Новодевичьего кладбища. М. С. 6.
- Что помогает возрождению местных краеведных изданий // ОА. № 1. С. 111–113.
- Jacob Golossovker // Golossovker J. Le Roman brûlé / Traduit de russe par W. Berelowitch. Paris. P. 7–16.
- Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы “Петербург–Москва” // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимины. М., 26–28 янв. 1995 г. / РАН. ИРИ, РГГУ. ИАИ. М. Ч. 2. С. 673–677.
- “История государства Российского” Н.М. Карамзина в культуре российской провинции // Российская провинция XVIII–XX вв.: Реалии культурной жизни: III Всерос. науч. конф.: Тез. докл. / РАН. АК; М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии, Администрация Пензенской обл., Союз краеведов России. Пенза. С. 191–193.
- [Выступление] // Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конф. М., 24–27 мая 1993 г. М. С. 7–8.
- 1996**
- У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М. 495 с.: ил.
- Рец.: D’Amato G. Rec. // Europa orientalis. 1996. Vol. XV. P. 413 – 415. Митрофанов Н.Н. Царизму в России – 450 лет. “Аракчеевы” сверху и “держиморды” снизу // Веч. Москва. 1997. 21 янв.
- Академик Михаил Николаевич Тихомиров // Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Библиогр. указ. / Сост. И.Е. Тамм; РГГУ. М. С. 3–10.
- Науч. ред. этого изд.* II, 112 с.
- Исторические корни профессии историка-архивиста: Отчетственный опыт // Вестн. архивиста. М. № 4(34). С. 20–30.
- К историч. слова “интеллигенция” // Россия. Запад. Восток: Встречные чтения: К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева. СПб. С. 409–417.
- К читателю // Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России / РНБ. СПб. Вып. 1. Печатные источники периода Российской империи (1721–1917). С. 4–7.
- Краеведение и культура России первой трети XX столетия // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М. С. 496–505.
- А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // АЕ за 1994 год. М. С. 229–237.
- Публ. и предисл.:* Записка С. Ф. Платонова об учено-литературной деятельности С. Д. Шереметева // Там же. С. 178–185.
- Отв. ред. этого изд.* 381 с.
- Основатель Москвы Юрий Долгорукий: [Перепеч. газ. ст. 1947 г.] // Московский архив: Ист.-краевед. альманах / Моск. гор. объединение архивов. М. Вып. 1. С. 336–340.
- Публ. и предисл.:* Тихомиров М.Н. Детские годы. Москва и Подмоскowie // Там же. С. 455–484.
- Чл. редсовета этого изд.* 542 с.: ил.
- О жизни и деятельности Дмитрия Сергеевича Лихачева // Лихачев Д.С. Письма о добром. 3-е изд. доп. Пенза. С. 203–212.
- Общественное самосознание noblesse russe в XVI–первой трети XIX в. // Дворянское собрание: Ист.-публ. и лит.-худ. альманах. М. № 4. С. 113–125. Перепеч. с сокр. ст. 1993 г.
- Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника российского престола // Русское подвижничество: [Сб. ст. к 90-летию академика Д.С. Лихачева]. М. С. 187–221.
- Работа Археологической комиссин за 40 лет [1956–1996] // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М. С. 269–282. Совм. с В.А. Черных.
- Сергей Федорович Платонов и “Дело Платонова” // Советская историография / РГГУ. М. С. 215–239.
- Тверская Дина Исааковна // Историки и краеведы Москвы. Некрополь: Библиогр. справ. / РАН. ИРИ, Моск. гор. объединение архивов. М. С. 155–156.
- Тихомиров Михаил Николаевич // Там же. С. 157–158.
- Этапы “биографии” слова “интеллигенция” // Судьба российской интеллигенции: Материа-

- лы науч. диск. 23 мая 1996 г. / С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов. СПб. С. 45–56.
- К участникам всероссийской конференции движения “Отечество” // Всероссийская конференция участников движения “Отечество”. М., 11–15 марта 1996 г. М. С. 1.
- Компаративный метод в отечественном историческом краеведении (до 1930-х гг.) // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. / РГГУ. ИАИ; РАН. АК. М. С. 415–417.
- Председатель редсовета этого изд.* Совм. с Н.И. Басовской. 448 с.
- Наука Петербурга и судьбы российского краеведения // День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: Матер. конф. 23–24 мая 1996 г. СПб. С. 134–137.
- Российское зарубежье в системе общественного сознания и культуры России // Россия в новое время: Историческая традиция и проблема самоидентификации: Материалы междунар. науч. конф., 25–27 апр. 1996 г. / РГГУ. ИАИ. М. С. 52–55.
- Чл. редкол.:* Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М. 682 с., 1 л. портр.
- Чл. редкол.:* Московский некрополь: История. Археология. Искусство. Охрана: Материалы науч.-практ. конф. 31 марта–1 апр. 1994 г. М. 167 с.
- 1997**
- Путь историка: Избр. тр. по источниковедению и историографии / РГГУ. М. 612 с. Содерж.: I. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ. О разработке методологических вопросов истории. С. 13–20; Современные проблемы источниковедения. С. 21–63; Проблемы взаимодействия общества и природы в источниковедческом аспекте. С. 64–73; О классификации исторических источников. С. 73–91; Историографические источники и литературные памятники. С. 92–98; “Устная история” в системе источниковедения исторических знаний. С. 98–108; Документальные памятники в сфере развития культуры. С. 109–113; Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений. С. 113–115. II. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ. Некоторые вопросы источниковедения историографии. С. 119–129; К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов. С. 129–135; Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал. С. 136–153; Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов. С. 153–166; А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох. С. 167–176; Архивный документ как историографический источник. С. 177–205. III. В КУЛЬТУРЕ РОССИИ. О литературном сценарии В. Шукшина “Я пришел дать вам волю” (Степан Разин). С. 209–214; О романе Валерия Полуйко “Лета 7071”. С. 214–217; Книжки Г.К. Вагнера о древнерусской скульптуре. С. 218–226; Пушкин и “Слово о полку Игореве”. С. 227–232; “История государства Российского” в культуре дореволюционной России. С. 233–256; “История государства Российского” Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры. С. 257–270; Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести А.Н. Толстого “Иван Грозный” С. 271–281; Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры. С. 281–292; И.Е. Забелин и русская культура. С. 292–305; Ключевский и культура России. С. 305–314; Пушкин: Диалог с Карамзиным. С. 315–318; Изучение культуры российской провинции (XVIII–начало XX в.) и задачи краеведения. С. 319–330; Арбат в культуре российского зарубежья. С. 331–338; Российское зарубежье в системе общественного сознания и культуры России. С. 339–341. IV. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. Памяти учителя. Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова. С. 345–372; В.И. Шунков – источниковед и историограф. С. 372–379; В.И. Ленин – читатель В.О. Ключевского. С. 379–388; Варвара Павловна Адрианова-Перетц. С. 388–394; Памяти С.Н. Валка. С. 395–404; Артемий Владимирович Арциховский. С. 405–407; Наш кружок. С. 407–423; Алексей Павлович Окладников. С. 423–425; С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров. С. 425–436; Век жизни историка (О Н.М. Дружинине). С. 436–441; “Хочется думать, что я не обрывал связь времен”: Девять вопросов историку. С. 441–451; Зодчий наук (о В.Н. Татищеве). С. 451–455; О П.И. Баргтенева и книге о нем. С. 455–459; Михаил Тимофеевич Белявский. С. 459–462; Ираклий Луарсабович Андроников. С. 462–466; Н.Н. Воронин – зодчий русской культуры и ее хранитель. С. 467–473; К семидесятилетию со дня рождения К.Н. Тарновского. С. 474–482; К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича. С. 482–495; Сергей Федорович Платонов (1860–1933). С. 495–553; К столетию со дня рождения М.Н. Тихомирова. С. 554–570; “Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь!” К 70-летию Булата Окуджавы. С. 570–573; К юбилею Д.Б. Рязанова. С. 574–588; Слово о Соловьеве и Забелине. С. 588–592.
- Археология. Архивоведение. Памятниковедение: [Сб. ст.] / РГГУ; Гос. архивная служба РФ. ВНИИДАД. М. 363 с. Содерж.: От автора. С. 3–5; Советские историки и архивы. С. 5–24; “Справка” В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова. С. 24–29; Некоторые итоги и перспективы развития археологии отечественной истории. С. 29–51; Источниковедческие вопросы изучения истории русской книжности. С. 51–55; К предыстории Декрета 1 июня 1918 г. С. 55–61; О развитии советской архе-

- графии. С. 61–77; Об описании рукописных книг. С. 77–92; Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова. Тихомировские традиции. С. 92–109; Ответственность перед будущим (Документальные памятники и Общество охраны памятников). С. 109–121; Деятельность Археографической комиссии Академии наук и задачи развития археографии. С. 121–135; Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству. С. 135–144; "Слово о полку Игореве" и становление понятия о памятнике культуры. С. 144–163; Из истории архивного строительства в первые годы советской власти. С. 163–170; К изучению истории советской археографической культуры (к юбилею Д.С. Лихачева). С. 170–180; С.Н. Валк и развитие археографической культуры. С. 180–193; К 80-летию академика Б.А. Рыбакова. С. 193–198; Документальные памятники в системе памятниковедения. С. 198–215; Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению. С. 215–228; Традиции русской филологии в современной отечественной археографии. С. 228–236; О книге "Краеведение и документальные памятники" (1917–1929 гг.). С. 236–246; Предисловие к книге "Реквием... 1941–1945". С. 246–249; Исторический некрополь в системе культуры России. С. 249–267; Памятники в системе развития науки и общественного сознания. С. 267–281; Роль москвоведения в развитии отечественного краеведения. С. 281–293; Краеведение в гуманитарной подготовке студентов. С. 293–300; Усадьбоведение и краеведение. С. 300–317; Архивы и историческая наука в современном мире. С. 317–326; Памятки архимандрита Иннокентия (Просвирнина). С. 326–334; Архивы – истории. С. 334–342; Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт. С. 342–351.
- Вступительное слово // Русь–Литва–Беларусь: Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии: По материалам междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащик (М., 31 янв. 1996 г.). М. С. 6–14.
- К читателям // О начале войн и смут в Московии. М. С. 7–8. (История России и дома Романовых в мемуарах современников, XVII–XX).
- От редактора // АЕ за 1997 год. М. С. 5–6.
- Вступительное слово на Тихомировских чтениях // Там же. С. 233–235.
- Исторический музей и его сотрудники в науке и просвещении России // Там же. С. 7–17.
- Тихомиров М.Н. Исторический музей // Там же. С. 68.
- Переписка Н.П. Кончаловской и М.Н. Тихомирова // Там же. С. 359–363.
- Предисловие [к: Воспоминания Б.И. Пуришева / Подгот. И.Б. Пуришев] // Там же. С. 565–566.
- Юбилей нашей Клавдии Ивановны (б.п.) // Там же. С. 690.
- Публ.: Из литературного наследия академика М.Н. Тихомирова. Великое смятение (Пьеса). Соломонида // Там же. С. 636–637.
- Отв. ред. этой книги. 697 с.
- М.Н. Тихомиров как историк-географ // Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 3–5 февр. 1997 г. / РГГУ. ИАИ. Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисц.; РАН. АК. М. С. 61–62.
- Послание к участникам конференции // Источники по истории русской усадебной культуры. Ясная Поляна; М. С. 9–10.
- Участникам конференции // Всерос. конф. краевед. движения "Отечество". М., 10–14 марта 1997 г.: [Сб. докл.] / Центр. детско-юношеского туризма. М. Вып. 1. С. 5.
- [Отзыв о дипломной работе С.М. Каштанова] Каштанов С.М. Историк не может не идти в архив // ОА. № 3. С. 49–50.
- Изд.: Русские Миней Четыр митрополита Макария: Успенский список. Frankfurt a/M. В. 1: 1–11 марта. CVII, 688 с.: ил. Издатель совм. с Э. Вайером и А.И. Шкурко.

Статья в энциклопедиях

- Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1. Адашев А.Ф. С. 25; Адашев Д.Ф. С. 25; Александр Невский. С. 58–59; Висковатов И.М. С. 394; Горсей Дж. С. 603; 1996. Т. 2. Думные чины. С. 95; Жданов И.Н. С. 167; Избранная рада. С. 330.
- Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. Т. 1. Голосовкер Я.Э. С. 338.

Интервью, газетные статьи

1993

- Арбат: Пятьсот лет в истории, двести лет в литературе / Беседу вел. А. Лысенко // Веч. клуб. 26 авг. С. 2: портр.
- Арбатский благовест: [Интервью Н.Н. Митрофанова о праздновании 500-летия Арбата] // Градские вестн. № 4. Портр.
- "Арбатство, растворенное с братством" / Беседу вела Т.С. Сергеева // Моск. правда. 24 апр. С. 7. [Беседа об Арбате с Е. Кончиным] // Культура. 6 марта.
- Иждивением и неусыпными трудами Михайлы Тихомирова // Веч. Москва. 4 июня.
- Неистребимое арбатство: [Интервью] // Куранты. 24 сент.
- Пыльное чувство волка, или Воспитание историей / Интервью Н. Ивановой-Гладильщиковой // Лит. газ. 3 марта. С. 6.
- [Интервью Е. Кончина о библиотеке Ивана Грозного] Ускользящая "либерей": (Где же библиотека Ивана Грозного?) // Культура. 13 февр.; Он же. Эхо сенсации. Открытие или миф? // Культура. 13 марта.
- Это совершенно особый мир: [Арбат] / Интервью И.М. Шведовой // Досье "Литературной газеты". № 2. С. 2, 9, 25: портр.

1994

- Арбатская пушкиниана // Веч. Москва. 7 июня.
Лица: Интервью // Новое время. № 14. С. 60:
портр.
"Мне всегда светило солнце..." / Беседу вел
А. Персин // Мир путешествий. М. № 6.
С. 1-3: портр.
О редактуре и не только о ней: Беседа с
С.О. Шмидтом А.Д. Зайцева // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта / РГУ. ИАИ; Пензен. обл. администрация. Департамент культуры. М.; Пенза. С. 416-424.
Черная пуля на Черной речке: [О Пушкине и дипломатах] // Российская газета. М. 9 февр. С. 7.
Самарский рынок не забудешь: Из воспоминаний академика М.Н. Тихомирова // Самарские известия. 29 марта. Без подп.
Вернем столице ее историю: [Коллективное письмо] // Известия. 9 авг. Совм. с др.
Как вас звать, переулоч? // Градские вести. М. № 27.
Москве скоро 850: [Об изд. многотомн. "Библиотеки истории Москвы с древнейших времен до наших дней"] / Интервью В. Великова // Известия. 24 сент.
Особое предназначение России / Интервью О. Виноградовой // Доброе утро. Пенза. 21-23 окт. С. 3.

1995

- Академик Сигурд Шмидт: "Интерес к Москве неодолим и вечен..." / Беседовал В. Песков с С.О. Шмидтом // Градские вести. № 16. С. 1: портр.
Андроников много сделал для культуры. А вот наконец – и культура для него: [Отзывы С.О. Шмидта, В. Успенского, В. Вульфа о вторых Андрониковских чтениях в Музее Герцена] // Новая ежедневная газета. 2-8 нояб. С. 3.
"Больше чем столица" / Беседу вел С.И. Смородкин // Российская Федерация. № 16. С. 41-43: ил., портр.
"Вернись, Арбат! и все, что вокруг": [Диалог С.О. Шмидта и А.И. Музыкантского] / Подгот. к печати Л. Великанова // Лит. газ. 6 сент. С. 10.
Дашковская О. Эффект памятника: [Из бесед с участниками заседания Президиума и Отделения образования и культуры РАО после доклада академика РАО патриарха Алексия II] // Педагогический калейдоскоп. 31 янв. С. 4. Среди участников: С.О. Шмидт.
Жизнь и тайнобытие: (Мысли о феномене тайных обществ и не только о нем...) / Записали Л. Левина и А. Кореньков // Социум. № 5. С. 32-37.
Москва живет сиюминутностью / Беседовал В. Бессонов // Новое книжное обозрение. № 9-10. С. 24-25, портр. Рубрика "Книга и личность".
"Никогда до конца не пройди тебя..." / Беседовал

А. Киракосян // На Арбате: [Газ.]. М., № 1. С. 1-2: портр.

Bobecki R. Na przelomie dziejów: [Интервью о конф. польских и российских историографов 16-17 ноября 1995 г.] // Nauka i Przyszłość. W-wa. № 1. P. 14-15.

1996

- "Вклад Твери и твертян в историю и культуру России становится более осязаемым..." / Беседовал Ю. Шарков // Тверские ведомости. 20-26 сент. С. 6: ил.
"В Пензе мы встретились с поучительным гостеприимством": Интервью И. Баронова // Доброе утро: Еженедельник. Пенза. 18-20 окт. № 39. С. 2. См. также С. 1. (Игонин В. До встречи в XXI веке).
Свет полярной звезды: [Беседа об О.Ю. Шмидте] / Записала Н. Крамина // Общая газ. № 40. 10-16 окт. С. 15.

1997

- "Времена не выбирают, в них живут и умирают" / Беседу вел В. Бурт // На Арбате. 1997. № 2. С. 1, 3.
История с историей: [Письмо в связи с беседой с А.Л. Никитиным в "Кн. обозрении"] // Кн. обозрение. № 28. С. 15.
"Москва не есть обыкновенный город..." / Интервью В. Потресова // Наше наследие. № 43. С. 5-11: портр.
Приветствие газете // Доброе утро: Еженед. культуры и искусства. Пенза, 1997. № 1. С. 1.
О Пензе; О Ключевском; О краеведении: [Фрагменты ст.] // Доброе утро. Пенза. № 21. С. 1. Там же: Попов Е.С. [Поздравление С.О. Шмидта с юбилеем].

Сданы в печать

- Арбатский архив: Альманах. М., 1997. От редактора: Арбат в культуре России; Окуджава Б. "А годы проходят как песня..." / Предисл. С.О. Шмидта; Дорлиак Н. "Я очень любила Арбат..." / Беседовал С.О. Шмидт; Арбат Б. Зайцева; 90 лет со дня основания знаменитой "арбатской" школы; Юбилей 500-летия Арбата. Хроника: [Излож. выступления]; 130-летие со дня рождения художника М.В. Нестерова: [Излож. выступления]; 120-летие со дня рождения составителя Словаря русского языка Д.Н. Ушакова: [Излож. выступления].
АЕ за 1995 год. М., 1997. К юбилею Д.Б. Рязанова; Вступ. слово [на заседании АК, ГИМ и ГПИБ, посвященном 175-летию со дня рождения С.М. Соловьева и И.Е. Забелина].
Отв. ред. этой книги.
АЕ за 1996 год. М. Вступ. слово [на Тихомировских чтениях 1996 г.]; Слово об А.А. Амосове; Речь академика С.Ф. Платонова на заседании Историко-археографической комиссии в память 100-летия Археографической экспедиции

- П.М. Строева; Письмо С.Ф. Платонова 16 сент. 1929 г. Подгот. М.А. Айвазян; Послел. С.О. Шмидта.
Отв. ред. этой книги.
- От редактора // "Выписка из посольских книг" о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Сост. Б.Н. Морозов. М. С. 7–11.
Отв. ред. этой книги.
- Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского "Бориса Годунова" // Новое литературное обозрение.
Вступ. статья // Шукин П.И. Воспоминания. М. К 60-летию со дня кончины академика Н.П. Лихачева (об изданиях последних лет) // ВИД. СПб. Вып. XXVI.
- Послесловие // Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. М.
Предисловие // Краеведы Москвы. М. Вып. 3. Совм. с Л.В. Ивановой.
Россия Ивана Грозного: Сб. ст. СПб. Тверь и тверичи // Родина. 1997.
- М.Н. Тихомиров // Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. М.
Роль музеев Москвы в сохранении и изучении историко-культурного наследия // Исторические музеи в системе культуры города: Материалы Международной научно-практической конф., посвященной столетию Музея истории города Москвы. 9 – 10 октября 1996 г. М., 1997.
- Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина: [Сб. докл. междунар. науч. конф.] Рыбинск, 1997. А.И. Мусин-Пушкин и развитие культуры в России; Заключительное слово.
Председ. редкол. этой книги.
- Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: Материалы конф. в Пензе по программе "Культура российской провинции", июнь 1995 г. Пенза, 1997. Вступ. слово. С. 10–24; "История государства Российского" Н.М. Карамзина в культуре российской провинции. С. 324–443.
Отв. ред. этой книги.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. А. ЧЕРНЫХ*

1955

Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии // ИА. № 4. С. 201–211.

Методы передачи текста исторических источников в советской археографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИАИ. 16 с. Ротапринт.

Участие в сост.: Хрестоматия по археографии. Пособие для студентов МГИАИ. М.: МГИАИ. 296 с.

1956

О передаче текста исторических источников. [Выступление на дискуссии в МГИАИ] // ИА. № 5. С. 239–240.

Письмо в редакцию [о датировке Манифеста РСДРП "Ко всем гражданам России"] // ВИ. № 8. С. 114.

1957

Некоторые вопросы отбора и археографической обработки документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции // ИА. № 3. С. 219–227. Совм. с В.Е. Полетаевым и Ю.У. Томашевичем.

Выбор текста документов // Методическое пособие по археографии. М.: МГИАИ. С. 52–70. Совм. с М.С. Селезневым.

Рец.: Ценное издание документов по истории Молдавии. [На кн.: Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского. Кишинев, 1957] // Коммунист Молдавии. № 11. С. 73–75.

Изд. ред.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. Сборник док. М.: Изд-во АН СССР. 857 с.

1959

Архивоведческие журналы европейских стран народной демократии в 1958 г.: Библиография // ИА. № 3. С. 216–220.

Рец.: Международная аналитическая библиография архивоведческой литературы // ИА. № 6. С. 164–165.

Десять лет развития архивного дела в ГДР // ВА. № 3. С. 97–102. Совм. с В.А. Алешковской, В.Б. Романовым, Г.Н. Снегиревым.

Конференция Международной Федерации документации // ВА. № 4. С. 73–75.

1960

Использование зарубежными архивами документальных материалов в культурно-про-

светительных целях // ИА. № 2. С. 244–248.

О пополнении Государственного архивного фонда СССР копиями документальных материалов из зарубежных архивов: [Доклад на заседании научного совета ГАУ] // ВА. № 5. С. 36–41.

1961

Архивоведческие журналы европейских стран народной демократии в 1959 г.: Библиография. // ИА. № 1. С. 169–173.

Архивный кодекс Франции // ИА. № 2. С. 212–213.

Документы уточняют // ВА. № 1. С. 100–101.

Имя героя известно [О В.П. Мамалыге, возглавившем в 1894 г. восстание против голландских колонизаторов на острове Ломбок] // Неделя. № 23. С. 17.

Рец.: Каталог музея истории Франции при Национальном архиве в Париже // ВА. № 4. С. 116–117.

1962

О пополнении Государственного архивного фонда СССР копиями документальных материалов из зарубежных архивов // ВИ. № 1. С. 206–208. Совм. с Э.Г. Баскаковым и М.Я. Капраном.

Сост.: Бюллетень зарубежной архивной информации. Вып. 2–6. М. (ГАУ при СМ СССР. Отдел внешних сношений). Ротапринт.

1963

Архивное дело во Франции // Архивное дело в зарубежных странах. Очерки. Вып. 1. М. С. 5–70. Ротапринт.

Сост.: Бюллетень зарубежной архивной информации. Вып. 7. М. (ГАУ при СМ СССР). Ротапринт.

1965

Письмо А.А. Слепцова А.С. Корсакову от 21 мая 1861 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука. С. 420–425.

Réponse à M.G. Ygouboff. [Ответ г. Г. Вырубову]. Варианты черного автографа (ЦГАЛИ) // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Наука. Т. XXX. Кн. 2. С. 575–577.

[Письмо] Н.П. Огареву (?). Отрывок. 1864 г. // Там же. С. 593.

Дополнения и поправки к текстам и комментариям томов I – XXX // Там же. С. 763, 770, 797, 806–809, 812, 814–817, 824. В соавторстве.

* 11 декабря 1997 г. исполняется 70 лет ученому секретарю Археографической комиссии РАН к.и.н. В.А. Черных

Новые списки стихотворения, известного под названием "Родина" // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию академика В.В. Виноградова. М.: Наука. С. 372–377. Совм. с А.Л.Гришуниным.

1967

Сост.: Составление именного каталога на документальные материалы личных фондов ЦГАЛИ СССР // Методические указания по работе с фондами личного происхождения (ГАУ при СМ СССР, ЦГАЛИ СССР). М. С.141–154. Совм. с М.М. Ситковецкой, Т.Н. Кошелевой, И.А. Станкевич.

1968

Стихотворный отклик на "Полярную звезду" в бумагах Вольной русской типографии // Русская литература и общественное движение: Сб. 1. (Казанский гос. пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 64). Казань. С. 136–141.

1971

К вопросу о тиражах лондонских изданий Герцена и Огарева // АЕ за 1969 год. М. С. 123–131.

Список пяти нелегальных стихотворений из архива А.И. Герцена и Н.П. Огарева // Страницы истории русской литературы: К 80-летию чл.-кор. АН СССР Н.Ф. Бельчикова. М.: Наука. С. 422–427.

1972

В центральных государственных архивах СССР (ЦГАЛИ СССР) // ИСССР. № 4. С. 229–230.

1973

Вопросы описания древних рукописей // ИСССР. № 5. С. 223–225.

Земледелец Александр Мордвинов: Из архивных разысканий. // Освободительное движение в России. Саратов. Вып. 3. С. 37–56.

Рец. на кн.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. М., 1971. Ч. I–IX. // ИСССР. № 4. С. 188–191.

1974

Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства // АЕ за 1972 год. М. С. 82–86.

В.Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры // АЕ за 1973 год. М. С. 133–146.

1975

Нужен новый закон [об охране памятников истории и культуры] // Человек и закон. № 1. С. 43–44. Совм. с С.О.Шмидтом.

1976

Археография и текстология // Археография Южного Урала. Уфа. С. 59–66.

О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин // СА. № 6. С. 46–53.

Возвращение к жизни и борьбе. (Письма М.А. Бакунина к Н.И. Тургеневу) // Встречи с прошлым. М.: Сов. Россия. Вып. 2. С. 39–47; 2-е изд. М., 1985. С. 35–42.

Новые письма И.С. Тургенева. (Письма к С.Н. Тютчеву и Н.А. Щепкину) // Там же. С. 52–55; 2-е изд. С. 47–49.

А.И. Герцен и американский публицист Чарльз Г. Лилэнд // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М.: Наука. С. 189–200.

Уральская археографическая конференция // АЕ за 1975 год. М. С. 361–362.

Региональные археографические конференции // ВИ. № 6. С. 173–174.

[Выступление на совещании работников архивных учреждений в Уфе в мае 1975 г.] // Материалы зональных совещаний-семинаров работников архивных учреждений РСФСР по вопросам публикационной работы. М. С. 263–266. Ротапринт.

1977

Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии // ВИ. № 4. С. 141–145. Совм. с А.А. Курносовым.

"Колокол" в русской Аляске // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск. С. 59–63.

1978

О состоянии и задачах советской полевой археографии (К итогам Первой всесоюзной конференции по полевой археографии) // АЕ за 1977 год. М. С. 3–14. Совм. с А.А. Курносовым и С.О. Шмидтом.

Из истории вольной русской печати (А.И. Герцен и Н. Трюбнер. Первый период сотрудничества) // Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука. С. 61–77.

Рец. на кн.: "Архив Бакунина". Издание Международного института социального истории // Освободительное движение в России. Вып. 8. Саратов. С. 113–119. Совм. с Н.М. Пирумовой. *Коммент.:* Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П.Огарева: Пер., коммент., указатели. М.: Наука. С. 153–154; 157–160; 170–174.

1979

О координационной деятельности Археографической комиссии АН СССР в области изучения и описания письменных памятников // Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии: Всесоюзная научная сессия: Тез. докл. Тбилиси. С. 60–62. Ротапринт.

Вопросы обеспечения сохранности документальных памятников в деятельности Археографической комиссии АН СССР // Актуальные проблемы обеспечения сохранности до-

кументальных памятников. Научно-практическая конф. работников архивных учреждений РСФСР. Тез. докл. и сообщений. М. С. 67–68. Ротапринт.

1980

“Тихомировские чтения” 1980 года // СА. № 6. С. 82–83.

1981

Археографическая комиссия АН СССР // Общественные науки. № 2. С. 146–153. Совм. с С.О. Шмидтом.

Всесоюзная научная сессия “Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии” // АЕ за 1979 год. М. С. 350–351. Совм. с О.М. Чунаковой.

1982

Вопросы описания документальных памятников в трудах Археографической комиссии. // АЕ за 1981 год. М. С. 247–254. Совм. с О.А. Князевской.

1983

Сост.: Методические рекомендации по денежной оценке актов документов эпохи феодализма и капитализма, рукописных и старопечатных книг, документов личного происхождения XVIII–XX веков, приобретаемых в собственность государства. М. 88 с. Ротапринт. В соавторстве.

Археографические экспедиции 1982 г. // АЕ за 1982 год. М. С. 291–293 (Подп.: В.Ч.).

1984

О координационной деятельности Археографической комиссии АН СССР в области изучения и описания письменных памятников // Источниковедческие разыскания. 1979. Тбилиси. С. 203–208.

Ранние автографы Ахматовой. (Листки из записных тетрадей 1910–1911 гг.) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 43. № 4. С. 348–354.

Интервью: Поиск ведет наука // Веч. Москва. 11 февр. С. 4.

Рец.: Книга о русской палеографии нового времени. [На кн.: Рейсер С.А. Русская палеография нового времени. М., 1982] // Книга: Исследования и материалы. Сб. 48. М. С. 193–195.

Ред.: Публикации и описания документальных памятников истории и культуры: Труды по археографии и смежным научным дисциплинам. Библиогр. указатель. Ч. 1 (1968–1972). М. 175 с. (АК; Главархив СССР). Ротапринт.

1985

Археографические экспедиции 1983 г. // АЕ за 1983 год. М. С. 339–342.

Дневник неизвестного посетителя Герцена // Герцен и Запад. (ЛН. Т. 96). М.: Наука. С. 679–688.

“Non possumus”. Анонимный памфлет из Заграничного архива Герцена и Огарева // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. М.: Наука. С. 70–87.

Вяземский мужичок Петр Артамов (граф Владимир де ла Фит де Пельпор). [Краткий вариант] // Герцен – мыслитель, писатель, борец. М. С. 129–131. (Гослитмузей).

1986

Археографические экспедиции 1984 г. // АЕ за 1984 год. М. С. 321–325.

Тихомировские чтения 1986 года // ВИ. № 10. С. 116–117.

Сост., подготовка текста, коммент.: Анна Ахматова. Соч. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит-ра. 511 С.

Коммент.: Анна Ахматова. Соч. Т. 2. Проза, переводы. М.: Худ. лит-ра. С. 427–434.

Вяземский мужичок Петр Артамов (граф Владимир де ла Фит де Пельпор) // Революционная ситуация в России в середине XIX в.: деятели и историки. М.: Наука. С. 115–126.

1987

Археографические экспедиции 1985 г. I. Полевые исследования кириллической книжной традиции // АЕ за 1985 год. М. С. 329–331.

Археографические экспедиции 1986 года // АЕ за 1986 год. М. С. 314–317.

О некоторых итогах и задачах собирания и научного описания памятников кириллической письменности и книжности // Там же. С. 156–158. Совм. с Б.Г. Литваком и С.О. Шмидтом.

Переписка Блока с А.А. Ахматовой // Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 4. (ЛН. Т. 92). М.: Наука. С. 571–577.

Интервью: Из книжных сокровищ // Известия. № 144. 23 мая. С. 6.

[Выступление на “Круглом столе” археографов в Свердловске] // Сов. Россия. 19 сент.

1988

Археографические экспедиции // ВАН № 1. С. 105–110.

Археографические экспедиции 1987 г. // АЕ за 1987 год. М. С. 321–323.

Первая Всероссийская выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями // Там же. С. 327.

Поиск сведений в библиотеках и архивах // Документальные памятники: выявление, учет, использование. М.: Высшая школа. С. 119–131.

Публ.: Из воспоминаний об Анне Ахматовой (В. Беер, Н.Г. Чулкова, Я.З. Черняк) // Перспектива-87. Советская литература сегодня. М. С. 471–480. Совм. с В.Я. Виленкиным.

Грядущие юбилей поэтов // ЛГ. 27 апр. С. 2.

Сост. и сопроводит. текст к грампластинке: Анна Ахматова. “И я сказала: – Мору”. М.

1989

- Археографические экспедиции 1988 г. // АЕ за 1988 год. М. С. 326–328.
Сост. и примеч.: Анна Ахматова. Я – голос ваш... М.: Книжная палата. 382 с.
Сост.: Анна Ахматова. Лирика. М. Худ. лит-ра. 415 с.
Сост. и пред.: Анна Ахматова. Страницы прозы. М. Огонек. 46 с.
Сост. и сопроводит. текст к грампластинке: Анна Ахматова. “Я — голос ваш...” М.
Публ.: Ахматова А. Из дневниковых записей // Лит. обозрение. № 5. С. 11–17.
Родословная Анны Ахматовой // Генеалогия. Источники, проблемы, методы исследования: Тез. докл. и сообщ. Межвуз. научной конф. М. С. 50–51. (МГИАИ). Ротапринт.
[Выступление на Ахматовских чтениях в ИМЛИ АН СССР] // Сов. Россия. 23 июня. С. 4.
Аренс Вера Евгеньевна // Русские писатели. 1800–1917. Биограф. словарь. М. Т. 1. С. 103.
Ред.: Полевые археографические исследования кириллической книжности: Метод. указания по подготовке и проведению археографических экспедиций. Свердловск. 51 с. Ротапринт.

1990

- Археографические экспедиции 1989 г. // АЕ за 1989 год. М. С. 322–324.
Сост., подгот. текста, коммент.: Анна Ахматова. Соч. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит-ра. 526 с.
Коммент.: Анна Ахматова. Соч. 2-е изд. испр. и доп. Т. 2. Проза, переводы. М.: Худ. лит-ра. С. 461–467.
Вступ. заметка, сост., примеч.: “Самый непрочитанный поэт”. Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // Новый мир. № 5. С. 219–223.
То же (сокращенный вариант) // Лит. газ. 13 июня.
Эразм Стогов и его “Записки” // Общественное сознание, книжность и литература феодального периода. Новосибирск. С. 331–336.

1991

- Сост.:* Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель. 719 с. Совм. с В.Я. Виленкиным.
Коммент.: А. Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М.: Радуга. С. 354–381.

1992

- В Ольденбургском государственном архиве // ОА. № 2. С. 111–113.
К юбилею Лидии Петровны Жуковской // АЕ за 1990 год. М. С. 172. Совм. с Н.Б. Шеламановой.
Археографические экспедиции 1990 г. II. Полевые исследования книжной традиции на вос-

точных языках // АЕ за 1990 год. М. С. 306–307.

- Рукописное наследие Анны Ахматовой и проблемы его публикации // Царственное слово. Ахматовские чтения. Вып. 1. М.: Наследие. С. 207–216. (ИМЛИ).
Судьба рукописного наследия Анны Ахматовой и проблемы его публикации // Anna Achmatova (1889–1966). Atti di Convegno [...] Torino. 12-13 dicembre 1989. Alessandria: Edizioni dell'orso. P. 153–159.
Переписка А.В.Суворова с герцогом Петером-Фридрихом-Людвигом Гольштейн-Ольденбургским // ИА. № 1. С. 189–193.
Prinzen-Namen aus dem Hause Oldenburg auf dem Stadtplan Sankt-Peterburgs. // Nordwest-Heimat. № 296. 19. Dez. Oldenburg. S.1–3.

1993

- Музей под открытым небом в Клоппенбурге и выставка, посвященная народной письменной культуре // Этногр. обозрение. № 1. С. 102–105.
Родословная Анны Андреевны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1992. М.: Наука. С. 71–84.
Блокоская легенда в творчестве Анны Ахматовой // Серебряный век в России. М.: Радикс. С. 275–295.
[Открытое письмо В.Оскоцкому о цикле стихов “Слава миру”] // Родина. № 2. С. 113.
О несостоявшемся сборнике “Пушкинская Россия” // Новое лит. обозрение. № 5. С. 168–171.
Приобретение и документирование дворянского достоинства в России в XVIII–начале XX в. Краткая справка. // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1(45). С. 60–61.

1994

- Археография // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М. Т. 1. С. 118–119. Совм. с С.В. Чирковым.
Археография и власть. (О попытке создать Государственную археографическую комиссию в 1944 г.) // АЕ за 1991 год. М. С. 137–140.
Археографические экспедиции 1991 г. // Там же. С. 326. (Подп.: В.Ч.).
Автобиографическая проза А.С. Пушкина и А.А. Ахматовой. // De visu. № 3/4 (15). С. 67–69.
Словари поэтического языка О. Мандельштама и А. Ахматовой Тез. докл. // Мандельштамовские дни в Воронеже. Материалы. Воронеж. С. 87–88.
Лафит де Пельпор // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 3. М. С. 292.
Екатерина Павловна, вел. кн. // Тверская область. Энциклопедический словарь. Тверь. С. 97. (Б.п.).
Ольденбургский Георгий Петрович // Там же. С. 183. (Б.п.).

1995

Археографические экспедиции 1993 г. // АЕ за 1993 год. М. С. 350–351.

Ахматова или Гумилев? (Кто автор рецензии “О стихах Н. Львово́й”?) // Новое лит. обозрение. № 14. С. 151–153.

1996

Работа Археографической комиссии за 40 лет (1956–1996) // Ин-т славяноведения и балканистики. 50 лет. М. С. 269–282. Совм. с С.О. Шмидтом.

Труды Археографической комиссии (1956–1995) // Там же. С. 363–370.

Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. (1889 – 1917). М.: Эдиториал УРСС. 111 с. *Науч. консульт., вводные заметки, указ.: Запис-*

ные книжки Анны Ахматовой (1958 – 1966). М.–Torino: Giulio Einaudi Editore. 849 с.

Вяземский мужичок Петр Артамов (граф Владимир де ла Фит де Пельпор) // Край Смоленский. № 3–6. Смоленск. С. 41–53.

Творчество Н.С.Гумилева в поздней оценке Анны Ахматовой // Гумилевские чтения. Материалы междунар. конф. филологов-славистов. СПб. С. 194–199.

1997

Тихомировские чтения // Вестник РАН. № 6. С. 557 – 558.

Прошлое и настоящее архивов и рукописных хранилищ Москвы на страницах “Археографического ежегодника” // АЕ за 1997 год. М. С. 263 – 265.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ГРАМОТЫ ИЗ АРХИВА МОСКОВСКОГО АРХАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА

В настоящей публикации вниманию читателей предлагаются тексты 11 грамот XVI – начала XVIII в. из архива Московского Архангельского собора, являвшегося одной из самых привилегированных духовных корпораций Русского централизованного государства. Первый по хронологии документ – указная грамота 1546 г. – дошла в подлиннике. Она упоминалась в перечне иммунитетных грамот XVI в.¹, но не была издана (см. ниже, док. № 1). Остальные 10 документов сохранились в копиях начала 30-х годов XVIII в., обнаруженных О.И. Хоруженко в 1992 г. в составе сенатской книги № 781. Из них грамота 1601 г. (см. ниже, док. № 7) известна также в списке XVII в.², фрагменты которого, касающиеся древнейших владений собора, опубликовал И.А. Голубцов³.

В жалованной грамоте императрицы Анны Иоанновны Московскому Архангельскому собору от 5 февраля 1734 г. упоминались грамоты ее предшественников, попавшие в копии в сенатскую книгу. Это грамоты 7058 (1550), 7072 (1564), 7090 (1582), 7093 (1585), 7108 (1599), 7109 (1601), 7132 (1623), 7153⁴ (1645) и 1710 гг.⁵ Грамота Анны Иоанновны была опубликована в 1830 г.⁶ В 1880 г. протоиерей Архангельского собора о. А. Лебедев писал: "Что же касается царских грамот, хранящихся в соборной ризнице в подлинниках и копиях, то я пройду их молчалием в надежде издать подробное описание их"⁷. Обещанное Лебедевым описание как будто на появилось в печати, о знакомстве же автора с текстом большинства публикуемых ниже грамот или упоминаниями о них свидетельствует приводимый им перечень архангельских протопопов под определенными годами. Всего он называет 10 протопопов и одного протопресвитера за период с 1433 по 1726 г.⁸ Среди протопопов Лебедев указывает Симеона (1550 г.), Евстафия (1564 г.), Василия (1585 г.), Дмитрия (1624 г.), Никифора (1645 г.). Симеон, Евстафий, Василий и Никифор были соответственно получателями жалованных грамот 1550, 1564, 1585 и 1645 гг.⁹ Отнесение Дмитрия к 1624 г.

¹ Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века [часть II] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 368. № 520.

² РГАДА. Поместн. прик., столб. по Москве. № 32968. Ч. III. Л. 317–327.

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1964. Т. 3. С. 77–78. № 51. О грамоте 1601 г. см. также замечания В.Д. Назарова: Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984 (далее – АММС). С. 237.

⁴ К 7153 г. относятся две грамоты – жалованная и указная ("отказная") (см. ниже, док. № 9, 10). В грамоте Анны подробно излагалась вотчинная часть предшествующих грамот.

⁵ См. ниже, док. № 2–11.

⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 9. № 6544. С. 263–277.

⁷ Лебедев А. Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880. С. 339.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ См. ниже, док. № 2, 3, 5, 9.

ошибочно. В 1623 г. протопопом был Иван¹⁰, а Дмитрий являлся получателем грамоты 1601 г.¹¹ Кроме того, если бы Лебедев подробнее познакомился с текстом грамот, он смог бы обнаружить имена целого ряда других протопопов, упоминаемых в подтвердительных подписях и во включенном акте 1463 г. в составе жалованной грамоты 1564 г.

За исключением Лебедева, никто из авторов специальных трудов об Архангельском соборе¹² не занимался выявлением и рассмотрением архангельских грамот XVI–XVII вв. Не затрагивались они и в исследованиях на другие темы. Прежде чем говорить об их значении и происхождении, коснемся вкратце истории возникновения собора и развития его землевладения, финансовых и судебных привилегий. Упоминания о церкви св. Михаила Архангела в Москве встречаются в летописях с самого начала XIV в. В первой трети XIV в. это была деревянная церковь¹³. Известие о погребении в ней в. кн. Даниила Александровича в 1303 г.¹⁴, по-видимому, ошибочно. Более достоверно сообщение летописей о захоронении здесь в. кн. Юрия Даниловича¹⁵. Иван Калита заложил вместо деревянной каменную церковь "архаггела Михаила", которая была создана "в едино лето" и освящена митрополитом Феогностом в сентябре 1333 г.¹⁶ Эта церковь просуществовала до 20-х чисел мая 1505 г., когда Иван III велел ее, "ветхости ради", разобрать и заложить новую¹⁷. К октябрю 1507 г. строительство, ведшееся под руководством миланского зодчего Алевиза Нового, продвинулось настолько, что стало возможным вновь разместить в соборе вынутые из прежнего здания мощи погребенных здесь великих и удельных князей¹⁸. Возведение собора было завершено в 1508 г.¹⁹, и 8 ноября состоялось его освящение митрополитом Симоном²⁰.

Исключительное положение архангельского собора определялось тем, что он

¹⁰ См. ниже, док. № 8.

¹¹ См. ниже, док. № 7.

¹² *Снегирев И.М.* Архангельский собор в московском кремле. М., 1865; *Недумов А.* Московский Архангельский собор с описанием царских и великокияжеских гробниц, находящихся в нем. М., 1890; *Извеков Н.Д.* Московский придворный Архангельский собор. Сергиев Посад, 1916.

¹³ Ее возникновение относят к 1247 г. (см.: *Лебедев А.* Указ. соч. С. 13; *Извеков Н.Д.* Указ. соч. С. 3).

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 174; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 351; ср.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 81, 84, 131; М., 1978. Т. 34. С. 199, 204, 205 (Даниил похоронен в Данилове монастыре).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 189; Пг., 1921. Т. 24. С. 115; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 167; М., 1994. Т. 39. С. 104; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 357.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 206; СПб., 1910. Т. 23. С. 104; Т. 24. С. 116; Т. 25. С. 171; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 238, 324; Т. 39. С. 106; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 361. В Московском своде конца XV в. дата освящения – 28 сентября (ПСРЛ. Т. 25. С. 171), в то время как в других сводах указывается 20 сентября, с пояснением: "...на память святого мученика Еустафья Плакиды" (ПСРЛ. Т. 10. С. 206; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 361). Правильной датой является 20 сентября, на которое действительно приходится память св. Евстафия Плакиды (см.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 3. С. 593). Сентябрь 6841 г. соответствует 1333 г. при мартовском стиле, характерном для этого пласта летописных дат (см.: *Березков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 293–295, 351).

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 50; СПб., 1859. Т. 8. С. 244; СПб., 1901. Т. 12. С. 258; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 297; Т. 39. С. 176. В большинстве летописей это событие указано под 21 мая, только в Вологодско-Пермской летописи – под 23 мая (ПСРЛ. Т. 26. С. 297).

¹⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 52–53; Т. 8. С. 248; СПб., 1904. Т. 13, первая половина. С. 6–8; Т. 23. С. 197–198; Т. 39. С. 178.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 53; Т. 8. С. 249; Т. 13, первая половина. С. 10; Т. 23. С. 198; Т. 39. С. 179.

²⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 54; Т. 8. С. 250; Т. 13, первая половина. С. 10; Т. 26. С. 300; Т. 39. С. 179. В литературе встречается утверждение, что Архангельский собор был закончен постройкой в 1509 г. (*Недумов А.* Указ. соч. С. 5; *История Москвы.* М., 1952. Т. 1. Период феодализма XII–XVII вв. С. 110; *СИЭ.* М., 1965. Т. 8. Стб. 58 и др.). Эта неточность связана, видимо, с тем, что об освящении Архангельского собора в летописях сообщается под 7017 г. (7017–5508 = 1509). Однако следует учитывать месяц, когда состоялось освящение, – ноябрь, для которого из 7017 надо вычесть не 5508, а 5509 (= 1508).

являлся усыпальницей московских великих и удельных князей, а с 1584 до 1696 г. – царей. В соборе похоронены все московские государи начиная с Ивана Калиты²¹ и кончая Иваном V Алексеевичем. Последним в Архангельском соборе был погребен император Петр II – в 1730 г. В 1742–1883 гг. Архангельский собор был кафедральным собором Московской епархии, но в 1883 г. эта роль перешла к вновь построенному храму Христа Спасителя. С 1895 г. Архангельский собор стал "придворным"²² и оставался таковым до 1917 г.

О каких-либо пожалованиях Архангельскому собору при Иване Калите или Семене Гордом сведений нет. Только по духовной в. кн. Ивана II Ивановича (около 1358 г.) Архангельский собор получил наряду с Успенским право на сбор в свою пользу торговой пошлины "костки" в Москве: "А костки московские далъ есмь на Москве к святеи Богородици и к святому Михаилу, в память по своємъ отце и по своеи братьи, и по собе, то имь руга"²³. Таким образом, эта привилегия рассматривалась как эквивалент руги – денежного или натурального довольствия на содержание духовной корпорации. Вместе с тем право на сбор косток – типичный рыночный бан²⁴, своего рода "лен, состоящий только из даней"²⁵. Предоставление права на сбор той или иной торговой или проезжей пошлины практиковалось в XIV–XVI вв. прежде всего в отношении церквей и соборов (гораздо реже – монастырей). Это была форма финансового пожалования, не связанная с предоставлением прав собственности на землю, в пределах которой осуществлялось взимание пошлины. В рассматриваемую эпоху рыночный бан и руга являлись взаимозаменяемыми формами финансового неиммунитетного пожалования.

Право Успенского и Архангельского соборов на взимание косток в Москве было подтверждено в первой духовной грамоте Дмитрия Донского (около 1375 г.): "А костки московские к святеи Богородици на Москве и к святому Михаилу, а того не подвигнуть"²⁶.

В позднейших духовных грамотах великих князей статья о московских костках отсутствует. В.Д. Назаров считает, что несмотря на это Успенский и Архангельский соборы сохраняли и в дальнейшем полученное ими в середине XIV в. право на сбор косток в Москве²⁷. Данное предположение не подтверждается и прямо не опровергается источниками. Думается, что по мере превращения соборов в земельных собственников их право на сбор косток как форму руги теряло свои морально-финансовые основания. Отношения соборов с московскими князьями были достаточно сложными. Так, Василий II в приписной грамоте к своей духовной (около 1461–1462 гг.) лишил Архангельский собор принадлежавшего ему двора кн. Василия Ярославича в г. Москве²⁸.

Как это ни парадоксально, но первые земельные пожалования Архангельскому собору происходят не от московских великих, а от удельных князей. Повидимому, тесные связи имел собор с боровско-серпуховскими князьями. Вдова известного героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Серпуховского Елена Ольгердовна, в иноческом чину Евпраксия, завещала Архангельскому

²¹ Мощи в. кн. Юрия Даниловича, погребенного в деревянном соборе первой трети XIV в., сюда не попали.. Они дважды (или трижды: начиная с XIV в. ?) перезахоранивались в Успенском соборе (ПСРЛ. Т. 6. С. 34.; Т. 8. С. 171, 203; Т. 12. С. 145, 193, 196; ср.: *Снегирев И. М.* Указ. соч. С. 21–22; *Лебедев А.* Указ. соч. С. 387).

²² *Извеков Н.Д.* Указ. соч. С. 23–24, 63.

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее – ДДГ). № 4а, б. С. 16, 19; ср.: *Снегирев И.М.* Указ. соч. С. 41 (под 1366 г.); АММС. С. 15.

²⁴ О последнем понятии см.: *Stengel E.* Die Immunität in Deutschland bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Forschungen zur Diplomatik und Verfassungsgeschichte. Diplomatik der deutschen Immunitäts-Privilegien vom 9. bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Innsbruck, 1910. S. 556, 589–598.

²⁵ См.: *Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century. L., 1899. P. 76.

²⁶ ДДГ. № 8. С. 28. ²⁷ АММС. С. 15. ²⁸ ДДГ. № 61 б. С. 199.

собору (около 1433 г.) три села своего умершего старшего сына серпуховского князя Ивана Владимировича (1381–1422²⁹), – Микульское, Губкино и Немцово: "А святому архангилу Михайлу, где лежить князь мой и дете, дала есми села князя Ивановы, Микульское на Десне, да Губькино, да Немыцovo"³⁰. Эти села упомянуты в духовной кн. Владимира Андреевича Серпуховского (около 1401–1402 гг.) в числе владений, предназначенных его старшему сыну Ивану. Они определены в качестве "московских сел": "А из московских сел сыну, князю Ивану: Микулинское село, Губкино село, Немцово, Поповское на Коломенке с мельницею, Туловское село со всеми деревнями"³¹.

Вклад Елены Ольгердовны указывается обычно как первое земельное пожалование Архангельскому собору³². Действительно, более ранних мы не знаем. Однако, с середины XV в. рост землевладения Архангельского собора стал набирать темпы. В грамоте 1601 г. упоминаются земли, пожалованные собору князем Дмитрием Юрьевичем, который дал их "по своем деде, по великому князе Дмитрее Ивановиче, и по своем отце по князе Юрье Дмитреевиче, и по своей бабе по великой княгине Ефросинье, и по своей матери по великой княгине Анастасие, и по своем брате, и по себе, и по своей княгине, и по своих детех"³³.

Из сыновей кн. Юрия Дмитриевича имя Дмитрий носили двое: Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. В данном случае речь идет о Дмитрие Шемяке, поскольку тут упоминается "княгиня" (жена) вкладчика; в отличие от Шемяки Дмитрий Красный женат не был³⁴. По предположению Н.А. Баумгартена, Дмитрий Шемяка женился в 1437 г., и жена его, Софья Дмитриевна, умерла в Литве после 1456 г.³⁵ В списке XVII в. с грамоты 1601 г. брат Дмитрия Юрьевича упоминается в единственном числе ("и по своем брате"), а в списках XVIII в. говорится о "брате"; мы придерживаемся чтения "брате". У Шемяки было два брата – старший, Василий Юрьевич Косой, и младший, Дмитрий Юрьевич Красный. Младший умер первым – 22 сентября 6949 (1440) г.³⁶ Смерть старшего брата Дмитрия Шемяки, Василия Косого, отмечается в летописях под 6956 г. без указания месяца и числа³⁷. Поэтому в литературе обычно утверждается, что он умер в 1448 г.³⁸ (6956–5508=1448). Однако, по некоторым данным, Василий

²⁹ Дату его смерти – 7 октября 1422 г. – указывает М.Д. Хмыров по источнику, который нам неизвестен (синодик?). См.: *Хмыров М.Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. СПб., 1871. Первая половина. А–И. С. 138. № 820; ср.: *Baumgarten N. de.* Généalogies des branches régnautes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // *Orientalia Christiana.* Roma, 1934. Vol. XXXV – 1. № 94. P. 33–34. Table VI. № 1. В. 1422 (6930) г. на Руси был большой голод (см., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 245; т. 39. С. 142).

³⁰ ДДГ. № 28. С. 72. В духовной говорится далее: "А святому архангилу Михайлову Чудю дала есми села Сесипетровское да Козинское и что к нимъ потягло, ини поминаютъ наши души" (Там же). В указателе к ДДГ "Архангел великий Михаил чудо" определяется как "соборная церковь в Москве", и все ссылки на Архангела Михаила и на Чудо Архангела Михаила объединены в одной статье (Там же. С. 527). Однако под Михайловым Чудом подразумевается, видимо, Чудов монастырь. Поэтому пожалование Михайлову Чуду сел Сесипетровского и Козинского едва ли можно считать вкладом в Архангельский собор. Аналогичным образом и дача 10 р. вкладом к "Миханлову Чудю" в духовной грамоте волоцкого кн. Федора Борисовича (около 1506 г.) должна рассматриваться как пожалование Чудову монастырю, а не Архангельскому собору, тем более что Михайлово Чудо фигурирует тут в окружении московских монастырей: Спаса Нового (Новоспасского), Симонова, Рождества Пречистой на Рве (Там же. № 98. С. 409).

³¹ Там же. № 17. С. 46.

³² АММС. С. 16.

³³ АСЭИ. Т. 3. № 51. С. 17–18; ср. ниже док. № 7.

³⁴ *Хмыров М.Д.* Указ. соч. С. 112. № 694.

³⁵ *Baumgarten N. de.* Op. cit. P. 28. Table IV. № 2.

³⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 170; Т. 8. С. 109–110 и др.

³⁷ См., например: ПСРЛ. Т. 8. С. 121; Т. 12. С. 74; Т. 25. С. 270; Т. 26. С. 208; Т. 27. С. 115; Т. 39. С. 146.

³⁸ *Хмыров М.Д.* Указ. соч. С. 59–60. № 496; *Baumgarten N. de.* Op. cit. P. 28. Table IV. № 1; *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 131.

Юрьевич умер 11 ноября³⁹, а для ноября мы должны вычесть из числа сентябрьского года не 5508, а 5509. Тогда годом смерти Василия Косого оказывается не 1448, а 1447 г.

В качестве "брата" в списке XVII в. упоминался, скорее всего, умерший ко времени совершения вклада князь, т.е. Дмитрий Красный. Отсутствие упоминания второго брата Шемяки в этом списке показывает, что в момент, когда совершался вклад, Василий Косой был еще жив. Отсюда хронологические рамки пожалования: после 22 сентября 1440 г. и до 11 ноября 1447 г. Эти рамки можно еще больше сузить, по крайней мере в отношении *terminus ad quem*.

Объектами вклада кн. Дмитрия Юрьевича были с. Климетино и сц. Ермолино с деревнями в Суходоле, а также, вероятно, церковные пустоши с. Каменского (там же?). Составители духовных и договорных грамот XIV – начала XVI в. относили Суходол то к Звенигороду⁴⁰, то к Вышегороду⁴¹, то к Боровску⁴². В этих источниках Суходол фигурирует часто вместе "с-Ыстею, съ Истервою"⁴³, иногда вместе с Красным селом⁴⁴, иногда же вместе "с-Ыстею, и с-Ыстервою, и с Красным селом" и др.⁴⁵ Ясно, что речь идет во всех случаях об одной и той же территории. Судя по реконструкции В.Н. Дебольского, Суходол находился в верховьях р. Нары⁴⁶.

Территориально-административный статус Суходола в духовных и договорных грамотах не определяется. Этот округ не включается прямо в число "волостей". Иногда он рассматривается как часть Вышегородской волости: "... Суходола Вышегородские волости"⁴⁷, "Суходола и с Красным селом, Вышегородские волости"⁴⁸ и т.п. В Никоновской летописи при изложении второй духовной Дмитрия Донского Суходол назван слободой⁴⁹. Это была довольно значительная территория. В конце XIV в. "выход" с нее устанавливался в размере 45 р. (для сравнения: с Юрьевской слободы брали 50 р., "со Скирменовские слободки 9 руб.")⁵⁰.

По духовной грамоте кн. Юрия Дмитриевича (около 1433 г.) Суходол передавался его третьему сыну – Дмитрию Юрьевичу Меньшому: "Да к тому есми дал ему: Суходол с-Ыстею, и с-Ыстервою, и с Уборичною слободкою, и з Боровковою, и з бортники, и со всеми селы"⁵¹. После смерти Дмитрия Меньшого (Красного) Суходол оказался, по-видимому, в руках его брата, Дмитрия Шемяки. Прямой намек на это содержится в договоре около 1447 г. в кн. Василия II с боровско-серпуховским кн. Василием Ярославичем. Предоставляя последнему Дмитров и Суходол в порядке компенсации за "недодачу" Углича, Городца и Козельска, некогда входивших в состав удела деда Василия Ярославича, князя Владимира Андреевича Серпуховского, великий князь допускал вероятность претензий на Суходол со стороны Дмитрия Шемяки и не исключал возможности возврата ему этой территории: "А добьет челом мне, великому князю, брат мои

³⁹ См., *Baumgarten N. de. Op. cit.* P. 28–29. Table IV. № 1.

⁴⁰ ДДГ. № 4, 12, 58, 62. С. 15, 17, 33, 181, 200.

⁴¹ Там же. № 29, 45, 56, 58. С. 74, 130, 132, 135, 138, 170, 173, 180, 184.

⁴² Там же. № 61, 89. С. 194, 355.

⁴³ Там же. № 12, 29. С. 33, 34, 74; ср. № 4. С. 15, 17.

⁴⁴ Там же. № 45, 56, 58, 62. С. 130, 132, 135, 138, 170, 173, 180, 181, 184, 200.

⁴⁵ Там же. № 61, 89. С. 194, 355.

⁴⁶ *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901. С. 12–13. Рис. № 12.

⁴⁷ ДДГ. № 45. С. 130.

⁴⁸ Там же. С. 135.

⁴⁹ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 115.

⁵⁰ ДДГ. № 12. С. 35 (вторая духовная Дмитрия Донского).

⁵¹ Там же. № 29. С. 74.

молодшеи, князь Дмитрей Юрьевич, а пожалую его его вотчиною, и тебе мне Суходола и Красного села отъступитися без отмены. А не дам Суходола и Красного села князю Дмитрею, и мне и оу тебя не взяти, и моим детем, и под твоими детми"⁵².

Л.В. Черепнин датировал рассматриваемый договор 19 июня 1447 г.⁵³ А А. Зимин предложил несколько возможных датировок: 1) 1 сентября 1446 г. – 21 марта 1448 г.; 2) апрель – июль 1449 г.⁵⁴ Наряду с этим он указывает в качестве наиболее вероятных следующие даты: 1) сентябрь 1446 г. – 12 июня 1447 г.⁵⁵; 2) 1 сентября 1446 г. – 17 февраля 1447 г.⁵⁶ В.Д. Назаров склоняется к датировке договора серединой – второй половиной января 1447 г.⁵⁷ Несомненно, что договор был составлен до 10 мая 1447 г., когда Василий Ярославич уже владел Дмитровом⁵⁸.

Следовательно, дать свои земли в Суходоле Московскому Архангельскому собору Дмитрий Шемяка мог не позже 10 мая 1447 г. Общая датировка его пожалования приобретает, таким образом, следующий вид: 1440 г. сентября 22 – 1447 г. мая 10. Думается, что особенно заинтересован в союзе с Архангельским собором Дмитрий Шемяка был в 1446 г., во время своего великого княжения. Именно тогда он выдал несколько жалованных грамот монастырям (Троице-Сергиеву⁵⁹, нижегородскому Спасо-Благовещенскому⁶⁰). Правда, в грамоте 1601 г. Дмитрий Юрьевич назван просто князем; вместе с тем его мать Анастасия титулуется великой княгиней, хотя отец, Юрий Дмитриевич, упоминается как "князь" без определения "великий".

Следующее по времени земельное приобретение Архангельского собора связано с именем великой княгини Софьи Витовтовны, вдовы Василия I и матери Василия II. В своей духовной (около 1451 г.) она завещала собору с. Баню (в позднейшем Московском уезде): "А на поминоку души своего господаря, мужа своего, великого князя Василья Дмитриевича, и своео свекрови, великие княгини Овдотьи, и по своеи души, и по души сына своего, князя Ивана, даю великому архангелу Михаилу къ соборной церкви ... ща⁶¹ село свою Баню"⁶².

Значительный интерес представляет дошедшая в подлиннике грамота в. кн. Василия II протопопу Архангельского собора Ивану с бр. на с. Климьтинское в Суходоле⁶³. Мы помним, что около 1447 г. Суходол, находившийся ранее в руках Дмитрия Шемяки, перешел под власть боровско-серпуховского князя Василия Ярославича. 10 июля 1456 г. последний был арестован⁶⁴, а удел его ликвидирован – включен в состав великого княжения. Стремясь укрепить свой суверенитет над вновь присоединенной территорией, Василий II и выдал жалованную грамоту Архангельскому собору. Грамота не имеет даты. В общем виде

⁵² Там же. № 45. С. 130, 138; ср. С. 132, 135.

⁵³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 140; ДДГ. № 45. С. 129.

⁵⁴ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Сб. 6. С. 309.

⁵⁵ Там же. С. 309, 323. № 45.

⁵⁶ Там же. С. 323. № 45.

⁵⁷ Назаров В.Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география. XII – начало XX в. М., 1975. С. 56.

⁵⁸ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 191. С. 136–137; ср. Назаров В.Д. Указ. Соч. С. 56. Примеч. 61.

⁵⁹ АСЭИ. Т. 1. № 180. С. 130.

⁶⁰ АСЭИ. Т. 3. № 294, 297. С. 321, 324 – 326; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков (далее – АФЗХ). М., 1951. Ч. 1. № 232. С. 203 – 204.

⁶¹ Перед этим текст утрачен; по данным издателя, на недостающей части строки могли бы уместиться около 4 букв. Возможно, было "на площади".

⁶² ДДГ. № 57. С. 177. Снегирев упоминает это пожалование под 1462 г. (см.: Снегирев И.М. Указ. соч. С. 41).

⁶³ АСЭИ. Т. 3. № 49. С. 74–75. ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 147; Т. 12. С. 112; Т. 25. С. 275.

хронология ее вполне ясна: после 1456 г. июля 10 (время "поимания" кн. Василия Ярославича) и до 1462 г. марта 27 (день смерти в. кн. Василия II⁶⁵).

Однако можно предполагать, что грамота была выдана ближе к первой, чем ко второй дате. Жалованные грамоты на новые земли обычно выдавались сразу или вскоре после их присоединения. Кроме того, рассматриваемую жалованную грамоту успели еще при жизни Василия II заново подписать на его имя, причем "монограмма" (параф)⁶⁶ подтверждавшего грамоту дьяка Ивана Ростовца сходна, по мнению И.А. Голубцова, с "монограммой", имеющейся на жалованной грамоте от 21 апреля 1459 г.⁶⁷ Заметим еще, что старинный двор серпуховского князя Владимира Андреевича, находившийся в Кремле и перешедший по наследству к Василию Ярославичу, был отдан после ареста последнего Архангельскому собору, но по приписной грамоте к духовной Василия II 1461/62 г. был у собора отобран и передан сыну великого князя, Юрию Васильевичу Дмитровскому⁶⁸. Естественнее приурочить выдачу жалованной грамоты на земли в бывшем уделе Василия Ярославича к тому моменту, когда собор получил двор этого князя в Москве, а не к тому, когда он этого двора лишился.

В жалованной грамоте 1456–1462 гг. фиксировался полный податной иммунитет, а судебный ограничивался изъятием из вотчинной юрисдикции дел о душегубстве. Поскольку грамота касалась села, являвшегося вкладом кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки, можно допустить, что грамоте Василия II на это село предшествовали, по крайней мере, две грамоты: одна – Дмитрия Юрьевича, другая – Василия Ярославича. Формуляр грамоты Василия II мог восходить к формуляру грамоты Василия Ярославича, а та, в свою очередь, могла основываться на формуляре грамоты Шемяки.

Очень важен текст подтверждения Василия II к рассматриваемой грамоте: "А сее грамоти своее князь велики не рушил и данщиком и волостелем не велел всылати ни по што, а имать дань в Арханг...е"⁶⁹. Здесь впервые провозглашен принцип получения дани самим Архангельским собором, т.е. идея податного иммунитета выражена не только в форме отрицания прав княжеской власти на сбор дани и других налогов с вотчины духовного землевладельца, но и в форме прямого утверждения за ним права на сбор дани в свою пользу. Такая позитивная фиксация иммунитета как вотчинного права находит развитие в последующих жалованных грамотах Архангельскому собору, и в этом их существенное отличие от грамот, выданных большинству других духовных корпораций XV–XVI вв.

Грамота на с. Климьинское была, возможно, не единственной жалованной грамотой, полученной Архангельским собором от Василия II. В жалованной грамоте Ивана III 1463 г., дошедшей в составе грамоты 1564 г.⁷⁰, упоминается, что его отец дал в дом св. Архангелу Михаилу село Ростороповское.

Согласно информации, содержащейся в жалованной грамоте 1601 г., в кн. Василий Васильевич дал Архангельскому собору с. Банское, Борисоглебское тож, с деревнями в Московском уезде. Село это Василий II давал "по своем отце, по великом князе Василье Дмитриевиче, и по своей матери, по великой княгине Софье, и по своем брате, по великом князе Иване Васильевиче"⁷¹. Как уже

⁶⁵ Там же. Т. 8. С. 150; Т. 12. С. 115; Т. 25. С. 278; в АСЭИ днем смерти Василия Темного названо, по ошибке, 17 марта вместо 27 (см.: АСЭИ. Т. 3. № 49. С. 75. Примеч.). В надписи на надгробии указано 28 марта 6970 г. (Снегирев И.М. Указ. соч. С. 24).

⁶⁶ Ср.: Каптанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 160–161.

⁶⁷ АСЭИ. Т. 1. № 280. С. 201; ср.: Там же. Т. 3. № 49. С. 75. Примеч.

⁶⁸ См.: ДДГ. № 61 б. С. 199.

⁶⁹ АСЭИ. Т. 3. № 49. С. 75. После букв "Арханг" текст неясен; буква "е" помещена в начале следующей строки.

⁷⁰ См. ниже, док. № 3.

⁷¹ АСЭИ. Т. 3. № 51. С. 78; ср. ниже, док. № 7.

отмечалось выше, с. Банское завещала собору в. кнг. Софья Витовтовна (около 1451 г.), так что Василий II только выполнял или подтверждал распоряжение своей матери.

Сын Василия Темного, Иван III, занялся укреплением политических связей с Архангельским собором вскоре после своего вступления на престол (1462 г.). В июле 1463 г. он выдает собору жалованную тарханно-несудимую и заповедную (от ездоков) грамоту на сц. Инютинское и сц. Козельское в Суходоле Боровского уезда – старинном районе архангельского землевладения. В грамоте сказано: "Что есми дал в домъ Архангелу Михаилу свои два селца, Инютинское да Козельские⁷², в Боровском уезде в Суходоле въ ихъ место селца Ростороповского..." Из этой фразы как будто явствует, что был какой-то предварительный обмен селами между Иваном III и собором. Такой обмен мог состояться после 27 марта 1462 г. (дата смерти Василия II и вступления на престол Ивана III) и до июля 1463 г. (дата выдачи жалованной грамоты). Существовала ли на сей счет какая-либо специальная жалованная меновная грамота, выданная до июля 1463 г., неясно. Не исключено, что первым актом, официально зафиксировавшим этот обмен, была сама грамота июля 1463 г.

Грамота 1463 г. начинается словами: "По отца своего, великого князя Василья Васильевича всеа Руссии..." Ожидаемое далее слово "грамоте" в списке отсутствует. Скорее всего, это результат недосмотра переписчика. Но, с другой стороны, какая грамота могла тут иметься в виду? Была ли когда-нибудь грамота Василия II на с. Ростороповское? Или ориентиром для грамоты Ивана III служила грамота Василия II на с. Климятинское в Суходоле? По формуляру грамота 1463 г. хотя и довольно близка к грамоте Василия II на с. Климятинское, однако далеко не тождественна ей. Состав налоговых освобождений здесь несколько иной: не упоминается писчая белка, зато присутствует "городовое дело"⁷³ и т.п. Вотчинная юрисдикция фиксируется в прежнем объеме ("опричь душегубства"), но вводится правило доклада великому князю по судебным решениям, касающимся дел о разбое и татьбе с поличным.

В грамоте 1463 г. употребляются очень редкие термины: "князщина" и "явчее". За исключением жалованных грамот Архангельскому собору термин "князщина" в жалованных грамотах вообще не встречается. В других источниках конца XIV–XVI вв. он используется для обозначения отдельных земель, являвшихся княжеской собственностью⁷⁴ или выделенных князю в собственность (в Новгороде)⁷⁵. И.И. Срезневский ошибочно считал князщину податью⁷⁶. В жалованных грамотах Архангельскому собору (1463 г. и более поздних) слово "князщина" заменяет обычный для жалованных грамот термин "княжение" (княжество), хотя в других источниках термин "князщина" в этом смысле не употребляется.

Термин "явчее", заменяющий обычные для жалованных грамот термины "явка" или "явленное", встречается в откупной таможенной грамоте 1586 г.⁷⁷ и в двух жалованных грамотах Московскому Успенскому собору – 1598 и 1605 гг.⁷⁸

⁷² Так (мн. ч.) в ркп.

⁷³ Городовое дело" – термин XVI–XVII вв. В грамоте XV в. должно было бы быть "городное дело". Но это не признак неподлинности самой грамоты, а признак неточности списка. Позднейшие писцы часто заменяли "городное дело" на более привычное для них "городовое дело".

⁷⁴ АФЭХ. Ч. 1 № 103. С. 97; АСЭИ. Т. 1. № 347, 471. С. 254, 357; *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937. С. 145; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 206.

⁷⁵ *Кочин Г.Е.* Указ. соч. С. 145; Словарь... Вып. 7. С. 206.

⁷⁶ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1400.

⁷⁷ См.: *Срезневский И.И.* Указ. соч. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1637.

⁷⁸ АММС. № 5, 8. С. 49, 58.

Наличие этого термина в грамотах Успенскому собору позволяет думать, что при составлении жалованных грамот Архангельскому и Успенскому соборам мог использоваться какой-то общий для них формуляр. Для грамоты 1463 г. употребление термина "явчее" не имеет синхронных аналогов. И все же трудно допустить, что этот термин появился тут только благодаря редакторской правке составителя или переписчика жалованной грамоты 1564 г., донесшей в своем составе текст грамоты 1463.

Факт выдачи Иваном III жалованной грамоты на сщ. Инютинское и Козельское подтверждается ссылкой на нее в указной грамоте 1546 г. (см. ниже, док. № 1). В последней, правда, перечислены и другие села Архангельского собора в Боровском уезде – Климьтинское и Ермолинское. На Климьтинское имелась жалованная грамота Василия II, подписанная на имя Ивана III. Грамота была подтверждена тому же протопопу Ивану, который являлся получателем грамоты, следовательно, подтверждение не слишком далеко отстояло от времени выдачи грамоты. В подтверждение вводилось ограничение судебного иммунитета требованием доклада великому князю приговоров по делам о разбое и татьбе с поличным. Такое же ограничение, как отмечалось выше, присутствовало в грамоте 1463 г. Поэтому можно полагать, что подтверждение старой и выдача новой грамот произошли более или менее синхронно. Вообще же подписание старых грамот на имя нового великого князя производилось обычно вскоре после его вступления на престол.

Грамоты Ивана III на с. Ермолинское мы не знаем, хотя в грамоте 1601 г. сщ. Ермолино отнесено к числу старинных владений собора, пожалованных ему еще кн. Дмитрием Юрьевичем (Шемьякой). Судя по грамоте 1546 г., могла существовать общая жалованная грамота Ивана III на все четыре села в Суходоле – Климьтинское, Инютинское, Козельское и Ермолинское, подписанная на имя Василия III в 1505 г. и Ивана IV в 1534 г. Кроме того, в порядке подтверждения этой грамоты свои собственные грамоты на указанный комплекс сел могли выдать сначала Василий III, затем Иван IV (до 1546 г.).

В грамоте 1601 г. указано, что Иван III дал Архангельскому собору сщ. Плотниче с деревнями в Горетове стану Московского уезда⁷⁹. Дата пожалования неизвестна. Однако из правой грамоты суда писца кн. В.И. Голенина видно, что около 1499–1502 гг. село Плотниче и относящаяся к нему д. Бортникова принадлежали Архангельскому собору⁸⁰, приобретены же они были до этого времени.

При Иване III вклады в Архангельский собор делали и удельные князья. Около 1486 г. верейско-белозерский кн. Михаил Андреевич завещал собору свое село Якимовское (Екимовское) в Малоярославецком уезде⁸¹. Правда, составляя завещательные документы под контролем Ивана III, Михаил Андреевич включил в них оговорку, согласно которой великий князь мог при желании не отдать село собору, а выплатить ему за него компенсацию в размере 400 р. В грамотах XVI–XVII вв. мы не находим следов пребывания с. Якимовского в составе соборной вотчины.

Около 1503 г. рузский удельный князь Иван Борисович завещал Архангельскому собору с. Зубарево с деревнями "по своем отци и по своей матери и по себе"⁸². Как и в случае с с. Якимовским, сведений о реальном поступлении с. Зубарева в число владений Архангельского собора у нас нет. Чтобы избежать конкуренции культу московских великих князей, Иван III, по-видимому, препятствовал притоку в Архангельский собор удельнокняжеских земельных вкладов,

⁷⁹ АСЭИ. Т. 3. № 51. С. 78; ср. ниже, док. № 7.

⁸⁰ АСЭИ. Т. 3. № 50. С. 75–77.

⁸¹ ДДГ. № 80 а-в, з. С. 302, 306, 309, 313–314; *Снегирев И.М.* Указ. соч. С. 41.

⁸² ДДГ. № 88. С. 352; *Снегирев И.М.* Указ. соч. С. 41.

которые могли бы создать материальную основу культа удельных династий.

Какие пожалования были сделаны собору при Василии III, неясно. Может быть, он выдал новую или подтвердил старые грамоты на соборные села в Суходоле Боровского уезда (см. док. № 1).

Говоря о грамотах Ивана IV, коснемся прежде всего тех из них, которые представлены текстами в настоящей публикации. Грамота 1550 г. (док. № 2) была выдана по душе царского дяди, дмитровского князя Юрия Ивановича, умершего в темнице 3 августа 1536 г.⁸³ Посмертная реабилитация его началась в 1549 г., вероятно, в связи с "собором примирения". 19 сентября 1549 г. Троице-Сергиев монастырь получил по душе Юрия Ивановича с Андреевское в Звенигородском уезде с необычно широкими для того времени привилегиями. На фоне всеобщей скупости пожалований монастырь освобождался от дани, ямских денег и посошной службы. Единственной повинностью, к которой монастырские люди официально принуждались, было городовое дело. Из вотчинной юрисдикции исключался лишь суд по делам о душегубстве⁸⁴. Грамота Архангельскому собору освобождает от дани, яма, подвод и других повинностей, кроме городского дела. Это практически тот же широкий объем податного иммунитета, что и в троицкой грамоте. Однако архангельская грамота основана на каком-то старом формуляре: в ней еще употребляется термин "ям" вместо "ямские денги", а посошная служба вообще не упоминается, что могло иметь следствием принуждение к ней. Положение было исправлено майским подтверждением 1551 г.: "... ямскихъ имъ денегъ и посошныхъ, и мыта не давати, а тамга имъ давати". Это подтверждение свидетельствует об исключительной привилегированности Архангельского собора. В подтвердительных подписях к тарханым грамотам большинству других корпораций освобождение от ямских денег и посошной службы отменялось⁸⁵, здесь же оно закреплялось. Ликвидировалось лишь освобождение от тамги, которая, кстати, в основном тексте грамоты не упоминалась.

Судебный иммунитет был предоставлен в 1550 г. Архангельскому собору в том же объеме, что и Троице-Сергиеву монастырю в 1549 г.: "... oprичъ душегубства". Эта норма зафиксирована и в некоторых других грамотах 1550 г.⁸⁶ Обращает на себя внимание дата выдачи грамоты – 29 мая 1550 г. Грамота появилась почти накануне издания царского Судебника. В подтвердительной подписи 1551 г. протопоп и братия, находившиеся по грамоте 1550 г. под юрисдикцией царя, ставились под юрисдикцию митрополита Макария. Имелась в виду юрисдикция по светским делам, которая теперь перешла в руки церкви. В данном случае в отношении Архангельского собора проводилась общая линия разграничения судебной власти царя и митрополита, характерная для внутриполитического курса 1551–1563 гг.⁸⁷

Грамота 1549 г. Троице-Сергиеву монастырю на с. Андреевское Звенигородского уезда и грамота 1550 г. Архангельскому собору на с. Коренево и др. Рузского уезда явились наиболее ранними пожалованиями по душе кн. Юрия Ивановича. Реализация его несохранившейся духовной была продолжена в 1554–1556 гг., когда целый ряд монастырей получил жалованные грамоты на земли в уездах бывшего Дмитровского удела⁸⁸.

⁸³ ПСРЛ. Т. 8. С. 292; Т. 12. С. 90, 114–115; ср. *Снегирев И.М.* Указ. соч. С. 23. № XXVI.

⁸⁴ РГАДА. ГКЭ, по Можайску. № 11/7615; ОР РГБ. Ф. 303 (Троице-Сергиева лавра). Кн. 527–529. № 305; *Кашианов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть вторая // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 133. № 612; *Он же.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 107.

⁸⁵ *Кашианов С.М.* Финансы... С. 119–122.

⁸⁶ Там же. С. 109.

⁸⁷ Там же. С. 130–136, 161.

⁸⁸ Там же. С. 141–145.

Грамота Ивана IV Архангельскому собору от 4 августа 1564 г. (см. док. № 3) совместила в себе подтверждение старого пожалования по душе кн. Юрия Ивановича с новым пожалованием по душе другого удельного князя, Юрия Васильевича, брата царя. Юрий Васильевич умер 24 ноября 1563 г.⁸⁹ По несохранившемуся завещанию Василия III, о котором говорится, в частности, в духовной Ивана Грозного, Юрию Васильевичу достались в удел Углич с Холопьем торгом, Бежецкий Верх с волостями, Калуга с волостями, Малый Ярославль и др.⁹⁰ Хотя владение Юрия этими территориями было в значительной мере номинальным, Иван IV заботился об укреплении своих прав на них после смерти Юрия. Так, внимание к Калужскому уезду проявилось в 1564 г. в выдаче грамоты не только Архангельскому собору, но и Калужской Лаврентьевской пустыни (см. жалованную грамоту ей от 10 декабря 1564 г.)⁹¹.

В грамоте Архангельскому собору 1564 г. круг земель, на которые распространялись иммунитетные привилегии, был весьма широк. Кроме владений в Калужском и Рузском уездах, здесь фигурируют старинные села Инютинское и Козельское в Боровском уезде. Податной иммунитет каждой уездной группы архангельских вотчин фиксировался в грамоте 1564 г. отдельно: для сел Козельского и Инютинского Боровского уезда просто излагался текст грамоты Ивана III 1463 г., для села Коренева и сц. Сокольникова Рузского уезда – текст грамоты Ивана IV 1550 г. без подтверждения 1551 г., для с. Андроновского Калужского уезда перечень податных освобождений формулировался заново. С. Андроновскому давалось освобождение практически от всех налогов, кроме городского дела, которое не упомянуто. Интересно, что, помимо дани, ямских, приметных денег и посошной службы, здесь указаны такие новые налоги и повинности, как полоняничные деньги, ямчужное и засечное дела. По объему податного иммунитета жалованная грамота на с. Андроновское и др. может быть признана одной из наиболее щедрых даже для 1564 г., когда наблюдается нарастание иммунитетных привилегий вообще⁹². Судебный иммунитет с. Андроновского в грамоте специально не оговаривался, но, поскольку наместникам было предписано "ходить" по прежним грамотам Ивана III и Ивана IV, можно предположить, что он предоставлялся в объеме, зафиксированном в грамотах 1463 и 1550 гг., т.е. "во всем", "опричь душегубства".

Весьма любопытно имеющееся в грамоте подтверждение, написанное 19 апреля 1569 г. от лица удельного князя Владимира Андреевича, который к этому времени уже не был старицким, поскольку в 1566 г. Иван IV выменял у него Старицкий удел за Дмитров и др.⁹³ Владимир Андреевич давал подтверждение грамоты только в отношении селец Инютина и Козельского в Суходоле Боровского уезда. Боровск он получил от Ивана IV в феврале 1566 г. в обмен на Алексин⁹⁴. Чувствуя непрочность своего положения, Владимир Андреевич весной 1569 г. стремился заручиться поддержкой влиятельного Архангельского собора. Но это ему мало помогло. Осенью того же года он погиб (9 октября 1569 г. Иван Грозный заставил его выпить яд)⁹⁵.

Следующая грамота Ивана IV Архангельскому собору датируется 7 апреля

⁸⁹ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, вторая половина. С. 372. В надписи на надгробии его смерть отнесена к 25 ноября 7072 г. (*Снегирев И. М.* Указ. соч. С. 17).

⁹⁰ ДДГ. № 104. С. 440.

⁹¹ РГАДА. ГКЭ, по Калуге, № 1/5744; ОР РГБ. Ф. 29 (Собр. И.Д. Беляева). № 1618. Л. 15–19; *Кашианов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть третья // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 239. № 1–391.

⁹² *Кашианов С.М.* Финансы... С. 157–159.

⁹³ ДДГ. № 102, 103. С. 420–426; ПСРЛ. Т. 13, вторая половина. С. 400.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 400.

⁹⁵ *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 290.

1582 г. (см. ниже, док. № 4). Ее выдача связана с гибелью от руки царя его сына, царевича Ивана Ивановича (19 ноября 1581 г.)⁹⁶. Известно, что после смерти царевича Ивана царем были сделаны щедрые денежные вклады в различные монастыри⁹⁷. Большой щедростью отличался и земельный вклад Ивана IV в Архангельский собор. Царь предоставил ему крупный комплекс земель в Клинском и Юрьев-Польском уездах, а также широкий податной и судебный иммунитет. Первоначально в грамоте изложен старый формуляр, фактически повторяющий податной и судебный разделы грамоты Ивана III на боровские села Инютинно и Козельское, но в конце документа освобождение от налогов сформулировано так, как это сделано в грамоте 1564 г. в отношении калужского села Андроновского: "... не надобе имъ моя... дань, ни ямские, ни полоняничные, ни приметные денги, ни посошная служба, ни ямчужное, ни засечное дело..." и т.д. Ясно, что составитель грамоты 1582 г. пользовался текстом грамоты 1564 г. Для 1582 г. освобождение от подавляющего большинства налогов было весьма редкой привилегией⁹⁸.

По упоминаниям в источниках можно предположить, что имелись еще некоторые несохранившиеся жалованные грамоты Ивана IV Архангельскому собору:

1) жалованная грамота на боровские сс. Климятинское, Инютинское, Козельское и Ермолинское (до 1546 г. – см. док. № 1);

2) жалованная грамота на сц. Михайловское с дерр. в Боровском уезде, данная по душе Василия III и Елены Глинской (уп. в грамоте 1601 г. – см. док. № 7);

3) м.б., грамота на пуст. Мишинскую, д. Станково и др. (в Боровском уезде), данные "по царе Александре по Казанском" (уп. в грамоте 1601 г. без указания вкладчика – см. док. № 7). Бывший казанский хан ("царь") Утемыш-Гирей (в крещении Александр: "царь Александр Сафа-Киреевич Казанский") умер 11 июня 1566 г. в возрасте 17 с половиной лет⁹⁹.

Целый ряд земельных владений был получен собором от частных лиц. Многие из них упомянуты в грамоте 1601 г. (док. № 7). Эта информация требует специального исследования. Впрочем, некоторые сведения поддаются уточнению уже сейчас. Так, в грамоте 1601 г. фигурирует "селцо Нефедовское, а купил то селцо къ Архангелу в домъ протопопъ Григорей з братьею у Андрея Яковлева сына Ракова да у Василисы Михайловы жены Ракова и у ее дети, у Васки да у Куземки, да у Ивана Богданова сына Ракова". Купчая 1569/70 г. на сц. Нефедовское Боровского уезда была найдена и опубликована В.Д. Назаровым¹⁰⁰.

Грамота ц. Федора Ивановича на с. Отцы Святые Московского уезда¹⁰¹ (док. № 5) относится к периоду, когда после собора 1584 г. велась борьба с тарханскими привилегиями монастырей и церкви. Вероятно, поэтому в ней отсутствует податной раздел. Судебный иммунитет в этой грамоте ограничен больше, чем в предшествующих грамотах Архангельскому собору ("опричь душегубства и разбою с поличным"). В 1598/99 (7107) г. собор получил от царя Бориса Годунова с. Никицкое в Боровском уезде. Грамота на него не сохранилась, но упоминается в грамоте 1623 г. (см. док. № 8).

⁹⁶ Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 90.

⁹⁷ Там же. С. 95.

⁹⁸ Кашистанов С.М. Финансы... С. 228–229.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 13, вторая половина. С. 402; Снегирев И. М. Указ. соч. С. 31. [№] XLVIII.

¹⁰⁰ Публикация осуществлена в приложении к монографии А.А. Зимина об опричнине (см.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 482–483 № 2).

¹⁰¹ Об этом см., в частности: Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание села Всехсвятского Московской губернии и уезда с 1398–1898 г. М., 1898. С. 5.

Особняком среди публикуемых актов стоит жалованная грамота Бориса Годунова 1599 г. архангельскому архиепископу Арсеню. Должность архангельского архиепископа возникла в конце 1596 или 1597 г. и занималась с перерывами до 60-х годов XVIII в. 13 архиепископами¹⁰². По своему характеру она являлась синекурой, т.е. обычно не была связана с управлением какой-либо епархией и чаще всего замещалась иностранцами¹⁰³. Первым архиепископом Архангельским стал грек, известный писатель Арсений, епископ Элассонский (епископия Элассонская находилась в Греции в составе Ларисской митрополии). Арсений родился в 1548 или 1549 г. и умер в 1625 или начале 1626 г. Он трижды приезжал в Москву и пользовался расположением царя Федора Ивановича и патриарха Иова¹⁰⁴. Выдавая грамоту Арсеню, Борис Годунов, недавно избранный на престол, хотел заручиться поддержкой этого влиятельного церковного иерарха. Земельное обеспечение архангельского архиепископа осуществлялось за счет Архангельского собора. Никаких иммунитетных привилегий в грамоте 1599 г. мы не находим. Возможно, сохранялся тот иммунитетный статус, который предоставленные архиепископу владения имели по грамотам, выданным на них ранее Архангельскому собору.

Жалованная грамота Бориса Годунова 1601 г. (док. № 7) фиксирует иммунитет Архангельского собора в весьма широком объеме, чего нельзя сказать о грамоте царя Михаила Федоровича 1623 г., в которой предписывается платить важнейший налоги (ямские деньги, стрелецкие хлебные запасы) и исполнять основные повинности (городовое, острожное дело). Из судебного иммунитета собора грамота 1623 г. изымает три категории дел: душегубство, разбой и татьбу с поличным (док. № 8).

Грамоты царя Алексея Михайловича расширяют архангельское землевладение в новом для него районе – Кашинском уезде. Никаких иммунитетных постановлений они не содержат (см. док. № 9, 10). Наконец, грамота Петра I 1710 г. восстанавливает принцип обязательного подчинения собору тех крестьян, которые раньше попали под власть архангельских архиепископов (док. № 11).

В заключение обзора документов обратим внимание на встречающиеся в публикуемых актах упоминания о писцовых описаниях, которые не получили отражения в перечне П.Н. Милюкова и дополнениях к нему М.А. Дьяконова и С.А. Шумакова¹⁰⁵.

1) 1553/54 г. – Книги Московского уезда дворцовых сел письма Ивана Шетнева и подьячего Якова Захарова лета 7062-го. – Уп. в грамоте 1585 г. (док. № 5);

2) 1554/55 г. – Книги калужских дворцовых сел письма кн. Данила Засекина и Никиты Верещагина с тов. лета 7063-го. – Уп. в грамоте 1564 г. (док. № 3);

3) вар.а: 1560/61 г. – Книги клинских дворцовых сел писцов кн. *Ивана* Засекина и Григория Кульнева с тов. лета 7069-го. – Уп. в грамоте 1582 г. (док. № 4);

вар. б.: 1560/61 г. – Клинские книги дворцовых сел письма кн. *Льва* Засекина с тов. 7069-го. – Уп. в грамоте 1599 г. (док. № 6).

Теперь необходимо остановиться на палеографических и кодикологических

¹⁰² Лебедев А. Указ. соч. С. 61–64; ср.: [Оглоблин Н.] Арсений архиеп. Элассонский // Историческая библиотека. СПб. 1879. № 8. С. 18–19; Дмитриевский А. Архиепископ Элассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 30–31, 205–208 и др.

¹⁰³ [Оглоблин Н.] Указ. соч. С. 19.

¹⁰⁴ Дмитриевский А. Указ. соч. С. 5 (Примеч. 1), 30–32; [Оглоблин Н.] Указ. соч. С. 4, 5, 29, 30 и др.

¹⁰⁵ Ср.: Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 157–173; Дьяконов М.А. [Рецензия на книгу П.Н. Милюкова] "Спорные вопросы финансовой истории Московского государства" // ЖМНП. 1893. № 7. Отд. 2. С. 225–226; Шумаков С.А. Обзор "Грамот коллегии экономии". М., 1917. Вып. 4. С. 219–220.

особенностях того сборника, в составе которого дошли публикуемые копии док. № 2–11. Это огромное сенатское дело № 781 на 1749 листах, in-2°. Копии грамот находятся в последней части дела на л. 1654–1738 об. Они представлены беловыми копиями, написанными на л. 1654–1682 об., и черновыми, написанными на л. 1683–1738 об. Чистыми являются л. 1672 об., [1676 а – 1676 б об.]¹⁰⁶, [1682 а – 1682 б об.], [1688 а – 1688 б об.], [1698 а – 1698а об.], 1713 об., [1713 а – 1713 б об.].

Все беловики написаны одним почерком (обозначим его I). Черновые копии написаны разными почерками, которые распределяются следующим образом: л. 1683–1684 об., 1704–1707 об. – поч. II; л. 1685–1688 об., 1697–1699 об., 1718–1720 об., 1725–1727 об., 1729 об. – поч. III; л. 1689–1696 об., – поч. IV; л. 1700–1703 об. – поч. V; л. 1708–1713 – поч. I; л. 1714–1715 об., 1730–1731 об. – поч. VI; л. 1716–1717 об., 1728–1729, 1729 об. (левый столбец) – поч. VII; л. 1721–1722 – поч. VIII; л. 1722 об. – 1724 об. – поч. IX; л. 1732–1735 об. – поч. X; л. 1736–1738 об. – поч. XI. Черновые копии писались только в левой половине листа, правая оставлялась для внесения правки. Редакторская правка в виде дополнений пропущенных слов и пояснений писалась на правой стороне листов, кажется, одним и тем же почерком, не совпадающим ни с одним из почерков копий. Ему мы присваиваем номер XII.

Без нумерации оставлены нами почерки скреп. Беловые копии имеют лишь по одной скрепе – ключаря Петра Алексеева, черновики скреплены трижды: по боковому полю – секретарем Михайлой Володимеровым, по нижнему полю – все тем же ключарем Петром Алексеевым (скрепа ближе к корешку) и канцеляристом Козмой Васковым (справа от скрепы П. Алексеева). Все эти почерки не идентифицируются с почерками копий. В деле имеются прошения соборян, подписанные собственноручно девятью лицами (ключарь Петр Алексеев, иерей Иоанн Максимов, иерей Алексей Андреев, иерей Иоанн Стефанов, иерей Герасим Владимиров, иерей Алексей Васильев сын Соколов, диакон Конон Тимофеев, диакон Георгий Евсевиев, диакон Андрей Димитриев)¹⁰⁷. Ни один из этих автографов с почерками копий, на наш взгляд, не отождествляется. Поэтому можно допустить, что копии изготовил не кто-то из соборных руководителей, а контингент писцов, занимавших более низкое общественное положение.

Надо сказать, что два прошения соборян 1733 г., обращенные к императрице Анне Иоанновне, были помещены в отдельной четырехлистной тетради перед беловыми копиями (л. 1650–1653 об.). Эти прошения написаны тем же почерком, что и беловые копии, т.е. поч. I. Заметка о подлинниках грамот и копиях, читаемая на л. 1739, после текста всех черновых копий, была написана поч. III. Предложенная классификация и нумерация почерков относится, разумеется, не ко всему делу № 781, где множество разнообразных почерков, а только к части, где находятся тексты публикуемых грамот.

Отметим водяные знаки этой части книги: л. 1650–1653 (тетрадь, где помещены прошения о выдаче новой жалованной грамоты) – большой двуглавый орел и надпись "Бумага Тестова"; л. 1654–[1656 а] – герб Амстердама и неясные литеры (LIN, R?); л. 1657–1660 – герб Амстердама и крупные литеры ISRB; л. 1661–1668 – герб Амстердама и неясные литеры (TY? LY?); л. 1669–1672 – герб Амстердама (миниатюрный) и более мелкие, чем прежде, литеры ISRB, а также неясные литеры (C? VI?); л. 1673–1679 – герб Амстердама, неясные литеры (RIS? PLK? ITR?); л. 1680–1681 – герб Амстердама и неясные литеры (кажется, их три, и средняя I; м.б., RIS?); л. 1682, [1682 а, 1682 б] – герб

¹⁰⁶ Листы, указанные в кв. ск., в ркп. не пронумерованы; мы нумеруем их условно, указывая номер предшествующего листа и дополняя его буквой.

¹⁰⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. (Сенат). Д. 781. Л. 1653–1653 об.

Амстердама; л. 1683–1738 – бумага несколько большего формата, чем в предшествующей части: л. 1683–1696 – ярославский герб и литеры **ЗФЯ**; л. 1697–1703 – ярославский герб и литеры **ЯФЗ** (на л. 1701 – **ЗФЯ**); л. 1704–1707 – ярославский герб и литеры **ЯФЗ** (формат меньше, чем размер л. 1697–1703); л. 1708–[1713 б] – картуш, увенчанный двуглавым орлом, в середине буквы **РФ**, и другой, увенчанный звездой, лигатура **РФ** в середине; л. 1714–1731 – ярославский герб и литеры **ЯФЗ** и **ЗФЯ**; л. 1732–1735 – ярославский герб и литеры **ЗФЯ**; л. 1736–1738 – ярославский герб и литеры **ЯФЗ**. Предложенное распределение водяных знаков по листам сделано с учетом не только самих филигранных, но и формата листов, а также цвета и фактуры бумаги. Здесь мы, однако, воздерживаемся от реконструкции состава тетрадей. Дополнительным материалом для этого могут послужить такие признаки, как нумерация листов от 1 до 12 внизу правого поля на л. 1661–1672, от 1 до 29 в верхнем правом углу л. 1654–1682, наличие нити между л. 1722–1723, соотношение бумаги и состава копий и т.п.

Совершенно очевидно, что для беловых копий (л. 1654–1682 об.) была использована голландская бумага с гербом Амстердама и др., для черновиков (л. 1683–1738 об.) более грубая русская бумага рольных фабрик И.М. Затрапезнова и Т. Филатова.

Сама идея создания копий возникла в соборе в связи с намерением добиться от правительства выдачи новой жалованной грамоты, которая, как мы знаем, и была выдана собору 5 февраля 1734 г.

Известный интерес представляет соотношение черновых и беловых копий. В черновике прочерки в неясных местах делались, судя по цвету чернил, самим копиистом той или иной грамоты и им же потом вносились в текст нужные слова или буквы. Вместе с тем сами правильные чтения, которые надо было внести в текст, написаны на правом поле другим почерком, всюду одинаковым (поч. XII). Следовательно, можно думать, что после работы справщика (обладателя поч. XII) каждый писец вновь обращался к своему тексту и вносил нужные дополнения. Обладатель белового поч. I также участвовал в создании черновых копий. Им написана черновая копия грамоты 1601 г. (л. 1708–1713). Кстати, этой грамоте придавалось особое значение при сверке копий с оригиналами. В "сказке" ключаря Петра Алексеева, датированной 22 октября 1733 г. и написанной поч. III, говорилось: "...хотя де в копиях з грамотъ на пожалованные вотчины Архангелского собора протопопамъ з братиею, которые ныне из Санктъпитербурха ис правительствующаго Сената в Москву в Сенатскую кантору присланы за рукою ево, ключарскою, для свидетельства с подлинными грамотами, в некоторых по свидетельству за ветхостию в подлинныхъ явились в речах несходствы, но те речи в подъятвердителныхъ последних грамотахъ 1108-го¹⁰⁸ и 1109-го¹⁰⁹ годовъ написаны, а те ж копии списываны у нихъ с копееи же, которые копии у них, соборян, списываны до подтверждения техъ подлинных грамот и собраны в книгу, а оное повреждение грамотом учинилось до ево, ключарева, бытности"¹¹⁰.

Следовательно, сверка производилась не только по подлинникам, но и по копиям. Собор имел копииную книгу грамот.

Разночтения между черновиками и копиями не носят принципиального характера и сводятся в подавляющем большинстве случаев к орфографическим несовпадениям. Мы не отражаем из них те, которые связаны с разным употреблением устаревших букв (ять, "и" десятеричное, кси, фита, омега и др.) в беловиках и черновиках.

¹⁰⁸ Вероятно, имеется в виду грамота Бориса Годунова 7108, т.е. 1599 г. (см. ниже, док. № 6).

¹⁰⁹ Вероятно, имеется в виду грамота Бориса Годунова 7109, т.е. 1601 г. (см. ниже, док. № 7).

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1739.

Таблица 1

Размещение черновики и беловики грамот на листах сенатского дела № 781

Беловики			Черновики		
№ п/п	Листы	Дата грамоты	№ п/п	Листы	Дата грамоты
1	1654–1656	7058	1	1683–1688 об.	7058
2	1657–1660	7072	2	1689–1696 об.	7072
3	1661–1664 об.	7090	3	1697–1700 об.	7093
4	1664 об.–1667 об.	7132	4	1701–1707 об.	7108
[5*]	1667 об.–1668 об.	7153 ("отказная")	5	1708–1713	7109
6	1668 об.–1670 об.	7153 (жалованная)	6	1714–1722	7090
7	1670 об.–1672 об.	1710	7	1722–1729 об.	7132
8	1673–1674	7093	[8*]	1729 об.–1731	7153 ("отказная")
9	1674–1676 об.	7108	9	1731 об.–1735 об.	7153 (жалованная)
10	1677–1682 об.	7109	10	1735 об.–1738 об.	1710

* В ркп. грамота не имеет номера

В сенатском деле беловики скопированы в иной последовательности, чем черновики.

Весьма интересно, что в беловой части на последнем месте оказались грамоты 7108 и 7109 г. Именно их упоминает в своей "сказке" ключарь Петр Алексеев, говоря о сверке текстов. Вероятно, черновики писались не подряд в книгу, а каждым писцом отдельно и лишь позднее были соединены. Довольно часто постраничное распределение текста в беловике и черновике оказывается одинаковым, т.е. страница беловика и страница черновика начинаются с одного и того же слова. Может быть, составление беловиков и черновиков велось параллельно, но беловики переписывались последовательно, а черновики разрозненно. О стремлении к соблюдению определенной последовательности в беловой части свидетельствует нумерация грамот не только цифрами, но и буквами. Заметим, что буквенная нумерация корректировала цифровую, восстанавливая хронологический порядок расположения грамот.

Хронологический принцип тут соблюден полностью, особенно если предположить, что авторы буквенной нумерации считали, что "и" десятеричное по алфавиту предшествует "и" восьмеричному. Трудно объяснить обозначение одной и той же грамоты двумя буквами (так, грамоте 7090 г. были присвоены литерные номера В и Г, грамоте 7108 г. – Е и Ж, грамоте 7109 г. – S и З). Вместе с тем указная грамота 7153 г. не была пронумерована вообще; впрочем, в

Таблица 2

Буквенная нумерация грамот в сенатской книге 781

Буквенный номер	№ п/п	Дата грамоты	Левое поле л.	Буквенный номер	№ п/п	Дата грамоты	Левое поле л.
А	1	7058	1654	Ж	9	7108	1676 об.
Б	2	7072	1657	S	10	7109	1677 об.
В	3	7090	1661	З	10	7109	1679 об.
Г	3	7090	1662	И	6	7153	1669
						(жалованная)	
Д	8	7093	1673	І	4	7132	1665 об.
Е	9	7108	1675 об.	К	7	1710	1671 об.

рукописи она не имеет и цифрового номера. Ее считали несколько сомнительной.

Нумерация листов в книге в настоящее время новая, карандашная, расходящаяся со старой чернильной. Ни в той, ни в другой чистые листы не пронумерованы.

Дальнейшее кодикологическое изучение кн. 781 сможет, думается, пролить новый свет на проблему копирования старинных текстов доморощенными археографами первой трети XVIII в.

В настоящем издании вышедшие из употребления буквы заменяются современными; буква "ъ" (ер) сохраняется в середине и в конце слов, если она имеется в рукописи, "й" не употребляется и во всех случаях заменяется буквой "и". Выносные перед согласными и в конце слова вносятся в строку без "ь", перед гласными смягчаются. Аббревиатуры раскрываются.

В публикации приняты следующие сокращения: вол. – волость; вын. – выносная (буква); вын. зн. – выносной знак; вын. знн. – выносные знаки; д.б. – должно быть; дббб. – должно было бы быть; дерр. – деревни; доб. – добавлено; дрб. – другая буква; дрбб. – другие буквы; дрп. – другой почерк; дрч. – другие чернила; зач. – зачеркнуто; испр. – исправлено; кв. ск. – квадратные скобки; крш. – карандаш; мбу. – могло бы уместиться; нап. – написано; оставл. – оставлено; отс. – отсутствует; подл. – подлинник; подпр. – подправлено; подч. – подчеркнуто; порв. – порвано; поч. – почерк; почч. – почерки; почч. – починки; публ. – публикация; пушт. – пустоши; ркп. – рукопись; след. – следующий; сохр. – сохранилось; ст. – стан; схп. – схожий почерк; схч. – схожие чернила; тжп. – тот же почерк; тжч. – те же чернила; у. – уезд; уп. – упоминание; уу. – уезды; черн. – чернила.

Авторы выражают искреннюю благодарность Л.В. Столяровой и М.В. Голикову за большую помощь в работе.

С.М. Каштанов, О.И. Хоруженко

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

1546 г. октября 8. – Указная грамота в кн. Ивана IV Васильевича в Боровский у. на Гводенский ям Ивану Ив. сыну Прохорова о непривлечении к ямской повинности крестьян Московского Архангельского собора [сел] Климьтинского, Инютинского и др. [в Боровском у.].

[От¹ ве]ликого¹ князя Ивана Васильевича всеа Русии в Боровской уезд на Гвод[е]нской ям Ивашку Иванову сыну Прохорова. Здесь мне бил челом архангелской прототоп Семион з братьею, а сказывает, что де ты его крестьян наряжаешь на Гводенской ям с сох с подводами стояти, с Климьтинского да с Ынютин[ско]го, да с Козелского, да съ Ермолинского з деревнями, а у него деда [моего, великого князя] Ивана, и отца моего, великого князя Василья, и моя жало[вална]я грамота, что его крестьяном на ямех с подводами не стояти и ямских дворов не делати.

И яз, князь велики, прототопа Симеона з братьею пожаловал и вперед грамоты у них рудити не велел. И как к тебе ся наша грамота придет, [и] ты б его крестьяном² на ям с подводами стояти не наряж[ал]² до наш[его] указу.

Писан³ на Москве, лета 7055-го, октября в 8 день³.

Архив СПб. Филиала ИРИ РАН. Собр. Н.П. Лихачева. № 1 (61/1). Подлинник 14,5 × 27,5. Ркп. ветха и сзади подклеена при реставрации другой бумагой.

Печать на корчневом воску.

Уп.: *Каиштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 368. № 520.

Примечания: ¹⁻¹Текст поврежден; здесь и далее в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.
²⁻²Такое согласование в ркп. ³⁻³Нап. тжп. более бледными черн.

№ 2

1550 г. мая 29. – *Жалованная данная, тарханно-несудимая и проезжая грамота ц. и в. кн. Ивана IV Васильевича протопопу Московского Архангельского собора Семиону с бр. на с. Коренево и сц. Сокольниково с дерр. (вклад по душе дмитровского кн. Юрия Ивановича) в [вол.] Юрьеве слободе Рузского у. (с подтверждениями ц. Ивана IV Вас. 1551 г., ц. Василия Ив. 1608 г., ц. Михаила Фед. и патр. Филарета Никитича 1623 г.).*

(л. 1654) Копия^{1а} с жалованная грамоты 7058 году².

Се азъ, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии^б, пожаловалъ есми архангелского протопопу Семиону з братиею, или по немъ инии протопопъ у Архангела будетъ. Что далъ имъ къ Архангелу в домъ дядя нашъ, князь Юрии Ивановичъ Московской, по душе своей в сорокоустье и в вечной поминокъ в³ Рузскомъ уезде въ Юрьеве слободе село Коренево з деревнями да селцо Соколниково з деревнями, и азъ, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии, воззря в духовную грамоту дяди своего, князя Юрья Ивановича, темъ селомъ Кореневымъ, того же села деревнями, деревнею Черною, деревнею Якшиною, деревнею Клыпиною, деревнею Борисовою^в, деревнею Федохиною^в, деревнею Вавулиною, да селцом Соколниковымъ⁴, того же селца деревнями, деревнею Скрябиною, деревнею Коростовою, деревнею Липниковою, деревнею Глинковою, деревнею Пищулиною, деревнею Ершовою, деревнею Глинковою Малою, и со всеми угоды, что к тому селу и к селцу, и к деревнямъ истари потягло, прототопа Семиона з братьею пожаловал. И кто у них в томъ селе и в селце, и в деревнях учнуть жити людеи, и темъ ихъ людемъ не надобе моя, царя и^г великого князя, дань, (л. 1654 об.) ни ямъ, ни подводы, ни пятенное, ни поворотное, ни иные никоторые пошрины, ни двора моего не делаютъ, ни луговъ моихъ не косятъ, ни коня моего не кормятъ, ни к соцкимъ, ни к десяцким ни в какие дела, ни в которые проторы, ни в розметы не тянуть, oprичь одного⁵ городского дела.

А какъ поедутъ люди их и крестьяне к Москве с повозомъ с какимъ запасомъ, а не с торгомъ, и назад с Москвы что повезут протопопово з братьею въ^л ихъ села, и мытчики на них мыта не емлютъ.

А наместницы наши русские и волостели, и ихъ тиуни техъ их людеи не судятъ ни в чемъ, oprичь душегубства, и кормовъ^с своих на них не емлютъ, ни всылають к нимъ ни по что. А праведчики и довотчики поборовъ своих у нихъ не берутъ и не въезжаютъ* к нимъ ни по что. А ведають и судятъ техъ своих людеи протопопъ Семионъ з братьею сами во всемъ или кому прикажутъ.

А случитца суд сместной темъ их людемъ з городскими людьми или с волостными, и наши наместницы русские и волостели, ихъ^б тиуни техъ их людеи судятъ, а протопопъ Семионъ з братиею или их приказщикъ с ними ж судятъ; а правъ ли будетъ, виноват ли городской или становой человекъ, и онъ в правде и в вине наместникомъ и волостелемъ, и ихъ тиуномъ; а архангелской человекъ прав³ ли или³ виноват будет, и онъ в правде и в вине протопопу (л. 1655) Семиону^н з братьею, а наместницы* наши и волостели, и ихъ тиуни в архангелского человека ни в правого, ни в виноватого не вступаютца.

А кому будетъ чего искати на архангелскомъ протопопе з братьею или на ихъ приказщике^л, ино ихъ сужю аз, царь и великий князь, или мои дворецкой.

А пожаловал есми архангелского^м протопопа Семиона з братьею тем селом и селцомъ з деревнями в соборъ Архангела Михаила впрокъ по дяде своемъ, по князе Юрье Ивановиче, в вечный^н поминокъ. А протопопу з братьею имя ево в поминание и в сеноники⁷ написати вместе с нашими родители и поминать по вся дни на литеяхъ⁸ и на панахидахъ, и за проскурomisаниемъ, и на божественней⁹ литоргии, и во ектенияхъ заупокойныхъ.

А кому дамъ на грамоты грамоту, а на сю мою грамоту грамоты нетъ.

Дана грамота на Москве, лета 7058, мая въ 29 день⁹.

На той грамоте назади написано^{10п}: Царь и великий^р князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии^{10а}.

На той же грамоте назади подписано¹⁰: Лета^с 7059-го, мая въ 17 день. Царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руссии^т (л. 1655 об.) сее^у грамоты слушалъ, и выслушавъ сю грамоту, архангелского протопопа Тимофея з братьею, или по немъ у тое церкви иньи протопопъ будетъ, пожаловалъ, велелъ имъ сю грамоту подписати: ямскихъ имъ денегъ и посошныхъ, и мыта не давати, а тамга имъ давати; а кому будетъ чего искати на протопопе з братиею, ино ихъ судить отецъ нашъ Макарий, митрополитъ всеа Руссии, по новому соборному Уложению. А опричь сеи подписи, царь и великий князь сеи^ф у нихъ грамоты рушати не велелъ никому ничемъ. А подписалъ царя и великого князя дьякъ Юрии Сидоровъ².

Лета 7116-го, февраля в 4 день. Государь, царь и великий князь Василей Ивановичъ всеа Русии^а сее^у жалованныя грамоты слушал, а выслушавъ, архангелского протопопа Дмитрея з братиею пожаловал, велелъ имъ сю грамоту подписати на свое государство, цареву и великого князя Василья^х Ивановича всеа Русии имя, а рудити ее не велелъ никому ни в чемъ, и велелъ у нихъ ходити во всемъ по тому, какъ в сеи грамоте писано. А подписалъ государевъ, царевъ и великого князя Василья Ивановича всеа Русии дьякъ Василей Нелюбовъ.

(л. 1656) Лета 7132-го, октября въ 7 день. Мы, великий государь, царь и великий князь Михаилу^н Федоровичъ, всеа^н Русии самодержецъ, и отецъ нашъ государевъ, великий государь, святейшии патриархъ Филаретъ Никитичъ Московский и всеа Русии^а, сее^т грамоты слушавъ, указали по нашему государскому Уложению переписать вновь на наше государское имя, а сее^т жалованную грамоту указали, подписавъ на наше ж государское имя, отдати архангелскому протопопу Ивану з братиею вперед¹¹ для спору вотчинныхъ земель и всякихъ вотчинныхъ крепостей. А о всемъ указали ходити по^{нн} тому, какъ в нашей^{нн} новои^{нн} государской жалованной грамоте нынешняго 132-го года^н написано. А подписалъ государевъ, царевъ и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии^а дьякъ Прокофеи Пахиревъ.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1654–1656. Копия 1733 г. Скрепя по листамъ дрн. и дрч.:

(л. 1654) Сю¹² копию с подлинною жалованною грамотою (л. 1655) Архангелского собора ключарь Петръ Алексеевъ¹² (л. 1656) читаль¹³ и руку приложилъ¹³.

Черновик (Ч): Там же. Л. 1683–1688 об. Три скрепы по листамъ разными почч. и черн.: 1) (л. 1683) Се¹⁴ (л. 1684) кре (л. 1685) тарь (л. 1686) Ми (л. 1687) хаи (л. 1688) ла (л. 1688 об.) Во¹⁵; 2) (л. 1683) К¹⁶ сей копии (л. 1684) Архангелского (л. 1685) собора ключарь (л. 1686) Петръ (л. 1687) Алексеевъ (л. 1688) руку приложил¹⁶, (л. 1688 об.) а¹⁷ подлинную грамоту к себе взял¹⁷; 3) (л. 1683) С¹⁸ подлинною (л. 1684) грамо (л. 1685) тою (л. 1686) читал (л. 1687) канцеля (л. 1688) ристъ¹⁸ (л. 1688 об.) Козма¹⁹ Васковъ¹⁹.

Примечания: ¹Напротив на левом поле тжп. и тжч. нап.: 1 грамота. ²Далее три строки оставл. чистыми. ³Напротив на левом поле схп. и схч. нап. заглавная буква А. ⁴После л паерк. ⁵Нап. по смытому более мелкими буквами тжп. ⁶Перед шъ след смытой или стертой буквы (и десятиричное?).

В списке этой грамоты в составе грамоты 1564 г. и *их* (см. ниже, док. № 3). ⁷Буква *о* нап. по смытому схп. как будто более темными черн. ⁸Буква *е* (в ркп. ять) нап. по смытому тжп. как будто более темными черн. ⁹Далее две строки оставл. чистыми. ¹⁰Далее одна строка оставл. чистой. ¹¹Конечное *д* вын.; так же в Ч. ¹²⁻¹²Нап. по нижнему полю листов. ¹³⁻¹³Нап. с новой строки сразу после текста подтверждения 7132 (1623) г.; нижняя часть л. 1656 оставл. чистой. ¹⁴⁻¹⁵Нап. на оставленной чистой правой половине листов. ¹⁵Окончание подписи (*лодимеров*) на л. 1689–1692, где помещен текст грамоты 1564 г. (см. ниже, док. № 3). ¹⁶⁻¹⁶Нап. по нижнему полю листов, слева. ¹⁷⁻¹⁷Нап. в середине стр., отступя четыре строки от текста подтверждения 7132 (1623) г. Сначала эту часть подписи хотели поместить в следующей строке после текста подтверждения – там сохранились следы стертых или смытых букв: *а подл.* Нижняя часть л. 1688 об. оставл. чистой. ¹⁸⁻¹⁸Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ¹⁹⁻¹⁹Нап. в середине стр., отступя две строки от предыдущей скрепы; нижняя часть л. 1688 об. оставл. чистой.

В а р и а н т ы п о Ч. (в первой части списка, на л.1683–1684 об., поч. II): ⁴напротив на левом поле л. 1683 дрп. нап. I. ⁶*Руссии* ^внап. по смытому дрч. схп. (тжп.?) Гнет ^в *в* ^с *корьмовъ* ^ж *везжают* ^з ^з буквы *в ли или* нап. по смытому схп. и схч. ^сс этого слова, т.е. с начала л. 1685, и до конца копии на л. 1688 об. текст нап. дрп. (поч. III) ^к *наместницы* ^п *прикащике*, причем буквы *ика* нап. по стертому или смытому схп. и схч. (дрч.?) ^а *архангельского* ^в *вечны* ^о *божественной* ^п *писано* ^р *великие* ^с *лета* нап. через *е*, а не через *ять*, как в белой копии ^ддалее строка, к-рая сначала была оставл. чистой, прочеркнута прямой линией схч. (тжч.?) ^у *сея* ^фнап. дважды: в конце л. 1686 об., где заключ. в кв. ск. схч. (тжч.?), и в начале л. 1687 ^в *Василия* ^м *Михаила* ^в *в* ^шподч. дрч. и на правом поле более мелко нап. дрп. (поч. XII) и дрч. *сии речи, а имянно: [по тому, какъ в нынѣшней новой] в подлинной грамоте за ветхостию прочесть не можно* (кв. ск. поставлены в ркп.) ^н *нынешней* (неверное чтение) ^г *году*

№ 3

1564 г. августа 4. – Жалованная подтвердительная данная, тарханно-несудимая, заповедная (от ездоков) и проезжая грамота ц. и в. кн. Ивана IV Васильевича протопопу Московского Архангельского собора Евстафию с бр. на с. Андроновское с дерр. (вклад по душе угличского кн. Юрия Васильевича) в Лисине ст. Калужского у., сс. Инютинское и Козельское в [вол.] Суходоле Боровского у., с. Коренево и сц. Сокольниково с дерр. (вклад по душе дмитровского кн. Юрия Ивановича) в [вол.] Юрьеве слободе Рузкого у. (с подтверждениями кн. Владимира Андреевича 1569 г. и ц. Федора Ив. 1584 г.).

(л. 1657) Копия^{1а} с жалованной грамоты 7072 году².

Се азъ, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руссии, пожаловал есми архангелского протопопа, что на Москве на площади, Еустафья з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ и братья у Архангела Михаила будутъ. Били намъ челомъ: дал есми имъ къ Архангелу Михаилу в домъ по брате по своему, по князе Юрье Васильевиче³, в Калужском уезде в стану в Лисине в Горенскомъ свое дворцовое село Андроновское на речке на Горнеи, да к тому ж селу припущены в пашню деревня Романовская, деревня Чернысино, деревня Мелеховская; того ж села деревни – деревня Селцо Ивашково на речке на Конопелце, деревня Кузминская, деревня Иевкова⁴, деревня Митинская, что снесены те деревни вместо на речке на Бобровке, деревня Букреевская на речке на Бобровке, деревня Тарасовская вверхъ речки^б Аристовки^б, деревня Ивашкова, деревня Давыдово, деревня Митрошкина на речке на Аристовке^в, деревня Радкина на Аристовке, деревня Сидоровская на речке на Аристовке, деревня Мымринская на речке на Каменке, деревня Лукьянкова⁵, деревня^г Еншина^г, деревня вверхъ Колуги, да в ту ж деревню снесенъ починокъ Матвеевской Гридина, деревня вверхъ же Колуги^а Леоновская, деревня Василия Леонова, деревня Ананьина, деревня Олферково^с, деревня Васково, деревня Степанова, деревня Кочуровская, деревня Ханеевская, деревня Власова, деревня Прохорово, к той

же деревне снесена деревня Осташовская, деревня Вотоліно, деревня на Глубоком Верху, деревня Боковская, деревня Михалково на речке на Горнеи, деревня Устиновская, деревня Максимовская, деревня Федка Сони́на на речке на Горнеи, пустошь Мануиликовская, деревня Курилова⁶ вверх речки Аристовки.

А в книгах колужских дворцовых сел писцовъ⁷ писма⁷ князя Данила Засекина да Никиты Верещагина с товарищи лета 7063-го в том селе и в деревнях, и на пустоши написано пашни добрые земли шестьсот восемьдесят* пять четвертей с осминою и с получетвертником⁸, а средние⁹ земли тысяча двести восемьдесят³ три четверти бес полуосмины, и обоего, добрые и средние⁹ земли, тысяча девятсот¹⁰ восемь^н четвертей без четвертника осминного в поле, а в дву по тому ж, (л. 1657 об.) сена тысяча двести восемьдесят^к две копны волоковых, лесу тритцать четыре десятины без четверти десятины. Да к тому ж селу и к деревнямъ дано в лесу место пашенные земли сто десять десятин без четверти десятины, да перелогу шесть десятин. Всего к тому селу и к деревнямъ, и к пустоши лесу и пашенные земли, и перелогу, что помечено в лесу место, сто сорок девять десятин.

А велел есмь темъ селомъ^н и деревнями, и пустошью, и крестьяны, и пашнями, и всякими угоды владети о всемъ по тому ж, какъ у них на наше жалованье, на их села и на деревни, и починки, от наших ото всяких податей прежние, деда и отца нашего, и наши жалованные и торханские грамоты. И в техъ деи¹¹ в старых жалованных грамотах имянно у них о полоняничных и о приметных денгах, и о посошной службе, и о ямчужном¹², и о засечном¹³, и о мостовом деле не написано, и наши деи¹⁴ данщики и городовые прикащики тех податей и за посошную службу на их крестьянех правят, и наши деи¹⁵ посланники и мостовщики, и ямские охотники к нашимъ делом – к засекомъ и къ ямчужному делу, и мостовъ¹⁶ мости[ть]¹⁷, и ямские охотники на яму с подводами стояти – наряжаютъ и приставовъ по ихъ крестьянъ в техъ во всякихъ делех посылаютъ, и ихъ деи¹⁸ крестьяномъ в том от наших данщиков и от городовых прикащиков, и от посланниковъ, и от мостовщиков, и от ямских охотников, и от приставов чинятца убытки многие и волокита великая. И намъ протопопа Еустафья з братьею пожаловати, велети б в своей жалованной и торханской грамоте о томъ о всемъ – о^{19м} полоняничных и о приметных денгах, и о посошной службе, и о засечномъ, и²⁰ о²⁰ ямчужномъ, и^н о мостовомъ деле, и о подводах – велети имянно написати.

А в старои у них жалованной грамоте данья деда нашего, великого князя Ивана Васильевича всеа Руссии, на два села на боровские, на Инютинское да на Козелское, написано:

По отца своего, великого князя Василья Васильевича всеа Руссии (л. 1658) [грамоте]²¹, се азъ, князь великий Иванъ Васильевичъ всеа Руссии, пожаловал есмь архангелского протопопа Ивана з братьею, или кто по немъ иныи^о протопопъ и братья у Архангела Михаила будутъ. Что есмь дал в домъ Архангелу Михаилу свои два селца, Инютинское да Козелские²², в Боровскомъ уезде в Суходоле въ ихъ место селца Ростороповского, что был имъ дал отецъ мой, князь великий, такоже в домъ святому Архангелу Михаилу, и кто у них в тех селцах ныне живеть людеи или которые будет старожилицы^п из тех селець розошлись по инымъ местом, а приидут к ним жить опять по своимъ местом, или ково призовут к себе в те селца жити из ыных князщинъ, а не из моее отчины, великого князя, и темъ людемъ всем – нынешнимъ и старожилицам, и пришлым – не надобе моя, великого князя, дань никоторая, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни восмничье, ни городовое дело, ни двора моего не ставятъ, ни луговъ моихъ не косят, ни коня моего не кормят, ни пятенное, ни явчее, ни к соцким, ни к дворскимъ, ни к становщикомъ, ни к десяцким не тянуть ни в какие дела, ни в которые разметы и проторы, ни иныи имъ никоторые пошлины не надобе. А

тянут те люди все судомъ и оброки, и данью, и всеми пошлинами в домъ к великому Архангелу Михаилу, к протопопу и къ^p его братье впрокъ.

А намесницы наши боровские и волостели суходолские, и их тиуни в²³ тех селцах в церковные²³ к темъ людемъ ко всемъ не всылают ни по что, ни кормовъ на них не емлютъ и не судят их ни в чемъ, опричь душегубства. А иметь искати их человекъ на ихъ же человеке розбою^c и татбы с поличнымъ, и протопопъ з братьею^t, судив, да доложат меня, великого князя, или моего боярина введенного. А во всем ведают и судятъ техъ своихъ людей протопопъ з братьею или кому прикажут.

А писцы мои тех их селець и их людей не пишут, а данщики мои на них дани не емлютъ.

А праведчики и доводчики на них поборов своих не берут. А случитца суд смесной, и намесницы наши боровские и волостели суходолские, и ихъ тиуни судятъ, а протопопъ з братьею с ними ж судят или их приказщикъ, а прибыткомъ делятца наполы.

А кому будетъ чего искати на самомъ протопопе и на его братье или на их приказике, ино их сужу язъ сам, князь великий.

(л. 1658 об.) Также^y есми их пожаловал. В тех селцах у них не ставятца мои, великого князя, бояре и воеводы, и ратные люди, и никакие²⁴ ездоки²⁵, ни подводъ, ни проводниковъ у ихъ людей не емлютъ, ни кормовъ на них не собираютъ, ни овса, ни сена, ни иного ничего. А хто у них станет в тех селцах в церковных силно, и что ся темъ ихъ людемъ каков проторъ или гибель учинит въ их стоянье²⁶ какова ни буди, и на тех велю то все доправити вдвое без суда и без правды.

Или кто ослушаетца сее моеи грамоты, и тому быти от меня, великого князя, в казни.

А лета в грамоте 6971, в ыюле.

А в моеи, царя и великого князя, жалованной грамоте написано:

Какъ дал есми имъ къ Архангелу Михаилу в домъ по дяде по своему, по князе Юрье Ивановиче, в Рузскомъ уезде в Юрьеве слободе село Коренево з деревнями да селцо Соколниково з деревнями, и кто у них в том селе и в селце, и в деревнях учнетъ жити люди, и темъ их людемъ не надобе моя, царя и великого князя, дань, ни ямъ, ни подводы, ни пятенное, ни поворотное, и²⁷ иные некоторые пошлины, ни двора моего не ставятъ, ни лугов моих не косятъ, ни коня моего не кормятъ, ни к соцким, ни к десяцким ни в какие дела, ни в которые проторы, ни в розметы не тянутъ, опричь одного городского дела.

А какъ поедутъ люди их и крестьяне к Москве с повозом или с какимъ запасомъ, а не с торгом, и назад с Москвы что повезут протопопово з братьею въ их села, и мытчики на них мыта не емлютъ.

А намесницы наши рузские и волостели, и ихъ тиуни тех их людей не судятъ ни в чемъ, опричь душегубства, и кормовъ своих на них не емлютъ, и не всылают к нимъ ни по что. А праветчики^f и доводчики поборов своих на них не берут и не въезжают к ним ни по что. А ведаютъ и судятъ техъ своихъ людей протопопъ Семионъ з братьею сами во всемъ или кому прикажут.

А случитца суд смесной и²⁸ темъ их людемъ з гороцкими людьми или с волостными, и наши намесницы рузские и волостели²⁹, и ихъ тиуни техъ³⁰ людей и судят³⁰, а протопопъ Семионъ з братьею или их приказикъ с ними ж судит; а правъ ли будетъ, (л. 1659) виноват ли гороцкой или становой человекъ, и онъ в правде и в вине намесникомъ и волостелемъ, и ихъ тиуномъ; а архангелской человекъ правъ³¹ ли будетъ, виноват ли³¹, и онъ в правде и в вине протопопу Семиону з братьею, а намесницы наши и волостели, и ихъ тиуни въ архангелского человека ни в правого, ни в виноватого^x не вступаютца.

А кому будетъ чего искати на архангелскомъ протопопе з братьею или на их прикащике, ино ихъ сужу язъ, царь и великий князь, или мои дворецкон.

А пожаловал есми архангелского^ч протопопа з братьею темъ селомъ и селцом з деревнями в соборъ къ³² Архангелу Михаилу³² впрокъ по дяде своемъ, по князе Юрье Ивановиче, в вечный поминокъ. А протопопу з братьею имя его в поминание и во вседневный^ч сенаникъ написати вместе с нашими родители и поминать по вся дни на литеяхъ и на понахидах, и за просвиромисаниемъ³³, и на божественней литургии, и во ектеньяхъ в³⁴ заупокойных.

А кому дамъ на грамоты грамоту, а на сю³⁵ грамоту грамоты нетъ.

А³⁴ дана грамота на Москве, лета 7058 году³⁴, в³⁶ мае³⁶.

И язъ, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руссии, архангелского протопопа Еустафья з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ и братья у Архангела Михаила будут, пожаловал, велел имъ темъ селомъ Андроновским з деревнями и з пустошью владети по тому ж, какъ у них в деда нашего, великого князя Ивана Васильевича всеа Русии^ш, и в моеи, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, жалованных грамотах писано, и колужскимъ намесникомъ и волостелем, и ихъ тиуномъ^ш, и по мытомъ мытчиком^{37ъ} ходити^{37ъ} у них о всемъ по тому ж, какъ^{38ъ} у них в деда нашего³⁸ и в моеи, царя и великого князя Ивана Васильевича^ш всеа Русии, в жалованных грамотах написано.

Да протопопа же^б есми³⁹ Еустафья^{39ъ} з братьею пожаловал⁴⁰: с того села Андроновского и з деревень, и с пустоши не надобе^з имъ⁴¹ моя, царя^з и великого князя, (л. 1659 об.) дань, ни ямския, ни полоняничныя, ни приметные⁴⁰ денги, ни посошная^ч служба^{41я}, ни ямчужное, ни засечное дело, ни мостовъ не мостятъ, ни на яму с^{41аа} подводами не^{аа} стоятъ, ни яму не делають, ни⁴²⁶⁶ иных никоторых наших пошлин не платят^{бв} и^{гг} дел^{бв} наших никоторых не делают⁴², а тянут с того села Андроновского з деревнями и^{ад} с пустошью^{ад} теми всеми пошлинами и со всякимъ издельемъ в домъ къ Архангелу Михаилу протопопу Еустафью з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ и братья у Архангела Михаила будутъ.

А пожаловал есми архангелского протопопа з братьею темъ селом Андроновскимъ з деревнями и с пустошью в соборъ къ Архангелу Михаилу впрокъ по брате своемъ, по князе Юрье Васильевиче, в вечный^{сс} поминокъ. А протопопу Еустафью с братьею имя брата моего в поминанье^ч и во вседневный^{жк} сенаникъ написати вместе с нашими родители и поминати по вся дни на литеях и на понахидах, и за просвиромисаниемъ, и на божественней литургии, и во ектеньяхъ в заупокойных.

А кому дамъ на грамоты грамоту, а на сю грамоту грамоты нетъ.

Дана грамота на Москве, лета 7072, августа в 4 день⁴³.

У подлинной жалованной грамоты позади написано⁴³: Царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии⁴⁴.

Князь Володимерь Андреевичъ по сеи грамоте Архангела Михаила, что на Москве в старомъ городе на площади, пожаловал протопопа Григорья з братьею. Что их архангелские церковные села в Боровском уезде в Суходоле, два селца, (л. 1660) Инютино да Козелское, сее жалованные грамоты рудити у нихъ не велел никому ничемъ, а намесникомъ своимъ боровскимъ и суходолским волостелемъ, и ихъ тиуномъ, и всемъ пошлинникомъ ходити у нихъ велел по тому же, какъ в сеи грамоте писано. Лета 7077, апреля въ 19 день⁴³. А подписал князя Володимера Андреевича диакъ Яковъ Григорьевъ^{44*}.

Лета 7092, июня в 25 день. Государь, царь и великий князь Федоръ Ивановичъ всеа Русии сее грамоты слушал, и выслушав сю жалованную грамоту, архангелского протопопа, что на Москве на площади, Василья з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ у Архангела будетъ, пожаловал, велел сю грамоту подписати на свое цареве и великого князя имя и сее у них грамоты рудити не велел³³ никому ни в чемъ, и о всемъ велел ходити по тому, какъ в сеи грамоте

писано⁴³. А подписал государя, царя и великого князя диакъ Андрей Арцы-
башевъ.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1657–1660. Копия 1733 г. Скрепа по листам дрп. и дрч.:

(л. 1657) Сию⁴⁵ копию (л. 1658) с подлинною жалованною грамотою (л. 1659) Архангелского
собора ключарь⁴⁵ (л. 1660) Петръ⁴⁶ Алексеевъ читаль и руку приложилъ⁴⁶.

Черновик (Ч): Там же. Л. 1689–1696 об. Скрепа по листам тремя разными
поч. и черн.: 1) (л. 1689) ло⁴⁷ (л. 1690) ди (л. 1691) ме (л. 1692) ров. (л. 1693) Се
(л. 1694) кре (л. 1695) тарь (л. 1696) Ми⁴⁸; 2) (л. 1689) К⁴⁹ сеи копии (л. 1690)
Архангелского (л. 1691) собора (л. 1692) ключарь Петръ (л. 1693) Алексеевъ (л.
1694) руку (л. 1695) приложилъ, (л. 1696) а подлинную⁴⁹ (л. 1696 об.) грамоту⁵⁰ к
себе взять⁵⁰; 3) (л. 1689) С⁵¹ подлинною (л. 1690) грамо (л. 1691) тою (л. 1692)
читал (л. 1693) канцеля (л. 1694) ристъ (л. 1695) Ко (л. 1696) зма⁵¹ (л. 1696 об.)
Васковъ⁵².

Примечания: ¹ Напротив на левом поле тжп. и тжч. нап.: ² грамота. ² Далее одна или две
строки оставл. чистыми. ³ Напротив на левом поле сxp. и счч. (тжп. и тжч.?) нап. заглавная буква Б.
⁴ Буква и испр. из т жп. счч. (дрч.?) в Ч *Иевкова*. ⁵ Второе к впис. дрп. и дрч. ⁶ Буква у испр. из дрб.
(и?) дрч. и, кажется, дрп. ^{7–7} Так в ркп. и Ч. ⁸ Буква и нап. по смытому сxp. (тжп.?) более темными
черн. ⁹ Так в ркп. и Ч вместо ожидаемого *середние*; буква д вын. ¹⁰ В ркп. оба т вын.; в Ч
девятьсотъ. ¹¹ В ркп. и Ч *де* над строкой; в ркп. и десятиричное нап. лигатурно с последующим *в*; в
Ч и восьмиричное. ¹² В ркп. *ямчожнои*; испр. по Ч, где *ямчожном*, причем последнее вын. *м* нап. по
дрб. счч. (тжч.?) – см. л. 1690 об. ¹³ В ркп. *засечнои*; испр. по Ч, где *засечном*, причем вын. *м* нап. по
дрб. счч. (тжч.?) – см. л. 1690 об. ¹⁴ В ркп. и Ч *де* над строкой и последующее *и* восьмиричное в
строке. ¹⁵ В ркп. *де* нап. над строкой лигатурно с *и* предшествующего слова *нашии*; далее следует *и*
восьмиричное в строке; в Ч *де* над строкой и последующее *и* восьмиричное в строке. ¹⁶ В ркп. далее
еще раз нап. *мостов*, причем второе *о* и вын. *в* нап. по стертому дрп. (сxp.?) и дрч.; второе *о* испр. из
дрб. (и?) в Ч также повторено *мостов*. ¹⁷ В ркп. *мости*, причем вын. *с* и буквы *ти* нап. на правом
поле листа; слово вписано дрч. и, кажется, дрп.; в кв. ск. доб. по Ч, где после и имеется вын. *т*, но ерь
отс. ¹⁸ В ркп. вын. *де* в конце строки, а в начале след. строки, на границе левого поля, большое *и*
десятиричное; в Ч вын. *де* в конце строки и *и* восьмиричное в начале след. строки. ¹⁹ Над *о* вын. *т*,
подправленное (м.б., зач.?) счч. или дрч. В Ч над *о* также вын. *т*. ^{20–20} В ркп. и десятиричное и *о* испр.
из *и* восьмиричного как будто дрч. и сxp. ²¹ В ркп. и Ч отс.; в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.
²² Так в ркп., причем и десятиричное нап. по смытому или стертому дрч. (более светлыми); в Ч и
восьмиричное нап. без поправки. ^{23–23} Такое согласование в ркп., так же в Ч. ²⁴ Так в ркп.; м.б., дббб.
всякие, как в большинстве грамот. ²⁵ Первая буква (ять) испр. из дрб. или дрбб. (*сь?*). ²⁶ В ркп. и вын.,
ерь отс; в Ч *нь* в строке. ²⁷ В списке грамоты 1550 г. *ни* (см. выше, док. № 2). ²⁸ Так в ркп. и Ч; в
списке грамоты 1550 г. *и* отс. (см. выше, док. № 2). ²⁹ Далее на протяжении 16 мм, где мбу. 4 буквы,
следы смытого или соскобленного текста; вправо от буквы *и* проведена линия зачеркивания длиной
8 мм; в 3 мм от нее проведены еще две линии зачеркивания, одна под другой, из которых верхняя
равна 3 мм, нижняя – 7 мм. ^{30–30} В списке грамоты 1550 г. *техъ ихъ людеи судятъ* (см. выше, док. №
2). ^{31–31} Здесь более близкое к обычному формуляру чтение, чем в списке грамоты 1550 г., где *прав
ли или виноват будет* (см. выше, док. № 2). ^{32–32} В списке грамоты 1550 г. *Архангела Михаила* (см.
выше, док. № 2). ³³ В списке грамоты 1550 г. *проскурomisаниемъ* (см. выше, док. № 2). ³⁴ В списке
грамоты 1550 г. отс. (см. выше, док. № 2). ³⁵ В списке грамоты 1550 г. *сю мою* (см. выше, док. № 2).
^{36–36} В списке грамоты 1550 г. *маяя въ 29 день* (см. выше, док. № 2). ^{37–37} В ркп. эти слова заключ. в
кв. ск., которые нап. дрч. ^{38–38} Заключ. в кв. ск., которые нап. дрч. ^{39–39} Слова заключ. в кв. ск., кото-
рые нап. дрч. ⁴⁰ Напротив на правом поле дрч. поставлен крест. ⁴¹ Перед этим словом поставлена
вступительная кв. скобка, которая нап. дрч.; заключительной кв. скобки нет. ^{42–42} Нап. с вын. зн.
(крест) на левом поле дрп. (поч. XII) и дрч. ⁴³ Далее одна строка оставл. чистой. ⁴⁴ Далее пять строк
оставл. чистыми. ^{44*} Далее четыре строки оставл. чистыми. ^{45–45} Нап. по нижнему полю листов.
^{46–46} Нап. с новой строки сразу после текста подтверждения 7092 (1584) г. Нижняя часть л. 1660
оставл. чистой. ⁴⁷ Начало скрепы (*Секретарь Михаила Во*) на л. 1683–1688 об., где помещен текст
грамоты 1550 г. (см. выше, док. № 2). ^{47–48} Нап. на оставленной чистой правой половине листов.
⁴⁸ Конец скрепы (*хаила Володимиров*) на л. 1697–1702, где помещены тексты грамот 1585 и 1599 гг.
(см. ниже, док. № 5, 6). ^{49–49} Нап. по нижнему полю листов, слева. ^{50–50} Нап. отступя шесть строк от
текста подтверждения 7092 (1584) г. ^{51–51} Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы.
⁵² Нап. отступя одну-две строки от предыдущей скрепы. Нижняя часть л. 1696 об. оставл. чистой.

В а р и а н т ы п о Ч. (весь список нап. поч. IV): ^a напротив на левом поле л. 1689 дрп. нап. 2^{б-б} речки Арис подч. дрч. и нап. с вын. знн.; на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. в подлинной грамоте нижеозначенные выносные речи за ветхостию прочесть невозможно; ниже с вын. знн. нап. речки Ари ^в над этим словом дрч. поставл. вын. знн. ^{г-г} нап. по смытому или стертому схч. (тжч.?) ^д Колуши ^е Алферково ^ж восемьдесят ^з восемьдесят ^и восемь ^к восемьдесят ^л сел нап. схч. по смытому или стертому ^м от (буква т вын.) ^н в ркп. и Ч после и вын. х (в ркп. дрч.): их (?) ^оины ^п сторожилцы ^ркъ ^сразбою ^т братиею ^у также ^ф праведчики ^х виноватаго ^ц архангельского ^ч вседневны ^ш России ^ш ти нап. по смытому тжп. и тжч. ^{ъ-ъ} подч. и нап. с вын. знн. схп. и схч.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. печатью восковою замарано и прочесть не можно; далее с новой строки нап. с вын. знн. мытчиномъ ходити ^{ы-ы} подч. схч., а на правом поле более мелко нап. дрп. (поч. XII) и дрч. какъ у них в деда нашего и в мои, царя и великого князя Ивана Васильевича ^{ы-ы} нап. с вын. знн. и подч. схч.; напротив на правом поле более мелко и как будто дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. же есми Еустафья ^{ъ-ъ} бе имъ моя, царя подч. схч. и над бе поставл. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко и как будто дрп. (поч. XII) и дрч. нап. бе им моя, царя, причем над бе поставл. вын. знн. ^ю приметныя ^{я-я} иная служ подч. схч. и нап. с вын. знн.; напротив на правом поле более мелко и как будто дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. иная служ ^{аа-аа} подч. схч. и нап. с вын. знн.; напротив на правом поле более мелко и как будто дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. с подводами не ^{бб} и ^{вв-вв} тят ни дел подч. схч. и нап. с вын. знн., причем ни дел приписано справа от границы столбца; напротив на правом поле как будто дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. тят ни делъ ^{гг} ни ^{дд-дд} подч. дрч. и нап. с вын. знн.; на правом поле более мелко и как будто дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. и с пустошью ^{ее} вечны ^{жж} вседневны ^{зз} вел

№ 4

1582 г. апреля 7. – Жалованная данная, тарханно-несудимая и заповедная (от ездоков) грамота ц. и в. кн. Ивана IV Вас. протопопу Московского Архангельскаго собора [?] с бр. на дворцовое с. Новое Завидово с дерр. и почч. в Клинском у. и с. Фролищево с дерр. и пустт. в Юрьев-Польском у. (вклад по душе царевича Ивана Ивановича) (с подтверждениями ц. Федора Ие. 1584 г., ц. Михаила Фед. 1613 г., ц. Михаила Фед. и патр. Филарета Никитича 1623 г.).

(л. 1661) Копия^{1а} съ жалованныя грамоты 7090 году².

Се азъ, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии^б, пожаловал есми архангелского протопоба, что на Москве на площади^з, з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ и братья у Архангела Михаила будут, дал есми къ Архангелу Михаилу в домъ по сыне своемъ, по царевиче по князе Иване^д Ивановиче, в Клинскомъ уезде свое дворцовое село Новое Завидово на речке на Доибице з деревнями: деревня Мосеево Мошково, деревня Сухарево на речке на Черной, деревня Кобаново на речке на Доибице, деревня Чертово на речке на Доибице, деревня Павлуково на речке на Доибице, деревня Шитиково^е, деревня Трясыно, деревня Высокое на речке на Доибице, деревня Гютямово Кочети-совская на речке на Доибице, деревня Шуиноворо, Завидова ж села в Шеиской волости деревня Бяхино на речке на Доибице, деревня Данилково на речке на Доибице, деревня Выдрищи Песокъ на речке на Доибице, деревня Концово, деревня Игнашовской Починокъ, деревня Демидово, деревня Старцово на речке на Доибице, деревня Ялдино, починокъ Выдрино, деревня Вашутино, деревня Мишнево, деревня Сысоиково, деревня Житовская на речке на Доибице, деревня Игуменниково на речке на Доибице, деревня Красной Боровокъ^в, починокъ Середней Ручей под Береской, деревня Каменка, деревня Семенково на речке на Шоше, починокъ Выдрище на речке на Шоше, деревня Хожаново Саблино на речке на Шоше, деревня Наумово на речке на Шоше, деревня Безбородово на речке на Шоше, деревня Концово на речке на Доибице, деревня Глинище, деревня Богатыревское Авдотьино, деревня Ознобино на речке на Доибице, деревня Вепреки на речке на Доибице, деревня Лукино (л. 1661 об.), деревня Верениково, деревня Подбере[зье]^б Шомерево, деревня Засеевино⁷ на речке на

Понике, деревня Городище на речке⁸ на Волге, деревня Фофанов^Г Зарубино на речке^А на Понике, деревня Кашинцово на речке на Понике, деревня Поедино на речке на Понике, деревня Шелково на речке на Понике, деревня Алексеево на речке на Понике, починок^Б Онтушевской, замище Гузнищевское, деревня Суминская, деревня Онучино Корачаровское, деревня Мартиново⁹ Еловец⁹ на речке на Доибице, починок^В Студенецъ, деревня Перевесье, деревня Власовское Дадуд(и)но¹⁰ Кузнецово, деревня Поповское на речке на Доибице, починок^{11с} Заполоть, деревня Тереховская на речке на Понике, деревня Поганцово на речке на Понике, деревня Суццоно на речке на Понике, деревня Пахонина^{12ж} на речке на Понике, деревня Черная¹³ Грязна¹³ на речке на Черной, починок^Г Глазрев, починок^Г Панин, замище Фетки да Васки Селиверстовых дети Желтухина меж деревни Бортникова³ и деревни Черной Грязи и Ескина^{14и} починка по осек Ивановы деревни Дурносопова. Да¹⁵ к селу ж Завидову приписаны в посопной хлебъ деревни^К Песокъ и иные, что были на оброке за дьякомъ за Левонтъемъ за Офунинымъ: деревня¹⁶ Песокъ, деревня Лакошино¹⁷ на речке на Доибице, деревня Мокеево^А, деревня Демидово на речке на Доибице, починок^Б Сенки¹⁵ Смикоровъ¹⁸, деревня Саморезовое^М, деревня Починокъ Глухая Поника на речке на Глухой Понике, починок^В Крупенинъ¹⁹, починок^В Давыдковъ, починок^В Захаровъ¹⁵ Перевесье^Н, починок^В Бегунов на речке на Сучке, починок^В Микулинъ Желудовъ. Да к селу ж Завидову приписаны в посопной хлебъ оброчные деревни^О, которые^О были на оброке за Иваном Третьяковымъ сыном Бурнакова: починок^В Буиковъ, деревня Дедово^А, починок^В Самушкинъ на речке на Доибице^Р, починок^{15с} Кошеево, починок^В Олешин на речке на Доибице. И всего село Завидово, да к нему шестьдесят^Т пять деревень да семнатцать починков, да^У два^У замища¹¹. А в книгахъ клинскихъ дворцовыхъ сел писцов²⁰ князя Ивана Засекина на Григорья Кулнева с товарищи лета 7069 году²⁰ в том селе и в^Ф деревняхъ написано пашни средние земли (л. 1662) четыреста^Х восемьдесятъ пять десятин, да худые земли триста девяносто девять^{11и} десятинъ²¹, и обоего пашни, средние и худые земли, восемьсотъ восемьдесятъ четыре десятины с полудесятиною, сена тысяча семьсотъ^{11ч} тридцать копен, лесу сто сорокъ три десятины²² с полудесятиною.

Да въ^Ш Юрьевскомъ уезде Полсково село Фролищево на колодезе на^Ш роднике^Ш на текучемъ з деревнями: деревня Диаконовская на речке на Шерноге, деревня Прокунино на речке на Инобашке, деревня Владыкино на речке на Инобашке, деревня Пинархово²³ на речке на Инобашке, деревня Деево на речке на Инобашке, деревня Полутино на речке на Инобашке, деревня Ефаново на речке на Мутенке, да к тои же деревни принесена деревня Емельяново, пашня спущена с одново, селище, что была деревня Паврево²⁴, снесена в деревню Ефаново, деревня Пархачево Большое на колодезе на копанце, деревня Оникиево^Б, деревня Пархачево Меньше на суходоле, деревня Бокино на колодеце на роднике, деревня Панкино, деревня Шилово на речке на Бычке, деревня Лакомое на речке на Бычке, деревня Куземкино, деревня Давыдково на речке на Белои, деревня Дуброво на речке на Климовке, деревня Ульяново на речке на Пегше, деревня Собинино на речке на Дмитровке, деревня Ивашково, пуста, на речке на Инобашке, пустошъ, что была деревня Годково, на речке на^{25и} Инобашке^{26и}, пустошъ, что была деревня Власово^Б, пустошъ, что была деревня Кобелево, пустошъ, что была деревня Сонкина, пустошъ, что была деревня Дмитрово, пустошъ, что был починок^В Володи[нъ]²⁷. И всего село Фролищево, а к нему дватцать одна деревня, да деревня пуста, да шесть пустошей, да селище. А въ книгахъ Юрьева Полсково дворцовыхъ сель писцов Елизарья Кашкарова с товарищи лета 7086 году написано пашни паханые пятьсотъ восемьдесят девять четвертеи средние земли да триста семдесят²⁸ восьм⁹ четвертеи худые земли, и обоего, средние и худые земли, девятьсотъ шездесят семь четвертеи; да

перелогом сто тритцать девять четвертей с осминою (л. 1662 об.) середние ж земли, да сто восьмьдесятъ четыре четверти худые земли, и обоего перелогомъ середние и худые земли триста дватцать три четверти с осминою; и всего пашни и перелогомъ середние и худые земли тысяча двести девяносто^{11ю} четвертей с осминою в поле, а в дву по тому ж, сена тысяча двести тритцать пять копенъ, лесу кустарю пашенново сорокъ шесть десятин с полудесятиною. А велел есми имъ⁴ теми^{аа} селы и деревнями, и починки, и пустошми, и крестьяны, и пашнями, и всякими угоды владети.

А кто у них в тех селех ныне учнут жити люди их, или которые будетъ старожилцы из^{бб} техъ сел и из деревень розошлися по инымъ местом, а придуть^{вв} к нимъ жити опять по своимъ местомъ, или ково призовуть²⁹ к себе в^{30гг} те^{30гг} села жити из ыных князщин, а не из моеи вотчины, царя и великого князя, и темъ людемъ всем, нынешнимъ и старожилцомъ, и пришлымъ, не надобе моя, царя и великого князя, дань никоторая, ни ям, ни^{дд} подводы, ни мытъ, ни тамга, ни поворотное, ни восьмьничье, ни пятенное^е, ни явчее, ни городовое дело, ни двора моего не ставят, ни луговъ моихъ не косят, ни коня моего не кормятъ, ни к соцкимъ, ни к дворскимъ, ни к становщикомъ, ни к десяцким^{жж} не тянуть ни в какие дела, ни в которые розметы и проторы, ни иные никоторые пошлины не надобет. А тянут те люди все судом и оброки, и данью, и всеми пошлинами в домъ к великому Архангелу Михаилу, к протопопу и къ его братье впрокъ³¹.

А намесницы наши клинские и Юрьева Полсково, и волостели, и ихъ тиуны в те села въ церковные к темъ людемъ ко всемъ не всылают ни по что, ни кормовъ на нихъ не емлють и не судят ихъ ни в чемъ, опричь душегубства. А иметь искати ихъ человекъ на ихъ же человеке разбою и татбы с поличнымъ, и протопопъ з братьею, судив, да доложит меня, царя и великого князя, или моего боярина введенного. А во всемъ ведаютъ и судят техъ своихъ людеи протопопъ з братьею³³ или кому прикажут.

А писцы мои техъ селъ и ихъ людеи не пишутъ, а данщики мои на них дани не емлють.

(л. 1663) А^{нн} праведчики и довотчики^{кк} на них поборов своих не берутъ. А случитца судъ смесной, и намесницы наши клинские и юрьевские, и волостели, и ихъ тиуны судятъ, а протопопъ з братьею с ними же судят или ихъ прикащикъ, а прибыткомъ делятца наполю.

А кому³² будетъ чего искати на самомъ протопопе и на его братье или на приказшике^{лл}, ино ихъ сужу^{мм} язъ^{нн} самъ, царь и великий князь.

Такъже есми ихъ пожаловал. В тех селах у них не ставятца мои, царя и великого князя, бояре и воеводы, и ратные люди, и никакие³³ ездоки, ни³⁴ подвод, ни проводников у ихъ людеи не емлють, и кормовъ на нихъ не збираютъ, ни овса, ни сена и ни иного ничего. А кто у них станеть в техъ селахъ и в деревнях в церковных силно, и что ся темъ ихъ людемъ каков проторъ или гибель учинить въ^{оо} их стоянье, какова ни буди^{нн}, и на ихъ велю то все доправити вдвое без суда и без правды.

Или кто ослушаетца сее моеи грамоты, и тому быти от меня, царя и великого князя, в казни.

И язъ, царь и великий^{пп} князь Иванъ Васильевичъ³⁵ всеа^{сс} Русии^{тт}, архангелского протопопа³ з братьею, или кто по немъ иньи^{уу} протопопъ и братья у Архангела Михаила будутъ, пожаловалъ, велел имъ теми селы, в Клинскомъ уезде селомъ Завидовымъ да въ^{фф} Юрьевском уезде³⁶ Полсково селомъ Фролицевымъ з деревнями и с починки, и с пустошми, владети по тому, какъ в сеи моеи жалованной грамоте написано, опричь моихъ клинскихъ заповедныхъ лесов. И клинскимъ, и Юрьева Полсково^{хх} намесникомъ^{нн} и волостелемъ, и ихъ тиуномъ, и по мытом мытчиком ходити у них о всемъ по тому ж³⁷, какъ у них в сеи моеи жалованной грамоте написано.

Да протопопа ж³⁷ есми з братьею пожаловал: с техъ сель, с села Завидова да с села Фролищева, и з деревень, и с починковъ⁴⁴, и с пустошей не надобе (л. 1663 об.) имъ моя, царя и великого князя, дань, ни ямские, ни полоняничные, ни приметные денги, ни посошная служба, ни ямчужное^{шш}, ни^{шш} засечное^{шш} дело, ни мостов не мостят, ни на яму с подводами не стоятъ, ни^{бъ} яму не делаютъ, ни иныхъ некоторыхъ нашихъ пошлинъ не платятъ, ни дел^{бъ} нашихъ некоторыхъ не делаютъ; а тянуть с техъ сел, с села Завидова да с села Фролищева з деревнями и с починки^{бб}, и с пустоши, теми всеми пошлинами и со всякимъ издѣльемъ в домъ къ Архангелу Михаилу, протопопу³ з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ и братья у Архангела Михаила будутъ.

А пожаловал есми архангелского протопопа з братьею теми селы, в Клинскомъ уезде селомъ Завидовымъ да въ³⁹ Юрьевскомъ уезде Полсково селомъ Фролищевымъ з деревнями и с починки, и с пустоши, в соборъ къ Архангелу Михаилу впрокъ по сыне своемъ, по царевиче по князе Иване Ивановиче, в вечныи поминокъ. А протопопу з братьею имя сына моего, царевича князя Ивана Ивановича, в поминанье и во вседневной сенаникъ написати вместе с нашими родители и поминати по вся дни на литеяхъ и на панахидахъ^{юю}, и за просфиромисаньемъ^{аа}, и на божественней^{аб} литургии, и во ектеняхъ в заупокойныхъ.

А кому дамъ на грамоты грамоту, а на сю грамоту грамоты нетъ.

Дана грамота на Москве, лета 7090^{38ав}, апреля въ 7 день³⁹.

У подлинной жалованной грамоты назади пишеть³⁹: Царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии^б.

(л. 1664) Лета^{40аг} 7092-го, июня^{40ад} въ 25 день. Государь, царь и великий князь Федоръ^{ас} Ивановичъ всеа Русии сее грамоты слушал⁴¹, и выслушав сю жалованную грамоту, архангелского^{аж} протопопа^{аж}, что на Москве на площади, Василья з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ у Архангела будетъ, пожаловал, велел сю грамоту подписати^{аз} на^{аз} свое цареву и великого князя имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни в чемъ, и о всемъ велел ходити по тому, какъ в сеи грамоте писано^{11ав}. А⁴² подписал^{ав} государя, царя и великого князя диокъ⁴³ Андреи Арцыбашевъ⁴⁴.

Лета 7122-го, октября въ 28 день. Царь и великий князь Михаило Федоровичъ^{ак} всеа Русии сее грамоты слушал⁴⁵, и выслушав сю жалованную^{ал} грамоту^{ал}, архангелского протопопа, что на Москве на площади, Ивана з братьею, или кто по немъ иныи протопопъ у^{46ам} Архангела^{46ам} будетъ, пожаловал, велел сю грамоту подписати на свое государеву, цареву и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни в чемъ, и о всемъ велел ходити по тому, какъ в^{ан} сеи^{ан} грамоте писано. А подписал государевъ, царевъ и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии диакъ^{ао} Иван Болотников².

Лета 7132-го, октября въ 7 день. Мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Федоровичъ^{ап} всеа Русии^{ап}, и отецъ нашъ государевъ, великий государь, святейшии патриархъ Филарет Никитичъ Московский и всеа Русии^{ап}, (л. 1664 об.) сее грамоты слушавъ, указали по нашему государскому Уложению переписать^{ас} вновь на наше государское имя. А сее жалованную грамоту указали, подписав на наше государское имя, отдати архангелскому протопопу Ивану з братьею впредь⁴⁷ для спору вотчинныхъ земель и всякихъ вотчинныхъ крепостей. А о всемъ указали ходити по тому, какъ в нашей в новой государской жалованной грамоте нынешняго 132^{ат} году написано. А подписал государевъ, царевъ и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии диакъ Прокофеи Пахиревъ.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1661–1664 об. Копия 1733 г. Скрепя по листамъ дрн. и дрч.:

(л. 1661) Сию⁴⁸ копию (л. 1662) с подлинною жалованною грамотою (л. 1663) Архангелского собора ключарь (л. 1663 об.) Петръ Алексеевъ⁴⁸ (л. 1664 об.) читаль⁴⁹ и руку приложилъ⁴⁹.

Черновик (Ч): Там же. Л. 1714–1722. Скрепты тремя разными почт. и черн.: 1) (л. 1714) кре⁵⁰ (л. 1715) тарь (л. 1716) Ми (л. 1717) хаи (л. 1718) ла (л. 1719) Во (л. 1720) ло (л. 1721) ди (л. 1722) ме⁵¹; 2) (л. 1714) К⁵² сеи копии (л. 1715) Архангелского (л. 1716) собора (л. 1717) ключарь (л. 1718) Петръ (л. 1719) Алексеевъ (л. 1720) руку приложил, (л. 1721) а подлинную грамоту⁵² (л. 1722) к⁵³ себе взялъ⁵³; 3) (л. 1714) С⁵⁴ подлинною (л. 1715) грамо (л. 1716) тою (л. 1717) читал (л. 1718) канцеля (л. 1719) ристъ (л. 1720) Козма (л. 1721) Ва⁵⁴ (л. 1722) сковъ⁵⁵.

Примечания: ¹ Напротив на левом поле тжп. и тжч. нап.: 3 *грамота*. ² Далее три строки оставл. чистыми. ³ Имя протопопо не указано ни здесь, ни в Ч. ⁴ Напротив на левом поле сxp. и счч. (тжп. и тжч.?) нап. заглавная буква В. ⁵ Буква к испр. из дрб. (л?) тжч. ⁶ В ркп. *Подбере* и над строкой вын. зн. (крест); в кв. ск. – из Ч, где *Подберезье* (л. 1714 об.). ⁷ Так в ркп. и Ч (л. 1714 об.); в грамоте 1599 г. *Заклевинымъ* (см. ниже, док. № 6). ⁸ Буква ч нап. над строкой дрч.; в Ч *речке*. ^{9–9} В ркп. нап. раздельно *Мартиновое Ловець*; так же в Ч; в грамоте 1599 г. *Мартыновоу Еловцовъ* (л. 1675) – см. ниже, док. № 6. ¹⁰ В ркп. третье *д* вын., поэтому наряду с чтением *Дадудно* возможно и чтение *Дадудино*; в кругл. ск. доб. по аналогии с грамотой 1599 г., где *Дудинымъ* (см. ниже, док. № 6); м.б., в оригинале грамоты 1582 г. было *да Дудино*? ¹¹ Слово заключ. в кв. ск., которые нап. дрч. ¹² Заключ. в кв. ск., которые нап. дрч.; в грамоте 1599 г. *Вохонцимъ* (см. ниже, док. № 6). ^{13–13} Так в ркп. и Ч (л. 1715); в грамоте 1599 г. *Черною Грязью* (см. ниже, док. № 6). ¹⁴ В грамоте 1599 г. *Елкина* (л. 1675) – см. ниже, док. № 6. ¹⁵ Напротив на левом поле поставл. крестик. ¹⁶ Перед этим словом поставл. вступительная кв. скобка, которая нап. дрч. ¹⁷ В грамоте 1599 г. *Текошинымъ* (см. ниже, док. № 6). ¹⁸ В грамоте 1599 г. *Смокаревымъ* (см. ниже, док. № 6). ¹⁹ В грамоте 1599 г. *Крупяником* (см. ниже, док. № 6). ^{20–20} В грамоте 1599 г. ссылка дается на клинские книги дворцовых сел *писма князя Лева Засекина с товарищи лета 7069-го* (л. 1676; см. ниже, док. № 6). ²¹ Нап. по смытому или стертому более размашисто и более темн. черн. (дрч.?). ²² Напротив на левом поле сxp. и счч. (тжп. и тжч.?) нап. заглавная буква Г. ²³ В грамоте 1601 г. *Инархово* (см. ниже, док. № 7). ²⁴ В грамоте 1601 г. *Петрово* (см. ниже, док. № 7). ^{25–26} Заключ. в кв. ск., которые нап. дрч. ²⁶ В грамоте 1601 г. *Пекше*. ²⁷ В ркп. и Ч *Володи*; в кв. ск. – из грамоты 1601 г. (л. 1679 об.; см. ниже, док. № 7). ²⁸ В ркп. т вын.; в Ч *семдесятъ*. ²⁹ Правильное *призовуть* испр. счч. (более темными) на неверное *привезутъ* (буквы *зов* испр. на *вез*); чтение *привезут* в Ч (л. 1717). ^{30–30} Заключ. в кв. ск., которые нап. дрч. ³¹ Буква р как будто подпр. из дрб. тжч. ³² В ркп. *коли*; испр. по Ч. (л. 1718), где *кому*, причем у испр. из и счч. (более темными). ³³ Так в ркп. и Ч; так же в списке грамоты 1463 г. в составе грамоты 1564 г. (см. выше, док. № 3). ³⁴ Буква и как будто испр. из дрб. (и?) счч. (тжч.?). ³⁵ Напротив на правом поле поставл. крестик дрч. ³⁶ Буква *д* запачкана чернилами (тжч.?). ³⁷ В ркп. ж вын.; в Ч жъ. ³⁸ Над числом года поставл. крестик дрч.; такой же знак напротив на левом поле. ³⁹ Далее две строки оставл. чистыми. ^{40–40} Заключ. в кв. ск., которые нап. дрч. ⁴¹ В ркп. *слушав*; испр. по Ч (л. 1721), где *слушалъ*, причем л испр. из в сxp. и сxp. (тжч.?). ^{42–44} Нап. более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. ⁴³ Так в ркп.; в Ч *диок* (буква к вын.). ⁴⁴ Далее две строки оставл. чистыми. ⁴⁵ В ркп. *слушав*; испр. по Ч (л. 1721 об.), где вын. в испр. на л счч. ^{46–46} Заключ. в кв. ск., которые нап. дрч. ⁴⁷ В ркп. *д* вын.; уточн. по Ч (л. 1722), где *впредъ* (ерь в строке). ^{48–48} Нап. по нижнему полю листов. ^{49–49} Нап. с новой строки сразу после текста подтверждения 7132 (1623) г.; далее на л. 1664 об. шесть следующих строк оставл. чистыми. ⁵⁰ Начало скрепы (*Се*) на л. 1713, где помещен текст грамоты 1601 г. (см. ниже, док. № 7). ^{50–51} Нап. на оставленной чистой правой половине листов. ⁵¹ Окончание скрепы (*ров*) на л. 1723, где помещен текст жалованной грамоты 1623 г. (см. ниже, док. № 8). ^{52–52} Нап. по нижнему полю листов, слева. ^{53–53} Нап. с новой строки сразу после текста подтверждения 7132 (1623) г.; ниже проведена горизонтальная линия дрч.; далее на л. 1722 идет *Копия з жалованной грамоты 7132-го году* (см. ниже, док. № 8). ^{54–54} Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ⁵⁵ Нап. после текста подтверждения 7132 (1623) г., правее предыдущей скрепы, на правой стороне стр., не занятой текстом грамоты; ниже идет упомянутая ранее горизонтальная линия (см. выше, примеч. 53–53).

В а р и а н т ы по Ч (начальная часть списка на л. 1714–1715 об. нап. поч. VI): ^a напротив на левом поле л. 1714 дрп. нап. з ^б *Руссии* ^в испр. счч. (дрч.?) из *Коробок*: первое к испр. на б, буква б на в ^г нап. по смытому или стертому ^д *ре* нап. как будто по смытому ^е подч. счч. и снабж. надстр. вын. знн.; выше на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. в *сеи подлинной грамоте нижеозначенныя выносныя речи за ветхостию прочесть невозможно*; далее 3–4 строки оставл. чистыми и затем напротив подчеркнутого в тексте слова *починокъ* нап. с вын. знн. *починокъ* ^ж подч. счч. и снабж. надстр. вын. знн.; л нап. как будто по стертому; напротив на правом поле дрп. (поч. XII)

и дрч. нап. с вын. знн. Пахонина ³ Бортниково ⁴ Эксина ^к деревня, причем я подправл. тжч. ^а Макеево ^м резовое подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. резовое ^н всеье подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. всеье ^{о-о} деревни подч. схч. и снабж. надстр. вын. зн.; слово *которые* вписано над строкой дрп. (поч. XII?) и дрч., над ним поставл. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. деревни *которые* ^и подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. Дедово ^р бице подч. схч. и снабж. надстр. вын. зн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. зн. бице ^с подч. схч. (тжч.?) и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. *починокъ* ^т шездесят ^{у-у} подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. да два ^ф нет ^х с этого слова, т.е. с начала л. 1716, и до конца л. 1717 об., текст нап. дрп. (поч. VII) ^и подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. зн. девять ^и мь сотъ подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. зн. мь сотъ ^и въ ^{и-ш} на род подч. схч. и снабж. надстр. вын. зн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. зн. народ ^ъ Аникеево ^{и-и} подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. на Инобаице ^в Вла подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. зн. Вла ^з восемь ^ю вянсто подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. зн. вянсто ^к вын. м нап. как будто дрп. (похоже на вын. м в следующем слове теми) ^{аа} те нап. по смытому дрп. и дрч. – видимо, теми же, которыми приписаны вын. ми ^{бб} ис ^и придуть ^{гг-гг} подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. в те ^{лл} испр. из и дрч. и, м.б., дрп. ^{св} первое е испр. из о и нап. лигатурно с вын. и дрч. и, м.б., дрп. ^{жж} десятским ^{зз} братиею ^и с этого слова, т.е. с начала л. 1718, и до конца основного текста грамоты 1582 г. на л. 1720 об., список нап. дрп. (поч. III); ср. выше, вар. х ^{кк} доворотъчики ^{лл} прикащики ^{мм} смежу ^и азъ ^{оо} въ ^{пп} будь ^{рр} велики ^{св} всея ^т России ^{уу} ины ^ф въ ^{хх} Полскова ^и намешъникомъ ^{чч} починъ-ковъ ^{шш} ямчюжное ^{шш-шш} ни за подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ни за ^{ъъ} не ^и подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. дель ^{бб} чинки подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. чинки ^{зз} въ ^{юю} понахидах ^{жж} просфоромисанием ^{аб} божественнои ^{ав} 7090-го, причем 90 подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрч. и, м.б., дрп. (поч. XII?) нап. с вын. зн. 90-го ^{аг} с этого слова, первого на л. 1721, и до конца всей копии на л. 1722, текст нап. дрп. (поч. VIII); ср. выше, примеч. ии ^{аг-ад} подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. лета 7092-го, июня ^{ае} Феодоръ ^{аж-аж} архангелского прото подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. архангелского прото ^{аз-аз} подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. подписати на ^{ан-ан} подч. дрч. и снабж. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. писано, а подписал ^{ак} Феодоровичъ ^{ал-ал} лованную грамоту подч. дрч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. лованную грамоту ^{ам-ам} подч. дрч. (схч.?) и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. у Архангела ^{ан-ан} подч. дрч. (схч.?) и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. в сеи ^{ао} диокъ ^{ап} Феодоровичъ ^{ар} подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. России ^{ас} переписати ^{ат} 132-го

№ 5

1585 г. июля 20. – Жалованная данная и несудимая грамота ц. и в. кн. Федора Ивановича протопопу Московского Архангельского собора Василию с бр. на дворцовое с. Отцы Святые с дерр. и пустт. (вклад по душе ц. и в. кн. Ивана IV Вас.) в Горетове ст. Московского у. (с подтверждением ц. и в. кн. Михаила Фед. и патр. Филарета Никитича 1623 г.).

(л. 1673) Копия^{1а} с жалованья грамоты 7093^б году².

Се азъ, царь и великий^в князь Федоръ Ивановичъ всеа России, пожаловал есми архангелского^г протопопа, что на Москве на площади, Василья з братиею, или кто по немъ иныи^и протопопъ и братия у Архангела Михаила будутъ, дал есми Архангелу Михаилу в домъ по отце своемъ, государе, царе и великомъ князе Иване Васильевиче всеа Руси^с, в Московскомъ уезде в Горетове стану

свое³ дворцовое село Отцы Святыя, а к нему деревня Лесникова, деревня Кузминская Гридина, пустошь Куракино, пустошь Минское, пустошь Афонасьевское*, пустошь Окуловское, пустошь Коняевское, пустошь Нефедовское, пустошь Мясоедовское³. А в книгах Московского уезда^н дворцовых^к сель писма Ивана Шетнева да подьячего Якова Захарова лета 7062-го^н в томъ селе и в деревнях написано пашни худые земли пятьдесятъ четыре десятины, и с тою пашнею, что пахали крестьяне на насъ для посопного хлеба, восемь десятин в поле, а в дву по тому ж, сена дватцать копенъ, лесу четыреста девяносто семь^м десятинъ.

И азъ, царь и великий^в князь Федоръ Ивановичъ всеа Русии^с, темъ селом Отцы Святыми з деревнями и с^н пустошми, и со всеми угодьи, что к тому селу и к деревнямъ, и к пустошамъ изстари потягло⁴, опричь наших московскихъ заповедных лесов, протопопа з братьею пожаловал. А кто у них в том селе и в деревнях, и на пустошах учнут жити⁵, и техъ их людеи наместницы^о наши московские и волостели, и ихъ тиуни не судятъ ни в чемъ, опричь душегубства и разбою с поличнымъ, и кормовъ своихъ на них не емлют, и не всылаютъ^н к нимъ ни по что. А праведчики и доivotчики (л. 1673 об.) поборов своихъ у них не берут и не въезжаютъ^р к нимъ ни по что. А ведаютъ и судятъ тех своих людеи протопопъ з братьею сами во всемъ или кому прикажут.

А [с]лудитца⁶ суд сместной тем людемъ з городскими или с волостными людми, и наместницы^о наши московские и волостели, и ихъ тиуни их судятъ, а протопопъ з братьею или ихъ прикащикъ с ними ж судятъ; а прав ли будетъ, виноват ли городской^с и волостной человекъ, и онъ в правде и в вине наместникомъ^т и волостелемъ, и ихъ тиуном; а архангелского^г протопопа з братьею человекъ прав ли, виноват ли, и онъ в правде и в вине протопопу з братиею, а наместницы^о наши московские и волостели, и ихъ тиуни архангелского^у протопопа з братьею человека в правого и^ф в виноватого не вступаютца.

А кому будетъ чего искати на архангелскомъ протопопе з братьею и на их прикащике, ино его сужу^х азъ, царь и великий^в князь, или мои дворецкои.

А пожаловал есми архангелского протопопа з братьею темъ селомъ и деревнями и пустошми^н впрокъ по отце своемъ, государе, царе и великомъ князе Иване Васильевиче всеа Русии^с, в вечной поминокъ. А протопопу з братьею имя отца моего, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии^с, в поминанье и во вседневной сеноникъ написати вместе с нашими родители и поминать по вся дни на литеях и на пахахидах^х, и за просфиромисаниемъ, и на божественной литоргии, и во ектеняхъ заупокойных.

Дана грамота на Москве, лета 7093-го, июля въ 20 день.

На той грамоте назади написано^м: Царь⁷ и великий^в князь Феодоръ^м Ивановичъ всеа Русии^с.

(л. 1674) Лета 7132-го, октября въ 7 день. Мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Федоровичъ, всеа Русии^с самодержецъ, и отецъ нашъ государевъ, великий государь, святейший патриархъ Филарет Никитичъ Московский и всеа Русии, сее грамоты слушав, указали по нашему государскому Уложению переписать вновь на наше государское имя. А сее жалованную грамоту указали, подписавъ на наше ж⁹ государское имя, отдать архангелскому протопопу Ивану з братьею вперед для спору вотчинныхъ земель и всяких вотчинных крепостей. А о всем указали ходити по тому, какъ в нашей в новой государской жалованной грамоте нынешняго 132 году написано. А подписал государевъ, царевъ и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии^с диакъ Прокофей Пахиревъ.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1673–1674. Копия 1733 г. Скрепя по листам дрп. и дрч.:

(л. 1673) Сию¹⁰ копию с подлинною жалованною грамотою¹⁰ (л. 1674) Архангелского¹¹ собора ключарь Петръ Алексеевъ читальъ и руку приложилъ¹¹.

Черновик (Ч): Там же. Л. 1697–1700 об. *Три скрепы по листам разным почт. и черн.*: 1) (л. 1697) хай¹² (л. 1698) ла (л. 1698 а) Во (л. 1699) ло (л. 1700) ди¹³; 2) (л. 1697) К¹⁴ сеи копии (л. 1698) Архангелского (л. 1698 а) собора ключарь (л. 1699) Петръ Алексеевъ¹⁴ (л. 1699 об.) руку¹⁵ приложилъ, а подлинную грамоту¹⁶ к себе взялъ¹⁷ (л. 1700 об.) к¹⁸ себе взялъ¹⁸; 3) (л. 1697) С¹⁹ подлинною (л. 1698) грамо (л. 1698 а) тою (л. 1699) читал¹⁹ (л. 1700 об.) Козма²⁰ Васков²⁰.

Примечания: ¹ Напротив на левом поле схп. (тжп.?) и тжч. нап.: 4 *грамота*. ² Далее две строки оставл. чистыми. ³ Напротив на левом поле схп. и схч. (дрп. и дрч.?) нап. заглавная буква Д. ⁴ В ркп. *по тягламъ*; так же было в Ч, но испр. схч. (тжч.?): буквы *амъ* смыты и вместо них нап. *о* (омега) – см. л. 1698; принимаем исправленное чтение Ч. ⁵ Далее дббб. *людеи*, но этого слова нет ни в ркп., ни в Ч (см. л. 1698). ⁸ Нап. отступя больше обычного от предыдущей строки. ⁸ В ркп. и Ч отс. подпись дьяка Елизарья Вылузгина, имевшаяся в подлиннике (она упоминается в жалованной грамоте 1623 г. – см. ниже, док. № 8, л. 1665). ⁹ В ркп. ж вын.; в Ч *жъ*. ^{10–10} Нап. по нижнему полю листа. ^{11–11} Нап. в середине стр., отступя одну строку от текста подтверждения 7132 (1623) г.; далее четыре строки оставл. чистыми, после чего идет *Копия с жалованья грамоты 7108-го года*. ¹² Начало скрепы (*Секретарь Ми*) на л. 1693–1696, где помещен текст грамоты 1564 г. (см. выше, док. № 3). ^{12–13} Нап. на оставленной чистой правой половине листов. ¹³ Окончание скрепы (*меров*) на л. 1702–1703, где помещена копия грамоты 1599 г. (см. ниже, док. № 6). ^{14–14} Нап. по нижнему полю листов, слева. ^{15–17} Нап. в середине стр., под горизонтальной линией, отступя три строки от текста подписи ц. Фед. Ив. ^{16–17} Заключ. в кв. ск. и зач. схч. ^{18–18} Нап. отступя две строки от текста подтверждения 7132 (1613) г. ^{19–19} Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ^{20–20} Нап. правее и ниже заключительных слов предыдущей скрепы (ср. примеч. 18–18).

В а р и а н т ы по Ч (в первой части списка, на л. 1697–1699 об., поч. III; окончание списка на л. 1700–1700 об. нап. поч. V): ^a напротив на левом поле л. 1697 дрп. нап. ⁴ ^b 7093-го ^v велики ^г архангельского ^и ины ^e Руссии ^ж Афанасьевское ^з Мясоедовское ^и уезду ^к дворцовыхъ ^б ⁶ испр. из др. цифры или буквы дрч.; ² как будто подпр. (схч.?) ^м семь ^и нет ^о намесницы ^и вьсылаютъ ^р вьезжаютъ ^с гороцкои ^т намесникомъ ^у архангелского ^ф ни ^х сужю ^и пустошъми ^и понахидахъ ^и писано ^и Федоръ

№ 6

1599 г. ноября 15. – Жалованная данная грамота ц. и в. кн. Бориса Федоровича и царевича кн. Федора Борисовича архангельскому архиепископу Арсению на с. Новое Завидово с дерр. и почт. в Клинском у., с. Отцы Святые с дерр. и пустт. в Горетове ст. Московского у., с. Никитское с сцц., дерр., почт. и пустт. в Боровском у.

(л. 1674) Копия¹ с жалованья грамоты 7108-го года².

Божию^a милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Борисъ Федоровичъ всеа Русии, с^b сыномъ своимъ, с^b царевичемъ со княземъ Федоромъ Борисовичемъ всеа Русии, пожаловал(и) есмь^b архангелского архиепископа Арсения из архангелские вотчины в Клинскомъ уезде селом Новым Завидовым (л. 1674 об.) на речке на Доибице, того ж села деревнями, деревнею Мосеевымъ Мошкомъ, деревнею Сухаревым на речке на Черной, деревнею Кобановым на речке на Доибице, деревнею Чертовымъ на речке на Доибице, деревнею Павлюковымъ на речке на Доибице, деревнею Шитяковымъ, деревнею Трясиною, деревнею Высокою на речке на Доибице, деревнею Тютямовою Кочотыговскою на речке на Доибице, деревнею Шонуровою, погостом Старым Завидовымъ, что у села Завидова на поле, а на погосте церковь Илия Пророкъ, да в Шейской³ волости Завидовсково же села деревнями, деревнею Бяхиною на речке на Доибице, деревнею Данилковою^г на речке на Доибице, деревнею

Выдрищемъ Пескомъ на речке на Доибице, деревнею Концовымъ, деревнею Игнашковским⁴ Починкомъ, деревнею Бочнинымъ Демидовым, деревнею Старцовымъ на речке на Доибице, деревнею⁵ Елдинымъ, починкомъ Выдринымъ⁵, деревнею Гашутинымъ, деревнею Мишневымъ Иевлевковымъ, деревнею Сосонковымъ, деревнею Житовскимъ на речке на Доибице, деревнею Игуменковымъ на речке на Доибице, деревнею Краснымъ Боромъ, деревнею Каменкою, деревнею Семенковою на реке на Шоше, починкомъ Выдрищемъ на реке на Шоше, деревнею Хожайновою Саблиною на реке на Шоше, деревнею Наумковою^а на реке на Шоше, деревнею Бронниковою на реке^б на Шоше, деревнею Безбородовою на реке на Шоше, деревнею Концовымъ на речке на Доибице, деревнею Глинищемъ, деревнею Богатыревскою Овдотьиным, (л. 1675) деревнею^с Ознобинымъ на речке на Доибице, деревнею Веприкомъ на речке на Доибице, деревнею Лукинымъ, деревнею Ворениковымъ, деревнею Подберезьемъ Чемеревымъ, деревнею Заклевинымъ на Понике, деревнею Городищемъ на реке на Волге, деревнею Фофановым Зарубинымъ на речке на* Понике*, деревнею Кашинцовымъ на речке на Понике, деревнею Паединымъ на речке на Понике, деревнею Щелковымъ на речке на Понике, деревнею Алексеевымъ на речке на Понике, починкомъ Онтушевскимъ, деревнею Суминскимъ, деревнею Онучинымъ Корочаровскою, деревнею Мартыновою Еловцомъ на речке на Доибице, починкомъ Студенцомъ на речке на Студенце, деревнею Перевесьемъ, деревнею Власовскою Дудинымъ Кузнецовымъ, деревнею Поповскою на речке на Доибице, починкомъ Заполкомъ, деревнею Тереховскою на речке на Понике, деревнею Поганковою на речке на Понике, деревнею Суцовой на речке на Понике, деревнею Вохоинимъ на речке на Понике³, деревнею Черною Грязью³ на речке на Черной, починкомъ Глазревимъ⁷, починкомъ Ванинымъ, замищемъ Федки да Васки Селиверстовых детей Желтухина меж деревни Бочарниковы и меж деревни Черной Гязи и Елкина⁸ починка, по осекъ^и Ивановы деревни Дурносопова, деревнею Песком, деревнею Текошинимъ на речке на Доибице, деревнею Мосеевымъ, деревнею Домоводовымъ, деревнею Палцовымъ на речке на Доибице, починком Сенкиным⁹ Смокаревымъ⁹, деревнею Плешковымъ Пустым, деревнею Саморезовымъ, деревнею Починкомъ Глухою Поникою на речке (л. 1675 об.) на Глухой Понике, починкомъ Крупяником, починкомъ Давыдковымъ, починком Захаровымъ^к Перевесьемъ, починкомъ Бегуновымъ на речке на Сучке, починком Микулинымъ Желудевымъ, деревнею Дедовымъ, починкомъ Самушкинымъ на речке на Доибице, деревнею Кошчевымъ¹⁰, починкомъ Буиковымъ¹⁰, починкомъ Олешкинымъ на речке на Доибице, Завидовскою ж села церковною деревнею Осипковою, да в Московскомъ уезде в Горетове стану селомъ Отцы Святыми, деревнею Лесниковымъ, деревнею Кузминскою Гридинимъ, пустошью Куракинымъ, пустошью Минскимъ, пустошью Офонасовскою^и, пустошью Окуловскою, пустошью Коняевскою, пустошью Нефедовскою, пустошью¹¹ Мясоедовскою, да в Боровскомъ уезде селомъ Никицкимъ на реке на Луже, что было в поместье за Андреемъ за Рохмановымъ^м, а после было в нашихъ дворцовыхъ^н селех, того ж села селцы и деревнями, и пустошми – селцомъ Ступинимъ на речке на Луже, селцомъ Борняковымъ¹², деревнею Дорониною, Щекалово тож, на речке на Луже, деревнею Мартыновскою Кроминскою на той же речке на Луже, деревнею Занинскою на речке на Бизорке, да к той же деревне припущена в пашню деревня Измаилова да деревня Выполошева Васильева, да деревня Хотешина, деревнею Романовскою Пасухиною, Тимохинская тож, на речке на Ремешке, деревнею Филатовою, деревнею Буниною, Лвова тоже, на речке на Луже, деревнею Большою Пустошью, (л. 1676) что была Лаптева, Зиновьевская тож, пустошью, что была деревня Климовская, пустошью, что была деревня Вороскеева, на речке на Луже, переделецъ, пус-

тошью, что была деревня Бунинская Ермолинское, пустошью, что был починок Гридинской, на речке на Луже, пустошью, что была деревня Гридинская, пустошью, что была деревня Олешинская, на речке на Луже, пустошью, что был починок Ивановской, на речке на Луже.

А по клинским книгамъ дворцовыхъ сел писма¹³ князя Лва Засекина с тоvaryщи лета 7069-го¹³, что присланы з Дворца за приписью дьяка Тимофея Осипова нынешняго 108 году, написано в томъ селе в Новомъ Завидове и в деревнях, и в^о починках, и в заимцихъ пашни средние и худые земли восьмьсотъ пятьдесятъ^п пять десятинъ с полудесятиною в поле, а в дву по тому ж, сена тысяча пятьсотъ пятьдесятъ¹⁴ копенъ, лесу сто тритцать две десятины; да в приписныхъ деревняхъ, в починке Букове¹⁵ з деревнями, пашни средние земли дватцать восьмь^р десятинъ с полудесятиною, сена сто¹⁶ семдесятъ^с копенъ, лесу одиннатцать десятинъ; и обоего пашни восьмьсотъ восемьдесятъ^т четыре^у десятины, а четвертныя пашни противъ десятин имется тысяча семьсотъ¹⁷ шездесять восемь четвертей; да церковныя пашни двенатцать десятин, сена пять копенъ, лесу пашенного две десятины, а четвертныя пашни дватцать четыре четверти.

А в селе Святыхъ Отцахъ (л. 1676 об.) и в деревняхъ, и в пустошахъ по книгамъ писма и меры Ивана Шетнева да подьячего Якова Захарова лета 7062 пашни худые земли сто дватцать четыре четверти в поле, а в дву по тому ж, сена дватцать копенъ, лесу четыреста девяносто¹⁸ семь десятинъ.

А в селе в Никищомъ и в селцах, и в деревнях, и в пустошахъ пашни и перелогу, и лесомъ поросли пятьсотъ тритцать одна десятина, а четвертныя пашни противъ десятин тысяча шездесять две четверти в поле, а в дву по тому ж, сена тысяча семьсотъ осмнатцать копенъ, лесу бревенного^ф и в кол, и в жердь, и мелкого пороснягу тритцать семь десятин с четвертью десятины, да лесу ж кустарю непашенного пятьдесятъ¹⁴ десятин без четверти десятины.

И всего в техъ селех и в селцах, и в деревнях, и в починках, и в пустошах, и в селищахъ пашни и перелогу средние и худые земли две тысячи девятьсотъ пятьдесятъ¹⁴ четыре четверти, сена три тысячи четыреста пятьдесятъ¹⁴ восемь копен, лесу шестьсотъ сорокъ десятин, да лесу ж бревенного и пороснягу, и кустарю восьмьдесятъ семь десятин; да церковныя пашни дватцать четыре четверти, сена пять копен, лесу пашенного две десятины.

И архиепископу Арсению теми селы и деревнями, и починки, и пустошми, и селищи владети по сей нашей жалованной грамоте и по писцовымъ книгамъ.

Дана грамота на Москве, лета 7108^х, ноября въ 15 день¹⁹.

На той грамоте назади написано¹⁹: Божиею милостию, великий государь, царь и великий князь Борисъ Федоровичъ, всеа Русии самодержецъ.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1674–1676 об. Копия 1733 г. Скрепена по листамъ дрч. и дрч.:

(л. 1674) Сию²⁰ копию (л. 1675) с подлинною жалованною грамотою (л. 1676) Архангелского собора ключарь (л. 1676 об.) Петръ Алексеевъ читаль и руку приложил²⁰.

Черновик (Ч): Там же. Л. 1701–1707 об. Три скрепы по листамъ разными почч. и черн.: 1) (л. 1701) ме²¹ (л. 1702) ров. (л. 1703) Се (л. 1704) кре (л. 1705) тарь (л. 1706) Ми (л. 1707) хай²²; 2) (л. 1701) К²³ сей (л. 1702) копии (л. 1703) Архангелского (л. 1704) собора (л. 1705) ключарь (л. 1706) Петръ (л. 1707) Алексеевъ руку²³ (л. 1707 об.) приложилъ²⁴, а подлинную грамоту к себе взялъ²⁴; 3) (л. 1701) С²⁵ подлинною (л. 1702) грамотою (л. 1703) читал (л. 1704) канцеля (л. 1705) ристъ (л. 1706) Ко (л. 1707) зма²⁵ (л. 1707 об.) Васковъ²⁶.

Примечания: ¹ Напротив на левом поле схп. дрч. нап.: 5 грамота. ² Далее три строки оставл. чистыми. ³ В ркп. и Ч вын. и читается не вполне уверенно. ⁴ В грамоте 1582 г. *Игнашовской* (см. выше, док. № 4, л. 1661). ^{5–5} В ркп. после *Елдинымъ* поставлена запятая, поэтому едва ли возможно чтение *деревнею Елдинымъ Починкомъ Выдринымъ*; ср. грамоту 1582 г., где *деревня Ялдино*,

починокъ *Выдрино* (см. выше, док. № 4, л. 1661). ⁶ Перед этим словом тонкая угловая линия, проведенная дрч. ⁷ Буква з вын. ⁸ В грамоте 1582 г. *Ескина* (см. выше, док. № 4, л. 1661 об.). ⁹⁻⁹ В грамоте 1582 г. *Сенки Смикоровъ* (см. выше, док. № 4, л. 1661 об.). ¹⁰⁻¹⁰ Чтение *Кощеевымъ Починкомъ Буиковымъ* невозможно, поскольку в грамоте 1582 г. починки Буйковъ и Кошеево указаны раздельно, между ними упомянуты дер. Дедово и поч. Самушки (см. выше, док. № 4, л. 1661 об.). ¹¹ Напротив на левом поле схп. и схч. (дрч.?) нап. заглавная буква *Е*. ¹² Буква *ы* испр. из дрб. тжп. схч. ¹³⁻¹³ В грамоте 1582 г. *писцов князя Ивана Засекина да Григорья Кулнева с товарищи лета 7069 году* (см. выше, док. № 4, л. 1661 об.). ¹⁴ В ркп. первое *т* вын.; в Ч *пятьдесятъ*. ¹⁵ Так в ркп. и Ч; по-видимому, речь идет о починке Буйкове, упомянутом выше (л. 1675 об.; ср. примеч. 10-10). ¹⁶ Слово заключ. в кавычки, вероятно, по примеру чисел, выраженных цифрами (в ркп. цифры обычно закавычены). ¹⁷ В ркп. *м* вын.; в Ч *семьсот*. ¹⁸ Напротив на левом поле схп. дрч. нап. заглавная буква *Ж*. ¹⁹ Далее одна строка оставл. чистой. ²⁰⁻²⁰ Нап. по нижнему полю листов. ²¹ Начало скрепы (*Секретарь Михаила Володи*) на л. 1693-1700, где помещены тексты грамот 1564 (см. выше, док. № 3) и 1585 гг. (см. выше, док. № 5). ²¹⁻²² Нап. на оставленной чистой правой стороне листов. ²² Окончание скрепы (*ла Володимировъ*) на л. 1708-1712, где помещен текст грамоты 1601 г. (см. ниже, док. № 7). ²³⁻²³ Нап. по нижнему полю листов, слева. ²⁴⁻²⁴ Нап. во всю длину нижнего поля л. 1707 об., после текста грамоты. ²⁵⁻²⁵ Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ²⁶ Нап. в середине нижнего поля л. 1707 об., строкой ниже предыдущей скрепы.

В а р и а н т ы по Ч (в первой части списка, на л. 1701-1703 об., поч. V): ^a напротив на левом поле л. 1701 дрч. нап. ⁵ нет ^b *есма* ^г *Данильковою* ^h *Наумовою*, причем второе *о* (в ркп. *омега*) испр. из дрбб. схч. ^c с этого слова, первого на л. 1704, и до конца копии на л. 1707 об., текст нап. дрч. (поч. II) ^{ж-ж} нап. по смытому дрч. ^{з-з} *онике, деревнею Черною Гря* нап. по смытому более крупными буквами схп. схч. (дрч.?) ^и *осенок*, причем второе *о* и вын. *к* нап. по смытому ^к *Захаров* нап. по смытому ^л *ою* нап. по смытому ^м *Рохманиновымъ*, причем буквы *ни* нап. над строкой более мелко ^н *дворцовыхъ* ^{о-о} зач.? (от вершины *и* десятиричного через *в* проведена жирная линия в сторону *н* в слове *починкахъ*) ^п *пятьдесятъ* ^р *восемь* ^с *семьдесятъ* ^т *восемьдесятъ* ^у *четы* нап. по смытому ^ф *бревенного* ^х 7108-го

№ 7

1601 г. июня 20. – *Жалованная тарханно-несудимая, односрочная и заповедная (от ездоков и незваных гостей) грамота ц. и в. кн. Бориса Федоровича и царевича кн. Федора Борисовича протопопу Московского Архангельского собора Дмитрию с бр. на села, сщц., дерр. и пустт. в Боровском, Калужском, Юрьев-Польском и Московском уу. (с подтвержденными ц. Василия Ив. 1607 г., ц. Михаила Фед. 1613 г., ц. Михаила Фед. и патр. Филарета Никитича 1623 г.).*

(л. 1677) Копия^{1а} с жалованная грамоты 7109 году².

Божию милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Борисъ Федоровичъ, всеа^б России самодержецъ, и сынъ нашъ, царевичъ князь Федоръ Борисовичъ всеа России, милости ради божи и пречистые Богородицы, и великого архистратига Михаила, пожаловали есмя архангелского протопопа Дмитрея з братьею, что на Москве на площади, или по немъ у Архангела инии протопопъ и братья будут. Что били челомъ намъ и положили перед нами прежних великих государей владимерских и московских, и всеа России, и наши, великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа России самодержца, жалованные грамоты на вотчинные села и на деревни, которые даны к церкви архангела Михаила прежнимъ протопопомъ и ему, протопопу Дмитрею з братьею, по прежнихъ государехъ на поминание в наследие вечныхъ благъ, и намъ бы, великому государю, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа России самодержцу, и сыну нашему, царевичю князю Федору Борисовичю всеа России, архангелсково протопопа Дмитрея з братьею пожаловати, прежних великихъ государей и наши жалованные вотчинные грамоты велети переписатьи на наше царское имя, а велети бы имъ дати на ихъ вотчинные на все села и на деревни нашу жалованную одну грамоту.

И мы, великий государь, царь и великий князь Борисъ Федоровичъ, всеа России самодержецъ, и сынъ нашъ, царевичъ князь Федоръ Борисовичъ всеа России, архангелсково протопопа Дмитрея з братьею и тех протопоповъ, и ключарей, и поповъ, и дьяконовъ, (л. 1677 об.) которые у церкви архангела Михаила будут, пожаловали, прежнихъ великихъ государей блаженныя памяти и наши жалованные грамоты на вотчинные ихъ села и на деревни велели переписать на наше царское имя и жалованную нашу грамоту на ихъ вотчины велели есмь имъ³ дати.

А вотчины ихъ в Боровскомъ уезде – селцо Михаиловское, деревня Ивакино, селище Головино, деревня ДЕРЕБИНО, пустошь, что была деревня Шерелаева, пустошь Середкино, деревня Самино; а пожаловал къ Архангелу то селцо и деревни, и пустоши блаженныя памяти великий государь, царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа России по своемъ отце, по великом князе Василье Ивановиче, во иноцех Варлааме, да по своей матери, по великой княгине Елене. Да селцо Инютинское, да селцо Козелское; а пожаловал къ Архангелу те два селца блаженныя ж памяти великий государь, царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа России по своемъ деде, по великомъ князе Иване Васильевиче всеа России. Да у нихъ же в Терехове волости нашего царского жалованья, что дано блаженныя памяти по благоверномъ великомъ государе, царе и великомъ князе Феодоре Ивановиче всеа Росии, село Каменское на реке на Наре, деревня Мамонова на речке на Титовке, деревня Андроново Мелниково на реке на Наре, пустош⁴, что была деревня Ивоино⁵, на реке на Наре, пустошь Першино на Наре ж и на Бровине враге, пустошь, что была деревня Клоково, пустошь, что была деревня Фалелеевская, на реке на Наре, пустошь, что была деревня Овсяниково, на реке на Наре, пустошь, что была деревня Сметанинское, пустошь, что была деревня Лысково, на реке на Наре, (л. 1678) пустошь, что была деревня Моланьино, на реке на Наре, пустошь, что была деревня Потапово, пустошь, что была деревня Кузнецово Сонина на Подлесномъ враге, пустошь, что была деревня Санино, на реке на Наре, пустошь, что была деревня Кочаново, пустошь, что была деревня Белавино, пустошь, что была деревня Демино, пустошь, что была деревня Озарово, пустошь, что была деревня Харино, пустошь, что была деревня Гривино, на речке на Титовке, пустошь, что была деревня Старково на реке на Наре. Да села ж Каменского церковные пустоши – пустош⁴, что была деревня Озаровская, пустошь, что была деревня Остановская. В Суходоле ж село Климетино, селцо Ермолино, деревня Колодкино, пустошь, что была деревня Бортниково, пустошь, что была деревня Труфаново, деревня Курьяново на речке на Ворсенке, деревня Кобицына Слободка, да к тои же деревне припущено в пашню селища Печюрино, Долматово, Насоновское, Денисово; а пожаловал къ Архангелу то село и деревни, и пустоши князь Дмитрией Юрьевичъ по своемъ деде, по великом князе Дмитрее Ивановиче, и по своемъ отце, по князе Юрье Дмитреевиче, и по своей бабе, по великой княгине Евфросинье, и по своей матери, по великой княгине Анастасее, и по своей братье, и по себе, и по своей княгине, и по своих детехъ.

Да в Боровскомъ же уезде деревня Нижняя Городенка, пустошь, что была деревня Верхняя Городенка; а дал къ Архангелу тое деревню и пустошь Микита Петровъ сынъ Фетчищевъ. Селцо Нефедовское, а купил то селцо къ Архангелу в домъ протопопъ Григорей з братьею у Андрея Яковлева сына Ракова да у Василисы Михайловы жены Ракова и у ее детей, у Васки да у Куземки, (л. 1678 об.) да у Ивана Богданова сына Ракова. Селцо Куровское, а Коурцово тож, деревня Скоряково; а купил то селцо и деревню протопопъ Григорей з братьею у Глеба да у Ивана у Игнатъевых⁶ детей Козодавлева, да у Варвары Петровы жены Козодавлева и у ее детей, у Сенки да у Елки, да у Пятунки, да у Афонки. Пустошь, что была деревня Олехово, а купил тое деревню протопопъ Григорей

з братьею у Андрея у Тучкова сына Ратцова. Пустошь, что была деревня Мишинская, деревня Станково, пустошь, что была деревня Фокино, пустошь Порхачово, пустошь, что была деревня Маева, пустошь, что была деревня Карпово, а Ногино тож, пустошь, что была деревня Порхачово, а Мишуково тож, пустошь, что была деревня Денежниково, пустошь, что была деревня Лачинино, пустошь, что была деревня Петровская, пустошь, что была деревня Тениногино; а даны те деревни и пустоши къ Архангелу в домъ по царе Александре по Казанскомъ. На архангелскои же земле погость на речке на Ворсенке. Да у протопопа ж з братьею в Боровску на посаде за рекою за Поротною дворъ для ихъ приезду.

Да у нихъ же в Колужскомъ⁶ уезде в Лисине стану в Горенском село Андроновское на речке на Горнеи, да к тому ж селу припущены в пашню деревня Романовская, деревня Чернысино, деревня Мелеховская; того ж села деревни – деревня Ивашково на речке на Конопелце, деревня Кузминская, деревня Иевкова, деревня Митинская, что снесены те деревни вместо, на речке на Бобровке, деревня Букреевская на речке на Бобровке, деревня Тарасовская вверхъ речки Аристовки, деревня Ивашково, деревня Давыдово, деревня Митрошкино на речке Аристовке, (л. 1679) деревня Радкино на той же речке, деревня Сидоровская на речке на Аристовке, деревня Мыринская на речке на Каменке, деревня Лукьяново, деревня Еншино, деревня вверхъ Колуги, да в ту ж деревню снесенъ починокъ Матвеевскои Гридина, деревня вверхъ же Колуги Левоновская, деревня Василья Левонова, деревня Ананьино, деревня Алферково, деревня Васково, деревня Степанково, деревня Кочуровская, деревня Ханеевская, деревня Власово, деревня Прохорово, к той же деревне снесена деревня Осташовская, деревня Ватолино, деревня на Глубокомъ Верху, деревня Боковская, деревня Михалково на речке на Горнеи, пустошь Мануиликовская, деревня Курилова вверхъ речки Аристовки, деревня Устиновская, деревня Максимовская, деревня Федка Сонина на речке на Горнеи; да к тому ж селу и къ деревнямъ дано в лесу место пашенные земли и перелогу сто шеснатцать десятинь без четверти, да лесу тритцать четыре десятины без четверти; а пожаловал то село и деревни с пашнею и с лесом къ Архангелу Михайлу в домъ блаженный памяти великии государь, царь и великии князь Иванъ Васильевичъ всеа России по своемъ брате, по князе Юрье Васильевиче.

Да у нихъ же въ Юрьевскомъ уезде Полсково село Фролицево на колодезе на роднике на текучемъ з деревнями – деревня Диаконовская на речке на Шерноге, деревня Прокунино на речке на Инобашке, деревня Владыкино на той же речке, деревня Инархово⁷ на той же речке, деревня Деево на той же речке, деревня Полунино на той же речке, деревня Ефаново на речке на Мутенке, да к той же деревне перенесена деревня Емельяново, пашня спущена с одново, селище, что была деревня Петрова, снесена (л. 1679 об.) в деревню Ефанову, деревня Пархачево Большое на колодезе на копанце, деревня Аникиево, деревня Пархачево Меньше на суходоле, деревня Бокино на колодезе на роднике, деревня Панкино, деревня Шилово на речке на Бычке, деревня Лакомое на той же речке, деревня Куземкино, деревня Давыдково на речке на Белои, деревня Дуброва на речке на Климовке, деревня Ульяново на речке на Пекше, деревня Собинино на речке на Дмитровке, деревня Ивашково, пуста, на речке на Инобашке, пустошь, что была деревня Годково, на речке на Пекше⁸, пустошь, что была деревня Власово, пустошь, что была деревня Кобелева, пустошь, что была деревня Сонкино, пустошь, что была деревня Дмитрово, пустошь, что был починок Володинъ; а пожаловалъ къ Архангелу в домъ то село и деревни, и пустоши блаженный памяти великии государь, царь и великии князь Иванъ Васильевичъ всеа России по своемъ сыне, по царевиче по князе Иване Ивановиче всеа России.

Да у нихъ же в⁹ Московскомъ уезде село Банское, Борисоглебское тож, з

деревнями; а пожаловал къ Архангелу то село и деревни великий князь Василей Васильевич по своемъ отце, по великомъ князе Василье Дмитреевиче, и по своей матери, по великой княгине Софье, и по своемъ брате, по великомъ князе Иване Васильевиче. Да в Горетове стану пустошъ, что было селцо Плотниче, пустошъ, что была деревня Болсуново, пустошъ, что была деревня Хрущова, пустошъ, что была деревня Окулишова, пустошъ, что была деревня Селище, пустошъ, что была деревня Опалихино, пустошъ, что была деревня Обросимово, пустошъ, что была деревня Старая, (л. 1680) пустошъ, что былъ починокъ Лыткинъ, пустошъ, что была деревня Болсуново, пустошъ, что была деревня Заречная, пустошъ, что была деревня Грунино, пустошъ, что была деревня Хоменецъ, пустошъ, что была деревня Бортниково, пустошъ, что была деревня Бездниково, пустошъ, что была деревня Гориносово, пустошъ, что была деревня Горнево, пустошъ, что была деревня Ворыпаево, пустошъ, что была деревня Еремеево, пустошъ, что была деревня Остратово, пустошъ, что была деревня Власово, пустошъ, что была деревня Петрушино, пустошъ, что была деревня Щетинино, пустошъ, что была деревня Псареве, пустошъ, что была деревня Пенягино, пустош⁴, что была деревня Мякино, пустошъ, что была деревня Збоево, пустошъ, что была деревня Кузнецово, пустошъ, что была деревня Скворцово, пустошъ, что была деревня Кирилова; а пожаловал къ Архангелу Михаилу то селцо и деревни, и пустоши князь великий Иван Васильевич всеа России.

И которые люди в тех селех и в деревняхъ живутъ, или которые будетъ старожилцы из техъ селъ и деревень разошлись по инымъ местомъ, а придут к нимъ жити опять по своимъ местомъ, или ково призовут к себе в те села жить не из нашихъ селъ, и темъ ихъ людемъ и крестьяномъ не надобе наша дань некоторая, ни мытъ, ни тамга, ни поворотное, ни пятенное, ни явчее, ни померное, ни весчее, ни роговое, ни перевозное, и городского, (л. 1680 об.) и засечного, и ямчужного дела, и ямскихъ слободъ не делаютъ, и мостовъ не мостятъ, и на яму с подводами не стоятъ, и двора нашего не ставятъ, ни лугов наших не косятъ, ни к дворцовымъ селомъ, ни к тюрмамъ не тянуть ни в какие дела, ни в розмет¹⁰, и иные некоторые пошрины не даютъ.

А бояре наши и наместницы^Г, и дворецкие, и третчики, и волостели, и ихъ тиуни, и все пошлинники в те в села и в деревни к темъ к¹¹ людемъ и ко всемъ крестьяном не всылаютъ ни по что, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, и не судятъ ихъ ни в чемъ. А судятъ ихъ архангелской протопопъ з братьею.

И доходы хлебные и денежные, и всякие пошрины техъ селъ и деревень крестьяне платятъ протопопу з братьею.

А учинитца у нихъ в тех селех и в деревняхъ душегубство или разбой, и татба¹² с поличнымъ з заволостными людьми, и протопопъ з братьею про то общецъ и управу в том меж их чинить; а в чемъ меж ихъ управы учинить не мочно, и протопопъ з братьею известит нашимъ бояромъ, и мы в томъ велимъ управу учинить. А иметъ искать ихъ человекъ на ихъ же человеке разбою или татбы¹³ с поличнымъ, и протопопъ з братьею, судив, доложить бояръ наших. А во всемъ ведаютъ и судятъ техъ своихъ людеи и крестьянъ протопопъ з братьею сами или кому прикажутъ.

А писцы наши техъ селъ и деревень, и ихъ людеи, и крестьян не пишутъ, а данщики на нихъ дани не емлютъ.

А праведчики и довотчики (л. 1681) поборовъ своихъ на нихъ не берутъ. А случитца судъ сместной, и наши наместницы боровские и колужские, и юрьевские Полсково, и волостели, и ихъ тиуни судятъ, а протопопъ з братьею или ихъ прикащикъ с ними ж судить, а прибытками делятца наполю.

А кому будетъ чего искати на протопопе з братьею и на ихъ прикащике, ино

ихъ судить нашъ бояринъ и дворецкой на одинъ срокъ в году, в той же день по Рожестве Христове, беспрошленно.

Такъже есми их пожаловали. Бояре наши и воеводы, и ратные люди, ни гонцы, и никакие ездоки въ ихъ селехъ и в деревняхъ не ставятца и подвод, и проводниковъ, и кормовъ своихъ и конских у нихъ не емлютъ. А кто у нихъ в тех селех и в деревнях станеть силно или на пиръ придетъ¹⁴ незванъ, а учинитца какова гибель, и тому та гибель платити вдвое без суда.

А которые ихъ сельъ и деревень крестьяне придуть жить бегомъ в наши в дворцовые села или за бояръ, или за монастыри, или въ охотники ямские, или в слободы, и протопопу з братьею техъ своихъ крестьянъ вывозити к себе.

А наместники наши боровские и колужские, и Юрьева Полсково, и волостели, и ихъ тиуны, и мытчики ходятъ у нихъ о всемъ по тому, какъ в сеи нашей царской жалованной грамоте писано. А кто сее наши царские жалованные грамоты учнетъ послушати, и тому от нас быть в продаже и в казни. А велели есмя протопопу Дмитрею з братьею теми селы и деревнями, и починки, и пустоши владети (*л. 1681 об.*) по тому, какъ в сеи нашей царской жалованной грамоте писано. А кого пожалуемъ, дадим на грамотчики грамоту, а на сю нашу жалованную грамоту грамоты нетъ.

Дана ся наша царская жалованная грамота в нашем царствующемъ граде Москве, лета 7109-го^с, июня въ 20 день¹⁴.

А подписал государя, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа России диакъ¹⁵ Василии Нелюбовъ сынъ Суков¹⁶.

А у подлинной жалованные грамоты назади пишеть¹⁷: Божию милостию, великий государь, царь и великий князь Борисъ Федоровичъ, всеа России самодержецъ¹⁸.

Лета 7115-го¹⁹, генваря въ 7 день. Царь и великий князь Василии Ивановичъ всеа России сее жалованные грамоты слушал, а выслушав, архангелского протопопа Дмитрея з братьею, или кто по немъ у Архангела иньи протопопъ и братья будутъ, пожаловал, велелъ им сее грамоту подписати на свое государево, царево и великого князя (*л. 1682*) Василья Ивановича всеа России имя и сее у нихъ грамоты рудити не велел никому ничемъ, а велел ходити о всемъ по тому, какъ в сеи жалованной грамоте писано. А подписал государевъ, царевъ и великого князя Василья Ивановича всеа России диакъ Сыдавной Васильевъ²⁰.

Лета 7122-го, октября въ 28 день. Царь и великий князь Михаило Федоровичъ всеа России сее жалованные грамоты слушал, а выслушавъ, архангелского протопопа Ивана з братьею, или кто по немъ у Архангела иньи протопопъ и братья будетъ, пожаловал, велел имъ сее грамоту подписати на свое государево, царево и великого князя Михаила Федоровича всеа России имя и сее у нихъ грамоты рудити не велел никому ничем, а велел ходити о всемъ по тому, какъ в сеи жалованной грамоте писано. А подписалъ государевъ, царевъ и великого князя Михаила Федоровича всеа России диакъ Иван Болотниковъ²⁰.

Лета 7132-го, октября въ 7 день. Мы ж, великий государь, царь и великий князь Михаило Федоровичъ, всеа России самодержецъ, (*л. 1682 об.*) и отецъ нашъ государевъ, великий государь, святейшии патриархъ Филаретъ Никитичъ Московский и всеа России, сее грамоты слушаваъ, указали по нашему государскому Уложенью переписати вновь на наше государское имя, а сее жалованную грамоту указали, подписавъ на наше ж государское имя, отдати архангелскому протопопу Ивану з братьею вперед²¹ для спору вотчинныхъ земель и всякихъ вотчинныхъ крепостей. А о всемъ указали ходити по тому, какъ в нашей в новой государской жалованной грамоте нынешняго 132-го году написано²². А подписалъ государевъ, царевъ и великого князя Михаила Федоровича всеа России диакъ Прокофеи Пахиревъ.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1677–1682 об. Копия 1733 г. Скрепя по листам дрп. и дрч.:

(л. 1677) Сино²³ копию (л. 1678) с подлинною (л. 1679) жалованною (л. 1680) грамотою (л. 1681) Архангелского собора ключарь (л. 1682) Петръ Алексеевъ²³ (л. 1682 об.) читаль²⁴ и руку приложил²⁴.

Черновик (Ч): Там же. Л. 1708–1713. Три скрепы по листам разными почт. и черн.: 1) (л. 1708) ла²⁵ (л. 1709) Во (л. 1710) ло (л. 1711) ди (л. 1712) меров. (л. 1713) Се²⁶; 2) (л. 1708) К²⁷ сей (л. 1709) копии (л. 1710) Архангелского (л. 1711) собора (л. 1712) ключарь Петръ²⁷ (л. 1713) Алексеевъ²⁸ руку приложил, а подлинную грамоту к себе взял²⁸; 3) (л. 1708) С²⁹ подлинною (л. 1709) грамо (л. 1710) тою (л. 1711) читал (л. 1712) канцелярист²⁹ (л. 1713) Козма³⁰ Васков³⁰.

Примечания: ¹Напротив на левом поле тжп. и тжч. нап.: 6 грамота. ²Далее три строки оставл. чистыми. ³Напротив на левом поле тжп. и тжч. нап. заглавная буква S (зело). ⁴В ркп. ш вын.; в Ч пустошь. ⁵Первое о испр. из дрб. (а?) тжч.; в Ч Ивоино. ⁶Буква и (в ркп. и десятиричное) испр. из z тжп. и тжч. ⁷В грамоте 1582 г. Пинархово (см. выше, док. № 4, л. 1662). ⁸В грамоте 1582 г. Инобашке (см. выше, док. № 4, л. 1662). ⁹Напротив на левом поле сxp. и счч. (тжп. и тжч.?) нап. заглавная буква З (земля). ¹⁰В ркп. т вын.; в Ч. розметь; дбббб. розметы? ¹¹Так в ркп. и Ч. ¹²В ркп. второе т вын.; в Ч татба. ¹³В ркп. второе т вын.; в Ч татбы. ¹⁴Далее бббббшья часть строки оставл. чистой. ^{15–16}Судя по указанию в грамоте 1623 г., грамоту царя Бориса "109" (1601) г. подписал, кроме Василья Нелюбова, еще Андрей Арцыбашев: а другая грамота – 109 году, за приписми дьяков Андрея Арцыбашева да Василья Нелюбова (см. ниже, док. № 8, л. 1665 об.). ¹⁶Далее две строки оставл. чистыми. ¹⁷Далее две строки оставл. чистыми. ¹⁸Далее пять строк оставл. чистыми. ¹⁹Цифра 5 испр. из другой цифры (1?) сxp. и счч. ²⁰Далее четыре строки оставл. чистыми. ²¹Буква d вын.; так же в Ч. ²²Далее две строки оставл. чистыми. ^{23–23}Нап. по нижнему полю листов. ^{24–24}Нап. с новой строки сразу после текста подтверждения 7132 (1623) г.; нижняя половина л. 1682 об. оставл. чистой. ²⁵Начало скрепы (Секретарь Митаи) на л. 1703–1707, где помещен текст грамоты 1599 г. (см. выше, док. № 6). ^{25–26}Нап. на оставленной чистой правой половине листов. ²⁶Окончание скрепы (кретарь Михаила Володимиров) на л. 1714–1723, где помещен текст грамот 1582 (см. выше, док. № 4) и 1623 гг. (см. ниже, док. № 8). ^{27–27}Нап. по нижнему полю листов, слева. ^{28–28}Нап. во всю длину нижнего поля л. 1713. ^{29–29}Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ^{30–30}Нап. на нижнем поле л. 1713, строкой ниже предыдущей скрепы.

В а р и а н т ы п о Ч (весь черновик на л. 1708–1713 нап. тжп., что и беловая копия на л. 1677–1682 об., но более убористо, – поч. I): ^анапротив на левом поле л. 1708 дрп. нап. б ^бдалее л. 1708 разорван вблизи корешка сверху донизу, но текст сохранился полностью ^вКалужском ^гнаместники ^дприидеть ^е7109

№ 8

1623 г. октября 7. – Жалованная обельно-несудимая, трехсрочная, заповедная (от незваных гостей и ездоков) и проезжая грамота ц. и в. кн. Михаила Федоровича протопопу Московского Архангельского собора Ивану с бр. на села, дерр. и пустт. в Рузском, Клинском, Боровском, Калужском, Московском и Юрьев-Польском уу.

(л. 1664 об.) Копия^{1а} с^б жалованная^в грамоты 7132^г году².

Божиею милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Федорович^а, всеа Росии самодержецъ, пожаловал(и) есми богомолцовъ своих, соборные^б церкви великого архангела Христова Михаила протопопа Ивана з братьею^ж, что на Москве на площади, или кто по немъ у тое соборные^б церкви вперед иньи протопопъ и братья будутъ. В нынешнемъ во 132-м году по нашему государеву указу положили они перед нами прежние^з жалованные^в две грамоты (л. 1665) деда нашего государева, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росии^к – одна 58 году, и въ 59-м году на его^л ж государево, царево и великого князя Ивана Васильевича всеа Росии имя, и во 116-м году на царя Васильево имя та грамота подписана, а в тои грамоте написано: вотчина ихъ в Рузскомъ уезде въ Юрьеве слободе село Коренево з деревнями, да

село Соколниково з деревнями³; а другая грамота – 72-го году, за⁴ приписью дьяка Андрея Арцыбашева^{4м}, и въ 92-м году дяди нашего государева, государя, царя и великого князя Федора^в Ивановича всеа Росии, имя, и⁵ во 122-м году на наше государево, цареву и великого князя Михаила Федоровича^о всеа Росии имя та грамота подписана⁵, а⁶ в той грамоте написано: вотчина ж ихъ в Клинском уезде село Новое Завидово на речке на Доибице з деревнями, да села ж Завидова в Шеиской волости деревня Бяхино на речке на Доибице з деревнями и с починки, и з заимищи, да въ^н Юрьевскомъ уезде Полского село Фролищево на колодезе на роднике на текучемъ з деревнями и с пустошми⁶. Да они ж перед нами положили грамоту дяди нашего государева, государя, царя и великого князя Федора^в Ивановича всеа^р Росии, 93^с году, за⁷ приписью дьяка Елизарья Вылузгина⁷, а в той грамоте написано: вотчина ихъ в Московском уезде в Горетове стану село Отцы Святыя з деревнями и с пустошми⁸. Да они ж перед нами положили две грамоты царя Бориса – одна, за приписью дьяка Елизарья Вылузгина, 107^{9т} году, а в той грамоте написано: вотчина их в Боровскомъ уезде в волости в Терехове село Никицкое на речке на Луже, да к тому ж селу село Ступино на речке на Луже, (л. 1665 об.) селцо Борисаково¹⁰ з деревнями и с пустошми, да село Каменское з деревнями и с пустошми на речке^у на Наре¹¹; а другая грамота – 109^ф году, за приписми дьяков Андрея Арцыбашева да Василья Нелюбова, и во 115-м году на царя Васильево имя, и во 122-м году на наше государево, цареву и великого князя Михаила Федоровича^х всеа Росии имя та грамота подписана, а в той грамоте написано: вотчина ж ихъ в Боровскомъ уезде селцо Михайловское з деревнями да селцо Головино з деревнями, да селцо Инютинское, да селцо Козелское, да в Суходоле село Климятино да селцо Ермолино с деревнями и с пустошми, да деревня Нижняя Городенка, да пустошь Верхняя Городенка, да селцо Нефедовское, да селцо Куровское, а Коурцово тож, да деревня Скоряково, да пустошь Олехово^с с пустошми^и, да погость на реке¹² на Ворсенке, да в Боровске на посаде за рекою за Поротною дворъ для их приезду, да в Калужском уезде в Лисине стану в Горенскомъ село Андроновское на речке на Горне з деревнями, да в Московскомъ уезде село Банское, Борисоглебское тоже^и, з деревнями, да в Горетове стану пустошь, что было селцо Плотниче, с пустошми¹³. Да они жъ перед нами положили нашу государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоту 122^и году, за приписью дьяка Нелюба Нальянова, а в той грамоте написано: со архангельские ихъ з боровские вотчины с села Климятина целовалников губных и на тюремные^н поделки, и сторожемъ¹⁴ тюремным, и полачу подмоги¹⁵ имати не велено¹⁶.

И мы, великий государь, царь и великий князь Михаило Федоровичъ всеа Росии, и отецъ нашъ государевъ, великий государь, (л. 1666) святейший^и патриархъ Филаретъ Никитичъ Московский^и и всеа Росии^к, соборные церкви великого архангела Михаила протопopa Ивана з братьею пожаловали, велели имъ те грамоты переписать вновь на наше государское имя по новому Уложению и теми церковными вотчинами велели имъ владети по прежним и по сей нашей государской жалованной новой грамоте. А по нашему государскому указу, кто у них в той их церковной вотчине учнут жити люди их крестьянъ, и темъ их людям и крестьяномъ с тяглыми людьми наших никаких податей и денежных поборов, и казачьих хлебных запасовъ, и кормовъ с сошными людьми не давати, опричь ямских денегъ и стрелецких хлебныхъ запасов, и городского⁹, и острожного дела. А ямские имъ денги и стрелецкие хлебные запасы давати, и городское, и острожное дело делати по писцовым и по дозорнымъ книгамъ з живущего с сошными ж людьми вместе.

Такъже есми их пожаловали. К соцкимъ и к пятидесяцкимъ^ю, и десятицкимъ с черными людьми они не тянут ни в которые проторы и в розметы, и на яму с подводами не стоятъ, и ямских дворовъ не делаютъ.

Также еси их пожаловали. Намесницы наши и воеводы, и всякие приказные люди протопопа з братьею и их церковных людей и крестьян^а не судят ни в чемь, и приставов своих по них не даютъ, и не всылають, и не въезжаютъ^{аа} к ним ни по что, опрчь душегубства и разбою, и татьбы с поличнымъ. А ведаеть и судит техъ своих (л. 1666 об.) церковныхъ людей и крестьян^{бб} протопопъ з братьею или кому прикажутъ.

А случитца суд сместной темъ ихъ церковнымъ людемъ и крестьяном^{вв} з гороцкими или с волосными^{гг} людми, и намесницы^{дд} наши и ихъ тиуны техъ ихъ церковныхъ людей и крестьянъ судят, а протопопъ з братьею и ихъ прикащикъ с ними ж¹⁷ судить; а правъ ли будетъ или виноватъ церковной человекъ или крестьянин^{сс}, и онъ в правде и в вине протопопу з братьею или ихъ прикащику, а намесницы наши и ихъ тиуны в того ихъ церковного человека и в крестьянина не вступаютца ни в правого, ни в виноватого.

А кому будетъ чего искати на протопопе з братьею и на ихъ церковныхъ людех, и на крестьянехъ^{жж} или в духовномъ деле, и ихъ судит отецъ нашъ государевъ, великий^{зз} государь, святеишии^{мм} патриархъ Филаретъ Никитичъ Московский^{кк} и¹⁸ всеа Росии^к, или кому онъ, великий^{зз} государь, повелитъ ихъ судити на его государеве патриарше дворе в году на три срока – на Рождество^{мм} Христово да на Троицынъ день¹⁸, да на Семень день Летопроводца. А опрчь техъ нашихъ указныхъ трехъ сроковъ ихъ не судят ни^{нн} в чемъ. А кто на нихъ накинеть срокъ или кто на нихъ и безсудную^{оо}, и правую грамоту возьметъ не по темъ нашимъ указнымъ сроком, и та безсудная^{пп} и правая грамота не в грамоту, а приставъ езду лишеть.

А учинитца у нихъ въ¹¹ ихъ церковной вотчине душегубство, а не будет в лицехъ душегубца, и они намесникомъ дадутъ за голову веры четыре рубли; а доишутца душегубца, и они ево отдадутъ намесникомъ и ихъ тиуномъ, а протопопу з братьею и ихъ церковнымъ людемъ, и крестьяном^{вв} в томъ веры и продажи нетъ.

А кто у нихъ въ¹¹ ихъ церковной вотчине от своихъ рукъ утерятца, или ково громъ убьеть, или з дерева убьетца, или зверь съестъ^{пп}, или сгоритъ^{сс}, или утонет, или утопленикъ (л. 1667) водою^{тт} приплуетъ, или возомъ сотретъ, или какою иною смертию^{уу} умереть без хитрости, и они того мертваго^{фф} намесникомъ и волостелемъ явятъ, а ихъ церковнымъ людемъ и крестьяномъ в томъ веры и продажи нетъ же.

Также^{хх} къ¹¹¹¹ ихъ церковнымъ людемъ и х крестьяномъ никакие люди на пиръ и на братчины пити к нимъ незваны не ездятъ. А кто к нимъ приедеть пити незван, и они того незваного вышлют вонъ безпенно¹¹¹; а не поидеть вонъ, и учинитца у нихъ в томъ пиру при томъ незваномъ какая гибель, и тому незваному та гибель платитъ без суда и без¹¹¹¹ правды¹¹¹¹.

Также^{хх} еси ихъ пожаловали. Наши князи и бояре, и ратные люди, и всякие ездоки въ¹¹ ихъ церковной вотчине силно ни у ково не ставятца и кормов своих и конских, и подводъ, и проводников у них не емлют. А кому у нихъ лучитца стати¹¹¹¹, и¹⁹ они у них¹⁹ кормъ свои и конской¹¹¹ купятъ по цене, какъ имъ¹¹¹¹ продадутъ.

Также еси ихъ пожаловали. Какъ ихъ церковные люди и крестьяне, человеки три или четыре, поедут к Москве для¹¹¹¹ церковного¹¹¹¹ дела намъ бити челом, и по рекамъ и по мытомъ мыта и перевозу с нихъ не имати.

Также^{хх} еси ихъ^{бб} пожаловали. По прежней и по сеи нашей государской жалованной^{бб} грамоте с тое церковные вотчины губныхъ целовалников и тюремныхъ подолокъ, и сторожомъ^{зз}, и^{юю} полачомъ^{яя} подмоги не имати.

А сю^{аб} нашу государскую^{юю} жалованную грамоту велели есиа вдержати²⁰ в казне, а по городомъ возити для нашихъ бояръ и воеводъ, и^{ав} всякихъ приказныхъ людей, и пошлинниковъ^{аг} велели^{ав} с нее списати списокъ слово в слово за

дьячьєю приписью. А где они тотъ списокъ с тое нашия государские жалованные^{ад} грамоты в которомъ городе^{ас} явять, и они с него явки не даютъ ничего.

А кто черезъ^{аж} сию^{аб} нашу государскую жалованную грамоту протопопа^{аз} з братьєю или церковныхъ слугъ^{а3} и крестьян избидить, и тому от насъ, великого государя, царя (л. 1667 об.) и великого князя Михаила Федоровича всеа России^{ан}, быти в опале.

Дана^{ак} ся^{ал} наша государская жалованная грамота в нашемъ царствующемъ граде Москве, лета 7132-го, октября въ 7 день²¹.

Припись дьяка Прокофья Пахирева²¹.

У подлинной жалованной грамоты назади пишеть: Царь и великий князь Михаила Федоровичъ, всеа России^к самодержецъ²¹.

А подписал государевъ, царевъ и великого князя Михаила Федоровича всеа России дьякъ^{ам} Прокофеи Пахиревъ²¹.

Справиль Жданко^{ан} Ромодановъ^{ао}.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1664 об. – 1667 об. Копия 1733 г. Скрепя по листам дрч. и дрч.:

(л. 1664 об.) Сию²² копию (л. 1665) с подлинною жалованною грамотою (л. 1666) Архангелского собора ключарь (л. 1667) Петръ Алексеевъ²² (л. 1667 об.) читаль²³ и руку приложилъ²³.

Черновик: Там же. Л. 1722–1729 об. Три скрепы по листам разными почч. и черн.: 1) (л. 1722) ме²⁴ (л. 1723) ров. (л. 1724) Секре (л. 1725) тарь (л. 1726) Ми (л. 1727) хаи (л. 1728) ла (л. 1729) Во (л. 1729 об.) лодимеров²⁵; 2) (л. 1722) К²⁶ сеи копии (л. 1723) Архангелского собора (л. 1724) ключарь (л. 1725) Петръ (л. 1726) Алексеевъ (л. 1727) руку приложил, (л. 1728) а подлинную (л. 1729) грамоту²⁶ (л. 1729 об.) к²⁷ себе взять²⁷; 3) (л. 1722) С²⁸ подлинною (л. 1723) грамо (л. 1724) тою (л. 1725) читал (л. 1726) канцеля (л. 1727) ристъ (л. 1728) Козма (л. 1729) Вас²⁹ (л. 1729 об.) сковъ³⁰.

Примечания: ¹Напротив на левом поле схп. (тжп.?) дрч. нап.: 7 *подтвердителная грамота на вышенисанные 6 грамот.* ²Далее три строки оставл. чистыми. ³См. выше, док. № 2. ^{4–4}Подпись дьяка Андрея Арцыбашева относилась не к самой грамоте 1564 г., а к ее подтверждению 1584 г. Дьяк Андрей Гаврилович Арцыбашев фигурирует в документах 1575–1602/03 гг. (см.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 33). ^{5–5}В сохранившихся копиях грамота 1564 г. не имеет подтверждения 122 (1613/14) г. (см. выше, док. № 3). ^{6–6}Эти вотчины были получены не по грамоте 7072 (1564) г., а по грамоте 7090 (1582) г., в списках которой содержится также подтверждения 7092 (1584) и 7122 (1613) гг. (см. выше, док. № 4). Таким образом, очевидно, что в грамоте 1623 г. были перепутаны сведения о грамотах 1564 и 1582 гг. ^{7–7}В сохранившихся копиях грамоты 7093 (1585) г. подпись дьяка Елизария Вылузгина отс. ⁸См. выше, док. № 5. ⁹Цифра 7 нап. как будто по смытому тжп. счх. ¹⁰В грамоте 1599 г. (*Борняковымъ* (см. выше, док. № 6, л. 1675 об.)). ¹¹Грамота 7107 (1598/99) г. на с. Никицкое и др. нам неизвестна; эти владения упомянуты, однако в грамоте 7108 (1599) г. архангельскому архиепископу Арсению (см. выше, док. № 6, л. 1675 об. – 1676). ¹²Буква к нап. как будто по смытому или смазанному. ¹³См. выше, док. № 7. ¹⁴Буква ъ испр. или подпр. из дрб. тжп. счх. ¹⁵Напротив на левом поле тжп. и тжч. нап. заглавная буква l (*и десятиричное*). ¹⁶Упоминаемая здесь грамота 7122 (1613/14) г. в подборку копий, сделанных в 1733 г., не вошла и нам неизвестна. ¹⁷В ркп. ж вын.; в Ч жъ. ¹⁸В ркп. *день под титлом*; в Ч слово *день* нап. через ять. ^{19–19}Подч. крш. ²⁰Так в ркп. и Ч; в словарях это слово не обнаружено. ²¹Далее одна строка оставл. чистой. ^{22–22}Нап. по нижнему полю листов. ^{23–23}Нап. в середине стр. с новой строки сразу после текста грамоты; далее на л. 1667 об. идет *Копия съ отказныя грамоты* (см. ниже, док. № 10). ²⁴Начало скрепы (*Секретарь Михаила Володи*) на л. 1713–1721, где помещены тексты грамот 1601 г. (см. выше, док. № 7) и 1582 г. (см. выше, док. № 4). ^{24–25}Нап. на оставленной чистой правой половине листов. ^{26–26}Нап. по нижнему полю листов, слева. ^{27–27}Нап. с новой строки сразу после текста грамоты; далее проведена горизонтальная линия, за которой следует *Копия съ отказныя грамоты* (см. ниже, док. № 10). ^{28–29}Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ^{29–30}В слове *Васковъ*, разделенном между л. 1729 и 1729 об., первое с вын., второе – в строке. ³⁰Нап. в середине стр., правее предыдущей скрепы; ниже идет горизонтальная линия (о ней см. выше, примеч. 27–27).

В а р и а н т ы по Ч (начало списка на л. 1722 нап. поч. VIII, текст на л. 1722 об. – 1724 об. – поч. IX, на л. 1725–1727 об. – поч. III, на л. 1728–1729 об. – поч. VII): ^анапротив на левом поле л. 1722 дрп. нап. 7 ^{бз} ^жжалованной ^г7132-го ^дФеодорович ^есоборная ^жбратиею ^зпрежняя ^ижалованная ^кРоссии ^ллево ^мможно прочесть также Арцыбашова ^нФеодора ^оФеодоровича (через фиту) ^пвъ ^рРвсая ^с93-го ^т107-го ^уУрке, причем между первым е и к след смытого ч ^ф109-го ^хФеодоровича (через ферт) ^цАлехово ^чпустошъми ^штожъ ^щ122-го ^ътюремная ^ыс этого слова, первого на л. 1725, и до конца л. 1727 об., дрп. (поч. III). ^ьМосковской ^згородоваго ^кпятидесяцим ^лкресстьянъ ^авъезжают ^бкресстьян (конечное и вын.) ^вкресстьяномъ ^гволостными ^днаместници ^екресстьянинъ ^жкресстьянех ^звеликии ^исвятеиши ^кМосковски ^лзамазано тжч. ^мРождество ^нотсюда дрч. (но тжп.) ^обезъсудную ^пбезсудная ^ррвсестъ ^ссгорит ^тс этого слова, первого на л. 1728, и до конца копии на л. 1729 об., текст нап. дрп. (поч. VII) и дрч. ^усмертию ^фмертвого ^хтакже ^цкъ ^чбеспенно ^шш-шш ^щбез правды или без справды (вын. з в конце строки и строчное с в начале следующей строки) ^{шш}-^{шш}подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. (схч.?) нап. в ^{сеи}подлинной ^{грамоте} в ^{конце}винозначенные ^{выносные}речи ^{во}кособовоу (так в ркп.; дббб. ^{восковую}печатую ^{помораны}и ^{речи}не видно; далее с новой строки тжп. нап. с вын. знн. ^{стати}, и ^{они}у ^{них}кормъ ^{свои}и ^{конскои}купят ^{по}цене, ^{какъ}имъ ^ъпервоначальное ^{коннои}испр. на ^{конскои}, причем буквы ^{ск}нап. по второму н дрп. и дрч. ^{ыы}-^{ыы}подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ^{для}церковного ^{бб}-^{бб}подч. схч. (не подч. только последнее и в слове ^{жалованной}) и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ^{ихъ}пожаловали ^{по}прежней ^ипо ^{сеи}нашей ^{государскои}жалованно ^зсторожамъ ^{юю}-^{юю}подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ^иполочам ^{под}моги ^{не}имати. ^Асию ^{нашу}государскую ^аполочамъ ^бсию ^{ав}-^{ав}подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ^ивсякихъ ^{приказныхъ}людеи ^ипошлинъниковъ ^{велеи} ^апошлинъниковъ ^ажалованныя ^{ал}-^{ав}подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ^{жалованныя}грамоты ^вкоторомъ ^{городе} ^{аж}чрезъ ^а-^аподч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ^{протопопа} з ^{братъею} или ^{церковныхъ}слугъ ^аРоссии ^{ав}-^{ав}подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. ^{России}быти ^вопале ^{дана} ^апервоначальное ^{сия}испр. на ^{ся}дрп. и дрч. (я нап. по ^{иа}) ^адишкъ ^аЖданько ^аРомадановъ

№ 9

1645 г. августа 20. – Жалованная данная грамота ѿ. и в. кн. Алексея Михайловича протопопу Московского Архангельского собора Никифору с бр. на дворцовое с. Ильинское с дерр. и пустт. в Кашинском у.

(л. 1668 об.) Копия¹ съ жалованная грамоты 7153^а году².

Божиею^б милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Алексеи Михайловичь, всеа России самодержецъ, милости ради божи и пречистыя Богородицы, пожаловали есмя архангелского протопопа, что на Москве на площади, Никифора з братъею^в, или кто по немъ иные^г протопопы и братья у Архангела Михаила будутъ, дали есмя в домъ Архангела Михаила блаженныя памяти по отце нашем, (л. 1669) по благоверномъ великомъ государе, царе и великомъ князе Михаиле Федоровиче, всеа^з России самодержце, в вотчину в Кашинскомъ уезде свое государево дворцовое село Ильинское, да к тому ж селу дватцать четыре деревни: деревня Большое Шевелево, деревня Костенево, деревня Пятино, деревня Губино, деревня Кожухово^д, деревня Митино^е, деревня Ободово, деревня Оруфино^а; деревня Аннина, деревня Яковлево, деревня Строево, деревня Исаево, деревня Тепенино, деревня^б Бренево, деревня Макарово, деревня Роздабарино, деревня Усады, деревня Желкова, деревня Костино, деревня Голобино, деревня Огрысково Большое, деревня Огрысково Меншее, деревня Желудево, деревня Бортниково. Да к тому ж^г селу и к деревнямъ сто тритцать пять пустошей: пустошъ Бабенки, пустошъ Пахомово, пустошъ Целиково^д, пустошъ Речка Большая, пустошъ Ховронъино^е, пустошъ Тарбиево, пустошъ Данилцово, пустошъ Щадрино, пустошъ Миниево, пустошъ Спирилцово, пустошъ Дублово^ж, пустошъ Слободка, пустошъ Подгорлицыно, пустошъ

Раменье, пустошь Сильково³, пустошь Комарово, пустошь Демьянское, пустошь Первушино, пустошь Удачино⁹, пустошь Резань, пустошь Толчокъ Меншое, пустошь Сальково⁴, (л. 1669 об.) пустошь Шумилово, пустошь Левково, пустошь Левонцово, пустошь Стебьмежа^к, пустошь Уховка, пустошь Вахрушово, пустошь Ларищино, пустошь Чикманово, пустошь Шишляково, пустошь Пономарево, пустошь Петрецово, пустошь Березовець, пустошь Филисово, пустошь Останинское, пустошь Кузнецово, пустошь Онтипино¹, пустошь Кровопусково, пустошь Сидорово, пустошь Меншино, пустошь Нивы, пустошь Дураково, пустошь Тупицино, пустошь Оврамово, пустошь Семенково, пустошь Телепинкино¹⁰, пустошь Вятюшино, пустошь Яковлево, пустошь Колчино, пустошь Кортино, пустошь Толчокъ Большою, пустошь Кулешово, пустошь Трестино, пустошь Пиновка¹¹, пустошь Кладухино, пустошь Красиково, пустошь Мартыно¹², пустошь Боселиха⁴, пустошь Кривцово, пустошь Красное, пустошь Лаптево, пустошь Илюхино, пустошь Ушаково, пустошь Захарово, пустошь Лисицы, пустошь Выголово, пустошь Лышкино, пустошь Фатьяново, пустошь Хостино, пустошь Высочка, пустошь Сирощка, пустошь Жуково, пустошь Богомолово, пустошь Паскино¹³, пустошь Миглинское, пустошь Шабахино, пустошь Брино, пустошь Климово, пустошь Мясниково, пустошь Косеткино, пустошь Кучино, пустошь Первушино, пустошь Савинская, (л. 1670) пустошь Сметанино, пустошь Доронино, пустошь Созоново, пустошь Островецъ, пустошь Кононово, пустошь Плешково, пустошь Комово, пустошь Седелниково, пустошь Осютино, пустошь Захарово, пустошь Созоново, пустошь Свистуновка, пустошь Логвиново, пустошь Михайловка, пустошь Сергеевская, пустошь Обрютинка, пустошь Шляпину, пустошь Микитинское, пустошь Коробеикино, пустошь Мамоново, пустошь Мошнево, пустошь Чюмонкино, пустошь Лихано, пустошь Гавино, пустошь Судилово, пустошь Хмелево, пустошь Курочкино, пустошь Боровокъ, пустошь Дороница, пустошь Акимова, пустошь Жерновиково, пустошь Казаково⁴, пустошь Зехино, пустошь Клокшино, пустошь Речка Меншая, пустошь Церковное Гридинское, пустошь Трудниково, пустошь Ортемовка⁹, пустошь Жукова, пустошь Пронина, пустошь Фенино, пустошь Рябиновець, пустошь Секирина¹, пустошь Быково⁹, пустошь Рыпaxино, пустошь Долгонская, пустошь Струково, пустошь Улитино, пустошь Бакулино, пустошь Язвецово^с, пустошь, что была деревня Меншое Шевелево.

А по отписным книгам Ивана Есипова 148 году написано в селе Ильинскомъ и в деревнях, и^т в пустошах четвертные^т пашни две тысячи восемьдесят^у девять четвертей бес полусмины в^ф поле^ф, а в дву по тому ж.

И архангелскому протопопу Никифору з братиею, или по^х них^х у Архангела Михаила в соборе иные протопопъ и попы, и дьяконы¹¹ будутъ, (л. 1670 об.) тою вотчиною, селомъ Ильинскимъ з деревнями и с пустошми, и со всеми угодыи, владети, и отца нашего, блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России, в вечныи синодикъ в дому у Архангела Михаила написать и поминать, и понахиды петь еженеделъ во весь год по офторником и по четвергамъ, и по суботамъ, и тою вотчиною¹, селомъ Ильинскимъ з деревнями и с пустошми, владети по сеи нашей жалованной грамоте.

Дана ся наша жалованная грамота в царствующемъ граде Москве, лета 7153^м году, августа въ 20 день¹⁴.

Позади подлинной жалованной грамоты пишеть¹⁵: Божиею милостию, великии государь, царь и великии князь Алексеи Михайловичь, всеа России самодержецъ¹⁵.

Справа подьячего Андрея Хватова.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1668 об. – 1670 об. Копия 1733 г. Скрепя по листам дрн. и дрч.:

(л. 1668 об.) Сию¹⁶ копию (л. 1669) с подлинною жалованною грамотою (л. 1670) Архангелского собора ключарь¹⁶ (л. 1670 об.) Петръ¹⁷ Алексеевъ читал и руку приложилъ¹⁷.

Черновик: Там же. Л. 1731 об. – 1735 об. Три скрепы по листам разными почт. и черн.: 1) (л. 1731 об.) тарь¹⁸ (л. 1732) Ми (л. 1733) хай (л. 1734) ла (л. 1735) Во¹⁹; 2) (л. 1731 об.) К²⁰ сей копии (л. 1732) Архангелского (л. 1733) собора (л. 1734) ключарь Петръ (л. 1735) Алексеевъ²¹; 3) (л. 1731 об.) С²² подлинною (л. 1732) грамо (л. 1733) тою (л. 1734) читаль (л. 1735) канцеля²³.

Примечания: ¹На левом поле схп. и схч. (дрч.?) нап.: 8 *грамота*. ²Далее четыре строки оставл. чистыми. ³Напротив на левом поле схп. и схч. (тжп. и тжч.?) нап. заглавная буква *И* (и восьмеричное). ⁴Буквы *Кожу* нап. как будто по смытому. ⁵Буквы *Ми* нап. как будто по смытому. ⁶К нижней части первого *е* прилип кусочек грязи. ⁷В ркп. ж вын.; в Ч жъ. ⁸Буква *и* испр. из дрб. дрч. и, кажется, тжп. ⁹Буквы *ачино* нап. схп. дрч. по смытому. ¹⁰Второе *е* нап. как будто по смытому схч. (дрч.?). ¹¹Далее нап. и поставлено в кв. ск. схч. (тжч.?) *пустошь Пиновка*. ¹²Так в ркп. и Ч. ¹³Возможно также чтение *Паксино*, но в Ч *Паксино* испр. на *Паксино* (л. 1733 об.). ¹⁴Далее одна строка оставл. чистой. ¹⁵Далее большая часть строки и вся след. строка оставл. чистыми. ^{16–16}Нап. по нижнему полю листов. ^{17–17}Нап. в середине стр. с новой строки сразу после текста грамоты. Далее следует *Копия* (грамоты 1710 г.; см. ниже, док. № 11). ¹⁸Начало скрепы (*Секре*) на л. 1730–1731, где помещен текст указной (“отказной”) грамоты 1645 г. (см. ниже, док. № 10). ^{18–19}Нап. на оставленной чистой правой половине листа. ¹⁹Окончание скрепы (*лодимеров*) на л. 1736–1738 об., где помещен текст грамоты 1710 г. (см. ниже, док. № 11). ^{20–21}Нап. по нижнему полю листов, слева. ²¹Окончание скрепы (*руку приложил, а подлинную грамоту к себе взял*) на л. 1736–1738 об., где помещен текст грамоты 1710 г. (см. ниже, док. № 11). ^{22–23}Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ²³Окончание скрепы (*ристь Козма Васковъ*) на л. 1736–1738 об., где помещен текст грамоты 1710 г. (см. ниже, док. № 11).

В а р и а н т ы по Ч (начало списка на л. 1731 об. нап. поч. VI, остальная часть текста, на л. 1732–1735 об., – поч. X): ^a7153-го ^bнапротив на левом поле л. 1731 об. дрп. нап. 8 ^вбратиею ^гинья ^ди из дрб. (м?) ^еХоврон(ь)инно ^жДубьлово ^зСилково ^иСалково ^кСтебьмеха ^лАнтипино ^мс испр. из дрб. тжч. ^нКозаково ^оАртемювка ^пСекирино ^рнапротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. *в сей подлинной грамоте в конце нижеозначенные выносные речи восковою печатью помараны и речи не видно* ^сподч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. *Язвецово* ^т-^ти *в пустошах* подч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; *четвертные* снабж. надстр. вын. знн., но не подч.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. *и в пустошах четвертные* ^ф-^фподч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. *в поле* ^х-^хподч. схч. и снабж. надстр. вын. знн.; напротив на правом поле более мелко дрп. (поч. XII) и дрч. нап. с вын. знн. *по нихъ* ^ы испр. из дрб. или дрбб. тжч. ^{вотчинною} ^и7153-го

№ 10

1645 г. августа 21. – Указная (“отказная”) с прочетом грамота ц. и в. кн. Алексея Михайловича приказчику дворцового с. Ильинского в Кашинском у. Ивану Гнидину об отдаче (“отказе”) этого села с дерр. и пустт. протопопу Московского Архангельского собора Никифору с бр.

(л. 1667 об.) Копия¹ съ отказныя грамоты².

От^а царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Кашинской уездъ, в наше дворцовое село Ильинское, приказчику Ивану Гнидину.

Пожаловали есмя блаженныя памяти от отца нашего, по благоверномъ по великомъ государе, царе и великомъ князе Михаиле Федоровиче, всеа Русии самодержце, в соборъ къ Архангелу Михаилу, (л. 1668) протопопу Никифору з братьею, в^б Кашинском уезде село Ильинское^б з деревнями и с пустошми, с пашнею и с санными покосы, и с лесы, и с озеры, и со всеми угоды в вечной поминокъ. А по отписнымъ книгамъ Ивана Есипова 148^а году в селе Ильинском^г и в деревнях, и в пустошах нашия десятинные^д и крестьянские пашни паханые и прелогомъ^е, и лесомъ поросло две тысячи восьмьдесятъ девять четвертей без полуосмины в поле, а в дву по тому ж.

И какъ к тебе ся наша грамота придетъ, и ты б то наше дворцовое* село

Ильинское* з деревнями и с пустошми, с пашнею и с санными покосы, и с лесы, и с озеры, и со всеми угоды отказал блаженныя памяти по отце нашемъ, по благоверномъ по великомъ государе, царе и великомъ князе Михаиле Федоровиче³, всеа Русии самодержце, в соборъ къ⁴ Архангелу Михаилу, протопопу Никифору з братьею^к, в вотчину в вечной поминокъ. А сколько в томъ селе и в деревняхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и в дворахъ людей, и сколько пустошей, и которую имьянемъ^л деревню и пустошъ тому протопопу з братьею откажешъ, и ты б то все велел написать тутошнимъ^м дьячкомъ въ отказные книги имьянно, да с техъ книгъ написати списокъ слово в слово, да к темъ книгамъ попомъ^н велел^о руки свои приложить, да и самъ бы еси руку свою приложил, а того села старостамъ и целовалникомъ, и всемъ крестьяномъ приказал накрепко, чтобъ они архангелского протопопу з братьею во всемъ слушали и пашню на нихъ пахали, и доходы всякие имъ платили.

А какъ то село з деревнями и с пустошми протопопу з братьею откажешъ, и ты б с теми книгами ис того села ехалъ к намъ к Москве тогъчасъ^п, а приехавъ, явился и книги подалъ в Приказе Большаго дворца боярину и дворецкому нашему, князю Алексею Михайловичу Лвову, да³ диакомъ нашимъ Ивану Федорову да Максиму Чиркову.

(л. 1668 об.) А прочеть сю нашу грамоту, отдал, ково к тебе с сею нашею грамотою протопопъ пришлетъ, а у себя с сее нашия^р грамоты оставил списокъ слово в слово.

Писанъ на Москве, лета 7153-го^с, августа въ 21 день⁴.

У подлинной грамоты припись диака Ивана Федорова.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1667 об. – 1668 об. Скрепя по листамъ дрп. и дрч.:

(л. 1667 об.) Сю⁵ копию с подлинною грамотою (л. 1668) Архангелского собора ключарь⁵ (л. 1668 об.) Петръ⁶ Алексеевъ читалъ и руку приложилъ⁶.

Черновик: Там же. Л. 1729 об. – 1731. Три скрепы по листамъ разными почч. и черн.: 1) (л. 1729 об.) лодимеров⁷. (л. 1730) Се (л. 1731) кре⁸; 2) (л. 1729 об.) Ключарь⁹ Петръ Алексеевъ руку приложилъ⁹; 3) (л. 1729 об.) сковъ¹⁰.

Примечания: ¹В отличие от другихъ копий грамот из архива Архангелского собора, помещенныхъ в сенатскомъ деле № 781, эта грамота в ркп. и Ч не имеет ни цифрового, ни литерного номера на поле. ²Далее две строки оставл. чистыми. ³Буква *а* испр. из дрб. (*и?*) схч. (тжч.?). ⁴Далее полстроки и вся след. строка оставл. чистыми. ⁵⁻⁵Нап. по нижнему полю листов. ⁶⁻⁶Нап. в верхней половине листа с новой строки сразу после текста грамоты; далее следует *Копия съ жалованныя грамоты 7153 году* (см. выше, док. № 9). ⁷Начало скрепы (*Секретарь Михаила Во*) на л. 1724–1729, где помещен текст грамоты 1623 г. (см. выше, док. № 8); окончание этой скрепы на л. 1729 об. относится тоже к грамоте 1623 г. ⁷⁻⁸Нап. на оставленной чистой правой половине листов. ⁸Окончание скрепы (*тарь Михаила Володимеров*) на л. 1731 об. – 1738 об., где помещены тексты жалованной грамоты 1645 г. (см. выше, док. № 9) и указной грамоты 1710 г. (см. ниже, док. № 11). ⁹⁻⁹Нап. после приписки о непредъявлении грамоты соборянами (см. ниже, вар. а). ¹⁰Скрепя относится к грамоте 1623 г.; начало этой скрепы (*С подлинною грамотою читал канцеляристь Козма Вас*) на л. 1722–1729, где помещен текст грамоты 1623 г., продолжающийся и на л. 1729 об. (см. выше, док. № 8).

В а р и а н т ы п о Ч (начало грамоты на л. 1729 об. нап. поч. VII, последующий текст на л. 1730–1731 – поч. VI): ^ана правомъ поле л. 1729 об. дрп. (поч. III) и дрч. нап. *сеи подлинной отказной грамоты соборяня для свидетелства не объявили* (так в ркп.), *а ключарь Петръ Алексеевъ сказал, оная де грамота до бытности ево в томъ соборе утратилась* ^{б-б}подч. крш. ^{148-го} ^ГИлинском, но после л паерк ^адесятишьные ^сперелохом ^{ж-ж}подч. крш. ^{Федоровиче} ^кк ^{братиею} ^иименем ^ттутешнымъ ^ппервое о испр. из дрб. схч. ^оконечное вын. л испр. из дрб. (*т?*) ^ттотчас, причемъ второе т вын. ^рнашея ^с7153

№ 11

1710 г. января 16. – Указная с прочетомъ грамота ц. и в. кн. Петра I Алексеевича в Клинъ стольнику и воеводе Михаилу Аф. Арцыбушеву о подчинении протопопу и ключарю Московского Архангелского собора новораздель-

ных крестьян с Завидова с дерр. Клинского у., бывших ранее под властью архангельских архиереев, и о наказании батогами отказывающихся платить оброки, столовые кормы и делать "изделье" в пользу собора.

(л. 1670 об.) Копия¹.

От^{2а} великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, в Клин столнику напему и воеводе Михаилу Афонасьевичу Арцыбушеву.

В прошлом во 193-м году по имянному нашему, великого государя, указу велено Архангелского собору протопопу и ключарю с соборяны владеть Клинского и иных³ уездов архангельскими новоразделными вотчинными крестьяны, которые ведомы были их, всех соборянъ, старорозделныхъ вотчинъ и отданы были Архангелского собору архиереомъ, а после того, как² (л. 1671) имъ, архиереомъ, в Архангелскомъ соборе быть не велено, теми новорозделными крестьяны и бобыли велено владеть имъ, протопопу и ключарю с соборяны, по прежнему, и оброки, и столовые запасы, и изделья имать села Завидова з деревнями со крестьянъ по окладу Сытного дворца стряпчего Степана Лихачева по шти рублевъ по двенатцати алтын бес полуденги с осмака.

И против того нашего, великого государя, указу они, крестьяня, протопопу и ключарю с соборяны учинились противны и ослушны, и по окладу Степана Лихачева оброков платить не хотели. И за то имъ, крестьяномъ, по нашему, великого государя, указу учинено наказание – биты вместо кнута батоги нещадно, чтоб они, крестьяня⁶, соборянъ впредь слушали и оброки по тому окладу сполна платили. И сказан имъ нашъ, великого государя, указъ з запискою, буде они впред⁴ по тому окладу⁵ оброку⁵ соборяномъ сполна платить и изделья делать не станут, и в чемъ будут имъ ослушны, и за то имъ учинено будетъ торговая казнь безо всякие пощады. И в тех селех прикашикомъ у них быть не велено. И о томъ имъ, ключарю с соборяны, из^в Приказу Болшаго дворца дана наша, великого государя, грамота с прочетомъ в 701-м году. И со 193-го по 706-и год кормовые нисщенские^г денги платили в Приказ Болшаго дворца Архангелского собору протопопъ и ключарь с соборяны за вышеписанных новорозделныхъ крестьянъ сполна^д, а съ 706 году те кормовые нисщецкие^с денги платили мимо их, соборянъ, вышеписанные новорозделныхъ поделеи крестьяне Клинского уезду села Завидова сами, и в платеже техъ денегъ даны им отписи из Приказу Болшаго дворца за дьячьими приписми.

(л. 1671 об.) А^б ныне по нашему, великого государя, указу, а по челобитью Архангелского собору ключаря Петра Меркульева с соборяны, велено села Завидова крестьяномъ за непослушание ихъ ко всемъ соборяном и за неплатеж имъ по окладу Степана Лихачева оброков и столовых запасовъ, которых они, крестьяня⁶, съ 706 году по нынешней 710-и и на* нынешней 710-и годы не платили и изделеи не делали, и за то их воровство и всякое отбывателство и упрямство учинить имъ наказание – битъ вместо кнута, сняв рубахи, во всякой поделеи с осмака по человеку батоги, окроме протопопской поделеи, нещадно, чтоб они и иные³ по нимъ крестьяня ныне и впред⁴ их, соборянъ, слушали и почитали, и по розделной росписи 204 году денежные оброки и за столовые запасы по окладу Степана Лихачева всемъ соборяном платили сполна, и изделья делали по прежнему. И ихъ, крестьянъ, велено ведать во всякихъ росправныхъ^н делах и от сторонъ оберегать, и оброки збирать имъ, соборяномъ, самимъ и на прошлые годы, съ 706 по нынешней 710-и, и на нынешней 710-и годы, со всякой поделеи денежные оброки и столовые запасы доправить все сполна, а доправя те денги и столовые запасы, отдать имъ, соборяномъ, с роспискою, и о том в Клинь для ведома послать к тебе нашу, великого государя, грамоту из^к Приказу Болшаго дворца с прочетомъ.

И какъ к тебе ся наша, великого государя, грамота приидеть^л, и ты б сеи нашъ, великого государя, вышеписанной^м указъ ведалъ и села Завидова и деревень новорозделнымъ крестьяном велел быть во всемъ ведомымъ (л. 1672) и во всякихъ платежах имъ, соборяномъ, и изделья на нихъ, соборянь, они, крестьяне, делали неотменно по прежнему; а что они, крестьяня, упрямствомъ своимъ чрезъ нашъ, великого государя, вышеозначенной^н имянной указ техъ оброковъ и столовых запасовъ имъ, соборяномъ, не платили и ни в чемъ не слушаютъ, и за то имъ, крестьяномъ, пушим заводчикомъ^о, каштаномъ^и и горланомъ, и ябедником, со всякой подели с осмака по человеку бил⁷ батоги, снъявъ рубахи, вместо кнута нещадно при них, соборянах^р, кто из них присланъ будетъ; и те ихъ, всех соборянь, оброки и столовые запасы по вышеписанному нашему, великого государя, указу доправил⁷ безо всякого мотчания тотчасъ, и те денги, с которой подели что доправлено будетъ, отдал⁷ того Архангелского собору соборянину с роспискою.

А прочеть сю нашу, великого государя, грамоту, в Клине в приказной избе записавъ в книгу, а подлинную отдал⁷ имъ, соборяномъ, с роспискою впрעד⁴ для владенья и для приездус^с иных наших воевод и приказных людеи.

Писанъ на Москве, лета 1710-го, генваря въ 16 день⁸.

Подлинная грамота за приписью дьяка Никифора Панова⁸.

За справую Федора Кувшинова.

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 781. Л. 1670 об. – 1672. Копия 1733 г. Скрепя по листам дрп. и дрч.: (л. 1670 об.) Сю⁹ копию с подлинною грамотою (л. 1671) Архангелского собора ключарь⁹ (л. 1672) Петръ¹⁰ Алексеевъ читаль и руку приложилъ¹⁰.

Черновик: Там же. Л. 1735 об. – 1738 об. Три скрепы по листам разными почч. и черн.: 1) (л. 1736)¹¹ ло¹² (л. 1737) ди (л. 1738) ме¹³ (л. 1738 об.) ров¹⁴; 2) (л. 1736)¹¹ руку¹⁵ (л. 1737) приложил, (л. 1738) а подлинную грамоту¹⁶ (л. 1738 об.) к¹⁷ себе взялъ¹⁷; 3) (л. 1736)¹¹ ри¹⁸ (л. 1737) стъ (л. 1738) Козма¹⁹ (л. 1738 об.) Васковъ²⁰.

Примечания: ¹Напротив на левом поле тжп. и тжч. нап.: 9 *грамота*. ²⁻²Текст нап. более мелко и убористо, чем в верхней части л. 1670 об., где помещено окончание жалованной грамоты 1645 г. (см. выше, док. № 9), и на л. 1671, где продолжается текст грамоты 1710 г. ³Правая вертикаль буквы *н* подпр. тжч. (схч.?) ⁴В ркп. и Ч д вын. ⁵⁻⁵Нап. более мелко тжп. ⁶Напротив на левом поле схп. и схч. (тжп. и тжч.?) нап. заглавная буква *К*. ⁷Буква *л* вын.: здесь форма не прошедшего времени, а повелительно-сослагательного (желательного) наклонения, связанная с далеко впереди стоящим *и ты б*. ⁸Окончание строки и вся след. строка оставл. чистыми. ⁹⁻⁹Нап. по нижнему полю листов. ¹⁰⁻¹⁰Нап. с новой строки сразу после текста грамоты; нижнее поле л. 1672 оставл. чистым. ¹¹На л. 1735 об. скрепы нет. ¹²Начало скрепы (*Секретарь Михаила Во*) на л. 1730–1735, где помещен текст указной ("отказной") и жалованной грамот 1645 г. (см. выше, док. № 9, 10). ¹²⁻¹³Нап. на оставленной чистой правой половине листов. ¹⁴Нап. на правой половине стр., напротив окончания текста грамоты. ¹⁵Начало скрепы (*К сеи копии Архангелского собора ключарь Петръ Алексеевъ*) на л. 1731 об. – 1735, где помещен текст жалованной грамоты 1645 г. (см. выше, док. № 9). ¹⁵⁻¹⁶Нап. по нижнему полю листов, слева. ¹⁷⁻¹⁷Нап. отступя две строки от текста грамоты. ¹⁸Начало скрепы (*С подлинною грамотою читаль канцеля*) на л. 1731 об. – 1735, где помещен текст жалованной грамоты 1645 г. (см. выше, док. № 9). ¹⁸⁻¹⁹Нап. по нижнему полю листов, правее предыдущей скрепы. ²⁰Нап. в середине стр. строкой ниже и правее предыдущей скрепы.

В а р и а н т ы п о Ч (начало списка на л. 1735 об. нап. поч. X, последующий текст на л. 1736–1738 об. – поч. XI): ^анапротив на левом поле л. 1735 об. дрп. и дрч. нап. 9 ^б*крестьяне* ^в*ис* ^г*нищетские*, причем буквы *ет* испр. из дрбб. тжч. ^ддалее еще раз нап. *сполна*, и это слово заключ. в кв. ск., которые нап. дрч. ^с*нищетские*, причем буквы *тс* испр. из дрб. (с нап. по к) ^жнап. над строкой. ^з*инья* ^и*справ* нап. по смытому или стертому ^к*ис* ^л*придетъ* ^м*вышеписанои* ^н*вышеписаннои* ^о*завотчиком* ^р*коштаном* ^с*соборяняхъ* ^с*презду* (первое *е* – ять)

АНГЛИЧАНЕ В МОСКВЕ ВРЕМЕН БОРИСА ГОДУНОВА

(по документам посольства Т. Смита, 1604–1605 годов)

Москве посвящено немало страниц в записках иностранцев, посещавших Россию. До сих пор историки недостаточно использовали в своих работах документы миссии Томаса Смита. Для истории Москвы эти источники особенно интересны, поскольку они содержат важные сведения о пребывании англичан в русской столице, а также уникальные материалы о произведениях искусства, сохранившихся в собраниях Московского Кремля.

Посольство Т. Смита в Россию (1604–1605) – важная и интересная страница в истории англо-русских отношений XVI – начала XVII в. Как известно, еще со времен Ивана Грозного английские купцы, объединенные в Московскую компанию, обладали особыми привилегиями на торговлю в России. Однако к 1604 г. их торговые льготы оказались под угрозой из-за сложной международной обстановки и возросшей конкуренции на русском рынке. Поэтому Т. Смит следовало получить в Москве подтверждение прежних привилегий, а также постараться выхлопотать новые льготы для английских купцов. Кроме того, посол должен был официально объявить о восшествии на престол нового английского короля Якова I и рассказать о внешней политике Англии. Благодаря незаурядному дипломатическому таланту Томасу Смиту удалось успешно выполнить все поручения английского правительства и Московской компании¹.

После возвращения Смита в Англию анонимный автор опубликовал в Лондоне специальный отчет об этом путешествии. Недавно были найдены новые подтверждения гипотезы И.М. Болдакова об авторе этого произведения. Судя по всему, оно было написано Джорджем Вилкинзом, английским литератором, который известен своим сотрудничеством с Шекспиром. Вилкинз посетил Россию в качестве секретаря посольства Смита и потом опубликовал свои дневниковые записи².

По иронии судьбы дипломатические достижения Томаса Смита померкли на фоне катастрофических событий Смутного времени и были незаслуженно забыты историками. Изучение посольства Смита существенно осложняется тем, что соответствующие архивные материалы до сих пор не опубликованы в полном объеме и с учетом современных научных требований³. Основная часть

¹ О международном положении в Европе на рубеже XVI–XVII вв. см.: *Jansson M., Rogozhin N.M., eds., England and the North: The Russian Embassy of 1613–1614*, tr. P. Bushkovitch, with an Introduction by P. Bushkovitch and Maija Jansson / Under the direction of V.I. Buganov, P. Bushkovitch, M.P. Lukichev. Philadelphia, 1994. P. 1–71; О Московской компании см.: *Любименко И.* История торговых сношений России с Англией. Юрьев, 1912; Вып. 1. *Willan T.S.* The Early History of the Russia Company, 1553–1603. Manchester, 1968; *Arel M.S.* The Muscovy Company in the First Half of the Seventeenth Century: Trade and Position in the Russian State – A Reassessment. Ph. D. diss., Yale University. 1995. P. 127–179, 369–395, 413–533. Подробнее о Томасе Смите см.: *Богатырев С.Н.* От Волги до потока Амазонки: Жизнь и путешествие сэра Томаса Смита. // *Зеркало истории.* Вып. 2. Личность в истории. М., 1995. С. 52–66.

² См.: *Sir Thomas Smithes Voyage and Entertainment in Russia.* L., 1605. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. / Пер. И.М. Болдакова. СПб., 1893. С. XIV и сл. (Далее: Болдаков); *Богатырев С.Н.* Указ. соч. С. 60–62.

³ В некоторых публикациях воспроизводились только отдельные документы о посольстве Смита. См.: *Материалы по Смутному времени на Руси XVII в., собранные проф. В.Н. Александренко // Старина и новизна.* 1911. № 14. С. 197–230; Дополнения к материалам по Смутному времени на Руси XVII в., собранным проф. В.Н. Александренко // Там же. 1914. № 17. С. 94–100; *Любименко И.* Указ. соч. С. 183–184, 186–187; *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1969. Т. 1. С. 40–42; *Лантвева Т.А.* Как при котором государе жаловальные грамоты... даны // *ИА.* 1995. № 1. С. 223–224; *Purchas S.* *Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes,*

документов о посольстве Т. Смита отложилась в столбцах Посольского приказа [РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией). Оп. 1. Д. 43, 44]. Интересные источники, существенно дополняющие документы РГАДА, сохранились в Англии в Государственном архиве (Public Record Office), Архиве графства Стаффордшир, в рукописных собраниях Британского музея, Британской библиотеки и Квинз колледжа в Оксфорде.

В данной публикации представлены некоторые документы посольства Смита, отражающие историю Москвы. Рассмотрим подробнее содержание этих материалов.

Документы о прибытии в Москву английских архитекторов и строителей

Вместе со Смитом в Россию приехало несколько английских "полатных и городских мастеров". В свое время А.Ф. Малиновский справедливо указывал, что народная признательность требует помнить имена иностранных мастеров, которые способствовали "успехам художеств и ремесел в Москве"⁴. Приказные бумаги сохранили имена английских специалистов – Ульян Юрьев сын Бурном и Иван Яковлев сын Улк⁵.

Хорошо известно, что Борис Годунов всегда заботился о строительстве и украшении своей столицы. При нем производились большие строительные работы в Кремле и Китай-городе, был возведен новый мост через реку Неглинную, устроены первые городские богадельни. Несмотря на тяжелое положение в государстве после голода 1601–1603 гг., Годунов не оставил своих планов по сооружению в Москве новых зданий и храмов. Более того, развертывая городское строительство, царь стремился обеспечить работой хотя бы некоторую часть горожан, страдавших от голода и нищеты. Для этих целей государь приказал начать постройку особых галерей вокруг внешней стены города⁶. Годунов также распорядился о возведении на центральной площади Кремля грандиозного собора Всех Святых. Уже была готова модель этого храма, на место будущей стройки свезли необходимые материалы, но смерть царя помешала осуществить его замыслы. Вполне вероятно, что для участия в строительстве этого собора Борис Годунов решил пригласить английских специалистов. Во всяком случае англичане готовились к выполнению какого-то значительного заказа, недаром у них с собой было много "мастерской рухляди", т.е. много рабочих инструментов и оборудования⁷.

Борис Годунов хотел, чтобы английский архитектор и мастера надзирали за работами, составляли планы и строили каменные здания. Распоряжение о приглашении мастеров в Москву было отдано английскому коммерсанту Джону Меррику зимой 1603–1604 гг.⁸ Получив царский указ, Меррик попросил своих коллег найти для царя самых лучших специалистов в Англии. Хотя Меррик всячески старался ускорить их приезд, из-за всевозможных промедлений англичане прибыли в Россию только 22 июля 1604 г. вместе с королевским послом

Containing a History of the World in Sea Voyages and Land Travells by Englishmen and Others. Glasgow, 1906. Vol. 14. P. 132–157, 168–172, 285–292; Acts of the Privy Council, Jan. 1618 – June 1619. P. 156.

⁴ Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 120.

⁵ Об иностранных архитекторах в России см. также: Любименко И. Труд иноземцев в Московском государстве // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 6/7. С. 61–62.

⁶ Болдаков. С. 64

⁷ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

⁸ В письме к дьяку А.И. Власьеву от 5 июля 1604 г. Дж. Меррик сообщал, что он получил такое приказание зимой во время отсутствия Власьева. – См.: РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12; Материалы по Смутному времени... С. 197–198. Дьяк Власьев был с посольством в Дании с июля 1603 до начала 1604 г.

Томасом Смитом⁹. В письме к посольскому дьяку А.И. Власьеву Дж. Меррик характеризовал архитектора и каменщика как очень умных людей, опытных в своем деле¹⁰.

Важно отметить, что историки архитектуры, говоря об иностранных зодчих в России XVI – начала XVII в., как правило, упоминают только итальянских архитекторов, работавших в Москве вплоть до 30-х годов XVI в. Затем в известиях об иноземных мастерах наступает перерыв вплоть до царствования Михаила Федоровича, когда в Россию приехали архитекторы из Англии. Только недавно исследователи обнаружили новые материалы о других английских архитекторах, живших в Москве при Иване Грозном¹¹. Документы посольства Смита восполняют еще один пробел в наших знаниях о работе западных архитекторов в России. После публикации этих материалов у историков будут достоверные свидетельства о том, что английские мастера продолжали приезжать в Москву и во времена Бориса Годунова.

Документы о поступлении в Москву предметов роскоши из Англии

В этих документах Москва предстает перед нами как крупный центр потребления предметов роскоши. Английские купцы хорошо знали о широких возможностях столичного рынка предметов роскоши. Среди подобных товаров особая роль отводилась жемчугу. Впервые публикуемое в приложении письмо Смита к сэру Дж. Ливсону посвящено условиям продажи жемчуга в России. Скорее всего, адресатом письма был Джон Ливсон, получивший рыцарское звание в 1589 г. В описании графства Кент конца XVI в. он упомянут как "сэр Джон Ливсон из Холлинга (Halling), мировой судья сотни Шэзел (Shamele)"¹². Сам Томас Смит владел в графстве Кент недвижимостью, там же, в приходской церкви селения Саттон он и похоронен. Таким образом, Смит был "соседом" Дж. Ливсона, а также, по всей видимости, его хорошим приятелем и деловым партнером¹³.

Судя по письму, Т. Смит согласился осуществить в России ряд сделок от имени Ливсона. Купцу предстояло найти покупателя на некоторое количество жемчуга, переданного Ливсоном, а также изучить возможность реализации более дорогого вида жемчуга. 6 августа Смит сообщил Ливсону, что в Архангельске покупателей на товар не нашлось, но он планирует продать его в Москве. Надежды Смита по поводу столичного рынка жемчуга были весьма реалистичны. Во-первых, переданные Ливсоном жемчужины стоили 12 шиллингов за

⁹ Мастера опоздали на корабль, пришедший к Двине 4 июля, о чем писал Меррик в вышеуказанном письме Власьеву. Следующий корабль Меррика прибыл 7 июля, но специалисты опять не успели на него. Первые сообщения о мастерах появляются в отчете двинского воеводы, где он сообщил о приезде Томаса Смита в Россию 22 июля. – См.: РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 15–17, 29, 36–39. О прибытии кораблей в Холмогоры летом 1604 г. см.: Западноевропейские купцы и их товары в России XVII в. / Сост. А.В. Демкин. Под ред. А.А. Преображенского. М., 1992. С. 14–15.

¹⁰ См. письмо Дж. Меррика к А. Власьеву от 29 июля 1604 г.: РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 16–17; Материалы по Смутному времени... С. 201–202; Любименко И. История торговых сношений. С. 179–181. В публикации И. Любименко письмо Меррика и соответственно приезд мастеров в Россию неверно датированы 1603. Эта неправильная дата попала и в современную литературу. Ср.: Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: "Смута". М., 1988. С. 136.

¹¹ Баталов А.Л., Швидковский Д.О. Английский мастер при дворе Ивана Грозного // Архив архитектуры. М., 1992. Вып. 1. С. 102–109. Авторы признательны М.И. Мильчику за любезно предоставленную возможность ознакомиться с этой работой.

¹² Shaw W.A. The Knights of England. Baltimore, 1971. Vol. 2. P. 87; Lambard W. A Perambulation of Kent, 3rd. ed., intr. R. Church. L., 1596–1640. P. 23. Сотня – административная часть графства.

¹³ Bibliotheca Staffordiensis / Comp. R. Simms, n.c., 1894. P. 276; Shaw W.A. Op. cit. Vol. 2. P. 169; Богатырев С.Н. Указ. соч. С. 53, 63; Spurling S. Sir Thomas Smythe, knt. (1558?–1625): Governor of the East India Company and Patron of Bermuda. N.Y., 1955. P. 16–19.

унию. Жемчуг по такой цене особенно хорошо шел у европейских купцов в России¹⁴. И, самое главное, Смит правильно выбрал место его продажи. Москва представляла собой крупнейший рынок России, в столице давали самую высокую цену за товар. Сосредоточенная в Москве придворная элита была главным потребителем иностранного жемчуга. Москва также была местом пребывания церковных иерархов, покупавших много дорогих тканей, драгоценных металлов, камней и жемчуга¹⁵. Жемчуг использовали для украшения одежд знати и церковных иерархов, а также в отделке художественных изделий (шитья, икон, парадной посуды).

Покупка драгоценных материалов была важным источником пополнения царских сокровищниц. Другим способом накопления богатств являлись посольские дары. Под конец жизни Борис Годунов стал весьма скуп, нередко он самолично осматривал свои хранилища¹⁶. Теперь он предпочитал получать подарки, а не делать дорогие покупки, расходуя истощившуюся казну. Конечно, царь обрадовался богатым дарам, преподнесенным ему Томасом Смитом от имени английской королевской семьи и от себя лично.

Английский посол был принят в Кремле 11 октября 1604 г. Англичан поразила роскошь царского приема. В своем дневнике секретарь посольства описывает пышные одежды царских придворных и самого государя, дорогое убранство кремлевских помещений. Его внимание привлек поставец, на котором стояла дорогая посуда, "весьма хитро сделанная в форме всякого рода зверей, рыб и птиц". Наблюдения английского автора дополняются русскими документами. Судя по ним, в сенях Грановитой палаты по обе стороны от дверей на поставках стояли "бочки и ведра и львы серебряны и чары и ковши большие и достоканы многие". В самой палате, где царь дал обед в честь посла, установили большой комплект самой лучшей посуды, выбранной из всех поставцев. Напротив "государева места" располагались "суда золотые да орел двоеглавой", а напротив стола, где сидел посол, стояли "серебряные новые звери и птицы разные"¹⁷.

Весьма примечательно, что среди драгоценного убранства, выставленного в Грановитой палате, помещалось изображение государственного герба России – двуглавого орла. Согласно общепринятой практике, прием иностранных представителей при любом дворе сопровождался целой серией ритуальных символов и действий, служивших визуальным выражением власти, величия и богатства монарха и его державы¹⁸. К началу XVII в. двуглавый орел уже прочно ассоциировался с Российским царством, неслучайно он был изображен и на карете, подаренной Смитом царю (подробнее см. ниже).

Среди символических действий, связанных с приемом посла, очень важен акт преподнесения подарков монарху. Дары Томаса Смита особенно интересны тем, что часть из них до сих пор сохранилась в музеях Московского Кремля. В

¹⁴ См.: Западноевропейские купцы... С. 12–35.

¹⁵ О московском рынке жемчуга см.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. I. С. 174, 179, 180. См. также: *Чистякова Е.В.* Москва в середине 30-х гг. XVII в. // Новое о прошлом нашей страны / Под ред. В.А. Александрова и др., М., 1967. С. 301–309. О количестве жемчуга, накопленного в царских кладовых, ярко свидетельствует следующий факт: в 1611 г. после грабежа кремлевских запасников кичливые поляки стреляли крупными жемчужинами из своих мушкетов. См.: *Буссов К.* Московская хроника, 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 198, 384.

¹⁶ Болдаков. С. 63.

¹⁷ Болдаков. С. 36; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 149, 150, "Новых зверей", очевидно, подарили немецкие послы в 1603 г. (РГАДА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 41. Л. 301).

¹⁸ О русском придворном церемониале см.: *Crummey R.O.* Court Spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality // *Essays in Honor of A.A. Zimin*, ed. D.C. Waugh. Columbus, 1985. P. 130–157; *Юзефович Л.А.* Как в посольских обычаях ведется: Русский посольский обычай конца XVI – начала XVII в. М., 1988. 96–141. О подобной западноевропейской практике см.: *Strong R.* Splendor at Court: Renaissance Spectacle and the Theatre of Power. Boston, 1973.

частности, в Оружейной палате можно видеть преподнесенные Смитом карету и две серебряных сулей с цепочками¹⁹.

Доставленные Смитом подарки делятся на несколько групп. Первую группу составляли подарки от английского короля Якова I царю Борису Годунову и царице Марье Григорьевне. Далее следовали дары от Якова детям Бориса Годунова, царевичу Федору и царевне Ксении. Наконец, последняя группа подарков преподносилась от имени самого Томаса Смита самым главным лицам при дворе – царю Борису Годунову и его сыну Федору. Практика дарения от имени посла существовала задолго до Смита, так часто поступали многие английские дипломаты, стараясь заслужить милость государя²⁰. Подарки, привезенные в 1604 г. Смитом, отражали тогдашние политические реалии. Иностранцы знали, что Борис был тяжело болен и власть скоро могла перейти к его сыну Федору, официальному наследнику. Богатые подарки царевичу отразили предчувствия англичан по поводу скорого воцарения Федора Годунова и их стремление заручиться поддержкой будущего монарха. Дары Федору и его сестре Ксении (а также их матери) связаны и с другой проблемой, существовавшей с осложнявшейся англо-русские отношения. Речь идет о настоячивых попытках Бориса Годунова породниться с иностранными правящими домами²¹. Англичане занимали очень осторожную позицию в этом вопросе. С одной стороны, они не давали решительного отказа, опасаясь навлечь неприятности на Московскую компанию или подтолкнуть Россию к династическому союзу с врагами Англии. Однако новый английский король не имел никакого желания продолжать переговоры по поводу брака, поэтому письменные инструкции Смигу не содержали никаких упоминаний о брачных проектах. В то же время, стараясь быть учтивыми и вежливыми, англичане решили преподнести подарки детям Бориса Годунова независимо от хода официальных переговоров.

Как и другие послы, Смит преподнес царю и его семье широкий ассортимент подарков. Многие подарки Смита были вполне обычными для английской дипломатии, однако другие дары посла отличались своей оригинальностью. Среди них уже заметно преобладание серебряной посуды, которая будет доминировать среди английских даров на протяжении всего XVII столетия²². Из посуды Смитом дарились блюдо и кувшин, а также разные другие сосуды для жидкости – маленькие и большие кубки, фляги, высокие кружки с крышками общей стоимостью около 846 руб. Среди подарков посла имелись также ткани – основной товар, ввозимый в Россию Московской компанией. Неудивительно, что ткани всегда присутствовали среди английских даров московским царям, особенно популярны были шелк и бархат. Исключительно высоко ценился малиновый бархат, поскольку он ассоциировался с парадной одеждой монарха. Поэтому далеко не случайно Федору Годунову подарили отрез бархата малинового

¹⁹ Идентификацию и репродукции указанных предметов см.: *Гольдберг Т.Г.* Из посольских даров XVI–XVII веков: Английское серебро // Государственная Оружейная палата Московского Кремля / Под ред. С.К. Боговяленского и Г.А. Новицкого. М., 1954. С. 444; *Oman Ch. The English Silver in the Kremlin, 1557–1663.* L., 1961. P. 29–30. Plates 6, 11.

²⁰ См.: *Willan T.S.* Op. cit. P. 230; *Oman Ch.* Op. cit. P. 20–21.

²¹ О планах Годунова по поводу династических браков см.: *Willan T.S.* Op. cit. P. 233–244; *Evans N.E.* The Anglo-Russian Royal Marriage Negotiations of 1600–1603 // *Slavonic and East European Review.* 1983. N 61. P. 363–387; *Allen W.E.D.* The Georgian Marriage Projects of Boris Godunov // *Oxford Slavonic Papers.* 1965. N 12. P. 69–79.

²² Среди подарков Ивану Грозному, присланных от королевы Марии в 1557 г., были ткани различных сортов, оружие и львы. В 1586 г. Дж. Горсей преподнес посуду, нити жемчуга, изящные пистолеты, оружие, вина, различных животных (собак, львов, быков), лекарственных препараты, клавикуды и другие "изумительные и дорогие вещи". *Bond E.A.*, ed. *Russia at the Close of the Sixteenth Century.* L., 1856. P. 217; Ср.: *Горсей Дж.* Записки о России, XVI – начало XVII в. / Пер. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 104. О преобладании посуды в английских дарах см.: *Гольдберг Т.Г.* Указ. соч. С. 438, 442–465.

цвета. Кроме того, Смит преподнес Федору пару пистолетов. Этим показывалось, что царевича уже воспринимают как зрелого человека и отважного воина, каковым должен быть каждый государь.

Личный подарок Смита царю представлял собой нить жемчуга из 2000 зерен (стоимость по разным оценкам 600–800 руб.). В свое время подобный подарок Борис Годунов получил от английских послов Дж. Горсея (1586 г.) и Фрэнсиса Черри (1598 г.)²³. Жемчугом нередко украшались царские наряды. Так, во время приема Смита царь Борис Годунов и его сын Федор имели на головах скуфейки, вышитые жемчугом. Жемчужное ожерелье носила и супруга Бориса Годунова²⁴. Наконец, первым из англичан Смит подарил царю совсем особый подарок – пышно драпированную и богато украшенную карету, оцененную примерно в 106 руб. Несомненно, эта карета произвела сильное впечатление на москвичей, когда она, запряженная двумя парадными лошадьми, ехала через город в Кремль²⁵. В силу своей новизны и некоторой нарочитости, такой презент удачно отражал щедрость короля Якова. Доставка кареты в Россию имела и узкий практический смысл. Для Бориса Годунова, который из-за подагры не мог много ходить, шикарная карета была удобным и достойным средством передвижения, пускай даже на небольшие расстояния в пределах Кремля²⁶. Следует заметить, что сам Томас Смит также страдал подобным недугом (позже из-за приступа подагры он не сможет посетить Федора Годунова, когда тот взойдет на престол). Поэтому в дороге от Вологды до Москвы посол ехал в экипаже. В материалах Посольского приказа экипаж Смита назывался "посольский возок", для него выделялось три подводы лошадей. Несомненно, здесь идет речь о той самой карете, которая была подарена Борису²⁷.

Англичане надеялись, что Борис Годунов по достоинству оценит и практическую, и символическую стороны необычного подарка. Идейный смысл выражался многочисленными изображениями, украшающими повозку. Ее боковые стенки покрыты красочно расписанными сценами охоты с участием европейцев, турок и изображением различных зверей (кабанов, медведей, оленей и леопардов). Задняя панель, окруженная фигурами льва и единорога, украшена резным изображением русского двуглавого орла и сценами битвы русских с турками. Конечно, выбор подобных сюжетов не случаен. Они призваны подкрепить важнейшую информацию, которую Смит должен был сообщить в Кремле: несмотря на торговые связи с Портой, в войне турков с Габсбургами Англия ни в коем случае не поддерживает Турцию, заклятого врага России. Более того, изображения задней панели подчеркивали главную роль России в борьбе с Турцией. Эта роль воплощалась в фигурах двуглавого орла, а также льва, символизирующего могущество, и единорога – мифического живот-

²³ Гольдберг Т.Г. Указ. соч. С. 440, 442.

²⁴ Болдаков. С. 35, 81. Образцы использования жемчуга в прикладном искусстве см. также: Andrews P. Les grands trésors de l'histoire: Les Tsars, tr. Hélène Schmidt. Éditions du Fanal (нет места издания). 1984.

²⁵ Болдаков. С. 32. В 1587 г. поляки подарили карету с шестью лошадьми крупному чиновнику дьяку А.Я. Щелкалову (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 18. Л. 223). См. также: Богатырев С.Н. Клан дьяков Щелкаловых // Историческая генеалогия. 1995. № 5. С. 68.

²⁶ Карета была преподнесена без колес (см. ниже). Нынешние колеса, по всей видимости, были приделаны в конце XVII в. Когда Смит готовился ехать на прием в Кремль, он попросил, чтобы ему "были предоставлены лошади и прочие предметы, которых у него не было в запасе". Вероятно, Смит подразумевал именно запасные колеса, поскольку прежние не выдержали езды по русским дорогам. Послу выдали колеса, и он смог использовать карету во время приема, однако приказные дьяки скрупулезно отметили, что своих собственных колес у английской повозки не было. См.: Болдаков. С. 31; Ср.: Гольдберг Т.Г. Указ. соч. С. 444. *Oman Ch.* Op. cit. P. 30. Фотографии кареты там же, на вклейках 6 и 7.

²⁷ См.: Болдаков. С. 23; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 57; Там же. Д. 44. Л. 9; Материалы по Смутному времени... С. 225.

ного, внушающего благоговейный трепет. Как известно, лев и единорог поддерживают щит на государственном гербе Англии. В украшениях кареты использована аналогичная композиция – в центре помещен русский двуглавый орел, а по бокам от него – щитодержатели английского герба (лев и единорог)²⁸. Так с помощью геральдических символов подчеркивалось единство России и Англии в борьбе с неверными. Сцены совместной охоты европейцев (читай – англичан) и турок имели следующий смысл: у этих народов может быть что-нибудь общее, например, охота, или, как говорил в Москве Смит, торговля, но это не означает никаких союзнических отношений.

Ниже публикуются три варианта списка даров Смита – английский текст и его аналоги на русском языке. Согласно отчету о путешествии, английский текст списка (далее – список *А*) был передан посольскому дьяку А.И. Власьеву еще до официального приема Т. Смита в Кремле²⁹. Русский текст списка сохранился в двух вариантах. Описывая ход приема в Кремле, посольские дьяки подготовили краткий перечень подарков (далее – список *П*). Кроме того, для хранения даров в Казенном приказе был составлен подробный их перечень с детальным описанием предметов и указанием веса и стоимости (список *К*). Казенный приказ во времена Бориса Годунова стал главным местом накопления драгоценностей, поэтому инвентарные списки составлялись в Казне с особой тщательностью³⁰.

Описания списка *А* носят самый общий характер: вес, стоимость и металл изделий не отмечены, ткань часто описывается суммарно, без указаний на ее вид и размеры отрезов. Внутри списка подарки сгруппированы по следующим перечням: дары короля и королевы царю и царице, их же дары царевичу и царевне, дары посла царю, дары посла царевичу. Эта структура сохранена и в русских списках подарков.

Из двух сохранившихся русских списков ни один не является дословным переводом с английского текста. В целом, однако, список *П* намного ближе к английскому списку *А* (в обоих списках дары перечисляются в одинаковом порядке). В то же время в списке *П* уже отмечен материал изделий и количество зерен жемчуга, подробнее описываются подаренные ткани. Наиболее интересно уникальное свидетельство списка *П* об отсутствии колес у подаренной кареты (см. выше). Самые полные описания английских даров содержит список *К*. По сравнению с предыдущими списками подарков в списке *К* перегруппированы описания королевских даров Борису Годунову. Теперь описание лохани и ручной мойники перенесено из середины в конец перечня посуды, после описаний сулей, кубков и стоп. В списке *К* подробно перечисляются все разновидности ткани с указанием длины отрезов. Почти вся ткань была красного цвета того или иного оттенка (брусничного, агрового, темно-вишневого). Несомненно, этот цвет был самым популярным при царском дворе, по крайней мере среди взрослых³¹. Ткань, подаренная Смитом, была двух видов – "шарлат" (или "скарлат") и "лундыш". "Шарлат" представлял собой дорогую разновидность ткани. Обычно англичане не ввозили его в Россию, предпочитая экспортировать ткани дешевой и средней стоимости. Что касается дорогого "лундыша", он поставлялся в

²⁸ О символическом значении образа единорога в русской средневековой геральдике см.: *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 24–25.

²⁹ Болдаков. С. 31.

³⁰ См.: *Богатырев С.Н., Шмидт С.О.* Писанные законы России: Английское описание Московского государства конца XVI в. // ИА. 1995. № 5. С. 198.

³¹ Детям обычно дарили ткани других цветов. Так, в 1636 г. англичанин Саймон Дигби преподнес царице Татьяне, новорожденной дочери царя Михаила Федоровича, столовое серебро, белые атлас, шелк и сукно, а также отрез серебристого атласа. Эти ткани очень хорошо подходили для детского белья (РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 126 об – 127 об.).

Россию, но в очень ограниченном количестве³². Таким образом, для подарков царю были отобраны действительно роскошные ткани на сумму около 435 руб. Список *К* также содержит детальные сведения о столовом серебре, подаренном Смитом. Несмотря на то что описание художественных достоинств предметов сведено в списке к минимуму, данные об их цене и весе дают вполне определенное представление об этих дарах. Хотя у нас мало источников по другим английским посольствам, можно утверждать, что дары Смита были одним из самых дорогих подарков, присланных из Англии. Их общая стоимость (свыше 2000 руб.) уступала только стоимости даров сэра Дж. Меррика, английского посла к первому царю новой династии Романовых (1615 г.)³³.

Список *А* ранее публиковался в английских исследованиях А. Маскелла и Ч. Омана по истории прикладного искусства³⁴. Самое интересное, что русские исследователи, изучавшие документы миссии Смита, никогда не использовали список *К*. Так, Н.М. Карамзин, цитируя "бумаги Смита посольства", приводит перечень королевских даров по списку *П*³⁵. Этот же список с некоторыми ошибками опубликован в обстоятельном исследовании Т.Г. Гольдберг об английских посольских дарах XVI–XVII вв.³⁶ Выше уже указывалось, что списки подарков Смита важны не только для истории англо-русских сношений, но и для изучения нынешней коллекции Оружейной палаты Московского Кремля. Исследуя состав английского серебра из фондов Палаты, Т.Г. Гольдберг заметила, что точно идентифицировать предметы из даров Смита невозможно из-за отсутствия в списке *П* сведений о весе предметов. С публикацией списка *К* в научный оборот вводится важный источник, восполняющий пробелы списков *А* и *П*.

В целом публикуемые материалы посольства Т. Смита отражают самые разные стороны англо-русских контактов в Москве во времена Бориса Годунова. Сам город произвел на Смита и его помощников весьма неплохое впечатление. Покидая русскую столицу, секретарь посольств охарактеризовал Москву как "большой и, насколько то возможно при деревянных строениях, красивый город"³⁷.

Авторы работы выражают благодарность Российскому государственному архиву древних актов за разрешение опубликовать документы № 1–4,6 и Архиву графства Стаффордшир (Великобритания) за разрешение напечатать документ № 5. Авторы также признательны Е.Е. Лыковой и И.А. Тихонюку за проведенную ими сверку текстов документов по подлинникам РГАДА.

М.С. Арел, С.Н. Богатырев

³² Подробнее об английском и голландском экспорте тканей в Россию в первой половине XVII в. см.: *Arel M.S. Op. cit. P. 324–339.*

³³ О подарках Меррика см.: *Гольдберг Т.Г. Указ. соч. С. 446.*

³⁴ *Maskell A. Russian Art and Art Objects in Russia: A Handbook to the Reproductions of Goldsmiths' Work and Other Art Treasures from That Country in the South Kensington Museum. L., 1884. P. 231–232; Oman Ch. Op. cit. P. 29.*

³⁵ *Карамзин Н.М. История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1845. Т. 11. Репринт: М., 1989. Стб. 46; Примечания к т. 11. Прим. № 106. Стб. 25; Ср. [Лакиер А.Б.] Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI и XVII столетиях. СПб. [1854]. С. 58.*

³⁶ См.: *Гольдберг Т.Г. Указ. соч. С. 444.*

³⁷ *Болдаков. С. 51.*

І. ДОКУМЕНТЫ О ПРИБЫТИИ В МОСКВУ АНГЛИЙСКИХ “ГОРДОВЫХ МАСТЕРОВ”

1

1604 г. августа 27. Отписка дворецкого боярина С.В. Годунова царю Борису Годунову о размещении английских мастеров в Москве и об обеспечении их кормом

* Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии холоп твой Степанко Годунов¹ челом бьет. Августа, государь, в 25 день писал к тебе, ко государю, от Архангельского города Тимофеи Лазорев да подъячеи Рохманин Воронов², что отпустили они к тебе, ко государю, с розсыльщиком с Ывашком Великим Аглинские земли полатных и городовых мастеров Ульяна Бурнома да Ивана Улка, да с Ульяном же сына его Ульянка да человека его Рыцера. А велели, государь, они тому розсыльщику не доезжая Москвы стати за пятнатцать или за десять верст и про тех мастеров сказати на Москве в Посольском приказе.

Л. 40

И розсыльщик, государь, Ивашко Великои сказал мне, холопу твоему, что он поставил тех мастеров в Братошине³, а с ними ехал в толмачех аглинского гостя Иванова человек Ульянова⁴ немчин Вилка Збрунов⁵, а корму, государь, давано им в дороге двум мастером по пяти денег человеку, а сыну Ульянову по три деньги, а человеку Ульянову по две деньги на день, и немцы, деи, государь, говорили, что им того корму мало.

И мы, холопи твои, послали того ж розсыльщика, а велели ему с теми немцы приехати к Москве августа в 28 день, и поставити их велели до твоего государева указу в Китае-городе на княже Иванове дворе Одоевского⁶. А как, государь, они придут к Москве, и мы, государь, велим давати тому же розсыльщику денег покупати корм тем немцом как им мочно сытим быти без нужи, и вина^{1*} и пива и меду неотвелика^{2*} велим им дати до твоего государева указу. А что, государь, давати им поденного корму и где им вперед стояти, на том ли дворе или будет они учнут проситись на Аглинской двор⁷, и кому у них быти в приставех, и о том, государь, мне холопу твоему, как укажешь. А которые, государь, отписки писали к тебе, ко государю, из Орхангельского города и Вологды приказные люди о тех мастерех, и я, холоп твой, те отписки послал к тебе, к государю. //

Пометы:

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии. Дати всем 4-м по гривне денег да два ведра меду всем. Поставити на Аглинском дворе^{3*}.

Л. 40об.

РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 40–40об.

* Второй список этой грамоты на л. 45–46.

^{1*} И вина написано над строкой.

^{2*} Слово написано над строкой.

^{3*} В начале пометы зачеркнуто дати на корм. Пометы на втором списке грамоты. (л. 46) С костромитином с Богданом с Усовым. Пристав костромитин Ждан Усов.

2

После 1604, августа 28.

Запись о прибытии английских мастеров в Москву

И августа в 28 день к Москве колмогорской розсыльщик Иванко с немцы приехал, а поставлены на Одоевского дворе, а на приезде им

Л. 46

государева жалованья дано крушка вина, 2 ведра меду [...]¹* 3 ведра пива [...]²* денег по государеву указу.

РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43.

¹* Далее одно слово неразборчиво.

²* Конец строки и вставка над ней не читаются из-за повреждения листа.

3

*1604 г. августа 31. Память из приказа Большого Дворца
в Посольский приказ
об организации размещения английских мастеров*

Л. 43

Лета 7112 августа в 31 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу память дьяку Афонасью Власьеву⁸. Приехали ко государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии аглинские немцы полатные мастера два человека, а у одново сын да человек, да с ними ж приехал Иванов человек Ульянов. А в дороге им корму давано двум мастером по пяти денег человеку, а мастерову сыну да человеку двема пять денег на день, а колмогорской розсылщик, которой с ними ехал, сказывал, что им того корму не ставитца. И на Москве велено давать до государева указу на день на корм им по четыре алтына да питья по шти чарок вина да по полутора ведра пива. А поставлены в Китае-городе на Никольском кресце на Строгановых дворе⁹. А о указе, что им давати вперед поденного корму и питья и туто ли им стояти или будет учнут проситца на Аглинской двор и кому у них в приставех быть, и о том боярин и дворецкой Степан Васильевич Годунов писал ко государю августа в 27 день с Богданом Усовым. И о том государы¹* указ не присылыван, а без государева указу никуды их з двора не спущают да Иванов человек Ульянова туто же у них на дворе, а проситца на Аглинской двор. И по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу дьяку Офонасью Власьеву прислати государев указ, что тем немцам давати поденного корму и питья или будет чево в запрос попросят и кому у них быти в приставех и туто ли им стояти и будет похотят на Аглинской двор или гулять, пущать ли их з двора и Иванова человека отпустить ли на Аглинской двор^{2*}.

Помета по нижнему полю листа: [...]³ году сентября в 1 день привез романовец Иван Су[ков]*

РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 43.

¹* Очевидно, следует читать государев.

²* Далее приписано небрежной скорописью дьяк (далее слово неразборчиво) руку приложил.

³* В рукописи оставлено место для даты.

4

*1604 г. августа 31. Грамота от царя Бориса Федоровича Годунова
дворецкому боярину С.В. Годунову
о размещении английских мастеров в Москве
и об обеспечении их кормом*

Л. 48

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии боярину нашему и дворецкому Степану Васильевичю Годунову. Писал еси к нам, что отпустили от Архангельского города Тимофеи Лазарев да Рахманин Воронов к нам к Москве с розсылщиком с Ывашком Великим Аглинские земли полатных и городовых мастеров Ульяна Бурно-

ма да Ивана Улка, да с Ульяном же сына его Ульянка да человека его Рыцера, а на корм им дано в дороге двум мастером по пяти денег человеку, а сыну Ульянову по три деньги, а человеку его по две деньги на день. И немцы де говорили, что им того корму мало. И августа в 28 день велел ты с теми немцы приехати к Москве, и корм им велел давати^{1*}, и нам то ведомо^{1*}. А что им вперед давати корму и где им стояти и кому у них в приставстве быти, о том бы нам велети тебе указ учинити. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты тех немец Ульяна Бурнома с товарищем и с сыном его и человеком велел поставити на Аглинском дворе, а на корм им велел давати всем на день по гривне денег да по 2 ведра меду. Писана на Москве лета 7112 августа в 31 день^{2*}.

Пометы:

^{3*} 113 году сентября в 1 день [...] ^{4*} послана. А велено давати на корм и питье по государеву указу, а по прежней памяти не давати. //

Боярину нашему и дворетцкому Степану Васильевичу Годунову. 113 году сентября в 1 день.

Л. 48об.

РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 48–48об.

^{1*} Слова написаны над строкой.

^{2*} Во втором списке грамоты вместо этого предложения написано: Писана на государеве цареве и великого князя селе на Борисове лета 7112 августа в 31 день (л. 42).

^{3*} Перед датой одно слово неразборчиво.

^{4*} Далее конец строки и начало следующей строки написаны неразборчиво.

II. ДОКУМЕНТЫ О ПОСТУПЛЕНИИ В МОСКВУ ПРЕДМЕТОВ РОСКОШИ ИЗ АНГЛИИ

5

*1604 г., августа, 6. Письмо сэра Томаса Смита сэру Джону Ливсону
о продаже жемчуга в Архангельске и Москве*

Sir,

Beinge safly arrived at the port of St. Michels in Muscovy¹⁰ I have thought good to discharge the task committed unto me by you toching the pearle I received from you. I understand ther is littel sale for them at this place but I am put in hope that I shall sell them at the Musco at your owne price at the least which I will do rather then I will retorne them agane into England accordinge to your desire. But beinge rated at 10 [shillings]¹¹ they are not worth the adventure hether.

I have also inquired of the samples you gave me, and do find that if they weare bored they would yeald the prices you set upon them, excepte those of the 40 [shillings], which will not yeald above 30 [shillings] wherefore if you desire to be ride of them, I do thinke it your best waye to cause them to be bored and to send them hether directed to me the next yeare (if I be not come into England before) and I receivinge the same wil become your debtor at the rates you set downe so that those of the 40 [shillings] be rated at the 30 [shillings] which is all they will yeald for any thinge theare, or else, if you thinke not well of that, you may leave them of 40 [shillings] unsent, if you can make more then 30 [shillings] their in England. If your resolve heareof they must be readie to be delivered to this bearer my sarvant by the ende of Aprill, that they may be sent me by the first shipes for that my meaning is to retorne presently after ther cominge hether, so that if they be not come hether before my retorne I shall not take any good order for them. You shall heare of my man ether at Nettelsted¹² or at Mr. Crispes¹³ house in Gracious streat¹⁴ in London from time to time.

I have (2r) hearewith sent you the samples againe because you may the better deserue of them, and have also kept som of every one because I would make farther inquiry of them for the better sale therof if they come.

Thus with my very kinde comendations to you and your good Lady I leave you to the blessed protection of the Almightye from the Arkangell the 6th of August 1604.

Your very lovinge and
assured frend,
Thomas Smythe

Eds. The verso is addressed as follows: "To the R[ight] worshipfull his very lovinge frend Sr Jhon Lewson knight at his house neere Rochester in Kent". There is a line below this, but it is indecipherable.

Three lines are scribbled in the right margin of 2r, seemingly notes concerning the pearls, but the hand is largely illegible

Staffordshire Record Office. D 593/5/4/69/19

Перевод

Сэр,

По благополучному прибытию в гавань Св. Михаила в Московии¹⁰, я посчитал полезным выполнить Ваше поручение по поводу того жемчуга, который я получил от Вас. Я выяснил, что в этом месте мало возможности продать его, но меня обнадежили, что я продам его в Москве по меньшей мере за Вашу собственную цену, что я и сделаю вместо того, чтобы возвращать его обратно в Англию, как Вы того желали. Однако при цене в 10 шиллингов¹¹ он не оправдывает риска, связанного с доставкой сюда.

Также я сделал запрос по тем образцам жемчуга, которые Вы мне дали, и выяснил, что если бы они были просверлены, то могли бы подаваться по установленной Вами цене, за исключением образцов по 40 шиллингов, которые можно продать самое большее по 30 шиллингов. Поэтому, если Вы хотите реализовать этот жемчуг, то Вам, я полагаю, следует приказать просверлить его и в следующем году послать сюда, адресованным на мое имя (если я до этого не вернусь в Англию). Получив этот жемчуг, я стану Вашим дебитором на сумму, которую Вы установите с учетом того, что жемчуг, оцененный в 40 шиллингов, должен иметь цену в 30 шиллингов – это самое большое, что он может принести, судя по всему тому, что я узнал [здесь]. Если Вы невысокого мнения об этом предложении, Вы можете оставить жемчуг, оцененный в 40 шиллингов, у себя, коли сможете получить за него в Англии больше, чем 30 шиллингов. Если же Вы решите [принять мое предложение], то жемчуг должен быть готов для передачи подателю сего, моему слуге, к концу апреля, чтобы жемчуг можно было отослать ко мне с первыми кораблями, поскольку я намереваюсь вернуться вскоре после их прибытия сюда. Поэтому, если жемчуг не поступит до моего отбытия, я не смогу с ним ничего сделать. Вы сможете время от времени услышать о моем человеке либо в Нэтлстеде¹² (Nettelsted), либо в доме г-на Криспа (Crispe)¹³ на улице Милосердия (Gracious srteat)¹⁴ в Лондоне.

Посылаю Вам назад образцы, поскольку Вы сможете лучше распорядиться ими. Я также оставил себе по несколько образцов каждого типа, чтобы сделать по поводу них дальнейшие запросы с целью более выгодно продать жемчуг, если он поступит.

За сим с моими наилучшими пожеланиями Вам и Вашей достойной супруге я оставляю Вас под благословенной защитой Всемогущего.

Из Архангельска 6 августа 1604 г.
Ваш самый любящий и преданный друг
Томас Смит

Адрес: Милостивому государю, любимому другу сэру Джону Ливсону
в его доме около Рочестера, Кент*.

По правому полю л. 2об. неразборчивая помета, очевидно, записи о количестве и цене
жемчуга.

* Далее одна строка неразборчива.

6

Списки подарков царю Борису Годунову и членам его семьи
от английского короля Якова I, королевы Анны
и посла в России Томаса Смита

1604, октябрь 10*. Список А.

A Praesent to the greate Empero^r and
greate Duke Borris Phedorow^{ch} of all
Russia, and to the Empris Marya Grygoryevna
from James the greate Kinge of all England ~~

A Charryott¹⁵
Two greate flaggons¹⁶
A christall Cuppe
A Bason and Ewre
Two Haunch Pottes¹⁷
One standinge Cuppe
One Peece of Scarlett and fowre
peeces of other fine cloathe
§—————§

A Preasant to the greate Lo: and Prince
Duke Feodor Borysew^{ch} of all Russia and
to the virtuous Princes θ ekseenya Borysovna
from James the greate Kinge of all England ~~

One standinge Cuppe
Two Tankers
Two Livery Pottes [*18]
One Peece of Scarlett and three
peeces of other fine cloathe
§—————§

A Preasant to ye greate Empero^r and
greate Duke Borris Phedorow^{ch} of all Russia
from the Lo: Embassador of England. /

A Chayne of Pearle
§—————§

A Preasant to ye greate Lorde and Prince
Duke Feodor Borysow^{ch} of all Russia
fro the Lo: Embassador. /

Two cluster of cuppes
One peece of Crimson Velvett
One case of Pistolles
§—————§

Помета на нижнем поле листа: 7113 году октября в 12 день.

РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

* Датировано по: Болдаков. С. 31.

1604 г., вскоре после октября 12^{1*}. Список II.
(из описания приема Т. Смита в Кремле)

- Л. 141 [Подарки царю и царице от короля и королевы]:
возок без колес поволочен бархатом червчатым;¹⁵
2 сулеи серебряные золочены;¹⁶
сосуд хрустальной обделан золотом;
лохань да рукомоиник серебряны золоч[ены];
две стопы серебряны золочены;¹⁷ //
- Л. 142 кубок серебрян золочен с крышкою;
постав сукна скорлату,
4 постава^{2*} сукон^{3*} розными цветы. //
- Л. 143 [Подарки короля и королевы царевичу и царевие]:
кубок серебрян золочен^{4*};
2 судна серебряны золочены;
2 стопы серебряны золочены¹⁸;
поставъ сукна скорлату;
3 поставы^{5*} сукон^{6*} розными цветы. //
- Л. 146 [Подарок посла царю]:
чепь жемчужная^{7*};
[Подарки посла царевичу]:
2 става судов серебряных^{8*};
поставъ^{9*} бархоту^{10*} кармазину;
2 самопала коротких пазовожены золотом и серебром.

РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 141–146.

^{1*} Датировано по помете на списке А.

^{2*} Исправлено из поставцы.

^{3*} Далее зачеркнуто лундышей.

^{4*} Далее зачеркнуто с крышкойю.

^{5*} Исправлено из поставцы.

^{6*} Далее зачеркнуто лундышей.

^{7*} Далее зачеркнуто а в ней 2000 зерен жемчюгу скатново.

^{8*} Далее зачеркнуто достаканцов.

^{9*} Исправлено из поставец.

^{10*} Далее зачеркнуто червчатого.

1604 г., вскоре после октября 12^{1*}. Список К.

- Л. 229 Роспись, что прислали к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии аглинской и шкоцкой Якуб король и государыне царице и великой княгине Марье Григорьевне всеа Русии королева Анна поминков.
Возок поволочен бархатом червчатым глатким, ценили 106 рублей 10 де[нег];¹⁵
2 сулеи серебряны золочены одним образцом, весу в обеих 113 гривенок с полугривенкою, ценили по 4 рубля с полтиною гривенку, итого 510 рублей и 25 алтын;¹⁶
Кубок хрустальной с крышкойю, обделан золотом, ценили 25 рублей;
2 стопы серебряны золочены с рукоядьми и с крышками, весу в обеих 19 гривенок, ценили по 4 рубля гривенку, итого 76 рублей;¹⁷
Кубок серебрян золочен с крышкойю на братинное дело, весу в нем 5 гривенок без чети, ценили по 4 рубля гривенку, итого 19 рублей;

^{1*} Датировано по помете на списке А.

Лохань да рукомойник серебряны золочены, весу в них 19 гривенок и 18 золотник, ценили по 3 рубля с полтиною гривенку, итого 67 рублей и 27 алтын с полуденгою; //

Половинка сукна шарлату червчатого, меры в ней 19 аршин и 7 вершков, ценили по 3 рубля аршин, итого 58 рублей и 10 алтын пол-3 деньги;

Л. 230

Половинка сукна полушарлату^{2*} червчатого, меры в ней 23 аршины, ценили по 2 рубля аршин, итого 46 рублей;

Половинка сукна лундышу красно-брусничной цвет, меры в ней 13 аршин с вершком, ценили по 2 рубля аршин, да к той же половинке пришито 2 аршина без вершка лундышу светло-брусничной цвет, ценили по рублю аршин, итого 28 рублей 4 алтына с полуденьгою. //

Половина сукна лундышу красно-багрового, меры 20 аршин 13 вершков, ценили по 2 рубля аршин, итого 41 рубль и 20 ал[тын] 5 де[нег];

Л. 231

Половинка сукна лундышу темно-вишневого, меры 20 аршин, ценили по пол-2 рубля аршин, итого 30 рублей;

И всего на 1016 рублей и на 20 алтын пол-3 де[ньги].//

Государю царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии король Якуб и государыне царевне и великой княжне Ксенье Борисовне всеа Русии королева Анна прислали поминков.

Л. 232

Кубок серебрян золочен с покрывкою яблоком, весу в нем 4 гривенки без 9 золотников, ценили по 4 рубля гривенку, итого 15 рублей с четью; 2 судна невелики аглинские с рукоядьми и с покрывками золочены, весу в обеих 10 гривенок и 18 золотник, ценили по 4 рубля гривенка, итого 41 рубль с полтиною; .

2 стопы невелики серебряны золочены с рукоядьми и с покрывками, весу в обеих 8 гривенок и 3 золотники, ценили по 4 рубля гривенку, итого 32 рубля с четью;¹⁸

Половинка сукна шарлату червчатого, меры в ней 25 аршин, ценили по 3 рубля аршин, итого 75 рублей;

Половинка сукна лундышу красно-вишневого, меры в ней 27 аршин, ценили по пол-2 рубля аршин, итого 40 рублей с полтиною; //

Половинка сукна лундышу светло-брусничной цвет, меры в ней 22 аршина, ценили по рублю аршин, итого 22 рубля;

Л. 233

Половинка сукна лундышу, лимонный цвет, меры в ней 19 аршин с пол-аршином, ценили по рублю аршин, итого 19 рублей с полтиною. И всего на 246 рублей.

И обоего государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии и государю царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии аглинской Якуб король прислал поминков и с возком на 1262 рубли и на 20 алтын пол-3 деньга.

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии посол князь Томас от себя челом ударил.

Чепь жемчужная, а в ней 2000 зерен скатного жемчугу, ценили среднею ценою по 4 гривны зерно, а меншою ценою по 10 алтын зерно, итого по средней цене 800 рублей, а по меньшей цене 600 рублей.

Государю царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии посол князь Томас челом ударил. //

2 ставка достоканов серебряных, по десяти достоканов в ставке с покрывками, венцы и стоянца резаны золочены, весу в них 24 гривенки и 9 золотник, ценили по 3 рубля с полтиною гривенку, итого 84 рубли и 21 алтын пол-5 деньга;

Л. 234

^{2*} Полу написано над строкой.

Поставец бархату кармазину червчатого глаткого, меры в нем 43 аршины и 9 вершков, ценили по рублю и по 23 алтыны по 2 де[ньги] аршин, итого 74 рубля;

2 самопала аглинских коротких, влагалища бархат червчат, ценили 10 рублей.

И всего государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси и государю царевичу князю Федору Борисовичю всеа Руси аглинской посол князь Томас от себя челом ударил поминков по средней цене на 968 рублей на 21 алтын пол-5 деньга, а по меньшей цене на 768 рублей на 21 алтын пол-5 де[ньги].

Л. 229об. *Помета:* [стольник] князь Иван Хворостин[ин]¹⁹

РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 229–234.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Годунов Степан Васильевич – троюродный брат царя Бориса Годунова, боярин (с 1584 г.). В 1598 г. стал дворецким, одной из его обязанностей было обеспечивать кормом иностранцев в Москве. См.: Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. Ср.: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 195.
- ² Лазарев Тимофей Матвеевич – воевода на Двине в 1603–1605 гг. Воронов Рахманин Макарьевич, подчий на Двине в 1600–1605 гг. См.: Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 459, 507.
- ³ Братошино – село в 30-ти верстах от Москвы.
- ⁴ Иван Ульянов – Джон Меррик. См.: Phipps G.M. Sir John Merrick, English Merchant-Diplomat in Seventeenth Century Russia. Newtonville, Mass., 1983.
- ⁵ Вероятно, это же лицо упоминается в отчете о путешествии Смига: “переводчик, родом из немцев, с детства привыкший к нашим английским порядкам, к тому же и хороший знакомый Меррика” (Болдаков. С. 50).
- ⁶ Речь идет о кн. Иване Никитиче Одоевском Большом (его сын Никита Иванович Одоевский был одним из авторов Соборного Уложения 1649 г.). Двор И.Н. Одоевского Большого находился на Богоявленской улице между Никольской и Ильинкой. К 1638 г. этот двор перешел к его сыну Никите. См.: Труды Московского отделения Русского военно-исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 14; Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 125.
- ⁷ Бывший двор сурожанина И.Д. Бобрщева. Пожалован Московской компании вскоре после после заключения англо-русского торгового договора в 1566 г. Ныне музей “Палаты Старого Английского двора”. См.: Памятники архитектуры Москвы. М., 1982. С.448–449.
- ⁸ Власьев Афанасий Иванович – думный дьяк Посольского приказа с 1601 по 1605 г., бывал в посылках за границей. Активный сторонник Лжедмитрия I, после его падения удален в Уфу. В 1611 г. по указу короля Сигизмунда ему снова велено “быть в казначеях и думных дворянах”. См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 98.
- ⁹ Никольский крестец – район пересечения Никольской и Богоявленской улиц в Китай-городе. В этом районе у Строгановых было два двора в Ветошном ряду. На первом располагались три избы, мыльня, амбар с сениями, клеть, конюшня, погреб, ледник. Второй двор был поменьше включал избы с клетью и погребом. См.: История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 233. Очевидно, мастеров перевели со двора Одоевского на большой двор Строгановых.
- ¹⁰ Гавань св. Михаила – Архангельск (Смит прибыл туда со своей свитой 22 июля 1604 г.).
- ¹¹ Очевидно, подразумевается цена за унцию.
- ¹² Нэтлтлстед – поместье в графстве Кент (сотня Твайфорд). С владельцами этого поместья, семьей Скоттов Т. Смит имел родственные и коммерческие связи См.: Philipot J. Villare cantianum, or Kent Surveyed and Illustrated. L., 1659. P. 242–243; Dictionary of National Biography. L., 1937. Vol. 17. P. 1045; Богатырев С.П. От Волги до потока Амазонки: Жизнь и путешествие сэра Томаса Смига // Зеркало истории. Вып. 2. Личность в истории. М., 1995.
- ¹³ Мистер Крип. – Среди английских купцов того времени было двое Крипов – Эллис Крип и Николай Крип (степень родства между ними неизвестна). Вполне вероятно, что тот или иной Крип (или сразу оба) были деловыми партнерами Смига. См.: Calendar of State Papers, Colonial, East Indies, China and Japan, 1513–1616. L., 1862. P. 99–100, 115–116, 155.
- ¹⁴ Gracious street – улица в Лондоне, также в разное время известна как Grasschurch Street, Grasse Street и Graestreet, после лондонского пожара 1666 г. закрепилось название “Gracechurch Street”. На ней находился дом Т. Смига. В 1601 г. этот дом посетил граф Эссекс, искавший поддержки для своего заговора. См.: Habben F.H. London Street Names. Philadelphia, 1896. P. 106; Stow J. Survey of London,

Written in the Year 1598 by John Stow, ed. W.J. Thoms. L., 1842. P. 79–80; *Spurling S.* Sir Thomas Smythe. knt. (1558?–1625): Governor of the East India Company and Patron of Bermuda. N.Y., 1955. P. 9.

¹⁵ О карете см. в предисловии.

¹⁶ О сулеях см. в предисловии. Для сосудов типа “flaggon” характерны своеобразные ручки из цепочек. Сулеи из даров Смита украшены орнаментом из растений, плодов и морских чудовищ, а также гербом короля Якова I. См.: *Гольдберг Т.Г.* Из посольских даров XVI–XVII веков: Английское серебро // Государственная Оружейная палата Московского Кремля / Под ред. С.К. Богоявленского и Г.А. Новицкого. М., 1954. С. 495 (фотография предмета), 500. № 1537, 1538; *Oman Ch.* The English Silver in the Kremlin, 1557–1663. L., 1961. P. 30, 43.

¹⁷ Исследователи английского серебра затрудняются определить, как в точности выглядели сосуды “haunch pot”. Из списка *K* следует, что это были кружки с ручками и крышками. Ср. *Oman Ch.* Op. cit. P. 43.

¹⁸ Сосуды типа livery pot (“стопы”) обычно представляли собой высокие кружки, подобные тем, какие в 1615 г. привез английский посол Джон Меррик. Подаренные Мерриком стопы сохранились в Оружейной палате, их высота от 23 до 41 см. Судя по списку *K*, стопы, преподнесенные Смитом, были не такие большие. Ср.: *Oman Ch.* Op. cit. P. 43. Plates 13a–15b. P. 35.

¹⁹ Кн. Иван Андреевич Хворостинин – стольник царевича Федора Борисовича. См.: Боярские списки последней четверти XVI–начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Сост. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 2. С. 31.

ДУЭЛЬ В МОСКОВИИ 1637 ГОДА

- За Люксембургским дворцом. Это прекрасное место для такого рода прогулок.
- Хорошо, я там буду.
- Когда?
- В шесть часов.

(А.Дюма. Три мушкетера)

... слово за слово, дошло было до драки: обнажили шпаги и стали в позытуру, будучи по пояс в снегу...

(Г.Р.Державин. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина)

Летний день 6 июня 1637 г. клонился к вечеру. На Бронной слободе в Москве (где ныне Большая и Малая Бронные улицы), в тихом переулке с поэтичным названием Старые Палачи (ныне — Палашевский переулок) прохожих было совсем не видать — хозяева за высокими частоколами дворов не бездельничали. Народ здесь жил справный — мастера-оружейники, кузнецы, ювелиры — русские и иноземцы. Жена одного из таких слобожан, Томилы Сенника, как она сама вспоминала, “поранеe вечерни” копалась в огороде, когда услышала на улице громкую немецкую ругань и шум драки. Прильнув к частоколу, она увидела, как из ворот соседа напротив, мастера-серебряника Генриха Арнса, выскочили его постоялец, сержант Петр Фальк, и другой сержант, Григорий-Томас Грельс (русские обычно звали его Григорий Томосов). “А у них де в руках по шпаге наголо, и вышел, начали шурмовать (т.е. фехтовать. — Ю.Э.), и перед ворота... Григорий ударил шпагою по руке Петра Фалька, и Петр де Фальк поколол Григорья до смерти”, — рассказывала эта единственная свидетельница.

Когда на шум сбежались окрестные жители, они увидели, что “Григорей Томосов лежит против Индрикова двора серебряника мертв”. Убийца не прятался, видимо стоял рядом. Генрих Арнс послал свою служанку Ульянку за друзьями Грельса, жившими на Петровке. Вскоре они подошли — служилые иноземцы Михайло Цыр, Юрий Пороцкий, Генрих Дал. Попросив соседей быть свидетелями, они задержали Фалька, положили тело на телегу, и посадив туда же Анну, жену Фалька, поехали в Иноземский приказ, ведавший службой и судом иностранных наемников.

В то время в Москве жило уже довольно много иноземцев, причем пока еще не в отдельной слободе, а по всему городу. Среди них больше всего было военных наемников (это характерная особенность всех европейских армий того времени). Россия только что проиграла войну с Польшей за Смоленск, армия боярина М.Б.Шейна капитулировала. Мужественный воевода обращен был правительством в козла отпущения и казнен “за измену”. На самом же деле выявилась слабая подготовка армии — дворянская конница не дисциплинирована, казаки бунтовали, иноземцы не надежны.

После войны началось формирование “полков нового строя”, для чего активно нанимались иностранные офицеры и солдаты. Комплектовались даже целые национальные отряды. В документах того времени сохранились сведения об “англицких”, “греческих”, “немецких”, “волошских” и даже “шкотских” и “ирляндских” ротах на русской службе. Среди них встречались и настоящие военные специалисты — например, представители известных шотландских семейств Брюсов и Гордонов. Многие же были просто искателями приключений и хоро-

шего жалования, а то и с самозванными офицерскими чинами. Знаменитый соратник Петра генерал Патрик Гордон вспоминал в своем “Дневнике”, как удивился, когда ему, боевому и высокообразованному офицеру знатного рода, при найме на русскую службу предложили... показать ружейные приемы. Вскоре он выяснил, сколь не излишним был этот экзамен: ему самому приходилось отсеивать некомпетентных авантюристов. Поединки в этой среде были в обычае. Во время осады Смоленска полковник Лесли в ссоре застрелил полковника Сандерсона; через десять лет, в 1643 г., сержант Седлинд заколол в Москве на дуэли золотых дел мастера Томсона и... женился на его вдове. Генерал Патрик Гордон в своем дневнике (а вел он его все 38 лет службы в России) отмечал, что, например, в октябре 1662 г. полковник Штрассбург заколол на дуэли полковника Литскина, а в декабре в Москве решили драться офицеры Мевс и Бурнат, но Гордон их помирил; рассказал он и о своей дуэли: у него же на пирушке поссорился с ним майор Монтгомери; наутро стрелялись на пистолетах, верхами; оба промазали и, спешившись, вынули шпаги, но секунданты заметили, что оружие разного типа и отложили поединок, а назавтра их помирили.

Таким образом, с обычаем этим в России были уже знакомы, хотя в быт он еще не вошел (правда, известен случай, когда присужденные к судебному поединку — “полю” дворяне отказались биться с простолюдинами). Дворяне русские издавна привыкли защищать не индивидуальную, а родовую честь. А род, его место в иерархии других родов на государственной службе защищался особым порядком — местничеством. Любой член рода должен был стерпеть личные унижения, но не признать назначения “ниже”, чем было у его предков... И знатность понималась не абстрактно — как древность рода, а по числу предков в высоких чинах. Поэтому принципиально иной способ защиты чести — чести индивида, был чужд обществу, где роды, кланы и другие корпорации взаимодействовали с более мощной, чем на Западе, государственной машиной.

Итак, к вечеру 6 июня у ворот Иноземского приказа появилась странная процессия — три обвинителя привезли телегу, а на ней — “...того Григорья положе на телеге, а Фалькова Петрова жена Анна тут же сидит на той телеге...” Привели они и самого Фалька. Князь Иван Борисович Черкасский, начальник приказа, велел дьяку Василию Ртищеву снять первые показания — “расспросные речи”. Михайло Цыпр с товарищами заявили, что, по их сведениям, “Петр Фальк заложил у того Григорья карабин в два рубля и тот де Григорей учал у того Петра просить по закладу денег, и тот Петр за то ево, Григорья, пьян проколол шпагою до смерти”. Анна, жена Фалька, показывала иное: “пришел к мужу ее на двор сержант Григорей, и учал с тем Петром шуметь и бранитца, и браняся де пошли они за ворота, и учали позыватьца на поединок, и она де Анна от того де их поединку унимала на своем дворе, и они де з двора шед промж собою пошли на поединок. И муж де ево тово Григорья поколол до смерти, а за што у них была брань и драка, тово она не ведает, и рознимав их, ушла от них у себя на дворе в баню”. Приказный дьяк безмятежно зафиксировал, вероятно, сбивчивую взволнованную речь женщины, которая еще недавно металась между двумя разъяренными машущими шпагами мужчинами.

Допросили и виновника. Он через переводчика показал: “пришел де к нему на двор тот немчин Григорей насилством и учал ево бить по щекам и жену ево бранить всякими позорными бранми, и учал тово Петра тот Григорей звать на поединок, пьян же, и он же Петр, вышед из двора на улицу в переулок, что в Старых Полачах за Тверскими вороты, на поединке поколол ево в груди против сердца, и он от тое раны умер, а заколол ево не умышленьем, на поединке со пьяна”.

Дело осложнилось. Поединок никогда не признавался русским уголовным правом, даже тогда, когда он уже вошел в дворянский быт. К концу XIX века

возникло юридическое противоречие. Тогда в воинский устав впервые ввели пункт об обязательной офицерской дуэли (старая мораль ветшала и нуждалась в поддержке — вспомним “купринских” офицеров); но по уголовному кодексу участники дуэли продолжали считаться соучастниками убийства или покушения. Впрочем, и в XVII, и в XIX столетиях власти часто смотрели на это сквозь пальцы, тем более, что речь шла об иноземцах и их обычаях. Однако в данном случае имело место убийство заимодавца — прямое уголовное преступление.

Через день, 8 июля, князь Черкасский передал дело в другое ведомство — в Приказ сбора ратных людей, в ведении которого, очевидно, находился сержант Фальк — приказ этот занимался комплектованием полков (Фальк, наверное, еще не был назначен). У начальника приказа, боярина Ивана Петровича Шереметева сержант признался, что “карабин де ево у нево, у Григорья Томосова, в закладе, есть”, но утверждал, что “поколел де ево не за карабин”, а “на поединке со пьяна”, добавив ряд колоритных деталей — приходил к нему Григорий “пьян ко двору трижды, и бил ево шпагою и крыжом (т.е. эфесом. — Ю.Э.), по голове трижды и звал на поединок”.

Историей заинтересовался сам царь Михаил Федорович; она была ему “чтена” и он велел 13 июня все перепроверить: “послать обыскать окольными людьми, где у них учинилась драка, на улице или у ково во дворе, по каково время видели их, ввечеру или в ночи?” Опрошено было 24 человека, но безрезультатно. Единственная сторонняя свидетельница, жена Томилы Сенника, с которой мы начали рассказ, не понимала по-немецки, но припомнила, что о долге в два рубля слыхала от своей соседки — тещи Петра Фалька. Последнее дает основание предположить, что Фальк был человеком молодым и женился недавно — он еще не знал русского, нет в деле и названия его полка. Анна, жена его, также была иноземкой (иначе Фальку пришлось бы принять православие), но из обрусевшей семьи, поскольку и она и ее мать говорили по-русски. Два рубля были тогда солидной суммой; ведь годовой оклад такого как Петр рядового иноземного воина в тридцатые годы XVII в. составлял 15-25 рублей (в военное время, правда, платили больше, а иноземный офицер-дворянин мог получить и поместье). Обвинение в убийстве заимодавца позволяло применить к посаженному “за приставы” Фальку пытку. Скорее всего Фалька подымали на дыбу: 3 сентября 1639 года “по государеву цареву... указу... боярин Иван Петрович... немчина Петра Фалька у пытки роспрашивал... и немчин Петр... пытан, и с пытки говорил те же речи, что и в роспросе, у пытки, а инога ничего не говорил”.

В застенке несчастный который раз пытался доказать, что “убил он... не умышленьем и ни по чьему наученью без хитрости со пьяна, не ведая государского указу, чая как и в их землях вызываються на поединок”. Но обычаи в “их землях”, здесь были не в указ, а вот обвинителей — Михаила Цыпра с товарищи по указу государя (которому 18 ноября опять докладывали дело), допросили, нет ли у них какой вражды или тяжбы с Фальком? Они отрицали. Из тюрьмы Фальк слал жалобные челобитные: “Царю государю Михаилу Федоровичу... бьет челом бедной и заключенной иноземец сержант Петрушка Фалк... В прошлом, государь, году пришел ко мне... Томос Грельс пьян, и учал меня лаять матерны и всякою неподобною лаею, и учал меня вызывать на поединок, и ударил меня шпагой по уху, и я тем ухом не слышу. И я, холоп твой, не стерпя тово позору и побои вышел за ворота на улицу, и он погнался за мною, и хотел меня сколоть шпагою. И я... от нево оборонясь, и он набежал на мою шпагу и накололся, от того ему смерть случилась. И в том я, холоп твой, пытан накрепко, и посажен в чепь и в железа, и твоего царского жалованья корму не дают мне седмой месяц. И с тех мест (т.е. пор — Ю.Э.) по ся место сию в заключение, со всяческие ну-

жи вконец погиб”. Отчаявшись, Фальк взывал: “вели, государь, меня крестить в православную крестьянскую веру, чтоб мне, бедному холопу твоему, сидя в чепи и в железах в неверии голодною смертью не умереть”.

Бросается в глаза простодушие этой просьбы, основанной на известном обычае заметного смягчения наказания иноверцу, принявшему православие — неясно, чего больше страшится узник — умереть “в неверии” или “голодной смертью”. Решения почему-то не последовало, хотя, судя по пометам на челобитных, государь дважды, 25 и 28 ноября, приказывал докладывать себе дело. Прошло еще полтора года: о злосчастном дуэлянте, похоже, забыли. Точку в его печальной судьбе ставит челобитная тюремного пристава Уварки Бурсукова, поступившая в приказ в марте 1642 г.: “...дан был мне... за приставы немчин Петр Фальк в убивственном деле. И в нынешнем во сто пятидесятом году на масляной недели в четверг в ночь тот немчин Петр Фальк умер...”

Так завершилось одно из первых в отечественной истории столкновений “невольника чести” с набиравшей мощь бюрократической машиной. Впереди еще очень многое — и укрепление самосознания русского дворянства в ходе борьбы за политические права (а также за окончательное закрепощение крестьян), и отмена местничества, изжившего себя даже для аристократов, и перенимание западных манер, не во всем одобрявшееся даже Петром: обнаружив, что его гардемарины в Голландии и Венеции не только штудируют навигацию, но и лихо рубятся на дуэлях, царь вставил кары за дуэли уже в свой “Морской устав”.

Расцвет же русского поединка пришелся на XIX в. — период заката холодного оружия как боевого. Да и скакать со шпагой в нашем климате, “по пояс в снегу”, как молодые Державин и Хвостов, было смешно и несподручно. И потому царем российской дуэли станет безжалостный неромантичный убийца — пистолет. Такой бой был ближе к живучим народным представлениям о “божьем суде”. За шпагой стояли крепость руки, мастерство, просто “кураж”, а за пулей — судьба. Недаром на Западе выдумали легенду о “русской рулетке”. Пистолет еще успеет лишить Россию у барьера двух величайших поэтов; от этих трагедий до фарсов “серебряного века”, типа дуэлей Волошина с Гумилевым и Гучкова с Милюковым, не пройдет и ста лет. В последние предреволюционные годы войдут в моду дуэли между депутатами Государственной Думы, а благороднейший В.Д.Набоков будет взывать к их разуму в попытке объяснить им разницу между всеобщим равенством и всеобщей претензией на “благородство”.

Первая мировая война вырубил дворянско-офицерский корпус Европы и смела саму традицию “смывания кровью” оскорбления: слишком много ее произошло. А наша гражданская окончательно погребла останки “благородства” и в политическом поединке. Последние “невольники чести” — Гумилев и Набоков — пали также от пули, но не у барьера, а от рук подлецов-убийц, хотя и противоположных политических убеждений.

Таковы “начало” и “конец” еще не написанной истории российской дуэли*.

Дело находится в составе фрагментов фонда Пушкирского приказа, включенных в Архив Оружейной палаты (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 36. Д. 53 310. Л. 1-15). Столбец из 15 листов, расклеен, реставрирован, скреп нет. На л. 1 об. — помета приказного дьяка, на лл. 14 об. и 15 об. — подписи свидетелей и рукоприкладство за пристава. Публикуется по современным “Правилам издания исторических документов”; царский титул в формулярах челобитных и др. документов опускается.

Ю.М.Эскин

* В вышедшей недавно книге (Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996) рассматривается иной период - с середины XVIII в. до 40-х гг.XIX в., а преимущественно с “преддекабристского” до “пушкинского” времени включительно.

**ДЕЛО О ДУЭЛИ В МОСКВЕ СЕРЖАНТОВ
ПЕТРА ФАЛЬКА И ТОМАСА ГРЕЛЬСА**

Л. 1

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю Всея Руси бьет челом холоп твой бедной и заключенной иноземец нового выезду саржант Петрушка Фальк. В прошлом государь во 147 году июня в 6 де[нь] пришел ко мне холопу твоему на подворьишко иноземец Томос Грельс пьян, и учал меня холопа твоего лаять матерны, и всякою неподобною лаею, и учал меня вызывать на поединок, и ударил меня шпагою по уху, и я тем ухом не слышу. И я, холоп твой, не стерпя ево позору и побой, вышел за ворота на улицу, и он погнался за мною, и хотел меня сколоть шпагою. И я, холоп твой от него оборонясь, и он набежал на мою шпагу, и накололся, и от того ему смерть случилась. И в том я холоп твой пытан накрепко и посажен в чепь и в железа и твоего царского жалованья корму мне не дают седмой месяц. И с тех мест и по ся место в заключение, со всяческие нужи вконец погиб. Милосердый государь [титул], пожалуй меня бедного, вели государь меня крестить в православную крестьянскую веру, чтоб мне бедному холопу твоему, сидя в чепи и в железах, в неверии голодною смертью не умереть, и в том свой царский указ учини. Царь государь, смилуйся пожалуй! //

Л. 1 об.

[Помета — Ю.Э.]: 148 го[да] ноября в 28 де[нь] государь пожаловал, велел о том доложить себя государя //

Л. 2-2 об.

[На аналогичной челобитной Фалька, видимо чуть более ранней — Ю.Э.]: 148 ноября в 25 де[нь] государь пожаловал, велел о том выписать боярину Ивану Петровичу Шереметеву да дьяку Василью Прокофьеву да Михайле Неверову доложу себя государя //

Л. 3

Написано в доклад.

В нынешнем во 145-м году июня в 8 де[нь] в Приказ сбору ратных людей к боярину Ивану Петровичу Шереметеву да к дьяком Василью Прокофьеву да и Михайлу Неверову из Иноземского приказу присланы приводные и с роспросные речи за приписью дьяка Василья Ртищова. А в приводных и роспросных речах написано: в Иноземской приказ нового выезду немцы Михайло Цыпр с товарищи 3 человека привели иноземку Петра Фалька жену Анну Петрову. А сказали, поколол де шпагою муж ея саржант Петр Фальк саржанта же Григорья Томосова до смерти за Тверскими вороты в переулке к Старым Полочам против Индрикова двора серебрянника. И того мертвого иноземца с нею привезли к приказу. А в роспросе сказали, что муж ее Петр Фальк убил того Григорья за то, что Петр Фальк заложил у того Григорья карабин в дву рублех, и тот де Григорей учал // у того Петра просить по закладу денег, и тот Петр за то его Григорья пьян поколол шпагою до смерти.

Л. 4

А иноземцова жена Фалькова Анна Петрова в роспросе сказала: пришел к мужу ее Петру на двор саржант Григорей, и учал де с тем Петром тот Григорей шуметь и бранитца, и браняся де пошли они за ворота, и учили позыватца на поединок, и она де Анна от того их поединку унимала на своем дворе, и оне де з двора сшед, промеж собою пошли на поединок. И муж ее тово Григорья поколол до смерти, а за што у них была брань и драка, тово не ведает, и рознимав их ушла от них у себя на дворе в баню.

И тот немчин Петр Фальк в Иноземском приказе распрашиван, за что он Григорья Томосова поколол до смерти шпагою, по какой не-

дружбе и каким умыслом? И немчин Петр Фальк в роспросе сказал через толмача, а толмачил переводчик Яков Ниэнборх: пришел де к нему на двор тот немчин Григорей насилством, и учал ево бить по щекам, и жену ево бранить всякими позорными бранми // и учал тово Петра тот Григорей звать на поединок, пьян же, и он де Петр вышел из двора на улицу в переулок, что в Старых Полочах, за Тверскими вороты, на поединке поколол ево в груди против сердца, и он от тое раны умер, а заколол ево не умышленьем, на поединке со пьяна.

Л. 5

А в Приказе сбору ратных людей тот Петр Фальк распрашиван же, а в роспросе сказал, через толмача, а толмачил поручик Карп Детлов: стоит де он Петр за Тверскими вороты у серебряника у Андрея Аренса, и приходил де к нему саржант Григорей Томосов пьян ко двору трожды, и бил ево шпагою и крыжом по голове и звал на поединок, и он де Петр Фальк, вышел перед вороты и ево на поединке со пьяна поколол, и он де Григорей от тое раны умер.

Да он же немчин Фальк роспрашиван: сказали на нево в роспросе в Иноземском приказе нового выезду немцы Михайло Цыпр с товарищи, что он убил саржанта Григорья до смерти за то, заложил де он у него Григорья карабин в дву рублех, и тот де Григорей учал у него просить по закладу денги, и он Петр за то ево Григорья пьян поколол шпагою до смерти? // И немчин Петр Фальк сказал, карабин де ево у нево Григорья Томосова в закладе есть, а поколол де ево не за карабин, на поединке со пьяна.

Л. 6

И государь царь Михаил Федорович о том как укажет.

145 г[ода] июня в 13 де[нь] государь указал послать обыскать окольными людьми, где у них учинилась драка, на улице ли их, у ково на дворе, по каково время видели их, ввечеру или в ночи.

Л. 7

И про то послано обыскивать. // А в обыску обыскных людей сказали поп да дьякон да Бронные да Никицкие новые слободы тяглецов 15 человек да 3 человека немец, две немки, всего 24 человека [...] как немчин Петр Фальк убил немчина Григорья Томосова до смерти, и как у них учинилась драка, и о какову пору, в день или в ночи, или ввечеру, и за што у них драка стала, тово они не ведают. // В обыску один человек переводчик сказал, слышал он от сторонних людей, и от Индрика серебрянника, у ково та драка на дворе учинилась, что де пришел тот саржант Григорей Томосов к Петру Фальку просить долгу, и промеж де ими у того Индрика учинилась драка, и как де Григорей Томосов пошел от него Петра с двора, и Петр де Фальк, вышел за ним Григорьем с шпагою, и поколол ево у ворот до смерти. 1 человек ротмистр сказал, слышел де он от людей, что саржант Петр Фальк з Григорьем вызывался на поединок, а как хто ково поколол и о какову пору, тово не ведает. В обыску боярина князя Ивана Борисовича Черкасского человека Якова Юрюкозина жена сказала: видела она, что Григорей Томосов лежит против Индрикова двора серебряника мертв, а хто ево колол, тово не ведает. А приведена де тут Петрова жена Фалькова и поставлена в ногах. // Бронные слободы тяглеца Томилкова жена Сенника сказала: июня де в 8 де[нь] видела она с своево огорода сквозь частокол, поранеe вечерни, сошли с Индрикова двора серебряника два немчина, и у них де в руках по шпаге наголо, и вышел, учили шурмовать. И перед вороты де Индриковыми Григорей ударил шпагою по руке Петра Фалька, и Петр де Фальк поколол Григорья до смерти, и слышала де она от людей и от Петровы тещи Фалька, что приходил тот Григорей к Петру Фальку просить долгу, а

Л. 8

Л. 9

долгу де было 2 рубли, и за то де у них стала брань, Григорья убил до смерти. //

Л. 10

И 148 г[оду] сентября в 3 де[нь] по государеву [титул] указу боярин Иван Петрович Шереметев да дьяки Василей Прокофьев да Михайло Неверов немчина Петра Фалька, по какому он умышленю или по чьему научению немчина Григорья Томосова убил до смерти, у пытки роспрашивали. И немчин Петр Фальк у пытки через толмача в роспросе сказал, а толмачил Посолского приказу толмач Елисей Елисеев: в прошлом де во 145 году пришел к нему Петру на двор товарищ ево немчин же Григорей Томосов пьян и учал ево Петра бранить и ударил ево по руке шпагою, и он де Петр вызвал его с того двора на поединок, и его поколол шпагою, и он от того умер. А убил он Петр того Григорья не умышленем и не по чьему научению, без хитрости со пьяна, не ведая государского указа, чая то как и в их землях в немцах вызываютца на поединок. // И немчин Петр Фальк пытан, и с пытки говорил те ж речи, что и в роспросе у пытки, а иного ничего с пытки на себя не говорил. И боярин Иван Петрович Шереметев да дьяки Василей Прокофьев да Михайло Неверов велели роспросные и пыточные речи ево записать, а его Петра до государева указу велели приставу Офонасью Степанову держать у себя за приставом. //

Л. 11

Л. 12

И 148 году ноября в 18 де[нь] по сей выписке государя [титул] боярин Иван Петрович Шереметев да дьяки Василей Прокофьев да Михайло Неверов докладывали.

И государь [титул] слушав выписки, указал иноземцов, которые привели саржанта Петрову жену Фалькову в Иноземской приказ, Михайлу Цыпра с товарищи, трех человек, допросить, до саржанта Петра Фалька какое дело есть ли. И в Иноземской приказ по Михайло Цыпра с товарищи память посылана, и генваря в 10 де[нь] в Приказе сбора ратных людей боярину Ивану Петровичу Шереметеву да дьяком [...] Иноземского приказу пристав Иван Патреке[ев] подал память, а в памяти пишет: //

Л. 13

Лета 7148 генваря в 3 де[нь] по государеву [титул] указу боярину Ивану Петровичу Шереметеву да дьяком [...] в Ыноземской приказ к боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому да дьяку Василью Ртищеву в памяти за твоею Михайловою приписью написано: велети прислати в Приказ сбора ратных людей к тебе, боярину Ивану Петровичу Шереметеву и к дьяком, немец Михайлу Цыпра с товарищи трех человек к допросу [...] и тое немцы [...] Михайло Цыпр да Юрьи Пороцкой да Индрик Дал, из Иноземского приказа посланы в Приказ сбора ратных людей к тебе, боярину Ивану Петровичу Шереметеву. //

Л. 14

И иноземцы Михайло Цыпр да Юрья Пороцкой по допросу сказали, как де саржант Петр Фальк саржанта Григорья Томосова убил до смерти, и их в те поры тут не было, а прислал де к ним на двор, где они стояли, на Петровку, серебряник Индрик Арнс служащую свою русскую жонку Ульянку, и та де жонка сказала, пришел де к Григорью на двор товарищ его саржант Григорей Томосов к саржанту ж Петру Фальку за коробин долгу дву рублев просить, и у них у Григорья с Петром учинилась брань, и дрались на дворе ручным боем, и после де того оба они сошли за ворота и за ворота де на улице, и Петр Фальк Григорья поколол шпагою до смерти. И они де было пошли того Григорья смотреть, ажно де того Григорья положи на телеге, а Фалькова Петрова жена Анна тут же сидит на той же телеге, везут

его в город, а им де попались у Тверских ворот и они тут же за телегою пошли в город и Петрову жену отвели в Иноземской приказ, а до Петра де Фалька им никакова дела нет, а в вине ево волен Бог да государь. // [на обороте — подписи по-немецки — Ю.Э.]

Л. 14 об.

Царю государю [титул] бьет челом холоп твой Уварка Бурсуков. Дан был мне холопу твоему за пристава немчин Петр Фальк в убивственном деле. И в нынешнем во сто пятидесятом году на Масленой недели в четверг в ночь тот немчин Петр Фальк умер, и хоронили государь, немцы, Иван Юрьев да Левонтей Лендрус. Милосердый государь [титул], пожалуй меня, холопа твоего, вели государь челобитье мое записать. Царь государь, смилуйся пожалуй! //

Л. 15

К сей челобитной рязанец Василей Зарецкой в Уварово место Барсуково по ево веленью руку приложил.

Л. 15 об.

РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 1. Ч. 36. Д. 53 310. Л. 1-15 об.

АВТОРСКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ К “СОВРЕМЕННЫМ ЗАПИСКАМ И ВОСПОМИНАНИЯМ” А.Я. БУЛГАКОВА

“Современные записки и воспоминания” Александра Яковлевича Булгакова (1781–1863) – ценный источник по истории XIX в., остающийся неопубликованным и слабо изученным, несмотря на то, что многие десятилетия вполне доступен и находится “на виду”. Записки включают 17 томов (“частей”), из которых первый (за 1825–1826 гг.) хранится в ОР РНБ – Ф. 526 (Общество любителей древней письменности), Ф. 506, – а остальные 16 – в РГАЛИ. Они, вместе с небольшим количеством других материалов братьев Александра и Константина Булгаковых, выделенных из так называемого Остафьевского архива (Ф. 195 – Вяземские), а также писем к внуку А.Я. Булгакова “Никоше” Долгорукому, поступивших в ЦГАЛИ “самотеком” в годы войны, когда основное архивное собрание было вывезено в эвакуацию¹, образуют ныне архивный фонд Булгаковых (РГАЛИ. Ф. 79).

Об отношении Булгакова к ведению дневников и записок и вообще об его “инстинкте историка”, если можно употребить такое выражение, ярко свидетельствует следующее пространное рассуждение:

¹ В рапорте старшего научного сотрудника Центрального государственного литературного архива Г.М. Залкинда начальнику архива Л.М. Роголину от 21 ноября 1943 г. говорилось: “Около месяца тому назад в проходную УГА НКВД СССР явилась пожилая женщина и попросила пропуск в Литературный архив. Но у нее не оказалось паспорта. Тогда пожелала она передать в архив рукопись. В пропускную будку приглашена была Ф.В. Зайдман. Старушка ей сказала: “У меня много было таких книг, но их пожгли соседи. Я спасла последнюю. Передаю ее в Архив, не купят ли ее у меня? Зайду за результатом через несколько дней”. Тов. Зайдман получила от старушки рукопись в переплете, но не догадалась спросить ее фамилию и адрес. Старушка более в архив не явилась. [...] Рукопись является сборником писем, переплетенных вместе, в переплет из темной кожи. [...] Анализ содержания писем устанавливает принадлежность этого сборника князю Николаю Александровичу Долгорукому. [...] Среди писем много писем А.Я. Булгакова. Князь Н.А. Долгоруков окончил медицинский факультет Московского университета и был врачом во время Севастопольской обороны. Переписка его в годы Крымской кампании дает немало сведений об этой эпохе и придает сборнику значительную историческую ценность. [...] полагаю необходимым, составив акт, включить сборник писем к Н.А. Долгорукому в фонды Литературного архива, т.к. у нас уже имеются другие фонды, где находятся многочисленные письма А.Я. Булгакова” (Дело фонда 79).

Для историка весьма слабы сведения, почерпаемые в официальных наших документах. В других государствах всякая похвальная и разительная черта, касающаяся до лиц, принадлежащих к Царствующему Дому, сообщается к общему сведению, с большими даже прикрасами, у нас это не так: у нас ничего не разглашается посредством печати, мы довольствуемся рассказами, поговорят да и забудут обо всем, время истребляет предания, кои искать должно токмо в частных переписках. Мемуары – дело неизвестное в России. Никто ими не занимается. Иной рад бы и умел бы написать, да ничего не знает, другой мог бы сообщить много любопытного, важного, но не имеет времени или охоты писать. Сколько достопамятных тайн унес с собою, к примеру, князь Александр Николаевич Голицын, граф Аракчеев. В продолжительное царствование Екатерины II один только Храповицкий оставил после себя записки, кои не имели особенной занимательности, однако же все читали оные с удовольствием, потому что мы любим знать то, что делают наши Цари и то, что происходит около них. Княгиня Е.Р. Дашкова оставила также записки, кои я читал, но они напечатаны не были. Граф Ф.В. Ростопчин не один раз читал мне отрывки из записок своих. Куда девались они, мне неизвестно. В последние 17 дней его жизни я был неразлучно при нем, и в последние два дни даже ночевал у него, я имел горькую отраду закрыть ему глаза. Я знал, где лежат все его бумаги, и никогда себе не прощу, что не выкрал его записок – говорю это откровенно. Записки графа Ростопчина обнаружили бы возвышенную его душу. Граф Ф[едор] В[асильевич] был причиною, что Императрица Марья Федоровна не была заключена в монастырь. Я читал переписку, которая происходила по этому случаю между Императором Павлом Петровичем и гр. Ростопчиным. В письме Императора помню я очень следующие слова: *Ты мне будешь отвечать за последствия*. Хотя граф Р[остопчин] был два раза изгнан Императором Павлом, но был Ему душевно предан и говорил об Нем всегда с чувством пламенной любви.

Должны быть также записки графа Ал. Христ. Бенкендорфа. Он мне сказал один раз в Москве: “Ce n’est que quand je suis à Moscou que je peux m’occuper serieusement et avec suite de mes memoires”². Куда они девались, также мне неизвестно³. Во всяком случае, я должен сознаться, что записки Ростопчина и Бенкендорфа разве только через 100 лет могут быть сообщены публике. Размышляя о лицах, мною поименованных, перо мое невольно падает из рук, хотя Жуковский, коему читал я некоторые статьи из моих записок, сказал мне: “Завещай мне их после твоей смерти!” “Зачем ты пишешь?”, – спросили меня. Пишу по привычке 25-летней, по врожденной любви к трудам, по воле моего отца. Волю сию понял я дурно сначала, занимаясь журналом своим в чужих краях глупо говорил о себе. С 1826 г. я описываю то, что происходит замечательного в России и, особенно, в Москве. Не знаю, удастся ли мне пересмотреть, исправить и перебелить записки сии. Прежде надобно решить, достойны ли они труда сего? (XIII, 157).

Еще в 1917 г. была предпринята попытка опубликовать записки Булгакова в сборнике “Старина и Новизна”⁴, но дальше начала первой части дело не пошло, так как выход сборника прекратился. Кто готовил эту публикацию, мне неизвестно: фамилии публикаторов в “Старине и Новизне” выставлялись обычно в конце текста, а здесь предполагалось его продолжать. Еще несколько фрагментов были напечатаны в разных изданиях позже; они отмечены в затекстовых примечаниях к главам авторского оглавления, которое и является предметом настоящей публикации.

Настолько известно, такой вид публикации источника до сих пор в археографической практике не применялся. В данном случае подобное новшество представляется вполне оправданным. Оглавление настолько подробно и детально, что наилучшим образом исполняет функцию обзора содержания записок Булга-

² “Только будучи здесь, в Москве, я могу серьезно и последовательно заниматься своими мемуарами” (фр.).

³ Небольшой отрывок из воспоминаний А.Х. Бенкендорфа был опубликован П.И. Бартеневым в “Русском архиве” (1865. № 2), по списку, предоставленному бар. М.А. Корфом.

⁴ Старина и Новизна. Пг., 1917. Кн. 22. С. 100–147.

кова и дает представление о них полнее и точнее, чем это сделал бы сторонний исследователь.

Автор записок А.Я. Булгаков – достаточно хорошо известная в истории XIX в. фигура, хотя для наших современников его личность связана, по преимуществу, лишь с эпизодом перлюстрации письма А.С. Пушкина к жене; эпизодом возмутительным, но как-то чрезмерно раздутым из-за традиционной литературоцентричности российского общественного сознания. В рецензии на издание сочинений Пушкина в 6-ти томах, вышедшем под ред. С.А. Венгерова, Б.А. Садовской (не исправив путаницу с братьями – петербургским и московским почт-директорами), писал: “Под портретом К.Я. Булгакова лакейски-грубая пометка: “*Перехватывал письма Пушкина к жене*”. Точно у Булгакова только и дела было, что перехватывать пушкинские письма. Лучше бы Венгеров упомянул о его замечательной переписке с братом, А.Я. Булгаковым”⁵.

Старший, внебрачный сын известного дипломата екатерининского и павловского времени Я.И. Булгакова и француженки Екатерины Любимовны Эмбер (Imbert), впоследствии бывшей замужем за доктором Шумлянским и умершей в 1809 г.⁶, Булгаков родился в Буюк-Дере (Турция) 23 ноября 1781 г. (вел. кн. Николай Михайлович в “Русских портретах...” дает другую дату: 15 ноября⁷), и детство его прошло в волшебном Константинополе. Кстати, записки Булгакова, как кажется, не подтверждают версию о том, что он, вместе с братом, в 7-летнем возрасте разделил заключение отца в Семибашенном замке⁸. Описывая свою встречу с турецким послом Фуадом-Эфенди в 1849 г. в Петербурге у графа П.Д. Киселева, Булгаков записал: “Гр. Киселев спросил, хорошо ли содержался отец мой в своем заключении. Я мог подробно удовлетворить любопытство его, ибо недавно еще перечитывал переписку отца моего с Императрицею Екатериною и гр. Безбородкою из Семибашенного замка” (XIII, 76), – ни словом не упомянув в дальнейшем разговоре, вшедшемся по-французски, что был вместе с отцом в Едикуле.

На государственной службе Булгаков находился с 16-летнего возраста без перерывов и отставки. “Желал бы, чтобы и дети служили, покуда есть силы” – отвечал Булгаков на вопрос великого князя Михаила Павловича в 1843 г., желает ли он выхода в отставку сына Константина, который “службу возненавидел” и который в полку считался “добрым малым и *худшим офицером*” (XI, 182); Костя Булгаков, как его звали до самой смерти, несколько лет спустя добился отставки.

Окончив училище при лютеранской церкви св. Петра в Петербурге (Немецкую Петропавловскую школу или Peterschule), получивший неплохое домашнее образование, Булгаков выделялся даже на фоне блестящей дворянской молодежи: знал французский, немецкий, говорил по-турецки, позднее выучил итальянский и польский, владел пером и даром легко составлять сложные записки и до-

⁵ Венгеровский Пушкин // Лукоморье. 1915. № 24. С. 17. В 6 томе Собрания сочинений Пушкина под ред. С.А. Венгерова портрет Константина Булгакова находится на с. 3, но “лакейски-грубая” пометка отнесена к нему по ошибке, которую рецензент Садовской не заметил: как сказано выше, письмо Пушкина распечатал и представил А.Х. Бенкендорфу не Константин, а Александр Булгаков, московский почт-директор. В своих записках он не упомянул этот постыдный эпизод. Переписка Александра и Константина Булгаковых опубликована, но далеко не полностью. в “Русском Архиве” за 1866, 1901, 1902 и 1903 гг.

⁶ То, что Александр и Константин Булгаковы были внебрачными детьми Якова Ивановича, вызвало после его смерти тяжбу о наследстве, затеянную его племянницей, дочерью Петра Ивановича Булгакова А.П. Колтовской. Об этом процессе с горечью пишет А.Я. Булгаков в своих записках. См. также: Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 86–87 и 295.

⁷ Русские портреты XVIII и XIX столетия: Изд. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. I. № 83.

⁸ П. Майков, автор статей о Булгаковых в РБС, почему-то называет срок заключения Булгакова-старшего в статье о нем 12 недель (правильно), а в статье об А.Я. Булгакове – 27 месяцев (ср.: РБС. Т. 2. Бетанкур–Бякстер. СПб., 1908. С. 458 и 471).

клады. В 1796 г. он, вместе с братом, был принят юнкером в Коллегию иностранных дел и зачислен в Московский архив, войдя в круг московских “архивных юношей”. В марте 1802 г. Булгаков был определен секретарем российского посольства в Неаполь, под начало Д.П. Татищева. Служебные обязанности исполнялись в этом прекраснейшем месте Европы, “у подошвы Везувия, на берегах прелестного залива, под тенью померанцов, лимонов, пальмов...”

Vedi Napoli, e poi muori!”⁹ –

так вспоминал он свою службу при Татищеве. “Время моего служения при нем в Неаполе и Сицилии было, конечно, одною из щастливейших эпох жизни моей. Я был тогда молод, ловок, пылок, хорош собою, всегда весел, всегда влюблен, страстен к музыке и ко всем удовольствиям. Те же качества душевные имел и Татищев, он тотчас мне полюбился. Будучи очень ленив к работе или, правильнее говоря, к механизму письма, он все сваливал на меня, а я и смолodu всегда любил заниматься” (VII, 132)¹⁰. В 1807 г. Татищев переводится в Вену и берет с собою своего секретаря. “Оставив Вену в 1809 г., по случаю предсмертной болезни отца, Булгаков проживал в Москве, вскоре вступил в первый брак с княжной Натальею Васильевною Хованскою (род. 7-го мая 1785 г., ум. 9-го апреля 1841 г.), дочьерю обер-прокурора Синода и сенатора и, оставив службу по дипломатической части, причислился сына к архиву министерства иностранных дел”¹¹. В 1812 г., по рекомендации семейства Хованских, близких к Ф.В. Ростопчину, Булгаков принял предложение новоназначенного московского главнокомандующего состоять при нем чиновником по особым поручениям для дипломатической секретной переписки. Заготовленный указ об этом был подан Александру I в Кремле на подпись Ростопчиным, в присутствии Булгакова, 16 июля 1812 г. (XIII, 150). Рядом с Ростопчиным Булгаков оставался всю Отечественную войну, а в 1818 г. навестил в Париже своего бывшего начальника и благодетеля. Когда Ростопчин возвратился в Москву, Булгаков почти не отходил от него во все время его долгой и мучительной болезни и, как пишет в записках “кончина его последовала при мне; я с Ад. Фом. Брокером закрыл графу глаза” (XIII, 149). Булгаков принадлежит биография графа Ростопчина¹². Отзываясь на роман М.Н. Загоскина “Рославль”, он записал:

Видны чувства истинного патриота, но нельзя не заметить многих недостатков, особенно тому, кто, как я, был свидетелем всех происшествий того времени. Не токмо вся Россия, но и Европа отдавала полную справедливость незабвенным заслугам графа Ростопчина, геройскому его духу и неустанным попечениям о целости вверенной управлению его столицы. Я служил тогда при необыкновенном лице сём, видел его труды и заботы. [...] А такого градоначальника едва упомянуто имя в романе Загоскина! Еще более надобно удивиться, что сам Государь, Герой того времени, и коего великодушню и твердости удивлялась вся вселенная, одним словом Александр Благословенный, не назван, и через 10 страниц читатель не будет знать, кто царствовал в 1812 году, в знаменитое нашествие *двадцати народов на Россию* (III, 165).

15-летняя дочь Булгакова Ольга (в замужестве княгиня Долгорукова) на маскараде, данном министром двора князем П.М. Волконским 14 февраля 1830 г.,

⁹ Увидеть Неаполь, и можно умереть! (*um.*).

¹⁰ Позднее сын Д.П. Татищева П.Д. Соломирский (прижитый им с известною в свое время красавицей Н.А. Колтовской), которого отец в трехлетнем возрасте привез в Неаполь и Булгаков знал с детских лет как маленького Paolino, уже в звании полковника лейб-гвардии Гусарского полка породнился с Булгаковым, женившись на его дочери Екатерине, состоявшей фрейлиной при императрице.

¹¹ РБС. Т. 2. С. 458–459.

¹² Отечественные записки. 1826. Ч. XXVI. № 72.

обратила на себя внимание Николая I, которое тот не упускал проявлять и в последующие годы, изволив быть даже крестным отцом первой ее дочери. Эта благосклонность чрезвычайно высоко ценилась Булгаковым, приближая его к особе государя, пожалуй, теснее, чем многих более сановитых и заслуженных. Разумеется, не обошлось без толков московских и петербургских кумушек, и Булгаков несколько раз возвращается в дневнике к этой теме, записывая, например:

Ласка Государя не может быть перетолкована в худую сторону. Не токмо Петербургу, но всей России, целой, может быть, Европе, известна великая нравственность Государя нашего, но паче еще горячая, нежная Его любовь к Императрице. Милости Императрицы к Ольге столь же велики, сколь и Государевы, она разделяет Его чувства, чрезмерно ласкает Ольгу. Положение дочери моей самое щастливейшее. Я очень понимаю, что общество ее Государю приятно. Она молода, мила, умна, обхождение ее с ним непринужденно, она ничего не ищет, не просит, не причастна ни подлости, обыкновенной придворным, ни кокетства, еще более обыкновенного дамам в обхождении их с молодым, прекрасным Царем. Ольга вышла замуж по любви и недавно, она мужа своего не променяет на всех царей земного шара. Ни княгиня Юсупова, ни Александрова, ни прочие молодые дамы высшего петербургского общества не находятся в сём положении. Не имея никаких сокровенных видов, ни мыслей, Ольга с Государем то, что она со мною и друзьями, знакомыми. Познакомься с Государем на 15-летнем возрасте своем, она не имеет того страха, застенчивости, робости, которые и многих умных людей лишают дара говорить смело перед лицом Царя своего” (VIII, 61–62).

В июне 1832 г. состоялось назначение Булгакова на должность московского почт-директора, в каковой он обрел, можно сказать, истинный смысл жизни. Это была должность чрезвычайно выгодная и важная, ибо почта в XIX в. занималась также грузовыми перевозками, организацией дилижансовых контор, заготовлением экипажей и лошадей для царского двора во время его поездок в Москву, выдачей прогонных денег и прочими весьма доходными операциями, а состояние Булгакова к тому времени сильно истощилось и он был вынужден даже продать часть наследственных отцовских имений. “Ваканция сия обращает на себя внимание целого города. Место Почтдиректора сопряжено с весьма важными законными доходами и, по нынешним стесненным обстоятельствам, нет Сенатора, который бы не почел за величайшее щастие променять на место сие свой красный кафтан”, – писал Булгаков, посвятив истории своего назначения, ходившим вокруг этого толкам и интригам несколько страниц дневника. 23 с лишним года без перерыва он занимал этот пост, лишь изредка посещая Петербург (правда, в 1849–1850 году он прожил там с начала декабря по середину марта, приехав на празднование серебряной свадьбы дочери, не в отпуск, а вытребованный начальником, якобы, по делам службы, беспрестанно делая визиты, посещая театры и маскарады и истратив за 3,5 месяца до 7000 руб. – см. XII, 191), распространил на московскую почту нововведения, инициатором которых был его брат, петербургский почт-директор, – до тех пор, пока в 1856 г. не был неожиданно для себя назначен сенатором в Московский департамент Правительствующего Сената, – должность пустая, праздная, занимаемая обычно мало дееспособными старцами. Немалую роль здесь, возможно, сыграла неприязнь, возникшая между Булгаковым и графом В.Ф. Адлербергом.

Дальнейшая служба в настоящем моем месте не повела бы меня ни к чему хорошему, потому что между гр. Адлербергом и мною не было никогда того единения искреннего, которое существовало всегда между мною и всеми моими начальниками с 1798 года. Я имел щастие заслуживать не только благоволение их, но, скажу, *приязнь*. Доверенность, напр., Дм. Павл. Татищева, первого моего начальника в чужих краях, столь была велика, что все секретные дела неаполитанской миссии

и самые *цифры*¹³ были вверены мне одному, несмотря на чрезвычайную мою молодость. Может быть, не воспользовался я средствами, кои употребляют другие для снискания благоволения гр. Адлерберга, о чем я нимало не сожалею и предоставляю другим самим доставлять себе награды (XVI, 46).

Не исключено, что здесь имели место наветы и нашептывания знаменитой Мины Ивановны (Эмилии Бурковой), “султанши” графа Адлерберга, через которую делались все назначения. Кстати, Булгаков упоминает в дневнике “семейную тайну”, заключающуюся в том, что вначале его сын Костя, а потом и внук, Никоша Долгоруков непродолжительное время были ее любовниками, после чего последовал разрыв.

Прежде не жаловавшийся на здоровье, жизнелюб, любопытный к жизни во всех ее проявлениях (подобно М.И. Лонгинову, Булгаков был, по собственному признанию, “большой охотник до рассказов стариков”, – XVI, 278), считавший себя по кругу знакомств и роду деятельности, не только светским, но и государственным человеком, – Булгаков как-то осунулся, погрузнел, реже стал заниматься своими записками и той невероятно активной перепиской, которую прежде вел ежедневно. Все покатило под гору. Новый государь, на которого Булгаков возлагал столько надежд, когда тот был цесаревичем, занялся какими-то непонятными преобразованиями, крестьянской эмансипацией. Крымская кампания окончилась бесславно. Кроме того, огромные огорчения доставлял сын Костя, определенный когда-то в полк по желанию Николая I, очень талантливый музыкант-дилетант (не зная нот, “по одному токмо уху”, безошибочно запоминал и разыгрывал сложные произведения, заслужив одобрение самого Ф. Листа). Тяготясь военной дисциплиной, он вышел в отставку, столь усердно предавшись принесению жертв Бахусу и Венере, что в результате еще молодым человеком оказался на иждивении отца совершенно расслабленным, чуть не парализованным, – в своей комнате, с раннего утра до глубокой ночи наполненной приятелями, табачным дымом, звоном бокалов, пением цыганок, непозволительными либеральными речами и даже чтением вслух герценовского “Колокола”.

Оставалось предаваться воспоминаниям:

Могу сказать без хвастовства, что в 25-летнее мое управление Московским Почтамтом я имел счастье снискать любовь моих подчиненных и благосклонность московских жителей, которым старался угодить всеми зависящими от меня средствами, –

или грустно lamentировать:

Музыка, которую я всегда страстно любил, ныне наводит на меня какое-то уныние, напоминая мне разные истекшие счастливые эпохи жизни моей. Записками моими занимаюсь по сделанной привычке, но лениво и безотрадно, потому что грустно на сердце и тяжело бороться со старостию, недугами, разными испытаниями и даже недостатками. [...] На меня напала какая-то лень и уныние. Перо мое никогда не любило быть праздным, но, с некоторого времени, не тянется за чернилами. Казалось было бы, о чем рассказывать с тех пор, что древняя столица осчастливлена прибытием в нее высочайшего Двора, особенно в эпоху столь важного для Отечества нашего преобразования. В городе незаметно никакого волнения или тревоги, все сословия оказывают какое-то равнодушие к тому, что ожидает нас в будущем. Мы не видим того, что всегда происходит при прибытии Двора в древнюю столицу. Не было ни выхода, ни представления. Нельзя назвать это выходом, что двери отворил Государь и Императрица прошли мимо нас всех и, не останавливаясь, продолжали шествие в Собор.” (XVII, 108, 182, 193).

Эти записки были сделаны в 1862 г. Год спустя Булгаков, в возрасте 82-х лет, скончался в Дрездене у своего младшего сына Павла, которого приехал навестить.

¹³ Так Булгаков называет шифры для дипломатической секретной переписки.

Булгаков гордился тем, что он – москвич; публикации его статей в петербургской “Северной пчеле” и других журналах так обычно и назывались: “Письмо Москвича...”. Приведем большую выписку, относящуюся к празднованию 700-летия города. Запись была сделана 1 января 1847 г. и содержит панегирик любимому городу, в стиле распространенной тогда риторики (вспоминается юнкерское сочинение М.Ю. Лермонтова “Панорама Москвы”), но также и трезвые наблюдения над бытовыми реалиями скромно отпразднованного юбилея:

Далеко отстали мы от Москвы! Мы празднуем Новый год, а она празднует свое семисотлетие. Много она перенесла, наша добрая старушка. Ей было уже 666 лет, когда 500/т. отборнейшего Европейского войска под предводительством одного из величайших полководцев пришли, чтобы ее сокрушить. И что же? Едва десятая часть сего войска возвратилась в свое отечество, тогда как наше прославилось, очистилось от неприятелей, протянуло руку Союзникам, и самих неприятелей спасло от того, кто кровь их проливал для одной своей славы. Возникла Москва из пепла своего. Теперь ей 700 минуло лет, а все-таки привычны ей слова сладкого стихотворца:

Что матушки Москвы и краше и милее?

Чье сердце не бьется при виде Кремля? Кто из Русских не родился, не жил бы, не умер в Москве? Кто изгнал татар, поляков и французов? Москва! Кто научает Русского быть твердым в бедствиях, преданным царям, верным отечеству? Москва! Как же нам ее не любить, не радоваться, что она процветает, когда пал Рим и Афины? Что была Москва в 1147 году, и что она теперь. Все было тогда деревянное: дома, церкви, мосты и самая ограда Кремля. Настало ей потом время именоваться *белокаменной*. Позже еще народ назвал ее: Москва – *золотые маковки*. С 812 года Москва носит славное имя испоконечницы России, не менее славны и другие ее названия: первопрестольный град! Древняя столица.

Возвращаясь к главному предмету, я нахожу, что семисотлетие такого града можно праздновать с большим торжеством, как то, которое мы видели. Москва не город, а царство, говорит древняя поговорка. По уведомлению военного Министра здешнему Московскому военному генерал-губернатору, Государь Император Высочайше повелеть соизволил празднование семисотлетия Москвы отнестись к 1-му Января 1847 года, как к первому дню наступившего восьмого столетия со времени исторического значения сей столицы. Нельзя предугадывать, почему прибавлена была следующая оговорка: и празднование сие ограничить, по случаю зимнего времени, торжественной речью, молебствием в Соборе и иллюминацией города.

От того ли, что Государь, а, может быть, и Царская фамилия не могли ошастливить Москву своим присутствием и дать тем торжеству тот блеск, который оно заслуживало? Что происходило в сей день в Москве? Было молебствие в Соборе и была иллюминация, довольно незначущая, около памятника Минину и Пожарскому и перед зданием университета. Не случилось в Москве ни Платона, ни Ростопчина, ни Жуковского. Необыкновенные обстоятельства рождают необыкновенных пастырей, наместников и поэтов. В тихое, мирное наше время великое событие прошло тихо, мирно, незамеченным, но ежели хотели бы праздновать семисотлетие матери Российских городов, то приуготовления следовало начать за год; со всех концов России наехали бы сыны отечества, основались бы, может быть, полезные учреждения, воздвиглись бы памятники, выбились медали. Как знать, чего бы не было! Мы знаем только, что было очень мало. Некому было здесь дать празднику этому нужное направление. О семисотлетии Москвы менее говорили, нежели об именинах какого-либо богатого купца, или о юбилее проходящего временщика! Какое дело? Москва имеет свое место не только в Российской, но и во всемирной истории. Это ее лутчее торжество. Красуйся, процветай белокаменная еще семь столетий на твоих семи холмах, а потомки наши пусть пожелаю тебе в 2547 году еще семь столетий благоденствия (XII, 9–10).

Записки Булгакова представляют собой 17 томов, формата 36 × 21 см, примерно одинакового объема – от 160 до 200 страниц каждый, – весьма хорошей сохранности (человек, неразлучный с пером, Булгаков бережно относился к своему труду), с исполненными у некоторых томов писарским “художественным” почерком заголовками. Внешний вид характерен для дневников и записок первой трети XIX в.: плотная белая, слегка пожелтевшая бумага, филигранные бумажной фабрики Павла Щепочкина “П Щ 1829” и с изображением льва на задних лапах с мечом, в овале, увенчанном короной (по С.А. Клепикову – “Vryheyd”¹⁴, у последних томов – тисненый штамп “Сурской фабрики N.G. Сержинина”; оставлены отчеркнутые карандашом широкие поля для внесения дополнений и позднейших замечаний; к крышкам переплета приделаны шнурки, дабы листы не растрепались. Тома переплетались позже: у некоторых листов обрез слегка захватывает нижнюю часть булгаковского текста. Последний том (1858–1861 гг.) не переплетен и предпоследняя тетрадка сшитых листов (181–191 по авторской пагинации) утрачена.

Манускрипт содержит немало поденных записей, но дневником в полном смысле слова может быть назван лишь условно, так как изобилует большим числом ретроспективных отступлений, воспоминаний, биографий и рассказов из жизни известных автору замечательных лиц. Сам Булгаков, по терминологии того времени, именовал свои записки “журналом”. Заглавие в разных томах значительно варьируется: “Мои Современные записки и воспоминания”, “Воспоминания и Современные записки А[лександр]а Б[улгаков]а”, “Современные Записки и воспоминания Ал. Булгакова”.

Этим запискам предшествовали юношеские (тоже весьма внушительного объема), о которых Булгаков вспоминал:

С отъезда моего в самую мою молодость в чужие [краи] в 1801 году вел я весьма тщательно журнал сей: такова была воля покойного моего отца. Он делал это сам, журнал его весьма любопытен, потому что он с юных лет был употреблен в важных делах по службе¹⁵, но у меня, молодого ветреника, журнал был не что иное, как пустые рассказы разных шалостей и любовных похождения. Они могли быть любопытны токмо для искренних моих друзей, будучи писаны всегда наскоро, слог был весьма небрежен. Я привез с собою в Россию одиннадцать толстых книг, мелко мною исписанных; все это сгорело в Москве во время нашествия французов в 12-ом году. Я мало сожалел о потере сей, но сделал привычку всякой день писать, что со мною происходит, я желал ее сохранить, но с большею пользою, а потому, оставя все, что касается лично до меня, стал писать современные события для всякого более или менее знаменательные, и продолжаю труд сей поднесь, несмотря на то, что нынешняя моя должность мало оставляет мне свободного времени.

После смерти брата была сделана следующая запись, в начале VIII части (1836 г.):

Вот осьмая часть записок моих. Я более для брата ими занимаюсь с кончины покойного Государя Александра Павловича, благодетеля его, хотя и писал я брату всякой день. По истечении всякого года посылал ему оные на прочтение, теперь не буду я оными столь исправно заниматься. Брат мне часто говорил: “Продолжай свой труд, он не будет потерян, это гораздо полезнее журнала твоего, коим ты

¹⁴ См.: Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII–начала XX века. М., 1978. С. 103. № 187А.

¹⁵ “Журнал константинопольских происшествий и новостей”, объемом свыше 2000 стр. хранится в ОР РГБ (см.: Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII–XIX вв. М., 1951. С. 31).

занимался во время пребывания своего в чужих краях и который наполнен был большею частью любовными похождениями, после кажутся они так приторны, и жалеешь время, употребленное на то, что находишь во всех романах, во всех журналах молодых людей. Мне жаль, – прибавлял брат, – что не имею твоего терпения и довольно свободного времени, чтобы тоже писать записки свои (VIII, 5–6).

В конце 1858 г., после заклеенной и вырезанной страницы (в случае издания записок Булгакова этот текст, вероятно, надо будет восстановить), автор делает следующую запись:

Полторацкий просил меня дать ему копию с краткого моего очерка о Ростопчиной, но я отказал, не желая, чтобы копии слишком размножились. Мне пришла, однако же, мысль пересмотреть и поправить написанное мною. Теперь вижу на опыте, сколько предстояло бы мне трудов совершенно перебеливать записки мои, только что *оболваненные*. По-видимому, не совершу я никогда столь тяжкую и продолжительную работу, ежели не представится старости моей отдых и буду вынужден продолжать службу до конца жизни моей. Мысль эта часто нарушает спокойствие мое! Да будет воля Всевышнего! (XVII, 87; биография Евд. П. Ростопчиной в записках Булгакова не сохранилась).

Почерк Булгакова не так мучителен, каков он был, например, у А. С. Суворина, но значительную трудность для прочтения все же представляет. Записи в основном на русском языке, но есть записи по-французски и по-итальянски (в меньшем количестве). По-французски воспроизводит Булгаков свои беседы – с Ростопчиным, Бенкендорфом, Николаем I, императрицей, письма к нему и от него, выписки из французских газет и книг. В дневник также вклеены вырезки с собственными или заинтересовавшими Булгакова статьями, театральные программы, афишки, меню торжественных обедов, рисунок Бородинского монумента, карта Синопского сражения и т.п. материалы. Переписывая свои и присланные ему статьи, где в опубликованном виде были изменения и купюры, Булгаков особо отмечал цензурскую правку, иногда красными чернилами. Стихотворения, посвященные Крымской кампании, некоторые другие стихи и письма, вписаны писарским почерком.

Все тома имеют авторскую пагинацию. У каждой главки в оглавлении проставлен номер соответствующей страницы (в нашей публикации номера не воспроизводятся). У нескольких томов пагинация сквозная: видимо, переплетчик разделил на несколько переплетов пронумерованную Булгаковым большую стопу листов. В архиве тома были перенумерованы заново согласно архивным правилам (так, газетная вырезка и тот лист, где она приклеена, имеют каждая свой номер, тома со сквозной пагинацией перенумерованы по отдельности), – поэтому искать то или иное место оглавления, пользуясь новыми номерами, невозможно. При цитировании нами текста записок Булгакова, сноски даются после цитаты в скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская – номер страницы по *авторской* пагинации.

Оглавления некоторых томов охватывают по несколько лет и при этом не разбиты на годы. В этих случаях датировка принадлежит публикатору и обоснование ее дается в примечаниях.

Правописание приведено к нормам современной орфографии, с сохранением языковых особенностей, характерных для Булгакова (письмы, лутче, почталион, скрыпач, Тюременный замок, циркуляр, Коканцы, Виртембергский, италиянский, фельэтон и др.). За те десятилетия, что велся дневник, менялись правила правописания, и Булгаков мог писать, например, “щастие” и “счастие”, “лутче” и “лучше”; такой орфографический разнобой также сохраняется. Авторские сокращения, если их прочтение не допускает толкования, сохранены в максимально возможном объеме (ген. – генерал, кн. – князь, Вел. кн. – великий князь, княгиня, Вел. кж. – великая княжна, гр. – граф, графиня и пр.). Написание собствен-

ных имен, даже заведомо неверное, не унифицируется; оно повторено в “Указателе имен” при правильной транскрипции. Не унифицируется также написание слова “Бог” и производных от него то с заглавной, то со строчной буквы, – как индивидуальная авторская особенность¹⁶.

Булгаков постоянно пренебрегал кавычками для названий газет, журналов, пьес, опер и т.п. Такие названия на печати выделены курсивом. Авторские подчеркивания также выделяются курсивом, но полужирным.

Публикация состоит из текста оглавления, примечаний и указателя имен, где против фамилий обозначен год, когда тот или иной персонаж упоминается.

Оглавление к “Современным запискам и воспоминаниям” Булгакова свидетельствует о том, что записки наполнены интереснейшим материалом. Материал этот чрезвычайно пестр и калейдоскопичен, разнообразен и разноценен – от рецепции декабристского выступления до рассказов о самодвижущихся стульях и столах (т.н. полтергейсте). Иногда текст оказывается не столь любопытен, как обещает заглавие, иной раз под скромным, нейтральным заголовком (типа “Разные подробности”) скрываются замечательно интересные сведения. Взгляд Булгакова-современника на события, естественно, не адекватен нашему, и если ему казалось чрезвычайно важным сохранить для истории расписание императорских экипажей или перечислить полный состав турецкого посольства, то для нас, зачастую, гораздо большее значение имеет то, что Булгакову представлялось малозначущим курьезным пустяком, например разговор Ольги Долгоруковой с Николаем I на балу у кн. Д.В. Голицына 22 октября 1834 г. по поводу “байроновской” моды на длинные ногти и характерный отзыв императора в этой связи о Пушкине:

- [...] не Пушкин ли, В[аше] В[еличество]?
- Пушкин... какой Пушкин?
- Александр Пушкин... поэт.
- Пушкин!.. да не только на его руки, да я и на *мерзкую его рожу* не захочу посмотреть!..

(Надобно думать, что есть какие-нибудь новые проказы за нашим первоклассным поэтом, – а он, недавно, кажется, пожалован в камер-юнкеры) [...] (IX, 85).

Первые части “Современных записок...” своеобразно корреспондируют с 1-й частью “Былого и дум” А.И. Герцена: авторы пишут об одних и тех же событиях и лицах: московские пожары и поимка поджигателей (об этом упоминается и в Дневнике Пушкина), подметные письма с угрозой зажечь город во время иллюминации 22 августа 1834 г., портреты М.Ф. Орлова, А.Л. Витберга, Ф.П. Газа, – но, зачастую, с полярно противоположных позиций.

Трудно сказать, когда может осуществиться полное издание записок Булгакова. Сложность подобного предприятия налицо (гигантский объем, плохо читаемый почерк, необходимость расшифровать и перевести иноязычные фрагменты, соотнести содержание записей до 1835 г., т.е. части I–VII, с перепиской братьев Булгаковых, – и не по “Русскому архиву”, где она напечатана с пропус-

¹⁶ В качестве примера необдуманного превращения современной практики в узус, укажем на публикацию информации начальника УНКВД Москвы и Московской области М.И. Журавлева “О прохождении службы в церквях в связи с религиозным праздником Пасхи [так!] в г. Москве и Московской области”, где с заглавной буквы даны слова “Бог”, “Господь”, “Пасха”, “Евангелие”, – это при том, что “информация”, написанная в начале апреля 1942 г., была направлена В.Н. Меркулову, А.С. Щербакову, Д.Н. Горлинскому и воспроизводится по заверенной копии из архива ФСК РФ (см.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 215–217). В предисловии “От составителей” указано, что археографическая подготовка документов проведена в соответствии с “Правилами изданий исторических документов” 1990 г. (Там же. С. 15). Не сомневаясь, что если бы Щербакову легла на стол подобная “информация”, санитары приехали бы за Журавлевым через полчаса.

ками и искажениями, а по оригиналам и т.п.). Потребуется, вероятно, годы работы. Возможно ли это в обозримом будущем, – судить не берусь. Но, право, жаль, если попытка альманаха “Старина и Новизна”, предпринятая в 1917 г., останется первой и последней.

Закончим наше предисловие прекрасной характеристикой автора “Современных записок...”, сделанной великим князем Николаем Михайловичем:

Сын французки, уроженец юга, Булгаков, по внешности и темпераменту, отражавшемуся на его живом лице и телодвижениях, напоминал южанина, по убеждениям же и вкусам был вполне русским человеком. Не имея глубокого ума, считался образованнейшим человеком своего времени, был приятен в обществе, умел хорошо подмечать слабости людей и их искусно передразнивать. [...] В его обширной переписке, по словам кн. Вяземского, отразились “весь быт, всё движение и государственное и общежительное, события, слухи, дела и сплетни, учреждения и лица, с верностью и живостью”. Но Булгаков, кроме писем, оставил еще интересные “Записки”, только незначительная часть которых была напечатана, издания же остальной – приходится ожидать с большим нетерпением¹⁷.

С.В. Шумихин

ЧАСТЬ I

1825

Вместо предисловия. – Получение в Москве известия о кончине Импер [атора] Александра Павловича. – Суматоха. – Печатное объявление градоначальника московского. – Прочтение в Соборе письма гр. Милорадовича. – Мрачные мысли. – Второе объявление кн. Голицына. – Толки в народе. – Обнародование кн. Голицына и Сената. – Суждения в городе. – Что происходило в Петербурге. – Болезнь Государя А[лександра] П[авловича]. – Письмо из Таганрога. – Кончина Государя. – Письмо Лонгинова. – Подробности о болезни и кончине Государя. – Императрица Ел [изавета] Ал[ексеевна]. – Прибытие в Петербург фельдъегеря с горестным известием. – Тревога во дворце. – Присяга Государю Конс[тантину] Павл[овичу]. – 12-е декабря в Москве. – Слухи и толки московские. – Печальные предчувствия покойного Государя. – Письмо Императрицы Ел[изаветы] Ал[ексеевны] к Импер[атрице] Марии. – Прием, сделанный в Варшаве Конст[антином] Павл[овичем] адъютанту князя Голицына Демидову. – Вести из Петербурга и новая присяга в Соборе Импер[атору] Николаю Павл[овичу]. – Объявление об[ер]-полицмейстера жителям московским. – Достопамятное собрание всех чинов в Успенском Соборе. – Описание происходившего в Соборе, чтение актов митрополитом Филаретом. – Отъезд генер[ал]-адъютанта Комаровского. – Странная участь трех адъютантов кн. Голицына, посланных в СПбург, Варшаву и Таганрог. – Краткий рассказ происходившего в СПбурге. – Бунт, действие мятежников. – Твердость духа Государя Н[иколая] П[авловича]. – Разные подробности. – Нелепые слухи по случаю прибытия в Москву тела покойного Государя. – Состав полиции в Москве. – Печальная комиссия. – Участие мое в сей комиссии. – Забирание в Москве разных чиновников, замешанных в заговоре. – Рылеев. – Особы, присылаемые в Петербург иностранными государями для поздравления Императора с восшествием на престол. – Печальная колесница.

¹⁷ Русские портреты XVIII и XIX столетия: Изд. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. I. № 83.

Приготовление печального шествия. – Разные беспорядки. – Спор графа Остермана с кн. Юсуповым. – Шествие печальной процессии. – Катафалк в Архангельском Соборе и другие подробности. – Отбытие тела покойного Государя в СПбург. – Горесть народа и Москва в то время. – Лития у заставы. – Народ просит везти тело на себе. – Неудовольствие на кн. Юсупова. – Полковник Суковкин. – Приказ об[ер]-полицмейстера. – Генер[ал]-адъютант Киселев. – Подробности о смерти Милорадовича. – Занятия Следственной комиссии. – Мудрая резолюция Государя. – Сенявин, Безобразов. – Письмо Лонгинова ко мне. – Прибытие Вел. кн. Елены Павловны в Москву. – Возвращение Данзаса в Москву. – Письмо Лонгинова ко мне, опасения его на счет Импер[атрицы] Ел[изаветы] Алекс[еевны]. – Падение графа Аракчеева. – Возвращение Зубкова в Москву. – Представление купцов Вел. княгине. – Урок молодому князю. – Прибытие Импер[атрицы] Марии в Москву. – Получение известия о кончине Импер[атрицы] Ел[изаветы] Алекс[еевны]. – Размышления об августейшей покойнице. – Возвращение Императрицы Марии из Белева. – Подробности кончины Императрицы Ел[изаветы] А[лексеевны]. – Печаль Вел. кн. Елены Павл[овны]. – Стихи княгини Зинаиды Волконской. – Особы, отправившиеся в Белев. – Поездка моя в Белев. – О других особах, там бывших. – Печальная комната, гроб Ее Вел[ичества]. – Болезнь и кончина Императрицы Ел[изаветы] А[лексеевны]. – Рассказы Императрицы Марии. – Рассказы князя П.М. Волконского. – Настояния покойной Императрицы, чтобы тело Государя было повезено в Москву. – Подробности, сообщенные мне кн. Волконским о покойной Императрице. – Вынос тела Императрицы в церковь св. Георгия. – Разные подробности. – Память Императрицы о брате моем. – Распоряжения покойной Императрицы. – Разрешение от бремени Вел. кн. Елены Павл[овны] дочерью Елизаветою и тревога в Петербурге. – Известия из Петербурга и внезапный отъезд Вел. кн. Мих[аила] Павл[овича] из Москвы. – Смерть историографа Карамзина. – Манифест о приведении к концу дела государств[енных] преступников. – Печатное донесение Следственной комиссии, Государем утвержденное. – Приговор Мих. Орлова. – Прибытие чужестранных послов в Москву и дома, ими занимаемые. – Прибытие в Москву Государя Наследника. – Назначенные преступникам наказания. – Доклад комиссии Государю. – Решение Государя. – Подробности казни преступников. – Прибытие Государя в Москву. – Торжественный въезд. – Представление Их В[еличества]м. – Беспорядок. – Парад на Ходынке. – Переезд в Александринский дворец. – Вид Кремля, слова маршала Мармона. – Разговор Государя с маршалом Мармоном. – Неожиданное прибытие в Москву Цесаревича Конст[антина] Павл[овича]. – Первое его свиданье с Императором. – Аудиенция брата моего у Его Высочества. – Острое словцо фельд[маршала] Сакена о московских дорогах. – Обещание народу о предстоящей коронации. – Бал у гр. Поттоцкого. – Росписание праздников, кои готовятся. – Назначение коронации. – Должность моя. – Репетиция обряда коронации. – Полный список всего дипломатического корпуса с означением жительства каждого. – Краткие очерки послов. – Ожидание в Золотой палате. – Внутренность Собора во время коронации. – Размещение всех чинов. – Рисунок внутренности Собора. – Прибытие туда Императрицы Марии. – Приближение процессии к Собору. – Список особам, несшим балдахин над Его И[мператорским] В[еличеством]. – Речь Филарета при вшествии Государя в Собор. – Список особам, несшим государственные регалии. – Обряд коронования. – Трогательная сцена между членами царской фамилии. – Поздравления Их Величествам. – Обряд миропомазания. – Разные подробности. – Обратное шествие из Собора и картина с Красного крыльца. – Изречение старого фельдмаршала Стединга и других послов. – Завтрак для чужестранных послов в Золотой палате, тосты, лорд Девоншир. – Царский обед в Грано-

витой палате. – Раздача медалей, выбитых для коронации. – Подробности обеда. Иллюминация в городе. – Подробный список всех милостей и наград в день коронации. – Представление Их Им[ператорским] Вел[ичествам] Синода, Совета, Сената и чужестранных министров. – Представление военных, придворных и чинов первых четырех классов. – Представления Императрице Мар[ии] Федор[овне]. – Бал в Грановитой палате.

ЧАСТЬ II

1826 (продолжение)

Маскарад, данный Государем в Большом театре. – Уполномочия, данные Государем графу Потюцкому, отправляя его в Москву. – Украшения, сделанные в театре и описание маскарада. – Обед, данный купечеством Государю и войску в Экзерциргаузе. – Бал, данный дворянством. – Замечание Государя. – Бал у маршала Мармонта. – Бал у герцога Девонширского. – Представление Вел. княг. Елене Павловне. – Бал князя Юсупова. – Безденежное представление в театре для военных. – Обед во дворце для предводителей дворянских и купеческих глав. – Обед у Императрицы Мар[ии] Федор[овны]. – Народное празднество на Девичьем Поле!. – Бал графини Орловой-Чесменской. – Большой фейерверк перед Екатерининским дворцом. – Единственное зрелище. – Победа над персиянами и молебствие в Чудове. – Неожиданное прибытие Государя в университет. – Отъезд Государя из Москвы. – Государь в Архангельском у кн. Юсупова. – Государь получает в Твери курьера из Царяграда. – Отъез Императрицы графине Орловой. – Отъезд Императрицы Марии Федоровны. – Пустота в Москве. – Происшествие на Царскосельской дороге. – Неутомимые труды Государя. – Острое словцо Алекс. Львовича Нарышкина. – Паскевич и Ермолов. – Переговоры с шахом.

1827

Смерть князя П.В. Лопухина. – О дочери его, княгине А.П. Гагариной. – О князе П.Г. Гагарине. – Разные подробности. – Подарок герцогу Веллингтону. – Редкие явления природы. – Арестование Витберга, строителя Храма Хр[иста] Спасителя на Воробьевых горах, и комиссия для исследования действий его. – Смотр войск в Вязьме. – Письмо гр. Аракчеева к Государю. – Падение Аракчеева и подробности о сём временщике. – Прибытие в Петербург графа Каподистрия. – Смотр флота в Кронштадте. – Об Императрице. – Благоволение царское к морякам. – Внезапное явление Государя в Сенат. – Увольнение графа Каподистрия. – Смерть Каннинга. – Разрешение от бремени Вел. кн. Елены Павловны. – Недоумение и подарок царский. – Разрешение от бремени Императрицы. – Крестины новорожденного Вел. кн. Константина. – Царские милости. – Спуск в Адмиралтействе 110-пушечного корабля *Импер[атор]* *Александр*. – Дворцовые гранодеры. – Подарок Государю Императрице Мар[ии] Фед[оровне] в день Ее рождения. – Покорение Эривани. – Разговор императрицы Ал[ександры] Фед[оровны] со мною. – Наваринская битва. – Движение во дворце. – Покорение Тавриса. – Государь посещает гр-ню Гейден – Щедрый подарок. – Подробности о Наваринском сражении. – Корабль *Азов*. – Слова Государя на сём корабле. – Веселая масленица. – Пребытие в Петербург принца Виртембергского. – Бал у графа Кочубея. – Подробности. – Каламбур Вел. кн. Мих. Павловича. – Нат. Кирил. Загрязская. – Смерть княгини Ливен. – Вероломство шаха персидского и Тукманчайский мир. – Царские милости. – Рассуждения о наградах по службе. – Смерть графа Ламсдорфа. – Новые комнаты Императрицы Ма[рии] Фед[оровны] во дворце. – Хлеб-соль. – Мать мятежников Поджио и достопамятная резолюция Государя. – Объявление войны Порте Оттоманской. – Благодарумие Манифеста нашего.

Отъезд Государя в армию. – Замечательный ответ Государя графу Зичи. – Отъезд Императрицы. – Вел. князь Мих[аил] Павл[ович] под Браиловым, Императрица в Одессе. – Опасности, коим Государь подвергает себя на войне. – Анекдот о сыне графа Воронцова. – Анекдот о пушечном ядре. – Военные подробности. – Сдача крепостей Браилова и Мачин. – Очерк военных действий. – Ужасная буря в Москве. – Молебствие в Успенском Соборе. – Покорение Анапы. – Политическое положение России. – Военные подробности. – Действие флота под Варною. – Рана князя Меншикова и отзыв Государя. – Черты Их И[мператорских] В[еличеств]. – Переговоры и сдача Варны. – Рескрипт графу Воронцову за покорение Варны. – Толки о шпаге ему же. – Буря, претерпеваемая Государем на Черном море. – Возвращение Государя в Петербург. – Кончина Императрицы Марии Фед[оровны]. – Рассуждение о Докторах наших. – Краткий очерк покойной Императрицы. – Подробности кончины Ее. – Прибытие в Петербург Вел. князя Мих[аила] Павл[овича]. – Погребение Императрицы. – Прибытие в Москву раненого князя Меншикова. – О фрейлинах Императрицы. – Княжна Соф. Урусова.

1829²

Сюрприз, сделанный княжне Урусовой во дворце. – Их Величества отправляются в Варшаву на коронацию. – Прибытие Александра Гумбольта в Москву. – Праздник, ему данный в доме Благородного собрания. – Коронация в Варшаве.

ЧАСТЬ III

1830

Я имею приказание принять посольство, назначенное султаном к нашему Государю. – Росписание особ сего посольства. – Пожалование дочери моей Екатерины во фрейлины к Е[е] И[мператорскому] В[еличеству]. – Разговор Государя с братом моим. – Веселия в Петербурге и маскарад в Аничковском дворце. – Прибытие турецкого посольства в Москву. – Халиль Паша и обед у него. – Он посещает театр. – Занятия посольства в Москва. – Анекдот. – Мысли Халиля Паши о Государе Александре Павловиче. – Посещение послом семейства моего. – Бал у губернатора. – Аудиенция моя у Халиля перед отъездом моим в Петербург.

В Петербурге

Публичная аудиенция Халиля Паши у Государя в Зимнем дворце. – Первое явление дочери моей фрейлиною во дворце. – Разговор Государя и Императрицы со мною и женою моею и отзывы Их И[мператорских] В[еличеств] о Катиньке. – Отзыв Халиля и свиты его о царской аудиенции. – Подарки, поднесенные Государю и Императрице послом турецким. – Веселости в Петербурге. – Приготовление к большому маскараду у министра Двора. – Балы у послов аглинского и австрийского. – Маскарад у министра Двора в удельном доме, *розовое домино* дочери моей Ольги и подробности сего вечера. – Бал у графа Кочубея, продолжавшийся целый день. – Отзывы Государя об Ольге. – Принц Прусский Алберт. – Росписание балов, бывших в Петербурге в сию масленицу и удостоенных присутствием Их Величеств. – Подарок, сделанный Халилем Пашою именем султана. – Описание мое маскарада князя Волконского и напечатанное в *Северной пчеле*^{1*}. – Сношения мои по сему случаю с Булгариным. – Переписка с гр. Бенкендорфом о розовом домино. – Внезапный отъезд Государя в Москву. –

^{1*} № 28 и 6 марта. – (Примеч. Булгакова).

Новгород и генер[ал] Депрерадович. – Прибытие принца Алберта в Москву. – Прибытие Государя в Москву и тревога на заставе. – Смешная сцена коменданта с фельдъегерем. – Неожиданное прибытие Государя в Чудовский дворец и встреча с полицейским офицером. – Странная сцена между гр. Бенкендорфом и камердинером принца Алберта. – Принц Алберт и генер[ал]-адъют[ант] князь Лобанов. – Шествие Государя в Собор. – Пребывание Государя в Москве. – Концерт в пользу глазной больницы. – Отъезд Государя. – Милости и награждения. – Пожелование мне Станиславской ленты. – Разговор Государя, когда я имел счастье Его благодарить. – Отпускная аудиенция турецкому послу и подарки. – Представление у Вел. кн. Елены Павловны. – Бал в Эрмитаже. – Прощальный парад на Марсовом Поле перед отъездом Государя в Варшаву. – Рана, нанесенная себе нечаянно Великим князем Мих[аилом] Павл[овичем] в бровь, разговаривая со мною. – Каламбур. – Смерть графини П.Н. Гурьевой. – Государево путешествие, встреча с Халилем Пашою и Козарским на дороге. – Прибытие принца Оскара и князя Паскевича в СПбург. – Происшествие в Севастополе. – Прибытие певицы Зонтаг в Москву. – Первый ее концерт в театре, ужасное стечение и дороговизна мест. – Краткая биография певицы сей. – Второй концерт. – Прибытие В[еликого] кн. Мих[аила] Павл[овича] в Москву для пользования искусственными водами. – Концерт Зонтагши в пользу немецких актеров. – Первое мое свидание с Вел. князем. – Третий концерт Зонтагши. – Смерть тестя моего, князя В.А. Хованского. – Обед у Вел. князя. – Революция в Париже. – Московский Кадетский корпус. – Сын мой Костя у Вел. князя. – Обед у Вел. князя. – Вечер у Его Выс[очест]ва. – Вечер для Вел. князя у Башилова. – Обед у кн. Д.В. Голицына в день коронации. – Прощальный обед у Его Выс[очест]ва. – Отъезд Вел. князя в Петербург. – Кн. Долгоруков сватается за мою дочь Ольгу, переговоры с матерью его. – Появление холеры в России, меры против нее. – Дух вольности и беспорядки в Европе. – Обручение дочери моей Ольги. – Учреждение в Москве 20 холерных больниц. – Внезапное появление Государя в Москве. – Подробности. – Размышления о подвиге сём. – Картина Москвы. – Посещение Государем лавок. – Слова Е[го] В[еличества] кушам. – Разговор Государя с кн. Урусовой об Ольгиной свадьбе. – Предостерегательные меры во дворце. – Мещанин Хлебников, вылечивающий холеру. – Смерть генер[ала] Алексеева. – Генер[ал]-адъют[ант] Храповицкий приезжает к нам с препоручением от Государя. – Государь посещает вторично кн. Урусову. – Отъезд Его Выс[очества]. – Нелепые и возмутительные слухи в Москве. – Рассуждение о бедствии сём. – Генерал Стааль. – Опасность в голоде. – Успехи в холере, смерть Офросимовой. – Смертный случай в доме кн. Дм[итрия] Влад[имировича]. – Тревога. – Карикатура. – Оцепление города войском. – Происшествие в Троицком карантине. – Возвращение Государя в Петербург, предосторожности. – Мрачность в Москве. – Кончина коменданта Веревкина. – Смерть Н.И. Мосоловой. – Странное явление на небе 31 окт. – О Докторе Трейтере. – Действия министра вн[утренних] дел Закревского. – Подробности о больнице, учрежденной в доме Пашкова. – Статья моя о сём в *Север[ной] пчеле* (№ 142). – Переписка моя и Вел. кн. Мих[аила] Павлов[ича]. – Кончина князя Юр. Вл. Долгорукова. – Воп тот^{2*} кн. Ник. Бор. Юсупова. – Ревизование холерных сумм. – Советование о холере. – Книга Доктора Ройса и опровержение Лейб-Медика Лодера. – Анекдоты о московских барынях. – Таблица смертности и закрытие некоторых больниц. – Шалости в Петербурге. – Бешеная собака. – Возмущение в Тамбове. – Бунт в Варшаве. – *Рецепт от холеры* (стихи). – Советование у генер[ала] Волкова о возможности расцепить Москву. – О варшавском бунте. – Расцепление Москвы. – Письмо ко мне от эмира Низама. – Нечто еще о холере. – Генер[ал] Рененкамфф и известия из Персии. – Прибытие графа Закревского в Москву.

^{2*} Острое слово (фр.).

Таблица смертности от холеры. – Возвращение Закревского из Тулы. – Полная таблица умерших от холеры. – Благодарственное молебствие в Соборе. – Варшавский бунт, присылка гр. Езерского в СПбург. – Хлопицкий присылает Велижинского в Петербург. – Бракосочетание дочери моей с кн. Долгоруковым. – Манифест о военных действиях противу поляков. – Смерть Ив. Ник. Римского-Корсакова, бывшего некогда фаворитом Импер[атрицы] Екатерины. – Подробности об нем, Зориче и Ланском, сообщенные мне Корсаковым. – Военные действия противу поляков. – Маскарад в пользу сирот, оставшихся от умерших холерою. – Концерт в зале Собрания для той же цели. – Слова гимна. – Благодарственное молебствие по случаю совершенного прекращения холеры и денежные пожертвования. – Рассуждения о холере. – Рескрипт Государя к князю Д.В. Голицыну. – Смерть адмирала Сенявина. – Подробности об нем. – Известия из армии. – Второй концерт в зале Благородного собрания в пользу бедных. – Представление в Апраксинском театре в пользу бедных. – *Рославлев*, роман Загоскина. – Смерть фельдмаршала Дибича. – Крамолы Сунгурова. – Появление холеры в Петербурге. – Известия из армии. – Черта великодушия Государя. – Возмущение в Петербурге по случаю холеры. – Вытребование Доктора Маркуса в Петербург. – Беспокойства в СПбурге. – Усиление там холеры.

ЧАСТЬ IV

1831 (продолжение)

Кончина Цесаревича Константина Павловича в Витебске. – Княгиня Лович. – Происшествие в Париже, до России касающееся. – Усиление холеры в Петербурге. – Об умерших сею болезнию. – Смерть князя Н.Б. Юсупова. – Краткая биография его. – Перепись холеры. – Нелепости, распускаемые в Москве. – Анекдот. – Происшествие в Завидове. – Беспокойствия в Новгородских военных поселениях. – Рождение Вел. князя Николая Николаевича. – Споры Медиков о холере. – Манифест о холере. – Нелепые слухи в Москве. – Взятие Варшавы и Государев Рескрипт князю Д.В. Голицыну. – Подробности. – О шведском короле (Бернардоте). – Действия около Варшавы. – Вероломство мятежников. – *Клеветникам России*, стихотворение Ал. Пушкина. – Странные явления природы в Москве. – Прибытие Государя в Москву. – Случай, по коему узно о сём, и неудовольствие Государя. – Благоволение Государя к Ал. Петр. Ермолову. – Разговор Государя с княгинею Урусовою. – Прибытие Императрицы в Москву. – Разговор Государя с Ермоловым о Хлопицком. – Представление Императрице. – Государь в театре. – Выход во дворец. – Старшины Благородного собрания приглашают Государя на бал. – Подробности бала в Собрании. – Маленький бал во дворце, игра в фанты и пр. – Список бывшим на сём вечере. – Бал у князя Дм. Влад. Голицына, достопамятный для нашего семейства. – Государь показывается в первый раз с пряжкой беспорочной службы за XV лет. – Прибытие Наследника в Москву. – Замечание Государя о свободном времени в Москве. – Государь во Французском театре. – Балет и комедия в Большом театре, актер Живокини. – Отменение вечера во дворце. – Посещение Государем Университетского пансиона. – Вечер во дворце. – Балик во дворце. Известие о убиении графа Каподистрия. – Бал в Благородном собрании. – Вечер, бал, tableaux^{3*}, концерт у князя Дм. Вл. Голицына. – Бал у княгини Бярянтинской и разные подробности. – Ауденция Ольги у Императрицы. – Большой бал во дворце в Михайлов день. – Милости царские. – Рождение внучки моей Александры. – Государь присылает поздравить Ольгу. – Вечеринка во дворце. – Актер Щепкин, об[ер]-камергер

^{3*} Живые картины (фр.).

граф Головкин. – Бал у князя Сер. Мих. Голицына. – Разговор Государя с сыном моим Костею и со мною об нем. – Отъезд Государя Наследника. – Театр для воспитанников Кадетского корпуса. – Маленький бал во дворце. Разговор Государя о Косте и решение его судьбы. Другие подробности. – Крест молодого Брокера. – Концерт в благородном собрании в пользу бедных. – Нечто о старом заслуженном генерале Неклюдове. – Анекдот об А.П. Нащокине, случившийся во дворце. – Поездка Государя в Ярославль. – Кончина княгини Ловичевой. – 20-е ноября. – Князь П.М. Волконский приезжает к Ольге сообщить, что Государь изволит у нее крестить дочь в следующее воскресенье 22 ноября. – Подробное описание всего происходившего в день крестин. Царский подарок. – Концерт у князя Дм. Вл. Голицына – Милости 24-го ноября. – Маленький вечер во дворце. Царское обещание быть в Москву и в будущем году. – Разные предположения в Москве. Колокол, в земле лежащий. Фонтаны. Храм Христа Спасителя. В[еликий] к[нязь] Мих[аил] Павл[ович] – звонарь Ивановской колокольни. – Отъезд Их Им[ператорских] В[еличеств] из Москвы. – Разговор Государя с братом моим 6 декабря о Москве.

1832

Странное явление на небе 2 января. – Прибытие кн. Паскевича в Петербург, встреча с Ермоловым. – Анекдот о панораме Лекса *Взятие Варшавы*. – Отправление сына Константина в Петербург. – Смерть Лейб-Медика Лодера. – Прибытие в Петербург французского посла маршала Мортье. – Мортье и Сакен. Каламбур. – Вахтпарад на другой день представления посла. – Смерть Московского Почтдиректора Рутковского. – Подробности о Рутковском. – Как получено было мною известие от брата о назначении меня в Москву в Почтдиректоры. Вытребование меня в Петербург. Московские толки. Разговор мой с А.Ф. Малиновским. – Отъезд мой из Москвы и прибытие в Петербург. – Как сделалось мое назначение. – Первое свидание с князем А.Н. Голицыным. – Приказание всем военным носить усы. – Перемены, найденные мною в Петербурге. – Перевоз в Петербург огромной колонны для монумента Императора Александра. – Прибытие в Петербург Поццо ди Борго и подробности об нем. – Прибытие агл[инского] посла лорда Доргама в Петербург. – Отъезд прежнего посла лорда Гейтебура (S[ir] Walont), прощание его с Государем. – Встреча Государя с лордом Доргамом в Кронштадте. – Первое свидание мое с В[еликим] кн. Мих. Павловичем. – Работа Вел. князя при мне. Обед у Его Высочества. – Гулянье на Елагином Острове. – Указ обо мне, и как был он мне объявлен. – Представление мое новому начальнику. – Перевезение большой гранитной колонны с барки на берег. – Награды, сделанные Государем Яковлеву и другим работникам. – О других подобных монументах. – Мнение о нашей колонне. – Портрет прусского короля верхом работы Кригера и парад на Марсовом Поле ле Дюрпера, картины в Эрмитаже. – Представление мое Государю на Елагином Острове, тут же и откланялся Его Величеству и Императрице. – Отправление мое обратно в Москву. – Общество мое в дилижансе. – Жена встречает меня в Черной Грязи. – Семирдино-Шеметово. Москва. – Молебствие в Почтамте, речь священника. – Принятие рапортов от экспедиторов и приветствие мое им. – Маршрут Государева путешествия. – Представление Вел. кн. Елене Павловне. – Поставка на место Александровской колонны. – Открытие Александринского театра. – Еще нечто о колонне. – Проезд графа А.Ф. Орлова через Москву. – Рассказы о лорде Доргаме. – Отъезд посла сего. Подарки Государя. – Помолвка фрейлины княжны Урусовой с князем Радзивилем. – Прибытие Вел. князя Мих[аила] Павл[овича] в Москву. – Обед у Его Высочества. – Великая Княгиня. – Перемены в Государевом маршруте. – Великий Князь и Башилов. – Обед у Вел. князя с графом Мих. Сем. Воронцовым. – Прибытие Государя в Москву. – Выход, шествие в Собор. – Речь ми-

трополита Филарета. – Приказание явиться к Государю. – Бал у князя Дм[итрия] Вл[адимировича] отменяется, болезнь Вел. княгини. – Положение Волкова и скользкое поручение гр. Бенкендорфа. – Великая княгиня Елена Павловна. – О генерале Никитине.

ЧАСТЬ V

1832 (продолжение)

Внезапный отъезд Государя. – Посещение Его Вел[ичеств]ва для поклонения св. Митрофанию в Воронеже. – Просьба моя графу Бенкендорфу и князю Дм. Влад. Голицыну, доброта сего последнего. – Прогулки с Вел. кн. Мих. Павловичем, политические правила Его Выс[очеств]ва. – Обед у Вел. князя и отзывы Его Выс[очеств]ва. – Перемены при Его дворе. – История Чернова с Шишковым. – О страшных родах Смирновой, урожденной фрейлины Россетти. – Благополучное разрешение Императрицы Вел. князем, нареченным Николаем. – Поздравление мое Государю. – Ответ Его Вел[ичеств]ва через князя А.Н. Голицына. – Письмо Вел. князя Мих. Павловича ко мне. – Аудиенция у Вел. кн. Елены Павловны и разговор с Ее Выс[очеств]вом. – Отъезд Вел. княгини в СПбург. – Скоропостижная смерть сенатора Бобятинского и странные подробности о сём. – Сумасшествие А.А. Волкова. – Крещение новорожденного Вел. князя Николая Ник[олаевича] и милости, по сему случаю последовавшие. – Пожалование зятя моего кн. Долгорукова в кам[ер]-юнкеры. – Разбитие славного Каза-Мулла генералом Вельяминовым. – Облегчение участи ссылочных в Сибири. – Назначение генерала Лесовского на место Волкова. – Подробности о Волкове. – Представление на Большом театре оперы *Вадим*, заимствованной из сочинения Жуковского *12 спящих дев*. – Празднование 6-го декабря в Петербурге. – Парижские проказы. – Бельгийская война. – Обед аглинских купцов в Петербурге и депутация к голландскому посланнику. – Статья в *Gazett de France* о Бельгии. – История князя Б.М. Долгорукова в Аглинском клобе. – Последствия истории сей. – Разговор Государя с братом моим в день Рождества Христова.

1833

Маскарад 1-го генваря в Петербург во дворце. – Замечательное слово Государя певиче Карадори. – Милости нового года. – Холерина или grippe^{4*} в Москве и Петербурге. – Подробности о сумасшествии Волкова. – Пожары в Москве. – Певича Карадори. – Достопамятное заседание Государ[ственного] Совета 19-го генваря о Российском законодательстве. – Поездка жены моей с дочерью Катинькою в Петербург и представление их Императрице. – Подробности славного маскарада, бывшего 8-го февраля у министра Двора князя Волконского, царская кадриль и пр. – Пожар в Вологде и славный подвиг казначея Матафина. – Разрешение от бремени дочери моей Ольги сыном Николаем. – Откланивание жены с царскою фамилиею и возвращение в Москву. – История в Аглинском клобе между Мордвиновым и Гейстром. – Обед у Ивана Васил. Черткова и любопытный рассказ Башилова о графе Ник. Петровиче Панине. – Размолвка графа Н.П. Панина с графом Ф.В. Ростопчиным. – Анекдот о гофмаршале графе Тизенгаузене. – Обхождение Императора Павла I с Башиловым. – Письмо Вел. кн. Мих. Павловича ко мне. – О большом обеде, данном Агл[инским] клобом князю Дм. Вл. Голицыну. – Представление Озерова *Дмитрия Донского* на Большом театре. – О графе Аракчееве, пожертвовавшем миллион рублей тому, кто напишет лутчую историю царствования Импер[атора] Александра I. – Актер Каратыгин и жена его. – Кончина обер-штамм[ейстера] графа Модена. – Выставка

^{4*} Грипп (фр.).

отечественных изделий в СПбурге. – Приглашение купечества на обед в Зимнем дворце. – Подробности о царской фамилии. – Кончина Соф. Петр. Тутолминой. – Свадьба графа Андрея Ф. Ростовчина с девицею Сушковою. – Скачка за Тверскою заставою. – Очистительная присяга Ник. Алек. Норова в Казанском Соборе. – Странное происшествие на скачке. – Неожиданная кончина купеческой жены Бубновой, отравленной ошибкою аптекаря. – Кончина А.А. Волкова и подробности погребения его. – Прибытие в Москву Вел. кн. Елены Павловны. – Прибытие Вел. кн. Мих. Павловича. – Обед у Их В[ысочест]в. – Ширмы, поднесенные мною Ее Выс[очест]ву. – Усы Великого князя. – Съезд знаменитых особ в Москве. – О преступниках 14 декабря и мнение А.С. Лавинского о ссылочных в Сибири вообще. – О Михаиле Фед. Орлове. – Возвращение графа Ал. Фед. Орлова из Царяграда и благодарность султана к Русским. – Дары Константинопольского патриарха войску нашему. – Обед у Вел. князя Мих[аила] Павл[овича]. – Вечер, проведенный Вел. князем М[ихаилом] П[авловичем] у нас. – Вечер у Киндяковой для Вел. князя. – Мих. Орлов. – Бал у меня для Вел. князя Мих[аила] Павл[овича]. – Первое появление холеры в Москве. – Прощанье с Вел. князем и отъезд Его Выс[очест]ва в Петербург. – Вечер у Киндяковой. – Рассказ *Инвалида* и других журналов о нашем бале. – Государь отправился в Стетин для свидания с австрийским императором и прусским королем. – Буря на море. – Возвращение Е[го] В[еличества] в Петербург. – Отъезд Вел. кн. Елены Павловны в СПб. – Вторичное возвращение Государя в Петербург. – Государь в Модлине. – Свидание Государя с императором Францом. – О необыкновенной девочке, родившейся в Сибири. – Еще нечто о пребывании Государя в Модлине. – Ужасный неурожай во многих губерниях. – Получаю пражку за XXXV лет службы. – Увольнение об[ер]-полицейстера Муханова от должности. – Встреча у князя Д.В. Голицына. – Дуэль Войкова с Веревкиным. – Бракосочетание фл[игель]-ад[ъютанта] Александрова с фрейлиною кн. А.А. Щербатовою. – Статья о нашем Государе в *Revue de Paris*. – Рака, отчеканенная в Москве для св. Митрофанья, епископа Воронежского. – Открытие нового Михайловского театра в СПбурге. – Новое здание Сената и Синода в СПбурге. – Внезапное прибытие Государя в Москву. – Обыкновенное шествие Его Вел[ичест]ва в Собор. – Маленький обед у кн. Дм. Вл. Голицына. – Разговор Государя со мною. – Подробности обеда сего. – Представление во дворце. – Бал в благородном Собрании. – Подробности. – Государь принимает купечество. – Обед у кн. Сер. Мих. Голицына и вечер у князя Дм[итрия] Вл[адимировича]. – Обед у зятя моего кн. Долгорукова. – Нечто об Ольге. – Государь в театре. – Отъезд Государя из Москвы. – Что случилось у заставы во время прибытия Государя. – Список Государевым экипажам. – Прибытие Государя в Птрб. – Пожалование мне орд[ена] св. Анны I класса. – Милости в Петербурге. – Введение в Петербурге новых национальных костюмов для придворных дам. – Посольство, посылаемое султаном в СПбург. – Смерть Катер. Серг. Ивашкиной. – Прибытие в СПбург нового французского посла маршала Мезона.

ЧАСТЬ VI

1834

Предположения о перемене мундиров на старинный покрой. – Обед у кн. Дм. Влад. Голицына 6-го декабря. – Пение в первый раз гимна *Боже, Царя храни*. – О представлении в Большом театре, в коем пет был тот же гимн. – Печатное мое описание сего же торжества в *Сев[ерной] пчеле*. – О танцующих стульях в Петербурге. – Смерть В.А. Пашкова и графа Ив. П. Кутайсова. – Краткая биография гр. Кутайсова. – Анекдоты об нем. – Трагическая свадьба фрейлины Л.А. Хилковой и толки в публике. – Прибытие в Москву турецкого посольства. – Росписание особ, оное составляющих, и одеяние их. – Разговор с послом. – Рассужде-

ния о турках. – Пребывание посла в Москве, бал в Благородном собрании. – Болезнь посла. – Подарки, сделанные им мне. – Посещение им семейства моего. – Бал у Н.А. Небольсина. – Прощанье наше с посольством. – Посол получает от султана курьера в Туле. – Отъезд Долгоруковых моих в СПбург. – Представление их Государю и Императрице пред самым балом во дворце. – Подробности бала сего. – Бал у гр. Несельрода. – Елиз. Мих. Хитрова. – Ольга. – Буря в СПбурге. – Бал в концертной зале дворца. – Разговор Государя с Ольгой и другие подробности. – Бал у австрийского посла. – Маскарад в доме Энгельгардта. – Бал у князя П.М. Волконского и разные подробности. – Публичный маскарад у Энгельгардта. – Увеселения во дворце в Последнее воскресенье на масленице. – Детский маскарад во дворце. – Посещение, сделанное Государем Ольге. – Трагикомическое происшествие с Баталиным. – Праздество дня совершеннолетия Государя Цесаревича. – Совещение в Москве по сему же предмету. – Разные любопытные подробности. – Милости и награды. – О великом бале, данном дворянством в СПбурге. – Достопамятное заседание Государя в Сенате с Вел. князьями: Цесаревичем и Мих. Павловичем. – Смерть графа Аракчеева. – Краткий очерк его и подробности смерти. – Посылка к нему Государем генер[ал]-адъют[анта] Клейнмихеля и фл[игель]-адъют[анта] Игнатъева. – Завещательное распоряжение Аракчеева и награда за лутчую историю царствования Императора Александра. – Рассуждения о сём. – Сбор денег, пожертвованных для дня совершеннолетия Государя Цесаревича. – Вел. князь Мих[аил] Павл[ович] присылает ко мне деньги от имени неизвестного. – Обед и празднество в честь князя Дм. Влад. Голицына за попечения его во время холеры, и открытие бюста, сооруженного ему усердием московского купечества. – Подробности празднества, описание бюста и пр. – Распоряжение Государя на счет оставшегося после графа Аракчеева имения. – Странные подробности о княгине Голицыной, умершей и ожившей после кончины своей. – Смерть князя В.П. Кочубея. – Подробности. – Смерть моего свояка Обрезкова. – Смертность в Москве. – Пожар в Туле. – Подробности. – Пожар в Москве. – Прения по винным откупам. – Пожертвования в пользу погоревших в Москве. – История Папкова с Дороховым. – Прибытие в Москву Прусского принца Адалберта. – Обед для принца в Кузминках. – Прибытие в Москву Дм. Павл. Татищева. – Старые воспоминания. – Бал для принца Адалберта у Киндяковой. – Праздник для него же в Братцове. – Воспоминания о Корсакове, бывшем фаворите Императрицы Екатерины. – Угощение принца Прусского в Архангельском кн. Юсуповым. – Кавалькада для принца Адалберта и вечер у Шипова в Сокольниках. – О разных иностранцах, бывших в Москве в то время. – Ужасная засуха. – Пожар в Рогожской. – О священнике церкви Алексея Митрополита. – Возмутительные записки и угроза жителям московским. – Шалости на улицах. – Иллюминация 22-го августа. – Тайные опасения в Москве. – Приуготовления в Петербурге к открытию монумента в честь Императора Александра. – Торжество 30 августа.

ЧАСТЬ VII

1834 (продолжение)

Прибытие Государя в Москву. – Маршрут Его Величества. – Отправление по Выс[очайшему] повелению почталиона к Императрице. – Выход Государя, шествие в Собор. – Обед для Е[го] В[еличества] у князя Д.В. Голицына. – Слова Государя у памятника князю Голицыну, поднесенного за попечения его во время холеры. – Разговор Государя со мною. – Приглашение наше Государю (старшин) на бал в Благородное собрание. – Смотр здешнего корпуса. – Нещастие, случившееся с генералом Адлербергом. – Представление Государю первых четырех классов. – Смотр артиллерии, театр, пожары. – Бал в Благородном собрании и

милости Государя к моему семейству. – Бал у князя Дм. Влад. Голицына. – Подробности. – Обед во дворце. – Театр для солдат. – Частые пожары в Москве. – Посещение графом Фикельмоном Тюременного замка. – Французский театр и пожар. – Перемена в Государевом путешествии. – Отъезд Государя из Москвы. – Награды при отъезде. – Награда почталиону Дощейке. – Государь возвращается в Москву из Орла. – Рассказы гр. Бенкендорфа о Высочайшем путешествии. – Обед у князя Д. Вл. Голицына и театры. – Встреча моя с Государем у княгини Юсуповой. – Крестный ход в Кремле. – Государь осматривает водопроводную машину и заходит в Ростокине в кабак. – Бал у князя Дм. Вл. Голицына. – Разговор с гр. Бенкендорфом, исторический факт. – Отъезд Государя. – Пожар во Владимире. – Государь в Троицкой Лавре. – Вторичный пожар в Туле. – Открытие триумфальных ворот у Тверской заставы. – Третье возвращение Государя в Москву. – Пребывание Его в Москве. – Рассказы гр. Бенкендорфа о Государевом путешествии. – Государь в театре. Подарки актерам. – Фельдъегерь и известие о рождении Вел. княжны Анны Михайловны. – Прибытие Государя Наследника в Москву. – Аудиенция старшинам Благородного собрания. – Вел. князь Цесаревич. – Бал в Благородном собрании, разные подробности. – Бал у князя Сер. Ив. Гагарина. – Бал у князя Сер. Мих. Голицына, подробности. – Von mot графа Бенкендорфа. – Бал у князя Дм. Влад. Голицына и разные подробности. – Отъезд Государя из Москвы.

1835

Достопамятный анекдот о Государе. – Кончина Импер[атора] Австрийского Франца, отправление в Вену графа Орлова. – Милости в Пасху. – Слухи о прибытии царской фамилии в Москву. – Прибытие Их Величеств в Москву. – Отъезд Вел. кн. Константина Николаевича о Москве. – Выход и шествие в Успенский Собор. – Преднамеряемое путешествие Государя в Казань. – Государь недоволен разводом. – Заботы дам по случаю новых придворных платьев. – Представление дам Ее Величеству. – Переезд двора в Александринский дворец и обед. – Беспорядки в Гжатске. – Бал у кн. Дм. Вл. Голицына. Подробности. – Бал во дворце и решение судьбы моей дочери Екатерины. – Бал у князя Сер. Мих. Голицына. – Посещение Государем Тюременного замка и разговор Его Вел[ичес]тва с колодниками. – Бал во дворце для детей и росписание детей, тут бывших. – Концерт у кн. Дм. Вл. Голицына. – Посещение царскою фамилиею выставки. – Прощальный бал в Петровском дворце, подробности. – Посещение Государем Коломенского и Царицына, крестьянские свадьбы, участие в оных Государя. – Отъезд Государя и Императрицы из Москвы. – Болезнь брата моего. – Пребывание Государя в Калише, награда войску. – Дальнейшее путешествие Государя. Закладка монумента в Кульме. Андреевские ленты Остерману и Ермолову. – Отправление мною знаков Ермолову. – Рескрипт Государя. – Подробности Государева пребывания в Вене. – Князь Метерних. – Анекдот с венским купцом. – Сочиненная мною статья *Une genre de Séjour de l'Empereur Nicolas à Vienne*^{5*} была читана Императрице князем Ал. Ник. Голицыным. Что Государь изволил сказать об этом. – Прибытие в Москву английского посла лорда Доргама. – Сношения мои с ним. Обед у князя Дм. Вл. Голицына, подробности. – Прибытие Государя в Москву. – Острое словцо бабы на площади. – Отъезд Государя. – Свита Его Величества. – О пребывании Государя в Варшаве. Достопамятная речь Его Вел[ичес]тва депутатам. – Болезнь брата, разрешение князя А.Н. Голицына приехать мне в Петербург.

^{5*} "Сценка пребывания Императора Николая в Вене" (фр.).

Морозы в конце 1835 года. – Возвращение мое в Москву, новое существование после потери брата. – Пожар в Петербурге в балагане Лемана. – О Государе и другие подробности. Сборы в пользу нещастных. – Бедствия, причиненные в Москве бешеным волком. – Эпиграмма Пушкина на министра Уварова и князя Дундукова. – Слухи о смерти графа Шереметева и стихи Пушкина *Смерть Лукуллы*. – Призыв Пушкина к графу Бенкендорфу. Объяснения³. – Пасквили профессора Жобара, перевод его Пушкина стихов. – Жобар у князя Дм. Вл. Голицына. – Смертоубийство Павлова. – Московский колокол, в земле лежащий. Неуспешная попытка оный поднять. – Дополнения к павловской истории. – Смерть гвардии офицера Столыпина на Неве. – Прибытие графа П.А. Толстого для занятия временно места кн. Голицына. – *Воп mots* Пушкина, П.П. Новосильцова и купца одного на счет гр. Толстого. – Смерть монаха Евсевия. – Отыскание тела Столыпина. – Дочь Екатерина представляется Императрице. – Угощение кадет в Петергофе в день рождения Государя. – Маршрут Государева путешествия по России. – Прибытие Государя в Москву. Письмо к Императрице. Замечание Ольги. – *Ногасе Vernet* в свите Государевой. – Выход, шествие в Собор. Французский посол Барант. – Балкон гр. Бенкендорфа. – Отзыв Баранта о Государе, другие дипломаты и пр. – Государь кушает у графа Толстого. Перемена погоды. – Приказание не быть балам. Петровский парк. Александринский сад. – Обед у Государя. Подробности. – Отъезд Государя; что изволил говорить, садившись в коляску. – О пребывании Государя в Москве. – Нещастие, случившееся на смотре войск с Позизовским. – Государь в Покрове. – Прибытие Государя в Нижний. Слова Его Величества Шуйским, Казанским и Иркутским купцам. – Государь призывает к себе в кабинет Московского куп[еческого] главу Колесова. – Пребывание в Казани и тамошние сукончики. – Сабанский. – Путешествие в Симбирск на пароходе. Алекс. Тургенев. Награды. Губернатор Жиркевич. – О скорой езде наших Государей. – Нещастие, случившееся с Государем, не доезжая города Чембар. Разные подробности. – Замечания мои графу Бенкендорфу. – Пребывание Государя в Чембаре. Состояние Его здоровья. Бюллетени. – Фельдъегерь от Государя с приказанием. – Прибытие Государя в Москву. – Разговор гр. Бенкендорфа со мною. – Рассказ графа Б[енкендорфа] о случившемся нещастии. – Подробности и нетерпение Государя выехать из Чембар. – Маршрут. – Приказания, касательно отъезда Его Вел[ичества]. – Преосвященный Филарет. – Подробности отъезда Государя. – О чембарском уездном враче Цвернере. – О чембарском городничем. – Разные подробности. – Слова Государя генер[ал]-ад[ъютанту] Киселеву. – Разговор графа Бенкендорфа с Докт[ором] Маркусом о Государевом положении. – Первое появление Государя в Петербурге в театре. – Необыкновенное явление на небе в Москве. – Прибытие в Москву литератора Лева-Веймара. – Высылка Жобара из Москвы с жандармом и последние его проказы. – Статья Чаадаева в журнале *Телескоп*, всеобщий противу него ропот и наказание, определенное ему по Высочайшему повелению.

Подробности ссоры поэта Пушкина с Дантесом, который убивает его на дуэли. Рассуждения о Пушкине. – Письмо кн. Вяземского ко мне и подробности смерти Пушкина. – Мысли мои о Пушкине и смерти его. – Жуковский присылает мне письмо к отцу Пушкина, Сергею Львовичу⁴. – Киселеву повелено управлять государственными имуществами, казенными крестьянами и лесами. – Письмо Государя к графу Канкрину. – Трагическая смерть молодого Пашкова, ошибкою отравленного. – Приказание Государево, для отвращения на будущее время подобных несчастий. – Балы в Петербурге. Росписание оных. – Китайский мас-

карад во дворце. Подробности. – Бал у гр. Браницкого. – Бал князя Юсупова. – Бал у прусского министра и странное происшествие, на оном случившееся. – Еще нечто о дуэли Пушкина⁵. – Тяжкая болезнь гр. Бенкендорфа. – Подробности и нежное участие Государя. – О путешествии Государя Наследника по России. – Маршрут. – Граф Бенкендорф отправляется в мызу свою Фаль. – Разделение его должностей. – Духовная секта в Петербурге, ссылка Попова и Татариновой. – Пребывание Вел. кн. Михаила Павловича в Баден-Бадене. – Смерть аглинского короля Вильгельма IV. – Отъезд лорда Доргама из Петербурга и прощальная аудиенция у Государя. – Трагическое происшествие между Дороховым и Сверчковым и арестование первого. – Отправление в Лондон гр. А.Ф. Орлова. – Что случилось за столом у королевы. – Прибытие Государя Цесаревича в Москву. – Шествие в Собор, речь Филарета, горячая любовь народа к Его Выс[очест]ву. Подробности. – Представление и обед у Его Выс[очест]ва. – Упражнения Великого князя. – Обед у князя С.М. Голицына. – Кадетский корпус. – Бал в Дворянском собрании. Сын мой Пашка. – Вел. князь Наследник осматривает монастырь. Скачка. Театр. – Сокольники, Матрозская богадельня, водохранилище в Сухаревой башне. Князь Сер. Мих. Голицын угощает Наследника в Кузьминках. – Поездка в Воскресенский монастырь и др. места. – Посещение университета и Тюременного замка. – Бал у князя Дм.Вл. Голицына. – Цесаревич участвует в крестном ходе в день происхождения [древа] св. Креста. – Отправляется к Троицкой Лавре и навстречу к Императрице. – Очерк Великого князя Цесаревича и отношения Государя с августейшим Его наследником. – Свидание Императрицы с Его Высочеством, рассказанное мне самовидцом. – Прибытие Императрицы в Москву. – Выход, Государыня осматривает терема, разговор с Ее Величеством. – Представление и вечер у Ее Имп[ераторского] Вел[ичест]ва. – Обед у Императрицы. – Концерт певицы Крешини. – Вечер у князя Дм. Вл. Голицына на трех горах. – Подробности. – Отъезд Ее Величества и Наследника. – Свита Цесаревича. – Прибытие Вел. княгини Елены Павловны в Москву. – Ее Высочество изволяет меня принять в своем кабинете. Подробности ее разговора. – Музыкальный вечер для Ее Высочества у князя Д.В. Голицына. – Принцы Фридрих Виртембергский и Бернард Веймарский. – Выезд Ее Высочества в дальнейший путь в Вознесенск. – О Вознесенском смотре. – Список принцам и знатным лицам, в Вознесенске бывшим. – Еще нечто о смотре Вознесенском. – Слово Государя эрцгерцогу Иоанну о драгунах; граф Витт и пр. – Награды. – Государь отправляется с Императрицею на пароходе в Крым. – Прибытие в Москву Великого князя Мих. Павловича. – Отзывы Его Высочества об Ольге и Косте. – Обед у Великого князя. – Обед у князя С.М. Голицына, и что на оном происходило с Башиловым. – Обед у князя Дм. Вл. Голицына. – Вел. князь угощает кадет театром. – Отъезд Вел. князя, отзыв Его о биографии брата моего, мною сочиненной. – Подробности о пребывании Государя в Александрии (имение в Крыму, князю А.Н. Голицыну принадлежащее). – Смерть Ив. Ив. Дмитриева. – Прибытие в Москву Вел. князей и Великих княжон. – Первое свидание с гр. Бенкендорфом, сопровождающим Их Имп[ераторские] Высочества. – Письмо Государя к графу Бенкендорфу из Тифлиса. – Прибытие Императрицы в Москву. – Отзыв Государя о Москве. – Неšťастный случай с Государем под Тифлисом. – Прибытие Вел. княгини Елены Павловны. – Встреча с Императрицею у Вел. княгини, и что изволила говорить. – Разговор с Вел. княгинею. – Прибытие Государя с Наследником. – Выход и шествие в Собор. – Любовь народная к царскому дому. – Разговор двух мужиков перед дворцом. – Подробности Государева путешествия по Кавказу. Ответ черкеса Его Вел[ичест]ву. – Разные подробности. – Рассказ Арендта о случившемся под Тифлисом. – Посещение Кадетского корпуса. – Имею щастие обещать у Государя за маленьким столом и что тут происходило. Разговор Их Величеств во время стола и другие подробности. Чума в Одессе и

пр. – Комиссия князя А.Н. Голицына к маленьким Великим князьям и подробности о Их Высочествах. – Обедня в церкви внутренних апартаментов дворца в именины В[еликого] к[нязя] Михаила Николаевича и подарок мой Его Высочеству. – Бал детский во дворце. – Разговоры Государя и Императрицы. – Освобождение Чаадаева из-под присмотра. – Представление дам Императрице в Русском одеянии. – Обед у Государя А.П. Ермолова и другие подробности. – Граф Орлов-Денисов. – Маленький балик у Императрицы. – Объяснение с князем Волконским. – Прибытие Вел. князя Мих. Павловича. – Представление у кн. Дм. Вл. Голицына Россиниевой оперы *Севильский цирюльник*. – Отзыв Государя Киселеву об Ольге. – Анекдот Государя с извозчиком. – Черты Государя нашего. – Маленький бал во дворце. – Пашка мой играет дома *Дмитрия Донского* (Озерова). – Бал у князя Сер. Мих. Голицына. – Графиня М.Г. Разумовская. – В[еликий] кн. Мих. Павлович удостаивает нас посещением своим. – Маленький бал во дворце. Императрица изъявляет желание видеть представление *Дмитрия Донского*. – Представление во дворце сцены приема Дмитрием Донским татарского посла. Подробности. – Известия из Одессы о чуме.

ЧАСТЬ IX

1837 (продолжение)

Выход во дворце для Государева Тезоименитства. Поздравления Императрице. Милости в сей день. – Бал, данный дворянством в сей день Их Величествам. – Портрет Государя на извозчике.

1838

Отъезд царской фамилии в СПбург. – Смерть статс-дамы Глебовой. Государыня навещает ее на смертном одре. – Болезнь кн. Нат. Петр. Голицыной. Отъезд в Петербург кн. Дм. Вл. Голицына. – Получение известия, что Зимний дворец сгорел. Подробности о Государе и Императрице. – Пожар в то же время на Васильевском Острове. – Разговор Государя с мещанином на Дворцовой площади. – Предложение купечества и ответ Государя. – Усердие дворян. Письмо одного дворянина к дворянскому предводителю. – Анекдот о Государе. – Комиссия для разбора вещей, вынесенных из сгоревшего дворца. – Стихи Фед. Глинки на несчастный сей случай. – Комиссия для розыскания причин пожара. – Государь и князь П.М. Волконский. – Анекдот. – Землетрясение. – Пожар в Эрмитаже и неудовольствие Государя. – Благодарный Указ Государя. – Пакет, брошенный Государю в сани мужиком. – Смерть графа С.П. Румянцова. – Появление Чаадаева в обществах. – История молодого кн. Трубецкого и фрейлины Пушкиной. – Перемены в дворцовом управлении. – Танцовщица Талиони и восторг петербургской публики. – Смерть Фотия, архимандрита Юрьевского монастыря. Подробности об нем и графине Орловой-Чесменской. – Анекдот о Государе и графе Бенкендорфе. – Смерть любимой камерфрау Императрицы Клюгель. – Издание мною братниной биографии и кому разосланы были экземпляры. – Странная противуположность в природе. – О Шульгине, бывшем об[ер]-полицмейстером здесь и в Петербурге. – Милости, следовавшие в Пасху. Награды моим чиновникам. – Нещастие на железной дороге. – Царская фамилия отправляется в чужие края. Свита Ее. – Прощанье Государя с Вел. кн. Мариєю Николаевною. – Внезапное прибытие Государя в Стокгольм. – Подробности о короле шведском и пр. – Мистификация, сделанная Государем детям своим. – Торги на винные откупа. – О великом множестве отъезжающих за границу и слова Государя коменданту нашему Стаалю. – Нещастие, постигшее пароход *Николай I*. Кто на оном находились. Подробности. – Картина Г. Вернета, написанная для Государя. Щедрость царская. – Об американце Сомнере. – Перезакладка Храма Хр[иста] Спа-

сителя на новое место. Подробности, касательно первого Храма по проекту Витберха на Воробьевых горах. – Путешествие Великих княжон морем и сухим путем. – Болезнь Цесаревича, причины и пользование. – Смерть К. Ив. Бистрома. – Возвращение царской фамилии. – Смерть гр. А.В. Браницкой. – Празднование 50-лет[него] юбилея службы генерала Клиненберга. Рассуждения. – Прибытие герцога Максимилиана Лейхтенбергского в Царское Село. – Увольнение кн. Дм. Вл. Голицына за границу и прощальный обед у об[ер]-полицмейстера Цынского. – Письмо Вел. кн. Михаила Павловича генералу Клиненбергу. – Домашнее обручение Вел. кн[яжны] Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским. – Рассуждения о союзе сём. Толки городские. – Прощальное письмо генерала Бистрома к гвардейцам на смертном одре. – Надгробное слово солдата генералу Бистрому. – Ожидание Государя в Москву с герцогом Лейхтенбергским и толки московские. – Волнение в Москве. – Прибытие Государя в Москву. – Выход. Шествие в Собор. – Граф Бенкендорф препоручает мне написать статью газетную о герцоге Лейхтенбергском. Подробности. – Обед во дворце. – Статья моя в *Московских ведомостях*, с означением поправок сделанных и некоторых прибавлений. – Государь в театре. – О поправках в *Письме Москвича*. – Дурной выбор пиес в театре. – Государь в Кадетском корпусе. – Депутация купцов и слова Императора. – Бал в Благородном собрании. – Подробности. – Бал у кн. Сер. Мих. Голицына. Разговор герцога Лейхтенбергского со мною. – Распоряжения для Государева отъезда. – Милости царские. – Отъезд Е[го] И[мператорского] В[еличества]. – Государево путешествие. – Смерть Кир. Алекс. Нарышкина. Подробности об нем. – Рассуждения о немцах, у нас служащих и смерть кн. Ливена в Риме.

[1839]⁶

Смерть об[ер]-камергера графа Литты. – Смерть Е.И. Нелидовой и С.С. Кушника. – Смерть М.М. Сперанского и краткая его биография. – О разбойничьем атамане Тришке. – Назначение графа А.Ф. Орлова попечителем Цесаревича. – Пребывание Цесаревича в Риме. – Еще нечто об американце Сомнере. – Прибытие его в Москву. – Освящение вновь дворца Зимнего, после пожара, в день Пасхи. – Благодарность Государя и медали трудившимся. Перенесение знамен во дворец. – Милости царские. – Каламбур Вел. кн. Мих. Павловича. – О возобновленном дворце. Телеграф над Государевым кабинетом. – Русская масленица в Риме. Русские блины и Русские стихи, поднесенные Цесаревичу. – Арестование разбойника Тришки. – Смерть Ел. Мих. Хитровой. – Смерть Ден. Вас. Давыдова. Подробности об нем. – Прибытие в Петербург герцога Лейхтенбергского. Нечаянная встреча с Государем. – Нещастие на железной дороге. – Выставка в Петербурге. – Возвращение Цесаревича из путешествия Его по чужим краям. – Пожары в Симбирской губернии. – Пожалование мне аренды. – Совершение бракосочетания Вел. кн[яжны] Марии Николаевны. – Ужасный град. – Балы в Петербурге по случаю бракосочетания Вел. княжны. – Приготовления к Бородинскому смотру. – Поездка моя в Можайск и Бородино. – Список экипажам царским и других принцов. – Съезд иностранцев в Москве. – Большой расход лошадей. – Подробности Бородинского монумента. Рисунок. – Занятия Государя в Бородине. – Приказ войску. – Продолжение занятий Государевых. – Торжество 26-го числа. – Продолжение пребывания Государева в Бородине. – *Бородинская годовщина*, стихотворение Жуковского. – Продолжение пребывания царского в Бородине. – Прибытие Государя в Москву. – Выход. – Принцы иностранные, с Государем прибывшие. – О Наследнике. – Шествие в Собор. – Приветствие Филарета у входа в Собор. – Рассказы графа А.Ф. Орлова о путешествии Наследника в Лондон. – Мудрое решение Государя по сему случаю. – Некоторые изменения во время путешествий Государя. – Слова Государя купцам, подносившим хлеб и соль. – Бал у кн. Дм. Вл. Голицына. Подробности. Вел. кн. Мих. Павло-

вич. – Визит мой князю Паскевичу и подробности об нем. – Государь в Кадетском корпусе. – Иллюминация в Петровском парке, гулянье и воксал. – Черта чувствительности Государя. – Бал у князя С.М. Голицына. – Прибытие молодого Головина из Кавказской армии. – Подробности большого парада и церемоний, бывших при новой закладке Храма во имя Хр[иста] Спасителя. – Иллюминация, слова одного мужика. – Награды. – Нечто о новом Храме. – Угощение купечеством гвардейского отряда в большом Экзерциргаузе. – Известия о нездоровье Императрицы и внезапный отъезд Его Вел[ичества]. – Тревога во дворце. Кн. Волконский. Кавелин. Бал у С.П. Апраксиной. – Опасения мои на счет Вел. кн. Мих. Павловича и прием, сделанный мне Его Высоч[ество]м. Разговор о сыне моем. – Прекрасное сочинение Ф.Н. Глинки *Очерки Бородинского сражения*. – Болезни в царской фамилии. – Преднамереваемая экспедиция в Хиву. Проезд Перовского через Москву. – Смерть министра юстиции Д.В. Дашкова. – Возвращение дочери моей Ольги из чужих краев. – Декларация России касательно предпринимаемого в Хиву похода. – Первое письмо Перовского ко мне. – Болезненное состояние Императрицы. Маркус и Манд. – Пребывание М.А. Волковой в Петербурге.

[1840]⁷

Открытие в Москве так называемого Дворянского клоба. – Дуэль в Петербурге между Лермонтовым и сыном французского посла Баранта⁸. – Рождение Вел. княжны Александры Максимилиановны. – Концерт в Петербурге в пользу бедных. – Помолвка Цесаревича с принцессою Мариєю Дармштатскою. – Письмо от Перовского. – Отъезд Императрицы и болезнь прусского короля. – Трогательные сцены в Берлине. – Кончина короля прусского. – Первое свидание Их Величеств с авг[устейшею] невестою Наследника в Франкфурте-на-Мейне. – Учреждение почтовых карет, наподобие malteroste в чужих краях. – Прибытие Перовского в Москву, проездом в Петербург. Рассказы его о несостоявшейся Хивской экспедиции. – Ужасные неурожаи, угрожающие голодом. – Возвращение Государя в Петербург. – Заботы по случаю неурожаев. – Письмо Перовского ко мне из СПб. – Поездка министра вн[утренних] дел гр. Строгонова во внутр[енние] губернии. – Выезд Государя и маршрут. – Бедственное происшествие на Царскосельской железной дороге. – Маршрут Императрицы. – Женильба Жуковского. – Возвращение Императрицы. – Нечто еще о Хивской экспедиции. – Выезд Императрицы в СПбург с нареченною невестою Цесаревича. – Маневры в Петербурге. – Прибытие в Москву знаменитого импровизатора Джустиниани и статья моя о нем, напечатанная в № 222 *Север[ной] пчелы*. – Открытие в Москве нового Малого театра. – Миропомазание нареченной невесты Цесаревича. – Обручение Их Импер[аторских] Высочеств. – Милости 6 декабря. – Смерть В.Р. Марченки. – Смерть А.Ф. Малиновского. – Милости в Новый год.

1841

Прибытие в Москву знаменитой певицы Паста⁹. Подробности об ней. – Братья Нилусы игроки. – Появление их в Петербурге. Прибытие в Москву Жуковского.

ЧАСТЬ X

1841 (продолжение)

Смерть княгини Татьяны Вас. Голицыной. – Учреждение в память ее училища для бедных семейств и замечания по сему предмету. – Бал у графа Воронцова-Дашкова и нечто о Государе. – Переезд царской фамилии в Аничковский дворец. – Прибытие в Москву Хивского посланца, болезнь его и другие подробно-

сти. – Фортепианист Дрейшок. – Некоторые мысли о нынешней музыке. – Певица Сабина Гейнефетер. – Певица Бишоп и арфист Бокса. – Концерт их. – Скрипач Дмитриев. – Артистка графиня Гринезевиль. – Дерзости ее. – Пожалование мне орд[ена] св. Анны с короною. – Кончина жены моей. – Предание ее земле в Донском монастыре. – Бракосочетание Государя Цесаревича. – Что происходило в Москве в сей день. – Сравнение наших царей с другими государями. – Прибытие ген[ерал]-ад[ъютанта] Кавелина с тремя милостивыми манифестами. – Милости, последовавшие по случаю бракосочетания Цесаревича. – О разных толках. – Росписание путешествия Государя и Цесаревича, и принцов, сопровождающих Его Вел[ичеств]о. – Прибытие Государя в Кремль. – Разговор графа Бенкендорфа. – Слово гр. Ростопчина о Русском Боге и Царе. – Выход и шествие в Собор. – Торжественный въезд Государя Наследника и Цесаревны в Москву и другие подробности. – Нечто об артиллерии. – Выход у часовни Иверской. – Речь Филарета у входа в Успенский Собор. – Государь и Их Выс[очеств]а в театре. – Представление Их Высочествам. – Ст[атс]-дама княгиня Е.В. Салтыкова. – Вел. кн. Цесаревна. – Государь в новопостроенном Малом театре. – Подвиг московск[ого] купечества и мещанства в память дня бракосочетания Цесаревича. – Бал в Дворянском собрании. – Обзорение Государем и Их Высоч[ествами] разных мест и заведений. – Иллюминация в городе. – Герцог Эмилий Дармштадтский навещает Ольгу. – Государев рескрипт к кн. Дм. Вл. Голицыну. – Пустые толки городские. – Суровый отзыв Государя купцам. – Смотр войск. – Бал у кн. Сер.Мих. Голицына. – Ученье на Ходыньском поле. – Скачка лошадиная и бег рысаков. – Подробности разные. – Прогулка по Петровскому парку. – Отъезд Государя. – Молебствие в день полкового праздника Драгунского Цесаревича полка. – Бал у Московского двор[янского] предводителя Небольсина. – Поездка Цесаревича в Троицкую Лавру. – Речь митрополита Филарета. – Поездка в с. Бородино и отъезд в СПбург. – Снег в Казани. – Подробности, касающиеся до вымышленного мною разговора между королем Мюратом и генер[алом] Милорадовичем, напечатанного в сочинении Капфига *L'Europe pendant le consulat et l'empire de Napoleon 6**. – Гроза и буря в Москве. – Нещастие, случившееся с графом Сер. Гр. Строгоновым. – Прибытие в Москву министра вн[утренних] дел гр. Строгонова. – Странное занятие князем Дм. Влад. Голицыным места Московск[ого] военного ген.-губ[ернатора] на время. – Прибытие в Петербург ф[он] Амбурга, укротителя диких зверей. – Вел. кн. Елена Павловна отправляется в Крым. – Глазная болезнь кн. Ал. Ник. Голицына. – Предсказание одного мещанина. – Запрещение курить в Сокольниках. – Смешные подробности. – Мартынов убивает Лермонтова на дуэли в Пятигорске¹⁰. – Разрешение запрещения курить в Сокольниках. – Подробности о Пиренейских певцах, прибывших в Москву. – Падение потолка Георгиевской залы в Зимнем дворце. – Ужасная засуха. – Странное происшествие в Успенском Соборе с сумасшедшим шт[аб]-ротмистром Быстроглазовым. – Прибытие в Москву архиепископа Полоцкого и Витебского Василия с драгоценною святынею. – Скачка в Царском Селе. – Нещастие, случившееся с кн. Бярятинским, адъютантом Цесаревича. – Смерть П.Х. Обольянинова. Краткий очерк его. – Рождение Вел. княжны Марии Александровны. – Гр. Гендриков, передовой Вел. кн. Елены Павловны. – Маршрут Ее Высочества. – Прибытие Ее Выс[очества] в Москву. – Первое свидание мое с Ее Выс[очеством]. – Прекрасная осень. – О Сокольниках. – Прибытие в Москву Вел. кн. Мих. Павловича. – Разговор с Елоу Высоч[еством]. – Вел. князь навещает Ольгу. – Обед у Его Выс[очества]. – Вел. кн[язю] очень нравится внучка моя Сашка. – Отъезд Вел. князя и второе посещение Ольги. – Отъезд Вел. княгини. – Прибытие царской фамилии в Царское Село и забавы в Гатчине. – Пожар в Нижнем

6* "Европа во время консульства и империи Наполеона" (фр.).

Новгороде. – Буря в Воронеже. – Прибытие В.А. Перовского в Москву. – Служи городские. – Кн. Алекс. Ник. Голицын оставляет службу. – О новом министре внутр[енних] дел Перовском. – Странная погода. – Странное поведение франц[узского] поверенного в делах в Петербурге и холодность с Парижем.

1842

Новости Нового года. – *12-го января* СПбургская почта прибыла в Москву еще на колесах. – О железной дороге между СПбургом и Москвою. – О модных словах *le progrès* и *Europeen*^{7*}. – Рассуждения о просвещении. – *Северная пчела* и суждения сего журнала. – 25-го февраля не было еще зимнего пути. – Проезд через Москву посла Коканского Хана и цель сего посольства. – Славный маскарад у Вел. кн. Мих. Павловича, программа. – Подробности. – Сын мой Костя. – Тяжкая болезнь Мих. Федор. Орлова. – *Enlèvement*^{8*} дочери генер[ала] Иловайского фл[игель-] ад[ъютантом] бароном Розеном. – Подробности истории сей. – Смерть Мих. Фед. Орлова. – Проповедывания наших умников и рассуждения о либерализме в России. – Разные подробности. – Краткая биография М.Ф. Орлова. – Смерть об[ер]-штальмейстера С.И. Муханова. – Смерть Дм. Мих. Львова. – Увольнение князя А.Н. Голицына от службы и Рескрипт к нему Государя. – Нечто о князе. – Письмо князя ко мне. – Скрыпач Сивори. – Анекдот о московской барыне. – Слухи о вольности в России. – Публикование указа о допущении договоров между помещиками и крестьянами. – Достопамятный циркуляр министра внутр[енних] дел. – Рассуждения о новом постановлении касательно крестьян. – Скрыпач Арто. – Прощанье нашего князя с чиновниками почтовыми и сдача должности генералу Адлербергу. – Милости в Пасху. – Разрушение Гамбурга пожаром. – О славном фортепианисте Листе. – Нещастие на версальской железной дороге. – Письмо от Джустиниани. – Смерть гр. Матусевича и краткая его биография. – Прибытие Листа в Петербург. – Об нем и других славных фортепианистах. – Концерты Листа в Петербурге и прощанье с ним при отъезде его. – Стихи кн. Вяземского. – Празднование царской серебряной свадьбы в Петербурге. – Прибытие в Петербург короля прусского. – Милости царские. – Прибытие в Москву кн. А. Ник. Голицына. – Первое мое свидание с князем. – Рассказы его. – Винные откупа. – Умножающееся пьянство и разврат. – Странные публикации министра финансов. – Представление мною князю чиновников Москов[ского] Почтамта. – Смерть графа Никол. Алек. Самойлова и краткая его биография. – Нечто о графе М.А. Дмитриеве-Мамонове, ума лишенном. – Нещастная смерть князя Ник. Сер. Гагарина. – О разных знаменитых иностранцах, прибывших сюда из Петербурга. – О виконте д'Арленкуре. – Первое мое с ним свиданье. – Поездка д'Арленкура к дочери Ольге в подмосковную ее. – Стихи д'Арленкура Ольге. – Разговоры его с Ольгою. – Как д'Арленкур представлялся у нас при дворе. – Рассказы кн. Ал. Ник. Голицына, любезность его. – Внимание царской фамилии к князю. – Государев маршрут. – Денежные награды за винные откупа. – Прибытие Государя в Москву. – Выход и шествие в Собор. – *Notase Veinet*. – Государь в Соборе. – Осмотр Почтамта генер[алом] Адлербергом. – Отъезд Государя. – Князь А.Н.Голицын. – Ужасный пожар в Казани. – Пожертвования царской фамилии. – Отъезд кн. А.Н. Голицына. – Гнев Государя за дороги. – Арестование ген. Витте. – Рассуждения. – Увольнение от должности СПбур. военного [генерал-] [губернатора] графа Эссена. – Милости 6 декабря. – Импровизатор Джустиниани.

^{7*} *Прогресс* и европейский (фр.).

^{8*} Похищение (фр.)

Юбилей 50 лет[ние]: службы генер[ал]-ад[ъютанта] князя П.М. Волконского и кн. И.В. Васильчикова. – Милости царские. – Кончина СПбургского митрополита Серафима. – Преобразование Комиссии строений в Москве. – О преемнике Серафима и воп тот кн. Меншикова. – О Петре Ив. Полетике. – Письмо из Крыма от кн. Ал. Ник. Голицына. – Смерть Метулинского Хана. – О генерале Ал. И. Нейтгардте. – Разные подробности касательно статьи моей, напечатанной в *Москвитяине*. – Как состоялось назначение графа Ростопчина в Москву в 1812 году. – О фельдмарш[але] графе Гудовиче. – Прибытие Рубини в Петербург. – Рассуждения. – Трагическое происшествие в СПбурге. – Собственноручное письмо прусского короля к кн. П.М. Волконскому. – Странность зимы нашей. – Певница Елиза Меерти. – Прибытие Рубини в Москву. – Первый его концерт. – Разбор его пения. – Подробности о Рубини. – Второй концерт Рубини. – О письме, им привезенном мне от графа Несельрода. – Третий концерт Рубини в Большом театре. – Восторг публики. – Статья Шевырева о Рубини в *Московск[их] ведомостях* и замечания мои на оную. – Анекдот о Русском купце и Рубини в лавке у Монигетти. – Смерть об[ер]-гофмейстера князя А.А. К[ольцова]-Мосольского. – Нечто о Кремлевской экспедиции. – Алекс. Ив. Тургенев. – Вытребование его в Петербург по Высочайшему повелению. – Догадки его. – Смерть Мих. Ник. Мацнева. – Покража в часовне Иверской Божией матери. – Управление и действие министра Л.А. Перовского. – 12-летний фортепианист Рубинштейн. – Прибытие в Москву знаменитого Листа. – Очерк Листа. – Вечер у Ольги. – Тургенев в Петербурге оправдывается. – Милости в Пасху.

ЧАСТЬ XI

1843 (продолжение)

Об артистах, в Россию приезжающих. – Лист и первый его концерт в зале Благор[одного] собрания. – Рубини и Лист. – Второй концерт Листа. – Смерть П.И. Озерова. – Милости в Пасху. – Смерть А.Н. Оленина. – Третий концерт Листа. – Игра Листа на органах в лютеранской церкви. – Благотворительность Листа. – Вечер у Листа. – Успехи Рубини в Петербурге. – Концерт Чиабата. – Слово Глинки. – Покража в часовне Иверской Бож[ьей] Матери. – Обед, данный Листу. – Брошюрка моя о Листе. – Назимова. – Отъезд Рубини из СПбурга. – Увольнение в отпуск князя Д.В. Голицына. – Князь А.Г. Щербатов на его место. – Вступление его в должность. – Объяснения с об[ер]-полицмейстером Цынским. – Удаление князя Долгорукова от должности обер-штальмейстера. – Принцы Г[ессен]-Кассельский и Мекл[енбург]-Шверинский в СПбурге. – Разговор Императрицы с Лонгиновым. – Прибытие герцога Мекленбургского в Москву. – Представление мое Его Вы[сочест]ву. – Росписание его времени в Москве. – Прибытие в Петербург влад[етельного] герцога Насауского Адольфа и брата его Маврикия. – Слухи. – Разрешение от бремени В[еликой] к[нягини] Марии Николаевны сыном Николаем. – Отъезд Государя в чужие края. – Маршрут. – Разрешение от бремени Цесаревны сыном, нареченным Николаем. – Рескрипт Государя к князю Щербатову. – Присылка в Москву Ник. Адлерберга. – Прибытие из Варшавы князя Суворова. – Покушение на жизнь Государя в Позене. – Обед, данный князю Суворову. – Дальнейшие сведения о Позенском покушении. – Путешествие Императрицы в Москву. – Ожидание Цесаревича в Москву. – Прибытие Государя в Москву. – Представление у Цесаревича. – Слова Его Высочества. – Выход во дворец. – Приветствие Филарета. – Прибытие Императрицы и Вел. княжон в Москву. – Представление Ее Величеству. – Разговор Государыни со мною. – Костя приехал в Москву. – Нечто о Позенском происшествии. – Бал у князя Щербатова. – Подробности, касающиеся до нашего семейства. –

Обед у Государя и Вел. княжон Ольги и Александры Николаевны. – Бал в Благород[ном] собрании. – Отъезд Государя. – Императрица. – Кюстин¹¹. – Ревизор Кожухов. – Отъезд Императрицы. – Смерть молодого графа Шереметева. – Большое производство по армии и словцо по сему случаю. – Кавказская война. – Возвращение В[еликого] к[нязя] Мих. Павловича из-за границы. – Италиянская опера в Петербурге. – Виардо.

1844

Слухи городские к Новому году. – Кончина графини С.В. Паниной. – Празднества в Петербурге по случаю бракосочетания Вел. княжон. – Письмо от Листа. – Италиянская опера в Петербурге. – Рубини. – Певица Шоберлехнер в Москве. – Маскарад у Вел. кн. Михаила Павловича. – Рубини и Тамбурины в Москве. – Концерт Рубини в пользу Метаксы. – Клара Шуман. – Кончина князя Д.В. Голицына в Париже. – О князе А.Г. Щербатове. – Дуэль гр. Салиаса с Фроловым. – Прибытие тела кн. Д.В. Голицына в Москву. – Похороны покойного князя. – Болезнь В[еликой] к[нягини] Алекс. Николаевны. – Прибытие Государя в Берлин. – Государь в Лондоне. – Разные подробности. – Возвращение Государя в Петербург. – Подробности о Вел. кн. Александре Николаевне. – Кончина ее. – Смерть Баратынского в Неаполе. – Письмо Императрицы к Леонтьевой. – Подробности кончины В[еликой] кн. Алек[сандры] Ник[олаевны]. – Возвращение зрения князю А.Н. Голицыну. – Смерть графа Бенкендорфа. Краткий очерк гр. Бенкендорфа. – Смерть графа Эссена и гр. П.А. Толстого. – Нечто о графе Толстом. – Гр. А.Ф. Орлов на место Бенкендорфа. – Италиянская опера в Москве. – Сальви. – Князь П.В. Долгоруков. – Раздоры мои с ним, письма его ко мне и ответы мои. – Смерть Крылова. – Похороны его. – Кончина кн. А.Н. Голицына. – Завещание его и другие подробности. – Панихида в нашей Почтовой церкви. – Статья моя в *Москов[ских] ведомостях*. – Милости 6 декабря.

1845

Генер[ал] Нейтгардт оставляет Кавказ. – Слухи о его преемниках. – Разговор мой с А.П. Ермоловым. – Назначение графа Воронцова на место Нейтгардта. – Рассуждения. – Некоторые подробности о покойном князе А.Н. Голицыне. – Италиянская опера. – Смерть князя Н. Гр. Репнина. – Подробности об нем и связь наша. – О фельдмаршале князе Ник. Вас. Репнине. – Уединенное его житье в подмосковной *Воронцове*. – Исторические подробности. – Князь Репнин и Суворов. – О князе Ник. Гр. Репнине. – Кончина пр[инцессы] Нассауской, В[еликой] к[нягини] Елизаветы Михайловны. – Как объявлена была весть сия ее матери. – Еще нечто о покойной принцессе. – Статья в *Messenger de St. Petersburg*. – В[еликий] кн. Мих. Павлович. – Здоровье Государево. – Гр. Воронцов в Петербурге. – Мой сын Павел. – Позен. – Обед в Петербурге в честь гр. Воронцова. – Итал[ьянская] наша опера. – Прибытие гр. Воронцова в Москву. – Первое свидание с ним. – Отставка Позена. – А.П. Ермолов и слово его о Позене. – Отъезд гр. Воронцова в Тифлис. – Последнее представление итальянцев. – Граф Воронцов берет к себе сына моего Павла. – Каламбур. – Анекдот о Ланжероне и Ал. Льв. Нарышкине. – Заккрытие Ит[альянской] оперы в Петербурге. – Певица Виардо. – Музыкальные партии, певица Кастелан. – Басня кн. Вяземского на Булгарина. – Отъезд сына моего в Тифлис. – Разрешение от бремени Цесаревны сыном Александром. – Милости царские. – О графе Нессельроде. – Награда кн. Волконскому. – Толки об ней. – Прощание Одессы с гр. Воронцовым. – Получаю знак за 45 лет службы. – Виардо в Москве. – Известия от сына Павла. – Прием, сделанный гр. Воронцову в Тифлисе. – Приказ гр. Воронцова войску. – Стихи. – Прибытие в Москву принца Гессенского. – Дуэль князя Вяземского с Бахметевым. – О сыне Павле. – Бахметев в Петербурге. – Болезнь кн. Волконского. – 1-е июля в Петербурге. – Прибытие в Москву кн. С. Гр. Волконской. – О путе-

шествии Государыни в чужие края. – О Кавказе. – Победа у Дарго. – Письмо гр. Воронцова ко мне. – Приказ Воронцова войску. – Смерть молодого Лонгинова. – Прибытие г[енерала] Нейтгардта в Москву. – Он получает 1-го [класса] Владимира. – Гр. Воронцов шефом храброго Куринского полка. – Смерть графа Е.Ф. Канкрин. – Гр. Воронцов пожалован князем. – Монументы Державину и Крылову. – Прибытие герцога Лейхтенбергского в Москву. – Учреждение экстрапochты между Петербургом и Москвою. – Прибытие В[еликого] к[нязя] Мих. Павловича в Москву. – Первое свидание с Его Высоч[еств]ом. – О Косте. – Комендант Стааль. – Выход Цесаревича во дворе. – О Государевом отъезде за границу. – Хлопоты нашего Почтового департамента. – Вел. кн. Константин Николаевич. – В[ице]-адмирал Литке. – О Записках покойного Метаксы. – Бал у князя Щербатова. – Бал в Благород[ном] собрании. – Вел. кн. Михаил Павлович. – Прощальный обед у Его Выс[очест]ва. – Быстрое путешествие Государя. – Здоровье Императрицы. – Мое бракосочетание. – Домашние подробности. – Государь и Императрица. – Воспоминания о Сицилии. – Палермо. – Последний мой разговор с А.И. Тургеневым за два часа до его смерти. – Внезапная его кончина. – Краткий очерк Тургенева. – Смерть Д.П. Татищева в Вене. – Краткий очерк его. – Государь в Риме. – Свидание с Папою. – Слово кардинала Ламбертини¹². – Еще о Государе. – Смерть кн. Ник. Гр. Щербатова. – Любопытные и неизвестные подробности пребывания его в Неаполе. – Щербатов причиною разрыва между нашим Двором и Неапольским. – Ссора прекращается прибытием Д.П. Татищева в Неаполь. – Путешествие Государя. – Замечательный Рескрипт Государя к Цесаревичу. – Рассуждения о сем Рескрипте. – Ужасный раздор между князем Голицыным и его женою, урожден. графинею Кутайсовою. – Толки в городе.

1846

Смерть об[ер]-камергера графа Головкина. – Заготовление лошадей для Государя. – Прибытие в Москву Государя с младшими сыновьями. – Выход во дворе. – Речь Филарета. – Вл. Фед. Адлерберг. – Живые картины в Благород[ном] собрании. – Вечер у кн. Щербатова. – Разговор Государя с Ольгою и другие подробности. – Смотр Почтамта ген. Адлербергом. – Покупки Государя в здешних магазинах. – Милости при отъезде. – Возмущение в Кракове. – Нечто о поляках. – Здоровье Императрицы. – Царские милости в Пасху. – Рескрипт Адлербергу. – Нечто о Воронцове. – Смерть гр. Лавалья. – Победа над Шамилем. – Возвращение Императрицы. – Бракосочетание Ольги Николаевны. – Милости 1-го июля. – Дюк Серра де Фолко в Москве. – Пашка. – Двухмесячный мой отпуск. – Пензенская деревня. – Путешествие мое с женою. – Каприз. – Курск. – Деревня Козакова. – Киреевский. – Ливны, Елец, Липецк. – Козлов, Моршанск. – Вирга. – Соседи, однодворцы. – Забавный вечер. – Деревня Арапова. – Татарская деревня Кикино. – Приключения. – Чембары. – Нечто о скорой езде наших Государей. – Дом, где жил Государь в Чембаре. – Опять татары. – Дальнейшее наше путешествие. – Возвращение в Каприз. – Маршрут наш. – Приключения, не доезжая Подольска. – Возвращение в Москву. – Лошади для Государя. – Росписание экипажей. – Прибытие Государя и Цесаревича в Москву. – Выход и другие подробности. – Бал у кн. Щербатова. – Разговор Государя со мною. – Разные подробности. – Бал у гр. Орлова-Денисова. – Отъезд Государя. – Рассуждения о пребывании Государя в Москве и любовь к нему москвичей. – Нечто о Гор. Вернете. – Раздоры пр[инцессы] Матильды с мужем ее Анат. Демидовым. – Иероним Бонапарте. – Замечательные слова Государя при осмотре работ Храма Хр[иста] Спасителя. – Памятник, сооружаемый дворянством екатеринославским Екатерине II. – Давыдов приезжает с известием о победе над Шамилем. – Он везет секиру Шамиля в Петербург. – Кавказская война. – Головин. – Нейтгардт. – Кн. Воронцов. – Кончина Вел. кн. Марии Михайловны. – Трагическая смерть кн. Чавчавад-

зе в Тифлисе. – Кн. Воронцов препоручает мне известить об одной дочери его Грибоедову. – Смерть А.П. Офросимова. – Опасность, которой подвергнулся Государь у Ковны, переправляясь через Неман.

ЧАСТЬ XII

1847

Празднование семисотлетия Москвы. – Нечто о митрополите Платоне и графе Ростопчине. – Маскарад, данный С.А. Римск[им]-Корсаковым. – *Насильный брак*, баллада графини Ростопчиной. – Тревога, ею произведенная. – Торжествование 50-летнего юбилея профессора Фишера. – Прибытие Salvi в Москву и концерты его. – Шарады в живых картинах в пользу бедных. – Проезд Хивинских посланцев через Москву. – Кончина князя И.В. Васильчикова и краткий очерк. – Ответ на стихи гр. Ростопчиной. – Смерть друга моего Макиеровского. – Воспоминания о молодости нашей. – Нечто о князе А.И. Чернышеве. – Анекдот об Императоре Павле Петровиче и князе Александре Б. Куракине. – Болезнь царствующего Императора. – Дурное поветрие в Москве. – Смерть Н.В. Арсеньева. – Больные в Петербурге и Москве. – Болезнь Государя Императора. – Актриса Плесси. – Явление ее на московск[ую] сцену. – Виктор¹³ Берлиоз. – Мнение М. Виелеурского об нем. – Генерал Тришатный. – Слово графа Ф.В. Ростопчина. – Концерт Берлиоза. – Рождение Вел. князя Владимира Александровича. – Французский литератор гр. Сюзор. – Концерт в пользу вдовы Е.П. Метаксы. – Прибытие в Москву моего Кости. – Воздушный полет Берга. – Необыкновенное лето. – Подробности о Берге в Летнем саду. – Дальнейшие сведения о Берге. – Неудачный полет Луизы Регенти в саду кн. Голицына. – Болезнь моей жены. – Саранча и землетрясение в Тифлисе. – Холера и воронежский эликсир. – Проезд герцога Лейхтенбергского. – Новое *воздухоплавание* Берга. – Заготовление лошадей для В[еликой] к[нягини] Марьи Николаевны. – Успехи холеры. – Меры в Москве и в Почтамте. – Маршрут Государя Императора в Варшаву. – Прибытие кн. П.М. Волконского. – Новый Кремлевский дворец. – Подробности о церквях. – Росписание экипажей Государя и свиты Е[го] И[мператорского] В[еличества]. – Разжалование г[енерала] Тришатного в рядовые. – Прибытие герцога Лейхтенбергского в Москву. – Прибытие В[еликого] к[нязя] Мих[аила] Павл[овича] в Москву. – Разные подробности первого моего свидания с Его Высоч[еством]. Прибытие Государя Императора в Москву. – Разные подробности. – Выход 4-го числа. – Вел. княгиня Марья Никол[аевна] и дочь ее. – Речь Филарета при входе Государя в Собор. – Смотр на Ходынке. – Внутренние бедствия: пожар в Костроме. – Проезд гр. Закревского через Москву и сведения, им мне сообщенные. – Вечер у Башилова для Вел. кн. Мих[аила] Павл[овича]. – Все предположения о балах оставлены, по случаю кончины принцессы Гогенцолернской. – Анекдот о маленькой Вел. кн[язьне] Мар[ии] Мих[айловне] в лавке Бокерса. – Усиление болезни моей Эмерики, консилиум. – Разговор мой с нею, касательно завещания ее. – Исполнение комиссии жены к Вел. кн. М[ихаилу] П[авловичу]. – Кончина жены моей. – Распоряжения ее завещания. – Письмо В[еликого] князя ко мне. – Отъезд Е[го] В[ысочества] в Петербург. – Яблони и вишни в цвету, холера. – Отставка графа С.Г. Строгонова от универ[ситетского] попечительства. – Холерные больницы. – Болезнь Государя. – Сопевание Докторов и смелое замечание, сделанное Доктором Рейголдом Государю. – Портрет Е[го] В[еличества], пожалованный князю Сер. Мих. Голицыну. – Прибытие сына Павла из Тифлиса. – Смерть Башилова и краткий его очерк.

1848

Смерть генерала сенатора Каблукова. – Неожиданный переворот в Париже. – Рассуждения. – Удачная операция, сделанная сыну моему. – Парижские происшествия. – Рассуждения. – Примечательное собрание у генер[ал]-губернатора,

объявление, сделанное французам, здесь пребывающим. – Политические рассуждения. – Отзыв Государя нашего о немцах. – Европейские дела. – Примечательное письмо Олсуфьева. – Слово Русского купца. – Манифест нашего Государя. – Берлинские происшествия. – Слово Алек. Петр. Ермолова. – Известия из Берлина. – Европейские происшествия. – Письмо В[еликого] к[нязя] Мих[аила] Павл[овича] ко мне. – Статья дополнительная к Манифесту Государя. – Длинный разговор с кн. Алек. Гр. Щербатовым по службе. – Нечто о гр. В. Бобринском. – Слова Государя СПбургскому Дворянскому сословию. – Преданность и всеобщее усердие к Государю. – *Святая Русь*, стихи соч[инения] кн. Вяземского. – Губернатор Капнист. – Слухи о прибытии Государя. – Дополнения к Императорскому Манифесту. – Славный виолончелист Батта. – Смерть Ан. Дм. Нарышкиной. – Кончина Е.Ф. Муравьевой. – О статье политической, мною написанной. – Увольнение кн. Щербатова от должности Московск[ого] в[оенно-го] г[енерал]-губ[ернатора]. – Гр. Закревский назначен на его место. – Прощальный обед, данный кн. Щербатову москов[ским] дворянством. – Обед, данный купечеством князю Щерб[атову]. – Смерть князя Григория Сергеевича Голицына. – Сношения мои с гр. Закревским. – Усиление холеры в СПбурге. – Слова Государя народу. – Переписка моя с посланником Титовым о портрете отца моего. – Действия гр. Закревского. – Купец Эйхель. – Милости 25 июня. – Действия наши против Хивы. – *Письмо Москвича к приятелю своему в Тамбов* (мое сочинение). – Смерть племянницы моей Маши от холеры. – Женильба Конс. Нарышкина с Ушаковою. – Присылка к нам от фр[анцузской] республики генер[ала] Лафло. – Странные явления природы. – Вшествие в Бухарест Русских. – Размышления при виде Кремля. – Дворец новый. – Соборы. – Кончина Вейтбрехта. – Кончина гр. Воронцовой. – Кончина гр. Орловой-Чесменской. – Геройские подвиги на Кавказе. – Смуты в Вене. – Прибытие эрцгерцога Вильгельма в Петербург. – История моего Пашки в театре. – Высылка его в Тифлис. – Отмена в праздновании 6-го декабря. – Милости 6-го декабря. – Кончина кн. А.Г. Щербатова. – Еще нечто о черной кошке. – Слово кн. Вяземского. – Воспоминание прошедших времен. – Рескрипт кн. Воронцову при пожалов[ании] портрета. – Размышления о наградах. – Нещастие, случившееся со мною на улице. – Австр[ийский] импер[атор] отказывается от престола. – Возобновление холеры в Петербурге. – Слух о прибытии Государя.

1849

Прибытие в Москву племянника моего Сашки Б[улгакова] – Большой маскарад графа Закревского. – Описание оного в *Москвитяине*. – Заключение молодого Самарина в крепость. – Холера и корь в Петербурге. – Ожидание царской фамилии в Москву. – Московский новый дворец. – Распоряжения, относящиеся до прибытия царской фамилии в Москву. – Росписание экипажей. – Список размещения Императорской фамилии и особ, имеющих прибыть с Двором. – Росписание празднеств, кои имеют быть. – Нечто о предполагаемом во дворце маскараде. – Подробности освобождения молодого Самарина. – Приезжающие из СПбурга. – Подробности прибытия Императрицы в Москву. – Свидание с князем П.М. Волконским. – Прибытие Государя в Москву. – Царский выход. – Речь Филарета при шествии Е[го] В[еличества] в Собор. – Выход Императрицы. – Восторг народа. – Первое свидание с Вел. кн. Мих. Павловичем. – Радецкому послан [орден] 1-й [степени] Георгия. – Пожар в новом дворце и отзыв Государя. – Посещение, сделанное В[еликим] кн[язем] Мих[аилом] Павл[овичем] Ольге. – Цесаревич посещает Ольгу. – Был у В[еликого] к[нязя] Мих[аила] Павл[овича], который занемог. – Встреча моя с Вел. кн. Констант[ином] Никол[аевичем]. – Пожалование мне табакерки с Государ[евым] портретом и Рескрипт. – Радость в семействе нашем и нечто о фамильных делах. – Церемония освящения нового

дворца. – Заутреня и освящение дворца. – Нездоровье В[еликого] к[нязя] Мих[аила] Павл[овича]. – Главные милости, о коих узнал я во дворце. – Встреча со старым сослуживцем гр. Блудовым. – Слово его о Риме. – Подробности освящения дворца. – Как происходили поздравления во дворце и христосование с Государем. – Рассуждение о сём Русском торжестве. – Подробности. – Представление дам. – Неприятное происшествие с графинею Ростопчиною. – Приглашение Ольги на чай к Императрице. – Подробности вечера сего. – Чай, подаренный Ольгою В[еликому] к[нязю] Мих[аилу] Павл[овичу], очутился у Государя. – Описание всех милостей и наград в Пасху. – Обед во дворце для 4-х классов. – Навещал больного Вел[икого] к[нязя] Мих[аила] Павл[овича]. – Вся царская фамилия приходила к больному, и что Государь изволил говорить. – Сеймус Шиф, славный пианист. Большой маскарад во дворце. – Странные мои похождения и приезд, когда все было уже кончено. – Подробности, касающиеся до сего маскарада. – Нечто о Ростопчиной. – Барон Боде. – Освящение камня в Георгиевской зале. – Слово Государя Филарету о Папе Римском. – Маскарад, или лутче Русский праздник, у гр. Закревского. – Подробности. – Разговор Государя со мною.

ЧАСТЬ XIII

1849 (продолжение)

Старшины Благор[одного] собрания приглашают Государя на бал. – Разговор Его Величества. – Приглашение Императрицы. – Протчих членов царской фамилии. – Царская фамилия в театре. – Прения в Благород[ном] собрании. – Репетиция большого маскарада. – Описание большого маскарада. – Пожалование всех отроков в Пажи. – Разные анекдоты. – Старшины издали благодарят Государя. – Поезд Мар[ии] Ник[олаевны] к Троице. – Нечто о внучке моей Долгоруковой. – Разговор мой с кн. П.М. Волконским о зяте моем. – Поездка Государя в Измайловское. – Бал у кн. Сер. Мих. Голицына. – Семейная радость. – Письмо ко мне кн. Волконского. – Указ о пожалов[ании] зятя моего в церемониймейстеры Двора. – Прибытие актрисы Плеси. – Танцовщица Ирка. – Отъезд Государя. – Маленький прощальный бал у Императрицы. – Отъезд Императрицы. – Письмо ко мне Погодина. – Положение Европы. – Сравнение Императоров Александра и Николая. – Статья Погодина в *Москвитяине*. – Громовая весть о Вел. князе Мих. Павловиче. – Письмо Виелеурского с радостною вестию. – Венгерское войско, нам сданное. – Вел. кн. Константин Николаевич. – Обед у графа Закревского в день коронации. – Подробности о сдаче Георга. – Манифест Государя. – Рассуждения. – Любопытное происшествие под Коморном. – Прибытие в Москву гр. М.С. Воронцова. – Спор Воронцова с Ермоловым о Бонапарте. – Кончина В[еликого] к[нязя] Мих. Павловича. – Граф Ржевуский привез известие об окончании войны. – Приказ Государя армии нашей. – Милости в день коронации. – Милости австрийского императора нашим. – Манифест о кончине Вел. кн. Мих. Павловича. – Отзыв Государя кн. Паскевичевой. – Размышления о покойном Вел. князе. – Домашняя панихида в зд[ешнем] Кадет[ском] корпусе. – Трофеи венгерской кампании препровождаются в Москву. – Описание церемонии сей. – Письмо Георгия к генералу Ридигеру. – Нечто о кончине Мих[аила] Павл[овича]. – Прощание Государя с телом покойного Мих[аила] Павл[овича]. – Письмо кн. Вяземского из Константинополя. – Князь Радзивил, Кошут, Бем. – Зависть европейская против России. – Нечто о кн. Паскевиче и рескрипте к нему австр[ийского] императора. – Отзыв генер[ала] Плеещева о Паскевиче. – Гр. Закревский и Мих. Фед. Рахманов. – Прибытие султанского посла в СПбург. – Бредни английских журналов. – Проказы П.А. Базилевского. – Острое словцо Неелова. – Жизнь кн. Воронцова в Алушке. – Смерть

князя Б.Н. Юсупова. – Княгини Ек. Фед. Долгоруковой. – Д.П. Бутурлина. – Ек. Влад. Новосильцовой. – Анекдот о кн. Паскевиче. – Возвращение мне писем моих к покойному В[еликому] к[нязю] Мих. Павловичу. – Анекдот о Суворове. – Распоряжение по духовному завещанию покойного В[еликого] к[нязя] Мих. Павловича. – Приказ Цесаревича по этому предмету. – Отъезд мой в СПбург.

В Петербурге

Приехали туда 5-го декабря. – Первые визиты. – Князь Волконский. – Был у Цесаревича. – У протчих Вел. князей. – П.А. Бартенева. – Граф Несельроде. – А.И. Рибопиер. – Граф Адлерберг. – Протчие визиты. – Виелеурские. – Генерал Полозов. – Гедеонов. – Граф Несельроде устроил Пашкино дело. – Ласка его. – Объездил родных. – П.М. Манычаров. – Еще визиты. – Обед у кн. Волконского. – Граф П.Д. Киселев. – Встреча у него с тур[ецким] посл[анником] Фуад Ефенди. – Разговоры о политике. – Анекдот о Фуаде Ефенди. – Граф Августин Каподистрия. – Публичный маскарад. – Присутствие на оных Государя. – Маска, меня интриговавшая. – Мих. Ю. Виелеурский. – Приятность петерб[ургских] маскарадов. – Крещение новорожденного кн. Сергея Лейхтенбергского. – Прелестная княжна Маруся. – Великолепие обеда и дворца. – Окончание суда над Петрошевским и его участниками. – Нечто о сём глупом заговоре. – Экзекуция на Семеновском плаце. – Милость царская. – Любопытное суждение мужика о деле сём. – Обед у гр. Нессельрода. – Рассказы мои о короле Фердинанде IV. – Аудиенция у В[еликой] к[нягини] Елены Павл[овны].

1850

Новый год встретил со своими. – Милости Нового года. – Концерт у Виелеурских. – Веселый ужин итальянский. – Петербургская жизнь. – Ужасная роскошь. – Русский театр. – Итальянская опера. – Французский театр. – Цирк конских представлений. – Немецкий театр. – О шарлатане, бравшемся осветить Петербург одним жерлом. – Разрешение В[еликой] к[нягини] Мар[ии] Николаевны сыном. – Мраморный дворец, вновь переделанный. – Представления Государю откладываются. – Сестры мои. – Положение Елены. – О петербургском так называемом *пассаже*. – Бал у Лазаревых. – Смерть Дегая. – Празднование во дворце изгнания французов из России в 1812 году. – Публичный маскарад. – Встреча с Государем. – Крещение новорожд[енного] В[еликого] к[нязя] Сергея Максимилиановича. – Великолепие обряда сего. – Толки чужестран[ных] министров. – Разрешение от бремени Цесаревны сыном Алексеем. – Прибытие принца и принцессы Гессенских. – Итальянская опера. – Маскарад у ген. Полозова. – Мад. Plessy. – Нечто о Русском театре. – Картины Ф.И. Прянишникова. – Цирк, M-lle Bassin, Федорова. – О Гризи и Фроколини. – Представление Их Имп[ераторским] Вел[ичества]м. – Разговор Императрицы и Цесаревича. – Обзор Зимнего Дворца. – Бартенева. – Свадьба кн. П.В. Голицына. – Вторники Виелеурского. – Смерть кн. Вас. Вик. Кочубея. – Смерть в Москве ген. Тимофеева. – Нечаянное мое знакомство с генер[алом] Ридигером. – Место мое в Итал[ьянской] опере. – Певца Гризи. – Приятный вечер, проведенный в маскараде публичном. – Прощальный обед гр. Воронцова для турецкого посланника. – Обедня в домово́й церкви гр. Шереметева. – Отличная его капелла. – Смерть гр. Зотова. – Смерть княгини Голицыной (Nostupne). – Пожар во дворце принца Олденбургского. – *Matrimonio Senotto*^{9*} – Крещение В[еликого] к[нязя] Алексея Александровича. – Пенье итальянцев на хорах. – Заведение глухонемых под управл[ением] гр. Вильгорского. – *Il Barbieri*^{10*}. – Смерть Дм. Ник. Бант[ыш]-Каменского. – Пилю-

^{9*} "Тайный брак" (ит.).

^{10*} "Севильский цирюльник" (фр.).

ли Доктора Галла. – Обед у Жеребцова. – *Гугеноты*. – Представление в цирке защиты Ахты. – Разрешение от бремени В[еликой] к[нягини] Александры Иосифовны сыном Николаем. – Гнусный поступок Англии против Греции. – Дворец Вел. кн. Марии Николаевны. – Смерть Анд. Пашкова. – Бенефис Самойловой. – Актер Мартынов. – Маскарад в Благород[ном] собрании. – Обед у Абрама С. Норова. – П.М. Маньчаров. – Балет *La filleule des fées*^{11*}. – Каламбур Перовского. – *I Puritani*^{12*}. – Разговор с кн. Волконским. – Марио. – Маскарад в Благород[одном] собрании. – Бал *costumé*^{13*} у гр. Кушелева. – Слово князя А.С. Меншикова. – Обед у гр. Воронцова и весть во время стола. – Имянины у Ф.И. Прянишникова. – Домашняя музыка. – Обед у гр. Воронцова. – Англ[ийский] и греческий министры. – Письмо греч[еской] королевы к матери. – Публичный маскарад. – Парад войска. – Слово ген. Ламорисиера. – Болезнь сестры Елены. – Подробности о Елене. – Описание внутренних комнат Императрицы. – Бенефис Фроццолини. – Бал Виелеурского. – Панихида по покойном В[еликом] к[нязе] Михаиле Павловиче. – Плесси в *Domino noir*^{14*}. – *Lucrezia Borgia*^{15*}. – Разговор с князем Волконским. – Браслет Самойловой. – *Гугеноты*. – Подарки царской фамилии. – Прощание с Мад. Plessy. – Обед у Фроццолини. – Поездка моя по желез[ной] дороге в Павловское. – Прощание с гр. Адлербергом. – Нота наша англ[ийскому] правит[ельству] о Греции. – Прощальные визиты. – Крещение новорожд[енного] Вел. князя. – Прощание с Маньчаровым. – Концерт Виетана. – Последний прощальный вечер у Виелеурских. – Отъезд из Петербурга. – Возвращение мое в Москву. – Петербургское житие. – Пилюли Доктора Галла. – Москва все-таки слаще. – Петербургские воспоминания. – Праздник у гр. Закревского. – Пожар. – Трагическая смерть кн. Голицыной. – Фани Елслер. – Прибытие Гедеонова и Италиянская опера. – Воспоминание о нещастной кн. Голицыной. – Смерть грузинской царицы Марии. – О царских разводах в СПбурге. – Почесть, оказанная Государем кн. Паскевичу. – Торжественный обед, данный в Москве кн. П.А. Вяземскому. – Приверженцы и хулители гр. Закревского. – Беглый обзор бывших в Москве градоначальников: гр. Солтыков. – Беклешов. – Тутолмин. – Гудович. – Ростопчин. – Тормасов. – Князь Д.В. Голицын. – Кн. Щербатов. – Гр. Закревский. – Прибытие в Москву Цесаревича. – Шествие его в Собор, приветствие митрополита. – Посещение Его Выс[очеств]ом Кадетск[ого] корпуса и университета. – Бал у воен[ного] ген.-губернатора. – Впечатление, сделанное Кавказом на Цесаревича. – Рассказы гр. Ламберта. – Тревога около Гойты и участие в оной Цесаревича. – Храбрость, оказанная Его Выс[очеств]ом. – Прибытие П. Паткуля с Георг[иевским] крестом для Цесаревича. – Рассуждение о недостатке у нас Истор[ических] записок. – О Записках гр. Ростопчина. – Гр. Бенкендорф. – Словечко о моих Записках. – Пребывание Цесаревича в Новочеркасске. – Открытие Благовещенского моста в Петербурге. – Убиение французенки Simon в доме Сух[ово]-Кобылина. – Милости 6-го дек. – Статья моя о пребывании Цесаревича в Тифлисе. – Старые воспоминания. – Отъезд племянника моего А. Б[улгакова] в Петербург. – Анекдот о Государе. – Драма Аксакова *Овобожд[ение] Москвы*. – Слово князя В.С. Голицына. – Наша цензура. – Письмо мое к сыну о пребывании Наследника в Тифлисе. – Спектакль в Благород[ном] собрании в пользу детских приютов. – Афишка. – Отъезд Ольги в Петербург. – Ангажирование Ф. Елслер на 40 представлений. – Она играет ролю немой. – Фани Е[льслер] в Эрмитаже. – Обед, данный ей кн. В.С. Голицыным. – Чрезвычайно схожий портрет Государя нашего. – Повторение спектакля в пользу детских приютов.

11* "Питомица фей" (фр.).

12* "Пуритане" (ит.).

13* Костюмированный бал (рус. и фр.).

14* "Черном домино" (фр.).

15* "Лукреция Борджа" (ит.).

Приговор злодея Зыкова. – Был в Тюременном замке с Новосильцовым у Зыкова. – Исполнение приговора над Зыковым. – Первая встреча Ольги с Государем. – Нечто о внуке моем Ник. Долгорукове. – Восторг московской публики к Фанни Е[льслер]. – Статья моя об ней. – Прибытие в Москву тенора Марио. – Прибытие сюда певицы Персиани. – Нечто об италийанской музыке. – Анекдот о Марио и Гризи. – Первый концерт Марио. – Концерт Персиани. – Статья моя о Фанни напечатана в *Москвитяине*. – Перепечатание статьи сей в *J[ournal] de St. Petersbourg*. – Поднесение мною Фанни Е[льснер] статьи сей. – Успехи Марио в Москве. – Вечер у графа Н.В. Орлова-Денисова для Марио. – Вечер для Марио у гр. Ростопчиной. – Нечто об ней. – Прощальное представление Фанни Е[льснер] с моск[овскою] публикою. – Сделанные ей приношения от публики и московск[их] артистов. – Необыкновенное торжество. – Букет живых гиацинтов, поданный Ф[анни] мною из ложи графа Закревского. – Описание вечера сего, сделанное гр. Ростопчиною. – Стихи гр. Ростопчиной в честь Фанни Е[льслер]. – Посещение, сделанное мною, Фанни Е[льслер] на другой день. – Возвращение Ольги из Петербурга. – История молодых Нессельроде в Париже. – Гр. Закревская отправляется в Варшаву. – Пожалование Сашки Булгакова в полковники. – Пр. Вас. Обрезкова. – Сенявин не заменяет место министра вн[утренних] дел, едущего в отпуск. – Кн. Трубецкой увозит жену Жадимеровского и бегство их за границу. – Герцог Лейхтенбергский опять занемогает. – Пребывание Государя в Варшаве. – Приветствие короля прусского нашим генералам. – Пребывание Государя в Ольмьце. – Слово Кости о прусском короле. – Трагическое происшествие на мосту во время крестного хода возле Владимира. – Сенявин перерезывает себе горло бритвою. – Возвращение гр. Закревской с дочерью. – Нечто еще о нещастии, случившемся на мосту. – Кн. Трубецкой очутился неожиданно в Кахитании. – Отправление под арестом его и Жадимеровской в Петербург. – Нещастие, случившееся с молодым гр. Нессельродом. – Отъезд гр. Закревской в С.-Петербург. – Ожидание сюда царской фамилии и желез[ная] дорога. – Слова гр. Закревского. – Летнее пребывание в Сокольниках. – Сокольнический календарь. – Солнечное затмение. – Возвращение гр. Закревской из Петербурга. – Первый поезд гр. Клейнмихеля в Петерб[ург] по железной дороге. – С[ело] Марьино, подмосковная гр. Воронцова-Дашкова. – Росписание Высоч[айших] лиц, имеющих прибыть в Москву. – Железная дорога между двумя столицами. – Поездка в Ивановское к гр. Закревскому. – Следование по железной дороге. – 25-летнее царствование Государя. – Предположения гр. Закревского. – Прибытие Соломирского. – Прибытие войска из СПб. – Прибытие Государя. – Хаджи Мурат. – О путешествии царской фамилии. – День коронации Государя. – Милости того дня. – Приветствие Филарета. – Шифр внучке моей Сашке Долгоруковой. – Шествие Государя в Собор и пр. – 16 андреевских кавалеров в Москве. – О Жуковском и Вяземском. – Бал у кн. Сер. Мих. Голицына. – Принц Карл Прусский. – Князь Паскевич. – Несостоявшийся в Ивановском праздник. – Принц Веймарский в Марьине. – Рескрипт гр. Клейнмихелю. – О бале у гр. Закревского. – Слово Государя гр. Закревскому. – Живые картины у гр. Закревского. – Ласка Государя. – Маркиз Лукезини. – Разговор пр[инца] Карла со мною. – Милость, оказанная Императрицею кн. Вяземскому. – Гр. Воронцов просится в отпуск в чужие края, и что было по сему случаю. – Внук у Ольги. Совет гр. Вилеурского. – Отъезд Государя. – Разрешение от бремени Вел. кн. Алек[сандры] Иосифовны. – Отъезд Цесаревича. – Отъезд кн. Паскевича. – Бал в Дворянском собрании. – Разговор Государя с 5-ю губерн[скими] двор[янскими] предводителями. – Посещение живых картин у гр. Закревского. – Разговор Императрицы со мною. – Также и Вел. княгинь Ольги Николаевны и Екатерины Михайловны. – Женский парад, который готовился для Ивановского, представляется тут на бал.

– Нешастие на железной дороге. – Милости царские при отъезде. – Гр. Адлерберг. – Обратное путешествие Императрицы в Петербург. – Росписание всех обратных поездов. – Рассуждение о пребывании царском в Москве. – Цветущее состояние России. – Статья *Московских ведомостей* *неприличная*. – Разговор Государя с Ольгою на бале гр. Закревского. – Крещение Вел. княжны Ольги Конст[антиновны]. – Приезд Пашки из Тифлиса. – История принца Гессенского и фрейлины Гауке.

1852

Принятие Мирского в службу. – Орден св. Андрея министру финансов. – Празднование у гр. Закревского его именин. – Воспоминания о брате. – Железная дорога. – Суд над гр. Гендриковым и бароном Розеном. – Подробности бывшей между ними дуэли. – Нечто о пр[инце] Гессенском. – Памятник Импер[атору] Павлу I в Гатчине. – Отправление писем и газет по железной дороге. – Записки Болотова. – Толки о железной дороге. – Парижские происшествия. – Открытие в Москве Александринского Сиротского кадет[ского] корпуса. – Персидский посол Садри-Мирза. – Отъезд Долгоруковых с СПбург. – Отнятие у Почтдиректоров газетных доходов. – Известия из Парижа. – Смерть Слепцова. – Биографическая прекр[асная] статья Циммермана. – Милости нового года. – Рассказы о Воронцовых. – Прибытие в Москву персидского посла. – Скверная история Бездобрава. – Победы кн. Барятинского в Чечне. – Путешествие молодых Вел. князей. – Смерть разных известных особ в Москве. – Бал ген. Ланского в Петербурге. – Победа ген. Суслева. – Слухи о кн. Воронцове. – Пребывание персидск[ого] посла в Петербурге. – Известия от Ольги. – Нечто о Петербурге. – Кавказские дела. – Анекдот о Государе и одной даме, случившийся в маскараде. – Смерть Гоголя. – Смерть кн. Шаликова. – Анекдоты об нем. – Carlotta Grisi. – Нечто об обоих Воронцовых. – Жалобы на гр. Клейнмихеля. – Государевы слова. – Гамалей и похищение казны в разных местах. – Гр. Клейнмихель и Мирский. – Нашествие разных артистов на Москву. – Виетан, Перуга, Венявские, Дулькины. – Контский. – История кн. Юсупова. – Вечер, проведенный Ольгою у Императрицы. – Воспоминания Государя о розовом домино. – Милости в Пасху. – Кн. Воронцову титул Светлости. Рескрипт. – Ольга первая объявляет мне о пожаловании мне кав[алера] Белого Орла. – Нечто о прежней моей службе. – Милости царские в Пасху. – Презд кн. Юсупова через Москву. – Известия от кн. Воронцова. – Новая комедия гр. Ростопчиной. – Смерть ген. Набокова и гр. Льва Сологуба, княгини Трубецкой. – Смерть Гоголя и Жуковского. – О Жуковском и Вяземском. – Письмо вдовы Ж[уковского] и ответ мой. – Нечто о Гоголе. – Смерть С.А. Неелова. – Отъезды царского семейства. – О графе Клейнмихеле. – О кн. Воронцове и Чернышеве. – Письмо Вяземского о Жуковском. – Возвращение моих Долгоруковых из СПбурга. – Бегство и смерть Хаджи Мурата. – Слово Киселева о гр. Клейнмихеле. – Письмо гр. Воронцова из Берлина. – Восторг венск[их] жителей к нашему Государю. – Смерть Загоскина и краткая биография. – Смерть сенатора Полуденского. – О князе Волконском. – Отъезд Государя за границу. – О московских увеселениях. – Письмо прусск[ого] короля кн. Волконскому. – Болезнь князя П.М. Вол[конского]. – Смерть Брюлова. – Письмо кн. С.Г. Волконской. – О князе П[етре] М[ихайловиче]. – Прибытие в Москву принцев Прусск[ого] и Саксонского. – Список лицам, проживающим в Петергофе. – О кн. Чернышеве. – Прибытие в Москву пр[инца] Лейхтенбергского. – Плачевные вести о здоровье кн. Волконского. – Соборование его маслом. – Маневры в Красном селе. – Дуэль Гербеля с Поливановым. – Анекдот о кн. Волконском. – Прибытие гр. Перовского в Москву. – И многих австр[ийских] и прусских генералов. – Кончина кн. Волконского. – Краткий очерк покойного князя. – Кн. Долгоруков заступает место военного министра. – Милости царские кн. Черны-

шеву. – Мои воспоминания о Чернышеве. – Траур по князе Волконском. – Смерть гер. Веллингтона. – Гр. Адлерберг министр Двора. – Гр. Перовский министр уделов. – Кн. П.А. Вяземский. – Вести из Парижа. – Письмо княгини Ливен Вел. кн. Марье Никол[аевне]. – Покушение на жизнь президента Бонапарте. – Издание писем Жуковского. – Положение вдовы Жуковского. – Воспоминания о гр. Ф.В. Ростопчине. – Празднование гр. Закревским 40-летия изгнания французов из России. – Письмы гр. Воронцова из Парижа. – Государь возвратился в Петербург. – Учреждение телеграфа. – Смерть герцога Лейхтенбергского. – Холера в Варшаве. – Женитьба гр. Ник. Вл. Адлерберга. – О странном браке фрейлины Татищевой с жидом Эйхелем. – В[еликая] кн. Марья Ник[олаевна] президентом Акад[емии] художеств. – Скупость кн. Чернышева. – Самоубийство Давыдова. – Прибытие Лаблаша. – Чрезмерные происшествия в природе. – Смерть Ник. Дм. Черткова. – Будущее столетие Москов[ского] университета. – Письмы Жуковского ко мне. – Шевырев, Плетнев. – Бонапарте провозглашен императором. – Непостоянство французов. – Милости 6-го декабря. – Смерть Эсакова и словцо кн. Меншикова. – Торжественное собрание в университете. – Речь Шевырева о значении Жуковского. – Познакомился тут с Елагиною. – Нечто о Жуковском. – Любовное похождение и ссылка кн. С. Кочубея. – Бракосочетание француз[ского] императора с графинею Теба. – Она отказывает подарок [так!] города Парижа в 600/т. фр. – Милости 6-го дек[абря].

1853

Взгляд на новый сей год. – Проезд. кн. Меншикова чрез Москву в Константинополь. – Разговор его с барынею. – Гнусная история Политковского. – Похороны его. – О бедном офицере, нашедшем потерянные гр. Клейнмихелем 9000 руб. – Решение Государя. – Покушение на жизнь австр[ийского] императора. – Похороны нашего коменданта ген. Стааля. – Участие Брискорна в воровстве Политковского. – Назначение суда по сему делу. – Разговор Государя с кн. Паскевичем. – Отправление г[енерал-] а[дъютанта] бар. Ливена в Вену. – Небесное явление в городе Уральске. – Пожар в Большом театре. – Разные подробности. – Телеграфическая переписка гр. Закревского с Государем. – Геройский подвиг крестьянина Васил. Марина. – Стихи кн. Вяземского *Масленица*. – Болезнь гр. Закревского. – Деятельность и заботливость его. – Военные приуготовления. – Кн. Меншиков. – Сер. Ломоносов и брат его Николай. – Государь призывает к себе Марина. – Холера. – Суд и приговор над генералами по делу Политковского. – Приношение, сделанное Яковлевым, миллиона целковых в казну. – Награды, им полученные. – Ядовитая статья в нем[ецком] журн[але] касательно дела Политковского. – Замечательное событие в погоде. – Милости царские в Пасху. – Медленность в турецких делах. – Портрет Марина и магазин Дациаро. – Кончина кн. Шихматова. – Прекрасный подвиг дочери ген. Ушакова. – Милость Государя. – Холера утихает. – Болезнь Вас. А. Перовского. – Предпринимаемая экспедиция против Коканцов. – Прибытие Сер. Гр. Ломоносова. – О движущихся столах. – Вл. Павл. Титов. – Несогласие мнений наших. – Разрыв с Портою. – Воронцовы и Марьино. – Кн. Меншикову велено ехать в Севастополь.

ЧАСТЬ XIV

1853 (продолжение)

Необыкновенный холод в мае месяце. – Сын Павел возвещает прибытие свое в Москву с женою. – Движущиеся столы, шуточка Н.В. Сушкова. – Переезд в Соколяники. – Житие мое в Сокольниках. – *Масленица на чужой стороне*, стихотворение кн. Вяземского. – Нечто о Булгарине. – Вас. Алексеевич Перовский. – Отъезд кн. Меншикова из Константинополя и пр. – Англиские журналисты.

– Политические дела. – Ген.-адъютант граф Ржевуский. – Аудиенция Сеймура и Кастельбажака у Государя. – Цыркулярная нота гр. Несельрода нашим министрам в чужих краях. – Прибытие сына Павла в Москву. – Стихотворение кн. Вяземского. – Разрыв с Портою и прибытие кн. Меншикова в Одессу. – Убеждение мое, что войны не будет. – Прибытие министр[а] финансов Брока в Москву. – Свадьба гр. Ржевуского с Дашковою разошлась. – Поездка к Ольге в Шеметово. – Политическая статья. – Прибытие в Москву королевы нидерл[андской] Анны Павловны. – Приветственная речь Филарета Ее Вел[ичест]ву. – Представление мое королеве. – Путешествие Ее Вел[ичест]ва в Троицкую Лавру. – Любопытное письмо В.А. Перовского из Кох Кургана. – Дела наши с турками. – *Карлсбадское житие, Песнь Русского ратника*: стихотв[орения] князя Вяземского. – Я ошибся, и война, кажется, неизбежна. – Смерть Доктора Гааза. – И фортепианиста Геништа. – Посещение мое ссылочных на Воробьевых горах и анекдоты. – Любопытный анекдот о Докторе Гаазе и князе Д.В. Голицыне. – Радостное письмо от Перовского, покорение Ак-Мечети. – Ожидание в Москву Государя Цесаревича. – Росписание экипажей и пр. – Список разных Высочайших особ, имеющих прибыть в Москву. – Государь Император и свита Его Вел[ичест]ва. – Прибытие Цесаревича в Москву. – Обед у Его Высочества, шутка гр. Гудовича. – Разговор Цесаревича со мною. – Нечто о здоровье Его Высочества. – Обед у гр. Закревского, тост Вел. князя Цесаревича. – Речь, кою Филарет приветствовал Вел. князя при входе Его Выс[очест]ва в Успенский Собор. – Кончина статс-дамы княгини Е.А. Волконской. – Прибытие Государя в Москву и присылка за мною от гр. Адлерберга. – Выход во дворец, бодрый вид Государя и пр. – Приветствие Филарета при входе Государя в Собор. – Заключение, кои заставляяет оно делать. – Граф Адлерберг посещает Моск[овский] Почтамт. – Я отвозил к Государю опоздавшую Тифлис[скую] почту. – Свидание с воен[ным] министр[ом] кн. Долгоруковым. – Был у графа А.Ф. Орлова, и что слышал от него. – Отъезд Государя из Москвы и сделанные Его Вел[ичество]м подарки. – Просьба, поданная солдатом Государю во время смотра войск. – Письмо от В.А. Перовского, окончание похода Хивинского. – Рескрипт Государя Перовскому. – О турецких делах. – Граф Закревский говорил Государю о стесненных моих обстоятельствах. Государь принял докладную записку. – Кн. Воронцов сообщает мне хорошие вести из Тифлиса для отправления к Государю в Варшаву. – Внимание всеобщее обращено на свидание двух императоров в Ольмице. – Турецкие дела. – Смерть Иг. Мих. Богаевского. – Радостное свидание с В.А. Перовским. – Прибытие двух других старых приятелей гр. Воронцова (Ваниши) из СПбурга и гр. Мих.Ю. Виельгурского из Крыма. – Разрешение от бремени Цесаревны дочерью Мариєю. – Ваканция главного Доктора в Москов[ском] Почтамте. – Порта объявляет нам войну. – Попытки коканцев завладеть портом Перовским. – Мнение старого Хозрева Паши на счет войны с Россиею. – Я в Шеметове по случаю болезни Ольги. – Ход болезни. – Действия Пашки в Петербурге по делу его. – Первое нападение турок на нас. – Полет орла над Москвою 7-го ноября. – Отъезд Пашки обратно в Тифлис. – Известия с Кавказа. – Письмо от кн. Воронцова из Тифлиса. – Взятие адм[иралом] Корниловым егип[етского] парохода. – Переход через Дунай Омер Паши. – Хорошие вести от князя Воронцова. – Пошлости, сообщаемые газетою *Times*. – *Goddam*^{16*} и ура! – Синопская победа! – Кн. Воронцов и кн. Горчаков. – Нечто о Сеймуре и Кастельбажаке. – Злоба англичан на нас. – Худое состояние здоровья князя Воронцова. – Нечто о вдове Жуковского. – Кончина кн. Ал. Мих. Урусова. – Прибытие славной Рашель в Петербург. – Урок, данный ей Государем. – Подарок, ей сделанный после первого представления *Федры*. – Анекдот о Государе и одном англичанине. – План Синопского сра-

^{16*} Черт побери (англ.).

жения. – Нахимов и капитан Барановский. – Злоба англичан на нас за Синопскую победу. – Приказ Государя, коим изъявляется внуку моему Долгорукову Высочайшее благоволение. – Радость в доме. – Пашке моему пожалован персидский орден Льва и Солнца. *Пышный* Рескрипт. – Собрание разных стихотворений, относящихся к нашей войне, кн. Вяземского.

– Современные заметки, – *его же*

– Вот в воинственном азарте, – его же

– Напутствие в поход гр. Орлову, – *гр. Ростопчиной*

– Нашим братьям, юго-восточным православным, – *гр. Ростопчиной*

– Врагам России, – *Ник. Арбузова*

– Предполагаемый визит

1854

Отъезд моих Долгоруковых в Петербург. – Кн. Воронцов уволен в чужие края лечиться. – Слова Государя фельдъегерю. – Прибытие Ф.И. Прянишникова в Москву. – Обед у гр. Закревского. – Славные дела в Коканском крае. – Прибытие знаменитой Рашель в Москву. – Что происходило в Петербурге на театре во время представления *Jeanne d'Arc*^{17*}. – Корпия царских рук, посылаемая в армию. – Англинский флот вошел в Черное море. – Государь страдает болью в ноге. – Рассказ Вильгорского Ольге об этом. – Милости, оказываемые царскою фамилиею Ольге. – Злоба англичан за Синопскую победу. – О первом представлении Рашель в *Федре*. – Мое мнение о сей актрисе. – Нечто о M-lle Georges. – Первая встреча Ольги с Государем и Императрицею на вечере у Вел. кн. Ольги Николаевны. – Рассказы Государя. – Нечто о Сеймуре и Капельбажаке. – Слово гр. Киселева англ[ийской] посольше Сеймур. – Стишки кн. Сергея Голицына. – Возвращение гр. Ал. Фед. Орлова из Вены. – Опубликование Наполеоном письма, написанного им нашему Государю. – О девизе Наполеона *L'Empire c'est la paix*^{18*}. – Предписание, данное мне гр. Адлербергом касательно путешествия M-lle Rachel. – Свидание мое с M-lle Rachel. – Отъезд ее о нашем Государе. – Ольга приглашена на вечер к Императрице и разговоры ее с Государем. – Еще кое-что о M-lle Rachel. – Еще нечто о письме Бонапарта к нашему Государю. – Мандт желает, чтоб наш Никоша подвергнулся экзамену на звание Доктора Медицины. – Разговор мой с гр. С. С. Уваровым по этому случаю. – О гнусных выходках англ[ийских и] французских журналов. – Война делается у нас народною и религиозною. – Пожертвование купечеством московским полмиллиона руб. сер[ебром]. – Напечатание в *[Journal] de St. Petersbourg* письма Бонапарта и ответ нашего Государя. – Рассуждение о важных сих актах. – Кн. М.С. Воронцов пишет мне, что сдает дела генер[алу] Реаду и едет в Киевское свое имение. – Прощальный вечер M-lle Rachel и собранные ею в Москве деньги. – Дерзкое требование приятелей, и как Государь на оное ответил. – Ольга приглашена на вечер к Вел. кн. Ольге Н[иколаевне]. Государь, только что прибывший из Финляндии, явился также туда в дорожном платье. – Политика Австрии и Пруссии. – Слово нашего Государя о польских королях. – Наводнение Москвы артистами. – Мнение мое о певице Mad. Lagrange. – Проезд через Москву Вас. Ал. Перовского. – Обед у гр. Закревского в память вступления войск наших в Париж 40 лет тому назад. – Воспоминания. – Стихи, присланные мне гр. Ростопчиною, с отметками мест, не пропущенных цензурою. – Примечательный анекдот, рассказанный мне М.П. Погодиным, о Русском мещанине и мнимом *мусье*. – Ухищрения неприятелей наших и меры, предпринимаемые нашим Государем. – Действия кн. Горчакова. – Еще шутка, касающаяся до европейских держав. – Переход армии нашей через Дунай. – Никоша Долгоруков в Петербурге, а Биберчилль в Москве в тот же день получают звание Докт[оров] медицины.

^{17*} "Жанны д'Арк".

^{18*} "Империя – это мир" (фр.).

Современные стихотворения

- 14-е и 18 ноября. – *Шевырева*
Наполеон. – *Гордеева*
Россия. – *Ив. Сосницкого*
Россия. – *Дм. Золотарева*
К Русским 9 февраля 1854-го. – *Фед. Глинки*
Солдатская песня. – *А. Афанасьева*
К России. – *Ир. Волкова*
Предполагаемый визит.
Восстание Христиан. – *П.В.*
На нынешнюю войну. – *А. Подолинский*
Молитва Русского. – *Ф. Миллер*
Повесть о войне Турецкой. – *Мих. Стахович*
Песнь победы. – *Перевод с Сербского*
Пора. – *Федора Глинки*
Святая брань. – *Ник. Левашева*
Русский молодец и заморские гости, басня. – *П. Каратыгина*
Молитва у гроба Кутузова. – *Ореста Миллера*
Пожар России. – *Федора Глинки*
Его Величеству Государю Николаю Павловичу. – *Анастасии Марченко*
Гимн Царю.
Молитва за Царя. – *Воспитанника Дворян[ского] полка В. Пото*
Русская песня. – *В. Пото*
Ура! – *Николая Ляховича*
Перед монументом Петра Великого. – *Николая Арбузова*
Восстание Христиан.
Север, Запад, Юг. – *Ф. Миллера*
Достопамятные для России дни 1812-го года. – *Веры Головиной*
Собака, кошка и орел. Басня. – *Павла Трунина*
Волшебный фонарь.
На переход Русских войск через Дунай. – *Ивана Сосницкого*
На переход Второй Драгунской дивизии через Нежин к Дунайской армии. –
Федора Морачевского
Воззвание к Россиянам. – *А.З-я*
Война за веру. – *Воронежск[ого] мещанина Никитина*
Голос Души. – *Авдотьи Глинки*
На переход Русских войск через Дунай. – *Д.Н....ский*
Орел на утесе. – *А.Э.*
Христос воскрес! Стихи, написанные тотчас по услышании Высочайшего
Манифеста 11 апреля. – *Федора Глинки*
Орел. – *Пятнадцатилетнего ученика Евгр. Маслова*
Романс. – *Русского солдата Ф. Шилова*
Христос воскрес! Православным братьям на востоке. – *С. Шевырева*
Отступникам Христа. – *С. Шевырева*
К Богу, защитнику правых. – *Ф. Глинки*
Песня Кронштадтских артиллеристов.
Ночь над Петербургом. – *Ольги Пр.*
К Грекам. – *Алексея Бржевского*
Солоно хлебали. 10- апреля 1854 года. – *Старый Служивый*
Солдатская песня.
Синопское сражение. – *Николая Николаевича*
Призвание России.
Покаявшейся России. – *Хомякова*

Возражение на укоризну России. – *Арсеньева*
Ответ некоторым безымянным стихотворениям. – *Графини Авд. Ростопчи-
ной*

NB. Это два ответа на стихи Хомякова.

- Молитва Русского. – *Ф.Б. Миллера*
Орел и Аккула [так!]. Басня. – *Ф.Б. Миллера*
Матросская песня. – *Кн. Вяземского, из Карлсруэ*
Великая суббота в Одессе 10-го апр. 1854. – *С. Шевырева*
10 апреля 1854. – *Николая Арбузова*
Посвящается Барону Дмитрию Ерофеевичу Остен-Сакену. – *Анастасии
Марченко*
Благородному Сэру Непиру. – *К. Тимофеева*
Голос Кронштадту. – *Ф. Глинки*
Святая Русь. Стихотворение. – *П. Григорьева*
Андрею Карамзину. – *Кн. Вяземского*
Разбитие Турецких пикетов Донскими козаками. Истинное происшествие. –
Урядника Ив. Черноярова
Часовня Благовещенского моста в день св. Николая. – *Ф. Глинки*
Превращение. – *Михаила Серебрякова*
Одесса. – *Ник. Арбузова*
На получение фортами образов, пожертвованных Государынею Императри-
цей с надписями защитникам. – *Николая Мега*
На нынешнюю войну. – *Петра Г. Ростоватова*
Рассказ бессрочно-отпускного. – *Д. Пазукевича*
Песня. – *К. Тимофеева*
Англии. – *С. Шевырева*
Лженародным витиям. – *Кн. Вяземского, из Берлина*
Солдатская песня. – *Г. Мальшева*
Солдатская песня про Чолокское сражение. – *Унт[ер]-офицера Мих. Родио-
нова*
Песня Козака о битве с Турками 2-го апр. 1854 года при Траяновом поле.
Опять война. – *П. Родакова*
Молитва во время боя. Подражание Кернеру. – *В. Мызникова*
Дунайская песня. – *Кн. Вяземского*
Условие. – *Селиновского*
Чудесное спасение Соловецкой обители. – *Веры Головиной*
Христианское мужество настоятеля святой Соловецкой обители. – *Веры Го-
ловиной*
Рассказ пленного Турка под Баш-Кадыкляром. – *Алексея Марсова*
На сожжение Колы. – *К. Ш. Ч.*
Песня Драгун Е.К.В. Наслед[ного] принца Виртембергского полка. – *Гр. С.*
Воззвание к Русскому народу.
Бомбардирование Соловецкого монастыря. – *Русского солдата Ф. Шилова*
Эпаминонд. – *Воспитанника А. Апухтина*
Стихи Солдата к Товарищу.
К портрету кн. Меншикова. – *Александра Неваховича*
Союзникам Луны на битву при р. Алме. – *Ознобишина*
Два подвига. – *Рафаила Зотова.*
Собрание в Академии Наук 29 дек. 1854.
Царское спасибо. Песня храбрых защитников Севастополя. – *П. Ободовско-*
го
Белому царю от верного Русского народа на 1855-й год. – *П. Ободовского*

Продолжение выходящих стихотворений по случаю настоящей войны:

Таврида Уралу. – *Ал. Ступина*

К России по прочтении Высочайшего Манифеста 29 января 1855. – *Ник. Арбузова*

Быль.

Наши понеделники. – *Ф. Глилки*

Отставной солдат Перфильев. – *Майкова*

России. – *Сер. Николаевского*

По прочтении Высочайшего Манифеста 14 дек. 1854. – *Ярошевицкого*
18 февраля 1855. – *Б.Б.*

Туман и Заря у Севастополя. – *Ф. Глилки*

Судьба России. – *Ю. Ярошевицкий*

Песня Ратника. 1855. – *К. Кз.*

Восторг, произведенный новым Манифестом Государя. – Смерть Сер. Апол. Волков. – Прощальный визит франц[узского] консула Soulange Bodin и разговор наш. – Росписание милостей, бывших в Пасху. – Милость, оказанная мне Государем, по особенному докладу гр. Закревского. – Прием, сделанный внуку моему Долгорукову в Петербурге. – Нечто о милостях царских к нашему семейству. – Бомбардирование Одессы. – Спор на счет имени адмирала Непира. – Известия от кн. М.С. Воронцова. – Нечто об нем и князе Паскевиче. – Отъезд внука Никоши Д[олгорукова] в армию. – Подробности, касающиеся до бомбардирования Одессы. – Щеголев, преосвященный Иннокентий. – Письмо Цесаревича к Щеголеву. – Учреждение добровольных сборов в пользу раненых, под председательством 14 дам, для 14 частей города. Действия дочери Ольги по Тверской части. – Анекдот о князе Горчакове (Анат. Иван.). – Ожидание Вел. княгинь в Москву. – Погибель англ[ийского] фрегата *Тигра* перед Одессою. – Прибытие в Москву Государыни Цесаревны с сыновьями, Вел. княгини Александры Иосифовны и Марьи Николаевны с сыновьями. – Слышанные мною толки в народе, благочестие нашей царской фамилии и пр. – О нелепых, самохвалных, бесстыдных и дерзких статьях западных журналов. Выписка, для примера, таковой статьи из журнала *Le Constitutional*. – Известия от внука Никоши. – Телеграфическая депеша от М.Ю. Виельгорского. – И дозволение всем вообще сообщаться посредством телеграфа, не касаясь токмо политики. – Письмо от Никоши; прием, сделанный ему фельдмаршалом кн. Паскевичем. – Неудачи под Севастополем. – Прибытие братьев Виельгорских и кн. С.Гр. Волконской. – Старинные воспоминания. – Отъезд княгини С[офьи] Г[ригорьевны] и прибытие гр. Воронцова (Ваниши). – Поездка к Воронцову в Марьино. – Письмо от кн. П. Вяземского из Карл[с]бада. Стихотворение его, посвященное преосвящ. *Иннокентию и Щеголеву*. – Нечто об англичанах и об нас. – И о раненом фрегате *Тигра* капитана *Грейфурте*. Смерть его. – Стихи кн. Вяземского Щеголеву. – *Одесса*, его же сочинение. – Действия под Силистриею. – Операция, сделанная гр. Матв. Вильгорскому. Булгарин напечатал стихи Вяземского в *Север[ной] пчеле*. – Победа кн. Андроникова. Дм. Карамзин убит в Малой Валахии. О действиях неприятельских флотов в Балтийском море. Государь поехал лично осмотреть флот английский. – Известия, получаемые нами от внука Долгорукова. – Неудачная попытка генер[ала] Сильвана и Дм. Карамзина. – Неудача под Силистриею, в коей сын гр. А.Ф. Орлова лишился глаза. – Подробности, сообщенные мне гр. Блудовым о ране фельмар[шала] князя Паскевича под Силистриею. – Неожиданная смерть гр. Воронцова-Дашкова. Подробности. Завещание его и пр. – Полученные мною

известия от кн. М.С. Воронцова из Карлсбада и от кн. Вяземского. – Молебствие в Петербурге по случаю победы кн. Андроникова. Смерть геройская генер[ала] Шильдера. – Происки австрийцев заставляют нас отдать княжества. – Кн. Паскевич отправлен в Гомель лечиться. Размолвка его с генер[алом] Лидерсом и пр. – Раненный под Журжиею генер[ал] Хрулев и 40 других раненых препоручены внуку Долгорукову и пр. – Положение князя Паскевича. – Бранные стихи на его счет. – Взятие в плен Шамилем кн. Орбелиани и сестры ее княг. Чевчавадзе. – Смерть молодого князя Евгения Алек. Голицына, адъютанта Вел. князя Конст[антина] Николаевича. – Прибытие графа Вл. Фед. Адлерберга, по случаю болезни дочери его Анны Вл. Новицкой. – Сношения с гр. Адлербергом. – Встреча на дебаркадере с пленным турецким адмиралом Осман Пашою. – Хорошие вести с Кавказа. – Известия от Никоши Д[олгорукова] из Фокшан. – Известия от кн. М.С. Воронцова из Дрездена. – Разбитие кн. Бебутовым 60/тысячного турецкого корпуса под командованием Мушара Зарафа Мустафы Паши. Награда Бебутову. – Первое мое свидание с возвратившеюся из чужих краев графинею Воронцовою-Дашковою. – Был у графа Влад. Алек. Пушкина за несколько часов до его кончины. Жестокое действие холеры в Москве. – Болезнь Кости. – Покорение неприятелями нашими Бомарзунда. – Письмы от внука. Мы очищаем княжества. – Отзыв Генер[ального] ш[таба] Доктора Чернобаева о Никоше. – Внука отправили в Кишинев для пользования там больных по новой системе Докт[ора] Мандта. – Замечательное письмо пастора лютеранской церкви о Бомарзундских происшествиях. – Толки адм[ирала] Непира о Бомарзунде. – Гнусные поступки англичан в Белом море. – Кончина доброй нашей Машеньки, Мар. Петр. Бурсиной, девушки покойной моей жены. – Нечто о Косте. – Предполагаемая высадка в Крым. – Пожар в Варне. – Приказы С.-Арно. – Нетерпение Русских в Крыму и пр. – Австрийцы. – Кн. Горчаков заступает место б[арона] Мейендорфа. – Негоциации. – Решительный ответ нашего Государя. Переговоры, положение дел и пр. – Высадка неприятельских войск в Евпатории 2-го сентября. – Размышления о политических обстоятельствах. – Замечание, сделанное Погодиным. – Разговоры в народе. – Подробности о высадке неприятельской. – Виелеурские едут обратно в СПб. Операция гр. Мат[вея] Ю[рьевича] удалась. Нечто о гр. Мих[аиле] Юрьев[иче]. – Васил. Алек. Перовский. – Суждения здешние о войне. – О подробностях, привезенных фл[игель]-адъют[антом] Албединским из Крыма. – Прибытие Вел. князей Николая и Мих. Никол[аевич]ей, едущих в Крымскую армию. Подробности. – Глупая тревога, произведенная в целой Европе по случаю покорения *будто бы* Севастополя неприятелями нашими. – Известия от кн. Меншикова. – Подвиг парохода *Тамань*. – Подвиг двух козачков, описанный нам внуком Долгоруковым. – Статья *J[ournal] de Débats*, опровергающая татарский пуф покорения Севастополя. – Известия от кн. Меншикова. – Нечто о Фридрихе II и нашем Государе. – Перебор Записок покойного Метаксы, и что происходило, по оным, между кн. Меншиковым и мною. – Подробности по делу сему. – Известия, привезенные из армии сыном кн. Меншикова. – Смерть маршала С.-Арно. – Первое бомбардирование Севастополя. – Известия из армии. Лорд Дункелон взят в плен. – Бомбардирование Севастополя не имело последствий. – Опустошение Ореанды. – Щедрые пособия, отправленные Государем в Крым. – Известия, полученные в Петербурге из армии с адъютант[ом] кн. Меншикова бароном Вилебрандом. – Радость, изъявленная Государем при этом случае. – Васил. Алек. Перовский. – Статья о моем Косте в фельэтоне *Журнала de Débats*. – Милости, оказанные Государем вдове В.А. Корнилова. – Рескрипт к ней Императрицы. – Завоевание французами кареты кн. Меншикова. Глупые вести. – Положение неприятеля. – О князе М.С. Воронцове, коего участь наконец решена. – Рескрипт Государя к князю Воронцову. – Последнее примечательное представление на здешнем театре, в коем участвовала актриса Орлова. Подарки, ей сделанные, и прекрасные стихи, коими прощалась она с

здешнюю публикую. – Санковская танцует в балете *Эмеральда*, в коем виде-ли мы славную Элслер. – Сатирический стих кн. Вл. Сер. Голицына. – Известия из армии. – Упрек, делаемый князю Меншикову, и разные суждения. – Отправление мною в Крым 30 сестер милосердия. – О пленном капитане лорде Дункелене. – Прибытие его в Москву и разговор мой с ним. – Статьи в *Москвитяине* под заглавием *Записки студента* (С.П. Жихарева), разбор. – Что говорит о моем отце. – Реляция кн. Меншикова о неустрашимости, оказанной Великими князьями, кои пожалованы Георгиев[скими] кавалерами 4 ст[епени]. – Я отправил еще 60 сестер милосердия в армию. – Доверенность всеобщая к реляциям кн. Меншикова. – Вздоры, печатаемые французами. – Ужасная буря, свирепствовавшая в Крыму 2 ноября, и ужасные потери, понесенные неприятелем на море. – Никоша Д[олгоруков] прибыл в Севастополь; что он нам пишет. – Стихи Шевырева на счет бури 2-го ноября. – Сведения, полученные мною от одного молодого артил[лерийского] офицера. – Великие князья. – Кн. Меншиков и пр. – Никоше Д[олгорукову] пожалован крест св. Анны 3 ст. Сведения от него. О военных происшествиях. – Журнал *Times*. – *Dorfbalbier*¹⁴. – Анекдот о собаке, называвшейся Севастополем. – Письмо Вяземского из *Veve* (в Швейцарии) и стихи его на счет поноса, коим одержим Наполеон Иеремеевич. – Разговор кн. Меншикова с пленным лордом Дункелоном и как кн. М[еншиков] его одурачил. – Что Государь писал кн. Меншикову после Бурлюкского дела. – Благочестие наших царей. – Тяжкая болезнь Императрицы. – Что пишет мне Вяземский о французских стихах, им сочиненных во славу и честь Наполеона Иеремеевича под заглавием *La complainte*^{19*}. – Ожидал к 6-му декабря какую-нибудь радостную весть, но нет ничего. – Государь телегр[афною] депешою уведомляет гр. Закревского, что Императрице лутче. – Стихи ген.-адъют[анта] Огарева на голос *Чем тебя я огорчила?* – Вторая телегр[афная] депеша о здоровье Императрицы. – Прибытие в Москву Вел. князей Николая и Михаила из армии. Подробности. – Что сказали Их Выс[очест]ва Долгорукову о сыне его. – Скорость, с кою доходят вести из Петербурга. – Новая благоприятная телегр[афная] депеша касательно здоровья Императрицы. – Что слышал гр. Закревский от Великих князей. – Нечто о положении дел политических и военных. – О том, что Вел. кн. Мар[ия] Никол[аевна] сказала княгине Соф.Ст. Щербатовой для передачи Ольге. – Прекращение бюллетеней на счет здоровья Императрицы. – О Великих князьях Ник[олае] и Мих[аиле]. – Прибытие Их Им[ператорских] Высочеств в Москву. О том, что говорили они гр. Закревскому. – О делах вообще. Взгляд на происшествя и пр. – Слухи о мире. – Сравнение Лудовика XIV с Николаем I и пр. – Манифест от 14 декабря. – Значение его. – Подробности о виц[е]-адм[ирале] Корнилове. – Домашние воспоминания. – О Катиньке моей. – Прибытие сюда семейства ее и пр. – Прибытие сюда цензора Ульрикса и Аб. Сер. Норова. – Нечто о покойном моем отце. – Богослужение в университетской церкви. – Нечто о А.П. Ермолове. – Прибытие в Москву директ[ора] Почт[ового] департамента Антонского, недавно женившегося. – Красота его жены. – Торжественное собрание, бывшее в тот же вечер в университете. – Биографический очерк об отце моем в *Московск[их] ведомостях*. – Большой обед на 500 особ в университете. – Тосты. – 14 января семейный пир в университете. – Норов. Шевырев. – Вечер у Назимова. Студент Чернышев читал превосходно стихи, Шевырева сочинения. – Юбилей университета был празднуем у графа Закревского большим обедом. – Проводы Норова и Антонского, поехавших в Петербург. – Прерванное сообщение между двумя столицами, по случаю ужасных метелей, в течение трех дней. – Вести, сообщенные мне молодым офицером. – Избрание Ермолова в начальники Московского ополчения. Тревога. О том, что тут проис-

^{19*} "Плач", "Стенание" (*фр.*) – жалобные стихи, поющиеся просящими подаания.

ходило. – Волнение в Москве. Объяснения, кои сообщил мне гр. Закревский. – Письмо А.П. Ермолова гр. Закревскому. – Проектированное письмо (которое, однако же, отправлено не было по назначению) московского дворянства А.П. Ермолову. – Об Англии. – Происходящее в их парламенте. – Неожиданная кончина Государя Николая Павловича. – Подробности. – Бюллетени. – Как узнал я горестную весть от гр. Закревского. – Как объявлена была нами кончина Государя Ольге. – Кто были отправлены Государем в различные Столицы Европы с объявлением о восшествии Его Вел[ичества] на престол Всеросс[ийский]? – Разные назначения и перемены. – Слухи о кн. Меншикове. – Чувства армии нашей. – Аллегорические стихи, ускользнувшие от цензуры, под заглавием *Не сжатая полоса* (в *Современнике*). – Панихида в Чудове монастыре. – О колоколе, сорвавшемся с Ивана Великого во время панихиды. – Истолкование, делаемое Погодиным, случая сего. – Твердость, с кою скончался Государь. Подробности. – Рассказ Мандта. – Опровержение оногo. – Новые подробности. – Последние минуты Государя. – Любовь его к войску. – Достопамятное посещение, сделанное Государем А[лександром] Н[иколаевичем] Государственному совету 19-го февраля. – Слова Государя. – Что происходило при приеме иностранных министров, и что Государь говорил всякому из них. – Бесстыдство неприятелей наших. – Первая встреча Вел. кн. Николая и Михаила Никол[аевичей] с августейшею их матерью. – Достопамятные и трогательные слова Императрицы Александры Федоровны. – Странное предвещание, сделанное Доктором Арндтом кн. Анне Матв. Голицыной. – Статья в *Русском Инвалиде* о моем отце. – Росписание особ, кои присланы были иностранными державами для поздравления Императора Ал[ександра] Ник[олаевича] с восшествием на Престол. – Слово, сорвавшееся с языка у эрцгерцога Вильгельма. По сему случаю Тютчев написал стихи под заглавием французским *A l'adresse de S.M. Apostolique*¹⁵. – Праздник Воскресения Христова. – Воспоминания о гр. Ростопчине. – Простые, умные слова, слышанные мною, купца одного. – Надежды на молодого Государя. – Толки о мире. – О внуке Никоше Долгорукове. – Обед у гр. Закревского с настоятелем Соловецкого монастыря архимандритом Александром. – Любопытные его рассказы о нападениях англичан и пр. – Прибытие в Москву многих знатных особ. – Радостное известие, что Никоша Д[олгоруков] будет в Москву. – Пребывание в Москве принца Баденского Вильгельма. Он часто навещал Ольгу по старому знакомству. – Нечто о Вел. князе (теперешнем Цесаревиче), коему Государь перед смертью сказал што-то на ухо. – О принце В[ильгельме] Баденском. Перед самым выездом своим был он в Чудове на панихиде по пок[ойном] Государе. – Нечто о плененных Шамилем княгинях Орбелиани и Чевчавадзе. – Освобождение их. – Рескрипт Государя князю М.С. Воронцову. – Новое, пятидневное, бесполезное бомбардирование Севастополя. – Прекрасный эстамп, представляющий умершего Императора, и другие эстампы, касающиеся до него же. – *Последние часы жизни Импер[атора] Никол[ая] Павл[овича]*. – Эта прекрасная брошюрка, читается всеми с жадностию. – Воспоминания о покойном Государе. – Обстоятельство, сообщенное мне В.А. Перовским и касающееся до покойного Государя. – Мои воспоминания. – Прервание мирных переговоров в Вене. – Рассуждения об Англии, подлое ее поведение. – Пожалование графского достоинства Вас. Ал. Перовскому. – Рескрипт к нему Государя. – Нечто о всех наших графах. – Прибытие кн. Меншикова в Москву. – Первое мое с ним свидание, и о чем была речь. – Рассуждения о цензуре вообще, у нас и у других. – Записка кн. Меншикова. – Ольга отправилась с мужем в Петербург поклониться телу покойного Государя. – Известия из Севастополя. – Кн. Меншиков запискою извещает меня о новой ране, полученной молодым гр. Блудовым. – Покушение на жизнь Бонапарта. – Конференция Венская разрушилась. – Замечательное письмо Кавказского Наместника Муравьева А.П. Ермолову. – Не менее замечательное письмо князя

Д.С. Мирского, коим опровергается то, что пишет Муравьев. – Размышления на счет писем сих. – Прибытие в Москву Вел. кн. Мекленб[ург]-Шверинской. – Возвращение Ольги из Петербурга и Никоши из армии. – Положение княгини Ек.Алекс. Долгоруковой. – Рассказы Никоши о самоотвержении наших солдат. – Возвращение графини А.К. Воронцовой-Д[ашковой] из чужих краев. – Рассказы ее о Париже и Наполеоне. – Парижские вести. Слова Бонапарта диплом[атическому] корпусу после покушения на его жизнь. – Генер[ал] Пелиссье, новый главнокоманд[ующий] французскою армию. – Назначение графа С. Г. Строгонова на место А.П. Ермолова в Московск[ое] ополчение. – Заготовление лошадей для путешествия Вел. князей: Николая Н[иколаевича] в Варшаву, Михаила Н[иколаевича] в Белый Сток.

Стихотворение Алединского *На смерть Императора Николая*

Почил он. Стихотворение С. Гранкина

Москва 4 Апреля 1855 года. В.Э.

На смерть Императора Николая. Граф. Е. Ростопчиной

18 февраля 1855 года А.И. Майкова

На кончину Императора Николая 1-го Павла Полянского

Стансы на Стансы Пушкина. Ник. Скалона 1-го

Ода на восшествие на престол Е.И.В. Государя Императора Александра 2-го Мих. Дмитриева

О новейшей войне. *Плач и уныние*, стих[отворение] кн. Вяземского. – К[онтр]-адм[ирала] Истомина смерть. Обвинения кн. Горчакова. – Прodelки во фр[анцузской] армии. Политические рассуждения. – Неудачная попытка Пелиссье бомбардировать Севастополь. Принц Баденский прислал Ольге портрет своей матушки. Рассуждения о нынешнем моем пребывании в Сокольниках. – Упражнения мои. – Несогласность моя в некотором мнении с к[нязем] Вяземским. – О внуке Никоше Д[олгорукове]. – Блeзненное положение кн. Е.А. Долгоруковой. – Канроберт слагает с себя добровольно главноком[андование] над армиею. Известия из армии и от сына из Тифлиса. – Прибытие внука Никоши Д[олгорукова]. – Занятия неприятелями Керчи. – О неприличности, с коюю ведутся ныне перепiski между Державами. – Заготовление лошадей для Великих князей Н[иколая] и М[ихаила]. – Махмуд Хан был у меня. – Рассуждения его. – Житие в Сокольниках. – Крещенко. – Пелиссье. – Враки фр[анцузских] журналов. – Варварское поведение англичан в Керчи. – Письмо Вяземского из Веймара. – Прекрасная погода. – Сокольниковские рассказы. – Рассказы приезжего из армии. – Н.Н. Муравьев. – Пакости англичан. – Разговоры, толки в нашем лесу. – Ужасный громовой удар. – Некоторые сведения, полученные мною от гр. Воронцовой. – Лорд Реглан. – Женитьба графа А.И. Гудовича. – Что пишет мне об этом Мих.Ю. Виельгорский. – Слухи. – Вяземский. Смерь л[орда] Реглана. – Любопытный рассказ офицера, приехавшего из армии. – Как бы выручен Нахимов от неминуемого плена. – *Journal le Nord.* – Неблагоприятные слухи о Моск[овском] ополчении. – Отзыв гр. Строгонова. – Действия новых алжирских разбойников англ[ичан]. – Нахимова смерть! – Новая попытка англ[ичан] на Соловецкий монастырь. – Празднование 11 июля в Шеметове. – Движение в наших милициях. – *Журнал Le Nord.* – Кн. М.С. Воронцов прибыл в Петербург. – О новом англ[ийском] главнокомандующем генер[але] Симсоне. – О кн. Горчакове. – Размышления. – Прибытие Никоши Д[олгорукова] в СПбург. – Успехи его. – Милостиво принят Государем и царскою фамилиею. – Прибытие дочери Кати с семейством. – Худоцавость бюллетеней кн. Горчакова. – Телегр[афная] депеша, уведомляющая меня о прибытии сюда Вел. кн. Мар. Николаевны. – Празднование именинника в Ивановском. – Семейные вести. – Англ[ийская] королева в Париже. – Свеаборг. – Сын кн. Воронцова ранен. – Царская фамилия. – Отставка мин[истра] вн[утренних] д[ел] Бибилова. – О внуке в Петербурге. – Обед у гр. З[акревского] 30 августа. – Разговор с кн. Сер. Мих. Гол[ицыным] о печальной ве-

сти. Грустные лица. – Плохое здоровье Кости. Увольнение гр. Клейнмихеля. – Ожидание сюда царской фамилии. – Разговор мой с одним офицером о Севастополе. – Рассказы другого офицера. – *Послание от Корнуса путей сообщения к гр. Клейнмихелю. Плач чинов Корнуса сообщения по случаю увольнения гр. К[лейнмихеля].* – Прибытие их И[мператорских] В[еличеств]. Речь Филарета Государю. Рескрипт Государя гр. Клейнмихелю. – Рассуждения. – Железная дорога и пр. – Выход Их И[мператорских] В[еличеств] в Собор. – Представление Государю. – Слова Его Вел[ичест]ва Дворянству. – Прибытие Императрицы Ал[ександры] Фед[оровны] и Вел. княгини Ел[ены] Павловны. – Поездка Двора в Тр[оице-Сергиеву] Лавру. Смерть гр. Сер. Сем. Уварова. – Венские воспоминания. – О том, что происходило на одном вечере у княгини Багратион в 1808 году. – Видно по признанию, ускользнувшему тогда от молодого камер-юнкера Уварова, что он тогда бредил уже о Министерстве народ[ного] просвещения. – Кончина гр. Ник. Васил. Орлова-Денисова. – Росписание экипажей Государя. – Рескрипт Государя к гр. Закревскому, имеющий особенное значение. – Назначение мне аудиенции у Вел. кн. Елены Павловны. – Разговор с Ее Им[ператорским] Выс[очеств]ом. – *Москва*, статья Погодина, ходящая теперь по рукам. – *Русскому народу*, стихотворение гр. Ростопчиной. – Рассуждения о пребывании здесь Государя. – Воспоминание о гр. Ф.В. Ростопчине. – Алмазн[ые] знаки Анд[рея] Первозв[анного] гр. Закревскому и другие милости. – Знакомство мое с Вл. Петр. Бутковым. – Трагическое происшествие в доме г-на Чернова. – Адская машина, убившая и ранившая многих. – Нечто о графе В.Ф. Адл[ерберге] и Мине Ивановне, которая навестила Костю, старинного своего любовника. – Подробности. – Проезд персидского посла Аббас-Кули Хана, едущего в СПб. – Трагическая смерть сына его. – Провожание внука Никоши на железной дороге. – Домашняя тайна. – Еще Э[мили] И[вановна] – Государь прибыл в Николаев. – Что там происходило. – Из Одессы Государь, останавливаясь в доме кн. Воронцова, направил к нему телегр[афную] депешу. – Слухи о новом бомбардировании Одессы. – Государь был в Севастополе. – Осматривал все местности Крыма. – Трогательные сведения о том, что происходило на смотре войск близ Бельбека. – Разрыв Ник[оши] и Э[мили] И[вановны]. – Извещение о Государ[евом] путешествии. – Грустная весть о кончине молодого Матюшкина, сына гр. Мих. Ю. Виель[горского]. – Назимов назначен в Вильну на место Бибикова. – Покорение Карса г[рафом] Муравьевым. – Что пишет мне кн. Воронцов об этом. – Благосклонное внимание Государя к князю Воронцову. – Радость жены и детей Муравьева. – Вечер у банкира и консула датского Марка. – Ожидание гр. Эстергада в СПб. – Барон Зеебах. – Действия сих двух дипломатов. – Холодность между союзниками. – Хорошие вести от Пашки, касательно дела его. – Я получил из Капитула пряхку за LV-летнюю беспорочную службу, а с отданным мне старшинством имею я 57 лет, 6 месяцев и 16 дней службы, в продолжение коей пользовался токмо *двумя* отпусками. – Мысли мои на бумаге. – Что открыто по случаю адской машины, посредством коей хотели убить Чернова. – Прекрасная черта Государя нашего в день принятия Им персидского посла. – Подробности о Русской танцовщице в Париже девице Богдановой. – Отличный прием, сделанный ей в Варшаве. – Решился написать бедному Мих. Юрьевичу В[иельгорскому].

Стихотворения Бориса Федорова:

Еще венки на свежую могилу великого.

Ловля медведя.

Две строки.

Событие из жизни И[мператора] Николая 1-го.

Стихи кн. Вяземского, присланные гр. Матв. Юрьев. Виельгорскому в день рождения брата его, Мих[аила] Юрьев[ича].

Рассуждения о миновавшем 1855 годе. Взгляд на Европу. – Прием Государем предложений, привезенных графом Эстергази. – Толки о мире в Москве. Слово Екатерины II о Москве. – Нечто об Англии. – Письмо от Ольги. Разговор ее с графом Нессельродом. – Милости в Новый год. – Толки о мире. – Комитет для рассмотрения политических дел. – Письмо кн. М.С. Воронцова ко мне и к К.И. Кеппену. – Смерть княгини Ек. Павл. Урусовой. – Кончина фельдмаршала кн. Паскевича. – Опять толки о мире. – Нечто о королеве Виктории. – Неосновательные обвинения на счет покойного Государя. – Письмы князя М.С. Воронцова к К.И. Кеппену, кои ходят теперь по рукам в Москве. – Долгоруковы вызывают меня в Петербург для празднования серебряной их свадьбы. Разговор Лудовика Н[аполеона] с бароном Зеебахом. – Получил разрешение, и отправились в Петербург. – Два весьма замечательных приказа Вел. князя Конст[антина] Николаевича.

В Петербурге

Переезд по железной дороге. – О спутниках моих и приезд в Петербург. – Празднование серебряной свадьбы дочери моей Ольги Долгоруковой. Гости, тут бывшие, куплеты гр. Сологуба, письмо Никоши Д[олгорукова] и др. – Обед у князя Мих. Сем. Воронцова, граф Несельроде, вечер у Вильеурских, Записки адмир[ала] Чичагова и пр. – Совершенный упадок *пассажа* на Невском проспекте. – Разговор с незнакомым. – Первое появление на сцену танцовщицы нашей Богдановой и разговор об ней с Гедеоновым. – Театральные интриги. – Вечер у Антонского. – Отъезд в Париж графа А.Ф. Орлова. – Петербургская жизнь. – Свидание с графом Адлербергом. – Обед в Англ[ийском] клубе. – Князь А.С. Меншиков. – Странная и неожиданная новость, сообщенная мне Фед. Орловым. – Рассуждения. – Антонский. – Догадки. Поведеление гр. Адлерберга. – Антонский. – Кн. М.С. Воронцов. – Разговоры мои с Вяземским и Ф.Ив. Прянишниковым. – Сцена печальная с Ольгою у Виельгурского. – Гр. Адлерберг и пр. – Опера *Эрнани*. – Встреча моя в театре с Ив.Мих. Мацневым. – Приезд жены его Авд[отьи] Павл[овны] в Петербург. – Бесстыдство Мацнева и скверная слава, коею он пользуется. – Кн. Мих. Сем. Воронцов. – Большой концерт во дворце в честь новобрачных Вел. князя Ник[олая] Ник[олаевича] и Вел. княжны Ал[ександры] Петр[овны]. Разговор Ольги с Государем. – Росписание концерта, щедрость к артистам и пр. – Вечер у Вильеурского. – *L'etoile de Nord*^{20*}, опера Мейербера. – Построение нового Эрмитажа. – Подробности. – Новая пизса гр. Соллогуба (*Чиновник*) представлена у Над[ежды] Вас[ильевны]. Сестра ее Вера Васильев[на] Мичурина (обе они урожд. Самойловы и дочери известного певца сего имени). Подробности, касающиеся до сей пизсы, которая будет представлена у Вел. княгини Мар[ии] Николаевны. – Игра Веры Васил[ьевны], внука моего Долгорукого и пр. – Васил. Дм. Олсуфьев. – Рассуждения на счет нового моего положения. – Князь Александр Фед. Голицын. – Итальянская опера. – Вторичная аудиенция у графа Адлерберга. – Ф.Ив. Прянишников. – Сплетни. – Сер.Дм. Полторацкий. – Рассуждения. – Оставляю, наконец, Петербург. Новая пизса гр. Соллогуба, для коей оставляют здесь сына моего Пашку. Он должен играть в ней, действие происходит на Кавказе. Играть будут и эту пизсу, и *Чиновника* у Вел. кн. Марьи Николаевны. – Кн. М.С. Воронцов, возражения Аксакова на письма князя Воронцова ко мне и к Карлу Иванов. Кеппену. – Прощание с родными и приятелями. – Выздоровление Сонюшки Перовской. – Неч-

^{20*} “Северная звезда” (фр.).

то о Лаблаше. – Воспоминания о Италии, Неаполе, леди Гамильтон и пр. – Тщетные визиты к гр. Панину. – О танцовщице Богдановой. – Странные суждения Гедеонова. – Царская милость. – Гр. Адлерберг и султанша его. – Поклонники ее.

Москва

Возвращение мое в Москву. Грустные чувства. Гр. Закревский. – Мои бывшие подчиненные и пр. – Соломирские. – Сын Костя. – Как принял наш переводот. – Княгиня Е.А. Д[олгоруко]ва. – Московские сплетни о гр. З[акревском], Nadine П[ашкова] – *Val costume* у гр. Закревского. – Храбрые черноморские офицеры. – Карим Паша, карский комендант, взятый в плен. – Угощение, сделанное нашим севастопольским морякам. – Праздник в честь их, дам наших. – Приветствие графини Закр[евской] и ответ лейтенанта Белихова. – Речи других дам. – Стихи гр. Ростопчиной. – Хлопоты мои. – Первое мое присутствие в общем собрании Сената. – Переезд на новую квартиру. – Императрица французская родила сына. – Орлов среди всех приносит поздравление Лудовику Н[аполеону]. – Переговоры в Париже. – Граф Алексей Федорович Орлов. – Неприятность моего нового положения. – Товарищи мои в Сенате. – Известие о подписании мира в Париже. – Разговор французского императора с гр. Орловым, от коего подарены Наполеону рысаки. – Манифест о замирении, благородный слог, коим он написан. – Встреча моя у парикмахера с французским нашим пленным. – Избранные вновь старшины Англинского клуба. – Разговор с гр. Закревским об обеде, который он дает ежегодно для празднования вступления нашего в Париж. – Прибытие Государя в Москву. – Парад на плаце против Большого театра. Восторг народа. – Раут у гр. Закревского. Государь изволил разговаривать с Ольгою, с Соломирским, который представил Его Вел[ичеству] сына своего и пр. – Обед во дворце. – Как сидели. Внимание Государя к отцам и родственникам офицеров, раненных в настоящую войну. – Нечто о князьях Урусовых. – Рассказ Государя о К.М. Полторацком. – Изволил удостоить меня разговора. – Объяснение со мною графа Адлерберга (ничего не объяснившее). – Нечто о Мине Ивановне и Кожухове. – О мире настоящем, сплетни московские. – Благоволение, изъявленное Государем гр. Закревскому и пр. – Стихи Каратыгина на мир. – Влияние, произведенное приездом Государя в Москву. – Мысли о мире. – Прибытие персидского посла. – Встречаю светлое Хр[истово] воскресение у гр. Закревского в церкви. – Смерть неожиданная П.Я. Чаадаева, коего видал за два дня в клубе. – Что писано было в *Московских ведомостях*. – Сношения мои с Чаадаевым и некоторые подробности об нем. – Нечто о княгине Е.Р. Дашковой. Мысли ее о Петре Великом и возражение, сделанное ей моим отцом. – Еще нечто о новом моем положении. – Воспоминание об умном англичанине Эллиоте, бывшем в мое время посланником английским в Неаполе. – Сношения мои с ним и разные любопытные об нем анекдоты во время пребывания его посланником в Копенгагене и в Берлине. – Ссора его с Фридрихом Великим. – Негодование на него Императрицы Екатерины II. – Вечера его в Неаполе. – Мад. Staël и пр. – Встречи мои с мад. Staël. – Анекдоты об ней и гр. Ф. Ростопчине (в 1812). – Новые назначения и перемены в Петербурге. – Сухозанет военный министр на место кн. Долгорукова. – Странная статья, помещенная в *Journal de Francfort*, касательно Великой княгини Марии Николаевны и пропущенная цензурою нашу. – Для внука моего Долгорукова устроено новое место при министре военном по Медицинской части. – Известия от кн. Мих. Сем. Воронцова. – Известия от гр. Мих Ю. Виельгорского. – Разбойнические действия англичан в Керчи. – Виды и политика англ[ийского] правительства. – Мы и англичане. – Что пишет кн. П.А. Вяземский. – Прекрасный Рескрипт Государя Вел. княгине Елене Павловне. – Смерть генерала и сенатора Ник. Петр. Мартынова и нечто о князе Фед. Фед. Гагарин

не. – Смерть другого обитателя Сокольников П. Ив. Шипова. – Избрание дочери Ольги в члены Российского общества любителей садоводства. – Положение Европы после мира. – О новом протоколе, заключенном между Франци[ей], Англ[ией] и Австриею. – Предположения мои на счет вредных умыслов сих держав. – Нечто о Чаадаеве и Понедельники его, воспетые кн. Вяземским. – Стихи на Понедельники Чаадаева. – Политические рассуждения. – Живые картины у Императрицы. – Прибытие Государя в Москву проездом в Варшаву; свита Е[го] В[еличест]ва и пр. – Станный приказ нового министра военного ген. Сухожанета. – Обед у гр. Закревского 17-го апреля, на коем был наш митрополит, пленный турецкий комендант Карса Карим-Бей, персидский посол и другой пленник, генер[ал] Виллиамс. – Служба церковная, обед, празднование тезоименитства Императрицы Александры Федоровны в Воспитательном доме. Пошлые разговоры персидского посла. – Отъезд Долгоруковых в Шеметово. Соломирские. Прибытие М.П. Щербинина, назначенного сюда сенатором. – Приезд гр. Мих. Юрьев. Виельгорского. Первое свидание. – Движение в городе и приготовления по случаю коронации. – Недостаток в больших домах для помещения ожидаемых знатных особ и послов, перебор больших дворянских домов, купленных в казну или купцами. – Работы в Кремле, на Ивановской и протчих башнях. – Встреча на улице с мальчиком, имевшим медаль Севастопольскую. Разговор мой с ним и его дядею. – Кичливость англичан; награды и отличия, сделанные королевою Викториею Виллиамсу, *храброму защитнику* Карса (славно защитил!). – Von mot покойного гр. Ростопчина на счет бюллетеней покойного Наполеона I. – Прием, сделанный в Пруссии Государю и Императрице Ал[ександре] Фед[оровне]. – Смерть сенатора фон Дребуша. – Разговор мой с сенатором А.В. Дашковым. – Стихи на счет Спасских ворот и Русского народа. – Смерть графини А.К. Воронцовой в Париже. – Краткий очерк покойной гр. Воронцовой. Анекдоты и пр. – Возвращение Государя в СПбург. Пребывание Его в Варшаве. – Большие приготовления в Кремле для коронации. – Ужасные наводнения во Франции и попечительность Лудовика Н[аполеона]. – Раздоры англичан с американцами и другие тучки, накопляющиеся в Европе. – Нетерпение переехать в Сокольники, занятия мои в Москве. – Утешительные вести от внука моего Н. Долгорукова. – Встреча Никоши Д[олгорукова] с Государем в Царском Селе. – Нечто о генерале Виллиамсе, отзвывы его о Русских и пр. – Об англичанах и американцах. – Новая фарса кн. Влад. Сер. Голицына. – Приезд гр. Соллогуба к тестю его гр. Виельгорскому в подмосковную *Сенницы*. Вести от внука Д[олгорукова]. – Смерть трех известных особ в СПбурге. – Мои пятницы в Сенате. – Еще нечто о Сенате, казусное дело. – Празднование 1-го июля в Шеметове. Деревенские актеры и пр. – Рассказы Никоши. – Русский полковник и генер[ал] Боске. – Шеметовское житье. – Сологуб готовит сюрприз Ольге. – Афишка и представление двух пьес, куплеты и пр. – Печальная весть при возвращении в Москву. – Сумасшествие Сережи Макеровского. – Письмы брата ко мне и мои к нему. – Приготовления к коронации, оживление Москвы и пр. – Императрица Александра Федоровна, коронация Николая Павловича. – Стишки Англ[ийско]го клуба. – Прибытие больного П.П. Новосильцова и новости, им мне сообщенные. – Гр. П.Д. Киселев послом в Париж и другие назначения. – Нечто о генер[але] Виллиамсе. – Кн. А.И. Бяратинский Наместником царским на Кавказ на место Муравьева. – Приезжие из Петербурга. Посол Морни. Вести от Вяземского. – Приготовления в Москве. Новый театр. Кремль и пр. – Худые вести о Мих. Юрьев. Виельгорском. – Церемониальная перевозка Импер[аторских] регалий из дебаркадера в Кремль. – Московские комеражи. – Приезжие из Петербурга. Кн. Мих. С. Воронцов. – Печальные рассуждения в кабинете. – Поездка в Петровск[ий] парк. – Прибытие Высочайш[их] особ в Москву. Москва оживляется. Норов, Вяземский. – Суждения иностранцев о Москве. – Высочайший

въезд в Москву. – Ольга и гр. Морни. – Росписание празднеств по случаю коронации. – Описание торж[ественного] въезда Государя в Москву. – Я в Собор не поехал. – О Воронцовых. – Прием у английского посла л[орда] Гранвилля. – Открытие возобновленного после пожара Большого театра. Отношение ко мне верховн[ого] об[ер]-церемониймейстера Борха. – Назначение меня ассистентом при Госуд[аревой] порфире. – 22-го авг. первый прием австр[ийского] посла кн. Эстергази. Разговор мой с ним и пр. Кн. Воронцову лутче. – Репетиция шествия с регалиями. Разные неисправности. – Кн. Воронцов. – Прибытие больного Мих. Юр. Виельгорского. – Перенесение Импер[аторских] регалий из Оружейной палаты в Андреевскую залу. Графу А.Ф. Орлову пожаловано княжеское достоинство, а графу Закревскому портрет Государев. – Краткий очерк дня коронации. – Что происходило во дворце. – Государств[енный] секретарь Бутков, а потом мин[истр] юстиции гр. Панин поздравляют меня с чином дей[ствительного] тай[ного] советника. – Кремль в этот день. – Воспоминания коронации Императора Николая 1-го. Речи Филарета. – Кн. Воронцов пожалован в фельдмаршалы. – Воспоминания о молодости его и первое наше знакомство. – Служба кн. Воронцова. – Московские иллюминации. – Кн. Барятинский Наместником на Кавказ. – Принесение поздравлений Государю. – Мих. Юрьев. Виельгорского соборовали маслом. – Государь навещает нового фельдмаршала. – Разговор Его Вел[ичес]тва с швейцаром князя М[ихаила] С[еменовича]. – 29-го скончался граф Мих. Юр. Висльгорский. Перенесение регалий в Грановитую палату. Бал в Александровской зале. – Великолепие. – Славный ужин. – Приложение прекрасно напечатанного мему. – Нечто о покойном Виельгорском. – Турецкий посол. – Обещание его. – Бодрый вид Импер[атрицы] Александры Федоров[ны]. – Утренний съезд у турецкого посла. – Разговор его со мною. – Образование турка. – Угощение, сделанное московск[им] купечеством в Экзерциргаузе находящемуся здесь войску. – Некоторые подробности. – Толки наших солдат. – Бал кн. Сер. Мих. Голицына. – Неограниченное милосердие Государя, прощение преступников 14-го дек. и ссылочных. Внимание Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва к сенатору Строколову. – Трагическая смерть плотника, упавшего с третьего этажа на мостовую, почти к ногам моим. – Переворот в здоровье моем. – Новое и последнее перенесение Импер[аторских] регалий из Грановитой в Оружейную палату. – Новое помещение палаты сей. – Qui pro quo^{21*} Гагариных, князя Сер[гея] Ив[ановича] и князя Павла Павловича. – Князь С.М. Голицын. – Дочь моя Катинька. – По полученному печатному объявлению все были на публичной аудиенции у Папского посла принца Киджи. Разговор мой с ним на итальянском языке. – Отъезд в Мюнхен старого приятеля Северина Д.П. и кн. Петра Вяземского в Петербург. – Беседы с кн. Воронцовым о старине. – Отзв[ук] его о Ник. Ник. Муравьеве. – Народный праздник и неудача одного, несмотря на огромные приуготовления. – Подробности. – Большой маскарад во дворце. – Никосе пожалован Станислав на шею. Бал в Благородном собрании. – Бал у английского посла лорда Гранвилля. Странный эпизод со мною. – Подробности бала. – Что рассказывал мне Северин. – Несколько слов о старом сём приятеле. – Вспоминали опять старину с князем Воронцовым. – Суждения его о гр. Закревском. – И мои о князе Мих[аиле] Сем[еновиче]: нечто о Записках покойного Метаксы и семействе его. – Похвальные и благодарственные грамоты Государя за оказанное усердие и сделанные всеми Русскими пожертвования в сию войну. – Рескрипт Государя к князю Воронцову при пожаловании его в фельдмаршалы. – Прощание с кн. Воронцовым, отправляющимся в Одессу. – Зять мой Долгоруков также едет к своим рыбным промыслам в Астрахань, берет сына с собою, а до Астрахани едет с ними князь А.П. Барятинский, новый Наместник. –

^{21*} Пуганица (лат.).

Толки в Москве по случаю купеческого угощения в Экзерциргаузе. – Бал у австрийского посла кн. Эстергази. – Бал у французского посла графа Морни. – Суждение Ольги о балах трех послов. – Воспоминание о суждении гр. Ростопчина на счет французов. – Программа большого фейерверка и мое беспристрастное суждение. – Ода М.А. Дмитриева на коронацию, почти единственное сочинение хорошее на случай сей. – Переговоры с Вел. князем Константином Николаевичем о Записках покойного Метаксы. – Полученное от Е[го] В[ысочества] приказание. – Встреча с каким-то офицером, привезшим к Вел. князю картину покойного живописца Мемнона. – Неисправности во время поездки Государя в Сергиевскую Лавру. – Осмотр Государем Московского университета и ласковая, отеческая беседа с воспитанниками. Стихи студента Потехина по этому случаю. – Описание особ, назначенных для несения Импер[аторских] регалий в день священного коронования Александра 1-го. – Список всех находившихся тогда в Москве послов и посланников со свитами их, а равно и других знатных особ иностранных. – Какие были розданы Государем ордена иностранцам. – Нечто о 3-й Московской гимназии, которую посетил Вел. князь Константин Николаевич и генералы, с гр. Морни сюда прибывшие. – Стихи студента Потехина, о коих упоминается выше. – О статье, помещенной в газете *L'Ind[ependant] Belge* и касающейся до внука моего Долгорукова. – Несколько слов о милom этом мальчике. – Разговор князя А.М. Горчакова об нем с Ольгою. – Отзыв о Никоше одного из свиты франц[узского] посла. – Наконец появляется некрологическая статья о покойном Мих. Юрьевиче. – Великолепие франц[узского] посольства, о коем так много трубили, не оправдалось. – Некоторые подробности об этом. – Росписание Высочайших милостей во время коронации. – Вести о графе Вас. Ал. Перовском и выписки из его писем. – Прошение его об увольнении от службы и благородные чувства его по сему случаю. – Воспоминания. – Перовского приказы по Оренбургскому корпусу при письме ко мне. – Анекдот о министре Двора гр. А[длерберге]. – Мина Ивановна. Романтическое приключение кн. Юсупова. – Ода Дмитриева на священное коронование Александра II. – 26 авг. 1856 в Кремле. Стихотворение Шевырева. – *На торжественное коронование Александра II*, Ф. Миллера. – Статья *друга усопших* о графе Мих. Юрьев. Виельгорском. – То, что я знал о покойном Виельгорском, отце его и деде. – Воспоминания о моем отце, когда Император Павел I назначил его губернатором в Вильну, и молодость моя. – Смерть Ник. Петр. Новосильцова. Смешное обстоятельство в печальном сём событии. – Объяснение графа Киселева с Государем перед отъездом его в Париж к месту. – Кончина сестры моей Елены. Краткий очерк покойницы. Смерть товарища моего по 6-му департаменту генер[ала] Батурина. – Нечто о сенаторе Дашкове. – Отъезд зятя Долгорукова в Астрахань и письма Никоши оттуда. С ними поехал Наместник Кавказский кн. Барятинский. – Приказ кн. Барятинского Кавказскому корпусу. Занимаюсь сожжением ненужных писем и бумаг до переезда на новую квартиру. – Бумаги, мною сохраненные¹⁶. – Переписка моя с братом и пр. – Переписка с покойным Мих. Павловичем. – Мое старое и новое жилище. – Вести, привезенные мне из Оренбурга А.П. Загряжским. – Письмо Государя к В.А. Перовскому. – Копия с отношения моего к ученому Комитету Морского ведомства, при отсылке Записок покойного Метаксы, о действиях адмирала Ушакова в Корфу. – Узнаю весьма неожиданно о смерти князя М.С. Воронцова от Щербинина в Сенате. – Причиненный здоровью моему переворот. – Биберчиль пугает меня другою печальною вестию. – Я переехал, наконец, в новый свой дом Щущенки на Малой Дмитровке. – Смерть графа Льва Ал. Перовского. – Отъезд Долгоруковых в Петербург и моя жизнь. – 23-е ноября, денежная покража в Почтамте Московском. – Кончина вдовы Жуковского. – Письмо Никоши Долгорукова, размышления о молодежи. – Что пишет Васил. Алек. Перовский на счет смерти брата Льва Ал[ексеевича] и пожалование

Борису Перовскому графского достоинства. – Воспоминания о Неаполе, Двор тамошний и что теперь там происходит. – Пронырства Англии. – Женильба графа Морни. – Духовные распоряжения покойного графа Льва А. Перовского. – Смуты Европы вопреки мира, интриги англичан и коварство их. – Острое слово прусск[ого] министра Берндорфа лорду Кларендону. – Покушение на неапольского короля. – Дела в Сицилии. – Прекрасный ответ князя Горчакова англ[ийскому] послу в Петербурге. – Отъезд Биберчиля в Берлин. – Петербургские вести. – Нечто о кн. Сергее Трубецком. – Новый месяцеслов на 1857 год. – Тяжкие воспоминания прошедшего года. – О милой моей Ольге и шутка кн. Петра Вяземского. – Перебор моих бумаг, письма друзей и пр. – Прекрасный бал гр. С.П. Бобринской. – Бракосочетание гр. Морни с княжною Трубецкою.

1857

Нечто о Новых годах вообще, и как я этот встретил. – О покойном графе Г.А. Строгонове. Мои сношения с ним. – Трагическая смерть архиепископа Парижского, убитого во время богослужения. – Дерзкая, глупая и лживая речь Р. Пиля в Бирмингаме. – Соломирского отъезд в Петербург и чистосердечное его признание. – История графа Бобринского В. с профессором Шевыревым. – Хорошие вести от Соломирского. – Холера опять свирелствует в Петербурге. – Кончина княгини Ливен в Париже и некоторые подробности. – Смерть старого моего приятеля В.А. Юни и подробности. – Перемена в Почтовом ведомстве. Гр. Вл. Ф. Адлерберг, Ф.И. Прянишников, Антонский, Кожухов и пр. – Вес и от Биберчиля из Берлина. – Кончина графа Остермана, нечто о храбром сём генерале и чуде. – О старом губернаторе Синельникове и новом кн. Щербатове. – Смерть музыканта Глинки в Берлине. Огорчение сына моего Кости. – Смерть соседа моего П.П. Писемского. – Замысловатый отзыв товарища моего сенатора Отроценки на счет оставления (будто) усов у нашего пехотного войска. – Помолвка внучки моей Кати Соломирской за князя Леонида Алекс. Ухтомского. – Какая последовала развязка ссоры гр. Бобринского с профессором Шевыревым. – Вести, сообщаемые мне Ольгою. Guisot, княгиня Ливен и пр. – Нечто об Ухтомских. – Драгоценная рукопись, сообщенная мне С.Д. Полторацким и касающаяся до 14-го декабря. – Взамен сей любопытной рукописи не мог я ему отказать в копии некоторой статьи, которую выписал я для него из моих Записок. Она касается до гр. Уварова и некоторых других известных лиц. – Пребывание зятя моего Долгорукова и внучки Саши в Москве. – Письмо г. Гизо, касающееся до кончины княгини Ливен. – Болезнь внучки моей Сашки Д[олгоруковой] по прибытии ее в Петербург. – Возобновление эполет для генеральских мундиров. – Успокоительные известия о Сашке Д[олгоруковой]. Участие, принятое Государем и всеми петербургскими жителями в ее здорovyи. – Внук мой Никоша Д[олгоруков] пожалован императором французским кавалером Почетного легиона. – Воспоминания о Неаполе. Празднование 50-летнего юбилея в звании князя С.М. Голицына Почетного опекуна в Воспитательном доме, по Высочайшему повелению. – Письмо мое к графу Вл. Фед. Адлербергу, написанное по совету Фед. Ив. Прянишникова. – Новости по случаю светлого праздника. – Назначение ген[ерал]-адъют[анта] Катенина на место Перовского в Оренбург и Рескрипт Государя к гр. Василию Алексеевичу. – Болезнь кн. Сер. Мих. Голицына. – Скучное 1-е мая. О Соломирских. Рождение Вел. кн. Сергея Александр[овича]. – Путешествие Вел. князя Конст[антина] Никол[аевича] и приглашение, сделанное ему королевою Викториею. – Дуэль молодого Корсакова с Козловым. – Особенное внимание, оказываемое во Франции Вел. кн. Конст[антину] Ник[олаевичу] и англичане. – Нечто о путешествии Государя и Императрицы. – Рескрипт Государя к гр. Закревскому. – Предположения семейства моего на нынешний год. – Соломирские, Долгоруковы, Костя. – Кн. Сер. Трубецкой. – Прибытие

Вел. кн. Конст[антина] Ник[олаевича] в Осборн. – Докторское совещание о Косте. – Проказы Костины. Портрет его. – Смерть княгини Багратион в Венеции. – Костя отправляется в путь. Подробности прощаний наших. – Урок, данный кн. Меншиковым молодому болтуну. – Прибытие Никоши Д[олгоруко]ва. – Я остаюсь один в Москве, что делаю, и пр. – Полет в Эрмитаже воздушного шара *Богатырь*. Неустрашимость и удивительное проворство гимнастика Антонио. – Размышления на этот счет. – Известия от Кости из Липецка. – Удовольствие мое при получении письма от сына Павла из Константинополя. – Воспоминания мои. – Прогулка пешком. – Разрушение большого Каменного моста на Москве-реке. Разговор мой с плотником. – О новом Соборе Христа Спасителя. – Некоторые сведения о проектированном Витбергом плане Собора на Воробьевых горах, а вместо коего сооружен настоящий Собор на том месте, где находился Алексеевский монастырь. – Размышления по случаю построек сих. – О полете нового смельчака (Русского) на воздушном шаре в Эрмитаже. – Встреча с английским послом. – Смерть гр. Толстой, сестры Перовского. – Отъезд в Шеметово. – Варлам. – Письмы от Кости из Липецка. – Шеметовское житие и 1-е июля. – Чтение в Шеметове. – Празднование 11 июля в Шеметове. – Максим Андреевич. – Афишка. – Превосходная игра всех, особенно Никоши. – Куплеты и пр. – Иллюминация нового рода. – Прибытие В.А. Перовского в Москву. – Коротенькая поездка в Москву. Катя показывала мне полученное из Парижа приданое невесты нашей. – Возвращение Бибирчила из чужих краев. – Надгробное слово кн. Воронцову, говоренное пр[еосвященным] Иннокентием, присланное мне А. Фонтоном из Одессы. Воспоминания о покойнике. – Разговор мой с гр. Бенкендорфом о кн. Воронцове. – О мемуарах Бенкендорфа и гр. Ф.В. Ростопчина. Подробности. – Ездили мы все к Пашковым в *Семирдино*, где гостили двое суток. Старые воспоминания. – Кн. Ал. Ив. Чернышев сказывал мне, что пишет также свои мемуары. Как составила его фортуна. – Ожидание в Шеметове Дм. Харл. Петрова. – Дурная погода в Шеметове. – Я исправил здесь свою прошлогоднюю вину. С помощью Божью говел здесь в Шеметове и причастился Св. Хр[истианских] Таин. – Приуготвления к 30-му числу августа. – Хлопоты по случаю прибытия эстафеты из Москвы с известием о прибытии Вас. Алексеев. Перовского. – Подробное описание празднования имения зятя Долгорукова. Спектакль и пр. – Шеметовская жизнь. – *Русское чтение*, сочин[ение] Сергея Н. Глинки, где говорено об отце моем и обо мне. – Присылка в Шеметово книги барона Корфа: *Восшествие на престол Императора Николая 1-го*. Рассуждения. – Разлука с любимым Шеметовым. – Возвращение в Москву. Наставления Сергея Полторацкого, чтобы я напечатал в *Русском вестнике* статью из записок моих о гр. Уварове. То же самое пишет мне и Вяземский. – Мой отзыв ему о книге Корфа. – Краткий разбор. – Любопытное обстоятельство, рассказанное мне братом моим и касающееся до рождения Вел. кн. Николая Павловича, и что об этом писала Императрица Екатерина II барону Гриму. – Отсылка кн. Вяземскому отрывка из Записок моих для напечатания, по усмотрению его, в одном из СПбур. журналов. – Об истории студентов с московскою полициею. – Вяземский едет сюда в отпуск и ему препоручено исследовать дело студентов с полициею. – Перевод, сделанный внуком моим Долгоруковым драмы Октава Фелли *Далила*, имевшей более ста представлений в Париже. – Копия весьма замечательного письма сочинителя драмы *Далила* к Никоше Долгорукову. – Прибытие Вяземского в Москву. – Избрание Бибирчила в члены Берлинского Медич[инского] общества. – Обед с Вяземским у Ковалевского, у коего он живет. – Прибытие Государя и Императрицы в Москву. – Речь Филарета при вступлении Их И[мператорских] В[еличеств] в Успенский Собор. – Парад и обед во дворце. – Смерть Николая Дмитриевича Караулова. – Обеды в честь Вяземского. – Прибытие бывшего здесь об[ер]-полицм[ейстера] И.Д. Мухина. Нечто

об нем и обо мне. – Об[ер]-полицмейстер Беринг возвратился из Калуги и рапортуется больным. – Отъезд Вяземского обратно в СПбург и переговоры наши о моей статье. – Что пишет сын Павел о прибытии в Тифлис персидского посла, и ужасное злодеяние, совершенное над кн. Гагариным, кутанским губернатором. – Утешительные известия от Ольги. Милости к ней Государя и царской фамилии. – Прибытие Бориса Перовского, едущего в Крым к брату своему Василию А[лексеевичу], который отчаянно болен. – Прибытие зятя моего кн. А.С. Долгорукова. – Имянины мои и княгини Е.А. Долгоруковой. – Смерть сенатора князя Урусова. – Что пишет Вяземский о моей статье. – Необыкновенно дурная погода в обеих столицах. – Толки о предполагаемой свободе крестьян наших. – Возражение покойного графа Ростопчина на книгу гр. Стройновского. – Нечто о данном мною Вяземскому отрывке из моих Записок. – Покража, сделанная у Ольги в Петербурге. – Воспоминание о графе Ростопчине и принце Хозреве Мирзе. – Скверная погода и болезни вместе с балами в обеих столицах. – Новый танец *le lanciers*^{22*}. – Прибытие в Москву старого приятеля Мих. Гр. Хомутова. Воспоминания о его сестре Анне Гр[игорьевне]. – Бал у гр. Закревского. Вар. Ник. Беринг, графиня Гудович и пр. – Как узнаю смерть Васил. Алек. Перовского. Грустные воспоминания. – Интересные письма от Ольги. Милости Государя и царской фамилии. Спектакль у мин[истра] вн[утренних] дел в пользу бедных, в коем наш Никоша Д[олгоруков] очень отличился. – Действие, произведенное на меня пакетом, который нашел я на своем столе. – Вести от Бориса Перовского. – Читаю *в первый раз* все документы, касающиеся до нашей *Эмансипации*, не в *Пчеле*, не в *Инвалиде* и не в *Сенатских ведомостях*, но в журнале иностранном *Le Nord*. – Нахожу в бумагах моих (кои перебираю я по субботам и воскресеньям) замечательные возражения, написанные графом Ф.В. Ростопчиным на книгу гр. Стройновского об *Эмансипации* наших крестьян. – Прибытие в Москву зятя моего Долгорукова, и, несколько дней прежде, внука Никоши. – Домогательства Вяземского не ограничили напечатанием списка из Записок моих об Уварове в фельэтоне СПб. *Ведомостей*, он прислал мне 45 оттисков, особенно напечатанных. – Бесконечные толки об *Эмансипации*. – Разговор дамы одной с *человеком*. – Смерть четырех знаменитых лиц, коих имена начинаются буквою Р. – Покушение на жизнь Наполеона III посредством адской машины. Письмо Ольгино о событии сём. – Грустные мысли о Косте. – Записка от графини Ростопчиной. – Росписание, кому даны были мною присланные Вяземским оттиски моей статьи. – Последствия покушения на жизнь Наполеона III. Англия. – Шалость, совершенная в СПбурге внуком моим Никол[аем] Долгоруковым. – Огорчение в семействе Соломирских от поведения кн. Леонида Ухтомского. Несогласие между новобрачными. – Смерть Лаблаша. Сношения мои с ним и пр. – Еще подробности некоторые о случившемся с Никошею Д[олгоруковым]. – Отзывы Государя. – Петербургские увеселения. – Высылка над[ворного] сов[етника] Мухина из СПбурга за чтение в трактире одного сочинения преступного содержания. – Разговор мой по сему случаю с Костею. – Еще нечто о Лаблаше. – Банкир Марк выписывает сюда для трех концертов СПбургскую итальянскую труппу. – Странная перемена в поведении кн. Леонида У[хтомского]. – Кончина почти в одно время многих моих приятелей и хороших знакомых: графа В.Д. Олсуфьева в Риме, А.А. Шредера в Дрездене, Иосафа Ив. Горлицына и управляющего Шеметовым Н.Т. Пискунова. – Прибытие мад. Bosio из Петербурга с письмом от Никоши. – О художественной выставке в Москве. – Смерть П. Ив. Рудина¹⁷ и похороны его. – Нечто о Наполеоне и англичанах. – Письмо Октава Феллоэ (сочинителя *Далиль*) к моему внуку Николаю Долгорукову, который перевел эту драму на Русский язык.

^{22*} “Уланы” (фр.).

Встреча Нового года у Закревских. – Смерть управляющего Шеметовским имением Н.Т. Пискунова. – Знакомство мое с певицею Бозио. – Концерт ее. – Неожиданное появление внука моего Долгорукова. – Кончина в СПбурге гр. С.П. Потемкина, странные подробности. Смерть сослуживца моего Ар. Пав. Рунича. – Краткий очерк. Новый Московский об[ер]-полицмейстер кн. Крапоткин. – О богатых и богатстве вообще. – Перемена в положении генерала Плещеева. – Прибытие Никоши Долгорукова. Болезнь П. Дм. Соломирского. – Болезнь Вел. княг. Екат. Михайловны. Воспоминания о покойном Вел. князе Мих. Павловиче. – Положение больной Вел. княгини и встреча у нее моей Ольги с Императором. – О нашей больной княгине Ек. Ал. Долгоруковой. – Тяжкая болезнь кн. Вяземской. – Смерть Конс. Марк. Полторацкого. Память обо мне Васил. Алекс. Перовского. Брат его Борис сообщает мне подробности о его кончине и посылает мне вещи, оставленные мне братом его на память. – Неожиданное появление Сер. Полторацкого из Петербурга. Свидание его с Костею. – Тревога по случаю болезни П.Д. Соломирского. Неприветное светл[ое] Хр[истово] воскресение. – Скверная погода. – Вести. Кончина Ал. Ст. Талызина. Встреча моя у заутренней гр. Закревского с прибывшею прямо из Парижа молодою Корсаковою. – Кн. Леонид Ухтомский. – Разговор с гр. Закревским. – Откровенные его объяснения. – Кончина Ник. Апол. Волкова. – Пожар под Новинским. – Тревога в балаганах с дикими зверями, тигром, львом и пр. – Чин внуку моему Никоше Долгорукому. – Разные назначения и перемены в Петербурге. – Борис Перовский в генер[ал]-майоры и свиту Государеву. – Вести от кн. Петра Вяземского и внука Долгорукова. Проезд чрез Москву Бориса Перовского. – Представление виконта де Гастона в Англ[ийском] клубе¹⁸. – Обед, данный Толмачеву в Англ[ийском] клубе. – О французском актере *Levasieur*, рекомендованном Косте Анатол. Демидовым. – Болезненное состояние Ольги. – Прибытие П.П. Новосильцова с сыном и больною дочерью. – СПбургские слухи, и что пишет мне кн. П. Вяземский. Несколько слов о Ростовцеве. – Ужасная сцена у Новосильцовых и смерть кн. Вяземской. – Похороны кн. Вяземской. – Подробности ее кончины. – Воспоминание об умершем в Риме графе Иване Кирилловиче Разумовском. – СПбургские слухи. – Прибытие двух дорогих гостей. – Нового рода трость Кости. – Домашние предположения и Ольгино здоровье. – Что делается у Соломирских. – Встреча с старыми друзьями. – Кн. Ник. Ив. Трубецкой на место Боде. – Упражнения мои. – Знакомство с Ал. Ал. Вонлярским. – Симпатия. – Освящение Исакиевского Собора. – Подробности из брошюрки Плюшара. – Награды царские по случаю освящения Исакиевского Собора. – Позволение, данное об[ер]-гофмейстеру Васильчикову носить мундир Ахтырского Гусарского полка. – Нечто об Ал. Дм. Черткове по этому случаю. – Кончина Ел.Гр. Чертковой. – Празднование десятилетнего управления Москвою гр. Закревского. – Мысли о подобных случаях покойного графа Ф.В. Ростопчина и любопытные воспоминания. – Подчиненные гр. Закревского празднуют обедом десятилетие его в качестве Московского градоначальника. – Обед градского главы по этому случаю. – Отрывок из Записок моих, напечатанный в *Библиографических записках* (журнал, издаваемый Полуденским). – Записка ко мне гр. Ростопчиной. Алек. Павл. Плещеев – переворот в его положении. – Тяжкие воспоминания о моих и братниных испытаниях. – Бессовестная тяжба. – Подробности. – Кончина Ив. Алек. Алексеева. Рассуждения о богатстве и богачах. – Смерть Плещеева. – Подробности кончины гр. Северина Потоцкого. – Взгляд на прошедшую мою жизнь и кое-что о брате моем. – Как устроилось мое Московское Почтдиректорство. – Переезд в Шеметово. – Максим Андреев

вич. Занятия мои со внуком Никошею Долгоруковым. – Перебор мелких журналов, ценою в 5 копеек и ежедневно выходящих в Петербурге. – Отличное содержание Шеметова. – Кроты. – Возвращение в Москву и семейное горе. – Кончина моей внучки Катиньки Ухтомской. – Грустные мысли. – Толки о комете, которая скоро будет видна. – Краткий перебор всех замечательных комет (из журнала). – Письмо Жуковского ко мне (напечатанное в № 18 *Библиографических записок*). – Отъезд из Москвы Алекс. Дюма. – Что он написал в альбоме моего Кости. – Старое воспоминание. Слова, сказанные старым фельд-маршалом Штединггом во время коронации Императора Николая Павловича. – Неудачное лечение внука моего Долгорукова в заведении Крейзера. Прибытие Государя в Москву. – Путешествие Его Вел[ичест]ва. – Занятия в Москве. – Выход 30-го августа. – Замечание о Государе. Андреевская лента кн. Горчакову, министру иностр[анных] дел. Бал в Благородном собрании. – Государь уда-стаивает меня своим разговором. – Пребывание Государя в Москве. – За-кладка возобновленного старинного дома Романовых. – Маневры. – Толки московские. – Кончина И.Я. Бухарина. Слово кн. Ал. Сер. Меншикова на похоронах Бухарина. – В городе много больных. Острое слово кн. Влад. Сер. Голицына. Московский комераж на счет графа Адлерберга. – Толки о пребывании Государя в Москве. Жалобы на холодное обхождение Государя и что не было (по обыкновению) никаких милостей при отъезде. – Была видна, во всем своем блеске, комета Донати 19-го сент. – Странное обстоятельство. – Грустное время. – Замечательные слова Государя московскому дворянству, напечатанные после во всех журналах. – Замечания. – Нечто о *Mes confessions*^{23*}, написанных для меня Ив. Матв. Муравьевым-Апостолом – сыном Муравьева (Матвея Ив.). – Прибытие в Москву. – Знакомство мое с ним. – Нечто о странствующем Дюма. – О Записках Метаксы. Разговор мой об них с кн. Ал. Сер. Меншиковым. – Представление мною Записок сих Вел. князю Константину Николаевичу. – Какое последовало от него приказанье. – Прощанье с Матв. Ив. Муравьевым. – Портрет Ал. Гр. Муравьевой и грустные воспоминания. – Долгоруковы отправились в Петербург. – Наставления мои для получения обратно от ученого Комитета отправленных мною туда Записок Метаксы. – Чтение у Ник. Васил. Путяты Записок покойного его тестя, Л.Н. Энгельгардта, вышедших недавно в печать. – Российские типографии во многих городах Германии. – О появившемся описании кончины Императрицы Екатерины II и вступлении на престол Павла 1-го, сочинение гр. Ростопчина. Биография гр. Авдотьи Петровны Ростопчиной, мною написанная, пополненная и пересмотренная. – Новая шалость университетских студентов. – Слабые меры начальства. Болезнь внука моего Ник. Долгорукова в Вене. – Перемещение сына моего Пашки к Стокгольмской миссии в качестве секретаря посольства. Вести от него.

[1859]¹⁹

Воспоминания о пребывании моем в Вене. Замечания, делаемые мне Ольгою на счет биографии графини Ростопчиной. – Слово кн. Влад. Сер. Голицына на счет нашей Эмансипации. – О выходящих вновь журналах. – *Парус* запрещается после выхода 2-го №. – Нечто о верховном цензурном комитете, вновь учреждаемом. – Что говорят об этом в Петербурге. – Болезнь внука моего Долгорукова. – Письмы от него из Венеции. – Что происходит теперь в Италии. Таинственный смысл слова *Verdi*. – О Русских, разъезжающих по Европе. – Прекрасное слово гр. Олсуфьевой в одном парижском обществе. – Рассуждения. – Кончина кн. Сер. Мих. Голицына. – Нечто о покойной его жене. – Воспоминания об Импер[атрице] Екатерине II. – Подмосковная князя Голицына *Мельница*. Воспо-

^{23*} “Моих признаниях” (фр.).

минания об импровизациях *Джустиниани*. – Вести от внука Н. Долгорукова. Назначение кн. Ник. Трубецкого на место кн. Сер. Мих. Голицына. – Сочиненная Щербининым биография покойного князя Мих. Сем. Воронцова. – Письмо внука [Долгорукова] из Рима. – Письмо Вяземского из Ниццы. – Нашествие на Москву разных артистов. – Певца Бозио. – Ужасные цены на места и странный выбор музыки. – Вновь выбранные старшины Англинского клуба. – Смерть певицы Бозио скоро по возвращении ее в СПбург. – Занятия Ник. Долгорукова в Риме. – Назначение моего Пашки консулом в Лейбциге вместо Стокгольмского секретарства. – Нежданное увольнение гр. Закревского от звания Московского градоначальника. – Прибытие зятя моего Долгорукова. – О происходящем в Москве. – Толки городские. – Грустные размышления и нездоровье мое. – Прибытие сына Павла. Переезд гр. Закревского в дом Мерлина. – Участие к нему жителей московских. – Не знаю, что буду делать летом. – Предложение, сделанное мне Закревским. – Прибытие нового генер[ал]-губернатора гр. Строгонова. – О приуготовляемом графу Строгонову большом обеде. – Толки московские. – Нечто о данном гр. Строгонову обеде. – Намерение дать такой же обед гр. Закревскому. – Известие о первой стычке австрийцев с французами и сардинцами. – Прибытие сюда Долгорукова на двое суток. В Петербурге ничего еще не решено. – Прибытие в СПбург зятя Соломирского с дочерью и с Марьей Конст[антиновой]. Статья в *Инвалиде* об обеде, данном в Москве в честь нового генер[ал]-губернатора графа Строгонова. – Долгоруковы едут морем в Любек. – Смерть многих друзей Конст. Александровича. – Семейные вести. – Вести от кн. Петра Вяземского. – Отрада телеграфических депеш. – Смерть Дмитр. Харлам. Петрова. – Остаюсь один в Москве. – Вести от Долгоруковых. – Великий князь Константин Николаевич и Записки Метаксы. – Обед 23 июня у Закревского в Ивановском. – Распределение сенатских вакансий. – Старые воспоминания. – Нечто о 1-м июля, радостном для меня дне! – Вести из Эмса. – Милости к Ольге Императрицы Александры Федоровны. – Воспоминание о старине по случаю прибытия в Эмс Прусского принца Алберта. – Об ужасных почти ежедневных пожарах в Москве. – Мир между Австриею и Франциею. – Пожары в Москве продолжают. Знакомство с молодою княгинею Голициною, внучкою кн. Петра Вяземского. – Известие от Ольги из Бадена. – Московская скука. – Свидание с прибывшим из СПбурга гр. Ф.В. Орловым-Денисовым. – Переезд мой к Закревским в Ивановское. – Житие. – Празднование дня рождения гр. Аграфены Федоровны наше в Ивановском. – Празднование именин Мар. Конст. Булгаковой. – Прибытие Государя в Москву. – Присутствие Государя на пожаре. – Письмы от детей. – Прогулка в село Дубровицы графа Мамонова. – Краткий об нем очерк с 1812-го года. – Возвращение мое в Москву. – Вести от Катиньки и Ольги. – Большой обед у гр. Строгонова 30-го августа. – Прибытие внука моего Павла Соломирского. – Благоприятные вести с Кавказа. – Взятие в плен Шамиля²⁰. – Тревога в Москве по этому случаю. – Старые воспоминания о кн. Барятинском. – Назначение ген[ерал]-адъютанта Тучкова генер[ал]-губернатором в Москву – а графа Строгонова попечителем к Государю Цесаревичу. – Поездка в Ивановское ко дню рождения гр. Закревского и что там происходило. – Награды и милости, происходившие 8 сентября. – Рескрипт графу Адлербергу. – Шамиль представляется Государю в Чугуеве. – Прибытие Шамиля в Москву. – Народные толки о князе Барятинском. Прибытие сестры моей Лизы. – Впечатление, произведенное во мне Шамилем. – Шамиль в театре. – Пожалование кн. Барятинского в фельдмаршалы. Суждение Алекс. Петр. Ермолова. – Прибытие кн. Барятинского в Петербург и прием, ему сделанный. – Благоразумное его поведение. – Вести из Ниццы. Недоразумение на бале между Вел. князем Конст[антином] Никол[аевичем] и Фед. Тютчевым. Стихи Тютчева на этот случай.

Ожидание в Москву кн. Барятинского – Угощение, сделанное ему в Петербурге. – Стихи кн. П. Вяземского в его честь. – Вьюга и ужасный снег, ухабы. – Прибытие кн. Барятинского в Москву. – Первое мое с ним свидание. – Воспоминания о старом времени. – Известия из Ниццы. – Бал для князя Барятинского у Тучкова. – Тут были Ермолов и Шамиль. – Разные подробности. – Елизавета Ив. Тучкова. – Ужасная погода. – Обед, данный князю Барятинскому в большой зале Благородного собрания. – Отъезд кн. Барятинского. Несчастье, случившееся с кн. Анатолием Барятинским. – Решение Шамиля на желание детей его поступить в Российскую службу. – Беседы Шамиля с Руновским, определенного [так!] к нему в качестве пристава. – Приезд в Москву Сашки Булгакова. – Дуэль Певцова с Бельским. – Скверная погода. – Выписка из письма Пашки из Дрездена. – Неожиданная перемена. – Вести из Ниццы. – Женитьба внука моего Ник. Долгорукова. – Размышления о грустном теперешнем времени. – Внучка моя Ольга Соломирская выходит замуж за Ал. Ив. Кронберга. – Болезнь и кончина кн. Екат. Алек. Долгоруковой. – Странная операция совершается над домом г. Крюкова в нашем соседстве. – Я, грешный, не говевший год, разговлялся у старого друга Закревского со многими приятелями и знакомыми. Милостей никаких не было в праздник св[етлого] Хр[истова] воскресения. – Шуточные статьи в французском журнале. – Каламбуры. – Шутка кн. Вл. Сер. Голицына на счет генерала Перфильева. – Замечание, сделанное мною на обеде генер[ал]-губернатора Тучкова. – Горестные мысли в сороковой день кончины княгини Е.А. Долгоруковой. – Вести от Ольги. – Скучная моя жизнь и отъезд из Москвы племянницы моей г. Алины Ефимовской. – Занятия мои. – Перебор бумаг старых и пр. – Смутные вести о Сицилии. – Разбор приказов Императора Павла I. – Вести от Ольги. Ожидание Государя в Москву. – Времяпробывание Е[го] В[еличест]ва в Москве. – Нечто о кн. Юсупове. – Воспоминания о кончине Императора Ник. Павловича. – Бал в Благородном собрании. – Государь удостаивает меня разговора. – Отъезд Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва. – Не было милостей никаких. – Радостный и грустный для меня день 26 августа. – Печальные размышления. – Скоротечная кончина сенатора Ив. Васил. Капниста. – Кончина Императрицы Александры Федоровны. – Подробности грустного сего происшествия. – Толки городские и рассуждения иностранных журналов. – Кое-что о скрывающемся в Лондоне Русском отшельнике Герцене, известном под именем *Искандера*. – Стихи иностранца на кончину Императрицы Алекс. Федоровны, помещенные в *Journal de St. Petersbourg*. – Статьи по тому же предмету, помещенные в *Инвалиде*, *Северной пчеле* и *Journal de St. Petersbourg*.

Нечто о князе П. Вл. Долгорукове и бывшей между нами размолвке в 1844-м году. – Прибытие из Бадена зятя моего кн. Долгорукова. – Несколько слов об нем. – Прибытие другого зятя моего П.Д. Соломирского. Несколько слов о Долгорукове. – Приближение нового года. – Получаю благоприятный ответ от графа Шереметева на счет Дар[ьи] Ив[анови]чы. – Благодарное мое письмо к Доктору Гугерту. – Письмо вел. герцогини Баденской к Ольге. – Приглашение Импер[аторской] Академии Наук прибыть в Петербург для празднования 50-ти лет-

Ужасные холоды здесь и в чужих краях. – Русская санная упряжка в Париже. – Пальто Долгорукова. – О столе нашего генер[ал]-губернатора Тучкова. – За обедом его 19 февраля не происходило никаких особенных демонстраций. – Словоц одного сенатора. – Вести от Пашки. – Утешительные известия от Ольги, перелом и перерождение в ее здоровье. – Благодарное мое письмо к Доктору Гугерту. – Письмо вел. герцогини Баденской к Ольге. – Приглашение Импер[аторской] Академии Наук прибыть в Петербург для празднования 50-ти лет-

него юбилея кн. П.А. Вяземского. – Письмо его ко мне. – Приложение журнала *L'echo de Nice*, в коем описывается вечер, данный внуком моим Ник. Долгоруковым тамошнему обществу. – Письмо от кн. Вяземского. – Смерть генерала Ермолова (Ал. Петр.). Я имел счастье обедать у Государя в Александрии. – Государь изволил говорить мне об Ольге. – Поездка Государя по окрестностям Москвы. – Отношения с Константином Александровичем. – Покушение в Бадене на жизнь прусского короля. – Воспоминания о графине Е.П. Ростопчиной и персиянине Мирза Баба. – Причина неисправности в составлении Записок моих. – Перемена квартиры. – Об 1861-м годе. – Встречаю 1862-й у Закревского. – Грустные мысли. – Здоровье мое. – Ответы мои на письма старых приятелей. – Грустное теперешнее время. – Повинуюсь предписаниям Доктора Галла. – Холод.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрагмент из дневника Булгакова, относящийся к коронации Николая I, опубликован в “Независимой газете” (1996, 15 августа. Публ. С. Шумихина). Точности ради, отмечу, что, по недосмотру, воспроизведенная при публикации гравюра “Приезд Николая I в Москву на коронацию”, из книги “Николаевская эпоха” (М., 1910) к этому событию не относится, так как Триумфальная арка, сквозь которую проезжает царский кортеж, была сооружена у Тверской заставы в 1834 г., к 20-летию победы над Наполеоном, о чем Булгаков сделал соответствующую запись:

11 числа сего октября было в Москве торжественное открытие Триумфальных ворот, построенных (на том месте, где была Тверская застава) в память изгнания французов из древней столицы в 1812 году. Здание сие, подобное всем такового рода, увенчанное колесницею победы и шестью лошадьми, построено было (но не окончено им) покойным архитектором Бове; по обеим сторонам караульни с шлахтбаумами. По циркулярному отношению здешнего коменданта были вытребованы все солдаты, имеющие знаки 1812 года или медали за вступление в Париж. В нашем Почтамте нашлось 22 человека между почтальонами и караульными, всех же было до 700 человек. Ворота, после молебствия с коленопреклонением, были окроплены духовенством святою водою, и воины сии, при пушечной пальбе, первые в оные вошли. Для зрителей были устроены по обеим сторонам места. Князь Дм. Вл. [Голицын] спрашивал у Государя, не угодно ли будет Ему удостоить присутствием Своим сию церемонию, но Его Величество изволил отозваться, что Он в войне 1812 года не участвовал, и никакими приношениями к сооружению сих ворот не способствовал, а потому и не считает Себя вправе быть при открытии сём. Жаль, что город заслуженных воинов не угостил обедом; всякому дано было по 2 рубля; замечено, что многие из них были, по бедности, в лаптях. Кажется, следовало бы не представлять их взорам публики в таком скудном положении. Давно ли, кажется, были французы в Москве, а этому прошло уже 22 года! Мне год сей памятен, ибо я находился с полчаса в руках французов, будучи взят в плен ими у Устретьянских ворот в самую минуту их вступления в Москву. Я был в то время прикомандирован к графу Ростопчину и, ежели бы меня обыскали, как было дано приказание тогда, то я был бы немедленно расстрелян, по бумагам, кои я на себе имел. (IX, 62–64)

В 1930-е годы арка была разобрана, а в 1962 г. восстановлена на новом месте, в конце Кутузовского проспекта.

² В тексте описки: “1729 год”.

³ Эти фрагменты напечатаны в книге: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь “умственные плотины”. Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 206–207.

⁴ Записи о дуэли Пушкина опубликованы мною в соавторстве с К.С. Юрьевым во “Временнике Пушкинской комиссии” (Л., 1991. Вып. 24. С. 116–127).

⁵ Этот фрагмент в названную выше публикацию включен не был. Приводим его здесь:

Дело прикосновенных к дуэли Пушкина еще не кончено, а смерть поэта начинают забывать. Между тем, продолжают усилия друзей его к оправданию вдовы, но без большого успеха. Нельзя не упрекать ее, по крайней мере, в непростительной ветренности. Она была главною, ежели не единственною причиною всех случившихся несчастий, от нее зависело не доводить дела сего до свлято кровавой развязки. Никого на свете не уверишь, чтобы женщина не имела средств освободиться от преследования мужчины, разве решится он употребить меры насильственные, а по всему видно, что молодой Гекери к оным не прибегал. Для несчастной вдовы не может быть ни оправдания, ни утешения, она мужа своего погубила. Пушкин слишком был умен, чтобы это не чувствовать, и в сём отношении смерть его была геройская, и все поведение в последние минуты великодушно! (X, 84–85)

⁶ Год устанавливается по датам смерти князя Х.А. Ливена (29.XII.1838), и графа Ю.П. Литты (24.I.1839).

- ⁷ Год устанавливается по датам приезда, по приглашению Николая I, Марии Аполлоновны Волковой в Петербург (нач. декабря 1839) и открытия в Москве Дворянского клуба (14 марта 1840).
- ⁸ Отрывок включен Л. Капланом в состав предисловия к его публикации записи о последней дуэли Лермонтова (см. ниже, прим. 10).
- ⁹ Запись о приезде Пасты относится к концу 1840 г.
- ¹⁰ Фрагмент опубликован Л. Капланом (ЛН. Т. 45–46. М.Ю. Лермонтов. М., 1948. Кн. 2. С. 709–710).
- ¹¹ Запись, датированная 2(14) октября 1843 г., опубликована В.М. Мильчиной и А.Л. Осповатом в составе подборки “Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели” (НЛО. 1994. № 8. С. 122–123).
- ¹² Описка Булгакова: в тексте дневника кардинал назван верно: Ламбускини.
- ¹³ В тексте записок имя Берлиоза приведено правильно: Гектор.
- ¹⁴ Немецкий юмористический (по выражению Булгакова “шуточный”) журнал, где был напечатан упомянутый далее анекдот.
- ¹⁵ В собрании сочинений Ф.И. Тютчева печатается под названием “По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая Павловича” (*Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Под ред. П.В. Быкова. СПб., 1913. С. 197). Текст, вписанный Булгаковым в журнал, имеет разночтения с опубликованным и точную датировку. Приводим его здесь:

Нет! мера есть долготерпению,
Бесстыдству также есть предел!
Как? Пред Его священной тенью,
И он, и он предстать посмел?

Ужель не грянет отовсюду
Один всеобщий вопль тоски:
Прочь! прочь австрийскую Иуду
От гробовой Его доски!

Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеимен своим названием:
Искарיות! Искарיות!

Ф.Т.

1 марта
1855
СПбург (XV, 776)

- ¹⁶ Приводим эту запись Булгакова, сделанную в октябре 1856 г., поскольку в ней дается характеристика его архива, из которого до нас дошло далеко не все:

С некоторых пор сделался я ужасным зажигателем. Перебираясь скоро на новую квартиру и желая уменьшить, сколь возможно, огромную массу бумаг, у меня накопившихся, несмотря на неоднократное истребление оных прежде сего, я вчера и сегодня сжег всю партикулярную переписку, отобрав письма друзей, хороших приятелей, как то: обоих Воронцовых, князя Мих. Сем. и графа Ив. Ив., Вяземского, князя Петр. Андр., Жуковского, Виельгорских, Аб. Сер. Норова, гр. Закревского, графа Ф. Ростопчина, Наташи, Эмерики и детей, В.А. Перовского и др., что составляет уже весьма порядочную кучу бумаги; так как это не многочисленно, то сохранил я следующие еще письма бывших моих начальников: Н.Н. Бантыш-Каменского, Малиновского, Д.П. Татищева, графа А.П. Тормасова, кн. Дм. Вл. Голицына, князя Алексан. Ник. Голицына, графа Вл. Фед. Адлерберга. Сохранил также письма следующих особ, с коими я был в довольно частых сношениях, как то: князь Петр Мих. Волконский, канцлер, граф К.В. Нессельроде, граф Каподистрия, гр. Ал. Христоф. Бенкендорф, гр. Пав. Дм. Киселев; Преосвященного Филарета (Московского), Ив. Мат. Муравьева-Апостола, гр. Ал-др. Иван. Чернышева, Ф.И. Прянишникова, А.А. Башилова, гр. Н.Ив. Зотова. Сберег я также несколько писем на память от людей известных, как-то: кн. Ник. Борис. Юсупов, гр. Дм. Ник. Блудов, Ник. Мих. Карамзин, Ив. Ив. Дмитриев и пр.; некоторых литераторов, с коими был я в сношениях: М.П. Погодин, Сер. Ник. Глинка, Ф.В. Булгарин, братья Полевые, Сер. Дм. Полторацкий, С.П. Шевырев и пр.

Все прочие бумаги мною сожжены, даже письма дам и записки их, не изъемя тех, конх я душевно, сердечно, преданно любил. [...] Как подумаю о трепетании души моей при получении писем и записок сих во время оно и о равнодушии, с коим истреблял я милые и пламенные сии послания! Все на свете сём изменается.

Зато все письма моего брата, писанные ко мне с младенчества нашего до последней нашей разлуки, все у меня переплетены по числам в 23 толстых томах. Я выпросил также у племянника Сашки мои письма к отцу его, не скоро он на это согласился, но, наконец, прислал мне все. Я собрал письма, привел их в порядок от 1802 по 1835 год. Это составило 18 толстых пе-

реплетенных книг. Сии две коллекции можно назвать жизнеописанием обоих братьев, ибо мы переписывались ежедневно. Можно меня спросить, на выдержку, где я был, например, и что я делал, или брат, в 1823 году 16-го Мая? Справка тотчас может быть сделана в одну минуту. [...] Я условился с Ольгою отправить к ней в Шеметово на сохранение все мои ненужные на это время бумаги, накопившиеся журналы, реплетенные *Revue de deux mondes*, иллюстрации англ[ийские], франц[узские] и немецкие, и разные книги, кои напрасно только место у меня занимают, тогда как моя новая квартира будет еще теснее теперешней (XVI, 242–243).

- ¹⁷ В тексте записок Рудни, статский советник, экспедитор Московского почтамта, правильно назван Петром Михайловичем.
- ¹⁸ В тексте записок: “виконта де Кастана”.
- ¹⁹ Год устанавливается приблизительно, на основании следующего места из записок Булгакова: “Я читаю с большим удовольствием письма Никоши, сообщаемые мне Ольгою. Бедный наш, бедный, слава Богу, выздоравливать начинает. Он пел 29 декабря благодарственный молебен и окзалось, что священник посольства в Вене давно ему знаком” (XVII, 89).
- ²⁰ Фрагменты о пленении Шамиля и его пребывания в Москве опубликованы в “Независимой газете” (1997, 16 апреля. Публ. С. Шумихина).
- ²¹ Датируется по содержанию: стихи Ф.И. Тютчева были написаны 20 декабря 1859 г., кн. Барятинский ожидался в Москву 27 января, а прибыл 2-го февраля 1860 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас Кули-Хан 1855
 Австрийский император см. Франц-Иосиф I
 Аграфена Федоровна см. Закревская А.Ф.
 Адалберт, Альберт см. Альберт
 Адлерберг В.Ф., гр. 1834, 1842, 1846, 1849–1859
 Адлерберг Н.В., гр. 1843, 1852
 Адольф, герцог Нассауский 1843
 Аксаков К.С. 1850, 1856
 Албединский, флигель-адъютант 1855
 Алединский Н. 1855
 о. Александр, настоятель Соловецкого монастыря 1855
 Александр I, имп. 1830, 1833, 1834, 1849, 1856
 Александр Александрович, вел. кн., цесаревич, будущий имп. Александр III 1845
 Александр Гессен-Дармштадский (“принц Гессенский”) 1851, 1852
 Александр Николаевич, вел. кн., наследник цесаревич, с 1856 – имп. Александр II 1834, 1837–1841, 1843, 1845, 1846, 1849–1851, 1853, 1855–1861
 Александра, Сашка см. Долгорукова А.А.
 Александра Иосифовна, вел. кн. 1850, 1851, 1855
 Александра Максимилиановна, вел. кн. 1840
 Александра Николаевна, вел. кн. 1843, 1844
 Александра Петровна (в иночестве Анастасия), вел. кн. 1856
 Александра Федоровна, имп. 1827, 1828, 1830, 1834–1840, 1843–1846, 1849–1852, 1854, 1855, 1859, 1860
 Александров П.К. 1833
 Алексеев И.И. 1830
 Алексеев И.А. 1858
 Алексей Александрович, вел. кн. 1850
 Альберт (“Альберт”, “Адалберт”), принц Прусский 1830, 1834, 1852, 1859
 Амбург, фон, укротитель зверей 1841
 Анна Михайловна, вел. кж. 1834
 Английская королева см. Виктория
 Андроников (Андронников), кн. И.М. 1855
 Анна Павловна, вел. кж., в замуж. королева нидерландская 1853
 Антонио, гимнаст 1857
 Антонский (Прокопович-Антонский) Д.М. 1855–1857
 Апраксина С.П., 1839
 Апрель, чиновник 1836
 Алухтин А.Н. 1854
 Аракчев А.А., гр. 1826, 1827, 1834
 Арбузов Н.А. 1853–1855
 Арндт (“Арндт”) Н.Ф. 1837, 1855
 Арсеньев Н.В. 1847
 Арсеньев И.А. 1854
 Арто А.-Ж.-М. 1842
 Архиепископ Парижский 1857
 Афанасьев А.С. 1854
 Багратюн (рожд. Скаврнская) Е.П., кн. 1855, 1857
 Баденская, вел. герцогиня 1861
 Базилевский П.А. 1849
 Бантыш-Каменский Д.Н. 1850
 Барановский, капитан 1853
 Барант А.-Г. де, бар. 1836
 Барант Э. де, бар. 1840
 Баратынский Е.А. 1844
 Бартенева П.А. 1849, 1850
 Барятинская Е.Д., кн. 1831
 Барятинский Анаст. И., кн. 1860
 Барятинский Ал-др И., кн. 1841, 1852, 1856, 1857, 1859, 1860
 Баталин, купец 1834
 Батта, бельг. виолончелист 1848
 Батулин С.Г. 1856
 Бахметев, убит на дуэли кн. Г.Н. *Вяземским* 1845
 Бахметев, брат предыдущего, его секундант 1845
 Башилов А.А. 1830, 1837, 1847
 Бебутов В.О., кн. 1855
 Безобразов А.М. 1826
 Безобразов С.Д. 1852
 Беклешов А.А. 1850
 Бельский Н.М. 1860

- Белихов М.С. 1856
Бем И. 1849
Бенкендорф А.Х., гр. 1830, 1834, 1836, 1837, 1838, 1841, 1844, 1850, 1857
Берг В. 1847
Беринг, моск. обер-полицмейстер 1857
Беринг В.Н., его жена 1857
Берлиоз Г. 1847
Бернарот ("Бернардот") Ж.-Б. (Карл XIV Юхан, король шведский) 1831, 1838
Бернард Веймарский, принц 1837, 1851
Берндорф, прусский министр 1856
Бишоп, певица 1841
Биберчиль А.Ф. 1854, 1856, 1857
Бибииков И.Г. 1855
Бистром К.И. 1838
Блудов Д.Н., гр. 1849
Блудов А.Д., гр. 1855
Бобринская С.П., гр. 1856
Бобринский В.А., гр. 1848, 1857
Бобятинский, сенатор 1832
Богаевский И.М. 1852
Богданова Д.И. ("Дарья Ивановна") 1860
Богданова Н.К. 1855, 1856
Бодэ Л.К., бар. 1849, 1858
Бозио (Bosio) А. 1857, 1858, 1859
Бокерсы, влад. лавки 1847
Бокса Р.-Н.-Ш. 1841
Болотас А.Т. 1852
Бонапарт Иероним, король Вестфальский 1846
Бонапарт Иеронимович см. Наполеон III
Борх А.М., гр. 1856
Боске П.-Ф.-Ж. 1856
Браницкая А.В., 1838
Браницкий В.К., 1837
Бржеский ("Бржевицкий") А.Ф. 1854
Брискорн М.М. 1853
Брок П.Ф. 1853
Брокер Ф.А. 1831
Брокер, его сын ("молодой Брокер") 1831
Брюллов (Брюлов) К.И. 1852
Бубнова, купчиха 1833
Булгаков А.К. ("Сашка") 1849–1851, 1860
Булгаков К.А. ("Костя") 1830, 1837, 1842, 1843, 1845, 1847, 1851, 1853, 1855–1859, 1861
Булгаков К.Я. ("мой брат") 1830, 1835, 1836, 1856–1858
Булгаков П.А. ("Пашка") 1837, 1845–1849, 1851, 1853, 1858–1861
Булгаков Я.И. ("мой отец") 1855–1857
Булгакова (рожд. Хованская) Н.В. ("жена моя") 1830, 1841
Булгакова М.К. ("Маша") 1848
Булгакова М.К. ("Марья Константиновна") 1859
Булгарин Ф.В. 1830, 1845, 1853, 1855
Буркова Э.И. ("Мина Ивановна", "султанша") 1855, 1856
Бурсина М.П. 1855
Бутков В.П. 1855, 1856
Бутурлин Д.П., гр. 1849
Бухарин И.Я. 1858
Быстроглазов А.А. 1841
Варлам И.К. 1857
Василий (Лужинский), архиепископ Полоцкий и Витебский 1841
Васильчиков Д.В., кн. 1858
Васильчехов И.В., кн. 1843, 1847
Вейтбрехт П.А. 1848
Велижинский 1831
Веллингтон А.-У., герцог Ватерлооский 1827, 1852
Вельяминов А.А. 1832
Венявские Г. и Ю. 1852
Веревкин Н.Н. 1830
Веревкин, дуэлянт 1833
Верне О. (Вернет Г., Horace Vernet) 1836, 1838, 1842, 1846
Виардо П. 1843, 1845
Виельгорский (Виельгурский, Виельурский) Мат. Ю., гр. 1855
Виельгорский (Виельгурский, Виельурский) Мих. Ю., гр. 1847, 1849, 1850, 1851, 1853–1856
Виельгорские (Виельгурские, Виельурские), братья 1849, 1850, 1855, 1856
Виктория, королева Великобритании ("королева", "английская королева") 1837, 1855–1857
Вилебранд (Виллебранд), бар. 1853
Вильгельм IV, король Великобритании 1837
Вильгельм (Николай), эрцгерцог Вюртембергский 1848
Вильгельм Австрийский, эрцгерцог 1855
Вильгельм Баденский, принц 1855
Вильямс (Виллиамс) У.-Ф. 1856
Витберг ("Витберх") А.Л. 1827, 1838, 1857
Витт И.О., гр., 1837
Витте де, ген. 1842
Владимир Александрович, вел. кн. 1847
Войков, дуэлянт 1833
Волков А.А. 1830
Волков Н.А. 1858
Волкова И. 1854
Волков С.А. 1855
Волкова М.А. 1839
Волконская Е.А., кн. 1853
Волконская З.А., кн. 1826
Волконская С.Г., кн. 1845, 1852, 1855
Волконский П.М., светл. кн. 1826, 1834, 1837–1839, 1843, 1845, 1847, 1849, 1850, 1852
Вонлярский А.А. 1858
Воронцов-Дашков И.И., гр. ("Ваниша") 1841, 1851–1853, 1855
Воронцов М.С., гр., потом светл. кн. 1828, 1845, 1846, 1848–1851, 1853–1857, 1859
Воронцов С.М., кн. ("сын кн. Воронцова") 1828, 1855
Воронцова-Дашкова (Воронцова) А.К., гр. 1855, 1856
Воронцова И.И., гр. 1848
Воронцовы: Е.К., М.С. 1852, 1856
Вьетан (Вьетан) А. 1850, 1852
Вюртембергский, принц см. Фридрих Вюртембергский
Вяземская (рожд. Новосильцова) Е.П., кн. 1858
Вяземский П.А., кн. 1837, 1842, 1845, 1848–1861
Вяземский Г.Н. кн. 1845

- Гааз Ф.П. 1853
 Гагарин А.И., кн. 1857
 Гагарин Н.С., кн. 1842
 Гагарин П.Г., кн. 1827
 Гагарин П.П., кн. 1856
 Гагарин С.И., кн. 1834, 1856
 Гагарин Ф.Ф., кн. 1856
 Гагарина (рожд. Лолухна) А.П., кн. 1827
 Галл (Галль) Ф.-Й. 1850, 1861
 Гамалея (Гамалей), пред. Одесского коммерческого суда 1851, 1852
 Гамильтон Э. ("леди Гамильтон") 1856
 Гастон (Кастон) де, виконт 1858
 Гауке (в замуж. гр-ня Баденберг) С.М., гр-ня, 1851
 Геодеонов А.М. 1849, 1850, 1856
 Гейден А.-М., гр-ня 1827
 Гейстер, член Английского клуба 1833
 Гейнефетер С. 1841
 Гейтебур (сэр Walont) 1832
 Гендриков А.И., гр. 1841
 Гендриков, гр., кавалергардский офицер, убитый на дуэли бар. *Розеном* 1852
 Геништа И.И. 1853
 Гергей (Георгий, Георг) 1849
 Гербель, дуэлянт 1852
 Герцен А.И. (Искандер) 1860
 Гессенский принц, принцесса 1850, 1851, 1852
 Гизо (Guisot) Ф.-П.-Г. 1857
 Глебова-Стрешнева (Глебова) Е.П. 1838
 Глинка А.П. 1854
 Глинка М.Н. 1857
 Глинка С.Н. 1857
 Глинка Ф.Н. 1838, 1839, 1843, 1854, 1855
 Гогенцолерн-Гессенская Евгения, принцесса 1847
 Гоголь Н.В. 1852
 Голицын А.А., кн., 1845
 Голицын А.Н., кн., 1835, 1837, 1841–1845, 1847
 Голицын (Голицын-Прозоровский) А.Ф., кн. 1856
 Голицын В.С., кн. 1850, 1855, 1856, 1858–1860
 Голицын Г.С., кн. 1848
 Голицын Д.В., кн. 1825, 1830, 1834–1839, 1841, 1843, 1844, 1850, 1853
 Голицын Е.А., кн. 1855
 Голицын С.М., кн. 1834, 1835, 1837–1839, 1841, 1847, 1849, 1851, 1854–1857, 1859
 Голицын С.Г., кн. 1854
 Голицын П.В., кн. 1850
 Голицына А.М., кн. 1855
 Голицына (рожд. Кутайсова) А.П., кн. 1845
 Голицына В.Д., кн. 1850
 Голицына Евд. (Авд.) И., кн. (Princesse Nocturne) 1850, 1859
 Голицына (рожд. Валуева) Е.П., кн. 1859
 Голицына Н.П., кн. 1838
 Голицына Т.В., кн. 1841
 Голицына, кн. 1834
 Головин Е.А. 1846
 Головин Е.Е. ("молодой Головин") 1839
 Головина В. 1854
 Головкин Ю.А., гр. 1846
 Гордеев, поэт 1854
 Горлицын И.И. 1857
 Горчаков А.М., светл. кн. 1856, 1858
 Горчаков А.И., кн. 1855
 Горчаков М.Д., кн. 1853–1855
 Гравивиль Дж., лорд 1856
 Гранкин С. 1855
 Грейфорт ("Грейфурт"), капитан англ. фрегата "Тигр" 1855
 Грибоедова (рожд. кж. Чавчавадзе) Н.А. 1846
 Григорьев П. 1854
 Гризи Дж. 1851
 Гризи К. (Carlotta Grisi) 1850, 1852
 Гримм ("Грим") Ф.-М., бар. 1857
 Гринезевиль, графиня 1841
 Гугерт, медик 1861
 Гудович И.В., гр. 1843, 1850
 Гудович А.И., гр. 1853, 1855
 Гудович Е.Д., гр-ня 1857
 Гумбольдт (Гумболт) фон А.-Ф.-Г., 1829
 Гурьева П.Н. 1830
 Давыдов Д.В. 1839
 Давыдов Р.Д. 1846
 Давыдов, самоубийца 1852
 Данзас Б.К. 1826
 Даитес Ж. 1837
 д'Арленкур В., виконт 1842
 Дарья Ивановна см. Богданова Д.И.
 Дашков А.В. 1856
 Дашков Д.В. 1839
 Дашкова Е.Р. 1856
 Дашкова 1853
 Даццаро И. 1853
 Девоншир, лорд см. Уильям Девонширский
 Дегай П.И. 1850
 Демидов А.Н., кн. Сан-Донато 1846, 1858
 Демидов, адъютант Д.В. Голицына 1825
 Депрерадович Н.И. 1830
 Державин Г.Р. 1845
 Джустиниани Дж. 1840, 1842; 1859
 Дмитриев И.И. 1837
 Дмитриев М.А. 1855, 1856
 Дмитриев-Свечин (Дмитриев) Н.Д. 1841
 Дмитриев-Мамонов (Мамонов) М.А., гр. 1842, 1859
 Дмитрий Владимирович кн., см. Голицын Д.В.
 Дмитрий Доиской 1837
 Долгоруков А.С., кн. 1830, 1853, 1855–1857, 1859
 Долгоруков В.В., кн. 1843
 Долгоруков В.А., кн. 1852, 1853
 Долгоруков Н.А., кн. ("Никоша") 1851, 1853–1861
 Долгоруков П.В., кн. 1844, 1860
 Долгоруков Ю.В. 1830
 Долгорукова А.А., кж. ("Сашка") 1841, 1851, 1857
 Долгорукова Е.А., кн. 1855–1858, 1860
 Долгорукова Е.Ф., кн. 1849
 Долгорукова (рожд. Булгакова) О.А., кн. 1830, 1834, 1837, 1839, 1841, 1842, 1843, 1846, 1849–1861
 Долгоруковы: А.С. и О.А. 1834, 1852, 1854, 1856, 1858, 1859
 Донати Дж. ("комета Донати") 1858
 Дондуков-Корсаков (Дундуков) М.А., кн. 1836
 Доргам см. Дюрам

- Дорохов, офицер, убитый *Папковым* 1834
 Дорохов, отставной поручик, сын героя Отечественной войны 1812 ген. И.С. Дорохова 1837
 Доцейко, почтальон 1834
 Дребуш, фон А.Ф. 1856
 Дрейшок А. 1841
 Дулькины С. и И. 1852
 Дундуков см. Дондуков-Корсаков М.А.
 Дункан (Дункелен), лорд 1853, 1855
 Дюма А. 1858
 Дюрпер ле, художник 1832
 Дюрам (“Дорам”, “Дургам”; собственно *Durham*), гр. 1837
 Евгения (“императрица французская”), жена Наполеона III 1852
 Евсевий, монах 1836
 Екатерина II, имп. 1834, 1846, 1856–1859
 Екатерина Михайловна, вел. кн., принцесса Мекленбург-Стрелицкая 1851, 1858
 Екатерина см. Соломирская Е.А.
 Елагина А.П. 1852
 Елена, сестра А.Я. Булгакова 1850, 1856
 Елена Павловна, вел. кн. Мекленбург-Шверинская 1855
 Елена Павловна, вел. кн. 1826, 1827, 1830, 1837, 1841, 1849, 1855, 1856
 Елизавета Алексеевна, имп. 1826
 Елизавета Михайловна, герцогиня Нассауская 1826, 1845
 Елизавета, сестра А.Я. Булгакова 1859
 Ермолов А.П. 1826, 1835, 1837, 1845, 1848, 1849, 1855, 1859, 1860, 1861
 Ефимовская, гр. (рожд. Хилкова) Алина 1858, 1860
 Жадимеровская 1851
 Жеребцов М.И. 1850
 Живокини В.И. 1831
 Жиркевич И.С. 1836
 Жихарев С.П. 1855
 Жобар А.-Ж.-Б. 1836
 Жорж (*M-lle George*) 1854
 Жуковский В.А. 1837, 1839–1841, 1851, 1852, 1858
 Жуковская Е.Е. (“вдова Жуковского”) 1852, 1853, 1856
 Загоскин М.Н. 1831, 1852
 Загряжская Н.К. 1827
 Загряжский А.П. 1856
 Закревская А.А., гр. 1830, 1831, 1847–1861
 Закревская А.Ф., гр. 1851, 1859
 Закревские 1858
 Зеебах Л., бар. 1855, 1856
 Зичи, гр. 1828
 Золотарев Д. 1854
 Зонтаг Г. (“Зонтагша”) 1830
 Зорич С.Г. 1831
 Зотов Н.И., гр. 1850
 Зотов Р.М. 1854
 Зубков В.П. 1826
 Зыков, убийца кн. *В.Д. Голицыной* 1851
 Игнатъев П.Н. гр. 1834
 Иловайская М.И. (“дочь ген. Иловайского”) 1842
 Иловайский И.Д. 1842
 Император французский см. Наполеон III
 Императрица см. Александра Феодоровна
 Императрица (с 1855) см. Мария Александровна
 Императрица французская см. Евгения
 Иннокентий (Борисов И.А.), архиепископ Херсонский 1855, 1857
 Иоанн, эрцгерцог 1837
 Ирка (“танцовщица Ирка”) см. Матиас И.
 Истомин В.И. 1855
 Каблуков В.И. 1848
 Кавелии А.А. 1839, 1841
 Казарский (“Козарский”) А.И. 1830
 Казим-Мулла (“Каза-Мулла”) 1832
 Камаровский (“Комаровский”) Е.Ф., гр. 1825
 Канкрин Е.Ф., гр. 1837, 1845
 Каннинг Дж. 1827
 Капнист И.В. 1848, 1860
 Каподистрия А., гр. 1849
 Каподистрия И.А., гр. 1827
 Канробер (“Канроберт”) Ф. 1855
 Капфиг Б.-О.-Р. 1841
 Карадори А. 1833
 Карамзин А.Н. 1854
 Карамзин Д.Н. 1855
 Карамзин Н.М. 1826
 Каратыгин В.А. 1833
 Каратыгин П.А. 1854, 1856
 Караулов Н.Д. 1857
 Карим-Бей (Карим-Паша) 1856
 Карл Прусский, принц 1851
 Кастеллан (“Кастелан”) Ж.-А. 1845
 Кастельбажак Б.-Д., маркиз 1853, 1854
 Катенин А.А. 1857
 Катинька (Булгакова Е.А.) см. Соломирская Е.А.
 Кеппен К.И. 1856
 Кёрнер Т. 1854
 Киджи, принц, архиепископ, посол Ватикана 1856
 Киндякова А.В. 1834
 Киреевский, помещик 1846
 Киселев П.Д., гр. 1825, 1836, 1837, 1849, 1852, 1854, 1856
 Кларендон Дж.-В., лорд 1856
 Клейнмихель П.А., гр. 1834, 1851–1853, 1855
 Клиненберг К.Ф. 1838
 Клюгель Ф.Ф., камер-фрау 1838
 Княжна Маруся см. Мария Михайловна
 Ковалевский Е.П. 1857
 Кожухов Н.С. 1843, 1856, 1857
 Козарский см. Казарский А.И.
 Козлов А.С. 1857
 Колесов И.А. 1836
 Колосова А.М. (жена *Каратыгина В.А.*) 1833
 Колосова Е.И.
 Кольцов-Мосольский А.А., кн. 1843
 Комаровский см. Камаровский Е.Ф.
 Константин Александрович см. Булгаков К.А.
 Константин Николаевич, вел. кн. 1827, 1835, 1845, 1849, 1855–1859
 Контский А.Г. 1852
 Корнилов В.А. 1853, 1855

- Корнилова (вдова *Корнилова В.А.*) 1855
 Королева *см.* Виктория
 Корсаков *см.* Римский-Корсаков И.Н.
 Корсаков, молодой *см.* Римский-Корсаков С.
 Корсакова, молодая *см.* Римская-Корсакова
 Корф М.А., бар. 1857
 Костя *см.* Булгаков К.А.
 Кочубей В.П., кн. 1827, 1830, 1834
 Кочубей В.В., кн. 1850
 Кочубей С.В., кн. 1852
 Кошут Л. 1849
 Крапоткин *см.* Крапоткин
 Крейзер, медик 1858
 Крешинн, певица 1837
 Крещенко, отец армейского товарища *Н.А. Дол-горукова* 1855
 Кригер, художник 1832
 Кронберг А.И. 1860
 Кропоткин (Крапоткин), кн., моск. обер-полицейстер 1858
 Крылов И.А. 1844, 1845
 Крюков, домовладелец 1860
 Куракин А.Б., кн. 1847
 Кутайсов И.П., гр. 1834
 Кушелев (Кушелев-Безбородко) А.Г., гр. 1850
 Кушников С.С. 1839
 Кюстин де, А. маркиз 1843
- Лаблаш Л. 1852, 1853, 1856, 1857
 Лаваль И.С., гр. 1846
 Лавинский А.С. 1833
 Лазаревы 1850
 Ламберт И.К., гр. 1850
 Ламбускини Л., кардинал 1845
 Ламорисьер (Ламорисьер) Х. де 1850
 Ламсдорф М.И., гр. 1827
 Ланжерон А.Ф., гр. 1845
 Ланской А.Д., гр. 1831
 Ланской П.П. 1852
 Лафло, франц. посланник в Петербурге 1848
 Левашов Н. 1854
 Леве-Веймар Ф.А., бар. 1836
 Лекс, демонстратор панорамы 1832
 Леман, владелец балагана 1836
 Лесовский С.И. 1832
 Леонтьева М.П. 1844
 Лермонтов М.Ю. 1840, 1841
 Ливен Ш.К., светл. кн.-ня 1827
 Ливен Д.Х., кн.-ня 1852, 1857
 Ливен Х.А., кн. 1838
 Ливен В.К., бар. 1853
 Лидерс А.Н. 1855
 Лист Ф. 1842 – 1844
 Литта Ю.П., гр. 1839
 Литке Ф.П. 1845, 1853
 Лобанов-Ростовский (Лобанов) А.Я., кн. 1830
 Лович (“Ловичева”) Ж.А., кн.-ня 1831
 Ловичева *см.* Лович Ж.А.
 Лодер Х.И. 1830
 Ломоносов С.Г. 1853
 Ломоносов Н.Г. 1853
 Лонгинов А.Н. (“молодой Лонгинов”) 1845
 Лонгинов Н.М. 1825, 1826, 1843
 Лопухин П.Н., светл. кн. 1827
 Лукезини, маркиз 1851
- Львов Д.М. 1842
 Людовик (“Людовик”) XIV 1855
 Людовик (“Людовик”) Наполеон *см.* Наполеон III
 Ляхович Н. 1854
- Маврикий, принц Нассауский 1843
 Майков А.Н. 1855
 Макиеровский Ф.П. 1847
 Макиеровский С.Ф. 1856
 Максим Андреевич *см.* Удальцов М.А.
 Максимилиан Лейхтенбергский, герцог (принц Лейхтенбергский) 1838, 1839, 1845, 1847, 1851, 1852
 Малиновский А.Ф. 1840
 Малышев Г. 1854
 Мандт (“Манд”) М. 1839, 1854, 1855
 Манычаров П.М. 1849, 1850
 Марин В.Г. 1853
 Марио (гр. Дж. Марио де Кандиа) 1850, 1851
 Мария Георгиевна, груз. царица 1850
 Мария Александровна, вел. кн. 1841
 Мария Александровна (Дармштатская), вел. кн. цесаревна, с 1855 императрица 1840, 1841, 1843, 1855, 1856
 Мария Александровна, вел. кж. 1853
 Мария Константиновна *см.* Булгакова М.К.
 Мария Михайловна, вел. кн. 1846
 Мария Михайловна, вел. кж. (“княжна Маруся”) 1847, 1849
 Мария Николаевна, вел. кн. 1838, 1839, 1843, 1847, 1849, 1850, 1852, 1855, 1856
 Мария Федоровна, вдовствующая имп. 1826, 1827, 1828
 Марк А.А. 1855, 1857
 Маркус М.А. 1836, 1839
 Мармон (“Мармонт”) О.-Ф. де, герцог 1826
 Марсов А. 1854
 Мартынов А.Е. 1850
 Мартынов Н.П. 1856
 Мартынов Н.С. 1841
 Марченко А.Я. 1854
 Марченко В.Р. 1840
 Маслов Е. 1854
 Матафин, казначей 1833
 Матиас И. (“танцовщица Ирка”) 1849
 Матильда (Демидова), принцесса Сан-Дonato 1846
 Матусевич А.Ф., гр. 1842
 Матюшкин (Виельгорский–Матюшкин) М.М. 1855
 Махмуд Хан (Махмуд Паша, Мехмед Паша) 1830, 1834, 1855, 1856
 Мащев И.М. 1856
 Мащев М.Н. 1842, 1843
 Мащева А.П. 1856
 Мащева Э.А. 1847
 Мега Н. 1854
 Меерти Э. 1843
 Мейендорф П.К., бар. 1855
 Мейербер Дж. 1856
 Мекленбург-Шверинский Густав, принц 1843
 Мекленбург-Шверинская *см.* вел. кн. Елена Павловна
 Мемнон, живописец 1856

- Меншиков, светл. кн. А.С. 1828, 1843, 1852, 1853, 1855–1858
 Меншиков-сын 1855
 Мерлин А.А. 1859
 Метулинский хан 1843
 Метакса Е.П. 1844, 1845, 1855, 1856, 1858, 1859
 Метакса (вдова *Метаксы Е.П.*) 1847
 Меттерних (“Метерних”) К.-В., кн. 1835
 Миллер О.Ф. 1854
 Миллер Ф.Б. 1854, 1856
 Милорадович М.А., гр. 1826, 1841
 Мина Ивановна см. Буркова Э.И.
 Мирза Баба, врач при посольстве Хозрева Мирзы 1861
 Мирский см. Святополк-Мирский Д.С.
 Мирский 1855
 Михаил Николаевич, вел. кн. 1855
 Михаил Павлович, вел. кн. 1827, 1828, 1830, 1834, 1837–1839, 1841–1845, 1847–1850, 1856, 1858
 Мичурин (рожд. Самойлова) В.В. 1856
 Моден Г.К., гр. 1833
 “Мой брат” см. Булгаков К.Я.
 “Мой отец” см. Булгаков Я.И.
 “Молодой Лонгинов” см. Лонгинов А.Н.
 “Молодой Пашков” см. Пашков И.Е.
 “Молодые Нессельроде” см. Нессельроде Д.К. и Л.А.
 Моннигетти, хозяин книжной лавки 1843
 Морачевский Ф. 1854
 Мордвинов Д.Н. 1833
 Морни, гр. Б. 1856
 Мосолова Н.И. 1830
 Муравьев (Муравьев-Карский) Н.Н. 1855, 1856
 Муравьев-Апостол И.М. 1858
 Муравьев-Апостол М.И. 1858
 Муравьев А.Г. 1858
 Муравьева Е.Ф. 1848
 Мусин-Пушкин В.А., гр. 1855
 Муханов С.И. 1842
 Муханов, моск. обер-полицмейстер 1832
 Мухин И.Д. 1857
 Мухин, надворный советник, высланный из Петербурга 1857
 Мушар Зараф Мустафа Паша 1855
 Мызников В. 1854
 Мюрат И. 1841

 Набоков И.А. 1852
 Назимов В.И. 1855
 Назимова, вдова ген. 1843
 Нейпир (“Непир”) Ч. 1855
 Непир см. Нейпир Ч.
 Наполеон I Бонапарт, франц. имп. 1849, 1855, 1856
 Наполеон Иеремеевич см. Наполеон III
 Наполеон III (“Лудовик Наполеон”, “император французский”) 1852–1857
 Нарышкин А.Л. 1826, 1845
 Нарышкин К.А. 1838
 Нарышкин К.П. 1848
 Нарышкин А.Д. 1848
 Наследник см. Александр Николаевич

 Нахимов П.С. 1853, 1855
 Нащокин А.П. 1831
 Небольсин Н.А. 1834, 1841
 Невахович А. 1854
 Неелов С.А. 1849, 1852
 Нейтгардт А.И. 1843, 1845, 1846
 Неклюдов Л.Я. 1831
 Нелидова Е.И. 1839
 Нессельроде (рожд. Закревская) Л.А. (“молодая Нессельроде”), гр. 1851
 Нессельроде (“Несельрод”, “Нессельрод”) К.В., гр. 1834, 1843, 1845, 1849, 1853, 1856
 Нессельроде Д.К. (“молодой Нессельроде”), гр. 1851
 Низам, эмир 1830
 Никитин, ген.-лейт. 1832
 Николаевич Н. 1854
 Николаевский С. 1855
 Николай I, имп. 1826–1857, 1860
 Николай Александрович, вел. кн. 1843
 Николай Николаевич, вел. кн. 1843, 1855, 1856
 Николай Павлович, вел. кн. см. Николай I
 Николай Константинович, вел. кн. 1850
 Никоша см. Долгоруков Н.А.
 Нилусы, братья, карточные игроки 1841
 Новицкая (рожд. Адлерберг) А.В. 1855
 Новосильцов Н.П. 1856
 Новосильцов П.П. 1836, 1856, 1858
 Новосильцова Е.В. 1849
 Новосильцовы 1858
 Норов А.С. 1850, 1855, 1856
 Норов Н.А. 1833

 Ободовский П. 1854
 Обольянинов П.Х. 1841
 Обресков (Обрезков) В.А. 1834
 Обрезкова (Обрескова) П.В. 1851
 Огарев Н.А. 1855
 Озеров В.А. 1833, 1837
 Озеров П.И. 1843
 Ознобишин Д.П. 1854
 Оленин А.Н. 1843
 Олсуфьев В.Д., гр. 1848, 1856, 1857
 Олсуфьева (рожд. баронесса Ребиндер) М., гр. 1859
 Ольга см. Долгорукова О.А.
 Ольга Константиновна, вел. кж. 1851
 Ольга Николаевна, вел. кн. 1843, 1846, 1851, 1854
 Ольденбургский, принц Петр Георгиевич 1850
 Омер Паша 1853
 Орбелиани В.И., кн-ня 1855
 Орлов А.Ф., гр. 1835, 1837, 1839, 1844, 1853–1856
 Орлов М.Ф., гр. 1826, 1842
 Орлов–Денисов Н.В., гр. 1837, 1846, 1851, 1855
 Орлов–Денисов Ф.В., гр. 1856, 1858, 1859
 Орлова–Чесменская А.А., гр. 1826, 1838, 1848
 Орлова П.И. 1855
 Оскар, наследный принц Шведский 1830
 Осман Паша 1855
 Остен–Сакен Д.Е., гр. 1826
 Остерман (Остерман-Толстой) А.И., гр. 1826, 1835, 1857

- Отрошенко Я.О. 1857
 Офросимов А.П. 1846
 Офросимова Е.П. 1830
- Павел I, имп. 1833, 1847, 1852, 1856, 1858, 1860
 Павлов, убийца *Апрелева* 1836
 Пазукевич Д. 1854
 Панин В.Н., гр. 1856
 Панин Н.П., гр. 1833
 Панина С.В., гр. 1844
 Папа Римский *см.* Пий IX
 Папков, убийца *Дорохова* 1834
 Паскевич-Эриванский (Паскевич) И.Ф., гр., светл. кн. Варшавский 1826, 1830, 1839, 1849–1851, 1853, 1855, 1856
 Паскевич-Эриванская (“кн. Паскевичева”) Е.А., гр., светл. кн. Варшавская 1849
 Паста Дж. 1841
 Паткуль П. 1850
 Пашка *см.* Булгаков П.А.
 Пашков А.И. 1850
 Пашков В.А. 1830, 1834
 Пашков И.Е. (“молодой Пашков”) 1837
 Пашкова Н.С. (“Nadine П.”) 1856
 Пашковы, соседи Булгакова 1857
 Певцов Д.А. 1860
 Пелисье (“Пелисье”) Ж.-Ж. 1855
 Перовская С.К. (“Сонюшка”, рожд. Булгакова, племянница А.Я. Булгакова) 1856
 Перовский А.А. 1857
 Перовский Б.А., гр. 1853, 1856–1858
 Перовский В.А., гр. 1839–1841, 1850, 1852–1858
 Перовский Л.А., гр. 1843, 1852, 1856
 Персиани, итал. певица 1851
 Перуга (сестры), артистки 1852
 Перфильев С.В. 1860
 Петр I Великий 1956
 Петрашевский (“Петрошевский”) М.В. 1849
 Петров Д.Х. 1857, 1859
 Пий IX (“Папа Римский”) 1849
 Пиль Р. (сын) 1857
 Писемский П.П. 1857
 Пискунов Н.Т. 1857, 1858
 Платон (Левшин П.Г.), митр. Московский. 1847
 Плесси (Plessy, Плеси), франц. актриса 1847, 1849, 1850
 Плетнев П.А. 1852
 Плещеев А.П. 1849, 1858
 Плюшар А.А. 1858
 Погодин М.П. 1849, 1854, 1855
 Поджио М.О. 1827
 Подолинский А.И. 1854
 Позен М.П. 1845
 Полетика П.И. 1843
 Поливанов А.П. 1852
 Политковский А.Г. 1853
 Полозов Д.П. 1848, 1850
 Полторацкий К.М. 1856, 1858
 Полторацкий С.Д. 1856, 1857, 1858
 Полуденский П.С. 1852, 1858
 Полянский П. 1855
 Понизовский Ф.А. 1836
 Попов В.М. 1837
 Потемкин С.П., гр. 1858
 Потехин Н.А. 1856
- Потоцкий С.О., гр. 1826, 1858
 Потто (“Пото”) В.А. 1854
 Поццо ди Борго К.О., гр. 1832
 Прусский король *см.* Фридрих-Вильгельм III
 Прусский король *см.* Фридрих-Вильгельм IV
 Прянишников Ф.И. 1850, 1854, 1856, 1857
 Путятя Н.В. 1858
 Пушкин А.С. 1831, 1836, 1837, 1855
 Пушкин В.А. *см.* Мусин-Пушкин В.А.
 Пушкин С.Л. 1837
 Пушкина, фрейлина 1838
- Раглан (Реглан), лорд Ф.-Д. 1855
 Радецкий Ф.Ф. 1849
 Радзивилл (Радзивил) Л.Л., кн. 1849
 Разумовская М.Г., гр. 1837
 Разумовский И.К., гр. 1858
 Рахманов М.Ф. 1849
 Рашель (M-Ile Rachel) 1853, 1854
 Рад Н.А. 1854
 Регенти Л. 1847
 Рейгольд, медик 1847
 Ренненкамф (Рененкамф) 1830
 Репнин Н.В., кн. 1845
 Репнин (Репнин-Волконский) Н.Г., кн. 1845
 Ржевуский (Ржевусский), гр. 1849, 1853
 Рибольер А.И., гр. 1849
 Ридигер Ф.В., 1849, 1850
 Римская-Корсакова (“молодая Корсакова”) 1858
 Римская-Корсакова И.Н. 1831, 1834
 Римский-Корсаков И.Н. 1831, 1834
 Римский-Корсаков С.А. 1834, 1847
 Римский-Корсаков (Корсаков) С. 1857
 Родаков П. 1854
 Родионов М. 1854
 Розен Г.В., бар. 1842
 Розен, бар., корнет, дуэлянт 1852
 Ройс, медик 1830
 Россетти *см.* Смирнова-Россет
 Ростоватов П.Г. 1854
 Ростовцев 1858
 Ростопчин А.Ф., гр. 1833
 Ростопчин Ф.В., гр. 1833, 1841, 1843, 1847, 1850, 1852, 1853, 1855–1858
 Ростопчина (рожд. Сушкова) Евд. (Авд.) П., гр. 1847, 1849, 1851–1859, 1861
 Рубини (Руббини) Дж.Б. 1843, 1844
 Рубинштейн А.Г. 1843
 Рудин П.М. 1857
 Руновский А.З. 1860
 Рунич А.П. 1858
 Рутковский И.А. 1832
 Румянцев (Румянцов) С.П., гр. 1838
 Рылеев К.Ф. 1825
- Сабанский, поляк, заключенный в Казани – 1836
 Садри-Мирза, посол Персии 1852
 Сакен *см.* Остен-Сакен Д.Е.
 Саксонский, принц 1852
 Салиас де Турнемир, гр. 1844
 Салтыков (Солтыков) И.П., гр. 1850
 Салтыкова Е.В., кн. 1841
 Сальви (Salvi), итал. певец 1844, 1847
 Самарин Ю.Ф. 1849
 Самойлов Н.А., гр. 1842
 Самойлова Н.В. 1850, 1856

- Санковская Е.А. 1855
 Сашка *см.* Булгаков А.К.
 Сашка *см.* Долгорукова А.П.
 Сверчков, убитый *Дороховым* 1837
 Святополк-Мирский (Мирский) Д.С., кн. 1852
 Северин Д.П. 1856
 Сеймур Дж.Г. 1853, 1854
 Сеймур, жена англ. посла *Дж.Г. Сеймура* 1854
 Семеновский (Москвин), поэт 1854
 Сельван ("Сильван"), ген. 1855
 Сент-Арно А.-Ж. 1855
 Сенявин Д.Н. 1826, 1831
 Сенявин И.Г. 1851
 Серафим (Глаголевский С.В.), митрополит Санкт-Петербургский 1843
 Сергей Александрович, вел. кн. 1857
 Сергей Максимилианович, вел. кн. Лейхтенбергский 1849, 1850
 Серебряков М. 1854
 Серра де Фолко, дюк (князь Сан Пиетро) 1846
 Сивори (Sivori) К. 1842
 Симон (Simon)-Деманш Л. 1850
 Симпсон ("Симсон") Дж. 1855
 Синельников Н.П. 1857
 Скалон 1-й 1855
 Слепцов Н.П. 1852
 Смирнова-Россет А.О. 1832
 Соллогуб В.А., гр. 1856
 Соллогуб Л.А., гр. 1852
 Сологуб *см.* Соллогуб В.А., Л.А.
 Соломирская (рожд. Булгакова) Е.А. (Катинька, Екатерина, Катя) 1830, 1835, 1836, 1855–1857
 Соломирская (в замуж. кн. Ухтомская) Е.П. 1857, 1859
 Соломирская (в замуж. Кронберг) О.П. 1860
 Соломирский П.Д. 1851, 1856–1859
 Соломирские 1853, 1856, 1857, 1858
 Соснер, американец-путешественник 1838, 1839
 Сонюшка *см.* Перовская С.К.
 Сосницкий И.И. 1854
 Сперанский М.М. 1839
 Стааль (Сталь) К.Г. 1830, 1838, – 1845, 1853
 Сталь (Stael) де, А.-Л.-Ж. 1856
 Стахович М.А. 1854
 Стеддинг ("Штединг") Б. 1826, 1858
 Столыпин, утонувший офицер 1836
 Строганов ("Строгонов") Г.А., гр. 1840, 1841, 1857
 Строганов ("Строгонов") С.Г., гр. 1841, 1847, 1855, 1859
 Стройновский, гр. 1853, 1857
 Строколев С.С. 1856
 Ступин А. 1855
 Суворов А.В., гр. Рымникский, кн. Итальянский 1845, 1849
 Суворов А.А., светл. кн. 1843
 Суковкин, полк. 1826
 Султан турецкий *см.* Махмуд Хан
 Сунгуров Н.П. 1831
 Суслов А.А. 1852
 Сушков Н.В. 1853
 Сушкова А.П. *см.* Ростопчина А.П.
 Сухово-Кобылин А.В. 1850
 Сухозанет И.О. 1856
 Сюзор, гр. 1847
 Тальони ("Талиони") М. 1838
 Талызин А.С. 1858
 Тамбурины А. 1844
 Татаринова Е.Ф. 1837
 Татищев Д.П. 1834, 1845
 Татищева (в замуж. Эйхель) С. 1852
 Теба, графиня *см.* Евгения
 Тизенгаузен П.И., гр. 1833
 Тимофеев Н.Д. 1850
 Тимофеев К.А. 1854
 Титов В.П. 1848, 1853
 Толмачев А.Е. 1858
 Толстая (рожд. Перовская) А.А., гр. 1857
 Толстой П.А., гр. 1836, 1844
 Тормасов А.П., гр. 1850
 Трейтер 1830
 Тришатный А.Л. 1847
 Тришка, атаман разбойников 1839
 Трубецкая (рожд. кж. Мещерская) Н.С., кн. 1852
 Трубецкая (по мужу графиня Морни) С.С., кж. 1856
 Трубецкой Н.И., кн. 1858, 1859
 Трубецкой С.В., кн. 1838, 1851, 1856, 1857
 Трунин П. 1854
 Тургенев А.И. 1836, 1843, 1845
 Турецкий посол *см.* Халиль Паша
 Турецкий посол *см.* Махмуд Паша
 Тутолми Т.И. 1850
 Тутолмина С.П. 1833
 Тучков П.А. 1859, 1860, 1861
 Тучкова Е.И. 1860
 Тютчев Ф.И. 1855, 1859
 Уваров С.С., гр. 1836, 1853–1855, 1857
 Удальцов М.А. 1857, 1858
 Уильям Девоиширский, герцог ("лорд Девоншир") 1826
 Ульрихс Ф.Ю. 1855
 Урусов А.М., кн. 1853
 Урусов С.Н., кн. 1857
 Урусова Е.П., кн. 1830, 1856
 Урусова С.А., кж. 1828, 1829
 Урусовы, князья 1856
 Ухтомская Е.Л. ("Катинька") 1858
 Ухтомские 1857
 Ухтомский Л.А., кн. 1857, 1858
 Ушаков Ф.Ф. 1856
 Ушакова (в замуж. Нарышкина) 1848
 Ушакова, дочь ген. 1853
 Федоров Б.М. 1855
 Федорова, цирковая наездница 1850
 Феллие, Феллоэ *см.* Фелье О.
 Фелье ("Феллие", "Феллоэ") О. 1857
 Фердинанд IV 1849
 Фетх-Али-Шах ("шах персидский") 1826, 1827
 Фикельмон Ш.-Л., гр. 1834
 Филарет (Дроздов В.М.), митр. Московский 1831, 1836, 1837, 1839, 1841, 1843, 1846, 1847, 1849, 1851, 1853, 1855–1857
 Фишер А.А. 1847
 Фонтон А.А. 1857
 Фотий (Спасский П.Н.), архимандрит 1838
 Франц I, австр. имп. 1833, 1834, 1835
 Франц-Иосиф I, австр. имп. 1848, 1849, 1853

- Фридрих II Великий 1855, 1856
 Фридрих Вюртембергский (Виртембергский),
 принц 1827, 1837
 Фридрих Гессен-Кассельский, принц 1843, 1845
 Фридрих-Вильгельм III (“король прусский”) 1840
 Фридрих-Вильгельм IV (“король прусский”)
 1851, 1852, 1861
 Фроццолини, итал. певица 1850
 Фролов, дуэлянт 1844
 Фуад Эфенди 1849
- Хаджи-Мурат 1851, 1852
 Халиль Паша 1830
 Хилкова (в замуж. Безобразова) Л.А., кж. 1834
 Хитрово (Хитрова) Е.М. 1934, 1839
 Хлебников, мещанин 1830
 Хлопицкий И. 1831
 Хованский В.А. 1830
 Хозрев Мирза 1857
 Хозрев-Паша 1853
 Хомутов М.Г. 1857
 Хомутова А.Г. 1857
 Хомяков А.С. 1854
 Храповицкий М.Е. 1830
 Хрулев С.А. 1855
- Цвернер, медик 1836
 Циммерман А.Э. 1852
 Цесаревич *см.* Александр Николаевич
 Цесаревич (после 1855 – наследник цесаревич)
см. Александр Александрович
 Цесаревна *см.* Мария Дармштадтская
 Цынский Л.М. 1838, 1843
- Чаадаев П.Я. 1836, 1837, 1838, 1856
 Чавчавадзе А.Г., кн. 1846
 Чавчавадзе (“Чевчавадзе”) А.И., кн-ня 1855
 Чавчавадзе (“Чевчавадзе”) *см.* Грибоедова Н.А.
 Чернобаев Н.Я. 1855
 Чернов А.П., убийца А.А. *Шишкова* 1832
 Чернов, пострадавший от взрыва адской маши-
 ны 1855
 Черноярлов И. 1854
 Чернышев А.И., кн. 1847, 1852, 1857
 Чернышев, студент 1855
 Чертков А.Д. 1858
 Чертков И.В. 1833
 Чертков Н.Д. 1852
 Черткова Е.Г. 1858
 Чиабат, итал. певец 1843
 Чичагов П.В. 1856
- Шаликов П.И., кн. 1852
 Шамиль 1846, 1855, 1859, 1860
 Шах персидский *см.* Фетх-Али-Шах
 Шевырев С.П. 1843, 1852, 1854–1857
 Шереметев (молодой) 1843
 Шереметев Д.Н., гр. 1836, 1850
 Шиллов Ф. 1854
- Шильдер К.А. 1855
 Шипов П.И. 1834, 1856
 Шиф С. 1849
 Шихматов (Ширинский-Шихматов) П.А., кн.
 1853
 Шишков А.А. 1832
 Шоберлехнер С.Ф. 1844
 Шредер А.А. 1857
 Штединг *см.* Стединг Б.
 Шульгин А.С. 1838
 Шуман К. 1844
- Шеголев, прапорщик 1855
 Щербатов А.Г., кн. 1843–1846, 1848, 1850
 Щербатов Н.А., кн. 1857
 Щербатов Н.Г., кн. 1845
 Щербатова А.А., кн. 1833
 Щербатова С.С., кн. 1855
 Щербинин М.П. 1856, 1858, 1859
 Щученко или Щущенко, домовладелец 1856
- Эйхель, купец, ростовщик 1848
 Эйхель, племянник или сын предыдущего
 1852
 Эллиот Г. 1856
 Эльслер Ф. 1850, 1851, 1855
 Эмилий, герцог Дармштадтский 1841
 Эмилия (Мина) Ивановна *см.* Буркова Э.И.
 Энгельгардт В.В. 1834
 Энгельгардт Л.Н. 1858
 Эмерика *см.* Мацнева Э.А.
 Эсаков 1852
 Эссен П.К., гр. 1842, 1844
 Эстергази (“Эстерград”) П., гр., кн. 1855, 1856
- Юни В.А. 1857
 Юсупов Н.Б., кн. 1826, 1830, 1834, 1837, 1849,
 1860
 Юсупов Б.Н., кн. 1852, 1856
 Юсупова Т.В., кн. 1834
- Яковлев В.А. 1832
 Яковлев И.А. 1853
 Ярошевицкий Ю. 1855
- Bassin цирковая наездница 1850
 Feuillet О. *см.* Фелье О.
 Georges *см.* Жорж
 Grisi *см.* Гризи Ш.
 Guisot *см.* Гизо Ф.
 Lagrange, франц. певица 1854
 Levasieur, франц. актер 1858
 Nadine П. *см.* Пашкова Н.С.
 Plessy *см.* Плесси
 Salvi (Сальви) 1847
 Simon *см.* Симон-Деманш Л.
 Soulange Bodin, франц. консул 1855
 Staël *см.* Сталь А.-Л.-Ж.
 Vernet Horace *см.* Верне О

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА В КОНЦЕ 1866 И НАЧАЛЕ 1867 ГОДА ПО ЗАПИСЯМ П.П. ПЕКАРСКОГО

Публикуемое сочинение Петра Петровича Пекарского (1827–1872) относится к многочисленному ряду мемуарных произведений, появление которых является результатом возникающего желания сразу же после каких-то событий их зафиксировать. Это не ежедневные дневниковые записи, не воспоминания, появившиеся спустя много лет, а впечатления, записанные по горячим следам. Как правило, подобные сочинения вызваны сильным эмоциональным впечатлением и содержат много фактических сведений. Рукопись представляет собой черновой автограф на десяти листах большого формата¹. Можно предположить, что, озглавив свой рассказ “Отрывком”, автор хотел подчеркнуть тот факт, что все сочинение написано в один день — 10 января 1867 г., день, когда он собирался покинуть Москву. Установить цель поездки не удалось; единственное дело, упоминаемое автором, — обмен с Бартеневым рукописей на дублетные издания Чертовской библиотеки.

В январе 1867 г. Пекарскому тридцать девять лет, он начальник отделения Государственного архива, с мая 1864 г. — экстраординарный академик, признанный специалист по истории петровской эпохи, известный автор статей в “Современнике” и “Отечественных записках”, прекрасный публикатор исторических источников. Отличаясь редким трудолюбием, он, несмотря на постоянную службу, за двадцать лет литературной деятельности написал очень много².

Уйдя из жизни в расцвете творческих сил, в сорок четыре года, П.П. Пекарский успел издать несколько монографий, подготовить ряд фундаментальных публикаций. Оставил потомкам, кроме публикуемого произведения, воспоминания о своем учителе Д.И. Мейере и о работе в Государственном архиве³. Можно только сожалеть, что он описал лишь немного из того, чему был свидетелем.

Поддерживая обширные научные связи, Пекарский оказался и в центре общественного движения 1850 — 1860 годов. Этому способствовало знакомство с Н.В. Шелгуновым, с которым после окончания юридического факультета Казанского университета Пекарский служил в удельной конторе в Самаре. В 1851 г. Пекарский вместе с четой Шелгуновых приехал в Петербург и поселился вместе с ними. Дом Шелгуновых стал своеобразным центром для передовой молодежи Петербурга. Друг Пекарского по Уфе, — поэт, переводчик, сотрудник “Современника” — Михаил Илларионович Михайлов был еще одним звеном, связавшим Пекарского с широким кругом представителей революционно-демократического направления.

Публикуемый “Отрывок” представляет интерес именно тем, что он содержит ценные свидетельства общественных настроений, симпатий их автора, о которых трудно судить по имеющемуся в распоряжении исследователей рукописному наследию Пекарского.

Многочисленные фактические сведения, которые приводит Пекарский, добавляют новые штрихи и краски к портретам известных представителей московской научной и писательской среды середины прошлого века.

¹ ОР РНБ. Ф. 568. Ед. хр. 86.

² Петр Петрович Пекарский: Список трудов // Русская старина. 1872. Т. 6, С. 684–693.

³ Пекарский П.П. Студенческие воспоминания о Дмитрие Ивановиче Мейере, профессоре Казанского университета. СПб., 1859. Ч. 1: Братчина. С. 207–242; Воспоминания П.П. Пекарского о его службе в Государственном архиве: Сообщ. И.А. Бычков // ЛЗАК за 1926 г. 1927. Вып. 1. С. 267–275. В эти же годы И.А. Бычков сделал рукописную копию отрывка о Москве (ОР РНБ. Ф. 120. Ед. хр. 1852), но он не был опубликован.

К сообщаемым им фактам можно относиться с полным доверием, помня высокую оценку человеческих качеств П.П. Пекарского его современником: “Трудно найти человека, который бы с большею последовательностью держался своих убеждений и правил, и трудно встретиться с более честными и благородными убеждениями. Их высказывал он смело, а иногда и резко, не боясь повредить своим отношениям даже с людьми, имевшими влияние на его обстоятельства. Никогда из-за каких-нибудь выгод он не кривил душою; голос его был всегда на стороне правды и правого дела”⁴

Критически-ироническое отношение представителя Петербурга к порядкам в Москве и москвичам чувствуется на всем протяжении рассказа. Сдержанность же оценок и характеристик, данных автором москвичам, с которыми он встречался, позволяет высказать предположение, что этот текст предназначался для публикации или для чтения в дружеском кругу.

Л.И.Бучина

П.П.Пекарский

ОТРЫВОК

29 декабря, в самый торжественный для Академии наук день, когда она празднует публичным заседанием день своего основания, я выехал из Петербурга, даже не думая, что в этот день прочтет напыщенную компиляцию о политической экономии приснопамятный в летописях ... не науки, а самохвальства и пустозвонства Владимир Павлович Безобразов; а также прохрипит и прокашляет отчет о наших трудах на поле отечест[венной] истории и словесности А.В.Никитенко¹. Я, неблагодарный и расстроенный по части нервов, отправился по чугунке в Москву в надежде укрепить их несколько отечественным воздухом, который вдыхает сам Катков². Разумеется, я взял билет и на право спать, почему меня поместили в какой-то курятник, отличающийся от прочих вагонов особо надстроенною вышкой. Вскоре сидящие со мною в одном отделении обозначились: русский купец, довольно глупый, но показывающий, что следит за веком; богатый еврей, беспрестанно сморкавшийся прямо на пол, а потом уже вытиравший нос платком; наконец, шесть англичан. После оказалось, что с ними было еще четыре англичанки. Все эти сыны Британии, ремесленники англичанина Уайнса, главного контрагента Москов[ской] железн[ой] дороги, кричали, плевали, смеялись и были совершенно в духе. Скука в вагоне для прочих, не знавших по-английски и не привыкших к плеванью и дурным сигарам, была невыносимая, но, к счастью англичане доставили случай к развлечению. Оказалось с первой станции, что они не взяли дополнительных билетов на спальный вагон, а потому не имели права находиться там. Когда артельщик, или слуга в вагоне, заметил им о том, они отвечали самоуверенно, что это ничего. Хотя они значительно стесняли остальную публику, однако до вечера никто на это не обращал внимания; но когда пришел черед ложиться спать, то оказалось, что в дамском отделении для трех русских дам, взявших билеты, не оказалось мест; в нашем мужском вагоне также не было возможности и думать о постелях: шесть англичан твердо заняли позиции и ни за что не хотели ни сами выйти, ни вывести жен. Уговаривал их артельщик, упрашивала горничная из женского отделения, умолял обер-кондуктор, наконец, дело доходило до начальника станции. Этот также вежливо общился с англичанами, но эти, видимо, ободряемые тем, что с ними обходились уже чересчур мягко, нагло смеялись или просто говорили: “Я не понимаю”. Наконец публика, до сих пор сносившая терпеливо все выходы иностранных наглцов, решилась действовать своими настояниями, так как начальство железной

⁴ Грот Я.К. Воспоминания о П.П. Пекарском. / Сборник ОРЯС. 1873. Т. 10, № 9. С. 58–59.

дороги оказалось в этом деле совершенно несостоятельным. Крупные разговоры всех русских, собравшихся из спального вагона, против шести англичан кончились тем, что двум англичанкам оставили их места под тем предлогом, что у них явились каким-то чудом билеты на спальный вагон, а одной, без билета, а также двум англичанам освободили места в том же спальном вагоне, но ближе к выходу. Любопытно знать, что сделали бы в Англии с русским, который бы осмелился так вести себя в публичке и нарушать там правила, утвержденные правительством. В порыве благородного негодования я решился прибегнуть к благородной гласности и начеркал статейку. Я уже ее сгоряча отослал к Коршу³, но теперь уже раскаиваюсь, потому что прежде всегда считал и теперь, хладнокровно рассуждая, считаю глупостью быть обличительным писателем.

В Москве остановился в гостинице Кокорева⁴, за Замоскворецким мостом, бывшего откупщика, обещавшего печатно миллиард в тумане и увы! не умевшего сберечь, как слышно, свои собственные миллионы. Говорят, что он уже распродает свою богатую коллекцию картин. Но гостиница его хороша: безукоризненно чисто, опрятно даже и в моем номере, за который плачу 75 коп. в сутки.

В первый день никого не застал, был по московскому обыкновению обманут извозчиком, а вечер провел в Большом театре. Плохие сцены Островского разуграны были сносно — в них играл самодура Садовский⁵. Затем Сеитов⁶ выкрикивал в 3-ем акте Фенеллы⁷; хор довольно плохо пропел молитву при лунном свете и факелах, за что, в подражание Петербургу, где ее поют безукоризненно, хор был вызван. Вечером, по приезде в номер, я услышал в соседнем номере разговоры какой-то молодежи. Дело шло о правах женщины, о Чернышевском, Писареве, Добролюбова; при этом оказалось, что спорящие стороны отлично знают цитируемых авторов: они почти наизусть приводили речи их; Кирсанов, Базаров и т. д. В Петербурге, живя в моем кабинете, я уже семь лет после моей женитьбы не соприкасался с молодым поколением, но теперь эти споры, эти горячие цитаты показали мне, что точно молодежь бредит Чернышевским и его последователями. Мне кажется, что они возьмут верх со временем, хотя в том, что я слышал, был только набор слов и толчение воды; но они уже тем победят, что переживут людей зрелых, которые на них смотрят или как на фантазеров, или же как на опасных агитаторов.

31 декабря я был счастливее: застал прежде всего в Четрковской библиотеке П.И. Бартенъева⁸, издателя Русского Архива. Разговориться с ним не было возможности, потому что к нему являлись разные посетители с разными глупыми предложениями по части рукописей. Являлся также и известный славянофил Самарин⁹, который поспешил на второй фразе ругнуть Петербург. Из слов Бартенъева я мог только убедиться, что он все еще опасается Петербургского Исторического общества и ущерба своему изданию “Русский Архив”, и даже заявил желание быть членом его, будучи убежден, что с этим званием он может получить право на пользование Государственным архивом. Я уверял его, что Общество Историческое Петербургское само по себе, а Государственный архив сам по себе. Притом его опасения, что издания нового Общества повредят его Русскому Архиву, совершенно неосновательны, так как такие исторические деятели, какими являются в Историческом Петербургском Обществе кн. П. Вяземский, Гамбургер, Половцев, Жомини etc, вовсе не имеют задатков, чтобы поддерживать какое бы то ни было издание¹⁰.

Наконец, от Бартенъева отправился к Сергею Александровичу Соболевскому¹¹, с которым переписывался, но не знал лично. Оказался он толстым, рослым стариком, видимо любившим пожить в свое удовольствие. В четырех комнатах, в которых я был, стояли всюду шкафы, полные книг. Выбор их, расстановка, переплеты — все обличало во владельце их знатока и любителя, к тому же богатого. В особенности у Соболевского богаты отделы географический и библио-

графический на всех европейских языках. Соболевский приятный собеседник, довольно знаменитый в московском и петербургском английских клубах составитель стихотворных экспромтов и поэм скоромного содержания. Он показывал мне, в каком порядке содержит он всю свою переписку: все получаемые им письма разложены в алфавитном порядке, занумерованы, и к ним есть даже указатель. У Соболевского есть много редких книг, которые заставляют биться завистливые сердца библиографов¹².

В то время как я был у Соб[олевского], к нему вбежал господин невысокий, с подстриженными усами и кричавший во все горло — это оказался также библиограф Сергей Дмитриевич Полторацкий¹³. Соболевский смотрит на него свысока и чуть не прямо говорит ему дурака: у него было 9 тысяч душ, он их прожил и теперь бедствует. Соболевскому, как человеку, наделенному практической мудростью, кажется этого довольно, чтобы обвинять Полторацкого в недостатке ума. На меня этот старичок произвел странное впечатление: он вертелся, кричал, читал целые тирады из последнего стихотворения Вяземского, из Заиры Вольтера, бранил большие 8<-го> формата Держав[ина] акад[емические] издания, восхищался Гротом¹⁴ и выходил из себя при воспоминании шрифта Моск[овских] Вед[омостей], при этом уверяя, что там буква “К с алебардой, которую и у полицейских даже отняли!” Я, смеясь, просил дозволения его отвезти это сравнение в Петербург. “Извольте”, — отвечал он скромно, и как-будто только уступая моему желанию. Вообще он оставляет после себя такое же впечатление и усталость, какие чувствуются от трещотки и барабана, в которые долго трещат и стучат маленькие дети. “Я, — кричал мне Полторацкий, — хочу написать статью, в которой скажу, что Академия наук свое прежнее немцелюбие начинает испускать превосходным, прекрасным, несравненным изданием сочинений Державина; теперь, чтобы загладить всю вину окончательно, ей надобно издать...” — “Ломоносова”, — подхватил я. “Нет, если издадите Ломоносова, — возразил серьезно Полторацкий, — то Академию заподозрят в красноте... Нет, надо Карамзина!”...

Мы поехали в Английский клуб в возке Соболевского — двухместном. Полторацкий выпросился третьим и сел между нами. Дорогой он продолжал монологи из Вольтера и выдержки из предисловия к Истории Государства Российского. Где-то на перекрестке Соболевский, все время молчавший, крикнул кучеру остановиться и без церемонии сказал: “Полторацкий, здесь тебе выходить”.

В Английском клубе новое знакомство с Мих[айлович] Ник[олаевичем] Лонгиновым¹⁵. Закадычный друг “Современника” прежних лет, сочинитель похабных стихов, до того славный одно время, что прозывался Барковым XIX века, Лонгинов в последние годы сделался ярким защитником аристократизма, дворянства etc. Почему-то я воображал его себе расплывшимся господином, седым и едва дышащим от жира и негодования на нигилистов; однако на деле оказался хотя и полный, но без седины, мущина с мягкими манерами и голосом. Истинное или поддельное, но только радушие дышало в его обращении со мною. Я тоже поддельвался под общий тон. После обеда Соболевский прохрипел: “Лонгинов, веди его (указывая на меня) в вральню!” Эта комната с покойными диванами (позади библиотеки клубской) знаменита была тем, что в ней ковались преимущественно громы на поражение красных и произносились горячие заклинания растления нынешнего века вообще и петербургского нигилизма в особенности. При мне не произнесено было ни одного слова, ни одного намека о красных — это московская деликатность, — значит, помнят, что я был некогда сотрудником “Современника”.

Там был Федор Мих[айлович] Дмитриев¹⁶, страдавший болезнью многоговорения: он вцеплялся в своего слушателя и душил своими рассказами без милосердия, так что от них надобно отрываться чуть-чуть не насильно. Я его видал

давно и довольно часто у Чернышевского, однако он сделал вид, что видит меня в первый раз, и просил кого-то познакомить меня с ним. Особенно остроумного говорено было мало: только забавны были рассказы о Полторацком, который по секрету, на ухо, но в то же время во все горло кричал, что Вольтер прав, говоря, что нет Бога. Также о Погодине. Он однажды говел и вдруг перед причастием ему вздумалось примириться с врагом своим Каченовским; он просит вынуть заздравную часть за его здоровье и просфору приносит с собою в университет. Там не было Каченовского, и Погодин послал к нему в Цензурный комитет сторожа с просфорой. По обыкновению бестолковый, сторож явился к Каченовскому¹⁷, и прямо начал: “Мих[аил] Петр[ович] говел и вам прислал просвиру”. “Какая просвира, — отвечал, ежась, Каченовский. — Я ничего не знаю и не понимаю. Ешь ты ее сам!” Сторож было ушел, но сидевший тут же Снегирев¹⁸ язвительно заметил: “Бывали примеры отравления в кушанье”. “Сторож, сторож, — вскричал взволнованный Каченовский, — не ешь просвиры, брось ее скорее, брось!”

Я не преминул съездить к Погодину¹⁹, жившему на Девичьем поле у самого монастыря в плохом деревянном доме, известном в Москве всем от мала до велика. Входя к нему в кабинет, идешь через несколько полутемных комнат, в которых шкафы с книгами, витрины с разными автографами, вещами, портреты по углам, рамы... Все это напоминало сильно антикварную лавку. Но тем не менее, увидав Погодина в этой обстановке, я понял, что у него, несмотря на его алчность к стяжаниям и даже надувательству, есть тот священный огонек, который просвечивает в некоторых его произведениях, выказывается иногда и в его благородных вспоможениях то славянам, то писателям. Скуповатый и алчный к деньгам, он часто бросал их даром на ветер. Зная все это, я поспешил заявить ему, что остаточные деньги по II-му Отделению Академии наук положено у нас разделить не только между наличными членами отделения, но включить и его за биография Карамзина и произнесение речи на юбилее в число их. Приходится на каждого рублей по 300. Погодин растаял и с любопытством спрашивал: утвердил ли это Литке²⁰? Я сказал, что да, но не знаю, сделает ли это министр народного просвещения²¹.

Погодин мне поверил по секрету, что он остался недоволен представлением своими государю, государыне и наследнику, чего он усиленно добивался; однако его встретили и проводили во дворце общими местами, а неугомонный и еще пылкий старик думал, что там с ним станут говорить о значении идей Карамзина для наследника и пр.

Перед столом Погодина на стене развешены портреты, во-первых, тех людей, которых он то чтит с детства, то обожал в молодости, то был дружен в зрелых летах. Прекрасный портрет сурового Шлецера²², подаренный Погодину сыном его (на нем изображен был по приказанию старика Шлецера 4-й степени Владимир величиною с большую звезду, но сын велел крест уменьшить до настоящего его размера, чтобы не возбуждать насмешек потомков против его отца), потом Руссо, г-жа Сталь, Наполеон, Карамзин, Ломоносов, Петр Великий, потом Веневитинов, С.Аксаков, Хомяков, Киреевский и др. Все они размещались кругом письменного стола Погодина, и эта галерея портретов, часто весьма плохих, делает большую честь сердцу их владельца. У Погодина начинается галерея портретов масляными красками русских писателей, так напр[имер] Ломоносова в красном кафтане, совсем другого характера, чем все известные его портреты; тут он очень похож на бюст, который у нас в Академии. Есть и другие очень замечательные, но большая часть, надо сознаться, состоят из весьма плохих копий. Есть также хороший подлинник истории князя Мих[аила] Щербатова²³.

Погодин так под конец разговорился со мною, что предлагал мне переехать

из гостиницы к нему на житье, но я отговорился, хотя он мне и представлял, что я буду помещен в комнате, рядом с которой другая, где останавливался Гоголь.

На другой день я опять был у Погодина; принят был чрезвычайно приветливо его женою и слушал со всем семейством чтение драматической былины Чаева “Свекровь”, которую читал сам автор²⁴, и очень хорошо. Погодин был в восхищении и только находил не русским то, что князь Михаил зарезывается, узнав о неожиданной смерти молодой жены. В былине Рыбникова, откуда заимствован сюжет, князь разбивается о камни, что перевести на сцену Чаев не счит удобным. От Погодина к Соловьеву ... Какая разница! Последнего застал по обыкновению за его “Историю России”, которой поставять по одному тому в год он как-будто бы законтраковался с судьбою. В кабинете все прибрано, все на месте; библиотеки не видать, но зато высятся груды приготовленных к продаже экземпляров Истории России; на стенах три официальных портрета великих князей, которым преподавал профессор историю. Сдержанно-приветливый прием, ни одного слова лишнего, никому особенной хвалы, никому особенного осуждения — вот разговор Соловьева. Я, чтобы расшевелить его, прямо спросил, что за причина его разлада с Погодиным? Ровно и довольно обстоятельно, без вспышек, он рассказал всю историю. Еще в детстве Соловьев пристрастился к чтению Истории госуд[арства] Рос[сийского]; в университете Погодин читал небрежно и бессвязно: сначала по книге перевода Бодянского Древности славянские Шафарика²⁵; потом свои две диссертации о пришествии варягов и Несторе, затем читал по Карамзину. Соловьев иногда делал замечания и тем обратил на себя внимание Погодина. Первый, по окончании курса, уехал на свой счет за границу и там получил приглашение от гр[афа] Строганова²⁶ возвратиться в Москву для занятия кафедры истории, так как Погодин от нее отказался. Когда Соловьев приехал и стал писать диссертацию, то оказалось, что Погодину снова захотелось поступить в университет, который он покинул по неудовольствиям с гр[афом] Строгановым. Диссертацию Соловьева, по неимению историка в университете, послали на суд Погодина, который отозвался, что она, как магистерская, хороша, но для профессорства, как сказал он лично Соловьеву, не годится. Но Кавелин и Грановский²⁷ нашли ее превосходною. Первый с обычною своею восторженностью превозносил, что с этою диссертациею начинается новая эпоха в русской исторической литературе. Погодин, не нравившийся гр[афу] Строганову, окончательно был оттерт от университета, так как за него стоял один только его друг Шевырев²⁸. Завистливый к другим, тогдашний декан фил[ософского] ф[акультета] Иван Давыдов²⁹ был очень рад, что Погодину не удалось возвратиться на кафедру истории.

Любопытен во многих отношениях также новый мой знакомец Владимир Ив[анович] Даль. Много он пересмотрел и перепробовал на своем веку. Моряк, медик, инженер, бюрократ, беллетрист и, наконец, филолог — Даль везде и во всех этих званиях умел выдвигаться из толпы и быть замеченным. Меня, как академика, встретил он жалобами на Академию: Второе отделение ее когда-то поручило ему обработать для словаря букву М, потом переменило на Н; он проработал 8 месяцев, и ему было затем отказано, так что труд пропал. Это было во времена владычества в Отделении Ивана Давыдова; во всяком случае, чтобы проверить Даля, необходимо посмотреть длинную переписку. Гораздо он занимательнее, когда рассказывает о своих приключениях. В первый раз он стал собирать материалы для Словаря в 1819 г., записав в Псковской губернии слово *замоложавить*, т.е. когда начинает заволакиваться небо и наступает ненастная погода. По его объяснению выходит, что у народа поверье, что когда месяц *молод*, то должен купаться, для чего и бывает ненастье. Даль живет очень скромно и даже скуп для себя самого: на нем был сюртук, сшитый, наверное, 1845 году. Все это он делает для семьи своей. Он мне говорил, что получает тысячу с неболь-

шим пенсии, да процентов с накопленного им капитала тысяч до трех. На издание Словаря его, который он уже оканчивает, Кошелев³⁰ заимообразно дал 3000 р. в виде ссуды Обществу любителей российской словесности. Затем, когда эти деньги были истрачены, то подвернулся с своими услугами бывший подчиненный Далья министр народного просвещения Головин³¹, который выхлопотал из казны 5 тысяч рублей. Затем остальные 3 тысячи рублей, нужные на издание, покрываются из денег, выручаемых от продажи отдельных выпусков Словаря. Печатано всего 1800 экземпляров. Первого выпуска на 1867 год разошлось 900 экземпляров; прочих менее. Даль ужасно самолюбив. Однажды в статье своей Срезневский³² намекнул, что у него есть один приятель, сочиняющий сам слова и выдающий их за употребительные. Даль тотчас принял это на свой счет и требовал письменно от Срезневского объяснения, но тот, по своей увертливости, не хотел отвечать прямо, и за то Даль считает его своим врагом. Я по возможности старался разуверить его и говорил, что Срезневский в своей статье намекал на другого, но Даль, кажется, мало тому поверил. Барتنев мне сказывал также, что он верит в общение с духами; что для того ведет переписку с какою-то большою девушкою в Нижнем Новгороде, которую даже спрашивает о вопросах политики и проч.; что выписывает множество английских книг по этой части, и вообще это его слабое место. Соболевский с Лонгиновым подтвердили это; но мне Даль о спиритизме не проронил ни слова.

Я ездил в Троице-Сергиевскую лавру. Первый визит был к Александру Васильевичу Горскому³³ — этому первому холостому белому священнику в России; он ректором Духовной Академии; принял меня кислосладко, ни шатко, ни валко, с обычною фразою: “Я давно вас знал по вашим сочинениям”. Мне казалось, что он меня принимает сдержанно, провидя малую мою веру в некоторых моих печатных трактатах, но после мне объяснили, что он, как человек в высшей степени набожный, не хотел развлекаться со мною мирскими разговорами, так как готовился к служению литургии (дело было в Крещенский сочельник).

Я потом пошел в собор, где мощи св. Сергия. Их совсем не видно, и целуют серебряный покров или пелену. Приложившись к пелене и также побывав в келье чудотворца, где также прикладывался по команде отставного солдата к разным предметам, я остановился около монашеского хора, и большая часть физиономий монахов, полных и дышащих здоровьем, показались мне не очень изнуренными; у послушников на лицах была видна какая-то наглость и тупость.

После обеда пошел знакомиться с Ник[олаем] Иван[овичем] Субботиным³⁴, который так часто является в “Русском Вестнике” с статьями о расколе. Он намекнул мне, что недавнее обращение раскольников архiereев было главным делом его рук. Малый он, видимо, сметливый и толковый, хотя, быть может в качестве семинариста, не совсем деликатный в полемике. Он печатно указал, что Прохорова “Христианские Древности” издаются в видах раскольников, и это в то самое время, когда на Прохорова³⁵ воздвигнуто было гонение новгородского вице-губернатора из поляков гр[афа] Чапского за то, что тот в разъезды свои по Новгородской губернии сочинил для раскольников какую-то жалобу на местное начальство. Но вот справедливость пословицы, что в чужом глазу мы видим и соломинку. Тот же Субботин рассказывал мне, что литографированное в лавре Житие св. Сергия ныне припрятано и не продается, так как известный арх. Порфирий³⁶ “по невежеству” (слова Субботина) донес москов[скому] митрополиту, что это Житие пускается в ход в подтверждение раскольнических суемудрий. В миниатюрах представлено везде двоперстное сложение, отстаиваемое староведами. “Как можно так говорить, — прибавил Субботин, — Напротив, такими изданиями можно внушить доверие к себе и тем приблизить их к православию!” Субботин с сожалением сказал, что Горский, сделавшись ректором, погряз совершенно в текущих мелочных делах по экономии Академии. Кроме того, он, по

старинному семинарскому обычаю, взятому из польских иезуитских школ, будучи ректором, может только читать самую почетную науку, т.е. богословие. Таким образом церковная история, в которой Горский так силен, оставлена им в стороне. Знаменитое описание синодальных рукописей предоставлено исключительно одному Невоструеву³⁷, который далеко не так силен в предмете, как Горский.

Субботин при случае рассказал, что мой ученый друг Н.С.Тихонравов³⁸ решительно приобретает известность охотника заживать казенные и частные рукописи и что потому ему уже не дают их. В Москве я услышал немало о проделках Тихонравова. Общество любителей российской словесности вознамерилось издать Кантемира по рукописям его. В одно из заседаний Общества являлся Тихонравов и говорит, что Катковская типография (т.е. университетская) просит задатку за печатание Кантемира 200 р.; при этом он представил и расчет довольно высокий. Соболевскому, Лонгинову и другим показалось невероятным, что типография требует задатка с общества, которое существует при университете, и притом представила такой высокий расчет. Навели справки, и оказалось, что никогда типография даже не думала требовать задатка и весь расчет принадлежал фантазии Николая Савича. Это рассказы Соболевского и Лонгинова.

Недурен также и рассказ о нем же Погодина: симбирский помещик Ниротворцев, женатый на племяннице Карамзина, привозил к Погодину на воспитание сына своего и, чтобы расположить педагога и собирателя в свою пользу, дал ему кипу писем историографа к его брату Федору Михайловичу³⁹. Прошло потом несколько лет. Ниротворцев приехал за сыном и стал просить о возврате подлинных писем. Погодин без церемоний объявил, что он полагал, что они отданы ему насовсем. Ниротворцев, чтобы помирить обе стороны, взял одну половину писем до 1800 г. себе, а другую подарил Погодину. Этот и не подумал, по своей беспечности, списать первой половины и по времени самой важнейшей для биографии Карамзина, а подлинники писем Ниротворцев чрез несколько времени утратил. Уцелевшие у Погодина письма поступили с его Древлехранилищем в Петерб[ургскую] Публичную библиотеку, и там списаны, а потом и изданы Колбасиным⁴⁰ в Атене. По издании в свет биографии Карамзина вдруг к Погодину является Тихонравов и, попросив у него извинения, вручил ему копии первой половины писем Карамзина. Когда они были у Погодина, он учил сыновей его и, крадуясь, списал для себя копии. Тоже сделал было он и с перепискою Ростопчина, с тою только разницею, что принял было и печатать ее, не спросив согласия ни Погодина, ни наследника Ростопчина. Его однако остановили со скандалом.

Соболевский и Лонгинов много сообщили рассказов о патриархальных отношениях московских литераторов между собою. К Сушкову⁴¹ обыкновенно при каждом появлении в свет его творений посылаются от Соболевского и Лонгинова безыменные стихотворные эпиграммы; в них участвовал, когда был жив, Мих[аил] Ал[ександрович] Дмитриев⁴². Над Сушковым все смеются, однако на их *jours fixes* съезжается вся Москва. Стол там не играет важную роль; напротив, все съедобное там подозрительного свойства, так что жена Лонгинова, отпуская его к Сушковым, предупреждает ничего не есть: "Помни, что у тебя есть дети!"

Библиографические причуды москвичей довольно эксцентричны: гр. Ростопчин⁴³ материалы для биографии своего отца напечатал в числе 12 экземпляров, и здесь разруган Сергей Дмитриев[ич] Полторацкий, о котором говорится как об умершем, хотя он здравствует. Другую книгу он же напечатал под заглавием "Czingis Chan"⁴⁴ в числе 50 экземпляров; здесь много резких выходок против разных личностей по поводу библиографических описаний! У Соболевского

в его домашнем архиве сохраняются не только все полученные им когда-либо письма, но также его счета, даже паспорта заграничные и пр.! Все это разбирать завещается Лонгинову.

Барتنев мне уступил несколько изданий печатных из Чертковской библиотеки, которые там были дублетами. Я обязан вознаградить за то приношением туда имеющихся у меня рукописей и автографов Пушкина, кн. Вяземского и Ив. Дмитриева. Барتنев только один из московских решился меня спросить о том, о чем все мои московские новые знакомцы, конечно, помышляют не без некоторого содрогания: “Вы были другом Чернышевского? — Другом не был, отвечал я со всею искренностью, — но в первое время моего знакомства с ним, признаюсь даже теперь, находился под его влиянием. Оно выразилось у меня тем, что по его совету я, вместо жиденького каталога à la Геннади⁴⁵ Петровских книг, составил подробное им описание; по его же настоянию у меня составила и первая часть, которой я никогда не предполагал обработать. — Если уж начали делать, так надо делать не кое-как, а прочно”. Послушавшись его, я с каждым годом более входил в мою работу, оставил прежние знакомства и редко стал бывать и у Чернышевского. Усидчивые занятия были причиною, что мы стали холоднее друг к другу, и последние бурные три года его жизни для меня уже не были известны. Он скрывался передо мною, но так ловко, что уже об этом узнал, когда в публике сделались известны главные пункты обвинений против него...

Виделся с Алексеем Егоровичем Викторovým⁴⁶, библиотекарем в Публичном Румянцевском Музее. Он из разряда честных московских ученых, для которых наука составляет все, а прочее — грязь. Все его помыслы обращены на увеличение книжного и рукописного запаса Музея. Библиотека Ундольского⁴⁷, знаменитая по разнообразию и сохранности рукописей, поступила наконец туда единственно благодаря хлопотам и всякого рода маневрам Викторова. Прежний директор Музея Исаков⁴⁸ обращал на его расширение внимание, хотя и не знал ни в чем толку. Нынешний же Левшин⁴⁹ только тормозит все дело и, по рассказам Викторова, допускает злоупотребления. Весь Музей отдан в распоряжение француза, смотрителя дома: он на Левшина поставляет дрова, делает для него хозяйственные закупки и за то занял огромное помещение в Музее, в котором держит и мужской и женский пансион. Левшин, к ужасу Викторова, иногда называет сокровища Музея хламом. Однажды он выразился так и Ундольскому, когда тот был еще жив и торговался с ним о своей библиотеке. Суровый Ундольский отвечал: “Как же вы можете так отзываться о моей библиотеке, когда не знаете, Ваше превосходительство, сами толку в том?” Заметить кстати, что Ундольский стоял по учености гораздо выше многих современных ученых, которые однако, по ловкости и интригам, пользовались большею, чем он, известностью. Ундольский с пеной у рта вспоминал, сколько трудов и убеждений стоило ему убедить Погодина и Бодянского напечатать его статьи в Московитянинне и Чтениях. Ни тот, ни другой не считали Ундольского достойным быть их сотрудником, а между тем эти статьи и теперь считаются знатоками за классические по своей основательности и учености.

Кстати о Бодянском. И он, этот мастодонт славянства, полагает, что его Чтения следует так же редактировать, как “Русский Вестник” Каткова. Последний считает очень полезным для себя поддержку высшего дворянства и иногда льстит ему. И Бодянский, в подражание ему, начал ездить к Сушкову и Шипову⁵⁰, а те в историческом издании помещают за то современную дребедень своего собственного, весьма плохого изделия. Катков заботится о легкости и доступности статей. И что же? Неуклюжий Бодянский теперь проповедует, что он убил бы свои чтения, если бы поместил в них какое-нибудь ученое описание рукописей, и что потому он никогда этого не сделает! Таков этот московский глупокомысленный славист, и, по милости эдакого воззрения, он уже несколько лет

не печатает прекрасный каталог рукописей Троицкой Лавры, сост[авленный] Леонидом⁵¹, на что мне жаловался и Горский, и Субботин.

Сегодня, 10 января, 1867 г., я удаляюсь из Москвы и спешу сделать те заметки, которые приходят человеку, не выдавшему первопрестольного града 8 лет. В этот промежуток времени московский обычай говорить прислуге, по крайней мере трактирной, *ты*, и притом повелительным тоном, исчез; простой народ, шутя и серьезно, при всяком случае говорит, что пойдет судиться к мировому. Все новое. Старого, отличного от Петербурга, осталось: высокое мнение о себе москвичей, ужасающее богатство и разнообразие уличной брани с примесью имени матери. Я слышал, как один десятилетний мальчик говорил другому: “Я тя по х.. в землю вколочу!” Мужик укорял другого: “У тебя жена щи варит с п.....!” Не хочу заканчивать своих беглых заметок этой похабщиной, которую, впрочем, здесь многие любят и из классов повыше среднего.

В Музее я осматривал, между прочим, собрание книг гр[афа] Гурьева: он разорился и продал их с домом купцу Гучкову. Этот не знал что делать с книгами и пожертвовал их Музею, где убедили его сделать [для] них на свой счет и шкафы дубовые. За все это получил Гучков орден Анны 3-й степени и хвалился потом приятелям, что он надул начальство, получив за разный хлам такую значительную награду.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 29 декабря 1866 г. на торжественном собрании имп. Академии наук с отчетом за 1866 год по отделению русского языка и словесности выступил ординарный академик Александр Васильевич Никитенко (1804-1877). На этом же заседании адъюнкт Владимир Павлович Безобразов (1828-1889) произнес речь “О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе”, в августе следующего года он был избран в экстраординарные академики.
- ² Катков Михаил Никифорович (1817 или 1818-1887) — публицист, редактор журнала “Русский вестник”.
- ³ Корш Валентин Федорович (1828-1883) — редактор ежедневной, очень популярной газеты “Московские ведомости”. Вероятно, упоминаемая заметка отвечала духу отдела “Провинциальные письма”.
- ⁴ Кокорев Василий Александрович (1817-1889) — промышленник, публицист, автор статьи “Миллиард в тумане” (1859).
- ⁵ 30 декабря 1866 г. П.П. Пекарский посетил Малый театр, на сцене которого в этот день шла пьеса “Тяжелые дни. Сцены из московской жизни в 3-х акт.” А.Н. Островского. Роль купеческого сына Тита Титыча Брускова играл Пров Михайлович Садовский (1818-1872).
- ⁶ Сеитов Иосиф Яковлевич (1826-1893) — оперный певец, антрепренер, выступал на сценах оперных театров Москвы и Петербурга.
- ⁷ В тот же день, 30 декабря 1866 г., Пекарский слушал в Большом театре, вероятно, с третьего действия, оперу Ф.Обера “Немая из Португи”; Фенелла — главная героиня. В России эта опера была допущена к постановке с 1857 г. под названием “Палермские бандиты”.
- ⁸ Бартнев Петр Иванович (1829-1912) — историк, археограф, с 1863 г. — издатель и составитель исторического журнала “Русский архив”, в 1859-1873 гг. руководил Чертковской библиотекой, позднее вошедшей в состав Государственного исторического музея. П. Пекарский ошибочно называет его Бартеиьевым.
- ⁹ Самарин Юрий Федорович (1819-1876) — историк, публицист, общественный деятель.
- ¹⁰ Русское историческое общество было создано в мае 1866 г. в Петербурге. Шел первый год его существования, будущая издательская деятельность общества была только в проектах, поэтому Пекарский не видел в нем конкурента изданию Бартнева. Председателем Совета общества был избран кн. П.А. Вяземский, секретарем — А.А. Половцов; А.Ф. Гамбургер, А.Г. Жомини были среди двенадцати членов — основателей общества.
- ¹¹ Соболевский Сергей Александрович (1803-1870) — писатель, библиограф, библиофил.
- ¹² Библиотаф (греч. *bibliopion* — книга, *taphos* — могила) — тип библиомана, у которого инстинкт собственника приобрел уродливую форму.
- ¹³ Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803-1884) — библиограф, собиратель автографов.
- ¹⁴ Грот Яков Карлович (1812-1893) — историк литературы, языковед, подготовил девятитомное, первое в России академическое собрание сочинений Г.Р. Державина с прекрасным справочным аппаратом, разнообразным комментарием, которое стало образцом для такого ряда изданий. Полторацкому не понравился только формат издания.

- 15 Лонгинов Михаил Николаевич (1823-1875), критик, поэт-любитель, библиограф.
- 16 Дмитриев Федор Михайлович (1829-1894) — публицист, историк права, профессор юридического факультета Московского университета. Оценка его Пекарским очень субъективна. Дмитриева современники высоко ценили как высоко культурного человека, прекрасного рассказчика, остроумного лектора.
- 17 Каченовский Михаил Трофимович (1775-1842) — историк, литературный критик, с 1835 г. возглавлял кафедру истории и литературы славянских наречий, с 1837 г. ректор Московского университета.
- 18 Снегирев Иван Михайлович (1793-1868) — этнограф, искусствовед, профессор Московского университета по кафедре латинского языка и римских древностей.
- 19 Погодин Михаил Петрович (1800-1875) — историк, писатель, журналист; с 1841 г. академик.
- 20 Литке Федор Петрович (1797-1882) — граф, адмирал, географ и мореплаватель, в 1864-1882 гг. президент Академии наук, организатор Русского географического общества.
- 21 Министром народного просвещения с 1866 г. был Дмитрий Андреевич Толстой (1823-1889).
- 22 Шлецер Август Людвиг (1735-1809) — немецкий историк, в 1780-е годы работал в России, наиболее известен его пятитомный труд “Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, слышные, переведенные и объясненные”.
- 23 Портреты М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, С.Т. Аксакова, поступившие в Публичную библиотеку одновременно с Древлехрамлицем М.П. Погодина, в настоящее время украшают залы ОР РНБ.
- 24 Чаев Николай Александрович (1824-1914) — популярный драматург, заведовал репертуарной частью в московских театрах.
- 25 Бодянский Осип Максимович (1808-1877) — славист, профессор Московского университета, читал курс по славянской истории и литературе, перевел на русский язык труд П. Шафарика “Славянские древности” (Т. 1-2, М., 1837-1848).
- 26 Строганов Сергей Григорьевич (1794-1882) — граф, государственный деятель, попечитель Московского учебного округа (1835-1847) — в 1837-1874 гг. председатель Московского общества истории и древностей российских (при Московском университете) — в 1859-1860 Московский генерал-губернатор.
- 27 Кавелин Константин Дмитриевич (1818-1885) и Грановский Тимофей Николаевич (1813-1855) — историки и общественные деятели.
- 28 Шевырев Степан Петрович (1806-1864) — историк литературы, поэт, критик, профессор Московского университета.
- 29 Давыдов Иван Иванович (1792 или 1794 — 1863) — философ, лингвист, профессор, возглавлял кафедру русской словесности Московского университета, в 1851-1859 гг. председатель 2-го отделения Академии наук (русского языка и словесности).
- 30 Кошелев Александр Иванович (1806-1883) — публицист, издатель журналов “Русская беседа”, “Сельское благоустройство”.
- 31 Головин Александр Васильевич (1821-1886) — член Государственного совета, министр народного просвещения (1861-1866).
- 32 Срезневский Измаил Иванович (1812-1880) — славист, декан историко-филологического факультета Петербургского университета, академик.
- 33 Горский Александр Васильевич (1812-1875) — историк церкви, археограф, филолог, профессор церковной истории в Московский духовной академии, одновременно был в 1842-1862 гг. библиотекарем, с 1862 г. ректор Академии, в 1864 г. избран доктором богословия.
- 34 Субботин Николай Иванович (1827-1905) — историк церкви, профессор Московской духовной академии.
- 35 Прохоров Василий Александрович (1818-1882) — археолог, этнограф, писатель, преподаватель истории древнего русского искусства в Академии художеств, в 1862-1877 гг. издавал журнал “Христианские древности и археология”.
- 36 Успенский Константин Александрович (в монашестве Порфирий) (1804-1885) — археограф, палеограф, историк православной церкви, с 1865 г. — епископ Чигиринский.
- 37 Невоструев Капитон Иванович (1815-1872) — филолог, археограф, после окончания Московской духовной академии служил в Симбирске, откуда в 1849 г. А.В.Горский пригласил его в Москву для описания рукописей синодальной библиотеки, труды его являются значительным вкладом в русскую и славянскую археографию.
- 38 Тихонравов Николай Саввич (1832-1893) — археограф, историк русской литературы, в 1859-1889 гг. возглавлял кафедру истории русской литературы в Московском университете.
- 39 Речь идет о письмах Василию Михайловичу Карамзину. Пекарский ошибается, как и в передаче фамилии родственника Н.М. Карамзина: на письмах, которые были у М.П. Погодина (ОР РНБ. Ф.588. Погодинские автографы, № 256) — имеются пометы Д. Ниротворцева. Часть писем Н.М. Карамзина брату Василию Михайловичу за 1795-1798 гг. в настоящее время хранится в фонде Н.М. Карамзина ОР РНБ. Ф.336. № 9).
- 40 Колбасин Елисей Яковлевич (1832-1885) — писатель, историк литературы.
- 41 Сушков Николай Васильевич (1796-1871) — драматург, поэт.

- ⁴² Дмитриев Михаил Александрович (1796–1866) — поэт, переводчик, литературный критик, автор мемуаров “Главы из воспоминаний моей жизни”.
- ⁴³ Ростопчин Андрей Федорович (1813–1892) — библиофил, младший сын Ф.В. Ростопчина. Пекарский упоминает издание: *Materiaux en grande partie inedites, pour la bibliographie future du Comte Theodore Rastapchine, rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires. Bruxelles, 1864.*
- ⁴⁴ Пекарский упоминает каталог, полное название которого: *Gensiskhana. Pour comprendre ce titre, lisez la note du N 468. Catalogue anecdotique, bibliographique, biographique et facetieux des livres de la bibliothèque du Comte André Rastapchine; accompagné d'une vinaigrette de notes, la plupart maisonnantes, pour les morts comme pour les vivants. Dedié a mon maître en bibliographie S.S. [Sobolevsky]. Bruxelles, Mars 1862.* Рукописный оригинал каталога хранится в настоящее время в Отделе рукописей РНБ, шифр: Фр.Ф.XVIII. N 22.
- ⁴⁵ Геннадий Григорий Николаевич (1826–1880) — библиограф, историк литературы.
- ⁴⁶ Виктор Алексей Егорович (1827–1883) — библиограф и археограф, с 1862 г. хранитель отделения рукописей и старопечатных книг Московского публичного и Румянцевского музея.
- ⁴⁷ Ундольский Вукол Михайлович (1815–1864) — библиограф, собиратель памятников славянской письменности.
- ⁴⁸ Исаков Николай Васильевич (1821–1891) — генерал, один из организаторов Московского публичного и Румянцевского музея, с 1859 г. — попечитель Московского учебного округа, с 1861 г. начальник Главного управления военно-учебными заведениями.
- ⁴⁹ Левшин Дмитрий Сергеевич (1801–1871) — генерал-лейтенант, попечитель Московского учебного округа, директор Московского публичного и Румянцевского музея
- ⁵⁰ Шипов Сергей Павлович (1790–1876) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член многочисленных общественных и ученых учреждений и обществ.
- ⁵¹ Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин, 1822–1891) — архимандрит, историк, археограф, библиограф.

ГРАФ С.Д. ШЕРЕМЕТЕВ О КОРОНАЦИИ АЛЕКСАНДРА III В МОСКВЕ

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918), флигель-адъютант, являлся истинным москвичом по духу и недолюбливал чиновный, бюрократический Петербург. Поэтому он придавал особое значение визитам царствующего лица в Москву, первопрестольную столицу России. По мнению С.Д. Шереметева, император Александр III вполне отвечал идеалу русского монарха и был последним настоящим царем – продолжателем лучших традиций отечественной истории. Хотя государю нечасто приходилось бывать в Москве, каждое “высочайшее” посещение получало резонанс, определенным образом характеризовало самого императора и его окружение, а также московское великосветское общество того времени.

В альманахе “Российский архив” приняты к печати мемуары Шереметева об Александре III. Публикуемые ниже записи представляют собой подготовительные материалы к этим воспоминаниям, однако не лишены самостоятельного интереса, включают больше подробностей по сравнению с окончательным вариантом. С.Д. Шереметев не ставил перед собой цель дублировать официальное описание коронации Александра III¹, как и позднее – Николая II². Его личное участие ограничивалось обязанностями начальника придворной певческой капеллы (1883–1894). О тщательности подготовки коронации свидетельствует довольно продолжительный период, предшествовавший этой церемонии: она состоялась через два года после вступления Александра III на престол – 21 мая 1883 г. (Александра I, например, короновали в год вступления на престол, Александра II –

¹ Описание священного коронования их императорских величеств Государя императора Александра Третьего и Государыни императрицы Марии Федоровны всея России. СПб., 1883.

² “Картина была потрясающая!” (Из дневника С.Д. Шереметева о коронации Николая II) / Публ. Л.И. Шохина // ОА. 1996. № 1. С. 84–90.

через год). В 1888 г. Александр III проездом побывал в Москве, возвращаясь после отдыха на юге, где его сопровождал С.Д. Шереметев. Последний раньше покинул свиту и потому не оказался в том поезде, который потерпел крушение в Борках. Сергей Дмитриевич как предводитель дворянства Московской губернии организовал торжественную встречу государя³. В 1891 г. Александр III побывал на французской выставке в Москве, сыгравшей определенную роль в укреплении русско-французского сотрудничества⁴.

В ходе приготовлений к коронации и во время последующих приездов Александра III в Москву Шереметев неизменно обращал его внимание на все, что так или иначе связано с российской историей и памятниками прошлого. Интересно посещение Исторического музея в 1891 г., описанное Шереметевым. «После отдыха за Азиатской комнатой, где прекрасно устроена восточная улица с лавками, осмотр Исторического музея – довольно скучный. Коллекция подозрительных икон Постникова⁵, Забелин⁶ и Щербатов⁷ налицо. Под конец расшевелились. Государю показывали портреты Царской семьи и между прочим какой-то неизвестной, которую выдавали за Императрицу Екатерину I. Государь подозвал меня: “Граф Шереметев, разве это Екатерина I?” Я ответил, что нет. Потом по окончании осмотра, проходя мимо меня, сказал: “Это напоминает мне одного француза, который, осматривая такую выставку, сказал: “Rim que la Sainté famille et la portraits de personnes que je ai jamais connus!”⁸. Попали в верхний этаж, где расположена Чертковская библиотека⁹ вместе с Голицынской¹⁰. Пора было поставить на ее место, но зачем на такой высоте? Мне показалась она хорошо устроенной, но мертвою. Не то, что в Чертковском доме. Отсюда зашли в небольшую круглую комнату, названную комнатой Достоевского. Почему такая честь одному ему? В ней немного – портреты его, книги. Государь недолго здесь останавливался, но газеты подчеркнули это посещение. Все шито белыми нитками. Государь сказал мне: “Вот путешествие в Индию, оно издано Вашим обществом”. Он говорил о Козьме Индикоплове¹¹. Забелин довольно подобострастно заметил, что Общество древней письменности издало по рукописи лучшей, чем та, которая у них. Все порядочно устали. Императрица все время казалась безучастною»¹².

Впоследствии С.Д. Шереметев проявлял такой же интерес к истории, выступая перед Николаем II ходатаем по делам ученых, научно-исторических обществ и учреждений¹³.

³ Шереметев С.Д. Москва 20 октября 1888 г. Приезд Государя после крушения поезда в Борках // РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5284. Л. 1–8. Машинопись.

⁴ Шереметев С.Д. Приезд Государя в Москву в мае 1891 года // Там же. Д. 5279. Л. 1–10. Машинопись.

⁵ Постников Андрей Михайлович – коллекционер, поставщик императорского двора.

⁶ Забелин Иван Егорович (1820–1909) – товарищ председателя Российского Исторического музея вел. кн. Сергея Александровича (1857–1905).

⁷ Щербатов Николай Сергеевич (1853–?) – князь, егермейстер, чиновник особых поручений при председателе Российского Исторического музея, после смерти вел. кн. Сергея Александровича стал управляющим музеем (Историческому музею присвоили имя императора Александра III).

⁸ Ничего, кроме святого семейства, и портреты лиц, которых я никогда не знал (пер. с франц.).

⁹ Чертковская библиотека собрана историком Александром Дмитриевичем Чертковым (1789–1858), подарена Москве в 1872 г.

¹⁰ Голицынская библиотека собрана князем Михаилом Александровичем Голицыным (1804–1860).

¹¹ Козьма Индикоплевст – византийский купец из Александрии, постригся в монахи, автор известного географического труда, написанного между 535 и 547 гг. ОЛДП (председателем которого с 1888 г. являлся С.Д. Шереметев) издало факсимиле с рукописного списка XVI в. (СПб., 1886) с воспроизведением многочисленных миниатюр.

¹² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5279. Л. 7–8.

¹³ См.: А.П. Барсуков об аудиенциях у Николая II (письма А.П. Барсукова к графу С.Д. Шереметеву) / Публ. Л.И. Шохина // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 331–339; “Пошлая легенда о том, что Годунов убил царевича Димитрия”: Письма Н.М. Павлова С.Д. Шереметеву / Публ. Л.И. Шохина // Источник. 1996. № 1. С. 4–15 (тоже описывается аудиенция у Николая II, устроенная с помощью С.Д. Шереметева); Шохин Л.И. С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 191–222.

Недавно в разных периодических изданиях появились отрывки из воспоминаний С.Д. Шереметева, подобные публикуемым ниже¹⁴, но до полного и всестороннего освоения всего его личного фонда, хранящегося в РГАДА, еще далеко.

Л.И. Шохин

¹⁴ “Государь действует твердо и неуклонно...”: Очерк графа С.Д. Шереметева об императоре Александре III / Публ. Л.И. Шохина // ИА. 1994. № 4. С. 196–206; “Воцарившийся государь ни для кого не был сфинксом” (воспоминания С.Д. Шереметева о начале царствования Александра III) / Публ. Л.И. Шохина // ОА. 1996. № 4. С. 56–70.

КОРОНАЦИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III 1883 г.

(воспоминания)

По случаю болезни старшей дочери моей Анны¹ я не могу приехать в Москву, как то было указано флигель-адъютантам, назначенным состоять при Государе² во время коронации. Пришлось выехать после Государя. Вместе со мною поехала Анна Алексеевна Ш[ереметева]³ и сын Петр⁴, только что оправившийся от легкого дифтерита. Выехали мы в Москву на втором курьерском поезде, среди необычайной суеты, в вагонах, битком набитых пассажирами, спешившими в Москву ко дню торжественного въезда.

В Москве при встрече поезда было чрезвычайное оживление. Чины Министерства иностранных дел встречали своего начальника – Н.К. Гирса⁵. Казаки Государева конвоя виднелись^{1*} повсюду, на задах красовались флаги, везде заметны были приготовления к иллюминации. На лицах какое-то возбужденное настроение. И Москва мне показалась совсем иною. Не скрою приятного чувства, когда, усевшись в дорожную коляску с Львом Карловичем Эйсымонтом⁶, мы покатали в Кусково (Петр ехал сзади в карете), причем поехали “на ключик”. В Кускове все показалось так свежо, и воздух такой чистый после городской пыли. Устроились мы отлично с старшими сыновьями⁷ в Швейцарском доме. Петр пока отдельно из предосторожности в Итальянском. Недолго, однако, удалось спокойно прожить в Кускове. Вскоре приехали гости: Принцесса Мария Баденская⁸ с сестрою Пр[инцессой] Евгениею Максимилиановною⁹ и с Принцем Александром Петровичем¹⁰, которым пришлось показывать Кусково. На другое утро получаю одновременно две депеши: одну из Петербурга с тревожными вестями о здоровье Анны, другую от Министра Двора¹¹, чтобы я ехал к Государю в 12 1/2 час., а оттуда к нему. Я только что перед этим получил официальный рапорт от М.А. Балакирева¹², что в Придворной капелле появился дифтерит, и о смерти двух мальчиков, свеженных в Голицынскую больницу. В 10 часов утра выехал я на тройке из Кускова. По пути около [села] Карачарова встретил я едущего к нам из Нескучного Г.И. Гирша¹³, которого я в этот день ожидал. Он мне подтвердил известие о дифтерите. На Воздвиженке, только что успел я надеть мундир, как пришел Балакирев, за ним чиновник Московского Дворцового правления Керцели¹⁴ с предложением от имени графа Орлова-Давыдова¹⁵ перевести капеллу в Комиссаровское училище на Тверской, а также с предложением поместить их в Кускове! Последнее так мне показалось странно^{2*}, что я готов был склониться к первому, но узнав тут же, что в Комиссаровском грязно и неудобно, решил ехать в Нескучное и просить у Государя разрешения перевести капеллу в наш Странноприимный дом. Балакирев остался в коляске, а я в 12 часов уже был во дворце, где еще шла обедня. В церкви кроме Государя и Императрицы¹⁶ никого не было, а потому я решил пообедать в приемной, откуда доносилась служба. Пели дьячки, а не придворные певчие. Застал я пение причастного стиха: “Да Воскреснет Бог”.

^{1*} Зачеркнуто торчали.

^{2*} Зачеркнуто дико.

Через приемную прошла Королева эллинов – Ольга Константиновна¹⁷ и с участием спросила о здоровье Анны. Вскоре взошел в комнату Цесаревич¹⁸ со словами: “Папа Вас просит”. Я прошел в столовую, где уже был накрыт стол для завтрака. Государь вышел из соседней гостиной, и первый его вопрос был об Анне, о которой расспрашивал как всегда с участием. Вошли: Императрица, Королева, Цесаревич, Великий Князь Георгий Александрович¹⁹ и Великая Княжна Ксения Александровна²⁰ и тотчас же подошли к закуске и сели завтракать. Я сидел по левую руку Императрицы. Государь против нее. Справа от него Королева, а между нею и мною остался пустой стул, на котором вскоре поместился прибывший к середине завтрака Принц Датский Вольдемар²¹.

Давно уже не приходилось завтракать в этой обстановке. Государь заговорил о капелле, о дифтерите, и я получил от него разрешение перевести капеллу в Странноприимный дом. Потом Государь сказал, что желаает, чтобы во время коронации пели двуххорное: “Тебя Бога хвалим” Бортнянского²², а за обеднею Херувимскую Львова²³, но простое “Яко до Царя”. Императрица говорила о предстоящем дне, о том, с каким волнением она его ожидает и как будет продолжительно. Государь шутил с Королевой, что не пустит ее в тайник с прочими членами семьи и что велит закрыть окно. Потом сказал Цесаревичу, что он должен будет вести Королеву. Говорил о Порфире и как ее надевают. Цесаревич улыбнулся и сказал: “Там сказано, что сановники будут оправлять”. Потом рассказывал Наследник о посещении монастырей: он был в Донском, в Данилове и в Симонове. В последнем он лазил на колокольню и оттуда любовался видом на Москву. С оживлением рассказывал он, что понравился ему архимандрит Данилова монастыря Амфилохий²⁴, который подарил ему рукописи и все показывал и со стены снимал азбуку, которую и поднес ему.

Трунили над Принцем Вольдемаром, который накануне слушал цыган у Яра, были разные Великие Князья – большая компания и несколько иностранцев. Когда Государь узнал, что Принц Вольдемар поехал к Яру с Владимиром Шереметевым²⁵ в каком-то особенном экипаже, то, обращаясь ко мне, заметил, что удивляется, как, несмотря на то что он поехал с Шереметевым, он остался цел и не разбился.

Припоминали вчерашний въезд, видимо, впечатление осталось хорошее. Государь рассказывал, как Великая Княжна Ксения Александровна была поражена всем, что пришлось ей видеть, и как на нее потом нашел столбняк, она долго не могла сказать слова, хотя все понимала. После завтрака пошли в гостиную, откуда вид на Донской монастырь. Государь показал на него и вспомнил, что тут лежит Князь Сергей Николаевич Урусов²⁶. Опять говорил о капелле. Я ему доложил о необходимости отдельного врача. Он сказал: “Неужели у них там не найдется в Министерстве Двора!”. Я заметил, что найдется не один, но что для пользы дела нужно, чтобы врач был бы в прямой зависимости от управления капеллой. Государь это одобрил. Потом вскоре ушел, сказав Императрице, что его ждет Победоносцев²⁷ и что потом нужно готовиться к приему прусской делегации. Императрица осталась с Королевой, пришла Великая Княжна Ольга Александровна²⁸, за нею Великий Князь Михаил Александрович²⁹. Он очень вырос, у него забавное лицо. Императрица подарила мне свой портрет и сделала надпись. Разговор все возвращался на болезнь Анны. Королева вышла на балкон, но ветер был довольно неприятный и пришлось его закрыть. Видно было, как подъезжали экипажи с пруссаками. Еще до ухода Государя Цесаревич опять заговорил об Амфилохии и вытащил целый свиток. Государь стал его рассматривать, азбука очень интересная, лист с замечаниями самого Амфилохия на полях и довольно нечист, видно, что поднес, что попалось под руку. Государь рассматривал внимательно. Цесаревич говорил о мощах св. Даниила и назвал его братом Александра Невского, я его поправил³⁰. Императрица меня отпустила, чтобы принять иностранцев.

Пока я был во дворце, Балакирев сидел в коляске, мне было перед ним не-

ловко, но он был так озабочен переездом капеллы, что ни на что не обращал внимания.

Из Нескучного прямо проехали в Кремль. Нужно было непременно найти Министра Двора. Случайно наткнулся я на него в одном из дворцовых коридоров. Министр был строг, но не справедлив. Он сделал мне должное внушение о несвоевременном извещении о дифтерии. На мое замечание, что для определения болезни нужен врач и что в видах предосторожности я перед выездом из Петербурга просил о прикомандировании к капелле врача, Министр нетерпеливо и с неудовольствием сказал: “Эдак каждый будет требовать врача!”. Напрасны были попытки мои объяснить, что “каждый” не применимо к учреждению, в котором находится до 50 мальчиков без всякого медицинского надзора. Я заявил о необходимости перевести мальчиков в другое место и упомянул о Странноприимном доме. “Это невозможно”, – перебил меня сановник. Он полагал, что они уже выехали из Кремля и что я предлагаю третий переезд. Никак не мог его убедить, что капелла не могла выехать из Кремля без приказа. Кое-как он согласился, хотя я и силился объяснить ему, что уже на то есть согласие Государя. Вот поехал я с Балакиревым в Странноприимный дом. Застал дядю Бориса Сергеевича³¹ дома и Султанова³² на работах. К 9 часам вечера большая зала Странноприимного дома была готова, мальчики перевезены сначала в сад, потом на ночь водворили в зале на шестидесяти кроватях. Белье, матрацы и пр. доставлено Странноприимным домом. Дядя при помощи Султанова распорядился как нельзя лучше и с видимым удовольствием следил за всем.

Мытарства мои с Балакиревым этим не ограничились. Прямо из Странноприимного дома поехали мы вместе с чиновником Керцели в Кремль, чтобы добиться распоряжения насчет порядка продовольствия капеллы. Керцели провел нас к помощнику графа Орлова-Давыдова, генералу Кузнецову³³, который при всей любезности своей не мог нам сказать ничего положительного и направил нас к обер-гофмаршалу. Пошли к Э.Д. Нарышкину³⁴. Застали старика в полном изнеможении, за столом, у которого восседали какой-то полковник и Владимир Оболенский³⁵. Последний сидел в глубоком раздумье перед кипкою бумаг. Нарышкин рассеянно и с трудом дослушал меня, создавая в крайнем своем утомлении, он несколько раз хватался за голову с видом совершенного изнеможения. Изредка приходил к нему на помощь Оболенский, который делал^{3*} краткие замечания, побудившие наконец Эммануила Дмитриевича обещать нам исполнение нашего ходатайства... Еще раз толкнулись к Кузнецову, потом сделали визит графу Орлову-Давыдову, не оказавшемуся дома, потом сказали друг другу “довлеет дневи”^{4*} и разошлись каждый в свою сторону.

Обедал я на Малой Никитской у гр[афа] А.В. Бобринского³⁶, откуда съездил в Странноприимный дом ко времени водворения капеллы, оттуда в Английский клуб, где мне сулили большое оживление, угощение, цыган и датских певиц. Съезд действительно оказался большой. Чествовали преображенцев. За отдельным карточным столом нашел своих: А.Д. Столыпин³⁷ играл с Василием Алексеевичем Шереметевым³⁸, тут же недалеко Князь А.Ф. Прозоровский, Голицын³⁹, С.А. Шереметев⁴⁰, В.А. Шереметев и пр. Встретил В.Д. Мартынова⁴¹, от которого поспешил отойти, и Антона Степановича Васильковского⁴², к которому присоединился, чтобы послушать цыган, певших на балконе. Все тот же Федор Соколов, та же Александра Ивановна, но хор совсем плохой. Вскоре показались признаки пьяного разгула в лице В.К. фон-Мекка⁴³, довольно безобразные, и я бежал из клуба обратно на Малую Никитскую, куда приехал к ужину.

Дом графа А.В. Бобринского во все эти предшествовавшие коронации дни

^{3*} Зачеркнуто изрекал.

^{4*} “Довлеет дневи злоба мира сего” – цитата из Библии.

совершенно изменился. Обычное спокойствие в нем исчезло, и весь склад его получил какой-то петербургский тревожный и придворный оттенок. Общество раздвоилось. Рядом с теми же спокойными лицами и с невозмутимым, хотя приветливым и гостеприимным хозяином появлялись чистокровные петербургские физиономии, и разговор принимал совершенно чуждое обычному направление. Физиономии и разговоры эти, столь опротивевшие мне в Петербурге, становились мне невыносимыми, и я бежал от них, как только мог, в Кусково...

В один из таких вечеров была чета Дурновых⁴⁴, тогда еще в сознании своего величия по части охраны, “очаровательница” Мария Васильевна занялась в этот вечер (после усиленных приемов красного) обольщением Сергея Алексеевича Ш[ереметева]. Поочередно появились Князь Константин Александрович Горчаков⁴⁵, пропитанный желчью А.Н. Толстой⁴⁶, А.А. Васильчиков⁴⁷, совсем поглощенный Королевою эллинов, и пр. и пр.

14 мая с особым чувством расстался я с Алексеем Васильевичем Бобринским на Малой Никитской. Что-то будет на следующий день? Как-то все удастся? Для меня же главным вопросом было: какая будет ночью телеграмма об Анне? Я только что получил ту депешу, которая мне объясняла настоящее положение дел в Петербурге. Положение было такое, что нельзя отвечать было за час и во всякое время можно было ожидать паралича сердца.

На Воздвиженке дети уже спали крепким сном, когда я вернулся домой. В два часа ночи принесли телеграмму: “Анне не хуже”. А.П. Барсуков⁴⁸ ночевал почти рядом и также готовился встать рано утром, чтобы попасть на эстраду во время коронации. Погода была дождливая. В 6 часов утра я проснулся. Опять серое небо, и дождь накапывает, и ветер. В 7 1/2 час. дети с О.О. Ламкертом⁴⁹ и А.П. Барсуковым были уже на Малой Никитской, чтобы всем вместе пойти на эстраду. В 7 1/2 я поехал в Кремль к Троицким воротам. На Воздвиженке уже трудно было проехать. У Кутафыи пришлось остановиться. Карет множество подъезжали со всех сторон. Жандармы с трудом справлялись, чтобы на блюсти очередь. Пешеходы валили в Кремль стеною, напирая на экипажи и пропихивая в Кутафью.

Когда я въехал в Троицкие ворота, коляска моя попала в линию экипажей, не доходя до Министерского подъезда, я вышел и пешком дошел до дворца. Важный швейцар снял мою шинель и указал наверх, сказав: “там Вас осмотрят”. Мне это показалось уж очень необычным. Через Зимний сад прошел я в Владимирскую залу, где уже было множество народу, и поспешил пройти в Екатерининскую, где нашел Княгиню Марию Аркадиевну Вяземскую⁵⁰ и Анну Шереметеву, которая в этот день была дежурная. Княгиня не верит в опасность болезни Анны и удивляется моему скорому отъезду. Где-то наткнулся на Министра Двора. Я был в настроении нервном. Говорю ему о необходимости отъезда в Петербург. Он не слушает и объявляет мне, что в капелле новые больные дифтеритом. Я возражаю, что, кроме прежних, новых больных нет. “Есть”, – отвечает Министр. “Нет”, – говорю я. “Есть”, – повторяет Министр. Меня покорило, и я быстро отошел. Мне было всячески противно и тяжело. Бежал я мимо сановников, мимо разряженных городских дам и шитых мундиров и в дверях у сеней встречаю Победоносцева. На Красном Крыльце меня обдало свежим воздухом. Эстрада наполнялась. На площади густая толпа народа. По широкому красному сукну между соборами сновами взад и вперед придворные и военные особы. Погода серая, с редкими проблесками солнца. Я направился в Успенский собор, чтобы повидаться с Балакиревым. В дверях меня останавливает церемониймейстер Князь Анатолий Куракин⁵¹ и не пускает в собор. Я говорю, что должен войти по службе. “Нельзя”, – говорит Куракин, а тут Балакирев подбегает и жалуется, что не пускают Римского-Корсакова⁵². Я стараюсь объяснить Куракину, что это невозможно, что если как флигель-адъютант я по новому правилу не имею права входа в собор, то как начальник При-

дворной капеллы полагаю право мое несомненным. Все это было напрасно. Тогда я настоял на том, чтобы впустили Римского-Корсакова, сам же вошел в собор, чтобы взглянуть на обстановку. Собор еще был почти пуст. На дамских трибунах сидела графиня Воронцова⁵³. Тут же мне бросились в глаза фигуры на середине трибуны. Вижу Ивана Аксакова⁵⁴ и Петра Бартенева⁵⁵. “Уж нет ли Лейкина⁵⁶”, – думаю себе, зная, что тут же Катков⁵⁷ и Суворин⁵⁸. А накануне еще ставили вопрос, допустить ли в собор генерал-адъютантов!

Вернулся я на площадь, погода все еще хмурилась, кое-где накрапывает дождь. На углу у поворота красного сукна из Успенского собора в Архангельский стоят в толпе Василий Алексеевич Шереметев, Ф.Н. Шипов⁵⁹ и Д.С. Сипягин⁶⁰ – при исполнении обязанностей охраны. Для меня это было непривычно и неприятно. Василий Алексеевич не без труда убедил впустить на площадку всех прибывших из уездов для охраны. Было еще довольно рано. Я обошел к[олокольню] Ивана Великого и соборы Архангельский и Благовещенский, между которыми на эстраде находились сыновья, тетушки Елизавета Сергеевна Делера⁶¹ и А.И. Булыгина⁶², Владимир Пушкин⁶³, Наталья Афанасьевна Ш[ереметева]⁶⁴, Любовь Васильевна В[асильева]⁶⁵ и др. Народ все прибывал, а с Красного Крыльца все спускались придворные.

Вот шествие начинается. По два в ряд двинулись из Грановитой Палаты. Князь Владимир Дмитриевич Голицын⁶⁶ в ленте Владимира I ст[епени] “через мундир”, Сергей Алексеевич Шереметев и я стали у последней ступени Красного Крыльца, чтобы ближе видеть шествие. Долго шли камер-фурьеры, камер-юнкеры, камергеры и пр. чины, красиво было видеть красную вереницу фрейлин. Между ними узнал я Княжну А.П. Вяземскую⁶⁷, которая шла в паре с гр[афиней] М.А. Ламздорф⁶⁸. Я видел, как, спускаясь по ступеням, она в оживленном разговоре с племянницей смеялась. А в это время гудит Иван Великий, и вся Кремлевская площадь, переполненная народом, замирает в ожидании Царя. Все взоры устремлены на Красное Крыльцо. Тише выступают сановники, вот и Государственное знамя... Яркий луч солнца ударил на Красное Крыльцо, лучи быстро разошлись, и в дверях Грановитой Палаты показался Государь. Солнечные лучи озаряли его в это мгновение. Что-то было невыразимое и чудное^{5*}, когда при звоне всех колоколов раздались крики народа и все слилось в одно протяжное, непрерывающееся восторженное ура!

За Императрицей шла дежурная фрейлина. Я примкнул к шествию и пошел рядом с Анной Алексеевной Шереметевой. Молча обменялись мы впечатлениями. В дверях Успенского собора остановка. Встречал М[итрополит] Иоанникий⁶⁹ и говорил слово, ничего не было слышно в двух шагах, да и слушать было нечего, одни общие места. Государь вступил в собор. Колокола замолкли, служба началась. На площади стало тихо, снова показались тучи, закапал дождь, поднялись зонтики, и вся площадь приняла совершенно иной вид. Я вернулся к эстраде, где были дети, и встретил здесь немало знакомых. Тут нашел я И.Ф. Горбунова⁷⁰, с которым и остался.

В Архангельский собор из Успенского прошел Преосвященный Владимирский и Суздальский Феогност⁷¹, в Благовещенский – Ярославский и Ростовский Ионафан⁷². На паперти Благовещенского собора по очереди появлялись Д.В. Григорович⁷³, в качестве чего-то официального, А.П. Боголюбов⁷⁴, точно приведение с того света, мрачный, он что-то срисовывал. Около него какие-то художники молодые, волосатые. Тут и Михаил Петрович Боткин⁷⁵ с своею тонкою (не искреннею) улыбкой, он показал мне тут же вновь найденные в Благовещенском соборе фрески. Гром орудий и трезвон колоколов возвестили о возложении короны. До слуха долетел возглас многолетия после провозглашения полного титула. Вижу: двери

^{5*} Зачеркнуто подавляющее.

Архангельского собора широко раскрыли. Я поспешил туда, и примеру моему последовали тетушка Елизавета Сергеевна, Владимир Пушкин, Н.А. Шереметева, Катя Бобринская⁷⁶, Катя Голицына⁷⁷, графиня Сумарокова-Эльстон (Юсупова)⁷⁸ и Дмитрий⁷⁹. Служба прекрасная. Во время причастного стиха все приложились к раке Димитрия Царевича⁸⁰. То был день его убиения. Перед тем хотел я зайти к мученику Уару, но часовня была заперта и заслонена эстрадами.

Все заблаговременно вернулись на свои места. Я решил тут же и остаться, чтобы видеть всю картину. Случайно оказался я рядом с известной О.К. Новиковой⁸¹ и молодым Хомяковым⁸². О.К. иронически заметила, что удивлялась смелости некоторых, решившихся пойти в Архангельский собор. Я сказал, что на то были открытые двери собора. Обедня кончилась. Опять погода стала разгуливаться, опять солнце. Загудел Иван Великий, и дрогнула площадь. Все сорок сороков слились в один удивительный звон. Шествие двинулось из Успенского собора и обогнуло Ивана Великого. По движению народа могли мы следить за медленным шествием под балдахином. Но вот показалось оно из-за угла Архангельского собора. Все хлынуло в нашу сторону. Из Западных дверей Царской усыпальницы вышел Государь в порфире со скипетром и державою. На голове его блистала бриллиантовая корона. За ним шла Государыня. Малая бриллиантовая корона хорошо была надета с наклоном вперед. Государь шествовал медленно и был бледен. Еще мгновение и все опять скрылось в дверях Благовещенского собора, куда взойшли в предшестве Ионафана Ярославского. Видели мы потом, как тихо двинулось шествие обратно по Красному Крыльцу. Все слилось и смешалось в пестроту нарядов и цветов, в глазах словно потемнело. Все взоры напряженно направлены на одно место – на площадку Красного Крыльца. Среди пестрой толпы ярко заблестала корона. Государь остановился лицом к народу. Еще мгновение и корона наклонилась три раза – Три Царских поклона в ответ на оглушительные крики восторга и торжества!... Государь вошел в Грановитую Палату, и словно по манию жезла все разом утихло.

Что оставалось мне делать в Кремле? Все главное было совершено, а мои мысли были уже далеко от этой шумной праздничной толпы, от этих шитых мундиров и суеющихся царедворцев. Я поднялся на Красное Крыльцо и заглянул в Грановитую Палату, где все было устроено и готово к обеденному столу. Под сению трона два прибора для благовенчанных и превознесенных, столы прямые и кривые с множеством старинного серебра, роскошные своды палаты, убранные богатыми коврами с переделанною женою Пентефрия, столь соблазлившей наших царедворцев – все было изящно, богато и красиво.

Пошел я в Кремлевские палаты и вышел на средний балкон к Москворечью. Густая толпа стояла стеною вдоль Москвы реки. Чудная и давно знакомая родная картина красовалась во всем блеске. Несколько иностранцев тут же стояли на балконе и любовались. Усталый и, по-видимому, совсем безучастный Князь Сан-Дonato Демидов⁸³ пребывал в безмолвии. Генерал Вердер⁸⁴ с видом скуки что-то пояснял своему земляку. Я ушел и тем же Зимним садом устремился к выходу. Здесь еще встретился я и обменялся несколькими словами сочувствия с почтенным С.М. Сухотиным⁸⁵. Мы поздравили друг друга и поцеловались. Он мне показался взволнованным и растерянным...

Пешком дошел я домой и в тот же вечер с курьерским один во всем поезде покати в Петербург...

Г.С.Ш.

21 мая 1883 г.
Петербург

День обратного выезда в Москву

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5276. Л. 1–11. Машинопись с авторской правкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Шереметева Анна Сергеевна (1873–1949) – графиня, дочь Сергея Дмитриевича Шереметева, в замужестве Сабурова.
- 2 Александр Александрович (1845–1894) – император Александр III (1881–1894).
- 3 Шереметева Анна Алексеевна (1849–?) – фрейлина императрицы Марии Федоровны, двоюродная сестра графа С.Д. Шереметева.
- 4 Шереметев Петр Сергеевич (1876–1914) – граф, сын С.Д. Шереметева, впоследствии флигель-адъютант.
- 5 Гирс Николай Карлович (1820–1895) – министр иностранных дел с 1882 г.
- 6 Эйсмонд Лев Карлович (?–1892) – семейный врач Шереметевых.
- 7 Шереметев Дмитрий Сергеевич (1869–1943) – флигель-адъютант Николая II, полковник лейбгвардии Кавалергардского полка; Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943) – писатель, историк, художник, в 1915 г. избран членом Государственного Совета, в 1919–1929 гг. работал в Остафьевском музее.
- 8 Баденская (урожденная Лейхтенбергская) Мария Максимилиановна (1841–1914) – жена принца Вильгельма Баденского.
- 9 Ольденбургская (урожденная Лейхтенбергская) Евгения Максимилиановна (1845–1925) – жена принца Александра Петровича Ольденбургского.
- 10 Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932) – принц, генерал-адъютант, командир Гвардейского корпуса (1885–1889), генерал от инфантерии, отвечал за санитарное состояние русской армии во время первой мировой войны.
- 11 Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) – граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр императорского двора и уделов (1881–1897), наместник на Кавказе (1905–1915), главноуправляющий государственными конозаводством.
- 12 Балакирев Милий Алексеевич (1836–1910) – композитор, пианист, дирижер, служил в Придворной певческой капелле в 1883–1894 гг.
- 13 Гирш Густав Иванович (1828–1907) – лейб-хирург.
- 14 Керцелли Иосиф Иванович (установить годы жизни не удалось) – титулярный советник, секретарь Московской дворцовой коиторы.
- 15 Орлов-Давыдов Анатолий Владимирович (1837–1905) – граф, обер-гофмейстер, президент Московской дворцовой коиторы.
- 16 Мария Федоровна (1847–1928) – дочь датского короля Христиана IX Луиза София Фредерика Дагмара, принявшая имя Мария Федоровна в 1866 г., когда вышла замуж за цесаревича Александра Александровича, императрица с 1881 г.
- 17 Ольга Константиновна (1851–1925) – дочь великого князя Константина Николаевича (1827–1892), дяди императора Александра III, жена греческого короля Георга I, брата императрицы Марии Федоровны.
- 18 Николай Александрович (1868–1918) – старший сын императора Александра III, цесаревич с 1881 г., император Николай II с 1894 г.
- 19 Георгий Александрович (1871–1899) – великий князь, второй сын Александра III, цесаревич с 1894 г.
- 20 Ксения Александровна (1875–1960) – великая княжна, дочь Александра III, замужем за великим князем Александром Михайловичем.
- 21 Вольдемар принц Датский (1858–1939) – сын датского короля Христиана IX, брат императрицы Марии Федоровны; в 1886 г. был избран на болгарский престол после отречения князя Александра Баттенбергского, но отклонил корону.
- 22 Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – композитор, сочинял церковную музыку, первый директор Придворной певческой капеллы, созданной в 1796 г.
- 23 Львов Алексей Федорович (1798–1870) – композитор, скрипач.
- 24 Амфилохий (П.И. Казанский) (1818–1893) – настоятель Данилова монастыря, позднее епископ Угличский, член Московского археологического общества.
- 25 Шереметев Владимир Алексеевич (1847–1893) – полковник лейб-гвардии Гусарского полка, флигель-адъютант, начальник императорского конвоя, двоюродный брат графа С.Д. Шереметева.
- 26 Урусов Сергей Николаевич (1816–1883) – князь, статс-секретарь, сенатор, главноуправляющий II Отделением с.е.и.в. канцелярии, член Государственного Совета.
- 27 Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг., статс-секретарь, член Государственного Совета.
- 28 Ольга Александровна (1882–1952) – великая княжна, дочь Александра III, замужем за принцем Петром Александровичем Ольденбургским.
- 29 Михаил Александрович (1878–1918) – великий князь, третий сын Александра III, цесаревич (1899–1904).
- 30 Даниил Александрович (1261–1303) – сын Александра Невского, первый московский князь, основавший монастырь во имя св. Даниила Столпника; с 1652 г. в соборе Данилова монастыря покоились мощи князя Даниила Александровича, причисленного к лику святых.

- 31 Шереметев Борис Сергеевич (1822–1907) – главный смотритель Странноприимного дома Шереметевых в Москве на Сухаревской площади, дядя графа С.Д. Шереметева.
- 32 Султанов Николай Владимирович (1850–1908) – академик архитектуры, руководил реставрационными работами в Остакино, Кусково и других усадьбах Шереметевых; в 80-х годах занимался ремонтом Странноприимного дома в Москве.
- 33 Возможно, генерал-майор Николай Иванович Кузнецов.
- 34 Нарышкин Эммануил Дмитриевич (1813–1902) – обер-гофмаршал, его считали побочным сыном императора Александра I.
- 35 Оболенский Владимир Сергеевич (1847–1891) – князь, полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка, флигель-адъютант и гофмаршал императора Александра III.
- 36 Бобринский Алексей Васильевич (1831–1888) – граф, егермейстер, московский губернский предводитель дворянства с 1875 г., член Государственного Совета с 1883 г., был женат на Софье Алексеевне Шереметевой (1842–1871), двоюродной сестре графа С.Д. Шереметева.
- 37 Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822–1899) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант, командир Гренадерского корпуса, заведующий придворной частью в Москве с 1892 г.
- 38 Шереметев Василий Алексеевич (1834–1884) – егермейстер, Рузский уездный предводитель дворянства, двоюродный брат графа С.Д. Шереметева.
- 39 Вероятно, имеется в виду князь Александр Федорович Прозоровский-Голицын (1810–1898) – генерал-лейтенант; род князей Прозоровских пресекался, и титул в 1852 г. перешел к их родственникам, князьям Голицыным.
- 40 Шереметев Сергей Алексеевич (1836–1896) – генерал-лейтенант, генерал-адъютант, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе с 1890 г., двоюродный брат графа С.Д. Шереметева.
- 41 Мартынов Валернан Дмитриевич (1841–1901) – бывший адъютант цесаревича Александра Александровича, шталмейстер, управляющий придворно-конюшенной частью.
- 42 Васильковский Антон Степанович (1824–1895) – генерал-майор свиты, управляющий Аничковым дворцом, впоследствии генерал-лейтенант.
- 43 Фон Мекк Владимир Карлович (1852–1892) – камер-юнкер, попечитель Дома воспитания сирот убитых воинов в Москве, наследник коммерческих предприятий фон-Мекк, которыми впоследствии заведовал.
- 44 Дурново Иван Николаевич (1834–1903) – товарищ министра внутренних дел с 1882 г., министр внутренних дел (1889–1895), председатель Комитета министров (1895–1903).
- 45 Горчаков Константин Александрович (1841–1926) – князь, шталмейстер, причислен к Министерству иностранных дел, сын каицлера князя А.М. Горчакова.
- 46 Толстой Алексей Николаевич (1830–1901) – гофмейстер, дипломат.
- 47 Васильчиков Александр Алексеевич (1832–1890) – егермейстер, директор Императорского Эрмитажа (1879–1889), председатель Археологической комиссии.
- 48 Барсуков Александр Платонович (1844–1914) – историк, член Археографической комиссии (1883–1909), автор 8-томного труда “Род Шереметевых” (1881–1904) и др.
- 49 Ламкерт Оскар Иосифович (установить годы жизни не удалось) – воспитатель сыновей графа С.Д. Шереметева, Дмитрия и Павла.
- 50 Вяземская (урожденная Столыпина) Мария Аркадьевна (1819–1889) – теща графа С.Д. Шереметева, жена князя Павла Петровича Вяземского.
- 51 Куракин Анатолий Александрович (1845–1936) – князь, кавалергард, коронационный обер-церемониймейстер в 1883 г., церемониймейстер Императорского двора, член Государственного Совета с 1909 г.
- 52 Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) – композитор, служил в Придворной певческой капелле.
- 53 Вероятно, Елена Ивановна Воронцова (урожденная графиня Шувалова) – жена графа И.И. Воронцова-Дашкова.
- 54 Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – поэт, публицист, идеолог славянофильства.
- 55 Бартнев Петр Иванович (1829–1912) – издатель журнала “Русский архив”.
- 56 Лейкин Николай Александрович (1841–1906) – писатель, редактировал юмористический журнал “Осколки” (1880–1905), в котором в 1882–1887 гг. активно сотрудничал А.П. Чехов.
- 57 Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, редактор газеты “Московские ведомости” и журнала “Русский вестник”.
- 58 Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – издатель газеты “Новое время”.
- 59 Шипов Филипп Николаевич (1848–?) – церемониймейстер.
- 60 Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – волоколамский уездный предводитель дворянства, московский губернатор (1891–1893), товарищ министра внутренних дел с 1894 г., министр внутренних дел с 1900 г., убит эсером С.В. Балмашевым.
- 61 Делер (урожденная Шереметева) Елизавета Сергеевна (1818–1890) – тетя графа С.Д. Шереметева.
- 62 Булыгина Александра Ивановна (1812–1905) – дочь Ивана Федоровича Булыгина (1767–1838) и Марьи Васильевны Шереметевой (1785–1855), тетя графа С.Д. Шереметева.
- 63 Мусин-Пушкин Владимир Владимирович (1870–1923) – граф, племянник графа С.Д. Шереметева.

- воспитывался в его доме вместе с сыновьями С.Д. Шереметева, окончил Московский университет, предводитель дворянства Богородского и Рузского уездов, егермейстер, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками, гласный Московского губернского земского собрания, депутат IV Государственной Думы с 1912 г., товарищ министра земледелия (1915), умер в Сербии.
- ⁶⁴ Шереметева (урожденная Столыпина) Наталья Афанасьевна (1834–1905) – жена Василия Алексеевича Шереметева.
- ⁶⁵ Васильева Любовь Васильевна (установить годы жизни не удалось) – родственница графа А.В. Бобринского.
- ⁶⁶ Голицын Владимир Дмитриевич (1815–1888) – князь, генерал-адъютант, обер-шталмейстер.
- ⁶⁷ Вяземская Александра Павловна (установить годы жизни не удалось) – княжна, фрейлина, сестра жены графа С.Д. Шереметева, Екатерины Павловны Шереметевой (урожденной Вяземской) (1849–1929); позднее княжна А.П. Вяземская вышла замуж за Д.С. Сипягина.
- ⁶⁸ Ламздорф Мария Александровна (Мэри) (1858–1919) – графиня, фрейлина.
- ⁶⁹ Иоанникий (Руднев) (1826–1900) – митрополит Московский (1882–1891), переведен на митрополию в Киев.
- ⁷⁰ Горбунов Иван Федорович (1831–1896) – актер театра и эстрады, сатирик, часто бывал в доме Шереметевых, выступал в их домашнем театре.
- ⁷¹ Феоноста (1829–1903) – митрополит Владимирский и Суздальский.
- ⁷² Ионафан (Иоанн Руднев) (около 1820-х – 1905) – митрополит Ярославский и Ростовский с 1883 г.
- ⁷³ Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) – писатель, служил в дирекции императорских театров, составляя официальное описание коронации (которое не получило одобрения Александра III и не было издано).
- ⁷⁴ Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896) – действительный член Академии художеств, маринист, пользовался особым покровительством Александра III.
- ⁷⁵ Боткин Михаил Петрович (1839–1914) – действительный член Академии художеств по исторической живописи, считался одним из лучших рисовальщиков в России, брат лейб-медика Сергея Петровича Боткина.
- ⁷⁶ Бобринская Екатерина Алексеевна (1864–?) – графиня, вышла замуж в 1886 г. за князя Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (1857–1914), министра внутренних дел (1904).
- ⁷⁷ Голицына (урожденная графиня Мусина-Пушкина) Екатерина Владимировна (1863–1944) – жена князя Дмитрия Борисовича Голицына (1851–1920), флигель-адъютанта, начальника императорской охоты, племянница графа С.Д. Шереметева, умерла в Париже.
- ⁷⁸ Юсупова-Сумарокова (урожденная Нарышкина) Зинаида Николаевна (1809–1893) – жена князя Бориса Николаевича Юсупова (1794–1849), Санкт-Петербургского предводителя дворянства.
- ⁷⁹ Шереметев Дмитрий Сергеевич (1869–1943) – граф, старший сын С.Д. Шереметева, полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка, флигель-адъютант, зять графа И.И. Воронцова-Дашкова, друг детства императора Николая II.
- ⁸⁰ Дмитрий Иванович (1582–1591) – сын Ивана Грозного, погиб в Угличе 15 мая 1591 г.
- ⁸¹ Новикова (урожденная Киреева) Ольга Алексеевна (1840–1925) – писательница, автор публицистических статей на русском и английском языках, подписывала свои произведения инициалами О.К.
- ⁸² Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1919) – публицист, сын известного славянофила Алексея Степановича Хомякова (1804–1860).
- ⁸³ Демидов Павел Павлович (1839–1885) – князь Сан-Донато, егермейстер, один из создателей “Священной дружины”, наряду с графом И.И. Воронцовым-Дашковым и графом П.П. Шуваловым.
- ⁸⁴ Вердер Бернгард Франц Вильгельм (1823–1907) – генерал-лейтенант, германский военный атташе в России (1869–1886), посол в России (1892–1895).
- ⁸⁵ Сухотин Сергей Михайлович (1818–1886) – гофмейстер, вице-президент Московской дворцовой канторы; в связи с коронацией в 1883 г. он надеялся получить награду, но министр двора граф И.И. Воронцов-Дашков обошел его.

ВОСПОМИНАНИЯ С.В. БАХРУШИНА О МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

В 1948 г. Московский художественный академический театр праздновал свой пятидесятилетний юбилей. Осенью этого года артисты МХАТа выступали с докладами о пройденном пути и концертами в различных учреждениях и на предприятиях Москвы. Юбилей знаменитого театра должен был продемонстрировать расцвет советского искусства, стать поводом для важной культурно-идео-

логической кампании. В театре в эту напряженную, насыщенную работой пору велся специальный дневник, в котором фиксировались все выступления артистов в сентябре–октябре 1948 г.¹ В этом дневнике есть запись о концерте 16 октября в Академии общественных наук. Перед началом концерта (может быть, после доклада об истории и творчестве театра) с приветствиями выступили не названные в дневнике по именам профессор и слушатель Академии². Поскольку одним из профессоров этой Академии был с 1946 г. Сергей Владимирович Бахрушин³, то позволительно предположить, что именно с этим днем были связаны написанные им и публикуемые ниже воспоминания о Художественном театре. Определение года (а, стало быть, и повода для воспоминаний) не вызывает затруднений, так как в конце своего выступления Бахрушин говорил о том, что этот театр “через полвека (1898–1948. – А.Д.) все так же молод и смел в своих дерзаниях”. И само содержание воспоминаний Бахрушина носит явно юбилейный характер.

Как и вообще в любых мемуарах, в воспоминаниях Бахрушина его рассказ о Художественном театре несет на себе печать позднейшего времени. Ученый, вознесенный властью в ранг официально признанного ведущего специалиста в своей области, патриот, искренне поверивший в справедливость дела этой власти, особенно после победы в Великой Отечественной войне, Бахрушин в 1940-х годах говорил языком сталинской эпохи, мыслил теми понятиями, которые были ей глубоко свойственны. Учтем еще и то, что речь, как предполагается, была произнесена в особом учреждении, кузнице партийных кадров – Академии общественных наук. Именно этими обстоятельствами и порождались такие употребленные Бахрушиным фигуры новояза как “затхлая атмосфера реакции”, “обремененность буржуазного мира” и т.п. В речи историка звучит мотив осуждения убийц Цезаря (борцов за “отживший порядок”) и идеализации римского правителя, “государственного человека” в спектакле “Смерть Юлия Цезаря”. Эти оценки соответствовали тому государственно-патриотическому пониманию истории, которое насаждалось в СССР с 1930-х годов. Бахрушин принял активное участие в создании такой концепции отечественного прошлого. Она предполагала возвеличение ряда государственных деятелей, что Бахрушин в своей речи распространял и на римскую историю. В публикуемых воспоминаниях историка интересны и отпечаток сталинской эпохи, который свидетельствует об идейной эволюции ученого, и вполне уловимые отзвуки непосредственных впечатлений учащейся молодежи от первых спектаклей Художественного театра.

Текст мемуаров Бахрушина – машинопись (на двух сторонах листа) с незначительной авторской правкой. В отдельных случаях эта правка оговаривается.

А.М. Дубровский

ВОСПОМИНАНИЯ С.В. БАХРУШИНА

Для москвичей моего поколения с Московским Художественным театром связана определенная эпоха в жизни, годы молодых порывов, когда складываются интересы, мировоззрения, когда намечаются жизненные цели и задачи.

Московский Художественный театр возник накануне подъема революционного движения 1901–1904 гг. Он рос и развивался под гром Пресненских боев. Для нас, молодежи тех годов, он был носителем того нового и сильного, что вносила жизнь в затхлую атмосферу реакции, господствовавшей в конце XIX века в царской России.

¹ Отдел рукописей Музея МХАТ. Ф. 1. Д. 5133/409. Л. 1–86.

² Там же. Л. 34.

³ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 3. Л. 5а.

Еще мальчиком, которого редко брали в театр, я слышал о постановках кружка Станиславского на маленькой сцене Охотничьего клуба, о которых постоянно говорили у нас дома, об изящной трактовке прелестных шекспировских комедий, о созданном К.С. Станиславским образе Уриэль-Акоста. Естественно, что я с нетерпением ждал, когда я увижу сам этих талантливых новаторов русской сцены. Известие о том, что представления любительского кружка из Охотничьего клуба переносятся на настоящую сцену и самый кружок реорганизуется в Художественный театр, сильно взволновало меня, тогда 15-ти летнего гимназиста^{1*}. Все лето 1898 года у нас не умолкали разговоры на эту тему. Меня уже тогда интересовала история, и постановка “Царя Федора” имела для меня двойной интерес. Помню, как горячо обсуждал я вопрос о том, как должны быть представлены на сцене действующие лица драмы А.К. Толстого. Одно время ставился вопрос, не следует ли показать Вас[илия] Шуйского таким, каким он известен по современным изображениям, т.е. толстым подслеповатым стариком, т.е. дать образ, который нарушал бы представление о нем, сложившееся в результате художественного отображения его в драме.

Наконец наступил так нетерпеливо ожидаемый день открытия Художественного театра в небольшом помещении Эрмитажа в Каретной Садовой. Я был на первом представлении. Я помню, что сидел как обвороченный. Отвлеченные представления о нашем родном прошлом, почерпнутые из книг, как по волшебству воплощались в плоть и кровь, оживали в реальных образах, претворялись в пеструю и шумную жизнь, приближались к нам и делались понятнее. Вместо традиционных, списанных с конфетных коробок, бояр и боярышень в маскарадных костюмах, декламировавших белые стихи и подымавших заученным жестом картонные кубки, передо мной жили, шумели, волновались в клубке разнообразных страстей живые люди XVI века, такие, какими они могли быть в действительности. Вместо царей и героев-одиночек театр нам показывал общество в целом. Уже картина в доме И.П. Шуйского в этом отношении была шедевром своего рода. Позже в “Смерти Ивана Грозного” Художественный театр с поразительной силой в сцене на рынке показал народные массы, эксплуатируемые торгашами, и нарастание народного гнева. Именно в том, что Художественный театр вывел на сцену как действенную силу народ, до тех пор изображавшийся обычно безжизненными статистами, – большая его заслуга.

Впоследствии, когда я глубже изучил историческое прошлое русского народа, я, конечно, уловил и неточности, и известную условность в его отображении в “Федоре Ивановиче”, но в тот момент, когда я подростком смотрел, не отрывая глаз, на сцену “Эрмитажа”, художественный реализм постановки не только пленил меня, но он помогал мне избавиться от традиционных трафаретных представлений, приближая меня к пониманию исторической действительности, освобождая меня от сентиментальной идеализации и от безвкусного приукрашения этой действительности. Я могу сказать, что Художественный театр явился, таким образом, одним из первых моих учителей в области истории.

Говоря о первой постановке “Царя Федора”, я не могу не вспомнить о том образе главного героя драмы, который давал незабвенный Ив[ан] Мих[айлович] Москвин. Это был подлинный “благоюродивый” царь, святой на престоле, каким его представляли себе современники. Налет, и густой налет, идеализации, которым был окутан этот образ в творческом претворении Москвина, не нарушал общего впечатления, так как люди, жившие в его царствование, именно таким понимали Федора Ивановича.

Позже я видел в роли царя Федора В.И. Качалова. Он давал другой образ, образ сильный и интересно задуманный. Перед нами вырисовывался подлинный

^{1*} С.В. Бахрушин учился в лицее памяти цесаревича Николая.

сын Ивана IV, умный, в минуту гнева страшный; даже в гриме его чувствовалось сходство с грозным отцом; от управления он отстранялся сознательно, проявляя в этом не слабость, как в изображении Москвина, а силу и уверенность. Трудно сравнивать эти два образа, данные двумя блестящими талантами русского театрального искусства. Оба они глубоко задуманы, и каждый по-своему тонко и умно разрешает задачу.

Я не буду перечислять всех спектаклей в “Эрмитаже”, которые я видел. Среди них самое поэтическое воспоминание оставил у меня “Потонувший колокол”, с его сказочным миром, с прелестной Раутенделейн, так изящно воплощенной М.Ф. Андреевой. Но я остановлюсь на одной постановке, которая не имела такого шумного успеха, как прочие, но произвела на меня как на будущего историка очень большое впечатление. Я имею в виду “Антигону” Софокла. Мы, питомцы классической гимназии, были воспитаны на пошлой идеализации древности. Греки, римляне мыслились нами как полубоги безукоризненной красоты^{2*}, величественно шествовавшие по пропилям из чистеньких блестящих колонн. И вот в “Антигоне” мы увидели подлинных простых людей с глубокими человеческими чувствами и человеческими слабостями. Отказ от псевдоклассицизма, который внушили нам на классной скамье, и стремление проникнуть глубже в действительный, а не созданный школой древний мир, это был тоже этап в моей жизни как историка.

Я невольно вспоминаю другую постановку Художественного театра – “Смерть Юлия Цезаря”. Первая картина открывала перед нами древний Рим не таким, как его изображали бездарные реконструкции, а таким, как он был в действительности, с нагромождением построек, с узкими улочками, с пестрой и шумной толпой, с классовыми противоречиями большого города. Картина похорон Цезаря, поразительная по силе, в которой Вишневский в лице Антония сумел дать поэтический образ римского оратора, показывает нам восстание римского плебса против аристократического сената. Но самое сильное в спектакле было то, что театр сумел показать обреченность тех идеалов, во имя которых Брут и Кассий пошли на убийство Цезаря. Становилось ясным, что вся дальнейшая судьба убийц: поражения, душевные страдания, преследующие их призраки, самоубийство – все это следствие того, что они борются за отживший порядок, что убитый ими^{3*} государственный человек был носителем идей, которые не могли умереть с ним.

Спектакли Художественного театра в Эрмитаже – для меня это годы отрочества, когда зарождаются первые ростки научных интересов и художественных вкусов. Художественный театр в Камергерском переулке, с его спокойными голубовато-серыми тонами, с его символом “белой чайки” на занавеси, со звуком гонга, после которого вход в залу закрывался (в то время совершенно новый и необычный порядок) – это годы моей юности, годы студенчества, годы бурных споров и складывания мировоззрения. В тех горячих прениях, за которыми, должен признаться, мы иной раз бывали лекции, вопросы, связанные с театром, занимали не последнее место. Вся студенческая Москва резко делилась на две партии: на поклонников Малого театра, на сцене которого блистали такие таланты, как М.Н. Ермолова, А.И. Южин и многие другие выдающиеся артисты, и на поклонников Художественного. К числу последних, и, может быть, самых горячих, принадлежал и я. Что привлекало меня и моих товарищей в стены Художественного театра? Я смело могу сказать, что именно новаторский разрыв с традицией, поиски новых путей, борьба с консервативной рутинной. Нас уже не удовлетворял Малый театр, где гениальные одиночки выступали на фоне блед-

^{2*} Далее зачеркнуто в изящно облежавших стан тогах.

^{3*} Далее зачеркнуто великий для своего времени.

ного ансамбля и господствовала школа трафаретных жестов и движений, сложившаяся еще в дореформенные времена. Новый “общедоступный” театр представлялся нам более демократичным, чем “Императорская” сцена. Дело, конечно, было не в названии. Здоровый реализм, стремление вывести на сцену народные массы, показать героев в их взаимоотношениях с обществом и с народом – все это действительно, намечало первые шаги к будущему демократическому театру, возникшему уже в наше советское время. Каждая новая постановка Художественного театра была событием в жизни Москвы, я бы сказал, так же как выход очередной книжки “Знания” с произведениями Горького и других писателей-демократов. Каждый спектакль был предметом оживленных обсуждений. Пьесу, просмотренную на сцене Художественного театра, мы потом читали и перечитывали, в подробности разбираясь и в ее содержании и в ее истолковании театром.

Художественный театр научил нас понимать и ценить лучших русских писателей. Не будет преувеличением сказать, что Чехова как драматурга открыл нам Художественный театр, что он воскресил нам Тургенева. Он первый показал на сцене Горького. Самый выбор пьес будил мысль и звал вперед. Сейчас репертуар Художественного театра тех годов и самая трактовка им произведений, которые он ставил, может показаться лишенной достаточной революционной остроты; в нем можно увидеть и признаки романтизма и иногда даже мистическую окраску. Но в те годы, о которых я вспоминаю, в годы полицейского произвола и царского гнета, в годы буржуазного застоя, пьесы Художественного театра звучали иначе. “На дне” Горького имело в тех условиях несомненно революционное значение как яркая картина гниения буржуазного общества. Обреченность буржуазного мира ощущалась в тонких и грустных пьесах Чехова, и вместе с тем в стремлении трех сестер в Москву, и в вере в будущее, которая звучит в словах уходящих из “Вишневого сада” Анички и студента, для нас виделись проблески лучших возможностей и лучшей жизни.

В драмах Ибсена нас не трогали мистические измышления: мы видели в “Столпах общества”, в “Докторе Штокмане” протест против буржуазной эксплуатации; в “Брандте” нас привлекала идея долга, во имя которой человек отказывается от личной жизни, и нас не смущала мистическая оболочка, которой эта идея была окружена.

Не могу не отметить, что Художественный театр сделал много и в отношении художественного воспитания моего поколения. Он научил нас тоньше понимать художественные произведения, глубже вникать в их содержание, вскрывая общественную сторону драмы, а вместе с тем как-то чрезвычайно просто и жизненно показывая психологию героев. Незабвенными останутся образы, созданные артистами Художественного театра.

С годами, по мере того как жизнь осложнялась и выдвигала все новые и новые задачи, я все реже имел возможность посещать театр. Но я всегда с вниманием и, позволю сказать себе, с любовью продолжаю следить за ростом МХАТа и радуюсь его успехам в деле создания подлинного демократического советского театра, достойного нашей великой эпохи. Я радуюсь, что театр, которому я так много обязан был в дни моей юности, через полвека все так же молод и смел в своих дерзаниях, что он высоко держит знамя подлинного социалистического искусства и веры в его торжество. И вместе с тем я храню в душе чувство искренней благодарности за все то, что я получил от него в прошлом.

АРАН. Ф. 624. Он. 2. Д. 68. Л. 1–3.

ДВА ПИСЬМА А.В. ЛУНАЧАРСКОГО ПЕРУАНСКОМУ ПОЛИТИКУ

Перуанский политический деятель и журналист Виктор Рауль Айя де ла Торре (1895–1979) в испаноязычных справочниках характеризуется как блестящий интеллект, адаптировавший марксистскую теорию к реальности своего континента. Происходивший из зажиточной семьи, он тем не менее рано познакомился с жизнью рабочего класса; в 1919–1920 гг. был президентом Студенческой Федерации Перу, участвовал в I Национальном конгрессе студентов и в создании народных университетов, выступал за установление дружеских связей студентов с рабочими. В 1922 г. посетил Аргентину, Чили. Вместе с Х.К. Мариатеги¹ издавал журнал “Кларидад”. В 1923 г. был изгнан из своей страны; посетил Панаму, Кубу, Мексику, где некоторое время работал секретарем у Х. Васконселоса², основал Американский Народный Революционный Альянс (АПРА)³. Бывал затем в США, России, Швейцарии, Италии, Франции; в Англии изучал в Лондоне экономику и в Оксфорде антропологию. Участвовал в мировом Антиимпериалистическом конгрессе в Брюсселе в 1927 г.; в 1930, 1962 и 1963 гг. боролся за пост президента в Перу, был в подполье, в эмиграции⁴. Советский справочник характеризует его как занимавшего антикоммунистические, антисоветские позиции, отстаивавшего интересы империализма США и местной финансовой и помещичьей олигархии⁵. Между тем его “Впечатления от империалистической Англии и советской России”⁶, казалось бы, не дают оснований для такой жесткой оценки, это – высказывания благожелательного друга, и А.В. Луначарский обращается к нему, как к товарищу. Правда, в последней главе этой книги, где говорится о социально-политической реальности Латинской Америки, он, в духе созданного им “апризма”, отмечает, что “коммунизм продолжает постоянную агитацию среди рабочих за сокращение производства и замедление прогресса тех отраслей промышленности, которые подобны российским, то есть в производстве сахара, хлопка, нефти и т.п., где латиноамериканцы соперничают на мировых рынках с Россией. Способствовать их непроизводству в странах, таких, как наша, это облегчать производство у русских” (С. 127). Конечно, такие высказывания не могли нравиться руководителям “родины социализма” и не соответствовали духу Коминтерна.

Значительное внимание в своих впечатлениях Айя де ла Торре уделяет А.В. Луначарскому, которым был принят и два письма которого приводит полностью. Он оговаривается, что книга должна была выйти в том же 1924 г., но издание ее задержалось из-за того, что у него в Швейцарии отобрали практически все бумаги, фиксирующие его встречи с лидерами революционной России, фотографии, автографы и т.д., которые “были братски поделены между полициями Берна и Лимы” (С. 91).

Нами не обнаружено сведений о встрече А.В. Луначарского с Айя де ла Торре и его письмах к нему в собрании сочинений А.В. Луначарского (М., 1963–1967.

¹ Мариатеги Хосе Карлос (1895–1930) – перуанский политический деятель, социолог, пропагандист социализма и марксизма.

² Васконселос Хосе (1882–1959) – мексиканский историк, философ и государственный деятель; в 1920–1925 гг. ректор Национального университета Мексики и министр народного образования.

³ АПРА (отсюда – “апризм”) – перуанская политическая партия, до 1927 г. провозглашавшая своей целью создание широкого антиимпериалистического фронта.

⁴ Diccionario enciclopédico Espasa: Apendice. Madrid, 1988. P. 147; *Tauro Alberto*. Enciclopedia ilustrada del Peru. Lima, 1988. T. 3. P. 938–939.

⁵ Латинская Америка: Энциклопедический справочник. М., 1979. Т. I. С. 226.

⁶ *Haya de la Torre*. Impresiones de la Inglaterra imperialista y la Rusia soviética. Buenos-Aires, 1932.

Т. 1–8), в т. 82 “Литературного наследства” (М., 1970), в издании “Анатолий Васильевич Луначарский: Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности” (М., 1979. В 2-х т.), в работе В.В. Ефимова “Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского” (Душанбе, 1992–1996. Т. 1–5). Между тем краткое описание Айя де ла Торре встречи с Луначарским и его письма представляют определенный интерес. Сам факт приема Луначарским этого политика, его согласие письменно ответить на вопросы свидетельствуют о заинтересованности Луначарского, а, следовательно, и советского правительства, в установлении связей с некоторыми кругами Латинской Америки, о стремлении оказать влияние на нее (напомним, что через полгода после посещения Айя де ла Торре России, в феврале 1925 г., было образовано Южноамериканское бюро Коминтерна). Далее, эти годы – время решительной ломки прежней системы высшего образования в России, его усиленной “пролетаризации” и дегуманизации, что отрицательно воспринималось в прогрессивных кругах Западной Европы, сочувственно относящихся к Советской России, и ответы А.В. Луначарского – это попытка объяснить и оправдать эту политику. Наконец, публикуемые документы прибавляют еще несколько штрихов к портрету неординарности личности А.В. Луначарского в восприятии человека также достаточно неординарного.

Приводим посвященный А.В. Луначарскому текст и его два письма из названной книги Айя де ла Торре (С. 116–121) в нашем переводе с испанского.

А.В. Елпатьевский

ТЕКСТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ АЙЯ ДЕ ЛА ТОРРЕ В КНИГЕ “ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АНГЛИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ”

Заметен в Луначарском очевидный и живой интерес к Латинской Америке и особенно к массовому движению трудящихся к образованию, который вызвала наша работа в Народных университетах Гонсалеса Прады¹. Луначарский сохранил черты молодых художественных натур. Ему нравится говорить о литературе и русском искусстве, хотя он чрезвычайно занят, выполняя обязанности управляющего и администратора того, что он называет третьим революционным фронтом. Ромен Роллан мне много рассказывал о Луначарском, о временах их изгнания в Швейцарии, когда он находился вблизи тех, кто стал потом руководителями наиболее великой революции в истории.

Естественно, что с тех пор, от дней изгнания до сегодняшнего дня, Луначарский изменился: потерял черты человека богемы и романтика, стал более реалистичным, похожим на Маркса. В его рабочем кабинете имеется много портретов великих художников, маски, слепки, журналы, книги по литературе и т.д. Луначарский, одетый в темный жакет, застегнутый доверху, сидящий за столом в углу кабинета, производит впечатление человека активного, усердного защитника русской культуры и проводника новых течений, которые революционная молодежь создает в искусстве и литературе. Луначарский борется с огромными трудностями. Но его упорство, вера, дисциплина делают его победителем. Он работает неустанно. Его последняя работа, популяризирующая историю литературы, касается и стран Запада, но испанская литература представлена не очень широко: Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон и т.д. “Из эпохи блестящего расцвета”, – как он сказал². Однако он заинтересовался индоамериканским искусством и в еженедельном журнале дал несколько страниц с репродукциями чудесных фресок Диего Риверы³. Луначарский знаком с работами Васконселоса. У меня сложилось впечатление, что он очень хорошо информирован по поводу того, что делается в Мексике относительно народного просвещения после падения порфизма⁴.

Я попросил его, чтобы он мне дал письменно ответ по некоторым пунктам относительно литературы, искусства и воспитания в России. Посредством моего верного товарища и хорошего переводчика, студента-коммуниста Хорхе Корсунского⁵ я получил следующее письмо, которое является единственным документом, спасенным от реквизиции швейцарской полицией, поскольку оно лежало между страниц какой-то книги.

ПИСЬМА А.В. ЛУНАЧАРСКОГО

1

Москва, 23 сентября 1924

Дорогой товарищ Айя де ла Торре:

С большим удовольствием отвечаю на Ваши вопросы и мне приятно этим послать Вам приветы и выразить симпатию Народным университетам Гонсалеса Прады в Перу.

Вы меня спрашиваете о литературе и искусстве после революции, и я должен сказать Вам, что пролетарские литераторы в России разделяются на несколько групп в соответствии с языком, предпочтительно ими употребляемым. Имеются группы поэтов и некоторых прозаиков, которые следуют традиции нашего классического литературного языка. Классический русский язык, конечно, менее строг, чем испанский. Он выжил после бурных атак нескольких инноваций, многие из которых приняты им. Тем не менее знаменательно, что пролетарские писатели более чем остальные предпочтительно употребляют классический язык.

Среди прозаиков многие имеют тенденцию закреплять в языке, как можно быстрее, народную речь, которую мы можем назвать языком сегодняшней улицы. По этому пути идет непролетарская часть нашей литературы, как, например, Пильняк (из “Серапионовых братьев”)⁶, Пастернак и другие, ведущие за собой многих пролетарских писателей.

Кроме этих двух тенденций – употребление языка классического и народного – мы имеем группировку ЛЕФ (“Левый фронт”), которая является экстремомодернистской или футуристской. Писатели ЛЕФа стремятся обновить язык столь радикально, сколь это возможно: с одной стороны, попадая много раз впросак, но с другой – достаточно серьезно обогащая его. Некоторые пролетарские писатели следуют дорогами футуристической литературы, и особенно тенденциям ее вождя, бесспорно талантливого, В. Маяковского. Но наши рабочие любят язык ясный и постижимый. Для них классический язык более близок, чем язык модернистов.

Что касается Вашего вопроса по поводу художественного просвещения и обучения, я думаю, что будет ошибкой считать, что мы имеем менее достижений, чем какая-либо другая страна. Да, мы не можем позволить, чтобы наша молодежь чрезмерно заполняла наши высшие школы ради бескорыстного изучения, в то время как мы не будем уверены, что большинство ее, после того как закончит свое обучение, сможет применить его. Мы нуждаемся в большом количестве врачей, инженеров, педагогов и т.д., но не в равной пропорции со знатоками искусства. Знатоку искусства имеет не более трех дорог: или художественное преподавание, или изучение искусства для самого искусства, или журналистика. В настоящих условиях Россия нуждается не более чем в нескольких сотнях людей, знающих искусство. Вот поэтому мы закрыли соответствующий факультет в Москве и сосредоточили изучение искусства в Ленинграде. Ленинград имеет более благоприятные чем Москва условия для изучения искусства во всех его проявлениях. Однако я думаю, что число молодых людей, которые сегодня изучают историю искусства, историю и теорию литературы и т.д., у нас не меньше, чем в какой-либо другой стране.

Факультет археологии в Московском университете сохранился, и не следует беспокоиться о его судьбе. Однако нельзя утверждать, что мы подготавливаем большее количество молодых археологов, чем это необходимо стране, и тем самым делаем плохую службу этим юношам.

По поводу моих сегодняшних дел должен сказать Вам, что собираюсь подготовить работу о Плеханове и о его мнениях по поводу искусства. Я еще не знаю, когда начну эту работу. О нем я ничего не писал кроме нескольких поверхностных статей в газетах и моих воспоминаний, опубликованных в журнале "Под знаменем марксизма"⁷.

Должен, кроме того, сказать Вам, что в моих "Популярных лекциях о западной литературе"⁸ я уделил место и испанской литературе, но сейчас только эпохе ее блестящего расцвета, т.е. Сервантесу, Лопе де Вега, Кальдерону и т.д.

С сердечным приветом Луначарский

* * *

Мнение Луначарского о просветительном русском движении содержится в следующем его письме в Народные университеты Гонсалеса Прады.

2

Р.С.Ф.С.Р.

Народный комиссариат просвещения

26 сентября 1924

Дорогие товарищи, учителя и ученики Народных университетов Гонсалеса Прады в Перу.

Шлю вам привет от Народного комиссариата просвещения Российской Советской Социалистической Республики вместе с приветом от ее многочисленной молодежи, пролетарской и крестьянской, которая стремится сегодня вооружиться высшими науками.

Вождь нашей революции, Владимир Ленин, говорил, что молодежь должна способствовать, насколько возможно, возникновению новой интеллигенции, не отягощенной буржуазными предрассудками и связанной кровно с рабочими и крестьянами. С этой целью мы создали во всех высших школах рабочие факультеты (рабфаки), которые каждый год подготавливают восемь тысяч человек, поступающих в высшие школы. Это составляет более чем третью часть всех поступивших, которые оказываются лучше подготовленными для дальнейшего обучения.

Не ограничиваясь этим, мы отдаем предпочтение при приеме в университеты молодежи пролетарского и крестьянского происхождения и идеологии или настроенным определенно революционно. В соответствии с этим мы стремимся придать не только рабочим факультетам (рабфакам), но всем высшим школам новый характер, приспособленный к этому новому студенческому типу, который строго соответствует нуждам нашей страны.

Наша молодежь находится еще в трудной ситуации, потому что страна была истощена войнами и голодом, бойкотом со стороны капиталистических стран и только сейчас начинает восстанавливаться. Мы имеем сейчас (1924 год) двадцать пять тысяч студентов рабочих факультетов, полностью оплачиваемых государством, и даем регулярную стипендию двадцати двум тысячам студентов из ста тысяч студентов высшей школы. Это еще недостаточно. Но студенты тем не менее, несмотря на отсутствие хороших жилищ и относительную бедность, в которой живут, посвящают себя учению с колоссальным усердием.

Коммунистический Союз молодежи, который охватывает большинство студентов, – наиболее активный пропагандист просвещения в нашей стране после Коммунистической партии.

Наше единение с молодежью – это лучшая гарантия стабильности нашей победы.

От всего сердца мы желаем, чтобы рабочая и крестьянская молодежь Перу, которая начала столь серьезно свое обучение в превосходных Народных университетах Гонсалеса Прады, объединились – как можно скорее – в нашу большую семью рабочих и крестьян, которая готова вести человечество к лучшему будущему.

Ваш товарищ

А. Луначарский
Народный комиссар просвещения Российской
Советской Социалистической Республики

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гонсалес Прада Мануэль (1848–1918) – перуанский поэт, публицист и политический деятель, сторонник демократического и культурного обновления своей страны. Народные университеты им. Гонсалеса Прады – открытые студентами Перу в начале 1920-х годов независимые от государства школы для трудящихся.
- ² Имеется в виду: *Луначарский А.В.* История западноевропейской литературы и ее важнейших моментов (лекции, читанные в Университете им. Я.М. Свердлова). М., 1924. Ч. 1, 2.
- ³ Ривера Диего (1886–1957) – мексиканский художник; с 1922 г. член Мексиканской коммунистической партии.
- ⁴ Порфиризм – от имени Порфирио Диаса де ла Круса (1830–1915), мексиканского генерала, политического деятеля, диктатора Мексики в 1877–1911 гг., свергнутого в начале Мексиканской революции 1910–1917 гг.
- ⁵ Корсунский Георгий – молодой специалист по испанской истории и литературе, работал в качестве переводчика со многими испаноязычными гостями СССР в 1920-х годах.
- ⁶ Ошибка: Б. Пильняк не входил в группу “Серапионовы братья”.
- ⁷ *Луначарский А.В.* Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым // Под знаменем марксизма. М., 1922. № 5/6. С. 87–95; См. также: Литературный сборник памяти Г.В. Плеханова-революционера. Пг., 1919. С. 20–27; и др.
- ⁸ См. прим. 2.

БРЮСОВСКИЙ ИНСТИТУТ. ВОСПОМИНАНИЯ Б.И.ПУРИШЕВА

“Воспоминания старого москвича” написаны Борисом Ивановичем Пуришевым в конце жизни, в 1987–1989 гг. (мемуарист скончался 2 апреля 1989 г.). Это 95 страниц машинописи. Автор воспоминаний — широкоизвестный исследователь истории зарубежной литературы и преподаватель высшей школы. Б.И.Пуришев — составитель хрестоматий по зарубежной литературе средних веков, Возрождения, XVII в., автор многих трудов о зарубежной литературе (главным образом немецкой) и написанных совместно с Б.В.Михайловским “Очерков истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в.”, изданных в 1941 г.¹ С 1929 г. Б.И.Пуришев преподавал в Московском государственном пединституте имени В.И.Ленина, где в память профессора с 1990 г. проводятся ежегодные Пуришевские чтения. Большой популярностью пользовались его публичные лекции. Помню Б.И.Пуришева и как члена редколлегии академической серии “Литературные памятники”, высокоэрудированного и неизменно доброжелательного.

Б.И.Пуришев родился в Москве 28 марта (10 апреля) 1903 г. в семье коммер-

¹ См. статью о Б.И.Пуришеве в Краткой литературной энциклопедии. (М., 1971. Т. 6. Стб. 84-85.).

санта, интеллигента первого поколения. К такому же кругу принадлежала его мать, урожденная Соколова. В Воспоминаниях значительное место отведено детским впечатлениям о Москве (особенно о местности, близкой к переулочью Сретенки) и Подмосковье, семейному быту лиц его окружения в предреволюционные годы, учению в реформаторском училище, коллекционерским увлечениям, занятиям в высшей школе, творческой деятельности, московским переводчикам довоенных лет. Описания, как можно убедиться, подчас зримо ощутимые: «Самым увлекательным красочным и самобытным торговым зрелищем Москвы тех лет являлся большой торг на Красной площади, приуроченный к Вербной неделе. Здесь на главной площади города сооружались ряды лавок, тянувшихся от храма Василия Блаженного до Исторического музея. Пространство, непосредственно примыкавшее к каменным торговым рядам (нынешний ГУМ), оставалось открытым. По нему, как по широкой улице, взад и вперед проезжали коляски с нарядными дамами, желавшими и на людей посмотреть и себя показать. В палатках шла бойкая торговля. Мне запомнились всевозможные лакомства и забавные безделушки, привлекавшие как детей, так и взрослых. Сюда сходились лучшие мастера нарядных пряничных изделий, еще хранившие свои производственные секреты. Здесь можно было купить пряники тульские на меду, пряники вяземские, городецкие, мятные тверские пряники в виде различных фигурок, в том числе гусаров на коне и т.д. Были эти пряники свежими, ароматными, вкусными. Теперешние пряники, иногда сохраняющие традиционные формы и названия, мало чем напоминают пряники моего детства. Здесь же при вас пеклись вафли, наполнявшиеся затем приятным воздушным кремом. Вероятно, было там и много других лакомств самого высокого качества, но сейчас я уже не могу все это вспомнить. Что-то сказочное было в этом изобилии, в этом торжестве народной гастрономической фантазии.

Что-то сказочное было и в толпе, расцвеченной занимательными безделушками. Вот идет бравый ремесленник или рабочий. Картуз его со всех сторон унизан пестрыми бабочками и забавными зверюшками. Во рту у него “тещин язык” — свистулька в виде длинного языка, который с треском развертывается, когда в него дуют. В руке он несет “морского жителя” — так назывались стеклянные чертики, заключенные в узкую стеклянную колбу, наполненную водой, с резиновой затычкой. Если на эту затычку нажимать, морской житель начинал подпрыгивать или опускаться в колбе. Дети очень любили эту занятую игрушку. К пуговице на пиджаке нашего встречного привязана нитка, на конце которой болтался легкий пузырек с нарисованной смешной рожицей, называвшейся “пуришкевичем”. И грудь его была вся покрыта искусственными цветами и бабочками. И таких прохожих было множество, не говоря уже о детях, буквально утопавших в красочных безделушках. И все это двигалось, шумело, восклицало и смеялось на таком сказочном фоне как храм Василия Блаженного и кремлевские стены и башни».

Воспоминания заслуживают напечатания полностью. В этом томе АЕ публикуется глава о периоде учения в Брюсовском институте (как обычно называли руководимый В.Я.Брюсовым Высший литературно-художественный институт), об учащихся и учащихся там, о литературной Москве той поры. В следующем томе АЕ предполагается публикация главы о путешествиях, совместных с другом — известным историком русской литературы начала XX в. Борисом Васильевичем Михайловским, с целью изучения фресковой живописи храмов допетровской Руси.

Машинопись хранится у сына мемуариста Ивана Борисовича Пуришева — члена-корреспондента Академии архитектуры и строительных наук, архитектора-реставратора, автора трудов о древних городах Поволжья и центра России, их архитектуре.

С.О.Шмидт

БРЮСОВСКИЙ ИНСТИТУТ

(Из “Воспоминаний старого москвича”)

Осенью 1921 года на улицах Москвы я увидел объявление, гласившее, что в Москве открывается Высший литературно-художественный институт под руководством В.Я.Брюсова, который объявляет набор поэтов, прозаиков, драматургов, критиков и литературоведов. Это объявление решило все мои колебания. Валерия Яковлевича Брюсова я высоко чтил как превосходного поэта и человека огромной культуры. Меня привлекал его поэтический монументализм и стремление идти в ногу со временем. К тому же я писал стихи и лучшего метра не находил среди современников. Правда, я вовремя понял, что большим поэтом прихода меня не создала, и занялся филологией, прежде всего историей немецкой литературы, к которой меня в какой-то мере уже подготовило Реформатское училище.

Следует заметить, что литературно-художественный институт, созданный по проекту Брюсова, был высшим учебным заведением совершенно нового типа. Это была литературная консерватория, о которой давно уже мечтал Брюсов. Все здесь создавалось заново. Вихрь смелой новизны поддерживал наши крылья. И тут без труда можно было заметить черты московской фантазмагии тех лет.

Начнем, однако, с самого начала. В положенный срок мы, абитуриенты 1921 года, собрались по указанному адресу по Поварской улице во дворе старинного дворянского особняка, описанного в свое время Л.Н.Толстым в романе “Война и мир”, как особняк графов Ростовых. Перед революцией особняк этот принадлежал графине Сологуб и сохранял все черты аристократического жилища. Фасад дома украшали колонны, обращенные к овальному двору, так называемому “кур д’онер”, предназначенному для приема карет приезжающих гостей. В главные комнаты нужно было подниматься по мраморной лестнице, у основания которой стояла фигура рыцаря, облеченного в старинные латы и шлем, изготовленный еще видимо в средние века. На верхней площадке лестницы, ведшей непосредственно в жилые апартаменты, стояла красивая статуя античной богини, высеченной из белого мрамора, вероятно, итальянской работы XVIII века.

Эти две неожиданные статуи легендарных эпох как бы приглашали нас вступить в необычный мир, уготованный для нас по воле Валерия Брюсова на одной из старинных московских улиц. Для большинства из нас многое было необычно в старинном этом особняке. Как уже отмечалось выше, здесь сохранялась обстановка середины, а то и начала прошлого века. Здесь можно было увидеть изящную ампирную мебель, каминные, штофные обои, картины старых мастеров, венецианские зеркала, хрустальные осветительные приборы. Все это выглядело причудливо в сочетании с разношерстной толпой студентов из самых различных социальных слоев. Были среди нас дети московских интеллигентов, выходцы из деревни, во многом сохранявшие свой сельский облик, представители рабочей среды, матросы и небольшая стайка молодых аристократов, хорошо выглядевших на фоне ампирного интерьера, но несколько странно — среди новой советской молодежи. Особое внимание обращал на себя барон Дельвиг, молодой, красивый, прямо сошедший с картины искусного мастера. На него влюбленными глазами смотрели многие женщины. Я запомнил начало одного его стихотворения, прочитанного в присутствии Брюсова: “О, единственная сестра, спаси меня от надвигающейся ночи!” Дальнейшая судьба молодого барона мне неизвестна.

Для полноты картины следует иметь в виду, что то было трудное для Москвы время, время буйной разрухи, одним из трагических следствий которой являлся холод. В небольших домах с печным отоплением люди могли кое-как сводить концы с концами. В дело шли сохранившиеся дрова или доски из соседнего забо-

ра. Положение больших домов с центральным отоплением было несравненно более трудное. В какой-то момент по всей Москве прекратилось действие центрального отопления. Холод воцарился в квартирах, температура падала ниже нуля. Лишь позднее появились железные печурки, так называемые “буржуйки”, спасшие большой город от замерзания. Холодно было и в Брюсовском институте. Записывать лекции чернилами было нельзя, так как чернила замерзали. Естественно, что мы старались надеть на себя самые теплые вещи. У кого были полушубки, кто укрывался пледами разной расцветки — зелеными, желтыми, синими и т.п. Под грузом этой пестрой толпы начали приходиться в негодность изящные ампирные стулья и кушетки. Их постепенно заменяли обычные скамейки, менее красивые, но более прочные.

Мне вспоминается такой случай, весьма характерный для тех фантастических лет. Лекцию об античной литературе читает В.Я.Брюсов. Он стоит перед студентами в меховой шубе и в меховой шапке. Вдруг благоговейную тишину лекционного зала нарушает резкий стук в дверь. Оказывается, что это — заместитель ректора по хозяйственной части товарищ Коськин в сопровождении студента, несущего охапку дров для разжигания камина. Радость охватила всех присутствующих. Однако дрова оказались сырыми. Их долго нужно было разжигать. Постепенно верхняя половина комнаты наполнилась едким дымом. Сидеть на стульях и скамейках стало уже невозможно. И тогда мы все сели на пол. На пол сел и В.Я.Брюсов, и лекция продолжалась.

Теперь о том, чем мы занимались в институте. Стремясь к тому, чтобы молодые советские литераторы получили основательное гуманитарное образование, Брюсов большое внимание уделял истории и теории всемирной литературы. Будучи по своему университетскому образованию классиком, он приучал студентов высоко ценить великую античную культуру. Им читались лекции на целый семестр по литературе греческой, и на целый семестр — по литературе римской. При этом заметно было, что древний Рим был ему душевно ближе, чем Эллада. Ведь не случайно в одном из своих стихотворений Брюсов писал: “Не как пришлец на римский форум я приходил в страну могил, но как в знакомый мир, с которым одной душой когда-то жил” (“На форуме”). На это указывают и его превосходные романы “Алтарь победы” и “Юпитер поверженный”, а также повесть “Рея Сильвия”. Однажды мы спросили Брюсова: “Валерий Яковлевич, что вы знаете лучше всего?” И он нам ответил: “Пушкина и древний Рим”. И сама его лекторская манера, одновременно ясная и монументальная, содержала что-то классическое. Вслед за своим любимым поэтом Вергилием он избегал многословия. Его слова напоминали хорошо отшлифованные камни, из которых складывались стройные лекции. У нас было свободное посещение лекций. Не всегда студенты аккуратно посещали занятия. Но на Брюсова ходили все. Без риторических прикрас и эффектов он увлекал нас в мир великой античной культуры.

Вспоминается мне такой случай. Однажды кто-то из преподавателей, видимо, заболел и не пришел на лекцию. Чтобы не нарушался порядок, Брюсов решил заменить отсутствующего педагога. Он вошел в аудиторию и сообщил, что прочтет лекцию о топографии древнего Рима. Многих охватило недоумение. Топография? О чем здесь можно рассказывать? Но вот Брюсов заговорил. И мы по его воле совершили увлекательную прогулку по “золотому Риму”, как римляне в древности называли свой прославленный город. Мы бродили по улицам и площадям. Видели многоэтажные дома и золотые купола языческих храмов, видели мраморные статуи и пеструю толпу людей, говоривших на разных языках. Мы увидели, во что были одеты эти люди, чем они торговали и о чем говорили. Все было так наглядно и одновременно достоверно. Ведь Брюсов был и ученым, и писателем, способным оживлять отошедшую от нас жизнь. Заменяя неявившихся преподавателей, Брюсов читал также лекции по истории математики, ко-

торой он был увлечен и знатоком которой он являлся. Насколько помню, лекции Брюсова начинались с древнего Востока. Руководил он также семинаром по всеобщей истории.

Одно время Брюсов вел с нами занятия по латинскому языку, а затем уступил место Сергею Михайловичу Соловьеву, племяннику философа Владимира Соловьева. На своего знаменитого дядю он походил лицом. Под руководством С.М.Соловьева мы читали “Метаморфозы” Овидия.

Андрей Белый, знавший С.М.Соловьева еще с детских лет, писал о нем в поэме “Первое свидание”:

...Сережа Соловьев — ребенок,
Живой смысленный ангеленок,
Над детской комнаткой своей
Восставший рано из пеленок, —
Родною соловьевской всей
Он встречен был как Моисей;
Две бабушки, четыре дяди
И, кажется, шестнадцать тетей
Его выращивали пяди,
Но сохранил его господь;
Трех лет, ну право же-с, ей богу-с,

Трех лет (скажу без лишних слов),
Трех лет ему открылся Логос,
Шести — Григорий Богослов,
Семи — словарь французских слов;
Перелагать свои святыни
Уже с четырнадцати лет
Умея в звучные латыни,
Он — вот, провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик,
Голубоглазый гимназистик...

Подобно другим Соловьевым, Сергей Михайлович был человеком глубоко религиозным, к тому же он тяготел к католицизму. В сталинское время судьба его сложилась трагически. Он был арестован, попал в руки к Ульриху и потерял рассудок. Спустя несколько лет я встретил его на Сретенском бульваре. Он в одиночестве сидел на скамейке. Пальцами перебирал что-то незримое. Глаза его были отмечены печатью безумья.

Лекции о западноевропейской литературе, начиная со средних веков, читал П.С.Коган¹ в духе своих популярных в то время “Очерков по истории западноевропейской литературы” (М., 1928. Изд. 9-е).

С немецкой литературой средних веков знакомил нас Григорий Алексеевич Рачинский², ведший также семинар по “Фаусту” Гете. Как лектор Г.А.Рачинский не привлекал студентов, да и немецкое средневековье не слишком привлекало молодых людей. Могу сказать, что я был единственным его постоянным слушателем. Зато престарелый профессор (родившийся в 1859 году, т.е. еще до отмены крепостного права) нас привлекал как человек высокой образованности, тесно связанный со множеством представителей русской культуры. Происходя из старинного дворянского рода, он состоял в родственных отношениях с А.С.Пушкиным (вспомним слова поэта: “Мой предок Рача мышцей бранной святому Невскому служил”). С душевным трепетом и изумлением слушали мы рассказ Григория Алексеевича о том, как его отец (не дед или прадед, а отец!) встречался с великим русским поэтом. Рассказы Рачинского о встречах с выдающимися людьми прежде всего и привлекали к нему литературную молодежь. Следует вспомнить, что Рачинский был женат на дочери Саввы Мамонтова, знаменитого мецената, владельца имения “Абрамцево” под Москвой. Понятно, что Рачинский часто бывал в “Абрамцево” и входил в тот круг людей, которые окружали Мамонтова: литераторы, художники, театральные деятели.

О ком только Рачинский не вспоминал? С кем он только не был близок? Он присутствовал при рождении Московского художественного театра и утверждал, что К.С.Станиславский был прирожденным фарсовым актером. Я вспомнил об этом его суждении, когда увидел Станиславского в роли Фамусова в спектакле МХТ (1938). Рачинский был связан с философскими кругами. Он был редактором собрания сочинений Фридриха Ницше и ряда томов Владимира Соловьева, был председателем “Общества свободной эстетики”. И был близок к Андрею

Белому и другим представителям символизма. Студенты часто просили его поделиться воспоминаниями о примечательных встречах и связях, и было всегда очень интересно.

Содержательные лекции об Эмиле Золя и других французских писателях XIX века читал М.Д.Эйхенгольц³. Интересны были отдельные лекции С.В.Шервинского⁴ о культуре Италии и Я.Э.Голосовкера⁵ об античных мифах. Русская литература была вверена ряду видных философов. О древнерусской литературе рассказывал Б.М.Соколов⁶, о русском народном творчестве — его брат Ю.М.Соколов⁷. Он был поистине влюблен в народные творения. Собирал их на русском Севере и с большим душевным подъемом говорил обо всем этом. О новой русской литературе красноречиво повествовал П.Н.Сакулин⁸, избранный в 1929 году академиком. Он был подлинным златоустом наших лекционных курсов. Истории русской критики был посвящен семинар, которым руководил Н.К.Пиксанов⁹. А.С.Пушкиным занимались тогда такие знатоки великого поэта, как М.А.Цявловский¹⁰ и Н.Л.Бродский¹¹. Лекции о Достоевском читал В.Ф.Переверзев¹². Семинары по творчеству Гоголя, Достоевского и Тютчева вел Я.Г.Зунделович¹³. Среди профессоров были у нас видные лингвисты, читавшие лекции о русском языке, — А.М.Пешковский¹⁴ (поэтический синтаксис) и Д.Н.Ушаков¹⁵, который однажды похвалил мое “московское произношение”. Психологию и другие предметы читал М.С.Григорьев¹⁶.

Пристальное внимание уделялось у нас теории литературы: исторической поэтике (Л.Якобсон¹⁷), теории прозы (К.Г.Локс¹⁸), теории стиха (В.Я.Брюсов, Г.А.Шенгели¹⁹, А.Е.Адалис²⁰, И.С.Рукавишников²¹, Д.С.Усов²²). Колоритной фигурой был Иван Сергеевич Рукавишников, автор романа “Проклятый род”, в котором он с решительной откровенностью поведал о делах и днях своего купеческого рода. Его перу принадлежали также многочисленные стихи, с особенной охотой писал он триолеты (“Триолеты любви и вечности”. М., 1917 и др.). Опираясь он также на традиции русской народной песни в “сказах” “Степан Разин” (1925) и “Пугачевщина”. Очень выразительно нараспев читал отрывки из этих “сказов”. Самый вид его обращал на себя внимание. Высокий худощавый, с испанской бородкой, напоминал он Дон Кихота. И одет он был не совсем обычно. Он носил черную бархатную куртку, с большой серебряной звездой на груди. На ногах его было подобие ботфуртов. На занятиях он знакомил нас с твердыми поэтическими формами, утверждавшимися в европейской поэзии со средних веков: с сонетами, французскими балладами XV века, рондо, вироле, триолетами и т.п.

Желая сделать наглядной конструктивную целесообразность сонета и других твердых форм, он приносил с собой изображения готических соборов и ратуш и развешивал их по стенам. Подобные параллели могли быть спорными, но свою педагогическую роль они все-таки играли, расширяя культурный кругозор студентов, а также приучая их к аналитическому мышлению. В меру своих возможностей мы писали сонеты, триолеты и стихотворения в других традиционных формах.

Лекции о драматургии читали В.М.Волькенштейн²³ и А.В.Луначарский. Аудитория на лекциях последнего была всегда полна. И было это вполне понятно, потому что Луначарский был действительно замечательным лектором.

Велись у нас также занятия по клубному, библиотечному делу. И не зря. Студентка Клавдия Николаевна Сахарова²⁴, вскоре ставшая моей женой, до конца своих дней с успехом работала в московских библиотеках.

Значительное место в институтских занятиях, в соответствии со спецификой ВЛХИ, занимали так называемые “творческие классы”, на которых читались и обсуждались произведения студентов. Классом поэзии руководил В.Я.Брюсов, классом прозы — К.Г.Локс, классом критики — Л.П.Гроссман²⁵ (он же читал и историю и теорию критики), классом драматургии — В.М.Волькенштейн.

Наибольший интерес вызывал класс стиха. Во-первых потому, что среди питомцев института было много одаренных поэтов. Назову хотя бы Михаила Светлова²⁶, Николая Дементьева²⁷, Дира Туманного²⁸, Ивана Приблудного²⁹, детскую поэтессу Е.Благинину³⁰. Всем хотелось услышать, что скажет о их произведениях “Сам” Валерий Брюсов. Можно было ожидать, что глава русских символистов будет пристрастен в своих суждениях и оценках. Но этого не было. Для него символизм и все, что с ним связано, был уже вчерашним днем нашей литературы. И когда один из студентов прочел стихотворение, начинавшееся словами: “Я арлекин, тоскующий по ритмам...”, Брюсов заметил, что время, когда наши поэты увлекались арлекинами и пьеро, прошло. Сейчас перед нами стоит совсем другая жизнь. И в связи с этим одобритительно отозвался о стихотворении Степана Злобина³¹ (тогда Злобин, ставший известным прозаиком, еще писал стихи), посвященном голоду в Поволжье. Стихотворение было в поэтическом отношении довольно вялым, но оно обращено было к трагическим событиям, волновавшим в то время страну. Интересно было, что из современных поэтов Брюсов выделял В.Маяковского, С.Есенина и Б.Пастернака, а ведь Б.Пастернак в то время только начинал свое поэтическое восхождение (“Сестра моя жизнь”. М., 1922).

Класс прозы я не посещал, хотя среди студентов были несомненно одаренные и даже талантливые прозаики. Это уже упоминавшийся Степан Злобин (исторические романы “Салават Юлаев”, 1929, “Степан Разин”, 1951 и др.), Петр Замойский³² (роман “Лапти”, 1919–36 и др.), Сергей Бородин³³ (исторические романы “Дмитрий Донской”, 1941; “Звезды над Самаркандом” 1953–59), Артем Веселый³⁴ (роман “Россия, кровью умытая”, 1929–32, “Гуляй Волга”, 1932 и др.). С отрывком из романа “Россия, кровью умытая” он однажды выступал перед студентами и преподавателями института. Вспоминаю его плотную подвижную фигуру в матросской тельняшке, помню, как он ходил по комнатам института и оживленно и откровенно беседовал с молодежью. В 1939 г. он пал жертвой государственного произвола.

Были среди нас и лица, склонные к научно-исследовательской работе. Прежде всего назову Л.И.Тимофеева³⁵, избранного впоследствии членом-корреспондентом АН СССР, известного теоретика и историка советской литературы, докторов филологических наук С.А.Макашина³⁶, знатока Герцена и революционных демократов, и Б.В.Михайловского³⁷, ставшего моим ближайшим другом. Он был старше меня на несколько лет (родился в 1899 году). Сын журналиста и музыкального критика, он отличался умом и значительной образованностью. Он хорошо знал немецкую классическую философию. Получил музыкальное образование у композитора Гречанинова, сам сочинял музыкальные этюды, пел и играл на пианино. Высоко ценил старинную музыку, Скрябина и Р.Вагнера. Мог петь на немецком языке арии из опер Вагнера. Любил писателей эпохи символизма, особенно Андрея Белого и Вячеслава Иванова. Но как исследователь занялся А.М.Горьким, поскольку символисты в 30-е годы принадлежали к числу “отверженных”. Хорошо играл в шахматы. С шахмат, правда довольно своеобразно, и началось наше сближение. Не знаю почему, Борис Васильевич решил, что я должен наилучшим образом играть в шахматы. А я играл просто плохо (не обладая качествами, которые должны были украшать настоящего шахматиста), но я не стал отказываться и сел за шахматную доску. Чем дальше шла игра, тем чаще задумывался мой партнер, наконец, я естественным образом проиграл. А когда я спросил Михайловского: почему он играл с такими паузами, он мне признался, что моя игра поразила его своей нелогичностью и, не понимая того, что эта “нелогичность” являлась просто плохой игрой, он, отлично знавший шахматную теорию, готов был в моих неумелых действиях видеть необычайную смелость и оригинальность. Ему даже казалось, что перед ним второй Рети, выдаю-

щийся шахматист, поражавший своей оригинальной игрой. Больше мы с Михайловским в шахматы не играли. Любил Борис Васильевич также изобразительное искусство, обладал мягким тонким юмором. Я сразу оценил его несомненные достоинства и очень был рад тому, что он искал моей дружбы. Мы с ним часто встречались и не только в стенах института. Я заходил к нему домой, видел его отца. Жил он в то время во Вспольном переулке, в старинном двухэтажном доме с садом. Была у них большая коллекция грампластинок с набором оперных арий и духовной музыки. Еще в студенческие годы начали мы с ним путешествовать по Кавказу и Крыму. Хорошо помню, как мы с ним посещали выставки и музеи и взволнованно присутствовали на первом московском исполнении 5-й симфонии Д.Шостаковича под управлением Евгения Мравинского в Большом зале консерватории.

Среди студентов института были и другие образованные и милые молодые люди, с которыми я поддерживал наилучшие отношения, но именно Б.В.Михайловский оставался моим ближайшим другом. С ним мне было особенно интересно и хорошо. Нередко с участием студентов устраивались оживленные встречи. Это могли быть вечера поэзии, либо те или иные памятные даты. Бывали встречи, посвященные поэтическим импровизациям. Брюсов был признанным мастером импровизации, но иногда победу одерживал Иван Приблудный, молодой деревенский светловолосый паренек, — фигура весьма колоритная. Он связан был с С.Есениным и его окружением, сам писал стихи, любил выдумки и шутки.

Однажды в зимнюю пору студенты устремились к окнам, смотрели на двор и смеялись. А во дворе по снегу совершенно голый шел Приблудный с рыцарским шлемом на голове (шлем он снял с рыцаря, стоявшего у основания лестницы, о чем уже говорилось выше).

А вот еще один эпизод. Молодежь затеяла игры, в которых участие принял В.Я.Брюсов. Я уже успел забыть правила игры. Помню только, что все образовали круг, а посередине круга оказывался один из играющих. Им был Иван Приблудный. Он обладал правом называть любого из стоящих в кругу и дать ему любое задание. Приблудный не спешил. Воспользовавшись этим правом, он медленно обозревал стоявших вокруг него, пока взгляд его не остановился на Коськине, заместителе Брюсова по хозяйственной части. Раз ректор принимал участие в игре, то и он, человек угрюмый и, видимо, вовсе не склонный к забавам, считал своим долгом не отставать от начальства. Приблудный поманил его пальцем, и когда Коськин покинул круг, сказал ему с самым серьезным видом: “Товарищ Коськин, встань передо мной на колени, как я стоял вчера перед тобой, хлопоча о стипендии!” Растерянный Коськин умоляюще глядел на Брюсова, но последний дал ему понять, что правила игры следует выполнять.

О Брюсове существовало мнение, как о человеке суровом, даже надменном. Мы, молодые воспитанники ВЛХИ, этого не замечали. Как ректор он был доступен и внимателен. А в улыбке его было что-то детское, наивное. Еще в 1914 году написано им стихотворение “Юношам”, в котором есть такие строки:

...Вы мой прообраз, юности крылатой
Я в вашем облике молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы — миру жизнь несущая вода!

Вероятно, не все студенты нашего института знали это стихотворение, но все ощущали доброе к нам отношение выдающегося поэта. И многие относились к нему с сердечной теплотой. И то, что Брюсов вмешивался в нашу толпу и даже играл с нами, было нам дорого. Ведь за этим не стояло никакого корыстного

расчета со стороны Брюсова. Его вниманием дорожили. И многие имели основание говорить:

Валерий Брюсов нас заметил
И в гроб сходя, благословил.

Хотелось бы вспомнить еще об одной студенческой встрече. Мы играли в “кошки-мышки” (ну кто сейчас из взрослых людей играет в эту детскую игру?). А ведь мы играли, и Брюсов был с нами. Конечно, мы понимали, что он уже человек пожилой и не может соревноваться с нами в быстроте. Поэтому, жалея его, мы давали ему от нас ускользать, но игра продолжалась и в конце концов Брюсова настигали. Сейчас эта трогательная игра кажется сказкой, да ведь это и была московская сказка 20-х годов.

Мог этот “суровый” метр пошутить и пошутить своеобразно. Вот что произошло однажды со мной. Я должен был сдавать Валерию Яковлевичу древнеримскую литературу. Основательно подготовился я к экзамену. Вхожу в аудиторию. За экзаменационным столом вижу Брюсова и Г.А.Рачинского. Рачинский наклоняется к Брюсову и что-то ему говорит. Вслед за этим Брюсов задает мне первый вопрос: “Скажите, где стоял римский оратор, когда произносил речь на Форуме?” Я молчу, так как не знаю, где он стоял. На второй вопрос: “С какой фразы начинается “История” Корнелия Непота?” я также отвечаю молчанием. “История” Корнелия Непота не входила в список обязательных текстов, но я ее все-таки внимательно прочел. Однако с какой именно фразы она начиналась, вспомнить не мог. С третьим вопросом было то же самое. Сейчас я уже не помню, о чем меня спросил Брюсов. Помню только, что я угрюмо молчал. Взяв мою зачетную книжку, Брюсов поставил в ней отметку, я даже не стал смотреть, что это была за отметка, уверенный в том, что получил “неудовлетворительно”. Какого же было мое изумление, когда я, спустя некоторое время, увидел в книжке слова “весьма удовлетворительно”. По тем временам это был высший бал, т.е. “отлично”. Встретив Г.А.Рачинского, я его спросил: “Что же произошло?” А он, с интересом следивший за моими занятиями, представил меня Брюсову, как одного из самых прилежных студентов, много читавшего. Тут Брюсов и решил сыграть со мной экзаменационную шутку.

9 октября 1924 года умер Валерий Яковлевич Брюсов. Он был в гостях у Максимилиана Волошина в Коктебеле (Восточный Крым). Простудился во время прогулки, попав под сильный дождь, и, вернувшись в Москву, умер от воспаления легких. Для ВЛХИ его неожиданная смерть (ведь Брюсову было немногим более 50 лет), была сильным ударом. Мы несли его гроб от института до Новодевичьего кладбища. Когда похоронная процессия проходила мимо британского посольства, находившегося неподалеку от нашего института на Поварской улице, британский государственный флаг был приспущен. На пути к кладбищу государственные и культурные деятели выступали с краткими речами. Одну из таких речей произнес Н.И.Бухарин.

После смерти Брюсова ректором ВЛХИ был назначен известный критик и историк В.П.Полонский³⁸. Однако в 1925 году институт перестал существовать.

На выпускной вечер к нам приезжал нарком просвещения А.В.Луначарский. Мне поручено было выступить от имени студентов. В стенной газете много было веселых эпиграмм и шуточных стихов. Мне запомнились следующие: на студента Мишу Гершензона, племянника известного историка литературы М.О.Гершензона³⁹, появлявшегося среди наших профессоров. Миша горячо любил Петrarку, переводил его стихи и творения.

Перед мадонною склоненный
Стою коленопреклоненный
И не пойму душой смущенной,
Где Гершензон, а где мадонна?

На студентку Бер:

Довольно спичев,
Кто скажет “Бер”,
Тот должен молвить “Дичев”

На студентку К.Н.Сахарову-Пуришеву, ведавшую библиотекой ВЛХИ. Она отличалась строгостью и требовательностью.

Шипенье пуристых шакалов
И Индюкс запыленных книг.

На меня:

С душою прямо геттингенской
Наш несравненный бакалавр
Волосом Захаров-Мэнский⁴⁰,
Голосом — Петраркин лавр.

Смерть Брюсова сблизила меня и мою семью с вдовой поэта Иоанной Матвеевны Брюсовой⁴¹. Я, моя жена Клавдия Николаевна и сын Иван часто посещали ее в доме на Первой Мещанской улице. Всегда она была приветливой хозяйкой. К ней часто заглядывали родственники поэта, в том числе сестра поэта, Надежда Яковлевна Брюсова, являвшаяся в то время ректором Московской консерватории. Выдающийся пианист Н.К.Игумнов играл в кабинете поэта, в котором обычно и собирались гости. Здесь было много книг, висели портреты Эмиля Верхарна и Владимира Соловьева, акварель Судейкина, изображавшая bucolического пастушка, и большая гравюра Пиранези из цикла “Древний Рим”. В этой библиотеке жена моя Клавдия Николаевна (или, как называла ее Иоанна Матвеевна, Клавочка) с присущей ей аккуратностью фиксировала рукописные пометки Брюсова на полях и страницах книг брюсовской библиотеки. Романсы на слова Брюсова пела известная певица Нина Дорлиак. Стихи Брюсова превосходно читал С.В.Шервинский. Среди посетителей бывали Н.С.Ашукин⁴², которого Брюсов привлекал при работе над “Поэзией Армении”, и Г.А.Шенгели. Иногда появлялся С.А.Поляков⁴³ — меценат и переводчик, издатель журнала “Весы”, фактическим руководителем которого являлся В.Я.Брюсов. Иногда присутствовавшие обменивались шуточными стихами, в том числе стихами на трудные рифмы. Однажды Н.С.Ашукин свою фамилию предложил в качестве трудной рифмы. Г.А.Шенгели принял этот вызов и прочел следующий экспромт:

Срифмовать “Ашукин”
Может еле-еле
Только сукин
Сын, старик Шенгели.

Однажды при мне Иоанну Матвеевну навестил Максимилиан Александрович Волошин, произведший на меня большое впечатление. Постоянно среди людей мелькал секретарь брюсовского кружка А.А.Ильинский-Блюментал⁴⁴.

То, что атмосфера в ИЛХИ была наполнена поэзией — в этом нет ничего удивительного. Ведь во главе института стоял один из крупнейших русских поэтов двадцатого века. Но дело не только в этом. Ведь двадцатые годы были периодом, когда поэзией увлекалось множество людей. Поэтические вечера, как правило, собирали множество слушателей. В те годы Большая аудитория Московского политехнического музея, в которой преимущественно происходили эти вечера, являлась признанным центром литературной жизни столицы.

Этот интерес к поэзии объяснялся, видимо, тем, что поэзия была более подвижной, чем повествовательная проза, а в период, когда все время ощущался недостаток бумаги, живое слово поэтов в какой-то мере возмещало этот недостаток.

Но Большая аудитория Московского политехнического музея была не только пристанищем поэзии. Жажда знаний собирала здесь людей по самым различным поводам. Здесь устраивались лекции и диспуты, не имевшие отношения к поэзии. Рюрик Ивнев⁴⁵ читал лекции о Карле Марксе и Льве Толстом. Епископ Введенский⁴⁶ спорил с А.В.Луначарским о вере и безверии, о происхождении мира и человека. Популярный в те годы лектор В.Поссе⁴⁷ касался общественных проблем, делал экскурсии в историю России. Помню, как в одной из своих лекций он выразил сомнение в том, что поп Гапон был провокатором. Всегда привлекали внимание многих людей лекции Александры Александровны Корсини, объединенные в циклы. Они посвящены были различным, чаще всего экзотическим странам Тихого и Индийского океана, Средиземного моря, в том числе Японии, острову Яве и т.д. Лекции сопровождалась цветными (раскрашенными?) фотографиями, проецированными на экран. В свое время А.А.Корсини была компаньонкой одной богатой дамы, склонной к путешествиям, и использовала свое положение для того, чтобы создать интересные коллекции названных фотографий. Люди разных возрастов посещали ее лекции, пользовавшиеся неизменным успехом. Правда, наступил день, когда газеты начали ее упрекать в том, что она далека от марксизма и не уделяет должного внимания экономической основе общества. Но о красотах природы и красочных обычаях далеких народов и племен она рассказывала очень живо.

В свойственной ему изящной манере лекции об О.Уайльде и В.Шекспире читал Ю.И.Айхенвальд⁴⁸. Лекции о Пушкине читал В.Я.Брюсов. Истории русской общественной мысли посвящены были лекции Иванова-Разумника⁴⁹ и т.д.

И все же поэзия была душой Большой аудитории Политехнического музея. Я жалею, что не вел дневника, что, придя домой с вечера поэзии, не фиксировал то, что было особенно интересно. Теперь, по прошествии стольких лет, я, разумеется, не могу вспомнить ни дат, ни даже имен выступавших на данном вечере. Воспоминания мои носят самый общий характер. Правда, появившиеся в последнее время материалы в печати дают возможность любознательным читателям составить себе более подробное представление о вечерах поэзии. Прежде всего это книга: «В Политехническом. “Вечер новой поэзии”», стихи участников поэтических вечеров в Политехническом 1917-1923. Статьи, манифесты, воспоминания. Составление и вступительная статья Вл. Муравьева. М., Московский рабочий, 1987.

Помню, какое оживление царило в аудитории и около нее, когда поэты собирались читать свои стихи. “Вечера новой поэзии”, происходившие под председательством В.Я.Брюсова, были особенно многолюдны и шумливы. Бывали и выступления одного или двух известных поэтов. Чрезвычайно жалею, что мне не пришлось присутствовать на вечере Александра Блока, приезжавшего в Москву незадолго до смерти. Отдельно выступал Маяковский, читавший поэму “150 миллионов”. Выступал он также вместе с В.Каменским, однажды с В.Брюсовым. На последней из названных мною встреч, председательствовал А.В.Луначарский. Когда Брюсов и Маяковский закончили чтение своих новых стихов, Луначарский с радостью воскликнул: “Да теперь можно сказать, что у нас есть своя революционная советская поэзия”. А однажды, уже после смерти Брюсова, по инициативе проф. М.С.Григорьева 15 студентов ВЛХИ впервые прочли с трибуны Политехнического музея венок сонетов Брюсова “Светоч мысли”. В этом чтении принимал участие и я. Мне достался сонет X, посвященный эпохе Реформации. Интересно отметить, что в дальнейшем я как историк литературы неоднократно обращался к этой примечательной эпохе, давшей миру Мартина Лютера, Эразма Роттердамского, Альбрехта Дюрера, Ганса Сакса и народные книги.

Выше уже отмечалось, что “Вечера новой поэзии” проходили под председательством В.Я.Брюсова. Ведь он, по справедливому замечанию Вл. Муравьева,

“обладал громадным литературным поэтическим опытом, имел непререкаемый авторитет в литературе и, может быть, как никто в тогдашней литературе, понимал и воспринимал историческую, эпохальную новизну жизни”^{1*}. А становление новой поэзии проходило бурно, противоречиво. В Москве в первые годы Советской власти поэтические школы или группировки стремительно росли, как грибы в осеннем лесу. Некоторые группировки возникали, чтобы вскоре исчезнуть. Иные продолжали существовать, имели своих сторонников и почитателей, шумели, бравировали своей исключительностью. Кого из них могу я вспомнить? На афишах продолжали фигурировать символисты, хотя к 20-м годам подлинных символистов уже не было. От символистов отошли и Брюсов и Андрей Белый. Зато твердые позиции занимали вчерашние футуристы — лефовцы во главе с Владимиром Маяковским. Среди них нельзя не упомянуть Николая Асеева, Василия Каменского, Бориса Пастернака и Сергея Третьякова. Верных почитателей имели имажинисты, руководимые Вадимом Шершеневичем (А. Мариенгоф, А. Кусиков). Успех этой группы в значительной мере объясняется тем, что к ней примыкал Сергей Есенин, уже тогда имевший горячих поклонников. Пролетарские поэты (“Кузница”) представлены были В. Александровским, М. Герасимовым, В. Казиным и др. Крестьянские поэты — С. Клычковым, П. Орешиним, П. Родимовым и др. Были еще неоклассики (Н. Захаров-Мэнский), неоромантики (А. Арго), конструктивисты (В. Луговской), экспрессионисты (И. Соколов), ничевоки (Рюрик Рок) и т.п. У всех этих групп, чаще всего лишенных талантливых представителей, были свои манифесты и крикливые декларации. Подчас та или иная группа вызывала лишь недоумение. Например, “биокосмисты” (я уже не помню, кто был их лидером), обещали средствами поэзии победить смерть. А о ничевоках студент брюсовского института В. Фефер вспоминает следующее: «Они вышли с нагрудниками — детскими “слюнвячками”, на которых написано: “ничего не пишите, ничего не читайте, ничего не печатайте”, безмолвно постояли на сцене и ушли, освищенные публикой»^{2*}.

Конечно, среди посетителей Политехнического преобладали любители литературы, которые из различных, иногда отдаленных районов Москвы шли на Лубянскую площадь, чтобы быть свидетелями рождения новой поэзии. Но встречались среди них и просто любители сенсаций, или даже консерваторы, предпочитавшие привычную старину. Ведь и среди выступавших поэтов, наряду с футуристами, мелькали неоклассики или неоромантики, тяготевшие к традиционным поэтическим формам и мотивам. Иногда страсти накалялись, и аудитория взрывалась шумным скандалом.

Так на одном из вечеров поэзии председательствовавший В. Брюсов предоставил слово Сергею Есенину, решившему прочесть “Сорокоуст” (1920). Уже четвертая строка стихотворения вызвала негодование благонаравных слушателей, а затем и другие места стихотворения, показавшиеся грубыми и непристойными. В ответ из зала понеслись выкрики: “Довольно!” “Безобразие!” “Хулиганство!”. С большим трудом Брюсову удалось уговорить крикунов. А когда в зале воцарилась относительная тишина, он строгий и торжественный, облеченный как всегда в черный сюртук, застегнутый на все пуговицы, сказал: “Если вы мне доверяете как поэту, я скажу, что сейчас вы услышите одно из самых замечательных русских стихотворений последних лет”. В притихшем зале Есенин прочел свое действительно замечательное стихотворение, покоровшее присутствующих, разразившихся громкими аплодисментами.

Естественно, что страсти разгорались на литературных диспутах, причем наиболее решительно сталкивались имажинисты и лефовцы. Лидер имажини-

^{1*} «В Политехническом. “Вечер новой поэзии”». М., 1987. С. 334.

^{2*} Там же.

стов, Вадим Шершеневич, умел вести спор, он был энергичным полемистом и незаурядным оратором, обладавшим сильным и звучным голосом. Но и Владимир Маяковский — лидер левовцев, был великолепным полемистом, находчивым и язвительным.

При мне однажды произошло следующее: на эстраде были имажинисты. С докладом выступал В.Шершеневич. Как и обычно, он ратовал за поэтику образа и резко нападал на левовцев, заявляя, что поэзию они приносят в жертву агиткам. И тут откуда-то с самого верха Большой аудитории между рядами к сцене начал низвергаться Маяковский. Рита Райт, переведшая на немецкий язык “Мистерию-Буфф”, сравнивает его с такими стихийными явлениями природы, как гроза и землетрясение^{3*}. И в этом она права. Маяковский низвергался между рядов, своим могучим голосом сотрясая все огромное пространство аудитории. Что-то могучее, сильное и, можно сказать, стихийное было в этом большом человеке. Он низвергался, а не шагал по ступеням, и, низвергаясь, уже громял своих литературных противников, обвиняя их в том, что они сторонятся революционной действительности. Имажинисты всполошились. Где-то на краю эстрады, как валдайский колокольчик, зазвенел голос Есенина. Шершеневич огрызнулся. В зале раздавались восклицания сторонников обоих направлений.

Нет ничего удивительного в том, что у левовцев и имажинистов было много приверженцев. Были они, кстати сказать, и в Брюсовском институте. Ведь Маяковский, безусловно, являлся крупнейшим поэтом революционной эпохи, а Есенин — одним из самых замечательных лирических поэтов нашего времени. Но и поэты более скромного дарования имели своих читателей и слушателей. Перелистывая в настоящее время антологию «В Политехническом “Вечер новой поэзии”», мы видим, что в 20-е годы поэзия росла и обещала быть интересной. Только наряду с поэтическими цветами нередко встречались и унылые сорняки. Прежде всего это были малопонятные людям вымученные продукты аффектированного сочинительства. Например, стихи Владимира Шишова из его цикла “Слепорожденная вертикаль”. Иные слушатели не скрывали своего недоумения и даже негодования. Они писали записки Брюсову, спрашивая его, как председателя и руководителя поэтических встреч, зачем читаются подобные несуразные стихи, что они дают людям, интересующимся поэзией. Брюсов отвечал на подобные вопросы. Он говорил, что новой России нужна новая поэзия, однако новая не только по содержанию, но и по форме. “На пути этих исканий много может быть ошибок, блужданий вкривь и вкось, но это уже неизбежно: новое никогда не достигается сразу. Поэтому не приходится особенно сетовать, если отдельные писатели заходят слишком далеко в своем разрушении старого и в своих новшествах”^{4*}. Для Брюсова поэзия многочисленных поэтических группировок являлась своего рода творческой лабораторией, в которой закладываются основы большой поэзии, которая со временем приобретает “общенародное значение”.

Многие из присутствовавших в Политехническом готовы были с этим согласиться. Но у вечеров поэзии была еще одна сторона, привлекавшая к себе внимание. Обилие экспансивных поэтических группировок, шумно афишировавших свои претензии, перебранки в зале, громкое чтение непривычных стихов, шутовские выходки ничевоков придавали “вечерам” характер своего рода площадного “действия”, почти карнавала, объединяющего людей в едином многоцветном порыве. Ведь не случайно выступавший на “вечерах” Борис Пастернак в одном из своих стихотворений бросил слова: “... Мы эпохи. Нас сбило и мчит в карнавал”^{5*}. Только, конечно, “карнавал” Пастернака далеко выходил за пределы По-

^{3*} Там же. С. 268.

^{4*} Там же.

^{5*} Там же. С. 43.

литехнического музея. “Вечера поэзии” являлись лишь его малой, хотя и колоритной частью. У Вадима Шершеневича: “На метле революций на шабаш выдумок Россия несется сквозь полночь пусть!”^{6*}

И все же среди голосистых лицедеев поэтического “действия” одно из самых заметных мест занимал Василий Каменский. В нем карнавальная эпоха проявлялась с особой наглядностью. Выступления его всегда проходили с большим успехом. Один из первых русских авиаторов, футурист, эпатировавший обывателя, одно время цирковой артист, изобретатель звучных слов, посланник “солнце-вещущей цувамы”, он радовал слушателей своими ликующими стихами. Чтецом он был превосходным, часто читал отрывки из поэмы “Степан Разин”, но особенной популярностью пользовалось его стихотворение “Жонглер”, начинавшееся с загадочных слов: “Згара-амба, згара-амба, згара-амба, амб”. Как только В.Каменский появлялся на эстраде, многие громко требовали, чтобы он читал “Жонглера”, подобно тому, как от А.В.Неждановой требовали “Соловья” Алябьева.

“Жонглер” — это апофеоз радостного лицедейства, преображающего мир. А изобильная “заумь”, идущая от Велимира Хлебникова, преследует в стихотворении определенную смысловую цель: с ее помощью В.Каменский как бы имитирует движение пестрых предметов, бросаемых ловкими руками жонглера.

...Пой песню, смейся и сияй
Бессмысленным глиором.
Поэтом быть — зайли — зайи,
Будь истинным жонглером.
Бросай — лови.
Дороже струй
Блеск вскинутаго слова.
Осанна вий
И торжествуй
В час звонкого улова...

И ближе к концу:

И всяк поймет, что словоцель
В играйне блеска-диска,
Искусство мира — карусель —
В зарайне золотиска.
Сияй сиярьч. Буби бубенчь.
На тройке трой в триоле.
Пусть чуют все, что слово звенчь —
Есть истина на воле...

Не только в Политехническом на вечерах поэзии вспыхивали в то время искры карнавального огня. В суровые годы разрухи многие тянулись к ярким звонким краскам. Художники “Бубнового валета” расписывали стены жилых домов и красили кроны деревьев. На театральных подмостках вспоминали о балаганах и народных фарсах. В “Мистерии-Буфф” В.Маяковского, поставленной Всеволодом Мейерхольдом (1921), площадная буффонада приобрела гигантский размах. Библейская легенда о всемирном потопе заиграла новыми живыми красками. Как и в шекспировские времена, мир становился театром, причем торжественная мистерия облекалась в буффонные одежды, и человечество, смеясь, расставалось со своим прошлым.

Черты площадного комизма возникали и в других постановках В.Мейерхольда. В “Лесе” Островского Счастливец (Игорь Ильинский) устрашал гостей помещицы Гурмыжской раскатами театрального грома, пробегая по металличе-

* Там же. С. 139.

ским полосам. В том же спектакле на сцене высились “гигантские шаги”. Молодые влюбленные неслись по воздуху как бы на крыльях любви. Буффонный гротеск переполнял пьесу Сухова-Кобылина “Смерть Тарелкина” (1922). В руках у действующих лиц были палки с бычьими пузырями на конце. В пузырях перекачивался сухой горох. Актеры дубасили друг друга этими пузырями, отчего горох гремел, наполняя треском сцену. Но мало этого. Персонажи мрачной комедии стреляли из пистолетов. Стреляли даже стулья, если на них садились. Постепенно сцена заволакивалась голубым пороховым дымом, на фоне которого словно человеческие кости выделялись предметы домашнего обихода, сколоченные из белых планок. Царская Россия уподоблялась тем самым преисподней, окутанной адским дымом. А посреди сцены стояла большая мышеловка, в которую попадал Тарелкин. Черты саркастической буффонады были присущи также “Ревизору” Гоголя (1926). Постановкой восхищены были А.В.Луначарский, В.Маяковский и Андрей Белый.

Изобретательная карнавальная выдумка переполняла спектакль 3-й студии МХТ “Принцесса Турандот” Карло Гоцци в постановке Евг. Вахтангова (1922).

В “Принцессе Брамбилле” по Гофману (Камерный театр, постановка А.Тайрова, 1920) причудливо развертывающиеся события непосредственно связаны с римским карнавалом. Шумная суета этого карнавала передана в театре превосходно. Карнавальные маски и удивительные происшествия образуют причудливую романтическую гирлянду. Среди карнавальных происшествий мне запомнилась история Арлекина (артисты Н.М.Церетели и А.А.Румнев). Он пляшет, веселит толпу, которая однако его разрывает на части — отдельно руки — отдельно ноги. Но “вечный” Арлекин оживает, все части тела соединяются воедино. И он вновь пляшет и радуется людям.

Площадное веселье находило себе в 20-е годы также пристанище в Москве на Арбате в небольшом театре Николая Фореггера⁵⁰ (“Мастфор”), тяготевшем к Плавту (“Близнецы”) и французским фарсам позднего средневековья, которые непосредственно возникали в атмосфере карнавала, а также к забавным комедиям Лабиша, французского комедиографа XIX века, известного у нас главным образом как автора “Соломенной шляпки”. Не помню уж, какую комедию Лабиша ставил Фореггер. Помню только одну деталь спектакля, достаточно характерную для озорной манеры “Мастфора”. Некий персонаж, несуразный и придурковатый, уныло уходил со сцены, а из его заднего прохода вилась струйка дыма. Любители площадного комизма были очень довольны.

Интересно отметить, что даже Московский художественный театр в 20-е годы не устоял против карнавального соблазна. В 1926 году К.С.Станиславский поставил “Горячее сердце” Островского с И.М.Москвиным в роли Хлынова. А ведь “Горячее сердце” — самая “карнавальная” пьеса великого драматурга. Хлынов в русской провинциальной глуши задумал разыграть необычный спектакль. Он взял на себя роль атамана разбойников, а его подчиненные должны были изображать буйную шайку головорезов. Как малый ребенок, Хлынов радовался своей затее. И.М.Москвин превосходно изобразил этот его “детский пафос”, пафос лихого игрока.

В 1925 году мы с Б.В.Михайловским закончили Брюсовский институт, получили соответствующие дипломы и были рекомендованы в аспирантуру. Михайловский — в ГАХН (Государственную академию художественных наук), а я — в Институт языка и литературы РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук). Наш выпуск был первым и единственным выпуском ВЛХИ. Вскоре институт был переведен в Ленинград, но никто из преподавателей туда не поехал, и студентов распределили по разным вузам. Брюсовский институт перестал существовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Коган Петр Семенович (1872–1932) – историк литературы, критик.
- ² Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939) – историк западно-европейской литературы, переводчик.
- ³ Эйхенгольц Марк Давыдович (1889–1953) – историк западно-европейской литературы.
- ⁴ Шервинский Сергей Васильевич (1892–1991) – переводчик, поэт.
- ⁵ Голосовкер Яков Эммануилович (1890–1967) – писатель, философ, историк античной литературы.
- ⁶ Соколов Борис Матвеевич (1889–1930) – историк литературы, фольклорист.
- ⁷ Соколов Юрий Матвеевич (1889–1941) – фольклорист, литературовед.
- ⁸ Сакулин Павел Никитич (1868–1930) – литературовед.
- ⁹ Пиксанов Николай Кириякович (1878–1969) – литературовед.
- ¹⁰ Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947) – литературовед.
- ¹¹ Бродский Николай Леонтьевич (1881–1951) – литературовед.
- ¹² Переверзев Валерья Федорович (1882–1968) – литературовед.
- ¹³ Зунделович Яков Осипович (1893–1965) – литературовед, переводчик.
- ¹⁴ Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933) – языковед.
- ¹⁵ Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) – языковед.
- ¹⁶ Григорьев Михаил Степанович (1890–?) – литературовед.
- ¹⁷ Якобсон Лев Георгиевич, сведений о нем нет.
- ¹⁸ Локс Константин Григорьевич (188–1956) – литературовед, переводчик.
- ¹⁹ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – переводчик, теоретик стиха.
- ²⁰ Адалис (псевдоним; наст. фамилия – Ефрон) Аделина Ефимовна (1900–1969) – поэт, переводчик.
- ²¹ Рукавишников Иван Сергеевич (1877–1930) – прозаик, поэт.
- ²² Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1944) – историк литературы.
- ²³ Волькенштейн Владимир Михайлович (1883–1974) – драматург, теоретик театра.
- ²⁴ Сахарова-Пуришева Клавдия Николаевна (1900–1974) – библиограф, составитель описи библиотеки В.Я. Брюсова.
- ²⁵ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) – литературовед.
- ²⁶ Светлов Михаил Аркадьевич (1903–1964) – поэт.
- ²⁷ Дементьев Николай Иванович (1907–1935) – поэт.
- ²⁸ Туманный Дир (псевдоним; наст. имя – Николай Николаевич Панов, 1903–1973) – поэт.
- ²⁹ Приблудный Иван (псевдоним; наст. имя – Яков Петрович Овчаренко, 1905–1937) – поэт.
- ³⁰ Благинниа Елена Александровна (1903–1989) – поэт.
- ³¹ Злобин Степан Павлович (1903–1965) – писатель-прозаик.
- ³² Замоиский (псевдоним; наст. фамилия – Завалкин), Петр Иванович (1896–1958) – писатель-прозаик.
- ³³ Бородин Сергей Петрович (1902–1974) – писатель-прозаик.
- ³⁴ Веселый Артем (псевдоним; наст. имя – Николай Иванович Кочкуров, 1899–1939) – писатель.
- ³⁵ Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) – литературовед.
- ³⁶ Макашин Сергей Александрович (1906–1989) – литературовед.
- ³⁷ Михайловский Борис Васильевич (1899–1965) – литературовед, искусствовед.
- ³⁸ Полонский (псевдоним; наст. фамилия – Гусин) Вячеслав Петрович (1886–1932) – журналист.
- ³⁹ Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) – историк, литературовед, философ.
- ⁴⁰ Захаров-Мэиский, Николай Николаевич (1895–?) – писатель.
- ⁴¹ Брюсова Иоанна (Жанна) Матвеевна (1876–1965) – жена и друг В.Я. Брюсова, хранитель рукописей и обширной библиотеки поэта.
- ⁴² Азучкин Николай Сергеевич (1890–1972) – литературовед.
- ⁴³ Поляков Сергей Александрович (1874–1948) – издатель.
- ⁴⁴ Ильинский (псевдоним; наст. фамилия – Блюментгау) Александр Адольфович (1885–1971) – сведений о нем нет.
- ⁴⁵ Ивнев Рюрик (псевдоним; наст. имя Ковалев Михаил Александрович, 1891–1981) – поэт.
- ⁴⁶ Введенский Александр Иванович (1888–1946) – митрополит обновленческой церкви, публицист.
- ⁴⁷ Поссе Владимир Александрович (1864–1940) – литератор.
- ⁴⁸ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – литературный критик.
- ⁴⁹ Иванов-Разумник (псевдоним; наст. имя – Иванов, Разумник Васильевич, 1878–1946) – литературный критик, историк.
- ⁵⁰ Фореггер Николай Михайлович (1892–1939) – режиссер.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.Б. ЗАКС ОБ ЭКСКУРСИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В МОСКВЕ 20-х ГОДОВ

Анна Борисовна Закс (1899–1996) – известный историк-музеевед. Она была ярким представителем того поколения интеллигенции, которое вступало в трудовую жизнь в тяжелые 1920-е годы.

А.Б. Закс родилась в Кишиневе, ее отрочество прошло в Двинске (Даугавпилс), юность – в Харькове. Но почти вся ее сознательная жизнь связана с Москвой, где она жила с 1920 г.

Этапы ее пути – учеба на курсах инструкторов-организаторов народного просвещения (1920–1921) и в Московском университете (1921–1924), работа на рабфаке им Н.И. Бухарина (1925–1928), на Центральной опытно-показательной экскурсионной базе Наркомпроса (1925–1933) и, наконец, в Государственном историческом музее, в жизни которого она участвовала более 60 лет.

С именем А.Б. Закс связано создание в ГИМ тематической экспозиции по истории России и обогащение ее источниковой базы через историко-бытовые экспедиции. Первая экспедиция Анны Борисовны была на Кавказ – в Чечню и Дагестан (1936, 1937 г.). Кроме бесценных материалов, привезенных в музей, результатом экспедиции стала кандидатская диссертация “Ташев-хаджи – сподвижник Шамиля”, посвященная чеченскому восстанию 1840-х годов. Преодолев бесконечную цепь препон, А.Б. Закс защитила ее в 1947 г.

После перехода на работу в НИИ музееведения в 1963 г. (совместительство было запрещено), но оставаясь научным консультантом отдела истории России XIX в. и членом Ученого совета музея, Анна Борисовна занималась историей музейного дела. Изучая развитие экспозиционной мысли, обобщая экспозиционные поиски в музеях страны и богатейший собственный опыт, А.Б. Закс вырабатывала принципы и методы создания экспозиций в исторических и краеведческих музеях. Многочисленные статьи и методические рекомендации, написанные ею, стали основным пособием для целого поколения музейных работников.

Список научных трудов А.Б. Закс был опубликован в год ее 90-летия в “Археографическом ежегоднике”¹. Там же печатались и ее статьи².

Впечатляет разнообразие тематики и жанров научных и научно-популярных работ А.Б. Закс: исследования, исторические очерки, публикации источников и авторских исторических карт, методические пособия, экспедиционные отчеты, статьи-экскурсии, путеводители. Они посвящены истории музейного дела и отдельным музеям, анализу коллекций и конкретным памятников, истории крестьянства и проблемам формирования рабочего класса, движению кавказских горцев, революционным событиям 1905 и 1917 г. Многие из них связаны с Москвой и ее историей.

Знания и огромный жизненный опыт, разносторонность и живой интерес к науке, к жизни и людям сочетались в Анне Борисовне с величайшим трудолюбием, организованностью и неизменным оптимизмом. Ее редкий дар – умение соединить труд с интересным и познавательным отдыхом – привлекал к ней людей разных профессий, устремлений, возрастов.

¹ Список печатных трудов А.Б. Закс / Сост. Д.А. Равикович // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 268–271.

² См., Закс А.Б. Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным историческим музеем в 1941–1944 гг. // АЕ за 1975 год. М., 1976.; Она же. Н.Л. Рубинштейн – во главе научной работы ГИМ (1943–1944): по материалам НВА ГИМ и воспоминаниям // АЕ за 1989 год. М., 1990.; Она же. Областные музейные конференции 1926–1927 гг. // АЕ за 1980 год. М., 1981.; Она же. Д.А. Равикович – музеевед-архивист // АЕ за 1995 год. М., 1997.

Уйдя на пенсию, она с энтузиазмом и настойчивостью взялась за работу над воспоминаниями о своей жизни и написала их. Толстые папки с машинописным текстом долго курсировали в среде обширного круга ее друзей и знакомых и вызывали живой отклик.

Полный текст воспоминаний А.Б. Закс “Эта долгая, долгая жизнь...” хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 549). Небольшой отрывок из них о факультете общественных наук Московского университета в 1920-х годах был опубликован в АЕ за 1993 год³. Другой – о ГИМ – в 1930–1940-х годах вошел в изданную к 125-летию музея книгу “И за строкой воспоминаний большая жизнь” (М., 1997).

Предлагаемые отрывки воспоминаний о 1920-х годах и участии А.Б. Закс в экскурсионных делах и москovedении даются с некоторыми сокращениями, учитывая, что частично они были использованы автором в более ранней публикации⁴.

В тексте проведена минимальная редакционная правка.

Е.И. Розенталь

А.Б. Закс

ЭТА ДОЛГАЯ, ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ...

*[О занятиях на гуманитарном факультете
методического отделения Курсов¹]*

Приехав в Москву в ноябре 1920 г. с командировкой и крошечным чемоданчиком, я направилась на Никольскую улицу [...] в д. № 4, где в бывших меблированных комнатах помещались Курсы инструкторов-организаторов народного просвещения [...]

С первобытной культурой знакомил нас молодой ученый Н.М. Попов. Милейший, остроумный, веселый человек, к сожалению, рано умерший от рака. Лекция его нередко превращалась в увлекательную беседу. Лекции по древней истории читал профессор Кун². Помню, как вошел в аудиторию высокий, стройный, худощавый человек, весь рыжий – волосы, ресницы, веснушки, продолговатая закругленная борода. Особенно выразительными были его руки – большие, с длинными холеными пальцами. На нас никакого внимания не обращал, но содержание и форма лекции были безукоризненными. Из всей древней истории он выбрал культуру Нила и Афинскую державу.

Преподавание средневековья, а также экскурсионного дела, которому уделялось в те годы особое внимание, было поручено Николаю Александровичу Гейнике (1875–1955). Его, безусловно, следует назвать патриархом советского экскурсоведения. Он заложил основы его теории и методики, воспитал несколько поколений экскурсоводов высшей квалификации. Увлекал своими экскурсиями всех – от самых пожилых педагогов до пионеров и октябрят. Его старания сыграли немалую роль во внедрении экскурсий в педагогический процесс. (А имени его нет в Педагогической энциклопедии).

Н.А. Гейнике был наиболее колоритной фигурой из всего преподавательского состава. Он поражал своими размерами, необычайной толщиной. Большая голова с рыжеватыми волосами и небольшой бородкой возвышалась над мощным торсом. Вспоминаю, как, спустя многие годы, мы с Н.А. после длинной прогулки зашли в небольшой духанчик у Черного моря. Н.А. хотел сесть на табурет, но хозяин завopil не своим голосом: “Не садись!” И тут же выкатил и поставил большую колоду. “Вот это для тебя. А табуретка сразу сломается!”

Он напоминал рубенсовского Вакха, пожалуй, не только внешностью, но и

³ Закс А.Б. Факультет общественных наук МГУ (1921–1924): Из воспоминаний историка // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 197–201.

⁴ Закс А.Б. Три портрета. Н.А. Гейнике. Н.М. Дружинин. А.Я. Закс // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 248–268.

веселым неумным нравом. Жизнерадостность, насмешливость – но не злая, а доброжелательная – так и светились в его небольших зеленых глазах. Они бывали острыми, проникавшими в самую суть собеседника. Н.А. подмечал недостатки, давал меткие прозвища, которые так и прилипали к человеку. На капустниках – наилучший остроумец, на вечеринках, несмотря на свои габариты, непревзойденный танцор.

Одет в те годы был он неряшливо, как-то скудно. Создавалось впечатление, что любая одежда для него мала. Совсем разваливающиеся полуботинки, ноги в обмотках.

Мы оценили его не сразу. Лекционный курс истории средневекового города Н.А. читал без энтузиазма. Приходил (как, впрочем, многие лекторы) с рюкзаком, наполненным драгоценным пайком. Вынимал пакет с сушеными фруктами, грыз их и между фразами выплевывал косточки. Говорил отрывисто хриловатым голосом. Глаза были затуманенные, сонные, вот-вот заснет. В конце лекции он ожил, глаза заблестели, и он объявил: «Завтра будет экскурсия “Вокруг стен Кремля”. Сбор у Боровицких ворот». И далее не сонным, а твердым звонким голосом сказал: “Начало – ровно в 10. Опоздавшие на экскурсию не допускаются”. К этому заявлению мы отнеслись скептически. Такой расхлябанный с виду человек, а требует какой-то особой точности! И все же, боясь опоздать, 22 человека без десяти десять стояли у Боровицких ворот. Разные по возрасту, образованию и общей культуре. Многие не понимали, зачем ходить вокруг стен Кремля. За одну минуту до 10 часов в Александровском саду появилась фигура Н.А. Гейнике, приближавшегося быстрым, легким, можно сказать даже изящным шагом.

Вместе с боем курантов экскурсия началась. Не буду описывать ее, поскольку с содержанием этого занятия можно ознакомиться в сборнике “Культурно-исторические экскурсии” (М., 1923)³. Скажу только, что это было какое-то волшебное действие, чудо. Слепые становились зрячими. Заговорили не только зубчатые стены и островерхие башни, каждая из которых имела особую историю, особый смысл, свое слово сказал буквально каждый кирпич, каждый зубец Кремлевской стены.

Издали мы любовались изяществом произведения талантливых архитекторов и строителей; стоя непосредственно под башней и поднимая голову, ощущали ее тяжесть и мощь. Воссоздавались картины далеких исторических событий. Века проплывали перед нами, каждый в своей индивидуальности. Мы смотрели, слушали, передвигались, вертели головами, движениями рук обрисовывали контуры архитектурных деталей, отвечали на вопросы руководителя, задавали ему вопросы. Очень разные люди почувствовали себя единым коллективом. Экскурсионный метод как бы впитывали в себя. На занятиях “дома” делились впечатлениями, а Н.А. ненавязчиво, нестандартным языком подводил нас к выводу о том, что такое экскурсионный метод, каковы его преимущества, по сравнению с лекцией, беседой, даже с иллюстрациями.

Экскурсия вокруг стен Кремля была как бы вводной. В следующий раз мы встретились в Б. Гнездииковском переулке, у самого высокого тогда (кажется, 11-этажного) б.дома Нирензее (так называемая экскурсия “На вышку”)⁴. Поднялись на его плоскую крышу пешком (лифта на экскурсиях Н.А. не признавал). Мы увидели словно оживший план Москвы с кремлевским треугольником, бульварным и садовым кольцами. Далее виднелись силуэты монастырей – сторожей Москвы, в свое время защищавших столицу Московского государства. Как на ладони виднелась излучина Москвы-реки, золотые купола церквей, над которыми главенствовала тяжелая золотая шапка храма Христа Спасителя. Впервые было введено понятие “социальный пейзаж”. Богатые особняки, высокие доходные дома, целая роца дымящихся фабричных труб, россыпи деревянных домиков. Как громко говорили они о жизненных, классовых противоречиях...

В дальнейшем, как будто просто гуляя с нами по московским улицам, а на самом деле идя по строго продуманному маршруту, Н.А. уже не показывал сам, а лукаво посматривая на нас с затаившейся в глазах смешинкой, заставлял определять, когда, зачем, из чего построен данный дом. В Москве нередко деревянный дом “камуфлировался” под каменный, и нужно было разыскать деталь (например, обломанный кусок штукатурки), которая разоблачила бы “подделку”.

У Н.А. были свои оценки архитектурных памятников. Он отдавал должное русской старине, уважал классицизм конца XVIII в. Но любимым у него был русский ампир, и эту любовь к нему он прививал нам. Отрицательно относился к “николаевской” архитектуре середины XIX в. Особенно резко критиковал обрусевшего немца архитектора К.А. Тона за его, как он говорил, “тяжелое безвкусице”, которое воплотилось в Большом Кремлевском дворце, а в особенности в громаде храма Христа-Спасителя – эпигона, по его словам, византийского стиля. Помню его сопоставление храма – символа гнета и принуждения – с заслоненной этой громадой легкой, очаровательной розовой церквушкой XVIII в., как будто тянущейся к небу и слитой с ним⁵. С возмущением Н.А. рассказывал, как безжалостно был снесен чисто русский древний Алексеевский монастырь с прекрасным шатровым храмом XVII в.⁶[...]

Увы, ничего не осталось от храма Христа-Спасителя, с любовью расписанного и отделанного крупными художниками и скульпторами второй половины XIX в. (кое-что из этих произведений сохранено в музее Донского монастыря), ни от чудной маленькой церкви⁷. Храм “мстил” за себя. Из проектированного Дворца Советов, как известно, ничего не вышло. И долго какие-то остатки начатого строительства, высившиеся над котлованом, в утреннем и вечернем тумане казались мрачной тенью, скелетом погибшего храма. Потом, как известно, котлован превратили в бассейн [...]

Продолжу прерванный рассказ. Н.А. презирал также модерн и всю архитектуру XX в. Но формировать наши вкусы было не так уж легко. Мне, например, нравилась изящная подделка – дом Морозова на Воздвиженке (Дом дружбы на Калининском проспекте) и даже высокий дом Моссельпрома⁸ (в районе Кисловских переулков) с его башенками и ярко-синей окраской плоскостей (теперь он весь светлый и и потерял свою импозантность). Нравилась и гостиница “Метрополь” и несуществующий теперь легкий и стройный дом какого-то банка на Ильинке (ул. Куйбышева). Постепенно я “подчинялась ампирам”.

Н.А. проводил с нами и демографические наблюдения. В течение трех дней в разные часы расставлял нас по “смотровым пунктам” (помню, я стояла у начала Б. Каменного моста) и предлагал подсчитывать количество людей, деля их по возрасту и социальному составу, попутно давая характеристику их внешнего облика и даже настроения. Работа была очень увлекательной, развивала внимание, наблюдательность.

Наша связь (сестры и моя) с Н.А. Гейнике не прекратилась и после окончания курсов. До конца его жизни продолжалось не только деловое, но и постоянно дружеское общение.

Совсем иным, но тоже “властителем дум” был замечательный педагог, искусствовед и художник Анатолий Васильевич Бакушинский (1883–1939). Его имя известно, память о нем увековечена в посвященном ему сборнике, составленном его учениками и почитателями (А.В. Бакушинский. Исследования и статьи. М., 1984). Насколько я помню, лекций он не читал. Просто водил по музеям. Показывал на одном занятии не более трех-четырёх произведений искусства. Впервые я поняла, что до сих пор, хоть и любовалась картинами, но не “видела” их. Подойдя к картине, А.В. давал возможность неторопливо и внимательно рассмотреть ее. Двумя-тремя фразами он сообщал сведения об авторе, раскрывал сюжет. А потом начинал анализ всех ее компонентов – композиция, свет, цвет, фа-

ктура, технические приемы. Картина как бы “распадалась” на отдельные элементы, затем вновь возникала перед нами, но уже на новом уровне. Мы ее постигали. На всю жизнь запомнился разбор картины В.И. Сурикова “Боярыня Морозова”. Почему нам кажется, что сани движутся? Почему представляется столь значительной и трагической фигура опальной нестигаемой боярыни? Горячая вера в свою правоту в сверкающих глазах и холод, холод вокруг. И нет помощи от толпы, от стоящих по обе стороны людей, из которых каждый получил свою ясную характеристику... Но даже сочувствующие помочь не могут. И она в одиночестве.

Объектами экскурсий были художники XVIII – начала XIX в., а также Васнецов, Перов, Репин, Суриков, передвижники, Серов, Врубель... Из анализа отдельных картин вырисовывались этапы истории русской живописи.

Кажется, А.В. Бакушинского обвиняли в формализме и тому подобным грехам, но – могу судить по себе – он раскрывал тайны искусства, заставлял и понимать, и почувствовать его. Рассказывали, что с подготовленными группами он проводил “молчаливые” экскурсии. Стоя у картины, не говорил ни слова, а лишь своими выразительными жестами направлял внимание группы. Итоги подводили сами экскурсанты. О впечатлении, которое производила подобная экскурсия, говорит одна из шуточных постановок “капустника”. “Он” стоит с протянутой рукой, “они” восторженно смотрят вдаль, а в итоге в порыве чувств и вдохновения опускаются на колени. Учил он видеть и понимать произведения скульптуры. Не менее блестящим был анализ памятников архитектуры, богатый материал для которого давал ансамбль Новодевичьего монастыря [...]

После окончания курсов А.В. пригласил желающих (в частности меня) участвовать в своем специальном семинаре при Цветковской галерее, директором которой он был в течение многих лет⁹.

В музеях Новой западной живописи (собрания Морозова и Щукина, которые сейчас, к сожалению, разрознены)¹⁰ он познакомил нас с импрессионистами и экспрессионистами – с туманным, тихо волнующим Монэ (впрочем, необычайное разнообразие и совершенно покоряющий какой-то фантастический его реализм, если можно так непрофессионально выразиться, я постигла, лишь побывав в его музее в Париже), с утверждающим правду жизни Сезанном; с беспредельно смелым, красочным, преодолевающим обыденность, полным энергии и движения Матиссом, с романтикой Гогена, с многогранной живописью Пикассо, с супрематистами и кубистами, с элементами абстрактной живописи. Он привил нам понимание безграничности и закономерности самых разных творческих поисков и решений. Специальные занятия были и по произведениям советской живописи, причем и здесь А.В. признавал самые разнообразные жанры (кроме бездарных и конъюнктурных, но их он не показывал). Он много занимался детским рисунком, и я делилась с ним своими наблюдениями. К сожалению, он рано умер [...]

[О семинаре Н.А. Гейнике “Экскурсионное дело и краеведение” на факультете общественных наук МГУ¹¹]

[...] Самым интересным и возбуждавшим творческую мысль был для меня семинар Н.А. Гейнике “Экскурсионное дело и краеведение”. К нему мы с сестрой были хорошо подготовлены занятиями на школьно-инструкторских курсах. После вводных лекций Н.А. и его “дети” – участники первого семинара 1918 г. – проводили интересные экскурсии, например, “Культурный перелом на рубеже XVII–XVIII веков”, “По Остоженке” (блестящая экскурсия, разработанная и проведенная Лидией Евлампиевной Случевской¹² – очаровательной миниатюрной женщиной с огненным хохолком рыже-золотистых волос).

Затем каждый участник семинара получил свою тему, которая и была его

дипломной работой. В каждой теме сочеталось краеведческое изучение определенного района или какого-либо объекта с соответственной разработкой экскурсии.

Мне достался для изучения особый уголок старой Москвы – Зарядье совершенно не похожий на оваянные романтикой московские ампирные особнячки с каменными оградами, за которыми шумела листва столетних деревьев. Я назвала тему “О чем кричит Зарядье”. Но Н.А. смягчил его – не кричит”, а “рассказывает”.

Насколько я помню, Зарядье представляло собой казавшийся многоэтажным комплекс ветхих, неблагоустроенных густо населенных деревянных домов с небольшими открытыми верандами, где всегда колыхалось белье, откуда неслись крики детей, ругань взрослых или просто мирные разговоры и песни. Как я жалею, что не сохранилась у меня копия этой работы. Возможно, она имеется в архиве МГУ, где должны были бы отложиться материалы семинаров. Все же помню примерный план ее. История Зарядья. Современная его архитектура. Состав населения. Занятия. Далее обычная этнографическая троица: пища, одежда, жилище. В заключении – будущее Зарядья. Наблюдала, беседовала со взрослыми и детьми, угощая их конфетами; иногда получала приглашение “к чаю”. Почти все стремились уехать отсюда, но считали это несбыточной мечтой. А я написала весьма оптимистическую концовку – пройдет время, Зарядье будет снесено, а на его месте вырастет замечательный дворец – символ революционных преобразований. Ну что ж, предсказание почти сбылось, и теперь только название кино “Зарядье” напоминает о далеких 20-х годах.

А может быть, стоило сохранить этот ремесленно-мещанский район в центре Москвы, превратив его в музей?

Частью работы семинара Гейнике была практика ведения экскурсий. Каждый должен был подготовить и провести экскурсию по Красной площади. Это было нетрудно. Сложнее оказалась экскурсия по Кремлю. По территории проход был свободный, но во дворец и терема пускали лишь экскурсии. И хотя мы тщательно проработали всю литературу по истории Кремля, усвоить обязательный маршрут можно было только присоединившись к экскурсии.

Организацией экскурсий ведала в то время “артель” экскурсоводов. В нее принимали высококвалифицированных специалистов, имевших стаж в проведении экскурсий. Почти все были учениками (точнее ученицами) Гейнике. По его просьбе мы, после очень тщательной проработки литературы, получили разрешение дважды прослушать экскурсию “старших”, чтобы усвоить маршрут и, учитывая непрерывный поток экскурсий, график движения с точностью до минуты. Помню, как я боялась сбиться с маршрута, лихорадочно припоминала, где и куда нужно повернуть, поглядывала на часы, чтобы соблюсти хронометраж.

Мы – новое поколение экскурсоводов – очень уважали “старших” (по возрасту или стажу), но стремились не просто перенимать их опыт, но и вносить свое, новое, отвечавшее современности.

Московская старина очень интересна и поучительна. Но ведь Москва – центр советской страны. И стала им в результате Великой Октябрьской революции. Почему же мы не включаем в экскурсию рассказ о революционных событиях, свидетелем которых был Кремль? О борьбе за Кремль в дни вооруженного восстания, о трагической гибели солдат, защищавших революцию?

Члены артели вначале скептически отнеслись к нашим нововведениям. Вообще многие из них относились к нам настороженно. В отличие от “своих” мы были “чужими”, не друзьями, а “товарищами” (этому термину придавался особый смысл). Но постепенно историко-революционный материал стал органической частью всех экскурсий по Кремлю, а мы – молодежь – стали подумывать об историко-революционных экскурсиях вообще, в чем Н.А. Гейнике нас полностью поддержал [...]

Всем членам семинара по экскурсионной и краеведческой работе Н.А. Гейнике предложил участвовать в подготовке сборника-путеводителя по Москве, но не обычного, историко-культурного, а историко-революционного. Инициатива здесь принадлежала Николаю Михайловичу Дружинину (1885–1986), будущему дважды лауреату – Государственной и Ленинской премий – и академику, работавшему в эти годы в ИМВРе (Институт методов внешкольной работы) и в Музее революции СССР. Секретарем комиссии по созданию справочника была назначена сотрудница ИМВРа, ученица Н.А. Гейнике, Зинаида Петровна Базилева (1888–1962). Мы ее знали по артели экскурсоводов [...]

В кабинете Н.М. Дружинина собрался будущий авторский коллектив. Люди очень разные, но объединенные традициями Н.А. Гейнике [...]

Н.М. Дружинин познакомил нас с задачами сборника: дать по возможности исчерпывающие сведения о местах, связанных с революционными событиями, происходившими на территории Москвы и ее окрестностей. Это имело, помимо научного, большое пропагандистское и воспитательное значение. Справочник мог помочь включать историко-революционный материал в экскурсии по Москве. Органической частью сборника была карта "Революционное движение в Москве (XVII–XX вв.)". Методическое введение, краткий очерк революционной истории Москвы (впервые разработанный), составление подробной библиографии взял на себя Дружинин. Он же был редактором и руководителем всей работы.

Для любой коллективной работы нужна четкая организация, полная слаженность. Н.М. разработал и вручил каждому из нас инструкцию, где устанавливались этапы работы и определялся весь ее ход. Материал предполагалось делить по районам города (их было семь) и его окрестностям, а внутри них – по периодам революционного движения: 1) Народные протесты XVII–XVIII вв. 2) Первая половина XIX в. 3) Народничество. 4) Массовое движение [18] 90–[1] 900-х гг. 5) Первая революция. 6) Годы реакции. 7) Февральская революция. 8) Октябрьская революция. 9) Советский период (до смерти В.И. Ленина в январе 1924 г.).

170 книг, содержащих нужный для сборника материал, распределил Дружинин между участниками первого этапа работы – собирания материала (21 человек). На обработку было дано 3 месяца.

И вот передо мною стопка книг. Я выискиваю указания на места, связанные с революционными событиями. На каждый пункт составлялась отдельная карточка, форма которой была точно определена. Для сокращения "писанины" каждая книга имела свой код (например, сборник "Октябрь в Москве" – "ОвМ", журнал "Былое" – "Б" и т.п.). Период революционного движения имел свой номер, автор карточки обозначался инициалами. В выписке-цитате подчеркивалось обозначение пункта, связанного с революционным событием.

Вскоре появились горы карточек, которые с каждым днем росли и казалось немислимым привести их в порядок. Но, следуя инструкции, я прежде всего объединяла и скальвала скрепкой карточки, относящиеся к одному пункту; потом – к одному району и наконец, внутри них – к одному периоду революционного движения. В итоге "гора" превращалась в ряд стопочек, аккуратно соединенных большими скрепками.

Все это (от всех авторов – 10 тыс. карточек по 1600 пунктам) передавалось Дружинину, который их просматривал и объединял по тем же параметрам. Далее были намечены авторы статей по районам. Мне достался Хамовнический район^{1*} – около полутора тысяч карточек.

^{1*} Авторы других статей: З.П. Базилева – Краснопресненский район; И.И. Коган – Бауманский район; О.Т. Козлова – Замоскворецкий район; Э.С. Ульман – Сокольнический район; Н.И. Шапиро – Рогожско-Симоновский район; О.Д. Цыпленкова – окрестности Москвы.

До написания статьи предстояла большая работа. Поскольку на одно и то же событие, один и тот же пункт имелось обычно несколько карточек, приходилось сопоставлять иногда противоречивые данные, проверять их. Нередко следовало уточнять фамилии, инициалы, проверять на месте точность адресов и т.п. В итоге составлялась сводная картотека на данный пункт. Количество карточек сократилось почти в десять раз.

После кропотливой работы, имевшей все же исследовательский характер, можно было приступить к написанию статьи. На это был дан короткий срок – два месяца. После горячих дебатов было решено очерки давать в виде словесных экскурсий по историко-революционным памятникам и памятным местам района. Приведу примеры. Для ознакомления с революционным движением первой половины XIX в. (дворянский период в освободительном движении) маршрут начинался с Хамовнического (ныне Фрунзенского) плаца у так называемого Шефского дома, связанного с первыми шагами движения декабристов. Далее маршрут шел к могилам декабристов на кладбище у Новодевичьего монастыря, а оттуда к Пречистенке (ныне Кропоткинская улица) и прилегающим к ней переулкам – к местам, связанным с жизнью А.И. Герцена; далее к зданию Московского университета, к памятнику А.И. Герцену и Н.П. Огареву.

В разделе, посвященном событиям Октябрьского вооруженного восстания, было намечено два маршрута: центр – между Кремлем и Садовым кольцом, бывшим оплотом “белых”, и обширная территория рабочего района за Садовым кольцом, где формировались революционные центры восстания. Маршрут давал представление о ходе вооруженной борьбы в районе как части общемосковского вооруженного восстания.

Одновременно готовились карты революционного движения. Каждый период получал свой цвет, каждая форма движения, памятник революции, революционное событие, действия правительства и т.д. – свое условное обозначение. Всего их было 33 (например, массовые политические собрания, политические, экономические стачки, опорные пункты революционного движения, пути демонстраций, баррикады и окопы, склады оружия, памятники и могилы революционеров, места расстрелов, места заключения и т.д.).

Составление карт затрудняли и чисто технические трудности – чернила на контурных основах расплывались, обычный карандаш был плохо виден. Энтузиазм, увлеченность авторов, атмосфера трудового подъема, которую сумел создать Н.М. Дружинин, сделали свое дело. Отставив домашние, семейные и другие дела, завалив столы горами карточек, все авторы трудились буквально “денно и ночью”, и к концу 1925 г. рукописи со всем научным аппаратом – карточками, выписками, черновыми картами были вручены редактору. “Когда я вынесла из дома всю грудку материалов, комната словно опустела, мне стало грустно, как будто я рассталась с любимым другом”, – вспоминала Э.С. Ульман.

В самом начале 1926 г. книга была сдана в печать (Издательство Московского коммунального хозяйства), а в конце года был получен сигнальный экземпляр. Мы с радостью рассматривали маленькую удобную для пользования книжку с красным корешком, на котором крупными буквами было повторено название “По революционной Москве”¹⁴. На обложке за темным контуром Кремля словно занималась заря “нового мира”, и “мускулистая рука миллионов рабочего люда” (как сказал в своей речи ткач Петр Алексеев) высоко поднимала горящий факел. Николай Михайлович несколько иронично отнесся к эскизу художника, но все же его утвердил.

Десятитысячный тираж разошелся очень быстро, и почти сразу книга превратилась в библиографическую редкость. Когда открылась для осмотра квартира В.И. Ленина в Кремле, я увидела нашу книжечку на столике у кровати Марии Ильиничны Ульяновой и очень обрадовалась. Значит, наш труд был и ею

оценен! Впрочем, вскоре, говорят, книгу оттуда убрали. Сборник, увы, был “репрессирован” по принципу “как бы чего не вышло”. Действительно, в указателе были имена Н.И. Бухарина, Л.Б. Каменева и многих других людей, вычеркнутых в те годы из истории. Вероятно, и некоторые факты следовало замалчивать. Поэтому сборник на долгие годы был помещен в “спецхран” и стал доступен лишь людям, имевшим туда особый пропуск.

Ну а тогда мы решили отпраздновать “победу” не только товарищеским чаем, но и выпуском стенгазеты. Назвали ее “Скрепка”, во-первых потому что эти маленькие и большие заколочки помогали нам организовать материал, а во-вторых – это имело символическое значение. Работа скрепила отдельных авторов, превратила их в коллектив. Название газеты было выложено из сцепленных скрепок. Мне пришлось быть одним из ее редакторов, и я с интересом читала главным образом юмористические сочинения авторов сборника о том, как страдали брошенные семьи по воле волшебника, превратившего жену, хозяйку в беспощадного “автора”, как посылались в высшие инстанции требования о дополнительной площади для тысяч карточек, с каким испугом встречали жители района требования авторов дать точные указания, что было на данном месте 50 лет назад... Среди многих рукописей я вдруг увидела знакомый неповторимый почерк. Неужели Николай Михайлович снизошел до стенгазеты, до юмористического фельетона? Неужели написал какую-нибудь серьезную статью? Нет, это была юмореска, в которой главным действующим лицом была... я (под кодом “она”).

Приведу текст (с некоторыми сокращениями). Поясню, что нередко авторы приходили на консультацию к редактору в Музей революции, где он работал.

“Был чудный весенний день. Солнце щедро освещало вновь открывающиеся залы Музея Революции. Экскурсоводы весело и дружно рассматривали плакаты, картины, читали подробные, длинные тексты. Ничто не предвещало необычайных событий. И вдруг... легкими, быстрыми, стремительными шагами вошла ОНА. Ее изящная, тонкая, стройная фигура ссутулилась. В ней чувствовалась безнадежность. А большие выразительные глаза, обычно сияющие и радостные, как бы излучали тоску и мрак. Все затихли. Казалось, что навеки скрылось солнце. Наконец, ОНА произнесла еле слышным шопотом: “Чернила расплываются на контурных картах. Карандаш не виден. Работа остановилась”. Я понял весь трагизм создавшегося положения. Не выдержим сроки, нарушим договор. Справочник не выйдет к юбилею Октября. Мрак еще сильнее окутал музейный зал. И вдруг... словно молния пронзила его. ОНА выпрямилась, глаза извергали снопы света. ОНА воскликнула: “Эврика! Пришло озарение. Химический карандаш! Он спасет нас. Он не расплывается. Он многоцветен!”

И все стало на свое место. Снова солнце. Снова веселый гомон в зале музея. Все авторы бодро расцвечивали карты химическими карандашами. Справочник был спасен”.

Я не могла не рассмеяться, читая эти веселые и остроумные строки, но все же была немного обижена – “стройная фигура”, “выразительные глаза” – не насмешка ли это? Сказала Н.М., что статья пойдет, но все эпитеты будут вычеркнуты. Он был недоволен и сказал: “Ну, как хотите”.

В центре газеты было написанное моей сестрой посвящение Н.М. Дружинину. Приведу из него отрывки:

...Всегда, всегда отменно вежливы
(О, нервы, нервы злые, где же вы?)

.....

Хоть нет средневековых рыцарей
В наш век материалистический,
Но Вами мужество усвоено
И доблесть этих храбрых воинов.

Их дамы сердца назывались
Бианка, Женестьева, Люция.
У Вас – история революции.
И, забыв презренный страх,
Вы с тонким перышком в руках
Так часто бились на турнирах,
Чтоб доказать, что в этом мире
Прекрасней Вашей дамы нет.
И одержали ряд побед!
А впереди – в том нет сомненья –
Их будет много... поздравленья,
И пожеланья, и приветы
Мы шлем, Дружинин, многи леты!

С. Закс. 1926 г.

Я тоже не осталась пассивной – посвятила Н.М. рисунок, дружеский шарж. Дело в том, что при подготовке справочника у Н.М. оказалось “хобби”. Он хотел установить точное место покушения народовольцев на Александра II близ Курской железной дороги, но это ему никак не удавалось. Рисунок – “Загадочная картинка” под названием “Кто он?” изображал сидящего в постели человека. Черные волосы, румяные щеки, бородка клинышком – все это не оставляло сомнения: на рисунке Дружинин. К нему прилетела длиннокурая фея-ангел. Под рисунком подпись: “Ангел: Я могу дать тебе все – богатство, славу, вечную юность, счастье. Проси!! Он (я попытаюсь шаржировать свойственную Н.М. вежливость, любезность и склонность к порядку): Здравствуйте. Присядьте. Может быть, Вы все же разденетесь? Я боюсь Вас затруднить... Гм... Я желаю только одного: укажите мне место покушения на Александра II. Больше ничего не надо! Ангел: ???!

Редколлегия нашла мое произведение слишком “фривольным” и легкомысленным. Оно так и осталось у меня и получило место в альбоме “Наша биография”¹⁵.

Хотя работа над справочником была закончена, расставаться никому не хотелось. В начале 1926 г., когда рукопись книги пошла в издательство, Н.М. Дружинин предложил авторскому коллективу, используя собранный материал, подготовить к 10-летию Октября научно-популярный, в некоторой мере методический сборник “Октябрь в экскурсиях по Москве”.

И опять закипела работа. Н.И. Шапиро¹⁶ и я оформили в виде статьи проводимую нами с неизменным успехом экскурсию по центру Москвы: Арбатская площадь–Боровицкие ворота–Исторический проезд–Красная площадь. Но особенно увлекла меня работа над экскурсией “Дорогомилове в октябре 1917 года”. Это была, так сказать, целина. Литературы было явно недостаточно – несколько воспоминаний участников октябрьских событий в Дорогомилове, помещенных в небольшом сборнике “Хамовники в октябре 1917 года”, изданном Райкомом РКП вскоре после революции¹⁷, и довольно скудные сведения в нашем справочнике. Удалось разыскать и использовать неизданные воспоминания рабочих Фонченко, Федосова и др., записать рассказы очевидцев об октябрьских событиях в Дорогомилове. В итоге были намечены опорные пункты маршрута – Бородинский мост, здание Ревкома (Дорогомиловская 22), Брянский (Киевский) вокзал, 5-я школа пралорщиков (Шубинский переулок).

Но с чего начать? По традиции, идущей от Н.А. Гейнике, нашла “вышку” – возвышенное место, откуда можно дать обзор всего района, его социальный пейзаж. За Бородинским мостом возвышался холм под странным названием “Варгунихина гора” (говорят, раньше она называлась Воронихина гора – от обилия ворон). Теперь этот холм, на котором выросли многоэтажные дома, почти незаметен. На вершине холма стояла изящная, хотя и не старинная, церквушка. С ее па-

перти Дорогомилово было как на ладони. Меня поразила красота открывшейся панорамы. Золотой купол церкви Богоявления, узорчатая башня вокзала, синяя гладь реки, опоясывающей весь район, издали кажущиеся симпатичными деревянные домики с зеленью палисадников, изредка, слово стражи, высящиеся трех-четырёхэтажные дома и упорно врезающиеся в небо трубы Дорогомиловского химического и пивоваренного заводов, и даже вьющиеся клубы серо-белого дыма – все это вместе складывалось в стройную картину, настолько привлекательную, что жаль было уходить, хотелось смотреть и смотреть, замечать новые, существенные детали, вглядываться в поток движения людей, лошадей, машин. Тут я сделала “открытие” – впрочем, давно известное психологам – эстетические эмоции служат активной “подкладкой” для познавательного процесса, возбуждают целенаправленный интерес, делают восприятие объектов и информации более глубоким и устойчивым.

Теперь нужно было “перевести стрелку” на анализ увиденного с точки зрения поставленной темы – каково было значение этого подрайона в октябрьские дни 1917 г.? Приведу выдержку из статьи: “Над множеством одноэтажных домов высятся башня Брянского вокзала. Крепкими нитями связаны с Москвой самые отдаленные части государства. В мирное время вокзалы – открытые ворота города. В революцию – это его форпосты, и лишь тот победит, кто ими овладеет. А Брянская (Киево-Воронежская) железная дорога таила в себе немалые опасности. Она соединяла Москву с Юго-Западным фронтом, откуда беспрерывно двигались войска. Чтобы победить, рабочие должны были иметь в своих руках вокзал, а следовательно, быть организаторами борьбы и обороны района. Легкая ли это была задача? Взглянем еще раз на расположение района. Он весь перед нашими глазами, потому что расположен в котловине. Как легко с возвышенной центральной части города держать Дорогомилово под постоянным наблюдением и угрозой обстрела! Как просто, пользуясь естественной преградой – рекой, захватить только один мост и отрезать район от руководящих борьбой центров! Мы видим, что расположение вокзала в этом районе делает его важным стратегическим пунктом; видим, что топография Дорогомилова создает большие трудности для его охраны. Надо пройти вглубь Дорогомилова, почувствовать его жизнь, выяснить состав его населения: лишь это даст нам ключ к тому, как здесь шла октябрьская борьба” (С. 138–139).

После этой вводной части экскурсия спускается вниз, к Дорогомиловской улице. Приведу опять цитату из статьи – описание Дорогомилова середины 1920-х годов, столь непохожего на современную высокоэтажную столичную магистраль (здесь я выступаю как очевидец – житель этого района). “Уже за мостом чувствуется оживление, по сравнению с тихой Варгунихиной горой. Над серенькими деревянными домиками поднимается вывеска небольшого напильничного завода. Налево идут нагруженные подводы. Дальше шум и движение увеличиваются. У 2-го Дорогомиловского переулка особеннолюдно. Здесь и остановка трамвая, где толпится разношерстная публика, сюда с шумом заворачивает автобус, который кажется слишком большим для узенького переулка и слишком нарядным для его убогих домишек. Извозчики ожидают здесь пассажиров. Вдоль стен стоят шумливые и навязчивые продавцы яблок, папирос и различного мелкого ходового товара. Вокзал – вот центр, вокруг которого сосредоточена вся жизнь. Он вызывает прилив и отлив шумной людской волны, он регулирует кажущееся нестройным движение. Вся улица пестрит непрерывной цепью вывесок. Продуктовые магазины, разная мелочная торговля перемежается с многочисленными ремесленными мастерскими и небольшими промышленными заведениями... Несмотря на рабочее время, людей на улице много... Домашние хозяйки, пешеходы-дельцы; встречаются оборванные вконец, бродящие без всякой видимой цели завсегдатаи находящегося недалеко ночлежного дома” (С. 139).

После выводов о ремесленно-торговом составе населения (они подтверждаются картой промышленности района, извлекаемой из “портфеля экскурсовода”) экскурсия проходит вглубь жилого района. «Перед нами открывается пейзаж, напоминающий глухой провинциальный уголок. На немощной грязной улице можно увидеть коз и свинью с поросятами, иногда сюда забредет и корова. Вдали, там, где улица подходит к реке, до поздней осени зеленеет травка (зимой это большое снежное поле). На перекрестке – водоразборный пункт, к которому неторопливо подходят женщины с ведрами.. В маленьких домиках... нет никакого благоустройства. В них теснится рабочая и ремесленная беднота. И какой богатой и нарядной кажется... церковь Богоявления! И теперь в праздничные дни ее посещает дорогомилловская “аристократия”... церковь существовала на средства разбогатевших мещан и торговцев... До революции в Дорогомиллове насчитывалось всего 6–7 тысяч рабочих. Такой состав населения определял его революционное прошлое. В эпоху реакции темное мещанское Дорогомиллово было поставщиком членов реакционного “Союза русского народа”. Тов. Фаслер, парторганизатор дорогомилловского подрайона, вспоминает: “Волна Февральской революции с ее революционным подъемом всех пролетарских сил в последнюю очередь докатились до Дорогомиллова”» (С. 140).

Но в октябрьские дни здесь сформировалось ядро революционных рабочих. Мы идем мимо зданий, где помещались военные лазареты и куда постоянно приходили пропагандисты-большевики, и останавливаемся у двухэтажного каменного дома (№ 22) – типичной, не без изящества, постройки конца XIX в. По инициативе рабочих после июльских дней здесь (в бывшем ночлежном доме) был организован Совет рабочих депутатов, в котором к октябрю 1917 г. образовалась довольно большая большевистская фракция. Именно здесь был создан Революционный комитет (Ревком). Рассказ экскурсовода должен восстановить героическую работу небольшой группы людей, сумевших организовать рабочих и солдат для обороны вокзала, захвата оружия, непосредственного сопротивления юнкерам 9-й школы прапорщиков.

Этот дом (возможно, на основе нашего справочника) был справедливо отмечен памятной доской, а потом (лет 15 назад) безжалостно снесен при строительстве гастронома. Но мемориальную доску на месте здания Ревкома ведь можно было сохранить!

Картина борьбы за Брянский вокзал, работа разведчиков, тайком переправлявших солдат и офицеров революционно настроенного 193-го полка, рассказ о скромных “рядовых” героях-рабочих тт. [Е.И.] Ванториной, Саруль, Петушковой, [М.И.] Шлоmine, о прапорщике Сулацком и других, переход “вместе с членами Ревкома” на Брянский вокзал – все это, связанное с чувством “места”, привлекало внимание экскурсантов, заставляло переживать события Октябрьских дней.

Пожалуй, наиболее сильное впечатление производила история борьбы за Бородинский мост, на высокоом обелеске которого сохранились еще следы “ранений”. При подготовке экскурсии один из участников боев ходил со мной по мосту, показывал и рассказывал: “Вот здесь конфисковывали у идущих с вокзала “сестер милосердия” чемоданы, наполненные наганями и гранатами; здесь, у этой полукруглой скамьи, мы устроили засаду и заставили повернуть броневик школы прапорщиков; здесь храбрецы братья Митраковы захватили закамуфлированный “белый” автомобиль; отсюда выносили раненых товарищей Козлова, Сахарова, Баринаова... На мосту не прекращалась перестрелка. Решено было мост забаррикадировать...” Далее цитирую статью: “На Брянском вокзале достают проволоку, ее привязывают к трамвайному столбу и к перилам моста. Сюда же подкатывается бочка, сверху наваливается телефонный столб – и баррика-

да готова. Наступает ночь. Освещения на улице нет... Тьма такая, что за три шага ничего не видно”, – вспоминает один из строителей баррикады. “...Враги не видят друг друга. Внезапно взлетает пущенная кем-то осветительная ракета. Мост сразу ожил. Четко вырисовываются фигуры красногвардейцев, солдат и движущиеся им навстречу две колонны юнкеров... Ракета потухла, и в темноте начался отчаянный бой. Юнкера непрерывно били по мосту из пулемета с колокольни церкви на Варгунихиной горе. В это же время сзади, с вышки углового дома, раздаются предательские выстрелы – мешанское Дорогомилово попыталось активно выступить против рабочих. Под обстрелом с фронта и с тыла дорогомилловцы отступают вглубь темных улиц... Но вот ружейная пальба прерывается. Раздается грохот тяжелых орудий. Это соседи – пресненские рабочие направляют на помощь Дорогомилово свою артиллерию, поставленную на Горбатом мосту. Нужно мобилизовать все силы, все небольшие запасы оружия, всех способных командовать разрозненными отрядами. И член Ревкома, работница Ванторина наравне с другими ведет один из отрядов на Бородинский мост. (Здесь из портфеля экскурсовода вынимается фотография Е.И. Ванториной). Мост снова в руках красных” (С. 149–150).

Начинается наступление на школу прапорщиков в Шубинском переулке. “Высокое здание школы прапорщиков перед нами. До сих пор на нем сохранились следы обстрела. Под большой вывеской “5-я школа ХОНО” прибитая скромная дощечка – “Рабочие курсы имени тов. Шломина”. Этим отмечена память погибшего здесь М.И. Шломина, посланного в Моссовет за оружием. Наступление на школу прапорщиков началось 1 ноября (ст. стиль)... Юнкера напрягают все силы, но их сопротивление напрасно. С Шубинского переулкa идут дорогомилловцы, со Смоленского наступает Краснопресненская Красная гвардия. В ногу с рабочими Москвы в бою участвует отряд орехово-зубцев, приехавших по вызову Военно-революционного комитета... Юнкера отступают... (С. 151).

Экскурсия заканчивается на круто поднимающейся Смоленской улице, по которой 10 ноября медленно двигалась похоронная процессия на Красную площадь, чтобы положить в братскую могилу погибших в боях дорогомилловцев. Тут же подводится итог: “Слабое по количеству революционных сил Дорогомилово, несмотря на враждебное окружение, сумело организовать и вооружиться... Под руководством маленькой кучки передовых рабочих оно внесло в общемосковскую борьбу свою необходимую помощь. Но окончательно победить упорного врага удалось только при братской поддержке соседних, более сильных районов” (С. 152).

Не знаю, правомерно ли было включать в мои воспоминания столь подробное описание экскурсии, но ведь она в течение нескольких месяцев полностью властвовала над моей жизнью!

Проверить впечатление от экскурсии, методику ее проведения удалось еще до публикации сборника. Подопытными “кроликами” оказалась группа студентов Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена, которая проходила экскурсионную практику под руководством одного из лидеров экскурсионного дела (ленинградской школы) историка Софии Михайловны Левицкой, женщины примечательной, заслуживающей глубокого уважения и памяти. В те годы она читала лекции и вела семинары по экскурсионному делу, специализируясь на историко-революционных экскурсиях. Она разработала уникальную экскурсию “От Таврического к Смольному” (от Февраля к Октябрю), затем “Смольный в октябре 1917 года” [...]

Экскурсия, проведенная для ее группы, да еще в присутствии Н.М. Дружинина, была для меня строгим экзаменом. Несмотря на волнение, всегда влияющее на качество работы, экскурсия получилась удачной, обсуждение прошло интересно, и разработанная нами методика историко-революционных экскурсий была полностью одобрена [...]

Сборник “Октябрь в экскурсиях по Москве” вышел в 1927 г., поспел к 10-летию Октября¹⁸. 10 тысяч экземпляров быстро раскупались. Но сборник вскоре разделил судьбу Справочника – был изъят из употребления и передан на долгие годы в спецхран.

Работа над сборником сблизила и подружила с Н.М. Дружининым ядро авторского коллектива, работавшего вместе с ним в ИМВРе и на Экскурсбазе Наркомпроса. Мы часто встречались у З.П. Базилевой в заставленной книгами комнате в Полуэктовом переулке, иногда в “скворечнике” – деревянном домике за городом, в Лосиноостровской, где обитала О.Т. Козлова¹⁹. Заходил Н.М. и к нам в Дорогомилово, и это всегда было праздником [...]

*Центральная детская опытная экскурсбаза Наркомпроса
(1926–1933)*

Начало работы

С начала 1926 г. мы с Надей Шапиро приступили к работе на Центральной опытной экскурсбазе Наркомпроса. История ее не освещена в литературе. Даже в Педагогической энциклопедии она обойдена молчанием. Основной массив документов, тщательно собиравшийся и хранившийся на базе, погиб во время Великой Отечественной войны. Поэтому мне хотелось, изменяя жанру воспоминаний, осветить работу базы, этого рожденного Октябрем замечательного учреждения, в первые годы ее существования, когда я там еще не работала. Материалы по истории экскурсбазы мне удалось найти в ЦГА РСФСР, куда был передан архив Наркомпроса за 1920-е годы (Ф. 175. Оп. 4. Д. 59, 162, 315, 543).

Центральная экскурсионная база для школьников и педагогов была организована в 1918 г. при Бюро школьных экскурсий. Заведовала ею педагог с большим стажем Мария Николаевна Гедеонова. Секретарем базы была Евгения Павловна Борисова, историк, большой знаток московской старины, прекрасный экскурсовод (в дальнейшем сотрудник Государственного исторического музея). В апреле 1921 г. Бюро школьных экскурсий разделилось на два учреждения – Музейно-экскурсионный институт (Музэксин) и Музейно-экскурсионный подотдел Главсоцвоса (социального воспитания) Наркомпроса. Экскурсбаза стала при нем самостоятельным учреждением. В области научно-методической работы она была связана с Музэксином, в дальнейшем преобразованном в ИМВР.

В краткой характеристике деятельности этой экспериментальной экскурсбазы за 1921/1922 гг. была сформулирована ее цель: выработать тип педагогического учреждения – экскурсионной станции-базы, подобно клубу или детской библиотеке-читальне, в центре которой лежит экскурсионно-воспитательная работа с детьми (Д. 59. Л. 13). База предоставляла приезжим группам помещение, питание, педагогическое руководство.

Экскурсии проводились по городу, по музеям и хранилищам, по производственным предприятиям. Ставились опыты предварительной подготовки к экскурсии, ее проработки. Словом, говорилось в отчете, “работа с группой является как бы курсами по ознакомлению с экскурсионным методом и его совершенствованию” (Там же).

В первые годы своего существования экскурсбаза постепенно набирала силу. К 1921 г. при ней было организовано три отделения – в Сокольниках при биостанции, в Малаховке и в с. Братовщина (ныне станция “Правда”). В начале НЭП Экскурсбаза, как и другие просветительские учреждения, пережила немало трудностей. Объем деятельности базы резко сократился в связи с повышением железнодорожного тарифа и ликвидацией “льготок” – удостоверений, дающих право на 50% скидки при покупке групповых проездных билетов. Групп стало вдвое меньше. Теперь на базу приезжали ученики железнодорожных школ, имевшие

право на бесплатный проезд, или ребята из близлежащих городов. Из филиалов осталась только Братовщина.

Однако уже у 1922 г. положение выправилось. Экскурсбаза вошла в Отдел Опытного-показательных учреждений (ОПУ) Наркомпроса, имевших ряд преимуществ в финансировании и снабжении. Именно в это время начал работу на базе Арт Яковлевич Закс (1878–1938), мой однофамилец, ставший с 1 января 1923 г. ее директором.

[...] Итогами первого года своей работы А.Я. Закс мог быть удовлетворен. За 1922/1923 год база обслужила 58 304 человека – школьников, педагогов, учащихся совпартшкол, комсомольских работников. Только за сентябрь 1923 г. на базе было зарегистрировано свыше 200 человек из 12 пунктов, среди которых и крупные города и “медвежьи углы”, лежавшие в нескольких сотнях километров от железной дороги. А в портфеле базы уже лежало свыше 100 заявок буквально из всех регионов РСФСР и ряда республик.

Особенно радовало директора экскурсбазы то, что по ее подобию во многих местах (в Воронеже, Царицыне, в некоторых городах Сибири) местные базы уже начали функционировать, а в Харькове, Тифлисе, Одессе, на Алтае шла подготовка к их созданию.

Началась также разработка типовых маршрутов по разным регионам, циклов экскурсий применительно к школьным программам. В перспективных планах намечалось создание методических пособий.

В работе базы все же имелся существенный пробел в области экскурсий обществоведческого профиля. Экскурсанты знакомились с историей старой Москвы, с ее древностями. Культурно-исторические экскурсии были на высоте, а для историко-революционных тем, для характеристики Москвы как столицы СССР не было специалистов. Приходилось приглашать их со стороны. Работа получала эпизодический характер, а базе нужны были постоянные сотрудники, строившие свою работу на основе разрабатываемой здесь теории и методики экскурсионного дела и принимающие участие во всей жизни и деятельности этого учреждения.

Именно для такой работы рекомендовал Н.А. Гейнике (его рекомендацию подтвердил Н.М. Дружинин) бывших членов своего семинара – Н.И. Шапиро и меня.

Администрация базы, как мне помнится, была недовольна тем, что значительную часть времени в первую половину года у нас отнимали упомянутые выше историко-революционные сборники. Действительно, мы начали работать в полную меру, лишь когда последние верстки ушли в издательство. Но Экскурсбаза в накладе не осталась. Мы приобрели большой, неопределимый опыт научно-исследовательской, методической, литературной работы, и это значительно повысило нашу “ценность” как научных работников этого уникального учреждения.

Оно занимало небольшой двухэтажный деревянный дом в Спасо-Песковском переулке, одном из многочисленных переулочков старого Арбата. Это был уголок старой Москвы, возглавлявшийся знаменитой Собачьей площадкой, скрывавшей, как мне казалось, какую-то тайну. Неподалеку был дом славянофила А.С. Хомякова. Значит, здесь ходили полные романтики люди 40-х годов. Стараниями одного из интереснейших музееведов тех лет Б. Шапошникова (он был знаменит также своей внешностью – получил первый приз за красоту на одном из конкурсов в Париже) этот дом был превращен в Музей людей 40-х годов, сделанный по всем правилам только рождавшейся тогда методики построения мемориальных музеев-ансамблей²⁰. Увы, ни Собачьей площадки, ни этого дома больше нет. Весь этот район безжалостно снесен. Предметы из Хомяковского дома сохранил ГИМ, и в его экспозиции можно увидеть ту самую комнату – “го-

ворильню”, точнее, стоявший по ее стенам в виде буквы “П” диван, сидевшие на котором известные нам лица – славянофилы и западники – и неистово спорили, пытаясь решить судьбы любимой ими Родины.

Снесен был также и наш домик и почти весь Спасо-Песковский переулок.

Стараниями А.Я. Закса база получила прекрасный двухэтажный каменный особнячок на Садово-Кудринской улице.

Итак, в начале 1926 г. я впервые поднялась по скрипучей деревянной лестнице и вошла в маленькую комнату – кабинет директора Базы Арта Яковлевича Закса. Не очень высокий, худощавый, лицо болезненно бледное: он был после тяжелой болезни, что-то вроде микроинсульта, который повторялся на моей памяти несколько раз, с перерывами в два-три года. Внимательный вдумчивый взгляд прозрачно-голубых глаз (на фотографии они кажутся темными). Поражал очень высокий лоб с глубокой морщиной между бровями и длинная вьющаяся, несколько растрепанная борода, тронутая уже сединой. Помню его смех, залихватый, с придыханиями.

Мне не пришлось работать с ним непосредственно. Однако “его рука”, точнее неумная стремительная деятельность для осуществления постоянно рождавшегося фейерверка идей, чувствовалась повсюду. То задумывался сборник, который должен был помочь повсеместно внедрить экскурсии в учебный процесс; то под его руководством разрабатывался какой-то новый нестандартный маршрут, близкий или дальний, для пропаганды экскурсий или познавательного туризма, для создания методики изучения края... – всего не перечислишь. Примечательной чертой его руководства было доверие к молодым сотрудникам. “Лучшее средство научить плавать – это бросить в воду”, – говорил он смеясь. Поручал молодым ответственные задания и выезды и не ошибался.

Именно ему принадлежала разработка идейной основы всей работы и организационная структура Базы. Постепенно мы входили в ее жизнь, знакомились с сотрудниками. Вот уж действительно “алмазный венок” – ни одного серого человека, каждый по-своему интересен и все – энтузиасты, для которых База – родной дом. Возглавляемый небольшой группой администрации научный коллектив состоял из двух основных частей – педагоги-организаторы и экскурсоводы (была и библиотека, и методический кабинет, и художественные мастерские).

Педагог-организатор отвечал за всю работу прикрепленной к нему приезжей группы. В зависимости от ее характера и пожеланий составлял программу, вел воспитательную и заключительную беседы, обрабатывал и обобщал анкеты, заполняемые экскурсантами (помимо формальных данных, оценка каждой экскурсии, каждого мероприятия, организации жизни на Базе). Следил за тем, чтобы каждый экскурсант вел дневник. Экскурсоводы всегда получали от него характеристику группы. В круг обязанностей педагога-организатора входила и воспитательная работа, навыки и ритуалы коллективной жизни, даже личная гигиена приехавших ребят.

Несмотря на кажущуюся одинаковость работы, каждый выполнял ее по-разному, в соответствии со своими взглядами, интересами, темпераментом. А.Я. Закс всегда подчеркивал и поощрял творческий, инициативный, подход к любой, а в особенности к педагогической работе [...]

Если педагоги-организаторы были типичными для 1920-х годов “внешкольными”, то коллектив экскурсоводов являлся в значительной мере уникальным.

Во-первых, в нем были представители всех основных профилей наук – историки, литературоведы, искусствоведы, природоведы и представители точных наук.

Во-вторых, каждый из них, будучи специалистом-исследователем, имел склонность к педагогической работе – умел передавать свои знания людям разных образовательных уровней, в первую очередь детям.

В-третьих, у всех был интерес не только к профильной науке, но и к экскурсионному делу, стремление понять смысл и специфику экскурсионной работы. Естественно, что познакомилась я ближе всего с историками-обществоведами, водившими экскурсии по старой Москве.

Самой талантливой была, по моему мнению, Софья Александровна Гарелина²¹. Представьте себе высокую стройную девушку с большими черными глазами, поражающими каким-то особым влажным блеском. Она была очень смуглой, поэтому ее улыбка была словно жемчужной – зубы, казалось, сверкали на фоне темного лица.

Судьба ее была нелегкой – она происходила из рода известных иваново-вознесенских фабрикантов. И хотя они вышли из так называемых “капиталистских” крестьян, и хотя Гарелин (кажется, ее отец) был известным историком Ивановской текстильной промышленности, купеческое происхождение не раз приносило ей огорчения.

Больше, чем другие, она интересовалась теоретическими аспектами экскурсионной работы. Меня “прикрепили” к ней, для разработки темы “Особенности и принципы экскурсионного метода”. Работа с ней доставляла мне громадное удовлетворение. По совместительству она с успехом преподавала в Институте журналистики.

Категорически отвергала “ухаживанья” очень достойного человека, ученого, говоря, что замуж не собирается, и безжалостно выбрасывала через окно принесенные им букеты цветов. Потеряв надежду, он женился на девушке, лицо которой чем-то напоминало, очевидно, не забытую первую любовь.

Однажды во время экскурсии в Ленинград она познакомилась с литературоведом Николаем Павловичем Анциферовым²² и вскоре стала его женой [...]

Неразлучной подругой С.А. Гарелиной была Ольга Александровна Ротберг²³. Как это нередко бывает, они были противоположны друг другу во всем. О.А. – полная румяная блондинка с несколько выпуклыми светлыми глазами, любящая жизнь и развлечения. Позднее она начала преподавать античность в Педагогическом институте и очень увлеклась этой работой. Вела экскурсии прекрасно, но вопросы теории и методики ее мало интересовали. Своей молодостью и жизнелюбием она привлекла Н.А. Гейнике, и они стали жить вместе.

Третьим “столпом” обществоведческих экскурсий была Мария Михайловна Себенцова, принадлежавшая к старшему поколению. Медиевистка, она преподавала в Педагогическом институте. Ее несколько суховатому лицу с всегда поджатыми губами соответствовал и характер ее экскурсий. Они были идеальны по логике построения, по точности и лаконичности выводов. Эмоциональных моментов в экскурсии она не признавала, считала, что логика показа и словесного изложения может привлечь наибольшее внимание. По духу она скорее подходила к Ленинградской школе.

К старшему поколению принадлежала и Татьяна Ильинична Игнатова, родственница В.Н. Игнатова, члена группы “Освобождение труда”. Большие выразительные глаза, милейшая улыбка делали ее особенно привлекательной.

Еще старше, со значительным дореволюционным педагогическим стажем была Эмилия Константиновна Быковская, которая продолжала работать в школе. Полная массивная фигура, следы былой красоты на постаревшем уже лице, значительная седина. Царственная осанка, особенно ясное, четкое, я бы сказала “дидактическое”, произношение создавали впечатление какой-то особой гордости, самовозвеличения, хотя на самом деле это была простая, доброжелательная женщина²⁴.

Вся эта группа “стариков” (их объединяли не по возрасту, а по стажу работы

на Базе), несмотря на тактичность и приветливость, была отделена от нас – новеньких – как бы незримой чертой. Мы с нашими историко-революционными экскурсиями были для них все-таки чужими [...]

Норма экскурсий была исключительно низкой (по современным меркам) – 8–10 в месяц. Остальное время отводилось для методической и литературной работы. Зато экскурсии не в пример теперешним, массовым, исходящим из нормы 30 в месяц, не были ограничены временем. Каждая экскурсия представляла собой цельное произведение, четко отработанное до самых мелочей, но все же постоянно варьировавшееся, в зависимости от группы, от конкретных условий проведения экскурсии, наконец, от собственного настроения и вдохновения.

А группы были разные. Были у них черты индивидуальные и, если можно так сказать, “региональные”. Сибирь и Урал поставляли ребят спокойных, уравновешенных, деловитых, выносливых. Они были неразговорчивы, почти не выражали своих эмоций и впечатлений от экскурсии. Иногда мне казалось, что они совершенно равнодушно отнеслись ко всему увиденному и услышанному. Когда я сказала об этом педагогу-организатору, она замахала руками: “Что Вы, что Вы! Они в восторге, все поняли, все усвоили”.

По выносливости с ними могли соревноваться приезжавшие из Западных районов. Казалось, они никогда не уставали, хотели получить как можно больше. В отличие от северян эти ребята, в особенности из педтехникумов и пединституты, были очень активны. Они забрасывали экскурсовода вопросами, подавали реплики, но в целом были дисциплинированы и тактичны.

Иными были южане. Очень живые, эмоциональные, они не всегда умели сосредоточиться, громко выражали свои восторги или недовольство, энергично жестикулировали. Очень быстро утомлялись.

Совсем особенными были группы, приезжавшие из глухих районов дальнего Севера. Помню такую группу ШКМ (Школа крестьянской молодежи). Они по грошам собирали деньги на поездку. Добирались пешком почти 300 км до железной дороги. В лаптях и овчинных полушубках приехали на Ярославский вокзал. Оглушенные привокзальной сутолокой, звонками трамваев и гудками автомобилей, они стояли со своими котомками в полной растерянности. Этим воспользовался шустрый таксист и за 20 минут довез их до Ростовского переулка, где находилось общежитие Экскурсбазы. Расплатившись по счетчику и сверх того, они остались почти без денег, но не унывали. Все приводило их в восторг, даже довольно скромные “удобства” общежития. “Занятно, – заявили они педагогу-организатору в первый день приезда, – только дерни – вода течет. Мы тут же нагнулись и помыли голову” (это был унитаз!). Простыни на ночь снимали с кровати и аккуратно складывали: “Разве можно на них спать? Они сомнутся и испачкаются!” Их потряс ГУМ, где с третьего этажа открывалась панорама торговых рядов, наполненных спешащей толпой, а под нижним этажом через стеклянное покрытие можно было увидеть подвалы – целый подземный город. С блестящими глазами рассматривали экспонаты Музея Революции, слушали, затаив дыхание, рассказы о революционной борьбе, о Великой Октябрьской революции... Представления об истории были у них своеобразные. Помню, подвела их к громадной картине “Заседание ЦК большевиков 10 октября 1917 года”. Прослушали рассказ о волнующих событиях этих предоктябрьских дней, о тех, кто изображен на картине, кто, собравшись у чайного стола, оживленно обсуждает вопрос о вооруженном восстании. И вдруг вопрос: “А где же Степан Разин?” Другая подобная группа на вопрос о содержании этой картины ответила даже с некоторой завистью: “Чай пьют... с сахаром”.

И все же именно эти группы были поразительно восприимчивы и неутомимы. Экскурсия по Музею Революции длилась иногда 3–3,5 часа (да простят мне современные методисты!). Помню, к концу экскурсии я усаживала их полукругом

на полу. А перед ними на карте Коминтерна постепенно зажигались разноцветные электрические лампочки – вновь возникающие секции Коммунистического Интернационала. Какие мысли возникали у этих ребят, обутих в лапти? О силе коммунистического движения? Об СССР – опоре трудящихся всех стран? А может быть, и о том, как здорово горят разноцветные лампочки: “вот мы мне такие, и я бы сделал карту!” Трудно сказать.

Большим успехом пользовалась и экскурсия “Октябрь в Москве”.

После проведения цикла экскурсий мы как-то “сживались” с группой и жалко было расставаться...

Все же основная часть времени сотрудников Базы отводилась методической работе. Уже в 1926 г. был задуман сборник, посвященный экскурсиям в городской школе первой ступени (так назывались первые четыре класса)^{1*}. Речь шла о системе экскурсий, пронизывающей все моменты обучения ребенка в школе. Именно экскурсия, которая учит разбираться в сложных явлениях прошлого и настоящего, “воссоздать по частному признаку общую картину целого”^{2*}, может воспитать активного участника социалистического строительства, – утверждалось в предисловии.

В сборнике давалось подробное описание экскурсий (около 50) на самые разные объекты природы и общественной жизни. Их подбор обосновывался школьными программами. Каждая экскурсия приурочивалась к определенной теме школьного урока. Для разработки этих, казалось бы элементарных, экскурсий требовалась серьезная работа.

Нам с Н.И. Шапиро и Э.С. Ульман поручили подготовить статьи-экскурсии “По торговой улице”, “По местам революционной борьбы”, “В Музей Революции”. Экскурсии должны были строиться на местном материале, в помощь педагогам. Для этого мы выехали в два губернских центра – Тамбов и Калугу. Постарались в облике города, в музейных залах найти типичные черты, которые и зафиксировали в тексте экскурсий. Любопытно, что приезжавшие из разных городов педагоги говорили нам: “Как хорошо вы описали нашу торговую улицу” или “наш музей революции!” Значит, наш замысел – выявление типичных черт – удался.

Подобные же сборники были изданы в помощь сельским школам^{3*}.

Для пионеров и школьников был издан популярный путеводитель “Даешь Москву!”^{4*}. Я была одним из авторов этой книжечки. Во всех этих изданиях основное внимание уделялось современности.

Экскурсбаза обслуживала школьников и пионеров с периферии. Москвичи оставались обиженными. Было решено для них организовать двухнедельную экскурсию по городам Центрально-промышленной области (ЦПО). «Необходимо, – говорил А.Я. Закс, – и избалованных московских школьников “зарядить пафосом социалистического строительства”».

Материал для этого был обильный и впечатляющий. Маршрут начинался в Иваново-Вознесенске (с 1932 г. Иваново) – центре текстильной промышленности; через расположенный на Волге городок Юрьеvec, где давались экскурсии на тему “Природные ресурсы нашей Родины”, группа по Волге добиралась до Нижнего Новгорода – центра машиностроения; затем по Оке плыли до старинного города ремесленников Павлова и через Муром с его ярмаркой – домой, в Москву [...]

^{1*} На каждый день: Экскурсии в городской школе первой ступени. 2-е изд. М., 1930. Первое издание вышло, кажется, в 1928 г.

^{2*} Там же. С. 4.

^{3*} Экскурсии в сельской школе первой ступени. Вып. I. Первый и второй годы обучения. Вып. II. Третий год обучения. Вып. III. Четвертый год обучения. Под ред. А.Я. Закса. [М.]. 1928.

^{4*} “Даешь Москву!” Юношеский путеводитель по Москве в помощь подросткам-пионерам и школьникам / Под общей редакцией А.Я. Закса. С илл. М.; Л., 1929, 175 с.

А в Москве, на Базе, как обычно, было шумно, весело, полно идей и дел. Шла подготовка ко второму изданию сборника “На каждый день”, первое разошлось молниеносно. А.Я. Закс задумал новое большое путешествие, теперь уже не экскурсионно-краеведческого характера, как в ЦПО, а выезд с выставкой для пропаганды детских экскурсий и туризма. В методическом кабинете и художественной мастерской готовились плакаты.

Но возникло еще одно, наиболее срочное дело – нужно было подготовить экскурсию по выставке “Великая французская революция” в только что открытом музее К. Маркса. От Базы для этого выделили меня как интересующуюся историко-революционной тематикой и знавшую французский язык. От ИМВРа работала моя сестра С.Б. Закс, от Московской экскурсионной организации – И.И. Коган²⁵ и другие.

История этого музея мало известна. Даже в прекрасном Советском энциклопедическом словаре (1987 г.) сказано, что он открыт в 1962 г., а сбор материалов начат в 1921 г. И то, и другое неверно. О создании первого в мире “Музея по марксизму” на базе кабинета теории, истории и практики марксизма было сказано еще в конце 1919 г. Через год музей был переименован в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, который стал автономным учреждением при Социалистической академии. Музей, породивший Институт, теперь был у него в подчинении. Возглавил Институт и музей Давид Борисович Рязанов (Гольдендах), старый революционер, член КПСС с 1917 г.²⁶ Широко образованный человек, автор ряда исторических трудов. Собирать материалы по истории революционного движения он начал еще до революции, находясь в эмиграции. Это было его постоянной заботой, его призванием. Именно ему принадлежит заслуга создания уникальной коллекции по истории революционного движения на Западе, в первую очередь по истории марксизма. В его коллекции было немало и ленинских рукописей.

Он был буквально одержим этой работой, пополнял свое собрание самыми разными способами.

Об одном из них мне рассказала М.М. Павлови́ч-Вельтман (жена известного ученого-востоковеда, деятеля российского революционного движения). Как-то раз, будучи в эмиграции, она сидела у окна, выходящего прямо на тихую улицу, и перечитывала письмо В.И. Ленина к мужу. Проходил мимо Рязанов. Разговорились. Узнав, что в руках у М.М. Павлович письмо Ленина, он попросил дать ему “на минутку посмотреть” его. Потом взял конверт якобы для уточнения адреса и... положил в боковой карман. В ответ на бурные протесты М.М. (а она была женщина весьма эмоциональная) он сказал спокойно: “У Вас оно пропадет, а у меня войдет в коллекцию”. Больше она этого письма не видела. Так, разными путями у частных лиц, в учреждениях, в архивах и т.д. этот неутомимый человек создал единственное в мире собрание. После Великой Октябрьской революции все эти материалы Рязанов передал государству.

В тихом Малом Знаменском переулке музеем был предоставлен старинный особняк. Первая экспозиция посвящалась Великой Французской революции, 140 лет которой отмечалось в 1929 г.

Музей меня поразил. Я привыкла ко всегда переполненному вестибюлю Музея Революции, к пестрой и шумной толпе экскурсионных групп, к спящим по залам десяткам и сотням “одиночек”. Здесь же была торжественная пустота и тишина. Поражала ослепительная чистота и блеск прекрасно натертого узорчатого паркета, беломраморные ступени, полированные перила... Директора музея Рязанова персонал побаивался, но уважал в высокой степени. Когда по музее проносился слух: “Наш старик идет!”, все “вытягивались в струнку”. И вот он появлялся – высокий, плотный, в темно-сером безукоризненно сидевшем на нем пальто, в белых перчатках. Поднимаясь по лестнице, проводил рукой по пери-

лам, наклонялся и пальцем проверял, нет ли пыли на ступенях. И не дай Бог, если на белоснежной перчатке появлялось серое пятно! Попадало не столько уборщицам, сколько научному персоналу.

Посетителей в музее было очень мало. Музей был труден даже для вполне грамотного и образованного человека. В прекрасных витринах карельской березы (настенных и горизонтальных) на шелковой подкладке висели или лежали великолепные небольшие гравюры – герои революции, изображения революционных событий, подлинные печатные и письменные документы. Все, естественно, на французском языке. В первую минуту показалось, что экскурсии с обычной группой не получатся. Но, постепенно вживаясь в материал, мы увидели в нем – употребим сегодняшнюю терминологию – аттрактивность (способность привлечь внимание) и экспрессивность (способность вызвать эмоции, взволновать). Работа предстояла не малая. У меня сохранились сведения о составе экспонатов. В 7 залах выставки по Великой Французской революции находилось: 2761 подлинник (среди них 1870 гравюр, 100 газет, 220 архивных документов, 372 книги; только 19 воспроизведений с документов, 10 научно-вспомогательных экспонатов – карт и диаграмм, разработанных сотрудниками музея). В отдельном небольшом зале, посвященном Грауку Бабефу, находилось еще 300 подобных экспонатов (лишь небольшая часть имеющейся коллекции).

Материалы были размещены по темам, в хронологическом порядке. С экспозицией нас подробно ознакомила автор ее – Маргарита Эммануиловна Голосовкер²⁷. Это была очень красивая молодая женщина с гордым профилем камеи, резко очерченными губами, с красивым изгибом бровей над несколько прищуренными серо-голубыми глазами. Одета была изящно, с большим вкусом. Французским языком владела в совершенстве; была знатоком не только фактической истории Франции, революционного движения конца XVIII – начала XIX в., но и письменных и изобразительных источников. Прокомментировав все материалы, она вздохнула и сказала: “Обычным группам вряд ли будет интересно”. Но она ошиблась.

Не буду подробно описывать экскурсию. Мы использовали в ней заветы Н.А. Гейнике, однако пришлось решать и особые методические проблемы. Как дать живое представление о герое революции? Мы брали для этого не одно изображение, а всю иконографию героя – предлагали группе вглядываться в его лицо, внешний облик, знакомили с разными моментами его жизни, по возможности рассказывали об истории создания того или иного изображения. Так, например, в ход пошли все 15 гравюр, где фигурирует Робеспьер в разных жизненных ситуациях. И гравюры становились как бы кадрами целой картины о вожде революции. Вот он, всегда элегантный, подтянутый, одетый модно, даже с некоторым вызовом. Здесь он на трибуне, там – сцены покушения на его жизнь, его казнь... Живым представлялся и Марат в широкой простой блузе, с большими горящими глазами, ведущий агитацию среди скопившихся парижан. Группа возмущалась предательским убийством “Друга народа”.

Знакомясь с героями, переживая их судьбу, отраженную в гравюрах, экскурсанты с живым интересом вглядывались в их автографы, в издания речей, в записную книжку Робеспьера, в подлинное письмо Марата и т.п.... С особым вниманием мы отбирали материалы, в которых отразился ход революционных событий, иногда буквально день за днем. Кульминационным пунктом первой части экскурсии было взятие Бастилии. Здесь мы не поспешили и отобрали для показа целый цикл изображений Бастилии и событий, развернувшихся вокруг нее в июле 1789 г. Получался настолько конкретный образ этой крепости-тюрьмы, что когда 10 лет спустя мне пришлось готовить юбилейную выставку в Историческом музее, я была уверена, что в 1927–1929 гг. в Музее К. Маркса был выставлен специально сделанный макет взятия Бастилии.

Прослушать подготовленную нами экскурсию пришла М.Э. Голосовкер. Она была просто поражена: “Я попрошу всех наших сотрудников прийти к вам на экскурсию. Они так вести ее не умеют”.

Итогом работы мы могли быть довольны [...]

Юбилей Экскурсбазы

[...] В 1928 г. Экскурсбазе исполнилось 10 лет. Все фактически работавшие на ней с самого основания получили красивые серебряные значки с датой 1918–1928. Было решено устроить торжественное собрание и капустник. Празднество это было связано с еще одним важным событием – переездом в новое помещение.

Как я уже писала, наш довольно примитивный, но уютный домик на Спасо-Песковском был предназначен на снос. А.Я. Заксу со свойственной ему энергией удалось отбиться от всех конкурентов и получить двухэтажный каменный особняк на Садово-Кудринской улице. В последний раз мы собрались в самой большой комнате, где была устроена самодельная эстрада. Настроение у всех было прекрасное. Еще до начала официальной части в углах, не занятых стульями, шли оживленные беседы, раздавались взрывы смеха. Лидером одной группы был сотрудник ИМВР Николай Сергеевич Елагин²⁸ – известный московский краевед. Он славился не только своей эрудицией, но и острым критическим языком [...]

Другим лидером был, конечно, Н.А. Гейнике. Здесь, на Экскурсбазе почти все были его учениками и поклонниками. Все ждали от него какой-нибудь непредсказуемой выдумки. На этот раз он “дарил” сотрудникам базы названия московских улиц, соответствующих характеру каждого. Талантливому экскурсоводу, литературоведу Л.Е. Случеской, очень часто жаловавшейся на всевозможные болезни, был дан “Аптекарский переулочек”; одной из аккуратных и боявшихся каких-либо ЧП педагогов-организаторов – “Пре-чистенка”, другой – “Осторо-женка”; третьей, вечно растрепанной и неряшливой – “Швивая горка”. Наши неудачливые хозяйственники (они на вечер не пришли) получили “Хамовнический плац” и “Спасоболвановский переулочек” (был такой!); полная и всегда говорившая несколько торжественным тоном Э.К. Быковская была названа “Триумфальные ворота”, а З.П. Базилева с ее любовью к красным косынкам – “Площадь Революции”. Каждое название так и прилипало к человеку.

Но вот прозвенел колокольчик. Все заняли места. Торжественно были вручены значки. Потом началась “художественная часть”, из которой я лишь кое-что запомнила. Какую-то злободневную частушку исполняли трое с эмблемами мушкетеров. В центре – прямой, как стрела, высоко подняв голову с красивыми правильными чертами лица Н.С. Елагин, слева – глыба, но на подвижных легких ногах – Н.А. Гейнике; справа – весь в движении, от энергичной мимики смеющегося лица буквально до кончиков пальцев, А.А. Коленкин²⁹ (Сан-Саныч), специалист по “дальним” экскурсиям, веселый, неизменно получавший призы за лучшее исполнение балльных танцев.

Не были забыты и шарады – короткие, остроумные. Запомнила две: Па-у-за. Действие (несложные “па”) разворачивалось “у” и “за” скамьей, а потом хор исполнял какой-то мотив, прерывавшийся паузами. А вот необычная ситуация: О.А. Ротберг сидит в кресле, запрокинув голову. А.А. Коленкин (конечно, танцует) подходит к ней и платком проводит по губам. Вокруг расположен хор, скандирующий звук “Э”. Все это означало: Э-разом рот-тер-дамский (Эразм Роттердамский). Не знаю, кто это выдумал, но хохот стоял невообразимый. Большой успех выпал совсем уж глупой песне, состоявшей из одного слова “Навуходоносор”. Она пелась на мотив известной итальянской песни о макаронах.

Хор находился за ширмой и на каждом слоге выскакивала одна голова. Получалась невообразимая, но смешная чепуха [...]

Весь зал подхватывал несложный мотив.

После капустника начались игры и танцы. Игры вела сотрудница ИМВРа Зеленко, известный тогда специалист – организатор детского досуга³⁰. В ее репертуаре имелось много забавных номеров. Например, ходили по кругу, повторяя самые разнообразные движения ведущего. Любопытно было смотреть, как это исполняли разные люди. Некоторые кое-как или совсем не включались в общее движение. А вот Н.М. Дружинин с таким серьезным видом садился на корточки и хлопал себя по коленям, что любо было смотреть! Все он делал серьезно и обстоятельно.

Танцы были старые – вальс, полька, мазурка (здесь отличался, конечно, Сан-Саньч). Я же в светло-синем трикотажном платье, отделанном “серебряными” бусинками (его привезла мама из Парижа³¹. Сегодня, через 60 лет, опять вижу платье, отделанные металлическими бляшками), с удовольствием вальсировала с милейшим Василием Гавриловичем Ченцовым – хранителем архива Базы и ее методического кабинета [...]

В программу вечера был включен и сольный балетный танец. Его исполняла Наталья Ивановна Соколова³², в дальнейшем известный искусствовед, действительный член Академии художеств СССР, одна из участниц спасения Дрезденской галереи. Человек, безусловно, талантливый. По-мужски стриженная, черноглазая, со смуглым, но румяным лицом, белозубой улыбкой – Н.И. была очень привлекательна, пользовалась большим успехом. Зная это, она относилась к окружающим, в особенности к обслуживающему персоналу, несколько свысока, что меня всегда корбило. На Базу она смотрела как на трамплин к другой, более интересной для нее, работе и не очень затрудняла себя выполнением своих обязанностей. Одевалась как-то пестро и крикливо, ее в шутку называли “наш попугай” [...]

[...] Вскоре База переехала на Садово-Кудринскую, где можно было разместить свободно не только сотрудников, но и все подсобные звенья. А.Я. Закс все же не был спокоен. Борьба за помещение продолжалась, и какая-то организация по слухам тоже получила ордер на этот дом. А.Я. энергично отбивался, но однажды пришел обеспокоенный и сказал, что по его сведениям завтра явочным порядком “они” (т.е. претенденты на дом) хотят въехать в наше помещение. “Я буду добиваться нового, самого “свежего” ордера, – сказал он, – но помещение все же следует охранять”.

Были вызваны все сотрудники на круглосуточное дежурство. Из столов, стульев, шкафов соорудили баррикады у входной двери. Только рассвело, А.Я. Закс с новым ордером в руках встал у входной двери.

Когда подъехали загруженные машины с целым отрядом людей, чтобы начать штурм особняка, А.Я. потряс перед ними полученным накануне ордером. Штурм не состоялся, претенденты уехали. История невероятная. Как говорят, невероятно, но факт. Я ее рассказала для того, чтобы представить сотрудников Базы как дружный коллектив, любящий свое учреждение и готовый его защищать.

Будущее казалось светлым и ярким. Но тучи уже сгущались [...]

Волна “чисток” докатилась и до Экскурсбазы. В вывешенном объявлении было указано, что цель специально созданной комиссии – рассмотрение качества теоретической и практической работы каждого сотрудника в целях, как говорилось тогда, “поднятия работы на высшую ступень”. “Что ж, – подумала я, – это полезно” и оказалась в той небольшой группе, которая положительно отнеслась к предстоящей проверке. Выпустили самокритическую газету “Базотёр” и пр. Однако все обернулось совсем иначе.

Во главе комиссии оказалась [...] сотрудница Музея Революции Г.Н. Фрумкина³³, которая специализировалась на разгромных “чистках” учреждений культуры. Через несколько лет она была репрессирована, и сотрудники Базы с нескрываемой злобой говорили “так ей и надо!”

Основной мишенью здесь был директор Базы А.Я. Закс. Его обвинили в первую очередь в “засорении” кадров (и это относилось к редкостному по квалификации коллективу!). Действительно, детей дворян и купцов было достаточно. Указывали на недопустимую академичность и недостаточную “политическую заостренность” программ и т.п. Указывали далее, что “слишком много экскурсий” (!). Понемногу туман от наивного одобрения “проверки качества” начал рассеиваться. И я с горечью нарисовала для стенгазеты карикатуру, где А.Я. Закс был изображен как главарь шайки разбойников, с надписью:

Их было двадцать пять. Работали на ять.
Но оказались страшной шайкой
Помещиков, купцов, преступников, дельцов.
Кто это? А? Узнай-ка!

Карикатуру, конечно, в стенгазете не поместили.

В первый день предполагалось дать общую критику серьезных коренных недостатков Базы. Однако в докладе Фрумкиной по существу работы были сделаны лишь незначительные замечания. Основной удар наносился по родителям и прародителям сотрудников, которые, как я уже сказала, были далеко не пролетарского происхождения. Особо осуждалось “сокрытие” фамильных и собственных “грехов”. Так, О.А. Ротберг (историк, в дальнейшем доцент Гос[ударственного] педагогического института им. В.И. Ленина) грубо обвинили в том, что у ее отца, известного московского врача, был собственный дом, чего она в анкете не указала. После этого О.А. с печальным юмором говорила: “Теперь при встрече с любым человеком я буду, протягивая руку, говорить: “Здравствуйте, у моего отца был собственный дом”. Мелкие “укусы” достались многим экскурсоводам, обвинявшимся в недостаточной “политизации” экскурсий.

На второй день была назначена “персональная чистка”, причем кого будут “чистить”, было неизвестно. Боялись все. У каждого имелся какой-то “грех”. У одного – давно забытое родовое поместье, у другого – не помеченная в анкете купеческая гильдия отца или дяди, у третьего мать – “лишенка” (лишена избирательных прав как торговашая при нэпе на рынке или имевшая мелкую частную собственность) или какой-нибудь троюродный дедушка, живший за границей – словом, поводов для персональной чистки было много. М.М. Себенцова (историк, в дальнейшем доцент Гос[ударственного] педагогического института им. В.И. Ленина) с ее рациональным мышлением, спокойным, выдержанным характером, поддавалась всеобщему страху и рассказывала, как она несколько раз обходила вокруг нашего особнячка, пока буквально не заставила себя открыть входную дверь.

От моего оптимизма и одобрения проверки качества работы не осталось и следа.

Первой жертвой оказалась немолодая женщина, выполнявшая какие-то организационные функции в общежитии Базы. Производила она впечатление толкового и обязательного человека. Впрочем, я ее мало знала.

Р.Н. Фрумкина начала докладывать обвинительный акт. Она прекрасно владела словом. Перед нами начала разворачиваться страшная картина. Оказывается, эта с виду тихая и скромная женщина была активной участницей белогвардейского движения на Дону. Была там в 1918–1920 гг. Отец – белый генерал, брат – полковник и т.д., и т.д. И хотя А.Я. Закс – это делает ему честь – положительно оценил ее работу, “в лоб” был поставлен вопрос: “Кто за

то, чтобы исключить из коллектива сотрудницу Базы, запятнавшую себя участием в белогвардейском движении?” Я оглянулась. Поднялся лес рук. И я подняла. А обвиняемая сидела, сгорбившись, потупив голову, плотно сжав губы, и не сказала ни слова. Я опустила руку с каким-то тяжелым чувством. (В дальнейшем оказалось, что все эти обвинения были сущей выдумкой. Действительно родные ее служили в царской армии, действительно жили на Дону, но никакого участия в белогвардейском движении не принимали. Она была оправдана и получила работу в каком-то советском учреждении. На Базу, конечно, не вернулась).

Второй жертвой оказалась ко всеобщему удивлению милейшая И.В. Чекан (она работала также на рабфаке им. Бухарина). Ей инкриминировалось “сокрытие социального происхождения”. Оказывается, ее отец был священником и, по слухам, даже членом реакционного “Союза русского народа”. И.В. Чекан спокойно объяснила, что отец после 1917 г. не исполнял обязанности священника, никогда не был членом этого союза, теперь находится на ее иждивении: ведь он ее отец. А.Я. Закс дал ей блестящую характеристику. И хотя Фрумкина нарисовала мрачную картину двурушничества – ведет агитпроп-работу, а вместе с тем не порывает с отцом – потенциальным контрреволюционером, я решила: “Нет, хоть режьте меня, за изгнание И.В. Чекан из Базы я не проголосую!” Очевидно, такие же мысли можно было прочесть в глазах и других сотрудников. Фрумкина – достаточно хороший психолог учла это. Голосования не было. Вопрос, как было сказано, остался открытым. Все облегченно вздохнули. Напрасно. Вскоре И.В. Чекан была выслана из Москвы далеко на север.

Дальнейшая судьба экскурсбазы была печальной. Для улучшения социального состава сотрудников ее пополнили “выдвиженцами”. Помню двоих. Первый молодой, лицо довольно смазливое, востроносый, с несколько плутоватым выражением сверлящих глазок. Поскольку А.Я. Закс после “чистки” опять тяжело заболел, он стал и.о. директора. Неизвестно, в чем выражалась его деятельность (помнилась его любовь к грубым “соленым” анекдотам), но уважения к себе он не снискал. Через много лет, когда Экскурсбаза уже не существовала, я встретила его на улице. Вид у него был довольно потрепанный. Узнав, что я работаю в музее, он сказал: “Вот мы опять коллеги! Я тоже работаю по культпросвету”.

Второй выдвиженец – невысокий, белобрысый, с пустыми глазами был вообще малограмотный, болтался на Базе в поисках какой-либо деятельности.

Экскурсбаза постепенно угасала. Началась перестройка школьных программ. Они сделались жесткими и обязательными. Экскурсии трудно было включать в расписание. Экскурсионный “бум” утихал.

А.Я. Закс фактически не мог включиться в работу по состоянию здоровья. Постепенно стал растекаться коллектив [...]

Нашлись охотники на особнячок Экскурсбазы, и без энергии А.Я. Закса его отстоять не удалось. База переехала в Сокольники, слилась с Центральной детской экскурсионно-туристической станцией и фактически прекратила существование [...]

Увы, 70-летие Базы (1988) никак не отмечалось. “Волны забвения” сомкнулись над ней. А ведь Центральная опытная детская экскурсионная база Наркомпроса была одним из первенцев советской культуры и заслуживает благодарной памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отрывок из главы IV “На пути к специальности (1920–1925)”, повествует о занятиях на гуманитарном факультете методического отделения Курсов инструкторов-организаторов народного просвещения. Здесь и в последующих главах А.Б. Закс ведет рассказ от себя и сестры, с которой вместе училась на Курсах. Сестры были очень близки и жили вместе. Сарра Борисовна Закс (1898–1984) позднее специализировалась на изучении английского языка и преподавала его, была автором учебных книг и пособий для изучающих английский язык.
- ² Вероятно, Н.А. Кун, историк древнегреческой культуры, автор известного по многочисленным изданиям пересказа греческих мифов “Легенды и мифы древней Греции”.
- ³ В сборнике “Культурно-исторические экскурсии” (М., 1923) опубликовано содержание цикла из 28 экскурсий, разработанных в 1919–1922 гг. участниками первого семинара Н.А. Гейнике при Главном управлении по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (Главмузей): вып. I – экскурсии по Историческому музею, вып. II – по Москве, вып. III – по Москве, Подмосковию (Останкино, Кусково, Архангельское, Николо-Урюпино) и по Музею изобразительных искусств.
- ⁴ Речь идет об одной из экскурсий культурно-исторического цикла. Д. 10 по Б. Гнездииковскому пер. был построен архитектором Э.К. Нирензее в 1912 г. Специальная терраса на крыше дома предназначалась для кругового обзора города с большой высоты.
- ⁵ По-видимому, имеется в виду небольшая церковь Св. Духа (XVIII в.), находившаяся у Пречистенских ворот, в конце Пречистенского (с 1909 г. Гоголевского) бульвара.
- ⁶ Алексеевский женский монастырь с шатровым храмом XVII в. находился в Чертолье, на краю оврага-чертогоря (у Пречистенских ворот). Монастырь был снесен и в 1839 г. на его месте заложен храм Христа-Спасителя.
- ⁷ Воспоминания написаны в 1980-х годах, когда о восстановлении храма Христа-Спасителя не было речи.
- ⁸ Дом Моссельпрома был построен в 1923 г. по проекту архитектора Д. Когана.
- ⁹ Собрание русской живописи и графики сформировано И.Е. Цветковым на рубеже XIX–XX вв. В 1909 г. оно вместе с домом, построенным по проекту В.М. Васнецова для размещения коллекции, передано в дар городу. Широкий доступ для публики был открыт после смерти Цветкова (1917 г.). Хранителем галереи стал А.В. Бакушинский. В 1924 г. Цветковская галерея прекратила самостоятельное существование, слившись с собранием Третьяковской галереи.
- ¹⁰ Коллекции произведений импрессионистов, принадлежавшие ранее С.И. Шукину и И.А. Морозову, национализированы после Октябрьской революции и затем сосредоточены в особняке И.А. Морозова на Пречистенке. В 1947 г. после ликвидации Музея нового западного искусства коллекции были разрознены; полотна переданы в Музей изобразительных искусств им. Пушкина и частично в Государственный Эрмитаж.
- ¹¹ Отрывок из той же главы IV “На пути к специальности (1920–1925)”. Частично он вошел в публикацию А.Б. Закс “Факультет общественных наук МГУ (1921–1924): Из воспоминаний историка”.
- ¹² Речь идет об экскурсиях культурно-исторического цикла. Случевская Лидия Евлампиевна была участницей первого семинара Н.А. Гейнике. Содержание ее экскурсии “По Остоженке опубликовано в сб. “Культурно-исторические экскурсии”. Вып. II. С. 15–20.
- ¹³ Этот и следующий отрывки взяты из гл. V “Начало работы по специальности (1925–1933): Сборники “По революционной Москве”, “Октябрь в экскурсиях по Москве” и “Центральная детская опытная экскурсбаза Наркомпроса”.
- ¹⁴ По революционной Москве: Историко-топографический справочник-путеводитель. М., 1926.
- ¹⁵ Альбом “Наша биография” (1915–1933) был подготовлен А.Б. и С.Б. Закс в начале 1980-х годов. Он содержит фотографии, рисунки, шаржи, карикатуры, стихи, эпиграммы, вырезки из газет и др. материалы, связанные с жизнью сестер и их друзей тех лет. Работа над альбомом, а затем вскоре смерть С.Б. Закс подтолкнула Анну Борисовну взяться за воспоминания. Альбом передан в ГИМ в составе архива А.Б. Закс, который находится в обработке.
- ¹⁶ Шапиро Надежда Исааковна (1899–1992) – подруга А.Б. Закс с гимназических лет, соавтор ее статьи “Октябрь в Москве” (Сб. “Октябрь в экскурсиях по Москве”. М., 1927. С. 35–47), сотрудница Центральной детской опытной экскурсбазы (ЦДОЭ), в 1933–1940 гг. – научный сотрудник Музея революции; после 1945 г. – преподавала историю в московской средней школе.
- ¹⁷ Хамовники в октябре 1917 года. М., 1922.
- ¹⁸ Октябрь в экскурсиях по Москве: Сборник статей-экскурсий. М., 1927.
- ¹⁹ Козлова Ольга Тимофеевна (1887–?), автор статьи-экскурсии “Замоскворечье в октябре 1917 г.” (Сб. “Октябрь в экскурсиях по Москве”); сотрудница Института методов внешней работы и ЦДОЭ, с 1933 г. лектор отдела популяризации научных знаний ГИМ, методист; автор пособия для учителей и музейных сотрудников “Школьные экскурсии в музей по исторической экспозиции” (М., 1940).
- ²⁰ Бытовой музей 40-х годов в доме Хомякова на Собачьей площадке открыт для посетителей в 1920 г.; в 1922–1929 гг. был филиалом ГИМ. Борис Валентинович Шапошников (1890–?), музейвед, литературовед, автор путеводителя “Бытовой музей сороковых годов” (М., 1924).

- ²¹ Гарелина (Анциферова) Софья Александровна (1899–1967), участница первого семинара Н.А. Гейнике, автор экскурсии “Москва-посад” культурно-исторического цикла (Вып. II), краевед, историк театра; в 1940–1950-х годах работала в музее МХАТ.
- ²² Анциферов Николай Павлович (1889–1958), историк, краевед, в 1921–1924 гг. сотрудник гуманитарного отдела Петроградского экскурсионного института, позднее Центрального бюро краеведения. После арестов и пребывания в лагерях (1925–1933) работал в московских музеях, в Государственном литературном музее (1936–1956). Автор воспоминаний “Из дум о былом” (М., 1992). В Петербурге в 1995 г. учреждена Анциферовская премия за труды по истории Петербурга.
- ²³ Ротберг Ольга Александровна, участница первого семинара Н.А. Гейнике, автор экскурсии “Культура эпохи Возрождения” в культурно-историческом цикле по Москве (Вып. III), сотрудница ЦДОО в 1940–1950-х годах – преподаватель античности в Государственном педагогическом институте им. Ленина.
- ²⁴ Из первого семинара Н.А. Гейнике вышли и были авторами экскурсий культурно-исторического цикла Игнатова Татьяна Ильинична (“Рост власти Московского государя”, “Новодевичий монастырь”. Вып. II), Эмилия Константиновна Быковская (“От вельможи к барину”. Вып. II), Мария Михайловна Себенцова (“Архангельское”. Вып. III).
- ²⁵ Коган Ита Израилевна (1887–1983), экскурсовод-методист, историк, автор двух экскурсий культурно-исторического цикла по Историческому музею (Вып. I); в 1933–1957 гг. (с перерывами) – научный сотрудник ГИМ (отделы – массовый, архитектурной графики, письменных источников).
- ²⁶ О Рязанове Давиде Борисовиче см.: Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // АЕ за 1995 год. М., 1997.
- ²⁷ Голосовкер Маргарита Эммануиловна (1889–1955), музейный работник, в 1924–1931 гг. – сотрудник ИМЭ, в 1936–1949 гг. – заведующая сектором художественной иллюстрации ИМЛИ, составитель книги-альбома “М.Ю. Лермонтов: жизнь и творчество” (М.; Л., 1941).
- ²⁸ Елагин Николай Сергеевич (1881–1957), краевед, историк. После ареста и ссылки работал экскурсоводом в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике.
- ²⁹ Коленки Александр Александрович в методических пособиях “Русский город и его роль в прошлом и настоящем” (М., 1924) и “Дальние экскурсии” (М., 1927) обобщил опыт ЦДОО по организации дальних экскурсий.
- ³⁰ Зеленко В.А. – автор методического пособия “Практика внешкольного образования в России”. М.; Пг., 1923.
- ³¹ В 1927 г., после восьмилетней разлуки, А.Б. и С.Б. Закс удалось разыскать мать и добиться для нее въездной визы. Из Кишинева, оккупированного в 1918 г. Румынией, она добиралась в Москву через Францию, так как прямого пути из Бессарабии в СССР не было. В привезенном ею большом “кофре” были фамильные реликвии и парижские иаряды для “ободраинных” дочек.
- ³² Соколова Наталья Ивановна (1897–1981), искусствовед, автор очерков о художниках В.А. Серове, Курьяниках, П.П. Кончаловском, статьи “Искусство на рубеже XIX–XX вв.” в кн. “Очерки по истории русского искусства” (М., 1954). О ее участии в спасении картин Дрезденской галереи см. “Московские художники в дни Великой Отечественной войны” (М., 1981). С. 375.
- ³³ Фрумкина Р.Н. была содокладчицей Н.К. Крупской “О массовой и политпросветработе музеев” на I Всероссийском музейном съезде (1930 г.).

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ Н.П. ЧУЛКОВА “ГРУЗИНЫ-НИЖНИЕ”

В ОПИ ГИМ в фонде П.Н. Миллера (Ф. 134, Д. 166) хранится непубликованная рукопись Николая Петровича Чулкова (1870–1940) под названием “Грузины-Нижние”. Это 28 страниц машинописного текста, подготовленного, по-видимому, к печати: он тщательно вычитан и подписан автором, под строкой и в тексте им сделаны примечания, проведены шрифтовые выделения. Однако рукопись не датирована. Текстологический анализ позволяет утверждать, что она написана не ранее осени 1931 г. (автор дает ссылку на журнал “Новый мир”, 1931. № 8).

Эта рукопись привлекла наше внимание несколькими обстоятельствами. Прежде всего тем, что ее автор — известный знаток Москвы, имя которого по праву вошло в библиографический справочник “Историки и краеведы Моск-

вы” (М., 1996). Работами и подготовительными материалами Н.П. Чулкова по Москве, которые хранятся в пяти столичных архивохранилищах¹, широко пользуются москвоведы, подчас, однако, не ссылаясь на первоисточник, и эту несправедливость следует исправлять, публикуя работы Н.П. Чулкова. Кроме того, по истории Грузинской слободы в Москве на удивление мало работ: назовем лишь соответствующие страницы в книгах П.В. Сытина “Из истории московских улиц”² и Ю.А. Федосюка “Москва в кольце Садовых”³. И, наконец, рукопись привлекает своей информативностью, не утратившей значения и в наши дни, когда Москва подверглась значительным перестройкам.

Н.П. Чулков был не просто известным москвоведом. Это был особенный, своеобразный историк Москвы. Дело в том, что его необычайно обширные и глубокие знания о Москве опирались на прочный фундамент архивных источников (сказывались сорок лет работы в МАМЮ и его преемниках), генеалогии (не зря Николая Петровича называли “живой энциклопедией”), истории московских домовладений и московского некрополя (он постоянно вел соответствующие картотеки). Москва декабристская, Москва пушкинская, Москва тургеневская были хорошо знакомы Н.П. Чулкову по его редакторской и составительской работе. Из органического сплава всех этих многообразных источников и рождался талант Н.П. Чулкова-москвоведа.

Как и все его работы, в большинстве своем, к сожалению, оставшиеся неопубликованными, очерк “Грузины-Нижние” отмечен особым почерком. Насыщенность фактическим материалом и лаконичность его изложения, интерес буквально к каждому московскому дому, за стенами которого — всегда вековая история и интересные люди, приоритет исторического источника и в то же время, умение “скрыть” от читателя трудности работы с ним. За авторским почерком всегда стоит характер исследователя.

У нас есть уникальная возможность представить себе Николая Петровича Чулкова как человека благодаря специально написанным весной 1992 г. и публикуемым ниже воспоминаниям о нем Марины Юлиановны Меленевской, москвички, которой в феврале этого года исполнилось 90 лет, но которая и сегодня активно участвует в жизни двух возрожденных обществ — “Старой Москвы” и “Общества изучения русской усадьбы”. Их членом она была еще в далекие 1920-е годы.

“Среди постоянных, непреходящих и почетных участников четверговых заседаний Комиссии “Старая Москва”, собиравшейся некогда в Историческом музее, хочется назвать Николая Петровича Чулкова. Его особенно чтит и прислушивался к каждой его реплике председатель Комиссии Петр Николаевич Миллер. Уже более полувека эти два замечательных человека покоятся под одинаковыми черного мрамора плитами на старом Новодевичьем кладбище. Кроме дат рождения и смерти, на их надгробиях лаконичная многозначительная надпись: “Историк Москвы”.

В числе многих представителей интеллигентской молодежи, посещавшей собрания “Старой Москвы” во второй половине 20-х годов, была и я (в то время студийка театральной студии). Все мы — молодые — с величайшим уважением относились к Николаю Петровичу. Каким он был тогда? Ростом ниже среднего, похожий на сказочного старичка-боровичка со сморщенным добрым лицом и всегда полужакрытыми глазами. Он никогда не садился в передних рядах, устраивался где-то сзади. И поскольку веки его глаз были припущены, окружающим казалось, что он спит. Но стоило только кому-то из докладчиков и выступавших в прениях неправильно назвать современников Пушкина или его лицейских товарищей, кого-то из декабристов и их семей и потомков, как Николай Петрович мгновенно вздрагивал, как птичка на ветке, и тихим голосом совершенно безапелляционно вносил поправку. Он знал до седьмого колена родословные всех известных, ма-

¹ В “АЕ за 1996 год” публикуются работы: *Шокарев С.Ю.* Фонд Н.П. Чулкова в Музее истории города Москвы; Список печатных трудов Н.П. Чулкова (подг. С.Ю. Шокарев).

² *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. 3-е изд. М., 1958. С. 481-488, 611-621.

³ *Федосюк Ю.А.* Москва в кольце Садовых. 2-е изд. М., 1991. С. 421-425.

лоизвестных и почему-то одному ему известных москвичей, живших в века, предшествовавшие двадцатому.

Всем окружающим было очевидно, что этот скромный старичок — кладезь уникальных знаний. И было бы чрезвычайно ценно сосредоточить в одном собрании архив Чулкова, чтобы накопленные за многие годы терпеливых поисков в архивах и через общение с многочисленными потомками известных родов совершенно уникальные сведения не были анонимны, разбазарены или (того хуже) авторизованы (присвоены!) ленивыми и недобросовестными людьми.

Николай Петрович был великий человек. Он сумел за свою жизнь накопить не только биографические сведения о многих людях, выражавших эпоху, в которой они жили, но и воссоздать их живые чувства, их привязанности, стиль общения друг с другом. Он как бы получил право войти в их общество, как человек их круга. Пожалуй, именно в этом состоит уникальность Чулкова как историка и обаяние его человеческой личности. Ему была присуща органическая (не напускная) скромность, уважение к собеседнику (независимо от их положения и возраста), которая всегда сама по себе — проявление самой высочайшей культуры. Прошло без малого 70 лет с тех пор, как мне доводилось наблюдать Николая Петровича, обращаться к нему с вопросами, участвовать в экскурсиях по Москве, в которых он, несмотря на преклонный возраст, принимал иногда участие. Но образ его остался в моей памяти навсегда. Это был уникальный, неповторимый человек, хранивший в своей памяти многие сотни имен и судеб человеческих”.

М.Ю. Меленевская

Очерк Н.П. Чулкова “Грузины-Нижние” охватывает местность, расположенную на северо-запад от Кудринской площади и заключенную между улицами Баррикадной (бывшая Кудринская), Садовой-Кудринской, Красина, Зоологической и Большой Грузинской. Как известно, Грузинами (Грузинской слободой) в XVIII-XIX вв. называлась не только эта территория, но и тянувшаяся далее на северо-запад, до Грузинского Камер-Коллежского вала. Именно на него выходила Малая Грузинская улица, а Большая Грузинская кончалась на Тверской-Ямской. Таким образом, Н.П. Чулков описывает только юго-восточную часть Грузин — наиболее древнее, историческое ядро слободы.

Откуда идет название “Грузины-Нижние”, нам не удалось выяснить. Нет его и у А.А. Мартынова⁴. Может быть, оно объясняется тем, что Грузинская слобода располагалась вдоль нижнего течения речки Пресни, впадавшей в Москву-реку и как раз в районе слободы образовавшей пруды? Во всяком случае, такой знаток Москвы, каким был Н.П. Чулков, должен был опираться на веские основания, давая своей рукописи подобное название.

Примечания по тексту самого Н.П. Чулкова даются цифрами со звездочкой.

В заключение выражаем чувство удовлетворения от того, что имя и работы Н.П. Чулкова наконец-то чаще стали появляться в нашей печати⁵. С.Ю. Шокарев написал очерк о Чулкове для третьего выпуска “Краеведов Москвы”. Он же дал отзыв на воспоминания М.Ю. Меленевской, за что мы приносим ему благодарность.

Л.В. Иванова

ГРУЗИНЫ-НИЖНИЕ

Названия бывших Кудринской улицы и Кудринской площади (ныне Баррикадная улица и площадь Восстания¹) и продолжающей свое существование Садовой Кудринской улицы напоминают древнейшее поселение в интересующей нас части Москвы — село Кудрино, упоминаемое в источниках еще XIV века. Это

⁴ Мартынов А.А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. 1873; М., 2-е изд. 1881; 1888. 3-е изд.

⁵ См.: Рыкова О.В. Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. Екатеринбург. 1993. № 1; Она же. Указатель родословных из фонда Н.П. Чулкова // Там же. 1993. № 2.

было одно из владений московского великокняжеского рода и в указанном веке принадлежало племяннику Дмитрия Донского князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому и Боровскому (1353-1410).

Где именно находилось Кудрино, с точностью определить трудно: о нем известно только, что оно было расположено на р. Пресне.

В начале XVII в. никакого поселения на его месте не было: здесь была пустошь с пахотным полем.

Владимир Андреевич завещал свою подмосковную вотчину — “двор на Трех горах и село Кудрино с деревнями” митрополиту московскому Фотию, а последний отдал ее своему домовому Новинскому Введенскому монастырю, находившемуся поблизости (впоследствии церковь Введения близ Новинского бульвара).

Вотчина ограничивалась р. Пресней, Москвой-рекой до впадения в нее речки Ходынки и большими дорогами Тверской и Волоцкой.

В XVII в. владение Новинского монастыря соприкасалось с землями Тверской Ямской слободы, т.е. той слободы, где жили ямщики, поддерживавшие общение между Москвой и Тверью.

Дошедший до нас план этой местности в XVII в. (вероятно начала 1680 годов) дает следующие сведения: от Никитских ворот Земляного города (т.е. от нынешней площади Восстания) идет вниз к Пресне Кудринская стрелецкая слобода, над нею возвышаются два здания: слева — церковь Покрова в Кудрине и справа, несколько ближе к городу, двухэтажное здание с башней, по всей вероятности слободской съезжий двор — сосредоточие управления стрелецким полком, расквартированным в Кудринской слободе. Ниже стрелецкой слободы близ Пресненского пруда находился двор боярина и оружейничего Ивана Максимовича Языкова, начальника Оружейной палаты, любимца царя Федора Алексеевича, убитого стрельцами 15 мая 1682 г.^{1*}, а правее, на берегу того же пруда, была расположена царская резиденция — “Новое государево Воскресенское село с церковью”. Еще правее тянулась ямская земля. По ту сторону пруда был государев Новый Пресненский сад, называвшийся “Новым” для отличия от “Старого” сада, находившегося близ Пресни же, но ниже, недалеко от впадения ее в Москву-реку, приблизительно около того места, где впоследствии была фабрика Шмита.

От XVII в. дошла до нас еще гравюра, изображающая встречу на Пресне царем Михаилом Федоровичем возвращающегося из польского плена своего отца, будущего патриарха Филарета. На этой гравюре представлена в схематическом виде прилегающая местность, следовательно, отчасти и та, о которой здесь идет речь^{2*}.

Земля, расположенная между Кудринской стрелецкой слободой, государевым селом Воскресенским, Тверским ямским полем и Земляным городом, раздавалась боярам и другим придворным чинам под огороды и загородные дворы, как и за других окраинах Москвы. Боярские дворы в центре города — густо населенных Кремле, Китай-городе и Белом городе — были слишком малы, чтобы можно было разводить при них сады и огороды, необходимые в боярском хозяйстве, потому боярам и другим придворным чинам раздавались земли сначала в Земляном городе, а потом и за пределами его.

Так и в описываемой местности получил землю в 1652 г. боярин князь Хворостинин; впоследствии она принадлежала известному деятелю времени царя Алексея боярину А.С. Матвееву. Получил здесь надел и один из князей Голицыных.

^{1*} На плане сказано только: двор Ивана Языкова.

^{2*} “Книга об избрании Михаила Федоровича на царство”, рукопись 1672 г., напечатана в 1886 г.

По уничтожении Петром I стрелецкого войска стрелецкая земля была также роздана знатным людям: здесь ее получили бояре Ф.М. Апраксин, Ю.С. Нелединский-Мелецкий и князь Ю.Ф. Щербатов. Это бывшая стрелецкая земля простиралась от Баррикадной улицы до пруда в новом Зоопарке.

Дальнейшая судьба этой местности будет указана при описании отдельных владений, образовавшихся на территории между Пресненским прудом и Земляным городом.

Начнем описание отдельных владений от угла Баррикадной улицы и площади Восстания.

Баррикадная улица, № 2 и 4 и Садовая Кудринская, № 1–5. По-видимому именно здесь и находилось изображенное на плане XVII в. большое двухэтажное здание с башней, о котором говорилось выше. После уничтожения стрелецкого войска эта часть стрелецкой земли была отдана двум видным деятелям Петровского времени — сенатору Ю.С. Нелединскому-Мелецкому и генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину: угловое владение принадлежало Апраксину, а его охватывало справа, слева и сзади владение Нелединского-Мелецкого. По переписи московских дворов, произведенной после большого пожара 1737 г., находим здесь дворы их наследников: племянника адмирала графа Федора Андреевича Апраксина и сына сенатора, Александра Юрьевича Нелединского-Мелецкого. Последний эксплуатировал свою землю тем, что сдавал ее под застройку людям разного звания, конечно, мелкому люду. На плане 1751 г. уже находим у Апраксина небольшие каменные палаты. В последней четверти XVIII в. владение Апраксина и, может быть, и Нелединского-Мелецкого принадлежало Александру Ивановичу Глебову, генерал-прокурору в 1761–1764 гг. и генерал-кригс-комиссару в 1760–1775 гг. Этот виднейший сановник Екатерины II, занимавший в качестве генерал-прокурора одно из первых мест в государстве, прославился своими корыстолюбием и лихоимством, за которые в конце концов и пострадал: в 1782 г. он был исключен из службы в связи с делом о хищениях в Главном комиссариате, и на имущество его наложен секвестр. Кроме указанного дома, у него в разное время было несколько домов в Москве (один из них был у него куплен для устройства Павловской больницы²); ему же принадлежало подмосковное село Виноградово.

Постройку кудринского дома относят обыкновенно к 1785 г., но эта дата кажется сомнительной, принимая во внимание исключение из службы Глебова в 1782 г. Неизвестно, перестроил ли только Глебов старые палаты Апраксина или построил новые. Возможно, что в случае перестройки сохранилось кое-что из старого. Во всяком случае глебовский дом соответствует только части нынешнего дома, именно части его вправо от колоннад. За домом вдоль Садовой расстился большой “перспективный” или регулярный сад (вот почему надо предположить, что и двор Нелединского-Мелецкого вошел в состав глебовского владения). От Глебова владение перешло в казну, и в 1793 г. находим здесь Главную аптеку. В 1805 г. оно разделилось на две части. Дом № 4 по Баррикадной улице остался за Главной аптекой и здесь находился ее инструментальный завод, в 1812 г. он пострадал от пожара и после починки отдан под Пресненский частный дом; в нем вплоть до революции помещались полицейское управление и пожарная команда Пресненской части. А теперь в нем помещается управление одного из отделений милиции и по-прежнему пожарная команда. Дом № 2 перешел в 1805 г. в ведомство Воспитательного дома и здесь был помещен Александровский мещанский институт, а после перевода его в другое здание — Вдовый дом, основанный в 1803 г. Глебовские палаты были увеличены пристройкой слева, как это видно на плане 1810 г. В 1812 г. здание пострадало от пожара (в нем в это время помещался Военный госпиталь) и в 1814 г. восстановлено с значительными переменами: вышеупомянутая пристройка слева глебовских палат стала центральной частью нового дома и перед ней воздвигнута колоннада, а слева сдела-

на пристройка, по величине соответствующая старейшей части здания. “Крупный размер колонн портика очень гармонирует с простым зданием, утонувшем на фоне зелени, и такая глубокая тень за этими колоннами, что иные украшения были бы здесь излишни” (И.Е. Бондаренко)³. Вдовый дом просуществовал до революции, а после 1917 г. в его здании помещался Психо-неврологический институт⁴.

Вдовьему дому принадлежала территория площадью более 5 десятин. В 1880 г. часть земли была отведена под постройку зданий 4-ой женской гимназии. Оно выстроено в 1886–1887 гг. по проекту, составленному в Строительной комиссии Ведомства учреждений имп. Марии. Дом и теперь вмещает в себе одну из школ.

Большой участок земли сдавался в аренду под садоводство (последний арендатор швейцарский гражданин Виллар). Теперь на этом месте здание Планетария и часть нового Зоопарка.

Садовая Кудринская. [№] 7. В 1730–1750-[х] годах — владение коменданта С.-Петербургской крепости, генерал-лейтенанта князя Ф.В.Мещерского (ум. 1756 г.), в 1770-х г[одах] — кн. Щербатовой, а с конца XVIII в. до 1860 г[одов] — четырех поколений рода Бутурлиных: бригадира Михаила Дмитриевича, гвардии капитана Петра Михайловича (отец известного деятеля николаевской эпохи Дмитрия Петровича, военного историка, после революции 1848 г. председателя так называемого Бутурлинского комитета, прославившегося своей цензурной свирепостью), генерал-майора Михаила Петровича и дочери последнего Е.М. Леонтьевой, с 1870-х г[одов] до 1891 г. — иностранки Бартельс, в 1891–1897 г. жены штаб-ротмистра М.К. Мордвин-Щдро (усыновленная дочь К.Е.Бенардаки, брата известного богача-откупщика Д.Е.Бенардаки, послужившего прототипом для одного из действующих лиц второй части “Мертвых душ” Костанжого. Приемная мать ее Е.И.Бенардаки, владевшая по соседству громадной усадьбой на Тишинской площади, завещала большие денежные суммы разным церквям и благотворительным учреждениям, основанным ею), с 1897 г. до 1917 г. — А.Г.Найденовой, рожденной Хлудовой, из известной московской семьи фабрикантов-миллионеров. В одном из флигелей была последняя московская квартира художника В.Д.Поленова. Сад отошел теперь под Зоопарк.

Садовая Кудринская. [№] 9. В XVIII в. это владение было значительно больше, чем в XIX в., и доходило до пруда “Кабаниха”; впоследствии задняя часть сада была присоединена к соседним владениям. В 1730–1750 гг. оно принадлежало князьям Тюфякиным, в 1751 г. тит. сов. И.В. Перепечину, с 1752 г. майору И.Н. Маркову и затем его дочери М.И. Марковой, в 1820–[18]30 гг. — чиновнику из дворян Г.П. Высоцкому, в 1840 г. — кн. И.А. Хилкову, в 1850–[18]90 гг. А.С. Воейковой. Дочь и наследница последней гр. Е.П. Крейц продала свое владение в 1899 г. под постройку здания Реального училища, которое в нем и просуществовало вплоть до революции.

Садовая Кудринская. [№] 111. В 1730-50 г[одах] владение князей Урусовых — воронежского губернатора Григория Алексеевича и его сына Сергея, в 1780-х г[одах] — кн. Е.П. Хованской, в 1793 г. калужского губернского предводителя дворянства, отст. ген.-майора Г.П. Бахметева (ум. 1797 г.), а после его смерти — его дочери Анны Гавриловны и зятя, бригадира, потом сенатора Николая Евгеньевича Кашкина (ум. 1827 г.). Дом Кашкиных был одним из типичных старомосковских барских домов с громадным штатом прислуги. Вся Москва собиралась сюда на балы и вечера, литературные чтения, живые картины, шарady epactiон (в действии), музыкальные утра. Дом был убран со вкусом, имелась и прекрасная библиотека.

После смерти Н.Е. Кашкина дом перешел к его единственному сыну Сергею Николаевичу, в этом доме и родившемуся. В момент смерти отца он находился в ссылке в Архангельске. Двоюродный брат одного из главарей декабристского движения Е.П. Оболенского, С.Н. Кашкин был близок со многими деятелями

тайных обществ, подобно другому крупному декабристу, Пущину, он из гвардии перешел на службу в Москву, заняв должность заседателя Московского надворного суда, чтобы облагородить это учреждение. Вместе с Пущиным же Кашкин был членом общества Семиугольной звезды, имевшей целью борьбу с несправедливостью во всех ее проявлениях в гражданском и житейском быту. После 14 декабря он был арестован, просидел 9 месяцев в Петропавловской крепости и сослан на службу в Архангельск. Сын его Н.С. Кашкин впоследствии пострадал по делу петрашевцев.

В 1830 г. владение перешло к соседу слева Г.П. Высоцкому, а вдова последнего продала графине Анне Георгиевне Толстой, рожденной княжне Грузинской, дочери крупного нижегородского помещика, владевшего землей поблизости, в Грузинах, о чем будет речь впереди. О ней рассказывают, что в юности она влюбилась в “незаконного” сына своего отца, не зная о родстве с ним, и встретила взаимность. Когда родство сделалось известно влюбленным, герой романа постригся в монахи, а героиня дала обещание остаться безбрачной. Тем не менее она впоследствии вышла замуж, но под условием жить по братски, за графа А.П. Толстого, обер-прокурора Синода в начале 1860-х годов. Большие мистики, супруги Толстые были очень близки с Гоголем в последние годы его жизни, и в их квартире на Никитском бульваре он и умер. А.Г. Толстая, умершая в 1889 г., завещала свое владение Попечительству о лицах духовного звания для устройства приюта для этих лиц. К владению принадлежал и пруд “Каб. ниха” или “Малый Кабаной”, раньше принадлежавший, как и Пресненские пруды, Дворцовому ведомству. Теперь этот пруд и прилегающий к нему бывший приютский сад входят в состав Зоопарка.

Садовая Кудринская, [№] 13. Под этим номером соединились уже в XX в. два владения. Первое из них до 1762 г. принадлежало воронежскому вице-губернатору М.С. Аничкову, затем его жене и дочери У.М. Плохово, с 1762 г. — кн. П.Ф. Тюфякину, в 1793 г. полковнице Н.Н. Приклонской, в 1806 г. — кн. Щербатову, в 1809 г. — обер-прокурору Сената А.Д. Боборыкину, после 1812 г. — князьям Цициановым, с 1838 г. — статской советнице М. Гежелинской, в начале 1860-х г[одов] — княжне В.Н. Репниной, дочери малороссийского генерал-губернатора и племяннице декабриста Волконского, другу Гоголя и Шевченко. В 1860-х г[одов] владение было приобретено графиней Софьей Васильевной Келлер, рожденной графиней Бобринской. Дом в это время сохранял свой обычный для первой половины XIX в. ампирный вид, он был одноэтажный с мезонином и с колоннадой. Новая владелица уничтожила колоннаду и продолжила мезонин вправо и влево, образовав таким образом второй этаж. В таком виде дом просуществовал до настоящего времени. В 1906 г. владение было куплено Варваринским акционерным обществом^{3*} и в том же году перепродано за 254 000 руб. Сергею Тимофеевичу Морозову, брату Саввы Тимофеевича. Морозов прикупил три соседних владения: одно по Садовой, справа, и два по Кабанихинскому переулку, проходящему сзади сада.

Дальше по Садовой было владение, которое в середине XIX в. разделилось на два участка, из которых один был впоследствии присоединен к № 13, а другой — к № 15. В 1652 г. здесь был упомянутый уже выше загородный двор боярина князя Ф.Ю. Хворостинина. В 1676 г. он принадлежал известному деятелю царствования Алексея Михайловича боярину А.С. Матвееву. По переписной книге 1737 г. находим здесь двор прокурора Канцелярии конфискации И.Б. Чаплыгина и огород князя С.Г. Друцкого. Огород, переменяв несколько владельцев (К.М. Маскин, секретарь А.И. Уланов, лейтенант Н.И. Траханиотов), был также

^{3*} Это общество построило громадные дома на Варварке, Тверской (быв. гостиница “Националь”), Остоженке и др.

приобретен Чаплыгиным. В 1750–[17]60-х г[одах] это владение принадлежало подпоручику Преображенского полка В.И. Шапилову, с 1780-х г[одов] до 1808 г. — А.В. Головину, в 1808–[18]10 гг. — М.Я. Кротковой, с 1810 г. — О.А. Шуваловой и после 1812 г. — лейтенанту И.Н. Александрову. Главный дом был построен “до неприятеля”, т.е. до 1812 г., а деревянный флигель построен в 1816 г. Александров оставил себе флигель, а главный дом продал в 1823 г. Флигель оставался во владении потомков Александрова до 1907 г., когда он был куплен С.Т. Морозовым за 130 000 руб. и присоединен к владению № 13.

Главный дом, по определению В.В. Згуры, “скромный ампириный особнячок начала XIX в. с четырехколонным дорическим портиком”⁵, был куплен у Александра майоршей Е.Ф. Спечинской. В 1867 г. принадлежал А.П. Высоцкой, муж которой уже дважды упоминался в качестве домовладельца по Садовой Кудринской, в 1880-х г[одах] — О.Н. Коншиной и затем приобретен Софийской детской больницей для квартиры главного врача.

Садовая Кудринская. [№] 15. 17 мая 1652 г. здесь была отведена земля под загородный двор стольнику И.Б. Камынину и его родственнику Л.Д. Камынину. Рядом был загородный двор кн. Хворостинина и пустое место, соседившее с пашенной землей Тверской Ямской слободы и проезжей дорогой, “что ездят” мимо загородного двора вдовы боярина князя Ив. Вас. Голицына Ульяны Ивановны; И.Б. Камынин захватил это место и извлекал из него доход, сдавая ямщику под посев ржи. Таким образом вид местности в XVII в. был еще почти сельский. Наследниками Камынина были его дочь кн. А.И. Урусова и внук кн. А.Я. Урусов. В 1730-х г[одах] по соседству были огороды А.Ф. Шереметева и кн. И.П. Дашкова, граничившие с Грузинской слободой, от которой их отделяла речка Кабаниха. В 1763 г. владение перешло от Урусова к А.И. Бредихиной, а от нее к ее сыну, генерал-поручику С.А. Бредихину; оно выходило на Садовую только узкой полосой для проезда. Вся же площадь (4 десятины) была в глубине квартала, доходя справа до Живодерки и сзади до речки Кабанихи, где рядом было владение известной княгини Е.Р. Дашковой. В 1776 г. на месте телерешней больницы был уже каменный дом, вправо от которого по направлению к Живодерке тянулся большой сад. В 1872 г. Бредихин продал свой двор за 20 000 руб. князю Гаврилу Петровичу Гагарину, обер-прокурору московских департаментов Сената и сенатору, впоследствии министру коммерции и свекру фаворитки Павла I А.Н. Гагариной, рожденной Лопухиной. Гагарин занимал видное положение в русском мASONстве: он правил московской ложей Сфинкса и с 1779 г. был гроссмейстером всех русских лож, а затем председателем Великой национальной ложи и префектом капитула Феникса. После его смерти в 1808 г. усадьба перешла к девице Анне Лопухиной, а в начале 1812 г. ее приобрел полковник Николай Андреевич Небольсин (1785-1846 гг.), впоследствии московский губернатор. В литературе по старой Москве оставила след жившая в его доме вдова его дяди Авдотья Селивестровна Небольсина, рожденная Муромцева, наряду с Н.Д. Офросимовой и Е.П. Глебовой-Стрешневой одна из характернейших старомосковских женских личностей. Жихарев в своем дневнике описывает ее именинные приемы, собиравшие “всю Москву”, правда, в более раннюю эпоху до 1812 г., когда она еще жила в своем доме на Поварской. Небольсина была очень дружна с московским генерал-губернатором кн. Д.В. Голицыным, который в холерный (1830 г.) год удалился из казенного дома на Тверской в дом Небольсиных, стоявший вдали от улицы в глубине двора, среди садов и огородов. В 1812 г. дом пострадал несколько от пожара, но вскоре исправлен, и в нем временно поселились друзья Небольсиной Волковы, собственный дом которых на Малой Никитской совершенно выгорел (к этой семье принадлежала Мария Апполоновна Волкова, интересные письма которой к В.И. Ланской были опубликованы под заглавием “Грибоедовская Москва”⁶).

Владение Небольсиных было одним из самых больших, если не самым большим в данной местности. В XVIII в. в описаниях его границей указывается дорога от Малой Кабанихи к Тверскому ямскому полю, по планам же XIX в. оно доходит до речки Бубни, отделяющей его от владений по Большой Грузинской улице. Следовательно, Небольсин или кто-нибудь из его предшественников купили огородные места, расположенные в глубине квартала. По переписной книге, составленной после пожара 1737 г., это были владения А.Ф. Шереметева, кн. И.П. Дашкова (впоследствии кн. Е.Р. Дашковой) и князей Козловских. После смерти Небольсина его владение перешло к его вдове Аграфене Петровне, рожденной Демидовой, которая распродала его по частям: главная часть с домом была куплена графом А.Ф. Ростопчиным, небольшие сравнительно участки по Живодерке перешли во владение Мясницкого отделения Дамского попечительства о бедных, председательницей которого (отделения) была А.П. Небольсина (ныне ул. им. Красина, 7) и мещанка Архипова (ныне улица имени Красина, 9 и Кабанихинский пер., 9), а задняя часть (очень большая площадь) была приобретена крестьянами Абрамовыми и Кулагиными. Граф Андрей Федорович Ростопчин (1813–1871), сын знаменитого московского генерал-губернатора и муж поэтессы Евдокии Петровны, рожденной Сушковой, заново отделал старый дом и сделал к нему двухэтажную пристройку (низ каменный, верх деревянный), соединенную с главным корпусом переходом и поселился здесь в 1848 г. Он перевел сюда свои художественные коллекции. Начало им положил еще его отец в Париже, а он увеличил их во время заграничного путешествия 1345–1847 гг. Напечатан был каталог его собрания. 8 января 1850 г. Ростопчинская галерея была открыта для публики. По свидетельству М.П. Погодина, в этот день, несмотря на жестокий мороз, толпы народа хлынули в галерею: дворяне, купцы, духовенство и даже двое крестьян. Галерея была открыта для художников ежедневно, а для публики по воскресеньям от 12 до 4 час. В ней было 282 картины и портрета и 26 мраморов и других произведений искусства. Кроме художественных коллекций у Ростопчина была прекрасная библиотека. Сам хозяин занимал верхний этаж, а внизу жила его жена, бывшая в то время в опале за балладу “Насильный брак”, в которой она изобразила в поэтической форме взаимоотношения России и Польши. Е.П. Ростопчина завела у себя литературный салон, где у нее бывали Островский, Тургенев, Майков, Мей, Рубинштейн, Щелкин, Полина Виардо и другие писатели и артисты. Своих гостей она угощала главным образом чтением своих произведений. Ростопчины не долго прожили в своем доме на Садовой: в 1852 г. он был уже продан вдове московского генерал-губернатора княгине Софье Степановне Щербатовой, рожденной Апраксиной. Она владела им до своей смерти в 1885 г., а затем наследники отдали его под Детскую больницу, помещавшуюся до того времени на Малой Бронной. Больница по имени Щербатовой получила название Софийской (теперь имени Н.Ф. Филатова). Здание было приспособлено под больницу архитектором А.С.Каминским, им же построена церковь с колокольней. Несмотря на новую оболочку, здание сохранилось от XVIII в. Об участках, отделившихся от основной части владения, будет еще речь впереди.

Садовая Купринская. [№] 17-23. В XVIII в. здесь было владение князей Одоевских, с 1776 г. — князя А.И. Кольцова-Мосальского, потом его дочери П.А. Плохово, которая большую часть владения (№ 17-21) продала жене генерал-лейтенанта княгине Федосье Петровне Волконской. Впоследствии и владение Волконской распалось на несколько участков. В каждом из них было по небольшому особняку, но постепенно эти особняки сменялись новыми домами, и в настоящее время пока сохранился один особняк (№ 21). В числе владельцев этих участков были члены семьи дворян Койсаровых и родственников им. Дружининых. № 17 с 1901 г. принадлежал представителю одного из богатейших знатных

родов светлейшему князю Петру Петровичу Волконскому, правнуку двух сподвижников Николая I — Волконского и Бенкендорфа. Л. Никулин, встречавшийся с ним в Ленинграде в зиму 1920–[19]21 г., так вспоминает о нем: “В Доме искусств на Мойке... жил на положении скромного сотрудника издательства “Всемирная литература” бывший блестящий дипломат и светлейший князь Петр Петрович Волконский. Это был редкий образец германского светского воспитания, человек огромной, но бессмысленно собранной эрудиции, мастер блестящей болтовни, которая никак не позволяла узнать, кто твой собеседник, — просвещеннейший европеец или круглый невежда. Этот человек, аристократ по происхождению, бывший помещик и миллионер, вряд ли был социально опасен в то время. В худшем случае он мыслил себя непризнанным Талейраном, спокойно ждал развития событий, изредка позволяя себе критиковать действия Чичерина” (Новый мир. 1931 г. № 8, С. 63). После 1921 г. Волконский эмигрировал за границу и оттуда прислал грозное послание своим бывшим рязанским крестьянам с обещанием кар за присвоение его владений. В 1911 г. дом Волконского был куплен мануфактур-советником Л.В. Демидовым; новый владелец снес старый особняк и воздвиг новый по проекту архитектора К.С. Разумова. Теперь здесь помещается “Автодор”.

№ 19 был приобретен в 1912 г. у Дружининых полковником Д.И. Пестржецким, на месте особняка построен им шестиэтажный дом по проекту архитектора С.В. Баркова.

Последним владельцем № 21 был также представитель знатного и богатого рода Петр Васильевич Шереметев, [который] сохранив особняк, ограничился заменой флигеля доходным домом.

№ 23 в течение долгого времени (1832–1870 [гг.]) принадлежал Ф.И. Бордолио, во втором браке Волоцкой, затем уже упомянутым Дружининым (1870–1898 гг.). Одна из последующих владелиц, жена инженер-механика М.Н. Чижикова (1899–1908 гг.) начала постройку доходных домов в этом владении. А ее преемник, вышеупомянутый П.В. Шереметев, купивший владение за 500 000 руб., проектировал перед войной постройку огромного дома в готическом стиле по проекту П.П. Малиновского, что однако не осуществилось, и здесь по-прежнему стоит старый дом, являющийся соединением трех небольших домов (из них два особняка) путем надстроек и пристроек. В этом доме помещались долгое время меблированные комнаты “Ялта”. В декабре 1905 г. здесь был питательный пункт для дружинников, защищавших построенные поблизости баррикады. Поэтому 13 декабря дом сильно пострадал от обстрела артиллерией.

Улица имени Красина (быв. Живодерка, Владимиро-Долгоруковская улица и улица Фридриха Адлера); № 1, 3 и 5 являются частями бывшего большого владения по Садовой (№ 17-23), а № 7 и 9, как уже указано выше, части бывшего владения Небольсиных.

Кабанихинский переулок. [№] 7. Первоначально этот переулок был тупиком и назывался Ново-Чухинским. Он упирался в заднюю часть владения Небольсиной, перешедшую, как сказано выше, к Кулагиным и Архиповым. Долгое время их владение оставалось огромным пустырем (около 12 000 кв. саж.), незастроенным и не приносящим дохода. Еще в 1870-[x] годах предполагалось продолжить тупик до Большой Грузинской улицы, перерезав пустырь Кулагина и Абрамовых, но по разным причинам, между прочим по несогласию некоторых из совладельцев на условия, предлагаемые городом, открытие переулочка затянулось на десятилетия и произошло только в начале нынешнего века. Часть владения была к тому времени приобретена кн. Л.П. Ширинской-Шихматовой (жена обер-прокурора Синода и члена Государственного совета) и ее братьями Мезенцовыми. Все бывшее владение Кулагиных и Архиповых было разбито на участки для продажи и застройки. Предполагалось провести еще переулок, перпендикуляр-

ный к Кабанихинскому. В настоящее время в Кабанихинский переулок слева выходит самостоятельное владение, прежде составлявшее часть № 9 по Живодерке, а затем тянется забор, ограждающий владение Детской больницы и бывшее С.Т. Морозова, который приобрел часть владения Кулагиных и Абрамовых, расположенную влево от переулка. Кабанихинский переулок дальше перерезал обширное владение, которое в начале XIX в. составляло одно целое с домами № 10–14 по Б.Грузинской улице.

Большая Грузинская. [№] 10-14. По Переписной книге после пожара 1737 г. находим здесь владение Александра Львовича Нарышкина, двоюродного брата Петра I. Оно было расположено около пруда Кабаниха, или Малая Кабаниха, называвшегося также по соседнему владению Нарышкинским. В конце XVIII в. это владение принадлежало генерал-поручику А.И. Рословлеву, затем его вдове Елизавете Максимовне, рожденной фон-Клуген, и сыну, гвардии поручику Петру Александровичу. В 1827 г. усадьба была продана купцу Мануилову, а громадный сад отдельно перешел во владение мещанина Ф.К. Медынцева. В свою очередь владение Мануилова распалось на две части. Одна из них была куплена в 1836 г. графиней Анной Павловной Толстой и затем ею продана жене начальника московского жандармского округа генерала Степ[ана] Вас[ильевича] Перфильева Анастасии Сергеевне, рожденной Ланской. Ее пасынок Вас[илий] Степ[анович] Перфильев, впоследствии московский губернатор, женатый на дочери Толстого-Американца, был приятелем Л.Н. Толстого (он послужил прототипом для Облонского из “Анны Карениной”). Отсюда знакомство Перфильевых с Толстым: он часто бывал у них и в конце 1864 г. читал в их гостиной начало своего романа “Война и мир”. Сыновья А.С. Перфильевой продали свое владение в 1898 г. для постройки общежития для студентов Университета. Было выстроено для него несколько зданий. В одном из них помещается теперь Венерологический институт, а в остальных общежитие студентов Коммунистического университета им. Свердлова. Через это владение должен был пройти Кабанихинский переулок, и здание, где теперь помещается Венерологический институт, строилось с тем расчетом, что оно фасадом будет выходить в этот переулок.

Вторая часть, подобно первой живописно расположенная на скате горы, была куплена в 1831 г. А.Д. Васильцовским, “незаконным” сыном бригадира Д.А. Новосильцова^{4*}, и принадлежала его потомкам до 1880-х г[одов], а после них сменила многих владельцев (поч. гр. М.С. Грачев, жена архитектора Н.И. Терская, жена врача Е.И. Сумарокова, мещан. Алексеев и Смирновы).

Третий участок, купленный Медынцевым, долгое время в значительной своей части оставался пустырем, пока не был разбит на участки и распродан, после того как через него прошли Кабанихинский переулок, Зоологическая улица и Бубнинский (от речки Бубны или Кабанихи) переулок. На одном из участков, купленном Обществом народных университетов, был построен Театр имени художника В.Д. Поленова. После 1917 г. он сгорел, в возобновленном здании теперь помещаются Государственные художественно-производственные театральные мастерские (фабрика Гостеаснаб). По имени быв. владельцев Медынцевых вся местность, занятая их владением, называлась Медынкой.

Большая Грузинская. [№] 8. Вход в Зоопарк, бывшее владение Приюта для духовства (см. Садовая Кудринская, 9).

Большая Грузинская. [№] 2-6. В XVII в. это была стрелецкая земля, а с начала XVIII века — владение окольничего князя Юрья Федоровича Щербатова (ум. 1767 г.). К этому владению относились и № 6-10 по улице Баррикадной. После Ю.Ф. Щербатова оно перешло к его сыну Михаилу Юрьевичу (ум. 1738 г. в Ар-

^{4*} Его “законный” сын от брака с графиней Орловой был убит на дуэли с Пахомовым, дуэли, очень шумевшей в свое время и имевшей связь с декабристами.

хангельске, где он был губернатором), а затем к сыновьям последнего Петру Михайловичу (ум. 1791 г.) и Михаилу Михайловичу (1733–1790), известному историку и публицисту. Отдельные участки этого обширного владения отдавались в аренду. От М.М. Щербатова владение перешло к его детям, а в начале XIX века оно разделилось на две части: к одной из них принадлежали участки по Б.Грузинской, № 6, и по улице Баррикадной, № 6. Эта часть щербатовского владения была приобретена дворянами Беклемишевыми. Они имели здесь водочный завод. После Беклемишевых владение разделилось на 2 участка, один по Грузинской улице, другой по Б.Кудринской. Участок по Б.Грузинской, т.е. дом № 6, был куплен в 1838 г. французом Руже. Он и его наследники продолжали иметь здесь водочный завод. В 1886 г. владение перешло к генералу А.И.Миницкому, а в 1894 г. к А.А.Катуар де Бюнкю; он снес старые постройки и построил ныне существующий дом. В 1910 г. владение продано за 150 000 руб Петру Ивановичу Шукину (ум. 1912 г.), известному коллекционеру и основателю музея (на Малой Грузинской улице⁸), пожертвованного им Историческому музею. Последние владельцы — жена и дети П.И. Шукина. Теперь здесь пионерский дом Красно-Пресненского района.

Остальная часть щербатовской усадьбы, выходявшая также на обе выше указанные улицы, перешла к действ. ст. сов. Льву Васильевичу Толстому. Главный дом, существующий поныне (Б.Грузинская, 4), возможно, построен еще Щербатовыми в XVIII в. В 1812 году он немного пострадал от пожара, который на нем и остановился в данной местности. После смерти Л.В.Толстого в 1826 г. часть владения с главным домом перешла к его трем дочерям, из коих Надежда Львовна вышла замуж за И.И. Завалишина и сделалась мачехой декабриста Д.И. Завалишина (во время приездов в Москву он останавливался в ее доме), четвертая дочь Екатерина Львовна, жена И.Н. Тютчева, была матерью поэта Ф.И. Тютчева. В 1882 г. владение числилось за их братом Павлом Львовичем Толстым, а в 1823 г. было куплено Ф.С. Чаплиным. Из дошедших до нас планов 1820–1830-х г[одов] видно, что главный дом в то время был с колоннадой в 6 ионических колонн. Так называемый “Мавзолей”, стоящий вправо от дома, является в сущности кладовой и построен после 1812 года. В 1840 г. владение принадлежало князю В.Л. Шаховскому, затем ст. сов. М.М. Иваненку и его сыновьям, и последними продано известному писателю В.И. Далю, переселившемуся в 1853 г. из Нижнего Новгорода в Москву. В доме насчитывалось, по словам внучки Даля, 32 комнаты, не считая помещения в мезонине, и целое крыло дома, построенного покоем, занимала белая зала, на потолке которой была изображена копия с картины Гвидо Рени “Аврора”, в этой зале дочери Даля занимались музыкой и пением, а он сам работал над окончанием своего труда “Толковый словарь живого великорусского языка”. В другом крыле дома, называемом “старушечьей половиной”, жила жена Даля со своими матерью и сестрой. После смерти В.И. Даля в 1872 г. владение перешло к его сыну Льву, академику архитектуры, и дочерям. В 1877 г. умер и Л.В. Даль, и владение разделено было между его сестрами: О.В. Демидова получила угловой участок (№2), М.В. Станишева (жена директора московского лицея) — главный дом (№ 4). Дом № 2 впоследствии принадлежал цеховому Корчагину, Мариинскому приюту (1905 г.) и гражданскому инженеру Иванову-Шиц. В 1905 г. он, подобно многим другим домам по соседству, пострадал от бомбардировки усмирителей Декабрьского восстания и был разобран, а в 1914 г. вместо него построен новый шестизэтажный дом. Дом № 4 в 1902 г. перешел к Б.А.Бутлерову, сыну знаменитого химика, его вдова и сын были последними владельцами перед революцией.

Улица Баррикадная, № 10. Этот участок принадлежал сыну Л.В. Толстого Михаилу Львовичу. Дом сгорел в 1812 г. и в 1814–[18]15 гг. был построен новый дом в обычном тогда стиле ампир в два этажа с мезонином, с колоннадой в 6 ко-

лонн. В 1833 г. владение было продано князю Фед[ору] Андр[еевичу] Голицыну. Последующими владельцами были: ст. сов. И. Кнорринг (с мая 1839 г.), Сухозанет (1849 г.), княгиня Эмилия Петровна Трубецкая, рожденная графиня Витгенштейн (1850–1860-е г[оды]), дочь фельдмаршала и бабушка профессоров С. и Е.Н. Трубецких, купец М.И. Смирнов (1870-е г[оды]), А.С. Хотинская (1880-е г[оды]), жена купца М.Н. Мичинер (начало 1890-х г[одов]), купец Н.М. Аборин и его жена (1890-е г[оды] и начало XX в.) и присяжный поверенный Д.И. Благовещенский. Дом также пострадал от бомбардировки в декабре 1905 г. и был разобран. Как Аборин, так и Благовещенский собирались построить новый многоэтажный дом, но постройка не осуществилась, и на месте старого дома теперь сад. В надворных постройках после 1917 г. помещался завод электрического освещения “Свет” (в 1926 г. “Электролампа”).

№ 8. До 1831 г. часть владения упомянутых выше Беклемишевых. В 1831 г. продана цеховому, потом купцу П.В. Бабурину, долгое время принадлежала его сыновьям и в XX в. куплена врачами Станкевичем и Изачиком. Они построили восьмизэтажный дом и в 1910 г. учредили женский Медицинский институт с клиникой, поликлиникой и амбулаторией, а также с курсами для подготовки к аттестату зрелости.

№ 6. Также часть беклемишевского владения. В 1832 г. продана мещанину Н.С. Лебедеву, затем принадлежала его наследникам, в 1858 г. П.С. Митусову, в 1861–1864 гг. майорше Е. Штюрмер, в 1864–1869 гг. купцу Зимину и мещанину Арсеньеву, в XX в. Е.Е. Емельянову.

Большая Грузинская ул., [№] 1. Теперь Зоопарк, расположенный вокруг Верхнего Пресненского пруда. В XVII в. пруд принадлежал к царскому хозяйству. К концу XVIII в. вокруг него были частные владения, местами соприкасавшиеся с ним непосредственно. В начале XIX в., начальник Московского дворцового управления П.С.Валуев устроил здесь место для гуляния, причем было приобретено в казну несколько частных владений, мешавших устройству парка вокруг пруда. Новое место для гулянья сделалось сразу очень популярным и пользовалось любовью публики в течение нескольких десятилетий. Автор исторического путеводителя по Москве в 1831 г. писал о Пресненском гулянии: “Кто из жителей московских не знает Пресненских прудов, составляющих одно из лучших гуляньев Столицы. Еще и ныне по живописному сельскому положению они привлекают к себе многих”⁹. Постепенно однако публику стали привлекать другие места для гулянья, и Пресненские пруды заглохли. В 1854 г. в Духов день, когда происходило обычное гулянье на Пресненских прудах, “гуляющих должна была тешить сборная музыка кочующих музыкантов, играющих обыкновенно под Новинским в небольших балаганах” (Пантеон. 1854 г., т. XVII, № 9. С. 2). В 1863 г. по инициативе профессора А.П. Богданова на месте заброшенного гулянья был устроен Зоологический сад. Он находился в ведении Общества акклиматизации животных и растений. Для получения доходов на содержание сада общество вынуждено было устраивать вечерние гулянья с открытой сценой, симфоническими концертами и другими увеселениями, ничего общего не имеющими с целями сада. Только после революции сад, переименованный в Зоопарк, получил возможность правильно развиваться.

№ 3-7. По-видимому, на месте этих владений был в XVII в. упомянутый выше загородный двор боярина И.М. Языкова; выше, т.е. по ту сторону улицы, он не мог быть, потому что там была стрелецкая земля. Все эти владения выходят также в проходящий здании тупик.

№ 3. В 1793 г. владение грузинского дворянина Давида Чирикова. В начале XIX в. — Е. Чириковой, затем соборного священника Лебедева (1821–1826 гг.), купца 1-й гильдии Н.Д. Боткина, двоюродного брата известных братьев Боткиных (1830-е г[оды]), Владыкиных (1840–[18]60-е г[оды]), купцов Шамовых

(с 1870 г.). И.К. Шамов приобрел в 1908 г. от города находящуюся перед его домом часть тупика, который после этого стал упираться в построенный в 1910 г. на купленном участке дом. Последний владелец — купец 1-й гильдии Л.Л. Богоров.

№ 5. В 1793 г. владение “турецкой нации новокрещена” Якова Зумбула или Сумбула, взятого в плен турка из Диарбекира, а затем его потомков до 1910 г. (с 1860 г., впрочем, им принадлежала только часть по тупику). Дом выходил в тупик, а в части двора близ Грузинской были расположены два здания с банями. В 1860 г. эта часть была продана купцу Ламакину, затем принадлежала майору Ф.С. Кучковскому и его вдове, в 1904 г. мещанке А.А. Гоголевой и с 1906 г. крестьянину П.Т. Ключеву, который в 1912 г. купил и часть, выходившую в тупик и с 1910 г. принадлежавшую итальянцу Джузеппе Капуто.

№ 7. В 1793 г. владение грузинской дворянки М.А. Гагиловой (Гоголевой), в начале XIX в. — дочери вышеупомянутого Сумбула А.Я.Кичеевой, построившей здесь в 1811 г. новый особняк. Ее сын П.Г. Кичеев написал воспоминания о том, как отразился приход французов в 1812 г. на данной местности (были дважды напечатаны)¹⁰. Последующие владельцы: мещанка Герцова (1849 г.), жена генерала Н.И. Лобко (1858 г.), купец М.А. Цуриков (1867 г.) и его вдова (1882 г.), крестьяне Лаврентьевы (с 1882 г.) и Трунев (1917 г.).

№ 9. В 1793 г. владения князя Е.А. Грузинского (это был выступ его большого владения, отделившийся от последнего по проведению тупика) и премьер-майорши М.А. Бояриновой, после 1812 г. объединившиеся в руках Грузинского. Последующие владельцы: мещанин Н.Н. Вырлин (1858–1867 гг.), мещане Самойловы (1871–1892 г.), мещанин Д. Мартынов (1892–1899 гг.) и мещанин С.Н. Никитин (1904 г.). Затем владение было приобретено городом и построен был на углу тупика каменный дом, в котором теперь помещаются учреждения подотдела матери и ребенка Красно-Пресненского района.

№ 11 (по Зоологическому тупику, № 2, 4). Владение, ограниченное нынешним Зоологическим тупиком, Большой Грузинской улицей, Георгиевской площадью и переулками Зоологическим и Волковым, и было то государево Новое Воскресенское село, о котором говорилось выше, или Государев Пресненский двор; конечно, оно не ограничивалось только этим участком, а доходило до Пресненского пруда и захватывало и другие земли. Во всяком случае, здесь было сосредоточие села — царский дворец. Поблизости указом царя от 27 апреля 1681 г. велено было строить каменную пятиглавую церковь во имя Воскресения Христова (Забелин. Домашний быт русских царей. т. I, 4-е изд. С. 616). Она не была достроена. Впоследствии на этом месте была церковь Иоанна Богослова, а еще позднее Георгиевская церковь¹¹. Дворец был построен царем Феодором Алексеевичем^{5*}. Преемники его дворцом не пользовались, и в 1710 г. Пресненский государев двор с садом (о нем будет речь ниже) и садовниками и Верхним прудом был пожалован местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому (ум. 1722 г.). После его смерти, в мае 1723 г. двор был отдан архиепископу Новгородскому Феодосию по его челобитию. Есть указание, что Пресненский двор числился одно время за киевским монастырем (Печерской Лаврой?). 20 декабря 1729 г. двор на Пресне с садом (по-видимому, без пруда, оставшегося в Дворцовом ведомстве) был пожалован бывшему грузинскому царю Вахтангу VI, эмигрировавшему в Россию. Владения его простирались до будущего Камер-коллежского вала и впоследствии здесь были участ-

^{5*} М.И.Александровским [известный москвовед, 1865–1943] на одной из его лекций в Историческом музее по истории Москвы было высказано предположение, что данная местность была одним из этапов по пути следования царских псарей с их церковью Николая на Ваганькове из Старого Ваганькова в Белом городе на Новое Ваганьково на Пресне, но в источниках на это указаний никаких не имеется.

ки земли, принадлежавшие его потомкам по мужской (Грузинские) и женской (Одоевские, Трубецкие) линиям. По направлению к Тверской Ямской слободе расселились выехавшие с Вахтангом грузины, и образовалось новое поселение — Грузинская слобода. Несмотря на обширность владения, предоставленного грузинскому царю, был недостаток в выгонной земле, и ямщики Тверской слободы жаловались на потравы, производившиеся царским стадом на их полях. Пресненский двор от Вахтанга перешел к его потомкам и на рубеже двух столетий принадлежал князю Егору Александровичу Грузинскому, в течение многих лет бывшему нижегородским губернским предводителем дворянства (в Макарьевском уезде Нижегородской губернии ему принадлежало большое село Лысково, близ которого ежегодно происходила Макарьевская ярмарка до перевода ее в Нижний Новгород). Самодур, с буйным характером, он в свои молодые годы совершал наезды на соседей, с целью отбить у них крестьян, со своими людьми, по преданию, грабил проезжих на Волге, беспрестанно имел столкновения с местными чиновниками, которые трепетали перед ним, но все его незаконные действия оставались безнаказанными, благодаря его сильным связям. При нем его пресненское владение было уже пустырем. Упомянутый выше мемуарист П.Г. Кичеев рассказывает, что его мать в малолетстве (в последней четверти XVIII в.) застала еще дворец царя Грузинского, но уже необитаемым и ветхим до того, что в его разбитые окна влетали голуби и другие птицы. Впоследствии он был продан на слом. Кичеев так описывает местность, где когда-то был дворец. “Это было (около 1812 г.) луг с сиреневыми кустами, росшими по гребню пригорка, спускавшегося к пруду правильными пандусами, то были остатки сада когда-то существовавшего на этом месте дворца, ныне (1859 г.) на этом месте уже нет ни сиреневых кустов, ни грядки и клумб”. Кичеев считает это место одним из красивейших в предместьях Москвы (П.Г. Кичеев. Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 г. М., 1859. С. 36, 98, 99). Единственная дочь и наследница Е.А. Грузинского, графиня А.Е. Толстая, о которой же говорилось при описании ее владения на Садовой Кудринской, отдала свое владение на Пресне площадью в 1 дес. 1430 кв. саж. соседней Георгиевской церкви для устройства приюта для бедного духовенства этой церкви. Часть владения отошла под Зоологический сад, часть была продана (в 1887–1891 гг. ее владельцем был мещанин А.Н. Шведов, в 1893–1895 г. мещанин Ф.Ф. Быков, а в 1917 г. Я.Г. Степанов), а на оставшейся за церковью земле был устроен приют (Зоологический тупик, 4, Зоологический переулок, 3).

В XVII в. за Пресненским Верхним прудом был расположен Государев Пресненский сад. И.Е. Забелин говорит, что основание сада на Пресне можно отнести к царствованию Михаила Федоровича, но на Пресне было два царских сада: другой сад находился за Пресней же недалеко от ее впадения в Москву-реку, как уже было сказано выше. Новый же сад, вероятно, возник при Феодоре Алексеевиче, одновременно с его новым загородным двором. Сохранилось известие, что в апреле 1681 г. велено было дать в государев сад на Пресне для прививки 240 черенков яблочных. Вероятно, в это время он возник. До нас дошла также опись этого сада, относящаяся к 1701 г. и напечатанная Забелиным. По этой описи сад в Воскресенском на Пресне был длиною в 417 сажень и поперек имел 334 сажени, на этом большом пространстве было посажено 2400 яблонь, 560 прививков, 2500 кустов вишняку, кроме того, были 34 грядки кочек и 112 грядок красной смородины. При саде было 13 садовников, которые не получали ни денежного, ни хлебного жалованья, но имели право на царской земле сажать капусту, огурцы и другие овощи и продавать их в свою пользу (Забелин. Опыты¹², II, 278).

В XVIII в. сад исчезает, а земля из-под него переходит частью к грузинам, частью к другим лицам, и на его бывшей территории появляются улицы и переулки. Ближайший к Пресненскому пруду переулок получил название Волков по до-

мовладельцу Авр. Степ[ановичу] Волкову. В середине XVIII в. местность, на которой теперь расположены владения № 4 и 6 по Красной Пресне и № 2 — 8 по Волкову переулку, принадлежала известному промышленному деятелю того времени, заводчику и откупщику Козьме Матвеевичу Матвееву, строителю церкви Климента на Пятницкой, где у него был дом (впоследствии Пятницкий частный дом), и владелец подмосковного села Остафьева. Здесь, на Пресне, у него был пивоваренный завод, который в 1755 г. он продал петербургскому купцу И.М. Шукину. С 1808 г. до 1840-х г[одов] это владение принадлежало полковнице Анне Петровне Войковой, рожденной Смирновой, из незнатной, но богатой семьи приказного происхождения, владевшей многими домами в местности между Поварской и Арбатом и на Пресне (тетка мужа известной А.О. Смирновой); от нее оно перешло и ее детям, а впоследствии распалось на несколько участков, и один из них, по Волкову переулку, вошел в состав территории Зоологического сада. Владение № 4 принадлежало с 1860-х г[одов] до начала XX в. поч. гр. Купчинским, а потом Бройдо. Отделившийся от владения Купчинских угловой участок № 6, принадлежал в 1882 г. гвардии полковнику В.Б. Казакову, владельцу дома на Поварской, пожертвованного им московскому дворянству для устройства дешевых квартир¹³, а последним владельцем был Щетинин. Следующее владение по Волкову пер. (№ 4) в XX в. сменило несколько владельцев: вдову камерюнкера Л.В. Инсарскую, американскую гражданку Р.Н. Стабровскую, пот. поч. гр. Н.Л. Бауера и ст. сов. В.Л. Блидина. За этим владением следуют участки, приобретенные Зоологическим садом.

Н. Чулков

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В октябре 1994 г. площади Восстания (переименована в 1919 г.) возвращено ее исконное историческое название — Кудринская площадь. Название Баррикадной (с 1919 г.) улицы пока сохраняется, так как, по решению Правительства Москвы, возвращение исторических имен улиц к 850-летию Москвы коснулось только центра города в пределах Садового кольца.
- ² Больница императора Павла I, открытая в 1763 г. около Серпуховской заставы.
- ³ *Бондаренко И.Е.* Архитектурные памятники Москвы. Вып. 1. Эпоха Александра I. [Б.м.]. 1904. С. 10.
- ⁴ Долгие годы в бывшем Вдовьем доме работали Медицинская библиотека (до 1979 г.), а также Центральный институт усовершенствования врачей.
- ⁵ *Згура В.В.* Монументальные памятники Москвы: Путеводитель. М., 1926. С. 50.
- ⁶ Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской 1812–1818 гг. СПб., 1874–1875.
- ⁷ Кабанихинский переулочек перестал существовать в 1951 г., когда вместе с бывшим Георгиевским пер. и Б.Грузинским туп. был включен в состав нынешней Зоологической улицы.
- ⁸ На Малой Грузинской, 15 П.И.Шукин в 1893 г. основал Музей русских древностей, собрания которого после революции влились в фонды Исторического музея. С 1934 г. в этом здании находится Биологический музей им. К.А. Тимирязева.
- ⁹ Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. Ч.IV. М., 1831. С. 149.
- ¹⁰ *Качеев П.Г.* Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 году. М., 1856; 2-е изд. 1859.
- ¹¹ Церковь вмч Георгия Победоносца в Грузинах была построена грузинским царевичем Георгием Вахтанговичем в 1750 г.; впоследствии не раз достраивалась. Нынешний ее адрес: Б.Грузинская, 13.
- ¹² *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2.
- ¹³ Имеется в виду д. № 13 по Поварской ул., в котором в 1891 г. открылся Дом призрения московского дворянства имени В.Б. Казакова.

В ПОИСКЕ “СВИДЕТЕЛЯ”

(Б.С. Земенков “Работа над мемориальным памятником”)

Уходя в прошлое, человек переселяется из пространства во время. Но пространство еще долго помнит своего постояльца. “Немые стогна” могут вдруг поведать не одну историю о “съехавших жильцах” — разумеется, тому, кто ищет такого рассказа. «“Я на памятники, как на живых людей смотрел, — расспрашивал их: “Вы видели, вы слышали — вы свидетели...”» Эти суриковские слова, точно свой собственный девиз, любил повторять один из самых романтических рыцарей москвоведения — художник Борис Сергеевич Земенков (1902–1963).

Извилистый путь, от поэзии и графики экспрессионизма до науки исторической реставрации (даже “реанимации”), проявлялся у художника в различных, порою весьма гротесковых, формах рисунка и слова; его работы покупала Третьяковка. Но широкой общественности, точнее той ее части, которая испытывает интерес к древней столице (а если брать еще более узко, к умственно-духовной жизни москвичей XVIII–XIX вв.), он прежде всего известен как исследователь и популяризатор, чудесно проявивший свои таланты что в акварелях-реконструкциях, что в книгах, статьях и лекциях, оказавшихся первой и до сих пор, по своей полноте, единственной энциклопедией московских адресов, связанных с именами наиболее значительных деятелей русской культуры — жителей и гостей нашего города в течение трех последних столетий.

Исторический материал, собранный Земенковым, составил, во-первых, главную его книгу — “Памятные места Москвы”¹, — и, как бы ее сопровождающую, серию монографий, родство которых подчеркивается сходными по форме названиями: “Белинский в Москве”, “Гоголь в Москве”, “М.С. Щепкин в Москве”². Задуманному “Чехову в Москве” так и не суждено было их дополнить (сохранилась заявка на книгу 1957 г.³), но именно автору “Трех сестер”, толкнувшему Земенкова на первые краеведческие исследования, Борис Сергеевич посвящает одну из первых своих публикаций — “По чеховским местам в Москве”, — вошедшую в сборник литературных экскурсий⁴.

Однако жизнь старого московского дворянства — это, на добрую половину (а именно, на теплую половину года), жизнь подмосковных усадеб. В биографиях разночинной интеллигенции появляются дачи. Столичному краеведу совершенно невозможно игнорировать и загородные сюжеты истории — Земенков пишет серию “сельских видов”, реконструируя барские усадьбы: и пространственно, т.е. на акварелях (1944–1947), и в событийно-временном плане — приблизительно семью десятками исторических очерков, вошедших, частью, в туристический путеводитель “Подмосковье”⁵, а также в более солидный сборник — “Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков”⁶.

Между тем земенковские книги не только представляют прошлое в третьем лице. На страницах “Очерков московской жизни” протекшие века оживают, и ушедшая Москва рассказывает о себе сама. Звучат голоса ее более или менее знаменитых современников — от Пушкина и Гоголя до, почти забытых, Вистен-

¹ Памятные места Москвы: Страницы жизни деятелей науки и культуры. М., 1959.

² Белинский в Москве // Литературное наследство. М., 1951. Т. 57. С.375–394; Гоголь в Москве // Труды Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1954. Вып. 4; М.С.Щепкин в Москве / Под ред. И.С. Романовского. М., 1966.

³ МИГМ. ОФ. 26064/58. Ф. 16. Оп. 1.

⁴ Литературные экскурсии по Москве. М., 1948.

⁵ Подмосковье: Экскурсии и туристические маршруты. М., 1956.

⁶ Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. М., 1962.

гофа⁷ и Мельгунова⁸. Кроме составления, Борису Сергеевичу принадлежат в этом издании⁹ небольшое предисловие и обширные комментарии.

Напряженная работа запечатлелась в многочисленных подготовительных материалах, неизданных статьях и набросках, переданных вдовой Земенкова, Галиной Леонидовной Владычиной, в Музей истории г.Москвы, где, таким образом, сформировался личный архив историка¹⁰. Вместе с коллекцией земенковской графики, хранящейся в изобразительном фонде того же музея, эти записки представляют собою ценнейший источник для изучения Москвы (как двух прошлых веков, так и современной художнику-краеведу) и уникальный — для изучения жизни и творчества самого мастера.

Среди отрывочных записок и выписок данный фонд содержит несколько работ, почти готовых к печати и, однако же, никогда не издававшихся. Две из них, сугубо методических, посвящены градо- и усадебоведческой практике: одна — в области исследования, другая — в сфере популяризации. Их названия — “Работа над мемориальным памятником” и “Как смотреть литературные места”¹¹ — тонко намекают на их направление, которое автор, на первых же страницах обеих статей, очерчивает достаточно резко. Он выделяет именно историческое, “мемориальное” значение дома или усадьбы, создаваемое жизнью и деятельностью в них более или менее знаменитых лиц (в том числе поэтов, писателей), и затеняет даже такую сторону, как архитектурная ценность зданий.

“Работа над мемориальным памятником” — это как бы “инструкция по изучению”, написанная для москвоведа-исследователя, для ученого. Если историк-москвовед собирает по крупницам свое пространственно-временное ощущение города, то инструкция Земенкова дает средства к такому собиранию по отдельным домам. “Как смотреть литературные места” — это “инструкция по популяризации”, составленная для москвоведа-экскурсовода, для гида. Она излагает опыт передачи уже собранного “градоощущения” экскурсантам, и “как смотреть” в ее заглавии можно читать: “как показывать”, “как преподносить”.

Обе работы взаимосвязаны, и одна будто продолжает другую. Обе учат раскрывать (первая — для себя, вторая — для публики) характер дома по людям (его жильцам, их посетителям, etc.) и характер человека по домам (т.е. его квартирам и адресам его знакомых).

Впервые публикуемая полностью¹² “Работа над мемориальным памятником” представляет собою не статью, но, записанную в процессе подготовки, лекцию. Специально для печати текст автором не готовился, а отсюда и стилистические шероховатости, оставленные здесь ради верности оригиналу. Публикатором была внесена лишь чисто корректорская правка, не коснувшаяся даже некоторых характерных орфографических ошибок. Например, если Земенков писал “скурупулезный”, значит и произносил он это слово так же, потому что человек обычно “пишет, как слышит” и вряд ли ошибется, усложняя слово при написании. То же с “ассимитрией”, которую москвовед произносил, верно, с ударением на последнее “и” — иначе он не сделал бы ошибки в ударном слоге. “Скурупу-

⁷ Вистенгоф Петр Федорович (1811–1855) — очеркист, беллетрист. Его литературным дебютом стали “Очерки московской жизни” (М., 1842), которые были частично переизданы Земенковым в подготовленном им сборнике того же названия (М., 1962).

⁸ Мельгунов Николай Александрович (1804–1867) — публицист, прозаик, литературный и музыкальный критик, композитор. Автор статей “Несколько слов о Москве и Петербурге” (1847), “Гулянье под Новинским” (1841). Сокращенный текст последней издан Земенковым в “Очерках московской жизни” (М., 1962).

⁹ Очерки московской жизни. М., 1962.

¹⁰ МИГМ. ОФ. 26064/1-99, 28204/1-386, ВФ. 14511/1-549; Ф. 16. Оп. 1, 2.

¹¹ МИГМ. ОФ. 26064/55, 26064/16.

¹² Отрывки опубликованы: *Муравьев В.Б.* Борис Сергеевич Земенков // Куранты. М., 1989. Вып. 3. С. 249-258; *Он же.* Поправляйте и продолжайте// Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 260-280.

лезный” и “ассимитрия”, в качестве фрагментов живой речи Земенкова, суть черточки к его портрету.

Подготовку предполагавшегося доклада следует отнести к 1951–1952 гг. «Года два назад, — рассказывает в нем Земенков, — для одного из изданий Ак[адемии] наук мне было предложено выполнить работу “Белинский в Москве” и к ней сделать реконструкции несохранившихся, связанных с ним домов». Такая статья вышла у москвоведов в 57-м томе “Литературного наследства”, в 1951 г. Сбор материала для нее начался, вероятно, за год или за два до написания и публикации. Уточнению датировки служат и перечисляемые в третьем абзаце текста москвоведческие книги о Белинском, Чайковском, Мудрове, Щепкине и Чехове. Земенков говорит о них как о новинках, а позднейшие из этих изданий относятся к 1951 г.

Что же касается суровой оценки указанных монографий, то реплику “А сделал бы сам!” обиженные авторы к Земенкову обратить не могли — именно сам-то он и исправляет ситуацию, когда книга о каком-либо знаменитом москвиче “не называет ни одного адреса” или “приводит лишь один, полвека уже хорошо известный, его адрес” — земенковские книги и монографии подобны материалам следователя и напоминают досье из “3-го отделения”. Игра в сыщика несомненно вдохновляла археографические штудии ученого, о чем свидетельствует и его наставление в публикуемой лекции: “Я бы позволил себе сравнить вашу работу с работой следователя, который в сопоставлении сведений устанавливает истину”.

Глядя на мемориальные доски, украшающие дома точно ордена и медали, редко кто вспоминает об историках, трудами которых почтенные стены получили эти “награды”. Начинает казаться, что, как после смерти “видных советских военачальников” или “партийных деятелей”, на жилищах Пушкина и Лермонтова, Толстого и Есенина сразу после их смерти появлялись увековечивающие память таблички.

На деле же, часто менявшиеся, адреса забывались, и Земенков, в своем докладе, представляет нам всю сложность их установления, а мимолетные оговорки вроде: “большинство памятников в Москве выявлено *впервые*”, “*мне* удалось точно определить местоположение одного проживания в Москве Карамзина”, “года два назад я установил дом [...], где [...] жил Репин”, “*мне* удалось точно определить дом, где находилась мастерская Константина Коровина” (курсив мой — Д.Я.), — эти и другие “примеры из собственной практики” раскрывают нам и масштабы исследовательской работы и роль в ней Земенкова, как инициатора и главного первооткрывателя.

В начале 50-х годов, по предложению Исторического музея и при поддержке Моссовета, в Новодевичьем монастыре собрались наиболее известные москвоведы той поры. Они образовали научный актив, занявшийся выявлением, паспортизацией и постановкой на государственную охрану исторических памятников. Обязанности в нем были до некоторой степени разделены: кто-то ведал революционными местами, кто-то отвечал за некрополь — Земенков разыскивал среди домов памятники истории и культуры. Для ознакомления коллег со спецификой этой деятельности, возможно, и было подготовлено выступление, в котором как чрезвычайно серьезный исследовательский процесс представлялась, достаточно новая для своего времени, “работа над мемориальным памятником”.

Д.А.Ястржембский

РАБОТА НАД МЕМОРИАЛЬНЫМ ПАМЯТНИКОМ*

Вопрос установления, отыскания мемориального памятника является вопросом исключительной сложности, запутанности и, порой, полной неизвестности. Причем иногда очень сложные комбинации поисков могут привести вас лишь к тому, что вы выясните, что этого, искомого, памятника нет в природе — он давно не существует.

Велика разница работы с памятником архитектурным и с памятником мемориальным. В первом случае вы всегда отправляетесь от физически существующего: перед вами здание; по его стилю, характеру стройки, декоративному убранству, вы можете определить примерное время его постройки; его пропорции, архитектурные качества наглядно вам свидетельствуют о его ценности. Ваша работа над ним в дальнейшем будет заключаться в выяснении его авторства, в определении, насколько он подвергся переделкам, в какой мере нуждается он в реставрационных работах.

В своем подавляющем большинстве мемориальные памятники надо еще искать. Это первое отличие нашей работы. Я думаю, что пример Москвы типичен и для других городов. Характерно, что — почти как правило — вся литература, освещающая вопросы москвоведения на тему замечательных людей нашей Родины, игнорирует область памятных мест, не ставит себе задачей в какой-либо мере раскрыть эти, как говорят географы, “белые места”. Так, например, книга Полякова “Белинский в Москве” не называет ни одного адреса великого критика¹. То же мы видим в книге Алтаева “Чайковский в Москве”², в монографии о основателе русской терапевтической науки докторе Мудрове³. Книга Дермана о актере Щепкине приводит лишь один, полвека уже хорошо известный, его адрес, хотя и другие [места] проживания этого замечательного русского актера отмечены большой мемориальной ценностью, так как он постоянно был окружен передовыми деятелями русского театра и литературы⁴. Еще разительнее книга того же автора “Москва в жизни и творчестве Чехова”. Здесь приведено 5-6 адресов, но буквально... ни один из них не является верным. О степени высочайшей неряшливости (в этом смысле) книги свидетельствует особенно четный № дома, в котором якобы жил Чехов по улице Чехова, но последний жил на левой, нечетной, стороне улицы — это раз, — а главное, такого № вообще нет на данной улице. Чтобы он появился надо к ней пристроить еще 4 дома⁵.

Подавляющее большинство памятников в Москве выявлено впервые. Конечно, по Москве имеется большее количество мемуарной литературы, справочных изданий, архивных материалов, чем по другим городам нашей страны, но методы поисков, отношение к материалу — это, мне кажется, можно в любых условиях использовать как опыт, давший уже известные практические результаты. Поэтому мне показалось бесполезным выступить с сегодняшним сообщением.

Ведь, не зная, как подступиться, даже имея в руках основную ниточку, потянув которую можно распутать весь клубок, мы часто оказываемся в беспомощном положении. Мне невольно вспоминается первый опыт из моей практики. Я могу себя считать учеником покойного ныне председателя об-ства “Старая Москва” Петра Ник. Миллера. Сам я по профессии художник и в те годы ни о какой исследовательской работе не думал. Привело меня на заседания об-ства “Ст[арая] Москва” желание писать Москву, но писать ее не бездумно, а выявляя какие-либо памятные места, которые в ее большой истории сыграли известную

* В правом верхнем углу первой страницы публикуемой рукописи Б.З. — пометка: “Щепкин... Рыбников”.

и значительную роль. Однажды, после одного из заседаний (это было лет 15 назад), я сказал Петру Ник., что близится одна из Чеховских дат и было бы интересно запечатлеть те дома, где он жил. Последовал вопрос: а что вам известно по этому поводу? Я ответил, что в письмах Чехов часто указывает фамилии владельцев тех домов, где он живет. “Ну, и прекрасно, — последовал ответ, — рисуйте, мы вам устроим выставку, а главное, вы у нас сделаете сообщение”. Я растерянно стал отказываться. “Включаю в календарный план, — последовал суровый ответ, — а я вам буду помогать. Выпишите домовладельцев и приходите ко мне”. Дня через два я был у него, начав с дома Клименкова на Якиманке, где Чехов жил в 1886 г. Петр Ник. был очень занят и, не посвящая меня в технику дела, раскрыл мне за данный год адрес-календарь, указав в нем фамилию Клименкова. Оказалось, это дом № 57. Я, окрыленный, поехал на Якиманку. Но чем я шел дальше по улице, тем более мной овладевало смущение. Ведь прошло почти полвека. В Советские годы улица сильно реконструировалась. Стоят два, три мелких домишка, а рядом — громадный новый дом, который с’ел три-четыре мелких владения. Следовательно, количество № сократилось: в одном месте улицы чаще, в другом — реже. Я ходил по улице и не понимал: может быть, я прохожу мимо Чеховского дома, может быть, он давно не существует. Где же на ней был дом № 57? Растерянный, я вернулся к Пет. Ник. и получил выговор: кто же ищет № дома, который может десятки раз меняться? Так мне было препода-но первое правило поисков.

Надо игнорировать № дома, надо определять и выяснять топографическое местоположение. Лучшее средство — планы владений; при их отсутствии, найдя в справочном издании фамилию искомого домовладельца, не обращая внимания на № слева от нее, вы фиксируете последующие трехзначные цифры. Это № владения по части, который в Москве, с 1830-х годов, остается неизменным и сейчас. Выписывая дело владения в архиве, вы должны назвать его. Если владение раз’единялось, то обе половинки носили тот же №, если [владения] об’единялись, то новое владение получало два номера.

Возникает вопрос, а как же быть при отсутствии планов, чтобы уточнить местоположение. Надо пользоваться неизменяющимися ориентирами. Это пересекающие переулки, церковь, общеизвестный памятник архитектуры. Например, в перечне домовладельцев вы находите искомый дом. Оказывается, это второе от угла некоего переулка владение, а еще через дом церковь или второй переулок. Вы уже ищете нужный вам дом не из числа 30-40 по улице, а из числа всего трех, точно зная его местоположение. Получив этот основной урок, я, приехав на Якиманку, увидел, что искомый мною дом № 57 стал теперь № 45. Ныне он находится на учете и охране⁶. Значит, первое основное правило, чтобы найти искомый нами памятник, мы должны точно знать его местоположение на улице.

Лет 10 назад были опубликованы весьма интересные материалы о революционной деятельности Маяковского, о его первом аресте в подпольной типографии Моск. Комитета партии в 1908 г. Удалось определить этот дом, тогда находившийся в Ново-Чухинском переулке. В последующие годы у переулка не раз менялось название, Чухинским назывался соседний, появлялись 1 и 2 Чухинские переулки, потом он стал называться Кабанихиным, сейчас Чухинским называется находящийся [там] тупик. Если бы при этой путанице не знать точное местоположение дома, а следить каждый раз по названию проезда, отбросив № владения, то получилось бы, что он прыгал из переулка в переулок.

Года через два мне позвонила по телефону Люд.Вл. Маяковская, сестра поэта. Оказывается, в Москву приехал на несколько дней [Т.Т.]Трифонов-Джигитов⁷, старый большевик-подпольщик, который вел эту типографию. Предполагался осмотр ее помещения с его пояснениями. Когда мы приблизились к ее району, Джигитов попросил не отвлекать его разговорами, так как

ему трудно сейчас искать этот дом. Оказывается, с момента своего ареста в 1908 г. он ни разу здесь не был. Вероятно, из всех присутствовавших я волновался более всех. Ведь я держал своеобразный экзамен. Нервировало и то, что Джигитов сворачивал не раз в соседние переулки, возвращался вновь на улицу Красина и т.д. Поистине, у меня камень с души свалился, когда он, наконец, вошел в нынешний Кабанихин пер. и твердо подвел нас к тому дому, который был определен и мной⁸.

Благодаря тому, что название переулка не раз переходило на соседние переулки, здесь очень легко было ошибиться, и только точное определение местоположения (когда вам и дела нет до названия улицы и № дома) избавило от возможной ошибки.

Здесь необходимо остановиться еще на одном весьма существенном вопросе. Очень часто ни переписка, ни мемуарная литература не дают нам никаких сведений по адресу. В таких случаях надо вести поиски [пользуясь] побочными источниками, не имеющими прямого отношения к интересующему нас лицу. Например: я около двух месяцев потратил на поиски дома крупнейшего деятеля русской медицины, профессора Мудрова и добился только того, что выяснил, что он находился где-то около Пресненских прудов. Тогда я обратил внимание на краткое сообщение, что в год смерти Мудрова его дочь вышла замуж за забытого ныне писателя, отставного майора Великопольского. И через списки проживающих в Москве отставных чиновников и офицеров, найдя Великопольского, я легко нашел и дом Мудрова, который по наследству получил зять⁹.

Аналогичный случай получился у меня с домом (несохранившимся), где в детские годы жил композитор Скрябин. Известно лишь, что он жил у дяди. Пришлось выяснять, кто был дядя. Оказывается, преподаватель корпуса. Через списки преподавателей корпуса удалось установить и этот дом¹⁰.

Большим подспорьем в качестве таких гобочных материалов могут быть — как это ни странно — вероисповедальные книги. В них священниками точно отмечалось, когда, кто и где живущий приходил на исповедь. То же церковные книги о рождении и смертях. Достаточно сказать, что именно по ним было установлено место рождения Пушкина, что и опровергло 5 существовавших до этого предположений. По вероисповедальным же книгам был определен ряд московских проживаний Лермонтова в юности¹¹.

Имея полные списки живущих в приходе, они сосредоточивают в себе громадный фактический материал. Поэтому целесообразно обратить внимание на книги по истории отдельных церквей. В них очень часто дана и история отдельных владений, входивших в данный приход. Только таким путем мне удалось точно определить местоположение одного проживания в Москве Карамзина. Из литературы же было известно только улица Никольская и фамилия домовладельца¹². Аналогичным образом удалось выяснить всю историю дома Боткиных, связанного с Белинским, Герцен[ым], Некрасовым, Толстым и другими писателями, что особенно существенно потому, что в архивах никаких материалов по нему не сохранилось¹³.

Каковы основные источники, по которым мы можем искать мемориальные памятники и как следует к ним относиться?

Это, во-первых, живые свидетельства; во-вторых, воспоминания, мемуарная литература; в-третьих, переписка. Четвертым видом источников могут явиться какие-либо документы, как опубликованные, так и находящиеся в архивах.

Источник первого рода, конечно, не вызывает никаких сомнений, разумеется если живой свидетель был в ближайших отношениях с интересующим нас лицом. Напр., жена, сын, близкий друг. Но наша задача здесь не ограничивается

только установлением голого адреса. Чтобы он наполнился содержанием, стал мемориальным, надо установить точные даты проживания его здесь^{2*}. Причем живой опрос следует сопровождать и документальной проверкой, не полагаясь на одни словесные сообщения. В этой области иногда и документы не отражают с полной точностью фактическое положение.

Сейчас выходит в одном из сборников любопытная работа — “Паспорт матери Маяковского”. Мне пришлось его лично видеть. По многочисленным пропискам в нем можно установить все места проживания поэта в Москве, начиная с года приезда сюда (1906 г.) и кончая 1914 г. Казалось бы даты прописок и выписок точно документируют нам время проживания в том или другом доме поэта. Однако оказывается, если быть скрупулезно^{2*} точными, и они нуждаются в коррективах. В Москве на охране находится дом по Каляевской улице, с которым связано наибольшее количество фактов из революционной деятельности Маяковского. Недавно был опубликован ряд документов по секретному наблюдению Охранного отделения за Маяковским — рапорта филеров по ежедневной слежке за поэтом. Из них следует, что Маяковские жили здесь еще недели за полторы до даты прописки¹⁴.

Иногда такая скрупулезность^{2*} в дате может быть очень важной. Например, в уже упоминавшемся нами доме на Якиманке Чехов получал известное письмо писателя Григоровича, сыгравшее колоссальную роль в его творческой биографии. Оно означало его литературное признание, звало отказаться от мелкой газетной и журнальной работы и всецело посвятить себя большой литературе. Перед этим Чеховы прожили с месяц в другом доме на той же Якиманке. Было существенно выяснить, когда, а следовательно и где, было получено это письмо, так как настоящий факт в значительной мере усиливает мемориальное значение данного дома.

Отсюда вы уже сами можете сделать вывод, что имея дело с живыми свидетелями, нам следует путем опроса в максимальной степени выявить содержание дома — с какими фактами творческой биографии он связан, что, в каких условиях, здесь писалось. Но разумеется, все это надо верить какими-либо перекрестными сведениями. Я бы позволил себе сравнить вашу работу с работой следователя, который в сопоставлении сведений устанавливает истину.

Особой осторожности требуют свидетельства лиц, близко не соприкасавшихся с интересующим нас лицом. Здесь следует упомянуть, что в почти каждой местности вы можете встретиться с рядом легенд, бытующих вокруг отдельных домов. В краеведческом плане они безусловно заслуживают интереса, как своеобразная форма фольклора, но, конечно, не могут быть использованы как база для нашей исследовательской работы. Причем интересно, что, как правило, эти легенды адресуются к домам произвольным. Покойный ныне писатель [Ю.Л.] Слезкин¹⁵ рассказывал мне о нескольких домах “Пиковой дамы” в Ленинграде, причем в их число подлинный дом на Морской, где жила Нат.Петр.Голицына — “Пик[овая] дама” — не входил. В подмосковном городке Истре население твердо вам указывало дом “Трех сестер” и даже рассказывало вам их историю, хотя эти лица абсолютно мифические, в то же время совершенно игнорировало дом, где жил артиллер. полк. Маевский, отчасти явившийся прототипом полк. Вершинина, у которого Чехов бывал, где, по свидетельству его брата, зародилась у него идея этой пьесы.

Легенды эти носят часто совсем фантастический характер, мало считаясь с элементарной реальностью. Так, в Москве существует немалое число домов, где останавливался Наполеон, хотя эти дома в большинстве построены через 20, а то и 40 лет, после пожара. Чтобы в каждом из них хоть раз он мог переночевать,

^{2*} Так в тексте.

Наполеону пришлось бы еще месяц остаться в Москве. На втором месте в Москве котируется Салтычиха¹⁶.

Иногда такие легендарные памятники создаются путеводителями по городу и, в силу инерции, переходят из издания в издание. Вот почему нам в нашей работе необходимо исходить к первоисточникам. Так, в Москве на Метростроевской существует дом, которому упорно приписывалось проживание Белинского и Киреевского, хотя они едва ли были даже близко знакомы. В результате традиции эти сведения перешли даже в весьма авторитетные издания: “Путеводитель по Москве, под ред. проф. Гейнике” и, что уж совсем неловко, в сборн. “Литер. экскурсий по Москве Гос. литер. музея”, хотя не в мемуарах, а тем более в переписке великого критика, в которой довольно точно можно проследить его проживания в Москве, никаких подтверждений этому факту нет. Чтобы избежать подобных фактов, мы всегда должны начинать с первоисточников, подвергая их холодной и трезвой проверке¹⁷.

В какой мере мы можем доверять мемуарной литературе в части, касающейся адресов. Разберемся на примере. Возьмем общеизвестные воспоминания Панаевой. Она с мужем в 1839 г. приезжает в Москву, где у Аксаковых впервые встречается с Гоголем. Как средактировано это место: “Собственный дом Аксаковых... был на Арбатской площади. Я помню хорошо, что против их дома стояли большие весы и валялись клоки сена на площади”. До них в этой фразе все неверно, после них все правильно. Аксаковы никогда в Москве не имели собственного дома, никогда не жили на Арбатской площади — в это время они жили на Смоленской Сенной площади — отсюда и клоки сена перед домом, и, действительно, могли стоять весы. Дело в том, что мемуары пишутся через много лет после события и отражают лишь то — и всегда в известной мере случайно — что сохранила память воспоминателя. Ни один мемуарист не ставит себе задачей сохранить для нас скурупулезные^{3*} сведения о памятнике. Обычно описываются события, а место происшествия нередко игнорируется. Память о событии всегда ярче, чем память о месте, где оно было. Я пережил это на себе. Мне неоднократно приходилось бывать у Есенина на ул. Москвина. Через 20 лет после события, уже работая над домами, я пришел сюда и оказалось, что мне легко воспроизвести отрывки бесед, их темы, даже интонации голоса, а вот в какой я под’езд входил, на какой этаж поднялся, даже в какой корпус — все это мучительно трудно было вспомнить, хотя именно эту задачу я себе ставил, что обычно мемуаристы не делают. Характерно, что в одних воспоминаниях, имея в виду этот Есенинский адрес, автор называет соседний дом, даже не учитывая, что он всегда был театральным зданием (театр Корша) и, конечно, жить в нем [Есенин] не мог. Так что эти воспоминания дают уже повод к легенде¹⁸.

Следовательно, в основном от мемуаров мы должны брать описание событий, сведения о творческих встречах, трудах писателя или художника, настороженно относясь к топографическим сообщениям.

Очень яркой иллюстрацией в этом смысле являются общеизвестные книги Гиляровского. В его воспоминаниях о Чехове, с которым он очень дружил, почти нет ни одного правильного адреса. Иногда его память путает фамилию домовладельца (Пешков вместо Шешков)¹⁹, иногда же он просто называет соседний дом. В свой последний приезд в Москву в 1904 г. Чехов жил в Леонтьевском пер., дом Катык. Гиляровский называет дом Полякова. О факте самой встречи мы сомневаться не можем, так как описание внешности уже тяжело больного Чехова, его поведения, манеры говорить, больная усталость — все это совпадает с другими мемуарами. Но Катык был личностью безцветною, Поляков же крупным московским банкиром, получившим, несмотря на еврейское происхождение, за

^{3*} Так в тексте.

пожертвования и взятки чин гражданского генерала, принимал участие во многих событиях жизни Москвы. Естественно, что его фамилия сохранялась в памяти Гиляровского, бывшего много лет крупным московским журналистом²⁰.

Однако, если бы он сверил свои воспоминания с перепиской Чехова, тщательно фиксирующей каждый адрес писателя, этих ошибок бы не было. Переписка и дневники вот материал, на достоверность сведений которого мы можем положиться. И то, и другое фиксирует данный момент. Приводя свой адрес в письме, вы рассчитываете на ответ, на то что вам будут писать. Естественно, что вопрос неправильностей здесь отпадает.

Установив памятник, весьма важно обследовать имеющиеся по нему материалы в бывших архивах Городских управ. Большею частью эти архивы находятся в ведении главного архитектора города. Помимо возможно более широкого знания содержания памятника надо изучить и его физическую историю: когда и как он построен, изменился ли и в чем, как он выглядел в те годы, которые определили его мемориальную ценность. Архивное изучение приносит нам иногда приятные, иногда досадные сюрпризы, подчас помогает разрешить те вопросы, на которые и мемуары, и переписка не дают ответа. Например, года два назад я установил дом в Земледельческом переулке, где в Москве жил Репин. Обследование на месте показало, что памятник, за исключением мелочей, не изменился. Но во владении оказалось два строения. Спрашивается, в котором жил Репин, какое брать на учет? Переписка Репина и его воспоминания “Далекое — близкое” не дают никаких указаний. Архивные документы же исчерпывающе разрешили этот вопрос. Репин переехал сюда в 1880 г. Разрешение же на постройку бокового строения дано 2 сент. 1881 г. Следовательно, Репин и не мог в нем жить. Ясно, что на учет должно было быть взято основное строение²¹.

Обследование архивных материалов иногда может в корне изменить сложившееся у нас на месте впечатление, даже при наличии известного опыта в этом плане. Лет 6 назад мне удалось установить чрезвычайно важный московский адрес Белинского — дом, где он проживал трижды (Рахмановский пер., 4). Однако осмотр на месте совершенно разочаровал меня. Передо мною было продолговатое, как кишка, здание — совершенно безличное, по существу, не имевшее каких-либо характерных деталей архитектуры 1830-х годов. Я счел памятник несохранившимся. Года же два назад для одного из изданий Ак[адемии] наук мне было предложено выполнить работу “Белинский в Москве” и к ней сделать реконструкции несохранившихся, связанных с ним, домов. Пришлось запросить в архиве дело и этого владения. Просматривая чертежи фасадов, я с радостным изумлением увидел, что памятник цел. Оказывается, дом самого владельца — довольно богатый по своему декоративному убранству — выходил на соседнюю улицу. Вдоль же Рахмановского пер. шло здание, где сдавались бедные квартиры разночинной интеллигенции, мелким чиновникам, ремесленникам. Поэтому по своей отделке оно было исключительно скудным. Мелкие архитектурные детали у подоконников были стесаны при ремонте дома в 1880-х годах, а также заштукатурены декоративные ниши под окнами 2-го этажа. Любопытно, что сейчас, вглядываясь, их можно в 2-3 случаях обнаружить по трещинам штукатурки. За эти же годы в деле владения есть копия разрешения на пробитие дверей из дома на улицу. Современники в своих воспоминаниях отмечают, что вход к Белинскому был только через двор. Так архивное обследование бесспорно доказало сохранность этого памятника²².

Но могут быть и противоположные случаи. На Каляевской улице мне удалось точно определить дом, где находилась мастерская Конст. Коровина, где встречался ряд крупнейших московских художников начала века. При осмотре на месте фасад здания приводит в полное недоумение. Есть ряд деталей сугубо современных, а есть начала века. Пришлось приехать на место, сняв тщательно

кальку с чертежа фасада. Оказалось, дом был двухэтажный, на котором в Советские годы надстроено еще три этажа, причем ряд деталей (башенки, закрытые балконы-фонари) или копировались в надстройке или же переносились вверх. Очень редкий случай, обычно надстройка резко бросается в глаза. Но это бы было еще полбеды. В деле владения имеется ряд документов по ремонту мастерских, из которых явствует, что они находились не в основном строении, а представляли отдельное строение во дворе. Эта часть двора отошла под территорию соседствующей фабрики. Так анализ строительных и землемерных документов избавил от ошибки, когда на учет могло попасть совершенно постороннее здание.

По существу, только проработав архивные строительные документы и планы владения, мы можем сказать, что памятник нами действительно обследован, что мы действительно можем быть уверены, что у нас на учете не случайное здание. В Товарищеском переулке, за Таганкой, находится дом родителей крупнейшего художника-передвижника Сергея Коровина, автора известной картины “На миру”, где он провел свое детство и юность. Из перечня домовладельцев за 1860-е годы можно заключить, что это было очень большое по размеру владение, выходившее насквозь и в соседний переулок. Однако в сам Товарищеский переулок выходит лишь небольшая постройка, которую логично счесть за второстепенный флигелек. Остальная площадь занята ныне многоэтажными домами. Вполне логично было предположить, что на месте одного из них и было основное строение, где и жила семья Коровина. Однако ознакомление с планом владения показало, что маленькая, ныне существующая, постройка была здесь единственной — все остальное пространство было под колоссальным, ныне не существующим, садом. После этого можно было уже с уверенностью составлять паспорт на этот дом²³.

При осмотре памятника на месте необходимо усвоить себе еще одно необходимое правило: это обязательный осмотр его со стороны двора. Осмотр лишь со стороны улицы нередко может ввести вас в полнейшее заблуждение; вполне сохранившийся памятник вы легко можете счесть за новый, на его месте, дом. В подавляющем большинстве случаев новыми владельцами работы по перестройке, по изменению велись по фасадам, почти не затрагивая дворовую часть. Только осмотрев ее, вы можете окончательно решить, сохранился ли дом.

Очень показателен в этом плане дом № 3 по Левшинскому пер., где жил Толстой перед покупкой дома в Хамовниках²⁴. Если его заснять со двора и заснять с улицы, перед вами будет два разных дома — 30-х — 40-х годов в первом случае, конца XIX века во втором. Если встать в проходе во двор, посмотреть сбоку, то вы увидите, что нынешний фасад — это не более как театральная кулиса, приставленная к давно уже существующему строению. Все интересы владельцев обычно касались лишь лицевой, парадной части. Обновляя внешность дома, подчиняясь новым вкусам, они вносили в фасад модные, бытующие в их время, архитектурные особенности. В Москве, да, вероятно, и в других крупных городах, существуют дома, фасад которых (если проследить по архивным материалам) радикально перестраивался 5-6 раз, тогда как строительная коробка оставалась неизменной.

Конечно, иногда могут быть и более сложные случаи, требующие более детального обследования. Интересно осмотреть в этом плане дом № 8 по Бол. Афанасьевскому переулку, где собирался кружок Станкевича. Степень сохранности этого памятника вызывала неоднократные споры у москвоведов. Конечно, фасадная его отделка ни в коей мере не соответствует 1830-м годам, когда здесь жил Станкевич. Совершенно непонятна со стороны улицы ассиметрия^{4*} мезонина, сдвинутого к левому крылу здания. Ранее оно^{5*} занимало только часть

^{4*} Так в тексте.

^{5*}-^{5*} Сначала было: в плане походило на букву “Г”, одна сторона которого шла

пространства^{5*} вдоль улицы. С одного бока^{6*} было крыльцо, на место которого последующие владельцы, расширяя дом, вытянули его правое крыло, что и сдвинуло со зрительной оси мезонин. Попутно была изменена и вся отделка фасада. Если войти во двор, то вид дома резко меняется: мезонин становится на свое место, отделка, правда, с некоторым обеднением, соответствует 1830-м годам. Но только изучение планов владения, истории его застройки, дало возможность распутать, казалось бы, очень сложный казус²⁵.

Однако бывают и случаи, когда новые владельцы реконструируя фасад, не нарушают в его облике стиля декоративного оформления. В таких случаях личный осмотр заставляет признать памятник, безусловно, сохранным. В Гагаринском переулке дом № 19 связан с Лермонтовым. Здесь жила семья боевого генерала [Г.В.] Розена²⁶, сын которого был однополчанином поэта. Приезжая в Москву, Лермонтов останавливался у Розенов. В эти годы дом был с колоннадой, которая была украшена литой решеткой, увенчана пышным фризом. Последующими владельцами все это было убрано, но фасад был заделан без нарушения его стиля. Если не изучить истории этой постройки, можно было бы считать памятник совершенно не подвергшимся существенным изменениям²⁷.

Здесь невольно может возникнуть вопрос, необходимо ли столь скурупулезное^{7*} изучение облика дома. Ведь для нас важна его строительная коробка не сама по себе, а во имя того мемориального содержания, которое она в себе заключает. Но дело-то как раз и в том, что облик дома в значительной мере выражает его содержание, свидетельствует о быте, об образе жизни жившего здесь.

Невольно у зрителя дома № 4 по Гагаринскому пер. может возникнуть ряд недоуменных вопросов. Здесь жил один из ближайших друзей Пушкина Нащокин, давший ему сюжеты “Дубровского” и “Домика в Коломне”. В этом доме поэт у него останавливался. Характер Нащокина отличался рядом причуд. Так он свыше 40 тыс. истратил на известный Нащокинский домик²⁸, ныне находящийся в Музее Пушкина в гор. Пушкино. Здесь в миниатюре воспроизводится вся обстановка его квартиры: рояль, на котором, по словам Пушкина, можно играть только пауку, вся мебель, люстры, вплоть до дуэльных пистолетов. Эта обстановка наглядно демонстрирует нам быт богатой дворянской семьи 20–30 годов прошлого столетия. Однако, если взять фотографии этого дома и фотографию отдельных помещений макета, получается абсолютное несоответствие — как в таком скромном, незаметном доме мог заключаться такой пышный по обстановке быт. Да дело в том, что фасады его давно переделаны, упрощены, обеднены. В Пушкинское время его первый этаж был тонко проработан рустовкой, над окнами первого этажа были пышные замки, что абсолютно меняло его внешность. Сейчас, по существу, перед нами голая строительная коробка без оформления, мало выражающая тот жизненный уклад, который она некогда заключала в себе²⁹.

Внешность мемориального дома теснейшим образом связана с его содержанием. Если бы мы могли с вами сделать об'езд Чеховских квартир в Москве, которые писателем часто менялись, то это бы было путешествием по его писательской биографии. Каждый новый его адрес означает изменившуюся экономику, новый жизненный успех, творческий успех. Начав с улицы-притона старой купеческой Москвы — Трубной, пройдя через Замоскворечье и Садовые, он с каждым новым адресом приближается к центру Москвы. Сложная спираль Чеховских адресов заканчивается в наиболее дорогом квартирном районе — районе Тверской, у административного центра Москвы тех лет — дома генерал-губернатора.

^{6*} Далее зачеркнуто у вершины ее.

^{7*} Так в тексте.

Чтобы сделать для вас окончательно убедительным, насколько внешний облик дома важен в раскрытии биографии писателя или художника мне хочется привести еще один пример — из работы мемориального музея Маяковского в Москве. В годы, когда поэт здесь поселился, оно (здание. — Д.Я.) выходило на тесный двор за глухим забором, было заставлено мелкими флигелями, сараями, конюшнями. Все это было снесено, забор был заменен открытой легкой решеткой, площадь двора была превращена в великолепный цветник. К дому пристроено здание библиотеки с большими зеркальными окнами. Если сфотографировать это здание, это напоминает нарядный приморский санаторий, а не захудалый купеческий особняк. Создавалось впечатление, что Маяковский занимал его целиком, а не одну комнату, как это было. Становилось непонятным, почему ему был необходим рабочий кабинет в Лубянском проезде. Недоуменные вопросы посетителей были в таком количестве, что Музей должен был создать реконструкцию своего дома в виде, прижизненном Маяковскому и включить в свою экспозицию. Нынешний внешний облик музея Маяковского выражает наше благоговейное отношение к его памяти, но не переносит посетителя в его время, что и пришлось восполнить художественным произведением³⁰.

Мне бы казалось целесообразным, что если не в паспорте, то, во всяком случае, в папке данного мемориального памятника должны быть фотографии с планов владения и чертежей фасадов, относящихся к тому времени, которым определяется его мемориальное содержание. Мы должны заглянуть и в будущее. В настоящее время по архитектурным памятникам ведутся значительные реставрационные работы. Рано или поздно этот вопрос встанет и перед нами, и не следует, чтобы он застал нас врасплох. Материалы учета должны дать руководящие сведения для архитектурной организации, какого характера ей надо произвести реставрационные работы по данному дому.

Таким образом, работа над мемориальным памятником складывается из двух основных моментов: 1) изучение мемориального содержания памятника, накопление его в виде выписок из мемуаров, переписки, документов. Сюда же может относиться и литература по памятнику (книги, статьи, вырезки) и 2) изучение самого памятника — когда построен, в каком виде. Если он подвергся изменениям, то в чем. Только тогда мы в этом памятном доме будем “у себя дома”, будем действительно его знать. А без знания памятников не может осуществляться и деятельность по их пропаганде и популяризации. Ответственная, но увлекательная и интересная работа сведется к сухому конторскому учету.

МИГМ. ОФ. 26064/55. Ф. 16. Оп. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поляков М. Белинский в Москве. 1829–1839. М., 1948. О Белинском и связанных с ним местах у Земенкова (далее — Б.З.) см.: Белинский в Москве // Литературное наследство. М., 1951. Т. 57. С. 375–394; Подгот. матер. к этой статье — 10 л. МИГМ. ОФ. 26064/2. Ф. 16. Оп. 1; Рахмановский пер., 4. Дом, где жил В.Г.Белинский. (автограф статьи, машинопись — 20 л. — в личн. собр. Л.А. Ястржембского). То же. МИГМ. ОФ. 26064/56. Ф. 16. Оп. 1. 5 л., видимо, отрывок; акварели, выписки и заметки см. МИГМ.

² Алтаев Ал. Чайковский в Москве. М., 1951. О Чайковском и связанных с ним местах у Б.З. см.: Памятные места Москвы. М., 1959 (далее: ПММ); Подмосковье. Памятные места. М., 1962 — в обеих книгах см. именные указатели.

³ Мудров Матвей Яковлевич (1776–1831) — врач-терапевт, профессор Московского университета, инспектор Мос. унив. благородного пансиона. У Б.З. о нем и связанных с ним местах см.: ПММ. С. 11–12, 14, 124; МИГМ. ОФ. 28204/250. Ф. 16. Оп. 2 (выписка). См. также: Романюк С.К. Из истории московских переулков. М., 1988 (Далее: Романюк). С. 159.

⁴ Дерман А. Московского Малого театра актер Щепкин. М., 1951. По данной теме у Б.З.: М.С.Щепкин в Москве / Под ред. И.С. Романовского. М., 1966; акварели и выписки см. в МИГМ.

- ⁵ *Дерман А.* Москва в жизни и творчестве А.П. Чехова. М., 1948. У Б.З. о Чехове см.: “Дом-комод” (квартира А.П. Чехова на Садово-Кудринской ул.); Чехов — москвич (15 л.; обе работы — МИГМ. ОФ. 26064/8 и 59. Ф. 16. Оп. 1); также акварели, выписки и заметки см. в МИГМ.
- ⁶ Дом не сохранился; см. *Федосюк Ю.А.* Москва в кольце Садовых. М., 1991. С. 296–297: “Рядом (с домом № 43 — Д.Я.) в 1979 году построен административный корпус французского посольства”. Акв. Б.З., июля 1954 — МИГМ. ОФ. 8307. 497 ГУ (“уникальная графика”). Отрывок о знакомстве с Миллером опубликован: *Муравьев В.Б.* “Поправляйте и продолжайте”.
- ⁷ Трифонов Тимофей Трифонович — наборщик типографии Саблина, член РСДРП, руководивший организацией новой подпольной типографии Московского комитета партии. Разыскивался Иркутским окружным судом по делу о подкопе в Александровской пересыльной тюрьме, поэтому жил под чужой фамилией (Жигитова; ошибка Земенкова связана с восприятием фамилии на слух).
- ⁸ Зоологическая ул., 7 (ПММ. С. 206). “Небольшой деревянный дом по Ново-Чухнинскому переулку” (Ястржембский Л.А., Шегал М.М. Революционные места Москвы (Гравюры А.И.Мищенко). М., 1960. С. 147-149). Дом не сохранился. Земенков довольно широко практиковал опрос родственников и потомков того или иного писателя. Кроме Л.В.Маяковской его консультировали родственники Л.Н. Толстого (С.А. Толстая-Есенина и С.Л. Толстой; их письма 1943 г. с ответами на вопросы Б.З., см.: МИГМ. ОФ. 26064/94. Ф. 16. Оп. 1. 4 л.), М.П. Чехова (ПММ. С. 183), М.И. Погодин (который лично показывал Земенкову владение своего деда М.П. Погодина на Девнчем поле и собственноручно составил для московеда планы усадьбы — всей территории и обоих этажей главного дома (МИГМ. ОФ. 28204/299(а). Ф. 16. Оп. 2).
- ⁹ Великопольский Иван Ермолаевич (1797(?)–1868) — поэт, драматург; играл в карты с А.С. Пушкиным, что отразилось в обмене сатирами, приведшем к взаимным обидам и разрыву отношений; с 1827 — в отставке, с 1831 — женат на дочери М.Я. Мудрова, умершего в том же году в Петербурге при борьбе с эпидемией холеры. “Мудров имел собственный дом в Б. Афанасьевском переулке (находился на месте современного № 37). С середины 1810-х годов ученый жил в другом своем владении — на Пресненских прудах (Дружинниковская ул., 11, не сохр.)” (ПММ. С. 11–12). Именно это владение получает в наследство Великопольский, известный более всего широким хлебосольством и щедростью, в частности материальной помощью Гоголю и Белинскому. У Б.З. о нём: Гоголь в Москве. М., 1954 (далее — ГВМ). С. 34–35, 44–45, 132.
- ¹⁰ “Дом в Большом Златоустинском переулке (Б.Комсомольский пер., 9), где прошли его (А.Н. Скрябина — Д.Я.) детские годы, не сохранился”. (ПММ. С. 452). См. также: Романюк. С. 98–99.
- ¹¹ Б.З. придерживался традиционного мнения, что “великий поэт родился [...] на Немедкой улице (Бауманская ул., 10) (дом № 40 — после присоединения к улице в 1960-х гг. Бауманского (Девкина) переулка — Д.Я.). Сейчас на этом месте находится здание школы им.А.С. Пушкина”. (ПММ. С. 131). С.К. Романюк указывает другой дом: “Этот дом (палаты XVIII в., во дворе д. № 4 по Лучникову пер. — Д.Я.) в нач. XIXв. принадлежал И.В.Скворцову, владельцу того самого участка на углу Малой Почтовой улицы и Госпитальной переулку, где 26 мая 1799 г. родился А.С. Пушкин” (Романюк. С. 98). Вадим Кожин в статье “Где родился Пушкин?” (Неделя. 1984. № 14; С любовью и тревогой. М., 1990. С. 205–209) доказывает, что ни одно из этих предполагаемых местонахождений скворцовского двора ни в коем случае не является местом рождения поэта. Ссылаясь на утверждения Анненкова и Бартенева, составлявших биографию Пушкина по свидетельствам его близких друзей и родных, Кожин настаивает на том, что все-таки Молчановка услышала первые крики новорожденного гения. По данной гипотезе, ожидаемые роды совпадали с переездом Пушкиных от графини Головкиной в еще не благоустроенную квартиру у Скворцова, и рожицу Надежду Осиповну приютила на это время ее тетка — жившая тогда на Молчановке графиня Анна Ивановна Нарышкина, урожденная Воронцова.
- Акварели Б.З. (МИГМ. ОФ. 1867. 486 ГУ; ОФ. 25978(8). 479 ГУ; ОФ. 1729. 496 ГУ) реконструируют лермонтовские дома: не сохранившиеся владения Лопухиной и Костомаровой на Поварской (№ 24, 26), а также известный дом купчихи Черновой (М. Молчановка, № 2), которому только недавно был возвращен “прилермонтовский” облик, измененный позднейшими перестройками. См. также ПММ. С. 139.
- ¹² “В 1800 г. он (Карамзин — Д.Я.) переехал в дом на Никольскую улицу (ныне здесь сквер, прилегающий к дому №23) [...] (ПММ. С. 115–116).
- ¹³ Петроверигский пер., 4; у Б.З.: ПММ. С. 119–120, 148; ГВМ. С. 60–61; акварель: МИГМ. ОФ. 7297, 494 ГУ; см. также: Романюк. С. 120.
- ¹⁴ Калевская (Долгоруковская) ул., 33, деревянное строение в глубине двора (ПММ. С. 206).
- ¹⁵ Слезкин Юрий Львович (1885 (?) — 1947) — писатель; наиболее известны его повести “Ольга Орг” (1910), “Козел в огороде” (1927), исторический роман “Брусилов” (1944).
- ¹⁶ Те же примеры Б.З. приводит в неопубликованной статье “Как смотреть литературные места” (МИГМ. ОФ. 26064/16. Ф. 16. Оп. 1), прибавляя, что молва путалась и относительно подмосковных Салтыковой, приписывая ей Салтыковку, хотя, на самом деле, “душегубице” принадлежали Троицкое и Теплый Стан; местные истринские заблуждения, легенды о доме “Трех сестер”, Б.З., по собственному указанию в “Лит. местах”, взял из записок чеховеда Соболева, а среди мифических домов “Пиковой дамы” он, в той же статье, отмечает, как наиболее известный, “дом на Литейном”.

- ¹⁷ Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М., 1917; Литературные экскурсии по Москве. М., 1948. Работы Б.З. с адресами Белинского указаны в примечании 1.
- ¹⁸ Этот отрывок частично опубликован В.Б.Муравьевым в ст. о Б.З. “Поправляйте и продолжайте” (С. 274). Про владение на Смоленской-Сенной пл., где Аксаковы снимали “большой отдельный деревянный дом” (И.И.Панаев), см. ГВМ. С. 41.
- По Земенкову жительство Есенина в Богословском пер. (д. № 5) относится к 1920–1921 гг. (ПММ. С. 209), по Романюку — к 1918–1923 гг. (Романюк. С. 82).
- ¹⁹ 20 Список работ Б.З. о Чехове в Москве приведен выше (примечание 5). О данных домах см.: ПММ. С. 186, 187; Романюк. С. 63. Дом Шешкова (М.Дмитровка, 11) — на акв. Б.З. (МИГМ. ОФ. 25978(19), 479 ГУ).
- ²¹ ПММ. С. 356. Здесь Б.З. датирует переезд Репина в д. № 9 по Б.Трубному (Земледельческому) пер. октябрём 1879 г.
- ²² См. примечание 1. Само здание “разобрано с последующим восстановлением. Отчаявшись в этом, ЦС ВООПИК в порыве слабости внес предложение поставить на пустыре памятный знак с надписью, напоминающей о снесенном доме и его знаменитом насельнике” (Нагибин Ю.М. Пробуждение // С любовью и тревогой. М., 1990. С. 41). Долгое время участок занимала стоянка машин; года два назад на нем выстроена многоэтажная гостиница.
- ²³ Товарищеский (Дурной) пер., 24 — “крупный ямской двор” (ПММ. С. 373).
- ²⁴ К 1959 г. дом в М. Левшинском еще был цел, с указанным изменением фасада (ПММ. С. 178). См.: Романюк. С. 170: “Также не дошел до нашего времени и деревянный домик под №3, где провел зиму 1855/56 г. С.Т.Аксаков, [...] бывал И.С. Тургенев, [...] в январе 1856г. Аксаков познакомился с молодым Л.Н. Толстым, [...] Толстой в сентябре 1881 г. поселился [...] и прожил до весны 1882 г.”
- ²⁵ См.: ПММ. С. 145; Романюк. С. 157.
- ²⁶ Розен Григорий Владимирович (1782–1841) — барон, участник Отечественной войны 1812 г., ген. от инфантерии. В 1831–1837 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса. Отец Дмитрия Розена (1815 – после 1885), однополчанина Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку.
- ²⁷ Дом не сохранился.
- ²⁸ Нацокнский домик — макет жилища П.В. Нащокина, хранящийся в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина на Мойке. Земенков, очевидно, имел в виду Царскосельский музей (в г. Пушкине), где знаменитый “домашний кумир” часто экспонировался на продолжительных выставках.
- ²⁹ См.: Романюк. С. 146: “Он (дом № 4 по Гагаринскому пер., на углу с Нацокнским) построен в 1970-х гг. заново по образцу и подобию того, который находился на этом месте 140 лет назад, в 30-х гг. прошлого столетия. Тогда здесь стоял также двухэтажный дом, но с деревянным вторым этажом, принадлежавший дочерям надворного советника Ильинского, у которых в 1831-1832 гг. его снимал друг Пушкина Павел Воннович Нащокин.”
- ³⁰ Геидриков (Маяковского) пер., 13/15 (ПММ. С. 207, 208); акварель (МИГМ. ОФ. 9733. 532 ГУ).

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М.Н. ТИХОМИРОВА

Известно, что классик нашей исторической науки Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) пробовал силы и на поприще художественной литературы. В личном фонде академика (ф. 693), в Архиве РАН немало образцов такого творчества. В книге “Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова” информация о таких материалах выделена в особый раздел “Историко-литературные произведения, стихотворные, поэтические переводы”¹. На это уже обращено внимание исследователями жизни и творчества М.Н. Тихомирова². Тихомиров особенно прославился как составитель пародийных сочинений в стиле документов российского делопроизводства XVII в., написанных по современным поводам. Ученый любил и умел их сочинять и в часы научных заседаний – такие шутки были в ходу в среде историков³.

¹ Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии Наук СССР. Научное описание / Сост. И.П. Староверова. М., 1974. С. 31–35.

² Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987; Шмидт С.О. К изучению литературно-художественного наследия М.Н. Тихомирова // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 210–214 (Указана литература); Янин В.Л. В гостях у археологов (Из литературного творчества М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 57–69.

³ Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Т. Тихомиров (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России (к 100-летию со дня рождения член-корреспонден-

Но Михаил Николаевич Тихомиров сочинял и художественные произведения исторической тематики, рассчитанные на публикацию. В середине 1930-х годов он написал пьесу в стихах “Великое смятение” о Московском восстании 1648 г. – знаменитом “Соляном бунте”. Небезлюбопытно, что именно в середине 1930-х годов М.Н. Тихомиров вернулся к научным занятиям историей классовой борьбы в России середины XVII в. (в 1935 г. издал книгу “Псковское восстание 1650 г.: Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в.”; в 1940 г. в седьмой книге “Исторических записок” напечатал ранее подготовленную им большую статью “Новгородское восстание 1650 г.”) и приступил к систематическому изучению прошлого Москвы (что нашло отражение и в учебно-популярной литературе – публикация статей “Из истории города Москвы” в журнале “История в школе” за 1936 г.).

М.Н. Тихомиров предпринял попытку напечатать пьесу, во всяком случае ознакомить с ней профессиональных литераторов. В его архиве сохранился отзыв В.М. Бахметьева (Ф. 693. Оп. 2. Д. 315. Л. 1) (очевидно, известного тогда прозаика и редактора Владимира Матвеевича), датированный 3 июня 1937 г. Тем самым определяется время написания пьесы – не позднее весны 1937 г.

Сохранилось три редакции пьесы – машинопись с авторской правкой. Возможно, что пьеса первоначально имела иное название – слова “Великое смятение” написаны рукой автора над тщательно зачеркнутым другим заголовком. На титульной странице и запись его: “Этот первый экземпляр был без сокращений и поправок, сделанных позже. МТ.”. Сокращений сделано много (возможно, из-за требования сократить объем). Так уже в самом начале в речи подьячего из первоначальных десяти строчек оставлено шесть: сокращены последние строчки после слов “на площади в проводку бить кнутом”:

“... За то, что государю челобитьем
Они не раз напрасно докучали.
А, бив кнутом, их посадить в тюрьму
И там держать до царского указа”.

Пьеса печатается в последней редакции, после сокращений и поправок, сделанных рукою автора. Пьеса интересна и в плане использования высокообразованным знатоком отечественной истории и ее документации языковых особенностей памятников письменности XVII в. И, таким образом, становится полезной не только для тех, кто изучает биографию знаменитого историка и вообще проблемы советской историографии, но и для интересующихся историей Москвы времени правления первых царей из династии Романовых.

В 1960-е годы академик М.Н. Тихомиров написал несколько историко-художественных очерков, “кратких повестей по истории” (по авторскому определению) и даже продиктовал некоторые из них⁴ (в архиве сохранились магнитные записи его голоса) – о живописцах Данииле Черном и Андрее Рублеве, о первой жене Василия III Соломонида, “Месть Петра Волынца” (подложившего грамоту, которая дала возможность Ивану Грозному обвинить жителей Великого Новгорода в измене царю). Публикуемый очерк “Соломонида” может рассматриваться как интересная и для историка-специалиста попытка охарактеризовать этот важный эпизод политической истории России первой четверти XVI в.

С.О. Шмидт

та АН СССР С.В. Бахрушина). М., 1984. С. 62–74. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 425–436.

⁴ О своих творческих задачах в этом плане М.Н. Тихомиров рассуждает в письме 1963 г. писательнице Н.П. Кончаловской. Письмо напечатано в этой книге. См.: Шмидт С.О. Переписка Н.П. Кончаловской и М.Н. Тихомирова.

ВЕЛИКОЕ СМЯТЕНЬЕ

(Картины из эпохи восстания 1648 года в Москве)

Действующие лица:

Гаврило Огарев — посадский человек, кузнец и оружейник, лет 30
Стенька — подручный Гаврилы, лет 16–17.
Аким Константинов — посадский староста Барашской слободы в Москве, лет 60
Первой — посадский человек, лет 25
Конь — стрелец одного из московских приказов, лет 30
Василий — стрелец, лет 25
Петр Рыжий — кабатчик, лет 50-ти
Анница — его жена
Афимья — его дочь, лет 20
Морозов, Борис Иванович — боярин, правитель государства, дядька и свояк царя, лет 50–60
Плещеев, Леонтий Степанович — начальник Земского приказа, ведавшего городом Москвою, лет 40
Чистой, Назар Иванович — думный дьяк Посольского приказа, лет 50
Траханиотов — начальник Стрелецкого приказа, лет 40
Романов, Никита Иванович — ближний боярин, царский дядя, лет 40–50
Филимон Савельев – торговый человек
Владимир Самойлов – прожиточный посадский человек
Черкасский, Яков Куденетович, князь, ближний боярин, лет 50
Патриарх Иосиф — лет 60–70
Царь Алексей Михайлович — 19 лет
Томилко Иванов — оставленный подьячий, лет 30–35
Третьяк — подьячий.
Дьяк
1 старец
2 старец
Стряпчий монастырский
Староста и посадские люди
Приказчик Морозова
1 крестьянин
2 крестьянин
Посадские люди, стрельцы, бояре и пр.

К а р т и н а 1

Горница в Приказе Земских дел

Т о м и л к о (*читает столбец*):

Писать в доклад, что нынешнего году
Сто пятьдесят шестого, мая в день
Великий государь, доклада слушав,
Велел людей посадских — Мишку Шмару
Да Пантелейку Лаптева Кривого
На площади в проводку бить кнутом.

П л е щ е е в :

Доклад перебелить и отослать в приказ.

Т о м и л к о :

Да тут с утра сидят в избе передней
Семь челобитчиков.

П л е щ е е в : А что они за люди?

Т о м и л к о :

Два старца от Ивана в Заболотье,
Пришли добить тебе челом о луге,

Что лугом тем насильством завладели
Посадские людишки черных сотен.

Плещеев: А как они, пешком... иль на телеге?

Томилко: На двух телегах въехали во двор.
Одна телега под тяжелой полостью,
А чается — в ней бочки и мешки.

Плещеев: А кроме них, какие еще люди?

Томилко: Три выборных от слободы Кузнечной,
А бьют челом на тех же черных старцев,
Что старцы де у них людей посадских
Затейкою лужок тот отнимают.

Плещеев: Зови первее старцев-богомольцев

(Томилко уходит, входят старцы)

Старцы: Благослови Господь.

Плещеев: Спаси Бог, старцы.
Как бог вас милует?

Старцы: Да терпит грешных.

1 старец: Обитель малая, живем да бога молим,
Чем накормить? А тут лужок последний
Посадские людишки отнимают.

Плещеев: А в старых грамотах о том, как пишут?

1 старец: Да вишь ты, в них большое несогласье:
Написано в одной, что дал де князь Семен
Обителя святой Ивана чудотворца
Две поженки в урочище Чертолье.

Плещеев: Ну, а в другой?

1 старец: А в грамоте иной
Та поженка показана в Семчинском,
И писано, что под святым Иваном
Лежит людей посадских луг да пожня.

1 старец: А тот лужок извечный монастырский.

Плещеев: Да в грамотках большое несогласье!

2 старец: Да как же так?

1 старец: Забыли о поминках!
Не осерчай, кормилец, оплошали,
Не обессудь, какой уж есть запасец:
Медку кадушечка — медок у нас гречишный,
Грибков сухих три вязки прошлогодних.

2 старец: Да масло освященное в сосуде.

Святили сами в праздник чудотворцев,
Зело в печалях разных помогает.

1 старец:

Да на телегах два боченка меда
И бочки три соленых огурцов,
Да мелочишко всякой, а тому запасу
И роспись есть. Возьми себе в поминок
С благословением Ивана чудотворца.

2 старец:

А там суди, по правде, не по мзде,
Как бог тебе велит по разуменью.

1 старец:

Уж постой за божию обитель
А бог воздаст.

Плещеев:

Не знаю, право, старцы.
Во всех приказах не один Плещеев.

1 старец:

Да выше всех. А и другим найдется.

Плещеев:

Ну, разве уж для вас да чудотворца.
А стряпчего пришлите к нам в приказ
Для ваших дел.

Старцы:

Спаси тебя господь.

(Уходят)

Плещеев:

А и плуты же старцы-богомольцы.
Как им не грех?

Томилко:

Какой же в этом грех?
Кто ближе к богу, старцы или люди?
Ведь старцы согрешат, а богу служат,
И за лужок молебнов сто отслужат.

Плещеев:

Теперь зови сюда людей посадских,
Да им скажи: Левонтей де Степаныч,
Знать, осерчал, что не дали в посул.

(Томилко уходит.)

Входят выборные, со старостой, и Третьяк)

Плещеев:

Пошто пришли?
Староста Аким:
Да к милости твоей,
Добить челом на старцев монастырских
Ивана чудотворца в Заболотьи.

Плещеев:

А старцы бьют на вас людей посадских,
Что вы лужком насильством завладели.
Староста Аким:
У нас вишь крепости покрепче, чем у них.

Плещеев:

Какие крепости?
Староста Аким:
Две грамоты старинных
На тот лужок, да пятьдесят рублей.

От всех людей посадских и слободских,
Велели нам снести к тебе на новоселье.

Плещеев :

Третьяк, возьми кошель.

(Третьяк берет вещи и уходит)

Староста Аким :

А как же дело?

Плещеев :

Ужо я посмотрю.

Томилко :

Борис Иванович велел сказать, немедля
Что б ты пришел.

Плещеев :

Давай скорее шубу.

Староста Аким :

Давно в Руси пословица сложилась:
“Как дело, так в приказах не до нас,
А деньги есть, так их тащи в приказ”.
Пойдемте, люди.

Томилко :

Говори поболе,

Отсюда недалече до застенки.

Староста Аким :

А мы и ноне, добрый человек,
Живем в застенке, голодом и страхом
Терзаемся и только молим бога,
Чтоб дал господь скорее умереть.

(Уходят)

К а р т и н а 2

Огород при избе Гаврилы Огарева.

На заднем плане плетень, за которым видно дерево и изба старосты Акима.

На сцене сидит Гаврило и чинит шишак, ему помогает Стенька.

За плетнем стоит Афимья.

Гаврило :

Да, на Дону живут в большой ослабе
И государевых тягот совсем не знают,

Стенька :

А разве нет у войска атаманов?

Гаврило :

Тех атаманов сами выбирают.
Кого похочет круг, того и изберут.
В походе он над ними атаман,
А как придет с похода — землю пашет
И рыбу ловит, как простой казак.

Афимья :

Ну, а приказных много ль там живет?

Гаврило :

Приказных тоже нет, а есть подъячий,
Сидит в избе у атамана, пишет.
И государевых дворян там нету;
Холопов тоже нет, одни казаки.

Стенька :

Вот жизнь, так жизнь. Хотя бы год один...

Афимья :

Молчал бы лучше, Степа, неравно
Услышит наш Томилко да напишет

Про то извет и побежит в приказ.
Недавно слышала я как-то на базаре,
Одна черница людям говорила,
Что есть де тайное царево повеленье —
Бояр, купцов да всех людей приказных,
Всех побивать, как силы бог подаст.
Так в пору ту случился здесь стрелецкий
Пятидесятник старого набора,
Те речи услышал, да и неволей
Отвел ее в приказ. А рано утром,
Глядят, на бережку лежит черница,
Лицо все синее, а ноги перебиты
Как молотом иль палкою железной.

Гаврило:

Надень шишак, не жмет ли головы?

(Стенька надевает шишак)

Афимья:

Совсем, как сын боярский, только краше.

Гаврило:

А сын боярский, чем Степана лучше.

(рассматривает ремешок)

Афимья:

Как помнится, о самом Рождестве
Царь выходил за образом на площадь,
А вслед за ним бояре да стрельцы,
Да полк детей боярских с бердышами,
Как ангелы идут, а шишаки блестят,
На головах, как у святых сиянье.

Стенька:

Нашла святых. Недавно вечером
Залез я как-то в огород боярский,
Гляжу, дворянский сын бежит навстречу.
Я взял да на забор, а тут вдогонку
Холоп боярский камнем как запустит...

Афимья:

А ты не лезь в чужие огороды.
Не для тебя, чать, маки посадили.

Гаврило:

Так кабы Стеньке дали огороды,
Так он тогда в чужой и не полез бы.

(Стенька уходит)

Давно хотелось мне сказать, Афимья,
Что в мыслях у меня давно уже лежит.
Теперь идет молва великая в народе,
Что царству можно быть и без бояр,
Что надо ждать такого же волнения,
Как было преж сего, что надо государю...

Афимья:

Молчи, Гаврилушка, и слушать не желаю.

Гаврило:

Не слушай! А в великом земском деле
Не стану я за спины хорониться,
А будет нам какая неустойка,
Тогда уйдем.

Афимья:

А я что буду делать?

Гаврило :
Со мною на Яик, Офимьюшка, уйдешь.

Афимья :
Да как уйдешь невенчанной с тобою.

Гаврило :
Не плачь, Офимья, на Яике вольном,
Не только, что крестить или венчаться,
Хоронят без молитв и без попов.
А не захочешь жить со мною в девках,
Найду каково ни на есть попа,
Таких попов, пропойцев и плутишек,
Немало бродит нонче на Яике,
Он нас с тобой за чарку обвенчает
Вкруг камня белого, в степи широкой.

Анница (*входит*):
Опять с Гаврилкою заговорила,
Ужо, вот, дай, придет домой отец
Все расскажу. Не стыдно тебе, девка,
Что день, что час бежать на огород,
Да с мужиками говорить бездельно.

Гаврило :
Да мы про то с Офимьей говорили,
Что на торгу зерно подорожало.

Анница :
Да что зерно? И все подорожало.

Гаврило :
А правда ли, слышать мне довелось,
Что перед прежней смутой тоже было
В запасах всяких оскуденье людям.

Анница :
Одно ли оскуденье людям было?
Ведь я тогда еще была ребенком
И матушка меня с собой водила.
Тогда лихие люди деток уводили,
Так в годы те, не только, что мякину,
А лебеду, и даже мертвечину,
Да пададь ели, что ни попади.

Гаврило :
А вот и мне сдается, что недаром
Подорожало все, как было перед смутой.

Анница :
Спаси, господь, от горести такой.
Да только смута-то была по предвещанью
Чудесному царице Анастасье.
О том и песня сложена была.

Афимья :
Спой, матушка, я помню ты мне пела...

Анница :
И то спою, пожалуй, как упомяну.

(поет)

Закручинилась белая лебедушка,
Закручинилась, запечалилась
Молода царица Настасья Романовна.
Говорила она брату старшему,
Молодому Никите Романовичу,
Что я видела знаменье грозное,
Как ходила молиться ко Троице,
Из очей пресвятой богородицы,

Что у образа чудного, соборного,
Из очей потекли слезы горькие.

А к и м *(за сценой)*:

Офимья, Анна, где вы запропали?

А н н и ц а :

Идем скорей. Пока на огород
Сам не пришел, да не застал с Гаврилкой.

(уходят)

К а р т и н а 3

Комната в доме боярина Бориса Ивановича Морозова.
Морозов сидит в кресле у стола, перед столом стоит приказчик.

П р и к а з ч и к :

Да с Лыскова за новые покосы
Сто семьдесят рублей с четвертаком
И за смолу по три с половиной с пуда...

М о р о з о в :

Опять смолу продали за бесценок.
Ведь сколько раз я говорил, Савелий,
Чтоб продавать смолу по рассмотренью,
Не вдруг, а по цене высокой,
Как продают в Архангельске у моря.
А в Лысково приказчику Ивашке,
Вели ты отписать, что он, приказчик,
Ни в чем в боярском деле не радея,
По дурости смолу в бесценок продал.
А будет впредь о деле не радеть
И воровать бездельною корыстью,
Так быть ему в великом наказаньи.
Да припиши, что он де пустомеля,
Да вор, да задуруй и дурулом.
Ну, что еще по вотчинам случилось?

П р и к а з ч и к :

В селе Ивановском, что под Ковровом
Крестьянишки в оброках отказали,
А говорят, что в прежих старых годах,
Они таких оброков не платили.
Они к тебе прислали с челобитьем
Двух мужиков, сидят внизу в поварне
Второй уж день и ждут себе управы.

М о р о з о в :

А ты, Савелий, дал бы им управу
По спинам палками и батогами.
Нет, погоди, зови сюда смутьянов.

(Приказчик уходит)

М о р о з о в *(один)*:

Опять в народе смута завелася,
Все правду ищут, плачут на поборы
И на насильства от больших людей.
Хотят, чтоб люди жили в божьей правде,
А разве бог не нам и нашим предкам,
Велел владеть холопами от века.
Не нами разве царство утвердилось,
Когда шаталась божьим изволеньем
Держава царская от самозванцев.

*(Входят приказчик, боярские холопы и три крестьянина,
крестьяне делают земной поклон, молчание)*

1 крестьянин:

Помилуй нас, не осерчай, боярин,
Вся рожь от холода еще весной погибла
И ноне помираем голодной смертью.

2 крестьянин:

Таких годов и деды не видали,
Все на корню погибло до конца,
А тут велят платить оброки вдвое.

1 и 2 крестьяне *(вместе)*:

Помилуй нас и защити, боярин.

Морозов:

Пожалую. Велю вас наградить,
В колодках, в погребах сгною до смерти,
Чтоб неповадно было вам заводом
Ко мне идти с бездельным челобитьем.

1-й крестьянин:

Какой завод. Слезами обливаясь,
Тебя мы только *(падает на колени)* просим: Милосердуй,
Вели нас показнить, а деткам хлеба
Вели послать, чтоб бедственные души
В младенческие годы не погибли.

Морозов:

Пускай погибнут, меньше будет смуты,
(приказчику) Вели их всех связать и батогами
Нещадно бить и бросить в темный погреб.

(Приказчик и холопы уводят крестьян)

Холоп:

Прости, боярин, ждет тебя в передней
Назар Иванович, прислал с поклоном
Велел спросить о здравии твоём.
Чистой *(кланяется)*:
Будь здоров, Борис Иванович, веки.

Плещеев:

Не осуди, боярин, задержались.
Как милует тебя господь на свете.

Морозов:

Какая милость ноне на земле
Сидим да царской ждем к себе опалы.
В субботу прошлую перед вечерней
Сам патриарх с Никитой приходил
В столовую избу и долго государю
Все говорил неведомо о чем.

Плещеев:

Известно нам “смиренье” патриарха.
Придет ли поп, чернец или дьякон
К нему благословение принять,
Так раньше дай крестовому дьяку
В поминок рубль, а кто бедней — полтину.

Морозов:

А государь ему во всем внимает.
Вчера он мне сказал: я ведаю давно,
Борис Иванович, что ты в сумненьи,
О чем я с патриархом говорил,
А рассказать тебе о том не смею.
Не смел, да рассказал о всем царице,
А та отцу, а уж Илья Данилыч,
Сам знаешь, наш обычный доброхот.

Плещеев:

О чем же говорил с ним государь?

Морозов:

Да все о прежнем, обо мне убогом,
Что вод де дядька твой да с ним Назарий
Весь мир ограбили и мною казною
Великой государской овладели,
И только патриарх да дядя государев
О всей земле и о людях болят.

Чистой:

А в вотчинах Романовских холопы
Да беглые посадские людишки
Собралися из разных городов.
Разбойники, грабители и тати
По селам у него живут привольно
И говорят с большим високоумьем:
Никита де Иванович Романов
Ведь роду царского, а не боярин.

Плещеев:

А за такие речи тех людишек
На площади по сыску довелось
Нещадно бить кнутом и батогами,
Да тех людишек пыточные речи
Наверх ко государю отнести.

Морозов:

Носил не раз, а царь мне отвечает:
“То спьяну люди разное болтают
И дядя мой в речах тех неповинен”.

Чистой:

А каждый день приносят мне в приказе
Подметные и воровские письма
И в письмах тех нам угрожают смутой,
И пишут жалобы и всякне угрозы.

Плещеев:

Я сам давно о тех речах наслышан,
Да вот никак о ворах не дознати.

Морозов:

Не верю я, не верю я, Левонтий,
Чтоб ты не мог дознаться у людишек,
Кто их на гиль и смуту подучает.
А мнится мне, что голова той смуте
Никита, царский дядя и всему смятенью
Да шатости начало и конец.

Плещеев:

И я так думал, а теперь, боярин,
Пониже корешки мы отыскали. *(уходит)*

Морозов:

Скрывает что-то от меня Левонтий.

Чистой:

С собою он привел чужого человека,
Кто он такой я впрямь того не знаю,
А помнится мне, будто то подьячий,
Что был у дел в каком-то из приказов,
А позже выгнали его за пьянство.

Плещеев *(входит с Томилкой)*:

Вчера ко мне пришел в приказ подьячий,
И рассказал, что в слободах посадских
Идет молва про гиль и бунтованье.

(Томилке) Все говори, ни в чем не покрывая.
Томилко *(читает извет)*:
Царю и государю бьет челом
И слезно плачется подьячишко Томилка
Сто пятьдесят шестого года в день,
А в день какой, про то я не упомяну,
Пришлось мне быть в Барашской слободе
У кузнеца Гаврилки Огарева,
И тот Гаврилка...

Морозов:
Словно ты в приказе,
Читаешь пред дьяком свои изветы.
Бросай извет да толком говори
О воровском заводе и смятеньи.

Томилко:
Кузнец Гаврилко всей беде причинен,
И каждый день к нему приходят люди,
Да говорят о всяком нестроеньи
И бить челом хотят на вас, бояре,
А на тебя, Борис Иванович, особо,
Чтоб, государь, велел бы вас отставить
От всяких дел и отослать в Сибирь.
А тот Гаврилко делом всем владеет
И хочет быть у них в начальных людях.

Морозов:
Велеть схватить того вора Гаврилку,
В застенке сам допрашивать я буду.
Плещеев:
Сегодня мы возьмем того Гаврилку,
А завтра весь посадский люд подымут
На нас с ружьем, как на врагов исконных,
Не надо так нам поступать, боярин.

Чистой:
И мне сдается: лучше тихомолком
Обделать дело, да узнав наверно,
Всех захватить; ведь не один Гаврилка
Виновен в том, а многие с ним люди
О гиле и заводе говорили.

Плещеев *(Томилке)*:
Иди теперь, да тотчас возвращайся
К себе домой, да разузнай тайком,
О чем Гаврилка смуту замышляет
И много ли в заводе с ним стрельцов,
Кто из стрельцов и из людей посадских
Замыслил думу против государя.

К а р т и н а 4

Горница в кабаке. За столом сидят Гаврило, Конь (стрелец), Василий (стрелец),
Аким Константинов (посадский староста), Первой (посадский человек)

Аким:
Нет, плохо дело. Люди в черных сотнях,
Какие побогаче, слышать не хотели
О нашем челобитье и заводе,
А говорят, что надо бы с покорством
И с послушанием идти к царю.

Гаврило:
А кто помельче?

А к и м :
Пер в о й : Тех совсем не слышно.
А ныне нам пора, посадским людям
От всех тягот житья совсем не стало.
В а с и л и й : Стрельцам не лучше. Денег не дают,
А как дадут, так норовят нарошно
Дать в половину или даже в четверть,
И деньги подгадают дать под праздник,
Чтоб в кабаке осталось за вино.
К о н ь : Эх, с горя наливай мне снова чарку.
Г а в р и л о : Надежны ли стрельцы?
В а с и л и й : Чего надежней.
А все ж не обойтись без челобитья.
А к и м : Уж больно прост, да робок ты, Василий,
Да разве нам впервые с челобитьем
Идти в приказ и плакаться там горько.
К о н ь : А там, глядишь, рукоприкладства наши
В приказ возьмут да отведут по тюрьмам
Всех челобитчиков, чтоб неповадно было
Великим государям докучать.
А к и м : И разошлют по дальним городам
На Волгу да в Сибирь да на Печору.
Г а в р и л о : А у тебя, Аким, о том какая дума?
А к и м : Пойти на земский двор, людей дожидаться,
Когда они придут для разных дел,
Да вполосным обычаем ударить
Во все колокола по колокольням,
И ко дворцу. Царь-государь, вели
Принять людей от всей земли.
И бить челом, вели де, государь,
Твоим приказным наше челобитье
Все разобрать с начала до конца.
К о н ь : Слыхал я в детстве сказку про барана,
Как тот баран на волка челобитье
Медведю подавал и по разбору,
Медвежьему, пришлось тому барану
Снять шкуру, чтобы волка не обидеть.
А к и м : Кончайте говорить, идет подьячий.
Гаврило *(повысив голос)*:
Да на Орло служил я кузнецом
Три года, а в Москве живу с полгода.
А к и м : А ноне, верно, ремеслом кузнечным
Ты больше не живешь.
Г а в р и л о :

Нет. Оружейным
Да бронным делом ныне промышляю.

К о н ь (Томилке):

Тебя, Томилки, только не хватало.

Т о м и л к о :

Знать не ко времени, куда же мне деваться,
Я на дворе кабацком и ночую,
Все с той поры, когда меня в приказе
Отставили за правду в наказание.

Г а в р и л о :

А стоила та правда пять рублей,
Они ее с дьяком не разделили.

Т о м и л к о :

О, господи! О чем вы говорите.

А к и м :

Да так сошлись, поговорить о свадьбе.

Т о м и л к о :

А кто невеста?

В а с и л и й :

Внучка у Акима.

Т о м и л к о :

Дай бог, согласие жениху с невестой.
Должно быть ноне стал такой извычай,
Что девок пропивают в кабаках.

Г а в р и л о :

И полно спорить, дай-ка лучше песню
Веселую споем, да выпьем чарку.

(запеваает, ему подпевают другие)

В Ярославле было городе,
Виноватых людей осудили,
Осетриною с хреном кормили.
Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина *(дважды)*.

Т о м и л к о :

Все про приказы да про нас подъячих
Поете песни, говорите сказки,
А чем мы плохи?

А к и м :

Тем и плохи,
Что сеете крапиву на земле,
И пишете изветы и доносы.

Т о м и л к о :

Довольно уж, давайте лучше выпьем.

К о н ь :

И выпью, что же. Мне какое дело.
Ни в чем я государю не виновен,
А слыхом я слыхал.

Т о м и л к о :

О чем ты слышал?

К о н ь :

А побожись не доносить приказным.

Т о м и л к о :

И слова не скажу, в поручики беру
Всея Руси великих чудотворцев

(берет и целует икону)

К о н ь :

Ну, слушай, есть давно молва в народе,
Что нынешний наш царь, царь Алексей Михалыч

Не прирожденный государь, а самозванец,
Что прежний царь Михайло перед смертью
Царевича велел спасти потайно
И ныне на престоле не царевич
А сын боярский тайною крамолой
Сидит в Кремле, что подлинный царевич
Бежал на Дон и собирает войско.

Томилко:

Спаси нас бог, уже ли это правда?

(пьет чарку)

Звонят к вечерне. Эко засиделись.

Прощайте, братья.

Гаврило:

Как, уже уходишь?

Да что ты, брат, а кто же выпьет чарку

За нашего царя, природного, донского.

Томилко:

Ведь я уж пил.

Гаврило:

А за кого ты пил?

Нет, нынче пей да говори: "Здрав буди,

Царь прирожденный, что бежал на Дон".

Томилко:

Нестаточное дело, разве можно

Поверить слухам будто наш царевич

Бежал на Дон. Звонят уже к вечерне...

(крестится)

Гаврило:

Угодник божий! Нет, постой, Томилко,

Так не уйдешь. Пей лучше с нами чарку,

Да говори: "Здрав буди наш царевич,

Царь прирожденный, что бежал на Дон."

Томилко:

Не буду говорить.

Гаврило:

Держи Томилку,

Нет, окна сделаны не для тебя подьячий.

Сажай под лавку.

Томилко:

Что ты будешь делать?

Гаврило:

Да удавлю тебя под тою лавкой.

Аким:

Крестись в остатный час да лучше богу

Все согрешения свои поведай.

Томилко:

За что же, братья, даром человека

Хотите вы напрасно загубить.

Конь:

Какой ты человек. Ведь ты приказный.

Гаврило:

Давай-ка лавку.

Томилко:

Все скажу, проклятый.

Гаврило:

Так говори: здрав буди наш царевич,

Царь прирожденный, что бежал на Дон.

Т о м и л к о :
Скажу, скажу, здрав буди наш царевич,
Царь прирожденный, что бежал на Дон.

Г а в р и л о :
И чарку пей.

А к и м :
До донышка, усердней.

Г а в р и л о :
Теперь иди, а победишь с изветом,
Так ноне и тебе не одобровать,
Не мы одни, ты тоже вместе с нами
Пил за царя казацкого вино.

Т о м и л к о (на пороге):
Чтоб бог на вас послал лихую немочь.
Чтоб в плен вас взял к себе салтан турецкий.

(убегает)

К а р т и н а 5

На Красной площади у Земского приказа, рядом с Казанским собором

А к и м (посадским людям):
Спокойно стойте. Ждите, как с иконой
Придут на площадь, а тогда скорее
Бросайтесь челобитье подавать.

Г а в р и л о :
А как стрельцы?

А к и м :
Стрельцов мы не боимся,
А иноземцев с государем нету:
Негоже иноземцам в крестном ходе
Идти за образами с патриархом.

Г а в р и л о (Афимье и Аннице):
А вы бы шли домой. Неладно бабам
В мирских делах участие принимать.

А н н и ц а :
Аль здесь у вас война какая будет?

А ф и м ь я :
Сам патриарх пойдет за крестным ходом,
За ним и царь. А дома, что нам делать?
Сидеть одним в закрытом кабаке.

А к и м :
Пускай стоят, чтоб государь увидел,
Что все пришли добить ему челом.
С детьми и женами.

А ф и м ь я :
Поют слепые.

С л е п ы е (поют):
Не давай нищим гору крутую
Не уметь им горою владати.
Зазнают гору князья и бояра,
Зазнают гору торговые гости,
Зазнают гору пастыри и власти,
Отоймут у нас гору золотую,
По себе они гору разделят.
Много у них будет убийства,
Много у них будет кровопролитства,
Да нечем будет нищим питаться.

(раздается звон с колокольни Казанского собора, идет крестный ход)

А к и м :

Теперь идем.
(*кричит*) Царь, государь, пожалуй,
Вели принять мирское челобитье.

Г о л о в а :

Стрельцы, сюда. К царю не допускайте,
Стреляйте в них и копьями колите.

К о н ь (*в рядах стрельцов*):

Побойтесь бога. Нешто можно, братцы,
Колоть и саблями рубить невинных.

Г о л о в а :

Хватайте всех. Рубите их до смерти.

К о н ь :

Кого хватать. Сейчас тебя мы схватим.

М о р о з о в :

Что тут за шум?

Г о л о в а :

С каким-то челобитьем

Хотят они дойти до государя.

М о р о з о в :

На наше счастье взял я иноземцев.
Сюда, ко мне, в защиту государя
Стреляйте в них, я вам за все ответчик.

(*Шум и крики, спешно проходит за крестами царь в сторону Кремля*)

А к и м :

Недаром, я сказал тебе, Гаврило,
Что так и кончится позором наше дело.

Г а в р и л о :

Не кончилось, а только зачалось.

(*влезает на возвышение и кричит в толпу*)

Морозов всем тяготам и неволе
Причина крепкая, а с ним его холопы,
Да царские изменники: Плещеев,
Траханиотов, Шорин и Чистой.
Они весь мир продали за бесценок,
Обогадившись многою казною,
И землю всю неправдами ограбив.
Идемте в слободы, везде людей поднимем,
Ударим по церквам в колокола,
Идемте на людей торговых,
На всех, кто нас напрасно продает.

П е р в о й :

Один уж есть. Несут его высоко
Над всей толпой.

А к и м :

Василий Шорин!

Купец богатый, полная мошна.

(*Занавес*)

К а р т и н а 6

Палата в Кремлевском дворце.

В кресле сидит царь, Алексей Михайлович, на лавках ближние бояре

А л е к с е й М и х а й л о в и ч :

Подумайте, бояре, что нам делать,
Приговорите, как в таком смятеньи
Нам должно без опаски поступать.

- Морозов:
 Как поступать? Вели послать с указом,
 Чтоб тотчас воеводы собирали
 Дворян поместных, чтобы шли походом
 Они к Москве с оружием в руках.
- Черкасский:
 А здесь, чтоб нас побили без оглядки.
- Морозов:
 Бояре в Кремль с пожитками сойдутся,
 А в пору ту дворяне из уездов
 Москву обложат.
- Черкасский:
 Точно мы — поляки,
 Чтоб нам сидеть в осаде от народа.
- Морозов:
 Какой народ, простые лишь людишки,
 Одна лишь чернь, гилевщики и воры.
- Алексей Михайлович:
 Постой, Борис Иванович, довольно.
 Князь Яков Куденетович, скажи-ка,
 Как посоветуешь, что надо нынче делать.
- Черкасский:
 Стрельцам задержанные деньги надо выдать,
 Чистого и Плещеева отставить.
- Морозов (*царю*):
 А с ними бы и дядьку твоего.
 Давно, князь Яков, ты своей затейкой
 Клевещешь на меня. Еще бывало...
- Черкасский:
 А вся та смута поднята тобою
 И жадностью твоей. Ведь твой Плещеев
 Людей посадских явно обирает.
- Морозов:
 Завидуешь, князь Яков, моей чести,
 Что государь меня во всем отметил
 Не по моим достоинствам, а род наш,
 Морозовых, всегда царям был верен.
- Черкасский:
 Уж падки вы Морозовы до власти.
 Алексей Михайлович:
 Довольно вам, бояре, препираться.
 (*Романову*) А ты, что, дядя, думаешь, не скажешь.
- Романов:
 О чем же, государь, теперь и скажешь.
 Второй уж день горит Москва, и ночью
 Светло от зарева, как в самый ясный день.
 А нынче днем ко мне вломились с шумом
 Во двор посадские людишки скопом,
 И били мне челом с великим шумом,
 Чтоб я тебе пошел бы передать
 Их волю...
- Морозов:
 Видно есть у черни воля.
- Романов:
 Не воля, а мирское приказанье,
 От всей земли и от людей московских,
 Чтоб выдали Плещеева им в руки.
- Алексей Михайлович:
 А ты что черни отвечал, боярин?

Романов :
Хотел я отвечать, а на крыльцо мне бросят
Отрезанную голову Чистого.

Морозов :
Назария! Назария убили!

Романов :
А двор Чистого вечером разграблен,
Сам он убит, и целый день на копьях
Носили голову по улицам московским.

Алексей Михайлович :
Что делать? Выдать их на растерзание,
Ведь это грех, о том помыслить страшно.

Черкасский :
А выдавать Плещеева придется,
Когда стрельцы с пищалями придут.

Романов :
Прости, великий государь, немного
Осталось мне еще договорить.
Посадские людишки не смирились
И требуют, чтоб твой свояк и дядька,
На площади дан им был для розысканья
О смуте...

Алексей Михайлович :
Замолчи, боярин,
Как смел ты говорить такие речи,
Я выдам дядьку, моего кормильца,
Отца родного... лучше пусть мне вырвут
Сердце из груди...

Морозов *(на коленях)*:
Великий государь.

Романов :
Я говорю тебе, как дядя царский.
(Морозову) Борис Иванович, не нужно твоей жизни,
Но удались теперь от государя,
Престол шатается, и призрак новой смуты
Опять висит над нашей головой.

Алексей Михайлович :
Нет, не отдам и не пошлю я в ссылку
Кормильца моего, не дам его, не дам.

Романов :
Тогда за ним придут, как за Назаром.
Прислушайся. *(открывает окно, слышен набат, крики)*
Народ, как встарь, бушует.
А с ним стрельцы, последняя опора
Твоей и нашей власти над Москвой.

Алексей Михайлович *(Романову)*:
Закрой окно. *(Морозову)* Потайною калиткой
Тебя сегодня выведут за город.

Романов :
Пускай на площадь выйдет патриарх
И будет говорить всему народу.

Алексей Михайлович :
Пусть будет так. Теперь меня оставьте.
(все уходят, кроме Морозова)
Прости меня, не осердись напрасно,
Не для меня, а для моей царицы,
Для царства нашего меня ты покидаешь.
(обнимает Морозова)

Морозов:

Великий государь (*плачет*). Алеша, мальчик,
Родимый мой. Ведь с самых малых лет
Я при тебе был, вечно, неотступно...
Но ты не плач. Не должно государям,
Ни перед кем рыдать и горько плакать.
Да не забудь, вели после молебна
Послать на площадь с милостью своею.
Все обещай, чего просить не станут,
И пуще ратным кланяйся по пояс.
А как пройдет, минует только смута,
Все, все вернем с лихвой обратно.

К а р т и н а 7

На площади перед дворцом, на помосте стоит протодьякон

Протодьякон:

Богом поставленному
Богом утвержденному,
Богом превознесенному,
Богом избранному,
Богом венчанному,
Великому государю нашему,
Царю Алексею Михайловичу
Многая лета.

Певчие дьяки:

(по три раза поют)

Многая лета.
Патриарший боярин:
Великий патриарх изволит говорить.
Певчие (*поют*):
Ис полла эти деспота.

Патриарх:

Не должен я в мятеж и бунтованье
На площади пред вами говорить,
Но и в мою монашескую келью,
Добрался ропот ваш и недовольство.
Который день идет в народе смута,
Который день великое смятенье
Грозит державу царства возмутить.
Уже ли вновь, как при царе Борисе
Поднимите вы руки брат на брата
И царство все потопите в крови.
Не лучше ли вам ныне замириться,
В своей вине, покаясь государю,
Послушайтесь отцов своих духовных,
Послушайтесь седого старика,
Стоящего одной ногой во гробе,
Идите в дѣмы ваши, к семьям вашим.
И почиет на вас благословенье
Единого и всеблагого бога,
Отца и сына и святого духа,
Всегда, и днесь, и присно, и во веки.

(благославляет толпу крестом)

Патриарший боярин:

Великий патриарх велит народу
Читать по записи, по целовальной,
И приводить на верность к государю.

В а с и л и й *(кричит)*:

Одиново мы крест поцеловали
И в крестном целованьи умираем.

А к и м :

Пускай воры целуют крест в изменах,
А мы царю ни в чем не изменяли
И в крестном целованьи неподвижны.

Г а в р и л о *(взбрався на возвышенье, кланяясь народу)*:

Господе всей, московскому народу
И всех чинов жилецким всяким людям
Кузнец Гаврилко низко бьет челом.
И сами знаете, какая в мире шатость
Во всем идет и горькое смятенье.
Ограблены от мала до велика
Посадские людишки и стрельцы.
Крестьянишки в деревнях голодают
И выхода на волю тщетно ждут.
Весь мир шатается и плачет слезно
И тщетно ждет заступы от царя.
И видя всей родной земли смятенье,
Мы, всех чинов московских всяких люди,
От всей земли, от всей Руси великой,
Пришли царю ударить челобитьем,
Чтоб повелел, великий государь,
На всех бояр и на людей приказных
И на властей великих монастырских
В насильствах их во всем управу дать.
А чтобы словом царским нерушимо
Прошенье наше крепче подтвердить
Позволил бы, великий государь,
К иконе Спаса здесь и приложиться.

П а т р и а р х :

Задумали неслыханное дело.

Г а в р и л о :

А слыханное дело, чтобы люди
Морозова по площадям ходили
И жгли Москву.

К р и к и :

Морозова на площадь!

П а т р и а р х :

Умолкните. Напрасно не кричите.
(боярину)
Спешите же во дворец и государю
Скажи, чтоб он немедля шел на площадь.

(На площади воцаряется молчание. Дьяки поют: "Не имамы иные помощи, не имамы иные надежды"; на крыльцо выходит Алексей Михайлович)

Г а в р и л о *(с помоста)*:

Великий государь, твои холопы
На милости твоей челом добились.

А л е к с е й М и х а й л о в и ч :

Что надо вам и для чего напрасно
Приходите вы гилем ко дворцу.

А к и м :

Замучены в конец и погибаем
Конечной смертью от твоих бояр.

Г а в р и л о :

Весь мир приговорил, чтоб ты нам выдал
Морозова для розыска мирского,

А с ним Траханиотова и прочих
Твоих изменников.

Крики:

Морозова на площадь.

Алексей Михайлович (*толпе*):
Не дам Бориса, нет его мне ближе.

Патриарх:

Морозова в Москве давно уж нету.

Гаврило:

Да пусть приложится к иконе Спаса,
Что будет все по нашим челобитьям
Исполнено без всякого обмана,
А нам, чинов жилецких всяких людям,
Велит собраться говорить о нуждах.

Алексей Михайлович:

Да разве наши деды черни целовали
Кресты и образа для подтвержденья.

Романов:

Целуй икону. А потом увидим,
Какие предки наши целовали
Иконы и кресты для подтвержденья.

Алексей Михайлович (*целует поднесенную икону*):

Целую Спасов образ, обещаю ныне
Неправду из земли навек искоренить.

Картина 8

В грнице у одного из посадских людей

Стрелецкий пятидесятник:
Читай конец великой челобитной.

Подьячий (*читает*):

Истощены московской волокитой
С детишками мы ноне голодаем.
И больше нет у нас иной надежды,
Как на тебя, великий государь,
Умилосердись над людьми твоими.
Вели поборы вовсе воспретить,
Дай оборону на бояр и на приказных,
Вели судить нас праведным судом,
Чтоб мы, твои холопы и сироты,
И с женами в конец не разорились,
Чтоб грозно было имя государя,
Как было при отце твоём и деде.
Царь-государь, помилуй нас, пожалуй.

Аким:

Негоже так. В великой челобитной
Нет о боярине Морозове ни слова,
А тот Морозов худший лиходей.

Филимон Савельев:

Побойся бога. Чаю, сам ты знаешь
Морозов близкий царский дядька.

Аким:

Царь-млад, глядит из рук боярских,
А мы ограблены теперь до нитки.

Самойлов:

Кто смеет говорить о государе?
Царь-государь ведь властвует над всеми,
Поставленный от бога нам на царство
И избранный собором всех людей.

А к и м :

А кто бояр над нами избирал,
Насильничать и грабить кто позволил?

Г а в р и л о :

Что говорить. Пиши-ка в челобитной:
Царь-государь, вели бояр отставить
А землю их отдать простым людишкам.

Ф и л и м о н :

Нестаточное дело, нешто можно.
Бояре — вечные промышленники наши.

А к и м :

И как тебе людской молвы не стыдно.
Давно ли, Филимон, ты был в приказе,
Седую бородой в ногах валялся,
И с челобитьем плакал, а подьячий,
Потехи ради, в плешь твою плевал.

Ф и л и м о н :

Пусть в плешь плевал, а челобитье принял...

С а м о й л о в :

А вам мятеж охота заводить,
Как было раньше при царе Борисе.
Стрелецкий пятидесятник:
Не то вам ныне время, чтобы ставить
Своих царей, как было раньше в смуту.
Дома вы грабили, пожитки брали,
А дочерей позорили насильством.

(Шум среди черных людей)

Г а в р и л о :

То было в смуту и в безгосударье.
А вы, и ныне жен своих холопей
Позорите насильством для потехи.

С а м о й л о в :

Из давних лет людишки черных сотен
Завидуют большим и знатным людям.

Ф и л и м о н :

Смутьяне вы, гилевщики и воры,
Крамолы зачинаете на государя.

(Шум и крики)

А к и м :

Не мы крамольники, крамольники — бояре.
Ты позабыл, седая голова,
Как при царе Иване достославном
Боярскую крамолу выводили.

Ф и л и м о н :

Нашли теперь о прошлом вспоминать,
Как было при Борисе да Иване.
Бояре смуты и крамолы заводили,
Да царь Иван опальчив был и грозен.

Т о р г о в ы й ч е л о в е к :

И то сказать. Для нас, людей торговых
И в наше время больше нет терпенья —
Тамги и пошлины, поборы и налоги,
От промыслов совсем мы поотбились,
А денег нет.

А к и м :

И как тебе не в стыд.
Тебе ли нет житья. Вот нам, людишкам

Ремесленникам всем и разным людям,
Бочарникам, портным и кузнецам,
Да плотникам и всех слобод московских
Московского посада тяглецам,
Вот нам, не жизнь, одно только мученье.

Гаврило:

Нет, видно, нам простым людишкам
Не убедить прожиточных людей.

(Входят несколько человек с оружием)

Пристав:

Стать у дверей. Чтоб никого сюда
Не пропускать. А вы, что здесь за люди?
Стрелецкий пятидесятник:
Для земских дел по выбору мирскому
Собрались мы сюда для челобитья.

Пристав:

Что вы за люди — завтра разберемся
А знать вам довелось, что по указу
О летнюю пору, огней не зажигают.
А кто из вас — кузнец Гаврилка будет?

Томилко:

Вот он, Гаврило, он всему заводу
И всякой смуте коренной заводчик.

Пристав:

Стрельцы. Хватай Гаврилку и в оковы.

(Стража уводит Гаврилу)

Картина 9

Столовая изба во дворце. Царь Алексей Михайлович стоит,
сбоку Морозов, перед ними выборные посадские люди

Дьяк:

Великий государь велел московским людям
Всех сотен и слобод указ свой объявить.
“Забыв мятеж и прежнее волнение,
Челом вы били, чтоб его боярин
Морозов был бы снова возвращен,
А был бы вновь при деле государском.
И мы, великий государь, по челобитью
Велели учинить и на Москву вернули
Боярина Морозова из ссылки,
А вас за то мы ныне похваляем,
И милость наша впредь к вам неизменна”.

Филимон *(Морозову)*:

Челом мы бьем, боярин государев,
Будь милосерд и наше прегрешенье
Во зло не ставь. То худшие людишки,
Кабакские ярыжки замутили,
А в гиле том прожиточные люди
Ни в чем, и в мыслях даже неповинны.

Самойлов:

И мы, прожиточные люди в сотнях
И в слободах московских за воришек
В заводе их ни в чем стоять не будем.

Морозов:

Господь простил и нам велел беззлобно
Людей прощать, а я к посадским людям
Гнев не держу.

Выборные:

Прости, прости, боярин.

Филимон:

Надежа наша, государь великий,
Одно ты солнце праведное в небе.
А ты, боярин, вековой кормилец,
Здрав буди нам и детям нашим в радость.

(кланяется)

Дьяк:

Великий государь зовет к руке.

(выборные подходят и целуют у царя руку)

Дьяк:

Великий государь для подкрепленья
Велел вам объявить, что разоидясь по сотням,
Посадским людям вы бы говорили:
“Что, будет сыщутся какие люди
И станут к мятежу вас призывать,
И вы б таких людей, взяв бога в помощь,
Имали и в приказы отводили
Для подлинного сыска и расправы”.

(выборные кланяются и уходят)

Морозов (дьяку):

Смотрел ли ты по спискам, кто из слобод
И черных сотен выборные люди
Сегодня не пришли, что за причина
В избе столовой быть им помешала?

Дьяк:

Всех записали, государь-боярин.
А не был староста из слободы Барашской
И два пятидесятника стрелецких
Да выборный Ордынской черной сотни.

Морозов:

Зови стрельцов.

Алексей Михайлович:

Стрельцы — опора наша.

(входят стрельцы)

Дьяк:

Великий государь и князь великий
Царь Алексей Михайлович всея Руси
Велел вам объявить, стрельцам московским:
“В прошедший год в мятеж и бунтованье
Вы к мятежу и гилю не пристали
И вас за то мы ныне похваляем,
Велев за ваши службы и раденье
Вам жалованье выдать не по срокам”.

Стрелецкий пятидесятник:

А мы, стрельцы, по слободам собравшись,
Приговорили также с челобитьем
Идти к тебе, великий государь,
Чтоб ты велел заводчиков в том гиле,
Которые по сыску объявились,
Казнить, как бог тебе о том укажет.

2 стрелецкий пятидесятник:

А князя Якова велел бы ты отставить

От дел стрелецких, а в начальных людях
В приказ стрелецкий посадил бы ныне
Отца царицына и тестя своего
Илью Данилыча, чтоб ведал он стрельцами.
Тебе же, государь и наш боярин
Борис Иванович, стрельцы просили
Словами передать, чтоб ты, боярин,
Ни в чем на них кручину не держал.

Морозов:

Господь простит, а я и раньше злобу
К вам не питал, вмещали ссору люди.
Алексей Михайлович:
Служите верно, как отцу служили.

Дьяк:

Великий государь зовет к руке.

(выборные подходят, целуют руку, кланяются и уходят)

Алексей Михайлович:

Князь Яков Куденетович недавно
Прислал мне грамоту с своим холопом,
А просит отпустить его в деревню.
Я отпустил.

Морозов:

Довольно ему смуту
В умы стрельцов вмещать и сеять ссоры.

Алексей Михайлович:

Пусть будет так. А не пора ли, дядька,
Кончать сегодня. Что ни день, то дело.
Вчера мы принимали из Стекольной
Посланника от Свейской королевы,
А ныне с раннего утра в Столовой
Сидим в избе, людишек принимаем,
И на охоту выехать нет время.

Морозов:

Бывает, государь, такое время,
Что некогда и думать об охоте.
Алексей Михайлович:

Чего ты хочешь от меня, не знаю.

Морозов:

Великий государь, недавно список
Велел я написать, кого по сыску
Да и без сыска, довелось выслать
По дальним городам на поселенье.
Читай, подьячий, список.

Алексей Михайлович:

Нет, не надо.

Согласен, посылай. А много ль будет?

Морозов:

Да человек пятьсот. Пока в покое
Живет народ, велел я беспокойных
Людишек тайно всех переписать
И выслать их не явно, а с обманом,
Затейными и ложными статьями,
Что будто де курил вино на праздник,
Да речи непристойно говорил.

Алексей Михайлович:

Всех высылай, тебе я доверяю,
Спокойней без воришек и горланов.

А знаешь, дядька, я вчера заметил,
Летали галки в поле черной стаей,
Над старым дубом, что растет у пруда
В селе Коломенском за огородом,
Где, помнишь, прошлою весной до смуты
Какой-то сокол сел у нас залетный.
А галки те летали перед снегом,
Сейчас тепло, а скоро будет снежно.

(помолчав)

Не разговорчив стал, Борис Иванович.
Прощай и приходи ко мне скорее,
Да не забудь и Аннушку. Царица
И так уж говорит: “Забыла-де сестрица”
И во дворец не кажется совсем.

(уходит)

Дьяк *(входит)*:

Боярин, прибежал сюда подьячий,
Просил тебе немедля доложить:
Плохие вести, нынешнею ночью
Гилевщик, вор Гаврилка Огарев,
Взломав решетку, убежал из башни.

Морозов:

Вели сказать, что будто вор Гаврилко
Был выпущен по сыску и разбору,
А не бежал... Должно, в московских людях
Нам не избыть мятеж и бунтованье.

К а р т и н а 10

Изда Петра Кабатчика, день на закате.

Афимья *(месит тесто, поет)*:

Постригись, жена немилая,
Посхимься, жена постылая;
На постриженье дам тебе сто рублей,
На посхимленье дам тебе тысячу.
Я поставлю тебе келейку
В Ярославле красном городе,
Чтобы пешие шли, конные ехали,
На ту келейку дивовалися:
Что за келейка тонешенька, малешенька,
Что во келейке за монашенька,
От кого она постриглася.

(плачет)

Анница *(входит)*:

Все плачешь девка, а о чем не знаешь.
А чем тебе Томилко не по нраву.
Что нос рябой да бороденка клоком,
Так он ведь муж, не полюбовник будет,
Чтоб на него сидеть да любоваться.
За то теперь Томилку не догонишь,
Опять сидит подьячим, в книги пишет
Да с челобитчиков берет посулы.

Афимья:

Не муж еще, а мне вчера грозился
Побить до смерти, как придем из церкви.

А н н и ц а :

На то и муж, законный, чтобы бить,
Твой батька бил меня до полусмерти.

А ф и м ь я :

За что?

А н н и ц а :

За то, что жили по закону,
А не любилась просто для забавы:
Как в первый день пришла к нему я в избу,
Так он меня и стал учить — все плеткой,
Спаси бог, кулаком-то мало трогал.
За то уж свадьбу мы, Офимья, справим,
Какой не видано. Пойти на погреб,
Капуста что-то больно затухлела.

(уходит)

А ф и м ь я *(поет)*:

На похмиленье дам тебе тысячу.
Стенька *(выглядывает в окно)*:
Офимьюшка, Офимья.

А ф и м ь я :

Ты ли, Стенька?

С т е н ь к а :

Потише, неравно меня услышат.
Гаврилка-то

А ф и м ь я :

С Гаврилушкой случилось.

С т е н ь к а :

Пришел сегодня я к тюрьме, как прежде
Хотел ему калач подать в окошко,
А встречу выбежал тюремный сторож,
Кричит, руками машет, а сидельцы
Тюремные из-за решеток смотрят.
В Гаврилкиной каморке, что под башней,
Решетка сломана, бежал он ночью.

А ф и м ь я :

А сторож?

С т е н ь к а :

Вместе с ним и сторож.
На Дон бежали, скоро не догонишь.

(скрывается)

Идут сюда, похоже, что Томилко.

Т о м и л к о *(входит с Петром)*:

Теперь я выше, чем простой подьячий,
Подьячий с приписью.

П е т р :

А что за припись?

Т о м и л к о :

Почти-что дьяк, и малым чем пониже,
Дьяк пишет на столбце для подкрепленья,
И я пишу по склейкам у столбца:
“За крепою Томилы Иванова”,
А скрепы нет, так нету и отписки,
Сегодня грамотки по городам писали,
Велели пошлины еще повесить
И собирать в казну с досмотром
Да правезом со всех людей посадских.

Петр : Прости ты, господи. А после смуты
Тягот прибавилось.

Томилко : А вы б не гилевали.
Да ты не бойся, тestyшко названный,
С тебя не буду брать, а как дознают,
Что у тебя кабак, то мы дорогу
Тебе найдем, теперь у нас в приказе
Берут посулы больше, чем Плещеев
Когда-то брал, берут да потихоньку.
Борис Иванович Морозов ноне
Опять вершит делами безотказно.

Петр : Офимья, вот тебе какого мужа
Послал господь за наши, знать, молитвы.
А ты все плачешь о Гаврилке. Дура.

(Петр уходит. Томилко ходит по комнате)

Томилко : Офимьюшка, вот скоро наша свадьба,
А ты молчишь.

Афимья : О чем же говорить?

Томилко : С Гаврилкою бывало не забудешь
Хоть словом перекинуться случайным.
Молчишь?.. Молчи, молчи, Офимья,
Гаврилко твой давно сидит в застенке,
Я сам его допрашивал сегодня,
Клещами тело рвал. Железом красным
По телу белому водил, да плетью
Велел стегать.

(Афимья плачет)

А я тебе припомню,
Со света божьего сгною. Ты на коленях
Начнешь меня молить, а я так плеткой,
Как суку буду бить.

Гаврило *(впрыгивает в окно)*: Не рано ли, Томилко?

Томилко : Гаврилка. Господи. Спаси создатель.

Гаврилко *(хватает его)*: Кричать не смей, а то сейчас рукою
Тебя я задушу. И задушил бы
Да жаль ее.

(показывает на Афимью)

Снимай, Томилко, пояс,
Давай платок. Не бойся, не убою,
Живи и грабь, не ты один приказный,
Таких ведь много стало мироедов.

Томилко : Не тронь, кричать не буду. Крест святой.
И чудотворную икону поцелую,
Что не скажу...

Гаврило:

Икону поцелуешь.
Сам царь икону людям целовал
И клялся выжечь кривду и неправду,
Да целованье крестное нарушил.
А ты приказный за копейку душу
Свою отдашь, отца и мать погубишь.

Афимья:

Оставь его.

Гаврило:

Томилку мне оставить,
Чтоб он с изветом тотчас побежал
И посадил меня опять под башню,
А над тобой, Офимья, измывался.

(привязывает подъячего к столу и затыкает ему рот платком)

Гаврило (Афимье):

С тобою здесь нельзя мне оставаться.
Уйдем на Дон, живет там беглых много,
Туда бегут за вольной волей люди,
И мы уйдем, в Москве житья нам нету.

Афимья:

Хотелось бы хоть с матушкой проститься.

Гаврило:

С моею головой тогда простишься.
А ты не плачь, не плачь, Офимья,
Когда-нибудь и мы в Москву вернемся
Да не одни, а с вольницей низовской,
С крестьянами, с казацкими полками
Войдем в Москву, и в нашем государстве
Простой народ — владыкой будет в царстве.

АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–68.

СОЛОМОНИДА

Великий князь Василий Иванович и боярин Шигона чаще всего встречались вечером. Рано обрюзгший Василий Иванович лежал на постели полураздетый, а рядом на скамеечке устраивался Шигона. Речь у них шла о многих делах и часто затрагивала интимные вопросы. Недовольные придворные говорили про такие беседы, что великий князь не следует примеру своего отца Ивана Васильевича, а предпочитает вести беседы сам третьей у постели, чаще же всего даже не три человека принимали участие в таких беседах, а только сам великий князь и Шигона.

После разговора о различного рода событиях текущего дня, о том куда надо послать войско для защиты от Крымского хана, что замышляет польский король, собеседники переходили к более близким и интимным вопросам.

В конце беседы великий князь обычно мрачнел и начинал жаловаться на свою жену великую княгиню Соломонида. Когда-то молодая и красивая Соломонида тоже обрюзгла и расплылась к своим 40 годам. Князь давно уже охладел к своей жене и в качестве причины такого охлаждения ссылался на то, что после 20 лет брака у него нет детей.

Тут завязывался разговор о том, что будет с Русской землею дальше, когда “не дай бог” (тут Шигона поднимался со скамейки и истово крестился на иконы) вдруг великий князь умрет или занеможет. “Всякая птица гнездо свое вьет”, – жаловался великий князь, – а у меня точно от бесплодной Сарры, как у Авраама, и детей нет. Смолоду детей не было, как же они теперь-то к 40 годам появяться”.

Шигона сокрушенно мотал головою и гладил свою длинную ниспадавшую бороду. “А кому престол отдать? На кого Русской земле надеяться?” – продолжал великий князь. “Брат Юрий, ты и сам знаешь, что он за человек. Детей у него нет, как и у меня, только причины иные. Срамно сказать про его содомские дела”.

Шигона тут кивал головой и добавлял: “Да, и бражничают он со своими любимцами. Недавно прислал мне грамотку боярский сын Тишков, что де князь Юрий не охоте был, веселился, да вместе со своими боярскими детьми и молодыми боярами в лес далеко уехал. О чем-то говорили, а о чем – того не ведаю. Немчин Яган, что сидит по нашему поручению в Дмитрове, писал, что де князь Юрий что-то замышляет”.

Василий Иванович смотрел как бы вопрошая, что замышляет его брат Юрий, а потом обычно говорил: “Оставь ты моего Юрия в покое, содомщик он и есть содомщик, но никогда и ничего не замышлял, а живет в свою волю, а об ответе на божьем суде не нам с тобою заботиться. Его епископы да монахи отмолят у бога, потому что уж очень большие милостыни дает он в монастыри за свою нечистую жизнь”.

“А с Андреем как?” – продолжал великий князь.

“Об Андрее Ивановиче ничего я толком не знаю”, – говорил Шигона.

“Вот Андрею ты явно норовишь”, – замечал недовольно великий князь.

“А что Андрей, что Андрей, – говорил Шигона, – он живет по-божески, у него как и у всех прочих дети”.

“Дети у него есть, а сам он ничего не стоит. Кабы не его жена Афросинья, так с Андреем говорить не нужно бы”, – отвечал великий князь.

Из всех своих братьев он больше всего не любил Андрея, а к Юрию, несмотря на все его недостатки, питал старую привязанность как к товарищу своих юных лет.

Поговорив о братьях, о том как они себя ведут в своих уделах, великий князь спрашивал о своей жене Соломониде.

Соломония или Соломонида из рода бояр Сабуровых жила во дворце как бы под присмотром, хотя этот присмотр и делался осторожно. За последнее время к ней стала ходить какая-то безноса черница. Она приносила с собой зелья, наговаривала на воду и великая княгиня иной раз хотела заставить Василия Ивановича пить наговоренную воду и есть приготовленное зелье, от чего тот решительно отказывался.

Шигона доносил, что черница опять была во дворце, опять готовила какое-то зелье и добавлял: “А какое это зелье – никто не ведает, государь, из чего его готовит та безноса баба, тоже никому не ведомо. Выпьешь вроде как наговорное питье, чадородия ради, чтобы дети родились, а глядишь и на тот свет отправишься. Где чадородное, где смертельное зелье, один бог знает”.

“Что же делать-то дальше?” – замечал великий князь. “Уморить княгиню совесть не позволяет. Могу ли я сделать такое злодеяние, жену отравить. Да от такого преступления не избавишься ни в сем веке, ни в будущем”.

Шигона молчал, а потом говорил: “А вот, государь, говорят, что у твоего батюшки, великого князя Ивана Васильевича, первая его жена тверская княжна Марья Борисовна умерла от отравы. Как положили ее в гроб, так лежала она в гробу посинелая и утроба у нее разбухла. Знатное дело, что ее отравили, все лю-

ди так говорили. А кто отравил – не знаю. Были и такие, что на великого князя клеветали”.

“Батюшка мой, – отвечал Василий Иванович, был человеком жестоким, он и с братом своим Андреем что сделал. До сих пор его сыновья Андреевичи у нас за тыном в заточении сидят, а отец их Андрей Большой, родной брат моего батюшки, дядя мой, умер в заточении. Сам знаешь как батюшка мой церковное покаяние приносил и просил заступы у духовных отцов, чтобы они помолились перед богом, да простит ему бог такое согрешение. А я боюсь будущей казни божьей, слабый я человек, Шигона. Нет у меня батюшкиных сил”.

“Да и то знаю, государь, про твою добрую душу, – отвечал Шигона, – мы тебя так и зовем ласковым государем. Никого ты не погубил, даже брата Семена простил, когда тот к Литовскому королю бежал. Твой батюшка не простил бы”.

На этом беседа обычно заканчивалась и Шигона, помолившись на иконы и поцеловавши в плечо великого князя, отправлялся на свой двор.

При дворе у великого князя Шигона брал все большую и большую силу. Одно только ему не нравилось, что в приближении к великому князю находились родственники великой княгини бояре Сабуровы. Озабочен он был и другим: а ну, как с великим князем несчастье какое случится? Кто будет наследовать российский престол? Все тогда перевернется, перевернется и жизнь самого Шигоны.

В его голове крепко засела мысль, что пора как следует решать дело и женить великого князя на какой-либо молодой девушке.

Однажды Шигона решил и пришел к великой княгине Соломониде. Здесь он стал ей намекать на необходимость ухода ее в монастырь. Надо развязать руки великому князю, чтобы тот мог жениться и иметь детей. Но Соломонида только разозлилась, схватила полотенце, которое она держала на коленях для вышивания, ударила им Шигону и выгнала его из комнаты. Уже, сходя вниз по ступеням из теремов, Шигона сжал со злобой руки в кулак и промолвил: “Ну погоди, будет время, когда и я тебя ударю”.

Но великая княгиня на этом не остановилась. Она прибежала к великому князю и горько жаловалась на Шигону. Отправилась и к митрополиту Даниилу, почтенному и ученому человеку, жаловалась ему, жаловалась игумену Троицкой обители, жаловалась знакомым монахам – “старцам”. Одним словом, осрамила Шигону, а тем самым и великого князя, на каждом перекрестке.

Дело осложнилось еще больше, когда великий князь однажды на охоте задержался до поздней ночи и отправился ночевать в село, принадлежащее князьям Глинским. На утро он выглянул из окна и увидел, как в саду среди цветущих кустов шиповника проходит молодая красивая девушка с несколько высокомерным лицом. Она показала ему прекрасной. Выяснилось, что красавица была сестрою молодых князей Глинских. Главой семейства Глинских была княгиня Анна. Это была женщина средних лет, напоминавшая во всем своем облике обыкновенных русских боярынь. Лишь легкий акцент выдавал ее иноземное происхождение. Анна была родом из Сербии, дочерью знатнейшего сербского воеводы Якшича.

С этого времени великий князь стал часто навещать усадьбу Глинских, говоря, что нигде он не встречал таких хороших полей, удобных для соколиной охоты, как в этих местах. Конечно, и княгиня Анна, и ее сыновья сразу же поняли, какая “соколиная” охота привлекает сюда великого князя. Узнал об этом и Шигона и решил, что надо навеститься к Глинским. Он разузнал, что Глинские не так давно приехали в Москву из Литвы, что они рода неизвестного: одни их называют просто боярами, назвавшимися князьями, другие – потомками каких-то татарских князей, а третьи просто разводили руками и говорили, что они ни роду, ни племени Глинских не знают.

Но это несколько не остановило Шигону, так как обычай, согласно которо-

му великий князь должен был бы обязательно брать в жены только дочерей владетельных князей, уже исчез. На Руси вывелись удельные князья. Бабушка великого князя Ивана Васильевича была из рода литовских князей, мать самого Василия Ивановича – греческой царевной из рода императоров Палеолог, но великие литовские князья давно уже сделались католиками, православные царства на востоке завоеваны были турками, и сам великий князь Василий Иванович женился на обыкновенной московской боярышне.

Шигона переговорил о делах с митрополитом Даниилом, человеком ученым, но лукавым и хитрым. Когда Даниил выходил для службы в собор, он окуривал свое лицо, красное от излишней любви к питиям и кушаньям, серою, и тогда казался для собравшихся людей великим постником. Даниил когда-то был игуменом обители, построенной Иосифом Волоцким поблизости от Волоколамска, но также человеком жестоким и лукавым, каким был и его преемник.

Это именно Даниил посоветовал арестовать князя Василия Шемячича, который происходил из рода Шемяки, когда-то враждовавшего с великим князем Василием Васильевичем Темным, своим двоюродным братом. Это именно Даниил назвал верного и храброго Шемячича запазушным врагом. Это Даниил добился того, что великий князь обманом посадил Шемячича в темницу и там его уморил.

Много прегрешений лежало на совести Даниила и к нему-то отправился за помощью Шигона. Митрополит и Шигона прекрасно понимали друг друга. Оба они, каждый по своему, одинаково считали, что самое главное в этом мире слава, власть, величие и богатство. Даниил видел в церкви только мощную организацию. В руках церкви должны были сосредоточиться и сила, и могущество, и в первую очередь богатство. Без денег нельзя было построить великолепные соборы, нельзя было нанять живописцев, чтобы они расписали соборы фресками, нельзя было украсить церкви дорогими иконами и драгоценной утварью. Для всего этого нужны были деньги. Нужны были деньги и для того, чтобы кормить братию, возмещая хорошей пищей потерю других возможных человеческих удовольствий.

Даниил с жадностью копил деньги и расходовал их главным образом на церковные нужды. Он во всем подражал своему учителю старцу Иосифу Волоцкому и недаром таких людей как Даниил прозвали “иосифлянами”, иногда прибавляя эпитет “презлые и грубые”.

Шигона точно так же любил деньги, как и митрополит, любил власть, ту силу, ту возможность причинять вред людям, которую иногда ощущают в себе даже незлые люди, но обуреваемые гордостью, высокомерием и жадной властью.

Митрополит понял, что речь идет о разводе великого князя, но как человек осторожный ничего не обещал, сказав только, что он соберет у себя освященный собор из приближенных к нему епископов, игуменов и наиболее знаменитых старцев.

Собор сошелся в один из больших праздников после того, как митрополит с епископами и другим многочисленным духовенством отслужил обедню и молебен. Духовенство собралось в митрополичьем доме, в его крестовой палате. Здесь митрополит отслужил другой краткий молебен и все расселись по скамьям. Где-то в углу приютились митрополичьи бояре и скромненько устроился Шигона, пришедший сюда для того, чтобы собственными своими глазами видеть все, что будет происходить на соборе.

Осторожный митрополит Даниил никак не хотел, чтобы кто-нибудь мог заподозрить, что речь идет о возможном разводе великого князя с его княгиней Соломонидой. Для соборного решения выбран был один казус, происшедший в Рязанской епархии, в силу чего на собор приглашен был и рязанский епископ.

Один крупный рязанский вотчинник решил избавиться от своей жены и сильно постриг ее в монахини, но пострижение было скандальным. Постригае-

мая кричала во время службы и отрекалась от обетов, которые одна черница повторяла от ее имени. Постриженную отправили в качестве монахини в далекий монастырь, а сам рязанский боярин недолго думая, взял да и женился на молодой девушке. Дело получило огласку, потому что нашлись ревнители благочестия, потому что постриженная убежала в Москву и скрылась в доме князя Мстиславского, а тот обратился с жалобой к митрополиту.

Вот этот случай и был выбран Даниилом для того, чтобы проверить настроение духовных лиц. Главный вопрос для обсуждения на соборе был вопрос о том, что же делать с женою, постриженною в монастырь, и с ее мужем, незаконно женившимся.

Такое вопиющее дело требовало возмездия. Но как надо было поступить с женою? Здесь мнение почти всего духовного чина оказалось единодушным. Жена, постриженная в монахини, не хотела постригаться, незаконно за нее давали обеты, но ведь иноческий чин выше мирского состояния, волею или неволею новая монахиня теперь должна молиться богу и пребывать инокиней до конца своих лет. Нельзя же снять пострижение с инокини и положить ее на постель к мужу. Да и что значит мирская жизнь? Одно обольщение, а иноческая жизнь – это самый ближайший путь к небесному царству.

Так вот и порешили, причем на таком решении особенно настаивал старцы из Иосифовой обители, поддержанные митрополитом.

Теперь предстояло решить вопрос о муже, насильственно пострижем свою жену в монахини. По этому поводу разгорелись жаркие прения. Иосифляне настаивали на том, чтобы муж был наказан церковным покаянием и на один год отправлен в монастырь. Сам же брак они считали, хотя и не вполне законным, но таким, с которым можно примириться, потому что, если виноват был муж, то вторая жена была ни в чем не виновата, она просто жертва. Пустить же эту жертву, молодую девушку на все четыре стороны казалось иосифлянам очень жестоким. К тому же брачный обряд был выполнен вполне правильно, значит, вторая жена является женою законной, и никто не может их разлучить по божественным словам: “Кого бог сочетал, того человек не разлучает”.

Митрополит Даниил вмешался в общий спор, разгоревшийся в связи с таким клязным вопросом и предложил в порядке большей строгости увеличить церковное наказание до трех лет, но с тем, чтобы это покаяние рязанский самовольщик проводил у себя дома под наблюдением духовного отца, отнюдь не касаясь новой жены.

Иосифляне поддержали такое строгое предложение и собор казался должен был бы закончиться ко всеобщему удовольствию. Но тут вдруг поднялся симоновский старец Васьян Патрикеев и стал горячо говорить, что так дело разрешить нельзя. Конечно, молодая жена ничем не виновата, но кто же ей запретит выйти второй раз замуж, потому что никакой ославы на ней нет. Ведь она вышла замуж законно. А мужа надо наказать, а самое главное – спасти его душу, а для этого лучше всего мужа постричь точно так же в монахи, как он постриг свою первую жену.

Иосифлянские старцы вскочили с великим шумом и застучали костылями. Они обвиняли Васьяна в непочтении к митрополичьему решению, но на сторону Васьяна поднялись вековечные враги иосифлян – старцы Троицкого монастыря, которые стали решительно на защиту васьяновского предложения. Старцы кричали, поднимали костыли, а некоторые самые горячие уже готовы были пустить в ход скамейки, сокрушая не угодных им людей.

Даниил, увидев общее замешательство, приказал открыть двери и сказал, что соборное решение пока надо отложить до следующего дня, теперь же подobaет им как и всем людям вкушать от трапезы. Тут в соседней комнате замелькали фигуры послушников, которые несли какие-то большие блюда, вкусно запах-

ло стерляжьей ухой и все старцы объединились на мысли, что предложение митрополита единственно удобное в данном случае. Собор закончился к общему удовольствию пением молитвы “Благодать святого духа”, которую по ошибке затянул один из малограмотных игуменов.

Вечером Шигона рассказал обо всем великому князю Василию. Тот лежал мрачный на постели и особенно был недоволен тем, что дело получило такую широкую огласку. Васьяна Патрикеева он знал с давних времен, со своей юности. Васьян попал в опалу к великому князю Ивану Васильевичу за то, что интриговал в пользу Василия и его матери царевны Софьи. Старшему Патрикееву отрубили голову, а младшего, Васьяна, едва отмолили духовные лица и постригли в чернецы. С тех пор Васьян жил в Симоновом монастыре и, ненавидя иноческий чин, писал послания о монахах, в которых осуждал их гордость и сребролюбие, требовал, чтобы иноки вернулись к чистому христианскому житию.

По старой памяти Василий Иванович посылал Васьяну Патрикееву со своего стола различного рода кушанья и вина. Чернец Васьян и в обители не мог отрешиться от удовольствия хорошо покушать и попить. На этот раз Василий Иванович ничего не послал Васьяну в Симонов монастырь, хотя и приближался большой праздник.

Между тем великий князь все более и более тяготился своим положением. Молодая красавица влекла его к себе. Ему хотелось говорить с ней почаще, а княгиня Анна устраивала так, что они могли видеться только в ее присутствии. Соломонида стала окончательно ненавистна великому князю; он ходил к ней только по нужде и для посещения выбирал обязательно кануны праздников. Когда Соломонида хотела его оставить у себя в спальне на ночь, великий князь ссылался на то, что в канун праздника плотские сношения запрещаются святыми отцами и он преступать старые отцовские правила не будет. Василий не только в душе уже ненавидел великую княгиню, но и боялся ее, думал о том, что смертное и чадородное зелье разобрать нельзя, а случаи необъяснимых ни для кого внезапных смертей были в московском роде великих князей довольно частыми. Так погиб в свое время старший и сводный брат Василия князь Иван Иванович, прозванный “Молодым”. Он заболел какою-то болезнью и стал лечиться у приезжего врача “жидовина Леона”, которого называли по иноземному “мастером Леоном”. Приезжий врач так хорошо лечил, что молодой князь скоро отдал душу богу, сам же Леон был безжалостно зарезан под мостом.

Из всех людей, связанных с великим князем, только один Шигона сохранял полное спокойствие. Из совещания при митрополите он вынес ясное представление, что дело не такое уж страшное. Великую княгиню можно постричь насильно так же, как постриг свою жену рязанский боярин. Поговорят духовные люди, поговорят, дадут великому князю церковное покаяние, а потом и об этом покаянии забудут. Но надо было подготовить самого великого князя, и Шигона стал постепенно придумывать такие средства, которые заставили бы Василия решиться на такой необычный в тогдашней Руси поступок.

Не дремал и Васьян Патрикеев, почувствовавший, что под ним колеблется почва, потому что новая великая княгиня не простила бы Васьяну и его сторонникам такое вмешательство в ее личные дела.

Василий Иванович отличался большой подозрительностью и во многих случаях преспокойно расправлялся со своими подданными, если те позволяли себе какие-либо измены. Вот такую-то предполагаемую измену и стал отыскивать Шигона, и ему повезло.

Хитроумный Патрикеев, подыскивая себе сторонников, в первую очередь связался с Максимом Греком, приехавшим из Святой горы, из Афонских монастырей в Россию для перевода с греческого на русский язык церковных книг. Переводы делались русскими переводчиками, делались тщательно, потому что Ма-

ксим Грек отличался великой ученостью. О нем рассказывали, что в молодости Максим жил в Италии и даже вместе с монахом Савонаролой выступал против римского папы во Флоренции. Люди ставили эту борьбу Максима Грека против папы в большую для него похвалу. Но Шигона увидел в этом деле и другую сторону. В тогдашней России с большим подозрением относились ко всякого рода сношениям с зарубежными странами, а Максим Грек был неосторожен. Он послал письмо к монахам Афонских монастырей с сообщением, что на Руси предполагается устроить великое бесчинство: великий князь думает развестись с женою “чадородия ради” и жениться на молодой княжне. А ведь всякий знает, что от такого брака могут родиться только злодеи и расхитители своей земли.

Максим был настоящим идеалистом и представлял себе, что дело с разводом великого князя с княгиней это, в сущности, дело случайное. Стоит благородному Василию Ивановичу получить соответствующее нравоучительное послание от старцев Афонского монастыря, и он тотчас же поймет, что нельзя делать такое преступление и разводиться с великой княгиней. Как идеалист Максим Грек надеялся и на то, что весь российский духовный чин поддержит послание как авторитетнейшее решение иноков благочинной Афонской горы, он и старался найти поддержку себе, по крайней мере заручиться этой поддержкой среди московского духовенства.

Особую надежду Максим возлагал на Давида, игумена монастыря Николы Старого. Этот старинный монастырь стоял недалеко от Кремля. Монастырь называли иногда “Николой Большая глава”, потому что церковь его была украшена непомерно большим куполом. Монастырь Никола Старый с давнего времени был греческим. Ему покровительствовали митрополиты греки, в нем останавливались греческие митрополиты, епископы, игумены и просто монахи, приезжавшие в Россию для собирания “милостыни”, которую давали охотно русские князья, дворяне и духовенство, помогая землям, оскудевшим от турецкого ига.

Игумен Давид выдавался сановитой фигурой, носил он пышную черную бороду и глядел на мир черными, как масляны, несколько пронзительными глазами. Максима Грека привлекала к Давиду возможность поговорить с ним на греческом языке. И хотя греческий язык не был редкостью в тогдашней Москве, но все-таки его знали только немногие из числа духовенства и торговых людей. С торговыми людьми Максим Грек не знался, а духовенство греческое было многочисленным.

В монастыре Николы Старого Максим занимал особую келию. Здесь же жили выделенные ему на помощь переписчики книг, из которых особо выделялся замечательный каллиграф Медоварцев.

Перевод толкового псалтиря с греческого языка на русский был предпринят Максимом Греком по желанию великого князя и производился в стенах Николы Старого. Однако Максим не знал одной подробности своего пребывания у Николы Старого: с самого приезда Максима Грека за ним был учрежден тайный надзор и игумен Давид обязан был доносить обо всем, что казалось бы подозрительным в поведении приезжего грека.

Давид не был злым человеком, но принадлежал к числу людей завистливых, а, самое главное, честолюбивых. Положение игумена греческого монастыря давало многие выгоды, ведь этот монастырь находился в постоянном приближении к великим князьям и к митрополиту. Давид же боялся потерять свою должность. Ведь не было никакого сравнения между ним и ученым Максимом Греком, знавшим не только греческий, но и латинский и другие языки. Он был “философом”, великим ученым, по сравнению с Давидом, когда-то просто обедневшим константинопольским священником. И Давид боялся, что Максим Грек может окатиться на его месте. Но мысль об этом даже и не приходила в голову приезжему греку, целиком занятому своими переводами, словами и посланиями по разным

вопросам мирской и церковной жизни. Давид держал себя по отношению к Максиму Греку с виду дружелюбно, любил с ним беседовать, а сам тем временем кропотливо искал какой-либо ошибки в переводах Максима, искал и нашел. Максим по плохому знанию русского языка так перевел сложное греческое слово, что возвел хулу на богородицу.

Давид тотчас же побежал к митрополиту с доносом, а тот давно точивший зубы на приезжего грека, увидел в доносе другое: он увидел в нем возможность столкнуть последнее препятствие разводу великого князя с великой княгиней.

Даниил вызвал к себе Шигону, оставил на время беседы Давида, призвал на помощь лукавого иосифлянина, коломенского епископа Васьяна Топоркова, одним словом, собрал небольшой как бы домашний освященный собор.

“Вот, – сказал Даниил, – читайте послание афонских старцев, вот что написал наш блаженный Максим и вот что они ответили. Нашего великого государя, благочестивого великого князя, надежу православия хулят и порицают за то, что он хочет иметь опору для себя и для своего царства, а своего басурманского царя, султана, восхваляют”. В послании, правда, ничего не было сказано о восхвалении турецкого султана, но слова Даниила хорошо были поняты присутствующими. Васьян Топорков криво улыбнулся и заметил: “Султан каждый вечер новую жену имеет, творит беззакония, а им, афонским старцам, сие беззаконие кажется самым обычным. Поистине сказано в летописи Георгия Мниха, что беззаконникам беззаконие законом мнится, нашего великого государя они иноком делают, хотят, чтобы человек без жены жил или к немилрой жене ходил только для разврата”.

Мнение Васьяна Топоркова поддержали Шигона и игумен Давид. По их словам выходило так, что царь должен иметь сношения с женой только ради чадородия, а не по обыкновенной плотской склонности.

Переговорив между собою, митрополит и присутствующие решили начать расследование того, что писал и что переводил Максим Грек. Для этой цели была назначена особая комиссия, в которую вошел и лукавый Васьян Топорков и игумен Давид, как глава того монастыря, где жил Максим Грек.

Так было покончено с самым трудным вопросом. Максим оказался под следствием и уже ничем не мог повлиять на великого князя, ведь он и сам подвергался обвинениям чуть что не в ереси. С Васьяном Патрикеевым расправились еще проще, его, попросту говоря, велели держать в Симоновом монастыре безвыходно, о чем симоновский архимандрит получил соответствующее приказание.

Теперь оставался только сам великий князь. После некоторых переговоров и колебаний Василий Иванович дал как бы неохотно согласие на пострижение своей жены Соломоницы, если только та согласится постричься добровольно.

К этому времени великий князь уже стал окончательно терять терпение и все более и более жаждал брака с молодою княжной. Высокомерие и властность Елены казались престарелому Василию прямым доказательством ее великого ума и пригодности быть царицей. Ведь Соломоница отнюдь не отличалась такими качествами, которые делали бы ее помощницей великого князя, а в такой помощнице от все-таки нуждался.

На этот раз митрополит Даниил сам отправился к великой княгине. Он долго и витиевато говорил о тех обязанностях, которые каждая жена имеет по отношению к мужу, не говоря уже о том, если этим мужем был государь. Брак с точки зрения монашеской, по крайней мере, так говорил Даниил, имеет смысл только тогда, когда рождаются дети. Брак сотворен для того, чтобы рождались дети, тогда и законное ложе супругов будет ложем чистым, но если брак это только плотское сожитие, то ничего чистого в этом браке нет. Великой княгине лучше всего постричься в монастырь, памятуя о том будущем и вечном блаженстве, которое, конечно, легче будет достигнуть в монашеской, чем в мирской жизни.

На этот раз Соломонида даже не раскричалась. Она сказала только, что должна подготовиться к монашеству и просила дать ей месячный срок. Неохотно на это согласился Даниил, и обещал уговорить великого князя подождать.

Соломонида сама не знала, что делать; она понимала, что жизнь ее будет окончена в монастыре, да и кто мог поручиться, что и в монастыре на нее не наложат какое-нибудь новое послушание, что она не будет заточена в келью и лишена обычного права принимать у себя в келье близких и знакомых женщин. Соломонида решила посоветоваться со старой кормилицей, которая жила в одном из подмосковных дворцов. Ссылаясь на свое недомогание, Соломонида велела запречь два или три возка и отправилась в подмосковную усадьбу. Воля великой княгини была выполнена, потому что Василий Иванович приказал исполнять все ее желания.

Соломонида приехала в подмосковный дворец, поднялась в свою горницу и в отчаянии бросилась в свое княжеское кресло. Через несколько минут прибежала старая кормилица. По-матерински обняла она великую княгиню, свою любушку, как иногда она называла ее в отсутствии чужих людей, и по-матерински поцеловала.

“Что же ты, мое дитятко, так бледна, или случилось что с тобой, опоили тебя чем злые люди, или великий князь вдруг на тебя опалился?”

“Что кормилица, – отвечала великая княгиня, – что о великом князе говорить, вот уже больше года он со мной не живет, разве только зайдет ко мне в горницу”.

“Да чем же ты провинилась перед ним, моя красавица, ведь ты такая же, как и раньше, и волосы у тебя светлые, да красивые, и сама ты белая да розовая как раньше, и пополнела, даже красивой стала. У нас ведь худых-то на Руси не больно любят”.

“Не живет он со мною и не хочет жить, кормилица, а теперь прислал и требует, чтобы я в монашки постриглась”.

“Да гляди, это его Шигона надоумил”, – сказал кормилица.

“Нет, матушка, не Шигона – отвечала Соломонида, а сам митрополит приходил с игуменом, да уговаривали меня, да стращали божьим судом, да говорили о том, что мне нужно постричься в монастырь. А куда же я, кормилица, родная моя, куда я постригусь. Жить мне хочется. Как вспомню о келье, как вспомню о пище монастырской, так вот ведь под грудь подступает”.

“Под грудь подступает”, – повторила кормилица.

“Подступает, матушка”.

“И под сердце подступает?” – спросила кормилица.

“Подступает, кормилица”.

“И под сердцем, может быть, бьется что-нибудь?”

“Бьется, бьется, и так мне бывает, что и есть не хочется”.

“И тошнит, может быть”, – продолжала настойчиво спрашивать кормилица.

“Бывает, что и поташнивает”.

Кормилица вдруг опустилась на колени и сотворила три земных поклона, прочитав молитву всепетой матери божией.

Встав, она обняла великую княгиню и сказала:

“Радуйся, княгинюшка, зачала ты, понесла и будет у тебя дитятко”.

“Да что ты кормилица? Он со мной целый год не живет, больше года”.

“И, княгинюшка, у бога дорог много, – отвечала кормилица, – да и то сказать, если ты не зачала, все ему нужно месяцев восемь ожидать до рождения ребенка. Так, за восемь месяцев много, голубушка, воды утечет”.

Известие о беременности великой княгини переположило весь дворец. Комнатные боярыни не решались даже на первых порах сказать об этом боярам, не говоря уже о самом великом князе. Когда же известие наконец дошло до Василия Ивановича, то он страшно рассердился.

“От кого же она могла понести, когда я с ней больше года и в постели не был”, – кричал великий князь, обычно сдержанный.

Шигона в ответ только разводил руками.

“Значит, государь, – говорил он, – испортили твою великую княгиню плохие люди. А, может быть, государь и никакой беременности-то нет, блажь бабья”.

“Так что же делать, Шигона?”

“А то и делать, государь, что надо немедленно ее постричь. Если она блажит и все только на себя наводит, то все равно тебе, государь, мучиться нечего. Сына от нее или дочери не будет. А если и впрямь она...” Тут Шигона замолчал: “Ну, государь, одна ей дорога – монастырь. Неужели же прилюдному-то нужно на царстве сидеть, да твоим сыном называться!”

Василий Иванович, уступая перед этим неумолимыми доводами, махнул рукой и представил Шигоне действовать.

Однажды к вечеру, когда уже смеркалось, в горницу к великой княгине вошел Шигона с несколькими монахами.

Они велели Соломониде именем великого князя одеваться и следовать за ними.

Соломонида сопротивлялась, но на нее накинули шубу и увезли в девичий Рождественский монастырь, находившийся на краю тогдашней Москвы за Пущечными избами. Здесь Соломониду постригли в монахини. Она никак не хотела согласиться со своим новым монашеским положением, во время и без того тяжелой службы металась, вырывалась из рук державших ее монахинь, которым помогали ражие молодцы, переодетые в монашеские подрясники. Когда представленная к ней монахиня дала вместо нее обеты иноческой жизни, Соломонида кричала диким голосом: “Нет, нет, не хочу”, но никто ее не слушал.

Постригал княгиню игумен Давид от Николы Старого. В этом он видел не просто свою обязанность, но особое поручение великого князя, которое может быть открыт ему в будущем дорогу к епископскому месту.

Но вот на бывшую великую княгиню накинули монашеское одеяние и потащили из собора. Соломонида все еще кричала, уже сама не разбирая, что она кричит. Она призывала небесные кары и на великого князя, и на Шигону, и на игумена Давида, но никто ее не слушал. Когда же она отказалась садиться в возок, который услужливо был поставлен у дверей собора, Шигона легонько ударил ее плеткой, криво и насмешливо улыбаясь, как бы напоминая о том ударе, которым когда-то великая княгиня выгнала его из своей горницы.

“Как ты смеешь бить меня, твою великую княгиню, смерд, мужик?” – вскричала Соломонида.

“Бью я тебя по приказу моего государя, великого князя Василия Ивановича, я не смерд, я боярин, а ты не великая княгиня, а простая черница”.

Соломониду бросили в повозку и повезли в Суздальский монастырь Покрова. Здесь она должна была окончить свою жизнь.

Станным было это путешествие, затянувшееся на несколько дней. Княгиню везли медленно и осторожно, в сопровождении нескольких десятков всадников для того, чтобы в дороге не произошло какого-нибудь случайного происшествия. Ведь великая княгиня могла утопиться, броситься под повозку, могла убежать в лес; могли лихие люди, враги великого князя, похитить ее, чтобы потребовать от великого князя выкуп.

Но уже через два дня Соломонида как бы успокоилась. С удивлением видели, что она в руках вертит какой-то сверток, подушку, завернутую в шелковую тряпку, целует свой сверток, качает его и прибавляет: “Рости, рости мой князек, рости мой маленький Юрочка, будешь великим князем”.

Никто не мог понять, о каком новом великом князе идет речь, но никто ее и не трогал. Полусумасшедшая бывшая великая княгиня была куда удобнее для

великого князя, чем прежняя неистовая Соломонида. Ведь сумашествие княгини послужило лишним поводом в пользу того, что великий князь должен был с ней развестись.

Василий Иванович недолго оставался одиноким. Вскоре праздновалась торжественная свадьба по старинному русскому обычаю. На большом отцовском месте сидел брат великого князя, его любимец Юрий Иванович. Войдя в горницу, он свел с отцовского места Анастасию, сестру молодой великой княгини Елены, как ее уже называли.

Новобрачных осыпали хмелем, их кормили курицей и кашей. Вокруг опочивальни ночью с мечами в руках разъезжали воеводы. Постель для них устроили на ржаных снопах, все должно было предвещать будущее счастье.

Весело выпили бояре за здоровье Василия и Елены, когда раздался условный знак, что великий князь познал свою новую супругу. Одним словом, свадьба праздновалась весело и ничего, казалось, не предвещало будущих несчастий.

Однако, после свадьбы прошло много времени, а великая княгиня все еще оставалась бездетной. Благочестивые люди видели в этом знак того, что великий князь наказан за пренебрежение к церковным законам и божеским установлениям. Василий и Елена постились, ходили на богомолье пешком, усердно молились о даровании им законного чада, и наконец такое чадо родилось на свет.

Рассказывают, что рождению юного наследника Василия Ивановича предшествовали различные знаменья. Будто бы дьякон, не зная еще, кто родится, провозгласил на ектенью о здравии великого князя Ивана Васильевича. Говорили о том, что знаменитый старец предвозвестил, что родился "Тит-большая голова". Другие говорили о грозных знаменьях, о невероятных грозах, о страшных молниях в день рождения наследника великого князя.

Восприемником великого князя были старцы иосифляне, из числа тех, которые принимали участие в церковном соборе и уже предрешили все дальнейшие события.

Великий князь был безмерно счастлив, в рождении своего наследника он видел перст божий, прямое заступничество небесных сил и угодников божьих, у которых вымолили после долгих ходатайств митрополит и старцы заступничество за великого князя.

Весть о рождении великого князя Ивана Васильевича быстро распространилась по городам и селам, дошла она и в Суздаль до Покровского монастыря, где томилась Соломонида, но Соломонида отнеслась к этому известию равнодушно. Она качала на руках тряпочную куклу, ласкала ее, целовала и называла своим любимым Юрочкой, великим князем Юрием Васильевичем, глядя радостными и в то же время бессмысленными глазами на небеса и плывущие по ним облака, на далекие облака, безмолвно смотревшие на людские преступления.

Дошла весть и до Максима Грека. Он сидел в Иосифовом монастыре в сырой башне, подвергаясь издевательствам иосифлян. Монахи не решались его уморить, но всячески отравляли ему жизнь: морили зимой дымом и холодом, летом не пускали на свежий воздух, лишали его книг, иногда даже лишали возможность быть на церковной службе, одним словом, делали тысячи мелких и больших неприятностей, на которые так были падки презлые иосифляне.

Весть о рождении у великого князя мальчика передана была Максиму одним особенно злым послушником. Иосифляне думали, что Максим будет опечален радостью великого князя, но он только перекрестился и прочитал благодарственную молитву. Когда же Максим остался один, то взял уголь и написал на стене старые слова: "И зачалась в законопреступлении и во сладострастии лютость".

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1997 ГОДУ

10 апреля состоялось заседание, посвященное памяти А.Д. Зайцева. На нем выступили С.О. Шмидт, Н.Б. Волкова (РГАЛИ), А.П. Горкин (издательство “Большая Российская энциклопедия”), С.В. Шумихин (РГАЛИ), Е.В. Бронникова (РГАЛИ), В.Ю.Афиани (ЦХСД), В.Н. Егоров (МИД), М.П.Мироненко (АК)¹.

24 июня состоялись традиционные “Тихомировские чтения”, посвященные в нынешнем году теме “Архивы Москвы: прошлое и настоящее”. Вступительное слово произнес председатель АК С.О. Шмидт. Он открыл заседание приветственными словами в связи с юбилеем Любови Николаевны Раstopчинной, работавшей в Археологической комиссии в 1973 — 1983 гг. и внесшей значительный вклад в подготовку серийного издания “Декреты Советской власти” и

в публикацию научного наследия классика отечественной археологии С.Н. Валка. С докладами выступили С.В. Чирков — “Летописи Архива в Колпачном переулке”, В.Г. Бухерт — “Архив на Воздвиженке”, Л.И. Шохин — “Архив на Девичьем поле”, В.А. Черных — “Прошлое и настоящее архивов и рукописных хранилищ Москвы на страницах “Археологических ежегодников”», В.Ф. Козлов — «Объединение “Мосгорархив” к юбилею Москвы», Э.П. Иноземцева — “Документы Центрального архива общественных движений Москвы — источник изучения общественного сознания”. Материалы Тихомировских чтений напечатаны в разделах “200-летие архивов Москвы” и “Тихомировские чтения 1997 г.”

М.П. Мироненко

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

“Российская провинция XVIII — XX вв.: реалии культурной жизни”: Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1997. Вып. 1, 2. (РАН. Министерство культуры РФ. Российский институт культурологии. Администрация Пензенской обл. Союз краеведов России). *Содержание. Вып. 1:* Д.С.Лихачев. Участникам III Всероссийской научной конференции “Российская провинция XVIII — XX вв.: реалии культурной жизни”; А.Ф.Ковлягин. Участникам Всероссийской научной конференции “Российская провинция XVIII — XX вв.: реалии культурной жизни”; В.П. Букин. Культурные традиции Пензенского края; С.О. Шмидт. Вступительное слово.

Раздел I (Феномен культуры): В.Ю. Афиани (Москва). Провинция. Пространство и культурное взаимодействие; И.Л. Беленький (Москва). “Провинция” как предмет знания и переживания. Возможна ли “Провинциология”?; Э.Л. Базарова (Москва). Исторический ландшафт — среда формирования культуры; Ю.А.Веденин (Москва). Роль наследия в культурном ландшафт-

те русской провинции; К.Д. Вишневецкий (Пенза). Культурные гнезда Пензенского края в XVIII — XX вв.; С.И. Добренский (Москва). Материалы волостных судов как источник по изучению крестьянской культуры пореформенной России (на примере Московской губернии); Н.М. Инюшкин (Пенза). Провинциальная культура: специфика и проблемы востребования; А.И. Княжицкий (Москва). Провинция в русской классике; В.С. Липатов (Москва). Провинциален ли провинциал; Г.С. Лялина (Москва). Особенности изучения традиции в малых исторических городах; В.М. Петров (Москва). Региональное своеобразие и стратегия культурной политики (системно-информационный подход); В.С. Савинков, А.А. Фаустов (Воронеж). Провинция — Москва — Россия; Л.И. Сизинцева (Кострома). “Две культуры” Питирима Сорокина. К вопросу о культурно-исторической стратификации; К.Н. Смирнов (Москва). Духовное возрождение России через культуру провинции — миф или реальность; Ю.Л. Троицкий (Новосибирск). Российская провинция — от топоса к хронотопу; Ю.У.

¹ Материалы заседания будут опубликованы в АЕ за 1998 год.

Фохт-Бабушкин (Москва). Столица и провинция; Д.Г. Шеваров (Москва). Скрытое время провинции; Э.А. Шулепова (Москва). Региональная культура как исследовательская проблема; Т.С. Яковлева (Москва). А.В. Луначарский о культуре провинции.

Раздел II (Формы бытия культуры): А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский (Воронеж). Инонациональная прослойка провинциального общества и ее роль в развитии местной культуры; В.А. Бердинских (Вятка). Приходское духовенство второй половины XIX в. и изучение истории; Л.Н. Вдовина (Москва). Мир русской дворянской усадьбы второй половины XVIII в.; С.С. Веселова (Москва). Рубежи веков в истории художественной жизни российской провинции; Г.Ф. Винокуров (Пенза). Князь И.М. Долгоруков и его вклад в развитие культуры российской провинции на рубеже XVIII — XIX вв.; В.А. Дворянов (Пенза). Провинциальное духовенство и формирование интеллигенции в переформлении России; Т.Н. Кандаурова (Москва). Обязанность или призвание: Российские губернаторы и развитие культуры провинции; А.В. Кобак (Санкт-Петербург). "Город-Сад" на Карельском перешейке; П.А. Колесников, С.А. Тихомиров (Вологда). Крестьянская интеллигенция: опыт составления родословий; Л.В. Кошман (Москва). Почта в России в XIX в.: культурно-информационная система; Н.П. Матханова (Новосибирск). Генерал-губернатор М.С. Корсаков; А.Г. Мосин (Екатеринбург). Родовая память как фактор культуры; М.П. Мохначева (Москва). Круг провинциальных посетителей петербургских журналов середины XIX в.; Е.К. Максимов (Саратов). Бековская усадьба Устиновых; Е.Ю. Наумов (Москва). Чичерина в Карауле; Л.В. Рассказова (Пенза). Русская дворянская усадьба в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова; И.Е. Ромашин (Тула). Просвещенное покровительство как элемент общественного самосознания российской провинции конца XVIII — начала XIX в.; Л.П. Рощевская (Сыктывкар). Роль православного монастыря в развитии культуры Коми края в XIX в.; М.Ф. Румянцев (Москва). Мемуары провинциальных чиновников конца XVIII — начала XIX в. как маргинальное явление русской культуры; Е.К. Савельева (Пенза). История формирования коллекции Пензенской картинной галереи имени К.А. Савицкого; А.И. Самойленко (Поим, Пензенская обл.). Старообрядчество как основа формирования культурно-бытовых традиций с. Поим; Э.Р. Тенишев (Москва). Родословная Тенишевых; А.В. Тюстин (Пенза). Подвижники художественной культуры российской провинции; Л.П. Хаханова (Москва). Архитектурное наследие в культурной жизни российской провинции; Е.Н. Чернявская (Москва). Пензенский край в общероссийском архитектурном процессе; С.О. Шмидт (Москва). "История Государства Российского" Н.М. Карамзина в культуре российской провинции.

Вып. 2. Раздел I (Реалии культуры): М.Д. Афанасьев (Москва). Место библиотек в

культурной жизни провинции (XIX в.); Конрад Бауц (Фрайбург). Губернские ведомости как источник по истории местного самосознания в губерниях Российской империи (по материалам Владимирских губернских ведомостей 1838–1888 гг.); В.А. Власов (Пенза). К истории Пензенского учительского института, 1916–1923; Л.И. Демина (Москва). Социокультурное развитие провинции во второй половине XIX в.: общественная благотворительность; А.Е. Иванов (Москва). Высшая школа в Российской провинции: география размещения (правительственная политика и общественная инициатива). Конец XIX — начало XX в.; Ю.Ю. Иерусалимский, И.В. Шильникова (Ярославль). Провинциальная печать эсеров 1905–1907 гг. К вопросу о революционной субкультуре (на материалах Ярославской губернии); В.Н. Зиненков (Пенза). Формирование музейной сети Пензенской губернии конца XIX — начала XX в.; А.С. Касимов (Пенза). Грамотность рабочих Центрально-Черноземного района в конце XIX — начале XX в.; Н.В. Кирьянова (Пенза). Культурная среда г. Пензы второй половины XIX — начала XX в. и роль предпринимательства в ее формировании; В.А. Ковригина (Москва). Земство и здравоохранение в России второй половины XX в. (к вопросу о земской медицине); В.И. Лебедев (Пенза). Роль Пензенского губернского статистического комитета в развитии провинциальной культуры; Я.В. Леонтьев (Москва). "Декабристы без декабря" в Пензенской губернии (К постановке вопроса); Г.И. Ловицкий (Калуга). К.Э. Циолковский и А.Л. Чижевский: учитель и ученик; С.Д. Морозов (Пенза). Культура и общественная мысль России на рубеже XIX — XX в.; В.В. Пугачев (Саратов). О тех, кто возвращал Аристотеля в Саратов; Т.О. Размустова (Москва). Местный музей: эволюция взглядов и динамика моделей; Ю.Б. Смирнова (Ярославль). Благотворительная деятельность Ярославских предпринимателей на рубеже XIX — XX в.; В.А. Солмонов (Саратов). Саратовский университет по воспоминаниям В.Д. Зернова; А.А. Сундиева (Москва). Провинциальные музеи России в социальном пространстве и времени; Е.К. Сысоева (Москва). Начальная пореформенная школа. Политика правительства и реалии жизни; К.Б. Умбрашко (Новосибирск). "Карамзин был Россия...": Споры вокруг биографии Н.М. Карамзина в столице и в провинции; Н.И. Цимбаев (Москва). Российская провинция как средоточие общественно-политической жизни (1830 — 1850-е годы); Ю.И. Чебукова (Рыбинск). Малая Родина в жизни братьев Золотаревых; В.Д. Чернышев (Тверь). Общественная деятельность А.Н. Унковского и круга его соратников в годы отмены крепостного права как явление духовной культуры российской провинции; С.А. Чететки (Москва). Провинциальные гимназии России начала XX в.: обучение отечественной истории; С.Л. Шиллов (Пенза). Музей Пензенского статистического комитета — первый краеведческий музей Пензенской области и его руководитель В.П. Попов.

Раздел II (Сохранение и изучение культурного наследия провинции): В.В. Балахонский (Пенза). Провинциальная культура и объяснение событий российской истории; М.А. Безнин, А.В. Кашкин, Ф.Я. Коновалов (Вологда). Вологодский опыт изучения культурного наследия провинции; Т.И. Бондарева (Москва). Вопросы культуры российской провинции на страницах журнала "Отечественные архивы"; В.Н. Гуськов (с. Воскресеновка Пензенской обл.). Сельская историко-культурная среда в педагогическом процессе. (Из опыта Воскресеновской сельской научно-педагогической лаборатории); А.И. Дворжанский (Пенза). "Пензенский временник любителей старины": Особенности подхода к изучению истории края; С.С. Илизаров (Москва). "Для Всехъ": ученый и просветитель, академик Г.Ф. Миллер в судьбах российской провинциальной научности; М.А. Ильин (Тверь). Тверская энциклопедия. (Размышления составителя); В.Ф. Козлов (Москва). О роли провинциальных музеев в сохранении культурного наследия в первой трети XX в.; И.И. Комарова (Москва). Охрана памятников архитектуры в провинциальных научных обществах; Е.В. Кончин (Москва). Эмиссары отправляются в провинцию; В.П. Корзун (Омск). К спору о провинциальной исторической науке; А.А. Кузин (Калуга). Калужский краевед Г.М. Морозова (1930–1992); В.Г. Миронов, В.В. Широкова (Саратов). С.Н. Чернов в Саратовском историческом краеведении; А.А. Мирошниченко (Глазов). Компьютеризированная энциклопедия и проблемы изуче-

ния и сохранения культурного наследия региона; В.И. Первушкин (Пенза). "Пензенские епархиальные ведомости" как источник по изучению культуры и быта мордвы; Г.П. Присенко (Тула). Тульская провинциальная историография конца XVIII — начала XIX в. в истории отечественной культуры; А.И. Раздорский (Санкт-Петербург). Памятные книжки губерний и областей Российской империи: некоторые итоги и задачи библиографирования; В.Н. Середа (Тверь). Изучение прошлого своего края, развитие его культуры во второй половине XVIII в. (по материалам Тверского края) и Диомид Карманов; Н.Н. Тагильцева, Л.Н. Мазур (Екатеринбург). Музейное дело на Урале в 1930-е годы: краеведческая деятельность и судьбы краеведов; С.Б. Филимонов (Симферополь). Краеведение и культура. (К вопросу о роли краеведческого движения первых послереволюционных лет в спасении и сохранении культурного и исторического наследия); С.С. Хижняков (Москва). Памятники нашей культуры: невостребованный аспект; Л.В. Храмов (Самара). Самарский государственный университет и развитие краеведческих исследований в Среднем Поволжье (1915–1927); С.В. Чирков (Москва). Собрание и изучение документальных памятников местной истории и культуры в дореволюционной России; С.Ю. Шокарев (Москва). Материалы ко второму тому "Провинциального некрополя" В.В.Шереметевского.

Т.В. Лохина

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ КОМИССИИ "СТАРАЯ МОСКВА"¹

1990

1 (465-е) 12 февр. *С.К. Романюк.* Из истории немецкой слободы (возникновение Слободы, топография, проблема места рождения А.С. Пушкина). *В.В. Сорокин.* Где же все-таки жил Шумилов? (О юных годах Д.И. Фонвизина). *А.М. Васнецов.* "Два письма из архива" (письма предоставлены директором музея А.М. Васнецова Е.К. Васнецовой). *В.С. Кумаев.* О работе над альбомом цветных линогравюр "Лефортово". Организационные вопросы.

2 (466-е) 29 марта *Л.В. Иванова.* «Опыт "Старой Москвы" и современные задачи в составлении биографий московских краеведов». Книжная выставка из фондов ГПИБ (из серии "Московские краеведы"). Комментарий библиографа И.А. Гузеевой.

3 (467-е) 24 апр. *Н.И. Якушева.* Из воспоминаний московского старожила. *С.И. Шилова.* 1950 год. На Лубянке и в Бутырьках (Воспоминания).

4 (468-е) 24 мая *Д.Н. Афанасьев.* Древняя Москва: Размышления старого краеведа. *С.З. Чернов.* Археологическое исследование Великого Посада Москвы XIII–XIV вв. (Раскопки 1987–1989 гг.). *А.И. Базлаков.* Рассказ о замысле картины "Основание Москвы". Демонстрация эскизов.

5 (469-е) 19 июня *П.В. Власов.* История детского призрения в Москве.

6 (470-е) 19 июля *И.А. Бойцов.* Археологические исследования Ивановской горки. *Т.И. Молодцова.* Из истории Ивановской горки: здания и памятники.

¹ Комиссия "Старая Москва" была создана 14 декабря 1909 г. при МАО и прекратила работу в феврале 1930 г. За это время состоялось 464 заседания. Указатели к протоколам заседаний "Старой Москвы" см.: Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края (М., 1989. С. 109–164).

Деятельность комиссии возобновлена 12 февраля 1990 г. при ГПИБ России. Председатель комиссии – В.Б. Муравьев. Заместитель председателя – И.А. Гузеева. Секретарь – А.М. Коротеева. В хронике приводится двойная нумерация протоколов.

7 (471-е) 21 авг. А.Д. Червяков. Из истории одного московского прихода: Храм святителя Николая на Маросейке.

8 (472-е) 30 авг. А.Ч. Козаржевский. Старо-московский говор и его судьба.

9 (473-е) 29 нояб. В.И. Безъязычный. "Мой путь был труден и жесток": Поэзия и судьба Су-санны Укше (1875-1945).

10 (474-е) 27 дек. 100-летие со дня рождения А.Ф. Родина (1890-1963). В.Б. Муравьев. Жизнь и деятельность А.Ф. Родина. – Вспоминают и рассказывают об А.Ф. Родине его товарищи, ученики, члены "Клуба учителей – туристов им. А.Ф. Родина". Книжно-документальная выставка.

1991

11 (475-е) 25 янв. День памяти Аполлинария Михайловича Васнецова (выездное заседание состоялось в музее-квартире А.М. Васнецова). «А.М. Васнецов и "Старая Москва"». Сообщения и воспоминания. Выст.: Е.К. Васнецова, М.Ю. Меленская, В.Б. Муравьев, В.В. Сорокин. – Концерт. Худож. рук. Н.Н. Деева.

12 (476-е) 28 февр. С.К. Романюк. "Москва или исторический путеводитель": К 160-летию выхода в свет (Установление авторства одного из лучших путеводителей по Москве). – М.И. Жилин. Еще раз о Триумфальных воротах в Москве. – В.Э. Молодяков. Забытые страницы московской "гофманианы": (Поэма К. Липскерова "Другой", 1922).

13 (477-е) 28 марта. С.Н. Смирнова. Улица моего детства: вокруг Алексеевского монастыря.

14 (478-е) 25 апр. В.В. Синдеев. Беседы о Я.В. Брюсе (Я.В. Брюс в Москве и Подмосковье).

15 (479-е) 23 мая. А.А. Наумов. Место захоронения А.А. Алябьева в бывш. Симоновом монастыре. – В.П. Давыдов. Московские музыкальные адреса начала XX в. – Концерт из произведений А.А. Алябьева, С.В. Рахманинова, С.И. Танеева, А.С. Аренского, А.Н. Скрябина, Н.К. Метнера. Исп. Людмила и Вячеслав Давыдовы.

16 (480-е) 27 июня. Л.А. Костромичева. Новое о сроках строительства Московского Кремля. – Выставка работ Б.В. Кувинова: (Москва в живописи).

17 (481-е) 25 июля. А.А. Терещенко. Источниковедение московской топонимии. И.З. Рутман. Люблино: история и памятники.

18 (482-е) 26 сент. Донской монастырь: (К 400-летию основания). В.Б. Муравьев. "С умилением и слезами": Донской монастырь как феномен московской культуры. А.Ч. Козаржевский. Патриарх Тихон в Донском монастыре. – Выставка, посвященная Донскому монастырю [из фондов ГПИБ].

19 (483-е) 31 окт. М.И. Жилин. К истории создания И.Е. Забелиным "Исторического описания... Донского Монастыря". В.И. Безъязычный. "Москвич на берегах Калифорнии" (А.Г. Ротчев – последний комендант форта Росс, 1839-1842). – Разное.

20 (484-е) 28 нояб. Московский некрополь: проблемы, тревоги, ожидания. (Принимают участие: М.Д. Артамонов, И.А. Гузеева, В.Я. Лазарев, В.В. Сорокин, А.Е. Субботин и др.). Выставка по истории некрополей [из фондов ГПИБ].

21 (485-е) 26 дек. В.Б. Муравьев. Две декабрьские даты: 225 лет Н.М. Карамзину и 50-летие битвы под Москвой. – Н.М. Пашева. Возвращенные святыни – вновь открытые храмы Москвы. Выставка работ худ. В. Соколова (о Москве).

1992

22 (486-е) 30 янв. О.И. Журин. Казанский собор и другие архитектурные памятники Москвы в жизни и творчестве Петра Дмитриевича Барановского.

23 (487-е) 27 февр. К.А. Видов. Стромынка. Возникновение и происхождение названия (новые версии). Л.А. Костромичева. Спасская башня Московского Кремля: К 500-летию основания.

24 (488-е) 26 марта. В.И. Зимица. С.И. Зимин – создатель частной оперы в Москве. И.К. Русаковский. Преображенское и его связь с культурным наследием С.И. Зимица.

25 (489-е) 28 апр. А.Ч. Козаржевский. Праздник Пасхи в Москве.

26 (490-е) 28 мая. Л.А. Давид. Страницы истории в камне. [Реставрация исторических памятников в Москве].

27 (491-е) 25 июня. Б.С. Маркус. Москва в первые недели войны. (Воспоминания).

28 (492-е) 30 июля. М.Д. Артамонов. Новые исследования и находки на Ваганьковом (П.П. Булахов, А.К. Виноградов, Е.Д. Поленова и др.). В.В. Сорокин. Воспоминания о Старом Ваганькове. Фотографии из собрания А.Е. Субботина.

29 (493-е) 27 авг. Е.М. Филатов. Дом № 5 по Молочному переулку – вновь выявленный памятник архитектуры Москвы, будущий художественный центр, мемориал В.Е. Попкова.

30 (494-е) 24 сент. Встреча с Главным архитектором Москвы Л.В. Вавакиным: проблемы регенерации Москвы. (Заседание выездное на выставке по градостроительству Москвы).

31 (495-е) 29 окт. В.Ф. Козлов. Московские храмы, посвященные Сергию Радонежскому, и их судьбы в XIX-XX вв. (К 600-летию преставления Преподобного Сергия).

32 (496-е) 26 нояб. Ю.К. Ефремов. На вершине Москвы. (О создании геолого-географического музея землевладения в башне Университета, 1949-1955).

33 (497-е) 29 дек. С.К. Романюк. Квартира Петра Васильевича Сыгина в Калашном переулке. А.Ч. Козаржевский. Рождество в Москве. В.Б. Муравьев. И.К. Кондратьев – автор книги "Седая старина Москвы".

1993

34 (498-е) 28 янв. Л.Ф. Писарькова. Из истории московского городского общественного управления. 1870 – начало 1900 г.

35 (499-е) 25 февр. П.И. Набоков. ...И город.

и роца: Из воспоминаний о Сокольниках, 30–60-ые годы.

36 (500-е) 25 марта. *В.Б. Муравьев.* Живая традиция “Старой Москвы” (“О старой Москве” 20-х и современной). *Н.Ф. Трутнева.* Некрополь Московского Новодевичьего монастыря.

37 (501-е) 29 апр. *В.М. Петюшенко, Л.Н. Велиховский.* Третьяковская Галерея: из прошлого, настоящее и перспективы. (Выездное заседание в ГТГ (Лаврушинский, 10) с осмотром выставки.)

38 (502-е) 27 мая. *Л.Н. Велиховский.* Третьяковская Галерея: из прошлого; настоящее и перспективы (продолжение). *В.А. Кудинов.* Некрополь Даниловского кладбища: поиски и находки.

39 (503-е) 24 июня. *Н.М. Пашаева.* Возвращенные святыни (вновь открытые храмы Москвы). Доклад второй: 1992–1993 гг.

40 (504-е) 29 июля. *М.Ю. Меленевская.* Общество “Старая Москва” в 1920-е гг. Воспоминания. *Е.В. Пчелов.* Генеалогия московских князей (XIV–XV вв.).

41 (505-е) 26 авг. *А.И. Rogov.* Михаил Николаевич Тихомиров – историк Москвы и православный человек. (К 100-летию со дня рождения). *С.О. Шмидт.* Слово об учителе (М.Н. Тихомирове). Выставка книг из фондов ГПИБ.

42 (506-е) 30 сент. Поговорим об Арбате. Участвуют: *Е.Н. Мачульский, М.Ю. Меленевская, В.Б. Муравьев, С.К. Романок, Н.П. Садкович, В.В. Сорокин, М.М. Сухман, С.О. Шмидт.*

43 (507-е) 28 окт. *Т.М. Говоренкова.* Московская муниципальная школа и ее эволюция.

44 (508-е) 25 нояб. *А.Ч. Козаржевский.* Музыкальная жизнь Москвы в 1930–1940-х годах.

45 (509-е) 23 дек. Петр Николаевич Миллер (1867–1943). Выступают: *М.Г. Рабинович, Г.Б. Кизельштейн.*

46 (510-е) Внеочередное заседание. *В.Б. Муравьева.* Аполлинарий Михайлович Васнецов – художник, астроном, писатель, историк, общественный деятель. (Выездное заседание в музей-квартире А.М. Васнецова). *М.Ю. Меленевская, В.В. Сорокин.* Воспоминания. *Е.К. Васнецова.* Музей: его сокровища, настоящее, будущее. Концерт классической музыки.

1994

47 (511-е) 27 янв. *Е.Н. Мачульский.* Лермонтов и его окружение на Малой Молчановке. *М.Д. Артамонов.* Лермонтовский некрополь Москвы. *А.В. Рычков.* Сообщение об архитекторе И.С. Богомолове.

48 (512-е) 24 февр. *Е.К. Сивкова.* Константин Васильевич Сивков (1882–1959) – историк и краевед. *И.В. Воронцов.* Ассоциация “Лермонтовское наследие”.

49 (513-е) 21 апр. *Л.В. Иванова.* Николай Александрович Найденов (1834–1905) – историк Старой Москвы.

50 (514-е) 26 мая. *О.И. Журин.* Казанский собор и проблемы воссоздания исторических памятников в Москве.

51 (515-е) 30 июня. *В.А. Виноградов.* Проект

возрождения общерусского храма – Красной площади.

52 (516-е) 28 июля. *Е.В. Купцова.* Усадьба “Свиблово” XVIII–XIX вв.

53 (517-е) 25 авг. *Г.Б. Кизельштейн.* В поисках красоты (Павел Павлович Муратов. – Выставка книг из фондов ГПИБ).

54 (518-е) 29 сент. Встреча с Главным архитектором Москвы Л.В. Вавакиным.

55 (519-е) 27 окт. Обсуждение новой книги учебника А.В. Рогачева по москвоведению.

56 (520-е) 24 нояб. *Н.В. Никольская.* “Московский модерн в Мертвом переулке”.

57 (521-е) 22 дек. *Е.М. Пашкин, Ю.К. Ефремов.* “Недра Москвы”. (Геологические проблемы города).

1995

58 (522-е) 26 янв. Восстановление храма Христа Спасителя: обсуждение проблемы.

59 (523-е) 23 февр. *М.Б. Горнунг.* Люди “Старой Москвы”: Алексей Алексеевич Круглый (1887–1956).

60 (524-е) 30 марта. *Н.И. Шалимов.* Московская экологическая федерация. *В.А. Кириин.* “Из истории Нескучного сада”.

61 (525-е) 27 апр. Россия в песне (поиски и находки). Рассказывает и поет композитор и музыковед Юрий Бирюков. В программе участвуют фольклорный ансамбль и солисты ДК “ОКБ Сухого”.

62 (526-е) 25 мая. *Н.М. Пашаева.* Поэт Георгий Павлов – московский интеллигент (1885–1958).

63 (527-е) 29 июня. *Б.П. Дедушенко.* Высокопетровский монастырь: его история и реставрация.

64 (528-е) 27 июля. *С.В. Королев.* “Регенерация Москвы исторической”.

65 (529-е) 31 авг. *Ю.В. Иванов.* “Забывтый храм в Кунцеве: краеведческие исследования”.

66 (530-е) 28 сент. *А.Г. Векслер.* “Археология и современное строительство в Москве”.

67 (531-е) 26 окт. *Н.П. Садкович.* С.А. Есенин на Арбате. Фотовыставка. (Авт. – Н.П. Садкович).

68 (532-е) 30 нояб. *О.И. Журин.* Возрождение Воскресенских ворот и часовни Иверской Божией матери.

69 (533-е) 28 дек. *В.Н. Балаян.* Московские генерал-губернаторы.

1996

70 (534-е) 1 февр. Вечер памяти Ивана Ефимьевича Цветкова (в помещении Государственной Третьяковской Галереи). Совм. заседание с ГТГ.

71 (535-е) 29 февр. *А.Н. и И.Л. Житницкие* “У Юрия Борисовича Шмарова”. Слайд-фильм-воспоминания.

72 (536-е) 28 марта. *Н.Ф. Трутнева.* “Фотограф Александр Тимофеевич Лебедев”.

73 (537-е) 25 апр. *А.Л. Багмет.* “Землетрясения и их проявление на территории Москвы”.

74 (538-е) 30 мая. *Е.А. Пруссакова.* Рассказ

об отце – Алексее Петровиче Прусакове – лекторе, краеведе, старинном москвиче. Любительский кинофильм.

75 (539-е). 27 июня. *С.З. Чернов.* Археологические карты Москвы. *Л.А. Костромичева.* Когда и почему Москва впервые попала в летопись?

76 (540-е). 25 июля. *Н.А. Потапова.* Современные проблемы охраны памятников в Москве.

77 (541-е). 29 явг. *Б.Ш. Нувахов, Л.Н. Арифуллова.* “Прошлое и настоящее Странноприимного дома графа Шереметева в Москве” с экскурсией по Странноприимному дому-музею Шереметевых.

78 (542-е). 26 сент. *С.Р. Долгова.* Московский коллекционер Федор Федорович Мазурин (1845–1898). *А.П. Попов.* Фотограф Алексей Сергеевич Мазурин (1846–?). *С.С. Шапошников.* История моей семьи (Мазуриных). *Г.Н. Ульянова.* К родословию семьи Мазуриных.

79 (543-е). 31 окт. *И.В. Канторович.* “Самый нежный звук Москвы”: Московский салон З.А. Волконской, 1824–1829.

* Статью об этом см. в наст. томе.

² Помимо основных докладов, указанных в хронике, на всех заседаниях давалась разнообразная текущая и оперативная информация, часто – дополнительные сообщения. Кроме заседаний, проводимых 1 раз в месяц (каждый последний четверг), организовывались экскурсии по Москве самого широкого содержания (кварталы исторического центра, монастыри, усадьбы, музеи, кладбища и т.д.). Экскурсии проводились на общественных началах членами “Старой Москвы” – специалистами по конкретным темам истории города (экскурсоводы В.А. Киприн, Ю.В. Крестников, Н.З. Рутман и др.).

БИОГРАФИКА МОСКВИЧЕЙ

(по материалам картотек Д.И. Бондаренко и Д.Г. Юрасова)

Биографика, в отличие от биографии, предполагает научное и хронологическое описание жизни и деятельности множества людей на основании имеющихся в распоряжении составителей биографий. Примером биографики (кроме биографий, включенных в различные энциклопедические издания¹) могут служить такие справочники, как фундаментальные “Русский биографический словарь” (СПб., 1896–1918. Т. 1–25) и “Биографии” – свод биографических статей из “Энциклопедического словаря” (1890–1907) и “Нового энциклопеди-

80 (544-е). 28 нояб. *Т.Н. Игнатович.* История Румянцевского музея: Избранные страницы.

81 (545-е). 26 дек. Русская гравюра из собрания Государственной Третьяковской Галереи. Заседание с осмотром выставки в ГТГ.

1997

82 (546-е). 30 янв. *Ю.С. Воробьева.* Николай Гучков – московский городской голова в декабре 1905 г.

83 (547-е). 27 февр. *В.А. Любартович.** Забытый историк Басманной слободы – священник Виктор Цветков, настоятель домового храма Александровского Коммерческого училища в 1906–1918 гг.

84 (548-е). 27 марта. *С.В. Зверев.* Люди “Старой Москвы”: Владимир Константинович Трутовский (1862–1932).

85 (549-е). 24 апр. Москве 850 лет. О Москве, юбилее, “Старой Москве” – выступления, предложения, вопросы и ответы членов комснни “Старая Москва”².

И.А. Гузеева, В.Б. Муравьев

ческого словаря” (1911–1916) Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в серии издательства “Большая Российская энциклопедия” “Биографические словари и справочники”; справочник “Наука и научные работники СССР”², четырехтомник “Русские писатели, 1800–1917” (М., 1989, 1992, 1994. Т. 1–3) и книга В. Казака “Лексикон русской литературы XX века” (М., 1996), двухтомник “Герои Советского Союза” (М., 1987/1988), “Морской биографический словарь”³, словарь “Политические деятели России, 1917” (М., 1993), серия биографических справочников ученых⁴,

¹ Энциклопедический словарь Гранат. М., 1910–1948. Т. 1–58; Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. (Репринт, 1927); БСЭ. М., 1969–1978. Т. 1–30; СИЭ. М., 1961–1975. Т. 1–16; Москва: Энциклопедия. М., 1980; Кино: Энциклопедический словарь. М., 1987; Балет: Энциклопедия. М., 1981; и т.д.

² Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии: В 12 т. М., 1991–1994. Т. 1–5. Репринт; Наука и научные работники СССР. Л., 1927–1934. Ч. I–VIII.

³ Доценко В.Д. Морской биографический словарь. СПб., 1995.

⁴ Храмов Ю.А. Физики. 2-е изд. М., 1983; Волков В.А., Вонский Е.В., Кузнецова Г.И. Химики. Киев, 1984; Бабий Т.П., Коханова Л.Л., Костюк Г.Г. и др. Биологи. Киев, 1984; Моляк Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи. Географы. Киев, 1985; Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригес М.Г. Астрономы. Киев, 1986; Боголюбов А.Н. Математики. Механики. Киев, 1983.

отдельные статьи в периодических изданиях⁵, и др.

Справочники, изданные в советское время, носят отпечаток эпохи: в них отсутствуют лица, исключенные из состава Академии наук или творческих союзов, репрессированные, часто искажены даты смерти (убиты в ГУЛАГе). В словаре “Герои...”, например, нет таких имен, как С. Щигов (летчик, сбивший 40 вражеских самолетов, затем арестованный), Р. Меркадер (убийца Л. Троцкого), а также около 100 других “секретных” сынов своей Родины.

Эпоха та прошла, унеся с собой препоны, которые чинились властями составителям упомянутых справочников. Но что же мы имеем теперь? Берем, например, “справочник” “Кто есть кто в России и бывшем СССР”⁶, на фронтисписе которого под фотографией М. Ульяновой стоит подпись “Надежда Крупская”. “Такого количества дезинформации на единицу информации мне еще не приходилось встречать”, – говорит об этой книге Дмитрий Иосифович Бондаренко, кандидат биологических наук, создавший компьютерную картотеку на 14 тыс. персоналлий людей, оставивших ощутимый след в истории и культуре Москвы за все время ее существования, особенно XIX–XX вв.: даты и места их рождения, адреса проживания, родственные связи, места захоронения, основные труды и произведения...

В изданном Мосгорархивом справочнике “Московеды”⁷ можно найти перечень его источников: история московской архитектуры и застройки Москвы, история московских организаций и учреждений, замечательные москвичи. Автору настоящей статьи неоднократно приходилось обращаться к картотеке Бондаренко, в частности, при анализе книги “Кто есть кто...”, поскольку та содержит информацию о репрессированных (см. ниже), и эта информация, мягко говоря, не всегда корректна⁸. Сравнение дат жизни и смерти, приведенных в этом творении издательства “Терра”, с данными из достоверных источников производит такое же невеселое впечатление, как и сама смерть. Разница между действительной датой рождения и указанной в книге составляет: А. Аганбегян – 1 месяц, Д. Кабалиевский – 1 год, И. Бестужев-Лада – 5 лет, С. Ахромеев – 9 лет и т.п.; год рождения Г. Боровика приведен верно, но родился он не в Москве, а в Минске (а Н. Аринбасарова – не в Киргизии, а в Москве). Для дат смерти искажение составляет от 1–3-х (Я. Агранов, А. Бубнов, И. Бабель и др.) до 8–13-ти (!) лет (еп. Арсений, С. Бархударов, А. Боровский и др.); сообщается,

что Н. Бухарин и А. Рыков расстреляны вместе, но даты смерти даются разные, причем обе – неверные; кроме того, отсутствует дата смерти многих известных деятелей, скончавшихся еще в 1970–1980 гг. (Р. Аванесов, М. Алпатов, Д. Благой, Д. Блохинцев, А. Бочвар и др.). А. Абрикосов – директор института не с 1992, а с 1989 г., а П. Анохин – директор не с 1950, а в 1946–1950 гг.; В. Абакумов был министром госбезопасности не с 1950, а с 1946; В. Антонов-Овсеенко никогда не был председателем ВЦИК, а П. Болотинков – чемпионом мира... И так далее, и тому подобное. И это – лишь по двум буквам – “А” и “Б”. Всего при сверке со своей электронной картотекой Д. Бондаренко обнаружил в упомянутой книге не менее 2 тыс. (!!) ошибок и опечаток. Следует отметить, что данные, собранные этим московцем, ежедневно уточняются и проверяются им по различным источникам, и это позволяет свести к минимуму количество возможных собственных ошибок.

Автор же настоящей статьи на протяжении 20 лет собирает картотеку о лицах, необоснованно репрессированных в годы советской власти, и на сегодняшний день она состоит из более чем 1 млн карточек. Ему как члену Комиссии по установлению мест массовых захоронений жертв репрессий при мэрии г. Москвы удалось собрать материал о пяти крупных московских могильниках: на территории Яузской больницы (ныне горбольница № 23 им. “Медсантруд”) – около 1 тыс. захороненных (по документам 1921–1930 г.), Ваганьковского кладбища – около 1 тыс. (1926–1936 г.); начиная с 1934 и, по крайней мере, до 1954 г. расстрелянных кремировали в Донском крематории (с большой уверенностью можно утверждать, что их останки захоронены на этом же кладбище в могилах “невостребованных прахов” – такова была маскировка – за № 1, 2 и 3); и места, в 1937 г. специально выделенные НКВД для своих “нужд”, территории (“зоны”) в пос. Бутово и совхозе НКВД “Коммунарка”. Именно в последних двух могильниках захоронены десятки тысяч расстрелянных в 1937–1938 гг.

По выводам экспертов московского УФСБ РФ, являющихся авторами заключения о признании полигонов “Бутово” и “Коммунарка” местами массовых захоронений жертв репрессий 1937–1938 гг., на этих “зонах” осуществлялись и сами расстрелы. Доказательствами являются показания бывших работников НКВД, шюферов, коменданта закрытых “объектов”, которые были допрошены сотрудниками УФСБ по фактам обнаружения могильников⁹. Итак, в Бутово чис-

⁵ См., например: Состав Центрального Комитета КПСС // Изв. ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 43–114; и № 6. С. 21–50; Состав Центральной Ревизионной Комиссии КПСС // Там же. № 6. С. 51–70; Состав руководящих органов Центрального Комитета партии – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1990) // Там же. 1990. № 7. С. 69–136.

⁶ Вронская Дж., Чузуев В. Кто есть кто в России и бывшем СССР. М., 1994.

⁷ Московеды: Справочник о краеведах, обществах и научных учреждениях. М., 1996. С. 22.

⁸ Бондаренко Д.И. Шесть тысяч биографий: Обращаться с осторожностью // Вечерняя Москва. 1995. 18 янв.

⁹ Архив автора.

ло захороненных – 27 тыс. человек, в “Коммунарке” – 15 тыс. Если сложить все названные числа казненных, за исключением “пропущенных” через Донской крематорий (их число пока неизвестно), получается 44 тыс. человек. Теперь сравним полученные нами данные с данными из источников Центрального архива ФСБ РФ и архива УФСБ РФ по г. Москве и Московской области⁹.

Центральный аппарат НКВД СССР в период 01.10.1936–01.10.1938 арестовал в Москве 15 128, а УНКВД Москвы и Московской области – 70 102 человек, всего – 85 230 человек. За этот период к расстрелу осуждено центральным аппаратом 16 200 человек, а московским управлением – 16 491, всего 32 691 чел. Кроме того, в период с 01.10.1938 по 22.05.1941 расстреляли еще 21 205 человек. Итого 53 896 человек.

Где еще 10 тыс. человек? Возможно, часть из них покоится на Донском, возможно, – на Рогожском и Калитниковском кладбищах. Работа по розыску мест захоронений будет продолжена. А пока на одном из могильников (в конторе Донского кладбища и крематория) членами Комиссии размещены книги памяти с краткими биографическими справками об убитых и захороненных на конкретных “спецобъектах”.

Источниками сведений являлись фонды Центрального архива ФСБ РФ, архивов УФСБ РФ по г. Москве и Московской области, копии документов из которых были переданы в Комиссию. Документы Ф. 7 архива ФСБ (401 том) охватывают весь советский период; они скомплектованы по годам расстрелов и касаются (с разной степенью полноты) не только Москвы, но и ряда других регионов СССР. Фонд включает в себя три вида документов: 1) предписания о приведении приговоров в исполнение; 2) об исполнении приговоров; 3) о захоронении тел казненных. Из материалов этого фонда Комиссия могла извлечь установочные данные о расстрелянных, что позволило запросить архивно-следственные дела и составить биографические справки для “Книг памяти”, где в настоящее время имеется информация о 16 700 москвичах. В дополнение к этому с 6 декабря 1990 г. газета “Вечерняя Москва”, по инициативе известного журналиста Александра Александровича Мильчакова, регулярно публиковала “Расстрельные списки” по местам захоронений; к настоящему времени публикация практически прекратилась, что огорчило специалистов по биографике и собирателей персоналий.

Необходимо отметить, что, как ни парадоксально, в нашем многомиллионном древнем городе качественная литература по биографике практически отсутствует. Среди исключений, относящихся к последнему десятилетию, путеводитель К.В. Стародуб (в соавт., сборник “Русские писатели в Москве” (3-е изд. М., 1987), книги С.Е. Кипниса и М.Д. Артамонова¹⁰ о московских кладбищах, двухтомник “Зодчие Москвы” (М., 1981–1988) и некоторые другие. Из более ранних изданий следует упомянуть книги Б.С. Земенкова, Л.А. Черейского, О.В. Пескова (в соавт.)¹¹ (Олег Владимирович, кстати, – обладатель обширного – 110 тыс. ед. хр. – материала о лицах, творчески связанных с Москвой начиная с XVII в.). Но при всех достоинствах перечисленных выше изданий биографика упомянутых в них лиц ограничена профессиональной принадлежностью последних и лишь частичным охватом территории современного города.

Недавно вышел солидный двухтомник “Тульского биографического словаря” (Тула, 1996). Может быть и Москве задуматься об издании подобного словаря? Ведь известны специалисты, у которых наверняка есть желание и даже возможности для его создания. Но работают эти специалисты, к сожалению, разрозненно. Один собирает картотеку писателей, другой – художников, третий – военных, картотека четвертого ограничена временными рамками (как, например, хранящаяся в РЦХИДНИ картотека Виленина Ивановича Крылова, где систематизированы сведения о жизни и деятельности более чем 500 тыс. российских исторических персонажей, живших с 1870 до конца 1917 г.¹²). И чтобы составить более или менее полную справку о деятеле, не вписывающемся в заданные рамки, сведения о нем приходится собирать по крохам из периодики, мемуарной литературы, адресных и телефонных книг, ведомственных справочников и т.п.

Думается, что материалы картотек Бондаренко, Пескова, Кипниса, автора данной статьи и других собирателей могли бы послужить основой для составления фундаментальных справочников по биографике. Было бы замечательно собрать этих энтузиастов вместе и объединить накопленные ими данные для создания “Московского биографического словаря” – своеобразной истории города через судьбы людей...

Д.Г. Юрасов

¹⁰ Стародуб К.В., Емельянова В.В., Краусова И.В. Я люблю этот город вязевый... 2-е изд. М., 1990; Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища. М., 1995; Артамонов М.Д. Московский некрополь. М., 1995.

¹¹ Земенков Б.С. Памятные места Москвы. М., 1959; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989; Песков О.В., Низковская Н.П., Ададурова Л.Л. Память, высеченная в камне. 2-е изд. М., 1983.

¹² Покровский А.С. Уникальная коллекция москвича В.И. Крылова (см. наст. изд.).

Более четырех лет назад, в преддверии 500-летнего юбилея Арбата было задумано подготовить историко-краеведческий альманах “Арбатский архив”, посвященный прошлому Арбата и Приарбатья. Идея сборника принадлежала С.О. Шмидту, пригласившему составителем автора этой заметки. Когда стали собираться первые материалы, появился и спонсор – МА “ВЕСТ”, обеспечивший перепечатку их. Замысел поддержала “Литературная газета”. Специальный номер “ЛГ-Досье” (№ 6 за 1993 год), посвященный юбилею Арбата, во многом основан на материалах рукописи “Арбатского архива”.

Шли месяцы. Отшумел юбилей Арбата. Прошел год, другой... Папка собранных материалов покрывалась архивной пылью, и надежд на то, что она будет издана, оставалось все меньше, хотя главный редактор по-прежнему был настроен оптимистически. Некоторые статьи из завешной папки перекочевали в другие издания, что впрочем, не вызвало у нас приступа “ведомственной зависти”. Скорее наоборот – мы были рады, что они появились на свет благодаря идее арбатского альманаха. К слову сказать, главу воспоминаний А.Б. Закс в настоящем ежегоднике первоначально предполагалось опубликовать в “Арбатском архиве”.

Печально и неоправдано другое. За четыре года ушли из жизни, так и не дождавшись публикации своих материалов, авторы альманаха Н. Волович, Т. Коржихина, Им. Левин, Ю. Федосюк. Совсем недавно этот скорбный список пополнился еще одним именем – Булат Окуджава. Горячо поддерживав идею издания и дав согласие стать членом редколлегии “Арбатского архива”, он передал для публикации цикл арбатских стихов, а также интервью разных лет, в которых шла речь и об Арбате его детства и о сегодняшнем, об “арбатстве”. Публикацию он предварил своим предисловием. Булат Шалвович так надеялся увидеть альманах изданным...

В год 850-летия Москвы нашлись люди, воспринявшие идею этого издания близко к сердцу. При непосредственной поддержке руководителя территориального управления “Арбат” В.И. Голованова и М.А. Полятыкина, главного редактора газеты “Тверская, 13”, редакция которой находится на Новом Арбате, дело сдвинулось с мертвой точки и стало на прочные практические рельсы.

Конечно, многие статьи пришлось подретаврировать с учетом новых архивных находок и публикаций, а также добавить новый материал.

Сегодня можно смело говорить о почти готовом и втором выпуске “Арбатского архива”, который мы видим продолжающимся изданием. Первый выпуск “Арбатского архива”, который скоро должен выйти из печати, хронологически охватывает период от рождения Арбата до наших дней. Открывает его статья С.О. Шмидта “Арбат в истории и культуре России”, основанная на обширной источниковой базе. Автор, всю свою жизнь проживший близ Арбата, вплетает в серьезную научную работу и свои арбатские впечатления и воспоминания.

Сюжеты арбатского сборника разнообразны. Здесь и археологический поиск (статья А. Векслера “Кладоносная земля Арбата”), и судьба храма Бориса и Глеба, с которым связано первое упоминание Арбата (статья В. Козлова), и увлекательная история акварели, изображающей пушкинский Арбат (статья С. Скрипки), и репортаж О. Ростового о парижском архиве писателя Б.К. Зайцева, статья Н. Думовой “Сказка старого Арбата”, основанная на изучении переписки известной своим меценатством М.К. Морозовой с философом Е.Н. Трубецким, материалы о последних днях патриарха Тихона и о великом протодьяконе Константине Розове, о Музее П.А. Кропоткина, об Арбате писателя Юрия Казакова, впечатления петроградского историка И.М. Гревса об экскурсии по Остоженке. Статьи раздела “Арбатский путеводитель” – об улице книгопечатания, кинотеатров, торговли... Воспоминания художницы Киры Киселевой об ее учителе Н.П. Ульянове, статьи о математической республике “Лузитания” и ее президенте Н.Н. Лузине (по звукозаписям коллекции В.Д. Дувакина), о неофилологической библиотеке, из которой выросла Библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино, о репрессиях середины 1930-х годов и о Великой Отечественной войне, о знаменитой Флеровской гимназии, ставшей 110-й школой имени Фр. Нансена, и об энтузиастах, создававших еженедельник “Радио и телевидение”, беседы с певицей Ниной Дорлиак об Арбате послевоенных лет и с В.И. Головановым о проблемах сегодняшнего Арбата, информация о библиотеке русского зарубежья в Доме Цветаевой и рецензии на новые издания, хроника заседаний памяти знаменитых арбатцев – художника М.В. Нестерова, писателя М.А. Осоргина, профессора филолога Д.Н. Ушакова. В книге редкие фотографии, в том числе из семейных архивов и личных коллекций.

В.А. Бессонов

ЮБИЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ В “ГРАДСКИХ ВЕСТЯХ”

Еженедельная четырехполосная вкладка “Градские вести” появилась в популярной столичной газете “Вечерняя Москва” 23 сентября 1993 г. Однако вскоре это приложение стало выходить в два раза реже, и лишь накануне празднования 850-летия главного города России число его номеров вплотную приблизилось к сотне. На страницах издания опубликован целый ряд материалов, основательно затрагивающих московскую историческую тематику, рассказывающих о неизвестных, а порой и о курьезных моментах прошлого первопрестольной, о людях, оставивших в нем свой след, о письменных и материальных памятниках разных времен. Как правило, авторами выступают специалисты, работавшие с источниками, а также журналисты, знакомые с материалами, хранящимися в архивах и музеях, с проблематикой изучения развития культуры и хозяйства города, его топонимикой.

Всесторонне аргументированное мнение о дате основания поселения, ставшего столицей России, высказал В. Кучкин в статье “...И кто знал, что Москве государством слыть?” (30 ноября 1994 г.), перепечатанной в Италии. О некоторых версиях происхождения имени “Москва” говорилось в заметке Н. Митрофанова “И гордый внук славян, и финн думали о названии реки” (17 июня 1997 г.).

Большим интересом к познанию давней и не столь отдаленной жизни столичного города отмечены статьи и очерки О. Кузовлевой “Служить верно и нелицемерно” (о городской думе до 1917 г. – 24 ноября 1993 г.), Я. Малыкина “Голубой огонь в очаге” (1 марта 1995 г.), Я. Белицкого “Наша Аннушка” (22 марта 1995 г.), В. Козлова (“О смутьянах-пролетарях и подпольном спирте” (27 сентября 1995 г.), Н. Молевой “Гулянье с паровозом” (14 февраля 1996 г.), Г. Бройдо “Огни Москвы” и Н. Митрофанова “Блистание торжеств и их герои” (об истории московских иллюминаций – 21 августа 1996 г.), А. Фролова “Москва и москвичи в силуэтах Елизаветы Кругликовой” (23 сентября 1996 г.), Н. Митрофанова “Роилась Лубянская толкучка” (2 октября 1996 г.).

Темы невосполнимости утраченных богатств культуры, возрождения московского архитектурного наследия получили отражение в многочисленных работах означенного периода. Главным образом, это документальные очерки, знакомящие читателя с неизвестными источниками, с той или иной степенью публицистичности исследующие современное положение дел. К числу принадлежат работы Н. Молевой “Жемчужина истории в сумерках реконструкции” (о Цветном бульваре – 18 декабря 1995 г.) и “Как ни истребляй, что-нибудь останется”

(21 июня 1995 г.), Н. Митрофанова “Колочий песок миражей” (17 ноября 1993 г.) и “Кто послал их на смерть...” (6 апреля 1994 г.), Т. Калмыковой “Маринин дом” (19 апреля 1995 г.), С. Шокарева “Последнее пристанище Гоголя” (9 июня 1995 г.), Ю. Иванова “Трагедия храма” (19 июля 1995 г.), С. Шокарева “Воздвиженский особняк Шереметевых” (2 августа 1995 г.), Н. Митрофанова “Имя неудобное, зато место хорошее” (о церкви Евпла на Мясницкой улице) и “Века Иверской часовни” (17 августа 1995 г.), С. Розанова “Здесь мои душевные радости (о коллекционере И. Цветкове – 25 октября 1995 г.), А. Фролова “Какой пассаж – музей в Пассаже!” (20 марта 1996 г.), и “Покои особого назначения” (16 апреля 1997 г.), Н. Полунной “Московский Эрмитаж” (7 мая 1997 г.).

Острые проблемы отношения к памятникам истории, к заповедным местам столицы встречали адекватную реакцию “Градских вестей” (“ГВ”). В журналистских произведениях различных жанров подчеркивались конкретные нужды их реставраторов, создания условий для эффективного выполнения ими просветительских функций. Следует упомянуть следующие работы такого плана: М. Монина. “Судьба Лефортова под угрозой” (29 июня 1994 г.); В. Козлов. “Храм губернаторов” (5 октября 1994 г.); Н. Рутман. “Что имеем не храним” (14 декабря 1994 г.); Н. Молева. “Ссылный памятник” (6 марта 1996 г.) и “Будет ли у нас Соловьиный дом?” (22 марта 1996 г.). Автор последних выступлений, а также другие знатоки и энтузиасты арбатской темы впоследствии неоднократно доказывали на страницах “ГВ” необходимость возвращения памятника Н.В. Гоголю (изваяние скульптора Н.А. Андреева) на прежнее место на Пречистенском бульваре. Взявшись за тему защиты от разрешения известного Дома Черткова (Мясницкая, 7), “Градские вести” в течение последнего года напечатали около 10 материалов о нем, об усилиях по его спасению представителей рода Чертковых, проживающих в США и Франции, отечественной и зарубежной общественности (см. газету от 17 апреля, 19 июня, 24 июля, 6 сентября, 2 октября, 4 декабря 1996 г.) и от 14 января и 16 апреля 1997 г.).

Советский период истории Москвы наиболее обстоятельно отражался в “ГВ” (впрочем, как и самой “Вечерке”). Здесь можно выделить следующие публикации: Я. Малыкин. “Орел вернулся” (о продолжении традиций в создании орденов – (4 мая 1994 г.); Н. Митрофанов. “У двора его величества развитого безобразия” (10 августа 1994 г.); Е. Таранов. “Без хорошей столицы нет государства” (15 февраля 1995 г.); Ю. Каммерер. “Кто прикрывал столицу от бомб”

(1 марта 1995 г.); публикация М. Горина «Убежище от бомб и власти» (о метро в годы войны – 25 апреля 1996 г.). Уместно подчеркнуть тут, что в 1993–1997 гг. в «Градских вестях» и на их «базе» «Вечерней Москве» весьма доброжелательно относились к традиционной публикации исторических текстов. В их числе были напечатаны автограф И. Шмелева («Поклон Пушкину» – 6 июня 1994 г.), фрагменты дневников ветерана московской журналистики Н. Вержбицкого «Москва на фронтовом рубеже» (23 января 1995 г.), записка историка М. Погодина царю Николаю I («Взгляд на русскую политику» – 28 января 1994 г., публикация подг. А. Шавровым), фрагмент драмы М.Н. Тихомирова «Великое смятение», еще находившейся тогда в портфеле «Археографического ежегодника» (21 мая 1997 г.).

Среди работ краеведческого характера имеется немало таких, которые с большей или меньшей подробностью освещают биографии знаменитых москвичей: Н. Митрофанов. «Летописец московской жизни» (о В. Гиляровском, – 8 декабря 1993 г.), «От поисков пращура до подтверждения собственной смерти» (о запросах в архивы – 9 февраля 1994 г.), и «Звезда Карамзина» (12 июля 1994 г.); Н. Давыдова «В переулочках сходи в Трехпрудный» (18 декабря 1994 г.); Н. Зелов. «Искренно рад быть полезным» (о Л. Собинове – 18 января 1995 г.); Г. Бройдо.

«Я чувствовал надобность написать гимн величественный» (22 марта 1995 г.); С. Шокарев. «Европкин жил на Остоженке» (3 апреля 1995 г.); В. Новиков. «Петр Кропоткин против красного террора» (5 июня 1995 г.); С. Розанов. «Потомки казака Розума» (27 сентября 1995 г.); В. Ильин. «Губернатор-каторжник и его потомки» (о Ф. Соймонове – 15 ноября 1995 г.); И. Духин. «Знаменитые звоны рождали мастера на Балкане» (о колокололитейном предприятии П. Финляндского – 20 декабря 1995 г.); В. Песков. «Слово купеческое делом крепилось» (17 января 1996 г.); Р. Розанов. «Просто Шувалов» (14 февраля 1996 г.); Н. Митрофанов. «Стяжавший популярность трудами» (о В. Ключевском – 14 февраля 1996 г.) и «Долгожитель этажерок» (об издателе В. Рубане – 30 октября 1996 г.); и др.

В «Градских вестях» постоянно обсуждались вопросы организации подготовки и проведения юбилей столицы с учетом традиций, предложений деятелей науки, культуры и просвещения, планов городских властных структур. Значительный резонанс имели интервью С.О. Шмидта «Арбатский благовест» (18 октября 1993 г.) и «Интерес к Москве неодолим и вечен» (30 августа 1995 г.), материал В. Пескова «Якиманка в фокусе внимания» (17 мая 1996 г.), ряд других выступлений «Градских вестей».

Н.Н. Митрофанов

15 апреля 1997 г. исполнилось 75 лет председателю Археографической комиссии РАН Сигурду Оттовичу Шмидту. К этому времени удалось частично осуществить начинания, задуманные еще в связи 70-летием ученого, о котором сообщалось в АЕ за 1992 год (С. 342–346). В день рождения юбиляру привезли первый тираж книги “Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии” (613 с.), изданной РГГУ. Позднее там же издали и книгу “Археография, архивоведение, памятникведение”. Их содержание расписано в Списке печатных трудов С.О. Шмидта за 1992–1997 гг. (см. наст. изд.). Подписана корректура “Россия Ивана Грозного”. Еще в 1994 г., благодаря содействию администрации Пензенской области, в свет вышла книга “Мир источниковедения (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта)” (496 с.). В 1995 г., в связи с юбилеем руководимого С.О. Шмидтом студенческого кружка источниковедения в Историко-архивном институте, издан малым тиражом составленный С.М. Каштановым сборник кружкового юмористического “фольклора”: “Кружок источниковедения, 1950–1995. 13 апреля 1995 г.” (в котором много материала посвящено С.О. Шмидту).

По инициативе генерального директора АО “Московские учебники и картолитография” С.М. Линовича издали буклет “Сигурду Оттовичу Шмидту-75”. (В нем фрагменты статьи Д.С. Лихачева о С.О. Шмидте, перепечатанной до того в сборнике “Мир источниковедения”; информация “За пять лет” о деятельности юбиляра после 70-летия; стихотворный текст С.М. Каштанова к фотографиям.) Появились статьи (с фотографиями) в журналах и газетах. В журнале “Отечественные архивы” (1997. № 2. С. 31–34) – подборка “Учитель глазами учеников (к 75-летию С.О. Шмидта)”; редакционная вводка и тексты С.В. Чиркова, К.Е. Новохатского, Л.И. Шохина, Р.Б. Казакова; в Вестнике Омского университета (1997. № 1(3). С. 112–113) статья В.П. Корзун и В.К. Рыженко “Служитель и подвижник исторической науки: к 75-летию С.О. Шмидта”. В газетах напечатаны статьи: 15 апреля (*Шеваров Д.* Счастливы историк смутного времени // Комсомольская правда. С. 6; *Шеваров Д.* Счастливы историк “Смутного времени” // Первое сентября. С. 3; *Смирнов Я.* Академик Шмидт и “Ярославская старина” // Северный край. С. 4); 16 апреля (*Митрофанов Н.* Командор историков – в рубрике “Дитя Арбата”) // Вечерняя Москва. С. 4); 17–23 апреля (сообщение и поздравление в “Общей газете”. С. 2); 19 апреля (*Акиншин А., Ласунский О.* Принадлежит всей России

// Воронежский курьер. С. 4); 21 апреля (*Журавлев Н.* Профессор всея Руси // Новая газета. С. 24); апрель (сообщение о юбилее // Universum – газета РГГУ. 1997. № 2. С. 2; Поздравляем // На Арбате. 1997. № 1(5), апрель. С. 1); 5 мая (*Смирнов Ким.* 9 мая, у церкви, где венчался Пушкин // Новая газета. С. 22); 30 мая – 1 июня (Корифей науки и культуры – приветствие руководителя департамента культуры Пензенской области Е.С. Попова, фрагменты из сочинений С.О. Шмидта “О Пензе”, “О Ключевском”, “О краеведении” // Доброе утро. С. 1.).

Официальных извещений и пригласительных билетов на юбилейные мероприятия не было. 15 апреля утром С.М. Линович и Л.Ю. Ханукаева привезли юбиляру в подарок часть тиража буклета “Сигурду Оттовичу Шмидту – 75”, а и.о. председателя президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Н.К. Корольков и Г.И. Маличичева – удостоверение и значок Почетного члена Общества. 15 апреля был вторник – традиционный день присутствия всех сотрудников Археографической комиссии, возглавляемой С.О. Шмидтом уже около 30 лет. Сотрудники преподали ему изданный компьютерным способом по типографским правилам, с оформлением всех выходных данных, но... в одном экземпляре (что и было отмечено: “Тираж 1 экз. Без объявл.”) сборник “Юбилейная окрошка: И всерьез и понарошку...” (Сост. А. Лифшиц, 126 с. Москва, “Археографическая комиссия”, 1997). В нем следующие материалы: *Андрюшайтите Ю.В.* Филлиграноведение в деятельности Археографической комиссии (1968–1996); *Афиани В.Ю.* Венгерская революция 1956 г. и суэцкий кризис: взгляд советского руководства; *Долдобанова Н.А.* Из воспоминаний “осколки”; *Князевская О.А.* О подготовке нового издания Саввиной книги (РГАДА. Ф. 381. № 14); *Кобяк Н.А.* Библиейские цитаты в сочинениях митрополита Киевского и всея Руси Фотия; *Курносос А.А.* Из памяти...; *Лифшиц А.Л.* О некоторых проблемах и о втором южнославянском влиянии на русскую письменность; *Лобачева А.И.* Путеводитель как тип культурно-исторического издания; *Лохина Т.В.* К вопросу о семантике образа сыра в басне И.А. Крылова “Ворона и лисица”; *Мироненко М.П.* Шмидты в “Русском архиве”; *Морозов Б.Н.* Курбские-Крупские-Ленины-Морозовы. Или как иаити знаменитых предков в Археографической комиссии; *Морозов В.В.* Об авторе приписок к Царственной книге (квазиисторическая реконструкция); *Черных В.А.* Анна Ахматова о Борисе Пастернаке; *Чирков С.В.* МГАМИД в

* Ранее в этом журнале (1995. № 5. С. 23–32) напечатали статью: *Буганов В.И., Медушевский А.Н.* С.О. Шмидт-археограф, источниковед, архивовед.

декабре 1905 г.; *Шеломанова Н.Б.* Материалы о “лутчих людях” Стояновых в московской Казенной слободе во второй половине XVII в.; Наши публикации: *Лохина Т.В.* “Скажи мне, над чем ты смеешься...” (Из ироничных выписок в рукописных сборниках начала XIX в.); *Кобяк Н.А.* Результаты полевой археографии в устном народном творчестве; *Лишищ А.Л., Лохина Т.В.* Песня историка.

В Археографическую комиссию пришли с приветственными адресами руководители институтов РАН (российской истории и славяноведения и балканистики), соученики С.О. Шмидта по университету (Ю.А. Поляков, Е.В. Чистякова и др.), коллеги по Институту истории (в котором он работает с конца 1956 г.). В адресе Института славяноведения, прочитанном директором В.К. Волковым, особо отмечалось значение деятельности Археографической комиссии и ее изданий, а председатель Комиссии охарактеризован как “главный хранитель исторического наследия российской истории, исторической памяти России”. Стилистика полученного всеми присутствующими буклета, сборника Комиссии (из которого В.А. Черных зачитал некоторые прозаические и стихотворные цитаты), сочиненного А.А. Курносковым «Антигоста» академику С.О. (вопреки льстецам)», т.е. черты характерные для юбилеев студенческого кружка источниковедения, определили и далекий от официальности тон выступлений.

18 апреля в ИАИ РГГУ состоялась научная конференция “Источниковедение, краеведение и культура России”, посвященная юбилею. Ее организаторы – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (преподавателем которой С.О. Шмидт стал 1 февраля 1949 г.) и недавно основанная по его инициативе кафедра региональной истории и краеведения. После вступительного слова директора ИАИ А.Б. Безбородова и заглавного доклада юбиляра “Источниковедение и краеведение в культуре России” с докладами на пленарном заседании выступили С.М. Каштанов (“История и краеведение”), Е.В. Старостин (“Методология истории архивов: Периодизация”), Н.И. Михайлова (“Источниковедение и изучение истории русской литературы: на примере создания Онегинской энциклопедии”), В.Ю. Афиани (“Хрущев и Академия наук: источники по взаимоотношению власти и науки”), К.А. Шишов – Челябинск (“Краеведение – основа провинциальной культуры”), А.Д. Степанский («Проблемы археографии на страницах “Археографического ежегодника»»), А.Б. Каменский (“Некоторые проблемы истории России XVIII в. в трудах С.О. Шмидта”), Т.И. Хорхордина (“С.О. Шмидт об историко-архивном образовании”). Пространную речь произнес ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев; в части, где говорилось о прошлом и настоящем Историко-архивного института, это была речь программного характера; приветствовал юбиляра и декан факультета истории, политологии и права А.П. Логунов. Во второй половине дня состоялись заседания секций “Источниковедение и

смежные с ним дисциплины” и “Краеведение и памятниковедение”, где с докладами и сообщениями выступили специалисты из различных учреждений Москвы, Петербурга, Казани, Твери, Ярославля. Издательство РГГУ намерено издать книгу “Источниковедение и краеведение в культуре России”, куда будут включены тексты докладов и сообщений на конференции, а также материалы, полученные от авторов из Москвы и других городов России, ближнего и дальнего зарубежья.

В субботу 19 апреля в актовом зале ИАИ РГГУ, где уже не одно десятилетие занятия первокурсников начинаются вводной лекцией С.О. Шмидта и где второй год он читает новый спецкурс “Арбат в истории и культуре России”, собрались друзья, ученики, коллеги юбиляра из Москвы и других городов. Председательствовал В.Ф. Козлов. Вначале было предоставлено слово самому С.О. Шмидту. Его выступление и жанровые особенности буклета, который могли получить присутствующие, настраивали на неофициальный лад, адреса (а их было немало) не зачитывались. Уже первые выступавшие – руководитель архивной службы России В.П. Козлов, директор Государственного Исторического музея А.И. Шкурко, заместитель директора Музея А.С. Пушкина Н.И. Михайлова, директор Института культурного и природного наследия Ю.А. Веденин смогли найти дружественный, близкий к стилю капустника тон, которого старались придерживаться и последующие выступающие: использовали и стихотворную (С.М. Каштанов) и певческую (В.М. Магидов) формы. В соответствующем стиле были составлены и некоторые коллективные, со многими подписями адреса: от “учеников и коллег” с кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков ИАИ РГГУ; из редакции Большой Российской энциклопедии, из “С Покровки – с любовью”, – там отмечено, что в “доме энциклопедистов” С.О. Шмидта “знают так же хорошо и любят так же крепко, как и в Вашем родном Арбате” (Шмидт – давний автор статей, редактор в разных энциклопедиях; о нем статьи в нескольких энциклопедиях.)

Выступали коллеги юбиляра по аспирантуре в МГУ (Л.М. Зак) и работе в аспирантуре у М.Н. Тихомирова (Ш.Ф. Мухамедьяров), руководители центральных архивов, ВНИИДАД, журнала “Отечественные архивы”, музеев, кафедр ИАИ РГГУ, от Министерства культуры РФ, вузов Вологды, Казани, Твери, Тулы, Ярославля, член президиума Российского фонда культуры К.А. Шишов из Челябинска (где был учрежден в апреле 1990 г. Союз краеведов России и С.О. Шмидт избран его председателем), от Археографической комиссии, редакций журналов и газет. Среди выступавших много прямых учеников (дипломников, аспирантов) С.О. Шмидта: некоторые приехали специально в гости к юбиляру (как К.Е. Новохатский из Киева, М.Ф. Шумейко из Минска).

Получено было много поздравительных адресов, телеграмм, писем, не говоря уже о теле-

фонных звонках: от А.В. Петровского – президента Российской академии образования, членом которой является С.О. Шмидт, от академика-секретаря Отделения истории РАН А.А. Фурсенко, С.П. Карлова – декана исторического факультета Московского университета, где С.О. Шмидт был студентом и аспирантом. Д.С. Лихачев поздравил “крупнейшего ученого и педагога, возродившего историческую культуру краеведения и источниковедения в нашей стране”. В адресе главы администрации Пензенской области А.Ф. Ковлягина отмечено: “Особую признательность россиянам, живущих не в столицах (а это – подавляющее большинство народа), вызывают Ваши усилия по изучению и научному подтверждению значимости роли провинции в истории России и ее культуры. Этому были посвящены и многие из возглавляемых Вами Всесоюзных и Всероссийских научных конференций, в том числе о Пензе, о чем мы с благодарностью вспоминаем”.

Поступили приветствия от Министерства культуры РФ, руководителей архивной службы России и Украины В.П. Козлова и А.В. Киструской, центральных архивов, ВНИИДАД, отделений Археографической комиссии и археографических центров, директоров музеев Москвы, с которыми С.О. Шмидт сотрудничает и как член ученых советов (Исторического, Московского Кремля, Истории Москвы, Литературного, Дома Герцена, Дома Цветаевой), председателей Российского фонда культуры Н.С. Михалкова и Московского фонда культуры А.Я. Степановой, краеведческих объединений, правления общества “Мемориал”, вузов, издательств, редколлегий серии “Литературные памятники”, журналов “Отечественные архивы” и “Наше наследие” (членом которых является С.О. Шмидт), многих отечественных и зарубежных ученых, архивистов из разных городов, учеников и соучеников по школе и вузу. Вероятно, образу жизни С.О. Шмидта в наибольшей мере соответствует лаконичная формулировка пожелания в телеграмме В.Н. Середы из Твери: “Трудов и забот Вам еще на много, много дней”.

В приветствиях особо выделяется роль С.О. Шмидта в изучении прошлого Москвы, преданность московской теме (еще аспирантом в 1947 г. он выступал с лекциями о Москве; первая

его газетная статья – “Основатель Москвы – Юрий Долгорукий”, эта статья 1947 г. перепечатана в 1996 г. в альманахе “Московский архив”), значение его деятельности в распространении знаний по истории Москвы (он был заместителем председателя оргкомитета мэра Москвы по празднованию в 1993 г. 500-летию Арбата, С.О. Шмидт – главный редактор энциклопедии “Москва”, альманаха “Арбатский архив”, заместитель председателя редакционного совета Библиотеки “История Москвы с древнейших времен до наших дней”, председатель Методического совета по москвоведению Московского департамента образования, научный руководитель недавно образованного Центра по краеведению и москвоведению в РГГУ, член Художественного совета при правительстве Москвы по подготовке празднования 850-летия города).

Начальник объединения “Мосгорархив” А.С. Киселев поздравляет “самого истинного москвича, самого тонкого знатока московской истории, самого крупного ее летописца”. В адресе ректора Московского городского педагогического университета В.В. Рябова отмечено: «С Вашим именем связано возрождение краеведения России и, особенно, краеведения Москвы. Любовь к Москве, которую Вы знаете как никто другой, к москвичам, составившим славу России, к московским домам и улицам неизменно присутствует в Ваших книгах и выступлениях. Вы – первый задумали и начали публикацию очерков не только по истории Москвы, но и о москвоведении. Вы были первый в определении значения краеведения Москвы и для развития исторической науки, и для возрождения чувства патриотизма, любви к “малой Родине”. Цикл Ваших лекций по истории Арбата стал примером, достойным подражания для всех, кто преподает и изучает краеведение Москвы». О любимом школьном учителе Сигурда Оттовича И.И. Зеленцове, о котором (как и о своем главном университетском учителе М.Н. Тихомирове) он не раз писал, напомнила телеграмма журналистов Татьяны Яковлевой и Кима Смирнова: “Достойнейшего ученика Ивана Ивановича поздравляем юбилеем, восхищаемся, учимся, благодарим за уроки истории и жизни”.

В связи с изданием юбилейного буклета поздравления продолжают приходиться и по сей день.

ЮБИЛЕЙ НАШЕЙ КЛАВДИИ ИВАНОВНЫ

23 мая 1997 года – юбилейный день Клавдии Ивановны Савиной, начавшей работать в Археографической комиссии с 1970 г. и сохраняющей с ней самые близкие взаимосвязи и после ухода на пенсию. Клавдия Ивановна не имеет подписанных ее именем печатных трудов, хотя созданный ею очерк о своей тяжелой болезни и о лечении в Онкологическом институте им. П.А. Герцена несомненно свидетельствует не только о замечательно точной памяти автора, но и о литературном даре.

До начала работы в Археографической комиссии уроженка подмосковного села Колычево, близ Горок Ленинских, прошла фронт-овой путь, работала в учреждениях юридического профиля, в Институте истории, где принимала участие в подготовке к печати даже таких сложных памятников письменности, как древ-

нерусские летописи и разрядные книги. В Археографической комиссии Клавдии Ивановне обязаны не только действенной помощью в подготовке к печати “Археографических ежегодников”, трудов основателя Комиссии академика М.Н. Тихомирова и других изданий, но и организацией системы делопроизводства Комиссии и, главное, тем, что она как никто другой способствовала созданию рабочей и благожелательной творческой трудовой атмосферы. Благодарность Клавдии Ивановне Савиной (Безродной) встретим и на страницах предисловий к книгам и других сотрудников Академии наук и выпускников и преподавателей Историко-архивного института.

Пожелаем же нашему другу, Клавдии Ивановне, чтобы неизменной бодрости духа соответствовало и состояние ее здоровья.

60-ЛЕТИЕ В.И. ВАСИЛЬЕВА

22 апреля 1997 г. исполнилось 60 лет видному книгоиздателю и полиграфисту, историку и теоретику научного книгоиздания, генеральному директору Академического научно-издательского, производственно-полиграфического и книгораспространительного центра РАН «Издательство “Наука”», советнику президента РАН по издательской деятельности, академику Международной академии информатизации, заслуженному работнику культуры Российской Федерации, профессору Владимиру Ивановичу Васильеву.

Публикаторы и исследователи старинных рукописей и современных исторических документов хорошо понимают, насколько археографическая и текстологическая культура тесно связана с полиграфической культурой, как сильно результаты работы археографа и текстолога, научное качество подготовленных ими изданий сложных исторических и литературных текстов зависят от издательской техники, от полиграфии.

Многолетняя научная, преподавательская и практическая деятельность В.И. Васильева как

раз и направлена на обеспечение высокого качества научных изданий вообще и публикаций письменных памятников и культуры – в частности. Этой благородной задаче посвящены его многочисленные научные труды (он автор и соавтор 10 монографий, более 150 научных и печатных работ), изобретения и рационализаторские предложения¹, этому учит он студентов Московского государственного университета печати.

Члены и сотрудники Археографической комиссии РАН, члены редколлегии и авторы “Археографического ежегодника” и других изданий комиссии глубоко признательны В.И. Васильеву и работающим под его руководством редакторам издательства “Наука” за постоянное просвещенное внимание и поддержку, благодаря которым труды Археографической комиссии издаются на высоком научном и полиграфическом уровне, успешно распространяются и пользуются устойчивым авторитетом в нашей стране и далеко за ее пределами.

¹ См.: Владимир Иванович Васильев: Краткий очерк научной и педагогической деятельности. М., 1997.

**АНДРЕЙ
ДМИТРИЕВИЧ
ЗАЙЦЕВ
(1951–1997)**

8 марта 1997 г. внезапно оборвалась жизнь члена Археографической комиссии, историка, энциклопедиста, книгоиздателя, архивиста, замечательного человека Андрея Дмитриевича Зайцева.

А.Д. Зайцев родился в Москве 17 января 1951 г. В 1973 г. он окончил Московский историко-архивный институт. Уже в студенческие годы в кружке под руководством С.О. Шмидта проявил себя вдумчивым и талантливым исследователем. С 1973 г. Зайцев работал в ЦГАЛИ, был научным сотрудником, заместителем заведующего, затем заведующим отдела публикаций. Он был одним из инициаторов подготовки "Путеводителя по фондам ЦГАЛИ СССР" и альманаха "Встречи с прошлым", в котором напечатал ряд статей по истории культуры и книгоиздательского дела Москвы в XIX в. Тема Москвы занимала в исследованиях Андрея Дмитриевича особое место. В 1982 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1989 г. издал монографию, посвященную знаменитому москвичу – историографу, археографу и библиографу П.И. Бартевеву, в которой исследована его деятельность издателя журнала "Русский архив" и составителя библиографических указателей к "Московским литературным и ученым сборникам" (за 1846–1847), журналу "Москвитянин" и др.

В 1988 г. Андрей Дмитриевич перешел на работу в научное издательство "Советская энциклопедия" (с 1992 г. – издательство "Большая Российская Энциклопедия"). В 1988–1995 гг. он возглавлял редакцию Отечественной истории, а с 1991 г. был членом Научно-редакционного совета этого издательства. В сложное переломное время он успешно начал подготовку многотомного энциклопедического издания "Отечественная история".

А.Д. Зайцеву удалось выпустить в свет первый том этой книги (1994), сразу нашедшей своих читателей. Жизненные обстоятельства сложились так, что в 1995 г. Андрей Дмитриевич ушел из издательства, но продолжал принимать деятельное участие в подготовке второго тома "Отечественной истории" (1996), в других энциклопедических проектах. Плодотворным было и его сотрудничество с РГАЛИ и Археографической комиссией РАН. Андрей Дмитриевич был в числе инициаторов издания и членом редколлегии альманаха "Русский архив", продолжающего исследовательские и публикаторские традиции "Русского архива" Бартевева. Он – один из разработчиков и редакторов русской версии международного издания "Хроника человечества" (1996).

Андрей ушел от нас полный нерастроченной энергии, замыслов и идей. Он любил и умел работать. Без работы Андрей уставал. Именно поэтому ему так много удалось сделать в своей жизни, которая оказалась так безжалостно коротка.

После него остались десятки статей и публикаций, к которым еще долго будут обращаться профессиональные историки и все те, кто интересуется историей своего Отечества.

Андрей был замечательным семьянином, мужем и отцом, надежным и верным другом. У него было много планов и проектов, которые он, обладая недюжинным талантом организатора, особым даром привлекать и увлекать за собой людей, надеялся осуществить в будущем.

Не получилось... Пусть же памятью о нем станут новые книги, новые замыслы и идеи. А в сердцах и душах всех, кто его знал, Андрей Дмитриевич, Андрей, Андрюша будет жить всегда.

В.М. Карев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
АЕ	– "Археографический ежегодник"
АК	– Археографическая комиссия
АРАН	– Архив Российской Академии наук
БСЭ	– "Большая советская энциклопедия"
ВА	– "Вопросы архивоведения"
ВАН	– "Вестник Академии наук СССР"
ВЕ	– "Вестник Европы"
ВИ	– "Вопросы истории"
ВИД	– "Вспомогательные исторические дисциплины"
ВМУ	– "Вестник Московского университета"
ВНИИДАД	– Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАОО	– Государственный архив Орловской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	– Государственный архив Тульской области
ГАУ	– Главное архивное управление СССР
ГАЯО	– Государственный архив Ярославской области
ГБЛ	– Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина
ГИЗ	– Государственное издательство
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЛМ	– Государственный литературный музей
ГПИБ	– Государственная историческая библиотека России
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ЗОР ГБЛ	– "Записки отдела рукописей ГБЛ"
ИА	– "Исторический архив"
ИАИ	– Историко-архивный институт РГГУ
ИВ	– "Исторический вестник"
ИЗ	– "Исторические записки"
ИМЛИ	– Институт мировой литературы РАН
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
ИСССР	– "История СССР"
ЛЗАК	– "Летопись занятий Археографической комиссии"
ЛИТО	– Литературно-издательский отдел Наркомпроса
ЛН	– "Литературное наследство"
МАКИД	– Московский архив Коллегии иностранных дел
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МАО	– Московское археологическое общество
МГАМИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	– Московский государственный университет
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МОИДР	– см. ОИДР

НВА ГИМ	– Научно-ведомственный архив ТИМ
НИМЦ УГКОИП	– Научно-исследовательский методический центр Управления Госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры
НЛО	– "Новое литературное обозрение"
ОА	– "Отечественные архивы"
ОГИЗ	– Объединение государственных издательств
ОИДР	– Общество истории и древностей Российской при Московском университете
ОЛДП	– Общество любителей древней письменности
ОЛРС	– Общество любителей российской словесности
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОР ИМЛИ	– Отдел рукописей Института мировой литературы РАН
ОР РГБ	– Отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	– Отдел рукописей и редких книг РНБ
ПГУ	– Педагогический государственный университет
ПД	– Пушкинский Дом
ПСЗ	– "Полное собрание законов Российской империи"
ПСРЛ	– "Полное собрание русских летописей"
РА	– "Русский архив"
РАН	– Российская Академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	– Российская Академия образования
РБС	– "Русский биографический словарь"
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РИМ	– Российский исторический музей
РИО	– Русское историческое общество
РНБ	– Русская национальная библиотека
РО ИРЯ	– Рукописный отдел Института русского языка РАН
РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СВ	– "Средние века"
СИЭ	– "Советская историческая энциклопедия"
ТГИМ	– "Труды ГИМ"
ТОДРЛ	– "Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ"
ФОН МГУ	– Факультет общественных наук МГУ
ЦАНТД	– Центральный архив научно-технической документации
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАМО	– Центральный государственный архив Московской области
ЦГАНХ	– Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции социалистического строительства
ЦГАСА	– Центральный государственный архив Советской Армии
ЦГЛА	– Центральный государственный литературный архив СССР
ЦИАМ	– Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМ	– Центральный муниципальный архив Москвы
ЦХСД	– Центр хранения современной документации
ЧОНДР	– "Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете"

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С.О. Шмидт.</i> От редактора.....	5
--------------------------------------	---

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

125-летие Исторического музея

<i>С.О. Шмидт.</i> Исторический музей и его сотрудники в науке и просвещении России	7
<i>А.А. Смирнов.</i> Собрание Севастопольского отдела – основа фондов Исторического музея.....	18
<i>Т.В. Дианова.</i> Традиции и преемственность: Отделу рукописей и старопечатных книг ГИМ – 85 лет.....	25
<i>А.Д. Яновский.</i> Отдел письменных источников ГИМ. 1987–1996.....	34
<i>М.В. Катагощина.</i> Судьба неизданных рукописей И.Е. Забелина о Москве (1910–1990-е годы).....	40
<i>А.И. Станкевич.</i> Воспоминания (подгот. Н.Л. Зубова).....	44
<i>М.Н. Тихомиров.</i> Исторический музей. Воспоминания (подгот. С.О. Шмидт).....	68

200-летие архивов Москвы

<i>Ю.А. Поляков.</i> Архивы – золотая кладовая исторической науки.....	77
<i>В.Ф. Козлов.</i> Объединение "Мосгорархив" к юбилею Москвы.....	80
<i>А.А. Кац.</i> Центральный архив документальных коллекций Москвы – первый московский архив документов личного происхождения.....	86
<i>З.П. Иноземцева.</i> Документы Центрального архива общественных движений Москвы – источник изучения общественного сознания.....	89

* * *

<i>В.Б. Перхавко.</i> Ермолины-Дмитриевы и рукопись "Хождения за три моря" Афанасия Никитина.....	92
<i>Э. Вайер</i> (Фрайбург). Великие Минеи Четьи в кругу московских политических, идеологических и культурных традиций.....	96
<i>Дж. Д'Амато</i> (Генуя). Город Москва в восприятии итальянского читателя XV–XVI веков.....	103
<i>С.М. Каштанов.</i> На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI века).....	107
<i>В.С. Кусов.</i> Три новых русских чертежа московских земель XVII века.....	120
<i>М.П. Мохначева.</i> Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета (1840–1860-е годы).....	128
<i>В.Г. Бухерт.</i> О проекте создания исторического атласа Москвы (1879–1880).....	140
<i>С.Д. Воронин.</i> К истории "Книгоиздательства писателей в Москве".....	144
<i>В.Ю. Коровайников.</i> "Анкета участника Октябрьского переворота" как зеркало третьей российской революции в Москве.....	154
<i>Я.В. Леонтьев.</i> Политический Красный Крест в Москве: опыт источниковедческого анализа.....	159
<i>С.В. Журавлев.</i> Дневники московских метростроителей 1930-х годов как историко-культурный феномен.....	166

<i>В.Ф. Козлов.</i> Московведение в начале XX века	172
<i>Г.Д. Злочевский.</i> Чтобы не прерывалась связь времен (Общество изучения русской усадьбы в прошлом, настоящем, будущем)	177
<i>В.А. Любартович.</i> Забытый историк Басманной слободы священник В.Д. Цветков	188
<i>Н.Н. Розанова.</i> "Почетный гражданин кулисы..." (Г.О. Винокур – исследователь русского сценического произношения)	196
<i>Н.И. Харькова (Савкова).</i> Его звали Игорь Савков.....	202
<i>Н.В. Александрова.</i> А.А. Демская – археограф и историк Государственного музея изобразительных искусств.....	215
<i>И.В. Барышева.</i> Андрей Чеславович Козаржевский – москвовед.....	218
<i>В.В. Леонидов.</i> Александр Цветков (Вадимов) и его книга о Н.А. Бердяеве.....	223
<i>А.С. Покровский.</i> Уникальная коллекция москвича В.И. Крылова.....	229

**Тихомировские чтения 1997 года
"Архивы Москвы: прошлое и настоящее"**

<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово	233
<i>С.В. Чирков.</i> Летописи архива в Колпачном переулке.....	236
<i>В.Г. Бухерт.</i> Архив на Воздвиженке	242
<i>Л.И. Шохин.</i> Архив на Девичьем поле.....	254
<i>В.А. Черных.</i> Прошлое и настоящее архивов и рукописных хранилищ Москвы на страницах "Археографических ежегодников".....	263

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А.В. Работкевич.</i> Архивные документы по истории московского Страстного монастыря	266
<i>А.А. Чететкин.</i> Материалы фонда Московского кафедрального Чудова монастыря (1861–1917)	273
<i>А.И. Еремин (Орел).</i> Из жизни московского гимназиста в начале XX века (письма в провинцию)	278
<i>С.А. Чететкин.</i> Материалы о преподавании отечественной истории в государственных классических гимназиях Московского учебного округа в начале XX века	283
<i>О.Г. Простаков.</i> Хозяйка московского салона (О воспоминаниях Н.А. Гольцевой "Забытое прошлое").....	285
<i>А.В. Антощенко (Петрозаводск).</i> Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П.Г. Виноградова	289
<i>Ю.М. Зыбалов.</i> Письма Б.К. Зайцева к Г.И. Чулкову.....	299
<i>М.А. Реформатская.</i> С.С. Прокофьев в восприятии москвичей-меломанов.....	304
<i>Г.С. Баранкова.</i> Материалы Московского лингвистического кружка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.....	309
<i>Б.А. Томан.</i> Москва в постановлениях Государственного Комитета Обороны.....	318
<i>Я.Е. Смирнов (Ярославль).</i> Московский дневник М.И. Смирнова периода Великой Отечественной войны	326
<i>Т.Д. Рюмина.</i> Архив москвовед П.Н. Миллера в ОПИ ГИМ	334
<i>С.Б. Филимонов (Симферополь).</i> Малоизвестные печатные труды московских краеведов 1920–1930-х годов.....	346
<i>А.В. Мельников.</i> Неизданная работа А.Н. Сперанского об исторической науке в Московском университете.....	352
<i>С.О. Шмидт.</i> Переписка Н.П. Кончаловской и М.Н. Тихомирова	359
<i>А.А. Курносков.</i> Сборник "Москва военная".....	364

<i>С.Ю. Шокарев. Книга о средневековых надгробиях Москвы</i>	368
<i>М.А. Полякова. Сборник статей, посвященный Московским усадьбам</i>	371
<i>А.Л. Гришунин. Книга о московских литературных архивах</i>	373
<i>М.Б. Горнунг, С.В. Зверев. Некрополь историков и краеведов Москвы</i>	374
Список печатных трудов С.О. Шмидта за 1993–1997 гг. (подгот. Р.Б. Казаков).....	378
Список печатных трудов В.А. Черных.....	385

III. ПУБЛИКАЦИИ

Грамоты из архива Московского Архангельского собора (подгот. С.М. Каштанов, О.И. Хоруженко)	390
Англичане в Москве времен Бориса Годунова (по документам посольства Т. Смита, 1604–1605 годов) (подгот. М.С. Арел (Провиденс, США), С.Н. Богатырев (Хельсинки, Финляндия)	439
Дуэль в Московии 1637 года (подгот. Ю.М. Эскин).....	456
Авторское оглавление к "Современным запискам и воспоминаниям" А.Я. Булгакова (подгот. и сост. именной указатель С.В. Шумихин).....	463
Учено-литературная Москва в конце 1866 и начале 1867 года по записям П.П. Печкарского (подгот. Л.И. Бучина (Санкт-Петербург))	535
Граф С.Д. Шереметев о коронации Александра III в Москве (подгот. Л.И. Шохин)	546
Воспоминания С.В. Бахрушина о Московском Художественном театре (подгот. А.М. Дубровский (Брянск))	556
Два письма А.В. Луначарского перуанскому политику (подгот. А.В. Елпатьевский)	561
Брюсовский институт. Воспоминания Б.И. Пуришева (подгот. И.Б. Пуришев, предисл. С.О. Шмидта)	565
Из воспоминаний А.Б. Закс об экскурсионно-методической работе в Москве 20-х годов (подгот. Е.И. Розенталь).....	581
Неопубликованная рукопись Н.П. Чулкова "Грузины-Нижние" (подгот. Л.В. Иванова)	607
В поиске "свидетеля" (Б.С. Земенков "Работа над мемориальным памятником") (подгот. Д.А. Ястржембский)	623
Из литературного наследия М.Н. Тихомирова (подгот. С.О. Шмидт).....	636
Великое смятенье	638
Соломонида	665

IV. ХРОНИКА

<i>М.П. Мироненко, Т.В. Лохина. Деятельность Археографической комиссии в 1997 году. Новые издания Археографической комиссии</i>	676
<i>И.А. Гузеева, В.Б. Муравьев. Хроника заседаний Комиссии "Старая Москва"</i>	678
<i>Д.Г. Юрасов. Биографика москвичей (по материалам картотек Д.И. Бондаренко и Д.Г. Юрасова)</i>	681
<i>В.А. Бессонов. Альманах "Арбатский архив"</i>	684
<i>Н.Н. Митрофанов. Юбилей российской столицы в "Градских вестях"</i>	685
75-летие С.О. Шмидта	687
Юбилей нашей Клавдии Ивановны.....	690
60-летие В.И. Васильева	691
<i>В.М. Карев. Андрей Дмитриевич Зайцев (1951–1997)</i>	692
Список сокращений	693

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
за 1997 год**

Утверждено к печати
Археографической комиссией,
при Отделении истории РАН

Книга отредактирована сотрудниками редакций
"Наука-история", "Наука-культура",
"Наука-экономика, философия, право"
В ряде материалов сохранена авторская редакция

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Н.Л. Голубцова, Н.П. Круглова,*
Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 07.08.97
Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 57,2. Усл.кр.-отт. 58,2. Уч.-изд.л. 64,03
Тип. зак. 2065

Издательство "Наука"
Г17864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Московская типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГИ:**

ЗИМНЯЯ ВОЙНА 1939–1940 гг.

Политическая история. В 2 книгах. – 55 л.

Труд подготовлен российскими и финляндскими историками в рамках совместного проекта Российской академии наук и Исторического общества Финляндии. В первой книге изложены результаты научных исследований, охватывающих широкий круг проблем: генезис советско-финляндской войны; ее взаимосвязь с возникновением второй мировой войны; политика и стратегия сторон в советско-финляндской войне; влияние войны на внутреннее и внешнеполитическое положение двух государств; итоги войны и их место в событиях, которые привели к нападению Германии на СССР. Вторая – представляет собой публикацию новых документов из фондов российских архивов – стенограммы "Совещания при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 года".

Для широкого круга читателей.

Публикация наиболее значимых документов Коминтерна, касающихся Латинской Америки, осуществляется впервые. В томе представлены архивные документы 1919–1941 гг., характеризующие не только общее руководство Коминтерном коммунистическим движением в регионе, но и конкретные аспекты и разнообразные формы его связей с компартиями отдельных стран. Издание сопровождается объемной вступительной статьей, комментариями, биографиями лиц, участвовавших в деятельности Коминтерна в Латинской Америке, и их псевдонимами.

Для историков и широкого круга читателей.

ИСТОРИЯ ДАНИИ. XX ВЕК. – 35 л.

Книга является продолжением выпущенной в 1996 г. "Истории Дании с древнейших времен до XX века". Она охватывает датскую историю с 1900 г. до наших дней. В центре внимания исследователей – процесс модернизации экономики Дании, ее превращение из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну, формирование классов и партий, социальной структуры общества. Большое внимание уделено складыванию гражданско-правового общества, эволюции института монархии и созданию демократической политической системы, формированию датской модели "государства всеобщего благосостояния" и особой роли социал-демократической партии в этом процессе.

Для историков и широкого круга читателей.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Пролог XX века. – 44 л.

Книга отражает современный уровень изучения первой мировой войны 1914–1918 гг., ее генезис и влияние на ход цивилизационного развития и мировую политику, а также ее итоги и последствия. Авторы впервые вводят в научный оборот уникальные архивные источники, переосмысливают устоявшиеся представления, выступают с оригинальными трактовками и гипотезами. Книга выходит к 80-летию окончания войны.

Для историков и широкого круга читателей.

РОССИЯ И США.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. 1918–1939.
Сборник документов. – 32 л.

Основное содержание книги – уникальные и оригинальные документы, многие из которых более полувека оставались не известны общественности и не доступны исследователям. Все они расширяют и изменяют наши представления о характере экономических и торговых контактов между двумя странами в годы непризнания. В сборнике документально раскрывается механизм принятия союзным правительством важных решений по российско-американским отношениям, показывается активное участие в этом руководителей государства: И.В. Сталина, А.И. Рыкова, Л.Б. Красина, А.И. Микояна, А.П. Розенгольца, Г.В. Чичерина, М.М. Литвинова – и прослеживаются расхождения в их подходах и взглядах на отдельные проблемы. Книга актуальна в связи с установлением и развитием рыночных отношений и предпринимательской деятельности в нашей стране, а также с расширением экономических отношений с США.

Для историков, научной общественности, предпринимателей и всех интересующихся историей отношений между Россией и США.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины – "Книга–почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга–почтой"); 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); 664003 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга–почтой"); 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский проспект, 12; 630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 5086; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга–почтой"); 142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга–почтой"); 443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

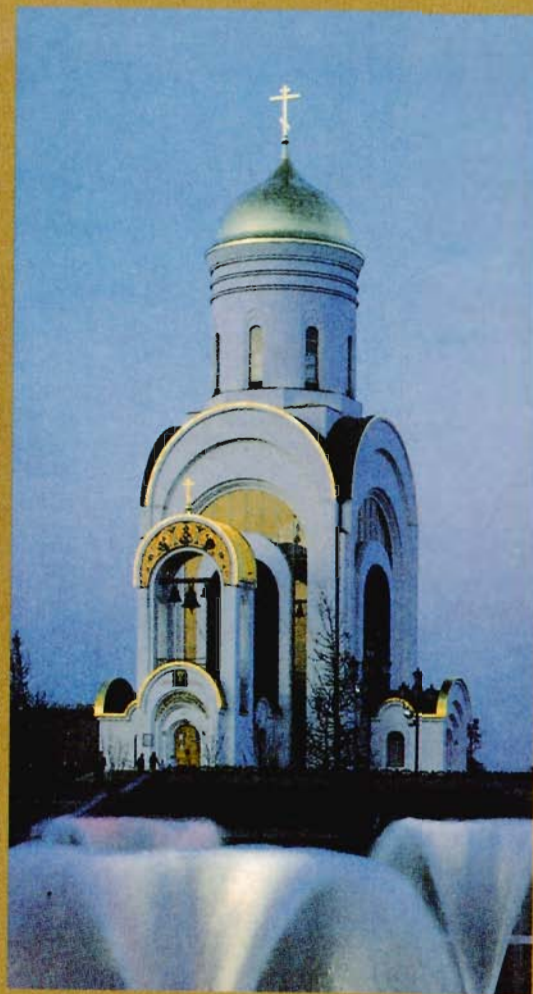
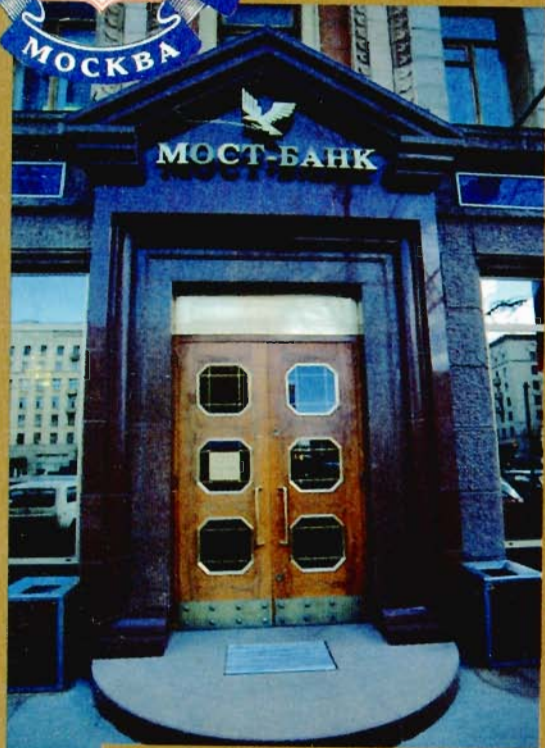
Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 Казань, ул. Достоевского, 53

АРХЕОГРА
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1997

АРХЕОГРА
ФИЧЕСКИ
ЕЖЕГОДНИ

1997